

FEDERAL AGENCY OF SCIENTIFIC ORGANIZATIONS
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF SIBERIAN BRANCH OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY OF SIBERIA AND NEIGHBORING TERRITORIES

Volume XXIII
(2017)

NOVOSIBIRSK
IAET SB RAS Publishing
2017

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Том XXIII
(2017)

НОВОСИБИРСК
Издательство ИАЭТ СО РАН
2017

ББК 63.4+63.5
П781

Издание основано в 1995 году

Утверждено к печати
Ученым советом ИАЭТ СО РАН

Редакционная коллегия

академик РАН *А.П. Деревянко* (главный редактор),
академик РАН *В.И. Молодин* (зам. главного редактора),
чл.-кор. РАН *М.В. Шуньков* (зам. главного редактора),
канд. ист. наук *О.И. Новикова* (ответственный секретарь),
д-р ист. наук *А.В. Бауло*, канд. ист. наук *А.Е. Гришин*,
д-р ист. наук *Е.И. Деревянко*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*
Т.Р. Бурдаева (технический секретарь)

Рецензенты

д-р ист. наук *С.А. Васильев*, д-р ист. наук *А.А. Тишкин*, д-р ист. наук *Н.А. Томилов*

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – 556 с.

П781

Очередной том ежегодника «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий» содержит статьи, в которых представлены результаты новейших исследований по основным направлениям деятельности Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Среди авторов – известные и молодые ученые из российских и зарубежных академических и университетских научных центров.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии, этнографии, антропологии.

ББК 63.4+63.5

Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. – Vol. XXIII. – 556 p.

The current volume of the annals *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories* contains articles presenting the results of the most recent research in the main areas of work of the Institute Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Among the authors are both well-known and young scientists from Russian and foreign academic and university scientific centers.

The issue is intended for specialists in archaeology, ethnology, and anthropology.

© ИАЭТ СО РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

УДК 551.891(235.222)+903.32

А.К. Агаджанян[1, 2], М.В. Шуньков[1], М.Б. Козликин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
E-mail: aagadj@paleo.ru

Новые данные по мелким позвоночным из восточной галереи Денисовой пещеры

Всего проанализировано более 17 тыс. костей и зубов из слоев 17.1, 15–11.1 и 9. Исследование показало, что на протяжении всей истории формирования осадков в восточной галерее пещеры в долине р. Ануй сохранялась высокая мозаичность биотопов. Лесные массивы чередовались с участками луговой и степной растительности. Небольшими зонами были представлены ассоциации сухих степей и кустарничковых тундр. В древостое наряду с широколиственными деревьями участвовали и темнохвойные породы. Колебания климата приводили к изменению соотношения площадей, занимаемых разными природными комплексами. В целом разнообразие и богатство природных условий создавали благоприятную среду для обитания палеолитического человека.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, мелкие позвоночные, палеогеографические этапы.*

A.K. Agadjanian[1, 2], M.V. Shunkov[1], M.B. Kozlikin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]A.A. Borissiak Paleontological Institute RAS
E-mail: aagadj@paleo.ru

New Data on Small Vertebrates from the East Chamber of Denisova Cave

A total of over 17,000 bones and teeth from layers 17.1, 15–11.1 and 9 have been analyzed. The study shows that the biotopes remained highly mosaic throughout the history of sedimentation in the East Chamber of the cave in the Anui River valley. Forests alternated with areas covered by meadow and steppe vegetation. Plant associations typical of dry steppes and low-shrub tundra were represented by small zones. Forest stand included both broad-leaved and dark-coniferous species. Climate fluctuations led to the changes of ratio between the areas occupied by different environmental systems. The diversity and richness of natural environments provided favorable conditions for the Paleolithic humans.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Pleistocene, small vertebrates, paleogeographic stages.*

Одним из важных компонентов комплексных исследований палеолитических объектов является изучение состава фауны мелких позвоночных, которое позволяет реконструировать динамику природных условий на протяжении всех этапов осадконакопления на стоянке [Агаджанян, 2008]. В последние годы были получены новые результаты послойного анализа мелких позвоночных, прежде всего млекопитающих, из плейстоценовых отложений восточной галереи Денисовой пещеры. В определении было использовано 17 422 экз. из слоев 17.1, 15–11.1 и 9 [Ульянов, Козликин, Шуньков, 2015].

Из слоя 17.1 получено 2202 костных остатка. Состав мелких позвоночных свидетельствует о существовании мозаичных природных условий в период формирования этой части разреза. Лесные массивы чередовались с биотопами травянистой и скальной растительности. В заключительную фазу накопления этого слоя произошло резкое, довольно сильное, но непродолжительное похолодание, о чем свидетельствует карбонатная корочка, покрывающая кости. На похолодание указывают также результаты палинологического анализа [Болиховская, Козликин, Шуньков, 2016].

Коллекция слоя 15 насчитывает 975 костей и зубов. Состав мелких позвоночных здесь схож с тем, который характеризует начальную фазу накопления слоя 17.1. В нижней части слоя 15 присутствует *Lemmus* (см. *таблицу*). Хотя, скорее всего, природные условия в это время были несколько мягче: произошло некоторое сокращение площади лесных массивов и незначительное расширение степных биотопов на фоне похолодания.

Общее количество определенных костей из слоя 14 составляет 5105 экз. Судя по таксономической структуре тафоценоза, накопление этого слоя происходило в условиях более теплого климата, чем при формировании слоя 15. При этом, на фоне некоторого расширения лесных массивов, увеличилась доля ксерофитных биотопов.

Из слоя 13 получено 2738 костных остатков. Судя по снижению численности полевок *Clethrionomys* и некоторому увеличению численности степных пеструшек (см. *таблицу*), время накопления этого слоя характеризовалось сокращением площади лесов и увеличением луговых и степных биотопов. Доля скальных местообитаний, поросших кустарничками, не изменилась. Данные пыльцевого анализа свидетельствуют о сложной трехэтапной истории изменения природных условий в этот период [Там же]. Смена каждой фазы происходила, скорее всего, относительно быстро и не приводила к серьезным изменениям структуры сообществ мелких млекопитающих. В нижней части слоя присутствует *Lemmus* – бореальный компонент сообществ, показатель похолодания климата.

Для слоя 12.3 определено 1090 образцов. Тафоценоз здесь характеризуется небольшим таксономическим разнообразием мелких позвоночных. В этом слое отмечено снижение численности летучих мышей. Из насекомоядных установлены только малая бурозубка и крот; полностью отсутствуют древесные виды беличьих. Снизилась численность цокора и серых полевок. Отсутствуют сурок, лесные мыши, хомяк *Cricetus crisetus* и слепушонка. Эти данные указывают на неблагоприятные климатические условия. Основные площади занимали открытые биотопы степного и тундро-степного типа, что подтверждается присутствием *Lemmus*. Такая структура биотопов отражает похолодание и аридизацию климата, но без постоянного и глубокого промерзания почвы, о чем свидетельствует присутствие крота и цокора.

Остеологическая коллекция из слоя 12.2 насчитывает 649 экз. По сравнению с нижележащим слоем здесь возросла численность летучих мышей и степных пеструшек, увеличилась доля сусликов и появился сурок. Одновременно произошло снижение численности *Clethrionomys*, скальных полевок *Alticola* и серых полевок рода *Microtus*. Эти показатели свидетельствуют о сокращении площади лесных массивов и усиление степных биотопов с участием злаков. В этот период произошло, скорее всего, некоторое усиление аридности климата, что подтверждается также данными пыльцевого анализа [Там же].

Для слоя 12.1 определено 780 костей и зубов. В отличие от слоя 12.2, здесь более чем в два раза увеличилось содержание летучих мышей, возросла численность полевок *Alticola* и *Microtus*. Вместе с тем произошло снижение количества крота, лесных полевок *Clethrionomys*, сусликов и цокора, исчезли сурки и степные пеструшки (см. *таблицу*). В нижней части слоя найдены остатки *Lemmus*. Эти показатели предполагают одновременное сокращение площади лесных массивов и ксерофильных степных биотопов. Доля скальных биотопов, поросших кустарничками, напротив, увеличилась. Расширились площади лугового разнотравья, что в целом отражает прохладную климатическую обстановку.

Из слоя 11.4 получено 757 костных остатков позвоночных. Для тафоценоза здесь характерно снижение доли рукокрылых, насекомоядных, в т.ч. крота, и скальных полевок. Одновременно увеличилась численность лесных полевок *Clethrionomys*, появились степные пеструшки. Увеличилось количество и таксономическое разнообразие полевок *Microtus*. В верхней части слоя отмечен *Lemmus*. Неоднозначный состав мелкой фауны отражает, скорее всего, сложную историю осадконакопления. Согласно палинологическим данным, нижняя часть слоя формировалась в условиях более теплых, чем современные, а верхняя – в период похолодания [Болиховская, Козликин, Шуньков, 2015].

Коллекция слоя 11.3 насчитывает 704 экз. В тафоценозе этого слоя увеличилась доля летучих мышей, насекомоядных, включая крота, степных пеструшек и цокора, что свидетельствует о некотором повышении зимних температур и, возможно, об увеличении количества зимних осадков. Значительно возросла численность суслика, обитателя злакового разнотравья. Разнообразие и численность серых полевок *Microtus* остаются прежними. Вместе с тем снижается численность рыжих полевок *Clethrionomys* и скальных полевок *Alticola*, что указывает на расширение открытых биотопов и сокращение лесных. В составе тафоценоза вдвое увеличилось количество костей рыб – показатель возросшей мощности водотоков в окрестностях пещеры. Это заключение совпадает с данными пыльцевого анализа: в спектрах появляется пыльца прибрежно-водных и водных растений [Там же].

Для слоя 11.2 определено 1350 экз. По сравнению со слоем 11.3, в этом тафоценозе отмече-

Соотношение мелких позвоночных из плейстоценовых отложений восточной галереи Денисовой пещеры, %

№ п/п	Таксоны	9	11.1	11.2	11.3	11.4	12.1	12.2	12.3	13	14	15	17.1
		%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%
1	Chiroptera	4,38	0,49	5,03	7,95	5,81	9,49	4,01	2,11	2,82	8,74	12,87	6,18
2	*Crocedura* sp.	–	–	0,01	–	–	–	–	–	–	0,03	0,08	0,18
3	*Sorex roboratus*	–	–	0,03	0,14	–	–	–	–	–	–	–	–
4	*Sorex minutus*	–	–	0,06	–	0,13	–	0,15	0,09	–	0,02	–	–
5	*Sorex araneus*	–	–	0,01	0,43	0,13	–	–	–	–	0,04	0,10	0,18
6	*Sorex* sp.	2,79	0,37	1,25	1,42	0,92	1,03	0,31	–	0,28	0,30	0,45	0,36
7	*Neomys* sp.	–	–	0,03	–	0,13	0,13	–	–	0,03	–	0,04	–
8	*Asioskalops* sp.	1,99	2,56	1,72	1,28	0,53	1,15	2,47	3,21	1,46	3,16	2,76	2,72
9	*Eutamias* sp.	–	–	0,04	–	–	–	–	–	0,02	0,02	0,11	0,18
10	*Sciurus* sp.	–	–	–	–	–	–	–	–	0,07	0,02	–	0,09
11	*Pteromys* sp.	–	–	0,09	–	0,13	–	–	–	–	–	–	–
12	*Spermophilus undulatus*	2,39	–	0,20	0,85	0,26	–	–	–	0,14	0,18	–	–
13	*Spermophilus* sp.	–	1,83	0,80	0,71	0,66	0,51	0,92	0,64	0,48	0,88	0,94	0,91
14	*Marmota* sp.	–	–	0,07	–	–	–	0,15	–	0,09	0,27	0,42	0,64
15	*Sicista* sp.	–	–	0,07	–	–	–	–	0,09	–	0,05	–	–
16	*Allactaga* sp.	–	–	0,01	–	–	–	–	–	–	0,01	–	–
17	*Apodemus (Alsomys)*	–	–	0,01	–	–	–	–	–	–	0,04	–	–
18	*Cricetus crisetus*	–	0,24	–	–	–	–	–	–	–	0,04	0,04	0,09
19	*Crisetulus barabensis*	–	0,73	0,33	–	0,13	0,13	–	0,09	0,31	0,33	0,30	0,45
20	*Allocricetulus eversmanni*	1,59	2,56	1,19	0,57	0,26	0,38	0,92	0,37	0,28	0,26	0,42	0,36
21	*Ellobius* sp.	–	0,24	0,10	0,14	0,40	0,13	0,15	–	0,07	0,01	–	–
22	*Clethrionomys rutilus*	2,39	0,37	1,63	0,43	2,51	1,03	2,00	3,03	1,74	1,93	1,06	1,36
23	*Clethrionomys rufocanus*	0,80	–	0,60	0,28	2,25	3,08	–	–	0,95	0,88	0,23	0,27
24	*Clethrionomys* sp.	–	0,73	0,30	1,56	2,51	0,90	3,08	5,50	3,30	4,77	5,13	5,72
25	*Alticola macrotis*	–	–	0,11	0,57	0,13	0,26	0,15	–	0,03	0,02	–	–
26	*Alticola strelzovi*	10,36	6,33	5,30	4,55	4,76	6,03	4,31	4,86	4,77	4,74	4,57	4,72
27	*Alticola* sp.	0,80	11,57	8,12	8,52	9,51	13,08	10,63	11,47	11,63	12,50	11,33	11,44
28	*Lagurus lagurus*	–	1,46	0,14	–	0,13	–	0,62	0,18	0,10	0,13	0,11	0,18
29	*Lagurus transiens*	–	–	0,04	–	–	–	–	–	0,02	–	–	–
30	*Lagurus* sp.	0,40	1,71	0,35	0,28	–	–	0,15	–	0,40	0,28	0,26	0,09
31	*Lemmus* sp.	–	0,12	0,09	–	0,53	0,13	–	–	0,07	0,01	0,04	0,09
32	*Stenocranius gregalis*	6,37	1,10	3,29	3,55	6,34	5,00	6,01	4,22	6,42	6,22	6,08	7,08
33	*Microtus oeconomus*	1,99	0,24	0,87	1,14	1,85	0,90	0,77	0,92	0,74	0,70	0,98	1,82
34	*Microtus hyperboreus*	5,58	4,87	3,25	6,68	4,23	3,33	1,85	4,04	1,60	1,40	1,09	1,18
35	*Microtus agrestis*	–	–	0,70	0,28	0,66	0,26	–	–	0,07	0,10	0,34	0,64
36	*Microtus arvalis*	–	0,24	0,30	–	0,53	–	–	–	0,03	0,12	0,15	0,27
37	*Microtus* sp.	21,51	20,71	20,76	22,44	20,48	19,36	13,25	16,51	19,24	18,51	22,61	22,89
38	*Microtinae gen.*	3,19	3,29	8,63	7,24	6,47	6,15	6,16	2,94	4,80	5,25	3,66	6,18
39	*Arvicola* cf. *sapidus*	–	0,37	0,14	–	0,13	–	0,15	0,09	0,05	0,10	0,26	0,36
40	*Myospalax myospalax*	1,59	2,44	2,51	2,84	1,45	1,28	2,00	1,74	2,01	3,22	4,08	4,45
41	*Ochotona hyperborea*	–	–	0,20	–	–	–	–	0,09	0,05	0,09	0,23	0,18
42	*Ochotona pusilla*	–	–	0,04	–	–	–	–	–	0,03	0,02	0,04	–
43	*Ochotona* sp.	0,80	1,10	0,89	0,57	0,26	0,38	0,77	0,46	0,46	1,45	1,32	1,18
44	*Lepus* sp.	–	0,12	0,20	–	0,26	–	0,15	0,09	–	–	–	–
45	*Mustela* sp.	–	–	0,17	–	0,26	0,26	0,15	–	0,07	0,24	0,23	0,45
46	*Martes* sp.	–	–	0,04	–	0,13	–	–	0,09	0,02	0,06	0,08	0,18
47	Carnivora	–	–	0,41	–	0,26	0,26	0,46	0,37	0,50	0,46	0,34	0,91
48	Aves	5,98	6,82	10,28	7,39	15,85	9,74	12,02	7,43	6,09	6,83	6,38	6,90
49	Reptilia	–	–	0,03	–	–	0,13	–	–	–	0,15	0,08	–
50	Amphibia	–	0,49	0,26	0,43	0,40	1,54	1,54	1,65	2,74	2,03	1,43	1,36
51	Pisces	25,10	26,92	19,31	17,76	8,59	13,97	24,65	27,71	26,02	13,41	9,44	7,72
	Всего, %	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	Всего, экз.	251	821	1 350	704	757	780	649	1 090	2 738	5 105	975	2 202

но некоторое снижение количества летучих мышей, насекомоядных, рыжих и серых полевок. При этом увеличилось относительное количество костей рыб, таксономическое разнообразие насекомоядных, возросла численность крота и степных пеструшек *Lagurus*. Присутствуют бурундук и летяга, отмечен лемминг. Такой характер тафоценоза свидетельствует о распространении открытых ландшафтов, занятых степными и луговыми ассоциациями, включая участки с разреженным травостоем, о чем свидетельствует присутствие сурка и тушканчика.

Слой 11.1 охарактеризован 821 экз. В этом тафоценозе произошло резкое, более чем вдвое по сравнению со слоем 11.2, снижение количества летучих мышей. Сократилась численность землероек, серых полевок и пищух. Одновременно увеличилось количество скальных полевок *Alticola* и существенно возросла доля степных пеструшек *Lagurus*, достигнув своего максимума по разрезу. В целом эти данные свидетельствуют об ухудшении климатической обстановки, о расширении площадей степных и скальных биотопов, о сокращении лесных ассоциаций. Судя по большому количеству костей рыб и лягушек (см. *таблицу*), несмотря на аридизацию климата, насыщенность водотоков оставалась высокой.

Костные остатки из слоя 9 насчитывают 251 экз. В целом, для тафоценоза этого слоя отмечено увеличение количества летучих мышей, связанное, возможно, с ослаблением антропогенного пресса внутри пещеры. Одновременно возросла численность землероек, рыжих и серых полевок, но уменьшилась доля степных пеструшек *Lagurus*, скальных полевок *Alticola* и хомячков. Изменение количественных показателей этих таксонов напрямую связано с изменением природной обстановки, которое предполагает некоторое смягчение климата, увеличение площади лесов и сокращение открытых биотопов.

Результаты анализа мелких позвоночных позволяют сделать вывод, что на протяжении всей истории осадконакопления в восточной галерее в окрестностях Денисовой пещеры сохранялась высокая мозаичность биотопов. Лесные массивы чередовались с участками луговой и степной растительности. Небольшими пятнами были вкраплены ассоциации сухих степей и кустарничковых тундр. В древостое наряду с широколиственными видами участвовали и темнохвойные породы, под пологом которых существовали зеленые мхи. Колебания климата приводили к изменению соотношения площадей, занимаемых разными природными комплексами. В целом, разнообразие и богатство природных условий создавали благоприятную среду для обитания палеолитического человека.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Агаджанян А.К. Комплексные биостратиграфические исследования новейших отложений: учеб.-метод. пособие. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2008. – 61 с.

Болиховская Н.С., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Палиностратиграфия и предварительная реконструкция природных обстановок во время формирования верхней части плейстоценовой толщи в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 28–30.

Болиховская Н.С., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Предварительные результаты палинологического анализа плейстоценовых слоев 12–17 в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 12–14.

Ульянов В.А., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Строение разреза плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры (по данным раскопок 2015 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 157–160.

References

Agadjanian A.K. Kompleksnye biostratigraficheskie issledovaniya noveishikh otlozhenii. Novosibirsk: NSU Publ., 2008, 61 p. (in Russ.).

Bolikhovskaya N.S., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Palinostratigrafiya i predvaritel'naya rekonstruktsiya prirodnykh obstanovok vo vremya formirovaniya verkhnei chasti pleistotsenovoi tolshchi v vostochnoi galeree Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 28–30 (in Russ.).

Bolikhovskaya N.S., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Predvaritel'nye rezul'taty palinologicheskogo analiza pleistotsenovykh sloev 12–17 v vostochnoi galeree Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 12–14 (in Russ.).

Ulianov V.A., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Stroenie razreza pleistotsenovykh otlozhenii v vostochnoi galeree Denisovoi peshchery (po dannym raskopok 2015 goda). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 157–160 (in Russ.).

УДК 902.2

Е.В. Акимова[1, 2], И.В. Стасюк[1, 2], О.А. Горельченкова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Позднепалеолитическая стоянка Притубинск I – новый памятник кокоревской культуры Средней Сибири

Стоянка Притубинск I в Минусинском р-не Красноярского края была открыта в 1988 г. Исследования 2017 г. впервые позволили получить представительную и информативную коллекцию каменного инвентаря и фаунистических остатков из нижнего культурного слоя памятника. Общее количество каменных артефактов составляет 446 экз., включая серии клиновидных микронуклеусов, скребков и резцов. Наибольший интерес вызывает находка «мешочка» с десятью плотно уложенными каменными предметами – скребками, резцом, ножевидным орудием, ретушированными и неретушированными отщепами. Стоянка Притубинск I является наиболее удаленным на юго-восток от русла Енисея памятником кокоревской археологической культуры. Предполагается финальносартанский возраст стоянки.

Ключевые слова: *поздний палеолит, кокоревская культура, каменный инвентарь.*

E.V. Akimova[1, 2], I.V. Stasyuk[1, 2], O.A. Gorelchenkova[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Pritubinsk I: Recently Discovered Late Paleolithic Site of the Kokorevo Culture in the Middle Siberia

The site of Pritubinsk I in Minusinsky District of Krasnoyarsk Krai was discovered in 1988. The research of the site in 2017 made it possible to gather an extensive collection of stone artifacts and faunal material from the lower cultural layer. The total number of lithic artifacts, which include wedge-shaped microcores, burins, and end-scrapers, is 446. The "bag" with ten tightly placed stone artifacts (end-scrapper, burin, knife-like tool, retouched and unretouched flakes) are of particular interest. Pritubinsk I is the most remote site of the Kokorevo culture in Siberia to the southeast from the Yenisei River. The preliminary dating of the site is the Final Pleistocene period.

Keywords: *Late Paleolithic, Kokorevo culture, stone inventory.*

Поиски палеолитических памятников на правобережье Енисея – в южных районах Красноярского края велись на протяжении почти полутора веков [Савенков, 1896; Рыгдылон, 1948; Кызласов, 1986, с. 38–58; Абрамова и др., 1991; Макулов и др., 2005]. До сегодняшнего дня здесь были известны только отдельные местонахождения с подъемным материалом, датированным поздним палеолитом в рамках афонтовской культуры (Потрошилово, Подсуханиха, Тагарский Остров, Быстрая), но ни в одном случае культурный слой зафиксирован не был [Абрамова и др., 1991; Лисицын, 2000]. Однако еще в 1988 г. в 30 км северо-восточнее г. Минусинска А.А. Бокаревым и А.А. Смирновым было открыто местонахождение Притубинск I. По левому борту глубокого лога были выявлены два культурных слоя с характерным позднепалеолитическим материалом. В 1989 г. разведочные работы здесь были проведены отрядом по паспортизации памятников археологии Красноярского пединститута. В нижнем (III) культурном слое было получено 108 каменных артефактов, включая скребки и нуклеусы, в верхнем (II) – 59 артефактов. Фауна включала остатки северного оленя и кулана (?) [Бокарев, 1989]. Материалы раскопок опубликованы не были. К первому культурному слою были отнесены остатки поселе-

ния эпохи раннего железного века – Средневековья в виде 12 жилищных западин [Заика, 1989].

В 2017 г. совместным отрядом КГПУ им. В.П. Астафьева и ИАЭТ СО РАН на памятнике были проведены разведочные работы с целью уточнения стратиграфической ситуации и получения более информативной археологической коллекции.

Стоянка расположена на юго-восточной окраине пос. Притубинск, на широкой терассовидной площадке (263–268 м над ур. м.), спускающейся в северном направлении непосредственно к пойме Тесинской протоки р. Тубы. Превышение над поймой достигает 15–18 м. Притыловой шов не выражен, покровные отложения эолово-делювиального генезиса перекрывают пойменный аллювий р. Туба, залегающий на скальном цоколе. С востока участок отделен от горы Пещера глубоким логом Сосновый, который наследует разлому коренных отложений девонского песчаника.

Работы производились на двух участках, расположенных в 11 м друг от друга.

Участок 1 (южный) – прирезка (14 м^2) к шурфу и траншее 1989 г. По северной стенке разрез имеет следующее строение:

1. Дерн – 1–3 см;

2. Супеси серые, коричневато-серые, слабо гумусированные, рыхлые, комковатые, с многочисленными нарушениями по современным и древним корнеходам и кротовинам – 21–23 см. Содержит археологический материал раннего железного века – Средневековья, залегающий непосредственно в кровле слоя (культурный слой I);

3. Супеси серые, палево-серые лессовидные, легкие, пористые, однородные, неслоистые. В толще слоя зафиксировано два уровня залегания археологического материала палеолитического облика (культурные слои II, III), нижний из которых маркируется отдельными линзами и рассеянными прослоями древесного угля. Мощность (видимая) – 130 см.

Нижний (III) культурный слой, содержащий немногочисленные каменные предметы, целые и расколотые кости и рога *Rangifer tarandus*, *Capreolus pygargus* (?), зуб *Equus ferus* и крупный фрагмент позвоночника *Ovis/Capra* из семи позвонков*, выявлен на глубине 120–140 см. К верхнему (II) культурному слою отнесены обнаруженные в 40–60 см выше отдельные фрагменты костей и обломок пластины.

Непосредственно в нижнем культурном слое найдены концевой скребок с резцовым сколом, нанесенным с поперечного разлома орудия (см. *рисунок*, *1*), боковой резец на массивной пластине и срединный резец на отщепе (см. *рисунок*, *2*), заготовка крупного клиновидного нуклеуса (см. *рисунок*, *3*), фрагменты пластин (9 экз.), отщепы и сколы (24 экз.).

Уникальной находкой является «мешочек» с каменными орудиями из микрокварцита. Десять предметов уложены плотно попарно в горизонтальном положении. Позже край «мешочка» был задет кротовиной, вследствие чего две нижние пары орудий сместились вниз. Комплекс предметов составляют пять концевых скребков на пластинах (два обломаны в зоне рукоятки), продольный обломок ножевидного орудия, массивный резец на односторонне обработанной заготовке, обломок крупного отщепа с краевой ретушью и два крупных отщепа с ровным прямым краем без визуальных следов сработанности*.

Участок 2 (северный) – выход культурного слоя на крутом склоне. Вскрыт на площади 6 м^2. Культурный слой залегает непосредственно под тонким слоем дерна в серых лессовидных супесях, аналогичных геологическому слою 3 на участке 1. Вышележащая толща, видимо, денудирована склоновым смывом. Выявлен фрагмент очажного пятна диаметром 50 см с зольным заполнением и красноватым прокалом. Бесформенные обломки песчаника расположены за пределами пятна. На вскрытом участке собрано до 150 средних и мелких фрагментов расколотых рогов, ребер и трубчатых костей *Capreolus pygargus* (?), *Rangifer tarandus* и *Ovis/Capra* (?). Найден фрагмент рога северного оленя с выбранной внутренней рыхлой тканью.

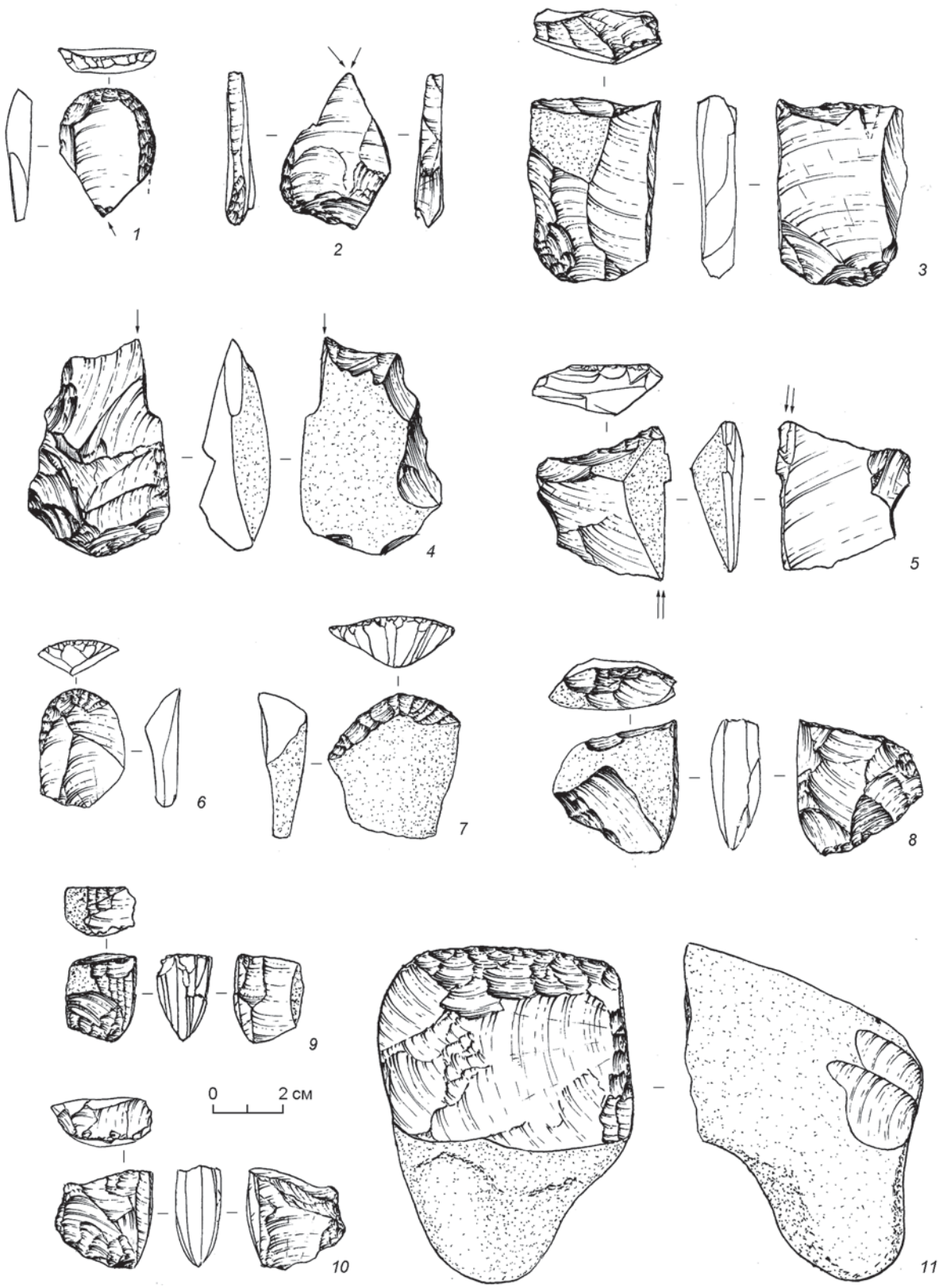
Коллекция каменного инвентаря насчитывает 400 предметов, в т.ч. клиновидные микронуклеусы – 5 экз. (см. *рисунок*, *9, 10*), аморфный нуклеус на крупной гальке, чоппер-струг (см. *рисунок*, *11*), концевые скребки на небольших отщепах (2 экз.) (см. *рисунок, 6, 7*), резцы на массивных сколах, в т.ч. с дополнительной подработкой – 2 экз. (см. *рисунок*, *4, 5*), крупный первичный скол с мелкой краевой ретушью, обломки и заготовки изделий – 14 экз. Многочисленны целые и фрагментированные микропластины (38 экз.) и пластины (34 экз.). Среди сколов и отщепов (339 экз.) абсолютно преобладают чешуйки.

Безоговорочно соотнести фрагмент культурного слоя, выявленный на северном участке, с одним из культурных слоев южного участка невозможно главным образом из-за полной неинформативности верхнего слоя.

В целом, стоянка Притубинск I располагает выразительной и достаточно представительной

*Определение фаунистических остатков выполнено канд. биол. наук А.М. Клементьевым.

*В настоящее время артефакты переданы для трасологического изучения в ИИМК РАН.

Каменный инвентарь позднепалеолитической стоянки Притубинск I.

1 – скребок-резец; *2, 4, 5* – резцы; *3, 8–10* – нуклеусы; *6, 7* – скребки; *11* – чоппер.
1–3 – участок 1; *4–11* – участок 2.

коллекцией каменного инвентаря, включающей скребки, резцы, в т.ч. комбинированные формы, ножевидные орудия, клиновидные нуклеусы и микронуклеусы, что позволяет отнести ее к кокоревской археологической культуре [Абрамова, 1979].

Об относительно позднем возрасте Притубинска I свидетельствуют находки костей косули. Достоверных же хронологических реперов, позволяющих датировать комплекс исключительно по каменному инвентарю, для каменной индустрии кокоревской культуры не установлено. Как относительно поздние элементы могут быть интерпретированы один из микронуклеусов (см. *рисунок*, *9*) и специфический набор резцов, включающий «атипичные» формы [Абрамова, 1979] – на разнообразных сколах, обломках орудий (см. *рисунок*, *1, 4, 5*).

На сегодняшний день позднепалеолитическая стоянка Притубинск I – не только самый южный памятник кокоревской культуры в Сибири, но и единственный, расположенный в среднем течении крупного притока Енисея. Ранее абсолютное большинство кокоревских стоянок было открыто непосредственно вдоль русла Енисея или, в единичных случаях, в нижнем течении малых притоков (Лиственка и Злобино в районе Красноярска). Притубинск – единственное свидетельство того, что кокоревцы проникали далеко на восток от установленного исследованиями ареала – долины среднего Енисея.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 17-11-24601е(р).

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 200 с.

Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. – Л.: Наука, 1991. – 158 с.

Бокарев А.А. Отчет о полевых исследованиях в Минусинском районе Красноярского края в 1989 г. – Красноярск, 1989 // Архив ИА АН СССР. Р-I.

Заика А.Л. Отчет о полевых исследованиях в Новоселовском, Минусинском, Курагинском районах Красноярского края в 1989 г. – Красноярск, 1989 // Архив ИА АН СССР. Р-I.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Наука, 1986. – 296 с.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: ИИМК РАН, 2000. – 230 с. – (Тр. ИИМК РАН; т. II).

Макулов В.И., Дроздов Н.И., Томилова Е.А., Стасюк И.В., Заика А.Л., Чеха В.П. Итоги паспортизации археологических памятников Красноярского края // Археология Южной Сибири: Идеи, методы, открытия: сб. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию С.В. Киселева. – Минусинск, 2005. – С. 279–281.

Рыгдылон Э.Р. Отчет по Тубинской экспедиции 1948 года // Архив Минусинск. краевед. музея. Д. 651.

Савенков И.Т. Каменный век в Минусинском крае. – М.: [Тип. М.Г. Волчанинова], 1896. – 87 с.

References

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Kokorevskaya kul'tura. Novosibirsk: Nauka, 1979, 200 p. (in Russ.).

Abramova Z.A., Astakhov S.N., Vasil'ev S.A., Ermolova N.M., Lisitsyn N.F. Paleolit Eniseya. – Leningrad: Nauka, 1991, 158 p. (in Russ.).

Bokarev A.A. Otchet o polevykh issledovaniyakh v Minusinskom rayone Krasnoyarskogo kraya v 1989 g. In *Archive of IA AS USSR*. R-I. (in Russ.).

Kyzlasov L.R. Drevneishaya Khakasiya. Moscow: Nauka, 1986, 296 p. (in Russ.).

Lisitsyn N.F. Pozdnii paleolit Chulymo-Eniseiskogo mezhdurech'ya. St. Petersburg: IHMC RAS Publ., 2000, 230 p. (Trudy IIMK RAN; vol. II) (in Russ.).

Makulov V.I., Drozdov N.I., Tomilova E.A., Stasyuk I.V., Zaika A.L., Chekha V.P. Itogi pasportizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Krasnoyarskogo kraya. *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri: Idei, metody, otkrytiya: sbornik dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu S.V. Kiseleva*. Minusinsk, 2005, pp. 279–281 (in Russ.).

Rygdylon E.R. Otchet po Tubinskoy expedicii 1948 goda. *Archive of Minusinsk museum*. F. 651. (in Russ.).

Savenkov I.T. Kamennyi vek v Minusinskom krae. Moscow, 1896, 87 p. (in Russ.).

Zaika A.L. Otchet o polevykh issledovaniyakh v Novoselovskom, Minusinskom, Kuraginskom rayonakh Krasnoyarskogo kraya v 1989 g. In *Archive of IA AS USSR*. R-I. (in Russ.).

УДК 902.02

Е.В. Акимова, И.В. Стасюк, В.М. Харевич

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Раннеголоценовые памятники Южно-Минусинской котловины

Прекращение катастрофических паводков в зоне Южно-Минусинской котловины в начале голоцена способствовало накоплению субаэральных отложений на разновысотных уровнях долины Енисея и заселению их человеком. В данном контексте большой интерес вызывают местонахождения раннеголоценового времени в окрестностях сел Казанцево (Шушенский р-н) и Шалаболино (Курагинский р-н). Стоянка Казанцево I характеризуется устойчивым микроинвентарем, позволяющим рассматривать вопрос о мезолите Южно-Минусинской котловины. При этом материалы сборов 1988–1990 гг. свидетельствуют о наличии на Казанцево I палеолитического горизонта.

Ключевые слова: *Южно-Минусинская котловина, Енисей, палеолит, мезолит, ранний голоцен, микротехника.*

E.V. Akimova, I.V. Stasiuk, V.M. Harevich

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Early Holocene Sites of the South-Minusinsk Depression

The ending of the Sartanian severe floods by the beginning of Holocene period fostered the accumulation of subaerial deposits in the levels of the Yenisei Valley located at different heights and their population by the human groups. The sites of the Early Holocene in the vicinity of the villages of Kazantsevo (Shushensky District) and Shalabolino (Kuragino District) are particularly interesting in this context. Kazantsevo I is characterized by stable microinventory which indicates the possible presence of the Mesolithic in the South-Minusinsk Depression, while the materials collected during the archaeological survey in 1988–1990 testify to the presence of the Paleolithic horizon.

Keywords: *South-Minusinsk Depression, Yenisei, Paleolithic, Mesolithic, Early Holocene, microtechnology.*

Территория Южно-Минусинской котловины (южные районы Красноярского края) являлась зоной мощных катастрофических паводков как минимум трижды в сартанское время, сносивших покровные отложения, в которых могли находиться следы позднепалеолитических стоянок или остатки плейстоценовой фауны. Максимальный уровень паводков, датированный концом гыданской стадии, достигал 350 м над ур. м., что превышает современный уровень притоков Енисея, в т.ч. Тубы и Ои, почти на 100 м. Последние паводки несколько меньшей мощности отмечены в конце сартанского времени [Аржанникова и др., 2014]. Таким образом, позднепалеолитические поселения в этих условиях могли сохраниться на наиболее высоких, горных участках, ограничивающих долины Енисея и его притоков. Только в раннем голоцене за счет перевеивания мощных аллювиальных отложений поймы Енисея и приустьевых участков его притоков начинается формирование субаэральных отложений на разновысотных уровнях долины Енисея. В данном контексте большой интерес вызывают единственные известные на сегодняшний день в Южно-Минусинской котловине местонахождения раннеголоценового времени в окрестностях сел Казанцево (Шушенский р-н) и Шалаболино (Курагинский р-н).

Стоянка Казанцево I была открыта в 1988 г. А.Л. Заикой при проведении паспортизации памятников археологии Красноярского края. Памятник располагался напротив с. Казанцево, по правому берегу р. Ои – правого притока Енисея, в 55–60 м выше ее современного уровня, восточнее известного местонахождения петроглифов Ланкова гора. Высокий крутой склон, сложенный девонскими песчаниками, в верхней части перекрыт маломощ-

ной толщей (ок. 2 м) субаэральных отложений, выклинивающихся вниз по склону.

Сам памятник приурочен к мысовому участку горного обрамления долины р. Ои, слабо наклоненному на юго-запад, ограниченному с востока и запада неглубокими логами.

Первые сборы археологического материала в 1988–1990 гг. дали многочисленную коллекцию микронуклеусов позднепалеолитического облика (см. *рисунок*, *1–6*) при минимальном количестве орудий. В 1993 г. А.Л. Заикой в зоне выдувов, обнаживших участок культурного слоя, был заложен раскоп площадью 40 м^2. Только из раскопа было получено 47 микронуклеусов, общее же количество каменных предметов составляло 678 экз. с абсолютным преобладанием микропластин и мелких отщепов. Первая оценка стратиграфического положения культурного слоя и характера каменного инвентаря дала исследователю основание датировать памятник мезолитом и инициировать обсуждение вопроса о «докерамическом неолите» Казанцево I [Заика, 1994а, б]. Значительно позднее, в 2016 г., при проведении спасательных работ в зоне строительства моста через Ою, в 1 км юго-восточнее Казанцево I было открыто поселение Казанцево II [Веженко, 2016, с. 34–49]. Оба памятника были датированы ранним голоценом.

Летом 2017 г. на стоянке Казанцево I отрядом ИАЭТ СО РАН и КГПУ им. В.П. Астафьева были проведены разведочные работы с целью уточнения стратиграфической ситуации и определения перспектив дальнейшего изучения памятника.

В шурфе на неразрушенной части памятника был получен следующий стратиграфический разрез:

1. Деятельный горизонт современной почвы подзолистого типа; пески коричневато-серые, темно-коричневые, слабогумусированные. 0–0,12 м;

2. Иллювиальный горизонт современной почвы; пески серые, тонко-, среднезернистые с многочисленными нарушениями по корнеходам и следами деятельности современной биоты. 0,12–0,21 м;

3. Погребенный почвенный горизонт (?); пески темно-серые, слабогумусированные (?), тонкозернистые; в подошве отчетливо выражены следы древних корнеходов с заполнением из нижележащего горизонта и включением древесного угля. 0,21–0,36 м;

4. Пески желтовато-серые, среднезернистые, неслоистые, легкие, пористые, бескарбонатные. 0,36–1,2 м;

Каменный инвентарь.

1–6 – Казанцево I, сборы А.Л. Заики 1988–1990 гг.; *7–14* – Казанцево I, раскопки 2017 г.; *15, 16* – Шалаболино I.

5. Ископаемый почвенный комплекс, включающий в себя два почвенных горизонта мощностью 20–22 см и менее гумусированную прослойку между ними мощностью 17 см; супеси от темно-серых до матово-черных, однородные, легкие, в нижней части плотные, с многочисленными следами деятельности древней биоты. В подошве нижней почвы, на границе нарушений по корнеходам зафиксирован археологический материал. 1,2–1,7 м;

6. Супеси палевые, однородные, легкие, неслоистые. 1,70–1,88 м;

7. Супеси (алевриты) светло-серые, лессовидные, плотные, легкие, неслоистые, карбонатные (в виде пятен и натеков), к подошве появляются редкие включения дресвы и щебня. 1,88–2,63 м;

8. Коренные отложения (девонский песчаник) – ниже 2,63 м.

Культурный слой был зафиксирован на глубине 160 см по каменным чешуйкам и микропластинкам.

Ниже шурфа № 1, на склоне горы были заложены еще два шурфа (№ 2, 3), стратиграфическая ситуация в которых, вероятно, повторяла ситуацию, зафиксированную в 1993 г. Культурный слой залегал непосредственно ниже горизонта современной почвы в палево-серых плотных песках, подстилаемых коренными породами.

Только в шурфе № 2 на площади 2 м^2 найдено более 900 каменных артефактов, включая материал из промывки. Единственный (сработанный?) микронуклеус из желтого халцедона имеет негативы тончайших микропластинок по треугольному фронту (см. *рисунок*, *12*). На отщепе малиновой яшмы выполнена заготовка микронуклеуса с коротким пластинчатым снятием по торцу (см. *рисунок*, *11*). В составе коллекции также микропластины с ретушью – 7 экз. (см. *рисунок*, *7–10, 13, 14*), микроорудие на отщепе с пологой вентральной ретушью по краю, скол с рабочей части скребка, широкие пластинчатые сколы с фронта нуклеусов – 2 экз., мелкие сколы и обломки – 21 экз., фрагменты микропластин – 235 экз., мелкие отщепы и чешуйки (ок. 700 экз.). Индустрия имеет подчеркнуто микролитический облик: ширина микропластин составляет 1–3 мм, а размеры наиболее миниатюрного целого экземпляра – 15 × 1,5 мм.

За 29 лет, прошедших со времени открытия стоянки Казанцево I, серьезных изменений в ландшафте, видимо, не произошло. Однако нуклеусы из подъемных сборов и раскопок А.Л. Заики 1988–1993 гг. не соотносятся с материалами из шурфов 2017 г.

Характерными особенностями материала 2017 г. являются как сырьевое и цветовое разнообразие каменных предметов, так и мельчайшие размеры микропластин, практически не известные на позднепалеолитических памятниках Енисея. Нуклеусы же «старого» Казанцево I изготовлены преимущественно из кремня и кварцита черного и серого цветов и имеют отчетливо выраженный позднепалеолитический облик, более близкий к афонтовской культуре. По материалам 1980-х гг. можно выделить три типа микронуклеусов: 1) с узкой ударной площадкой и прямым фронтом на отщепах (см. *рисунок*, *4*); 2) с широким треугольным фронтом и округлой площадкой на массивных сколах и отщепах (см. *рисунок*, *2–4, 6*); 3) с широким коротким фронтом на переоформленных изделиях, сохраняющих элементы предыдущей формы на контрфронте или дистальном конце нуклеуса (см. *рисунок*, *1*). Во всех случаях негативы снятий соответствуют традиционным для позднего палеолита параметрам.

Таким образом, культурный слой в шурфах 2017 г. не соотносится с культурным слоем в раскопе 1993 г. и материалами подъемных сборов конца 1980-х гг. Материалы «старого» и «нового» Казанцево I явно разновременные. В то же время участки лессовых отложений были отмечены на скальных останцах в районе стоянки Казанцево I, что позволяет допустить наличие здесь сохранившегося (по крайней мере до начала 1990-х гг.) позднепалеолитического поселения.

К раннему голоцену отнесена стоянка в окрестностях с. Шалаболино, известная как место сбора немногочисленного подъемного материала в середине 1990-х гг. [Стасюк, 1997, с. 21].

Памятник располагается на равнинном участке долины р. Туба, в 3,5 км к северу от правого берега ее современного русла (протока Шалаболинская), на мысовидном участке, сформированном пересечением долин Тубы и ее правого притока р. Шушь. Местность представляет собой террасоувал, сложенный эоловыми песками, высотой до 12–15 м над уровнем р. Туба.

В расчистке, выполненной в техногенном обнажении, был описан следующий стратиграфический разрез:

1. Дерн, растительный опад. 0,01–0,03 м;

2. Пески желтовато-серые, среднезернистые, рыхлые, пористые. 0,03–0,1 м;

3. Погребенный гумусовый горизонт черноземного типа; пески темно-серые до матово-черных, рыхлые, легкие, с обильными нарушениями по корнеходам. 0,1–0,32 м;

4. Пески коричневато-бурые, рыхлые, пористые, средне-, мелкозернистые с включениями мелкой фракции дресвы, с многочисленными нарушениями по корнеходам. К подошве слоя приурочен культурный горизонт. 0,32–0,74 м.

5. Пески серые, палево-серые, легкие, пылеватые, однородные, неслоистые. 0,74–0,9 м (видимая мощность).

Общее количество артефактов, полученных из культурного слоя, составляет 40 экз. В единичных экземплярах найдены микроскребки на пластинчатых сколах (см. *рисунок*, *15, 16*) и обломок нуклеуса со следами переоформления. В отличие от Казанцево I, здесь нет тонких микропластин: ширина всех имеющихся экземпляров составляет 3–5 мм.

Таким образом, можно предполагать, что Южно-Минусинская котловина заселялась неоднократно на протяжении всего позднего плейстоцена и раннего голоцена. Если памятники палеолита в большинстве своем уничтожены, то памятники мезолита (?) могли сохраниться в более широком диапазоне высот.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 17-11-24601е(р).

Список литературы

Аржанникова А.В., Аржанников С.Г., Акулова В.В., Данилова Ю.В., Данилов Б.С. О происхождении песчаных отложений в Южно-Минусинской котловине // Геология и геофизика. – 2014. – Т. 55, № 10. – С. 1495–1508.

Веженко А.А. Отчет по результатам проведения археологической разведки на участке трассы Р-257 «Енисей» в Шушенском и Ермаковском районах Красноярского края. – [Б. м.], 2016 // Архив ИА РАН.

Заика А.Л. К специфике местонахождения Казанцево-1 // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: тез. РАСК. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994а. – С. 16–18.

Заика А.Л. Морфологический анализ клиновидных нуклеусов со стоянки Казанцево-1 // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: тез. РАСК. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994б. – С. 18–19.

Стасюк И.В. Отчет о полевых исследованиях 1997 года. – [Б. м.], 1998 // Архив ИА РАН.

References

Arzhannikova A.V., Arzhannikov S.G., Akulova V.V., Danilova Yu.V., Danilov B.S. O proiskhozhdenii peschanykh otlozhenii v Yuzhno-Minusinskoi kotlovine. *Geologiya i geofizika*. 2014, vol. 55, No. 10, pp. 1495–1508 (in Russ.).

Stasyuk I.V. Otchet o polevykh issledovaniyakh 1997 goda. [S. l.], 1998. In *Archive IA RAS* (in Russ.).

Vezhenko A.A. Otchet po rezul'tatam provedeniya arkheologicheskoi razvedki na uchastke trassy R-257 «Enisei» v Shushenskom i Ermakovskom raionakh Krasnoyarskogo kraya. [S. l.], 2016. In *Archive IA RAS* (in Russ.).

Zaika A.L. K spetsifike mestonakhozhdeniya Kazantsevo 1. In *Arkheologiya i etnografiya Sibiri i Dal'nego Vostoka: tezisy RASK*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1994a, pp. 16–18 (in Russ.).

Zaika A.L. Morfologicheskii analiz klinovidnykh nukleusov so stoyanki Kazantsevo 1. In *Arkheologiya i etnografiya Sibiri i Dal'nego Vostoka: tezisy RASK*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1994b, pp. 18–19 (in Russ.).

УДК 902.01

А.А. Анойкин[1], Ж.К. Таймагамбетов[2], В.А. Ульянов[3], В.М. Харевич[1], А.В. Шалагина[1], Г.Д. Павленок[1], Г.И. Марковский[1], С.А. Гладышев[1], А.М. Чеха[1], Г.Т. Искаков[4], С.К. Васильев[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Национальный музей Республики Казахстан
[3]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
[4]Казахский государственный историко-культурный музей-заповедник «Азрет Султан»
E-mail: anui1@yandex.ru

Исследование индустрий начальных этапов верхнего палеолита на стоянке Ушбулак-1 (Восточный Казахстан) в 2017 году

В 2017 г. Восточно-Казахстанским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН проводились археологические раскопки на стоянке Ушбулак-1. В данной статье представлены результаты исследования нижней пачки культурных отложений стоянки (слои 5–8), вскрытых раскопом 2. В полученном стратиграфическом разрезе выделено 12 литологических подразделений, содержащих археологический материал. Общее количество артефактов, обнаруженных в ходе раскопок и промывки рыхлых отложений, составило 7 709 экз. Археологический материал позволяет отнести данные комплексы к кругу индустрий начального этапа верхнего палеолита. Наиболее близкие аналоги материалов Ушбулака-1 фиксируются в археокомплексах Южной Сибири (Кара-Бом) и Северной Монголии (Толбор-4).

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, начальный верхний палеолит, многослойная стоянка, первичное расщепление, орудийный набор.*

A.A. Anoykin[1], Zh.K. Taimagambetov[2], V.A. Ulianov[3], V.M. Kharevich[1], A.V. Shalagina[1], G.D. Pavlenok[1], G.I. Markovsky[1], S.A. Gladyshev[1], A.M. Chekha[1], G.T. Iskakov[4], S.K. Vasiliev[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]National Museum of the Republic of Kazakhstan
[3]M.V. Lomonosov Moscow State University
[4]Kazakh State Museum of Azret Sultan
E-mail: anui1@yandex.ru

Research of the Initial Upper Paleolithic Industry at the Ushbulak-1 Site (Eastern Kazakhstan) in 2017

In 2017, the East Kazakhstan Paleolithic team of IAET SB RAS conducted archaeological excavations at the open-air site of Ushbulak-1. This article presents the results of research into cultural deposits from lithological layers 5–8 (excavation area 2). Twelve lithological units containing archaeological materials were uncovered in the exposed stratigraphic profile. The total number of lithic artifacts, obtained from excavation and washing of loose deposits was 7709 objects. The artifacts from this area are associated with the Initial Upper Paleolithic. The closest parallels to the Ushbulak-1 lithic industry can be found in the Paleolithic assemblages of Southern Siberia (Kara-Bom) and Northern Mongolia (Tolbor-4).

Keywords: *Eastern Kazakhstan, Initial Upper Paleolithic, multistratified site, primary flaking, tool assemblage.*

В 2017 г. археологические изыскания на стоянке Ушбулак-1 [Шуньков и др., 2016] велись на нескольких участках*. Нижняя часть культурных отложений стоянки исследовалась раскопом 2, площадь которого составила 4,5 м^2 (3 × 1,5 м), глубина от дневной поверхности – до 2,7 м.

Раскоп 2 заложен в створе раскопа 1 у подножия склона левого борта эрозионного вреза родника Восточный. В основании разреза залегает пачка грубообломочных пролювиальных отложений (слои 7 и 8), вскрытых до уровня на 1,2 м ниже уреза воды. Сверху они перекрыты тяжелыми суглинками слабопроточного водоема с линзами и прослоями супесей и гумусированных суглинков (слой 6), которые, в свою очередь, перекрываются легкосуглинистыми одресвяненными отложениями светло-серого цвета пролювиально-склонового генезиса (слой 5). Характерной особенностью отложений раскопа 2 является некарбонатность, чем они резко отличаются от пачки залегающих выше отложений раскопа 1.

Полученный разрез четвертичных отложений имеет следующее строение (сверху вниз; рис. 1).

Слой 5. Супеси тяжелые, обильно насыщенные дресвой, светло-серые, умеренно сцементированные, не карбонатные. Отмечаются четко ограниченные охристые пятна вторичного ожелезнения размером 1–3 см в поперечнике. По потемнению слоя в подошвенной части и заметному увеличению количества пятен ожелезнения в нем выделено два прослоя – 5.1 и 5.2. В прослое 5.2 наблюдается локальный горизонт супесей одресвяненных, белесых, с нечетко выраженной мелкоплитчатой структурой. Нижнюю границу слоя 5 маркирует горизонт плохо сортированной дресвы с единичными включениями разноразмерного щебня. Мощность слоя 5 – до 0,6 м.

Слой 6. В нем выделено 8 стратиграфических горизонтов, чьи границы определялись, в первую очередь, по особенностям залегания в них археологического материала. В литологическом отношении в слое 6 можно выделить две основные пачки отложений. Верхняя пачка (6.1–6.4) преимущественно пролювиально-склонового происхождения. Супеси тяжелые, одресвяненные, серого цвета с коричневым оттенком, с тонкими (0,5–1,0 см) ровными прослоями обогащения дресвяно-песча-

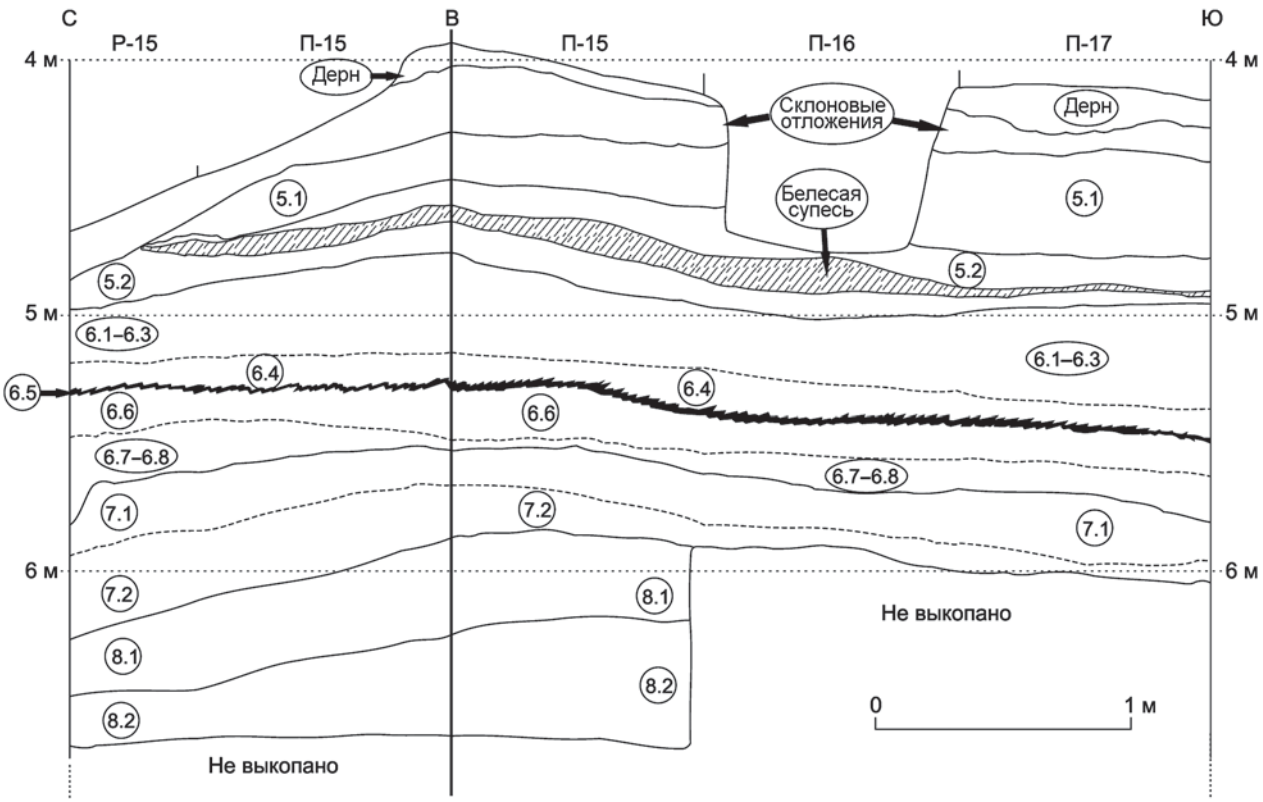

Рис. 1. Стратиграфический разрез по северо-восточной и юго-восточной стенкам раскопа 2 стоянки Ушбулак-1.

*См. статью А.П. Деревянко, М.В. Шунькова, А.А. Анойкина и др. «Археологические работы в Шиликтинской долине...» в данном томе.

ными включениями. Для нижней части характерно появление маломощных (0,5–1,0 см) непротяженных (20–40 см) линзовидных включений черно-коричневых гумусированых легких суглинков. Мощность верхней пачки отложений слоя 6 – 0,4–0,5 м.

Нижняя часть слоя 6 (6.5–6.8) в генетическом отношении представляет собой отложения мелководного слабопроточного водоема с относительно стабильным гидрологическим режимом и подавленной эрозионно-русловой активностью. Суглинки тяжелые, алевритистые, во влажном состоянии пластичные, с нечетко выраженной параллельнослоистой (ленточной) текстурой. В своей кровле маркируются маломощным (до 1,0–1,5 см), но хорошо выдержанным по простиранию, интенсивно отемненным прослоем обогащенного гумусом суглинка (6.5). Нижняя граница слоя 6 четкая, резкая, условно проводится по массовому появлению линз и прослоев крупнозернистых песков красновато-охристого цвета, обильно одресвяненных, умеренно сцементированных. Мощность нижней пачки слоя 6 – 0,3–0,4 м.

Слои 7, 8 представлены грубообломочными отложениями пролювиального происхождения.

Слой 7. Пачка щебнисто-дресвянистых отложений с песчано-суглинистым заполнителем порового типа коричнево-охристого цвета, обусловленного интенсивным развитием вторичного ожелезнения. Характеризуется хаотической ориентировкой обломков при их плотной равномерной забутовке. Щебень крупной и средней размерности. По увеличению содержания глинистой составляющей в заполнителе и средних размеров щебня к подошве слоя в нем выделено два прослоя – 7.1 и 7.2. Мощность слоя 7 – 0,3–0,5 м.

Слой 8. Пачка пестроцветных дресвяно-щебнистых отложений с включением единичных глыб и песчано-суглинистым заполнителем порового типа. Щебень преимущественно крупный. Вскрытая мощность слоя 8 – до 0,8 м.

Археологический материал был зафиксирован в прослое 5.2, а также во всех выделенных подразделениях слоев 6, 7. Общее количество каменных артефактов, полученных в раскопе 2, составляет 7 709 экз. Из них при промывке рыхлых отложений было получено 5 806 экз., которые в основном представлены отходами производства и мелкими сколами или их фрагментами: пластины – 1 317 экз.; отщепы – 1 281 экз.; обломки, осколки – 1 380 экз.; чешуйки – 1 794 экз.; фрагменты орудий и сколы с эпизодической ретушью – 33 экз.

Также в слоях 6, 7 было найдено более 200 неопределимых фрагментов костей копытных среднего размерного класса (лошадь/архар). Размер обломков составляет в основном от 1–2 до 2–5 см. Определимые остатки представлены исключительно зубами и их обломками. В слоях 6.3–6.5 отмечено 4 мелких обломка зубов лошади (*Equus* sp.). В слое 7.1 – также 4 небольших обломка лошадиных зубов и 2 зуба архара (*Ovis ammon*) из верхней и нижней челюсти. Поскольку в этом же слое ранее была обнаружена целая первая фаланга кулана (*Equus hemionus*), не исключено, что и обломки зубов лошади относятся именно к этому виду.

Общий состав коллекции артефактов, зафиксированных при работах непосредственно в раскопе 2 (1 903 экз.), представлен в табл. 1. В коллекции присутствуют продукты всех стадий расщепления – от блоков сырья со сколами апробации и нуклеусов разной степени утилизации до законченных изделий с вторичной обработкой. В целом археологический материал с технологической и типологической точек зрения выглядит достаточно однородным.

При анализе каменной индустрии слоев 5.2–7 отчетливо прослеживается ее пластинчатая направленность. Количество пластин вдвое превышает число отщепов. Они же служили и основными заготовками при изготовлении орудий. Практически все ядрища предназначены для получения удлиненных заготовок (рис. 2, *13*). Судя по типологическому ряду нуклеусов (табл. 2), включающему 9 разновидностей (не считая нуклевидных обломков и галек со сколами апробации), основная масса пластин производилась с широкофронтальных ядрищ встречного параллельного скалывания со смещенными относительно друг друга площадками (рис. 2, *10*). На получение пластинчатых заготовок было направлено и расщепление немногочисленных торцовых нуклеусов, также двухплощадочных.

Эти наблюдения хорошо согласуются с морфологией удлиненных сколов, среди которых доминируют изделия с однонаправленной и встречной параллельной огранкой. Для них характерны гладкие ударные площадки, и на подавляющем количестве изделий фиксируются различные приемы подготовки зоны расщепления, включая пикетаж.

Среди технических сколов (рис. 2, *11*) следует отметить представительную серию крупных полуреберчатых и реберчатых пластин, заныривающих сколов (рис. 2, *12*), а также нескольких «полутаблеток». Эти типы, как правило, также ассоциируются с верхнепалеолитическим объемным пластинчатым расщеплением.

Орудийный набор включает 14 типологически выраженных категорий изделий (табл. 3). Наиболее многочисленными категориями здесь являются концевые скребки (рис. 2, *4, 5, 8, 9*), интенсивно ретушированные пластины и орудия с ретушированными выемками. Заметна доля тронкированных и тронкированно-фасетированных изделий (рис. 2, *6*), а также

Таблица 1. **Состав каменной индустрии из раскопа 2 стоянки Ушбулак-1**

Каменные изделия	5.2	6.1	6.2	6.3	64	6.5	6.6	6.7	6.8	6		7.1	7.2	7		8	Всего	
	экз.	экз.	экз.	экз.	экз.	экз.	экз.	экз.	экз.	экз.	%	экз.	экз.	экз.	%	%	экз.	%
Нуклевидные	**–**	**1**	**1**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**3**	**0,4**	**29**	**3**	**31**	**2,9**	**–**	**35**	**1,8**
Нуклеусы	–	1	1	–	–	–	–	–	1	3	0,4	22	3	25	2,4	–	28	1,5
Нуклевидные обломки	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5	–	5	0,5	–	5	0,3
Гальки со сколами	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	0,1	–	1	0,1
Технические сколы	**3**	**11**	**25**	**13**	**15**	**54**	**10**	**20**	**6**	**154**	**18,6**	**226**	**49**	**275**	**26,1**	**–**	**432**	**22,7**
первичные	–	1	–	–	1	7	–	2	2	13	1,6	13	3	16	1,5	–	29	1,5
вторичные	2	4	3	4	3	19	–	4	1	38	4,6	38	10	48	4,6	–	88	4,6
подправки дуги скалываия	–	–	1	–	–	3	2	1	–	7	0,8	1	2	3	0,3	–	10	0,5
подправки фронта	1	–	1	2	2	4	–	–	1	10	1,2	–	–	–	–	–	11	0,6
реберчатые	–	1	1	2	–	1	–	–	–	5	0,6	11	4	15	1,4	–	20	1,1
полуреберчатые	–	3	3	1	2	9	2	7	1	28	3,4	35	7	42	4,0	–	70	3,7
естественно-краевые	–	1	10	–	–	1	6	–	1	19	2,3	63	10	73	6,9	–	92	4,8
краевые	–	1	3	3	3	8	–	4	–	22	2,7	43	13	56	5,3	–	78	4,1
подправки ударной площадки	–	–	2	1	4	2	–	1	–	10	1,2	17	–	17	1,6	–	27	1,4
заныривающие	–	–	1	–	–	–	–	1	–	2	0,2	5	–	5	0,5	–	7	0,4
Пластины	**5**	**23**	**62**	**47**	**28**	**143**	**13**	**55**	**11**	**382**	**46,2**	**342**	**74**	**416**	**39,5**	**1**	**804**	**42,2**
шириной ≥ 60 мм	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	0,1	–	1	0,1
шириной 40–59 мм	–	1	1	–	–	2	–	1	1	6	0,7	22	7	29	2,8	1	36	1,9
шириной 20–39 мм	3	15	53	41	20	109	11	38	9	296	35,8	278	54	332	31,5	–	631	33,2
шириной 13–19 мм	2	7	8	6	8	32	2	16	1	80	9,7	41	11	52	4,9	–	134	7,0
Пластинки	**–**	**1**	**3**	**1**	**–**	**1**	**–**	**1**	**–**	**7**	**0,8**	**–**	**1**	**1**	**0,1**	**–**	**8**	**0,4**
Микропластинки	**–**	**–**	**1**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**0,1**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**0,1**
Пластинчатые отщепы	**1**	**2**	**9**	**8**	**3**	**32**	**2**	**6**	**1**	**63**	**7,6**	**12**	**6**	**18**	**1,7**	**–**	**82**	**4,3**
крупные (длиной ≥ 50 мм)	1	–	7	3	1	14	1	4	1	31	3,7	10	4	14	1,3	–	46	2,4
средние (длиной 30–49 мм)	–	2	2	5	2	18	1	2	–	32	3,9	2	2	4	0,4	–	36	1,9
Отщепы	**6**	**11**	**21**	**11**	**6**	**78**	**3**	**28**	**8**	**166**	**20,1**	**223**	**53**	**276**	**26,2**	**3**	**451**	**23,7**
крупные (длиной ≥ 50 мм)	–	2	2	3	1	14	1	4	1	28	3,4	72	9	81	7,7	2	111	5,8
средние (длиной 30–49 мм)	5	5	13	8	5	50	1	18	4	104	12,6	122	38	160	15,2	–	269	14,1
мелкие (длиной ≤ 29 мм)	1	4	6	–	–	14	1	6	3	34	4,1	29	6	35	3,3	1	71	3,7
Обломки, осколки	**4**	**10**	**10**	**4**	**2**	**17**	**4**	**4**	**–**	**51**	**6,2**	**32**	**4**	**36**	**3,4**	**–**	**91**	**4,8**
Всего	***19***	***59***	***132***	***84***	***54***	***325***	***32***	***114***	***27***	***827***	***100***	***863***	***190***	***1053***	***100***	***4***	***1 903***	***100***

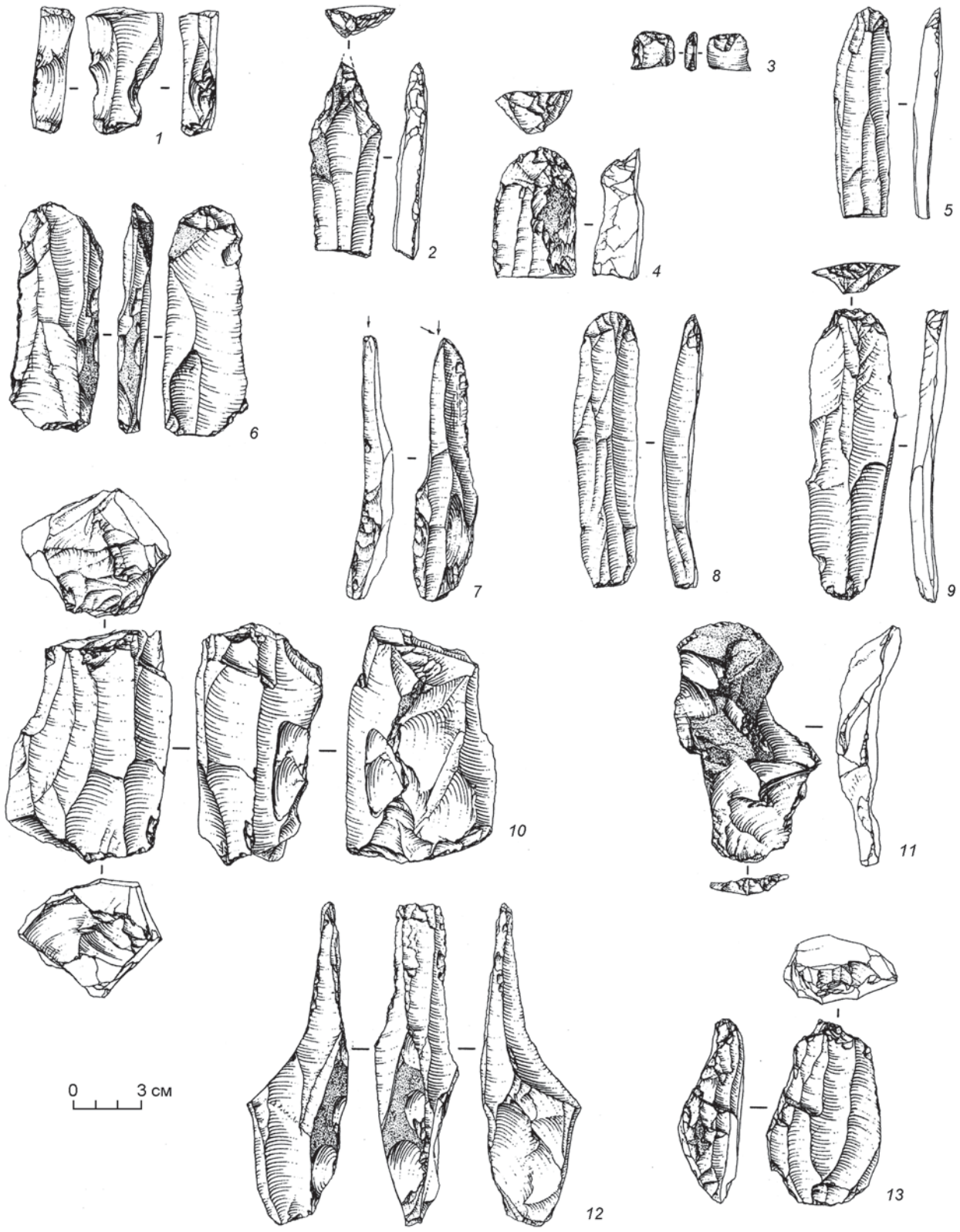

Рис. 2. Каменные артефакты из раскопа 2 стоянки Ушбулак-1 (художник М.Е. Медовикова).

1 – горизонт 7.2; *2, 4–7, 10, 12, 13* – горизонт 7.1; *3, 9* – горизонт 6.6; *8* – горизонт 6.4; *11* – горизонт 6.7.

1 – пластина с «перехватом»; *2* – ретушированный остроконечник-перфоратор; *3* – фрагмент орудия с подтеской; *4, 5, 8, 9* – концевые скребки на пластинах; *6* – тронкированно-фасетированное изделие; *7* – резец; *10, 13* – нуклеусы; *11, 12* – технические сколы.

Таблица 2. **Состав нуклевидных форм из раскопа 2 стоянки Ушбулак-1**

Категория/тип	6.1	6.2	6.8	7.1	7.2	Всего	
	экз.	экз.	экз.	экз.	экз.	экз.	%
Параллельные, с широким фронтом	**1**	**1**	**1**	**20**	**2**	**25**	**71,4**
одноплощадочные однофронтальные для отщепов	–	–	–	1	–	1	2,9
одноплощадочные однофронтальные для пластин	–	–	–	3	–	3	8,6
двухплощадочные однофронтальные встречные для пластинчатых отщепов	–	–	–	1	–	1	2,9
двухплощадочные однофронтальные встречные для пластин	–	1	–	3	–	4	11,4
двухплощадочные однофронтальные встречные, со смещением площадок, для пластин	1	–	1	10	2	14	40,0
двухплощадочные двухфронтальные встречные для пластин	–	–	–	1	–	1	2,9
двухплощадочные двухфронтальные со смежными площадками, для пластин	–	–	–	1	–	1	2,9
Параллельные, торцовые	**–**	**–**	**–**	**2**	**1**	**3**	**8,6**
одноплощадочный однофронтальный для пластин	–	–	–	–	1	1	2,9
двухплощадочные однофронтальные для пластинок	–	–	–	2	–	2	5,7
Нуклевидные обломки	**–**	**–**	**–**	**5**	**–**	**5**	**14,3**
Гальки со сколами	**–**	**–**	**–**	**2**	**–**	**2**	**5,7**
Всего	***1***	***1***	***1***	***29***	***3***	***35***	***100***

Таблица 3. **Состав орудийных форм из раскопа 2 стоянки Ушбулак-1**

Категория/тип	5.2	6.1	6.2	6.3	6.4	6.5	6.6	6.7	6.8	6		7.1	7.2	7		Всего	
	экз.	экз.	экз.	экз.	экз.	экз.	экз.	экз.	экз.	экз.	%	экз.	экз.	экз.	%	экз.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Скребла	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**1**	**–**	**1**	**–**	**3**	**6,9**	**–**	**–**	**–**	**–**	**3**	**1,8**
продольные	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	2,3	–	–	–	–	1	0,6
поперечные	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	2,3	–	–	–	–	1	0,6
диагональные	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	2,3	–	–	–	–	1	0,6
Скребки	**–**	**–**	**1**	**2**	**1**	**2**	**–**	**–**	**–**	**6**	**13,6**	**27**	**–**	**27**	**20,9**	**33**	**18,8**
концевые на пластинах	–	–	1	2	1	2	–	–	–	6	13,6	19	–	19	14,7	25	14,2
концевые на пластинах, двойные	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	2	1,6	2	1,1
концевые на пластинах, высокой формы	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	2	1,6	2	1,1
угловые	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	–	3	2,3	3	1,7
стрельчатые	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	0,8	1	0,6
Остроконечники с ретушью	**1**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**1**	**2,3**	**–**	**–**	**–**	**–**	**2**	**1,1**
Остроконечники с подтеской основания		**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**–**	**1**	**0,8**	**2**	**1,1**
Долотовидные	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**–**	**–**	**–**	**1**	**2,3**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**0,6**
Пластины с перехватом	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**1**	**0,8**	**1**	**0,6**
Тронкированно-фасетированные изделия	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**3**	**1**	**4**	**3,1**	**4**	**2,3**
Ножи	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**–**	**–**	**–**	**1**	**2,3**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**0,6**
с ретушированным лезвием	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	2,3	–	–	–	–	1	0,6
Резцы	**–**	**–**	**–**	**1**	**–**	**1**	**–**	**–**	**–**	**2**	**4,5**	**1**	**–**	**1**	**0,8**	**3**	**1,7**
угловые	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	2,3	1	–	1	0,8	2	1,1
поперечный	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	2,3	–	–	–	–	1	0,6
Перфораторы/проколки	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**–**	**–**	**–**	**1**	**2,3**	**2**	**1**	**3**	**2,3**	**4**	**2,3**

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Шиповидные	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**1**	**2,3**	**3**	**2**	**5**	**3,9**	**6**	**3,4**
Выемчатые	**–**	**1**	**–**	**–**	**–**	**1**	**1**	**1**	**–**	**4**	**9,1**	**11**	**4**	**15**	**11,6**	**19**	**10,8**
с ретушированными анкошами	–	1	–	–	–	1	1	1	–	4	9,1	11	4	15	11,6	19	10,8
Пластины с подтеской дистала	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**–**	**–**	**–**	**1**	**2,3**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**0,6**
Пластины с интенсивной ретушью	**–**	**1**	**–**	**1**	**–**	**1**	**1**	**–**	**–**	**4**	**9,1**	**16**	**9**	**25**	**19,4**	**29**	**16,5**
Пластины с нерегулярной ретушью	**–**	**–**	**3**	**–**	**1**	**4**	**1**	**2**	**1**	**12**	**27,3**	**17**	**1**	**18**	**14,0**	**30**	**17,0**
Отщепы с нерегулярной ретушью	**–**	**1**	**1**	**–**	**1**	**–**	**–**	**1**	**1**	**5**	**11,4**	**19**	**9**	**28**	**21,7**	**33**	**18,8**
Фрагменты орудий	**1**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**1**	**2**	**4,5**	**1**	**–**	**1**	**0,8**	**4**	**2,3**
Всего	***2***	***3***	***5***	***4***	***4***	***14***	***3***	***6***	***5***	***44***	***100***	***101***	***28***	***129***	***100***	***176***	***100***

перфораторов (рис. 2, *6*) и близких им крупных шиповидных орудий. Из единичных «ярких» предметов стоит отметить пластину «с перехватом» (рис. 2, *1*), ассиметричный ретушированный остроконечник с подтеской основания, долотовидное изделие (рис. 2, *3*), а также крупный угловой резец, близкий по форме к нуклеусам-резцам (рис. 2, *7*).

Особенности первичного расщепления, а также характер орудийного набора позволяют интерпретировать данную индустрию как относящуюся к начальному этапу верхнего палеолита (НВП). Такой культурной атрибуции не противоречат и результаты абсолютного датирования. Так, в 2017 г. в AMS-лаборатории ЦКП «Геохронология кайнозоя» (г. Новосибирск) по мелким фрагментам костей был определен радиоуглеродный возраст нижней пачки отложений слоя 6 (6.5–6.8) – 41 110 ± 302 л.н. (NSKA-01811). При обработке этих данных с помощью программы OxCal получена калиброванная дата – 45 249–44 012 calBP (OxCal, v. 4.3.2.).

Комплексы НВП были изначально охарактеризованы на примере материалов стоянки Бокер-Тахтит и грота Кзар-Акил (Левант) и в настоящее время идентифицированы во многих районах Евразии. Для них характерны доминирование технологии производства крупных пластин и удлиненных остроконечных сколов, преобладание в орудийном наборе некоторых специфических верхнепалеолитических типов орудий. Выделяются несколько регионов, где встречены индустрии начального верхнего палеолита, – Центральная Европа, Ближний Восток, Горный Алтай, Забайкалье, Монголия, Северный Китай [Деревянко, 2011].

По особенностям первичного расщепления и набору орудийных типов индустрия слоев 5.2–7 Ушбулака-1 аналогична стратифицированным НВП-комплексам, найденным на территории Южной Сибири (Кара-Бом) и Северной Монголии (Толбор-4). Занимая относительно близкое географическое положение, Ушбулак-1 позволяет объединить все эти индустрии в один макрорегион и проследить возможные пути распространения пластинчатых НВП-индустрий в северной части Центральной Азии.

Результаты раскопок в 2017 г. на стоянке Ушбулак-1 показали, что в настоящее время она является наиболее перспективным объектом изучения ранних этапов верхнего палеолита в регионе.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 560 с.

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Павленок Г.Д. Новая многослойная верхнепалеолитическая стоянка Ушбулак-1 в Восточном Казахстане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 208–213.

References

Derevianko A.P. The Upper Paleolithic in Africa and Eurasia and the Origin of Anatomically Modern Humans. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, 560 p.

Shun'kov M.V., Taimagambetov J.K., Anoikin A.A., Pavlenok K.K., Harevich V.M., Kozlikin M.B., Pavlenok G.D. Novaya mnogosloinaya verhnepaleoliticheskaya stoyanka Ushbulak-1 v Vostochnom Kazahstane. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 208–213 (in Russ.).

УДК 903.43(571.55)«653»

В.В. Ахметов, С.В. Алкин

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: alkin-s@yandex.ru

Археологическая разведка в Сретенском районе Забайкальского края в 2014 году

В 2014 г. Шилкинско-Благовещенским отрядом ИАЭТ СО РАН была проведена археологическая разведка в Сретенском р-не Забайкальского края. В результате выявлены два объекта археологического наследия – стоянки Усть-Чёрная-3 и Усть-Желтуга-3. Последняя представляет собой перспективный для исследования памятник неолита, учитывая насыщенность артефактами обнаруженного культурного слоя. Были уточнены данные по следующим объектам археологического наследия: Ларгинская писаница, городище Сивачи, местонахождение Кудикан, стоянка Тонтока-1, селище Тонтока-2, поселения Усть-Желтуга-1, -2. С целью проверки гипотезы об осуществлении коммуникации между городищами Шилкинской системы посредством размещения сигнальных огней был проведен натурный эксперимент по реконструкции системы сигнальных кострищ на Усть-Чёрнинском и Чудейском городищах.

Ключевые слова: *Юго-Восточное Забайкалье, р. Шилка, верхний палеолит, неолит, каменная индустрия, первичное расщепление, керамика, средневековое городище, петроглифы.*

V.V. Akhmetov, S.V. Alkin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: alkin-s@yandex.ru

Archaeological Survey in the Sretensky District of the Transbaikal Region in 2014

In the field season of 2014, the Shilka-Blagoveshchensk unit of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS conducted archaeological survey in the Sretensky District of the Transbaikal Region. Two objects of archaeological heritage (Ust-Chernaya-3; Ust-Zheltuga-3) have been found. Ust-Zheltuga-3 is a Neolithic site very promising for further research given the saturation of artifacts in the cultural layer. Seven objects of archaeological heritage were reexamined, including the petroglyphs of Largi, fortified settlement of Sivachi, Kudikan site, Tontoka-1 site, Tontoka-2 settlement, Ust-Zheltuga-1 settlement, and Ust-Zheltuga-2 settlement. For testing the hypothesis concerning possible communication between the settlements of the Shilkinsky system by means of signal lights, a field experiment was carried out with the purpose of reconstructing the system of signal fires at Ust-Cherninsky and Chudeiskoye fortified settlements.

Keywords: *southeastern Transbaikal Region, Shilka River, Upper Paleolithic, Neolithic, stone industry, primary knapping, ceramics, medieval fortification, petroglyphs.*

В полевом сезоне 2014 г. Шилкинско-Благовещенским отрядом ИАЭТ СО РАН была проведена археологическая разведка в Сретенском р-не Забайкальского края, во время которой, помимо выявления новых объектов археологического наследия, планировалось уточнить сведения об уже известных памятниках. Отрядом Дальневосточной археологической экспедиции Института истории материальной культуры Ленинградского отделения АН СССР под руководством А.П. Окладникова в июле–августе 1954 г. было открыто значительное количество разновременных памятников археологии в среднем и нижнем течении р. Шилка [Окладников, Ларичев, 1999]. В последующие годы этот район и некоторые из зафиксированных в середине 1950-х гг. памятников изредка посещали археологи из Читы и Новосибирска и проводили дообследование и постановку на учет объектов археологического наследия [Мазин, 1986, с. 29–34; Черенщиков, 1992]. Имеются сведения об открытии

новых объектов, однако в научный оборот они введены не были [Черенщиков, 2013, с. 125–127; и др.]. С 2006 г. бассейн Шилки в ее среднем течении изучается археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН (до 2011 г. – совместно с отрядом Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова). В результате обнаружены новые памятники широкого хронологического диапазона от верхнего палеолита до раннего Средневековья, проведены стационарные раскопки Средневекового городища у с. Усть-Чёрная, на примере которого изучается культура мигрантов (троицкий тип мохэской археологической культуры) из районов Среднего Приамурья, включая анализ особенностей их хозяйственной адаптации, фортификации и домостроительства [Алкин, 2012, 2014; Алкин, Ахметов, 2012].

В 2014 г. программа обследования долины р. Шилки была продолжена на участке между устьями двух крупных левых притоков этой реки – р. Чёрная и р. Желтуга.

В первую очередь был изучен приустьевой участок р. Чёрная, расположенный в 150–200 м к юго-западу от самого восточного озера из цепи старичных озер Колок. Ранее там были обнаружены материалы верхнепалеолитического облика [Мороз, Колосов, Афанасьев, 2010]. Для выявления границ распространения культурных остатков был заложен исследовательский шурф, который дал коллекцию каменных артефактов верхнепалеолитического облика (отщепы и чешуйки) и мелкие фрагментированные кости животных. По близлежащему географическому объекту данная стоянка обозначена как Усть-Чёрная-3.

Во время проведения археологических работ в 2006–2013 гг. местные жители неоднократно сообщали, что в районе с. Горбица (в 25 км ниже устья р. Чёрной) в долине р. Ларги, правого притока р. Шилки, имеются наскальные изображения. Как нам известно, ранее археологи этот объект не посещали. Обследование скальных выступов по правому борту р. Ларги позволило обнаружить уникальный для Юго-Восточного Забайкалья петроглифический памятник. Ларгинская писаница находится в 5 км от устья реки. Она состоит более чем из 20 элементов. Изображения нанесены с помощью минеральной краски – красной и оранжевой охры. Отчетливо выделяются изображения антропоморфных фигур, птиц, быка (?), дерева. По аналогии с петроглифами таежной зоны Восточного Забайкалья и сопредельных территорий Приамурья и Якутии памятник датируется эпохой бронзы.

Согласно отчету и полевым записям экспедиции 1954 г., вблизи устья левого притока Шилки р. Кудикан были обнаружены отщепы и грубые каменные орудия из галек [Окладников, Ларичев, 1999, с. 14]. Шурфовка первой надпойменной террасы ниже устья р. Кудикан археологического материала не дала. Однако в коллекции подъемного материала, собранного на берегу Шилки у бровки террасы, оказались несколько каменных артефактов архаического облика (рис. 1).

Далее было обследовано устье руч. Тонтока при впадении его в р. Шилка. Культурные отложения были зафиксированы здесь в 1954 г. Однако сведения, указанные в полевом дневнике А.П. Окладникова, носят отрывочный характер. При осмотре устья руч. Тонтока нами было обнаружено восемь западин жилищных построек типа полуземлянок, аналогичных изученным ранее на укрепленных поселениях Усть-Чёрнинское и Сивачи рубежа I и II тыс. н.э. Зачистка края террасы в устье ручья показала наличие двух культурных слоев. Один из них, по всей видимости, соотносится с жилищными западинами и представлен находками, относящимися к раннему Средневековью. Второй слой представлен каменными артефактами неолитического облика.

На завершающем этапе разведки было обследовано устье р. Желтуга, по которой проходит граница между Сретенским и Могочинским районами Забайкальского края. В полевых записях экспедиции 1954 г. р. Желтуга не упоминается. Однако в устье р. Желтуга уже известны два памятника – поселения Усть-Желтуга-1 и Усть-Желтуга-2. Оба объекта культурного наследия выявлены Верхнеамурской археологической экспедицией под руководством

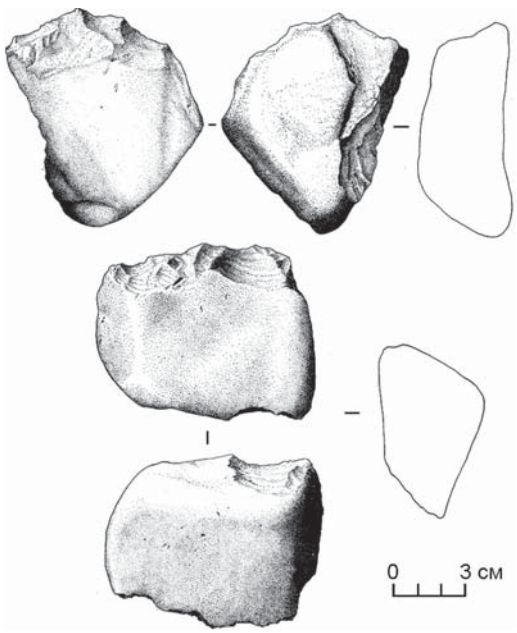

Рис. 1. Каменные артефакты. Местонахождение Кудикан.

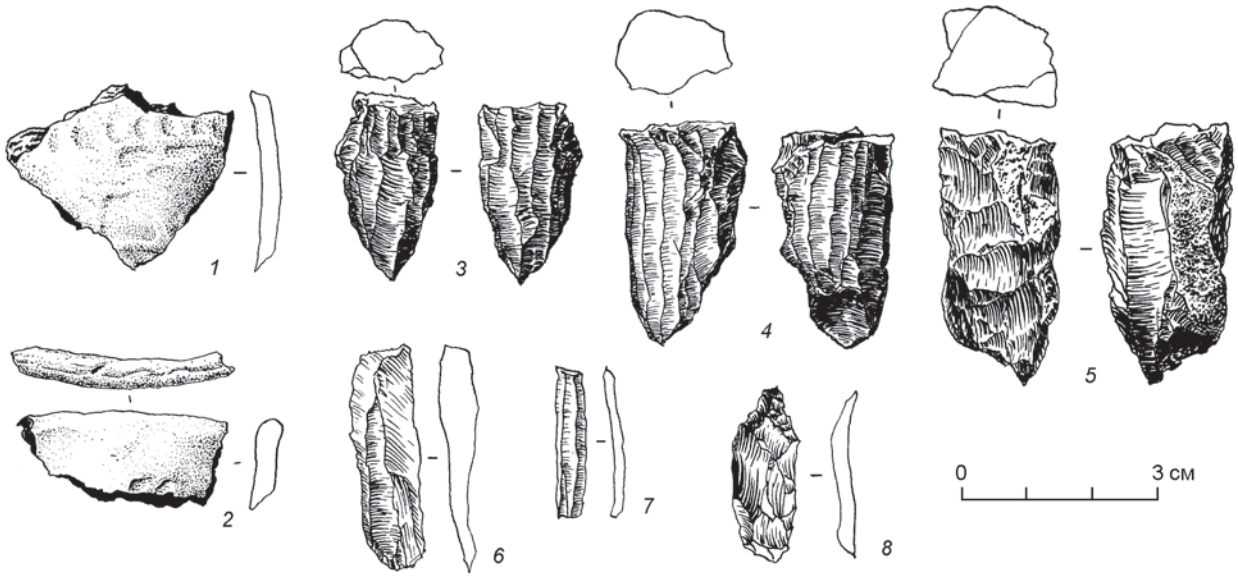

Рис. 2. Каменные артефакты и керамика. Местонахождение Усть-Желтуга-3.
1, 2 – керамика; *3–8* – камень.

И.И. Кириллова в 1992 г., когда были обнаружены несколько жилищных западин, отнесенных предварительно к энеолиту – раннему железному веку. На момент обследования в 2014 г. первая терраса, на которой, согласно описанию, располагалось поселение Усть-Желтуга-1, оказалась занята хозяйственными постройками и сельскохозяйственными угодьями. Подтвердить наличие там «3-4 ям-жилищ 2 × 3 м» не удалось. На поверхности второй террасы действительно имеется несколько западин, но только семь, а не десять, как утверждалось в 1992 г.

Обследование надпойменных террас в устье р. Желтуги также позволило установить, что у подножья склона имеется несколько скоплений глыб и обломков скальных пород – т.н. курумников. На поверхности одного из них среди скальных глыб были обнаружены крупный фрагмент тулова неорнаментированного керамического сосуда и фрагменты его дна. Находка может быть определена как синхронная поселению с западинами, которые относятся к Шилкинской системе городищ рубежа I и II тыс. н.э.

На поверхности второй надпойменной террасы в результате шурфовки был обнаружен культурный слой с большой площадью простирания, насыщенный каменными артефактами из халцедона, мелкими фрагментами керамических сосудов и кальцинированными фаунистическими остатками. Особенности техники первичного расщепления, представленной торцово-клиновидными формами нуклеусов, многочисленными микропластинками вкупе с фрагментами керамики из глиняного теста с добавлением песка, позволяют зафиксировать в устье Желтуги новый неолитический памятник с рабочими площадками по изготовлению каменных орудий (рис. 2).

В ходе проведенных работ в Сретенском р-не Забайкальского края было обследовано девять участков, выявлены два объекта археологического наследия: на участке 1 – стоянка Усть-Чёрная-3; на участке 9 – стоянка Усть-Желтуга-3. Были уточнены данные по семи объектам археологического наследия: Ларги, писаница; Сивачи, городище; Кудикан, местонахождение; Тонтока-1, стоянка; Тонтока-2, селище; Усть-Желтуга-1, поселение; Усть-Желтуга-2, поселение. Также с целью проверки гипотезы об осуществлении коммуникации между городищами Шилкинской системы посредством размещения сигнальных огней был проведен натурный эксперимент по реконструкции системы сигнальных кострищ на средневековых Усть-Чёрнинском и Чудейском городищах.

Список литературы

Алкин С.В. Миграция мохэ на р. Шилка в Забайкалье: к проблеме ранних контактов прототунгусов и протомонголов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сент. 2012 г.). – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3.2. – С. 499–504.

Алкин С.В. Средневековые городища на Шилке // Сретенск. – Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2014. – С. 23–29.

Ахметов В.В., Алкин С.В. Разведочные работы в районе Усть-Чёрнинского городища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 160–163.

Мазин А.И. Таежные писаницы Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.

Мороз П.В., Колосов В.К., Афанасьев С.А. Стоянка Усть-Чёрная I – многослойный стратифицированный памятник (Восточное Забайкалье) // Традиционная культура востока Азии: сб. ст. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. – Вып. 6. – С. 110–120.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 1999. – Вып. 2. – С. 4–29.

Черенщиков О.Ю. Очерки древней истории Шилки. – Сретенск: [Б.и.], 1992. – 34 с.

Черенщиков О.Ю. Камень на ладони. – Чита: Экспресс-издательство, 2013. – 236 с.

References

Akhmetov V.V., Alkin S.V. Razvedochnye raboty v raione Ust'-Cherninskogo gorodishcha. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 160–163 (in Russ.).

Alkin S.V. Migratsiya mokhe na r. Shilka v Zabaikal'e: k probleme rannikh kontaktov prototungusov i protomongolov. In *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (Ulan-Bator, 5–9 sent. 2012 g.)*. Ulan-Bator: Mong. State Univ. Press, 2012, iss. 3.2, pp. 499–504 (in Russ.).

Alkin S.V. Srednevekovye gorodishcha na Shilke. In *Sretensk*. Chita: Zabaikal. State Univ. Press, 2014, pp. 23–29 (in Russ.).

Cherenshchikov O.Yu. Ocherki drevnei istorii Shilki. Sretensk: [S.n.], 1992, 34 p. (in Russ.).

Cherenshchikov O.Yu. Kamen' na ladoni. Chita: Ekspress-izdatel'stvo, 2013, 236 p. (in Russ.).

Mazin A.I. Taezhnye pisanitsy Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1986, 260 p. (in Russ.).

Moroz P.V., Kolosov V.K., Afanas'ev S.A. Stoyanka Ust'-Chernaya i mnogosloinyi stratifitsirovannyi pamyatnik (Vostochnoe Zabaikal'e). In *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk: Amur. State Univ. Press, 2010, iss. 6, pp. 110–120 (in Russ.).

Okladnikov A.P., Larichev V.E. Arkheologicheskie issledovaniya v basseyne Amura v 1954 godu. In *Traditsionnaya kultura Vostoka Azii*. Blagoveshchensk: Amur. State Univ. Press, 1999, iss. 2, pp. 4–29 (in Russ.).

УДК 903.02«634»(571.53)

В.И. Базалийский[1], О.И. Горюнова[1, 2]

[1]Иркутский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: as122@yandex.ru

Керамика из исаковских погребений (поздний неолит) могильника Усть-Ида I в Прибайкалье

Представлены результаты анализа комплекса исаковской керамики позднего неолита Прибайкалья (радиоуглеродный возраст 5 200–4 500 л.н.). Работа выполнена на материалах могильника Усть-Ида I (19 сосудов из 17 погребений). В настоящее время керамический комплекс из этого могильника является самым представительным по сравнению с другими объектами исаковской группы захоронений региона. Выделены характерные черты в морфологии, технологии и орнаментации сосудов. Установлено, что конструирование посуды проводилось с использованием зонального лоскутного налепа. Формовка донных частей выполнялась на формах-основах. Поверхность всей посуды – сетчатая. Орнамент в основном располагался вдоль венчика и по его срезу. Преобладают простые композиции (горизонтальная линия или зигзаг), выполненные одним штампом (ямочными вдавлениями или прочерченными линиями).

Ключевые слова: *Прибайкалье, поздний неолит, исаковские погребения, сетчатая керамика, технико-морфологический анализ.*

V.I. Bazaliysky[1], O.I. Goryunova[1, 2]

[1]Irkutsk State University
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: as122@yandex.ru

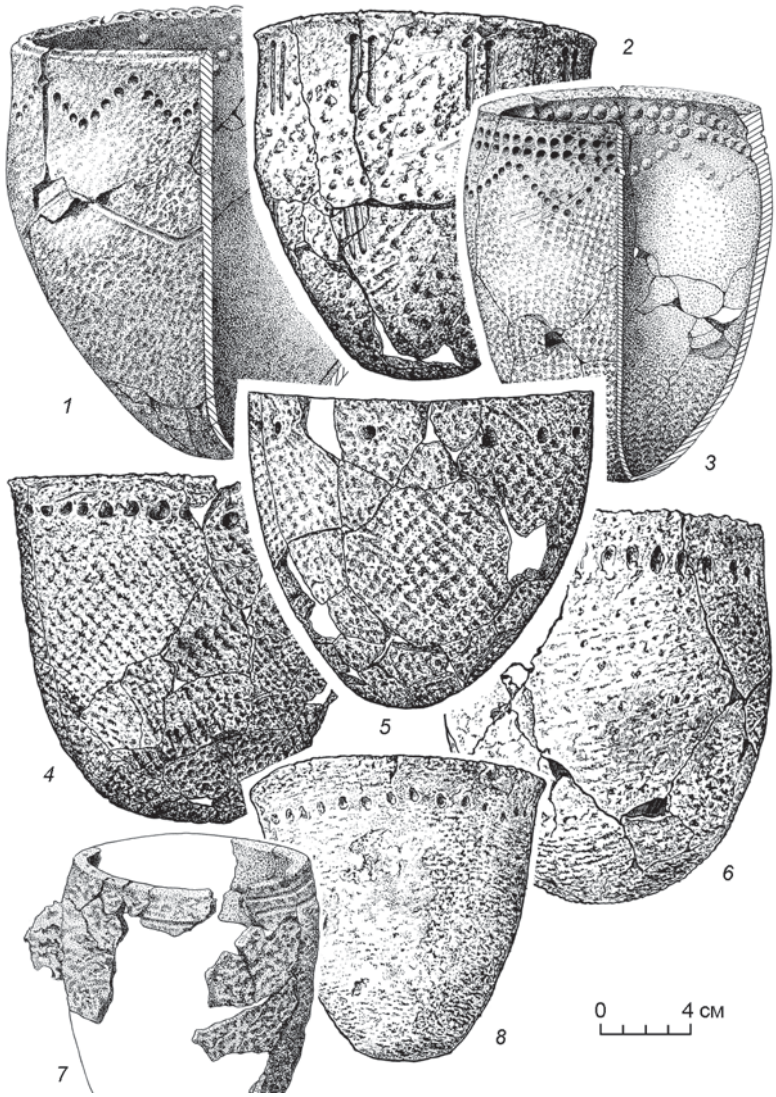
Pottery from the Isakovo Burials (The Late Neolithic) at the Ust-Ida I Burial Ground of the Baikal Region

The study presents the results of technical and morphological analysis of the Late Neolithic Isakovo pottery complex from the Baikal region (the radiocarbon date is 5200–4500 BP), obtained from the materials of the Ust-Ida I burial ground (19 vessels from 17 burials). Presently, the pottery complex from this burial ground is the most representative compared to other objects of the Isakovo group of burials in the region. Specific features of morphology, technology, and ornamental decoration of the vessels are identified. It is established that dishes were shaped using zonal patchwork clay molding. The bottom parts were formed on base molds. The surface of the dishes is netted. Ornamental decoration was usually placed along the rim and on its top with the domination of simple compositions (horizontal line or zigzag) made by the single stamp (pits or traced lines).

Keywords: *Baikal region, Late Neolithic, Isakovo burials, netted pottery, technical and morphological analysis.*

Исаковская культура неолита Прибайкалья выделена в первой половине XX в. А.П. Окладниковым на материалах 13 погребений с четырех могильников: Исаково, Пономарево, Братский Камень и о. Сизовский [Окладников, 1950, с. 166]. Первоначально ее относили к раннему неолиту. В настоящее время, с появлением в конце прошлого века серии радиоуглеродных дат, захоронения с исаковской погребальной традицией относят к позднему неолиту и датируют в пределах 5 200–4 500 л.н. (даты некалиброванные) [Базалийский, 2012, табл. 5]. На территории юга Байкальской Сибири за все годы исследований вскрыто 67 исаковских погребений. Ареал их распространения – Приангарье. Наиболее крупный могильник с исаковскими погребениями – Усть-Ида I, материалы которого составляют более половины всех известных комплексов этой культурно-хронологической группы.

Могильник расположен на 20-метровой террасе правого берега р. Ангары, ниже по течению от устья р. Иды, в 145 км к СЗ от г. Иркутска. Местонахождение обнаружено отрядом Братской археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова в 1956 г. (вскрыто одно погребение). В 1986–1987 гг., в связи с максимальным подъемом воды в Братском водохранилище, на могильнике были проведены спасательные работы местными краеведами – Н.В. Фетисовым и Э. Лемещенко [Тютрин, Базалийский, 1996]. Ими вскрыто шесть неолитических могил. С 1987 г. по 1996 г. раскопки некрополя периодически проводились отрядами Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета под руководством В.И. Базалийского. В результате на хронологически разновременном могильнике вскрыто 33 поздненеолитических захоронения с исаковской погребальной традицией [Базалийский, 2012, с. 86]. Результаты раскопок введены в научный оборот в виде предварительных публикаций и использованы в обобщающих работах по погребальным комплексам неолита Байкальской Сибири [Проклина, 1988; Тютрин, Базалийский, 1996; Базалийский, 2012; Bazaliiskii, 2010, p. 74–77]. Специальных исследований, посвященных анализу сопроводительного инвентаря этих комплексов, не проводилось. Особенностью погребальной практики исаковских захоронений является наличие в составе сопроводительных материалов керамических сосудов. На некрополе Усть-Ида I они зафиксированы в 17 могилах и насчитывают 19 экз. Все исследуемые сосуды располагались непосредственно в могилах, в районе черепа, пояса и костей ног. Преобладающее их размещение – справа от костяка.

Керамические сосуды из исаковских погребений могильника Усть-Ида I.

1 – № 11; *2* – № 20 (сосуд 1); *3* – № 16; *4* – № 20 (сосуд 2); *5* – № 32; *6* – № 54; *7* – № 10; *8* – № 53.

Цель предлагаемой статьи – провести анализ керамической посуды из исаковских погребений могильника Усть-Ида I и выявить некоторые характерные черты гончарного производства. Работа носит предварительный характер и строится преимущественно на визуальной основе. Специальным исследованиям технологии изготовления комплекса исаковской керамической посуды будет посвящена отдельная публикация.

Общая морфология (см. *рисунок*). Форма исаковской посуды простая (11 экз.) и сложная, с отогнутым венчиком (8 экз.). Сосуды простой формы в основном закрытые (7 экз.); практически все они остродонные (10 экз.). Вся посуда сложной формы открытая (диаметр венчика больше или равен диаметру тулова); остродонная или круглодонная (в равном соотношении). У двух остродонных сосудов отмечено уплощенное дно (№ 22 и 53). Срез венчика практически у всех сосудов прямой. На сосуде из погр. № 10 зафиксировано вертикально расположенное ушко (см. *рисунок*, *7*). Преобладают сосуды высотой от 13 до 16 см (12 экз.). Высота пяти сосудов – от 17 до 19 см, одного – 10,5 см. Диаметры венчиков от 9,5 до 18 см. Толщина стенок преимущественно 4–5 мм, реже (5 экз.) – 6 мм. Венчики,

как правило, несколько толще, чем стенки; их толщина варьирует от 6 до 10 мм.

Технологические особенности. Исходным сырьем для изготовления керамики служила глина разной степени запесоченности (в основном – средней). В составе формовочной массы большинства сосудов отмечены включения кварца (естественные или искусственно добавленные – определить не удалось). Вся исаковская посуда с оттисками сетки-плетенки; в 13 случаях она отмечена и по срезу венчика. Как правило, негативы четкие, рельефные, однонаправленные. На девяти сосудах наблюдаются участки со сглаженными сетчатыми негативами, образующими «рябчатую» поверхность, либо полностью стертыми. Часть из них получена, вероятно, при окончательной формовке сосуда (например, отгиб венчика) или нанесении орнамента по сырой глине (замятость и стертость сетчатых негативов, соответствующих захватам руки). Преобладают оттиски ячеи размерами 5 мм. На внутренней поверхности донных частей 11 сосудов зафиксированы негативы сетчатой основы, на которой, вероятно, производилась лепка изделия. На дне сосуда из погр. № 26 отмечены широкие разнонаправленные оттиски от формы-основы иного типа. У сосуда из погр. № 21, видимо, дно выдавливалось из куска глины (соответствующие оттиски пальцев видны на внутренней и внешней его поверхностях). Делать выводы о способе конструирования сосудов не всегда представляется возможным. На визуальном уровне отмечено, что, вероятно, большинство сосудов изготовлено при помощи зонального лоскутного налепа, о чем свидетельствуют расслоения по спаям. Донная часть формовалась отдельно на форме-основе, которой могли служить другие сетчатые сосуды. В изломе черепки имеют различную окрашенность – однотонную и двухцветную (темно-серые или черные у внутренней поверхности).

Орнаментация. Вся посуда из исаковских погребений могильника Усть-Ида I декорирована. Узор располагался вдоль венчика сосуда; в редких случаях он дополнительно нанесен на тулово. У 11 сосудов украшен срез венчика.

В орнаментации преобладают простые композиции, состоящие из одного мотива. Доминирует линейный мотив в виде горизонтальной линии (15 экз.) или горизонтального зигзага (2 экз.). Как правило, сосуд декорирован одним штампом. Основу узора составляют ямочные вдавления округлой (12 экз.), реже овальной (2 экз.) формы (см. *рисунок*, *4–6, 8*). Они группируются одним горизонтальным поясом (11 экз.), либо в два ряда (3 экз., на одном из них ряды разорваны на отдельные группы). Орнамент на двух сосудах нанесен прочерченными линиями (две горизонтальные линии на одном и горизонтальный зигзаг на другом). На сосуде из погр. № 11 отмечены две техники нанесения узора: ямочные вдавления и прочерчивание (см. *рисунок*, *1*). Они образуют два горизонтальных зигзага (один – вдоль венчика, другой – на тулове).

Сложные композиции, состоящие из нескольких мотивов, встречены в двух случаях. На сосуде из погр. № 16 – сочетание двух горизонтальных линий и горизонтального зигзага; узор выполнен ямочными вдавлениями округлой формы (см. *рисунок*, *3*). Композиция на сосуде 1 из погр. № 20 представлена пояском ямочных вдавлений, парных вертикальных прочерченных линий, ниже которых (по тулову) идут парные наклонные линии (см. *рисунок*, *2*).

Срез венчика украшали вдавлениями округлого или овального штампа (4 экз.), насечками (4 экз.) и пальцевыми вдавлениями (3 экз.).

В настоящее время керамический комплекс из могильника Усть-Ида I является самым представительным по сравнению с другими объектами исаковской группы захоронений. Установлено, что эти сосуды имеют общие морфо-технологические признаки. Выделяется посуда простой закрытой формы, с приостренным (реже округлым) дном и сосуды сложной формы (с отогнутым венчиком), открытые, с круглым или приостренным дном. Вся керамика – с оттисками сетки плетенки, негативы которой, как правило, четкие, однонаправленные. Отмечено, что изготовление сосудов в основном производилось на формах-основах с использованием зонального лоскутного налепа. Орнамент, как правило, располагался вдоль венчика сосуда (в редких случаях дополнительно нанесен на тулово) и по срезу венчика. Преобладают простые композиции, состоящие из одного мотива (горизонтальная линия или зигзаг). Основу узора составляют ямочные вдавления округлой или овальной формы. В ряде случаев они сочетаются с прочерченным узором (горизонтальная линия или зигзаг, вертикальные или наклонные короткие линии).

Выделенные особенности керамического комплекса соотносятся с описанием исаковских сосудов, опубликованным А.П. Окладниковым по материалам могильников Исаково, Пономарево и Братский Камень [Окладников, 1950, с. 166–172].

Работы по изучению исходного сырья и формовочных масс, а также по экспериментальному моделированию керамики юга Байкальской Сибири только начались [Бердников и др., 2016]. В дальнейшем планируется провести сравнительный анализ исаковской керамики и сетчатой посуды из китойских (ранненеолитических) и серовских (позднеолитических) погребений региона.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10169).

Список литературы

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: Традиции погребений, абсолютный возраст // Изв. лаборатории древних технологий. – 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.

Бердников И.М., Соколова Н.Б., Уланов И.В., Роговской Е.О. Некоторые аспекты технологических традиций в гончарстве западной части Байкальской Сибири // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2016. – Вып. 5. – С. 172–179.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1/2. – 412 с. – (МИА; № 18).

Проклина Т.В. Могильник Усть-Ида I на р. Ангаре // Проблемы археологии Северной Азии (К 80-летию А.П. Окладникова). – Чита: Читин. гос. пед. ин-т, 1988. – С. 97–98.

Тютрин А.А., Базалийский В.И. Могильник в устье р. Иды в Приангарье // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1996. – Ч. 1. – С. 85–90.

Bazaliiskii V.I. Mesolithic and Neolithic mortuary complexes in the Baikal region // Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: bioarchaeological studies of past life ways. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. – P. 51–86.

References

Bazaliiskii V.I. Mesolithic and Neolithic mortuary complexes in the Baikal region. In *Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: bioarchaeological studies of past life ways*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010, pp. 51–86.

Bazaliiskii V.I. Pogrebal'nye kompleksy epokhi pozdnego mezolita – neolita Baikal'skoi Sibiri: Traditsii pogrebenii, absolyutnyi vozrast. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*. 2012, iss. 9, pp. 43–101 (in Russ.).

Berdnikov I.M., Sokolova N.B., Ulanov I.V., Rogovskoi E.O. Nekotorye aspekty tekhnologicheskikh traditsii v goncharstve zapadnoi chasti Baikal'skoi Sibiri. In *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury*. Irkutsk: Irkut. State Univ. Press, 2016, iss. 5, pp. 172–179 (in Russ.).

Okladnikov A.P. Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ya. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, 1950, pt. 1/2, 412 p. (MIA; No. 18) (in Russ.).

Proklina T.V. Mogil'nik Ust'-Ida I na r. Angare. In *Problemy arkheologii Severnoi Azii (K 80-letiyu A.P. Okladnikova)*. Chita: Chita State Ped. Inst. Press, 1988, pp. 97–98 (in Russ.).

Tyutrin A.A., Bazaliiskii V.I. Mogil'nik v ust'e r. Idy v Priangar'e. In *Arkheologiya, paleoekologiya i etnologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Irkutsk: Irkut. State Univ. Press, 1996, pt. 1, pp. 85–90 (in Russ.).

УДК 903.01

Н.Е. Белоусова, Е.П. Рыбин, А.Ю. Федорченко, А.А. Анойкин

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: nataliabelousovaarch@gmail.com

Новые археологические исследования палеолитической стоянки Кара-Бом (Горный Алтай)

В полевом сезоне 2016 г. были проведены археологические исследования палеолитической стоянки Кара-Бом. С целью уточнения стратиграфической ситуации на памятнике и отбора образцов для радиоуглеродного AMS- и OSL-датирования была осуществлена зачистка разреза 1991 г. Изученная стратиграфическая последовательность включала пять литологических слоев делювиального генезиса и два уровня залегания археологического материала верхнего палеолита. Наиболее древняя концентрация находок (44 экз.) была зафиксирована в слое 4. Более поздняя концентрация (5 экз.) приурочена к слоям 1 и 2. По своим литологическим характеристикам и археологической составляющей слой 4 разреза 2016 г. аналогичен слою 6 разреза 1991 г., в котором ранее был зафиксирован комплекс кара-бомовской культурной традиции начала верхнего палеолита.

Ключевые слова: *Горный Алтай, начало верхнего палеолита, стратиграфическая последовательность, технологии расщепления камня, кара-бомовская культурная традиция.*

N.E. Belousova, E.P. Rybin, A.Yu. Fedorchenko, A.A. Anoykin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: nataliabelousovaarch@gmail.com

New Archaeological Research at the Kara-Bom Palaeolithic Site (The Altai Mountains)

In 2016, new field research at the Kara-Bom site was conducted. The stratigraphic profile of 1991 was unearthed for clarifying the stratigraphy of the site and collecting samples for AMS- and OSL-dating. The studied stratigraphic sequence included five colluvial and aeolian lithological layers and two layers of archaeological materials of the Upper Paleolithic. The earliest concentration of archaeological materials (44 objects) was discovered in the lower in layer 4. A later concentration of artifacts (5 objects) occurred in layers 1 and 2. In terms of its lithological characteristics and archaeological assemblage, layer 4 is similar to layer 6 of the 1991 profile, which contained the archaeological assemblage of the Kara-Bom Initial Upper Palaeolithic cultural tradition.

Keywords: *Altai Mountains, Beginning of the Upper Paleolithic, stratigraphic sequence, stone knapping technique, Kara-Bom cultural tradition.*

Многослойный археологический памятник Кара-Бом был обнаружен на территории Онгудайского р-на Республики Алтай в 1981 г., последующие полевые исследования осуществлялись в несколько этапов до 1993 г. [Окладников, 1983; Деревянко и др., 1998]. Стоянка представляет собой небольшое укрытие у подножия скального уступа, рядом с источником родниковой воды и руслом небольшого ручья. Лучшее на территории Горного Алтая каменное сырье, функциональная специфика и уникальная сохранность отложений делают этот археологический объект богатейшим источником информации о технологических, адаптационных и культурных процессах, происходивших в регионе в эпоху среднего и верхнего палеолита. Результаты исследований стоянки имеют важное значение для решения проблем культурного взаимодействия носителей верхнепалеолитических и среднепалеолитических традиций региона.

Археологические комплексы Кара-Бома в настоящее время рассматриваются как эталонные при определении технологических характеристик кара-бомовской культурной традиции начала верхнего палеолита и кара-бомовской традиции средне-

го палеолита Горного Алтая [Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000]. Каменные индустрии верхнепалеолитической кара-бомовской традиции относят к единой южносибирско-центральноазиатской культурной общности начального верхнего палеолита [Славинский и др., 2017].

Изученная площадь стоянки составляет ок. 350 м^2. Археологические материалы были обнаружены в пачке рыхлых отложений склонового генезиса, прислоненных к вертикальной скальной стене, сложенной ступенеобразными уступами метоморфизованных сланцев [Николаев, 1998]. Индустрии стоянки Кара-Бом, зафиксированные на стратифицированном участке (раскоп 4, 1992–1993 гг.), отнесены к разным этапам палеолитического времени: культурные горизонты СП1 и СП2 – к среднему палеолиту, культурные горизонты ВП2 (ок. 43 тыс. л.н.) и ВП1 (в пределах 30–34 тыс. л.н.) – к начальному и раннему этапам верхнего палеолита (возраст дается на основе некалиброванных радиоуглеродных дат) [Славинский, Рыбин, Белоусова, 2016].

В 2016 г. были осуществлены новые полевые исследования стоянки Кара-Бом с целью уточнения стратиграфической ситуации на памятнике, а также отбора образцов для радиоуглеродного AMS- и OSL-датирования (рис. 1, *а, б*). В процессе работ была произведена зачистка стратиграфического профиля, полученного в результате полевых изысканий 1991 г. Разрез расположен на высоком скальном уступе в северной части памятника, на участке квадратов Л–М/7–9. Именно здесь впервые за годы исследований в контексте археологического комплекса начального верхнего палеолита была выявлена зона концентрации предметов символической деятельности и природных красителей [Деревянко, Рыбин, 2003]. В рамках полевых работ 2016 г. производилась зачистка двух смежных стратиграфических профилей: по линии квадратов Н (протяженность 2,3 м) и линии квадратов 6 (протяженность 1,8 м). Мощность зачищенных отложений по линии Н в западной части разреза составила 0,8 м, в центральной части – 1,4 м, в восточной части – 0,7 м. Мощность разреза по линии 6 колеблется от 0,8 до 1,5 м.

Последовательность отложений по линии Н включала пять литологических слоев делювиального генезиса (рис. 1, *в*). Слои залегали субгоризонтально или под небольшим углом (ок. 10°) по направлению падения склона. Границы слоев выражены отчетливо; исключение составляет восточная часть профиля, где фиксируется значительное влияние эрозионных процессов.

Слой 1 сформирован коричневато-серыми суглинками, в значительной степени нарушен эрозионными процессами и процессами современного почвообразования. Мощность 0,10–0,25 м.

Слой 2 сформирован светло-коричневыми песчанистыми суглинками, насыщен крупным обломочным материалом. Мощность 0,25–0,45 м.

Слой 3 обладает характеристиками, аналогичными слою 2, однако в меньшей степени насыщен обломочным материалом. Мощность 0,25–0,45 м.

Слой 4 сформирован серыми и серо-коричневыми песчанистыми суглинками, насыщенными мелким гравием и дресвой; в западной части слой залегал на кровле сильно выветрелой сланцевой породы (мощность – 0,2–0,3 м), в восточной – на кровле слоя 5.

Слой 5 сформирован сильно опесчаненными желто-коричневыми суглинками, залегал на субгоризонтальной поверхности скального уступа. Мощность 0,10–0,25 м.

Культуросодержащими являются литологические слои 1, 2 и 4.

Изученные отложения включали два уровня залегания археологического материала. Верхний уровень приурочен к литологическим слоям 1 и 2. В них зафиксирована небольшая коллекция из пяти каменных артефактов, облик которых не позволяет определить культурную принадлежность ансамбля: один нуклеус для отщепов или заготовка для нуклеуса, четыре скола без вторичной обработки – три фрагментированные пластины и один мелкий отщеп.

В нижней части разреза, в границах залегания слоя 4, напротив, была обнаружена представительная коллекция археологического материала. Комплекс слоя 4 представлен 38 каменными изделиями и шестью фрагментами костей. Находки залегали во взвешенном состоянии, при этом фиксируется небольшое скопление артефактов и фаунистического материала в зоне линзы кострищного пятна бурого цвета (мощность линзы от 0,02 до 0,06 м). Для каменной индустрии этого комплекса характерны две основные стратегии первичной обработки сырья – производство пластин и мелких пластинчатых заготовок. В коллекции представлены нуклеус комбинаторный параллельный бипродольный для пластин (фронт изделия локализован в смежных плоскостях – узкой торцовой и широкой; рис. 2, *14*), три нуклеуса для мелких пластинчатых сколов – призматический параллельный бипродольный (рис. 2, *3*), два нуклеуса-резца на пластинах (рис. 2, *11, 15*). Группа сколов содержит серию пластин, в т.ч. со следами подправки площадок посредством пикетажа, фрагменты мелких пластинчатых сколов и отщепы (рис. 2, *1, 6–8, 10–13, 15*). Технические сколы представлены сколами подправки ударных площадок нуклеусов, полуреберчатыми

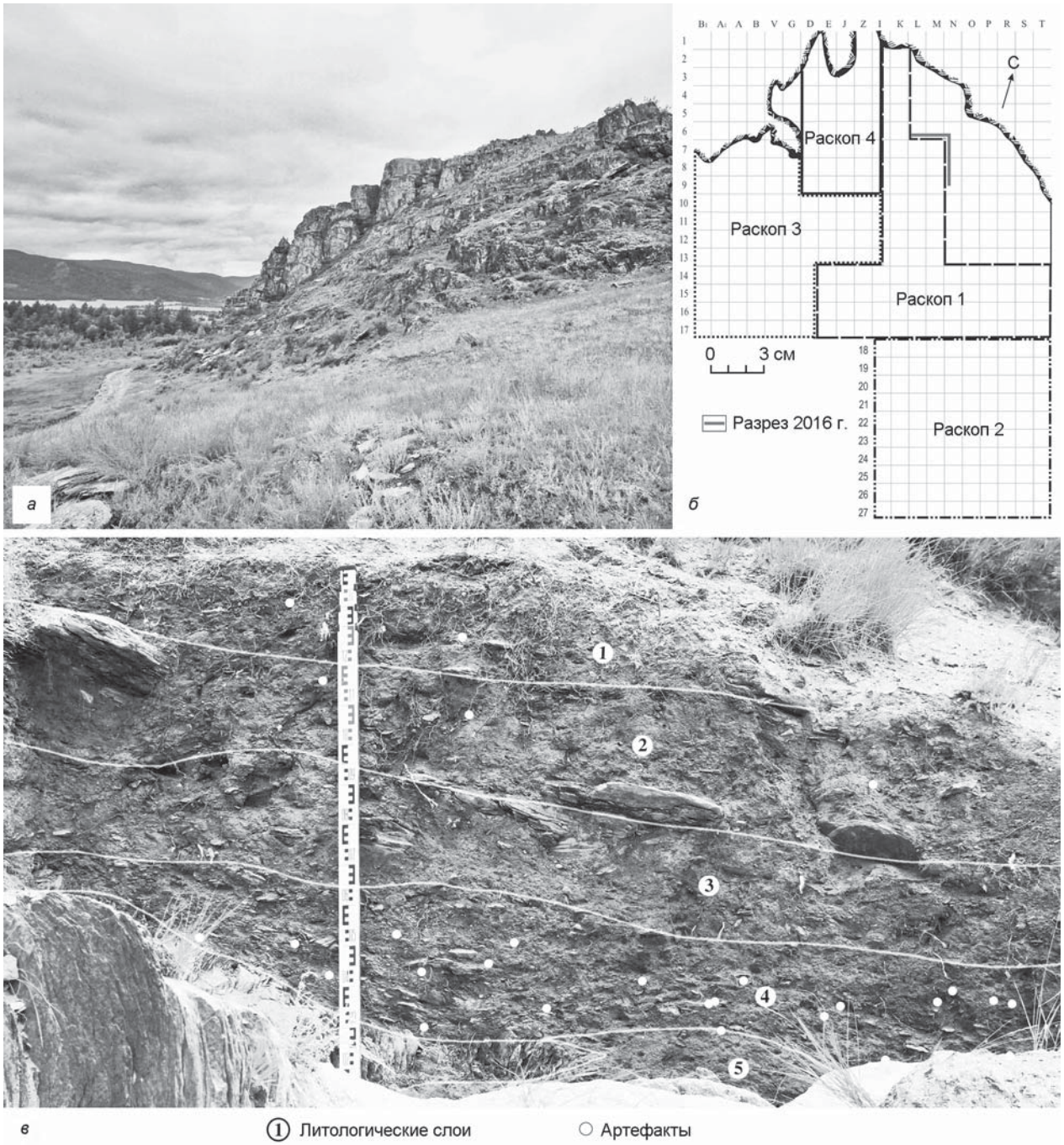

Рис. 1. Стоянка Кара-Бом.

а – вид на стоянку с востока; *б* – план исследованного участка стоянки (1981–2016 гг.); *в* – стратиграфический профиль 2016 г. по линии Н.

пластинами и полуреберчатыми мелкими пластинчатыми сколами, снятыми с торцовых нуклеусов на сколах (рис. 2, *2, 4, 5, 9*). Орудийный набор включает один концевой скребок на пластине и три пластины с ретушью (рис. 2, *1, 8, 12, 13*).

Проведенный технико-типологический анализ и результаты сопоставления нового стратиграфического профиля с опорным разрезом 1991 г. (по линии И) свидетельствуют о том, что исследованная пачка отложений содержит только верхнепалеолитические комплексы. По своим литологическим характеристикам и археологической составляющей культуросодержащий слой 4 разреза 2016 г. аналогичен слою 6 разреза 1991 г., который включал комплекс начального верхнего палеолита (горизонт ВП2). Полученные данные указывают на принадлежность каменной индустрии слоя 4 к кара-бомовской культурной традиции начала верхнего палеолита. Немногочисленные артефакты слоев 1 и 2 разреза 2016 г., вероятно, относятся к комплексу го-

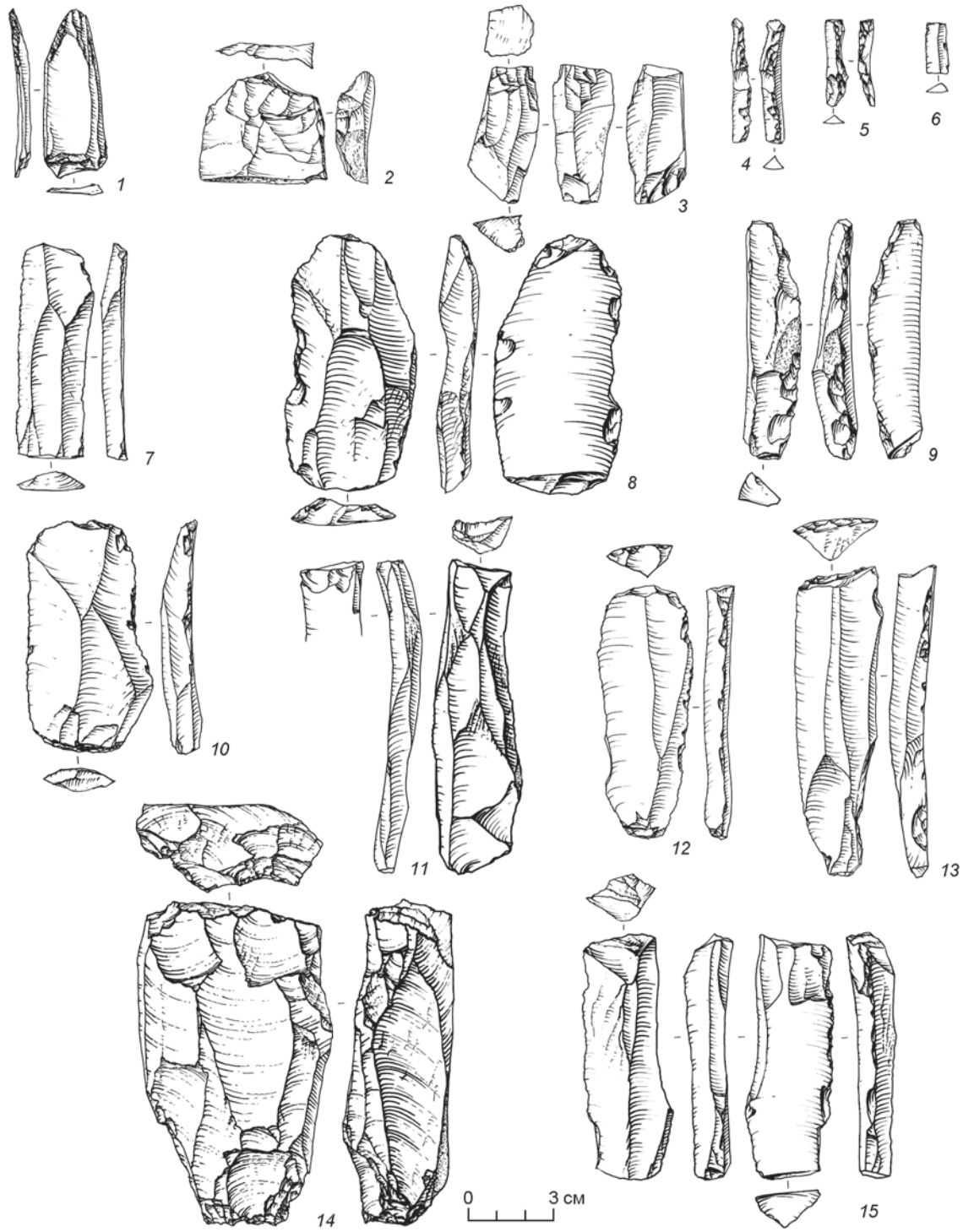

Рис. 2. Каменные артефакты из слоя 4. Стоянка Кара-Бом.

1, 8, 13 – пластины с ретушью; *2* – скол подправки ударной площадки; *3* – призматический нуклеус; *4, 5, 9* – реберчатые и полуреберчатые пластинчатые сколы; *6* – медиальный фрагмент мелкого пластинчатого скола; *7, 10* – пластины; *11, 15* – нуклеусы-резцы; *12* – концевой скребок на пластине; *14* – комбинаторный нуклеус для пластин.

ризонта ВП1 раскопа 4 (слои 4, 5 разреза 1991 г.), культурная принадлежность которого на настоящий момент является предметом дискуссий [Белоусова, Рыбин, 2016]. Зафиксированная стратиграфическая последовательность не содержит аналогов верхних литологических подразделений разреза 1991 г. (слои 1–3?), что объясняется эрозионным разрушением верхней пачки отложений на участках, удаленных от скалы на расстояние более 2–3 м [Деревянко и др., 1998].

Таким образом, результаты новых полевых исследований позволяют дополнить и верифицировать имеющиеся данные о последовательности культурных отложений и динамике заселения стоянки в верхнем палеолите. Ожидаемые результаты радиоуглеродного и OSL-датирования помогут в значительной мере уточнить хронологический контекст археологических комплексов стоянки, что крайне актуально для наиболее ранних верхнепалеолитических комплексов Горного Алтая. Результаты мониторинга состояния памятника Кара-Бом свидетельствуют о том, что сохранившийся участок стоянки хорошо стратифицирован и насыщен выразительными археологическими материалами. Указанные особенности позволяют рассматривать его в качестве перспективной базы для комплексных археологических исследований стоянки на основе использования новых методов и подходов в будущем.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Авторы статьи благодарят художников М.Е. Медовикову и Н.В. Вавилину за подготовку иллюстраций каменных артефактов.

Список литературы

Белоусова Н.Е., **Рыбин Е.П.** Технология первичного расщепления каменного сырья в индустрии раннего верхнего палеолита культурного горизонта ВП1 стоянки Кара-Бом (Горный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 4 (16). – С. 7–23.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 33–52.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности древнего человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 27–50.

Николаев С.В. Геология и палеогеография межгорных котловин Горного Алтая // Палеолитические комплексы стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 185–221.

Окладников А.П. Палеолитическая стоянка Кара-Бом в Горном Алтае (по материалам раскопок 1980 года) // Палеолит Сибири. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 5–20.

Славинский В.С., Рыбин Е.П., Белоусова Н.Е. Вариабельность среднепалеолитических и верхнепалеолитических технологий обработки камня на стоянке Кара-Бом, Горный Алтай (на основе применения метода ремонтажа) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 1 (44). – С. 39–50.

Славинский В.С., Рыбин Е.П., Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Хаценович А.М., Анойкин А.А. Специфический способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2017. – № 1. – С. 221–244.

References

Belousova N.E., Rybin E.P. The technology of primary stone splitting of the Early Upper Palaeolithic industry of the UP1 cultural layer at the Kara-Bom site (Russian Altai). *Theory and practice of archaeological research*. 2016, No. 4 (16), pp. 7–23 (in Russ.).

Derevyanko A.P., Petrin V.T., Rybin E.P. The Nature of the Transition from Mousterian to the Late Palaeolithic in Altai (based on the Kara-Bom Site). *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2000, No. 2 (2), pp. 31–52.

Derevyanko A.P., Petrin V.T., Rybin E.P., Chevalkov L.M. Paleolithic Complexes of the Stratified Part of the Kara-Bom Site (Mousterian – Upper Palaeolithic). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 280 p. (in Russ.).

Derevyanko A.P., Rybin E.P. The Earliest Manifestation of Symbolic Activity of ancient People in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2003, No. 3 (15), pp. 27–50 (in Russ.).

Nikolayev S.V. Geology and paleogeography of intermontane basin of Gorny Altay. In *Palaeolithic complexes of Kara-Bom site*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 1998, pp. 185–221 (in Russ.).

Okladnikov A.P. Palaeolithic Site of Kara-Bom in the Altai Mountains (based on excavations in 1980). In *The Palaeolithic of Siberia*. Novosibirsk, Nauka, 1983, pp. 5–20 (in Russ.).

Slavinskiy V.S., Rybin E.P., Belousova N.E. Variability of the Middle and Upper Palaeolithic Stone Processing Technologies at the Kara-Bom Site in the Altai Mountains (based on the refitting method). *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2016, No. 1 (44), pp. 39–50.

Slavinskiy V.S., Rybin E.P., Belousova N.E., Fedorchenko A.Yu., Khatsenovich A.M., Anoikin A.A. Specific Technique of Core Platform Preparation in the Initial Upper Palaeolithic of South Siberia and Central Asia. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2017, No. 1, pp. 221–244 (in Russ.).

УДК 903(571.5)«627»

И.М. Бердников, Н.Е. Бердникова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Иркутский государственный университет
E-mail: yan-maiski@yandex.ru

Геоархеологическая специфика раннеголоценовых комплексов Южного Приангарья

В Южном Приангарье известно около трех десятков раннеголоценовых местонахождений. Возраст 20 из них не вызывает сомнений. Радиоуглеродные даты, полученные для самых ранних культуросодержащих горизонтов, указывают на соответствие возраста комплексов периоду позднего дриаса (~12 900–11 700 кал. л.н.), однако проведенный нами анализ выявил некорректность большинства определений: одни данные имеют высокую погрешность (σ ± 300–500 лет), другие – завышенные показатели $\delta^{15}N$ и соотношения изотопов углерода и азота (C/N). На данный момент валидной можно признать только одну дату – для нижнего горизонта стоянки Холмушино-3 (12 569–12 150 кал. л.н.). Опираясь на последние данные по местонахождениям Холмушино-3 и Усть-Хайта, рубеж раннего и среднего голоцена в Южном Приангарье можно предварительно установить в районе ~8 600–8 500 кал. л.н.

Ключевые слова: *Южное Приангарье, ранний голоцен, многослойные местонахождения, радиоуглеродное датирование, хронометрия.*

I.M. Berdnikov, N.E. Berdnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Irkutsk State University
E-mail: yan-maiski@yandex.ru

Geoarchaeological Features of the Early Holocene Complexes in the Southern Angara Region

About 30 Early Holocene sites are known in the Southern Angara region. The age of 20 of them has been established beyond doubts. The radiocarbon dates obtained for the earliest cultural horizons demonstrate that the age of these complexes corresponds to the period of Younger Dryas (~12,900–11,700 cal BP). However, our analysis revealed the incorrectness of most chronological definitions: some data have a large error (σ ± 300–500 years); other dates have high index of $\delta^{15}N$ and the overrated ratio of carbon and nitrogen isotopes (C/N). Only one date which has been obtained for the lower horizon of Kholmushino 3 site (12,569–12,150 cal BP) can be currently considered as valid. Based on the latest data for the Kholmushino 3 and Ust-Khaita sites, the Early–Middle Holocene boundary in the Southern Angara region can be preliminarily determined as ~8600–8500 cal BP.

Keywords: *Southern Angara region, Early Holocene, multilayered site, radiocarbon dating, chronometry.*

Введение

В фундаментальной проблеме мезолитоведения Сибири исследования археологических комплексов Южного Приангарья занимают особое место. Материалы многослойных геоархеологических объектов впервые для Сибири позволили обосновать разделение переходного от палеолита к неолиту периода на несколько этапов [Мезолит..., 1971]. К раннему голоцену в схеме, предложенной Г.И. Медведевым, относятся средний и финальный этапы мезолита.

Исследования раннеголоценовых местонахождений Южного Приангарья, несмотря на их длительную историю, не теряют своей актуальности. В частности, дискуссионным остается вопрос о хронометрии комплексов и отложений вследствие недостаточной их обеспеченности радиоуглеродными датами. Цель настоящего исследования –

обозначить специфику раннеголоценовых объектов Южного Приангарья в части стратиграфии отложений и хронометрии комплексов с учетом новейших данных.

Геоморфологические особенности и строение отложений

В Южном Приангарье известно около трех десятков местонахождений, в отложениях которых в той или иной ситуации фиксируются археологические материалы раннего голоцена [Бердников и др., 2014, с. 50]. В 20 случаях возраст комплексов, благодаря наличию радиоуглеродных дат и/или четкой стратиграфии, не подвергается сомнению (см. *рисунок*, *а*; табл. 1).

Как видно из табл. 1, культурные остатки раннего голоцена в Южном Приангарье приурочены к разным типам отложений, в числе которых выделяются субаэральные и субаэрально-субаквальные (смешанные). К первому типу относятся толщи делювиально-эолового, эолово-делювиального и эолового генезиса, которые численно преобладают над вторым типом, представленным отложениями высоких пойм.

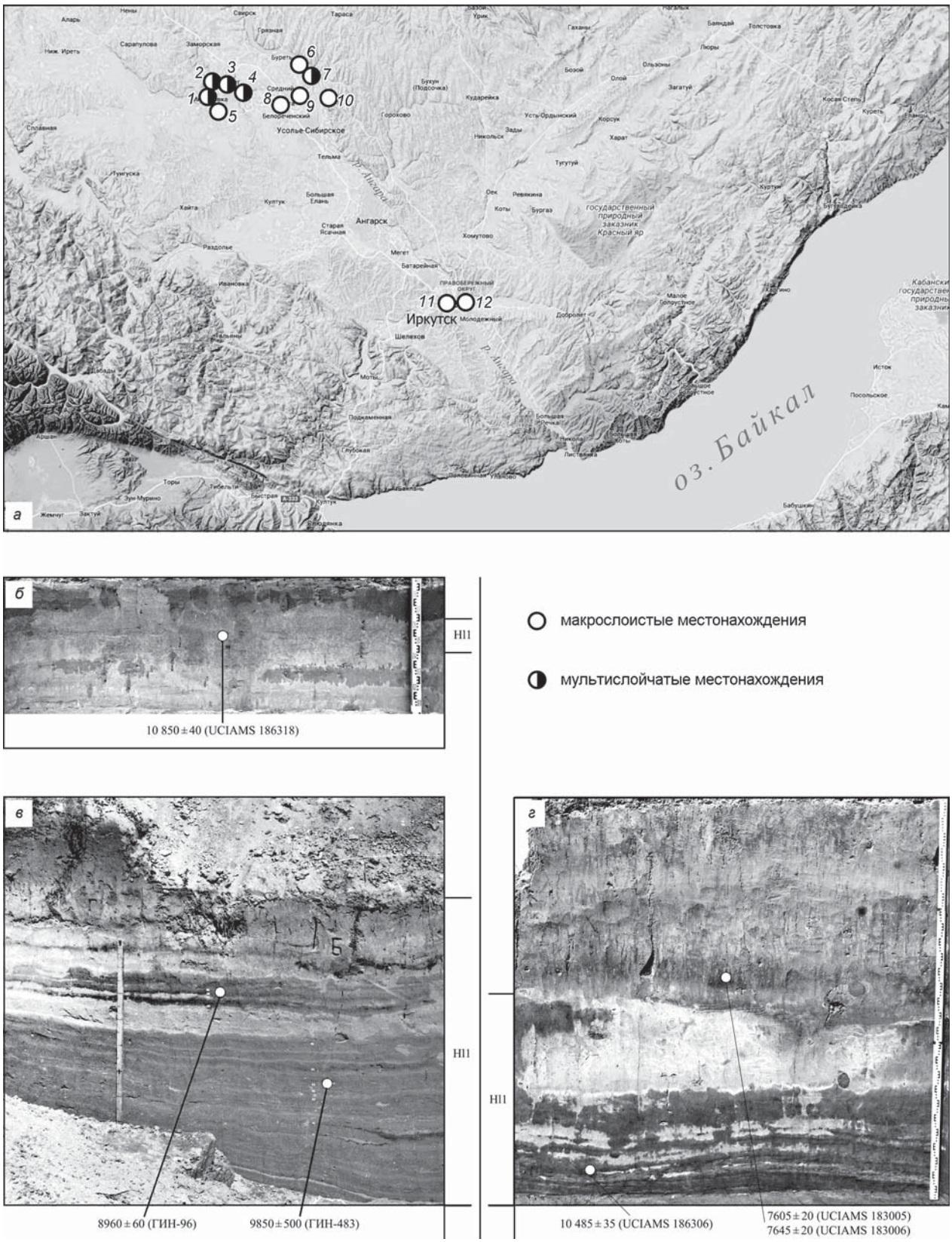
Информативность геоархеологических комплексов зависит не только от типа отложений, но и от геоморфологических особенностей конкретного участка. Наиболее репрезентативны многослойные местонахождения, где археологический материал фиксируется в погребенных слаборазвитых и эмбриональных почвах, которые, как правило, хорошо выражены в пойменных отложениях. Наличие в большинстве случаев «археологически стерильных» прослоев между почвами позволяет выделять обособленные культурные комплексы, которые при наличии радиоуглеродных дат можно включать в схемы не только относительной, но и абсолютной хронологии. Продолжительность формирования погребенных раннеголоценовых почв может варьировать от ~20 до ~500 лет, при этом большая часть из них имеет интервал в пределах ~60–90 лет [Там же, с. 61]. К местонахождениям, которые в исследовательской практике иркутских археологов именуются мультислойчатыми [Медведев, Воробьева, 1998], относится подавляющее большинство объектов в долине р. Белой, левого притока р. Ангары.

Культурные остатки, заключенные в субаэральные отложения, менее информативны, т.к. приурочены к нижней части полноразвитой современной почвы, где крайне сложно выделить самостоятельные комплексы вследствие широкого хронологического диапазона формирования почвенных горизонтов и наличия т.н. компрессии разновременных археологических материалов. Такие местонахождения называются макрослоистыми [Там же] и располагаются преимущественно по берегам р. Ангары на террасовидных поверхностях высотой 8–10 м над урезом реки. Когда в малой толще фиксируется один уровень находок и налицо типологическая гомогенность артефактуального набора, в их отложениях удается выявить отдельные комплексы. Типичным примером тому является местонахождение Приводная-3.

Проблемы хронометрии

Для раннеголоценовых комплексов Южного Приангарья к настоящему моменту имеется 43 радиоуглеродные даты, полученные по материалам шести местонахождений. Наибольшее количество определений сделано для многослойного геоархеологического объекта Усть-Хайта – 35 дат [Holocene zooarchaeology..., 2017, tab. 3.1, 3.2]. Материалы этого времени со стоянки Усть-Белая (см. *рисунок*, *в*) пока слабо обеспечены радиоуглеродными данными. Имеются всего две даты, и одна из них – с ошибкой $\sigma \pm 500$ лет [Бердников и др., 2014, табл. 1], что значительно увеличивает калиброванный хронометрический диапазон усть-бельских раннеголоценовых горизонтов. На местонахождениях Горелый Лес (2 даты) и Новый Ангарский Мост (2 даты) зафиксированы комплексы преимущественно позднего этапа раннего голоцена. В данном случае широкий калиброванный интервал по первому объекту не отражает реальной картины, т.к. погрешность одной из двух имеющихся дат также довольно велика – $\sigma \pm 300$ лет [Holocene zooarchaeology..., 2017, tab. 3.4]. В 2017 г. получены радиоуглеродные даты для местонахождений Приводная-3 и Холмушино-3 (см. *рисунок*, *б, г*; табл. 2).

Обращаясь к калиброванным значениям имеющихся радиоуглеродных дат, следует отметить, что нижняя хронологическая граница для комплексов четырех местонахождений (Приводная-3, Усть-Белая, Усть-Хайта, Холмушино-3) совпадает с периодом позднего дриаса – ~12 900–11 700 кал. л.н. [Rasmussen et al., 2014], т.е. фактически оказывается древнее границы плейстоцена и голоцена. Данная ситуация требует обсуждения, т.к. ряд данных сложно назвать корректными. Во-первых, нельзя учитывать упомянутую выше датировку с высокой погрешностью по мезолитическим горизонтам Усть-Белой. Во-вторых, наиболее ранние определения для комплексов Усть-Хайты в свою очередь требуют проверки и коррекции, т.к. показатели $\delta^{15}N$ в семи случаях завышены и, судя по всему, демонстрируют наличие эффек-

Раннеголоценовые местонахождения Южного Приангарья.

а – карта с указанием местоположения объектов; *б* – местонахождение Приводная-3, стратиграфия отложений; *в* – местонахождение Усть-Белая, стратиграфия отложений; *г* – местонахождение Холмушино-3, стратиграфия отложений.

1 – Мишелевка-Сад, Усть-Хайта, Луговая-1; *2* – Молоткова, Нижний Булай-2; *3* – Горелый Лес, Глубокий Лог; *4* – Холмушино-3; *5* – Хайтинский Мост-2; *6* – Приводная-3; *7* – Усть-Белая; *8* – Мальта-Мост-1, Щебень; *9* – Сосновый Бор, Бадай-5; *10* – Уляха; *11* – Царь-Девица, Новый Ангарский Мост; *12* – Лисиха, Усть-Ушаковка.

Таблица 1. **Краткая характеристика отложений и хронометрия геоархеологических комплексов раннего голоцена в Южном Приангарье**

Название объекта	Отложения (кол-во к.г.*)	Хронометрический интервал (кал. л.н.) или оценочный возраст**	Источник, авторство
Датированные объекты и комплексы			
Приводная-3	субаэральные (1)	*12 792–12 689* (к.г. 1)	Первая публикация (раскопки авторов, см. табл. 2)
Усть-Белая	субаэрально-субаквальные (13)	12 752–9910 (к.г. 13–3, мезолитические)	[Мезолит ... , 1971; Бердникова, 2001]
Усть-Хайта	субаэрально-субаквальные (10)	10 765–6971 (к.г. 11–6) *12 610–8638* (к.г. 10–6)	[Holocene zooarchaeology..., 2017]
Холмушино-3	субаэрально-субаквальные (1)	*12 569–12 150* (к.г. 5)	Первая публикация (раскопки авторов, см. табл. 2)
Горелый Лес	субаэрально-субаквальные (1)	10 758–9090 (к.г. 7)	[Holocene zooarchaeology..., 2017]
Новый Ангарский Мост	субаэральные (3)	8 979–7 695 (к.г. 3а, 3б)	[Лежненко, 2007]
Недатированные объекты и комплексы			
Уляха	субаэральные (3)	Пребореал, бореал (к.г. 3–1)	[Мезолит..., 1971]
Бадай-5	субаэральные (2)	Пребореал (к.г. 1, 1а)	[Бердникова, Воробьева, 2012]
Хайтинский Мост-2	субаэральные (1)	Пребореал (к.г. 3)	Неопубл. (раскопки авторов)
Царь-Девица	субаэральные (1)	Бореал (к.г. 3)	[Мезолит…, 1980]
Лисиха	субаэральные (1)	Бореал (нижний к.г.)	[Мезолит…, 1980]
Усть-Ушаковка	субаэральные (1)	Бореал (нижний к.г.)	[Исаев, Краснощёков, 2005]
Мишелевка-Сад	субаэрально-субаквальные (2)	Бореал (к.г. 9, 8)	[Бердникова и др., 1991]
Мальта-Мост-1	субаэральные (2)	Бореал (к.г. 2, 2б)	[Бердникова, Воробьева, 2012]
Луговая-1	субаэрально-субаквальные (2)	Бореал (к.г. 8, 9)	[Бердникова и др., 1991]
Сосновый Бор	субаэральные (1)	Бореал (к.г. 2)	[Мезолит…, 1971]
Молоткова	субаэрально-субаквальные (1)	Бореал (к.г. 8)	[Бердникова и др., 1991]
Нижний Булай-2	субаэрально-субаквальные (1)	Бореал (к.г. 5)	[Бердникова и др., 1991]
Глубокий Лог	субаэрально-субаквальные (1)	Бореал (к.г. 3)	[Бердникова и др., 1991]
Щебень	субаэральные (1)	Бореал (к.г. 2)	[Бердникова, Воробьева, 2012]

* к.г. – культурный горизонт.

** Хронометрические интервалы рассчитаны с учетом всех полученных на сегодняшний день ^{14}C-дат, которые калиброваны по двум сигмам (95,4 %, шкала IntCal13) в программе OxCal 4.3. Оценка возраста комплексов, для которых нет радиоуглеродных определений, основана на данных стратиграфии. Курсивом показаны интервалы, полученные по AMS-датам.

Таблица 2. **Радиоуглеродные даты и данные по стабильным изотопам для образцов из раскопок местонахождений Приводная-3 и Холмушино-3**

Название объекта	Лаб. индекс, № даты	Материал образца	^{14}C-дата, л.н.	δ^{13}C (‰)	δ^{15}N (‰)	C/N (atomic)	Возраст, кал. л.н.
Приводная-3	UCIAMS 186318	Рог Cervidae	10 850 ± 40	–19,7	5,3	3,57	12 792–12 689
Холмушино-3	UCIAMS 186306	Кость *Alces alces*	10 485 ± 35	–20,2	4,6	3,23	12 569–12 150

та «старого углерода» [Holocene zooarchaeology..., 2017, tab. 3.2]. В-третьих, валидность радиоуглеродной даты по образцу из раскопок местонахождения Приводная-3 (см. табл. 2) также вызывает сомнения, вследствие низкого выхода коллагена (1,3 %) и завышенного показателя для соотношения изотопов углерода и азота (C/N). Единственная корректная дата, исходя из анализа стабильных

изотопов, получена для нижнего горизонта стоянки Холмушино-3, что, разумеется, недостаточно для окончательных выводов.

Вопрос об определении верхней границы раннего голоцена в Южном Приангарье, установленной в одной из наших работ в соответствии с мировым трендом в районе ~8 200 кал. л.н. [Бердников и др., 2014, с. 67], также остается в рамках дискуссии. В последние годы получены достаточно валидные данные для древнейших керамических комплексов Холмушино-3, которые приурочены к отложениям начального этапа атлантической стадии голоцена и датируются в интервале 8 510–8 380 кал. л.н. (см. *рисунок*, *г*). Наиболее поздняя AMS-дата для раннеголоценовых горизонтов Усть-Хайты демонстрирует возраст 8 981–8 639 кал. л.н. [Holocene zooarchaeology..., 2017, tab. 3.2]. Таким образом, рубеж между ранне- и среднеголоценовыми комплексами в Южном Приангарье, опираясь на последние данные, можно датировать интервалом ~8 600–8 500 кал. л.н.

Заключение

Подводя краткий итог настоящему исследованию, обозначим основные выводы.

1. В Южном Приангарье насчитывается 20 местонахождений, где фиксируются археологические комплексы раннего голоцена с подтвержденным возрастом. Наиболее информативными являются мультислойчатые геоархеологические объекты, расположенные на высоких поймах р. Белой.

2. Последние данные говорят о том, что необходимо инициировать дискуссию о возрасте древнейших проявлений человеческой деятельности в раннем голоцене и начать поиск и изучение археологических комплексов позднего дриаса, которые практически неизвестны на территории Южного Приангарья.

3. Рубеж раннего и среднего голоцена в Южном Приангарье, с учетом последних данных, можно предварительно установить в районе ~8 600–8 500 кал. л.н.

Список литературы

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Роговской Е.О., Клементьев А.М., Уланов И.В., Лохов Д.Н., Дударёк С.П., Новосельцева В.М., Соколова Н.Б. Геоархеологические комплексы раннего голоцена на юге Средней Сибири. Оценка данных и перспективы исследований // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 9. – С. 46–76.

Бердникова Н.Е. Геоархеологический объект Усть-Белая. Культурные комплексы // Каменный век Южного Приангарья. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2001. – Т. 2: Бельский геоархеологический район. – С. 113–146.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Особенности многослойных археологических объектов в нижнем течении р. Белой (юг Байкальской Сибири) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2012. – № 1. – С. 54–72.

Бердникова Н.Е., Лежненко И.Л., Савельев Н.А., Медведев Г.И., Георгиевская Г.М. Указатель археологических памятников Иркутской области: материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. Усольский район. – Иркутск : РИО Упрполиграфиздата, 1991. – 112 с.

Исаев А.Ю. Краснощёков В.В. Новый археологический объект в городе Иркутске // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск, 2005. – С. 114–115.

Лежненко И.Л. Предварительные итоги исследований многослойного геоархеологического объекта «Новый Ангарский Мост» в зоне строительства мостового перехода через р. Ангару в г. Иркутске // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 363–372.

Медведев Г.И., Воробьева Г.А. К проблеме группировки геоархеологических объектов Байкало-Енисейской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 148–159.

Мезолит Верхнего Приангарья. Ч. 1: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов / отв. ред. Г.И. Медведев. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1971. – 242 с.

Мезолит Верхнего Приангарья. Ч. 2: Памятники Иркутского района / отв. ред. М.П. Аксенов. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1980. – 140 с.

Holocene zooarchaeology of Cis-Baikal / ed. R.J. Losey, T. Nomokonova. – Mainz : Nünnerich-Asmus Verl. & Media GmbH, 2017. – 144 p.

Rasmussen O., Bigler M., Blockley S.P., Blunier T., Buchardt S.L., Clausen H.B., Cvijanovic I., Dahl-Jensen D., Johnsen S.J., Fischer H., Gkinis V., Guillevic M., Hoek W.Z., Lowe J.J., Pedro J.B., Popp T., Seierstad I.K., Steffensen J.P., Svensson A.M., Vallelonga P., Vinther B.M., Walker M.J.C., Wheatley J.J., Winstrup M. A stratigraphic framework for abrupt climatic changes during the Last Glacial period based on three synchronized Greenland ice-core records: refining and extending the INTIMATE event stratigraphy // Quaternary Sci. Rev. – 2014. – Vol. 106. – P. 14–28.

References

Aksenov M.P. (ed.) Mezolit Verkhnego Priangar'ya. Pamyatniki Irkutskogo raiona/ ed. G.I. Medvedev. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 1980, 140 p. (in Russ.).

Berdnikov I.M., Berdnikova N.E., Vorobieva G.A., Rogovskoi E.O., Klementiev A.M., Ulanov I.V., Lokhov D.N., Dudarek S.P., Novoseltseva V.M., So-

kolova N.B. Geoarkheologicheskie kompleksy rannego golotsena na yuge Srednei Sibiri. Otsenka dannykh i perspektivy issledovanii. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya,* 2014, vol. 9, pp. 46–76 (in Russ.).

Berdnikova N.E. Geoarkheologicheskii ob"ekt Ust'-Belaya. Kul'turnye kompleksy. In *Kamennyi vek Yuzhnogo Priangar'ya*. *Vol. 2: Bel'skii geoarkheologicheskii raion.* Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2001, pp. 113–146 (in Russ.).

Berdnikova N.E., Lezhnenko I.L., Savel'ev N.A., Medvedev G.I., Georgievskaya G.M. Ukazatel' arkheologicheskikh pamyatnikov Irkutskoi oblasti: materialy k Svodu pamyatnikov istorii i kul'tury Irkutskoi oblasti. Usol'skii raion. Irkutsk: Uprpoligrafizdat, 1991, 112 p. (in Russ.).

Berdnikova N.E., Vorobieva G.A. Osobennosti mnogosloinykh arkheologicheskikh ob"ektov v nizhnem techenii r. Beloi (yug Baikal'skoi Sibiri). *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury*, 2012, No. 1, pp. 54–72 (in Russ.).

Isaev A.Yu., Krasnoshchekov V.V. Novyi arkheologicheskii ob"ekt v gorode Irkutske. In *Istoki, formirovanie i razvitie evraziiskoi polikul'turnosti. Kul'tury i obshchestva Severnoi Azii v istoricheskom proshlom i sovremennosti*. Irkutsk, 2005, pp. 114–115 (in Russ.).

Lezhnenko I. L. Predvaritel'nye itogi issledovanii mnogosloinogo geoarkheologicheskogo ob"ekta «Novyi Angarskii Most» v zone stroitel'stva mostovogo perekhoda cherez r. Angaru v g. Irkutske. In *Severnaya Evraziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya.* Irkutsk: Ottisk, 2007, vol. 1, pp. 363–372 (in Russ.).

Losey R.J., Nomokonova T. (eds.) Holocene zooarchaeology of Cis-Baikal. Mainz: Nünnerich-Asmus Verl. & Media GmbH, 2017, 144 p.

Medvedev G.I. (ed.) Mezolit Verkhnego Priangar'ya. Pt. 1: Pamyatniki Angaro-Bel'skogo i Angaro-Idinskogo raionov. Irkutsk: Irkut. State Univ. Press, 1971, 242 p. (in Russ.).

Medvedev G.I., Vorobieva G.A. K probleme gruppirovki geoarkheologicheskikh ob"ektov Baikalo-Eniseiskoi Sibiri. In *Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, vol. 2, pp. 148–159 (in Russ.).

Rasmussen O., Bigler M., Blockley S.P., Blunier T., Buchardt S.L., Clausen H.B., Cvijanovic I., Dahl-Jensen D., Johnsen S.J., Fischer H., Gkinis V., Guillevic M., Hoek W.Z., Lowe J.J., Pedro J.B., Popp T., Seierstad I.K., Steffensen J.P., Svensson A.M., Vallelonga P., Vinther B.M., Walker M.J.C., Wheatley J.J., Winstrup M. A stratigraphic framework for abrupt climatic changes during the Last Glacial period based on three synchronized Greenland ice-core records: refining and extending the INTIMATE event stratigraphy. *Quaternary Science Reviews.* 2014, vol. 106, pp. 14–28.

УДК 902/904

В.В. Бобров[1–3], А.Г. Марочкин[2, 3], А.Ю. Юракова[2, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
[3]Кемеровский государственный университет
E-mail: yurakova_al@mail.ru

Жилище эпохи неолита на поселении Старый Московский Тракт-5: результаты работ 2017 года

Представлены материалы раскопок 2017 г. на поселении Старый Московский Тракт-5, входящем в группу разновременных памятников левого берега р. Тартас (северо-запад Барабинской лесостепи). Обозначены конструктивные особенности жилища (полуземляночный тип, округлая форма котлована, наличие специального входа, глиняная обмазка пола), организации внутреннего пространства (расположение очага в центре и предметов утвари – у стен). Определены параллели для связанной с жилищем керамики в плоскодонных неолитических комплексах Зауралья и Западной Сибири (амнинском, каюковском, кошкинском, боборыкинском). Ближайшие аналоги рассматриваемому комплексу в Барабе известны на памятниках Автодром-2 и Тартас-1, культурная атрибуция которых дискуссионна, а датировка в крайних верхних значениях не выходит за первую половину V тыс. до н.э.

Ключевые слова: *поселение Старый Московский Тракт-5, полуземлянка, плоскодонная керамика, неолит, Барабинская лесостепь.*

V.V. Bobrov[1–3], A.G. Marochkin[2, 3], A.Yu.Yurakova[2, 3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS
[3]Kemerovo State University
E-mail: yurakova_al@mail.ru

Neolithic Dwelling from the Settlement of Stary Moskovsky Trakt-5: Results of 2017

The article presents the materials from the excavations of 2017 at the settlement of Stary Moskovsky Trakt-5, which is a part of the group of sites from different periods located on the left bank of the Tartas River in the northwestern part of the Baraba forest-steppe region. Structural features of a dwelling (semi-dugout type, round shape of the dwelling pit, presence of special entrance, clay covering of the floor) and data about its interior arrangement (fireplace in the center and household utensils along the walls) are described. The parallels to the pottery associated with the dwelling have been found in flat-bottomed Neolithic complexes from the Transurals and Western Siberia (Amninsky, Kayukovsky, Koshkinsky, and Boborykinsky complexes). The closest parallels to the complex in question in Baraba occur among the materials from the sites of Avtodrom-2 and Tartas-1, whose cultural attribution is not yet settled, but the date is not later than the first half of the fifth millennium BC.

Keywords: *settlement of Stary Moskovsky Trakt-5, semi-dugout, flat-bottomed pottery, Neolithic, Baraba forest-steppe region.*

Введение

В рамках проекта по изучению неолитических комплексов Барабинской лесостепи Кузбасской археологической экспедицией в 2016 г. начаты, а в текущем – продолжены раскопки поселения Старый Московский Тракт-5 (СМТ-5), входящего в группу разновременных археологических памятников у с. Венгерово Новосибирской обл. По результатам раскопок 2016 г. установлена разновременность поселения. Помимо малочисленной керамики Средневековья и раннего железно-

го века, большая часть материала из культурного слоя и верхних горизонтов заполнения жилища № 6 была представлена керамической посудой с гребенчато-ямочной орнаментацией (ранний металл); в нижних горизонтах заполнения локализовалась плоскодонная керамика с прочерченной орнаментацией (развитый неолит) [Бобров, Марочкин, Юракова, 2016].

В 2017 г. на памятнике был заложен раскоп площадью 168 м^2, включивший западину жилища № 5 и прилегающие участки. Несмотря на непосредственную близость раскопов 2016 и 2017 гг., очевидно их отличие по археологическому материалу. Керамика позднего неолита – раннего металла найдена лишь в единичных фрагментах (22 экз.) и в основном за пределами жилищного котлована. В то же время более ранняя плоскодонная посуда с прочерченной орнаментацией выявлена в однородном комплексе, достоверно связанном со временем функционирования жилища.

Жилища

Жилище № 5 представлено остатками котлована подокруглой формы (~5,3 × 5 м), углубленного в «материковый» суглинок на 0,44–0,60 м. Стенки котлована крутые по всему периметру кроме северо-восточного участка. Здесь имеется ступенчатый выступ, вытянутый к СВ. Площадка верхнего уступа, шириной до 1 м, имеет незначительный уклон внутрь котлована, достигая глубины 0,22 м от верхней границы объекта; книзу от этого уровня стенка переходит в отвесный спуск, смыкающийся с полом постройки на глубине 0,46 м от верхнего контура. По-видимому, данный участок являет собой остатки специального входа в жилище. Это удостоверяется не только характерной морфологией «материковой» конструкции, но и планиграфией найденных фрагментов посуды. Последняя может отражать основную траекторию движения людей по линии входного «коридора» (см. *рисунок*, *1*).

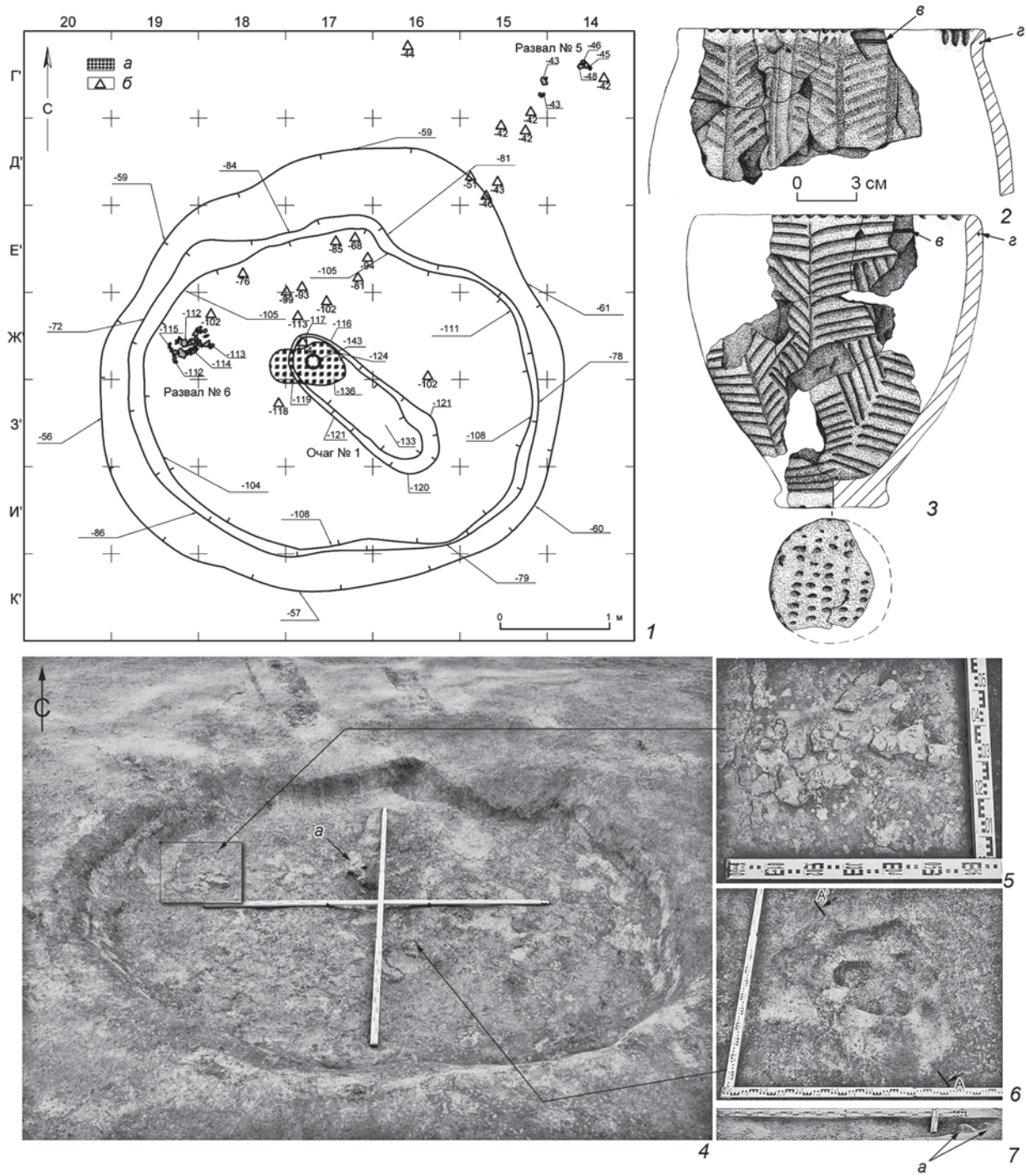
Надежно установлен уровень пола жилища, и это особенно важно в условиях песчаных почв неолитических поселений Северо-Западной Барабы. Он, по всей видимости, был специально обмазан глиной с последующим высушиванием до образования плотной корочки. На уровне обмазки в центре котлована зафиксированы остатки очага в виде сажистого пятна подпрямоугольной формы (1,70 × 0,56 м), вытянутого по линии ЮВ – СЗ (см. *рисунок*, *1, 4, 6, 7*). Мощность сажистой линзы достигает 0,17 м. В северо-западной части очажного углубления выявлена округлая столбовая ямка (?) (d ≈ 0,1 м), рядом с которой залегало скопление крупных спеков красно-коричневого цвета (см. *рисунок*, *1, 4, 6, 7*). Не исключено, что в данном случае мы имеем дело со следами изготовления охряного красителя. В северо-западном секторе жилища близ стенки в 0,7 м к З от очага обнаружен развал плоскодонного керамического сосуда (см. *рисунок*, *2, 5*).

В целом, полуземляночный тип жилищ характерен для западносибирского неолита. Однако рассматриваемый объект отличается от северных аналогов (пос. Каюково-2, Быстрый Кульёган-66), для которых характерны прямоугольная форма, наличие внешних рвов (типичных также для позднего неолита Тарского Прииртышья – Усть-Тара IV, XXXIII и др.), сложной каркасно-столбовой конструкции и обшивки стен. Если говорить о региональных аналогах, то по своей форме жилище № 5 поселения СМТ-5 отличается от подпрямоугольного неолитического жилища Тартаса-1 или от аморфных поздненеолитических полуземлянок артынской культуры поселения Автодром-2/1. По форме и метрическим данным оно очень близко к одной из групп жилищ поселения Автодром-2/2 и жилищам поселения Автодром-1. От первых его отличает выраженный в «материке» вход, наличие сохранившегося очага, обмазка пола, а от вторых – отсутствие «материковых» нар.

Предметный комплекс

В заполнении жилища и на его дне найдены предметы каменной индустрии и фрагменты керамической посуды. Что касается предметов из камня, то по большей части (77,6 %) они залегали в слое за пределами котлована, и поэтому не могут напрямую быть привлечены к атрибуции жилища. В целом, редкие каменные предметы из жилищного заполнения и более многочисленные из слоя не обособлены типологически и состоят в основном из отщепов, пластин (с ретушью и без), фрагментов шлифованных топоров. Из находок на дне жилища следует отметить два трапециевидных топорика, залегавших в северо-западной части жилища (над развалом) и в центре (непосредственно над очагом).

Гораздо более выразительна керамика. Более половины фрагментов (64 %) принадлежат двум типологически близким сосудам. Другая часть керамики по технологии соотносится с этим комплексом, но невыразительна в силу малого размера фрагментов или отсутствия декора на них. Сосуд № 1 археологически целый. Его фрагменты залегали в слое светло-желтой супеси к СВ от жилищного котлована (23 экз.), в т.ч. в скоплении № 5 *in situ*, а также на прилегающих участках (12 экз.; см. *рисунок*, *3*).

Неолитический комплекс жилища № 5 на поселении Старый Московский Тракт-5.

1 – план жилища № 5 и залегания керамики комплекса; *2* – сосуд 2; *3* – сосуд 1; *4* – жилище № 5 на уровне пола до выборки очага; *5* – скопление фрагментов сосуда № 6 *in situ* на дне жилища; *6, 7* – фото выбранного очага и разрез по линии А–А'.

а – область залегания глиняных спеков; *б* – фрагменты керамики, зафиксированные вне развалов; *в, г* – полые следы от выгоревших шнуров в теле венчика.

Фрагменты сосуда № 2 (64 экз.) залегали на дне жилища, главным образом в скоплении № 6 *in situ* (52 экз.). Восстановлена верхняя часть керамического изделия (см. *рисунок*, *2*).

Оба сосуда, при индивидуальных отличиях, имеют идентичную форму. Они небольших размеров (высота и диаметр устья до 15 см) и могут быть отнесены к сосудам открытого типа. Венчик слегка отогнут наружу, а придонная часть имеет «наплыв». Сосуды относительно толстостенные (8–9 мм, дно – до 13 мм). Под срезом венчика у обеих емкостей на участках отслоения лицевой поверхности

(см. *рисунок*, *2, 3, в*) и на изломах черепков (см. *рисунок*, *2, 3, г*) зафиксированы полые следы от одного или двух шнуров, которыми перетягивали зону венчика сосуда при формовке.

Похож и орнамент обоих сосудов, выполненный в прочерченной технике и плотно покрывающий всю внешнюю сторону. Он состоит из вертикальных бордюров и локальных участков с разнонаправленной (горизонтальной/наклонной) «взаимопроникающей» штриховкой, иногда разделенных одной или двумя-тремя вертикальными линиями. Благодаря данным приемам в композиционных решениях читаются треугольные (см. *рисунок*, *3*) и «древовидные» (см. *рисунок*, *2*) мотивы. Срез в обоих случаях подчеркнут линией крупных округлых или овальных наколов как с внешней, так и с внутренней стороны. Из таких же наколов состоит и декор ребра и поверхности днища сосуда № 1.

Проблема культурно-хронологической атрибуции

Как мы уже говорили, полученный каменный инвентарь малоинформативен для атрибуции комплекса. Проведенные аналогии по форме и параметрам самого жилища также могут играть лишь вспомогательную роль в решении данной проблемы. В этой ситуации на первый план выходит сравнительный анализ полученной керамики, достоверно связанной со временем функционирования полуземлянки.

Наиболее близкие параллели сосудам из жилища № 5 – «древовидные» «взаимопроникающие» узоры – имеются в декоре некоторых неолитических плоскодонных комплексов Западной Сибири и Зауралья. В Сургутском Приобье они известны на керамике поселения Каюково-2 [Ивасько, 2002, рис. 7, *3, 4*; 8, *1, 5*], в Зауралье и в Кондинской низменности на поселениях Чертова гора, Канда, ЮАО IX, XIIIа, Пикушка I [Ковалева, Зырянова, 2010, рис. 29, *4*; 46, *3*; 96, *2*]. Они связаны с целой свитой культурных типов (боборыкинский, каюковский, амнинский, сатыгинский и др.).

В Барабе подобная керамика впервые выделена на поселении Автодром-2/2 [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012а, рис. 4]. В последующем сочетание плоскодонной керамики с неолитическим по облику каменным инвентарем отмечена в материалах поселения Автодром-1 [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012б]. Недавно подобная ситуация зафиксирована на памятнике Тартас-1 [Молодин и др., 2016, рис. 1, *1–3*]. За исключением Автодрома-1, где плоскодонная керамика малочисленна и найдена в основном за пределами жилищ, в остальных случаях она предстает неотъемлемой частью комплекса, залегая на дне полуземлянок.

Место подобных комплексов в периодизации неолита Барабы некоторое время определялось исключительно по материалам поселения Автодром-2/2. Нами они рассматривались преимущественно в рамках общей для Зауралья и западной периферии Западной Сибири боборыкинской проблематики. Была предложена боборыкинская атрибуция плоскодонных керамических комплексов Барабы, с датировкой по ^{14}C не старше первой половины V тыс. до н.э.

Кроме морфологии керамики, аргументами для подобной атрибуции стали микропластинчатый характер каменной индустрии, преобладание каменного сырья из североказахстанских месторождений, наличие как небольших округлых, так и больших подпрямоугольных жилищ, характерные керамические «утюжки».

Вместе с тем открытие в последние два-три года новых подобных памятников в Барабинской лесостепи и данные по их абсолютной хронологии актуализируют проблему культурной принадлежности комплексов с плоскодонной посудой. В рамках ее решения немаловажное место может занять рассматриваемый в статье комплекс поселения Старый Московский Тракт-5.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2012а. – № 3 (18). – С. 4–13.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение Автодром-1 – новый памятник эпохи неолита в Барабинской лесостепи // VIII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Амфора, 2012б. – С. 24–30.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Начало исследований на поселении Старый Московский Тракт-5 (Северо-Западная Бараба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 7–11.

Ивасько Л.В. Укрепленное поселение каменного века Каюково-2 // Мат-лы и исслед. по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург, 2002. – С. 7–25.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья. Боборыкинская культура. – Екатеринбург, 2010. – 308 с.

Молодин В.И., Хансен С., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Васильев С.К. Новые данные о неолитических комплексах па-

мятника Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 135–139.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Poselenie boborykinskoi kul'tury Avtodrom-2/2 (severo-zapadnye raiony Barabinskoi lesostepi). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii/*IPOS SO RAN. 2012a, No. 3 (18), pp. 4–13 (in Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Poselenie Avtodrom-1 – novyi pamyatnik epokhi neolita v Barabinskoi lesostepi. In *VIII Istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova.* Omsk: Amfora, 2012b, pp. 24–30 (in Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Nachalo issledovanii na poselenii Staryi Moskovskii trakt-5 (Severo-Zapadnaya Baraba). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 7–11 (in Russ.).

Ivas'ko L.V. Ukreplennoe poselenie kamennogo veka Kayukovo-2. In *Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri.* Yekaterinburg, 2002, pp. 7–25 (in Russ.).

Kovaleva V.T., Zyryanova S.Yu. Neolit Srednego Zaural'ya. Boborykinskaya kul'tura. Yekaterinburg, 2010, 308 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Nenakhov D.A., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Nesterova M.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Vasiliev S.K. Novye dannye o neoliticheskikh kompleksakh pamyatnika Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 135–139 (in Russ.).

УДК 903.01

М. Боманн[1], М.Б. Козликин[2], Х. Плиссон[1], М.В. Шуньков[2]

[1]Университет Бордо, PACEA UMR 5199, Франция
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: kmb777@yandex.ru

Слабомодифицированные костяные орудия раннего верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры

Археологические исследования плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры в 2017 г. позволили выявить серию предметов, на основе которых были получены новые данные об использовании кости в раннем верхнем палеолите Алтая. Речь идет о слабомодифицированных орудиях, которые представляют собой битые фрагменты кости, использовавшиеся без дополнительной обработки, без придания какой-либо специальной формы заготовкам. Такие изделия можно рассматривать в качестве орудий только на основании следов от использования: сколов, уплотненных участков и забитости, сглаженности, вдавления, линейных следов, связанных с повторяющимися контактами кости с обрабатываемым материалом. Орудия этого типа, представленные также в среднепалеолитических слоях, могут свидетельствовать о длительности существования древних традиций использования кости.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, ранний верхний палеолит, слабомодифицированные костяные орудия.*

M. Baumann[1], M.B. Kozlikin[2], H. Plisson[1], M.V. Shunkov[2]

[1]University of Bordeaux, PACEA UMR 5199, France
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: kmb777@yandex.ru

Early Upper Paleolithic Unshaped Bone Tools from the Southern Chamber of Denisova Cave

During the excavations in 2017, several bone artifacts were found in the Southern Chamber of Denisova Cave. The tools from layer 11 provide new evidence for the use of bone for technical purposes during the Early Upper Paleolithic. All tools are unshaped, produced by percussion, and were used without modifications of the surface and volume of the blanks. They can be identified as tools mostly from the traces of wear, such as axial or edge damages, compactions, rounding, pits, or striations, which resulted from the repeated contact between the bone and the processed material. Such type of tools also occurs in the Middle Paleolithic layers and may reveal the continuity of the early traditions.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova cave, Early Upper Paleolithic, unshaped bone tools.*

В Денисовой пещере найдены наиболее древние на территории Северной и Центральной Азии украшения. Подвески, бусины, пронизки, кольца, выполненные из костей и зубов животных, бивня мамонта, скорлупы яиц страуса и поделочного камня, обнаружены в отложениях возрастом 45–50 тыс. лет. При обработке этих материалов использовались инновационные для палеолита технические приемы, такие как резание, скобление, простое и скоростное станковое сверление, шлифовка и полировка.

В одном слое вместе с украшениями залегали костяные орудия – шилья и иглы с ушком. Такие изделия, предназначенные для различных видов сложной деятельности, а также предметы неутилитарного назначения в технологическом и в социальном плане маркируют начало эпохи верхнего палеолита. Последние исследования позволили

дополнить верхнепалеолитический комплекс Денисовой пещеры еще одной категорией изделий из кости – слабомодифицированными орудиями. В 2017 г. серия таких орудий была обнаружена в отложениях слоя 11 в южной галерее пещеры, для которых по кости получена ^{14}C (AMS)-дата 48 650 + + 2 380/– 1 840 л.н. (KIA 25285 SP 553/D19).

Для слабомодифицированных орудий не характерна специальная формообразующая подготовка посредством скобления, резания или абразивной обработки. Такие изделия идентифицируются как орудия не по типологическим признакам, а на основе следов использования. Заготовками для слабомодифицированных орудий служили фрагменты трубчатых костей крупных млекопитающих размера бизона, благородного оленя. Судя по морфологии фасеток сколов, раскалывание кости было намеренным. Негативы сглажены, профиль закругленный или V-образный, образует с необработанной поверхностью острый угол. Такие признаки характерны для расщепления свежей кости [Villa, Mahieu, 1991]. В ряде случаев фасетки имеют ступенчатый залом, что указывает на разламывание материала.

При отсутствии ремонтажа сложно сказать, осуществлялось расщепление кости в рамках целенаправленной технологической последовательности или подходящие фрагменты выбирались в ходе разделки туш и извлечения костного мозга. Тем не менее для большинства орудий характерна удлиненная форма, что подразумевает раскалывание кости для получения заготовок, а не просто раздробление. Скорее всего, использование кости для дальнейшего изготовления орудий подразумевалось заранее, даже если кости раскалывались в рамках процедур, связанных с употреблением мяса в пищу. В дальнейшем некоторые из фрагментов после минимальной подработки использовались в соответствии с возникающей необходимостью.

В коллекции из слоя 11 шесть орудий определены как посредники. Это изделия длиной от 5 до 19 см (в среднем 11 см), шириной ок. 4 см и толщиной от 0,6 до 1,5 см. Орудия имеют характерные следы от использования на одном или обоих концах: негативы мелких отщеповых снятий (рис. 1, *а*), участки с уплотненными волокнами и сглаженности. Такие следы появляются в результате серии повторяющихся ударов между посредником и обрабатываемым материалом, с одной стороны, и между посредником и ударником – с другой [Provenzano, 1998]. Проксимальная часть орудия, как правило, несет больше негативов сколов, чем дистальное окончание, но при этом оно более сглажено и имеет уплотненные участки и микроснятия. Вместе с тем в интерпретацию локализации и интенсивности следов некоторую неточность может вносить наличие трансверсальных трещин, возникающих в процессе использования орудия и остающихся на всей поверхности предмета или на его рабочей части (рис. 1).

Особенности кости как материала состоят в том, что до некоторой степени она способна абсорбировать энергию и реверсивно деформироваться в двух направлениях. Из-за этого материал как бы запоминает ранее полученную деформацию (уплотнение, сжатие). Если сила импульса превышает степень эластичности и пластичности материала, то он разрушается (снятия, сколы). Более того, сопротивляемость кости в разных направлениях различна. Достаточно резистентная к давлению и ударам по продольной оси, кость хорошо подходит для изготовления посредников, однако она довольно хрупкая в поперечном направлении. Таким образом, если направление ударов существенно отклоняется от поперечной оси орудия, это может привести к трещине. Разрушение может быть связано и с длительным использованием, «усталостью» материала. Следует отметить, что орудие, представленное на рис. 1, *б*, использовалось также в качестве ретушера.

Идентификация костяного скребла (3,8 × 1,9 × × 0,25 см) является более сложной задачей. В первую очередь потому, что предмет не целый – сохранился фрагмент рабочего края и основной его части. Помимо этого, изделие имеет крайне мало аналогов, с которыми можно было бы его сопоставить. На орудии представлены следы износа того же типа, что и на посредниках, однако их локализация на латеральных участках кости в данном случае допускает вероятность появления этих следов в результате употребления в пищу хищниками. Морфологические критерии, позволяющие отличить следы антропогенного воздействия от следов, оставленных хищниками, существуют, но они не всегда достаточны [Blumenchine and Selvaggio, 1988; Galán et al., 2009]. В данном случае на антропогенный генезис этих следов указывает ориентация снятий, их повторяемость и перекрывание друг друга, что является самой важной характеристикой.

Последнее орудие – ретушер (5,4 × 2,2 × × 0,45 см), классический для каменного века тип орудия, встречающийся начиная с нижнего палеолита и до эпохи неолита. Следы использования связаны с участками уплотнения, которые образуются в результате повторяющегося контакта между поверхностью кости и лезвийной частью каменного орудия. Если в последнее время авторы все чаще сходятся во мнении, что ретушеры использовались как отбойники для ретуши [Mallye et al., 2012; Tartar 2012], то их предшественники предполагали использование ретушеров также в качестве

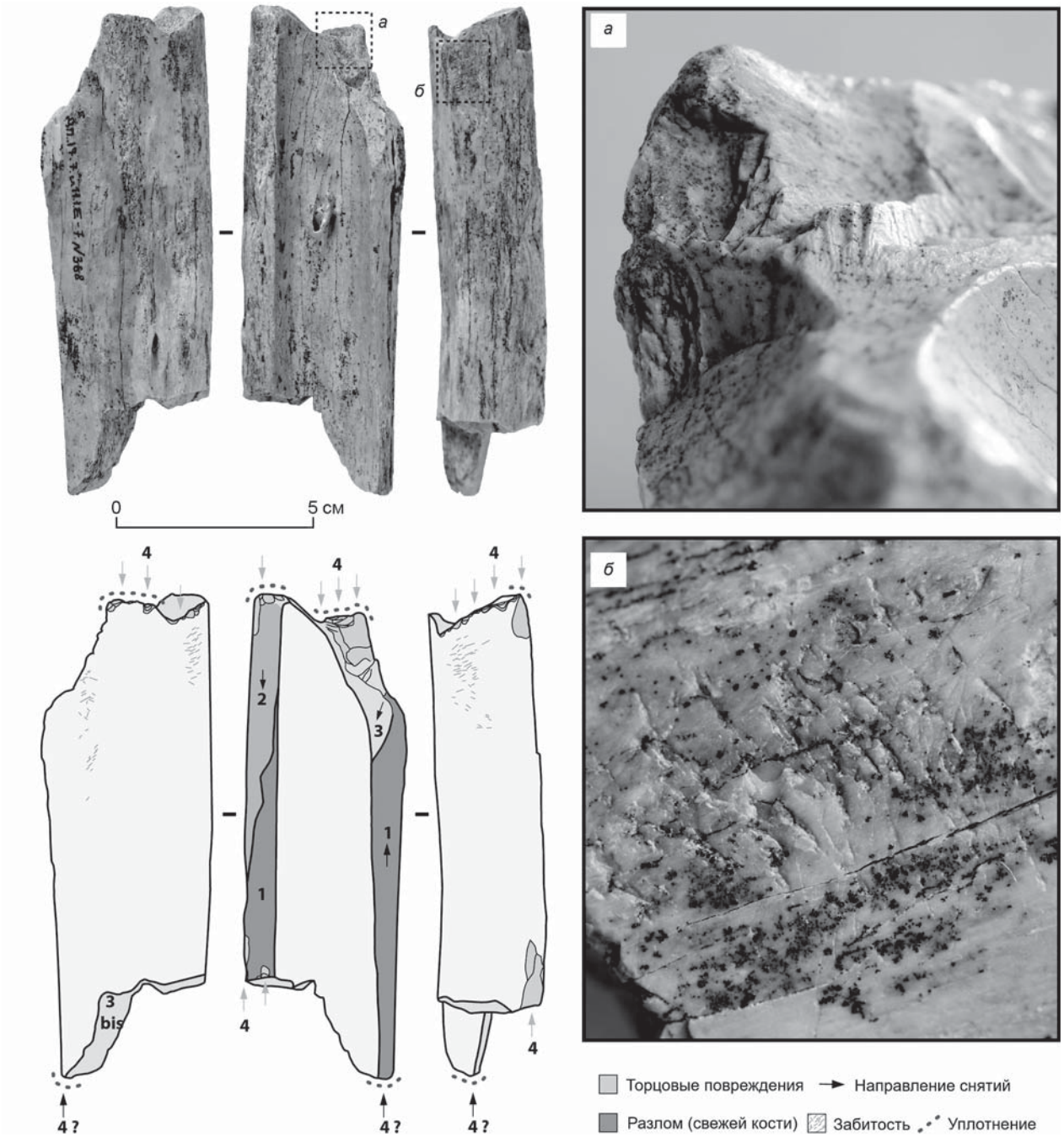

Рис. 1. Посредник из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры. Фото и прорисовки М. Боманн.
а – снятия, полученные в результате раскалывания перпендикулярно оси орудия; *б* – углубления, полученные в результате контакта с лезвийной частью каменного орудия.

отжимников [Щелинский, 1983]. В.Е. Щелинский различает два способа их использования. В первом случае (отбойник) следы обычно образуют более или менее вогнутую фасетку, шероховатую наощупь, с большим количеством коротких рисок и выемок. Последние вытянутые, разной длины и, что важно, направлены поперек оси орудия [Там же, с. 93]. Во втором случае (отжимник) следы представлены параллельными рисками и более короткими выемками, менее глубокими, чем при раскалывании. Они более или менее узко локализованы и сконцентрированы на определенных участках фрагментов кости. Обычно они ориентированы в обратном направлении или поперек продольной оси ретушера [Там же, с. 96]. На нашем орудии следы ближе ко второму типу, связанному с отжимом. Повторяемость их ориентации и их морфология говорят об определенной ритмичности движения при ретушировании (рис. 2, *а*). Следует отметить, что поверхность этого предмета предва-

рительно была подготовлена скоблением (рис. 2, *б*) на этапе подготовки или в процессе подживления орудия, или в ходе предшествовавших операций по разделке туш.

Слабомодифицированные орудия (или, скорее, их многочисленность в костяных индустриях) до недавнего времени оставались незамеченными в силу повсеместности диагностирующих критериев. Для Денисовой пещеры, помимо прочего, характерна хорошая сохранность кости, что упрощает возможности анализа этих материалов. Предварительные результаты работы со среднепалеолитическими материалами из пещеры позволяют сделать вывод, что этот тип орудий может рассматривать-

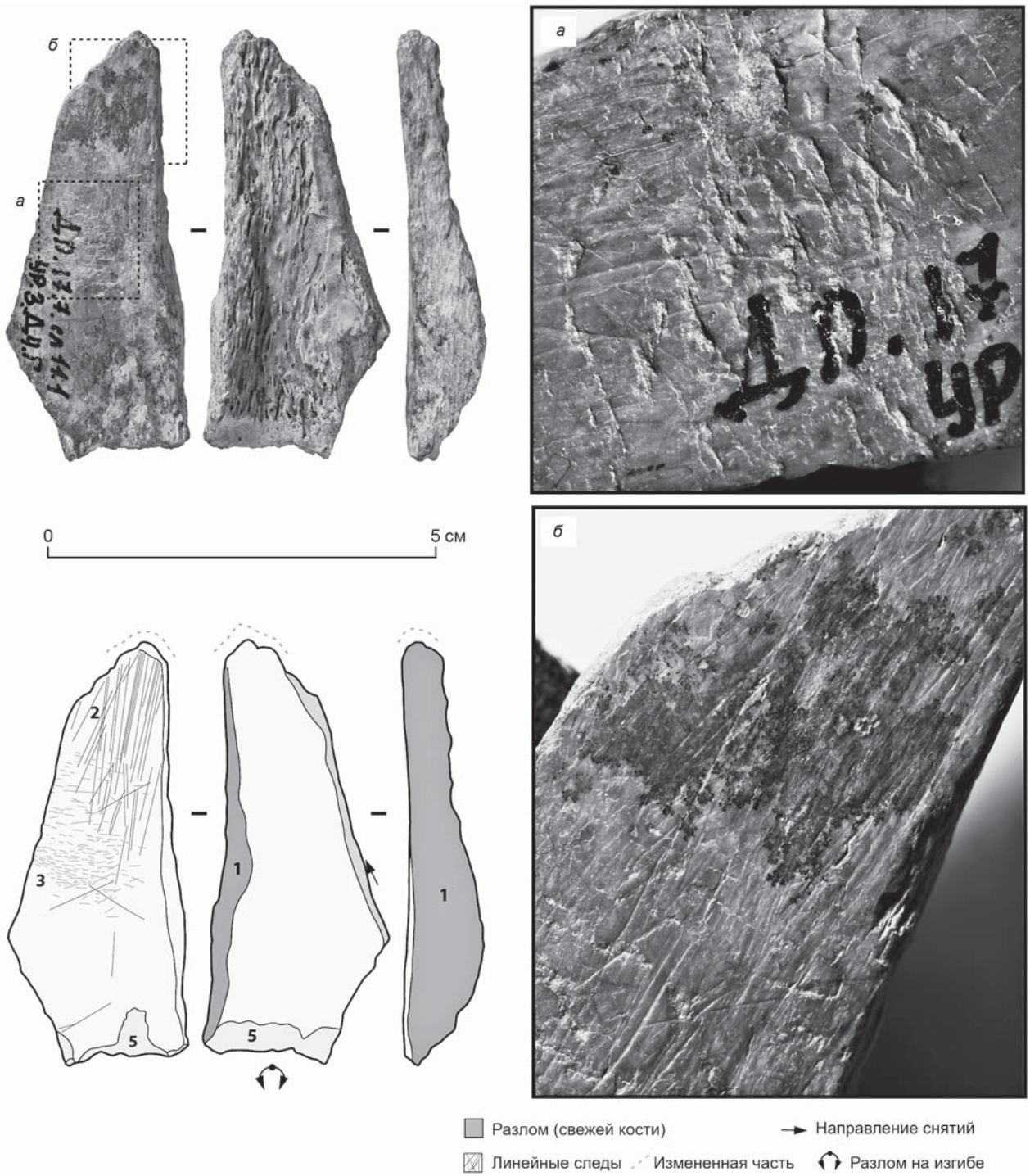

Рис. 2. Ретушер из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры. Фото и прорисовки М. Боманн.
а – углубления, полученные в результате повторяющихся контактов с лезвийной частью каменного орудия; *б* – следы скобления наружной поверхности.

ся как достаточно архаичный. Начиная со среднего палеолита они выполнены также на оббитых фрагментах кости, но при этом для их обработки не использовались такие техники, как, например, скобление. Это может указывать на продолжение и развитие более древних традиций. Для дальнейшего определения роли слабомодифицированных костяных орудий в рамках деятельности сообществ, обитавших в Денисовой пещере, необходимо создать большую серию экспериментальных эталонов, которые позволят трасологически сопоставить эти данные с археологическими материалами.

Благодарности

Работа выполнена за счет гранта РФФИ № 17-29-04206, при поддержке Центра франко-российских исследований в Москве в рамках постдокторских исследований (2015), а также фонда FYSSEN (2016) и российско-французской лаборатории LIA Artemir (2015–2017).

Список литературы

Щелинский В.Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. – Л.: Наука, 1983. – С. 72–133.

Blumenshine R.J., Selvaggio M.M. Percussion marks on bone surfaces as a new diagnostic of hominid behavior // Nature. – 1988. – N 333. – P. 763–765.

Galán A.B., Rodriguez M., Juana S., Diminguez-Rodrigo M. A new experimental study on percussion marks and notches and their bearing on the interpretation of hammerstone-broken faunal assemblages // J. of Archaeol. Sci. – 2009. – N 36. – P. 76–784.

Mallye J.-B., Thiebaut C., Mourre V., Costamagno S., Claud E., Weisbecker P. The Mousterian bone retouchers of Noisetier Cave: experimentation and identification of marks // J. of Archaeol. Sci. – 2012. – N 39. – P. 1131–1142.

Provenzano N. Fiche générale des objets à biseau distal // Fiches typologiques de l'industrie osseuse préhistorique. – Treignes: Éditions du CEDARC, 1998. – Cahier VIII: Biseaux et tranchants. – P. 5–16. – (Commission de nomenclature sur l'industrie osseuse préhistorique).

Tartar E. Réflexion autour de la fonction des retouchoirs en os de l'Aurignacien ancien // Bul. de la Société préhistorique française. – 2012. – Vol. 109. – N 1. – P. 69–83.

Villa P., Mahieu E. Breakage patterns of human long bones // J. of Human Evol. – 1991. – N 21. – P. 27–48.

References

Blumenshine R.J., Selvaggio M.M. Percussion marks on bone surfaces as a new diagnostic oh hominid behavior. *Nature,* 1988, No. 333, pp. 763–765.

Galán A.B., Rodriguez M., Juana S., Diminguez-Rodrigo M. A new experimental study on percussion marks and notches and their bearing on the interpretation of hammerstone-broken faunal assemblages. *Journal of Archaeological Science.* 2009, No. 36, pp. 76–784.

Mallye J.-B., Thiebaut C., Mourre V., Costamagno S., Claud E., Weisbecker P. The Mousterian bone retouchers of Noisetier Cave: experimentation and identification of marks. *Journal of Archaeological Science.* 2012, No. 39, pp. 1131–1142.

Provenzano N. Fiche générale des objets à biseau distal. In *Fiches typologiques de l'industrie osseuse préhistorique. Cahier VIII: Biseaux et tranchants.* Treignes: Éditions du CEDARC, 1998, pp. 5–16 (Commission de nomenclature sur l'industrie osseuse préhistorique).

Shchelinskii V.E. K izucheniyu tekhniki, tekhnologii izgotovleniya i funktsii orudii must'erskoi epokhi. In *Tekhnologiya proizvodstva v epokhu paleolita.* Leningrad: Nauka, 1983, pp. 72–133 (in Russ.).

Tartar E. Réflexion autour de la fonction des retouchoirs en os de l'Aurignacien ancien. *Bulletin de la Société préhistorique française.* 2012, vol. 109, No. 1, pp. 69–83.

Villa P., Mahieu E. Breakage patterns of human long bones. *Journal of Human Evolution.* 1991, No. 21, pp. 27–48.

УДК 569

С.К. Васильев[1], М.А. Середнёв[2], К.И. Милютин[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Новые сборы остатков плейстоценовой мегафауны на вторичных местонахождениях Верхнего Приобья в 2017 году

В 2017 г. на р. Оби на пляже в районе пос. Бибиха было собрано 1550 костей крупных млекопитающих. Большая часть из них относится к среднему плейстоцену, меньшая – к раннему и позднему плейстоцену. Источник поступления костей неизвестен. Здесь найдены единичные остатки раннеплейстоценовых видов: Panthera fossilis, Stephanorhinus kirchbergensis, Cervalces latifrons, Praeovibos sp., Soergelia sp. В русле и на перекатах р. Чик было собрано 1080 переотложенных костных остатков. Впервые для этого местонахождения отмечены остатки Bos primigenius, представленные целой пястной костью. На пляжах, отмелях и перекатах р. Чумыш в 2017 г. было зафиксировано 1535 костных остатков. Общий объем собранных или учтенных костей мегафауны для трех местонахождений составил (кости/виды): Бибиха – 3409/18, Чик – 2836/19, Чумыш – 11234/23. Большая часть костных остатков с Чумыша и Чика по ^{14}C датируется каргинским межстадиалом.

Ключевые слова: *плейстоцен, Бибиха, Чик, Чумыш, костные остатки, мегафауна.*

S.K. Vasiliev[1], M.A. Serednyov[2], K.I. Milutin[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

New Gathering of the Pleistocene Megafauna Remains at the Alluvial Locations of the Upper Ob Region in 2017

One thousand five and hundred fifty bones of large mammals were collected on the sand bank of the Ob River near Bibikha village in 2017. Their larger part belongs to the Middle Pleistocene, and the smaller part belongs to the Early and Late Pleistocene. The source of the bones is unknown. Individual remains of the Early Pleistocene species have been found, including Panthera fossilis, Stephanorhinus kirchbergensis, Cervalces latifrons, Praeovibos sp., and Soergelia sp. One thousand and eighty megafaunal remains were collected in the riverbed and shoal areas of the Chick River in 2017. The remains of the Bos primigenius are represented by an intact metacarpal bone discovered for the first time at this location. One thousand five hundred and thirty five bone remains were gathered on the beaches, shallows, and shoals of the Chumysh River in 2017. In total, the collected or recorded bones of megafauna at three locations amounted to (bones/species): Bibikha – 3409/18, Chick – 2836/19, Chumysh – 11234/23. The greatest part of bone remains from the Chumysh and Chick Rivers were dated by on ^{14}C to the Karginsky interstadial.

Keywords: *Pleistocene, Bibikha, Chick, Chumysh, bone remains, large mammals.*

В 2017 г. продолжился сбор палеотериологического материала на трех крупных местонахождениях Верхнего Приобья – на реках Чумыш, Чик и на р. Оби в районе пос. Бибиха.

Местонахождение Бибиха находится на правом берегу р. Оби, в 40 км ниже Новосибирска. Сборы костей здесь проводились на протяжении двух предыдущих сезонов [Васильев и др., 2015, 2016]. В сентябре 2017 г. низкий уровень воды позволил собрать большое количество (свыше 1,5 тыс.) остатков мегафауны, что почти удвоило численность коллекции. Обширный костеносный песчано-галечный пляж начал постепенно аккумулироваться на этом участке с середины 1970-х гг., когда в результате гидротехнических работ фарватер реки был перемещен от правого берега к левому.

Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих на пляжах и перекатах р. Чумыш, р. Чик и на пляже р. Оби в районе пос. Бибиха

Таксоны	Чумыш (2011–2017)		Чик (2011–2017)		Бибиха (2015–2017)	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%
Lepus tanaiticus	4	0,04	2	0,07	–	–
Castor fiber	11	0,10	7	0,25	2	0,06
Cuon alpinus	1	0,01	–	–	–	–
V. vulpes	2	0,02	–	–	–	–
Canis lupus	9	0,08	5	0,18	3	0,09
Ursus arctos	41	0,36	7	0,25	13	0,38
Ursus savini	49	0,44	9	0,32	9	0,26
C.crocuta spelaea	8	0,07	3	0,11	–	–
Panthera leo spelaea	69	0,61	10	0,35	13	0,38
L. lynx	–	–	1	0,04	–	–
Mammuthus primigenius	1039	9,25	351	12,38	190	5,55
Equus ex. gr. *gallicus*	2435	21,68	1372	48,38	873	25,50
E. (Sussemionus) ovodovi	7	0,06	6	0,21	–	–
Stephanorhinus kirchbergensis	17	0,15	–	–	1	0,03
Coelodonta antiquitatis	1097	9,76	214	7,55	209	6,11
Camelus knoblochi	2	0,02	–	–	–	–
Megaloceros giganteus	359	3,20	46	1,62	132	3,86
Cervus elaphus sibiricus	538	4,79	55	1.94	113	3,30
Alces cf. *alces*	191	1,70	30	1,06	53	1,55
Cervalces latifrons	–	–	–	–	4	0,12
Capreolus pygargus	4	0,04	–	–	–	–
Rangifer tarandus	12	0,11	8	0,28	5	0,15
Bos primigenius	1	0,01	1	0,04	–	–
Bison priscus	5336	47,50	689	24,29	1786	52,18
Saiga borealis	2	0,02	20	0,71	6	0,18
Praeovibos sp.	–	–	–	–	3	0,06
Soergelia cf. *elisabethae*	–	–	–	–	8	0,23
Всего	11234	100	2836	100	3423	100

Изучение сохранности костей в совокупности с анализом метаподий лошадей показало, что основной массив находок составляют кости среднеплейстоценового возраста. Как и на любом вторичном, пляжном местонахождении, в Бибихе присутствуют разновременные костные остатки. Выделяется небольшая группа костей раннеплейстоценового типа сохранности, в большей степени минерализованных и окатанных. Часть из них неотличима от среднеплейстоценовых остатков, «выдает» их лишь принадлежность к индикаторным видам раннеплейстоценовой фауны. В их число входят единичные остатки *Panthera fossilis*, *Stephanorhinus kirchbergensis*, *Cervalces latifrons*, *Praeovibos* sp., *Soergelia* sp. (см. *таблицу, рисунок*).

Расположенные непосредственно выше по течению яры не содержат массовых остатков плейстоценовой мегафауны. Остается предполагать, что где-то в русле реки, под урезом воды происходит интенсивный размыв среднеплейстоценового аллювия. Источник поступления костей не может находиться слишком далеко от пляжа. На это указывает ряд целиком сохранившихся костей бизона, таких как бедренные, плечевые или грудные позвонки с длинными остистыми отростками. Упомянутые кости крайне редко остаются целыми при переотложении и тем более при длительной и жесткой транспортировке их по дну реки. Слишком тяжелые кости (крупные трубчатые мамонта, шерстистого носорога, фрагменты черепа и рога бизонов) на костеносный пляж не выносятся. Не исключено, что на каких-то участках русла может вскрываться также раннеплейстоценовый аллювий. Возможно и другое объяснение: кости раннеплейстоценого возраста уже изначально находились в толще среднеплейстоценового руслового аллювия, попав туда в это же самое время в результате переотложения. Среди костей раннеплейстоценовой группы сохранности присутствуют кости как сильно окатанные, так и не окатанные вовсе. Аналогичная картина наблюдается в казанцевском русловом аллювии слоя 6 разреза Красный Яр, находящегося в 20 км выше

Остатки крупных млекопитающих с р. Чик (*1*) и с р. Оби в районе пос. Бибиха (*2–16*).

Bos primigenius: *1* – пястная кость; *Cervalces latifrons*: *2* – астрагал, *3* – верхний конец лучевой кости, *4, 5* – вторые фаланги (передняя и задняя); *Soergelia* sp.: *6* – первый шейный позвонок, *7* – нижний конец бедренной кости, *8, 9* – нижняя и верхняя половины лучевой кости, *10* – нижний отдел лопатки, *11* – астрагал, *12, 13* – нижние концы пястной и плюсневой кости; *Praeovibos* sp.: *14* – берцовая кость, *15* – нижний отдел лопатки; *Stephanorhinus kirchbergensis*: *16* – зуб верхней челюсти (M^2 левый).

по течению, где содержится до 26 % переотложенных костей среднераннеплейстоценового возраста. Среди них также отмечаются кости самых разных степеней минерализации и окатанности.

В ориктоценозе из Бибихи доминируют виды открытых пространств. Кости бизона составляют свыше половины, а лошади – более четверти всех находок. Доля оленей – 9 % в сумме, хищников – 1,1 % (см. *таблицу*). Из всей коллекции наибольший интерес представляют остатки редких раннеплейстоценовых видов.

Незначительно окатанный нижний конец бедренной кости *Panthera fossilis* имеет *шнк/пнк** 98/104 мм, что лишь немного уступает максималь-

*В тексте используются следующие сокращения: *швк* (*шнк*)/*пвк* (*пнк*) – ширина/поперечник верхнего (нижнего) конца; *шд*/*пд* – ширина/поперечник диафиза.

ным значениям данных промеров у гигантского американского льва *Panthera atrox* из битумов Ранчо Лабреа [Merriam, Stock, 1932].

Широколобый лось представлен верхним отделом лучевой кости (*швк/пвк* 113/65,5 мм). Астрагал имеет латеральную и медиальную длину 92,4 и 83,7 мм, шнк 59,2 мм. Найдены также две вторых фаланги – передняя и задняя. Лучевая и астрагал совершенно не окатаны, фаланги – лишь в слабой степени. Указанные кости значительно превышают максимальные значения промеров у современных и позднеплейстоценовых лосей [Васильев, 2011], что и позволило отнести их к *Cervalces latifrons*.

От преовибоса найдены отличной сохранности целая берцовая кость, ее верхняя треть и нижний отдел лопатки. Длина tibia 362,7 мм, *швк/пвк* 90/86,5, *шд/пд* 40,4/37,4, *шнк/пнк* 61,5/44,5 мм. Ширина шейки лопатки 55,7, *шнк* 81,7 мм, ширина/поперечник суставной поверхности – 64/50,2 мм. Фрагменты берцовой кости и лопатки довольно сильно окатаны. Находки костей древнего овцебыка на юге Западной Сибири единичны. Плюсневая кость *Praeovibos* sp. раннеплейстоценового возраста была описана из Красного Яра под Новосибирском [Васильев, 2007].

К зоргелии отнесено 8 костей. Целый atlas имеет ширину в крыльях 138,6 мм, то же передней и задней суставных поверхностей – 91 и 99 мм, высоту более 69 мм. Ширина шейки лопатки 48,4, *шнк* 59,5 мм, ширина/поперечник суставной поверхности 46,5/37,5 мм. Окатанная верхняя половина лучевой кости имеет *швк/пвк* 58,6/32, шд 35,8 мм. *Шнк* бедренной кости 75,5 мм, медиальный и латеральный поперечники – 92,7 и 81,8 мм. *Шнк* плюсневой кости 46,5 мм. Astragalus: латеральная, медиальная длина, *шнк* – 53,3; 50,2; 34,4 мм. Самая интересная находка – нижняя половина лучевой кости зоргелии идеальной позднеплейстоценовой сохранности (*шд/пд* 35,3/24,7, *шнк/пнк* 58,7/41 мм). Более 50 остатков *Soergelia elisabethae* было собрано на отмели ниже Тарадановского Яра в составе мамонтовой фауны (казанцевское время) [Васильев, 2010]. Бибиха, таким образом, является вторым пунктом на территории Западной Сибири, где были обнаружены позднеплейстоценовые остатки зоргелии. До открытия в Тараданово зоргелия считались надежным индикатором раннеплейстоценовых отложений.

Впервые в Бибихе найдены достоверные остатки носорога Мерка – левый среднестертый M^2 (см. *рисунок*). Зуб крупный, его ширина с лабиальной стороны 67, поперечник 76 мм. *Stephanorhinus kirchbergensis* отмечен на целом ряде средне- и позднеплейстоценовых местонахождений на юге Сибири, но его остатки повсюду немногочисленны.

Палеофаунистическая коллекция из Чика в 2017 г. пополнилась 1080 находками. Все кости были собраны в русле реки в переотложенном состоянии. Возраст большинства находок по данным радиоуглеродного анализа составляет от 30 до 40 тыс. лет, но встречаются также кости сартанского и раннеголоценового возраста [Васильев и др., 2016]. Почти половину находок в ориктоценозе с Чика составляют остатки лошади, четверть – бизона. Олени немногочисленны – 4,9 % в сумме, хищники – 1,2 %. В каргинский интерстадиал в Новосибирском Приобье господствовали открытые степные ландшафты, где были многочисленны мамонт (12,4 %) и шерстистый носорог (7,6 %), присутствовали такие типично степные виды, как сайгак, лошадь Оводова и малый пещерный медведь. Плейстоценовый возраст лобной кости человека с Чика [Васильев и др., 2016] по результатам палеогенетических исследований в институте Макса Планка (Лейпциг) не подтвердился.

Полной неожиданностью явилась находка на Чике пястной кости тура (см. *рисунок*). Судя по размерам и пропорциям, она принадлежала крупной самке. Длина кости 271,8 мм, *швк/пвк* 84,4/52,7; *шд/пд* 49,7/36,7; *шнк/пнк* 87,6/48,4 мм. Нижняя суставная поверхность очень широкая, надсуставные бугры не выражены, нижний конец плавно перетекает в диафиз, как это характерно для *Bos primigenius*. Остатки тура крайне редко встречаются на юге Западной Сибири и далеко не во всех местонахождениях. С р. Чумыш известна более мелкая пястная кость самки тура, датированная по ^{14}C 10 240 л.н. [Васильев и др., 2016]. Часть лобной кости с почти полным роговым стержнем тура была найдена на р. Тогул, правом притоке Уксуная – Чумыша. Единичные фрагменты черепов тура с роговыми стержнями хранятся в ряде краеведческих музеев (Новосибирск, Ордынск, Бийск и др.).

Сплав по р. Чумыш между с. Мартыново и Кытманово состоялся в июне 2017 г. Всего на пляжах, отмелях и перекатах было собрано и учтено свыше 1550 костных остатков, а общий объем исследованного материала составил более 11,2 тыс. (см. *таблицу*). Большинство радиоуглеродных дат по костям приходятся на каргинское время, небольшая часть – на сартанское и ранний голоцен [Васильев и др., 2016]. Териофауна с Чумыша, в отличие от типично степной фаунистической группировки с Чика, обитала в условиях лесостепных ландшафтов, где фоновыми видами являлись бизон и лошадь (47,5 и 21,7 %). Олени составляли 9,8 %, хищники – 1,6 %. Одной из наиболее значимых находок этого года является целая бедренная кость пещерной ги-

ены. Длина кости 276 мм, *швк* 66,7 мм, диаметр головки бедра 32,2 мм, *шд/пд* 24,2/21,5 мм, *шнк/пнк* 54/54,4 мм.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект 14-50-00036).

Авторы выражают признательность А.Ф. Буху (пос. Кытманово) за переданную коллекцию костей и содействие в работе.

Список литературы

Васильев С.К. Первая находка *Praeovibos* sp. на юго-востоке Западной Сибири // Териофауна России и сопредельных территорий: мат-лы VIII съезда териологического общ-ва. – М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2007. – С. 70.

Васильев С.К. Остатки зоргелии (*Soergelia* sp.) в позднем плейстоцене Предалтайской равнины // Эволюция жизни на Земле: мат-лы IV Междунар. симп. (10–12 ноября 2010 г.). – Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. – С. 537–541.

Васильев С.К. Морфологические и экологические особенности лосей *Alces* cf. *alces* L. (*Mammalia, Artiodactyla*) юго-востока Западной Сибири в позднем неоплейстоцене и голоцене // Зоол. журн. – 2011. – Т. 90, № 1. – С. 97–108.

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И., Панов В.С. Сборы остатков мегафауны на реках Чумыш (Алтайский край), Чик и Обь в районе поселка Бибиха (Новосибирская область) в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 23–28.

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И., Слюсаренко И.Ю., Козликин М.Б., Чеха А.М. Сборы палеотериологического материала на реках Чумыш (Алтайский край) и Обь в районе поселка Бибиха (Новосибирская область) в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 36–40.

Merriam J.C., Stock G. The Felidae of Rancho La Brea. – Washington: Carnegie Inst., 1932. – 232 p.

References

Merriam J.C., Stock G. The Felidae of Rancho La Brea. Washington: Carnegie Inst., 1932, 232 p.

Vasiliev S.K. Pervaya nakhodka *Praeovibos* sp. na yugo-vostoke Zapadnoi Sibiri. In *Teriofauna Rossii i sopredel'nykh territorii: materialy VIII s"ezda teriologicheskogo obshchestva.* Moskow: Tovarishchestvo nauchnykh izdanii KMK, 2007, p. 70 (in Russ.).

Vasiliev S.K. Ostatki zorgelii (*Soergelia* sp.) v pozdnem pleistotsene Predaltaiskoi ravniny. In *Evolyutsiya zhizni na Zemle: materialy IV Mezhdunarodnogo simpoziuma*. Tomsk: TML-Press, 2010, pp. 537–541 (in Russ.).

Vasiliev S.K. Morfologicheskie i ekologicheskie osobennosti losei *Alces* cf. *alces* L. (*Mammalia, Artiodactyla*) yugo-vostoka Zapadnoi Sibiri v pozdnem neopleistotsene i golotsene. *Zoologicheskii zhurnal*. 2011, vol. 90, No. 1, pp. 97–108 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Serednjov M.A., Miljutin K.I., Panov V.S. Sbory ostatkov megafauny na rekakh Chumysh (Altaiskii krai), Chik i Ob' v raione poselka Bibikha (Novosibirskaya oblast') v 2016 godu. In *Problems of Archaeology, Etnography, Antropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 23–28 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Serednjov M.A., Miljutin K.I., Slyusarenko I.Yu., Kozlikin M.B., Chekha A.M. Sbory paleoteriologicheskogo materiala na rekakh Chumysh (Altaiskii krai) i Ob' v raione poselka Bibikha (Novosibirskaya oblast') v 2015 godu. In *Problems of Archaeology, Etnography, Antropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 36–40 (in Russ.).

УДК 569

С.К. Васильев[1, 2], М.В. Шуньков[1, 2], М.Б. Козликин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Остатки мегафауны из восточной галереи Денисовой пещеры и вопросы реконструкции природной среды Северо-Западного Алтая в плейстоцене

За последние 12 лет из плейстоценовых отложений восточной галереи Денисовой пещеры было получено свыше 162 тыс. костных остатков. Определимые кости принадлежат более чем 48 видам млекопитающих. В период формирования слоев 9–13 в окрестностях пещеры доминировали виды степных биотопов, а доля лесных видов была невелика. Межледниковая фауна с обилием остатков косули, благородного и гигантского оленей отмечена в слоях 15 и 14. В это время существенно возросла доля видов лесных и лесостепных биотопов на фоне сокращения доли видов степных и скальных биотопов. Результаты анализа мегафауны свидетельствуют о том, что в периоды межледниковий сохранялась мозаичность ландшафтов. Леса занимали только часть территории. На водоразделах и склонах гор южной экспозиции располагались обширные участки лугово-степной растительности, где обитали животные открытых пространств.

Ключевые слова: *Денисова пещера, плейстоцен, палеолит, крупные млекопитающие, биотопы.*

S.K. Vasiliev[1, 2], M.V. Shunkov[1, 2], M.B. Kozlikin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Megafaunal Remains from the Eastern Chamber of Denisova Cave and Problems of Reconstructing the Pleistocene Environments in the Northwestern Altai

In the past 12 years, the Pleistocene deposits from the Eastern Chamber of Denisova Cave yielded over 162,000 bone remains. Identifiable bones were attributed to 48 species of large mammals. During the deposition of layers 9–13, species associated with the steppe biotopes dominated in the vicinity of the cave, while the share of forest species was small. Layers 14 and 15 revealed the evidence of interglacial fauna, including abundant remains of roe deer, red deer, and Megaloceros. At that time, the share of species in the forest and forest-steppe biotopes increased significantly with the corresponding decrease of species in the steppe and rocky biotopes. The analysis of megafauna suggests that even during the interglacial periods, this area was partially forested and the landscapes remained mosaic. Watersheds and mountain slopes facing south were occupied by large areas with meadow-steppe vegetation which harbored field species.

Keywords: *Denisova Cave, Pleistocene, Paleolithic, large mammals, biotopes.*

Комплексные исследования плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры проводились на протяжении 12 лет и завершились в 2016 г. Ранее уже были опубликованы данные по остаткам крупных млекопитающих из раскопов 2005–2013 гг. [Васильев, Шуньков, Цыбанков, 2010; Васильев, Шуньков, Козликин, 2013]. Завершающий этап работ в 2014–2016 гг. затронул все стратиграфические подразделения плейстоценовой толщи, однако наиболее представительные материалы были получены из средней и нижней части пещерных отложений (слои 12–17). Общий объем коллекции 2014–2016 гг. составил более 32 тыс. костных остатков.

В целом за весь период работ в восточной галерее было обнаружено свыше 162 тыс. костных остатков, относящихся более чем к 52 видам крупных и мелких млекопитающих (табл. 1). Помимо остатков мегафауны, пещерные отложения содержали также значительное количество костей грызунов, насекомоядных и птиц, реже – рукокрылых, амфибий и рыб, полученных при промывке грунта на сите с ячеей 5 мм. Суммарно они составляют 39,3 % от числа определимых остатков. Весь имеющийся костный материал чрезвычайно фрагментарен. Степень раздробленности костей по разрезу меняется сравнительно мало. Доля остатков размером 1–2 см в среднем по слоям составляет 68,5 %, 2–5 см – 29,1 %. Число обломков костей крупнее 5 см – всего 2,5 % (от 1,1 % в слое 13 до 4,9 % в слое 11.2). Два самых крупных фрагмента берцовой и лучевой костей бизона длиной 21 см обнаружены в слоях 11.2 и 12.

Доля определимых костных остатков снижается вниз по разрезу – от 7,8 и 6,8 % в слоях 9 и 11 до 5,1; 4,4; 3,7 и 3,1 % в слоях 12–15 соответственно, составляя в среднем по всем слоям 5,6 %. Эти данные уступают аналогичному показателю для плейстоценовых слоев южной галереи (8,2 %), но существенно выше, чем в отложениях центрального зала и предвходовой площадки пещеры (менее 1 %) [Васильев, Шуньков, 2009; Природная среда…, 2003].

Фрагменты костей, как правило, прочные, светло-коричневого или палевого цвета. Костные остатки из слоя 17 по ряду признаков заметно отличаются от костей из вышележащей толщи. Они имеют характерный известковистый налет, светло-желтый или белесый цвет с черными марганцевыми дендритами на поверхности и выглядят значительно древнее. По всему разрезу, особенно в стратиграфических подразделениях слоя 11, отмечено большое количество костей и зубов со следами кислотной коррозии, прошедших через пищеварительный тракт крупных хищников. Кости со следами кислотной коррозии в слоях 14 и 15 встречаются реже, чем в вышележащих отложениях. Подобные корродированные остатки происходят из отрыжек и распавшихся копролитов пещерной гиены [Природная среда…, 2003]. В целом по слоям доля хищников от числа остатков мегафауны изменяется незначительно – от 27,3 % в слоях 14–15 до 31,1 % в слое 12 (табл. 2). Известно, что доля *Carnivora* в естественных биоценозах и аллювиальных местонахождениях обычно не превышает 1–2 %.

В слоях восточной галереи встречаются мелкие (до 2–3 см) фрагменты костей со следами обжига, темно-коричневого или черного цвета. В слое 9 подобных находок не зафиксировано, в слоях 11.1 и 11.2 они встречаются единично. В слоях 11.3 и 11.4 их доля от числа неопределимых костных остатков увеличивается до 0,9 и 0,4 % соответственно. В слоях 12 и 13 количество костей со следами обжига не превышает 0,2 %. Заметно возрастает доля обожженных костей в слоях 14 и 15 (0,9 и 1,9 %). В отложениях слоев 14 и 15 преобладают мелкие остроугольные фрагменты костей, а также зубов косули, благородного оленя, лошадей, сибирского горного козла и архара. В слое 14 найдено три небольших обломка трубчатых костей со следами порезов. Таким образом, следы деятельности человека по остеологическим остаткам наиболее выражены в слоях 11.3, 14 и 15.

Изучение остатков мегафауны позволяет в общих чертах проследить изменения природной среды в период седиментации пещерных отложений. Соотношение видов, связанных с различными биотопическими группами (степная, лесостепная, лесная и скальная), свидетельствует о том, что природно-климатическая обстановка оставалась относительно стабильной на протяжении всего времени формирования толщи слоев 9–13. В этот период доминировали обитатели степных биотопов – 62,8–68,2 %, а доля видов лесных местообитаний была невелика – 5,2–7,5 %. Процент видов лесостепных и скальных биотопов также менялся незначительно – 9,6–16,3 % и 14,0–18,8 % соответственно.

Резкие изменения в составе териокомплекса отмечены в период накопления слоев 14 и 15. Существенный рост доли лесной и лесостепной компоненты в этих слоях происходит за счет увеличения числа остатков косули, марала, и, в меньшей степени, бурого медведя, при сокращении численности видов степных биотопов. Так, если в слоях 9–13 численность косули не поднималась выше уровня 3,3–4,1 %, то в слоях 14 и 15 она возрастает более чем в пять раз – до 17,7 %. Доля остатков благородного оленя в слоях 14 и 15 увеличивается до 6,2 %. Фаунистическая ассоциация из слоев 14 и 15 – это типичная межледниковая лесная–лесостепная фауна с обилием оленей – косули, благородного и гигантского оленей. Вместе с тем здесь представлен весь спектр видов открытых пространств – два вида лошадей, бизон, шерстистый носорог и дзерен. Например, наиболее показательные в этом смысле остатки дзерена и сайгака в слоях 14 и 15 более многочисленны (7,3 %), чем в слоях 9–11 (5,1 %), уступая только их максимуму в слоях 12 и 13 (11,2 и 13,3 %; табл. 2). Совместное нахождение в одном слое массовых остатков обитателей лесных и степных биотопов свидетельствует о значительной мозаичности ландшафтов в окрестностях Денисовой пещеры в плейстоцене. Очевидно, что лесные массивы даже в периоды их наибольшей экспансии во время меж-

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков из плейстоценовых отложений восточной галереи Денисовой пещеры (2005–2016 гг.)**

Таксоны	Слои											
	9	11.1	11.2	11.3	11.4	11д*	12	13	14	15	17	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Erinaceus auritus	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
Asioscalops altaica	5	14	47	45	16	5	47	6	33	3	–	221
Chiropthera gen. indet.	1	1	2	–	–	–	–	1	–	–	–	5
Lepus tanaiticus	1	8	29	16	10	3	23	2	7	3	–	102
Lepus tolai	–	7	34	7	4	5	8	–	2	–	1	68
Ohotona sp.	1	5	9	10	4	1	8	1	2	–	–	41
Pteromys volans	–	–	3	–	–	–	1	–	–	–	–	4
Tamias sibiricus	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Spermophilus sp.	1	33	70	32	8	12	31	4	22	3	3	219
Marmota baibacina	3	6	42	59	26	–	78	12	85	14	–	325
Castor fiber	–	–	2	9	2	–	–	–	–	2	–	15
Allactaga sp.	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1
Cricetus sp.	–	–	14	7	1	2	18	–	–	–	–	42
M. myospalax	15	92	271	223	67	18	225	31	105	17	–	1 064
Rodentia gen. indet.	8	66	153	105	25	18	88	26	71	10	–	570
Canis lupus	5	9	82	64	46	1	120	17	66	24	–	434
Vulpes vulpes	1	9	49	37	33	–	76	6	20	7	–	238
Vulpes corsak	–	–	15	13	14	–	18	4	8	–	1	73
Cuon alpinus	–	2	8	27	17	1	55	9	54	13	1	187
Ursus arctos	–	–	2	12	–	1	23	1	20	6	–	65
U. (Spelaearctos) savini	–	1	3	–	–	–	–	–	–	–	–	4
Martes zibellina	–	–	–	3	–	–	–	–	–	–	–	3
Gulo gulo	–	–	2	1	–	–	–	–	–	–	–	3
Mustela erminea	–	–	1	1	2	–	–	–	–	–	–	4
Mustela nivalis	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	2
Mustela sibirica	–	–	1	2	–	–	–	–	–	–	–	3
Mustela altaica	–	–	3	1	6	–	1	–	2	1	–	14
Mustela eversmanni	–	1	2	–	2	–	8	1	2	–	–	16
C. crocuta spelaea	10	30	99	133	51	9	182	14	33	3	–	564
Panthera spelaea	–	–	3	–	2	–	1	–	–	–	–	6
Uncia uncia	–	–	3	2	1	–	–	–	–	–	1	7
Lynx lynx	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Felis manul	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Mammuthus primigenius	1	1	3	13	9	–	19	2	4	4	–	56
Equus (E.) ferus	3	5	6	8	2	–	13	1	4	–	–	42
E. (Sussemionus) ovodovi	1	2	14	36	13	2	33	1	11	8	–	121
E. ovodovi/ferus	2	16	88	97	49	6	180	25	113	7	–	583
Coelodonta antiquitatis	2	6	16	44	19	–	43	14	53	9	–	206
Cervus elaphus	3	3	27	43	28	3	30	4	30	26	2	199
Megaloceros giganteus	1	–	4	5	5	–	3	–	5	3	–	26
Alces cf. *alces*	–	–	–	1	1	–	1	–	–	–	–	3
Capreolus pygargus	2	1	28	46	29	7	51	6	109	49	2	330
Rangifer tarandus	–	–	3	1	–	–	4	–	–	–	–	8
Bison priscus	10	22	116	97	50	14	123	12	48	13	–	505
Poëphagus mutus baicalensis	–	–	–	1	1	–	1	–	–	–	–	3
Saiga tatarica borealis	–	–	2	8	–	–	7	–	3	–	–	20
*Gazella gutturs*za	–	–	1	60	22	2	118	21	46	2	–	272
Gazella/Saiga	–	1	9	21	8	-	49	3	18	5	–	114
Capra sibirica	6	27	140	121	47	18	170	22	63	11	2	627
Ovis ammon	1	15	48	27	12	3	32	10	6	1	–	155
Capra/Ovis	15	19	113	116	44	15	196	17	26	13	–	574

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Spirocerus kiakhtensis	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
Pisces	–	2	6	5	3		–	5	–	–	–	21
Amphibia	–	–	2	2	–	–	3	–	1	–	–	8
Aves	7	49	194	133	75	15	137	12	55	5	–	682
Неопределимые обломки	1 282	5 152	14 177	25 167	18 437	3 127	41 534	6 243	29 757	8 221	405	153 502
Всего костных остатков	1 388	5 605	15 946	26 864	19 191	3 288	43 761	6 533	30 885	8 483	418	162 362

*Деформация слоя.

Таблица 2. **Соотношение экологически показательных видов или групп видов из плейстоценовых отложений восточной галереи Денисовой пещеры**

Таксоны	Слои 9–11		Слой 12		Слой 13		Слои 14–15	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Хищники в целом	826	29,90	485	31,11	52	28,89	276	27,27
Пещерная гиена	332	12,01	182	11,67	14	7,78	36	3,55
Бурый медведь	15	0,54	23	1,47	1	0,56	27	2,66
Лошади	350	12,67	226	14,50	27	15,00	143	14,02
Олени (кроме северного)	237	8,58	85	5,45	10	5,56	251	24,73
Косуля	113	4,09	51	3,27	6	3,33	180	17,73
Марал	107	3,87	30	1,92	4	2,22	63	6,21
Северный олень	4	0,15	4	0,26	–	–	–	–
Бизон	309	11,18	123	7,89	12	6,67	63	6,21
Дзерен/сайгак	134	4,85	174	11,16	24	13,33	74	7,24
Сибирский горный козел	359	13,00	170	10,90	22	12,22	83	8,18
Всего остатков мегафауны в слое	2 763	100	1 559	100	180	100	1 015	100

ледниковий распространялись в основном по долинам рек, горным ущельям и на горных склонах северной экспозиции, в то время как водоразделы и южные склоны занимали обширные участки луговой и степной растительности.

По данным споро-пыльцевого анализа [Болиховская, Козликин, Шуньков, 2015, 2016] открытые (горностепные, лесостепные или тундростепные) ландшафты господствовали на протяжении большей части времени формирования слоев 9–12. Слои 13 и 14 накапливались в условиях межледниковья, при климате значительно более теплом, чем современный. В период формирования слоя 14 в окрестностях пещеры получили развитие широколиственно-смешанные леса. Слои 15 и 16 палинологически слабо охарактеризованы, однако по составу фауны крупных млекопитающих слои 14 и 15 близки между собой. Присутствие в слое 12 единичных остатков северного оленя вполне согласуется с данными споро-пыльцевого анализа, указывающими на формирование этих отложений в условиях перигляциальных горных лесо- и тундростепей. По составу и процентному содержанию фоновых видов сообщества млекопитающих, обитавших в открытых ландшафтах в периоды межледниковья (слой 13) и последующего оледенения (слой 12), практически не различаются (табл. 2).

В пределах слоя 17 найдены единичные кости корсака, красного волка, косули, марала, сибирского горного козла и снежного барса (см. табл.1).

Анализ остатков мегафауны не позволяет относительно детально, как споро-пыльцевой анализ, проследить изменения палеосреды в период накопления толщи пещерных отложений. Однако в целом палеогеографические реконструкции, сделанные ранее на основе палинологических данных, подтверждаются результатами исследования остатков крупных млекопитающих.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 17-29-04206.

Список литературы

Болиховская Н.С., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Палиностратиграфия и предварительная реконструкция природных обстановок во время формирования верхней части плейстоценовой толщи в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии,

антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 28–30.

Болиховская Н.С., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Предварительные результаты палинологического анализа плейстоценовых слоев 12–17 в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 12–14.

Васильев С.К., Шуньков М.В. Крупные млекопитающие из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 63–69.

Васильев С.К., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Предварительные итоги изучения остатков мегафауны из плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 32–38.

Васильев С.К., Шуньков М.В., Цыбанков А.А. Остатки крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры (материалы 2009–2010 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 28–32.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

References

Bolikhovskaya N.S., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Palinostratigrafiya i predvaritel'naya rekonstruktsiya prirodnykh obstanovok vo vremya formirovaniya verkhnei chasti pleistotsenovoi tolshchi v vostochnoi galeree Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 28–30 (in Russ.).

Bolikhovskaya N.S., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Predvaritel'nye rezul'taty palinologicheskogo analiza pleistotsenovykh sloev 12–17 v vostochnoi galeree Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 12–14 (in Russ.).

Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaia / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadjanian, G.F. Baryshnikov, E.M. Malayeva, V.A. Ulianov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoikin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ.).

Vasil'ev S.K., Shunkov M.V. Krupnye mlekopitayushchie iz pleistotsenovykh otlozhenii v yuzhnoi galeree Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, vol. XV, pp. 63–69 (in Russ.).

Vasil'ev S.K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Predvaritel'nye itogi izucheniya ostatkov megafauny iz pleistotsenovykh otlozhenii v vostochnoi galeree Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 32–38 (in Russ.).

Vasil'ev S.K., Shunkov M.V., Tsybankov A.A. Ostatki krupnykh mlekopitayushchikh iz pleistotsenovykh otlozhenii v vostochnoi galeree Denisovoi peshchery (materialy 2009–2010 godov). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, vol. XVI, pp. 28–32 (in Russ.).

УДК 903.14

П.В. Волков[1, 2], О.А.Митько[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: omitis@gf.nsu.ru

Результаты трасологического анализа каменных накладок на деревянное огневое сверло

Проблема появления и распространения на территории Сибири различных способов получения огня и огневых приборов недостаточно изучена. При исследовании одного из жилищ неолитического поселения у с. Константиновка в Амурской обл. рядом с очагом были обнаружены два каменных артефакта. В центральной части их широких сторон находились небольшие углубления. На основе экспериментально-трасологического анализа следов деформации на поверхности исследуемых каменных артефактов можно заключить, что данные предметы использовались в качестве «верхнего» прижимного фиксатора лучковой дрели. Конфигурация образовавшихся углублений позволяет говорить о неоднократном и достаточно эффективном использовании орудий.

Ключевые слова: *Забайкалье, Средний Амур, огнедобыча, экспериментально-трасологический анализ.*

P.V. Volkov[1, 2], O.A. Mitko[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: omitis@gf.nsu.ru

Results of Traceological Analysis of the Stone Drilling Devices for a Fire Extraction

The problem of appearance and distribution of various methods for procuring fire and special fire-extraction devices in Siberia has not been sufficiently well studied. Two stone artifacts from the Neolithic settlement near the village of Konstantinovka in the Amur Region were found near the hearth. Small depressions were located in the central part of their broad sides. Based on the experimental use-wear analysis of deformation traces on the surface of the stone artifacts, it can be concluded that these objects were used as "upper" clamping "weights" of the bow drill. The configuration of depressions formed on the surface of the artifacts make it possible to argue about their repeated and sufficiently effective use.

Keywords: *Transbaikal region, Middle Amur region, fire procurement, use-wear analysis.*

Свет и тепло костра определили направление и динамику генетического развития человека современного типа, а умение добывать огонь с помощью различных приспособлений на протяжении тысячелетий служили показателем уровня развития цивилизации. В XIX–XX вв. ученые разных стран приложили немало усилий, направленных на поиск свидетельств наиболее раннего использования огня, способов его получения, на сбор и систематизацию мифологических представлений. Предложенные в ходе работы концептуальные разработки послужили основой для формирования в начале уже нынешнего столетия таких научных направлений, как «археология огня» (*the archaeology of fire*), «археология пиротехнологий» (*the archaeology of pyro-technologies*).

К сожалению, из широкого исследовательского пространства выпала территория восточной части Евразийского континента, в разных регионах которого сохранились археологические и этнографические свидетельства о технологиях добывания огня. В специальной литературе находки деревянных и металлических огневых приборов периодов раннего железного века и Средневековья, как правило, рассматривались лишь в качестве бытовых предметов. Чаще всего их анализ ограничивался типологическими систематизациями, не ведущими к теоретическим обобщениям, которые имеют

самостоятельную научную ценность. Что касается более раннего времени, то данные об огнедобыче в эпоху камня и бронзы крайне незначительны, а находкам отдельных элементов огневых приборов, таких как каменные накладки-упоры на лучковые сверла, не уделялось должного внимания. Исключением являются публикации хорошо документированных материалов из трех памятников на территории Забайкалья и Амурской обл.

В.И. Ташаком и Ю.Е. Антоновой на палеолитических комплексах Подзвонкая (37–36 тыс. л.н.) и Барун-Алан-1 (40 тыс. л.н.) в Забайкалье были обнаружены камни с небольшими лунками в их центральной части. На поселении Подзвонкая – непосредственно в центре очажной ямы; на Барун-Алане-1 – первый камень рядом с очагом, второй – в тайнике. Проанализировав материалы, авторы пришли к выводу, что каменные изделия использовались как специальные упоры для удержания сверху стержня лучкового приспособления, предназначенного для добывания огня [Ташак, Антонова, 2012]. Учитывая возраст памятников (Подзвонкая в диапазоне от 40 до 37–36 тыс. л.н.; Барун-Алан-1 – древнее 40 тыс. л.н.) данные артефакты являются самыми ранними свидетельствами использования деревянных огневых приборов на территории Сибири.

Неолитическое поселение у с. Константиновка в Амурской обл., относящееся к новопетровской культуре, было исследовано в начале 60-х годов прошлого века. В центре жилища, типа полуземлянка, находился небольшой по размеру очаг, обложенный сланцевыми плитками и галькой из мелкозернистого гранита. Рядом с очагом лежали два камня с хорошо зашлифованными лунками, которые применялись, как предполагалось, для добывания огня с помощью лучкового сверла [Окладников, Деревянко, 1973, с. 89]. Планиграфический анализ жилого пространства показывает, что их приуроченность к очагу не была случайной [Деревянко, 1970, с. 19, рис. 2, 3].

Стоит отметить, что на территории Среднего Амура типологически близкие артефакты встречаются в археологических памятниках Средневековья. Уплощенная галька треугольной формы с лункой в центральной части была обнаружена в жилище 1 поселения Букинский Ключ-1. По мнению автора находки, она является наковаленкой (орехоколкой) и использовалась в качестве приспособления для раскалывания маньчжурского ореха и ореха лещины [Нестеров, 1998, с. 15, рис. 34].

В то же время, в литературе можно встретить мнение, что отнесение «чашечных» камней к малозначительным утилитарным предметам (наковальни, орехоколки или «упоры для лучкового сверла при добывании огня») является «абсурдным». По мнению Д.Л. Бродянского, они могут быть связаны только с особой художественной традицией и относятся исключительно к сакральной сфере [2006, с. 105, 108]. Стоит отметить, что многие авторы включают в понятие «чашечные» камни самые различные по размерам, объему и количеству углублений плиты: от базальтовых валунов с десятками лунок до небольших камней с одним углублением.

Для проверки гипотезы о применении небольших по размеру и весу каменных артефактов с лунками в качестве накладок-упоров на деревянные сверла был проведен экспериментально-трасологический анализ находок из жилища (раскоп I) неолитического поселения Константиновка. Функциональное исследование базировалось на методике, разработанной С.А. Семеновым и Г.Ф. Коробковой [Семенов, 1957; Korobkowa, 1999; и др.] Также использовался опыт синтезированной трасологической методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций палеолитических и неолитических памятников Северной

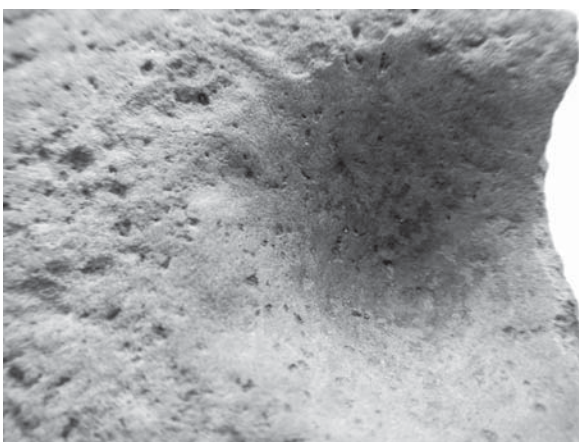

Рис. 1. Следы макродеформации на поверхности первого артефакта.

Рис. 2. Следы заполировки в углублении на поверхности второго артефакта.

и Центральной Азии [Волков, 2013]. При общем трасологическом обследовании материалов применялся бинокуляр Altami с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта с 10–50-кратным рабочим режимом увеличения. Для сравнительного анализа следов изношенности на орудиях использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов.

Первый исследуемый артефакт поврежден. Камень был обломан уже после того, как на нем была высверлена лунка воронкообразной формы; диаметр лунки от 1,2 до 3 см, глубина 1,5–1,6 см. На ее внутренней поверхности зафиксированы макроследы воздействия предмета, производившего вращательное движение по отношению к его плоскости. Следы такого рода характерны для изделий, выполненных из относительно мягкого органического материала, включая дерево. Судя по дислокации и типу деформации на поверхности исследуемого каменного артефакта, можно заключить, что данный предмет использовался в качестве «верхнего» прижимного фиксатора лучковой дрели (рис. 1).

Следы аналогичного генезиса зафиксированы и на втором артефакте (рис. 2). Камень подтреугольной формы, края лунки неровные и от нее по всей плоской поверхности идут трещины. Износ лунки на данном изделии имеет некоторое формальное отличие, обусловленное особенностью породы камня, из которого оно изготовлено. Артефакт выполнен из относительно менее износоустойчивого мелкозернистого и в меньшей степени окремненного песчаника. Вращательное движение лучка дрели привело здесь к характерному микровыкрашиванию породы без следов заполировки износа.

Несмотря на видимые различия в следах износа на исследованных орудиях, их наиболее вероятное функциональное назначение – верхний прижимной фиксатор лучковой дрели. Конфигурация углублений на поверхности артефактов позволяет говорить о неоднократном и достаточно эффективном их использовании. Стоит также отметить, что оба камня очень удобно удерживаются рукой. При проведении эксперимента по получению огня деревянным огневым прибором выяснилось, что при использовании сверла диаметром 1 см и длиной 20 см диапазон веса каменной накладки составляет от 1 до 2 кг. При таком соотношении веса и размера этих двух элементов огневого прибора не требуется дополнительных усилий, создаваемых давлением руки, сверло не зажимает и не проскальзывает в нижней лунке, вырезанной на деревянной планке.

Стоит отметить, что находки каменных накладок на сверла, как правило, приурочены к жилищам и поселенческим комплексам, тогда как роговые и костяные изделия обычно встречаются в погребениях. Очевидно, это связано с разделением огневых приборов на «стационарные» и «мобильные». Анализ подобных материалов открывает широкие перспективы для выявления аналогичного инструментария в археологических коллекциях Северной Азии.

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 1.4539.2017/8.9).

Список литературы

Бродянский М.Л. Каменные рельефы – «чашечная» традиция на Дальнем Востоке // Россия и АТР. – 2006. – № 1. – С. 105–109.

Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 416 с.

Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1970. – 204 с.

Нестеров С.П. Отчет об исследовании на памятниках Букинский Ключ-1 и Безумка в 1997 г. – Новосибирск, 1998. – 221 с.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приамурья. – Владивосток: Кн. изд-во, 1973. – 440 с.

Семенов С.А. Первобытная техника. – М.; Л.: Наука, 1957. – 241 с. – (МИА; № 54).

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. К вопросу о добыче огня и его культе в палеолите западного Забайкалья // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 7. – С. 56–67.

Korobkowa G.F. Narzedzia w pradziejach. – Torin: Widawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1999. – 168 p.

References

Brodyanskiy M.L. Kamennyye rel'yefy – «chashechnaya» traditsiya na dal'nem Vostoke. *Rossiya i ATR,* 2006, No. 1, pp. 105–109 (in Russ.).

Derevyanko A.P. Novopetrovskaya kul'tura Srednego Amura. Novosibirsk: Nauka, 1970, 204 p. (in Russ.).

Korobkowa G.F. Narzedzia w pradziejach. Torin: Widawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1999, 168 p.

Nesterov S.P. Otchet ob issledovanii na pamyatnikakh Bukinskiy Klyuch-1 i Bezumka v 1997 g. Novosibirsk, 1998, 221 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. Dalekoye proshloye Priamur'ya. Vladivostok: Vladivostokskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1973, 440 p. (in Russ.).

Semenov S.A. Pervobytnaya tekhnika. Moscow; Leningrad: Nauka, 1957, 241 p. – (Materialy i issledovania po arheologii SSSR, No. 54) (in Russ.).

Tashak V.I., Antonova Yu.Ye. K voprosu o dobyche ognya i yego kul'te v paleolite zapadnogo Zabaykal'ya. *Vestnik NSU. Ser.: Istoriya, filologiya,* 2012, vol. 11, iss. 7, pp. 56–67 (in Russ.).

Volkov P.V. Opyt eksperimenta v arkheologii. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013, 416 p. (in Russ.).

УДК 911.3

Е.А. Гирченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Древняя гидрография района среднего течения Янцзы и ее влияние на неолитические культуры региона

Различия в уровне развития земледелия в неолите на востоке и западе района среднего течения реки Янцзы связаны с географическими условиями обитания древних коллективов и степенью освоения ими имеющихся природных ресурсов. Благоприятные климатические условия на востоке района обусловили формирование уникальной среды, форсировавшей развитие хозяйственной деятельности человека. Климатические изменения характеризовались различиями в осадконакоплении, разливами или пересыханием рек и озер, что привело к сокращению пищевых ресурсов и явилось толчком к окультуриванию дикорастущих растений и впоследствии – к появлению заливного рисоводства. Относительно долгая стабильность климатических условий привела к развитию технологий и росту населения, что в позднем неолите обернулось демографическим прессом и масштабным выплеском населения в соседние регионы.

Ключевые слова: *Древний Китай, неолит, древняя гидрография, рисоводство, миграции, рост численности населения.*

E.A. Girchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Ancient Hydrography of the Middle Yangtze River and Its Influence on the Neolithic Cultures of the Region

Differences in the level of agricultural development in the Neolithic in the eastern and western parts of the Middle Yangtze River Valley were closely related to the geographical conditions in which ancient communities existed. Favorable climatic conditions in the east of the Middle Yangtze led to the formation of a unique environment which boosted the development of economic activity. Climatic changes were characterized by differences in sedimentation, spills or desiccation of rivers and lakes, and, accordingly, by the shrinkage of food resources, which triggered cultivation of wild plants and appearance of wet rice growing. Relatively long-term stability of climatic conditions led to the development of technologies and population growth, which resulted in demographic pressure and large-scale expulsion of population into the neighboring regions.

Keywords: *Ancient China, Neolithic, ancient hydrography, rice growing, migrations, population growth.*

Среднее течение Янцзы – регион неоднородный, гористая местность с речными ущельями Восточно-Сычуаньского плато на западе постепенно сменяется равнинами современных Хубэя и Хунани. В равнинной местности высота над уровнем моря составляет ок. 50 м, тогда как на западе она достигает 500–1 000 или даже 3 000 м. Исходя из географических условий обитания или степени овладения природными ресурсами отдельным коллективом, уровень развития земледелия в восточных и западных районах среднего течения Янцзы отличен. Различается и соотношение продуктов земледелия, животноводства и рыболовства в рационе племен востока и запада. Кроме того, центральное положение восточных районов, начиная уже с раннего неолита, способствовало многочисленным культурным контактам, тогда как на западе население существовало достаточно обособленно.

Гористая местность на западе – это, в первую очередь, восточная часть среднего течения Янцзы – ущелье Санься (граница между Чунцином и Хубэ-

ем). Рыболовство и охота здесь играют ведущую роль, земледелие – вспомогательную. Ввиду того, что земель, пригодных для земледелия, крайне мало, а жизненное пространство всегда было ограничено, этот вид хозяйственной деятельности не получил широкого распространения и развития. Памятники данной территории расположены по берегам рек или в местах их пересечения на речных террасах, часто достаточно далеко друг от друга, что обусловлено природными границами в виде гор и рек [Ван Хунсин, 1998, с. 53–54].

Восток региона, прежде всего, Цзянханьская равнина в среднем–нижнем течении Янцзы, пересеченная многочисленными речками и озерами, характеризуется появлением заливного рисоводства на равнинах и в поймах рек, особенно в районе оз. Дунтинху. Изменение гидрографии региона, связанное с потеплением климата, кардинальным образом поменяло существовавшие традиции питания, способствовало развитию региональных типов хозяйствования, формированию местного ремесленного производства. Уже в среднем неолите в районе среднего течения Янцзы возникла проблема перенаселения, что соответственно дало толчок к масштабным миграциям в соседние регионы и существенно повлияло на облик археологических культур сопредельных территорий [Го Фань, 1992].

Неоднородны восток и запад и в ресурсном отношении. Западные районы были насыщены камнем, пригодным для создания различного рода орудий, однако глины, подходящие для гончарства, были крайне редки. При этом на востоке долины среднего течения Янцзы, например, в бассейне р. Ханьшуй, левом притоке Янцзы, было достаточно как камня, так и глин, что полностью удовлетворяло любые потребности населения. На востоке, в районе оз. Дунтинху, древние обитатели Янцзы также не испытывали недостатка в материале для создания орудий для земледелия, что подтверждается большим количеством находок каменных мотыг.

Исследования древнего климата показали несколько периодов в неолите района среднего течения Янцзы: 10 000–8 500 л.н. – теплый период; 8 500–7 800 л.н. – похолодание; 7 800–5 600 л.н. – теплый период; 5 600–5 400 л.н.– похолодание; 5 400–4 700 л.н. – теплый период; 4 700–4 200 л.н. – похолодание; 4 200 – 3 000 л.н.– теплый период; 3 000 л.н. – похолодание. Климатические изменения характеризовались различиями в осадконакоплении, разливами или пересыханием рек и озер, а соответственно сокращением пищевых ресурсов. В более стабильные теплые периоды количество стоянок неуклонно росло, а во время неустойчивых климатических колебаний поселения сокращались в размерах, постройки располагались более концентрированно [Го Лисинь, 2006, с. 36–37]. Так, например, для 8–6 тыс. до н.э. характерен преимущественно теплый и влажный климат, оказавший большое влияние на гидрографию и растительность. По данным китайских палеоклиматологов, количество атмосферных осадков было высоким, в этот период формируется множество небольших пресных озер, а реки становятся шире, с большим количеством илистых накоплений [Да Хаобо, 2009, с. 27]. Во второй период потепления в неолите, 5–3 тыс. до н.э., климат становится еще более влажным, температуры были выше современных в среднем на несколько градусов, реки вышли из привычного русла и заполнили низины, а озера Цзянханьской равнины стали шире, что привело к затоплению ранненеолитических памятников. Мелкозернистые отложения, приносимые этими реками, илы, илистые глины, глины, закупоривали участки рек, овраги, узкие долины, так постепенно образовался озерный край. Самое большое пресное озеро региона Дунтинху появилось в это время. Общая площадь озер достигала 12 250 км^2, а наслоения ила составляли 2–3 м.

Данные шурфов трех озер – Чжанцзиньхай, Шишоуваньцзы и Чуньлянлин – показали наличие двух слоев, разделенных прослойкой из мелкой гальки и железомарганцевых конкреций. Методом радиоуглеродного датирования глины с оз. Бабао в Сунцзы была получена дата 5 240 ± 125 л.н., на основании чего китайские специалисты сделали вывод о наличии периода пересыхания озер на Цзянханьской равнине примерно в середине 3 тыс. до н.э. При исследовании дна озер Люгуань, Футянь (уезд Цзяньли), Юэчжоу (уезд Шаньтао) были обнаружены несколько стоянок культуры Даси, что говорит о том, что примерно в середине 4 – середине 3 тыс. до н.э. дно этих озер было сушей. Примерно в конце 2 тыс. до н.э. реки и озера достигли максимального разлива и одна треть Цзянханьской равнины находилась под водой. Больших озер между р. Янцзы и р. Сянцзян не существовало, вся эта поверхность была покрыта водой. Современная гидрографическая картина региона сформировалась тысячу лет спустя.

Озеро Дунтинху, расположенное на левом берегу среднего течения р. Янцзы, образовалось в тектонической впадине на высоте 34 м. Современная его длина составляет 45 км, ширина – ок. 25 км, площадь при низкой воде – ок. 2 тыс. км², максимально 4–5 тыс. км². Вместе с затопленными окрестностями, образующими сезонные болота, может достигать 11–12 тыс. км². Зимой, когда при-

токи вновь направляются в Янцзы и озеро мелеет, на Дунтинху образуются острова. Озеро Дунтинху еще во время плейстоценовых похолоданий было регионом денудации и сформировалось в результате Яньшаньского тектонического движения на месте образовавшейся впадины. В связи с последующими литологическими процессами, котловина постепенно понижалась, однако на востоке, в районе современных Юэяна и Сянъиня, р. Сянцзян и ее приток р. Милоцзян размывали поверхность и образовали большую речную долину. Низинные части подпитываются водами еще четырех рек: Сянцзян, Цзы, Юань и Лишуй [Да Хаобо, 2009, с. 29].

Примерно 12 000 л.н., когда поздний дриас только начал сменяться теплым пребореальным периодом, недостаток пищевых ресурсов явился толчком к окультуриванию дикорастущих растений и впоследствии – к появлению заливного рисосеяния. Рисоводство появилось на начальном этапе культуры Чэнбэйси примерно 8 500 л.н., но из-за температур, которые были ниже современных, данный вид земледелия на получил широкого распространения и найденные на археологических памятниках свидетельства разведения риса единичны. Основой хозяйственного уклада оставались охота и рыболовство, земледелие являлось вспомогательным, вероятно, потому что его развитие требовало больших коллективных трудовых вложений [Го Фань, 1992, с. 56–58]. На позднем этапе культур Чэнбэйси (5 500–5 000 гг. до н.э.) и Цзаоши нижнего слоя (ок. 5 000 гг. до н.э.), локализованной преимущественно на территории современной Хунани, вслед за сменой климата стали заметно разрастаться поселения, население увеличивалось, а культурные контакты регионов привели к появлению рисосеяния на Янцзы. На раскопках памятников культур Танцзяган (4 800–4 300 гг. до н.э.) и Даси (4 400–3 300 гг. до н.э.) в Хубее и Хунани археологически зафиксировано существование системы ирригации. В период Цюйцзялин (3 000–2 600 гг. до н.э) и Шицзяхэ (2 500–2 000 гг. до н. э.) система древнего заливного рисоводства полностью сложилась и получила широкое распространение в восточном районе среднего течения Янцзы.

На северо-западе региона наиболее ранние немногочисленные свидетельства культуры рисосеяния Янцзы находят в культуре Даси, в районе гор Наньшань. На памятнике Гунцзядагоу культуры Даси обнаружены зерна посевного риса. Вероятно, это связано с отсутствием больших площадей, пригодных для земледелия в долинах рек, склоны, как правило, засаживались суходольными зерновыми культурами [Гирченко, 2017]. Кроме того, местные краснозёмы неплодородные, легко подвергаются эрозии. Ввиду ограниченности жизненного пространства и отсутствия больших пространств, пригодных для земледелия, данный вид хозяйственной деятельности не получил широкого развития на западе региона.

Таким образом, именно относительно долгая стабильность климатических условий привела к развитию технологий и росту населения на востоке, что в позднем неолите обернулось демографическим прессом и масштабным выплеском населения в соседние регионы [Гирченко, 2016, с. 27].

Список литературы

Ван Хунсин. Чанцзян чжунъю дицюй синьшици шидай ичжи фэньбу гуйлюй, вэньхуа чжунсин дэ чжуаньюй хуаньцзин бяньцянь дэ гуаньси (Связи между закономерностями расселения, миграциями в центрах культур и климатическими изменениями в неолите среднего течения Янцзы) // Цзянхань каогу. – 1998. – № 1. – С. 53–61, 76 (на кит. яз.).

Гирченко Е.А. Традиции питания неолитического населения среднего Янцзы и связанные с этим демографические процессы // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии. Проблемы интерпретации и сохранения. – Кемерово, 2016. – С. 24–28.

Гирченко Е.А. Влияние природных условий обитания на становление хозяйственного уклада неолитического населения средней Янцзы // Материалы V (XXI) Всероссийского археологического съезда. – Барнаул, 2017 (в печати).

Го Лисинь. Лунь Чанцзян чжунъю дицюй синьшици шидай ваньци дэ шэнцзи цзинцзи юй жэнькоу яли (Источники существования и демографическая перенаселенность в позднем неолите среднего течения Янцзы) // Хуася каогу. – 2006. – № 3. – С. 33–39, 53 (на кит. яз.).

Го Фань. Цзюйго гуймо юй жэнькоу цзэнчжан цюйши туйцэ – чанцзян чжунъю дицюй синьшици шидай гэ фачжань цзедуань дэ сяндуй жэнькоу шулян дэ яньцзю (Типы поселений и тенденции роста населения – исследования относительной численности населения на каждом этапе неолита в среднем течении Янцзы) // Наньфан вэньу. – 1992. – № 1. – С. 55–60 (на кит. яз.).

Да Хаобо. Чанцзян чжунъю синьшици шидай вэньхуа юй шэнтай хуаньцзин гуаньси яньцзю (Исследования взаимосвязей экологии и древних культур неолита среднего течения р. Янцзы). – Ухань: Изд-во Классич. ун-та Центр. Китая, 2009. – 249 с. (на кит. яз.).

References

Da Haobo. Changjiang zhongyou xinshiqi shidai wenhua yu shengtai huanjing guanxi yanjiu (Studies of the interrelationships between ecology and the ancient Neolithic cultures of the middle reaches of Yangtze River). Wuhan: Huazhong Shifan Daxue Publ., 2009, 249 p. (in Chin.).

Girchenko E.A. Traditsii pitaniya neoliticheskogo naseleniya srednego Yantszy i svyazannyye s etim

demograficheskiye protsessy. In *Arkheologicheskoye naslediye Sibiri i Tsentral'noy Azii. Problemy interpretatsii i sokhraneniya*. Kemerovo: Kuzbassvyzizdat, 2016, pp. 24–28 (in Russ.).

Girchenko E.A. Vliyaniye prirodnykh usloviy obitaniya na stanovleniye khozyaystvennogo uklada neoliticheskogo naseleniya sredney Yantszy. In *Materialy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda*. Barnaul, 2017 (in Press) (in Russ.).

Guo Fan. Juguo guimo yu renkou zengzhang qushi tuize – Changjiang zhongyou diqu xinshiqi shidai ge fazhan jieduan de xiangdui renkou shuliang de yanjiu (Types of settlements and population growth trends – studies of the relative population at each stage of the Neolithic on the middle Yangtze River). *Nanfang wenwu*, 1992, No. 1, pp. 55–60 (in Chin.).

Guo Lixin. Lun Changjiang zhongyou diqu xinshiqi shidai wanqi de shengji jingji yu renkou yali (Sources of existence and demographic overcrowding in the Late Neolithic of the middle Yangtze River). *Huaxia kaogu*, 2006, No. 3, pp. 33–39, 53 (in Chin.).

Wang Hongxing. Changjiang zhongyou diqu xinshiqi shidai yizhi fenbu guilv, wenhua zhongxing de zhuanyi yu huanjing bianqian de guanxi (The patterns of settlement, the relations between the migrations from cultural centers and the climatic changes in the Neolithic of the middle Yangtze River). *Jianghan kaogu*, 1998, No. 1, pp. 53–61, 76. (in Chin.).

УДК 903.2

С.А. Гладышев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Свидетельства применения техники микрорасщепления в комплексах раннего верхнего палеолита многослойных стратифицированных стоянок Гобийского Алтая

На многослойных объектах Гобийского Алтая (пещера Цаган-Агуй, грот Чихэн-Агуй и стоянка Чихэн-2) выявлены достоверные свидетельства использования техники микрорасщепления в раннем верхнем палеолите. В материалах 3-го цикла осадконакопления пещеры Цаган-Агуй обнаружены удлиненные нуклеусы со следами снятых микропластин на торце. В коллекции раннего верхнего палеолита в гроте Чихэн-Агуй выделен подпризматический микронуклеус для получения микропластин и 24 микропластины. На многослойной стоянке открытого типа Чихэн-2 в слоях раннего верхнего палеолита обнаружена микропластина и микронуклеусы. Аналогичная картина наблюдается и в индустриях раннего верхнего палеолита на стоянках Северной Монголии (Толбор-4, -15).

Ключевые слова: *Гобийский Алтай, Монголия, пещера Цаган-Агуй, грот Чихэн-Агуй, микрорасщепление.*

S.A. Gladyshev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Evidence of Micropercussion Technique in the Complexes of the Early Upper Paleolithic at the Multilayered Stratified Sites in the Gobi Altai

Documented evidence of micropercussion technique in the Early Upper Paleolithic (EUP) has been found at the multilayered sites of the Gobi Altai (Tsagaan-Agui Cave, Chikhen-Agui Rock Shelter, and Chikhen-2 Site). In Tsagaan-Agui Cave, elongated cores with the negative scars of microblade removals were found among the materials of the third sedimentation cycle. A sub-prismatic microcore for producing microblades and 24 microblades were found in the collection of the EUP from Chikhen-Agui Rock Shelter. The EUP horizons at the multilayered open site of Chikhen-2 contained microcores and a microblade. A similar situation may be observed for the industries of the EUP at the sites of Northern Mongolia.

Keywords: *Gobi Altai, Mongolia, Tsagaan-Agui Cave, Chikhen-Agui Rockshelter, micropercussion.*

В настоящее время на территории Гобийского Алтая известно только три стратифицированных археологических объекта, которые относятся к периоду раннего верхнего палеолита. Это грот Чихэн-Агуй, стоянка открытого типа Чихэн-2 и пещера Цаган-Агуй. Все объекты многослойные, и на всех трех выявлены слои, датируемые ранним верхним палеолитом [Деревянко и др., 2000, 2001, 2015].

В публикации рассматриваются материалы этих памятников из слоев, связанных с периодом раннего верхнего палеолита, иллюстрирующие зарождение техники микрорасщепления.

В пещере Цаган-Агуй бесспорные свидетельства использования микрорасщепления связаны с 3-м циклом осадконакопления. Это коллекции слоев 3–5 Большого грота, которые авторы раскопок относят ко времени позднего мустье – начала верхнего палеолита [Деревянко и др., 2000, с. 31]. Они отмечают, что «на некоторых нуклевидных обломках прослеживаются негативы микропластинчатых снятий, произведенных без предварительной подготовки ударной площадки и фронта скалывания» [Там же]. Кроме того, следы протоклиновидной стратегии расщепления и использование тех-

ники получения микрозаготовок зафиксированы еще в материалах 2-го цикла осадконакопления (слои 6–11 Большого грота) и относятся целиком к периоду среднего палеолита [Там же, рис. 6, *7*]. Единственный протоклиновидный нуклеус оформлен на обломке породы без дополнительной обработки латералей. Удлиненная ударная площадка была подготовлена крупными сколами, а снятые с нуклеуса заготовки имели удлиненные, конвергентные формы [Там же, с. 28]. Коллекция, обнаруженная в отложениях 3-го цикла осадконакопления, датируется в широких пределах: слой 4 от 66 до 49 тыс. л.н., слой 3 – от 33 до 30 тыс. л.н. [Там же, с. 27].

В гроте Чихэн-Агуй материалы раннего верхнего палеолита были зафиксированы в 3-м литологическом горизонте, залегающем непосредственно на скальном цоколе. Палеолитический слой сохранился на небольшом участке, в заполнении своеобразного углубления в скальном основании пещеры. На остальной площади этот горизонт был разрушен [Деревянко и др., 2001, с. 30]. В коллекции выделяется подпризматическое ядрище, которое является микронуклеусом для получения микропластин [Там же, с. 31, рис. 7, *7*]. Его прямая ударная площадка тщательно обработана выравнивающими мелкими сколами, а дуга скалывания дополнительно подправлена микроскопическими фасетками. Вся боковая поверхность нуклеуса обработана по периметру мелкими поперечными сколами, основание приостренное. На плоскости скалывания прослеживаются негативы отделенных микропластин. Помимо микронуклеуса в коллекции раннего верхнего палеолита выделено 24 микропластины. Это изделия, ширина которых менее 0,7 см, а края и грани на дорсальном фасе параллельны [Там же, с. 32]. Комплекс каменного инвентаря раннего верхнего палеолита датируется временем ок. 27 тыс. л.н. [Там же, с. 34].

На многослойной стоянке открытого типа Чихэн-2 индустрия раннего верхнего палеолита обнаружена в слоях 3 и 2. Причем слой 2 разбит на 8 подразделений, из которых слои 2.8–2.5 относятся к раннему верхнему палеолиту, а вышележащие горизонты к более позднему времени [Деревянко и др., 2015]. Уже в коллекции слоя 3 обнаружены следы применения техники микрорасщепления. Как указывают авторы, наличие микропластинки и пластинок с правильной огранкой спинки [Там же, с. 21, рис. 3, *9, 10*] подразумевает использование развитых микропластинчатых технологий, конечные продукты которых в виде ядрищ в материалах слоя отсутствуют.

Следующее свидетельство применения техники микрорасщепления обнаружено в слое 2.6. Там выделены ядрище, демонстрирующее элементы технологии, свойственной клиновидным нуклеусам [Там же, рис. 8, *4*], и технический скол, представленный образцом лыжевидного удлиненного снятия [Там же, рис. 10, *18*]. Данный артефакт служит одним из аргументов развития клиновидной технологии в индустрии слоя 2.6 [Там же, с. 31].

Наиболее достоверный пример, который бесспорно указывает на уже развитую технику изготовления и расщепления микронуклеусов, обнаружен в слое 2.5. Это клиновидный микронуклеус с тщательно обработанными латералями и подготовленной ударной площадкой. Микропластинки с него снимались как с торца, так и с одной из латералей, служившей также и фронтом скалывания [Там же, с. 33, рис. 12, *5*]. Кроме того, в этом же слое обнаружен и торцовый микронуклеус, сделанный их отщепа с подготовленной одним продольным сколом ударной площадкой [Там же, рис. 11, *3*]. Каменная индустрия, обнаруженная в слое 2.5, имеет возраст в 30 тыс. лет [Там же, с. 37], следовательно, логично предположить, что материалы залегающих ниже подразделений слоя 2, а особенно индустрия слоя 3 будут еще древнее. Таким образом, не вызывает сомнения «…использование на раннем этапе верхнего палеолита микрорасщепления» [Там же].

В материалах раннего верхнего палеолита на памятниках Гобийского Алтая зафиксированы две группы микронуклеусов. Это подпризматические микронуклеусы (грот Чихэн-Агуй) и торцовые разновидности: клиновидный нуклеус (стоянка Чихэн-2) и торцовые микронуклеусы (пещера Цаган-Агуй, Чихэн-2).

Ближайшими объектами с синхронными индустриями раннего верхнего палеолита являются многослойные стоянки Толбор-4 (слой 4) и Толбор-15 (слои 5–7). Материалы, относящиеся к периоду 33–30 тыс. л.н., зафиксированы в слоях 7–5 стоянки Толбор-15 [Гладышев, Табарев, 2017]. Микрорасщепление в этих горизонтах характеризуется тремя типами микронуклеусов. Первый – торцовые микронуклеусы на различных заготовках (13 экз.). Заготовками для них служили мелкие отщепы и небольшие плитки. Эти микронуклеусы имеют минимальную предварительную подготовку, которая заключалась в обработке несколькими мелкими сколами ударной площадки, или таковая вообще отсутствовала. После подготовки с одного из краев заготовки снималась серия мелких пластинчатых заготовок.

Второй тип включает три предмета треугольной в плане формы с уплощенным сечением, которые можно определить как протоклиновидные нуклеусы для получения микропластин. Форму нуклеуса предопределяла форма исходной заготовки, в одном

случае – отщеп, в двух других – возможно, сильно истощенный нуклеус. Ударные площадки подготовлены серией мелких сколов, клиновидное основание приострено ретушью. Судя по негативам, сохранившимся на плоскости скалывания, с ядрищ получали микропластины и мелкие пластинки.

К третьему типу относятся клиновидные нуклеусы для получения микропластин (2 экз.).

Дальнейшее развитие микротехники иллюстрируется материалами слоя 4 стоянки Толбор-4, которые маркируются временем 27–26 тыс. л.н. [Там же]. Там выделены объемные подпризматические микронуклеусы для снятия микропластинок (8 экз.). Они изготовлялись из мелких галек или сколов. Вторым типом микронуклеусов являются клиновидные нуклеусы для получения микропластин (4 экз.). В качестве исходных заготовок для изготовления трех ядрищ использовались сколы средних размеров, а один клиновидный микронуклеус сделан из плоского мелкого обломка. Во всех случаях предварительная подготовка заключалась в оформлении на одном из краев заготовки серией сколов ударной площадки, после чего с узкой (торцовой) грани боковой поверхности скалывали микропластины.

Подводя итоги, можно сказать, что уже на раннем этапе формирования верхнепалеолитических индустрий в Монголии существует такой важный компонент материальной культуры, как микрорасщепление. Технологические методы обработки сырья для производства микронуклеусов и их эксплуатации в этом регионе начинают формироваться в период 37–35 тыс. л.н. Типология микронуклеусов не устоялась, идет поиск оптимальных форм, зачастую морфология малых ядрищ повторяет формы нуклеусов для получения крупных пластин и пластинок (речь идет о плоскостных и объемных призматических микронуклеусах), хотя очевидно предпочтение торцовым формам микроядрищ. Дальнейшее развитие микротехники происходит где-то на рубеже 34–33 тыс. л.н., когда появляются протоклиновидные и клиновидные нуклеусы. В это же время или чуть позже встречаются и первые следы применения отжимной техники для снятия микропластин. Мы считаем, что появление микротехники не случайно и что именно на рубеже 40–35 тыс. л.н. у древнего человека, жившего на огромных просторах Евразии, появилась настоятельная потребность в мелких орудиях и микропластинах как составной части композитных изделий.

Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что на рубеже 40–37 тыс. л.н. на территории Монголии складывается своеобразная техника торцового микрорасщепления, которая в районе 30–28 тыс. л.н. трансформируется в клиновидную, основанную как на использовании в качестве заготовок отщепов и сколов, так и на раскалывании бифасов. С другой стороны, те же факты говорят, что процесс этот был не линейный, а более сложный, многокомпонентный, когда на одной территории и примерно в одно и то же время могли сосуществовать несколько вариантов микрорасщепления.

На наш взгляд, не вызывает сомнения тот факт, что технология изготовления микронуклеусов и получения микропластин появляется и развивается на территории Монголии на местной основе, без сколько-нибудь значительного внешнего влияния.

Список литературы

Гладышев С.А., Табарев А.В. Некоторые проблемы изучения микропластинчатого расщепления в раннем верхнем палеолите Северной Монголии // Теория и практика археологических исследований. – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 154–166.

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Олсен Д., Петрин В.Т., Характеристика каменной индустрии пещеры Чихэн (Гобийский Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 25–39.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Гладышев С.А., Олсен Д. Ранний этап верхнего палеолита Гобийского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – № 3. – С. 17–41.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Д. Многослойная стоянка Цаган-Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 23–36.

References

Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Olsen J.W., Petrin V.T., Tserendagva Ya. Characteristic Features of the Chicken Agui Lithic Assemblage (Gobi Altai). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2001, vol. 5 (1), pp. 25–39.

Derevianko A.P., Markin S.V., Gladyshev S.A., Olsen J.W. The Early Upper Paleolithic of the Gobi Altai Region in Mongolia. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43 (3), pp. 17–41.

Derevianko A.P., Olsen J.W., Tseveendorj D., Krivoshapkin A.I., Petrin V.T., Brantingham P.J. The Stratified Cave Site of Tsagaan Agui in the Gobi Altai (Mongolia). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2000, No. 1, pp. 23–36.

Gladyshev S.A., Tabarev A.V. Some Problems of Studies of Microblade Percussion in the Early Upper Paleolithic of Norhtern Mongolia. *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2017, vol. 17 (1), pp. 154–166 (in Russ.).

УДК 902.652(571.5)

О.И. Горюнова, А.Г. Новиков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Иркутский государственный университет
E-mail: as122@yandex.ru

Радиоуглеродные даты комплексов раннего голоцена Приольхонья (озеро Байкал)

Проведен анализ всех радиоуглеродных дат (41 определение), полученных по мезолитическим комплексам поселений Приольхонья (западное побережье озера Байкал). Исследования по датированию образцов разного органического состава позволили выявить проблему древнего углерода («эффект водного резервуара»), приводящего к завышению радиоуглеродного возраста, который определен по костям нерпы. К малонадежным датам относятся определения, полученные по почве (если они не подтверждены стратиграфическими наблюдениями и датами по другому сырью) и по костям нерпы (до разработки «резервуарных» поправок для озера Байкал). При хронологических построениях следует опираться на серию дат, а не на единичные определения. Наиболее надежными являются даты, полученные по древесному углю и костям копытных животных, в рационе питания которых отсутствуют водные ресурсы.

Ключевые слова: *Приольхонье, озеро Байкал, ранний голоцен, мезолит, радиоуглеродные даты, археологические объекты.*

O.I. Goriunova, A.G. Novikov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Irkutsk State University
E-mail: as122@yandex.ru

Radiocarbon Dates of the Early Holocene Complexes in the Olkhon Region (Lake Baikal)

All radiocarbon dates (41 definitions) obtained from the Mesolithic complexes at the settlements of the Olkhon region (western coast of Lake Baikal) have been analyzed. Dating of the samples of various organic composition has made it possible to identify the problem of ancient carbon ("water reservoir effect"), which results in overestimation of radiocarbon age established from ringed seal bones. The definitions obtained from soil (if they are not confirmed by stratigraphic observations and dates obtained from different raw materials) and ringed seal bones (before the development of "water reservoir" corrections for Lake Baikal) should be considered as unreliable. When creating the chronological constructions, one should consider a series of dates rather than individual definitions. The most correct dates are those obtained from charcoal and bones of hoofed animals with no water food in their diet.

Keywords: *Olkhon region, Lake Baikal, Early Holocene, Mesolithic, radiocarbon dates, archaeological objects.*

В настоящее время одним из наиболее исследованных районов юга Средней Сибири является западное побережье озера Байкал – район Приольхонья. На его территории выявлено и комплексно изучено большое количество стратифицированных (в т.ч. и многослойных) мультислойчатых поселений. На некоторых из них комплексы раннего голоцена, содержащие мезолитические материалы, представлены несколькими слоями. Надежная стратиграфическая привязка, подтвержденная на ряде многослойных объектов, позволила выявить, охарактеризовать и определить относительный возраст разных периодов мезолита [Горюнова, 1984]. По мере накопления новых материалов и появления радиоуглеродных определений менялись представления о возрасте выявленных комплексов [Горюнова, Новиков, 2000; Воробьева, Горюнова, Новиков, 2006].

Первые радиоуглеродные даты по мезолитическим слоям поселений Приольхонья были получены в конце 70-х гг. XX в.: одна – по VIII (по кости) и вторая – по VII (по углю) слоям объекта Итырхей. Накопление радиоуглеродных определений в конце прошлого века проходило медленными темпами. Это объясняется, с одной стороны, тем, что в задачи исследований тех лет входило создание хронологических шкал по всему стратиграфическому профилю многослойных объектов побережья Байкала (т.е. отбор образцов проводился по комплексам всего периода голоцена). С другой стороны, методики датирования, существующие на тот период, требовали большого количества образца (кость, уголь), которое было сложно предоставить в нужном количестве из-за малого объема или плохой сохранности. В связи с этим в 1990-е гг. стали активно использовать для датирования почвенные образцы. Было получено 16 радиоуглеродных дат по мезолитическим слоям с поселений Итырхей, Берлога, Саган-Нугэ, Улан-Хада и Кулары III, которые отразили достаточно хорошую хронологическую последовательность и, в целом, соответствовали ранее сложившимся представлениям об археологическом возрасте культурных слоев (см. *таблицу*) [Горюнова, Воробьева, Орлова, 1996; Воробьева, Горюнова, Новиков, 2006; Новиков, Номоконова, 2015]. Измерения возраста проводилось по сумме гуминовых кислот.

В новом столетии существенно пополнилась источниковая база по мезолитическим комплексам поселений; изменились представления, касающиеся подхода к радиоуглеродному датированию. В этом плане большое научное значение имеют раскопки многослойного объекта Саган-Заба II, по всем комплексам которого получена представительная серия радиоуглеродных дат. По мезолитическому слою этого объекта имеется 12 радиоуглеродных дат (см. *таблицу*), выполненных, преимущественно, методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) [Nomokonova et al., 2013]. На материалах этой стоянки была выявлена малая надежность дат, полученных по почвенным образцам (они, как правило, демонстрируют более широкие диапазоны, отражающие процесс почвообразования), и влияние старого углерода на определения возраста (значительное его удревнение), выполненное по костям водной фауны (в частности, нерпы). В связи с этим встала задача проведения корреляции результатов радиоуглеродного датирования с данными стратиграфического анализа опорных многослойных объектов Приольхонья; уточнение ранее полученных по разному сырью определений и проведение их калибровки. Для оценки достоверности имеющихся радиоуглеродных определений проведено AMS-датирование мезолитических комплексов опорных объектов Приольхонья; получено 11 новых дат по стоянкам Кулара III, Саган-Нугэ, Улан-Хада, Берлога и Итырхей (см. *таблицу*).

Цель предлагаемой статьи обобщить и проанализировать все имеющиеся данные по радиоуглеродным определениям мезолитических комплексов Приольхонья. В настоящее время получена 41 радиоуглеродная дата по 6 стратифицированным (преимущественно многослойным) поселениям. Результаты радиоуглеродного датирования и их калиброванные значения представлены в *таблице*. Калибровка дат проведена с использованием программы Calib 7.0.2 IntCal 13. Возрастные диапазоны приводятся с двумя сигмами в кал. л.н. В отдельной графе указано сырье, по которому проведено датирование.

По мезолитическим комплексам стоянки Кулара III имеется 3 радиоуглеродных определения. Два из них – по VI слою (по кости копытного животного и по почве) согласуются между собой и с общими представлениями о их датировке поздним пребореалом (см. *таблицу*, № 1, 2) [Новиков, Номоконова, 2015].

Анализ радиоуглеродных определений объекта Саган-Нугэ показал, что три новые даты по XI слою, полученные по костям копытных, несколько древнее определений по почвенным образцам (см. *таблицу*, № 4–8). При этом все они вписываются в предполагаемый геологический возраст – пребореальный период. Из двух дат по X слою считаем более достоверной 9 990 ± 45 (OxA-34598) л.н., выполненную по кости. Однако обе даты не совсем вписываются в хронологическую последовательность слоев (см. даты по XI слою). Причина их удревнения пока не ясна. Тем не менее, в целом радиоуглеродные даты по XI и X слоям Саган-Нугэ соответствуют позднему пребореалу. По стратиграфическому положению IX и VIII культурные слои относятся к бореальному периоду. Две даты: по IX слою – 8 620 ± 65 (SOAN-4011) л.н. и по VIII слою – 7 620 ± 900 (SOAN-3056) л.н., полученные по почвенным образцам, включают в себе этот диапазон (см. *таблицу*: их калиброванные значения). Дата по VIII слою – 9 900 ± 45 (OxA-34596) л.н., полученная по кости копытного животного, представляется нам не корректной. Возможно, образец был перемещен из нижележащих слоев. Датировку этого слоя следует повторить.

Имеющиеся в настоящее время 2 даты по XI слою стоянки Улан-Хада (получены по почвенным образцам) не соответствуют их стратиграфической и археологической датировке (см. *таблицу*, № 14, 15). Необходимо провести AMS-датирование этого слоя по костям копытных животных.

Радиоуглеродные даты мезолитических комплексов геоархеологических объектов Приольхонья

№ п/п	Слой	^{14}C-дата		Лаб. номер	Кал. дата, л.н. (±2σ)	Образец
		Опубликованные ранее	Новые			
			Кулара III			
1	VI	9 795 ± 40		SOAN-4008	11 260–11 170	Почва
2	VI		9 735 ± 35	UCIAMS-186311	11 230–11 110	Кость копытного
3	IV	7 835 ± 55		SOAN-4009	8 950–8 450	Почва
			Саган-Нугэ			
4	XI	9 815 ± 80		SOAN-3058	11 600–11 080	Золистая почва
5	XI	9 360 ± 95		SOAN-3337	11 060–10 260	То же
6	XI		9 840 ± 50	Beta-335109	11 350–11 180	Кость копытного
7	XI		10 030 ± 45	OxA-34597	11 750–11 320	То же
8	XI		10 225 ± 45	OxA-34599	12 110–11 760	»
9	X	10 290 ± 40		SOAN-3057	12 380–11 840	Золистая почва
10	X		9 990 ± 45	OxA-34598	11 700–11 270	Кость копытного
11	IX	8 620 ± 65		SOAN-4011	9 760–9 480	Почва
12	VIII	7 620 ± 900		SOAN-3056	10 730–6 540	Золистая почва
13	VIII		9 900 ± 45	OxA-34596	11 600–11 210	Кость копытного
			Улан-Хада			
14	XI	8 210 ± 100		SOAN-7145	9 470–8 810	Почва
15	XI	8 490 ± 185		SOAN-8430	10 130–9 010	То же
			Берлога			
16	VIII	10 145 ± 290		SOAN-3060	12 680–10 870	Почва
17	VIII		10 700 ± 55	OxA-34522	12 720–12 570	Кость копытного
18	VIIH	9 105 ± 70		SOAN-3059	10 490–10 170	Почва
19	VIIH		9 810 ± 50	OxA-34524	11 320–11 170	Кость копытного
20	VIIC	8 270 ± 150		SOAN-3340	9 540–8 780	Золистая почва
21	VIIC	8 190 ± 175		SOAN-8429	9 500–8 640	То же
22	VIIB	6 525 ± 100		SOAN-3169	7 580–7 260	Почва
23	VI	7 890 ± 85		SOAN-7144	9 000–8 540	То же
24	VI		8 765 ± 45	OxA-34525	10 110–9 560	Кость копытного
			Итырхей			
25	IX	8 720 ± 210		SOAN-3171	10 260–9 280	Почва
26	VIII	8 010 ± 100		GIN-4882	9 230–8 590	Кость
27	VIII		8 160 ± 40	Beta-335110	9 250–9 010	Кость копытного
28	VIII		8 103 ± 36	OxA-34593	9 130–8 980	То же
29	VII	7 300 ± 290		IMSOAN-402	8 750–7 570	Уголь
			Саган-Заба II			
30	VII	8 320 ± 140		SOAN -7391	9 550–8 990	Золистая почва
31	VII	8 390 ± 180		SOAN -7392	9 900–8 790	То же
32	VII	8 600 ± 160		SOAN -7394	10 160–9 300	Почва
33	VII	8 610 ± 155		SOAN -7390	10 160–9 300	Золистая почва
34	VII	7 971 ± 39		OxA-22358	9 000–8 650	Кость копытного
35	VII	7 986 ± 37		OxA-22364	9 000–8 660	То же
36	VII	8 010 ± 40		OxA-22363	9 010–8 730	»
37	VII	8 024 ± 40		OxA-22387	9 020–8 730	»
38	VII	8 600 ± 40		OxA-22421	9 670–9 500	Кость нерпы
39	VII	8 680 ± 40		OxA-22412	9 740–9 540	То же
40	VII	8 705 ± 40		OxA-22419	9 890–9 550	»
41	VII	8 745 ± 45		OxA-22411	9 900–9 560	»

По слоям стоянки Берлога получено 9 радиоуглеродных определений (см. *таблицу*, № 16–24). Новая дата по VIII слою (по кости копытного животного) – 10 700 ± 55 (OxA-34522) л.н. в целом подтверждает уже имеющуюся датировку. Полученная дата по VII нижнему слою – 9 810 ± 50 л.н.

(OxA-34524) послужила основанием для его удревнения с предполагаемого бореального возраста на поздний пребореальный. Две даты по VII среднему слою (получены по почве) вписываются в общую стратиграфическую хронологию (см. *таблицу*, № 20, 21). Дата по VII верхнему слою (почва) представляется сильно омоложенной (см. *таблицу*, № 22), а одна дата по VI слою (кость копытного) – удревненной (см. *таблицу*, № 24). Судя по стратиграфии и археологической датировке, более приемлема вторая дата по этому слою (см. *таблицу*, № 23). В связи с этим считаем необходимым провести дополнительный отбор проб для повторного датирования этих слоев.

По мезолитическим комплексам стоянки Итыркей имеется 5 радиоуглеродных дат, которые хорошо вписываются в хронологическую и стратиграфическую последовательность (см. *таблицу*, № 25–29). Новые даты по VIII культурному слою, полученные по костям копытных животных, согласуются с ранее полученным определением.

На стоянке Саган-Заба II по VII слою (мезолит) имеется 12 определений (см. *таблицу*, № 30–41), выполненных по разному сырью (почва, кости копытных животных и кости нерпы). Установлено, что даты, полученные по костям нерпы, примерно на 700 лет древнее, чем даты по костям копытных животных [Nomokonova et al., 2013]. Тем самым мы столкнулись с проблемой древнего углерода (т.н. «эффект водного резервуара»), который приводит к завышению радиоуглеродного возраста, определенного по костям водной фауны. Выявлена малая надежность дат, полученных по почвенным образцам (они, как правило, демонстрируют более широкие диапазоны, отражающие процесс почвообразования). В целом, для VII слоя Саган-Забы II наиболее достоверна радиоуглеродная датировка, полученная по костям копытных животных, в пределе 8 024–7 971 л.н.

В целом, результаты анализа радиоуглеродных дат с мезолитических поселений Приольхонья продемонстрировали, что из 41 имеющегося определения часть является мало пригодной для хронологических построений. К ним относятся, прежде всего, даты, полученные по почве (если они не подтверждены стратиграфическими наблюдениями и датами по другому сырью) и по костям нерпы (до разработки «резервуарных» поправок для озера Байкал). При хронологических построениях следует опираться на серию дат, а не на единичные определения, что позволяет сразу отчленить невалидные (отскочившие) даты. Наиболее надежными представляются даты, полученные по древесному углю и костям копытных животных, в рационе питания которых отсутствуют водные пищевые ресурсы.

Список литературы

Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г. Культурно-хронологическая периодизация и палеоэкологическая обстановка раннего голоцена Приольхонья // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 189–191.

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984. – 17 с.

Горюнова О.И., Воробьева Г.А., Орлова Л.А. Новые данные по хронологии многослойных поселений Приольхонья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 57–59.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Бескерамические комплексы Приольхонья (оз. Байкал) // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2000. – С. 51–57.

Новиков А.Г., Номоконова Т.Ю. Многослойное поселение Кулара III: археологические комплексы и датировка // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2015. – Т. 11. – С. 39–54.

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I., Weber A.W. A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site // Quaternary Intern. – 2013. – Vol. 290/291. – P. 110–125.

References

Goriunova O.I. Mnogosloinye pamyatniki Malogo morya i o. Ol'khon: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1984, 17 p. (in Russ.).

Goriunova O.I., Novikov A.G. Beskeramicheskie kompleksy Priol'khon'ya (oz. Baikal). In *Arkhaicheskie i traditsionnye kul'tury Severo-Vostochnoi Azii. Problemy proiskhozhdeniya i transkontinental'nykh svyazei*. Irkutsk: State Univ. Press, 2000, pp. 51–57 (in Russ.).

Goriunova O.I., Vorob'eva G.A., Orlova L.A. Novye dannye po khronologii mnogosloinykh poselenii Priol'khon'ya. In *Noveishie arkheologicheskie i etnograficheskie otkrytiya v Sibiri*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1996, pp. 57–59 (in Russ.).

Nomokonova T., Losey R. J., Goriunova O.I., Weber A.W. A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site. *Quaternary International,* 2013, vol. 290–291, pp. 110–125.

Novikov A.G., Nomokonova T.Yu. Mnogosloinoe poselenie Kulara III: arkheologicheskie kompleksy i datirovka. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya,* 2015, vol. 11, pp. 39–54 (in Russ.).

Vorob'eva G.A., Goriunova O.I., Novikov A.G. Kul'turno-khronologicheskaya periodizatsiya i paleoekologicheskaya obstanovka rannego golotsena Priol'khon'ya. In *Sovremennye problemy arkheologii Rossii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. 1, pp. 189–191 (in Russ.).

УДК 902

А.П. Деревянко[1], С.А. Гладышев[1], Нгуен Зианг Хай[2], Нгуен За Дой[2], Нгуен Хак Шу[2], А.В. Кандыба[1], А.М. Чеха[1], А.А. Цыбанков[1], Нгуен Ань Тоан[2], Фань Тхан Туан[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии ВАОН
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Новые данные в изучении раннего палеолита с бифасиальной индустрией Вьетнама. Раскопки стоянки Роктынг-7 в 2017 году

На стоянке Роктынг-7 в 2017 г. был заложен раскоп площадью 20 м^2, из которого было извлечено 150 каменных артефактов. Нуклеусы делятся на две группы: радиальные и с поперечной ориентацией расщепления. Поперечные ядрища составляют большинство в коллекции. Это одно- и двухплощадочные нуклеусы с одним или двумя фронтами скалывания, как смежными, так и противолежащими. Орудия включают в себя рубиловидные изделия, чоппинговидные изделия, выемчатые и скребловидные орудия. Технико-типологические характеристики каменной индустрии и залегание артефактов в коре выветривания древних пород позволяют предположить достаточно древний, возможно раннепалеолитический, возраст этой стоянки.

Ключевые слова: *Вьетнам, Роктынг-7, ранний палеолит, радиальные нуклеусы, поперечные нуклеусы, рубиловидные и чоппинговидные изделия.*

A.P. Derevianko[1], S.A. Gladyshev[1], Nguyen Ziang Hai[2], Nguyen Gia Doi[2], Nguyen Khak Su[2], A.V. Kandyba[1], A.M. Chekha[1], A.A. Tsybankov[1], Nguyen Anh Tuan[2], Phang Thanh Toan[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Archaeology VASS
E-mail: gladyshev57@gmail.com

New Data on the Investigations of the Early Paleolithic of Vietnam. Excavations of Rock Tung-7 Site in 2017

The 20 m^2 area was excavated at Rock Tung-7 site in 2017. All cores could be divided into two groups: radial-type cores and cores for shortened removals. Cores for shortened removals are represented by single-platform (cortex) single-front cores, double-alternative-platforms – double-adjacent-fronts cores, and double-adjacent-platforms – double-adjacent-fronts core. Tools include hand axe-like and chopping-like artifacts, as well as notched and scraper-like instruments. The technical and typological characteristics of lithic industry and position of the artifacts in the weathering ground deposits make it possible to suggest a relatively ancient, possibly Early Paleolithic age of the site.

Keywords: *Vietnam, Rock Tung-7, Early Paleolithic, radial-type cores, cores for shortened removals, hand axe and chopping-like tools.*

Местонахождение Роктынг-7 (N 14° 01,421’; E 108° 41,116’) расположено на высоте 440 м над ур. м., в 1600 м к юго-востоку от памятника Роктынг-1 и представляет собой понижающийся в восточном направлении склон одной из возвышенностей, на котором был создан котлован глубиной ок. 1,5 м для посадки риса, граничащий с водохранилищем. Остальная поверхность склона также сильно сглажена сельскохозяйственной деятельностью и занята возделываемыми полями [Деревянко, Цыбанков и др., 2016]. Археологический материал обнаружен как в экспонированном состоянии, так и в стратифицированном. На естественной стенке котлована была сделана зачистка

отложений длиной 2 м, которая выявила следующую стратиграфию.

Слой 1. Современная почва, легкий суглинок серого цвета. Горизонт активного современного земледелия. Мощность 0,10–0,15 м.

Слой 2. Серо-коричневые суглинки с красноватым оттенком, равномерно сильно насыщены дресвой (до 30 %). Слабо карбонатизированные. Мощность 0,30–0,35 м.

Слой 3. Буро-красные латеритовые суглинки, сильно карбонатизированные, сильно одресвяненные (до 30 %). Кровля слоя представляет собой горизонт, состоящий из мелкого и среднего кварцитового галечника, сильно выветрелого, и содержит археологический материал. Видимая мощность 0,25–0,30 м.

На расстоянии 30 м к северу от котлована был заложен раскоп 1 площадью 20 м^2, в котором выявлены следующие отложения.

Слой 1. Современная почва, легкий суглинок серого цвета. Горизонт активного современного земледелия. Мощность 0,10–0,15 м.

Слой 2. Буро-красные латеритовые суглинки, сильно карбонатизированные, сильно одресвяненные (до 30 %). Кровля слоя представляет собой горизонт, состоящий из мелкого и среднего кварцитового галечника, сильно выветрелого, и содержит археологический материал. Видимая мощность 0,20–0,25 м.

Из раскопа была извлечена коллекция каменных артефактов, насчитывающая 150 предметов. Она состоит из галек со следами апробации (52 экз.), преформ нуклеусов (5 экз.), сколов (63 экз.), нуклеусов (11 экз.) и орудий (19 экз.).

В раскопе не обнаружено сильно окатанных крупных валунов сырья со сколами апробации; 26 объектов со следами скалывания представлены крупными сильно окатанными конкрециями сырья, еще 26 галек со следами апробации – средних размеров, расколоты.

Сколы делятся на две размерные группы: крупные (47 экз.) и средние (16 экз.). Из крупных сколов большинство (90 %) относятся к первичным и полупервичным отщепам. Из средних сколов половина представлена первичными и полупервичными отщепами. Ударные площадки, как правило, естественные, массивные и гладкие, либо слегка выпуклые, хотя у большинства сколов ударные площадки либо повреждены, либо отсутствуют. Вторичной обработки на сколах не выявлено.

Преформы нуклеусов насчитывают 5 экз. У них на узких боковых гранях фиксируются по одному, редко по два негатива отделенных отщепов. Заготовки скалывались с неподготовленных поверхностей, покрытых галечной коркой.

В раскопе 1 местонахождения Роктынг-7 обнаружено 11 нуклеусов. Их можно разделить на две группы: радиальные и с поперечной ориентацией расщепления.

Радиальные ядрища (3 экз.) выполнены на крупных овальных плоско-выпуклых гальках. Ударной площадкой у них служило ребро между плоской и выпуклой стороной. Заготовки скалывались с выпуклой плоскости без предварительной подготовки ударной площадки и фронта скалывания. Два ядрища находятся на начальной стадии раскалывания, т.к. негативы сколотых отщепов едва занимают треть площади скалывания (см. *рисунок*, *1*). У третьего радиального нуклеуса негативами отделенных заготовок покрыта вся поверхность рабочей плоскости скалывания.

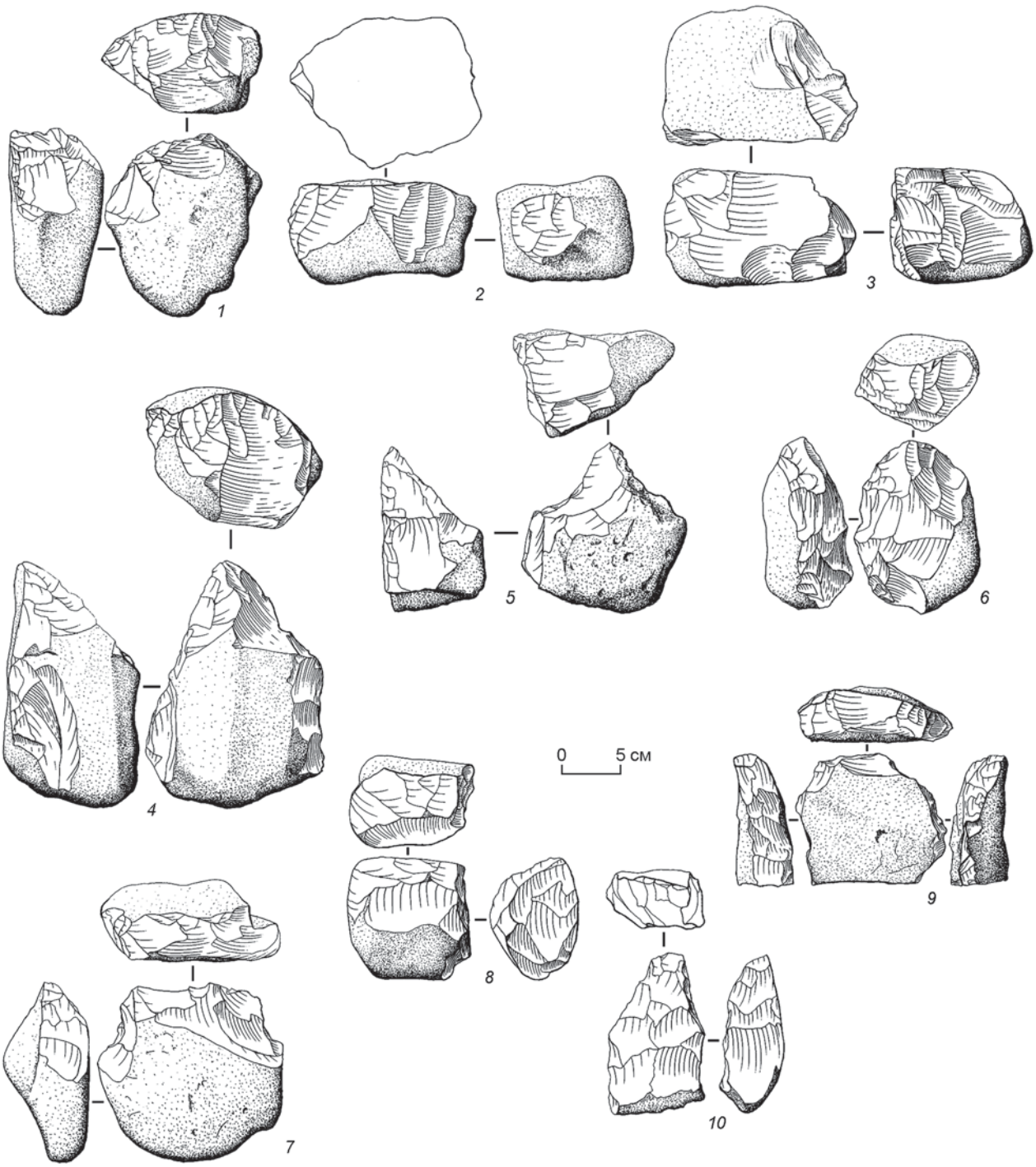
Поперечные нуклеусы составляют большинство ядрищ в коллекции и, в свою очередь, делятся на следующие типы.

Одноплощадочные однофронтальные нуклеусы с естественной ударной площадкой составляют большинство – 5 экз. Четыре ядрища этого типа сделаны из хорошо окатанных крупных галек неправильной многогранной формы (см. *рисунок*, *2*), а одно – из гальки мелких размеров. Все ядрища этой группы имеют покрытые галечной коркой прямые ударные площадки. Фронты скалывания располагались на узких гранях боковой поверхности. У одного нуклеуса (см. *рисунок*, *2*) на правой латерали фиксируется участок с параллельно расположенными негативами сколотых отщепов. Возможно, это следы попытки сформировать второй фронт скалывания.

Следующий тип – одноплощадочный двухфронтальный нуклеус с естественной ударной площадкой и смежными фронтами скалывания. Он сделан из крупной гальки пирамидальных очертаний. Ударная площадка прямая, покрыта галечной коркой. Рабочие плоскости скалывания расположены на двух узких гранях боковой поверхности, сопряженных друг с другом под острым углом.

Еще одно ядрище относится к двухплощадочному двухфронтальному типу с противолежащими ударными площадками и смежными фронтами скалывания (см. *рисунок*, *3*). Оно сделано из хорошо окатанной крупной гальки кубовидных очертаний. Ударные площадки расположены на противолежащих ровных гранях и покрыты галечной коркой. Рабочие плоскости скалывания занимают смежные узкие грани боковой поверхности, сопряженные под острым углом. Скалывание заготовок с них производилось во встречном направлении.

Двухплощадочный двухфронтальный нуклеус со смежными ударными площадками и смежны-

Каменный инвентарь из раскопа 1 местонахождения Роктынг-7.

1 – радиальное ядрище; *2* – одноплощадочный однофронтальный нуклеус с естественной ударной площадкой; *3* – двухплощадочный двухфронтальный нуклеус с противолежащими ударными площадками и смежными фронтами скалывания; *4* – рубиловидное изделие; *5* – рубиловидное орудие с носиком; *6* – рубиловидное орудие листовидной формы; *7* – чоппинговидное изделие с шипом; *8* – чоппинговидное орудие; *9* – скребловидное изделие; *10* – частично обработанное бифасиальное орудие.

ми фронтами скалывания сделан из очень крупной овальной плоско-выпуклой гальки. Первая ударная площадка ровная, покрыта галечной коркой. С нее была снята серия крупных отщепов. Затем этот фронт скалывания был использован в качестве второй ударной площадки. С нее было произведено только два снятия крупных отщепов.

В культурном слое раскопа обнаружено 19 орудий. Они могут быть разделены на две группы. К первой группе относятся орудия с заостренным

концом (рубиловидные изделия – 8 экз.). Два из них сделаны из крупных валунов плотной мелкозернистой кремнистой породы, остальные шесть – из крупных галек той же породы. Во всех случаях для формирования острого конца была использована естественная форма заготовок, вторичная обработка лишь придавала рабочему участку законченный вид. Только у одного орудия ретушь расположена на обоих краях (см. *рисунок*, *4*). Еще у одного орудия двумя выемками – естественной и сформированной ретушью – выделен своеобразный носик-острие (см. *рисунок*, *5*). Одно орудие (см. *рисунок*, *6*) имеет листовидную форму с заостренным концом и закругленной пяткой. Вторичная обработка занимает почти всю поверхность выпуклой стороны заготовки, формируя острый боковой край и острие. Для изготовления этих орудий применялась многорядная разнофасеточная чешуйчато-ступенчатая ретушь.

Вторая группа включает в себя орудия с прямым либо слегка выпуклым рабочим краем (чоппинговидные изделия – 7 экз.). Два артефакта из этой группы сделаны из валунов, пять – из крупных галек. Во всех случаях применялась полукрутая и крутая многорядная разнофасеточная чешуйчато-ступенчатая ретушь. Особенно тщательно рабочие участки подготовлены у двух орудий. У одного из них (см. *рисунок*, *7*) вторичной обработкой сформированы две выемки, выделяющие острый выступ-шип. У другого ретушь, расположенная на двух смежных краях, занимает почти весь выпуклый фас заготовки (см. *рисунок*, *8*). Это орудие могло использоваться и как рубящий инструмент с острым концом.

Остальные орудия не образуют устойчивых групп. К типу выемчатых изделий относятся два артефакта. Они сделаны из плоских овальных галек средних размеров. На небольшом участке края у этих орудий крутой многорядной разнофасеточной чешуйчато-ступенчатой ретушью сформированы глубокие выемки.

Следующее орудие можно рассматривать как скребловидное (см. *рисунок*, *9*). Выпуклый рабочий край, занимающий более 2/3 периметра заготовки, обработан чередующейся ретушью. Орудие сделано из крупного первичного отщепа. Левый край предмета обработан брюшковой, а торец и правый край лицевой крутой разнофасеточной чешуйчато-ступенчатой ретушью. Сочетание лицевой и брюшковой ретуши на одном артефакте крайне редко встречается на местонахождениях группы Роктынг.

Последнее орудие представлено частичным бифасиально обработанным изделием (см. *рисунок*, *10*). Одна сторона заготовки сплошь обработана уплощающей разнофасеточной модифицирующей ретушью, направленной от краев к центру. Вторая сторона изделия частично обработана с краю полукрутой однорядной ретушью.

На местонахождении Роктынг-7, на расстоянии 15 м к западу от зачистки, также был заложен шурф площадью 2 м^2. Археологического материала в шурфе не обнаружено.

Каменная индустрия стоянки Роктынг-7 базировалась на эксплуатации местного сырья. Для получения заготовок использовались простые монофронтальные нуклеусы с минимальной подготовкой одной или двух площадок. Среди орудий преобладают рубиловидные и чоппинговидные. Реже встречаются скребла и выемчатые изделия. Исходя из факта залегания артефактов в коре выветривания древних пород и основываясь на технико-типологических характеристиках каменной индустрии, можно предположить, что она относится к нижнему палеолиту, вероятно, к его заключительной стадии. Основываясь на значительной близости каменной индустрии стоянки Роктынг-7 с комплексами котловины Байсэ в Китае, можно предположить и примерно одинаковое время их существования [Деревянко, Шу и др., 2016, с. 24]. На основании датировки тектитов установлено, что раннепалеолитическая культура Байсэ существовала ок. 800 тыс. л.н. [Там же, с. 20]. Примерно этим же временем можно датировать и комплекс находок со стоянки Роктынг-7.

Исследованиями в районе г. Анкхе всего было открыто 15 местонахождений раннего палеолита с бифасиальной индустрией. По тектитам из раскопок на основании метода ^{40}K / ^{38}Ar было получено две даты: 806 ± 22 тыс. и 782 ± 20 тыс. л.н. Эти даты свидетельствуют о том, что раннепалеолитическая индустрия, открытая во Вьетнаме, существовала одновременно с индустрией котловины Байсэ на юге Китая.

Помимо стационарных раскопок на стоянках Роктынг-4 и Роктынг-7, на большинстве остальных местонахождений группы памятников Роктынг (-2, -3, -5, -6, -10, -11) были заложены шурфы, но археологического материала в них обнаружено не было. Таким образом, наиболее перспективными для дальнейшего изучения остаются местонахождения Роктынг-1, Роктынг-4 и Роктынг-7.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Гладышев С.А., Чеха А.М., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Предварительные итоги раскопок местонахождений Роктынг-1 и Роктынг-4 во Вьетнаме // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 63–67.

Деревянко А.П., Шу Н.К., Цыбанков А.А., Дой Н.З. Возникновение бифасиальной индустрии в Восточной и Юго-Восточной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – 74 с.

References

Derevianko A.P., Tsybankov A.A., Nguyen Ziang Hai, Nguyen Gia Doi, Nguyen Khak Su, Kandyba A.V., Gladyshev S.A., Chekha A.M., Nguyen Anh Tuan, Phang Thanh Toan. Predvaritel'nye itogi raskopok mestonakhozhdenii Rok Tung-1 i Rok Tung-4 vo V'etname. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 63–67 (in Russ.).

Derevianko A.P., Su N.Kh., Tsybankov A.A., Doi N.G. The origin of bifacial industry in East and Southeast Asia. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, 74 p.

УДК 902

А.П. Деревянко[1], С.А. Гладышев[1], Нгуен Зианг Хай[2], Нгуен За Дой[2], Нгуен Хак Шу[2], А.В. Кандыба[1], А.М. Чеха[1], А.А. Цыбанков[1], Нгуен Ань Тоан[2], Фань Тхан Туан[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии ВАОН
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Раскопки стоянки раннего палеолита с бифасиальной индустрией Роктынг-4 во Вьетнаме в 2017 году

В 2017 г. были продолжены раскопки стоянки Роктынг-4, материалы которой принадлежат к выделенной во Вьетнаме раннепалеолитической культуре анкхе с бифасиальной индустрией. Среди нуклеусов из раскопов 2 и 3 имеются одноплощадочные одно- и двухфронтальные с естественными и подготовленными ударными площадками, а также двухплощадочные двухфронтальные с одной подготовленной и второй необработанной ударными площадками и радиальные ядрища. В состав орудийного набора входят чоппинговидные изделия, чопперовидное орудие и острия, пикообразное орудие, изделия с отдельными, выделенными ретушью, рабочими участками и бифасиально обработанное изделие в форме акульего зуба с прямым основанием и слегка изогнутым лезвием.

Ключевые слова: *Вьетнам, Роктынг-4, культура анкхе, ранний палеолит, радиальные нуклеусы, поперечные нуклеусы, бифасиально обработанное изделие.*

A.P. Derevianko[1], S.A. Gladyshev[1], Nguyen Ziang Hai[2], Nguyen Gia Doi[2], Nguyen Khak Su[2], A.V. Kandyba[1], A.M. Chekha[1], A.A. Tsybankov[1], Nguyen Anh Tuan[2], Phang Thanh Toan[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Archaeology VASS
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Excavations of the Early Paleolithic Site Rock Tung-4, Vietnam, in 2017

The site of Rock Tung-4 belongs to the Early Paleolithic Ankhe culture with the bifacial industry, which was identified in Vietnam. The excavations at the site were continued in 2017. Cores from excavation units 2 and 3 contained single-platform single- and double-front cores with natural and prepared striking platforms, as well as double-platform double-front cores with one prepared and another untreated platform, and radial-type modifications. The tool set is represented by chopping-like artifacts, chopper-like tool, points, pick-like tool, artifacts with partially retouched working surfaces, and a bifacial tool in the form of shark tooth with straight base and slightly curved working edge.

Keywords: *Vietnam, Rock Tung-4, Ankhe culture, Early Paleolithic, radial-type cores, cores for shortened removals, bifacial artifact.*

Археологические объекты эпохи раннего палеолита с бифасиальной индустрией (группа памятников Роктынг) в окрестностях г. Анкхе расположены в центральной части Вьетнама, в межгорной котловине, на полуострове северного берега искусственного водохранилища.

На этой территории зафиксировано 13 местонахождений с концентрацией археологического материала на дневной поверхности. Наиболее полно изучены пункты Роктынг-1 и Роктынг-4. На них производились стационарные раскопки и рекогносцировочные шурфовочные работы [Деревянко, Цыбанков и др., 2016]. В текущем году были продолжены стационарные раскопки на памятнике Роктынг-4, где было заложено два раскопа – № 2 и 3.

Местонахождение Роктынг-4 (N 14° 02,053’; E 108° 40,584’) расположено на высоте 438 м

над ур. м. (отметка раскопа 1), на расстоянии 569 м от памятника Роктынг-1 на юго-запад и представляет собой плавно понижающийся волнистый западный берег полуострова, занятый сельскохозяйственными полями. На памятнике в 2016 г. был заложен раскоп 1 площадью 12 м^2 и шесть шурфов (№ 1–6) по 2 м^2 каждый. В 2017 г. стационарное археологическое изучение этого местонахождения было продолжено: вскрыты два раскопа и четыре шурфа (№ 7–10, площадью по 2 м^2; шурф 8 в дальнейшем был преобразован в раскоп 3).

Раскоп 2 (30 м^2) был заложен на участке, примыкающем к восточной стенке раскопа 1, работы на котором выполнялись в 2016 г. [Там же, с. 66–67].

Стратиграфия раскопа 2 представлена следующими отложениями.

Слой 1. Современная почва. Легкий суглинок серого цвета с незначительным включением дресвы. Горизонт активного современного земледелия. Мощность 0,10–0,25 м.

Слой 2. Серо-коричневые суглинки с красноватым оттенком и с незначительным включением дресвы (до 5 %). Слой имеет слабую карбонатизацию, местами попадаются буро-красные латеритовые включения. Слой появляется спорадически, видимо, большая его часть была уничтожена в результате сельскохозяйственной деятельности. Мощность 0,10–0,15 м.

Слой 3. Буро-красные латеритовые суглинки, сильнокарбонатизированные. В кровле слоя залегает галечно-дресвяная прослойка, в которой содержались артефакты. Видимая мощность – до 0,4 м.

Из раскопа была извлечена коллекция каменных артефактов, насчитывающая 80 предметов. Она состоит из галек со следами апробации (26 экз.), преформ нуклеусов (2 экз.), сколов (41 экз.), нуклеусов (3 экз.) и орудий (8 экз.). В качестве сырья использовались валуны и гальки мелкозернистой кремнистой породы.

Гальки со следами апробации включают в себя предметы разных размеров. Семнадцать предметов представлены сильно окатанными крупными валунами сырья аморфных очертаний с заглаженными гранями. Остальные 9 галек со следами апробации представлены расколотыми гальками средних размеров.

Сколы делятся на две размерных категории: крупные (34 экз.) и средние (7 экз.). Из крупных сколов 17 экз. относятся к первичным отщепам, 9 экз. – к полупервичным и 8 экз. – к вторичным сколам.

Обе преформы представляют собой начальную стадию утилизации одноплощадочных однофронтальных нуклеусов с естественной ударной площадкой.

Нуклеусы относятся к разным типам. Первое изделие – одноплощадочный двухфронтальный нуклеус с естественной ударной площадкой (рис. 1, *1*). В качестве ударной площадки использовалась широкая грань заготовки без предварительной подготовки. Две рабочие плоскости скалывания сопрягаются под острым углом и занимают более 2/3 бокового периметра. Второе ядрище одноплощадочного двухфронтального типа с подготовленной ударной площадкой (рис. 1, *2*). Гладкая ударная площадка была подготовлена одним сколом. Рабочие плоскости скалывания расположены на узких гранях боковой поверхности. Третий предмет относится к типу одноплощадочных однофронтальных нуклеусов с подготовленной ударной площадкой (рис. 1, *3*). Заготовка представляет собой окатанный кусок конгломерата средних размеров. В нем спаяны две фракции разной зернистости и состава. Слегка скошенная ударная площадка подготовлена одним поперечным ударом. Фронт скалывания расположен на узкой торцовой грани боковой поверхности ядрища.

Орудийные формы, обнаруженные в раскопе, можно трактовать как незаконченные орудия. В состав орудийного набора входят чоппинговидные изделия, чопперовидное орудие и острия.

У наиболее законченного чоппинговидного орудия (рис. 1, *4*) один из участков края обработан полукрутой многорядной разнофасеточной чешуйчато-ступенчатой ретушью. С другой стороны орудия локальный фрагмент лезвия заострен двумя сколами, в результате чего получился небольшой участок рабочего края, обработанный бифасиально-краевой ретушью. Определенный интерес представляет чоппинговидное изделие с носиком с односторонней обработкой (рис. 1, *5*). На выпуклом рабочем крае орудия ретушью выделен небольшой носик.

Чопперовидное орудие представлено заготовкой (рис. 1, *6*). На одном из концов изделия тремя полукрутыми сколами оформлено остроконечное лезвие.

Орудия-острия сделаны из разных заготовок. У всех трех изделий либо частичной краевой, либо модифицирующей краевой ретушью оформлены острия на естественно сужающихся концах заготовок (рис. 1, *7*, *8*).

Раскоп 3 расположен на высоте 440 м над ур. м. на плавно понижающемся склоне в 35 м к северо-востоку от раскопа 2.

В раскопе 3 выявлена следующая стратиграфия.

Слой 1. Современная почва. Легкий суглинок серого цвета с незначительным включением дресвы. Горизонт активного современного земледелия. Мощность 0,30–0,35 м.

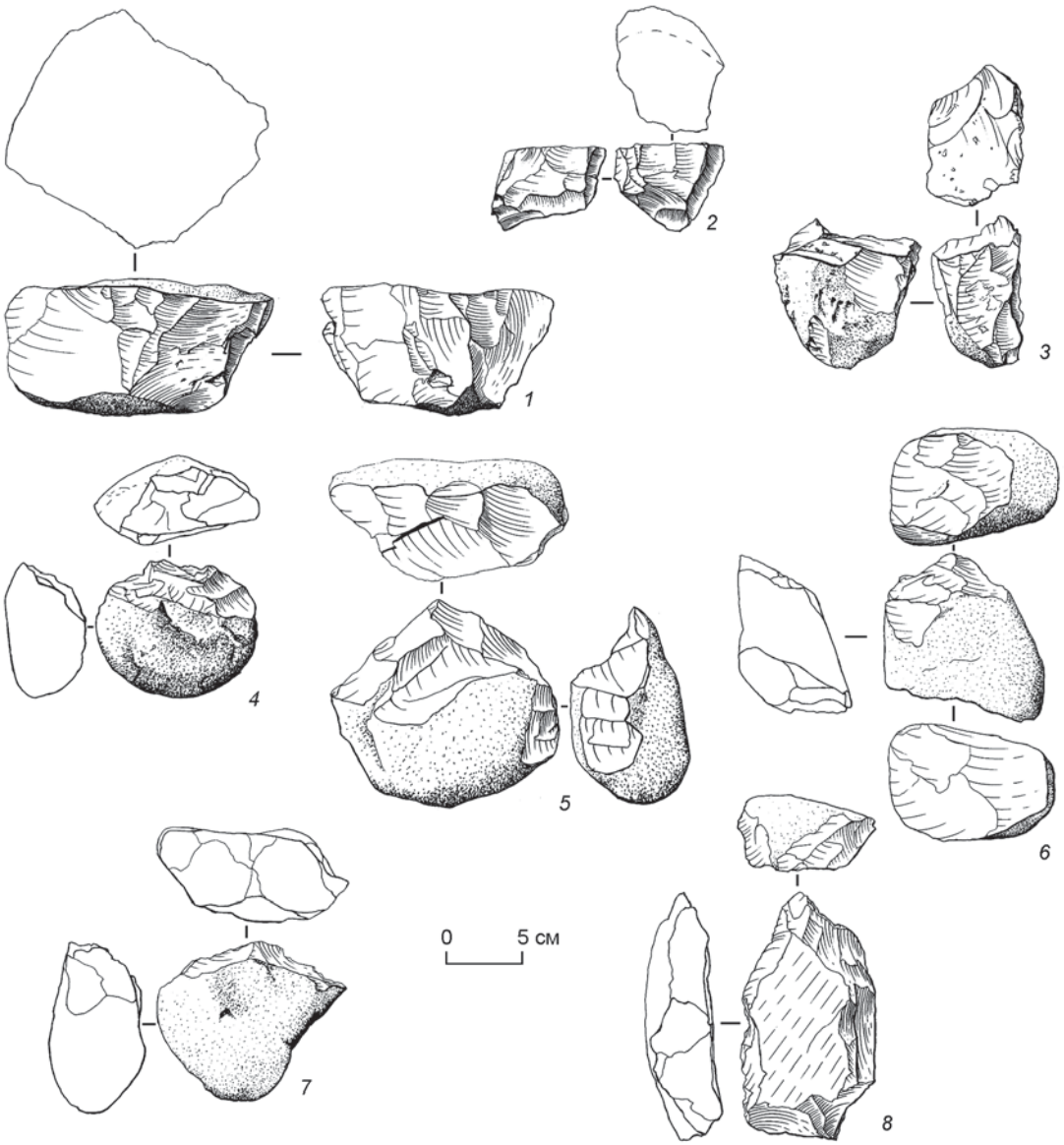

Рис. 1. Каменный инвентарь из раскопа 2 местонахождения Роктынг-4.

1 – одноплощадочный двухфронтальный нуклеус с естественной ударной площадкой; *2* – одноплощадочный двухфронтальный нуклеус с подготовленной ударной площадкой; *3* – одноплощадочный однофронтальный нуклеус с подготовленной ударной площадкой; *4* – чоппинговидное орудие; *5* – чоппинговидное изделие с носиком; *6* – заготовка чопперовидного орудия; *7, 8* – орудия-острия.

Слой 2. Буро-красные латеритовые суглинки, сильнокарбонатизированные. В кровле слоя выявлен галечно-дресвяной горизонт, содержащий артефакты. Видимая мощность – до 0,35 м.

Обнаруженная в раскопе 3 коллекция каменных артефактов насчитывает 383 предмета. Она состоит из галек со следами апробации (101 экз.), преформ нуклеусов (11 экз.), сколов (206 экз.), нуклеусов (30 экз.), орудий (32 экз.) и заготовок орудий (3 экз.). В качестве сырья использовалась кремнистая порода плотной мелкозернистой структуры, практически без внутренних трещин; крайне редко – кварцит.

Гальки со следами апробации и сколы имеют те же характеристики, что и аналогичные изделия из раскопа 2. Две преформы демонстрируют начальную стадию радиального расщепления, остальные 8 относятся к преформам простых одноплощадочных однофронтальных нуклеусов поперечного принципа расщепления с неподготовленными ударными площадками.

Большинство нуклеусов (22 экз.) представляют поперечный принцип расщепления. В эту группу входят нуклеусы четырех типов. К первому принадлежат одноплощадочные однофронтальные ядрища с неподготовленной ударной площадкой, покрытой галечной коркой, 16 экз. (рис. 2, *1*). Пять из них сделаны из окатанных валунов, остальные – из крупных галек. В качестве ударных пло-

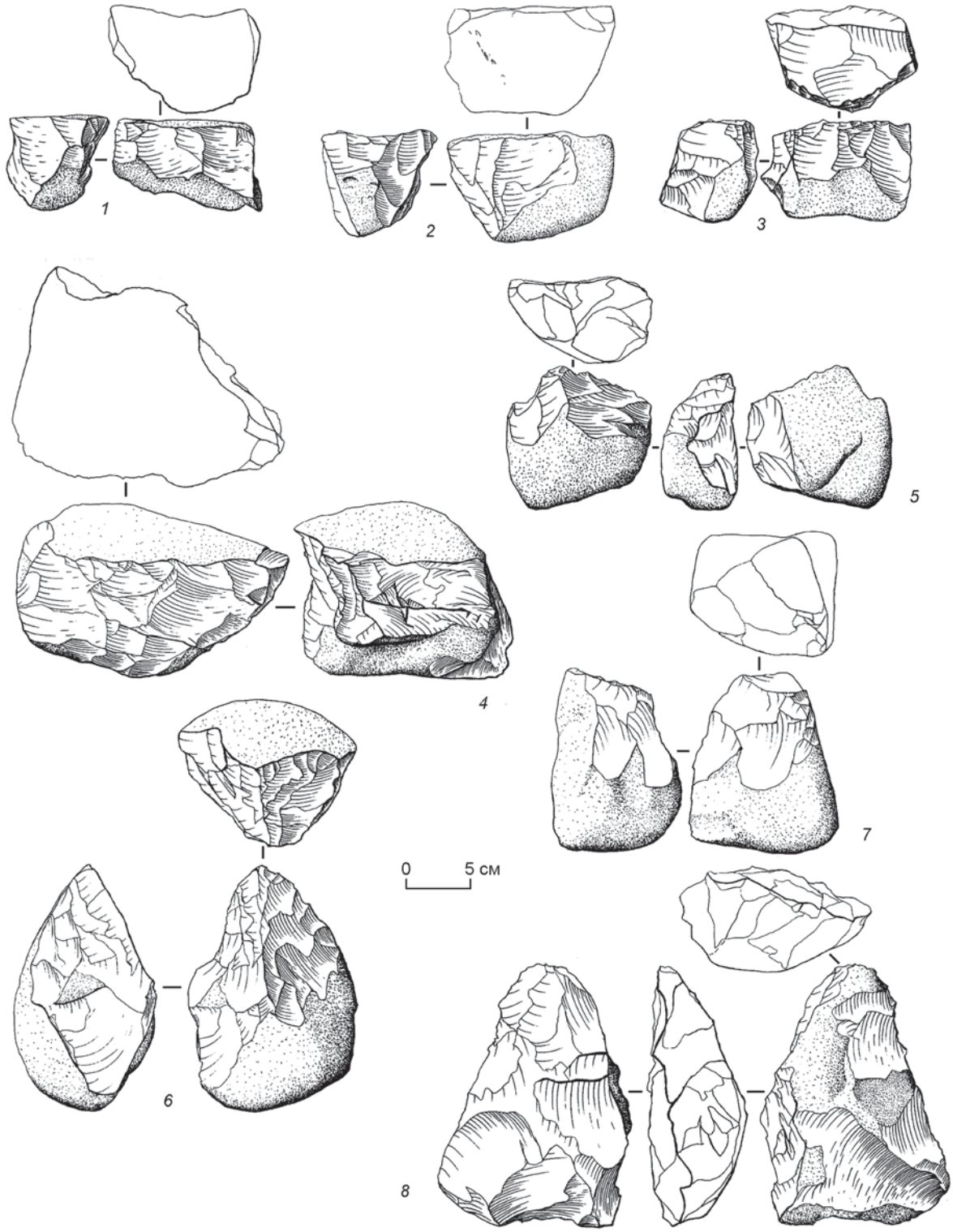

Рис. 2. Каменный инвентарь из раскопа 3 местонахождения Роктынг-4.

1 – одноплощадочное однофронтальное ядрище с неподготовленной ударной площадкой, покрытой галечной коркой; *2* – одноплощадочный двухфронтальный нуклеус с неподготовленной ударной площадкой; *3* – одноплощадочное однофронтальное ядрище с подготовленной ударной площадкой; *4* – двухплощадочный двухфронтальный нуклеус с одной подготовленной и второй необработанной ударными площадками; *5* – чопинговидное изделие; *6* – рубиловидное (чопперовидное) изделие; *7* – пикообразное орудие; *8* – бифасиально обработанное изделие.

щадок выбирались ровные, гладкие поверхности. Следующий тип представлен одноплощадочными двухфронтальными нуклеусами с неподготовленной ударной площадкой – 3 экз. (рис. 2, *2*). Ядрища этого типа обладают теми же характеристиками, что и изделия 1-го типа, но имеют два смежных фронта скалывания, расположенных на соседних гранях боковой поверхности. К третьему типу принадлежит одно изделие (рис. 2, *3*). Это одноплощадочное однофронтальное ядрище с подготовленной ударной площадкой. Этот нуклеус несет очень интересный элемент переоформления. С его левой стороны мелкими крутыми ламинарными сколами выделен отчетливый шип-выступ. Два последних нуклеуса этой группы относятся к типу двухплощадочных двухфронтальных с одной подготовленной и второй необработанной ударными площадками (рис. 2, *4*).

Вторая группа нуклеусов представлена радиальными ядрищами (4 экз.). Все они демонстрируют один тип – одноплощадочный однофронтальный радиальный.

Последняя группа представлена нуклеусами с продольным принципом расщепления и включает в себя два типа. К первому относятся одноплощадочные однофронтальные нуклеусы с неподготовленной ударной площадкой (2 экз.). Третий нуклеус этой группы относится к типу одноплощадочных двухфронтальных с неподготовленной ударной площадкой.

Орудия, обнаруженные в раскопе 3, делятся на пять групп.

К первой группе относятся чопинговидные изделия (14 экз.). Они имеют слегка выпуклое или прямое лезвие, оформленное полукрутой многорядной модифицирующей разнофасеточной чешуйчато-ступенчатой ретушью (рис. 2, *5*).

Вторая группа орудий включает в себя изделия с острым, выделенным ретушью концом (8 экз.). Их можно определить как рубилообразные или чоппероподобные инструменты (рис. 2, *6*).

Третья группа орудий, представлена одним изделием (рис. 2, *7*), которое можно определить как незаконченное пикообразное орудие.

Четвертая группа изделий включает в себя предметы с отдельными, выделенными ретушью, рабочими участками (4 экз.).

В последнюю, пятую группу входит бифасиально обработанное изделие (рис. 2, *8*), сделанное из крупной вытянутой гальки. Орудие имеет форму акульего зуба с прямым основанием и слегка изогнутым лезвием.

В раскопе 2 среди сколов преобладают первичные и полупервичные крупные отщепы, а также незаконченные орудия. Возможно, этот раскоп выявил площадку по первичной обработке сырья, где происходило тестирование валунов и галек и отбор лучших преформ и сколов.

В раскопе 3 выявлен полный цикл каменной индустрии – от раскалывания сырья до изготовления готовых орудий.

Основные технико-типологические характеристики каменной индустрии местонахождения Роктынг-4 имеют много общего с раннепалеолитическими комплексами котловины Байсэ в Китае. По тектитам индустрия Байсэ датирована временем ок. 800 тыс. л.н. [Деревянко, Шу и др., 2016, с. 20–24].

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Авторы выражают благодарность акад. И.В. Чернышову и д-ру геол.-минер. наук В.А. Лебедеву за проведение в лаборатории изотопной геохимии и геохронологии ИГЕМ РАН исследований по ^{40}K / ^{38}Ar материалов раскопок в г. Анкхе, в результате которых были получены две даты: 806 ± 22 тыс. и 782 ± 20 тыс. л.н.

Список литературы

Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Гладышев С.А., Чеха А.М., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Предварительные итоги раскопок местонахождений Роктынг-1 и Роктынг-4 во Вьетнаме // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 63–67.

Деревянко А.П., Шу Н.К., Цыбанков А.А., Дой Н.З. Возникновение бифасиальной индустрии в Восточной и Юго-Восточной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – 74 с.

References

Derevianko A.P., Su N. Kh., Tsybankov A.A., Doi N.G. The origin of bifacial industry in East and Southeast Asia. Novosibirsk: IAET SB RUS Publ., 2016, 74 p.

Derevianko A.P., Tsybankov A.A., Nguyen Ziang Hai, Nguyen Gia Doi, Nguyen Khak Su, Kandyba A.V., Gladyshev S.A., Chekha A.M., Nguyen Anh Tuan, Phang Thanh Toan. Predvaritel'nye itogi raskopok mestonakhozhdenii Rok Tung-1 i Rok Tung-4 vo V'etname. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 63–67 (in Russ.).

УДК 902/904

А.П. Деревянко, А.Г. Рыбалко, А.В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Исследования раннепалеолитических комплексов на территории Дагестана в 2017 году

В статье представлены новейшие результаты, полученные в ходе полевых исследований раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-Залив-4. Центральное место отведено описанию и анализу стратиграфического разреза и коллекций каменных изделий. Каменная индустрия стоянки характеризуется, в первую очередь, слабой типологической выраженностью и неустойчивостью нуклевидных и орудийных форм. Наиболее яркой «маркирующей» частью орудийного набора являются крупные галечные (чопперы) и бифасиально обработанные (рубила, пики) орудия. Проведенные полевые археологические исследования позволили получить новый массовый материал по древнейшей истории региона, что дает возможность более наглядно представить общую картину эволюции каменных индустрий на этой территории в палеолитическое время, начиная с самых ранних его этапов.

Ключевые слова: *Дагестан, каменные индустрии, ранний и средний палеолит, плейстоцен, морские трансгрессии.*

A.P. Derevianko, A.G. Rybalko, A.V. Kandyba

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Research of the Early Paleolithic Complexes on the Territory of Dagestan in 2017

The article presents new results of field research at the Early Paleolithic site of Darvagchai-Zaliv-4, including the description and analysis of the stratigraphic profile and lithic assemblage. The lithic industry of the site is characterized by poor typological distinctiveness and instability of core and tool forms. The most pronounced "marker" of tool assemblage is large pebble (choppers) and bifacial (hand axes, picks) tools. The recent archaeological field research has yielded new and numerous data on the regional prehistory, which make it possible to understand more clearly the general picture of the evolution of lithic industries during the Paleolithic on this territory, starting from its earliest stages.

Keywords: *Dagestan, stone industry, Early and Middle Paleolithic, Pleistocene, marine transgressions.*

Стоянка Дарвагчай-Залив-4 обнаружена в 2010 г. в ходе археологического обследования правого берега реки Дарвагчай (Дербентский р-н, Республика Дагестан). Местонахождение расположено на правом берегу Геджухского водохранилища в средней части высокого (ок. 20 м) берегового обнажения. Географические координаты 42º08'06" с.ш., 48º01'44" в.д.; высота над ур. м. ~ 125 м.

Дальнейшие стационарные исследования памятника позволили получить подробные сведения о стратиграфии объекта, а также выразительный набор палеолитических изделий, наиболее характерной чертой которого является наличие крупных бифасиально обработанных орудий [Деревянко и др., 2012; Кандыба, Рыбалко, 2016; Рыбалко, 2016].

В 2017 г. были продолжены комплексные археологические исследования. Наиболее полно вскрытые отложения представлены на северо-восточной стенке раскопа, всего выделено шесть геологических горизонтов (краткое описание дается сверху вниз):

Слой 1. Серо-коричневый опесчаненый суглинок. Генезис отложений субаэральный (элювиально-делювиальный). Мощность до 1,4 м.

Слой 2. Темно-коричневый тяжелый суглинок. Генезис субаэральный. Слой содержит единичные палеолитические артефакты. Мощность до 1,5 м.

Слой 3. Гравийно-галечные отложения с примесью валунов различной степени окатанности. В заполнителе дресва, глинистый песок, суглинки. Генезис отложений сложный, ведущую роль играли пролювиально-делювиальные и аллювиальные (горный аллювий) процессы. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность до 2 м.

Слой 4. Прибрежно-морские пески, светло-серые, в кровле – желтые, косослоистые разнонаправленные с раковинным детритом и редким включением грубообломочного материала. Мощность до 0,45 см.

Слой 5. Гравийно-галечные отложения. В заполнителе светло-коричневый песок с включением раковин морских моллюсков разной сохранности. Обломки хорошо окатаны, залегают субгоризонтально. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность до 0,45 м.

Слой 6. Тонко-слойчатые серые пески с горизонтальными прослоями детритусового песчаника. Генезис отложений прибрежно-морской. Мощность до 1,5 м.

Общее количество находок составляет 244 артефакта, в т.ч. из слоя 3 – 206 экз., из слоя 5 – 38 экз.

Каменные изделия из верхнего галечника (слой 3) различаются по степени сохранности поверхности, на гранях сколов встречаются выкрошенности и забитости. Нуклевидные формы насчитывают 9 изделий, в т.ч. 3 нуклевидных обломка и 6 нуклеусов, большинство из которых относится к простейшим формам одноплощадочных монофронтальных ядрищ. Наиболее тщательно оформлен последний нуклеус 4,0 × 4,8 × 1,8, ядрище имеет все признаки, характерные для леваллуазской системы расщепления: фасетированную выпуклую ударную площадку, частично оформленные сколами и ретушью латерали и негатив пластинчатого снятия (рис. 1, *2*). Основную часть продуктов первичного расщепления составляют сколы (116 экз.), преимущественно укороченные, среднего размера, с ярко выраженным ударным бугорком, неправильными очертаниями и зачастую смещением оси заготовки относительно направления снятия. Обломки и осколки (77 экз.), объемные угловатые куски породы разных размеров и форм. Плитки и гальки (4 экз.) имеют крупные и средние размеры, на всех присутствует вторичная обработка.

Категория орудий насчитывает 63 предмета, большинство которых выполнено на сколах, в качестве заготовок также использовались плоские обломки и гальки. Орудийный набор состоит из: бифасов (3), пиков (4), нуклевидных скребков (3), чоппера, скребел (7), острий (2), ножей (2), орудий с носиком (2), шиповидных (11), выемчатых (8) и комбинированных изделий (3), отщепов (9) и обломков с ретушью (8).

Наиболее яркой категорией изделий являются бифасы (рубила) и пики, отличающиеся по размерности и способу оформления. Первое орудие 11,0 × × 7,5 × 3,0 выполнено на гальке из известняка, миндалевидной формы, двояковыпуклое, сколами оформлено две трети заготовки, лезвия слабоизвилистые, пятка галечная, на острие видны более свежие сколы (рис. 1, *1*). Рубильце 5 × 4 × 3 изготовлено из кремня, плоско-выпуклое, основание галечное, острие округлое, видны следы забитостей. Следующее изделие представленное в виде заготовка бифаса 6,0 × 4,0 × 2,6 выполнено на обломке кремня пирамидальной формы, острие четко выражено, одна сторона оформлена двусторонними сколами.

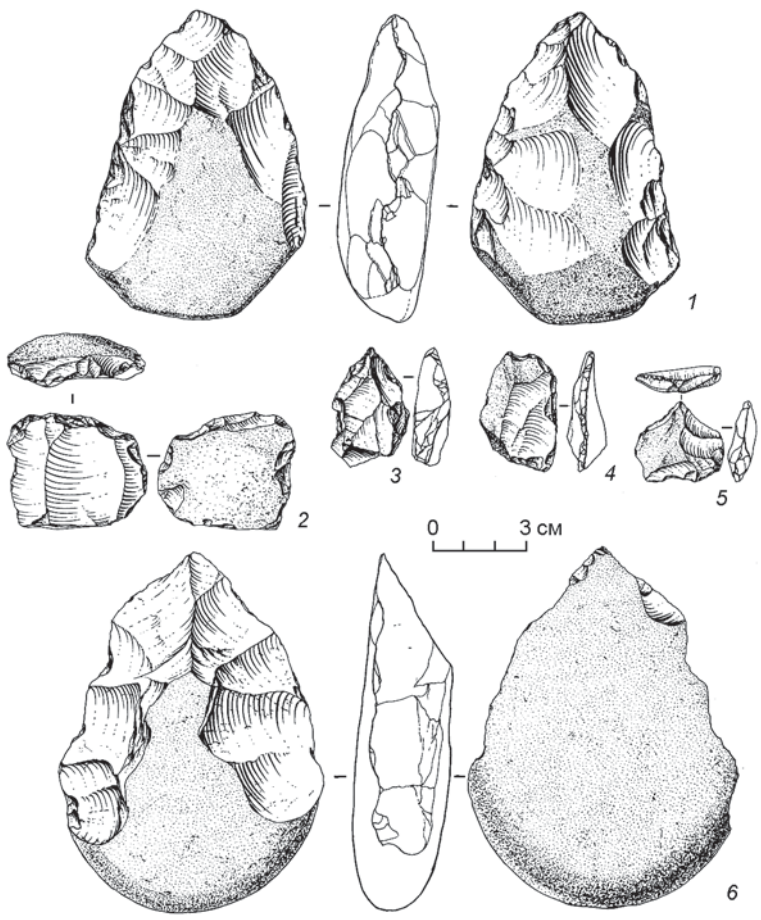

Рис. 1. Каменная индустрия памятника Дарвагчай-Залив-4.
1, 6 – рубила; *2* – нуклеус; *3–5* – орудия на сколах.

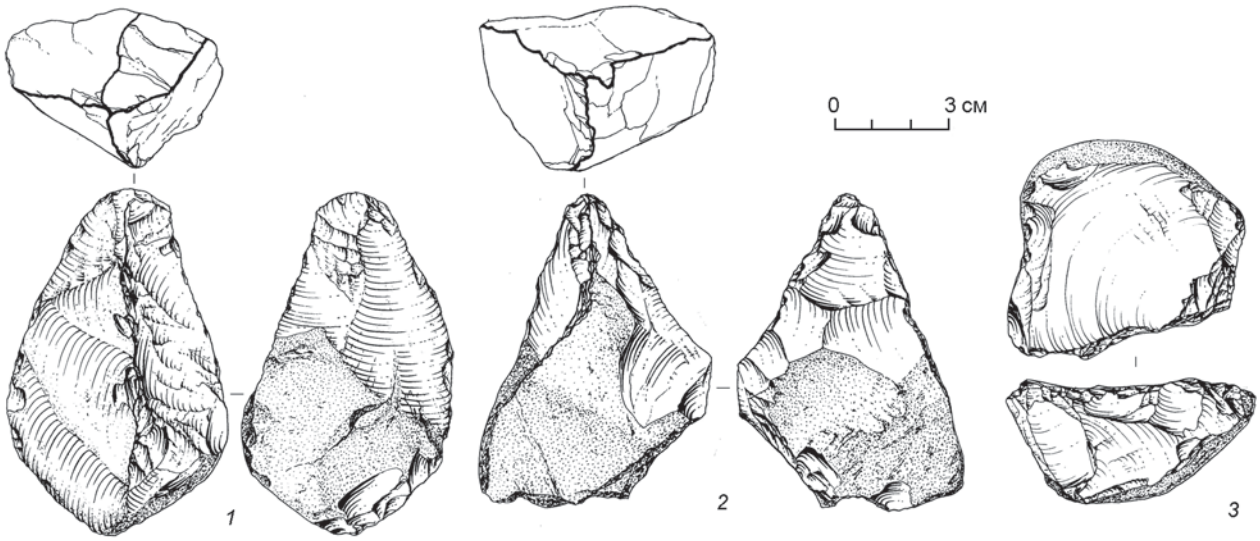

Рис. 2. Каменная индустрия памятника Дарвагчай-Залив-4.
1, 2 – пики; *3* – нуклевидный скребок.

Для двух пиков 7,5 × 7,0 × 3,5 и 9,5 × 6,0 × 6,0 в качестве заготовок использовались кремневые обломки пирамидальной формы, изделия четырехугольные в сечении, заметны следы использования в виде мелких сколов (рис. 2, *1*). Два других орудия трехгранные 9,5 × 6,0 × 4,5 и 7 × 4 × 3 выполнены из кремня, грани оформлены крупными сколами, острия мелкими (рис. 2, *2*).

Наиболее выразительный нуклевидный скребок 7,0 × 5,5 × 3,4 выполнен из кремня, изделие подпрямоугольной формы, рабочая часть оформлена на торце сколами и ретушью (рис. 2, *3*).

Группа орудий на отщепах и обломках также весьма многочисленна и разнообразна, стоит отметить наличие некоторых признаков стандартизации, серийности. Среди скребел преобладают однолезвийные обушковые формы. В категории выемчатых орудий встречаются как клектонские разновидности анкошей, так и ретушное оформление. Шиповидные изделия подготавливались с использованием естественных очертаний заготовок (рис. 1, *3*), либо одной или двумя сопряженными выемками. Отщепы и обломки с нерегулярной обработкой по одному краю, ретушь мелкая прерывистая.

Коллекция слоя 5 включает 38 артефактов, имеющих среднюю или слабую степень окатанности поверхности. Нуклевидные формы представлены нуклевидным обломком и двумя нуклеусами, которые относятся к простейшим формам одноплощадочных монофронтальных ядрищ. Основную часть продуктов первичного расщепления составляют сколы (21 экз.), преимущественно укороченные, средних и крупных размеров. Обломки (12 экз.) в основном не превышают 5 см, часто плиткообразные. Гальки (2 экз.) крупных и средних размеров.

Орудийный набор состоит из 13 предметов – это унифас, чоппер, скребло, выемчатое и шиповидные (4) орудия, нож, пики (2), отщеп и обломок с ретушью.

Наиболее яркой категорией изделий являются унифас и пики. Очень выразительно первое изделие 12,5 × 9,5 × 2,8, выполненное на плоской гальке из песчаника, орудие миндалевидной формы, одна плоскость оформлена крупными и средними сколами, острие четко выражено (рис. 1, *6*). Пики 8,5 × 4,0 × 3,0 и 6,8 × 5,0 × 3,5 изготовлены из кремня, изделия подтреугольной формы, на остриях видны следы использования в виде забитостей и мелких сколов.

Основные приемы получения заготовок и вторичной отделки, формы и типы орудий на сколах и обломках из слоя 5 в целом не отличаются от тех, что были описаны для слоя 3 (рис. 1, *4, 5*).

Общий анализ археологических материалов позволяет сделать следующие выводы о характере индустрии стоянки. Обнаруженные артефакты отличает разная степень сохранности поверхности, варьирующая от изделий с не сглаженными «свежими» ребрами до сильно «замытых» предметов. При этом не прослеживается какой-либо зависимости между сохранностью поверхности планиграфическим и стратиграфическим положением находок. Анализ планиграфии, наряду с данными стратиграфии, показывает, что артефакты претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. В качестве исходного сырья использовался желвачный кремень, окремненный известняк и песчаник в виде галек и желваков. Данные разновидности каменного сырья являются непосредственной составля-

ющей культуросодержащих горизонтов стоянки и хорошо прослеживаются в нескольких обнажениях на близлежащей территории [Кандыба, Рыбалко, 2016].

Набор орудийных типов и характер вторичной обработки практически не изменяется по культурно-литологическим подразделениям, но общее разнообразие орудийных форм, как и их количество, нарастает вверх по разрезу, достигая максимума в слое 3. При этом, несмотря на хронологический разрыв в формировании культуросодержащих горизонтов, видимо непродолжительный, по основным технико-типологическим характеристикам оба комплекса близки друг другу. Совпадения касаются первичного расщепления и вторичной обработки, типов орудий, наличия бифасиально обработанных изделий (рубил) в обоих слоях [Рыбалко, 2014]. Коллекции артефактов демонстрируют глубокое сходство по основным технико-типологическим параметрам, в известной мере допустимо рассматривать эти материалы как остатки нескольких стоянок, существовавших на данной территории в течение определенного периода. В то же время, анализ всех аспектов каменного инвентаря свидетельствует о том, что в период формирования слоев 3 и 5 на данной территории обитали носители одной индустриальной традиции, базировавшиеся на местной полисырьевой базе.

На памятнике представлены все циклы обработки камня (от апробации сырья до изготовления орудий). Фиксирующиеся приемы первичного расщепления и вторичной обработки относятся к простейшим вариантам. Предварительная подготовка ядрищ для регулярного расщепления была минимальной, в основном использовались удобные естественные поверхности. Среди сколов преобладают массивные подпрямоугольные и широкие заготовки. Вторичная обработка в виде ретуши чаще всего была краевой и лишь в редких случаях изменяла морфологию заготовки. Среди выделенных категорий орудий преобладают скребловидные, шиповидные и выемчатые. Наиболее яркой «маркирующей» частью орудийного набора являются крупные галечные и бифасиально обработанные изделия немногочисленные, но представляющие собой предельно выразительные морфологические образцы, которые соответствуют самым строгим представлениям о типе археологической классификации [Рыбалко, 2016]. Таким образом, имеющиеся данные позволяют определить памятник как многократно посещаемую базовую стоянку-мастерскую, где осуществлялась деятельность, связанная с массовым изготовлением серий артефактов, в т.ч. сложных орудийных форм.

Список литературы

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-залив-4) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. – № 2016. – 2 (90). – С. 210–214.

Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Западного Прикаспия (новые данные) // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. – Казань, 2014. – Т. I. – С. 128–132.

Рыбалко А.Г. Бифасиально обработанные орудия Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 152–155.

References

Derevianko A.P., Amirkhanov Kh.A., Zenin V.N., Anoikin A.A., Rybalko A.G. Problemy paleolita Dagestana. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 292 p. (in Russ.).

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Rannii paleolit Yugovostochnogo Dagestana (po materialam pamyatnika Darvagchai-zaliv-4). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, politologiya.* 2016, No. 2 (90), pp. 210–214 (in Russ.).

Rybalko A.G. Rannij paleolit Zapadnogo Prikaspija (novye dannye). In *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda*. Kazan, 2014, vol. I, pp. 128–132 (in Russ.).

Rybalko A.G. Bifasial'no obrabotannye orudiya Darvagchaiskogo geoarkheologicheskogo raiona (Yugovostochnyi Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 152–155 (in Russ.).

УДК 902.21

А.П. Деревянко[1], М.В. Шуньков[1], А.А. Анойкин[1], Ж.К. Таймагамбетов[2], В.А. Ульянов[3], В.М. Харевич[1], М.Б. Козликин[1], Г.И. Марковский[1], А.В. Шалагина[1], Г.Д. Павленок[1], С.А. Гладышев[1], А.М. Чеха[1], Г.Т. Искаков[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Национальный музей Республики Казахстан
[3]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
[4]Казахский государственный историко-культурный музей-заповедник «Азрет Султан»
E-mail: anui1@yandex.ru

Археологические работы в Шиликтинской долине на востоке Казахстана в 2017 году

В 2017 г. совместная Российско-казахстанская экспедиция продолжила исследования на территории Восточно-Казахстанской обл. В Шиликтинской долине были проведены раскопки многослойной палеолитической стоянки Ушбулак-1. Серией раскопов и шурфов определены границы памятника и строение толщи плейстоценовых отложений на разных участках стоянки. В 0,8 км к западу от стоянки, в русле руч. Западный зафиксирован подъемный и стратифицированный археологический материал. Подъемный палеолитический материал обнаружен также в северо-западной части Шиликтинской долины, на окраине с. Жанаул.

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, верхний палеолит, каменная индустрия, леваллуа, пластинчатое расщепление.*

A.P. Derevianko[1], M.V. Shunkov[1], A.A. Anoikin[1], Zh.K. Taimagambetov[2], V.A. Ulianov[3], V.M. Kharevich[1], M.B. Kozlikin[1], G.I. Markovskii[1], A.V. Shalagina[1], G.D. Pavlenok[1] , S.A. Gladyshev[1], A.M. Chekha[1], G.T. Iskakov[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]National Museum of the Republic of Kazakhstan
[3]M.V. Lomonosov Moscow State University
[4]Kazakh State Historical and Cultural Museum-Reserve "Azret Sultan"
E-mail: anui1@yandex.ru

The 2017 Archaeological Study in the Shilikty Valley in the East Kazakhstan Region

In 2017, the joint Russian-Kazakhstan expedition continued to carry out research in the East Kazakhstan Region. The study was based on a stationary field investigation of the Ushbulak-1 site, involving excavation work, determination of the total floor space of the site, its stratigraphy at isolated areas, as well as surveys focused on searching for new Paleolithic archaeological sites in the Shilikty valley. Trenches 1 and 2 were produced in the upper and lower parts of the trench excavated in 2016, and test pits were dug down the stream on its both banks (pits 4 and 5) at the section of 18–37 m from pit 1. The survey undertaken at the Zapadny stream, 0.8 km west of Ushbulak-1, has yielded both surface and stratified archaeological finds. Archaeological evidence recovered from the surface and associated with the Paleolithic has been also found on the northwestern edge of the Shilikty valley near the village of Zhanaaul.

Keywords: *East Kazakhstan, Upper Paleolithic, lithic industry, Levallois, blade flaking.*

В 2017 г. совместная Российско-казахстанская экспедиция продолжила исследовательские работы на территории Восточно-Казахстанской обл. Основным районом исследований являлась Шиликтинская долина, расположенная в пределах Зайсанского и Тарбагатайского районов. Долина, протянувшаяся в длину на 80 км и в ширину на 30 км, представляет собой симметричную в поперечном и асимметричную в продольном профиле межгорную впадину, окруженную горными массивами. С севера ее ограничивает хребет Манырак, с востока – Саур, с юга и запада – Тарбагатай (рис. 1, *А*).

В ходе разведочных работ 2016 г. в северо-восточной предгорной части долины, в 5 км севернее с. Карасай, в верхнем течении руч. Восточный была открыта многослойная палеолитическая стоянка Ушбулак-1 [Шуньков и др., 2016а]. На объекте была заложена разведочная траншея с двумя шурфами, расположенными по обоим бортам ручья, и собран подъемный материал. Общая коллекция каменных артефактов составила более 2 200 экз., в т.ч. 690 экз. было зафиксировано в стратифицированном залегании. Основная часть материала была связана с отложениями подошвы левого крутого борта водотока [Шуньков и др., 2016б]. Технико-типологический характер каменного инвентаря и условия его залегания позволили выделить на стоянке три основных культурно-хронологических комплекса – голоценовый, позднепалеолитический и начальной поры верхнего палеолита, которому принадлежит основная часть находок.

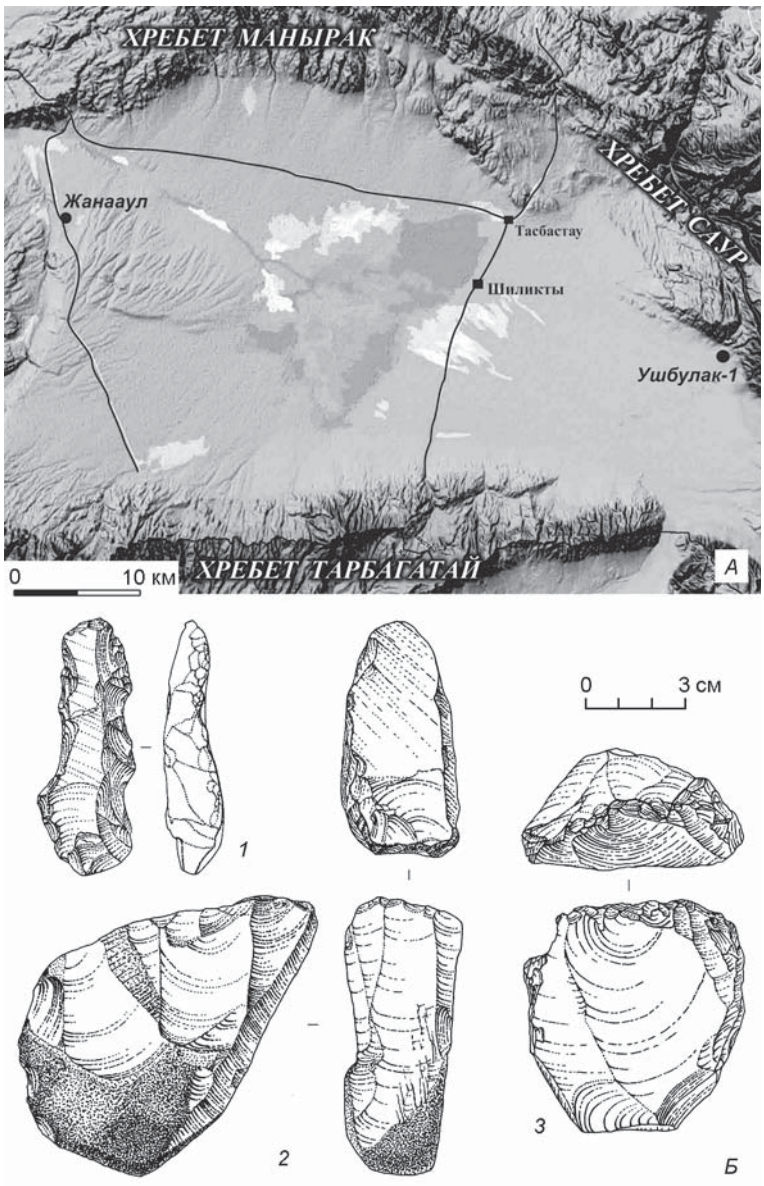

Рис. 1. Карта-схема расположения палеолитических объектов в Шиликтинской долине (*А*) и каменные артефакты с местонахождения Жанааул (*Б*) (художник О.В. Тупицына).

1 – зубчатое орудие; *2, 3* – нуклеусы.

Исследовательские работы 2017 г. включали стационарные раскопки стоянки Ушбулак-1 (см. статью А.А. Анойкина и др. «Исследование индустрий начальных этапов верхнего палеолита на стоянке Ушбулак-1 (Восточный Казахстан) в 2017 году» в настоящем сборнике), а также поиск новых археологических объектов каменного века на территории Шиликтинской долины.

Для определения границ распространения археологического материала на стоянке Ушбулак-1 и выяснения характера плейстоценовых отложений на разных участках памятника ниже по течению от раскопов 1 и 2, на обоих бортах водотока были заложены шурфы 4 и 5 (рис. 2, *А*).

Шурф 4 (1,0 × 1,5 м) расположен по правому борту ручья, в 57 м от его истока и в 1,5 м от русла. В результате раскопочных работ была вскрыта пачка рыхлых отложений, состоящая из трех литологических подразделений общей мощностью 1,9 м.

Слой 1. Почвенно-растительный слой с гумусовым горизонтом современной почвы в кровле. Супесь пылеватая, интенсивно отемненная, обильно насыщенная дресвой. Мощность – 0,2–0,3 м.

Слой 2. Щебнистая толща с супесчаным заполнителем порового типа. Щебень острогранный, преимущественно среднеразмерный, с единичными включениями крупного в по-

Состав каменной индустрии из шурфа 5 на стоянке Ушбулак-1

Категория	Дерн	Склон	6.4	6.5	Всего	
	Кол-во	Кол-во	Кол-во	Кол-во	Кол-во	%
Нуклевидные	**-**	**-**	**2**	**2**	**4**	**0,5**
Нуклеусы	-	-	1	2	3	0,3
Нуклевидные обломки	-	-	1	-	1	0,1
Технические сколы	**7**	**6**	**11**	**55**	**79**	**9,2**
Первичные пластины	-	-	-	2	2	0,2
Первичные отщепы	3	1	2	3	9	1,0
Вторичные отщепы	2	-	1	5	8	0,9
Краевые	-	2	3	9	14	17
Подправки дуги скалывания	-	-	1	4	5	0,6
Реберчатые	1	1	2	6	10	1,2
Полуреберчатые	-	-	-	9	9	1,0
Полу-«таблетки»	1	2	2	15	20	2,3
«Таблетки»	-	-	-	2	2	0,2
Пластины	**8**	**19**	**81**	**299**	**407**	**47,2**
Ширина 40–59 мм	-	-	-	22	22	2,5
Ширина 20–39 мм	3	10	45	166	224	26,0
Ширина 13–19 мм	2	7	27	95	131	15,2
Пластинки	3	2	9	16	30	3,5
Пластинчатые отщепы	**-**	**-**	**7**	**4**	**11**	**1,3**
Крупные (длина ≥50 мм)	-	-	3	1	4	0,5
Средние (длина 30–49 мм)	-	-	4	3	7	0,8
Отщепы	17	19	71	210	317	36,7
Крупные (длина ≥50 мм)	1	6	16	29	52	6,0
Средние (длина 30–49 мм)	7	6	22	59	94	10,9
Мелкие (длина ≤ 29 мм)	9	7	33	122	171	19,8
Обломки, осколки	**-**	**1**	**5**	**40**	**46**	**5,3**
Всего	***32***	***44***	***177***	***610***	***863***	***100***

дошве слоя. Заполнитель – супесь алевритистая, сильно одресвяненная. В нижней части слоя развита Fe–Mn цементация. Мощность – 1,1–1,2 м.

Слой 3. Пески алевритистые, коричнево-серые, одресвяненные, слабо сцементированные, местами обогащенные включениями мелкого щебня. Нижняя часть слоя сложена песками разнозернистыми, полимиктовыми, коричневыми, хорошо отмытыми, не сцементированными. Видимая мощность – до 0,4 м.

Строение стратиграфического разреза в шурфе 4 показало принципиальное отличие структуры и состава рыхлых отложений правого борта руч. Восточный от левого.

Немногочисленный и маловыразительный археологический материал, включающий три мелких отщепа и три обломка, зафиксирован на кровле слоя 3. Судя по условиям залегания, эти находки относятся, скорее всего, к позднему палеолиту.

Шурф 5 (1 × 1 м) расположен по левому борту ручья, в 38 м от истока и в 0,5 м от русла. В шурфе глубиной 0,9 м были последовательно вскрыты современный гумусовый горизонт, пачка смешанных склоновых отложений и пачка легких и средних серых суглинков, разделенная в нижней части маломощным (до 4 см), но хорошо выдержанным по простиранию отемненным горизонтом, обогащенным гумусовым материалом. Суглинистая пачка по своей структуре и составу аналогична слоям 6.4–6.6 в раскопе 2 (см. статью А.А. Анойкина и др. «Исследование индустрий начальных этапов верхнего палеолита на стоянке Ушбулак-1 (Восточный Казахстан) в 2017 году» в настоящем сборнике).

Археологический материал зафиксирован практически по всей толще вскрытых в шурфе отложений, кроме нижнего слоя суглинка, залегающего под окрашенным гумусом горизонтом, что в целом согласуется с ситуацией в слое 6.6 раскопа 2 с небольшой концентрацией находок.

Археологическая коллекция из шурфа 5 включает 863 экз. (см. *таблицу*). Нуклеусы представлены одноплощадочной торцовой формой, двуплощадочным параллельным ядрищем со смещенными друг относительно друга площадками (рис. 2, *Б, 2*)

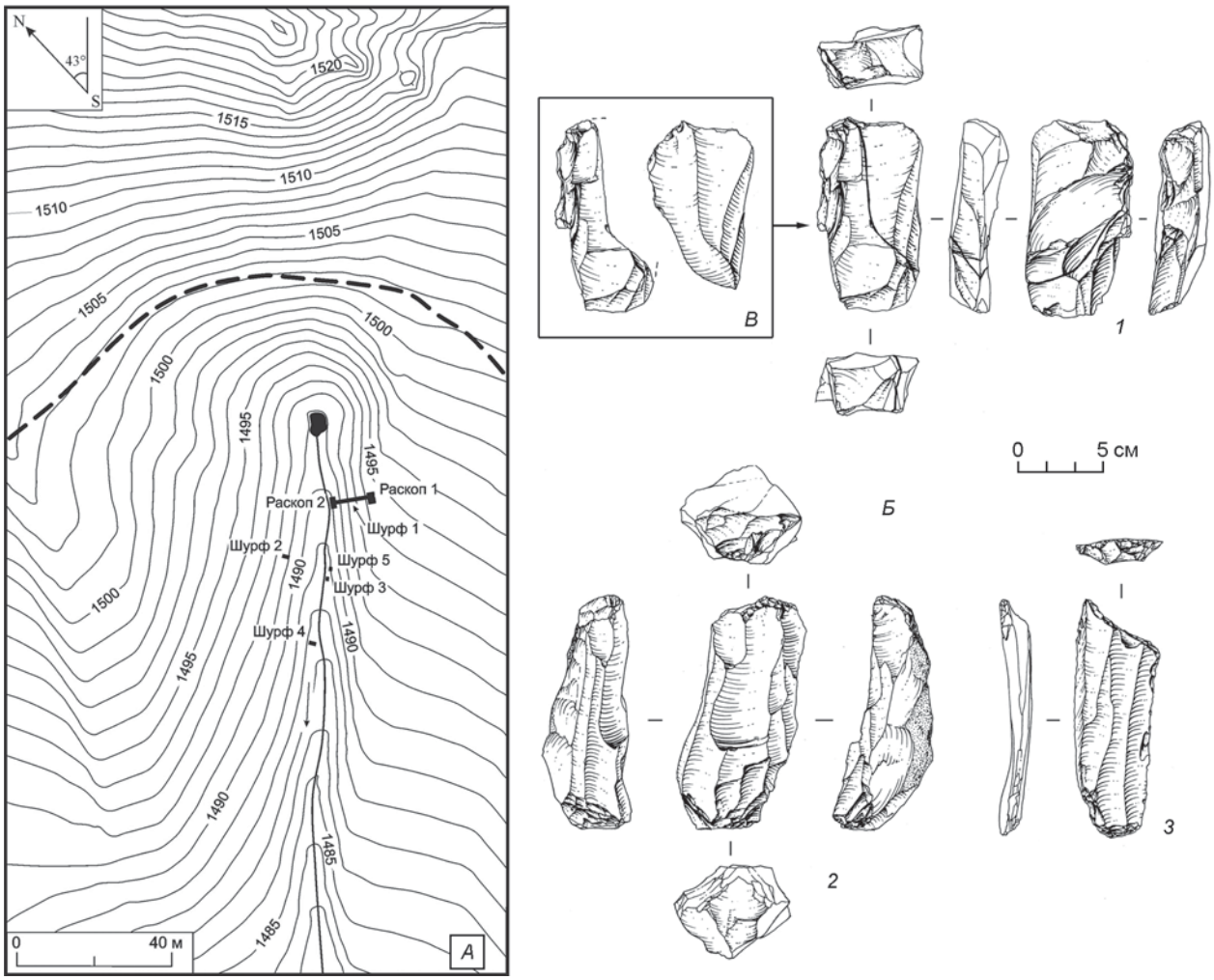

Рис. 2. План-схема стоянки Ушбулак-1 (работы 2016–2017 гг.) (*А*), каменные артефакты (*Б*) и ремонтаж нуклеуса (*В*) из шурфа 5 (художник М.Е. Медовикова).

1, 2 – нуклеусы; *3* – шиповидное орудие.

и фрагментом изделия с негативами встречного скалывания, служившего, по данным ремонтажа (рис. 2, *В*), для производства пластин (рис. 2, *Б, 1*). Доля сколов в коллекции составляет 95 % изделий. Среди орудий (21 экз.) преобладают пластины с ретушью. В слое 6.4 найдены также угловой резец и угловое шиповидное орудие на тронкированной пластине (рис. 2, *Б, 3*).

В нижней части суглинистой толщи шурфа 5 обнаружено два нижних зуба и верхний премоляр архара *Ovis ammon* (определение С.К. Васильева).

В целом шурфовочные работы на стоянке Ушбулак-1 показали, что по левому борту ручья массовый археологический материал встречается от истока вниз по течению на протяжении как минимум 30 м, при этом стратиграфия нижней части отложений принципиально не меняется, концентрация находок не уменьшается, а предполагаемая площадь распространения материалов ранней стадии верхнего палеолита должна составлять не менее 200 м^2. Отложения правого борта имеют иное строение, в них отсутствуют слои с индустрией начальной стадии верхнего палеолита.

Вторым участком работ являлись склоны руч. Западный в 0,8 км западнее стоянки Ушбулак-1, где в 2016 г. был зафиксирован относительно малочисленный подъемный материал [Шуньков и др., 2016б]. При визуальном обследовании левого борта ручья собрана коллекция из 30 каменных артефактов, включающая четыре нуклеуса – клиновидный, два торцовых одноплощадочных на крупных сколах и фрагмент плоского одноплощадочного ядрища, четыре пластины, 16 отщепов разных размеров, крупный леваллуазский скол и пять обломков. Кроме того, в результате зачистки (шириной 0,5 и глубиной 0,7 м) верхней части левого борта в зоне наибольшей концентрации подъемного материала, в светло-серых лессовидных суглинках, на контакте с современной почвой, найден еще 21 артефакт, в т.ч. пластинка, микропластинка,

9 отщепов и 9 обломков. Собранный на этом участке материал предварительно можно датировать в широком хронологическом диапазоне от среднего палеолита до поздних этапов каменного века.

Подъемный материал палеолитического облика обнаружен также при обследовании западной части Шиликтинской долины, на северо-западной окраине с. Жанааул, расположенного в 53 км северо-западнее стоянки Ушбулак-1 (см. рис. 1, *А*). Находки залегали на поверхности 15-метровой правобережной террасы р. Тейсайрык, сложенной щебнисто-галечным материалом с супесчаным заполнителем. На участке протяженностью около 0,6 км вдоль бровки террасы найдены нуклеус и четыре отщепа. Нуклеус плоскостной, двуплощадочный, монофронтальный, с продольно-поперечным скалыванием, оформлен на небольшом валуне тонкозернистого песчаника. Отщепы крупные, с гладкой остаточной ударной площадкой, продольной или ортогональной огранкой, изготовлены из высококачественного окремненного сырья. Поверхность сколов покрыта легкой патиной и участками карбонатной корки.

На этом же участке, но в обнажении террасового склона, на отметках около 10 м над уровнем реки найдены два нуклеуса и зубчатое орудие на пластине (рис. 1, *Б, 1*) с сильно заглаженными ребрами и гранями. Нуклеусы представлены торцовой формой с негативами удлиненных сколов (рис. 1, *Б, 2*) и выразительным леваллуазским ядрищем для скалывания отщепов (рис. 1, *Б, 3*). Последнее изделие позволяет предположить наличие в Шиликтинской долине местонахождений среднепалеолитического времени, предшествовавших ранней верхнепалеолитической индустрии Ушбулака-1.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Павленок Г.Д. Новая многослойная верхнепалеолитическая стоянка Ушбулак-1 в Восточном Казахстане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016а. – Т. XXII. – С. 208–213.

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Павленок Г.Д. Комплексы экспонированных артефактов со стоянок Ушбулак-1 и Ушбулак-2 (по результатам работ 2016 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016б. – Т. XXII. – С. 203–207.

References

Shunkov M.V., Taimagambetov J.K., Anoikin A.A., Pavlenok K.K., Kharevich V.M., Kozlikin M.B., Pavlenok G.D. Novaya mnogosloinaya verhnepaleoliticheskaya stoyanka Ushbulak-1 v Vostochnom Kazahstane. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016a, vol. XXII, pp. 208–213 (in Russ.).

Shunkov M.V., Taimagambetov J.K., Anoikin A.A., Pavlenok K.K., Kharevich V.M., Kozlikin M.B., Pavlenok G.D. Kompleksy eksponirovannyh artefaktov so stoyanok Ushbulak-1 i Ushbulak-2 (po rezul'tatam rabot 2016 goda). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016b, vol. XXII, pp. 203–207 (in Russ.).

УДК 902.01

А.П. Деревянко[1], М.В. Шуньков[1, 2], Л. Булатович[3], А.А. Анойкин[1, 2], К.К. Павленок[1, 2], М.Б. Козликин[1], В.И. Ульянов[4], И. Меденица[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Государственное учреждение «Музеи и галереи» в Подгорице, Черногория
[4]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: anui1@yandex.ru

Новые данные по каменной индустрии скального навеса Малишина Стена в Черногории (по результатам работ в 2017 году)

В 2017 г. совместным отрядом ИАЭТ СО РАН и Государственного учреждения «Музеи и галереи» (Подгорица, Черногория) возобновлены исследования навеса Малишина Стена в Черногории. Ранее стоянка изучалась сербскими археологами в 1980-х гг. В новом разрезе было выделено восемь литологических слоев (A–F), в четырех из них зафиксированы археологические материалы. Находки из слоя A относятся к финальному этапу палеолита. Среди артефактов из слоев B2 и C1 присутствуют формы, характерные как для среднего, так и для верхнего палеолита. В коллекции слоя C2 большинство составляют среднепалеолитические формы. В целом новые материалы подтверждают наличие на стоянке комплексов «пограничного» (средний–верхний палеолит) облика и дают возможность детально изучить культурные процессы при смене двух палеолитических эпох в Восточной Адриатике.

Ключевые слова: *Черногория, скальный навес, стратиграфия, верхний палеолит, нуклеусы, орудия.*

A.P. Derevianko[1], M.V. Shunkov[1, 2], L. Bulatovich[3], A.A. Anoikin[1, 2], K.K. Pavlenok[1, 2], M.B. Kozlikin[1], V.A. Ulianov[4], I. Medenica[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Public Institution "Museums and galleries", Podgorica, Montenegro
[4]M.V. Lomonosov Moscow State University
E-mail: anui1@yandex.ru

Recent Data on the Lithic Industry from the Rock Shelter of Mališina Stijena in Montenegro (Based on the Results from the 2017 Study)

In 2017, a joint research team of IAET SB RAS and the Museums and Galleries of Podgorica (Montenegro) resumed archaeological studies at the rock shelter of Mališina Stijena in Montenegro. The site was previously examined by the Serbian archaeologists in the 1980s. New excavation profile has revealed eight depositional layers (A–F); four of them have yielded archaeological evidence. Finds from layer A indicate that the assemblage can be attributed to the Final Paleolithic. Distinctive forms typical of both Middle and Upper Paleolithic, occur among the artifacts associated with layers B2 and C1. The collection from layer C2 shows the features similar to the younger assemblages, but includes more Middle Paleolithic tool forms. In general, new materials confirm the presence of transitional assemblages at the site and make it possible to further study the cultural processes that occurred during the change of two archaeological eras in the Eastern Adriatic region.

Keywords: *Montenegro, rock shelter, stratigraphy, Upper Paleolithic, cores and tools.*

Скальный навес Малишина стена (43°15′08″ с.ш., 019°25′49,6″ в.д., высота над ур. м. 860 м) расположен на севере Черногории, по левому борту долины р. Чехотина, в ее верхнем течении, рядом с с. Лютичи. В районе памятника долина реки представляет собой каньон глубиной 95–100 м, с крутыми скальными стенками, в своей нижней части отвесными и субвертикальными. Навес вытянут вдоль реки и имеет протяженность по капельной линии ок. 32 м, при глубине до 12 м и высоте ок. 15 м. Высота дневной поверхности рыхлых отложений над урезом реки – ок. 10 м, вход ориентирован на север.

В 1981–1984 и 1986 гг. исследовательские работы под навесом вели специалисты Центра археологических исследований философского факультета Белградского университета совместно с музеем г. Плевля, под общим руководством И. Радованович [Radovanovic, 1986].

В 1980-х гг. раскопки велись на двух отдельных участках. В западной части навеса был заложен раскоп площадью 9 м^2 и разведочная траншея (10 × 1 м). В южной части площадь раскопа составила 8 м^2 (рис. 1, *А*). В историческое время навес использовался как укрытие для скота, что повлияло на плохую сохранность верхней части отложений [Ibid.]. Сложная стратиграфическая ситуация на отдельных участках стоянки не позволила исследователям провести прямую корреляцию литологических подразделений между раскопами, однако ими было выделено два основных комплекса находок, связанных с разными этапами палеолитического времени.

Наиболее древний комплекс (слои 15–9 в западном и слои 3Б16–3Б13 в южном раскопах) включал дисковидные нуклеусы, ретушированные остроконечники, скребла, боковые скребки, трансверсальные и боковые резцы, а также большое количество фаунистических остатков, в основном раздробленных костей крупных травоядных животных [Radovanovic, 1986; Malez M., Malez V., Paunovic, 1988]. Точной культурно-хронологической привязки этим материалам исследователи не дали, однако поместили их в рамки финала среднего – первой половины верхнего палеолита.

Второй комплекс находок (слои 4–2 в западном и слои 3Б4–3Б1 в южном раскопах) представлен мелкими одноплощадочными и двуплощадочными нуклеусами, большим количеством орудийных форм на пластинках (пластинки с притуленным краем, ретушированные острия, двухсторонне ретушированные пластинки и др.), а также скребками и резцами [Radovanovic, 1986]. В этих слоях обнаружено большое количество костей мелких млекопитающих, птиц и рыб [Malez M., Malez V., Paunovic, 1988]. Эти материалы были отнесены И. Радованович к кругу южноевропейских индустрий с круто ретушированными орудиями (финальный граветт и tardigravettian). Позднее для слоя 3В1 по кости была получена ^{14}C AMS-дата 13 780 ± 140 л.н. (некалиброванная) [Hedges et al., 1990].

В 2017 г. исследования Малишиной Стены были возобновлены совместным отрядом ИАЭТ СО РАН и Гос. учреждения «Музеи и галереи» (Подгорица, Черногория). Для проведения раскопочных работ был выбран западный участок навеса площадью 10,5 м^2, частично включающий в себя раскоп 1984–1986 гг. (рис. 1, *А*). При сопоставлении нового разреза рыхлых отложений с ранее выделенными на этом участке слоями возникли литолого-стратиграфические разночтения, поэтому разрез 2017 г. получил собственную стратиграфическую нумерацию. Всего в разрезе было выделено восемь основных литологических подразделений, получивших маркировку A–F, в четырех из них зафиксирован археологический материал (рис. 1, *Б*).

Культуросодержащие слои A–C2 представляют собой щебнисто-дресвянистую толщу с заполнителем порового типа. Границы между слоями проведены по изменению цвета заполнителя и концентрации обломочного материала. Стерильные в археологическом отношении слои D–F сложены супесью, слоистыми и не слоистыми песками с включением мелких обломков аллювиального галечного материала и хорошо отмытого крупнозернистого песка.

Археологический материал зафиксирован в четырех литологических подразделениях щебнисто-дресвянистой пачки отложений. Первый уровень находок связан с коричнево-серыми щебнисто-дресвянистыми отложениями слоя A, при этом наиболее высокая концентрация находок зафиксирована в подошве слоя. На большей части раскопа этот слой был вскрыт во время первого этапа исследования и в настоящее время сохранился только на трех квадратах: Q-19, N-21 и O-23. Общее количество находок на этой площади составило 174 экз., из них 142 каменных артефакта и 32 фрагмента костей. Присутствие в составе инвентаря микроострия на пластинке, углового резца на медиальном фрагменте массивной пластины, пластинки с притупленным краем и пластинки с нерегулярной ретушью (рис. 2, *2*), а также значительная доля пластин и пластинок среди находок (23,9 % от общего количества), указывают на принадлежность этих материалов, скорее всего, финальному этапу палеолита.

Слой B1, представленный однородной дресвянистой толщей, практически без мелкозерни-

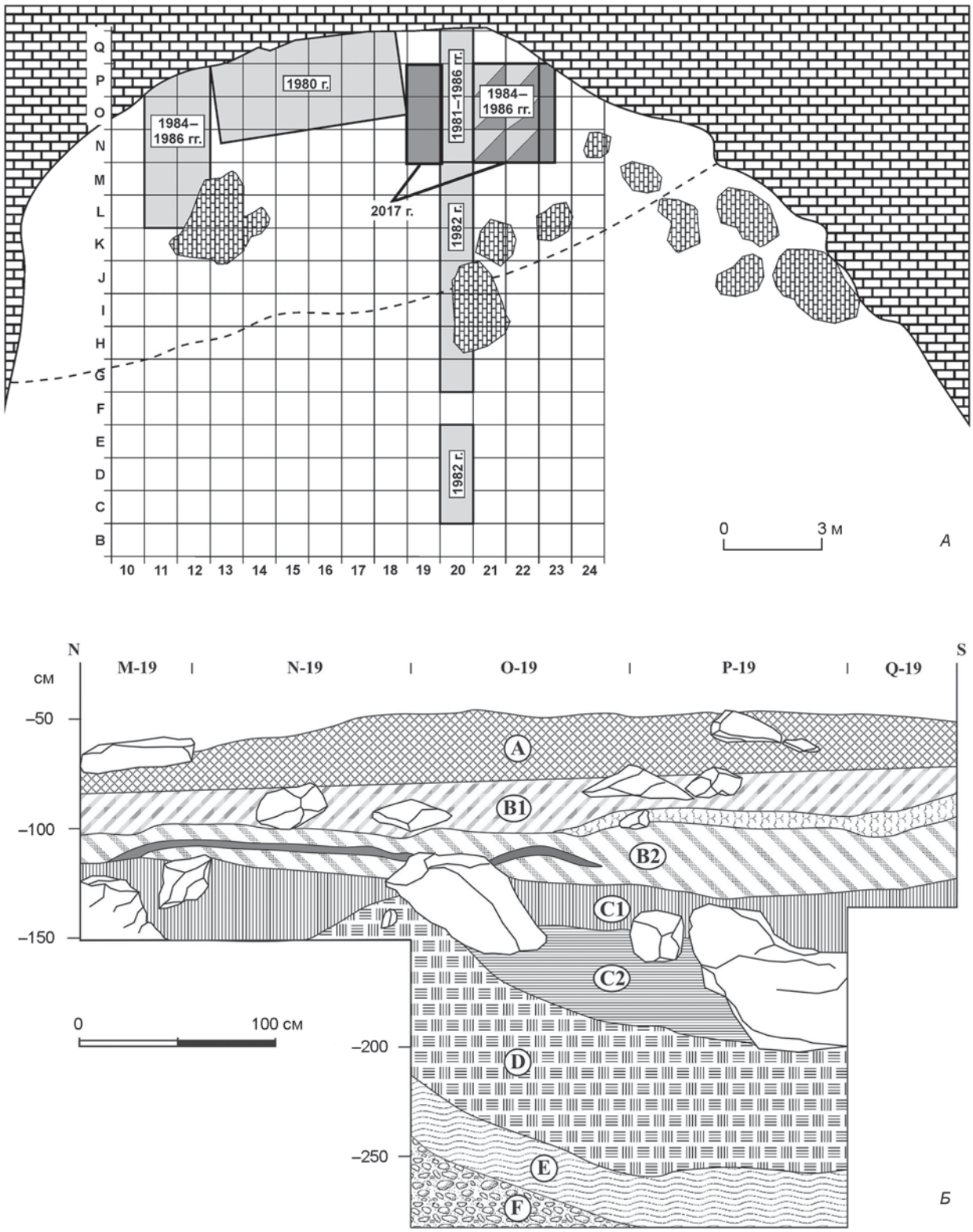

Рис. 1. План скального навеса Малишина Стена с указанием участков археологических работ (*А*) и стратиграфический разрез по восточной стенке раскопа 2017 г. (*Б*).

стого заполнителя, стерилен в археологическом отношении.

Второй наиболее насыщенный уровень находок (ок. 100 артефактов и костей на м^2) связан с щебнисто-дресвянистыми отложениями слоя B2. Внутри слоя находки концентрируются в пределах горизонта мощностью 10 см (от –98 до –107 см). Характерно, что практически все кости и камен-

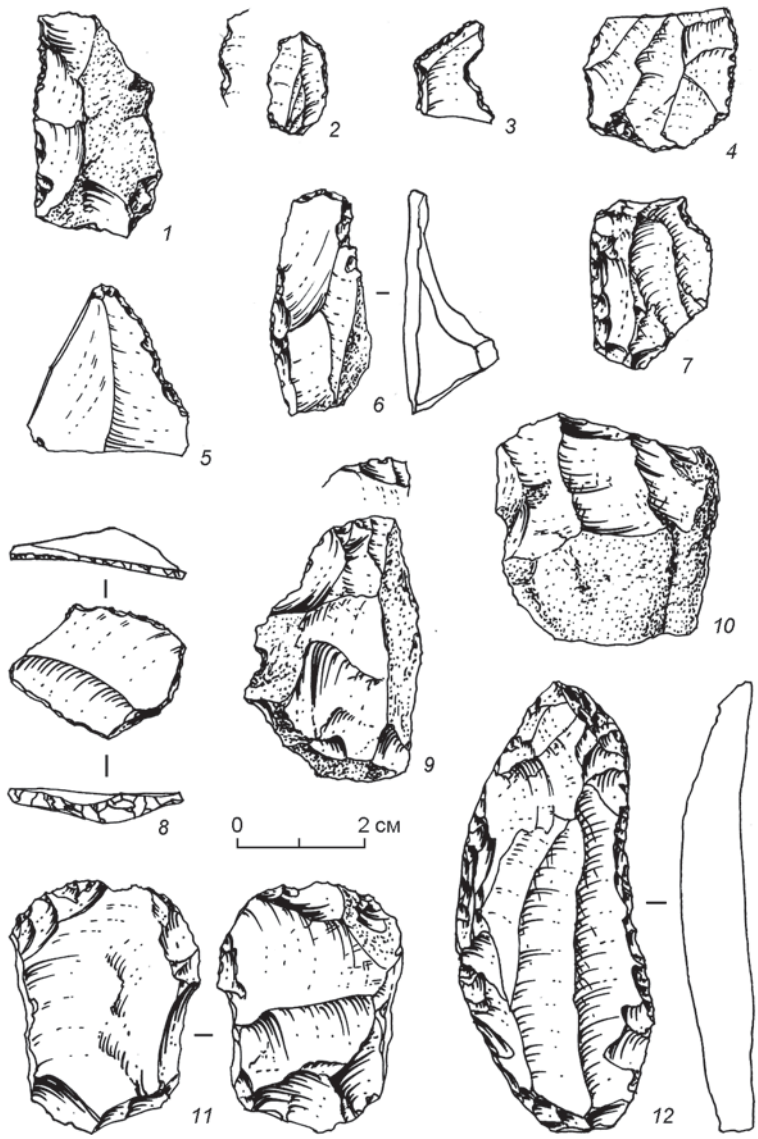

Рис. 2. Каменные артефакты стоянки Малишина Стена.

1, 3, 4, 6, 8, 9, 11 – слой С1; *2* – слой А; *5* – слой С2; *7, 10, 12* – слой В2.

1–5 – сколы с ретушью; *6* – технический скол; *7* – нож; *8* – скол леваллуа; *9* – тронкированно-фасетированное орудие; *10, 11* – нуклеусы; *12* – скребло.

ные артефакты из этого слоя покрыты маломощной карбонатной коркой. Общее количество находок в слое – 1 531 экз., из них каменных артефактов – 1061 экз. и 470 фрагментов костей, из которых 7 экз. со следами резки и использования. Состав каменной индустрии свидетельствует о целенаправленном изготовлении отщепов, доля которых (20,1 % от общего количества изделий) в пять раз превышает долю пластин и пластинок (3,7 %). Особо следует отметить присутствие сколов леваллуа – 4 экз. Среди нуклевидных форм (2,2 %) представлены в основном сильно истощенные радиальные и дисковидные нуклеусы, а также одноплощадочные монофронтальные ядрища (рис. 2, *10*) и одна преформа леваллуазского нуклеуса для отщепов. Орудийный набор, помимо множества отщепов и пластин с нерегулярной ретушью, содержит два продольных прямых дорсальных скребла (рис. 2, *12*), скребло *déjeté*, диагональное прямое дорсальное скребло, два ножа с обушком (рис. 2, *7*), скребок высокой формы, скол леваллуа с ретушью, остроконечник и пластинку с ретушью, два зубчато-выемчатых орудия. В целом коллекция этого слоя содержит как среднепалеолитические, так и верхнепалеолитические формы. Для более четкой культурно-хронологической атрибуции материалов этого слоя необходимы дополнительные исследования.

Третий уровень находок приурочен к супесчаным и щебнистым отложениям слоя С1. Следует отметить, что, в отличие от острогранного обломочного материала из слоев В1 и В2, в этом слое редкие мелкие глыбы известняка залегают субгоризонтально, имеют заглаженные ребра, вершины и грани, что указывает, видимо, на их длительное экспонирование. Немногочисленный археологический материал в ряде случаев прислонен к крупным обломкам, что предполагает его возможное переотложение из слоя В2. Однако карбонатная корка на этих находках отсутствует. Общее количество предметов в коллекции составляет 325 экз., из них 245 каменных артефактов и 80 фрагментов костей, в т.ч. 11 со следами резки и использования. Для этой индустрии характерна незначительная доля пластин (3,3 %), почти в пять раз уступающая доле отщепов (14,3 %), а также присутствие сколов леваллуа – 5 экз. (рис. 2, *8*). Среди нуклеусов представлены разнообразные формы – поперечный, двухплощадочный монофронтальный встречного скалывания, дисковидный монофронтальный (рис. 2, *11*), дисковидный бифронтальный, ортогональный. В составе орудий, помимо отщепов и пластин с нерегулярной ретушью (рис. 2, *1, 3, 4, 6*), присутствуют тронкированно-фасетированное изделие (рис. 2, *9*), скребок с лезвием на площадке и нож с естественным обушком. По основным технико-типологическим характеристикам эта индустрия в целом близка материалам из слоя В2.

Единичные находки, приуроченные к крупным (до 1 м) глыбам известняка, были обнаружены также в глыбово-щебнистых с супесчаным заполнителем отложениях слоя С2. Этот уровень находок выделен условно, т.к. они, скорее всего, были перемещены из вышележащих отложений. В состав коллекции входят 85 предметов – 52 каменных артефакта и 33 фрагмента костей, из них 6 со следами резки и использования. Доля отщепов (11,5 %) в три раза превышает долю пластин и пластинок (3,8 %). Среди изделий представлены сработанный одноплощадочный монофронтальный нуклеус на плитке, скребло *déjeté*, нож, угловой и плоский резцы, два фрагмента сколов с ретушью.

Полученные в результате раскопок 2017 г. археологические материалы (1 500 экз.) в целом подтвердили наличие на стоянке индустриальных комплексов среднего и верхнего палеолита. При этом наиболее многочисленные и показательные индустрии из слоев В2 и С1 могут рассматриваться как симбиотические, включающие компоненты двух палеолитических эпох. Дальнейшее продолжение раскопочных работ на стоянке Малишина Стена предполагает детальное изучение культурных процессов перехода от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Адриатике.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Hedges R.E.M., Housley R.A., Brouk C.R., Van Klinken G.J. Radiocarbon dates from Oxford AMS System: archaeometry datalist 11 // Archaeometry. – 1990. – N 32 (2). – P. 213–214.

Malez M., Malez V., Paunovic M. Kvartarna fauna Mališine stijene u kanjonu Cehotine (SR Crna Gora) // Naskrs. – 1988. – N 14 (24–25). – P. 109–117.

Radovanovic I. Novija istrazivanja paleolita i mezolita u Cmoj Gori // Glasnik Srpskog arheoloskog drustva. – 1986. – N 3. – P. 63–77.

References

Hedges R.E.M., Housley R.A., Brouk C.R., Van Klinken G.J. Radiocarbon dates from Oxford AMS System: archaeometry datalist 11. *Archaeometry,* 1990, No. 32 (2), pp. 213–214.

Malez M., Malez V., Paunovic M. Kvartarna fauna Mališine stijene u kanjonu Cehotine (SR Crna Gora). *Naskrs,* 1988, No. 14 (24–25), pp. 109–117.

Radovanovic I. Novija istrazivanja paleolita i mezolita u Cmoj Gori. *Glasnik Srpskog arheoloskog drustva,* 1986, No. 3, pp. 63–77.

УДК 903.01

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, М.Б. Козликин, А.Ю. Федорченко, А.М. Чеха, А.В. Шалагина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: kmb777@yandex.ru

Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса в южной галерее Денисовой пещеры

В 2017 г. были возобновлены археологические исследования плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры. В устьевой зоне галереи на линиях квадратов Е и Ж изучены отложения верхней части плейстоценовой толщи, включающие литологические слои 9 и 11. В пределах слоя 11, осадки которого накапливались в первой половине МИС 3, были обнаружены каменные артефакты раннего этапа верхнего палеолита. Первичное расщепление в этой индустрии характеризуют радиальные и подпризматические ядрища. Сколы свидетельствуют об использовании плоскостного параллельного и леваллуазского раскалывания. Для орудийного набора характерно сочетание верхнепалеолитического и среднепалеолитического компонентов. Дальнейшее развитие технологии пластинчатого расщепления отражают археологические материалы из слоя 9, отложения которого накапливались во время последнего крупного оледенения.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, верхний палеолит, плейстоцен, каменные индустрии.*

A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, M.B. Kozlikin, A.Yu. Fedorchenko, A.M. Chekha, A.V. Shalagina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: kmb777@yandex.ru

New Research Findings of the Upper Paleolithic Assemblage from the South Chamber of Denisova Cave

In 2017, archaeological studies of the Pleistocene deposits in the South Chamber of Denisova Cave have been resumed. The deposits constituting the upper part of the Pleistocene strata have been examined at the mouth of the cave on the lines forming grids E and Ж, including lithological layers 9 and 11. Layer 11, containing the deposits accumulated during the first half of MIS 3, has yielded lithic artifacts that can be attributed to the Early Upper Paleolithic. Primary flaking in this industry is characterized by radial and sub-prismatic cores. The analysis of flakes suggests that the parallel and Levallois reduction strategies were employed. The tool assemblage also reveals the combination of the Middle and Upper Paleolithic elements. Archaeological evidence from layer 9, whose deposits were accumulated during the Last Glacial Maximum, reflects further development of blade technology.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Upper Paleolithic, Pleistocene, stone industry.*

В полевом сезоне 2017 г. комплексные исследования плейстоценовых отложений Денисовой пещеры проводились в устьевой зоне южной галереи. К раскопу 1999–2003 гг. [Деревянко и др., 2003] была сделана прирезка на площади квадратов Е, Ж/3–7. После разборки голоценовой толщи (слои 0–8) на этом участке была изучена верхняя часть плейстоценовых отложений, представленная литологическими слоями 9 и 11.

Для отложений нижней части слоя 11 в южной галерее по кости была получена ^{14}C AMS-дата 48 650 +2 380/–1 840 л.н. (KIA 25285 SP 553/D19). Для кровли слоя 11 на контакте со слоем 9 по углю получена ^{14}C AMS-дата 29 200 ± 360 л.н. (AA-35321). Этот возраст хорошо согласуется с результатами абсолютного датирования и данными биостратиграфии для отложений слоя 11 в центральном зале, слоев 11.1 и 11.2 в восточной галерее и

слоя 7 на предвходовой площадке пещеры, формирование которых проходило в первой половине каргинского времени (МИС 3). Отложения слоя 9 в южной галерее, судя по данным биостратиграфии осадков ближайшего разреза в центральном зале пещеры, формировались в период сартанского оледенения (МИС 3) [Природная среда..., 2003; Козликин, 2017].

Коллекция каменных артефактов из слоя 11 насчитывает 1 658 экз.

Типологически выраженные ядрища представлены пятью экземплярами. Радиальное раскалывание характеризуют два сработанных нуклеуса округлой в плане формы с расщеплением по всему периметру. Одним экземпляром представлено ядрище типа комбева – крупный массивный подтреугольный скол с негативом глубокого вентрального снятия (рис. 1, *11*). Объемное расщепление характеризует нуклеус подтреугольной в плане формы на отдельности галечного сырья. Ударная площадка прямая, подготовлена серией крупных снятий. Дуга скалывания занимает половину периметра ударной площадки.

Отдельного внимания в коллекции заслуживает конусовидное ядрище для получения пластинок и микропластин (рис. 1, *12*). В качестве заготовки для изделия был использован крупный массивный

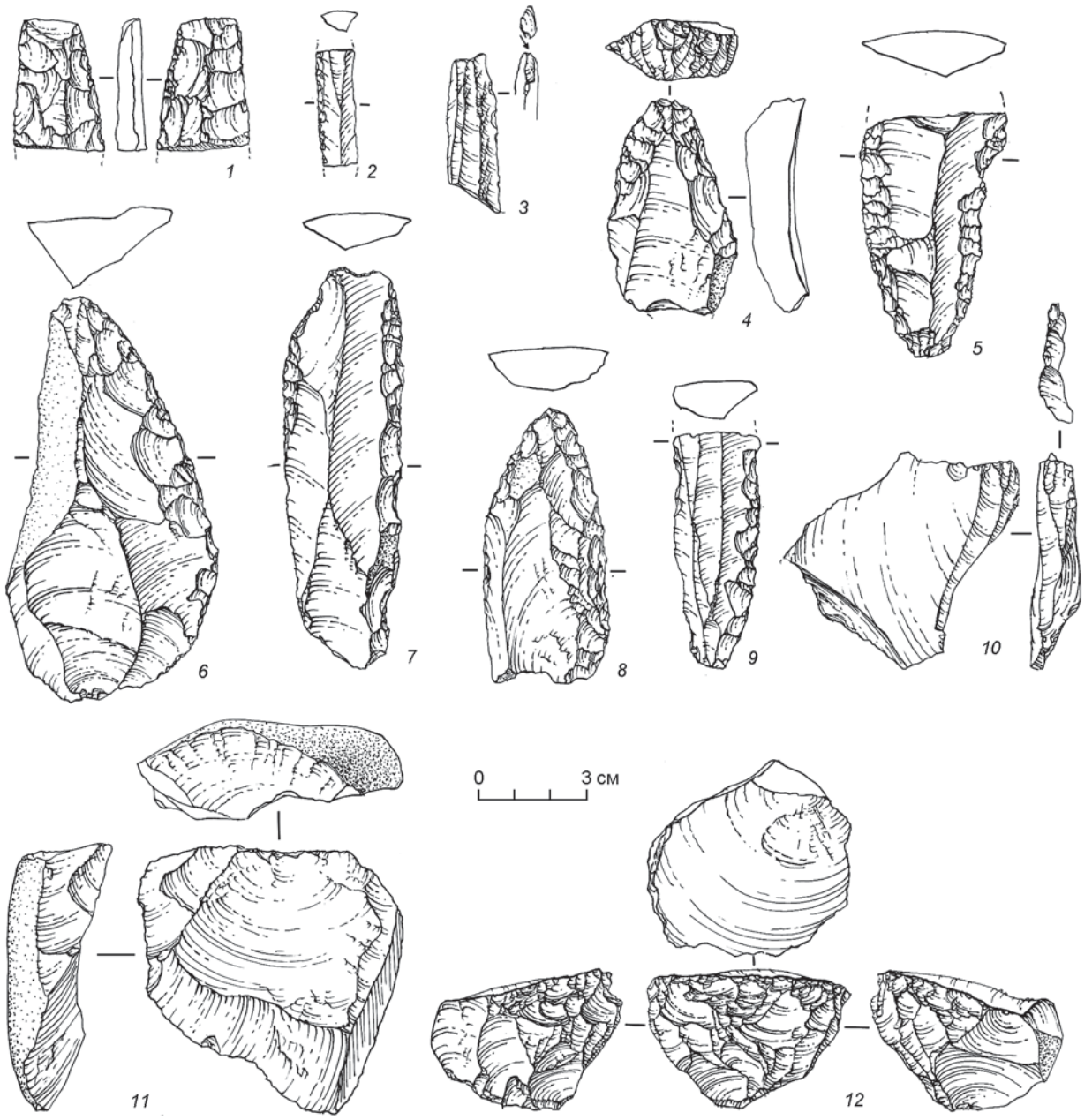

Рис. 1. Каменная индустрия из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры (художник Н.В. Вавилина).
1 – бифас; *2* – пластинка с ретушью; *3, 10* – резцы; *4* – скребок; *5, 7, 9* – ретушированные пластины; *6, 8* – скребла; *11, 12* – нуклеусы.

отщеп. Округлая в плане ударная площадка гладкая и ровная, она представляет собой вентральную поверхность скола-заготовки. Почти по всему периметру фронта ядрище несет негативы мелких сколов, из которых более ранние были мелко- и микропластинчатыми с закрученным и искривленным профилем. Негативы более поздних снятий – короткие, закончились заломами.

Дополняют коллекцию нуклевидных форм 13 нуклевидных обломков в виде крупных угловатых отдельностей галечного сырья с негативами бессистемных снятий.

Отщепов в коллекции 928 экз., преимущественно мелкого размера (63 %). Для изделий среднего и крупного размера характерны гладкая (68 %) или естественная (21 %), реже двугранная или фасетированная (по 4 %) остаточная ударная площадка. Сколы с другими типами площадки единичны. Редкие экземпляры (13 %) имеют подправку карниза остаточной ударной площадки с помощью прямой или обратной редукции. Распределение отщепов по типу дорсальной огранки следующее: с продольной однонаправленной – 38 %, с ортогональной – 15 %, с продольной бинаправленной – 14 %. Доля сколов с естественной или гладкой дорсальной стороной составляет 17 и 16 % соответственно.

Небольшой серией (35 экз.) представлены пластины. Для сколов этого типа характерна гладкая, реже фасетированная или линейная остаточная ударная площадка. В ряде случаев остаточная ударная площадка несет следы подправки карниза прямым (4 экз.) или обратным (3 экз.) редуцированием. Дорсальная огранка пластин продольная одно- или бинаправленная, единичные изделия имеют ортогональную огранку или гладкую дорсальную сторону. В коллекции также имеется пять пластинок с точечной остаточной ударной площадкой и продольной параллельной дорсальной огранкой.

Отходы производства включают 13 колотых галек и валунов, 537 обломков и осколков, 35 чешуек.

Разнообразным и представительным в коллекции слоя 11 является орудийный набор, насчитывающий 87 экз.

Атипичные леваллуазские острия (5 экз.) представляют собой изделия подтреугольной формы с округлым дистальным окончанием. Дорсальная огранка в целом Y-образная с негативами дистальной и латеральной подправки. Остаточная ударная площадка выпуклая в плане, полностью или наполовину фасетированная.

Среди ярких орудийных форм следует отметить проксимальный фрагмент удлиненного листовидного бифаса, полностью покрытого негативами встречных параллельных сколов (рис. 1, *1*).

Большим разнообразием отличаются скребла (16 экз.) – продольные выпуклые (5 экз.) и прямое; двойное продольное прямое; диагональные выпуклые (3 экз.) (рис. 1, *6*) и прямое; конвергентные (3 экз.) (рис. 1, *8*); поперечные выпуклые (2 экз.). Заготовками для скребел служили крупные отщепы, как правило, короткие, реже удлиненные или укороченные. Для оформления скребел чаще всего использовалась дорсальная краевая или захватывающая крутая или полукрутая субпараллельная крупнофасеточная средне- или сильномодифицирующая ретушь.

Скребки (2 экз.) – один концевой, на медиально-дистальном фрагменте крупного скола. Лезвие подготовлено высокой сильномодифицирующей отвесной ретушью, придающей изделию стрельчатое окончание (рис. 1, *4*). Другой скребок – угловой на среднем коротком отщепе. Округлое лезвие оформлено на углу между дистальным и продольным краем заготовки дорсальной крутой ретушью.

Угловые многофасеточные резцы (2 экз.) изготовлены на фрагментах пластины (рис. 1, *3*) и крупного скола (рис. 1, *10*). Резцовые сколы сняты с подготовленной при помощи ретуши ударной площадки.

Зубчатые орудия представлены двумя изделиями с продольным выпуклым дорсальным лезвием и одним экземпляром с обработкой на ¾ периметра. Заготовками для орудий служили крупные короткие сколы. Рабочий край оформлялся крутой среднемодифицирующей ретушью.

Выемчатые орудия (3 экз.) оформлены ретушированным анкошем на продольном или поперечном крае заготовок, которыми служили фрагмент пластины и крупные короткие отщепы.

Ретушированные пластины (3 экз.) представлены проксимально-медиальным фрагментом с интенсивной обработкой продольных краев дорсальной параллельной сильномодифицирующей ретушью (рис. 1, *5*) и двумя целыми изделиями с аналогичной обработкой по одному краю (рис. 1, *7, 9*).

Тронкированно-фасетированные изделия (2 экз.) представляют собой крупные сколы с усеченным ретушью проксимальным краем. С подготовленной таким образом площадки на дорсальную сторону заготовки было сделано несколько мелких снятий.

Дополняют коллекцию инвентаря отщепы (30 экз.), пластины (7 экз.) и пластинка (рис. 1, *2*) с эпизодической ретушью, а также неопределимые фрагменты орудий (13 экз.).

Вместе с каменной индустрией в слое 11 были найдены разнообразные украшения (16 экз.): браслет, подвески с кольцевой нарезкой и сверленными

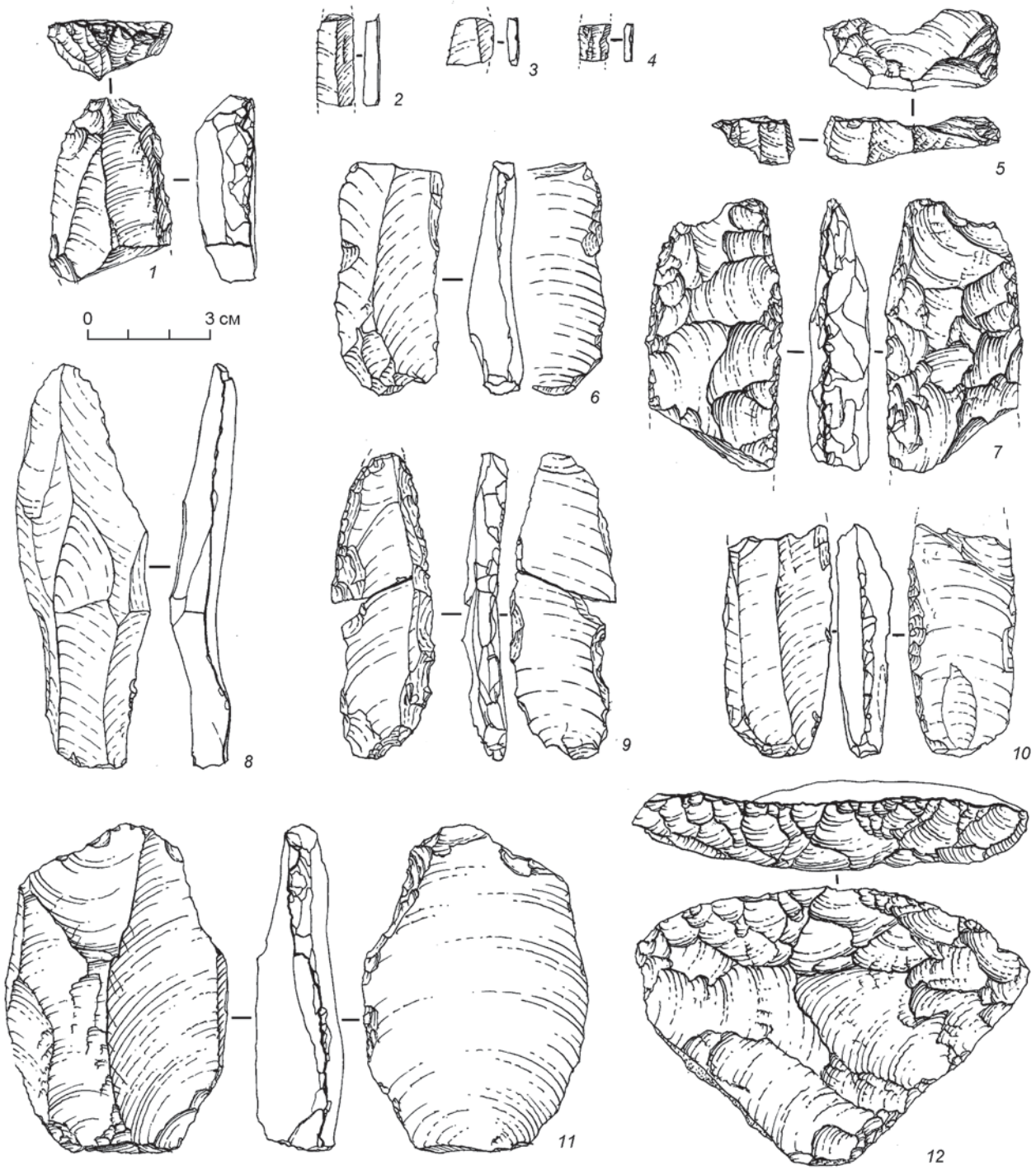

Рис. 2. Каменная индустрия из слоя 9 в южной галерее Денисовой пещеры (художники Н.В. Вавилина и О.В. Тупицына).

1 – скребок; *2–4* пластинки; *5* – технический скол; *6–10* – пластины с ретушью; *7* – бифас; *8* – пластина; *9* – ретушированная пластина; *11* – выемчатое орудие; *12* – скребло.

отверстиями, пронизки и фрагмент кости с орнаментом. Для изготовления украшений использовались разнообразные материалы – бивень мамонта, зубы и трубчатые кости животных, раковины моллюсков и мягкий поделочный камень.

В пределах слоя 9 обнаружено 510 каменных артефактов.

В числе нуклевидных форм три нуклеуса и семь нуклевидных обломков. Одно из ядрищ – одноплощадочное, монофронтальное, параллельное, плоскостное, оформлено на крупной гальке. Ударная площадка подготовлена несколькими крупными снятиями. Другое ядрище – радиальное, бифронтальное. Расщепление осуществлялось по всему

периметру изделия от ребра без подготовки ударной площадки. Третий нуклеус – торцовый, на отдельности гальки. Ударная площадка и латерали гладкие, узкий фронт несет негативы мелких коротких снятий.

Среди продуктов расщепления имеется технический скол подправки края ударной площадки нуклеуса для получения пластинок/микропластин (рис. 2, *5*).

Отщепы (210 экз.) представлены заготовками в основном средних и крупных размеров с гладкой, реже линейной, точечной или фасетированной остаточной ударной площадкой, в ряде случаев с прямой редукцией карниза. Дорсальная огранка отщепов преимущественно продольная, однонаправленная, реже ортогональная. Распространены экземпляры с гладкой или естественной дорсальной стороной.

Пластины (24 экз.) – сколы с гладкой остаточной ударной площадкой и продольной одно-, реже бинаправленной огранкой (рис. 2, *8*). В коллекции присутствуют также пластинки (5 экз.) (рис. 2, *2–4*) и микропластина.

Категория отходов производства включает пять колотых валунов, 242 обломка и осколка, восемь чешуек.

В составе орудий (28 экз.) наиболее яркими формами являются фрагмент удлиненного листовидного бифаса (рис. 2, *7*) и концевой скребок высокой формы на пластине (рис. 2, *1*). Скребла (2 экз.) представлены дорсальными вариантами с выпуклым (рис. 2, *12*) и прямым лезвиями, оформлены на крупных укороченных отщепах. Ретушированная пластина состоит из двух фрагментов (рис. 2, *9*). Выемчатое орудие оформлено сильномодифицирующей вентральной ретушью на продольном крае крупного короткого отщепа (рис. 2, *11*). Дополняют орудийный набор отщепы (12 экз.) и пластины (9 экз.) (рис. 2, *6, 10*) с эпизодической ретушью, а также неопределимый фрагмент орудия.

Материалы раскопочных работ 2017 г. показали, что для палеолитического комплекса раннего этапа верхнего палеолита из отложений слоя 11 характерно сочетание ярких форм верхнепалеолитических орудий (концевые скребки, резцы, ретушированные пластины) и среднепалеолитического компонента (скребла, леваллуазские острия и пластины). Каменная индустрия слоя 9 демонстрирует дальнейшее развитие верхнепалеолитических традиций, выраженное в широком использовании пластинчатых заготовок в качестве орудийных форм и в развитии мелко- и микропластинчатой технологии.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Черников И.С., Колобова К.А. Новые результаты исследований среднепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. 1. – С. 112–116.

Козликин М.Б. Палеолитические комплексы восточной галереи Денисовой пещеры: автореф. дис.…канд. ист. наук. – Новосибирск, 2017. – 28 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

References

Derevyanko A.P., Shunkov M.V., Ulianov V.A., Chernikov I.S., Kolobova K.A. Novye rezul'taty issledovanii srednepaleoliticheskogo kompleksa Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, vol. IX, pt. 1, pp. 112–116 (in Russ.).

Kozlikin M.B. Paleoliticheskie kompleksy vostochnoi galerei Denisovoi peshchery: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2017, 28 p. (in Russ.).

Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadzhanyan, G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Ulianov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoikin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ.).

УДК 902/904

Д.Н. Дроздов[1] , Н.И. Дроздов[1] , В.И. Макулов[1],
Ван Вэй[2], Гао Лэй[2] , Цюань Цянькунь[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Чунцинский институт культурного наследия, Китай
[3]Сибирский федеральный университет
E-mail: klapss80@mail.ru

Исследования в Куртакском геоархеологическом районе. Местонахождение Каменный Лог

В статье представлены результаты, полученные в ходе исследования многослойного геоархеологического объекта Каменный Лог Российско-китайской археологической экспедицией по договору, заключенному между Институтом археологии и этнографии СО РАН и Чунцинским институтом культурного наследия. Во время работ в 2017 г. изучался уступ 12-метрового склона в береговой линии Красноярского водохранилища между двумя логами – Каменным и Сухим. В береговой зачистке на площади 8 м² были вскрыты отложения, представленные 14 подразделениями региональной (местной) стратиграфической схемы, а также уточнены условия залегания археологических материалов. В ходе работ были найдены немногочисленные артефакты в четкой стратиграфической ситуации. Первый культуросодержащий слой фиксируется в трифоновских отложениях (сартанское холодное время) на глубине 0,70–0,85 м от дневной поверхности. Второй культуросодержащий слой обнаружен в куртакской толще плотных лессовидных суглинков, что соответствует каргинскому педокомплексу. Археологический материал найден на глубине 1,2 м от дневной поверхности. Работы на местонахождении будут продолжены.

Ключевые слова: *Красноярское водохранилище, Каменный Лог, местная стратиграфическая схема, культуросодержащие слои.*

D.N. Drozdov[1], N.I. Drozdov[1], V.I. Makulov[1],
Wang Wei[2], Gao Lei[2], Quan Qiankun[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Chongqing Cultural Heritage Research Institute, China
[3]Siberian Federal University
E-mail: klapss80@mail.ru

Research in the Kurtak Geo-Archaeological District in 2017. Kamenny Log Locality

In the article presents the results of research of the multilayer Kurtak geo-archaeological district, carried out by the Russian-Chinese archeological expedition in accordance with the agreement concluded between the Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS and the Chongqing Cultural Heritage Research Institute. The ledge of the 12 m slope to the water line of the Krasnoyarsk Reservoir was studied in 2017 between the Kamenny and Sukhoy ravines. The ledge is located at the distance of 5 km from the village of Kurtak. The coastal deposits represented by 14 subdivisions of the local stratigraphic scheme were unearthed in the area of 8 m^{2}. The occurrence of archaeological materials has been clarified. The excavation revealed scanty artifacts in a clear stratigraphic sequence. The first culture-bearing layer was found in the Trifonovsky sediments associated with the Sartanian cold period at the depth of 0.70–0.85 m, and contained few artifacts. The second culture-bearing layer was discovered in the Kurtak strata of dense loess loam which corresponds to the Karginsky subcomplex. The archaeological materials were found at the depth of 1.2 m from the daylight surface. The archaeological works will be continued at the site.

Keywords**:** *Krasnoyarsk Reservoir, Kamenny log, local stratigraphic scheme, culture-bearing layers.*

Участниками Российско-китайской археологической экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН и Чунцинским институтом культурного наследия в 2017 г. были проведены исследования в Куртакском геоархеологическом районе в зоне береговой абразии Красноярского водохранилища в Новоселовском р-не.

Куртакский геоархеологический район географически расположен в Северо-Минусинской котловине в центральной части Средней Сибири в 20-километровой береговой зоне водохранилища в долине р. Енисей.

На берегах водохранилища в разные годы конца XX столетия была обнаружена целая серия местонахождений разных периодов палеолита. Все местонахождения приурочены к древним логам, которые сохранили очертания плейстоценового рельефа [Дроздов и др., 1990].

В местной стратиграфической схеме Куртакского геоархеологического района выделены все подразделения верхнего плиоцена, нижнего, среднего, верхнего плейстоцена, а также целый ряд более мелких стратиграфических единиц. Верхнеплейстоценовые отложения объединены в куртакскую стратиграфическую серию мощностью до 25 м [Археология…, 1992; Дроздов и др., 2007].

Необходимость новых работ была обусловлена периодическими разрушениями береговых уступов, когда из толщи рыхлых геологических пород вымываются артефакты эпохи палеолита. В 2017 г. был изучен новый разрез и собран подъемный материал.

Местонахождение Каменный Лог находится на левом берегу водохранилища в 5 км выше пос. Куртак, между Каменным и Сухим логами.

В 12,5-метровом береговом уступе была заложена зачистка размерами 3 × 2 м, при ее углублении раскапываемая площадь составила 8 м².

При вскрытии 4-метровой толщи рыхлых отложений были найдены в разных хроностратиграфических положениях артефакты и выделено 14 стратиграфических разделов, объединенных в 7 хронологических пачек.

Стратиграфия зачистки (рис. 1):

1. Почвенно-растительный горизонт – 0,2 м.

2. Лессовидные супеси. В кровле и подошве лессов имеются псевдоморфозы по жильным льдам. Эта пачка лессов относится к сартанскому ледниковому горизонту (трифоновские слои) мощностью до 1 м.

3. Супеси серые, серовато-коричневатые, в верхней части легкие, пылеватые, в подошве толщи коричневые плотные. Ископаемая почва куртакского почвенного комплекса, представленная сочетанием суглинков черных, черно-серых, буровато-серых, серых с белесым оттенком. Нижняя граница нечеткая, имеет затечный характер и разбита мелкими трещинами мерзлотных текстур. Мощность толщи до 1 м.

4. Супеси глинистые, светло-коричневые, серые, неяснослоистые, пропитанные окислами железа. Выделяются отдельные участки с морозобойными трещинами. Отмечаются мелкие карбонатные конкреции. Чанинская толща отложений не имеет четких границ как с куртакским педокомплексом сверху, так и сухоложским внизу разреза. Мощность отложений 0,8 м.

5. Суглинки коричневые, темно-коричневые, бурые, до черных с древесными угольками и мелкой

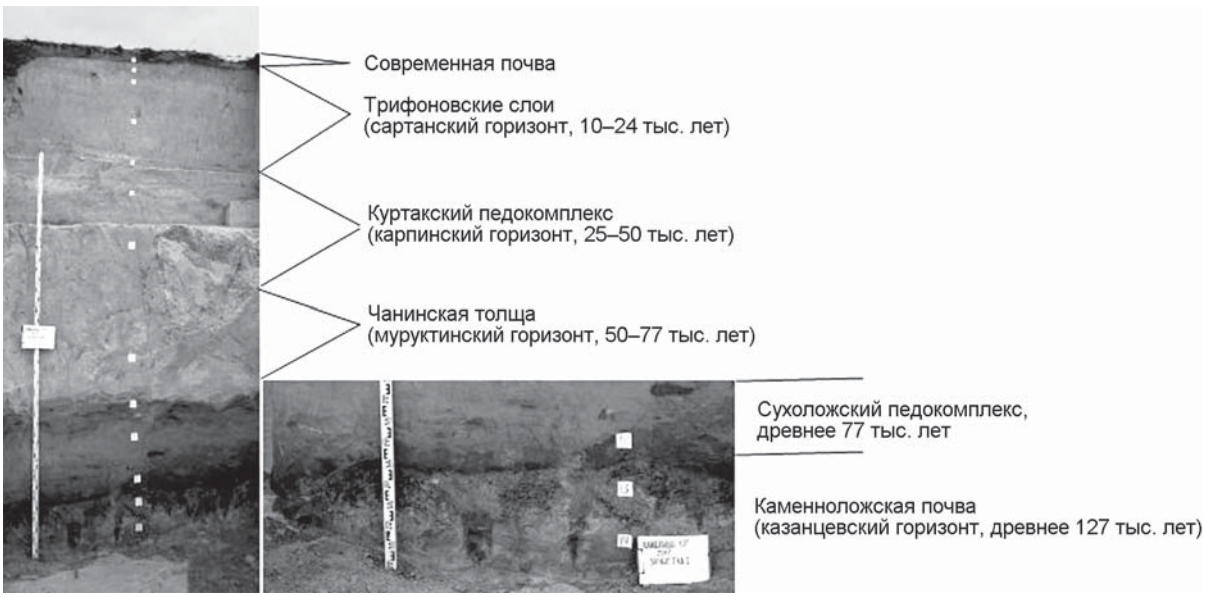

Рис. 1. Местонахождение Каменный Лог. Стратиграфический разрез.

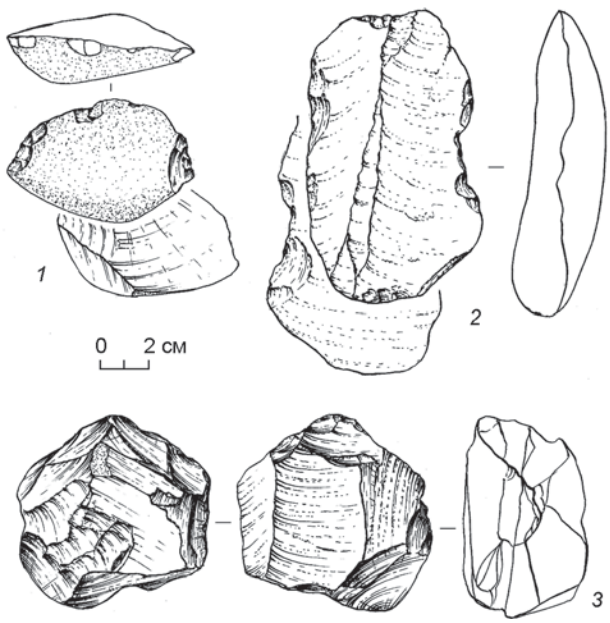

Рис. 2. Каменный инвентарь из местонахождения Каменный Лог.
1 – отщеп с ретушью; *2* – коррадированная пластина с ретушью; *3* – нуклеус.

галькой. Отмечаются солифлюкционные текстуры с морозобойными трещинами и карбонатными стяжками. Вся толща отложений представляет сухоложский педокомплекс. Мощность отложений 0,3–0,5 м.

6. Гумусный горизонт каменноложской почвы. В верхней части горизонт расслоен. Ниже представляет хорошо сохранившееся почвенное образование с ясно диагностируемыми генетическими горизонтами А – Вк – Ск. Имеются морозобойные нарушения почвы. По морозобойным трещинам были сформированы типичные грунтовые жилы с гумусовым заполнением. Нижние части жил имеют расщепление типа «конского хвоста». В составе гумуса имеются прослойки и вкрапления древесного угля. Мощность отложений почвы 0,5–0,6 м.

7. Разрушенный цоколь с выветренными песчаниками карбона серых и зеленоватых цветов.

В четкой стратиграфической ситуации были найдены артефакты в трифоновской толще лессовидных супесей. Крупный галечный отщеп со скребковой ретушью (рис. 2, *1*), 38 экземпляров чешуек из светлого кварцита и кремня размерами 1,5 до 0,5 см, 6 отщепов, один имеет краевую рабочую ретушь и 10 галечных сколов. Предполагаемый возраст находок – 24 тыс. лет.

В толще куртакского педокомплекса обнаружены двухплощадочный нуклеус (рис. 2, *3*), отщепы – 15 экз., микропластинки – 2 экз. и 47 экземпляров битой гальки белого кварцита и кремнистой горной породы. Возраст находок, согласно геологическим отложениям в пределах 30 тыс. лет.

Достоверного диагностического каменного материала не найдено, определить культурно-хронологическую принадлежность невозможно.

Внизу расчистки найдены древние артефакты со следами сильной корразии: крупная пластина с ретушью (рис. 2, *2*), дисковидный нуклеус, два крупных скребла. Все артефакты принадлежат к раннему комплексу, который фиксируется в разрезе ниже каменноложской почвы на пестроцветной толще коренных пород. Работы на местонахождении будут продолжены.

Список литературы

Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). Путеводитель Международного симпозиума. – Красноярск: Зодиак, 1992. – 130 с.

Дроздов Н.И., Артемьев Е.В., Макулов В.И., Чеха В.П., Дроздов Д.Н. Куртакский археологический район – выдающийся естественно-археологический объект в Средней Сибири // РА. – 2007. – № 4. – С. 32–34.

Дроздов Н.И., Лаухин С.А., Чеха В.П., Кольцова В.Г., Бокарев А.А., Викулов А.А. Куртакский археологический район. Геология и археология Трифоновского и Куртакского участков. – Красноярск: Сибирь, 1990. – Вып. 1. – 88 с.

References

Arkheologiya, geologiya i paleogeografiya paleoliticheskikh pamyatnikov yuga Srednei Sibiri (Severo-Minusinskaya vpadina, Kuznetskii Alatau i Vostochnyi Sayan). Putevoditel Mezhdunarodnogo simpoziuma. Krasnoyarsk: Zodiak, 1992, 130 p. (in Russ.).

Drozdov N.I., Artemev E.V., Makulov V.I., Chekha V.P., Drozdov D.N. Kurtakskii arkheologicheskii raion – vydayushchiisya estestvenno-arkheologicheskii ob'ekt v Srednei Sibiri. *Rossiiskaya arkheologiya*, 2007. No. 4, pp. 32–34 (in Russ.).

Drozdov N.I., Laukhin S.A., Chekha V.P., Koltsova V.G., Bokarev A.A., Vikulov A.A. Kurtakskii arkheologicheskii raion. Geologiya i arkheologiya Trifonovskogo i Kurtakskogo uchastkov. Krasnoyarsk: Sibir, 1990, iss.1, 88 p. (in Russ.).

УДК 902/904

Н.И. Дроздов[1], В.И. Макулов[1], Д.Н. Дроздов[1], Сюй Цзинь[3], Цюань Цянькунь[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Сибирский федеральный университет
[3]Чунцинский институт культурного наследия, Китай
E-mail: klapss80@mail.ru

Археологические исследования на юге Республики Хакасии

В результате разведочных работ, проведенных в 2017 г. в долине рек Сос и Большой Монок – правых притоков р. Абакан на юге Республики Хакасии, в окрестностях населенных пунктов Усть-Сос и Большой Монок были обнаружены несколько новых палеолитических местонахождений. Археологический материал представлен каменным инвентарем и зафиксирован в обнажениях песчаных выдувов на поверхности и по склону террасы правого берега р. Абакан. Коллекция представлена подпризматическими нуклеусами, заготовками нуклеусов, скребловидно-ножевидными орудиями на пластинах и сколах, пластинами и сколами без подработки. На некоторых изделиях поверхность имеет карбонатную корку. Типологически материал предварительно может быть отнесен к позднему палеолиту.

Ключевые слова: *р. Абакан, Усть-Сос, Большой Монок, г. Красный камень, песчаные выдувы, поздний палеолит, наскальные рисунки.*

N.I. Drozdov[1], V.I. Makulov[1], D.N. Drozdov[1], Xu Jin[3], Quan Qiankun[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Siberian Federal University
[3]Chongqing Cultural Heritage Research Institute, China
E-mail: klapss80@mail.ru

Archaeological Research in the South of Khakassia

Exploration survey conducted in 2017 in the valleys of the rivers Sos and Bolshoy Monok, the right bank tributaries of the Abakan river, in the vicinity of the villages of Ust-Sos and Bolshoy Monok in the south of Khakassia, resulted in the discovery of several new Paleolithic sites. The archeological material consists of stone inventory; it was discovered in the outcrops of sand blowouts, on the surface, and along the slope of the right bank of the Abakan river. The collection consists of subprismatic cores, core blanks, scraper-shaped and knife-shaped tools made on blades and flakes, as well as unretouched blades and flakes. The carbonaceous crust is present on the surface of some tools. Typologically, the materials can be dated to the Late Paleolithic.

Keywords: *Abakan river, Ust-Sos, Bolshoy Monok, Krasny Kamen, sand blowouts, Late Paleolithic.*

В августе–сентябре 2017 г. Красноярским отрядом ИАЭТ СО РАН совместно с сотрудниками Чунцинского института культурного наследия (г. Чунцин, КНР) были проведены комплексные археологические исследования в долинах рек Сос и Большой Монок – правых притоков р. Абакан в Бейском р-не Республики Хакасия. Целью исследований являлось выявление и обследование объектов археологического наследия, определение их временной принадлежности и перспектив проведения дальнейших стационарных археологических раскопок. Особое внимание при этом уделялось выявлению памятников каменного века и палеолита, в частности.

Река Абакан, выйдя из горно-таежной зоны Западного Саяна, протекает в исследованном районе в пределах приграничной степной зоны Южно-Минусинской впадины, выполненной осадочными породами пермской и каменноугольной систем (верхний палеозой). Река здесь интенсивно меандрирует,

изобилует островами, имеет обширную (до 1–3 км) пойму и достаточно хорошо выраженный комплекс надпойменных террас (I и II террасы высотой до 15–20 м). Последние отмечаются и по его правым притокам – рекам Сос и Большой Монок.

Небольшая река Сос берет начало на северных склонах гор Западного Саяна, в среднем и нижнем течении протекает по небольшой межгорной котловине. С севера, востока и юга котловина обрамлена возвышенностями, а с запада – р. Абакан. Долина р. Сос относительно ровная, заболочена, значительная ее часть выстлана речным галечником. В различных частях поймы р. Абакан и в долине р. Сос расположены крупные курганные и грунтовые могильники эпохи палеометалла и железного века.

К водораздельным поверхностям от террасового комплекса по склонам долин выделяются хорошо выраженные делювиальные шлейфы. Имеются педипленизированные участки. Поверхности сложены, как и в целом во впадине, коренными породами: песчаниками, алевролитами перми и карбона, а также покровными образованиями – песками, супесями, видимой мощностью до 3–5 м и более. Очевидно, это своеобразная кора выветривания по коренным породам. Абсолютная высота поверхностей 500–550 м (в отдельных случаях до 600 м).

Рельеф водораздельных поверхностей бугристо-западинный, грядово-ложбинный. Глубина ложбин до 5–10 м, ширина – до 10 м и более. Относительная высота поверхностей до первых десятков метров. Простирание ложбин и гряд юго-восточное и восточное. По указанным признакам на водораздельных поверхностях наблюдается рельеф, сформированный за счет дефляционных процессов (учитывая преобладающее в регионе направление ветров). Образование выдувов было спровоцировано неправильной распашкой земель в середине прошлого века, в процессе которой был разрушен тонкий почвенный слой.

Покровные образования изучены по склонам ложбин между населенными пунктами Усть-Сос и Бондарево и включают, помимо современной почвы, островки хорошо выраженной черноземовидной палеопочвы, отмеченной на глубине 0,5–0,6 м от дневной поверхности, вероятно, относящейся к атлантическому периоду голоцена.

Местонахождение Усть-Сос. Местонахождение обнаружено в верхней точке водораздельной поверхности и на западном ее склоне между населенными пунктами Усть-Сос и Бондарево. Археологический материал собран на днищах и склонах западин и ложбин, образованных мощными выдувами. Окружающая поверхность слабо задернована, во многих местах отмечаются небольшие западины образующихся или уже задернованных выдувов. В 300–400 м западнее выдувов находится лесной массив.

Археологический материал обнаружен на поверхности песчаных выдувов, в виде небольших скоплений каменного инвентаря и представлен: крупными одноплощадочными подпризматическими нуклеусами, заготовками нуклеусов, сколами различных форм и размеров, пластинами (часть из них имеет следы подработки), колотыми галькаами. Орудийный набор представлен плоскими скребловидно-ножевидными орудиями, выполненными на пластинах подпрямоугольной формы, с рабочим краем на концах (3 экз.). Крупный скол подтреугольной формы, с ножевидно-скребловидным овальным рабочим краем, который оформлен мелкофасеточной приостряющей ретушью. На некоторых изделиях имеется карбонатная корка. Археологический материал переотложен. Сырьем служили галечники с пойм рек Абакан и Сос, кремень, гранитоиды.

Культурный слой в обнажениях песчаных выдувов не зафиксирован.

Технико-типологический материал характерен для позднего палеолита Хакаско-Минусинской котловины.

Местонахождение Усть-Сос-1. Выявлено на правобережном приустьевом участке р. Сос, на поверхности делювиального пологого южного склона горы Красный Камень, примыкающего к горе в виде террасоуступа. На задернованной поверхности обнаружен отбойник, выполненный на небольшой по размеру овально-вытянутой кварцитовой гальке. Четкие точечные следы забитости имеются на обоих концах предмета. Датировка орудия затруднена.

На вертикальных фризах южных склонов горы, у подножия имеются древние наскальные рисунки бронзового и раннего железного веков, выполненные точечной выбивкой. Возможно, при их нанесении использовался обнаруженный отбойник.

Местонахождение Усть-Сос-2. Находится на вершине горы Красный Камень, у подножия которой был обнаружен отбойник. Здесь в месте выхода коренных пород имеется небольшая поверхностная выборка скальной породы. У южной стенки выборки среди обломков скальной породы сделана находка заготовки одноплощадочного нуклеуса, выполненного на гальке зеленоватого цвета, удлиненно-вытянутой формы. Площадка оформлена крупными сколами. Здесь же была обнаружена пластина из кремня без дополнительной подработки. Типологически материал предварительно может быть отнесен к позднему палеолиту.

Местонахождение Усть-Сос-3. На пологом восточном склоне горы Красный камень, в небольшой промоине, образовавшейся в результате размыва грунтовой дороги, обнаружена небольшая галька со следами нескольких сколов. Поверхность предмета значительно заветрена. Ранее поверхность склона использовалась под пашню, а в настоящее время слабо задернована. Артефакт переотложен. Типологически артефакт предварительно может быть отнесен к позднему палеолиту.

Местонахождение Большой Монок. Местонахождение каменного века было выявлено на южной окраине д. Большой Монок в юго-западной части котловины, в узкой долине небольшой речки Большой Монок, вытекающей из гор Западного Саяна. Здесь поверхность делювиального террасоуступа, сложенного песками и легкими супесями, примыкающего к безымянной горе, разрушается мощными дюнными выдувами до самого склона горы, к которой он примыкает. Их глубина в отдельных местах достигает 8–10 м. Археологический материал собран на поверхности выдувов и представлен каменным инвентарем: крупным подпризматическим одноплощадочным нуклеусом, крупной заготовкой орудия, ножевидным орудием на пластине из кремня, пластинами, отщепами и сколами без подработки. На некоторых артефактах имеется карбонатная корка. Материал переотложен. Культурный слой в обрывах выдувов не зафиксирован.

Технико-типологические характеристики археологического материала позволяют предварительно отнести его ко времени позднего палеолита.

Выявленные палеолитические местонахождения в долинах рек Сос и Большой Монок позволяют говорить о перспективности поиска стратифицированных палеолитических памятников в долине р. Абакан, в районе, прилегающем к ее выходу из горно-таежных теснин в степную зону южной окраины Хакасско-Минусинской котловины, изучение которых даст возможность восстановить страницы истории первоначального заселения и дальнейшего освоения древним человеком этого региона Хакасии.

Дальнейшее изучение обнаруженных курганных и грунтовых погребальных комплексов, памятников древнего наскального изобразительного искусства позволит существенно расширить данные о материальной и духовной культуре народов, населявших регион в эпоху бронзового и железного веков.

УДК 902/904

Н.И. Дроздов[1], В.И. Макулов[1], В.П. Леонтьев[1], Д.Н. Дроздов[1], Цюань Цянькунь[2], Цоу Хоуси[3], Ван Вэй[3], Дай Юйбяо[3], Гао Лэй[3], Сюй Цзинь[3], Чжан Чжэньшань[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Сибирский федеральный университет
[3]Чунцинский институт культурного наследия, Китай
E-mail: klapss80@mail.ru

Исследования палеолитических местонахождений Маткечик на юге Хакасии

В результате разведочных работ, проведенных в 2017 г. у пос. Маткечик в долине р. Абакан в Хакасии, были открыты новые местонахождения – Маткечик-1–3. На стоянке Маткечик-1 в шурфах выявлены два слоя с артефактами. В первом слое обнаружены галечный нуклеус, сколы. Во втором – галечные нуклеусы, заготовки нуклеусов, тесло на плоской гальке, скребла на сколах, сколы, пластины, отщепы, кости животных. Материал датируется поздним палеолитом. На стоянке Маткечик-2 каменный инвентарь зафиксирован в слое и по склону террасы. Материал представлен сколами и отщепами с рабочей ретушью и без подработки. На изделиях имеется карбонатная корка и следы корразии сильной и малой степени. Типологически материал может быть отнесен к среднему и позднему палеолиту. На стоянке Маткечик-3 собран каменный инвентарь: скребок-провертка на отщепе, нож на отщепе с овальным рабочим краем, отщепы и крупные галечные сколы, которые датируются поздним палеолитом.

Ключевые слова: *Хакасия, р. Абакан, местонахождения Маткечик, подъемные сборы, средний палеолит, верхний палеолит.*

N.I. Drozdov[1], V.I. Makulov[1], V.P. Leontiew[1], D.N. Drozdov[1], Quan Qiankun[2], Zou Houxi[3], Wang Wei[3], Dai Yubiao[3], Gao Lei[3], Xu Jin[3], Zhang Zhenshan[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Siberian Federal University
[3]Chongqing Cultural Heritage Research Institute, China
E-mail: klapss80@mail.ru

Research at the Matkechik Paleolithic Site in the South of Khakassia

During the exploration survey of 2017, new Paleolithic sites of Matkechik 1, 2, and 3 were discovered in the valley of the Abakan River near the village of Matkechik in southern Khakassia. Two cultural layers were found in the exploration pits at the site of Matkechik 1. The artifacts from the first layer included a pebble core and flakes; the second cultural layer contained pebble cores, core blanks, adze made of a flat elongated pebble, side-scrapers made of big flakes, flakes, blades, spalls, and animal bones. These materials belong to the Late Paleolithic. Stone inventory at the site of Matkechik 2 was found in the cultural layer and along the slope of the terrace. The collection consists of flakes and spalls with traces of retouching, as well as unprocessed flakes. A carbonaceous crust and traces of corrosion were found on some tools. Typologically, the materials from the site of Matkechik 2 can be preliminarily attributed to the Middle and Late Paleolithic. Stone inventory at the site of Matkechik 3 included a side scraper-reamer made of flake, knife with the oval working edge made of flake, as well as flakes and large pebble spalls which can be attributed to the Late Paleolithic.

Keywords: *Khakassia, Abakan River, Matkechik site, surface finds, Middle Paleolithic, Late Paleolithic.*

Красноярским отрядом ИАЭТ СО РАН совместно с сотрудниками Чунцинского института культурного наследия (КНР) в августе–сентябре 2017 г. было проведено обследование правобережного участка р. Абакан в окрестностях пос. Маткечик ниже и выше по течению реки от мостового перехода на автодороге Аскиз – Бея.

В данном месте основное русло р. Абакан сливается с двумя протоками, между которыми образовались крупные острова, поросшие лиственными деревьями и кустарником. Правая протока образует большую излучину. На стрелке в месте слияния проток с основным руслом расположен мысовидный скалистый утес. Ниже него по течению реки имеется еще один более высокий утес. Вдоль борта террасы между утесами и по излучине отмечены ок. 15 старых земляных выработок площадью до 10–15 м^2. Расстояния между ними колеблются от 3 до нескольких десятков метров. Контуры выработок не всегда четкие, стенки оплывшие. От утеса до мостового перехода вдоль борта террасы прорыты ок. 10 канав, в которые при проведении лесосплава закладывали материковые якори для удержания отбивных бонов на реке.

Поверхность террасы задернована, ее высшая точка отмечена в районе мостового перехода. Терраса полого понижается вглубь и вверх по течению р. Абакан до мыса в месте слияния основного русла с протоками. Борт террасы изрезан многочисленными естественными промоинами, небольшими оврагами и овражками, обрывистыми обнажениями. Вдоль фронта террасы на расстоянии 10–20 м проходит грунтовая дорога. Борт террасы практически на всем протяжении от моста до протоки обрывист, с выходами коренных скальных пород, разрушается водами р. Абакан, частично задернован.

Значительную территорию занимает расположенный здесь большой курганный могильник. На поверхности курганных насыпей имеются крупные каменные плиты могильных оград.

На обследованной территории протяженностью ок. 3 км было выявлено три палеолитического местонахождения, получивших название Маткечик-1–3.

Местонахождение Маткечик-1. Обнаружено в 4 км на ССЗ от пос. Маткечик Бейского р-на Республики Хакасии, в 1,2–1,5 км вверх по течению от мостового перехода на трассе Аскиз – Бея в ходе внешнего обследования правобережной 8–12-метровой террасы р. Абакан. Выявлено по наличию археологического материала на поверхности склоновых обнажений террасы.

Подъемный археологический материал включал галечные одноплощадочные и двухплощадочные нуклеусы – 6 экз., заготовки нуклеусов – 3 экз., скребки и скребла на крупных сколах – 8 экз., сколы и отщепы различных форм и размеров – 61 экз., фрагменты неорнаментированной керамики – 6 экз.

На северо-западной границе местонахождения был заложен шурф 1. Высота террасы от уреза р. Абакан 8,5 м. В шурфе в слое серо-коричневой легкой пылеватой супеси на разных глубинах были зафиксированы два культурных слоя.

Первый культурный слой выявлен на глубине 0,58–0,64 м от дневной поверхности. Полученный археологический материал содержал заготовки одноплощадочного нуклеуса на гальке, основная часть поверхности которой покрыта карбонатной коркой; каменные пластинку и два отщепа без подработки; мелкие фрагменты костей животных (5 экз.).

Материал второго культурного слоя выявлен на глубине 0,74–0,80 м. Каменный инвентарь включал нуклеусы на гальках (2 экз.); заготовки нуклеусов на гальках разных размеров (3 экз.); тесло на удлиненно-вытянутой гальке с оформленным с двух сторон рабочим краем; скребло концевое на крупном сколе; сколы и отщепы различных форм и размеров, часть которых несет следы ретуши и карбонатную корку. Имеются фрагменты колотых мелких костей животных плохой сохранности (7 экз.).

В крайней юго–юго-восточной точке подъемных сборов археологического материала, в 165 м от шурфа 1 был заложен шурф 2. Высота террасы 7,5 м от уреза р. Абакан.

Археологический материал в шурфе был обнаружен в светло-коричневой супеси на глубине 0,54–0,61 м от дневной поверхности. Представлен каменными сколами и отщепами (32 экз.), на одном из которых по краю имеется рабочая ретушь, а также мелкими колотыми неопределимыми костями животных (6 экз.).

Технико-типологические характеристики каменного инвентаря позволяют предварительно датировать местонахождение поздним палеолитом.

Местонахождение Маткечик-2. Обнаружено на участке правобережной террасы р. Абакан в 350 м ССЗ от местонахождения Маткечик-1. Археологический материал найден в нескольких пунктах по склону террасы и в обнажениях геологического слоя по борту на протяжении ок. 300 м.

Ближе всего к местонахождению Маткечик-1 археологический материал был обнаружен в обнажении геологического слоя на границе зеленовато-серого песка и материковой породы – красного выветрелого алевролита. На глубине 0,53 м от дневной поверхности выявлен пластинчатый отщеп с видными гранями предшествующих сколов

по спинке. По обоим краям имеется крутая мелкая ретушь, а на брюшке – корка карбоната, окрашенная в цвет материковой породы.

В 4,5 м восточнее, в стенке небольшого обрывистого обнажения, на глубине 0,47–0,53 м от поверхности обнаружены три мелких отщепа из кремня, без подработки, с карбонатной корочкой на поверхности, и небольшой долечный скол с остатками галечной поверхности.

В 5 м западнее сделана еще одна единичная находка в обрывистом обнажении: на глубине 0,4 м от поверхности, на границе сероватой супеси и карбонатизированной выветрелой коренной породы красно-коричневых аллевролитов был обнаружен пластинчатый скол без обработки, с карбонатизированной поверхностью.

В 20 м от первой находки, на мысовидном выступе в обрывистом обнажении, в белесой разложившейся структуре типа карбоната, на глубине 0,33 м от поверхности, обнаружен отщеп с фрагментом галечной поверхности и мелкой рабочей ретушью по правому краю. На брюшке имеется карбонатная корка, окрашенная в цвет коренной породы.

Следующая находка была сделана через 70 м от предшествующей. В обрывистом обнажении в светло-серой супеси на глубине 0,20 м от поверхности был обнаружен небольшой кремнистый скол без обработки.

Через 120 м вниз по течению реки в небольшом овраге, на поверхности склона коры выветривания был обнаружен крупный отщеп из кремня. На поверхности имеется толстая карбонатная корка, окрашенная в красновато-коричневый цвет от коренной породы. По всему периметру фасов, по проксимальному и дистальному концам имеется скребковая ретушь. Поверхность сильно заглажена воздействием химического и природного выветривания, а брюшко отщепа имеет следы люстража.

В том же овражке в 7 м от вышеописанного артефакта был обнаружен еще один крупный пластинчатый отщеп с полностью заглаженной поверхностью. По всему периметру отщепа имеется рабочая ретушь.

Местонахождение Маткечик-3. Обнаружено на правом берегу р. Абакан в 500–600 м ниже мостового перехода. Поверхность террасы слабо задернована, изрезана небольшими промоинами и песчанными выдувами, в которых был обнаружен археологический материал, представленный каменным инвентарем.

Обломок пластинчатого отщепа с сильной корразией был обломан еще в древности, т.к. на поверхности слома прослеживаются мелкоячеистые следы корразии. По одному краю имеются следы скребковой ретуши, почти полностью уничтоженной корразией.

Отщеп подтреугольной формы с остатками площадки относится к типу *chapeau de gendarme*. По краям, за исключением остатков площадки, видны следы рабочей ретуши. Спинку образует естественная галечная поверхность.

Нож с овальным лезвием на кремнистой пластине оформлен мелкочешуйчатой ретушью. На поверхности следы люстража.

Комбинированное орудие на пластинчатом сколе – концевой скребок-провертка. На проксимальном конце скола оформлена провертка, на дистальном видна скребковая ретушь; поверхность со слабыми следами корразии.

Имеются пластинчатый скол кремнистой породы без дополнительной обработки, крупные галечные сколы (7 экз.), крупные отщепы (3 экз.), мелкие отщепы (3 экз.).

Технико-типологические характеристики археологического материала из местонахождения Маткечик-2 позволяют отнести отдельные артефакты (со следами корразии и люстража на поверхности) к периоду среднего палеолита, а основная коллекция относится к позднему палеолиту. Местонахождения являются стратифицированными, перспективными в плане проведения дальнейших стационарных раскопочных работ, а район – перспективным для дальнейшего поиска стратифицированных памятников среднего и позднего палеолита.

УДК 902.21

И.Д. Зольников[1, 2], А.В. Постнов[1], А.Г. Рыбалко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт геологии и минералогии СО РАН
E-mail: vse-snega@yandex.ru

Палеолитические изыскания на нижней Оби в 2017 году

В 2017 г. продолжены исследования долины Оби в нижнем течении. Поиски были сосредоточены на берегах Горной Оби севернее Белогорской возвышенности. Возможность распространения мамонтовой фауны и человека на север Евразии позднее 50 тыс. л.н. подтверждается геологическими исследованиями. По геоморфологическим признакам и условиям доступности каменного сырья долину Оби целесообразно разделить на районы и субучастки. Северный район, от Иртыша до Обской губы, – наиболее перспективный для поиска палеолитических материалов и наименее изученный в этом отношении. В 2017 г. исследован Хашгортский участок северного района. Предложенные теоретические конструкты нашли подтверждение в ходе археологической разведки. Обнаружены свидетельства распространения позднеплейстоценовой фауны и человеческой деятельности эпохи верхнего палеолита.

Ключевые слова: *Обь-Иртышский бассейн, р. Обь, Нижнее Приобье, верхний палеолит, палеонтология, геоморфология.*

I.D. Zolnikov[1, 2], A.V. Postnov[1], A.G. Rybalko[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
E-mail: vse-snega@yandex.ru

Paleolithic Investigation of the Lower Ob River

In 2017, the research of the Lower Ob Valley was continued with the focus on the banks of the Gornaya Ob River north of the Belogorsk Upland. Mammoth fauna and human expansion to the north of Eurasia later than 50,000 BP is confirmed by geological studies. The Ob River valley can be divided into districts and subareas in accordance with the geomorphological features and availability of raw material. Northern district from the Irtysh River to the Gulf of Ob, was the most promising area for the search of Paleolithic materials and the least studied in this respect. In 2017, the Khashgort part of the Northern district was studied. The proposed theoretical constructs have been confirmed by archaeological field survey, and the evidence for the expansion of the Late Pleistocene fauna and human activity in the Upper Paleolithic have been found.

Keywords: *Ob-Irtysh basin, the Ob River, Lower Ob region, Upper Paleolithic, paleontology, geomorphology.*

Археологическое изучение бассейна р. Оби в последние несколько лет целенаправленно проводится в различных регионах Сибири несколькими исследовательскими группами ИАЭТ СО РАН [Цыбанков и др., 2016]. В частности, впервые получены материалы по археологическим объектам на островах Новосибирского водохранилища, сформулированы закономерности распространения и дана культурно-хронологическая интерпретация ряда археологических комплексов на берегах Оби в пределах Новосибирской обл. и Алтайского края. В Сургутском Приобье предложено геоморфологическое обоснование генезиса Барсовой горы, проведена масштабная инвентаризация археологических объектов урочища. В 2016 г. начаты полевые исследования, цель которых – подтверждение гипотезы о возможности обнаружения палеолитических объектов в долине р. Оби севернее местонахождения Луговское.

В 2016 г. в ходе разведочных работ был проведен тщательный осмотр берегов Оби от Новосибирска до Белогорской возвышенности. В результате было установлено, что западная окраина Белогорской возвышенности является перспективным участком

для поиска позднепалеолитических археологических материалов. Подтверждением тому являются собранная коллекция позднеплейстоценовой мегафауны, состоящая в основном из костей мамонта (*Mammuthus primigenius* Blum., 1799), а также обнаруженные на бечевнике в районах рек Малый Кутас и Карымкары слабоокатанные артефакты палеолитического облика – заготовка нуклеуса (возможно, торцового) для скалывания мелких пластин и массивное одинарное выпуклое угловатое скребло на обломке.

В 2017 г. продолжены исследования долины нижней Оби ниже Белогорской возвышенности – от устья Казыма до Обской губы. В соответствии со сформулированной теоретической концепцией о возможности обнаружения археологических объектов каменного века, были получены результаты, свидетельствующие о пребывании палеолитического человека на 1000 км севернее Луговского – самого северного до настоящего времени палеолитического памятника в долине р. Оби.

В ходе предварительных работ было проведено районирование долины р. Оби с точки зрения перспективности поисков палеолитических памятников. Основанием для районирования выступили результаты изучения палеогеографии разновозрастных ледников и ледниково-подпрудных озер, выходов коренных пород и доступности каменного сырья. Выделено три района: южный (от истоков до устья р. Чулым), срединный (от устья р. Чулым до слияния рек Обь и Иртыш), северный (от р. Иртыш до Обской губы).

Обследование северного участка р. Оби, практически не привлекавшего внимания исследователей палеолита, реализовано в ходе археологической разведки 2017 г. Основные маршруты пролегали вдоль Горной Оби (правый рукав р. Оби) в районе населенных пунктов Казым-мыс, Горки, Лопхари, Хашгорт и др.; изучены отдельные участки берегов Малой Оби (левый рукав).

Доступность каменного сырья в районе исследований описана в рамках двух участков. На южном, Казымском, участке долины Оби (от пос. Перегребное до пос. Лопхари) распространены сниженные аллювиальные террасы послетазовского возраста. Здесь валуны и гальки встречаются гораздо реже, чем на Белогорском участке (изученном в 2016 г.), поскольку представляют собой переотложенный в аллювий из среднечетвертичных диамиктонов грубообломочный материал. На северном, Хашгортском участке (долина реки севернее пос. Лопхари) поверхность рельефа на правом берегу Оби снижена до уровня ок. 30 м. Здесь в береговых разрезах обнажаются выходы среднечетвертичных морен, а на бечевнике присутствует моренный перлювий в виде валунно-галечных «мостовых».

Северный район долины р. Обь по особенностям геолого-геоморфологического строения представляется более перспективным для археологических разведок по сравнению со срединным. При этом западная окраина Белогорской возвышенности существенно отличается от Хашгортского участка правобережной Оби. Береговые обрывы Хашгортского участка подрезают пологую поверхность высотой ок. 30 м над урезом р. Оби. В основании яров обычно залегают морены и ленточные глины тазовского гляциокомплекса, которые перекрываются аллювием и субаэральным покровом. Нередко к реке выходят сниженные поверхности высотой 10–15 м. Встречаются массовые скопления костей мамонтовой фауны на бечевнике [Питулько, 2016]. Таким образом, Хашгортский участок является легкодоступным для разведок со стороны магистральной реки и по комплексу геолого-геоморфологических признаков весьма перспективен для обнаружения палеолитических памятников.

Казымский участок, расположенный южнее Хашгортского, по геоморфологическим особенностям напоминает срединный район: широкая пойма, множество проток и обрамление заболоченными поверхностями низких ступеней рельефа. Западная окраина Белогорской возвышенности также является перспективным участком. Здесь к подножию высоких береговых яров нередко примыкают низкие террасы, высотой 3–8 м над урезом реки. Судя по тому, что на этих сниженных площадках временами находят костные остатки мегафауны недалекого переотложения, эти низкие террасы являются эрозионными останцами некогда более обширных геоморфологических сегментов. Для правобережья Оби в районе Белогорской возвышенности в позднем плейстоцене после последнего покровного оледенения характерным кормящим палеоландшафтом была перигляциальная степь. Однако водораздельные поверхности «Белогорского материка» вряд ли перспективны для обнаружения палеолитических памятников, поскольку с поверхности они прикрыты мощным чехлом отложений субаэрального комплекса. Наибольший интерес для поисков представляют собой приустьевые участки правобережных притоков Оби, оптимальные для водопоя крупной фауны.

В ходе рекогносцировочных исследований 2017 г., севернее Белогорского участка на бечевниках у основания высоких (18–20 м и более) крутых береговых обнажений, были обнаружены четыре пункта дислокации каменных артефактов. Вместе с каменными изделиями были найдены многочисленные остатки мамонтовой фауны. Сводная коллекция со-

стоит из 11 артефактов, которые отличаются разной степенью сохранности поверхности – от изделий с несглаженными, «свежими» ребрами до предметов, имеющих среднюю или слабую степень окатанности. Нуклевидные формы насчитывают 5 экз., в т.ч. три обломка с единичными бессистемными сколами и два нуклеуса, которые относятся к простейшим формам одноплощадочных монофронтальных ядрищ. Наиболее выразителен нуклеус (7,0 × 4,3 × 3,0 см), изготовленный на обломке гальки. Скошенная двугранная ударная площадка оформлена серией мелких сколов, на фронте скалывания видны два негатива крупных пластинчатых снятий. Продукты первичного расщепления состоят их сколов средних (2 экз.) и крупных (2 экз.) размеров, дорсальная поверхность которых частично или полностью покрыта галечной коркой. Еще два артефакта представляют собой обломок и галечное орудие. Последнее выполнено на крупной удлиненной гальке, один продольный край и торцовая часть оформлены мелкими сколами. На лезвиях видны следы забитости и мелкой краевой ретуши – по всей видимости, следы утилизации.

Обнаруженные артефакты и кости мамонтовой фауны появились здесь в результате ближнего переотложения за счет последовательного подмывания, обрушения и размыва отложений, слагающих береговые обрывы, представленных, как правило, моренами и перекрывающими их лессовидными суглинками. В ходе этих процессов песчаные и глинистые частицы уносятся вниз по течению, а все что крупнее гравия – оказывается на прибрежных площадках без какого-либо значительного перемещения. При этом крупные обломки костей мегафауны и каменные артефакты проецируются фактически вертикально на бечевник. Соответственно, можно считать, что экспонированные на берегу позднеплейстоценовые материалы маркируют ближайшее расположение сохранившихся культуровмещающих слоев.

В пользу возможной верхнепалеолитической датировки обнаруженных каменных артефактов говорят следующие факты: все изделия обнаружены у основания высоких площадок; вместе с ними залегали остатки только мамонтовой фауны, без присутствия материалов эпохи голоцена; технико-технологический анализ позволяет сделать вывод об их палеолитическом возрасте.

Таким образом, если оценивать север Западно-Сибирской равнины с точки зрения перспективности обнаружения памятников палеолита, то наиболее привлекательными представляются Белогорский и Хашгортский участки правобережья Оби. Сниженные площадки у устьев рек второго порядка были удобны для охоты и рыболовства, а также как источники костяного сырья для орудий труда. На этих же участках можно было обнаружить каменное сырье, вымываемое из морен. Именно на бечевнике и сниженных площадках правобережья Оби, а также в приустьевых расширениях ее притоков на сегодняшний день имеются наиболее благоприятные условия для поиска палеолитических местонахождений.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Питулько В.В. Свидетельства раннего расселения человека в Арктической области Евразии: новые находки и перспективы исследований // Археология Арктики: сб. – Калининград: Изд. дом «РОС-ДОАФК», 2016. – Вып. 3. – С. 91–116.

Цыбанков А.А., Выборнов А.В., Зольников И.Д., Колонцов С.В., Ломов П.К., Постнов А.В., Присекайло А.А., Славинский В.С., Батаргина И.А., Картозия А.А., Чертыков В.А. Археологические разведки в долине Оби в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 569–572.

References

Pitul'ko V.V. Svidetel'stva rannego rasseleniya cheloveka v Arkticheskoi oblasti Evrazii: novye nakhodki i perspektivy issledovanii. In *Arkheologiya Arktiki: sb.* Kaliningrad: Izd. dom "ROS-DOAFK", 2016, iss. 3, pp. 91–116 (in Russ.).

Tsybankov A.A., Vybornov A.V., Zol'nikov I.D., Kolontsov S.V., Lomov P.K., Postnov A.V., Prisekailo A.A., Slavinskii V.S., Batargina I.A., Kartoziya A.A., Chertykov V.A. Arkheologicheskie razvedki v doline Obi v 2016 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 569–572 (in Russ.).

УДК 903.07.31

Л.В. Зоткина[1, 2], Ю.Ю. Благун[2], М.В. Амосова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Результаты полевых исследований памятников наскального искусства на юге Красноярского края в 2017 году

Исследование памятников наскального искусства в последние годы получило новый импульс в связи с применением методов бесконтактной фиксации (трехмерной визуализации), детальной прорисовки при помощи микроскопа и технологического исследования наскальных изображений. В связи с этим хорошо изученные и не раз опубликованные наскальные изображения памятников Минусинской котловины требуют новых комплексных исследований. В 2017 г. были проведены полевые работы на некоторых пунктах четырех местонахождений (Суханиха, Потрошиловская, Кавказская, Шалаболинская писаницы). Это позволило решить ряд задач методического и исследовательского характера. Были уточнены и апробированы некоторые аспекты современных приемов фиксации изображений и плоскостей с петроглифами, изучены технологические особенности серии архаичных наскальных изображений.

Ключевые слова: *петроглифы, крашеные наскальные изображения, фотограмметрия, топосъемка, трасология, прорисовка, Минусинская котловина.*

L.V. Zotkina[1, 2], Y.Y. Blagun[2], M.V. Amosova[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: lidiazotkina@gmail.com

The Results of Field Works on Rock Art Sites in the South of Krasnoyarsk region in 2017

In recent years, the research of rock art sites has received a new impetus to development thanks to the use of non-contact methods of documenting (three-dimensional visualization), detailed tracing with microscope, and technological studies in rock art. That is why well known and published representations of rock art from the Minusinsk Basin need to be revised. Field works were carried out at several locations of four sites (Sukhanikha, Potroshilovskaya, Kavkazskaya, and Shalabolinskaya) in 2017. This made it possible to achieve various methodological and research objectives, and to test some approaches to documenting representations and surfaces with petroglyphs. The technological aspects of some series of archaic rock carvings have also been studied.

Keywords: *petroglyphs, paintings, photogrammetry, topography, trace analysis, tracing, Minusinsk Basin.*

В ходе работ Минусинского петроглифического отряда ИАЭТ СО РАН в 2017 г. были осуществлены полевые исследования памятников наскального искусства в Минусинском и Курагинском районах Красноярского края. Обследованы такие местонахождения, как Суханиха I (береговые скальные обнажения) и Потрошиловская писаница (г. Моисеиха) [Миклашевич, 2009, с. 323], Кавказская писаница (пункты I–III) [Леонтьев, Боковенко, 1985, с. 82], некоторые участки Шалаболинской писаницы (№ 1, 2, 4, 6) [Вяткина, 1949; Пяткин, Мартынов, 1985], а также местонахождение на г. Березовой на берегу р. Шушь. В большинстве случаев петроглифы на этих памятниках имеют в иконографическом плане архаичные, реалистичные черты. Как правило, специалисты по стилистике наскального искусства атрибутируют их как изображения минусинской изобразительной традиции и относят к периоду неолита [Подольский, 1973; Советова, Миклашевич, 1999; Советова, 2016, с. 194]. Эти пе-

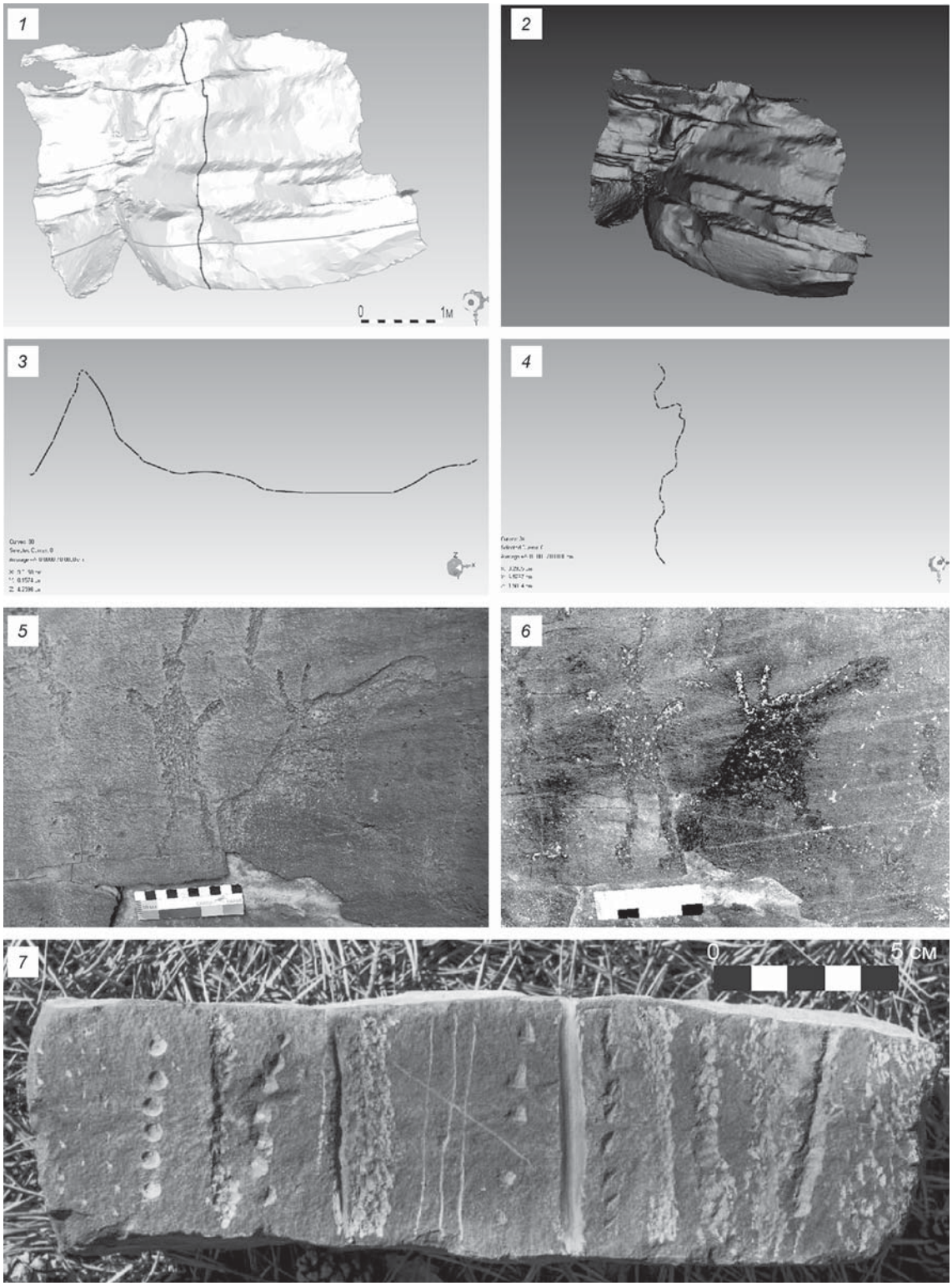

Рис. 1. Современные методики изучения петроглифов и наскальных рисунков.

1 – трехмерная реконструкция скального обнажения с петроглифами с отмеченными на ней двумя топографическими профилями (горизонтальным и вертикальным); *2* – общий вид трехмерной модели скального обнажения; *3* – вертикальный разрез топосъемки, полученный на основе трехмерной реконструкции скального обнажения; *4* – горизонтальный разрез топосъемки, полученный на основе трехмерной реконструкции скального обнажения; *5* – фото композиции с рисунками Шалаболинской писаницы (участок 3) (автор Ю. Благун); *6* – пигментная карта этой же композиции, выполненная на основе фотографии (автор Ю. Благун); *7* – экспериментальные образцы различных рельефных техник (автор М. Амосова).

троглифы представляют большой интерес с точки зрения технологии выполнения, т.к. многие из них являются яркими примерами использования каменных орудий в технике прямого и опосредованного пикетажа (например, петроглифы минусинского стиля Оглахты, Шалаболино).

Проведенный анализ наскальных изображений, выполненных в технике пикетажа и относящихся к этому стилю, с памятников Суханиха I и Потрошиловская писаница показал, что все они выполнены каменными орудиями. Таким образом, эти новые данные еще раз косвенно подтверждают их довольно древний возраст, ранее предполагавшийся на основе архаичной художественной манеры их исполнения.

Другой важной задачей была полная фиксация изучаемых скальных обнажений, составление описаний, учитывающих состояние сохранности изображений и плоскостей в целом, по единому протоколу [Рогожинский, Хорош, Чарлина, 2004]. Это необходимо для осуществления мониторинга не только процессов, разрушающих петроглифы, но и модификации следов, образующих изображения, в ходе выветривания. Полученная таким образом информация позволит в дальнейшем изучать процессы, связанные с разрушением микрорельефа скальной поверхности, и получать более точные результаты трасологического анализа, т.к. будет учтен и фактор естественной деградации скальной поверхности.

Для решения этой задачи был применен особый прием фиксации плоскостей для топосъемки на основе фотограмметрии. Этот прием позволяет быстро и с большой степенью точности получить необходимые профили для того, чтобы на них отражать все необходимые значения при топографической съемке скальных обнажений. На основе полученных трехмерных моделей можно проводить разного рода измерения (рис. 1, *1–4*).

В полевой сезон 2017 г. также были продолжены фиксация и изучение крашеных изображений Кавказской писаницы, Суханихи I и Шалаболинской писаницы. Эта работа является продолжением предыдущих исследований, направленных на создание единого банка данных крашеных рисунков Минусинской котловины [Благун, Зоткина, 2017]. Помимо общего описания рисунков, контекста их расположения (GPS-координаты, углы простирания и наклона, наименование горной породы, присутствие лишайников, следов выветривания, трещин и сколов поверхности и пр.), описаны характеристики красителя (моно- или полихромность, цвет пигмента по коду Манселла и расположение его частиц). По особенностям расположения частиц красящих веществ и на основе сопоставления этих характеристик с экспериментальными данными были установлены различные варианты технических приемов нанесения краски (пигмент в виде сухого карандаша или в жидком виде). В ходе изучения плоскостей с крашеными изображениями Шалаболинской писаницы были выявлены разные варианты локализации частиц красителей (по всему макрорельефу поверхности, в его углублениях и на выступах), в зависимости от которой определяется состояние красящего вещества, исполь-

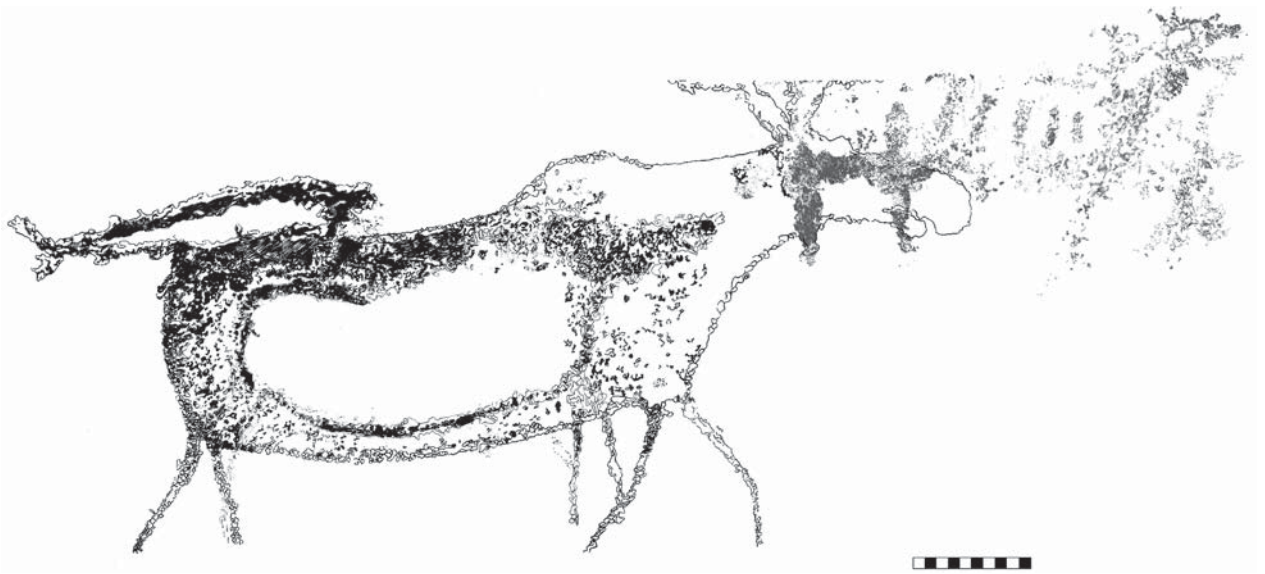

Рис. 2. Прорисовка композиции из фигур двух лосей и осетра, выполненная при помощи микроскопа. Поверх головы большого лося выявлено крашеное зооморфное изображение, перекрывающее петроглифы. Шалаболинская писаница, участок 4, плоскость 20 (автор Ю. Благун, обработка – М. Амосова).

зованного для выполнения рисунков в древности. Для уточнения полученных при помощи микроскопического анализа данных также применялся специальный метод контрастной обработки фотографий – пигментная карта, позволяющая выявить наличие пигмента на участках (рис. 1, *6*), где невооруженным глазом он не заметен (рис. 1, *5*).

Для 91 изображения Шалаболинской, Кавказской, Потрошиловской писаниц и местонахождения на г. Березовой были составлены описания по ранее выработанной схеме. Таким образом, база данных крашеных изображений Минусинской котловины была значительно дополнена. Она позволит выявить различия в способах и последовательности создания рисунков на разных местонахождениях, а также определить возможные тенденции в выборе различных технических средств при нанесении рисунков в наскальном искусстве Минусинской котловины.

Кроме того, была апробирована методика копирования, которая позволяет максимально точно фиксировать наскальные изображения, выполненные краской. Это прорисовка на прозрачную пленку при помощи микроскопа. Таким образом, исследователь получает топографию расположения мельчайших частиц пигмента на поверхности скалы, что позволяет не только точно обозначать контуры изображений и отделять друг от друга красители разных оттенков, но и выявлять новые рисунки. В некоторых ситуациях такая прорисовка рисунков позволяет выявить последовательность выполнения изображений. Так, например, с помощью прорисовки композиции из двух перекрывающих друг на друга фигур лосей, выполненных в технике пикетажа и пришлифовки, на плоскости II участка 3 Шалаболинской писаницы был выделен еще один палимпсест. В ходе выполнения прорисовки было установлено, что поверх уже известных петроглифов пигментом красного цвета (10 R 4/5 по Манселлу) был выполнен рисунок косули (рис. 2). Частицы пигмента находятся в порах макрорельефа поверхности, выглядят как красные гранулы красящего вещества. Без микроскопа их наличие практически не прослеживается. В более позднее время, вероятно, данное изображение было подновлено, поскольку невооруженным глазом видна лишь передняя часть данного рисунка (голова, шея и передняя нога животного), выполненная пигментом красно-коричневого цвета (7,5 R 5/4 по Манселлу), расположенного по всему макрорельефу поверхности выбивки. Этот результат демонстрирует возможности предложенного метода документирования, ранее не применявшегося для крашеных наскальных изображений. Этот прием копирования подразумевает тщательность и внимание к мельчайшим деталям, он позволяет реконструировать даже практически исчезнувшие рисунки и иногда определять последовательность их выполнения.

В работе Минусинского петроглифического отряда участвовали студенты, специализирующиеся на изучении наскального искусства [Зоткина, 2017]. Ими были выполнены серии экспериментов по нанесению пигментов и по созданию рельефных следов в различных техниках на местной породе – девонском песчанике (см. рис. 1, *7*). Проведена серия мастер-классов, направленных на обучение базовым навыкам фотографии и фотограмметрии наскального искусства в полевых условиях. Студенты, участвовавшие в работе отряда, продолжают обработку полученного в ходе экспедиции массива данных в камеральных условиях, осваивая другие навыки.

Благодарности

Аналитическая часть исследования выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036), документирование – за счет гранта Президента № МК-1344.2017.6.

Список литературы

Благун Ю.Ю., Зоткина Л.В. К вопросу о методике описания крашеных изображений (по материалам Минусинской котловины) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2017 (в печати).

Вяткина К.В. Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения // Сб. Музея антропологии и этнографии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. XII. – С. 417–484.

Зоткина Л.В. Опыт проведения практики для студентов, специализирующихся в области изучения наскального искусства, в 2017 году на юге Красноярского края // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2017 (в печати).

Леонтьев Н.В., Боковенко Н.А. Кавказская писаница на Тубе // Железный век Кавказа, Средней Азии и Сибири. – М., 1985. – С. 82–88. – (КСИА; вып. 184).

Миклашевич Е.А. Документирование и мониторинг памятников наскального искусства в Хакасии и на юге Красноярского края в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 323–328.

Подольский М.Л. О принципах датировки наскальных изображений. По поводу книги А.А. Формозова «Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР» // Сов. археология. – 1973. – № 3. – С. 265–275.

Пяткин Н.Б., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1985. – 192 с.

Рогожинский А.Е., Хорош Е.Х., Чарлина Л.Ф. О стандарте документации памятников наскального искусства Центральной Азии // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004. – С. 156–162.

Советова О.С. Проблемы и перспективы исследования петроглифов Тепсея // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): мат-лы междунар. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. – С. 193–200.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1999. – С. 47–74.

References

Blagun Yu.Yu., Zotkina L.V. K voprosu o metodike opisaniya krashenyh izobrazhenij (po materialam Minusinskoj kotloviny) *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya.* 2017, in press (in Russ.).

Leont'ev N.V., Bokovenko N.A. Kavkazskaya pisanitsa na Tube. In *Zheleznyj vek Kavkaza, Srednej Azii I Sibiri.* Moscow, 1985, pp. 82–88 (KSIA; No. 184) (in Russ.).

Miklashevich E.A. Dokumentirovanie i monitoring pamyatnikov naskal'nogo iskusstva v Hakasii i na yuge Krasnoyarskogo kraya v 2009 godu. In *Problems of Archaeology, Ethography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, vol. XV, pp. 323–328 (in Russ.).

Podol'skiy M.L. O principah datirovki naskal'nyh izobrazhenij. Po povodu knigi A.A. Formozova «Ocherki po pervobytnomu iskusstvu. Naskal'nye izobrazhenija i kamennye izvajanija epohi kamnja i bronzy na territorii SSSR». *Sovetskaya arkheologiya*. 1973, No. 3, pp. 265–275 (in Russ.).

Pyatkin N.B., Martynov A.I. Shalabolinskiye petroglify. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Univ. Press, 1985, 192 p. (in Russ.).

Rogozhinskij A.E., Horosh E.H., Charlina L.F. O standarte dokumentacii pamyatnikov naskal'nogo iskusstva Central'noj Azii. In *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Central'noj Azii. Obshchestvennoe uchastie, menedzhment, konservaciya, dokumentaciya*. Almaty, 2004, pp. 156–162 (in Russ.).

Sovetova O.S. Problemy i perspektivy issledovaniya petroglifov Tepseya. In *Arheologicheskoe nasledie Sibiri i Central'noj Azii (problemy interpretacii i sohraneniya)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, pp. 193–200 (in Russ.).

Sovetova O.S., Miklashevich E.A. Khronologicheskie i stilisticheskie osobennosti sredneenisejskih petroglifov. In *Arheologiya, ehtnografiya i muzejnoe delo.* Kemerovo: Kem. State Univ. Press, 1999, pp. 47–74 (in Russ.).

Vyatkina K.V. Shalabolinskie (tesinskie) naskal'nye izobrazheniya. In *Sbornik Muzeya antropologii i ehtnografii*. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1949, vol. XII, pp. 417–484 (in Russ.).

Zotkina L.V. Opyt provedeniya praktiki dlya studentov, spetsializiruyushikhsya v oblasti izuchniya naskal'nogo iskusstva v 2017 godu na yuge Krasnoyarskogo kraya. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya.* 2017, in press (in Russ.).

УДК 902/904

А.В. Кандыба, А.Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Каменная индустрия среднего палеолита местонахождения Дарвагчай-Залив-4 (Юго-Восточный Дагестан): новые данные

В статье представлены результаты исследований нового среднепалеолитического комплекса, дополняющего фактический материал по данному культурно-хронологическому диапазону на территории Северо-Восточного Кавказа. Обнаруженная коллекция каменного инвентаря характеризуется леваллуазской техникой расщепления. Особенности технико-типологического облика каменной индустрии позволяют говорить о специфике среднего палеолита Приморского Дагестана. Исследования развитой стадии среднего палеолита позволяют приблизиться к пониманию проблемы появления и развития человека современного физического типа. Это дает возможность не только реконструировать культурно-исторический процесс на данной территории в плейстоцене, но и решить проблемы, касающиеся содержания и корректировки границ культурно-хронологических эпох палеолита Кавказа в целом.

Ключевые слова: *Северо-Восточный Кавказ, средний палеолит, леваллуазское расщепление, плейстоцен.*

A.V. Kandyba, A.G. Rybalko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Middle Paleolithic Stone Industry from the Darvagchai-Zaliv-4 Site (South Eastern Dagestan): the New Data

This article presents the archaeological data on the Final Middle Paleolithic complex which supplements the available materials of this cultural and chronological period on the territory of the Northeastern Caucasus. The Levallois flaking technique characterizes the lithic assemblage of from the Darvagchai-Zaliv-4 site. Technical and typological aspects of lithic industry suggest the specific nature of the Paleolithic in Coastal Dagestan. The research data on the advanced stage of the Middle Paleolithic make it possible to better understand the problem of emergence and development of the anatomically modern humans, and not only to reconstruct the cultural and historical process on this territory during the Pleistocene, but also to solve the problems of content and boundaries of the cultural and chronological stages of the Paleolithic in the Caucasus.

Keywords: *North Eastern Caucasus, Middle Paleolithic, Levallois technology, Pleistocene.*

Местонахождение Дарвагчай-Залив-4 открыто в 2010 г. в ходе разведочных археологических работ на правом берегу р. Дарвагчай (Дербентский р-н Республики Дагестан) [Зенин и др., 2010]. Стоянка расположена в районе небольшого залива Геджухского водохранилища, на склоне высокого (ок. 20 м) останца третьей древнекаспийской террасы. Памятник ориентирован в северо-восточном направлении, географические координаты: 42º 08’ 06” с.ш., 48º 01’ 44” в.д.; высота над ур. м. ~125 м. В районе местонахождения на берегах водохранилища к настоящему времени обнаружено несколько пунктов с палеолитическими артефактами. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых снизу вверх прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки.

Разведочные и стационарные исследования стоянки, проведенные в 2011 и 2014–2015 гг., позволили получить предварительные сведения о стратиграфии объекта, а также выразительный набор палеолитических изделий ашельского облика [Деревянко и др., 2012; Кандыба, Рыбалко, 2016].

На местонахождении выявлена следующая стратиграфия.

Слой 1. Серо-коричневый опесчаненый суглинок, рыхлый, пылеватый (в сухом состоянии). Текстура слоя неоднородная. Генезис отложений субаэральный (элювиально-делювиальный). Слой по все толще содержит многочисленные включения карбонатных солей в виде небольших стяжек, встречаются редкие гравий и галька. Подошва слоя субгоризонтальная, граница с нижележащим слоем четкая. Мощность – до 1,4 м.

Слой 2. Темно-коричневый тяжелый суглинок, карбонатизированный, в кровле более плотный, осветленный, с редкими включениями гравия и мелкой гальки. Текстура слоя однородная, залегание неслоистое. В подошве имеются линзы разнозернистого коричневого песка, мощность линз меняется от 0,01 до 0,07 м. Генезис субаэральный (преобладание склоновых и эоловых процессов). Кровля слоя частично разрушена. Подошва резкая, четкая, субгоризонтальная. Слой содержит единичные палеолитические артефакты. Мощность – до 1,5 м.

Слой 3. Гравийно-галечные отложения с примесью валунов, глыб и обломков ракушняка (Ø до 0,7 м) различной степени окатанности. В заполнителе дресва, глинистый песок, суглинки. В центре и подошве слоя встречаются линзы серых алевритов с пятнами ожелезнения мощностью до 0,3 м. Гальки и валуны залегают под разным углом, ориентированы в основном по длинной оси вдоль склона в северо-восточном направлении. Генезис отложений сложный, ведущую роль, вероятно, играли пролювиально-делювиальные и аллювиальные (горный аллювий) процессы. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность – до 2 м.

Слой 4. Прибрежно-морские пески, светло-серые, в кровле – желтые, охристые, косослоистые разнонаправленные, с раковинным детритом и редким включением грубообломочного материала (гравий, галька, щебень). В кровле слоя встречаются небольшие линзочки зеленовато-серых алевритов мощностью до 0,1 м. Подошва слоя неровная, четкая. Мощность – до 0,45 см.

Слой 5. Гравийно-галечные отложения. В заполнителе разнозернистый светло-коричневый песок с включением раковин морских моллюсков разной сохранности. Обломки хорошо окатаны, залегают субгоризонтально. В слое встречаются глиняные окатыши (желтого цвета), линзы ожелезнения. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность – до 0,45 м.

Слой 6. Тонкослойчатые серые пески с горизонтальными прослоями детритусового песчаника, включают створки раковин морских моллюсков хорошей сохранности. Генезис отложений прибрежно-морской. Мощность – до 1,5 м.

До 2017 г. на памятнике Дарвагчай-Залив-4 в культуросодержащих слоях 3 и 5 были обнаружены в массовом количестве артефакты, относящиеся к раннему палеолиту [Кандыба, Рыбалко, 2016]. Найденные в слое 2 единичные артефакты не могли служить каким-либо культурно-хронологическим маркером.

В 2017 г. была сделана прирезка к основному раскопу в юго-восточном направлении, в результате был получен дополнительный археологический материал, относящийся к эпохе раннего палеолита, а также небольшое количество типологически выразительных артефактов из слоя 2, облик которых позволил определить культурно-хронологическую принадлежность данной каменной индустрии.

Коллекция состоит из 24 артефактов, в числе которых нуклеусы (6 экз.), сколы (17 экз.) и один отбойник, представляющий собой плоскую гальку крупных размеров со следами забитости.

Все нуклеусы демонстрируют леваллуазскую систему расщепления на разных стадиях. Первый предмет четырехугольной формы представляет начальную стадию оформления ядрища. Слабо скошенная ударная площадка подготовлена одним крупным снятием. Выпуклый фронт скалывания оформлен центростремительными снятиями средних размеров, сохраняет в центре незначительный участок естественной поверхности. Сильно выпуклый контрфронт почти полностью галечный.

Характерной чертой для двух следующих предметов является снятие целевой заготовки-отщепа. Один нуклеус, овальный формы, имеет ударную площадку, подготовленную многочисленными мелкими сколами. Латерали и основание оформлены мелкими снятиями. Выпуклый контрфронт сохраняет естественную поверхность. Другой предмет, округлой формы, подготовлен аналогичным образом.

Еще один леваллуазский нуклеус фрагментирован. Скошенная ударная площадка и одна из латералей подготовлены серией мелких снятий. Плоский фронт скалывания несет негативы параллельных сколов средних размеров. Основание удалено, видимо, в процессе оформления латералей.

Два последних предмета относятся к категории истощенных ядрищ. Один нуклеус треугольной формы имеет скошенную ударную площадку, подготовленную мелкими снятиями. Плоский фронт скалывания сохраняет негативы конвергентных снятий мелких и средних размеров. У другого предмета отсутствует основание. Фронт скалывания сохраняет негатив одного крупного снятия. Контрфронты с естественной поверхностью специальной обработке не подвергались.

Индустрия сколов насчитывает 17 экз. Первичных сколов – 3 экз., из них два крупных и один мелкий дистальный фрагмент. Ударные площадки сохраняют естественную поверхность. Отщепы насчитывают 9 экз. Один крупный удлиненный отщеп имеет бинаправленную огранку дорсала и фасетированную остаточную ударную площадку. Мелких отщепов – 8 экз., из них два фрагментированные. Три предмета укороченных пропорций имеют гладкие ударные площадки и параллельную однонаправленную огранку дорсала. Другие три мелких отщепа укороченные, с неопределимыми остаточными ударными площадками и параллельной однонаправленной огранкой дорсала. Пластинчатый компонент в коллекции представлен пластинчатым сколом крупных размеров с гладкой ударной площадкой и параллельной однонаправленной огранкой дорсала, одной целой пластиной средних размеров с фасетированной остаточной ударной площадкой и параллельной бинаправленной огранкой дорсала и медиальной частью пластины средних размеров. Технические сколы представлены продольно-краевым и сколом подправки фронта скалывания.

Орудийный набор состоит из одного выемчатого орудия, исходной заготовкой для которого служил крупный пластинчатый скол. Выемка создана в медиальной части заготовки путем снятия нескольких мелких сколов.

Таким образом, первичное расщепление данной каменной индустрии демонстрирует явное преобладание леваллуазской системы скалывания. Нуклеусы использовались, преимущественно, для снятия массивных, укороченных отщепов крупных и средних размеров. Пластинчатые заготовки представлены единичными экземплярами. Ударные площадки в основном гладкие и фасетированные.

Ближайшим наиболее сходным по технико-типологическим характеристикам объектом является среднепалеолитический археологический комплекс из погребенной почвы памятника Дарвагчай-Залив-1 (раскоп 2) [Кандыба, Рыбалко, 2015], для которого характерна развитая леваллуазская система расщепления, направленная на получение отщепов. С учетом гипсометрических отметок рельефа, стратиграфии и данных палеомагнитного анализа хронологический диапазон существования данного культурного комплекса определяется началом верхнего плейстоцена, стадией 5е по кислородно-изотопной шкале (130–110 тыс. л.н.).

Исследование нового культурно-хронологического комплекса памятника Дарвагчай-Залив-4 представляется перспективным для уточнения типологического облика среднего палеолита Дагестана и корреляции стратиграфических разрезов палеолитических стоянок в долине р. Дарвагчай.

Список литературы

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Колташов М.С., Кулик Н.А. Новый ашельский комплекс в долине реки Дарвагчай (Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 99–105.

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Новые данные о среднем палеолите Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-Залив-1) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. – 2015. – № 4 (88). – С. 77–81.

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-Залив-4) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. – 2016. – № 2 (90). – С. 210–214.

References

Derevianko A.P., Amirkhanov Kh.A., Zenin V.N., Anoikin A.A., Rybalko A.G. Problemy paleolita Dagestana. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 292 p. (in Russ.).

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Novye dannye o srednem paleolite Yugo-Vostochnogo Dagestana (po materialam pamyatnika Darvagchai-Zaliv-1). *Izvestiya Alt. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, politologiya*. 2015, No. 4 (88), pp. 77–81 (in Russ.).

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Rannii paleolit Yugo-vostochnogo Dagestana (po materialam pamyatnika Darvagchai-Zaliv-4). *Izvestiya Alt. gos. un-ta. Ser. Istoriya, politologiya.* 2016, No. 2 (90), pp. 210–214 (in Russ).

Zenin V.N., Rybalko A.G., Koltashov M.S., Kulik N.A. Novyi ashel'skii kompleks v doline reki Darvagchai (Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010., vol. XVI, pp. 99–105 (in Russ.).

УДК 902.(571.150)«631/634»

Ю.Ф. Кирюшин[1], К.Ю. Кирюшин[1, 2]

[1]Алтайский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

Бойнихинский тип керамики: проблемы хронологии и периодизации

В Барнаульско-Бийском Приобье на правобережье р. Оби на поселениях Бойниха-1 и Шипуново найдена своеобразная керамика, имеющая ряд отличительных признаков: ряды ямок по венчику; пустой канал под венчиком – след от выгоревшего шнура или веревки; орнаментированный срез венчика; декорирование внешней поверхности прокатыванием веревки, намотанной на палочку (комбинированный штамп). Характерной чертой керамики поселений Бойниха-1 и Шипуново является орнаментация сосудов комбинированным штампом. Аналоги керамики прослеживаются в материалах посольской культуры на юге Восточной Сибири. Находки керамики, орнаментированной комбинированным штампом, являются отражением связей неолитического населения Верхнего Приобья с представителями Прибайкальского неолита. Предварительно данный тип керамики можно отнести к неолиту и датировать V–IV тыс. до н.э.

Ключевые слова: *археология, неолит, энеолит, поселение, керамика, техника орнаментации, комбинированный штамп.*

Yu.F. Kiryushin[1], K.Yu. Kiryushin[1, 2]

[1]Altai State University
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

The Boinikha Type of Pottery: Problems of Chronology and Periodization

Distinctive pottery was discovered at the settlements of Boinikha-1 and Shipunovo in the Barnaul-Biysk Ob region on the right bank of the Ob River. The pottery shows a number of specific features: rows of pits along the rim, empty channel under the rim, traces of burnt cord or rope, ornamental decoration on the upper surface of the rim, and decoration of the external surface by rolling a rope wound on a stick (combined stamp). A typical feature of the pottery from the settlements of Boinicha-1 and Shipunovo is decoration using combined stamp. The parallels of such pottery can be found among the materials of the Posolsk culture in the south of Eastern Siberia. Findings of ceramics decorated by the combined stamp reflect the connections of the Neolithic population of the Upper Ob region with representatives of the Baikal Neolithic. Preliminary, this type of ceramics can be attributed to the Neolithic and dated to the fifth–fourth millennium BC.

Keywords: *archaeology, Neolithic, Chalcolithic, settlement, ceramics, decoration technique, combined stamp.*

В 2013 г. в Первомайском р-не Алтайского края было открыто поселение Бойниха-1 [Кирюшин К.Ю., Фролов, Редников, 2014]. В 2014 г. проведен мониторинг состояния памятника, в ходе которого выяснилось, что на площади 60 × 70 м бульдозером был снят дерн с культурным слоем [Кирюшин К.Ю., Грушин, Ситников, 2015]. В результате обследования памятника собраны коллекции каменных артефактов и керамики, относящиеся к археологическим периодам от неолита до Средневековья.

Значительную группу составляют фрагменты керамики, орнамент внешней поверхности которых выполнен прокатыванием веревки, намотанной на палочку (комбинированный штамп) (рис. 1, *1–3*).

Большая часть керамики (87 экз.) – фрагменты от одного сосуда, у которого частично реконструируется форма (рис. 1, *1*). У этого изделия тулово шире венчика, который немного отогнут наружу. Снаружи вся поверхность сосуда покрыта диагональными отпечатками, предположительно, шну-

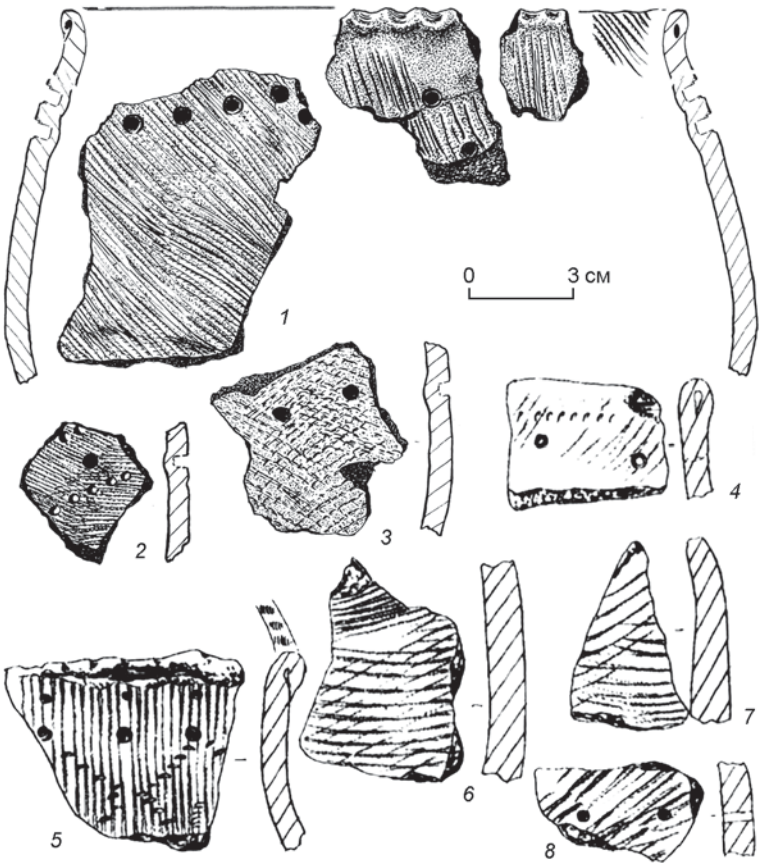

Рис. 1. Керамика поселений Бойниха-1 (*1–3*) и Шипуново (*4–8*) (по: [Кирюшин Ю.Ф., Грушин, Папин, 2003]).

ра или веревки (рис. 2). Подобные отпечатки имеются и на внутренней поверхности в районе венчика (см. рис. 1, *1*). Орнамент выполнен прокатыванием веревки, намотанной на палочку (см. рис. 2).

В сломах венчика прослеживаются следы полого канала от выгоревшего шнура или веревки. По тулову сосуда проходят два ряда ямок. Ямки глубокие, образуют «жемчужины» на внутренней поверхности сосуда.

В коллекции керамики с поселения Бойниха-1 имеются и другие фрагменты, орнаментированные подобным образом. В одном случае поверх подобных отпечатков нанесены ряды неглубоких вдавлений полуовальной формы и ряды ямок (см. рис. 1, *2*). У значительной части фрагментов отпечатки комбинированного штампа сочетаются с рядами ямок (см. рис. 1, *3*).

Археологические коллекции собраны на участке памятника с разрушенным культурным слоем, и это создает проблемы для исторической интерпретации археологического материала [Кирюшин К.Ю., Грушин, Ситников, 2015].

Ближайшие аналоги керамики, орнаментированной комбинированным штампом, мы находим в материалах поселения Шипуново в Усть-Пристан-

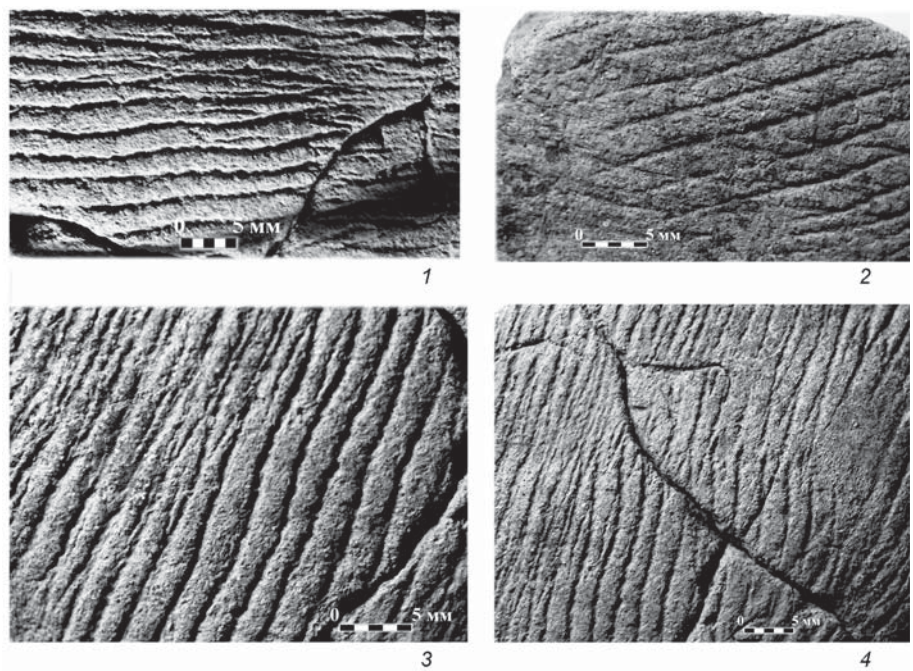

Рис. 2. Керамика поселения Бойниха-1.

ском р-не Алтайского края на правобережье р. Оби [Кирюшин Ю.Ф., Грушин, Папин, 2003]. Керамический комплекс этого памятника насчитывает 65 фрагментов [Там же, рис. 1, 2]. Судя по опубликованным материалам, керамика поселения Шипуново (см. рис. 1, *4–8*) практически идентична обломкам посуды, орнаментированной комбинированным штампом, найденной на памятнике Бойниха-1 (см. рис. 1, *1–3*). В материалах поселения Шипуново встречены два венчика сосудов, у которых фиксируется пустой канал – след от выгоревшего шнура или веревки [Там же, рис. 1, *1*, *4*].

Можно констатировать, что на правобережье р. Оби в Барнаульско-Бийском Приобье существовала своеобразная группа керамики, обладавшая целым рядом признаков, в числе которых:

– ряды ямок по венчику;

– пустой канал под венчиком – след от выгоревшего шнура или веревки, которой опоясывали сосуд в процессе изготовления;

– орнаментация среза венчика отпечатками комбинированного или гребенчатого штампа;

– декорирование внешней поверхности прокатыванием веревки, намотанной на палочку (комбинированный штамп; см. рис. 2).

Ряды ямок по венчику и по тулову сосудов – орнаментальный прием, настолько широко распространенный в различных культурных образованиях неолита, энеолита и ранней бронзы Западной Сибири, что приведение аналогов не имеет смысла.

Пологий канал от выгоревшего шнура или веревки достаточно часто встречается в керамических комплексах эпохи неолита Западной Сибири. Территориально наиболее близкие аналоги отмечены в материалах поселения Киприно в Шелаболихинском р-не Алтайского края [Комарова, 1956], а также в материалах поселений Иня-3 и Иня-11 в Тогучинском р-не Новосибирской обл. [Зах, 2003, с. 129].

Орнаментация внутренней поверхности венчика отпечатками комбинированного или гребенчатого штампа широко встречается в материалах поселенческих комплексов эпохи энеолита Северной Кулунды [Кирюшин К.Ю., 2015а, рис. 1; 2, *1–3*; 3; 4, *2*, *5*, *6*; 5, *2*, *4*; 2015б, рис. 2, *2*, *3*; 8, *2–4*; 12; 15]. Орнаментация среза и внутренней поверхности венчика сосудов различными насечками, отпечатками комбинированного или гребенчатого штампа достаточно широко встречается в различных культурных образованиях неолита Западной Сибири [Зах, 2003; Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008].

Наиболее показательным признаком керамики поселений Бойниха-1 и Шипуново является орнамент внешней поверхности, выполненный прокатыванием веревки, намотанной на палочку (комбинированный штамп) (см. рис. 2). Поверх этого орнамента иногда наносился узор, выполненный в отступающее-накольчатой технике (см. рис. 1, *2*, *5*). Можно констатировать, что подобный орнаментальный прием не характерен для керамических комплексов неолита и энеолита юга Западной Сибири. Использование комбинированного штампа зафиксировано в орнаментации неолитической керамики севера Западной Сибири [Дубовцева, 2011]. Массово аналоги подобной керамики прослеживаются в материалах посольской культуры на юге Восточной Сибири [Berdnikov, Ulanov, 2015].

В литературе уже отмечалось наличие связей неолитического населения Верхнего Приобья с представителями Прибайкальского неолита [Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова, Кадиков, 2000, с. 49–53, 60]. В последние годы в ходе исследования неолитических погребений могильника Чумыш-Перекат получены убедительные свидетельства подобных связей [Фрибус и др., 2014].

Очень похоже, что находки керамики, орнаментированной прокатыванием веревки, намотанной на палочку, (комбинированный штамп) в Барнаульско-Бийском Приобье отражают связи неолитического населения Верхнего Приобья с представителями прибайкальского неолита.

Предварительно вновь выделенный тип керамики предлагается назвать бойнихинским. Основываясь на имеющихся аналогиях, данный тип керамики можно отнести к неолиту и датировать V–IV тыс. до н.э. Памятники Бойниха-1 и Шипуново находятся на правобережье р. Оби сравнительно недалеко друг от друга. Есть основания предполагать, что при целенаправленном поиске поселенческих комплексов эпохи неолита в Барнаульско-Бийском Приобье на правобережье р. Оби возможно выявление новых памятников с подобным типом керамики.

Список литературы

Дубовцева Е.Н. Использование веревки для орнаментации неолитической керамики севера Западной Сибири // Рос. археология. – 2011. – № 2. – С. 16–26.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.

Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2015а. – № 4/1 (88). – С. 149–156.

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015б. – № 1. – С. 25–36.

Кирюшин К.Ю., Грушин С.П., Ситников С.М. Обследование поселения Бойниха-1 в 2014 году // Со-

хранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – Вып. XXI. – С. 116–124.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, – 2008. – 335 с.

Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В., Редников А.А. Бойниха-1 – памятник неолита и раннего железного века Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – Вып. XX. – С. 112–119.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В. Материалы эпохи раннего голоцена на юге Верхнего Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 352–354.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – 116 с.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 93–103.

Фрибус А.В., Грушин С.П., Вальков И.А., Леонтьева Д.С., Миляев Г.А., Сайберт В.О., Спиненко О.В., Трусова Е.В. Результаты работ на грунтовом могильнике Чумыш-Перекат в 2014 г. // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая: тез. докл. отчетной сессии. – Барнаул: Азбука, 2014. – С. 107–108.

Berdnikov I.M., Ulanov I.V. Some aspects of molding technology of posolskaya pottery in the south of Central Siberia // Журн. Сиб. федерал. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 8, № 4. – С. 574–584.

References

Berdnikov I.M., Ulanov I.V. Some aspects of molding technology of posolskaya pottery in the south of Central Siberia. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*. *Ser.: Gumanitarnye nauki,* 2015, vol. 8, No. 4, pp. 574–584 (in Russ.).

Dubovtseva E.N. Ispol'zovanie verevki dlya ornamentatsii neoliticheskoi keramiki severa Zapadnoi Sibiri. *Rossiiskaya arkheologiya*, 2011, No. 2, pp. 16–26 (in Russ.).

Fribus A.V., Grushin S.P., Val'kov I.A., Leont'eva D.S., Milyaev G.A., Saibert V.O., Spinenko O.V., Trusova E.V. Rezul'taty rabot na gruntovom mogil'nike Chumysh-Perekat v 2014 g. In *Mezhdistsiplinarnoe izuchenie arkheologii Zapadnoi Sibiri i Altaya*: *tezisy dokladov otchetnoi sessii*. Barnaul: Azbuka, 2014, pp. 107–108 (in Russ.).

Kiryushin K.Yu. Keramika poseleniya Novoil'inka VI (po rezul'tatam issledovanii 2013–2014 gg.). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015a, No. 4/1 (88), pp. 149–156 (in Russ.).

Kiryushin K.Yu. Morfologo-ornamental'nye gruppy keramiki s poseleniya epokhi eneolita Novoil'inka III v Severnoi Kulunde. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2015b, No 1 (61), pp. 25–36 (in Russ.).

Kiryushin K.Yu., Frolov Ya.V., Rednikov A.A. Boinikha-1 – pamyatnik neolita i rannego zheleznogo veka Barnaul'skogo Priob'ya. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2014, iss. XX, pp. 112–119 (in Russ.).

Kiryushin K.Yu., Grushin S.P., Sitnikov S.M. Obsledovanie poseleniya Boinikha-1 v 2014 godu. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2015, iss. XXI, pp. 116–124 (in Russ.).

Kiryushin K.Yu., Kiryushin Yu.F. Kul'turno-khronologicheskie kompleksy poseleniya Tytkesken'-2 (itogi rabot 1988–1994 gg.). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2008, 335 p. (in Russ.).

Kiryushin Yu.F., Grushin S.P., Papin D.V. Materialy epokhi rannego golotsena na yuge Verkhnego Priob'ya. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, vol. IX, pt. I, pp. 352–354 (in Russ.).

Kiryushin Yu.F., Kungurova N.Yu., Kadikov B.Kh. Drevneishie mogil'niki severnykh predgorii Altaya. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2000, 116 p. (in Russ.).

Komarova M.N. Neolit Verkhnego Priob'ya. *KSIIMK*, 1956, iss. 64, pp. 93–103 (in Russ.).

Zakh V.A. Epokha neolita i rannego metalla lesostepnogo Prisalair'ya i Priob'ya. Tyumen: Izd. IPOS SO RAN, 2003, 168 p. (in Russ.).

УДК 902.22

К.А. Колобова[1], И.Ю. Слюсаренко[1], М.Т. Крайцаж[2], Д. Егоров[3, 4], С.В. Маркин[1], С.В. Шнайдер[1, 5], М. Селецкий[5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт геологических наук, Исследовательский центр, Польша
[3]Университет им. Бен-Гуриона, Израиль
[4]Управление древностей Израиля
[5]Новосибирский государственный университет
E-mail: kolobovak@yandex.ru

Первое кострище неандертальцев, обнаруженное на территории Горного Алтая в Чагырской пещере

В полевом сезоне 2016 г. в нижнем культурном слое Чагырской пещеры впервые было обнаружено кострище. Согласно стратиграфической позиции нижней части слоя 6в/2, этот объект относится к одному из начальных этапов освоения пещеры неандертальцами. После захоронения кострище было деформировано в результате мерзлотных процессов. Предварительно было определено несколько видов топлива из заполнения костра. На основе полученных данных нами проведен эксперимент, который позволил определить некоторые специфические особенности исследуемого объекта. В настоящее время кострище является наиболее древним свидетельством преднамеренного использования огня древним человеком на территории Горного Алтая.

Ключевые слова: *палеолит, Горный Алтай, неандертальцы, сибяричихинская линия развития, кострище.*

K.A. Kolobova[1], I.Yu. Slusarenko[1], M.T. Krajcarz[2], D. Egorov [3, 4], S.V. Markin[1], S.V. Shnaider[1], M.V. Seletskii[5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Geological Sciences, Research Centre, Poland
[3]Ben-Gurion University of the Negev, Israel
[4]Israel Antiquities Authority
[5]Novosibirsk State University
E-mail: kolobovak@yandex.ru

Discovery of the First Neanderthals' Fireplace in Chagyrskaya Cave in the Altai Mountains

During the field season of 2016, for the first time, a fireplace was found in the lower cultural layer in Chagyrskaya Cave. According to the stratigraphic position in the lower part of layer 6в/2, the fireplace was made at one of initial stages of cave occupation by the Neanderthals. The fireplace has been deformed due to the impact of frost. Preliminarily, several types of fuel from the filling of the fireplace have been identified. Using the data obtained, an experiment was conducted, which made it possible to identify several specific features of the fireplace. Presently, this fireplace is the earliest evidence of the deliberate use of fire by the ancient humans in the Altai Mountains.

Keywords: *Paleolithic, Altai Mountains, Neanderthals, Sibiryachikha Facie, fireplace.*

Чагырская пещера, ключевой памятник сибирячихинской фации среднего палеолита Горного Алтая, является уникальным объектом, содержащим многочисленные палеонтологические и антропологические комплексы, коллекции каменных изделий и костяных орудий [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013]. С каждым новым полевым сезоном общий комплекс находок увеличивается. В 2016 г. было обнаружено первое кострище в среднем палеолите Горного Алтая, а в 2017 г. продолжено его исследование. В настоящий момент часть кострища законсервирована, его раскопки будут продолже-

ны в следующих полевых сезонах. Обнаруженный в слоях 6а, 6б, 6в/1 и 6в/2 (в т.ч. в непосредственной близости от кострища) многочисленный палеоантропологический материал, отнесенный к *Homo neanderthalensis*, позволяет утверждать, что костер был разведен представителями неандертальского подвида.

Стратиграфический контекст. Овальное в плане кострище было обнаружено в нижней части стратиграфического разреза пещеры, в нижней части слоя 6в/2 (рис. 1). Поскольку слой 6/в2 является самым нижним культурным подразделением в разрезе, можно сделать вывод, что кострище документирует один из первых этапов заселения пещеры. Незначительная мощность объекта в поперечном разрезе свидетельствует о непродолжительном времени его функционирования. Согласно предварительным данным абсолютного датирования, накопление слоя 6в/2 относится к финалу МИС 4.

Изначально линзовидное в поперечном разрезе кострище было значительно деформировано в результате постдепозиционных процессов. Часть кострища ориентирована вертикально. Находящиеся рядом или в поле действия костра удлиненные каменные артефакты, галька и обломки костей также были ориентированы вертикально. Отложения были зафиксированы во вторичном залегании, в некоторых местах отложения стратиграфически самого нижнего в разрезе слоя 7 находились над слоем 6в/2. Детальный микростратиграфический анализ показал, что форма кострища изменилась в результате мощного морозного воздействия. Первоначальная позиция костра была субгоризонтальной, он располагался на 5 см выше границы слоев 6в/2 и 7.

Заполнение кострища. Верхняя часть заполнения представлена светло-серым золистым участком, под которым прослеживается прослой с углями хорошей сохранности, пригодными для определения породы дерева, и несколькими мелкими обожженными фрагментами неопределимых костей. Нижняя часть кострища представляет собой бурокоричневый прокаленный суглинок.

В остатках кострища собрано ок. 100 мелких древесных угольков. Все они представляют собой небольшие фрагменты веток или стволов кустарниковых растений, длина которых колеблется от нескольких миллиметров до 2 см, а диаметр – от 1 до 10 мм. Десять наиболее крупных фрагментов были отобраны для определения видового состава растений по анатомическим признакам. Наиболее крупный образец из этой серии – № 1, размером в поперечнике 11 × 6 мм, насчитывающий не менее пяти четко различимых годовых колец, позволил сделать предварительное определение

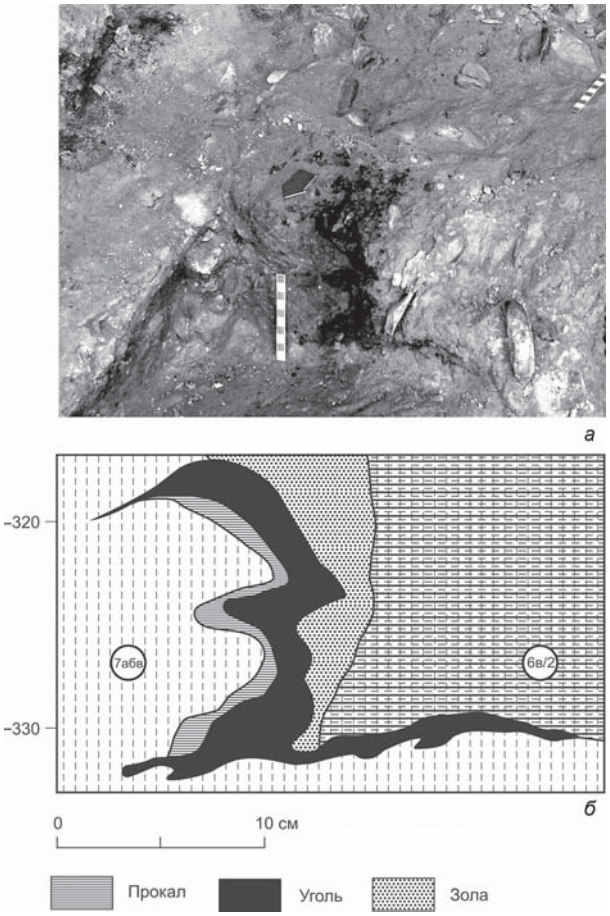

Рис. 1. Кострище в нижнем культурном слое Чагырской пещеры.
а – общий вид; *б* – поперечный разрез.

по поперечному срезу. Древесину можно уверенно отнести к хвойным, возможно, к лиственнице (рис. 2, *а*). Более точное определение будет проведено на основании детального анатомического анализа всех 10 образцов.

Культурный контекст. Каменная индустрия слоя 6в/2 была ориентирована на получение широких и коротких, массивных в поперечном сечении отщепов с радиальных и ортогональных нуклеусов. В слое было обнаружено значительное количество орудий (ок. 30 % типологически определимой коллекции без отходов производства), большую часть которых составляют простые скребла поперечных модификаций, различные типы конвергентных скребел, ретушированные остроконечники. Индустрия слоя отражает полный производственный цикл утилизации каменного сырья, начиная с этапа разжелвачивания галек и заканчивая оформлением орудий. В пользу данного факта свидетельствуют значительное количество отщепов с коркой, технических сколов, ассоциирующихся с радиальной и ортогональной схемами редукции, а также значительное количество чешуек (ок. 90 %) [Ко-

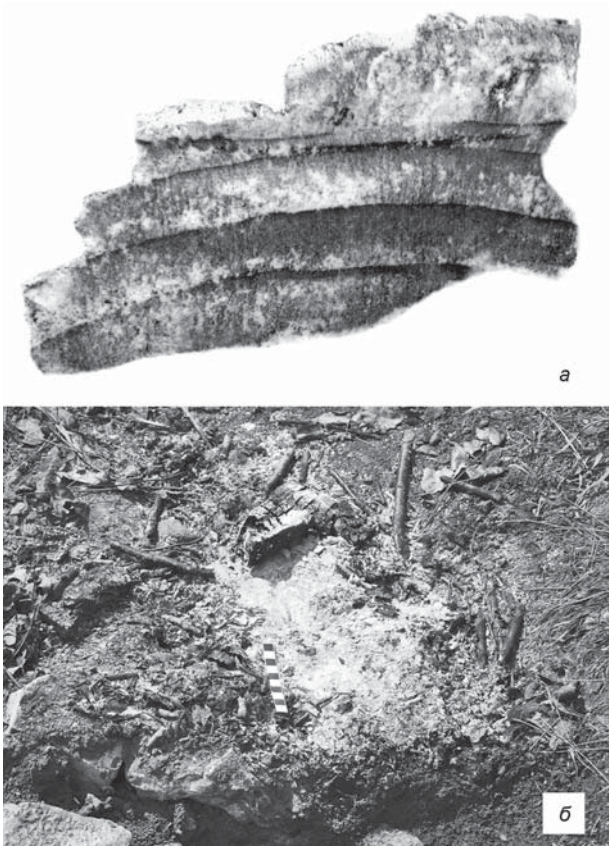

Рис. 2. Образец топлива из костра и экспериментальное кострище.

а – фото поперечного среза фрагмента угля от хвойного растения при 8-кратном увеличении (видны не менее пяти годовых колец; для повышения контрастности в образец втирался меловый порошок); *б* – экспериментальное кострище, поперечный разрез.

лобова и др., 2016]. Ярким элементом комплекса являются костяные неформальные орудия, большую часть которых составляют ретушеры. В непосредственной близости от костра было обнаружено значительное количество каменных артефактов, включая орудия, костяные орудия, при этом в самом кострище артефактов или крупных костей обнаружено не было.

Эксперимент. С целью определения характера и функционального назначения обнаруженного кострища нами был проведен эксперимент, учитывающий основные факторы осадконакопления в пещере и состав топлива. Эксперимент проводился в непосредственной близости от Чагырской пещеры, на противоположном берегу р. Чарыш. В качестве основы для костра использовались обломки известняка из пещеры. Обломки были помещены в яму глубиной 30 см. Затем они были перекрыты отложениями из слоя 7 пещеры, в котором не содержалось культурных остатков. Именно на этих отложениях и был сооружен неандертальцами археологический костер. В качестве топлива нами использовались лиственница (ок. 10 % топлива) и тонкие свежие ветки березы с листьями (ок. 90 % топлива). Выбор березы в качестве топлива был обусловлен ее частым определением в палиноспектрах данного литологического слоя [Rudaya et al., 2017]. Размеры костра примерно соответствовали размерам археологического оригинала.

Эксперимент проводился в несколько этапов.

1. Костер был разведен в сухую безветренную погоду и поддерживался в течение 1,5 ч до полного выгорания топлива. Необходимо отметить, что в процессе функционирования костра вся экспериментальная площадка была задымлена.

2. После остывания экспериментальное кострище было законсервировано с использованием слоя фольги, слоя полиэтиленовой пленки и слоя рыхлых отложений (ок. 15 см, для предотвращения проникновения осадков) и подвергалось вытаптыванию. Спустя неделю кострище было расконсервировано, и раскопано для фиксации поперечного разреза (рис. 2, *б*), который будет сопоставлен с археологическим.

3. Экспериментальное кострище было вновь законсервировано для изучения в следующем полевом сезоне.

На следующий год экспериментальное кострище в комплексе с археологическим будут исследоваться геофизическими методами, включающими магнитометрию, электротомографию и георадиолокацию с целью поиска новых кострищ в рыхлых отложениях Чагырской пещеры. На основе данного опыта будет разрабатываться методика поиска костров в карстовых полостях, содержащих остатки материальной культуры палеолита.

Проведенное сопоставление экспериментального и археологического кострищ показало, что они практически идентичны (исключая морозную деформацию). Морфологические характеристики сохранившихся фрагментов древесного угля, такие как размерность, распространение в заполнителе кострища, также схожи. Исходя из этого, можно сделать заключение, что археологический костер горел непродолжительное время (ок. 2 часов) и продуцировал незначительное количество тепла. Полученные данные носят предварительный характер, для обоснования функциональной специфики необходимы дополнительные исследования.

В настоящий момент кострище из слоя 6в/2 Чагырской пещеры является самым древним задокументированным свидетельством использования огня древним человеком на территории Горного Алтая. Несомненно, новые раскопки на ключевых памятниках региона позволят обнаружить и более ранние остатки костров либо очагов.

Благодарности

Полевые и дендрохронологические исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036); экспериментальные – в рамках проекта РФФИ № 17-29-04122-офи-м; геологические исследования поддержаны Институтом геологических наук Польской академии наук (внутренний проект 2017 г.).

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 89–103.

Колобова К.А., Маркин С.В., Шнайдер С.В., Алишер-кызы С., Селецкий М., Комза К., Зубова А.В., Кишкурно М. Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2016 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 89–93.

Rudaya N., Vasiliev S., Viola B., Talamo S., Markin S. Palaeoenvironments during the period of the Neanderthals settlement in Chagyrskaya cave (Altai Mountains, Russia) // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2015. – Vol. 467. – P. 265–276.

Reference

Derevianko A.P., Markin S.V., Shunkov M.V. The Sibiryachikha Facies of the Middle Paleolithic of the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2013, vol. 41, pp. 89–103.

Kolobova K.A., Markin S.V., Shnaider S.V., Alisherkyzy S., Seletskii M.V., Komza K., Zubova A.V., Kishkurno M.S. The Middle Paleolithic Complexes of the Chagyrskaya Cave: 2016 Field Results. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 89–93 (in Russ.).

Rudaya N., Vasiliev S., Viola B., Talamo S., Markin S. Palaeoenvironments during the period of the Neanderthals settlement in Chagyrskaya cave (Altai Mountains, Russia). *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 2017, vol. 467, pp. 265–276.

УДК 902.22

К.А. Колобова[1], С.В. Шнайдер[1, 2], М.Т. Крайцаж[3], М. Боманн[4], С.В. Маркин[1], С. Алишер-кызы[2], М.В. Селецкий[2], Д.А. Завгородняя[2], Э. Аладжем[5], А.Ю. Федорченко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Институт геологических наук, Исследовательский центр, Польша
[4]Университет Бордо, PACEA UMR 5199, Франция
[5]Управление древностей Израиля
E-mail: kolobovak@yandex.ru

Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в 2017 году

Чагырская пещера является ключевым объектом сибирячихинской фации среднего палеолита Горного Алтая. В полевом сезоне 2017 г. было продолжено исследование объекта; в культуросодержащих слоях пещеры сделаны новые многочисленные находки каменных артефактов, палеонтологического и палеоантропологического материала. В процессе работ были получены новые данные по стратиграфии, седиментологии и планиграфии Чагырской пещеры. Предварительно определен генезис стерильных в культурном отношении и культуросодержащих слоев памятника. Новые данные по нижним культуросодержащим слоям подтверждаются планиграфическими построениями. Уникальными для исследуемого периода и региона находками являются многочисленные костяные изделия, включающие ретушеры, отжимники и посредники.

Ключевые слова: *палеолит, Алтай, неандертальцы, сибярячихинская линия развития, костяные орудия.*

K.A. Kolobova[1], S.V. Shnaider[1, 2], M.T. Krajcarz[3], M. Baumann[4], S.V. Markin[1], S. Alisher-kyzy[2], M.V. Seletskiy[2], D.A. Zavgorodnyaya[2], E. Aladjem[5], A.Yu. Fedorchenko[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Institute of Geological Sciences, Research Centre, Poland
[4]University of Bordeaux, PACEA UMR 5199, France
[5]Israel Antiquities Authority
E-mail: kolobovak@yandex.ru

Research of the Middle Paleolithic Complexes from Chagyrskaya Cave in 2017

Chagyrskaya Cave is a key site of the Sibiryachikha Facies of the Middle Paleolithic in the Altai Mountains. Field research at the site was continued in 2017. New and numerous assemblages of stone artifacts as well as paleontological and paleoanthropological materials were obtained in the culture-bearing layers of the cave, and new data on stratigraphy, sedimentology, and planigraphy of the Chagyrskaya Cave was obtained. The genesis of the culturally sterile layers and cultural-bearing layers was preliminary identified. New geological data concerning the lower cultural layers is supported by new spatial data. Numerous bone tools, such as retouchers, pressure tools, and billets are the unique finds for the regional Middle Paleolithic.

Keywords: *Paleolithic, Altai Mountains, Neanderthals, Sibiryachikha Facies, bone tools.*

В последние годы территория Горного Алтая стала известна мировой научной общественности как область, активно обживавшаяся неандертальцами на разных этапах среднего палеолита. Чагырская пещера является одним из ключевых памятников по изучению данного вопроса, поскольку здесь был получен многочисленный уникальный палеоантропологический материал, принадлежащий ископаемому человеку неандертальского антропологического типа [Деревянко и др., 2013]. В данной статье представлены результаты полевых раскопок в Чагырской пещере в 2017 г.

Пещера расположена в среднегорном районе Северо-Западного Алтая и приурочена к левому борту долины р. Чарыш, дренирующей отроги северного склона Тигерекского хребта. Абсолютный уровень реки вблизи карстовой полости составляет 334,3 м. Пещера имеет северную экспозицию и располагается на высоте 19 м над уровнем Чарыша, своей приустьевой частью она выходит на вертикальную поверхность уступа цокольной террасы высотой 50–60 м, сложенного серыми массивными нижнесилурийскими известняками чагырской свиты. Пещера имеет два зала общей площадью ок. 130 м^2, один из них дает начало трем почти полностью погребенным горизонтальным и вертикальным галереям.

В составе заполнителя пещеры выделяются голоценовые (2–3) и неоплейстоценовые (5–7) слои (рис. 1, *а*).

Слой 1 не представлен в стратиграфическом разрезе 2017 г.

Слой 2 – желтовато-коричневая супесь со значительным содержанием речной гальки. Расположение галек внахлест по отношению друг к другу явно прослеживается в продольном профиле, что свидетельствует о направлении их перемещения от внутренней части пещеры к выходу. Это обстоятельство позволяет связывать данные осадки или с флювиальной активностью (что исключено в пещере), или с солифлюкционными процессами (отложения медленно сползали в условиях холода).

Слой 3 – супесь, подобная рыхлым отложениям слоя 2, однако более серого оттенка. Слой содержит многочисленные археологические находки бронзового века.

Слой 4 не представлен в стратиграфическом разрезе 2017 г.

Слой 5, состоящий из желтоватых легких суглинков, включает два типа отложений, которые могут рассматриваться как отдельные слои или прослои. Слой 5а – легкий суглинок с присутствием редких галек и редких угловатых обломков известняка. Слой 5б – известняковый обломочный материал, содержащий угловатые обломки породы размером до 0,5 м в наибольшем измерении с заполнением из суглинка, однако местами без рыхлого заполнения, что свидетельствует об очень быстрой аккумуляции. Осадки слоя 5а заполняют эрозионные каналы глубиной в несколько десятков сантиметров со скругленным дном, прорезающие даже нижележащие отложения слоя 6а или слоя 5б. Эти отложения представляют сплошные коллювиальные потоки, сформированные текущей водой. Осадки слоя 5б – это следствие обвала, вероятнее всего связанного с сейсмическим событием. Отложения слоев 5а и 5б накапливались попеременно.

Слой 6а – светло-коричневый легкий суглинок с редкими угловатыми обломками известняка, содержащий многочисленные костные обломки, каменные артефакты и гальки. Слой сформировался в результате коллювиальных процессов, когда отложения были перемещены из внутренней части пещеры по направлению к северу (к выходу из пещеры). В разрезе 2017 г. представлен только небольшой фрагмент данного слоя, поскольку большая его часть была уничтожена в результате эрозионных процессов, наблюдаемых в слое 5.

Слой 6б не представлен в стратиграфическом разрезе 2017 г.

Слой 6в – серая супесь с мелкими речными гальками, фрагментами костей, каменными артефактами и редкими обломками известняка. В разрезе слой имеет сложную структуру и может быть разделен на два стратиграфических подразделения. Слой 6в/1 имеет коричневый оттенок, а слой 6в/2 – серый. Отложения слоев в значительной степени потревожены мерзлотными процессами вместе со слоями 7, 6д и 6а. Первоначальная мощность этих осадков неизвестна, поскольку они были также потревожены эрозионными процессами, описанными для слоев 6а и 5.

Слой 6д – красно-коричневый суглинок с окатанными обломками известняка и гальками. Он содержит участки слоя 7, перемешанные с отложениями, аналогичными отложениям слоя 6в, сложившимися в результате вертикального перемещения под воздействием мерзлотных процессов. Весь слой является постдепозиционным агломератом отложений слоев 6в и 7. Пространственное распространение постдепозиционных нарушений, которые влияли на слои 7–6д–6в–6а, свидетельствует о смешении отложений. Это событие произошло после формирования слоя 6а, т.е. после того времени, когда неандертальцы обитали в пещере.

Слой 7 – красно-коричневые глины или красно-коричневые тяжелые суглинки с окатанными в результате химических процессов обломками известняков и галек. Локально присутствуют прослои

Рис. 1. Стратиграфический разрез отложений Чагырской пещеры по линии 9 (*а*) и пространственное распределение находок на квадратах И-8, К-8 в подошве слоя 6в/1 (*б*).

зеленоватого легкого суглинка. Данные отложения залегают на скальном основании пещеры. Наличие галек и красных глин свидетельствует о многофакторном генезисе слоя. Гальки могли быть привнесены в пещеру с поверхности цокольной террасы, располагающейся над объектом, через колодцы в результате коллювиальных процессов. Красная глина является типичным продуктом выветривания (тип *terra rossa*), который аккумулируется как остаточный материал в процессе карстового растворения известняков. Можно предположить, что аллювиальные отложения и глины накапливались разновременно и представлены во вторичном залегании в результате коллювиальных процессов.

Данные абсолютного датирования свидетельствуют о возрасте культуросодержащих отложений, укладывающемся в промежуток конца OIS-4 и начала OIS-3.

Предварительные геологические данные свидетельствуют об относительно незначительных постдепозиционных нарушениях нижних культурных слоев. Это подтверждают новые планиграфические данные (рис. 1, *б*). В основании слоя 6в/1 в квадратах И-8 и К-8 была обнаружена производственная площадка, представленная, судя по распространению находок различных категорий и направлению удлиненных артефактов, практически в непотревоженном состоянии. Учитывая наличие наковальни, окруженной отбойниками, нуклеусами, костяными ретушерами, продуктами первичного расщепления (отщепы, чешуйки) и каменными орудиями, данная площадь использовалась как мастерская для первичного расщепления и вторичной обработки каменного сырья.

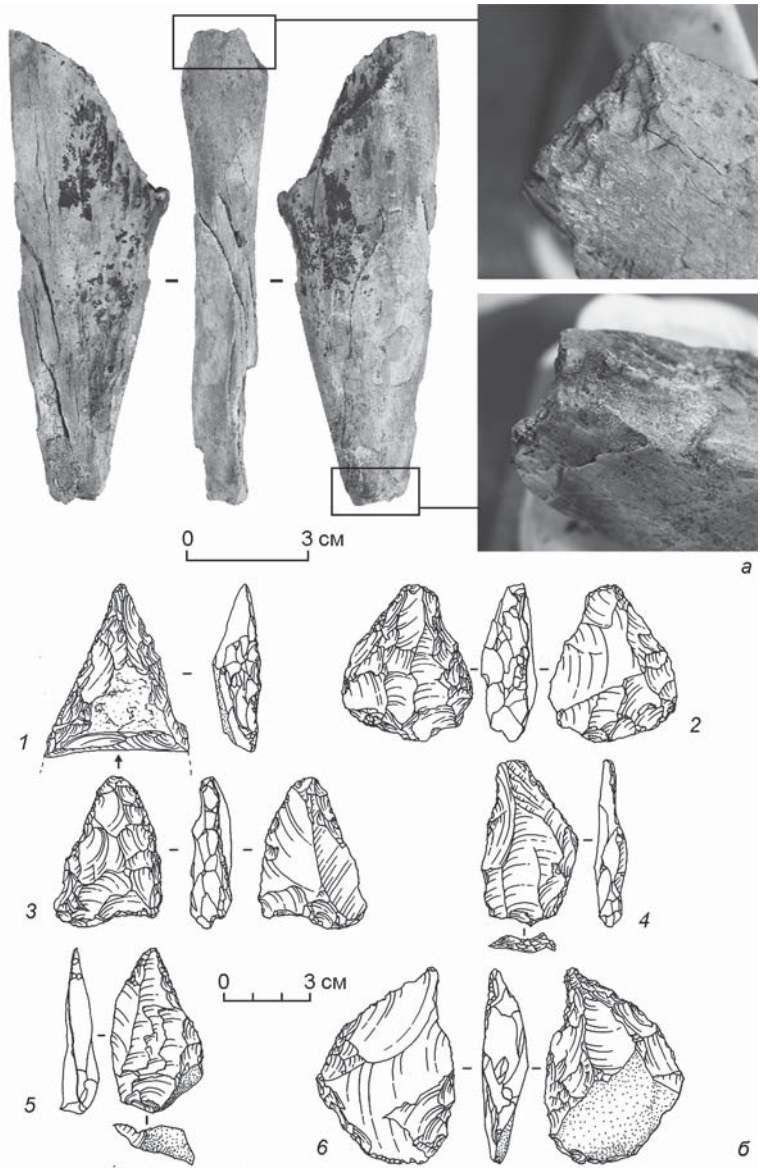

Рис. 2. Комбинированное костяное (*а*) и каменные (*б*) орудия из среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры.

1, 5 – подтреугольное и подсегментовидное ретушированные острия; *2, 3* – плоско-выпуклые двусторонние скребла; *4* – скол с ретушью; *6* – подсегментовидное конвергентное скребло.

В результате полевых исследований 2017 г. было обнаружено 70 костяных орудий, большинство из которых являются ретушерами (87,1 %). Костяные орудия изготавливались на фрагментах трубчатых костей или ребер средних или крупных копытных животных. Были определены фрагменты большеберцовых и плечевых костей бизонов и лошадей. Судя по метрическим характеристикам, для изготовления орудий предпочитались кости с наибольшей толщиной (в среднем 0,9 см). Коллекция также включает орудия-посредники (24,3 %), артефакты с латеральной ретушью (5,7 %) и один отжимник. Зачастую одна заготовка костяного орудия демонстрирует две различных по кинематике зоны активности (17,1 %; рис. 2, *а*). В ходе исследования не было зафиксировано значительной разницы между заготовками и орудиями, с одним исключением: орудия-посредники имеют больший индекс удлиненности, чем остальные типы. Различные типы костяных орудий представлены в каждом культурном слое, однако наибольшая концентрация фиксируется в двух нижних слоях. Из 70 обнаруженных костяных орудий к слою 5 относятся 3 экз.;

к слою 6а – 6; к слою 6в/1 – 5; 6в/2 – 27; к слою 6д – также 27; не привязаны к слою – 2 экз.

Общая коллекция артефактов, найденных в слоях 6а, 6в/1, 6в/2 и 6д, насчитывает ок. 35 тыс. экз. Их них к отходам производства, включающим обломки, осколки, чешуйки, отщепы до 20 мм, было отнесено приблизительно 95 %. Типологически определимые ядрища в исследуемых комплексах немногочисленны и представлены радиальными и ортогональными вариантами. Первичное расщепление было ориентировано на получение отщепов. Значительную долю сколов составляют различные варианты технических сколов. В комплексах не зафиксировано следов применения техники левалуа и пластинчатой технологии. Орудийный набор включает острия с ретушью (рис. 2, *б, 1, 5*), скребла различных модификаций (рис. 2, *б, 6*), двусторонние острия, двусторонне обработанные скребла (рис. 2, *б*, *2, 3*), сколы с ретушью (рис. 2, *б*, *4)* и неопределимые орудия. Скребки, зубчатые и выемчатые формы немногочисленны.

Антропологическая часть комплекса представлена правой ключицей предположительно взрослого индивида, частичной сохранности. Грудинный конец ключицы (extermitas sternalis) посмертно утрачен. По методике В.П. Алексеева были оценены основные доступные при данной сохранности антропологического материала остеометрические показатели [Алексеев, 1966, с. 67]. Вертикальный диаметр составляет 12,48 мм, сагиттальный диаметр 10,27 мм. Окружность ключицы в середине кости – 37 мм.

Новые данные по археологии, геологии, планиграфии, палеонтологии, антропологии, которые в результате полевых работ ежегодно предоставляют комплексы Чагырской пещеры, с одной стороны, свидетельствуют об уникальности этого памятника, а с другой – обосновывают необходимость продолжения его исследований.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Алексеев В.П. Остеометрия: методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 249 с.

Деревянко А.П., Маркин В.С., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Сизикова А.О., Солотчина Э.П., Смолянинова Л.Г., Антипов А.С. Чагырская пещера – стоянка среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 2–27.

References

Alekseev V.P. Osteometriya: metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1966, 249 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Sizikova A.O., Solotchina E.P., Smolyaninova L.G., Antipov A.S. Chagyrskaya Cave: A Middle Paleolithic Site in the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 41, pp. 2–27.

УДК 902.01

А.И. Кривошапкин[1, 2], Б. Виола[3], Т. Чаргынов[4], М. Крайцаж[5], К.А. Колобова[1, 2], С.В. Шнайдер[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Университет Торонто, Канада
[4]Кыргызский национальный университет
[5]Институт геологических наук, Исследовательский центр, Польша
E-mail: krivoshapkin@mail.ru

Исследования палеолитических комплексов пещеры Сельунгур в 2017 году

В полевом сезоне 2017 г. продолжились исследования пещеры Сельунгур – ключевого памятника нижнего и среднего палеолита западной части Центральной Азии. В результате работ 2014–2016 гг. на основе каменных комплексов слоев 4–6 предвходовой части пещеры был выделен новый индустриальный вариант среднего палеолита Центральной Азии с относительно ранней хронологией. Данная индустрия в технологическом и типологическом отношении значительно отличается от других среднепалеолитических комплексов региона. На новом этапе исследований раскопки в предходовой зоне были продолжены, в результате чего были получены новые материалы, по своим технико-типологическим параметрам схожие с описанным среднепалеолитическим комплексом, однако имеющие более древний хронологический контекст.

Ключевые слова: *средний палеолит, Центральная Азия, хронология, стратиграфия.*

A.I. Krivoshapkin[1, 2], B. Viola[3], T. Chargynov[4], M. Krajcarz[5], K.A. Kolobova[1, 2], S.V. Shnaider[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]University of Toronto, Canada
[4]Kyrgyzstan National University
[5]Institute of Geological Sciences, Research Centre, Poland
E-mail: krivoshapkin@mail.ru

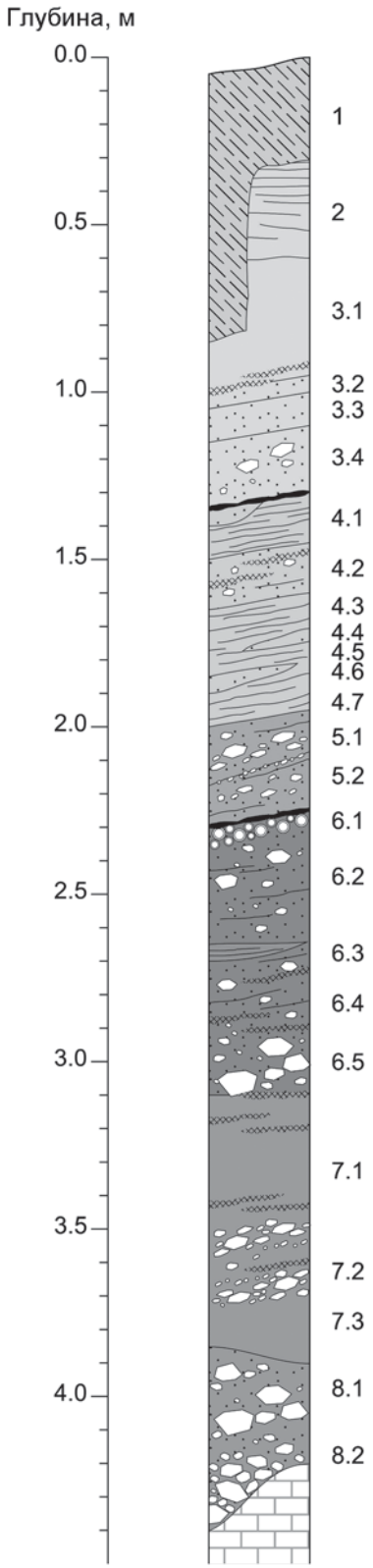
Research of Paleolithic Complexes in Sel-Ungur Cave in 2017

Field research in Sel-Ungur Cave, a key site for the study of the Lower and Middle Paleolithic in the western part of the Central Asia, was continued in 2017. Archaeological works at the site in 2014–2016 resulted in identification of a new industrial variant of the Central Asian Middle Paleolithic with a relatively early chronology, based on lithic complexes from layers 4–6 in the area before the entrance to the cave. This industry technologically and typologically differs from other Middle Paleolithic complexes of the region. At a new phase of research, excavations in the entrance zone were continued, which resulted in obtaining new assemblages, technologically and typologically similar to the Middle Paleolithic complexes mentioned above, but with the earlier chronological context.

Keywords: *Middle Paleolithic, Central Asia, chronology, stratigraphy.*

В результате интенсивных исследований культурных отложений пещеры Сельунгур, проведенных экспедицией Института археологии АН РУз под руководством д-ра ист. наук У.И. Исламова в 1980-х гг., данный памятник, расположенный в Ферганской долине Республики Кыргызстан, в течение долгих лет считался ключевым раннепалеолитическим объектом Центральной Азии. Учитывая крайнюю недостаточность опубликованных данных, касающихся как условий залегания каменного материала, так и технико-типологических характеристик комплексов пеще-

ры Сельунгур, а также затруднения, связанные с возможностью повторного изучения полученных в 80-е гг. XX в. археологических коллекций [Viola, Krivoshapkin, 2014], в 2014 г. археологические работы на памятнике были возобновлены и продолжаются до настоящего времени.

Предварительные результаты нового этапа изучения культурных отложений пещеры Сельунгур показали, что данный объект содержит преимущественно среднепалеолитический материал. В результате исследований 2014–2016 гг. на основе каменных комплексов слоев 4–6 из предвходовой части пещеры был выделен новый индустриальный вариант среднего палеолита Центральной Азии с относительно ранней хронологией. Данная индустрия характеризуется следующими технологическими и типологическими параметрами: 1) доминированием плоскостных нуклеусов, направленных на получение укороченных снятий в параллельном, радиальном и ортогональном направлениях, с соответствующим набором технических сколов; 2) ориентацией на получение коротких массивных отщепов с крупными ударными площадками; 3) наличием бифасов, выполненных в плоско-выпуклой манере, и сколов их оформления; 4) наличием уникальных для региона орудийных типов (остриев типа тейяк, мустьерских стамесок, скребел сельунгурского типа). Перечисленные характеристики заметно отличают индустрии Сельунгура от остальных среднепалеолитических технокомплексов западной части Центральной Азии.

В 2017 г. работы на предвходовой площадке пещеры были продолжены. Общая площадь раскопа составляла от 6 до 2 м^2 сверху вниз по разрезу. Описание стратиграфии разреза стоянки представлено сверху вниз (рис. 1).

Слой 1 состоит из нескольких прослоев светло-серой рыхлой породы с обломками известняка и тонкими прослойками гуано. В слое встречаются фрагменты керамики и угля, нижняя граница резкая, эрозионная. Отложения являются культурными, антропогенными. Истинная мощность – до 0,85 м.

Слой 2 делится на два прослоя. Верхний прослой состоит из желтоватых слоистых осадочных отложений, нижний – из желтоватого лессовидного осадка без обломочного материала. Нижняя граница слоя горизонтальная, отложения могут рассматриваться как лесс. Истинная мощность – до 0,6 м.

Слой 3 представлен желтоватыми осадочными отложениями с мелкими обломками известняка из более древних отложений. Нижняя граница слоя резкая, присутствуют тоненькие марганцевые прослои. Образование слоя связано с солифлюкционной деятельностью. Истинная мощность – до 0,35 м.

Рис. 1. Поперечный стратиграфический разрез отложений пещеры Сельунгур.

Слой 4 представлен желтоватыми отложениями, состоящими из коллювиальной серии прослоев переменной литологии. Истинная мощность слоя – до 0,65 м.

Прослой 4.1 – слоистые отложения, состоящие из желтоватых суглинков с градуированной слоистостью. Прослой состоит из лессовых отложений, которые промывались на склоне талой/дождевой водой. Истинная мощность – до 0,1 м.

Прослой 4.2 – бесструктурные отложения коллювиального генезиса с множеством мелких обломков известняка и редкими костями. Истинная мощность – до 0,15 м.

Прослой 4.3 – осадочные отложения, состоящие из желтоватых глинистых прослоев (слойков) с градуированной слоистостью. Отложения лессовые, промывались на склоне талой/дождевой водой. Истинная мощность – до 0,1 м.

Прослой 4.4 – бесструктурные отложения коллювиального генезиса с множеством мелких обломков известняка и редкими костями. Прослой образовался вследствие коллювиальной деятельности. Истинная мощность – до 0,02 м.

Прослой 4.5 – слоистые отложения, состоящие из желтоватых глинистых слойков с градуированной слоистостью. Отложения лессовые, промывались на склоне талой/дождевой водой. Истинная мощность – до 0,08 м.

Прослой 4.6 – бесструктурные отложения коллювиального генезиса с множеством мелких обломков известняка и редкими костями плоскостной структуры. Истинная мощность – до 0,05 м.

Прослой 4.7 – осадочные отложения, состоящие из желтоватых глинистых слойков с градуированной слоистостью. Отложения лессовые, промывались на склоне талой/дождевой водой. Истинная мощность – до 0,15 м.

Слой 5 (прослои 5.1 и 5.2) – желтоватый суглинок с многочисленными мелко- и среднезернистыми обломками известняка, костями и каменными артефактами. Образование слоя связано с массовыми движениями коллювиальных осадков. Истинная мощность – до 0,3 м [Кривошапкин и др., 2016].

Слой 6 – коричневый средний суглинок с редкими обломками известняка, с незначительным уклоном по плоскости, содержащий кости и копролиты, особенно частые в верхней части отложений, сложенной текущими потоками. Верхняя часть отложений слоя незначительно горизонтально ламинирована. Нижняя часть отложений слоя состоит из глин, отложившихся в условиях временных мелких водоемов (наиболее крупный прослой этого типа – 6.3), перекрывающих прослой из обломков известняка со случайными структурно-текстурными элементами. Последний прослой 6.5 располагается *in situ*.

Слой 7 – лессовидные массивные суглинки с многочисленными включениями карбонатных прослоев без обломков известняка, с фрагментами костей, перекрывающие известняковый щебень (прослой 7.2).

Слой 8 состоит из угловатых обломков известняка с незначительным уклоном по плоскости, находящихся в заполнении легкого суглинка.

В ходе раскопок в нижней части разреза (слои 7, 8) были обнаружены немногочисленные, однако яркие комплексы каменных артефактов (слой 7.1 – 2 экз.; слой 7.2 – 4 экз.; слой 7.3 – 12 экз.; слой 8 – 55 экз.). Палеонтологический материал трудноопределим в силу плохой сохранности. Несмотря на разное в количественном отношении наполнение слоев археологическим материалом, его можно рассматривать в совокупности благодаря схожим технико-типологическим характеристикам.

Большую часть коллекции составляют отходы производства – осколки/обломки (39,72 %) и чешуйки (30,12 %). Отщепы составляют 20,54 % всей коллекции (рис. 2, *1, 8*). Технические сколы – 9,5 %, они представлены различными вариантами краевых сколов, характеризующихся крутолатеральным поперечным сечением, краевыми сколами с радиальных нуклеусов (рис. 2, *4, 6*) и одним сколом утончения бифаса (рис. 2, *5*). Нуклеусов, пренуклеусов либо фрагментов апробированного сырья обнаружено не было.

В комплексе представлены сколы разнообразных форм. В большинстве случаев типологически определимые сколы имеют гладкую ударную площадку без подработки, в нескольких случаях отмечено снятие карниза. Размеры остаточных ударных площадок варьируют от 14,5 × 3,51 до 50,8 × × 14,2 мм. Среди огранок дорсальных поверхностей доминируют радиальные и ортогональные. Около половины сколов несут на дорсальных плоскостях участки кортикальной поверхности. Сколы с совпадающими технологической осью и осью длины и сколы, у которых эти оси не совпадают, распределяются в равных пропорциях. Зафиксированы разнообразные типы поперечных сечений, среди которых доминируют треугольные и латерально-крутые. Среди дистальных окончаний сколов фиксируются перьевидные, заныривающие и тупые.

Орудийный набор насчитывает 5 экз.: три отщепа с ретушью (рис. 2, *2*), диагональное скребло (рис. 2, *9*) и скребло сельунгурского типа с дорсальной ретушью в дистальной части орудия на массивном укороченном отщепе с крупной ударной площадкой (рис. 2, *7*).

В целом, описываемая индустрия имеет явную направленность на производство укороченных отщепов, часто с крупными ударными площадками.

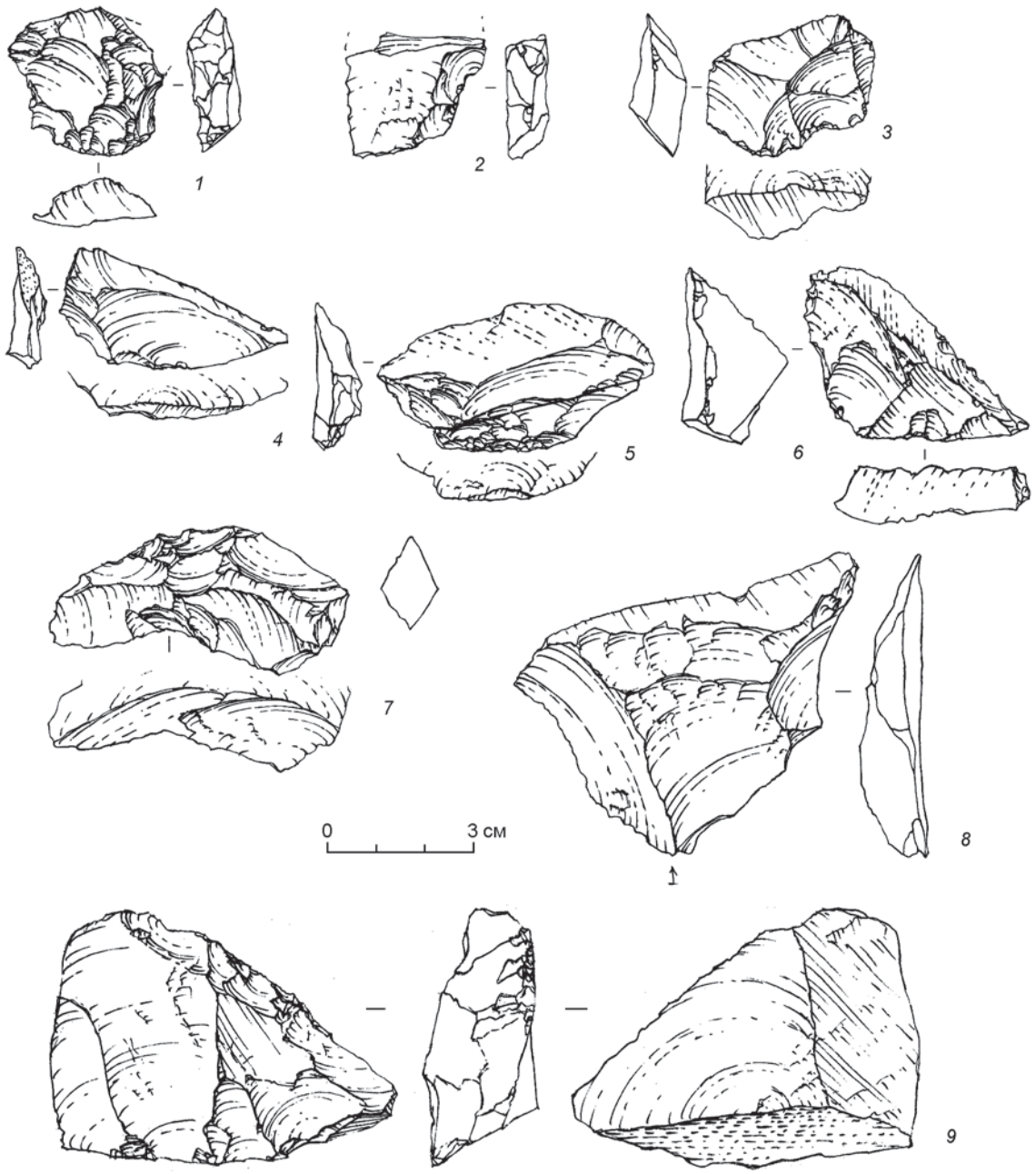

Рис. 2. Каменные артефакты из слоев 7, 8 пещеры Сельунгур.

1, 3, 8 – отщепы; *2* – отщеп с ретушью; *4, 6* – краевые сколы с радиальных нуклеусов; *5* – скол утончения бифаса; *7* – скребло сельунгурского типа; *9* – диагональное скребло.

Состав технических сколов, типы огранок дорсальных поверхностей и соотношение технологических осей и осей длины изделий достаточно убедительно свидетельствуют в пользу утилизации радиальных и ортогональных нуклеусов. Свидетельств реализации удлиненных сколов либо применения техники леваллуа не зафиксировано.

Перечисленные характеристики свидетельствуют о значительном технологическом и типологическом сходстве между индустриями комплексов из слоев 4–6 [Кривошапкин и др., 2016] и 7, 8. Общими чертами являются отщеповый характер индустрий, преимущественное получение коротких массивных сколов с крупными ударными площадками в рамках радиального и ортогонального расщепления. В обоих комплексах доминируют гладкие остаточные ударные площадки сколов с достаточно редкими случаями снятия карниза. Присутствие скола утончения двухстороннего орудия в нижнем комплексе может косвенно свидетельствовать о возможном изготовлении бифасов. Наличие скребла сельунгурского типа является ярким маркером, свидетельствующим о несомненном сходстве рассматриваемых ансам-

блей. При этом сколы в верхней части разреза имеют более стандартизированную форму и чаще реализовывались удачно, судя по соотношению типов дистальных окончаний.

До получения новых результатов абсолютного датирования для верхнего комплекса была принята дата 126 ± 5 тыс. л.н. [Vishnyatsky, 1999, p. 110; Кривошапкин и др., 2016]. В стратиграфическом отношении верхний (слои 4–6) и нижний (слои 7, 8) комплексы пещеры Сельунгур разделены стерильной прослойкой мощностью около метра (см. рис. 1), что свидетельствует о большей древности нижнего комплекса. Обнаружение нижнего комплекса артефактов, по своим технико-типологическим характеристикам соответствующих показателям индустрий слоев 4–6, вероятнее всего, подтверждает более раннее время зарождения сельунгурского варианта среднего палеолита в регионе. Проведение абсолютного датирования и новые исследования на объекте смогут ответить на вопрос, чем является нижний комплекс пещеры Сельунгур: ранним проявлением среднего палеолита региона или поздним примером нижнепалеолитических индустрий.

Благодарности

Полевые работы выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036); лабораторное изучение материала проведено в рамках проекта РГНФ № 15-31-01000.

Список литературы

Кривошапкин А.И., Виола Б., Чаргынов Т., Крайцарж М., Колобова К.А., Шнайдер С.В., Романенко М.Е. Исследования среднепалеолитических комплексов пещеры Сельунгур в полевом сезоне 2016 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 94–99.

Viola B., Krivoshapkin A.I. Sel'ungur – Middle Plistocene Hominins in Central Asia? // Cultural developments in the Eurasian Paleolithic and the origin of anatomically modern humans. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. – P. 172–178.

Vishnyatsky L.B. The Palaeolithic of Central Asia // J. of World Prehistory. – 1999. – N 13. – P. 69–122.

References

Krivoshapkin A.I., Viola B., Chargynov T., Kraitsarzh M., Kolobova K.A., Shnaider S.V., Romanenko M.E. Issledovaniya srednepaleoliticheskikh kompleksov peshchery Sel'ungur v polevom sezone 2016 goda/ In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ. 2016, vol. XXII, pp. 94–99 (in Russ.).

Viola B., Krivoshapkin A.I. Sel'ungur – Middle Plistocene Hominins in Central Asia? In *Cultural developments in the Eurasian Paleolithic and the origin of anatomically modern humans*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, pp. 172–178.

Vishnyatsky L.B. The Palaeolithic of Central Asia. *Journal of World Prehistory*, 1999, No. 13, pp. 69–122.

УДК 903-03+550.81

Н.А. Кулик[1], Л.В. Лбова[1], А.В. Барков[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: lbovapnr5@gmail.com

Сырьевые стратегии верхнепалеолитического населения Малой Сыи

В статье представлены результаты анализа сырьевой базы и геологического строения территории, на которой расположен известный памятник верхнего палеолита – Малая Сыя. Местонахождение демонстрирует один из редких случаев локализации палеолитической культуры в горном обрамлении Северо-Минусинской котловины, и современный этап исследований открывает новые возможности для установления пространственных связей населения юга Средней Сибири в эпоху палеолита. Геолого-петрографическая оценка района памятника, характер сырья в целом и коллекции артефактов указывают на наличие двух стратегий в отборе каменного сырья. Первая подразумевает использование местного сырья для производства орудий и получения пигмента. Вторая предполагает использование приносимого, «экзотического» сырья (талькитов) для изготовления предметов неутилитарного назначения.

Ключевые слова: *каменное сырье, стратегия, верхний палеолит, Сибирь.*

N.A. Kulik[1], L.V. Lbova[1], A.V. Barkov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2] Novosibirsk State University
E-mail: lbovapnr5@gmail.com

Raw Material Strategies of the Upper Paleolithic Population from Malya Syya

The article presents the results of analyzing the raw material base and geological structure of the territory where a well known Upper Paleolithic site of Malaya Syya is located. This site is one of the rare cases when a Paleolithic culture was found in the mountain frame of the North Minusinsk Depression. The current research stage offers new opportunities for establishing the spatial ties of the population which inhabited the south of the Middle Siberia in the Paleolithic. Geological and petrographic analysis of the site, and analysis of raw materials and collection of artifacts showed the presence of two strategies for selecting stone raw materials. First strategy involved the use of local raw materials for producing tools and pigments. Second strategy implied the use of "exotic" raw materials (talcites), which were imported for producing non-utilitarian objects.

Keywords: *stone raw materials, strategy, Upper Paleolithic, Siberia.*

Определение культурно-типологической принадлежности, хронологии и корреляция материалов изучаемого объекта с известными, хорошо изученными опорными геоархеологическими объектами способствуют решению вопросов типологической принадлежности к археологической культурной общности, археологического районирования, определения культурной специфики и т.д. Анализ сырьевой базы позволяет установить характер адаптационных стратегий, территориальные связи, вероятность культурной трансляции и социальных миграций. Ресурсные стратегии освоения территории, используемые палеолитическими обществами, являются определяющими для охотников-собирателей и предполагают существование подвижных, постоянно функционирующих механизмов обеспечения основных потребностей сообществ – присвоения ресурсов [Хаценович, Рыбин, 2012; Kulik, 2014]. В нашем случае интерес представляют как использование

«экзотического» каменного сырья, так и оценка территориальных, пространственных связей обитателей стоянки.

Объект расположен на территории Ефремкинского карстового участка на восточном склоне Кузнецкого Алатау, на его границе с Северо-Минусинской котловиной, и приурочен к левобережью р. Белый Июс (приток р. Чулым) в среднем ее течении [Барков, 2016; Ларичев, Холюшкин, 1992; Лбова и др., 2014, 2015; Лисицын, 2000; Холюшкин, 2009; и др.]. Радиоуглеродные даты аргументированно соотносят комплекс с каргинским временем с датировками в интервале 28–36 тыс. л.н. [Лбова и др., 2015]. В геологическом отношении эта территория представляет собой тектонический блок раннепалеозойского фундамента, отделенный разломами от Северо-Минусинской котловины, выполненной отложениями девона и карбона. Памятник локализован в северо-западной части блока, вблизи сочленения серии разломов, в поле развития кембрийских магматических пород основного состава, прорванных многочисленными интрузиями ордовикских гранитоидов. Существенно, что в регионе с кембрийскими основными породами связано магнетитовое, а с ордовикскими гранитоидами – медное и медно-молибдено-вольфрамовое оруденение, так что в пределах этого блока оказываются многочисленные мелкие проявления и более десяти медных и железорудных месторождений.

В северной части блока, отграниченной разломом от субширотной западной части Северо-Минусинской котловины, преобладают осадочные отложения кембрия, венда и рифея – алевролиты, песчаники и туфопесчаники, а также доломиты и известняки, содержащие силициты.

Определение пород артефактов и минералов-«экзотов» проводилось под бинокулярной лупой МБС-10 с выборочной проверкой последних методом рентгено-фазового анализа (РФА). Для установления пространственной локализации источников минерализации был проведен геолого-петрографический анализ по серии опубликованных ВСЕГЕИ геологических карт и материалов о полезных ископаемых региона.

Коллекция Малой Сыи интересна тем, что помимо местного галечного сырья для производства массовой каменной индустрии (о чем свидетельствуют остатки галечной поверхности на нуклеусах и отщепах) здесь использовалось и «экзотическое» минеральное сырье, образующее две группы: «пигментсодержащие» материалы (гематит, гетит, лимонит, малахит) и сырье для изготовления уникальных поделок (талькит, раухтопаз, горный хрусталь). Кроме того, следует отметить присутствие обломков магнетитовой руды в пределах планиграфических структур основного культурного слоя, поскольку на некоторых из них наблюдаются следы применения ударной техники. И хотя содержание «экзотов» составляет лишь около 1 % от всего каменного материала коллекции, именно они дали наиболее ценную информацию о сырьевой стратегии и освоении территориальных ресурсов.

В палеолите известно использование «пигментсодержащих» минералов в качестве основы для цветных пигментов: гамма красного (гематит), коричневого и желтого (гетит, гидрогетит) цветов [Errico, 2008; и др.]. Гематит в артефактах присутствует в виде пластинчатых агрегатов, нарастающих на мелко-среднезернистый магнетит. Гетит наиболее широко распространен в этой группе, его псевдоморфозы по гематиту – чешуйчатые, игольчатые и почковидные агрегаты – перекрываются почковидным натечным гидрогетитом и лимонитом. Взаимоотношения минералов железа свидетельствуют об образовании гетита и гидрогетита в зоне окисления первичных гематит-магнетитовых руд, мелкие проявления которых многочисленны в районе памятника. В этой связи становится объяснимым и наличие следов применения ударной техники на обломках магнетитовой руды из культурного слоя; очевидно, от них отсекались участки с гематитом и гетит-гидрогетитом.

Следов обработки на образцах, содержащих малахит, нет. Интерес представляет само нахождение минерала в пределах планиграфических структур культурного слоя, поскольку малахит является наиболее ярким «поисковым признаком» зон окисления. Он присутствует в образцах, представляющих собой брекчию кварцевой жилы, обломки которой сцементированы мелкочешуйчатым гетитом, местами с образованием псевдоморфоз облекания. Малахит приурочен к внутренним частям таких псевдоморфоз – полостям на месте выпавших обломков жильного кварца. Брекчирование кварцевой жилы и совместное нахождение гетита и малахита означают, что образцы взяты из зоны окисления в пределах тектонического разлома, в непосредственной близости от поселения. И хотя первичная рудная минерализация при окислении не сохранилась, очевидно, что она содержала и железо, и медь.

Горный хрусталь представлен различными сколами сырья (9 экз.), в т.ч. с ретушью утилизации. Раухтопаз – 4 экз., из них 2 небольших отщепа и 2 обработанных кристалла. Обилие в ближайшем окружении памятника гранитоидных массивов, в занорышах пегматитовых и кварцевых жил кото-

рых только и могли сохраниться эти прозрачные разности кварца, не оставляет сомнения в их местном источнике.

Наибольший интерес в коллекции «экзотов» представляют артефакты из мягкого поделочного камня. Среди них 7 изделий из группы персональной орнаментации, 5 заготовок и 23 обломка сырья в виде сколов и отщепов, пригодных для дальнейшей обработки. На большей части артефактов имеются следы скалывания. Почти все изделия изготовлены из талькита – скрытокристаллической породы зеленовато-желтого, светло-коричневого, коричнево-бурого, розовато-бежевого, медового оттенков, состоящей из талька с включениями кальцита, хризотил-асбеста, псевдоморфозами по темноцветным силикатам и примесью рудного минерала. Включения повышают твердость талькита по сравнению с чистым тальком до 2,5–3 по шкале Мооса. Заготовки из этого сырья несут следы предварительной обработки резцом. Изделия из него имеют различную геометрическую форму и от одного до трех отверстий, выполненных различными способами (см. статью Л.В. Лбовой, П.В. Волкова и др. в данном томе) [Лбова и др., 2014].

Источником этого вида сырья являются рифейские гипербазиты офиолитовой ассоциации, образующие линзовидные тела в пределах тектонического блока, примыкающего с юго-запада к блоку, в котором находится памятник Малая Сыя. В зоне сопряжения мощных тектонических разломов, разделяющих блоки, гипербазиты превращены в тальки, серпентиниты (с которыми связаны проявления хризотил-асбеста), лиственити и родингиты. Примечательно, что четыре из шести таких линзовидых тел пересекаются западными составляющими Белого Июса на расстоянии, не превышающем 35 км, от памятника.

Анализ геологического строения района и использования каменного сырья позволил установить сырьевую базу и зону активного обитания палеолитического населения Малой Сыи и обнаружить два варианта (или стратегии) освоения каменных ресурсов территории. Главным было использование местного галечного сырья террасы р. Белый Июс в непосредственной близости от палеолитического поселения [Чеха, Оводов, 1992], а выходы окисленных железных и медных руд района обеспечивали доступность «пигментсодержащего» материала. Второй вариант стратегии – доставка сырья (талькитов) для изготовления уникальных предметов неутилитарного назначения – требовал одно-двухдневного перехода.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Барков А.В. Верхнепалеолитический памятник Малая Сыя (Кузнецкий Алатау) // Актуальная археология – 3. Новые интерпретации археологических данных: тез. Междунар. науч. конф. молодых ученых (Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2016 г.). – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2016. – С. 21–23.

Ларичев В.Е., Холюшкин Ю.П. Археология верхнепалеолитического поселения Малая Сыя // Археология, геология и палеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау, Восточный Саян). – Красноярск: Зодиак, 1992. – С. 109–122.

Лбова Л.В., Волков П.В., Долгорукова Н.А., Барков А.В., Ларичев В.Е. Предметы неутилитарного назначения местонахождения Малая Сыя (технологический аспект) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. – С. 91–100.

Лбова Л.В., Панов В.С., Зенин В.Н., Барков А.В. Новые данные о радиоуглеродном возрасте памятника Малая Сыя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 103–106.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. – 232 с.

Хаценович А.М., Рыбин Е.П. Архаичные типы адаптационных стратегий и их развитие в каменном веке // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 3: Археология и этнография. – С. 50–58.

Холюшкин Ю.П. Поселение Малая Сыя – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур *Homo sapiens* в Северной Азии) // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. – Красноярск: Город, 2009. – С. 137–145.

Чеха В.П., Оводов Н.Д. Геология и палеонтология стоянки Малая Сыя // Археология, геология и палеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау, Восточный Саян). – Красноярск: Зодиак, 1992. – С. 109–114.

Errico F., d'. Le rouge et le noir: implications of early pigment use in Africa, the Near East and Europe for the origin of cultural modernity // South African Archaeol. Soc. – 2008. – Vol. 10: Current themes in middle stone age research. – P. 168–174.

Kulik N.A. Raw Materials for Prehistoric tool manufacturing as an ecological factor of the Altai Paleolithic //

Topical issues of the Asian Paleolithic. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. – P. 99–100.

References

Barkov A.V. Verhnepaleoliticheskij pamyatnik Malaya Syya (Kuzneckij Alatau). In *Aktual'naya arheologiya – 3. Novye interpretacii arheologicheskih dannyh: tezisy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh (Sankt-Peterburg, 25–28 aprelya 2016 g.)*. – St.-Petersburg: IHMC RAS Publ., 2016, pp. 21–23 (in Russ.).

D'Errico F. Le rouge et le noir: implications of early pigment use in Africa, the Near East and Europe for the origin of cultural modernity. *South African Archaeological Society.* 2008, vol. 10: Current themes in middle stone age research, pp. 168–174.

Hacenovich A.M., Rybin E.P. Arhaichnye tipy adaptacionnyh strategij i ih razvitie v kamennom veke. *Vestnik NSU*. Ser.: Istoriya, filologiya. 2012, vol. 11, iss. 3: Arheologiya i etnografiya, pp. 50–58 (in Russ.).

Holyushkin Y.P. Poselenie Malaya Syya – rannij etap verhnego paleolita Sibiri (k probleme nachala stanovleniya kul'tur *Homo sapiens* v Severnoj Azii). In *Astroarheologiya – estestvenno-nauchnyj instrument poznaniya protonauk i astral'nyh religij zhrechestva drevnih kul'tur Hakasii*. Krasnoyarsk: Gorod, 2009, pp. 137–145 (in Russ.).

Kulik N.A. Raw Materials for Prehistoric tool manufacturing as an ecological factor of the Altai Paleolithic. In *Topical issues of the Asian Paleolithic*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, pp. 99–100.

Larichev V.E., Holyushkin Y.P. Arheologiya vrekhnepaleoliticheskogo poseleniya Malaya Syya. In *Arheologiya, geologiya i paleografiya paleoliticheskih pamyatnikov yuga Srednej Sibiri (Severo-Minusinskaya vpadina, Kuzneckij Alatau, Vostochnyj Sayan)*. Krasnoyarsk: Zodiak, 1992, pp.109–122 (in Russ.).

Lbova L.V., Panov V.S., Zenin V.N., Barkov A.V. Novye dannye o radiouglerodnom vozraste pamyatnika Malaya Syya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 103–106 (in Russ.).

Lbova L.V., Volkov P.V., Dolgorukova N.A., Barkov A.V., Larichev V.E. Predmety neutilitarnogo naznacheniya mestonahozhdeniya Malaya Syya (tekhnologicheskij aspekt). *Vestnik NSU*. Ser.: Istoriya, filologiya. 2014, vol. 13, iss. 5: Arheologiya i etnografiya, pp. 91–100 (in Russ.).

Lisicyn N.F. Pozdnij paleolit Chulymo-Enisejskogo mezhdurech'ya. St-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000, 232 p. (in Russ.).

УДК 903.03

Л.В. Лбова[1, 2], П.В. Волков[1, 2], В.С. Ковалев[2], А.В. Барков[2], Э. Круадье[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Университет Париж X
E-mail: lbovapnr5@gmail.com

Технологические особенности обработки каменного сырья для производства предметов персональной орнаментации в комплексе Малой Сыи

В статье представлены результаты технологического анализа процесса изготовления и декорирования предметов из поделочного камня (талькиты), отмеченных в коллекции местонахождения Малая Сыя. В целом, индустриальный комплекс имеет ярко выраженный верхнепалеолитический облик, серия дат соотносит его возраст со временем 28–36 тыс. л.н. Петрографический анализ изделий персональной орнаментации показал ресурсную стратегию, предполагающую использование приносимого, «экзотического» сырья. Технологический анализ предметов выявил применение двух способов обработки камня – технологических цепочек, характерных для разных видов сырья, использование двух наборов инструментов для обработки изделий. Подготовлена динамическая 3D-модель, демонстрирующая первичную обработку сырья, его уплощение, формирование заготовки и готового изделия.

Ключевые слова: *«экзотическое» сырье, технология, следы, 3D-модель, верхний палеолит, Сибирь.*

L.V. Lbova[1, 2], P.V. Volkov[1, 2], V.S. Kovalev[2], A.V. Barkov[2], E. Croidieu[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]University Paris X
E-mail: lbovapnr5@gmail.com

Technological Features of Processing Stone Raw Materials for the Production of Artifacts of Personal Adornment at the Malaya Syya Site

The article describes the results of the technological analysis of producing and decorating the artifacts made of soft variety of stone (talcite) from the collection of the Malaya Syya site. As a whole, the industrial complex of the site has the pronounced Upper Paleolithic appearance. The series of dates establishes the age of the complex as 28–36 kyr BP. The petrographic analysis of the objects used for personal adornment has revealed the strategy implying the use of imported "exotic" raw materials. The technological analysis of the objects has shown that two different technological chains typically applied to different types of raw materials, and two different tool sets for processing products were used. A dynamic 3D-model showing primary processing of raw materials, their flattening, forming of the blank and the finished product is presented.

Keywords: *exotic raw materials, technology, traces, 3D-model, Upper Paleolithic, Siberia.*

Введение

Формы символической коммуникации, появление и формирование культурных архетипов на этапе начального этапа верхнего палеолита в Сибири рассматриваются нами в формате анализа технологии изготовления предметов персональной орнаментации как отражения деятельностного процесса [Вишняцкий, 2005; Деревянко, 2009; Лбова, Ванхаерен, 2011; и др.].

Материалы местонахождения Малая Сыя свидетельствуют об уникальном проявлении ранней верхнепалеолитической культуры на юге Средней Сибири, не имеющем территориально близких аналогов [Ларичев, Холюшкин, 1992; Лисицын, 2000; Холюшкин, 2009; Лбова и др., 2014; и др.]. Анализ сырьевой базы (см. статью Н.А. Кулик и др. в данном томе) демонстрирует характер различных ресурсных стратегий, направленных на использование как местного сырья (для производства орудий, получения пигментов), так и приносимого с расстояния в пределах одно-двухдневного перехода. В коллекции Малой Сыи представлены артефакты из мягких пород камня, заготовки для подобных изделий, сколы, а также исходное сырье в желваках и обломках, что дает возможность реконструкции технологических цепочек его использования (всего 35 предметов).

Методы

Петрографический анализ показал принадлежность сырья к серии тел офиолитовой ассоциации, расположенной в 30–35 км южнее памятника, из которой, вероятно, и происходят талькиты, служившие сырьем для производства предметов персональной орнаментации. Технологический и трасологический анализы проведены с использованием апробированных методик экспериментальных исследований в археологии и материалов Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов [Волков, 2013]. Для иллюстрации технологической цепочки использован метод трехмерной визуализации с применением свойств динамической 3D-модели. Для получения высокоточных 3D-моделей объектов было выполнено 3D-сканирование артефактов с применением структурированного подсвета. Для получения данных моделей использована аппаратура со следующими характеристиками: область сканирования 66 × 50 × × 50 мм; точность 3D-точки (среднеквадратическое отклонение) 0,03 мм; 3D-разрешение 0,02 мм; рабочее расстояние 0,27 м; разрешение камер 5 МП; разрешение проектора 1280 × 800 р; минимальное время создания одного снимка 30 сек. (рис. 1).

Материалы и обсуждение

Коллекция изделий из «экзотического» сырья представлена артефактами (7 экз.) и их заготовками (5 экз.), а также отщепами и обломками, пригодными для изготовления предметов [Лбова и др., 2014]. «Экзотическое» сырье в большинстве случаев состоит из талькитов и их разновидностей, единично – серпентина-антигорита, разновидностей серпентинита.

В результате дополнительного проведенного анализа технологии обработки выявлено два устойчивых варианта работы с изделиями из различного сырья.

В первом случае (артефакты из красновато-коричневых и зеленовато-серых талькитов) работа

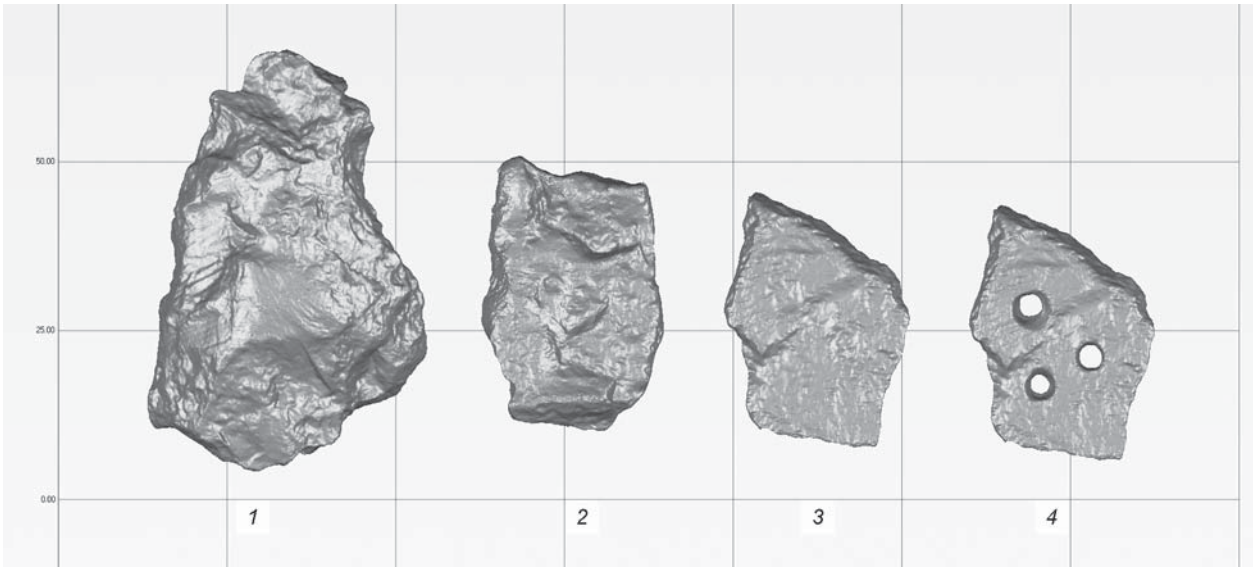

Рис. 1. Технологическая цепочка обработки красновато-коричневых талькитов (3D-модель).

начиналась с процесса уплощения заготовки с помощью резца с относительно широким рабочим краем. Следы работы этого инструмента прослеживаются в центральной части сырьевых блоков, заготовок и готовых изделий. Целью подобной операции является уплощение и выравнивание естественного рельефа сырья. Кинематика работы орудия – возвратно-поступательная. Отверстия выполнялись ручным сверлом с рабочим оборотом орудия менее 180°. Канал сверления биконический. Следов его развальцовки нет. Следов крепления или подвешивания не выявлено. На поверхности изученного артефакта отмечаются ярко выраженные следы заглаженности, происхождение которой обусловлено контактом изделия с эластичным органическим материалом (рис. 1; 2, *1–3*).

При втором технологическом варианте работы с артефактами из зеленоватых талькитов уплощения сырьевой формы не производилось. Работа начиналась с прободения биконического отверстия. В зоне работы сверла на поверхности артефактов видны углубления технологического характера, обеспечивавшие устойчивость начала процесса сверления. Данный участок обрабатывался резцом с широким рабочим краем. Линейная протяженность движения резца, по сравнению с действиями аналогичного инструмента при первом варианте работы, значительно короче, и его использование ориентировано не на уплощение поверхности, а на формирование углублений. Двустороннее сверление производилось проверткой, с рабочим оборотом менее 180°. Развальцовки конических каналов сверления не выявлено. На завершающем этапе работы производилась обработка края изделия по его внешнему периметру путем формирования коротких насечек. Орудием для такой работы служил нож. Вероятная кинематика инструмента – поступательная. Большая часть поверхности изделия заглажена от контакта с эластичным органическим материалом (рис. 2, *4–6*).

Некоторые предметы на относительно плоской части поверхности артефактов несут следы, которые можно интерпретировать как пришлифовку. Следов долговременного использования предметов не обнаружено.

Заключение

Предметы персональной орнаментации являются устойчивыми диагностируемыми формами

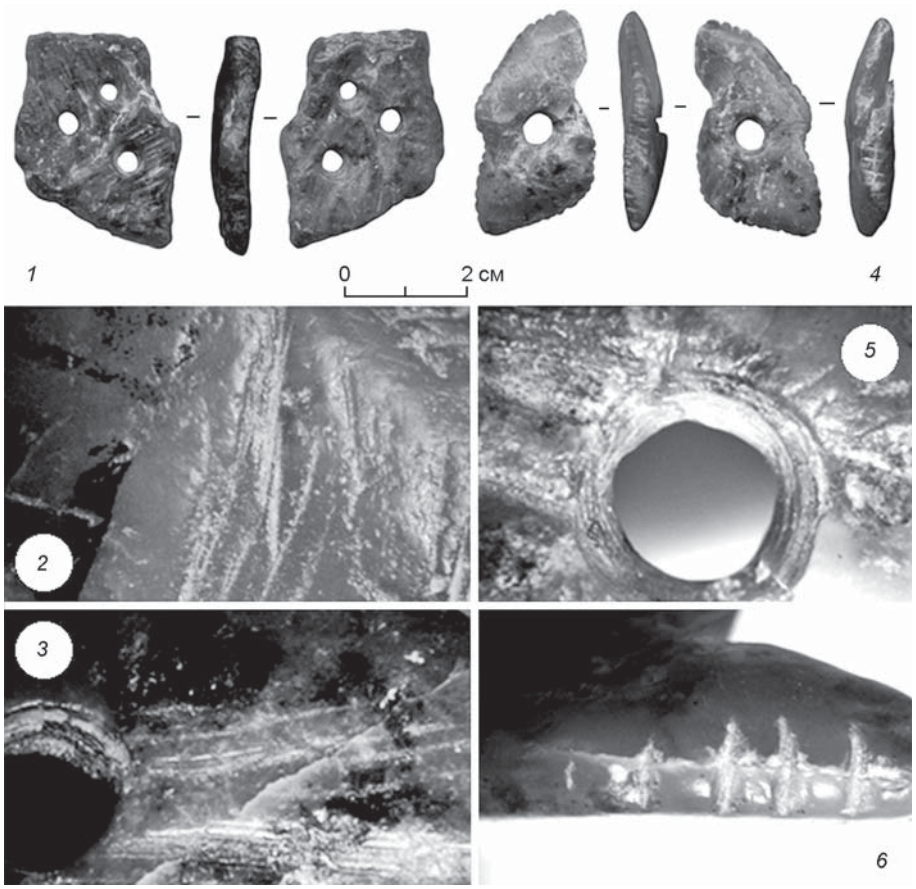

Рис. 2. Следы использования инструментов согласно первой (*1–3*) и второй (*4–6*) технологиям.

знакового поведения, связанными с многогранной жизнью древнего человека, реализующими не только эстетические потребности. В культуре архаичных обществ такие предметы могут использоваться в различном контексте, являясь идентификаторами пола, этнической принадлежности, социального статуса; выступать в качестве символа гендерной или возрастной принадлежности, демонстрировать фазу биологического состояния, отражать семейное положение. В качестве индивидуальных маркеров такие предметы могут подчеркивать особый социальный статус. Предметы персональной орнаментации могут играть роль ритуальных объектов, являться амулетами или талисманами. Не исключается и функция таких предметов как эквивалентов обменных операций, элементов системы дарения, предметов наследования [Erikson, 1969; Vanhaeren, 2014; etc.]. Выявленные различия в технологических операциях, вероятно, связаны не только с характером петрографического состава сырья-экзота, но и могут отражать обменный аспект коммуникации, что свидетельствует о достаточно развитых социальных связях.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 17-56-16016.

Список литературы

Вишняцкий Л.Б. Информационный взрыв и изобразительная деятельность // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1 (21). – С. 51–54.

Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 416 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 328 с.

Ларичев В.Е., Холюшкин Ю.П. Археология верхнепалеолитического поселения Малая Сыя // Археология, геология и палеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау, Восточный Саян). – Красноярск: Зодиак, 1992. – С. 109–122.

Лбова Л.В., Ванхаерен М. Системы персональной орнаментации в контексте вариабельности культур раннего верхнего палеолита Евразии // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 2011. – Т. 25. – С. 36–40.

Лбова Л.В., Волков П.В., Долгорукова Н.А., Барков А.В., Ларичев В.Е. Предметы неутилитарного назначения местонахождения Малая Сыя (технологический аспект) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. – С. 91–100.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. – С. 26–30.

Холюшкин Ю.П. Поселение Малая Сыя – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур *Homo sapiens* в Северной Азии) // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. – Красноярск: Город, 2009. – С. 137–45.

Erikson J.M. The Universal Bead. – N.Y.: [W.W. Norton], 1969. – 191 p.

Vanhaeren M. The Beauty of Beds from Prehistory to Present Day. Art as Behavior (An Ethnological Approach to Visual and Verbal Art, Music and Architecture) // Hanse Studies. – 2014. – Vol. 10. – P. 273–290.

References

Derevyanko A.P. Perekhod ot srednego k verhnemu paleolitu i problema formirovaniya *Homo sapiens sapiens* v Vostochnoj, Central'noj i Severnoj Azii. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2009, 328 p. (in Russ.).

Erikson J.M. The Universal Bead. New York: [W.W. Norton], 1969, 191 p.

Holyushkin Y.P. Poselenie Malaya Syya – rannij ehtap verhnego paleolita Sibiri (k probleme nachala stanovleniya kul'tur *Homo sapiens* v Severnoj Azii). In *Astroarheologiya – estestvenno-nauchnyj instrument poznaniya protonauk i astral'nyh religij zhrechestva drevnih kul'tur Hakasii*. Krasnoyarsk: Gorod, 2009, pp. 137–145 (in Russ.).

Larichev V.E., Holyushkin Y.P. Arheologiya verkhnepaleoliticheskogo poseleniya Malaya Syya. In *Arheologiya, geologiya i paleografiya paleoliticheskih pamyatnikov Yuga Srednej Sibiri (Severo-Minusinskaya vpadina, Kuzneckij Alatau, Vostochnyj Sayan)*. Krasnoyarsk: Zodiak, 1992, pp. 109–122 (in Russ.).

Lbova L.V., Vanhaeren M. Sistemy personal'noj ornamentacii v kontekste variabel'nosti kul'tur rannego verhnego paleolita Evrazii. In *Arheologiya Yuzhnoj Sibiri*. Kemerovo: Kem. State Univ., 2011, vol. 25, pp. 36–40 (in Russ.).

Lbova L.V., Volkov P.V., Dolgorukova N.A., Barkov A.V., Larichev V.E. Predmety neutilitarnogo naznacheniya mestonahozhdeniya Malaya Syya (tekhnologicheskij aspekt). *Vestnik NSU. Ser.: Istoriya, filologiya.* 2014, vol. 13, iss. 5: Arheologiya i etnografiya, pp. 91–100 (in Russ.).

Lisicyn N.F. Pozdnij paleolit Chulymo-Enisejskogo mezhdurech'ya. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000, pp. 26–30 (in Russ.).

Vanhaeren M. The Beauty of Beds from Prehistory to Present Day. Art as Behavior (An Ethnological Approach to Visual and Verbal Art, Music and Architecture). *Hanse Studies*, 2014, vol. 10, pp. 273–290.

Vishnyackij L.B. Informacionnyj vzryv i izobrazitel'naya deyatel'nost'. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 2005, No. 1 (21), pp. 51–54 (in Russ.).

Volkov P.V. Opyt eksperimenta v arheologii. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013, 416 p. (in Russ.).

УДК 902.01

Г.И. Марковский[1], Н.Е. Белоусова[1], А.И. Кривошапкин[1, 2], Н.В. Сердюк[3], С.К. Васильев[1], Н.А. Кулик[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
E-mail: markovskyyy@gmail.com

Результаты исследований отложений среднего палеолита пещеры Страшной в 2017 году

В полевом сезоне 2017 г. отрядом ИАЭТ СО РАН продолжено изучение плейстоценовых отложений в центральной части пещеры Страшной. Были исследованы слои 5 и 6, относящиеся к среднему палеолиту. В результате работ плейстоценовые отложения исследованы на площади 4 м^2, на глубину до 0,47 м, зафиксированы 5 археологических горизонтов, получены коллекции остеологического материала и каменных артефактов. Среди остатков мелких млекопитающих были обнаружены обитатели широколиственных лесов и барханных песков. Обнаружено еще одно подтверждение использования импортного сырья из долины р. Чарыш в виде яшмоида засурьинской свиты. Наличие леваллуазского компонента в каменной индустрии пещеры Страшной подтверждается присутствием в археологических горизонтах слоев 5 и 6 сколов, полученных при помощи техники леваллуа.

Ключевые слова: *Северо-Западный Алтай, пещера Страшная, плейстоцен, средний палеолит, яшмоид засурьинской свиты, техника леваллуа.*

G.I. Markovsky[1], N.E. Belousova[1], A.I. Krivoshapkin[1, 2], N.V. Serdyuk[3], S.K. Vasilyev[1], N.A. Kulik[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]A.A. Borissiak Paleontological Institute RAS
E-mail: markovskyyy@gmail.com

Results of Research of the Middle Paleolithic Deposits in the Strashnaya Cave in 2017

In the field season of 2017, the archaeological team of IAET SB RAS continued excavations in the central part of the Strashnaya Cave and examined the Pleistocene layers 5 and 6, associated with the Middle Paleolithic. The Pleistocene deposits were excavated on the area of 4 m^2 to the depth reaching 0. 47 m. Five archaeological horizons were identified, and osteological and lithic collections were obtained. The inhabitants of deciduous forests and sand dunes were discovered among the remains of small mammals. A jasperoid from the Zasuryinskaya Formation was found, which confirms the use of imported raw materials from the Charysh River Valley. The presence of the Levallois component in the stone industries of Strashnaya Cave was confirmed by the discovery of Levallois flakes in the archaeological horizons of layers 5 and 6.

Keywords: *Northwestern Altai, Strashnaya Cave, Pleistocene, Middle Paleolithic, Zasuryinsky jasperoid, Levallois technique.*

В полевом сезоне 2017 г. археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН были продолжены исследования плейстоценовых отложений в пещере Страшной, расположенной в Северо-Западном Алтае в среднем течении р. Иня (бассейн р. Чарыш).

Полевые работы производились в центральной части пещеры в границах раскопа 2006 г., на котором велись исследования под руководством А.Н. Зенина [2007]. Площадь раскопа 2017 г. составила 4 м^2, максимальная глубина 0,47 м. В соответствии

с локальной системой координат работы производились на квадратах Г–Д/14–15. Полевые исследования 2017 г. были направлены на изучение отложений среднепалеолитических слоев 5 и 6, а также на уточнение особенностей их залегания в центральной части пещеры. На обозначенном участке были выявлены 3 литологических горизонта в слое 5 (5.2–5.4), а также 2 литологических горизонта в слое 6 (6.1, 6.2). Исследованные в границах раскопа геологические подразделения залегают под наклоном в южном, юго-западном направлениях.

После расконсервации раскопа 2006 г. была подготовлена поверхность для дальнейших исследований и произведена зачистка трех имеющихся разрезов (по линиям Е, Г, 16). Со стороны линии 14 к исследуемому участку примыкала часть более глубокого раскопа 2008 г., в связи с этим смежная стенка не сохранилась. Самым информативным оказался юго-западный разрез по линии Е, обладающий максимальной мощностью и минимально нарушенный биотурбационными процессами (рис. 1).

Верхняя часть разреза (слои 4–5.1) получена в результате зачистки стенки раскопа 2006 г., нижняя часть (слои 5.2–6.1) в результате исследований 2017 г. Стратиграфические наблюдения в процессе работ велись с опорой на описания канд. геогр. наук В.А. Ульянова [Зенин, Ульянов, 2007].

Слой 4 представлен суглинками легкими до средних, светлыми, коричнево-палевыми. Структура рыхлая пористая с мелкозернистой пылеватой структурой. В нижней части слой насыщен дресвой и мелким щебнем. Слой зафиксирован в кровле стратиграфического разреза в виде линзовидного тела, заполняющего переуглубление. Мощность достигает 0,38 м.

Подстилает слой 4 мощная неоднородная деформация. В западной части разреза отложения деформации распространены вертикально вдоль массивной глыбы (мощность до 0,9 м), в основной части стратиграфического разреза заполнитель деформации залегает субгоризонтальными прослоями, различающимися по цвету и структуре (мощность отдельных прослоев 0,07–0,3 м).

Слой 5 представлен суглинками легкими, палевыми с серым или красноватым оттенком, в нижней части полностью серыми. Структура слабопористая, мелко- и среднезернистая, к подошве более плотная. Обогащен щебнисто-дресвянистым материалом. Во включениях присутствуют крупные плитчатые обломки, ориентированные согласно

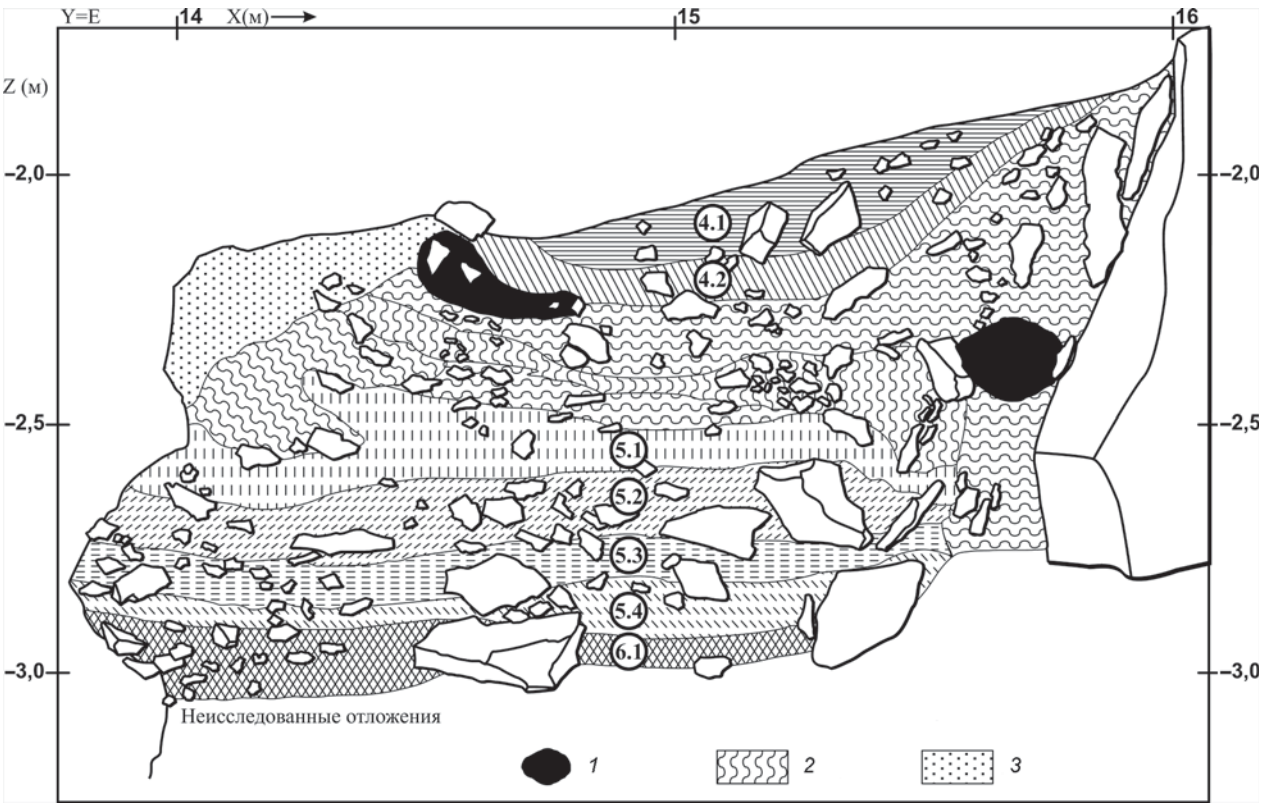

Рис. 1. Стратиграфический разрез плейстоценовых отложений пещеры Страшной по линии Е, полученный в результате полевых работ 2017 г.

1 – биотурбации; *2* – деформации; *3* – пристенный участок.

простиранию слоя. Мощность от 0,3 до 0,5 м. Все подразделения слоя 5, исследованные в 2017 г. зафиксированы только на квадратах Д/14–15.

Слой 6, горизонт 1. Представлен суглинками легкими коричнево-палевыми осветленными с непрочной мелкозернистой структурой. В подошве слоя и на контакте с нижележащим горизонтом 6.2 крупными уплощенными обломками сформирована каменная отмостка. Границы горизонта четкие, мощность от 0,1 до 0,2 м. Фиксируется преимущественно на квадрате Д–14, частично на соседних Д–15, Г–14, Г–15.

Слой 6, горизонт 2. Представлен суглинками темными коричнево-палевыми с непрочной крупнозернистой и ореховатой структурой. Слабо насыщен щебнистым материалом. Заполнитель по цвету контрастирует с вышележащим слоем. Исследованная мощность ок. 0,15 м. Слой распространен в квадрате Д–14, частично на соседних Д–15, Г–14, Г–15.

В 2017 г. из пещерных отложений было получено более 7,9 тыс. костных остатков крупных млекопитающих, из которых определимыми оказались 17,9 %. Среди находок следует отметить зуб P4 малого пещерного медведя *Ursus savini* из слоя 6.2. Тремя находками (из горизонтов 5.4 и 6.1) пополнилась коллекция остатков дикобраза *Hystrix brachyura vinogradovi*. На данный момент в пещере Страшной собрана самая крупная и представительная коллекция остатков дикобраза на территории Алтая. В целом состав и соотношение видов крупных млекопитающих из раскопок 2017 г. существенно не отличается от полученных ранее материалов [Васильев и др., 2016].

За полевой сезон 2017 г. проанализировано ок. 4 тыс. костных элементов, принадлежащих мелким млекопитающим, ок. 80 % которых диагностируется до вида и рода. Впервые в позднеплейстоценовых отложениях Алтая были обнаружены остатки древесной сони *Dryomys cf. Nitedula* (горизонт 6.1) и мохноногого тушканчика *Dipus sagitta* (горизонт 6.2). Эти находки свидетельствуют о возможном присутствии в позднем плейстоцене в районе пещеры Страшной широколиственных лесов и барханных песков [Сердюк и др., 2017].

Коллекция каменных артефактов из горизонта 5.2 невелика, поскольку отложения горизонта были почти полностью исследованы в процессе работ 2006 г. Из сохранившегося вдоль стенки по линии Е небольшого участка получены мелкие и средние отщепы (10 экз.), осколки и обломки (5 экз.).

В горизонте 5.3 было обнаружено 92 каменных артефакта: пластины (3 экз.), отщепы (49 экз.), обломки и осколки (27 экз.), а также гальки (5 экз.). Орудийные формы представлены скреблами (3 экз.), пластинами (2 экз.), отщепами с эпизодической

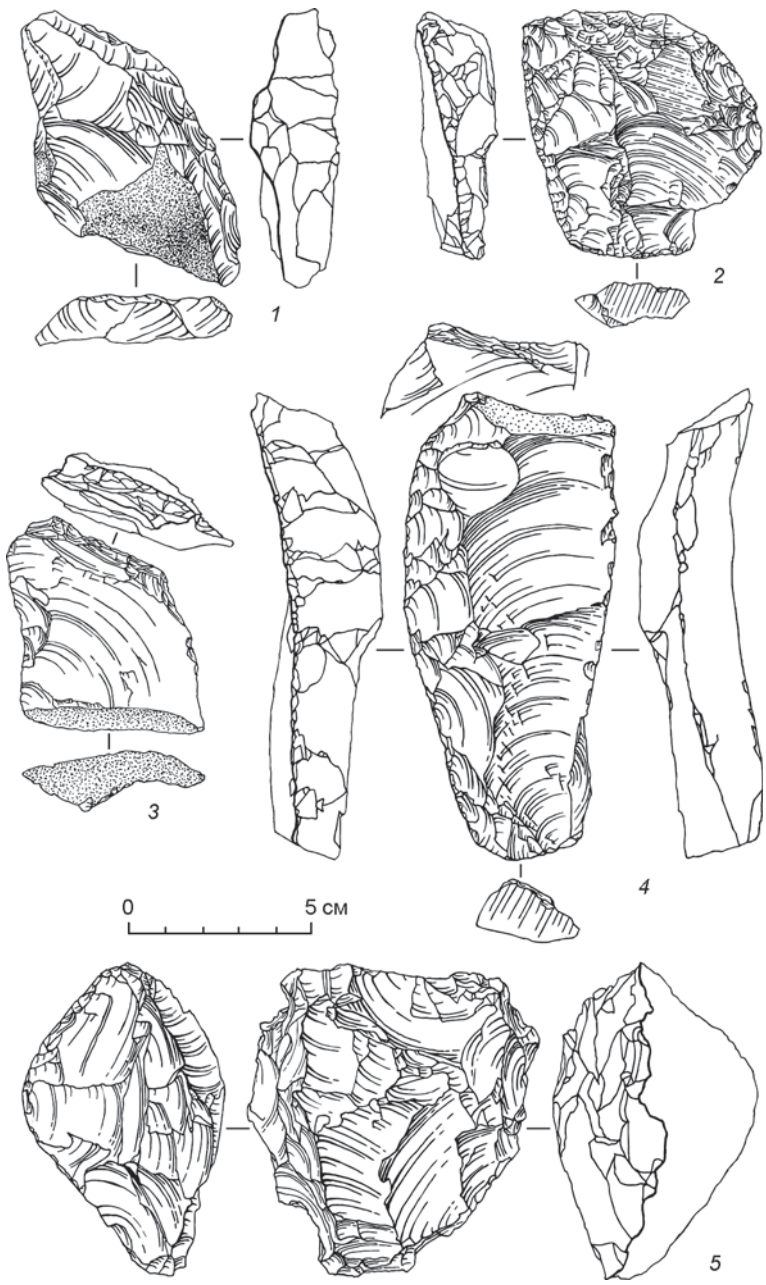

Рис. 2. Находки из плейстоценовых отложений пещеры Страшной.
1 – скребло из горизонта 6.1; *2–4* – скребла из горизонта 5.3; *5* – нуклеус радиальный из горизонта 6.1.

ретушью (2 экз.), массивным орудием на колотой гальке и отбойником.

Первое скребло – продольное, выполнено на массивном удлиненном отщепе, помимо тщательно обработанного рабочего края и эпизодической обработки обушковой части фиксируется вентральная подработка в дистальной части изделия (рис. 2, *4*). Второе скребло – поперечное, на крупном отщепе, рабочий край оформлен на вентрале, присутствует эпизодическая обработка по продольным краям (рис. 2, *3*). Третье скребло – продольное, выполнено на широком, крупном отщепе, имеет обработку почти по всему периметру, наиболее тщательно оформлен рабочий край и угол, смежный с дистальной частью изделия (рис. 2, *2*). Следует отдельно отметить сырье, из которого изготовлено орудие. Порода артефакта – тонкозернистая, сургучно-коричневого цвета, с большим количеством тончайших кварцевых жилок, восковым блеском на сколовых поверхностях и слабым серовато-коричневым просвечиванием в заусенцах – представляет собой типичный яшмоид засурьинской свиты. Источники данного каменного сырья локализованы в правобережье р. Чарыш; в виде галечного материала данная порода является источником сырья каменных индустрий пещер Чагырская и Окладникова (Сибирячиха) [Деревянко и др., 2015]. В материалах пещеры Страшной артефакты из этого сырья были известны и ранее, наибольшее их количество обнаружено в слоях 3, 4 [Кулик, Зенин, 2005].

Из отложений горизонта 5.4 получено 53 каменных артефакта: пластины (2 экз.), отщепы (36 экз.), обломки и осколки (11 экз.), а также гальки (2 экз.). Орудийные формы представлены лишь отщепами с ретушью (2 экз.).

Археологическая коллекция из горизонта 6.1 составила 67 каменных артефактов: пластины (2 экз.), отщепы (33 экз.), обломки (19 экз.) и гальки (3 экз.). Нуклевидные формы (5 экз.) представлены двумя нуклеусами и тремя нуклевидными обломками. Среди типологически выраженных ядрищ присутствуют радиальный (рис. 2, *5*) и бифронтальный нуклеусы. Ударная площадка обоих нуклеусов частично покрыта галечной поверхностью. Снятия с бифронтального нуклеуса производились не только с ударной площадки, но и с ребер, расположенных между фронтами скалывания.

Орудийные формы представлены скреблом, ретушированной пластиной, крупным орудием на гальке, отщепами с ретушью (2 экз.) и отбойником.

Скребло выполнено на крупном отщепе из кварца при помощи вентральной подработки (рис. 2, *1*). Зафиксировано крупное орудие, выполненное на массивном фрагменте речной гальки, расколотой продольно пополам, имеющее эпизодическую обработку крупными и средними сколами в дистальной части и по одному из продольных краев.

Каменные артефакты горизонта 6.2 (42 экз.) представлены пластинами (2 экз.), отщепами (23 экз.), обломками и осколками (16 экз.). Нуклевидные формы представлены нуклевидными обломками (2 экз.), а орудийные формы – отщепами с ретушью (2 экз.).

Таким образом, значительную часть всех сколов из горизонтов слоя 5 (37 %) составляют первичные сколы и отщепы с естественными ударными площадками, мелкие отщепы и обломки. Несмотря на отсутствие нуклеусов, можно сделать предположение об интенсивных процессах первичной обработки, проходивших на исследованном участке в период формирования горизонтов слоя 5. При анализе нуклевидных форм из горизонтов слоя 6 можно отметить следующее – негативы сколов на поверхности расщепления указывают на то, что утилизация нуклеусов была направлена на получение, в основном, укороченных отщепов, и, реже, более удлиненных сколов, что подтверждается крайне небольшим количеством пластин и отщепов удлиненных пропорций. В коллекции каменных артефактов присутствуют 5 сколов, полученных в рамках леваллуазской техники расщепления.

Полученные в результате полевого сезона 2017 г. данные дополняют и уточняют сложившиеся представления о среднепалеолитических комплексах пещеры Страшная.

Список литературы

Васильев С.К., Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Предварительные итоги исследования остатков мегафауны из отложений пещеры Страшная (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 15–22.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Кулик Н.А., Колобова К.А. Эксплуатация каменного сырья представителями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – № 3. – С. 3–16.

Зенин А.Н. Отчет об археологических исследованиях пещеры Страшная в 2006 году. – Новосибирск, 2007. – 103 с.

Зенин А.Н., Ульянов В.А. Стратиграфические исследования в пещере Страшная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 105–109.

Кулик Н.А., Зенин А.Н. Петрографическая характеристика индустрии пещеры Страшная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредель-

ных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI., ч. I. – С. 106–113.

Сердюк Н.В., Марковский Г.И., Белоусова Н.Е., Кривошапкин А.И., Новые данные о плейстоценовой фауне мелких млекопитающих Страшной пещеры (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII (в печати).

References

Derevianko A.P., Markin S.V., Kulik N.A., Kolobova K.A. Lithic Raw Material Exploitation in the Sibiryachikha Facies, the Middle Paleolithic of Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, No. 3, pp. 3–16.

Kulik N.A., Zenin A.N. Petrograficheskaya kharakteristika industrii peshchery Strashnaya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, vol. XI, pt. I, pp. 106–113 (in Russ.).

Serdyuk N.V., Markovskii G.I., Belousova N.E., Krivoshapkin A.I., Novye dannye o pleistotsenovoi faune melkikh mlekopitayushchikh Strashnoi peshchery (Severo-Zapadnyi Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXII (in press) (in Russ.).

Vasil'ev S.K., Krivoshapkin A.I., Zenin V.N., Shalagina A.V. Predvaritel'nye itogi issledovaniya ostatkov megafauny iz otlozhenii peshchery Strashnaya (Severo-Zapadnyi Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 15–22 (in Russ.).

Zenin A.N. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh peshchery Strashnaya v 2006 godu. Novosibirsk, 2009, 103 p. (in Russ.).

Zenin A.N., Ul'janov V.A. Stratigraficheskie issledovanija v peshhere Strashnaja. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, vol. XIII, pp. 105–109 (in Russ.).

УДК 598.2:551.79

Н.В. Мартынович[1], С.К. Васильев[2]

[1]Музей Мирового океана
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: martynovichn@mail.ru

Плейстоценовые птицы из восточной галереи Денисовой пещеры (Северо-Западный Алтай)

Впервые публикуются материалы по авифауне из завершившихся раскопок плейстоценовых горизонтов восточной галереи Денисовой пещеры. В ходе изучения коллекции, состоящей из 701 фрагмента, выявлено 24 вида тундряных, степных, водоплавающих, лесостепных и скальных птиц. Найдены характерные для плейстоцена Северо-Западного Алтая белая куропатка, алтайский улар, саджа и клушица, указывающие на существование альпийских тундростепей и сухих степей во время накопления плейстоценовых горизонтов. Облик плейстоценовой фауны птиц хорошо согласуется с синхронными находками крупных млекопитающих из галереи. Основная часть обнаруженных видов птиц в настоящее время обитает в пределах Северо-Западного Алтая. Выявлена смена плейстоценовой альпийско-тундро-степной фауны птиц голоценовой лесостепной, а также характерная для гор мозаичность палеоландшафтов.

Ключевые слова: *мозаичный ландшафт, плейстоценовые ареалы птиц, плейстоцен-голоценовая смена фаун.*

N.V. Martynovich[1], S.K. Vasiliev[2]

[1]Museum of the World Ocean
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: martynovichn@mail.ru

Pleistocene Birds from the East Gallery of Denisova Cave (Northwestern Altai)

The article presents new materials on bird fauna from the completed excavation of the Pleistocene horizons in the east gallery of Denisova Cave. Twenty four waterfowl, tundra, steppe, forest, and rocky bird species have been identified from the total of 701 bone remains. The willow ptarmigan, Altai snowcock, Pallas's sandgrouse, and chough typical of the Pleistocene of Northwestern Altai have been found, which points to the existence of the Alpine tundra-steppes and dry steppes during the accumulation of the Pleistocene deposits. The composition of the Pleistocene bird fauna is in good agreement with the discoveries of large mammals of the same period from the east gallery. The majority of bird species inhabits the Northwestern Altai in the present time. The clear change of the Pleistocene Alpine-tundra-steppe bird fauna by the Holocene forest-steppe bird fauna and the mosaic nature of paleolandscapes have been observed.

Keywords: *mosaic landscape, Pleistocene habitats of birds, Holocene–Pleistocene change of fauna.*

В данном сообщении приводятся предварительные результаты изучения коллекции в 698 костных фрагментов птиц, полученных в ходе завершившихся в 2016 г. раскопок восточной галереи Денисовой пещеры, которые были начаты в 2005 г. Для слоя 9 получено 7 фрагментов, суммарно для слоя 11 – 460, для слоя 12 – 135, для слоя 13 – 13, для слоя 14 – 54, для слоя 15 – 4 и для слоев 15–17 – 2 фрагмента, без указания слоя, с пометкой «плейстоцен», – 25 фрагментов. Таким образом, больше всего костей птиц получено из слоев 11 (66 %) и 12 (19,3 %), что соответствует позднеплейстоценовому возрасту отложений.

В *таблице* приведен таксономический список и количество костей птиц по выделенным стратиграфическим интервалам. Для имеющих подгоризонты слоев 9, 11–13 кости суммировались.

Кости птиц окрашены в теплые, светло-коричневые, красноватые тона, есть фрагменты, покрытые почти черным налетом из солей металлов, на их

Таксономический список и количество костей птиц из плейстоценовых горизонтов восточной галереи Денисовой пещеры (раскопки 2005–2016 гг.)

Таксоны	Плейстоценовые слои							Без слоя
	9	11	12	13	14	15	15–17	
Огарь (*Tadorna ferruginea*)	–	1	–	–	–	–	–	–
Кряква (*Anas platyrhynchos*)	–	11	4	1	2	–	1	–
Чирок-свистунок (*A. crecca*)	–	4	–	–	1	–	–	–
Свиязь (*A. penelope*)	–	5	–	–	–	–	–	1
Чирок-трескунок (*A. querquedula*)	–	6	1	–	1	–	–	–
Широконоска (*A. clypeata*)	–	2	1	–	–	–	–	–
Большой крохаль (*Mergus merganser*)	–	2	–	–	–	–	–	–
Anatidae indet.	–	5	2	–	–	–	–	–
Ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*)	–	11	4	–	2	–	–	–
Перепелятник (*A. nisus*)	–	–	–	–	1	–	–	–
Беркут (*Aquila chrysaetos*)	–	16	1	–	1	–	–	–
Орел (*Auila* sp.)	–	–	12	–	–	–	–	–
Черный гриф (*Aegipius monachus*)	–	10	–	–	–	–	–	–
Accipitridae idet.	–	2	–	–	–	–	–	–
Балобан (*Falco cherrug* sad.)	–	–	–	–	–	–	–	1
Пустельга (*F. tinnunculus*)	–	6	1	1	–	–	–	–
Белая куропатка (*Lagopus lagopus*)	1	123	30	1	12	1	–	8
Тундряная куропатка (*L. mutus*)	–	–	3	–	–	–	–	–
Тетерев (*Tetrao tetrix*)	–	16	4	–	1	–	–	2
Глухарь (*T. urogallus*)	1	34	15	–	1	–	1	–
Алтайский улар (*Tetraogallus altaicus*)	–	5	2	1	–	–	–	–
Серая куропатка (*Perdix perdix*)	–	1	1	–	–	–	–	–
Песочник (*Calidris* sp.)	–	1	–	–	–	–	–	–
Scolopacidae indet.	–	2	1	–	–	–	–	–
Саджа (*Syrrhaptes paradoxus*)	–	1	–	–	–	–	–	–
Скалистый голубь (*Columba* cf. *rupestris)*	–	6	–	–	–	1	–	–
Болотная сова (*Asio flammeus*)	–	5	–	–	–	–	–	–
Домовый сыч (*Athene noctua*)	–	2	1	–	–	–	–	–
Ястребиная сова (*Surnia ulula*)	–	–	–	–	1	–	–	–
Клушица (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*)	1	55	13	1	14	2	–	4
Ворон (*Corvus corax*)	2	3	–	–	–	–	–	–
Мелкие воробьиные (Passeriformes indet.)	–	68	11	1	3	–	–	6
Aves indet.	2	57	28	7	14	1	–	3
Всего	7	460	135	13	54	5	2	25

поверхности отмечены карбонатные образования, что может свидетельствовать о фоссилизации органического вещества в аридных условиях.

Скорее всего, остатки пернатой добычи затаскивали под своды, вглубь полости четвероногие хищники – лисицы, мелкие куньи, отмечены кости со следами от зубов, погрызы. Есть обломки со следами кислотной эрозии, прошедшие через пищеварительный тракт. В целом материал фрагментарен и сложен для определения.

Значительный процент остеологической коллекции (19 %) составляют фаланги и шейные позвонки, главным образом от дневных хищных птиц и тетеревиных (тетерева и глухаря), причем среди них закономерно оказалось много костей хорошей сохранности.

Утки (Anatidae) Определен достаточно представительный видовой набор утиных, которые по количеству фрагментов (51) составляют 7 % от общей коллекции костей птиц, большинство фрагментов принадлежит крякве.

Соколообразные (Falconiformes). По 18 костным фрагментам был определен крупного размера беркут, размеры которого превышали имеющийся в наличии сравнительный материал. Из собственно соколов найдена пустельга, кости этого вида обычны в карстовых местонахождениях четвертичного возраста на Алтае, один фрагмент тарзометатарзуса отнесен к молодому балобану.

Черный гриф. Впервые для позднего плейстоцена Алтая был указан А.В. Пантелеевым на мате-

риалах из Центрального зала Денисовой пещеры, причем обнаружен был по одному (!) фрагменту [Пантелеев, 2002]. Среди изученных нами материалов, полученных из горизонтов 11.2 и 11.4, отмечены фрагменты вилочки, коракоида, плечевой кости, фрагменты дистальных косточек крыла этой крупной хищной птицы, обитающей в настоящее время на Алтае только в высокогорьях центральной и юго-восточной его частей. Учитывая редкость этого вида, вероятно можно использовать эти материалы как стратиграфический репер для корреляции плейстоценовых отложений Центрального зала и Восточной галереи.

Тетеревиные и фазановые (Galliformes). Как и ожидалось, основная часть коллекции костей неворобьиных птиц принадлежит белым куропаткам (26 %), более редкая тундряная куропатка определена по маленьким и грацильным тарзометатарзусам, максимальной длиной 30–31 мм.

Глухарь. Неожиданно много для плейстоцена найдено костей связанного с таежным древостоем глухаря (52), причем костей самок. В настоящее время по лесистой, таежной части Северо-Западного Алтая глухарь обычен и держится до границ леса в подгольцовье.

Алтайский улар. Характерный вид альпийских и субальпийских высокогорий Алтая и соседней северо-западной Монголии. Найдено 8 фрагментов в слоях 11–13. Особо интересны находки костей этого вида в среднеплейстоценовых, нижних горизонтах Центрального зала пещеры и голоценовых (8 слой голоцена галереи I) отложениях пещеры [Пантелеев, 2006, с. 67–68; Мартынович, 1998].

Саджа. Найдена по единичному тибиотарзусу в 11.2 горизонте, ранее в Денисовой пещере этот вид был обнаружен нами в виде двух фрагментов костей в VIII плейстоценовом слое предвходовой площадки. Саджа – экологический маркер аридных степных, даже полупустынных открытых ландшафтов. Помимо Денисовой обнаружена в плейстоценовых отложениях Страшной, Усть-Канской, Окладникова и Чагырской пещер (наши данные), таким образом связывая палеоэкологически эти памятники существованием на значительной территории предгорий Северо-Западного и Центрального Алтая сходных засушливых биотопов в плейстоценовое время.

Совы (Strigidae). Пожалуй, самые интересные среди находок сов – находки домового сыча (слои 11 и 12) и полный тарзометатарзус ястребиной совы из слоя 14. Домовый сыч в настоящее время обитает далеко в сухих горах Юго-Восточного Алтая. Находки этого вида в ископаемом состоянии в отложениях пещер северо-западного (Страшная, Денисова) и центрального (Усть-Канская) Алтая подтверждают более широкое распространение в Южной Сибири в позднем плейстоцене.

Врановые (Corvidae). Основные материалы по врановым принадлежат клушице, одному из основных плейстоценовых видов птиц в пещерных тафоценозах Алтая.

Мелкие воробьиные (Passeriformes). 89 фрагментов (ок. 12 % от общего числа костей птиц) принадлежит мелким воробьиным птицам. Определены кости жаворонков, ласточек, дроздов, овсянок и вьюрковых, более точные, видовые диагнозы – цель дальнейшего изучения коллекции.

Голоценовые птицы из центрального зала и восточной галереи Денисовой пещеры определены и опубликованы, получено 884 фрагмента, указано 50 видов птиц [Мартынович, 1998]. В целом голоценовая авифауна Денисовой пещеры имеет лесостепной облик с широким спектром мелких воробьиных, обитателей опушечных, пойменных зарослей, с дополнением характерных таежных видов (рябчик, глухарь, мохноногий сыч, кедровка), а также участием специфических элементов высокогорной холодной альпийской фауны.

Плейстоценовые птицы из предвходовой площадки и центрального зала Денисовой пещеры – соответственно 204 и 552 фрагмента – изучены и опубликованы. Определено 60 видов птиц, выявлен в целом альпийско-степной облик орнитофауны с преобладанием высокогорных видов, а также предпринята попытка палеоландшафтного анализа плейстоценовых горизонтов по костям птиц [Пантелеев, 2002, 2006].

Многие найденные в плейстоценовых отложениях Денисовой пещеры виды птиц гнездятся или встречаются сейчас в северо-западной, лесистой части Алтая за исключением черного грифа, алтайского улара, домового сыча из неворобьиных, а клушица может проникать в низкогорья во время сезонных миграций.

Белые куропатки не обитают и не встречаются в настоящее время в окрестностях Денисовой пещеры в долине р. Ануй, ближайшие места существования оседлого подвида белой куропатки (*L. lagopus brevipes*) – расположенная на десятки километров к западу-юго-западу гольцовая тундра Бащелакского хребта.

Основные отличия плейстоценовых коллекций птичьих остатков из центрального зала и восточной галереи – уменьшение доли костей мелких воробьиных птиц в направлении от входа вглубь пещеры (соответственно 55 % и 12 %), что можно объяснить тем, что кости мелких воробьиных накапливались у входовой части полости, в местах присад пернатых хищников в виде их погадок; а также

значительная доля костей глухаря в плейстоценовых материалах из восточной галереи, что также можно связать с тафономическими особенностями, спецификой накопления костей в пещерах.

По фауне птиц не выявлено ландшафтно-климатических отличий по плейстоценовому разрезу восточной галереи, возможно, потому что материалы по слоям 14–17 незначительны, кроме единичного фрагмента тарзометатарзуса ястреба-перепелятника в слое 14, отмечены проходные по всей плейстоценовой толще виды птиц (водоплавающие, беркут, белая куропатка, клушица).

Обнаружено экологическое соответствие фаун крупных млекопитающих и птиц, свидетельствующее о существовании в позднем плейстоцене в окрестностях Денисовой пещеры мозаичности ландшафтов [Васильев, Шуньков, Козликин, 2013]. Такая природная неоднородность способствовала экологической емкости пространства, разнообразию одновременно сосуществующих видов млекопитающих и птиц, в т.ч. и промысловых, что в свою очередь, по мнению авторов, мог выгодно использовать человек эпохи палеолита.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект 14-50-00036).

Список литературы

Васильев С.К., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Предварительные итоги изучения остатков мегафауны из плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 32–38.

Мартынович Н.В. Голоценовые птицы Денисовой пещеры // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: мат-лы междунар. симпоз. – Новосибирск, 1998. – Т. 1. – С. 231–241.

Пантелеев А.В. Костные остатки птиц из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 173–178.

Пантелеев А.В. Ландшафтно-климатические изменения в плейстоцене у Денисовой пещеры (Северо-Западный Алтай) по остаткам птиц // Бюл. Моск. об-ва испытателей природы. Отдел. биол. – М., 2006. – Т. 111, вып. 1. – С. 63–69.

References

Martynovich N.V. Golotsenovye ptitsy Denisovoi peshchery. *Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma)*. Novosibirsk, 1998, vol. 1, pp. 231–241 (in Russ.).

Panteleev A.V. Kostnye ostatki ptits iz pleistotsenovykh otlozhenii Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, vol. VIII, pp. 173–178 (in Russ.).

Panteleev A.V. Landshaftno-klimaticheskie izmeneniya v pleistotsene u Denisovoi peshchery (Severo-Zapadnyi Altai) po ostatkam ptits. In *Byulleten' Moskovskogo obshestva ispytatelei prirody. Otdel. biol.* Moscow, 2006, vol. 111, iss. 1, pp. 63–69 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Predvaritel'nye itogi izucheniya ostatkov megafauny iz pleistotsenovykh otlozhenii v vostochnoi galeree Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 32–38 (in Russ.).

УДК 903.23

В.Е. Медведев[1], И.В. Филатова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

Результаты рентгенофазового анализа образцов глин и суглинков с археологических памятников юго-запада Нижнего Приамурья

В статье представлены результаты рентгенофазового анализа образцов глин и суглинков с археологических местонахождений юго-западной части Нижнего Приамурья. Посредством рентгеновской дифрактометрии обследованы пробы с территорий и из окрестностей пяти основных памятников ареала: Малышево, Гася, Амурский Санаторий, Петропавловка-Остров, Шереметьево. Выявлен минеральный состав проб глин и суглинков, отмечены признаки сходства и отличия. Полученные данные в основном согласуются с результатами проведенного ранее петрографического анализа неолитической керамики малышевской культуры (ранний комплекс) с тех же памятников. Основной вывод – общее сходство всех образцов глин и суглинков по минеральному составу, основу которого составляют кварц и полевые шпаты (альбит и ортоклаз), а также местный характер их происхождения.

Ключевые слова: *Нижнее Приамурье, юго-западный ареал, неолит, рентгенофазовый анализ, глины, суглинки, минеральный состав.*

V.E. Medvedev[1], I.V. Filatova[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Amur State University of Humanities and Pedagogy
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

The Results of X-Ray Phase Analysis of Clay and Loam Samples from the Archaeological Sites of the Southwest of the Lower Amur Region

The article presents the results of X-ray phase analysis of clay and loam samples obtained from archeological sites in the southwestern part of the Lower Amur region. The methods of X-ray diffraction analysis were used for examining the samples from five main sites and their surrounding areas, including the sites of Malyshevo, Gasya, Amursky Sanatory, Petropavlovka-Ostrov, and Sheremetievo. The mineral composition of clay and loam samples has been identified; similarities and differences have been observed. The data obtained mostly correspond to the results of the earlier petrographic analysis of the Neolithic pottery of the Malyshevo culture (the early complex) from the same sites. The main conclusion is a general similarity of all samples of clay and loam in terms of mineral composition which mainly consists of quartz and feldspars (albite and orthoclase), as well as the local nature of their origin.

Keywords*: Lower Amur Region, southwestern area, Neolithic, X-ray phase analysis, clays, loams, mineral composition.*

В числе проблемных вопросов технологии гончарного производства на территории Дальнего Востока в древности – идентификация источников глинистого и неглинистого сырья для керамики. В археологии дальневосточного неолита исследования в данном направлении предпринимались И.С. Жущиховской в сотрудничестве с Б.Л. Заливщаком. Полученные ими материалы «позволили сделать определенные предположения об источниках сырья для производства керамики на некоторых неолитических памятниках <…> Приморья и Сахалина» [1990]. Однако, как отметила И.С. Жущиховская, идентификация сырьевых ресурсов для гончарства древности не стала пока утвердившейся

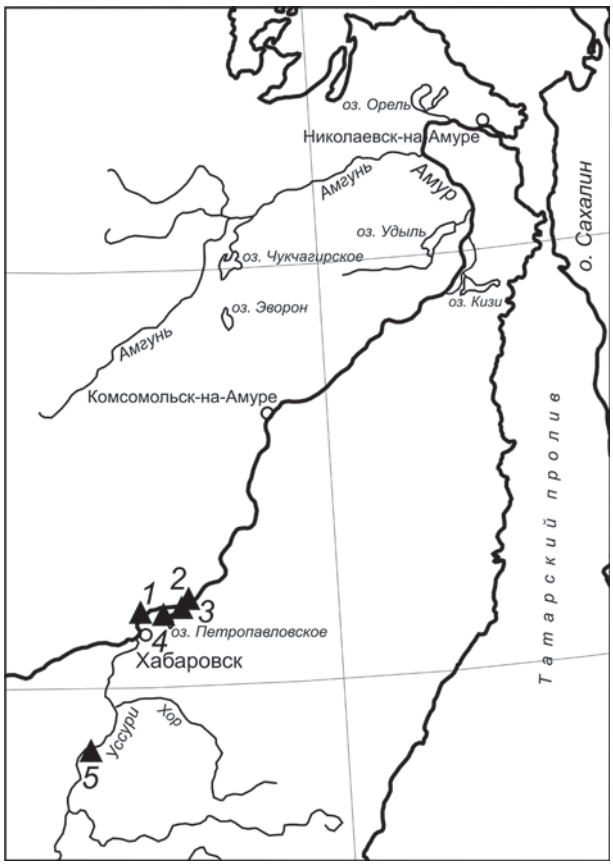

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников в юго-западной части Нижнего Приамурья.
1 – Амурский Санаторий; *2* – Гася; *3* – Малышево-1, -2; *4* – Петропавловка-Остров; *5* – Шереметьево I (поселение 8).

частью исследования по петрографии дальневосточной керамики [2011, с. 74]. В свете означенной проблемы нижнеамурское гончарство не является исключением. Наша цель – представить результаты рентгенофазового анализа образцов глин с археологических местонахождений юго-запада Нижнего Приамурья.

Материалом для исследования послужили образцы глин и суглинков, собранные на пяти местонахождениях в юго-западной части ареала (рис. 1): Амурский Санаторий, Малышево, Гася, Петропавловка-Остров, Шереметьево. Полевой сбор проводился на заранее определенной территории, включающей как сами памятники, так и их окрестности. Анализ глин и суглинков выполнил старший научный сотрудник Института материаловедения Хабаровского научного центра ДВО РАН И.А. Астапов. Рентгенофазовый анализ осуществлялся с применением дифрактометра ДРОН-7 ($Cu_{K\alpha}$-излучение, схема θ-2θ). Образцы необожженных глин и суглинков подвергались умеренному истиранию. Теоретическую основу исследования составили разработки российских ученых [Жущиховская, Залищак, 1990; Физико-химическое исследование керамики…, 2006].

Результаты рентгеновской дифрактометрии образцов глин и суглинков, где для каждой дифрактограммы приведен качественный фазовый состав, а также данные о месте и глубине сбора проб представлены в табл. 1.

Таблица 1. **Результаты рентгенофазового анализа образцов глин с указанием мест их сбора (углы 8 < 2θ < 80°)**

№ п/п	Дифрактограмма	Место сбора пробы	Координаты	Глубина от современной поверхности, см	Состав кристаллической фазы
1	А-1	Хабаровский край, правый берег р. Амур, у паромной переправы в г. Хабаровске	48°31’25,18’’ с.ш. 135°01’34,35’’ в.д.	45–50	Кварц; плагиоклаз (ближе к альбиту)
2	Г-2	Хабаровский край, Хабаровский р-н, утес Гася при слиянии р. Амур и протоки Малышевской, в 700 м выше по течению от с. Сакачи-Алян	48°45’03,76’’ с.ш. 135°37’18,50’’ в.д.	То же	Кварц; плагиоклаз (альбит); ортоклаз
3	М-3	Хабаровский край, Хабаровский р-н, северо-восточная окраина с. Малышево, на западном берегу залива, в 300 м к СВ от мастерских РЭБ флота, у кладбища	48°44’22,8’’ с.ш. 135°36’54,5’’ в.д.	»	То же
4	П-4	Хабаровский край, Хабаровский р-н, правый берег протоки Малышевской, о. Змеиный, напротив северо-восточной части с. Петропавловка, в 800 м к СВ от с. Петропавловка	48°41’53,41’’ с.ш. 135°32’58,23’’ в.д.	»	Кварц; ортоклаз; плагиоклаз (альбит)
5	Ш-5	Хабаровский край, Вяземский р-н, в 2,75 км к СВ от с. Шереметьево, в 0,37 км к СВ от северной оконечности пункта 2 петроглифов	47°23'30,2" с.ш. 134°15'55,4" в.д.	»	Кварц; плагиоклаз; ортоклаз

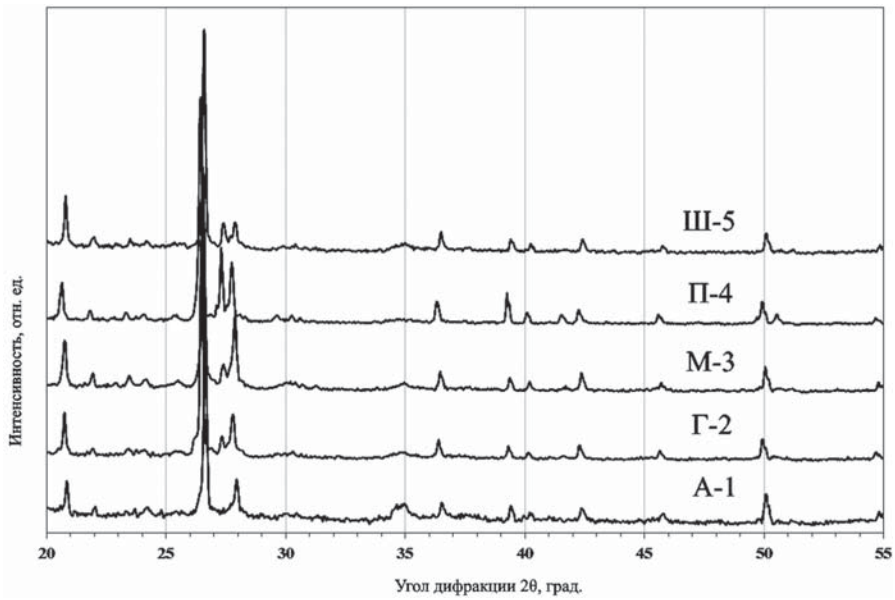

Рис. 2. Дифрактограммы образцов глин и суглинков из окрестностей археологических памятников юго-западной части Нижнего Приамурья.

А-1 – Амурский Санаторий; Г-2 – Гася; М-3 – Малышево-2; П-4 – Петропавловка-Остров; Ш-5 – Шереметьево.

В ходе проведения рентгенофазового анализа образцов глин и суглинков были получены следующие результаты (рис. 2).

Амурский Санаторий (проба А-1). Основная фаза – кварц. Также идентифицирован плагиоклаз (ближе к альбиту). Слюдистые минералы и минералы группы каолинита не обнаружены.

Гася (проба Г-2). Основная фаза – кварц. Присутствуют фазы плагиоклаза (альбита) и ортоклаз (в меньшем относительном количестве). Слюдистые минералы и минералы группы каолинита также обнаружены не были.

Малышево-2 (проба М-3). По своему фазовому составу аналогичен образцу Г-2.

Петропавловка-Остров (проба П-4). Основная фаза – кварц. Второстепенной является фаза ортоклаза. В меньшем количестве присутствует плагиоклаз (альбит). Слюдистые минералы и минералы группы каолинита не обнаружены.

Шереметьево (проба Ш-5). Основная фаза – кварц. Фазы плагиоклаза и ортоклаза присутствуют в пробе в относительно одинаковом количестве. Слюдистые минералы и минералы группы каолинита также не обнаружены.

Таким образом, во всех образцах глин и суглинков присутствуют кварц и полевые шпаты ряда альбит–анортит (плагиоклазы). В четырех из пяти проб зафиксированы также калиевые полевые шпаты (ортоклаз). Слюдистые минералы и минералы группы каолинита не выявлены. Пики кварца четко фиксируются на углах 2θ 26,3–26,5°, альбита – 27,9–28,2°, ортоклаза – 27,3–27,6°. Если рассматривать все образцы по интенсивности пиков, то самый интенсивный – это пик кварца (100 %). Интенсивность же пиков альбита и ортоклаза в разных пробах варьирует. Относительная интенсивность пиков основного рефлекса фаз на общем спектре представлена в табл. 2.

Итак, анализ фаз кристаллической составляющей выявил, что все образцы в основном содержали одинаковый набор минеральных фаз: кварц и полевые шпаты в двух разновидностях: плагиоклазы

Таблица 2. **Относительная интенсивность пиков основного рефлекса фазы на общем спектре**

№ п/п	Дифрактограмма	Относительная интенсивность основного рефлекса фазы на общем спектре, отн. ед.		
		Кварц, d = 3,34 Å	Плагиоклаз, d = 3,19 Å	Ортоклаз, d = 3,25 Å
1	А-1	100	24	–
2	Г-2	100	29	8
3	М-3	100	25	11
4	П-4	100	25	28
5	Ш-5	100	20	19

(альбит) и калиевые (ортоклаз). Во всех исследованных материалах основной являлась фаза кварца, а фазы альбита и ортоклаза были второстепенными.

Полученные данные в целом подтверждаются петрографическими исследованиями минерального состава глинистой фракции керамики с тех же памятников [Медведев, Филатова, 2015]. Главное отличие – присутствие в цементе ряда образцов чешуй гидрослюд. Наиболее вероятным объяснением их отсутствия в дифрактограммах проб является то, что, во-первых, слюд может быть достаточно малое количество, в связи с чем чувствительность прибора не позволяет «распознать» эти фазы; во-вторых, слюды отличают большие межплоскостные расстояния и ориентация зерен (областей когерентного рассеяния) относительно падающего луча при запрессовке образца; отсюда их определение становится затруднительным. Решение данной проблемы – проведение дополнительных исследований, например, детальной съемки шлифов на малых углах с увеличенным режимом работы рентгеновской трубки.

Несмотря на различия в результатах петрографии и дифрактометрии, тем не менее, можно сделать некоторые предположения об источниках исходного глинистого сырья для гончарного производства в изучаемом ареале в эпоху неолита. Так, сходство минерального состава двух проб с близко расположенных памятников Малышево-2 и Гася, а также с образцом с Амурского Санатория, указывает, вероятнее всего, на единое происхождение собранных с них глин и суглинков, а отличия от проб двух других памятников – Петропавловка-Остров и Шереметьево – на иную природу глинистых месторождений. В целом же можно говорить об их местном характере. На последнее указывает наличие, например, на территории Вяземского р-на Вяземского месторождения легкоплавких глин. Отметим, что на территории Хабаровского края, в т.ч. в Вяземском и Хабаровском р-ах, представлены большие запасы глин и суглинков (http://vsegei.com/ru/info/gisatlas/dvfo/khabarovsky_kray/index.php).

Полученные данные не исчерпывают всех возможностей физико-химических исследований собранных образцов. В перспективе – проведение указанных выше дополнительных исследований проб с помощью рентгенографии, атомно-абсорбционный и нейтронно-активационный анализы, а также изучение образцов в обожженном состоянии методами петрографии и цветовой идентификации.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Авторы благодарны В.А. Краминцеву и А.Р. Ласкину за помощь в сборе образцов глин и суглинков.

Список литературы

Жущиховская И.С. Петрография в изучении древней керамики Дальнего Востока: вопросы методики // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. ст. – Уссурийск: Изд-во Уссурийск. гос. пед. ин-та, 2011. – С. 72–81.

Жущиховская И.С., Залищак Б.Л. Вопросы изучения сырья и формовочной массы древней керамики юга Дальнего Востока // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 144–157.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Результаты петрографического анализа керамики раннего комплекса малышевской неолитической культуры (Нижнее Приамурье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2015. – Т. 13. – С. 26–38.

Физико-химическое исследование керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку) / В.А. Дребущак, Л.Н. Мыльникова, Т.А. Дребущак, В.В. Болдырев, В.И. Молодин, Е.И. Деревянко, В.П. Мыльников, А.В. Нартова. – Новосибирск: СО РАН, 2006. – 98 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; вып. 6).

References

Fiziko-khimicheskoe issledovanie keramiki (na primere izdeliy perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku) / V.A. Drebushchak, L.N. Mylnikova, T.A. Drebushchak, V.V. Boldyrev, V.I. Molodin, E.I. Derevyanko, V.P. Mylnikov, A.V. Nartova. Novosibirsk: SB RAS Press, 2006, 98 p. (Integratsionnye proekty SO RAN, iss. 6) (in Russ.).

Medvedev V.E., Filatova I.V. Rezultaty petrograficheskogo analiza keramiki rannego kompleksa malyshevskoy neoliticheskoy kultury (Nizhnee Priamure). *Izvestiya Irkutsk. gos. un-ta. Ser.: Geoarkheologiya. Etnologiya, Antropologiya,* 2015, vol. 13, pp. 26–38 (in Russ.).

Zhushikhovskaya I.S. Petrografiya v izuchenii drevney keramiki Dalnego Vostoka: voprosy metodiki. In *Aktualnye problem arkheologii Sibiri I Dalnego Vostoka*: sbornik nauchnykh statei. Ussuriysk: State Pedagogical Univ. Press, 2011, pp. 72–81 (in Russ.).

Zhushikhovskaya I.S., Zalishchak B.L. Voprosy izucheniya syrya I formovochnoy massy drevney keramiki yuga Dalnego Vostoka. *Drevnyaya keramika Sibiri: tipologiya, tekhnologiya, semantika*. Novosibirsk: Nauka, 1990, pp. 144–157 (in Russ.).

УДК 902/903.02

В.Е. Медведев[1], Ю.Б. Цетлин[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии РАН
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

Происхождение гончарства и этнокультурные процессы в неолите Приамурья

В статье подведены итоги многолетних исследований неолитической керамики бассейна нижнего Амура. С позиций историко-культурного подхода исследована керамика осиповской (обломки от 122 сосудов), громатухинской (от 12 сосудов), новопетровской (от 22 сосудов), мариинской (от 149 сосудов) и малышевской (от 43 сосудов) археологических культур. Изложены основные черты традиций носителей этих культур в сфере гончарной технологии, форм сосудов и их орнаментации; показаны как общие, так и специфические их особенности. На основании полученных данных продемонстрированы некоторые общие закономерности происхождения и эволюционного развития гончарства в начальный период его истории.

Ключевые слова: *начальный и ранний неолит, Приамурье, историко-культурный подход, керамика, формирование гончарства, этнокультурные процессы.*

V.E. Medvedev[1], Yu.B. Tsetlin[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Archaeology RAS
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

Origins of Pottery Production and Ethno-Cultural Processes in the Neolithic of the Amur Region

The article summarizes the results of many years of research into the Neolithic pottery from the lower Amur River basin. Pottery remains of the Osipovskaya (fragments of 122 vessels), Gromatukhinskaya (fragments of 12 vessels), Novopetrovskaya (fragments of 22 vessels), Mariinskaya (fragments from 149 vessels), and Malyshevskaya (fragments of 43 vessels) archaeological cultures have been studied from the historical and cultural approach. The authors describe the main features of various traditions followed by the carriers of these cultures in terms of pottery manufacturing techniques, shapes of vessels, and their ornamental decoration; the common and specific features of these traditions are described. Several general patterns of the origins and evolutionary development of pottery production in the early period of its history are demonstrated on the basis of the data obtained.

Keywords: *Initial and Early Neolithic, Amur Region, historical and cultural approach, ceramics, formation of pottery-making traditions, ethno-cultural processes*

Юго-Восточная Азия – это регион, где человечество впервые в мире начало регулярно изготавливать керамические сосуды. В этом регионе выделяются три области становления гончарства: Китай (15–14 тыс. л.н.), Япония (ок. 13 тыс. л.н.) и Дальний Восток России (14–13 тыс. л.н.). В настоящее время с позиций историко-культурного подхода исследовано только древнейшее и древнее гончарство Приамурья [Медведев, Цетлин, 2013–2015; Цетлин, Медведев, 2014, 2015; Медведев, Цетлин, Волкова, 2016; Медведев и др., 2016].

В статье подведены итоги многолетней совместной работы сотрудников Института археологии и этнографии СО РАН, где хранится вся рассматриваемая керамика (В.Е. Медведев), и Института археологии РАН (Ю.Б. Цетлин, Е.В. Волкова, О.Л. Шарганова и О.А. Лопатина). Керамика изучалась в лаборатории «История керамики» Института

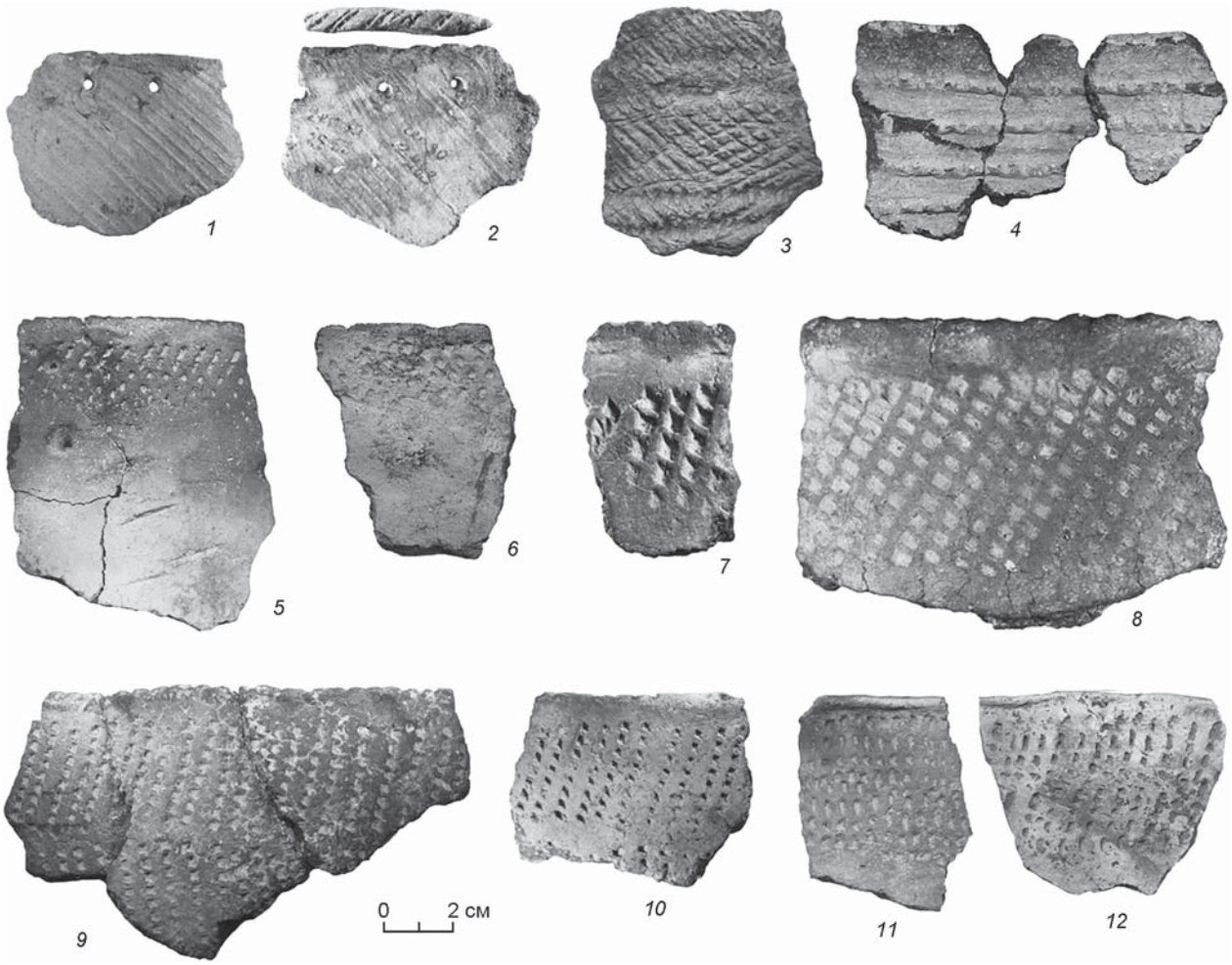

Рис. 1. Керамика начального и раннего неолита Приамурья.
1 – Осиповка-I; *2* – Гася; *3* – Громатуха I; *4* – Новопетровка II; *5–10* – Сучу; *11, 12* – Казакевичево.

археологии РАН с позиций историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [1978, 1999]. Кратко приведены результаты исследования происхождения гончарства в Приамурье и реконструкция этнокультурных процессов в регионе в эпоху начального, раннего и развитого неолита.

Керамика осиповской культуры (14–11 тыс. л.н.) изучалась по памятникам Госян, Гася, Осиповка I и Казакевичево (изучены обломки от 122 сосудов); громатухинской культуры (13–10 тыс. л.н.) – по памятнику Громатуха I (12); новопетровской культуры (11–10 тыс. л.н.) – по памятнику Новопетровка II (22); мариинской культуры (10–9 тыс. л.н.) – по памятникам о-в Сучу (раскопы IX и XII), Казакевичево и Петропавловка-Остров (149); малышевской культуры (8–5 тыс. л.н.) – по памятникам Малышево I, Амурский санаторий и Шереметьево (43). В общей сложности изучению были подвергнуты обломки от 348 сосудов.

Конкретные результаты изучения керамики были достаточно подробно опубликованы ранее в упомянутых выше статьях. Поэтому здесь мы сосредоточим свое внимание на обсуждении некоторых закономерностей становления и развития гончарства, которые удалось проследить по керамике Дальневосточного региона.

Формирование древнейшего гончарства включает три взаимосвязанных процесса. Первый – это развитие представлений людей о гончарной технологии, включая взгляды на формовочную массу сосудов и способы придания им прочности и водонепроницаемости. Второй процесс отражает развитие представлений о формах сосудов. Здесь наши знания ограничены, т.к. нам неизвестны формы догончарных емкостей, которые служили прототипами глиняных сосудов. Третий процесс – развитие представлений о внешнем облике сосудов. Становление и динамику этих процессов оказалось возможным (хотя и с разной полнотой) проследить по изученным материалам.

Осиповская, громатухинская и новопетровская культуры. Носители этих культур применяли два

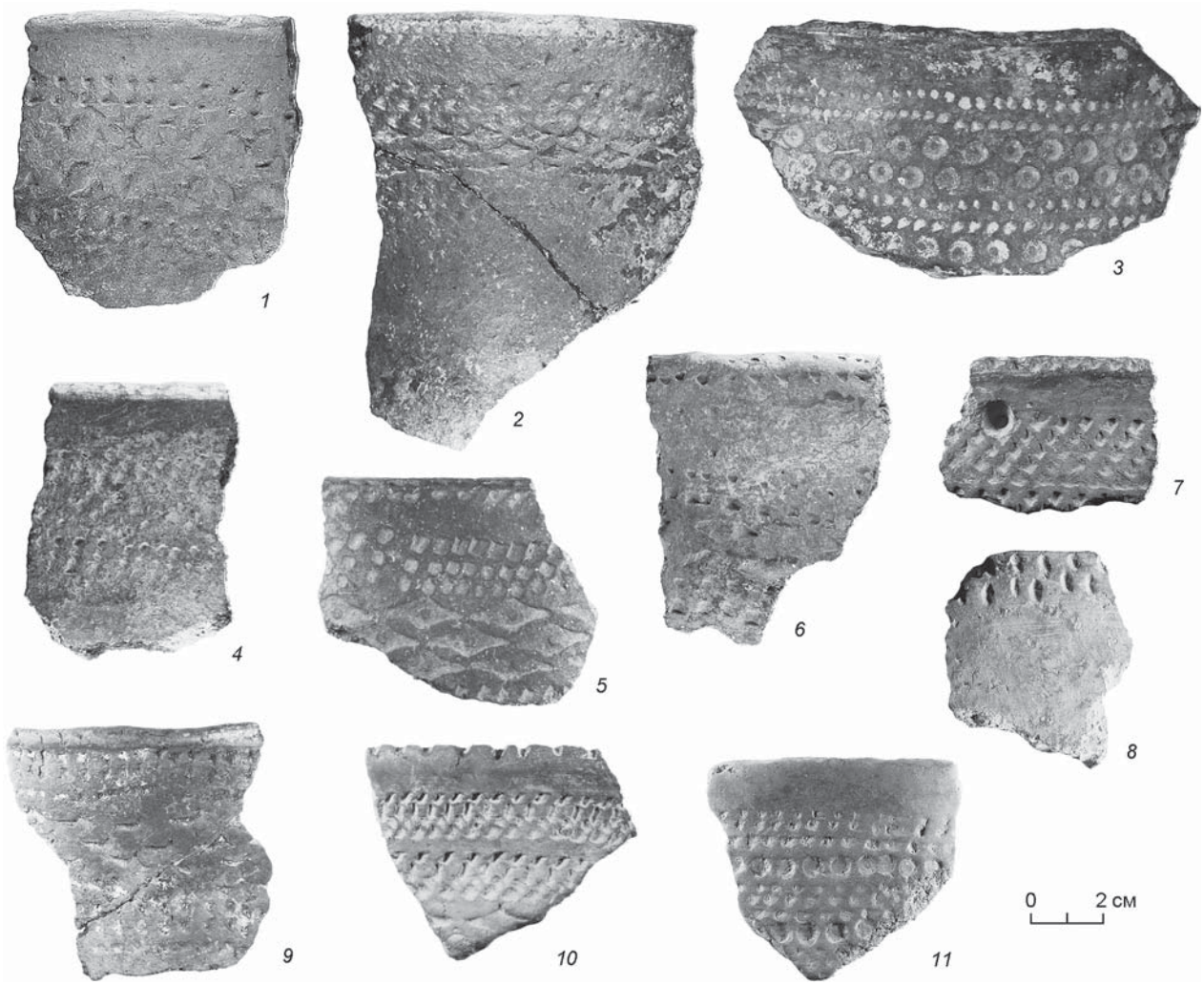

Рис. 2. Керамика малышевской культуры.
1–3 – Амурский санаторий; *4–6* – Шереметьево; *7–11* – Малышево I.

вида природного сырья – «равнинный» и «горный» илы. Первый доминировал у носителей осиповской (60–90 %), а второй – громатухинской и новопетровкой культур (67–88 %). На позднем этапе носители этих традиций контактировали, о чем говорит использование смеси этих илов – 12–42 % (Гася и Осиповка I). В ранний период для осиповцев и новопетровцев было характерно введение в формовочную массу специального органического раствора (60–100 %), что не было свойственно поздним осиповским и громатухинским гончарам. Последние изредка добавляли сухую растительную органику (25 %). У носителей всех трех культур доминировал лоскутный налеп на форме-основе (73–100 %). Только у жителей Гаси преобладало использование форм-емкостей (77 %). Носители новопетровской культуры применяли более развитый лоскутный налеп, когда лоскуты наращивались не беспорядочно, а широкими лентами. Осиповским и громатухинским сосудам было свойственно бороздчатое заглаживание (66–74 %), т.е. технологически-декорированное состояние поверхности, реже в верхней части сосуда наносились гребенчатые и ямчатые отпечатки, а у носителей новопетровской культуры доминировал налепной орнамент с насечками. Осиповские и новопетровские гончары подвергали посуду длительному низкотемпературному обжигу (60–80 %), который иногда дополнялся очень коротким «магическим» воздействием открытого огня. У громатухинских и новопетровских гончаров применялся также неполный обжиг сосудов в окислительной среде (23–25 %). Зафиксированы три варианта естественной структуры сосудов: Г+Т+ОТ, Г+ПП+Т+ОТ и Г+Щ+ПП+Т+ОТ*;

*Здесь и далее в работе для обозначения функциональных частей сосуда используются следующие сокращения: Г – губа, Щ – щека, Ш – шея, П – плечо, ПП – предплечье, Т – тулово, ОТ – основание тулова.

первый и второй характерны для осиповской, а все три – для новопетровской культур. Несмотря на более развитое гончарство новопетровской культуры, в ней еще не фиксируется переход от илов к глинистому сырью и широкое применение минеральных примесей, что характерно для более поздних культур.

Мариинская культура. Население этой культуры делало сосуды лоскутным налепом только на форме-основе из настоящей глины с добавлением шамота и органического раствора, причем обе эти традиции были устойчивыми. Изделия подвергались длительному низкотемпературному обжигу (50 %), а еще 45 % сосудов – «магическому» обжигу при высокой температуре. Поверхность сосудов почти всегда украшалась разнообразным гребенчатым орнаментом, обваривание применялось редко (10 %). Сосуды были плоскодонные, более простой формы: Г+ПП+Т+ОТ (60 %) и Г+Т+ОТ (27 %). Здесь важно обратить внимание на два момента: культурные традиции мариинцев были очень однородны, а уровень их развития был заметно выше, чем у осиповцев.

Малышевская культура. Сосуды также изготавливались из настоящей природной глины, но состав формовочной массы был различен: глина + дресва + органический раствор (65 %), глина + шамот + + органический раствор (23 %) и глина + дресва + + шамот + органический раствор (12 %). Гончары применяли лоскутный налеп в основном на форме-основе (76 %), реже – в форме-емкости (24 %). Практически все сосуды орнаментировались, причем декор был очень разнообразен: гребенчатый (60 %), ромбический (15 %), гладкий (10 %), накольчатый и лунчатый (2–3 %). Около 60 % сосудов обваривались. Продолжает доминировать длительный низкотемпературный обжиг (56 %), еще 17 % сосудов подвергались «магическому» обжигу, но уже достаточно широко применялся неполный обжиг в окислительной среде при высокой температуре (27 %). Доминировали 4- и 5-частные сосуды: Г+ПП+Т+ОТ (65 %) и Г+Щ+ПП+Т+ОТ (21 %).

В неолите Приамурья выделятся ряд тенденций эволюции гончарства: 1) переход от использования илов без каких-либо искусственных примесей к применению настоящих глин с различными искусственными минеральными примесями (шамот и дресва); 2) переход от сосудов с технологически декорированной поверхностью в культурах начального неолита к сосудам с настоящим орнаментом (вся посуда мариинской и малышевской культур); 3) переход от преобладающего длительного низкотемпературного обжига изделий в эпоху древнейшего гончарства к распространению неполного окислительного обжига при температурах каления глины. Какой-либо явной тенденции в эволюции структуры и формы сосудов зафиксировать не удалось, что связано с сильной фрагментированностью керамики.

Судя по полученным данным, состав носителей осиповской культуры включает представителей двух культурных групп населения, которые изготавливали сосудов из разных видов илов на формах-основах или в формах-емкостях. Эти группы сосуществовали и смешивались друг с другом.

Носители мариинской культуры очень однородны по своим гончарным традициям. Возможно, в ходе контактов они наследовали некоторые традиции осиповской культуры (использование форм-основ, гребенчатый орнамент), хотя по происхождению были глубоко различны. В целом гончарство мариинцев было существенно более развитым, чем осиповское.

Хотя гончарство малышевской культуры сходно с предшествующими культурами (формы-основы, доминирование гребенчатого орнамента), ее происхождение также не было с ними связано. Сложный состав носителей этой культуры формировался при участии носителей мариинской культуры, о чем говорит традиция использования шамота, смешанный рецепт «глина + шамот + дресва + органический раствор», и, возможно, какой-то еще группы древнего населения, делавшего сосуды в формах-емкостях. Традиции малышевской культуры отражают следующий по отношению к мариинской этап развития местного гончарства.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 15-06-00246А.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1999. – С. 5–109.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б. Технико-технологический анализ древнейшей керамики Приамурья (13–10 тыс. л.н.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 94–107.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б. Новые данные о керамике начального и раннего неолита Нижнего Приамурья // Евразия в кайнозое: мат-лы Всерос. конф. 2–4 декабря 2014 г. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014. – С. 77–83.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б. Новые данные о раннем гончарстве малышевской неолитической культуры Дальнего Востока // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. –

Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 112–115.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б., Волкова Е.В. Предварительные результаты технико-технологического изучения керамики новопетровской и громатухинской культур // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 122–125.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б., Волкова Е.В., Лопатина О.А. О протогончарстве на Дальнем Востоке России (Приамурье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 126–129.

Цетлин Ю.Б., Медведев В.Е. Керамика мариинской культуры нижнего Приамурья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4. – С. 43–53.

Цетлин Ю.Б., Медведев В.Е. Гончарство осиповской культуры Приамурья (11–13 тыс. лет назад) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: мат-лы Междунар. симп. 29–31 октября 2013 г. – М.: ИА РАН, 2015. – С. 298–312.

References

Bobrinsky A.A. Goncharstvo Vostochnoj Evropy. Istochniki i metody izucheniya. Moscow: Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.).

Bobrinsky A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva*. Samara: State Ped. Univ., 1999, pp. 5−109 (in Russ.).

Medvedev V.E., Tsetlin Ju.B. Technological analysis of the earliest ceramics from the Amur region (13–10 thousand years BP). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 4, pp. 94–107.

Medvedev V.E., Tsetlin Ju.B. Novye dannye o keramike nachal'nogo i rannego neolita Nizhnego Priamur'ja. In *Evrazija v kajnazoe: materialy Vserossijskoj konferencii, 2–4 dekabrja 2014 goda.* Irkutsk: State Univ. Press, 2014, pp. 77–83 (in Russ.).

Medvedev V.E., Tsetlin Ju.B. Novye dannye o rannem goncharstve malyshevskoj neoliticheskoj kul'tury Dal'nego Vostoka. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 112–115 (in Russ.).

Medvedev V.E., Tsetlin Ju.B., Volkova E.V. Predvaritel'nye rezul'taty tehniko-tehnologicheskogo izuchenija keramiki novopetrovskoj i gromatuhinskoj kul'tur. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 122–125 (in Russ.).

Medvedev V.E., Tsetlin Ju.B., Volkova E.V., Lopatina O.A. O protogoncharstve na Dal'nem Vostoke Rossii (Priamur'e). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 126–129 (in Russ.).

Tsetlin Ju.B., Medvedev V.E. Ceramiks of the Mariinskoye kulture from the Lower Amur. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2014, No. 4, pp. 43–53.

Tsetlin Y.B., Medvedev V.E. Goncharstvo osipovskoj kul'turu Priamur'ja (11–13 tys. let nazad). In *Sovremennye podhody k izucheniju drevnej keramiki v archeologii. Mezhdunarodnyj simpozium, 29–31 oktober 2013*. Moskow: Institut of archaeology RAS, 2015, pp. 298–312 (in Russ).

УДК 902.2

В.И. Молодин[1, 2], Л.С. Кобелева[1], Л.Н. Мыльникова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: Lilyakobeleva@yandex.ru

Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация

Представлена характеристика новой стоянки раннего неолита Барабинской лесостепи, содержащей комплексы плоскодонной керамики. Конструктивные особенности сооружений и обнаруженный инвентарь позволяют видеть во вновь открытом комплексе типичную для раннего неолита стоянку, вероятно, специализировавшуюся на заготовке и первичной переработке рыбных запасов. По аналогии с материалами памятника Тартас-1, ее датировка лежит в пределах VII тыс. до н.э. Для подобного комплекса на Тартасе-1 была получена серия радиоуглеродных дат, позволившая отнести его к началу неолитической эпохи и пересмотреть существующие историко-культурные построения. Происхождение плоскодонной керамики в таежной и лесостепной части Западно-Сибирской равнины следует рассматривать как явление автохтонное и для данного региона конвергентное. Предложена новая дефиниция для обозначения памятников Тартас-1, Усть-Тартас-1, Автодром-2/2 с плоскодонной посудой – «барабинская неолитическая культура».

Ключевые слова: *ранний неолит, плоскодонная керамика, хронология, барабинская неолитическая культура.*

V.I. Molodin[1, 2], L.S. Kobeleva[1], L.N. Mylnikova[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2] Novosibirsk State University
E-mail: Lilyakobeleva@yandex.ru

Ust-Tartas-1 Early Neolithic Site and Its Cultural and Chronological Interpretation

The article describes the new Early Neolithic site from the Baraba forest-steppe, which contains the complexes of flat-bottomed pottery. The constructional features of the structures and inventory make it possible to view the newly discovered site as a typical complex of the Early Neolithic, probably intended for procuring and initial processing of fish. By analogy with the materials of the Tartas-1 site, the date of the new site is within the 7th millennium BC. A series of radiocarbon dates was obtained for a similar complex from the Tartas-1 site, which made it possible to attribute it to the beginning of the Neolithic and to revise the existing historical and cultural interpretation. The origin of flat-bottomed pottery in the taiga and forest-steppe regions of the West Siberian Plain should be regarded as an autochthonous phenomenon, convergent for this region. A new definition of the Baraba Neolithic culture is proposed for the sites of Tartas-1, Ust-Tartas-1, and Avtodrom-2/2 with flat-bottomed pottery.

Keywords: *Early Neolithic, flat-bottomed pottery, chronology, Baraba Neolithic culture.*

Культурный слой и сооружения ранненеолитической стоянки Усть-Тартас-1 были обнаружены авторами раскопок на широко известном в литературе еще с XIX в. Усть-Тартасском могильнике [Чугунов, 1898] благодаря геофизическому мониторингу, проведенному под руководством профессора Й. Фассбиндера [Парцингер и др., 2016]. Изучение одного из элитных курганов саргатской культуры с применением электромагнитометра показало, что объект сооружен на более ранних комплексах, как впоследствии оказалось – на стоянке и разновременных грунтовых могильниках. Учитывая исключительную научную значимость материалов, полученных при раскопках вновь открытых памятников, интерпретация их предлагается в двух отдельных статьях настоящего сборника.

Памятник располагается в 3 км от р.п. Венгерово (Новосибирская обл.), вдоль Старого Московского тракта, на краю коренной террасы левого берега р. Тартас, которая ограничивает огромную, периодически затопляемую пойму, называемую «Урочищем Таи». В период затопления урочища терраса становится прибрежной, что не только обеспечивало ее обитателям выход к воде, но и позволяло активно добывать рыбные ресурсы, которыми так богаты Таи в период весеннего нерестилища, а в годы максимальной трансгрессии – круглогодично.

Культурный слой стоянки залегает в непосредственной близости от края террасы, возвышающейся над поймой на 8 м. Он представлен несколькими ямами аморфной в плане формы, глубиной до 2,54 м от уровня материка. В их заполнении обнаружены остатки костей и чешуи рыбы, костей животных, каменные и костяные орудия, а также фрагменты керамики. Особый интерес представляет огромная яма аморфной в плане формы, предназначенная для квашения рыбных запасов. Планиграфически яма имеет размеры 3 × 3 м, свидетельствующие о постоянном ее подновлении, на которое приходилось идти обитателям стоянки в результате оседания стенок в силу сыпучести супесчаного грунта. Глубина ямы также неодинакова и варьирует от 2 до 2,54 м.

Заполнение ямы и ее стратиграфия (рис. 1) демонстрируют периодическую слоистость от дна до самого верха: супесчаные почвы желтого цвета перемежаются с черными гумусированными линзами, чередующимися с оставшимися слоями рыбьих костей и чешуи, а также с разрозненными костями водоплавающих птиц.

Перед нами классический образец ямы-хранилища, предназначенной для квашения и хранения рыбных (и отчасти мясных) запасов, аналог которой недавно обнаружен авторами и их коллегами при исследовании серии таких ям и двух жилищно-хозяйственных сооружений на памятнике Тартас-1, расположенном в сходных геоморфологических условиях, но на правом берегу Таев [Молодин и др., 2015, 2016]. В настоящее время полный анализ этого комплекса осмыслен и введен в научный оборот

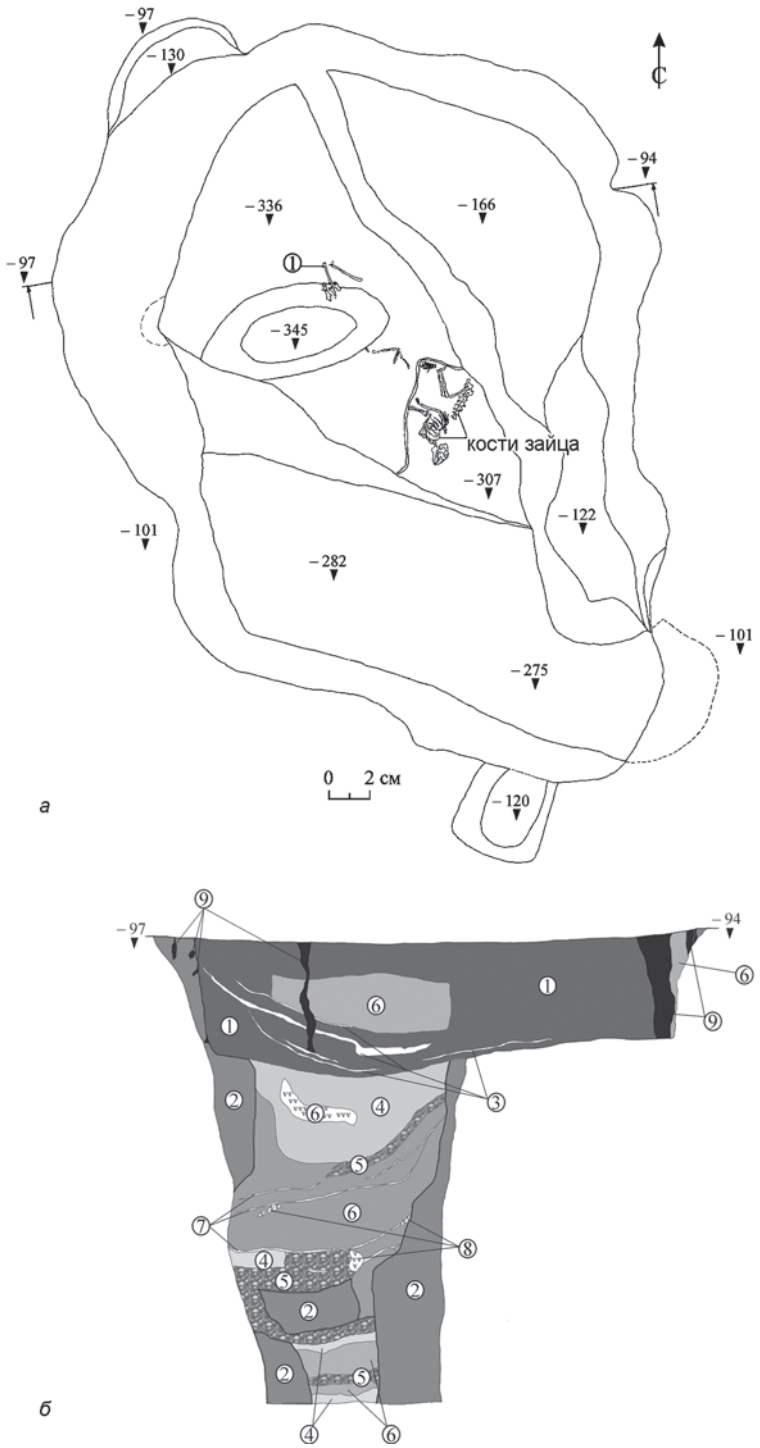

Рис. 1. Яма для квашения рыбных запасов на стоянке Усть-Тартас-1.

а – план ямы; *б* – стратиграфия.

1 – темно-серая супесь с вкраплениями пепла и бурой почвы; 2 – желто-серая супесь с вкраплениями пепла и остатков рыбы; 3 – кости и чешуя рыбы; 4 – белесо-желтая супесь с включениями линз бурой почвы и пепла; 5 – мешаная темно-серая супесь с белесыми вкраплениями; 6 – пестрая, слоистая белесо-желто-серая супесь с линзами буро-оранжевой прокаленной почвы и линзами белесо-желтой почвы; 7 – темно-серая, сажистая с белесыми вкраплениями супесь; 8 – буро-оранжево-черная прокаленная супесь; 9 – черная, рыхлая почва (ход грызуна).

[Molodin et al., in der Presse]. Уместно лишь отметить, что аналогичный способ заготовки рыбных запасов фиксируется и в археологических комплексах [Дрябина, 1995; Зах, 2009; Косинцев, Некрасов, 1999], и в сибирской этнографии [Миллер, 2009; Алексеенко, 1967; Саввин, 2005]. Однако особенно яркое и всестороннее обоснование он получил недавно именно на Тартасе-1. Датирование памятника по костям животных показало, что его существование укладывается в пределы VII тыс. до н.э. [Молодин и др., в печати], что соответствует периоду раннего неолита в пределах Западно-Сибирской равнины.

Функциональное назначение ям двух отмеченных памятников сближает не только содержание их заполнения, стратиграфию и планиграфию, но и наличие в них, на дне и, порой, несколько выше в заполнении, специально помещенных трупов животных, очевидно, являющихся своего рода жертвами-прикладами. На стоянке памятника Тартас-1 это – росомаха, волк, собака, лисица, горностай [Молодин и др., 2015, 2016; Molodin et al., in der Presse]. На анализируемой стоянке Усть-Тартас-1, на дне ямы, обнаружены скелеты двух зайцев, один из которых полный. Очевидно, что мы имеем дело с проявлением иррациональной деятельности ранненеолитического населения Барабинской лесостепи.

Отметим и идентичность керамики на исследуемых памятниках. Это крупные плоскодонные сосуды, выполненные в технике трех-четырехслойного лоскутного налепа, с расформованным в плоскую площадку венчиком, вытянутым по вертикали туловом, резко сужающимся к придонной части, на изломе венчиков фиксируются каналы от выгоревшего обвязочного шнура. Орнаментация выполнена прочерчиванием и накольчатой техникой. Орнаментом покрывалась вся поверхность изделия, включая дно. Композиция асимметрична и нестандартна даже на одном сосуде [Там же]. Такая же керамика обнаружена в ямах характеризуемой стоянки (рис. 2, *1–3*). Особенно оригинален сосуд из ямы № 9. До нас дошла его верхняя часть, включая тулово (рис. 2, *1*). Это была вместительная емкость с толстыми стенками (до 2 см), орнаментированная асимметричным узором свисающих прочерченных треугольников и семечковидных наколов, образующих часть композиции. Фрагмент горловины из ямы № 5 абсолютно тождественен керамике на памятнике Тартас-1 (рис. 2, *3*). В свою очередь, керамические комплексы стоянок Тартас-1 и Усть-Тартас-1 имеют прямые аналогии в посуде памятника Автодром-2/2 [Бобров, Марочкин, 2013; Бобров, Марочкин, Юракова, 2012; Бобров, Юракова, 2014], который расположен всего в 4 км к западу от анализируемого объекта, на той же террасе р. Тартас.

Кроме костей рыбы, животных, птиц и фрагментов керамики в исследованных ямах обнаружен, несомненно, неолитический инвентарь. Особенно обращают на себя внимание скребок (рис. 2, *6*) и массивный наконечник стрелы из кремниевых пород, а также два костяных орудия, явно предназначенных для чистки рыбы (рис. 2, *4, 5*).

Все вышесказанное позволяет видеть во вновь открытой стоянке типичный для раннего неолита региона комплекс, вероятно, направленный на заготовку и первичную переработку рыбных запасов.

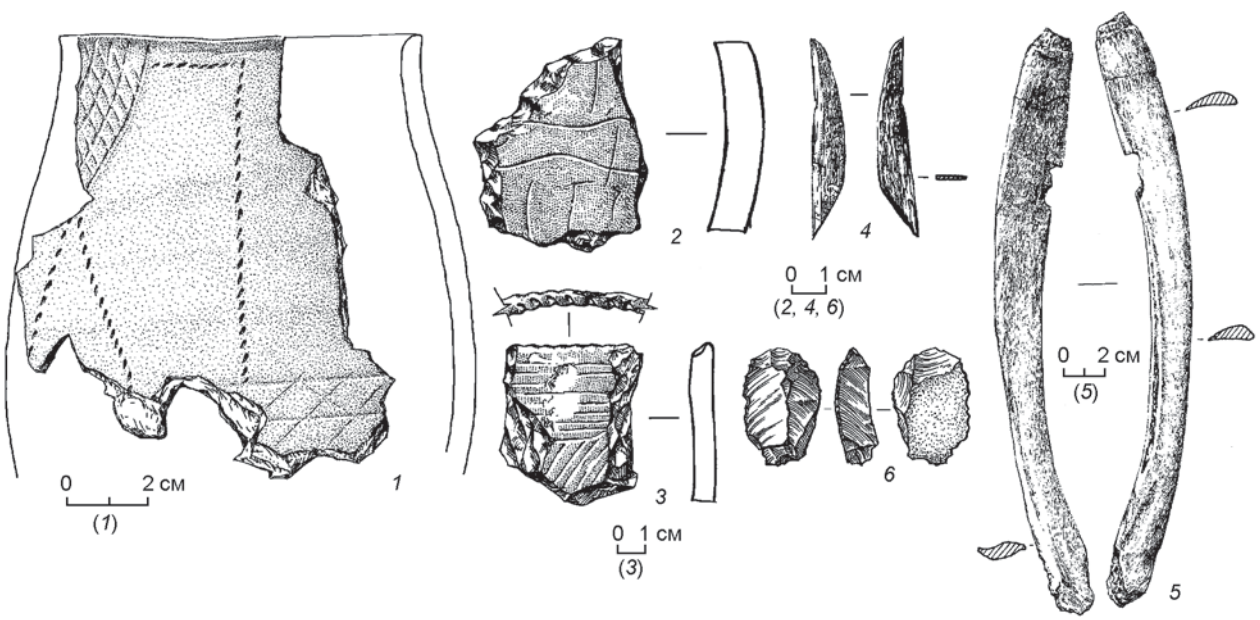

Рис. 2. Артефакты эпохи неолита со стоянки Усть-Тартас-1.

Типом стационарного поселка мог являться памятник Автодром-2/2.

Как отмечено выше, хронологическое обоснование ранненеолитических памятников Барабы с плоскодонной керамикой представлено в специальном исследовании [Молодин и др., в печати]. Подробно остановимся на культурной идентификации этого феномена.

Открытие неолитических памятников с плоскодонной керамикой в Барабинской лесостепи принадлежит нашим кемеровским коллегам во главе с В.В. Бобровым. Они относят эти материалы к боборыкинской культуре [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012; Бобров, Марочкин, 2013; Бобров, Юракова, 2014]. Данная точка зрения с самого начала вызывала у нас серьезные сомнения, которые укрепились с открытием и исследованием уже упомянутого выше ансамбля на памятнике Тартас-1 [Молодин и др., 2015, 2016]. Отдавая должное коллегам, открывшим новый культурный пласт неолита в Барабинской лесостепи, который позволил совершенно по-новому представить динамику историко-культурных процессов в лесостепном Прииртышье, следует подчеркнуть, что изучение комплекса на Тартасе-1, обеспеченного серией радиоуглеродных дат, которые дают возможность отнести его к началу неолитической эпохи, меняет историко-культурную интерпретацию и, как следствие, те дефиниции, которые введены в научный оборот нашими коллегами. По нашему мнению, происхождение плоскодонной керамики в таежной и лесостепной части Западно-Сибирской равнины следует рассматривать как явление автохтонное, конвергентное для данного региона, существовавшее, по-видимому, в той или иной степени на протяжении неолита и ряда культур эпохи раннего металла. Вероятно, это были разные культурные образования, имеющие как общие черты, так и особенности, позволяющие специалистам говорить об особых типах плоскодонной неолитической посуды – аминской [Морозов, Стефанов, 1993; Стефанов, Борзунов, 2008], или даже об особой культуре – каюковской [Ивасько, 2008]. Носители данного феномена на определенных этапах сосуществовали с западно-сибирскими неолитическими культурами с остродонной и круглодонной посудой, что нередко фиксируется в смешанных комплексах [Хвостов, 1997; Чемякин, 2008].

Что же касается боборыкинской культуры Зауралья, то она является завершающей стадией этого явления для западно-сибирского неолита, о чем свидетельствует и морфология керамики, и ее технология, и имеющиеся в распоряжении исследователей радиоуглеродные даты. Поэтому ни о какой миграции носителей боборыкинской культуры с запада на восток речи быть не может.

Исходя из вышесказанного, отнесение проанализированного материала из Барабинской лесостепи (Автодром-2/2, Тартас-1, Усть-Тартас-1) к боборыкинской культуре не только не корректно, но и, по сути, не верно. Некритичное использование этого термина, который в настоящее время фигурирует уже в ряде работ, является не просто ошибочным, но искажающим суть исторического процесса.

Мы понимаем те негативные явления, которые часто влечет за собой переименование уже вошедших в научный оборот культурных дефиниций, но в данном конкретном случае нам приходится на это пойти, чтобы исключить путаницу в терминологии и явные ошибки в квалификации исторических явлений. Для обозначения культурной принадлежности тартасского неолитического комплекса, как и для памятника с плоскодонной керамикой Автодром-2/2, мы предлагаем ввести название «барабинская неолитическая культура» [Molodin et al., in der Presse]. К этой же культуре относится и вновь открытая стоянка Усть-Тартас-1.

Благодарности

Благодарим канд. биол. наук С.К. Васильева за определение костей животных.

Список литературы

Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. – Л.: Наука, 1967. – 266 с.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Боборыкинский комплекс из Барабы: проблемы исторической интерпретации // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2013. – № 3 (23). – С. 211–215.

Бобров В.В. Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. – № 3 (18). – С. 4–13.

Бобров В.В., Юракова А.Ю. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. I. – С. 211–213.

Дрябина М.А. Каменная индустрия поселения Мергень-5 // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. – Тюмень, 1995. – С. 9–11.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 320 с.

Ивасько Л.В. О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. – С. 113–122.

Косинцев П.А., Некрасов А.Е. Промысловая деятельность людей из поселений, расположенных на бере-

гу озера Мергень (Мергень 5 и 6) в неолите и энеолите // Экология древних и современных обществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. – С. 100–106.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 456 с.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Дураков И.А., Васильев С.К. Оригинальный производственный комплекс на Тартасе-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. –Т. XXI. – С. 326–331.

Молодин В.И., Райнхольд С., Мыльникова Л.Н., Ненахов Д.А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса Тартас-1 (ранний неолит в Барабе). – В печати.

Молодин В.И., Хансен С., Ненахов Д.А., Рейнхольд С., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Васильев С.К. Новые данные о неолитических комплексах на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 135–140.

Морозов В.М., Стефанов В.И. Амня 1 – древнейшее городище Северной Евразии? // Вопр. археологии Урала. – Екатеринбург, 1993. – Вып. 21. – С. 143–170.

Парцингер Г., Молодин В.И., Фассбиндер Й., Кобелева Л.С., Гасс А., Хофманн И., Ненахов Д.А. Предварительные результаты исследований периферии больших курганов саргатской культуры в центральной Барабе // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 401–405.

Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. – 275 с.

Стефанов В.И., Борзунов В.А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут, 2008. – С. 93–111.

Хвостов В.А. Проблема периодизации и хронологии памятников эпохи неолита – раннего металла Омского Прииртышья // Россия и Восток: археология и этническая история: мат-лы 4-й междунар. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». – Омск: Ом. фил. Объедин. ин-та истории, филологии и философии СО РАН, 1997. – С. 15–19.

Чемякин Ю.П. Барсова гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: Ом. дом печати, 2008. – 223 с.

Чугунов С.М. Отчет С.М. Чугунова о раскопках его в 1896 году, в Каинском уезде Томской Губернии // ОАК за 1986 год. – СПб.: [Тип. Главного управления уделов], 1898. – С. 219–225.

Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova L.N., Reinhold S., Nenachov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nenachova Yu.N. Die Siedlung der Frühes Neolithikum am Unterlauf des Flusses Tartas im Süden der Westsibirischen Tiefebene. – In der Presse.

References

Alekseenko E.A. Kety. In *Istoriko-etnograficheskie ocherki*. Leningrad: Nauka, 1967, 266 p. (in Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Boborykinskii kompleks iz Baraby: problemy istoricheskoi interpretatsii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2013, No. 3 (23), pp. 211–215 (in Russ.).

Bobrov V.V. Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Poselenie boborykinskoi kul'tury Avtodrom 2/2 (severo-zapadnye raiony Barabinskoi lesostepi). In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii.* Tyumen': Inst. of the problem of Northern development SB RAS Publ., 2012, No. 3 (18), pp. 4–13 (in Russ.).

Bobrov V.V., Yurakova A.Yu. Boborykinskii kompleks v neolite Barabinskoi lesostepi. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*. T. I. Kazan: Otechestvo, 2014, pp. 211–213 (in Russ.).

Chemyakin Yu.P. Barsova gora. Ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost'. Surgut; Omsk: Omskii dom pechati, 2008, 223 p. (in Russ.).

Chugunov S.M. Otchet S.M. Chugunova o raskopkakh ego v 1896 godu, v Kainskom uezde Tomskoi gubernii. In *Otchet imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1896 god*. St. Petersburg: Tipographia Glavnogo upravleniya udelov, 1898, pp. 219–225 (in Russ.).

Dryabina M.A. Kamennaya industriya poseleniya Mergen'-5. In *Drevnyaya i sovremennaya kul'tura narodov Zapadnoi Sibiri*. Tyumen', 1995, pp. 9–11 (in Russ.).

Ivas'ko L.V. O kayukovskoi arkheologicheskoi kul'ture. In *Barsova Gora: Drevnosti taezhnogo Priob'ya*. Ekaterinburg; Surgut: Ural. izdatelstvo, 2008, pp. 113–122 (in Russ.).

Khvostov V.A. Problema periodizatsii i khronologii pamyatnikov epokhi neolita – rannego metalla Omskogo Priirtysh'ya. In *Rossiya i Vostok: arkheologiya i etnicheskaya istoriya: materialy 4 mezhdunarodnoy konferentsii "Rossiya i Vostok: problemy vzaimodeistviya"*. Omsk: Omsk. Branch of United Inst. of History, Philology and Philosophy SB RAS, 1997, pp. 15–19 (in Russ.).

Kosintsev P.A., Nekrasov A.E. Promyslovaya deyatel'nost' lyudei iz poselenii, raspolozhennykh na beregu ozera Mergen' (Mergen' 5 i 6) v neolite i eneolite. In *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv*. Tyumen': Inst. of the problems of Northern development RAS Publ., 1999, pp. 100–106 (in Russ.).

Miller G.F. Opisanie sibirskikh narodov. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2009, 456 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova L.N., Reinhold S., Nenachov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nenachova Yu.N. Die Siedlung der Frühes Neolithikum am Unterlauf des Flusses Tartas im Süden der Westsibirischen Tiefebene. – In der Presse.

Molodin V.I., Hansen S., Nenakhov D.A., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Nesterova M.S., Durakov I.A., Myl'nikova L.N., Kobeleva L.S., Vasil'ev S.K. Novye dannye o neoliticheskikh kompleksakh na pamyatnike Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*.

Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 135–140 (in Russ.).

Molodin V.I., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Vasil'ev S.K. Original'nyi proizvodstvennyi kompleks na Tartase-1 (Barabinskaya lesostep'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 326–331 (in Russ.).

Molodin V.I., Reinhold S., Myl'nikova L.N., Nenakhov D.A., Hansen S. Radiouglerodnye daty neoliticheskogo kompleksa Tartas-1 (rannii neolit v Barabe). In press (in Russ.).

Morozov V.M., Stefanov V.I. Amnya 1 – drevneishee gorodishche Severnoi Evrazii? In *Voprosy arkheologii Urala*. Ekaterinburg, 1993, iss. 21, pp. 143–170 (in Russ.).

Parzinger H., Molodin V.I., Fassbinder I., Kobeleva L.S., Gass A., Hofmann I., Nenakhov D.A. Predvaritel'nye rezul'taty issledovanii periferii bol'shikh kurganov sargatskoi kul'tury v tsentral'noi Barabe. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 401–405 (in Russ.).

Savvin A.A. Pishcha yakutov do razvitiya zemledeliya (opyt istoriko-etnograficheskoi monografii). Yakutsk: Inst. of Humanitarian Researches of AS RS (Ya), 2005, 275 p. (in Russ.).

Stefanov V.I., Borzunov V.A. Neoliticheskoe gorodishche Amnya I (po materialam raskopok 1993 i 2000 godov). In *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya*. Ekaterinburg; Surgut, 2008, pp. 93–111 (in Russ.).

Zakh V.A. Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ya. Novosibirsk: Nauka, 2009, 320 p. (in Russ.).

УДК 903.3(571.53)

А.Г. Новиков, О.И. Горюнова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Иркутский государственный университет
E-mail: as122@yandex.ru

Предварительные результаты раскопок многослойного поселения Шракшура III на западном побережье озера Байкал

В статье представлены результаты археологических работ, проведенных на древнем поселении Шракшура III. Объект расположен на северо-западном побережье залива Мухор Малого моря оз. Байкал. В ходе исследований выявлена его многослойность (три культурных слоя). Получена представительная коллекция артефактов и фаунистических остатков, особенно по неолитическим комплексам. В результате типологического анализа керамического и каменного инвентаря, сравнения его с опорными многослойными объектами (поселениями и погребениями) побережья оз. Байкал и с учетом радиоуглеродных определений предложена предварительная датировка выявленных комплексов. Материалы культурного слоя 0 относятся к позднему бронзовому – железному веку. Комплексы культурных слоев I и II – к разным хронологическим отрезкам раннего неолита (в пределах 7,4–6,9 тыс. кал. л.н.).

Ключевые слова: *оз. Байкал, Приольхонье, многослойное поселение, неолит, поздний железный век, радиоуглеродные даты.*

A.G. Novikov, O.I. Goryunova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Irkutsk State University
E-mail: as122@yandex.ru

Preliminary Excavation Results at the Multilayered Settlement of Shrakshura III on the Western Coast of Lake Baikal

The article presents the results of archaeological works at the ancient settlement of Shrakshura III, located on the northwestern coast of the Mukhor Gulf of Maloe More in Lake Baikal. During the research, the object proved to be multilayered (three cultural layers). A representative collection of artifacts and faunal remains has been obtained, especially from the Neolithic complexes. As a result of the typological analysis of pottery and stone implements, and their comparison with the referential multilayered objects (settlements and burials) on the coast of Lake Baikal and radiocarbon definitions, a preliminary dating of the identified complexes was proposed. The materials of the cultural layer zero are associated with the Late Bronze–Iron Age. Complexes I and II of the cultural layers belong to various periods of the Early Neolithic (7400–6900 cal BP).

Keywords: *Lake Baikal, Olkhon area, multilayered settlement, Neolithic, Late Iron Age, radiocarbon dating.*

Маломорским отрядом археологической экспедиции Иркутского государственного университета проведены раскопки древнего поселения Шракшура III, расположенного в юго-западной части перешейка одноименного мыса (в 0,8 км от его оконечности) на северо-западном побережье залива Мухор Малого моря оз. Байкал, в 5,5 км к северо-востоку от с. Шара-Тагот (бывшее название – с. Черноруд) Ольхонского р-на Иркутской обл. Объект обнаружен тем же отрядом экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН – Иркутского

государственного университета в 2003 г. В результате шурфовочных работ было зафиксировано два культурных слоя, отнесенных к неолиту. В 2017 г. заложено два раскопа общей площадью 24 м^2 и отмечен еще один слой, обозначенный как 0-й. Стратиграфический разрез в месте раскопов включает следующие отложения:

1) дерн (0,03–0,05 м);

2) светлую крупнодресвянистую супесь – культурный слой 0 (0,05–0,10 м);

3) серую гумусированную супесь – культурный слой I (0,10–0,20 м);

4) светлую щебенистую супесь (0,03–0,05 м);

5) темную (черную) супесь (подошва слоя неровная) – культурный слой II (0,10–0,15 м);

6) карбонатизированный суглинок бурого цвета с грубообломочным материалом (0,20–0,30 м).

Ниже – скальник (мраморизованный известняк).

В западном конце раскопов культурные слои I и II сливаются. Общая мощность рыхлых отложений – 0,85 м.

Находки из культурного слоя 0 (84 экз.) представлены в основном фрагментами керамики (56 фрагментов от не менее шести сосудов). Преобладает толстостенная посуда с гладкой поверхностью. Отмечены фрагменты плоского дна. Орнамент в виде налепных валиков (без дополнительных украшений или оформления насечками) и ногтевых защипов. Венчик одного сосуда декорирован насечками. Выделяется фрагмент шнуровой керамики, украшенный налепным валиком (тышкинэ-сеногдинский тип) и гладкостенный фрагмент, оформленный оттисками отступающей лопаточки с зубчатым концом. В числе находок – 25 кусков шлака и три обломка костей животных.

В комплексе культурного слоя I отмечены три искусственных сооружения, вероятно, представляющих собой очажные кладки. Два из них в виде полукольцевых конструкций, состоящих из разрозненных крупных камней. Размеры сооружений – 0,50 × 0,48 и 0,80 × 0,60 м. Возле кладки № 2 (к востоку) отмечено скопление рыбьих костей. Зольник (мощностью 3 мм) обнаружен в очаге № 3 (угли взяты на AMS-датирование). В заполнении кострища встречены кости рыб. Зольники или прокал почвы в каменных сооружениях № 1 и 2 не зафиксированы. Кладка № 1 представляла собой скопление камней, плотно уложенных друг к другу. Размер сооружения – 0,45 × 0,30 м. Ориентация большей стороной по линии З – В.

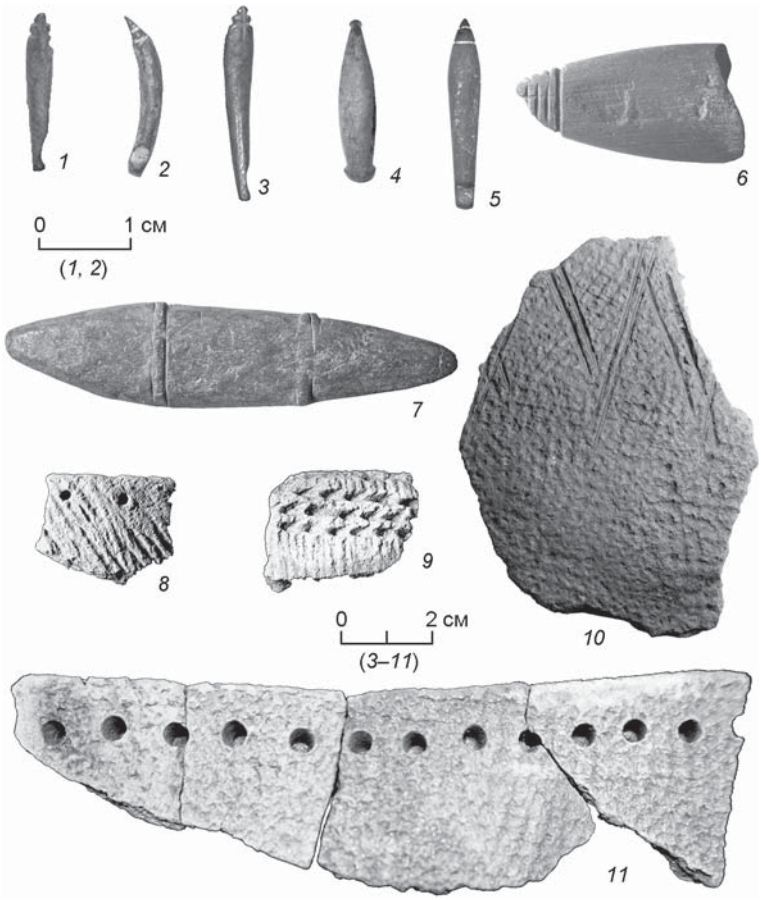
Всего в слое обнаружено 1006 предметов. Из них 722 экз. – остатки фауны (большую долю составляют кости рыб). Керамика слоя (176 фрагментов от минимум 6 сосудов) – преимущественно с оттисками сетки-плетенки (170 фрагментов). Преобладает посуда без орнамента; два сосуда украшены вдоль венчика: в одном случае пояском из ямочек, в другом – из отверстий. В комплексе отмечено 6 фрагментов от 2 шнуровых сосудов, оформленных рядами отступающей лопаточки с прямым и зубчатым концом. Венчик одного сосуда утолщен, украшен дополнительно по верхней плоскости насечками, по боковой поверхности – пояском из мелких отверстий (вариант керамики посольского типа). В числе керамики – 6 фрагментов от гладкостенного сосуда, орнаментированного штамповыми вдавлениями.

Изделия из камня (107 экз.) в основном представлены продуктами первичного расщепления – одноплощадочными призматическими нуклеусами (4 экз.) и сколами различной морфологии (88 экз.). В числе последних 53 отщепа, 15 пластинчатых, 2 краевых, подживляющий и первичный сколы и 16 призматических пластин. Набор орудий (14 экз.) состоит из 5 концевых скребков, скребловидного орудия, углового резца на призматической пластине, 2 призматических пластин с краевой ретушью, 3 отщепов и скола с ретушью, обломка орудия.

В комплексе зафиксированы фрагмент кольца из мрамора и обломок изделия из трубчатой кости птицы, по одной стороне которой нанесены прорези, образующие зубчатый край.

Культурный слой II наиболее насыщен находками (1204 экз. без учета костей рыб из ямы-скопления). В раскопе 2 зафиксирован комплекс, представляющий собой скопление грузил для сетей, расположенных широкой полосой, ориентированной по линии З – В, длиной 3 м. Древними рыбаками использовались плоские гальки преимущественно размером 5–6 см. На полярных концах большинства изделий отмечены выемки, обработанные сколами с двух сторон. Встречены грузила с выемкой на одном конце. Часть галек использовалось без дополнительной обработки. Всего вдоль линии отмечено 55 грузил. Вероятно, здесь располагалась рыболовная сеть. В непосредственной близости от нее зафиксированы обломок хвостовой части рыбки-приманки, приспособление для вязания сетей (с заостренными концами и рельефно выделенной центральной частью для нитей) и 4 стерженька от составных рыболовных крючков. У восточного конца предполагаемой сети обнаружена ямка, заполненная костями рыб. Ее размеры – 0,30 × 0,20 м, глубина – 0,15 м. Сверху она была перекрыта плоской плитой.

Керамика слоя (359 фрагментов от минимум 11 сосудов) – в основном с оттисками сетки-плетенки (345 фрагментов от 8 сосудов). Посуда закрытой, преимущественно простой формы.

Археологический материал из культурного слоя II поселения Шракшура III.

1–6 – камень; *7* – рог; *8–11* – керамика.

Преобладает орнамент в виде пояска из ямочек (на 3 сосудах) (см. *рисунок*, *11*); на одном сосуде – поясок из отверстий. Выделяется фрагмент керамики, украшенный двойным горизонтальным зигзагом, выполненным прочерченными линиями (см. *рисунок*, *10*). Фрагменты от 3 сосудов – без орнамента. В комплексе зафиксирована шнуровая керамика (13 фрагментов от 2 сосудов), украшенная в одном случае пояском из отверстий (см. *рисунок*, *8*), в другом – узкими рядами штамповых вдавлений (вариант хайтинского типа) (см. *рисунок*, *9*). Один сосуд представлен фрагментом круглого дна с гладкой поверхностью.

Изделия из камня насчитывают 185 экз. Продукты первичного расщепления (94 экз.) представлены 2 призматическими одноплощадочными нуклеусами и сколами различной морфологии. В их числе 41 отщеп, 29 сколов (25 пластинчатых, 2 краевых, первичный и скол нефрита) и 22 призматические пластины. Орудия (29 экз.) включают топор с ушками; 2 обломка наконечников стрел с бифасиальной обработкой; 6 стерженьков составных рыболовных крючков; обломок плоской рыбки-приманки (хвостовая часть) с пятью резными линиями на приостренном конце (см. *рисунок*, *6*); 3 концевых скребка на пластинчатых сколах; 6 одно-лезвийных ножей с краевой обработкой; обломок пилы из сланца с односторонней заточкой лезвия; вкладыш-бифас; резчик; нуклеус-резец; сверло на пластинчатом сколе; гальку-отбойник; 3 пластинчатых скола и отщеп с ретушью.

Стерженьки составных рыболовных крючков трех типов. Преобладают изогнутые, с расширенной средней частью (3 экз.). В верхнем конце – боковые зарубки для крепления лесы. Система крепления острия – боковая (см. *рисунок*, *1–3*). Два стерженька – прямые, с кольцевыми нарезками в верхнем приостренном конце; система крепления острия – боковая (см. *рисунок*, *5*). Один стерженек – китойского типа, прямой, с выпуклой спинкой; на концах изделия – луновидные выступы. Крепление острия – фронтальное (см. *рисунок*, *4*).

В числе изделий 60 грузил, галька с боковым сверлением и плитка сланца с распиловкой.

Изделия из кости (10 экз.) представлены орудием для вязания сетей; 3 обломками остриев; 3 стерженьками составных рыболовных крючков (целым и 2 обломками); обломком иглы с круглым ушком; долотовидным орудием из рога благородного оленя и обломком орудия.

Орудие для вязания сетей (см. *рисунок*, *7*) – с двумя заостренными концами; изделие разделено на 3 равные части двумя рельефными полосами. Изготовлено из рога благородного оленя.

Стерженьки составных рыболовных крючков однотипные – прямые с кольцевыми нарезками на верхнем приостренном конце; система крепления острия – боковая. На одном изделии в нижней части – кольцевая нарезка.

Фаунистические останки представлены 649 обломками костей и одной раковиной. Преобладают кости рыб и фрагментированные остатки неопределимой фауны.

Таким образом, в результате раскопок на стоянке Шракшура III выявлен многослойный характер объекта. Предварительная датировка культурного слоя 0 по характерной керамике и наличию шлаков – поздний бронзовый – железный век [Горюнова, Новиков, 2016]. Комплекс культурно-

го слоя I по составу каменного инвентаря и типологии керамики аналогичен слою IV стоянки Итырхей [Горюнова, 1984], для которого получена радиоуглеродная AMS-дата (по кости копытного животного) 6166 ± 34 л.н. (OxA-34595), что соответствует интервалу 7170–6970 кал. л.н. Материалы культурного слоя II имеют широкие аналогии в ранненеолитических комплексах поселений (нижний слой V Саган-Забы II, слой VIII Тышкинэ II, слой VII Бугульдейки I) и китойских погребений возрастом 6,4–6,2 тыс. л.н. (7,4–7,0 тыс. кал. л.н.) [Горюнова, Новиков, 2017; Базалийский, 2012]. Радиоуглеродная AMS-дата для слоя II Шракшуры III – 6405 ± 25 л.н. (UCIAMS-186312) или 7420–7290 кал. л.н.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10169).

Список литературы

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: Традиции погребений, абсолютный возраст // Изв. лаборатории древних технологий. – 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984. – 17 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Керамические комплексы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. на побережье озера Байкал (по материалам многослойных поселений) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2016. – Т. 1. – С. 179–185.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Керамические комплексы раннего неолита побережья озера Байкал // V (XXI) Всерос. археол. съезд: сб. науч. тр. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2017. – С. 277–278.

References

Bazaliiskii V.I. Pogrebal’nye kompleksy epokhi pozdnego mezolita – neolita Baikal’skoi Sibiri: Traditsii pogrebenii, absolyutnyi vozrast. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*. 2012, iss. 9, pp. 43–101 (in Russ.).

Goriunova O.I. Mnogosloinye pamyatniki Malogo morya i o. Ol’khon: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1984, 17 p. (in Russ.).

Goriunova O.I., Novikov A.G. Keramicheskie kompleksy I tys. do n.e. – I tys. n.e. na poberezh’e ozera Baikal (po materialam mnogosloinykh poselenii). In *Drevnie kul’tury Mongolii, Baikal’skoi Sibiri i Severnogo Kitaya*. Krasnoyarsk: Sib. federal. Univ. Press, 2016, vol. 1, pp. 179–185 (in Russ.).

Goriunova O.I., Novikov A.G. Keramicheskie kompleksy rannego neolita poberezh’ya ozera Baikal. In *V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii s”ezd*: *sbornik nauchnykh trudov*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017, pp. 277–278 (in Russ.).

УДК 902.03

Г.Д. Павленок[1], А.А. Анойкин[1, 2], Ж.К. Таймагамбетов[3], В.А. Ульянов[4], А.В. Шалагина[1], В.М. Харевич[1], Г.И. Марковский[1], С.А. Гладышев[1], А.М. Чеха[1], Г.Т. Искаков[5], С.К. Васильев[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Национальный музей Республики Казахстан
[4]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
[5]Казахский государственный историко-культурный музей-заповедник «Азрет Султан»
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

Исследование индустрий рубежа плейстоцена и голоцена на стоянке Ушбулак-1 в 2017 году

Статья представляет результаты изучения верхней пачки отложений на многослойной палеолитической стоянке Ушбулак-1 (Восточный Казахстан) в 2017 г. Раскоп площадью 6 м^2 был заложен в верхней части разведочной траншеи 2016 г. и пройден на глубину 3,4 м от дневной поверхности (слои 1–3). В стратиграфическом разрезе выделено три основных литологических подразделения, содержащих немногочисленный археологический материал. Общее количество артефактов – 189 экз. Технико-типологические характеристики археологического материала и его положение в стратиграфической последовательности позволяют предварительно выделить два разновременных комплекса – голоценовый (слой 1) и финальноплейстоценовый (слои 2–3). Материалы плейстоценовых отложений, скорее всего, относятся к финальному верхнему палеолиту. Это можно заключить как по характеру материала, так и по сходству с материалами стратифицированных комплексов Южной Сибири.

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, многослойная стоянка, стратиграфический разрез, голоцен, плейстоцен, финальный верхний палеолит.*

G.D. Pavlenok[1], A.A. Anoykin[1, 2], Zh.K. Taimagambetov[3], V.A. Ulianov[4], A.V. Shalagina[1], V.M. Kharevich[1], G.I. Markovsky[1], S.A. Gladyshev[1], A.M. Chekha[1], G.T. Iskakov[5], S.K. Vasiliev[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]National Museum of the Republic of Kazakhstan
[4]M.V. Lomonosov Moscow State University
[5]Kazakh State Museum of Azret Sultan
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

The 2017 Study of the Pleistocene–Holocene Transitional Stone Tool Industries from the Ushbulak-1 Site

This article presents the data from the 2017 study of the upper strata in the deposits at the stratified Paleolithic site of Ushbulak-1 (East Kazakhstan). Excavation over the area of 6 m^2 was made in the upper part of an exploratory trench of 2016, reaching the depth of 3.4. m from the ground surface (layers 1–3). The stratigraphic profile has revealed three major depositional units which contained scarce archaeological evidence. The total number of artifacts was 189 objects. Technical and typological characteristics of the archaeological materials and their position in the stratigraphic sequence made it possible to tentatively recognize two assemblages which seem to have occurred at different times – the first one in the Holocene (layer 1), and the second one in the Final Pleistocene (layers 2–3). Based on the characteristics of the materials and similarities with the records from the stratified complexes in Southern Siberia, the evidence from the Pleistocene deposits could most likely be attributed to the Final Upper Paleolithic.

Keywords: *East Kazakhstan, stratified site, stratigraphic profile, Holocene, Pleistocene, Final Upper Paleolithic.*

Многослойная стоянка Ушбулак-1 (Восточный Казахстан), обнаруженная в 2016 г., в полевом сезоне 2017 г. изучалась двумя раскопами (см. статью А.А. Анойкина и др. «Исследование индустрий начальных этапов верхнего палеолита на стоянке Ушбулак-1 (Восточный Казахстан) в 2017 году» в настоящем сборнике). Данная работа посвящена результатам исследования верхней части культурных отложений стоянки раскопом 1, площадью 6 м^2, пройденным от дневной поверхности на глубину до 3,4 м.

Раскоп 1 заложен в верхней прибровочной части склона левого борта долины ручья Ушбулак. Раскопом глубиной 3,4 м вскрыта пачка в различной степени одресвяненных супесей алевритистых и суглинков легких алевритистых с единичными прослоями умеренного обогащения щебнисто-дресвянистым материалом преимущественно гранитоидного состава. Вся толща вскрытых отложений в различной степени скреплена цементом карбонатного состава. Полученный разрез (см. *рисунок*, *А*) имеет следующее строение (сверху вниз):

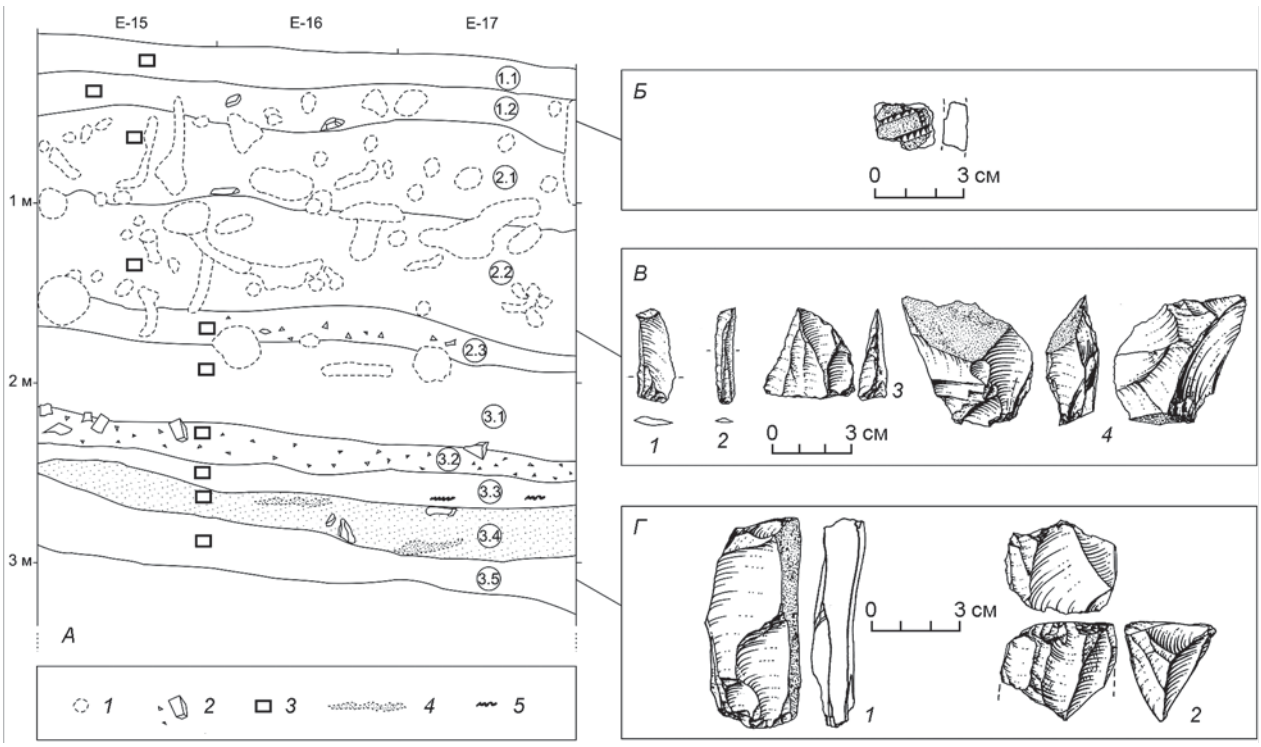
Слой 1 объединяет пачку из двух подразделений.

Прослой 1.1. Гумусовый горизонт современной почвы. Супесь алевритистая темноцветная, сильно гумусированная, пористая, с мелкозернистой и пылеватой структурой, умеренно опесчаненная. Нижняя граница нечеткая, на большем своем протяжении нарушена землероинами. Мощность прослоя 1.1 – 0,15–0,20 м.

Прослой 1.2. Супесь алевритистая черно-коричневая. Отмечается увеличение содержания мелкодресвянистых включений (до 10 % проективной площади), явно выраженная слабая цементация мелкозема. Общая пораженность кротовинами достигает до 90 % проективной площади. В верхней части наблюдается его частичное срезание прослоем 1.1 за счет склонового смещения. Мощность прослоя 1.2 – 0,20–0,25 м.

Слой 2 объединяет толщу из трех стратиграфических подразделений общей мощностью ок. 1,2 м, соответствующих различным динамическим фазам проявления делювиально-пролювиальной деятельности.

Прослой 2.1. Супесь алевритистая светло-серая слабо сцементированная, умеренно одресвяненная, с непрочной мелкозернисто-пылеватой структурой. Пораженность землероинами достигает 80 % проективной площади. Мощность прослоя – до 0,4–0,5 м.

Палеолитическая стоянка Ушбулак-1 (раскоп 1).

А – схема стратиграфического разреза раскопа 1: *1* – кротовина; *2* – обломочный материал; *3* – места отбора образцов грунта; *4* – песчаная линза; *5* – прослой Fe-Mn.

Б –каменный артефакт слоя 1 – фрагмент керамики с орнаментом.

В – каменные артефакты слоя 2: *1* – пластинка; *2* – микропластина; *3* – отщеп с функциональной ретушью; *4* – отщеп с фасиальной обработкой вентральной поверхности.

Г – каменные артефакты слоя 3: *1* – технический скол; *2* – подпризматический нуклеус для пластинок.

Прослой 2.2. Супесь алевритистая сильно осветленная (белесая со слабым палевым оттенком). Отличается от прослоя 2.1 повышенной цементацией. Структура прочная разнозернистая и пылеватая. Сравнительно обильно насыщен дресвой и щебнем сапролитизированных гранитоидов (до 20 % проективной площади). Мощность прослоя 2.2 – 0,5–0,7 м.

Прослой 2.3. Обильно насыщенный хаотически ориентированным мелкощебнисто-дресвянистым материалом прослой супесей легких алевритистых белесых (светло-серых) от 40 % в северо-восточной половине шурфа до единичных включений в западном углу раскопа. Мощность прослоя 2.3 – 0,15–0,20 м.

Слой 3. Пачка супесей и суглинков легких алевритистых палевых, палево-коричневых и серо-коричневых цветов общей мощностью от 1,2 до 1,4 м, с прослоями обогащения слабоотмытым плохо сортированным дресвяно-песчаным материалом и единичными включениями хаотически ориентированного разноразмерного щебня гранитоидного состава. Включает в себя пять подразделений.

Прослой 3.1. Суглинки легкие алевритистые коричневые и палево-коричневые, плотного сложения, с проявляющейся при высыхании крупностолбовидной структурой. Отмечается усиление цементации осадка. Мощность прослоя 3.1 – 0,4–0,5 м.

Прослой 3.2. Щебнисто-дресвянистый прослой с единичными включениями средне- и крупнощебнистых обломков предельно сапролитизированных гранитов и гранодиоритов. Заполнитель базального типа невыдержанного гранулометрического состава, представлен преимущественно супесями от легких до тяжелых, палево-коричневых и серо-коричневых цветов. Мощность прослоя 3.2 – 0,1–0,2 м.

Прослой 3.3. Супесь алевритистая палево-коричневого цвета обильно насыщенная мелкозернистым песчанистым материалом, с включением в приподошвенной части невыдержанных по простиранию обогащенных дресвой линз и редких тонких (от первых мм до 0,5 см) темноцветных прослоев мелкокристаллических Fe-Mn новообразований, свидетельствущих об обстановках продолжительного избыточного увлажнения грунта во время или сразу после формирования осадка. Мощность прослоя 3.3 – 0,1–0,2 м.

Прослой 3.4. Линзовидный невыдержанный по мощности прослой песков разнозернистых слабо алевритистых, обильно одресвяненных, местами с включениями мелкого щебня сапролитизированных гранитоидов. Осадок испытал умеренную аквальную переработку. Мощность прослоя 3.4 – 0,1–0,3 м.

Прослой 3.5. Пески мелкозернистые и супеси алевритистые в разной степени отмытые, подстилаемые невыдержанным по мощности прослоем плохо сортированного мелкощебнисто-дресвянистого материала с супесчаным заполнителем. В нижней части появляются обильные включения хаотически ориентированного неокатанного материала размерности крупного щебня преимущественно изометричной формы. Мощность прослоя 3.5 – 0,1–0,4 м.

Артефакты неравномерно рассеяны практически по всей толще вскрытых отложений. Наибольшая их концентрация (61 экз.) фиксируется в голоценовой пачке слоя 1. Материал представлен изделиями из камня (23. экз.), неопределимыми фаунистическими остатками (27 экз.), а также мелкими фрагментами керамики (11 экз.) из сильно запесоченого теста с примесью дресвы и шамота, один из которых имеет прочерченный орнамент в виде горизонтальных линий (см. *рисунок*, *Б*). Каменная индустрия представлена лишь дебитажем (отщепы, пластинки, технические сколы) и отходами производства. Кроме слоя 1 керамика более не обнаружена ни в одном стратиграфическом подразделении.

Пачка отложений слоя 2, чье формирование, по-видимому, относится к финалу плейстоценовой эпохи, содержит две зоны концентрации материала в прослоях 2.1 (29 экз.) и 2.2 (46 экз.), тогда как прослой 2.3 (10 экз.) гораздо менее богат артефактами. Материалы прослоя 2.1 близки находкам слоя 1: это отщепы, пластинки, технические сколы и отходы производства в каменной индустрии. Фаунистический материал имеет лучшую сохранность, чем в слое 1, что позволило определить некоторые виды животных – архар (*Ovis ammon*), сибирский горный козел (*Capra sibirica*) и лошадь.

Наиболее представлены в археологическом плане материалы прослоя 2.2. Каменный инвентарь состоит из дебитажа (18 экз.): отщепы, пластинчатые отщепы, пластина, пластинки (см. *рисунок*, *В, 1*), микропластины (см. *рисунок*, *В, 2*), технические сколы; отходов производства (7 экз.) и одной расколотой гальки, морфология которой позволяет интерпретировать находку как отбойник. Кроме того, это единственный комплекс в раскопе 1, где представлены изделия со следами вторичной обработки. Это отщеп (см. *рисунок*, *В, 3*) и пластина с функциональной ретушью, а также отщеп с унифасиальной обработкой плоскости вентрала (см. *рисунок*, *В, 4*). Фаунистический материал представлен остатками тех же видов животных, что и в прослое 2.1, а также кулана (*Equus hemionus*).

Материалы прослоя 2.3 (10 экз.) включают отщепы, микропластны, технические сколы и отходы производства, а также неопределимые фрагменты костей.

Пачка отложений слоя 3 начинается со стерильного в археологическом плане прослоя 3.1. Насыщенность контакта прослоев 3.2 и 3.3 очень незначительна – 12 артефактов: отщепы, пластинки, технические сколы и отходы производства. Также в прослое присутствуют находки фауны в виде неопределимых фрагментов костей. Прослой 3.4 в археологическом плане стерилен. Прослой 3.5 – наиболее насыщенный артефактами прослой нижней пачки отложений – 30 экз. Это отщепы, пластинчатые отщепы, пластинки, технические сколы (см. *рисунок*, *Г, 1*), отходы производства и неопределимые фрагменты костей животных. Наиболее интересной находкой в коллекции прослоя является подпризматический нуклеус для пластинок, выполненный на обломке (см. *рисунок*, *В, 2*). Первоначально утилизация ядрища проводилась с терминальной части остаточного нуклеуса на тот же фронт, т.к. на нем фиксируются негативы пластинок встречного направления. Неудачная подправка ударной площадки исходного ядрища оставила глубокие выломы и удалила часть высоты фронта. В итоге нуклеус стал утилизироваться с новой площадки на тот же фронт, но уже во встречном направлении.

При анализе каменных индустрий стратиграфических подразделений раскопа 1 прослеживается их отчетливо микро- и мелкопластинчатая направленность (даже при учете малочисленности коллекции), что подтверждает и единственный на все коллекции нуклеус. Кроме того, это малое количество пластин (преимущественно нерегулярной морфологии) при значительно большем количестве отщепов. Еще одной важной характеристикой выглядит такой специфический прием оформления орудий, как фасиальная обработка.

Даже столь немногочисленные характеристики каменного инвентаря позволяют выдвинуть гипотезу о том, что наиболее близкие аналогии рассмотренному материалу можно найти в заключительной стадии верхнего палеолита Южной Сибири (Алтая). Это развитое микрорасщепление, в т.ч. и на основе призматического скалывания, большой процент укороченных сколов среди дебитажа, и, что наиболее важно – схожие специфические приемы обработки орудий, заключающиеся в фасиальной обработке изделий (бифасы) [Природная среда…, 2003; Маркин, 2007]. Подобные предположения, безусловно, нуждаются в подтверждении новыми данными, в первую очередь более многочисленными и представительными коллекциями, что повышает значение дальнейшего исследования стоянки Ушбулак-1 как единственного стратифицированного памятника с материалами поздних этапов верхнего палеолита в регионе.

Список литературы

Маркин С.В. Финальная стадия верхнего палеолита Алтая // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию Михаила Михайловича Герасимова. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. I. – С. 391–398.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

References

Markin S.V. Final’naya stadiya verkhnego paleolita Altaya. In *Severnaya Aziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya*. Irkutsk: Ottisk Publ., 2007, vol. I, pp. 391–398 (in Russ.).

Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadzhanyan, G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Ulyanov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoikin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ.).

УДК 902.01

К.К. Павленок[1], М. Кот[2], Г.Д. Павленок[1], С.В. Шнайдер[1], К. Шимчак[2], М.Т. Крайцаж[3], М. Крайцаж[3], С.Ю. Лазарев[4], С.А. Когай[1,], М. Хужиназаров[5], Б.М. Смирнов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии Варшавского университета, Польша
[3]Институт геологических наук ПАН
[4]Лаборатория палеомагнетизма Утрехтского университета, Нидерланды
[5]Институт археологии АН РУз
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Палеолитическая стоянка Каттасай-2 на западных отрогах Тянь-Шаня: первые результаты исследований

Исследования памятника Каттасай-2 могут дать информацию о времени и условиях существования на Западном Тянь-Шане носителей непластинчатой традиции камнеобработки на рубеже среднего и верхнего палеолита. Отложения стоянки разделены на четыре слоя. Они интерпретированы как делювиально-эоловые, и только седимент слоя 2b напоминает лесс. Первый из двух уровней залегания артефактов приурочен к зоне биотурбации в слое 2a. Морфология изделий указывает на использование как плоскостной, так и объемной концепции расщепления. Второй уровень находок залегает в слое 3b. Артефакты иллюстрируют применение плоскостной схемы расщепления, схожей с той, что использовалась на близлежащей стоянке Каттасай-1. При этом слой 3b Каттасая-2, видимо, синхронен культуросодержащему слою 4c Каттасая-1. Это позволяет рассматривать означенные стоянки как синхронно функционировавшие.

Ключевые слова: *Тянь-Шань, палеолит, стратиграфия, датирование, технология расщепления камня, леваллуа.*

K.K. Pavlenok[1], M. Kot[2], G.D. Pavlenok[1], S.V. Shnaider[1], K. Szymczak[2], M.T. Krajcarz[3], M. Krajcarz[3], S.Yu. Lazarev[4], S.A. Kogai[1,], M. Khuzhinazarov[5], B.M. Smirnov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Archaeology, University of Warsaw, Poland
[3]Institute of Geological Sciences of Polish Academy of Sciences
[4]Laboratory of Paleomagnetism of University of Utrecht, Netherlands
[5]Institute of Archaeology of Uzbekistan Academy of Sciences
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

First Research Results at the Paleolithic Site of Kattasay-2 in the Western Tian Shan

Research at the Paleolithic site of Kattasay-2 may provide the information concerning the population which correlates with the non-lamellar tradition of stone processing in the Western Tian Shan. The stratigraphic deposits of the site can be divided into four layers. The deposits are interpreted as deluvial-aeolian, and only deposits of layer 2b resemble loess. The first of the two archaeological horizons occurs in the zone of bioturbation in layer 2a. The stone industry indicates the use of not-volumetric and volumetric concepts of lithic reduction. The second archaeological horizon occurs in layer 3b. The stone artifacts illustrate the application of not-volumetric concept of lithic reduction, similar to the concept followed at the nearby Kattasay-1 site. Layer 3b at Kattasay-2 seems to be contemporaneous with the culture-bearing layer 4c at Kattasay-1, which suggests that both Middle Paleolithic sites could have functioned synchronously.

Keywords: *Tian Shan, Paleolithic, stratigraphy, dating, technology of lithic reduction, Levallois.*

Междисциплинарные исследования стоянки Каттасай-1 в низкогорном поясе Чаткальского хребта, проводившиеся в 2013–2016 гг. российско-польско-узбекской экспедицией, позволили засвидетельствовать новый адаптационный вариант освоения древним человеком западных отрогов Тянь-Шаня на рубеже среднего и верхнего палеолита [Деревянко и др., 2015; Kot et al., 2014; Krajcarz et al., 2016]. В делювиальных отложениях стоянки Каттасай-1 [Деревянко и др., 2014] была зафиксирована одна смещенная по склону, но не переотложенная и гомогенная в археологическом отношении каменная индустрия, демонстрирующая все признаки мустьерского, не-пластинчатого комплекса. Это открытие позволило сделать вывод о том, что на рубеже среднего и верхнего палеолита в западно-тяньшаньском регионе могли сосуществовать культурно различные популяции, тогда как ранее все археологические комплексы этого времени рассматривались как следствие активности носителей оби-рахматской традиции [Кривошапкин, 2012].

Существенно дополнить имеющиеся сведения о времени присутствия в регионе носителей мустьерской традиции, условиях их существования и формах адаптации позволяют междисциплинарные исследования нового памятника Каттасай-2. Он расположен на северо-западном склоне того же холма, что и Каттасай-1, в полутора километрах от него. Изначально на месте обнаружения экспонированного археологического материала была заложена разведочная траншея, и в толще легкого лессовидного суглинка было обнаружено семь каменных артефактов, в т.ч. остроконечник леваллуазской морфологии [Krajcarz et al., 2016]. В следующем полевом сезоне южнее разведочной траншеи был заложен раскоп площадью 10 м².

Стратиграфическая последовательность отложений стоянки разделена на четыре слабо дифференцированных слоя (см. *рисунок*, *А*). Все слои проявляют склонность к падению на северо-запад, согласно современной поверхности склона. Предварительное описание разреза приводится снизу вверх, от максимального достигнутого уровня до дневной поверхности.

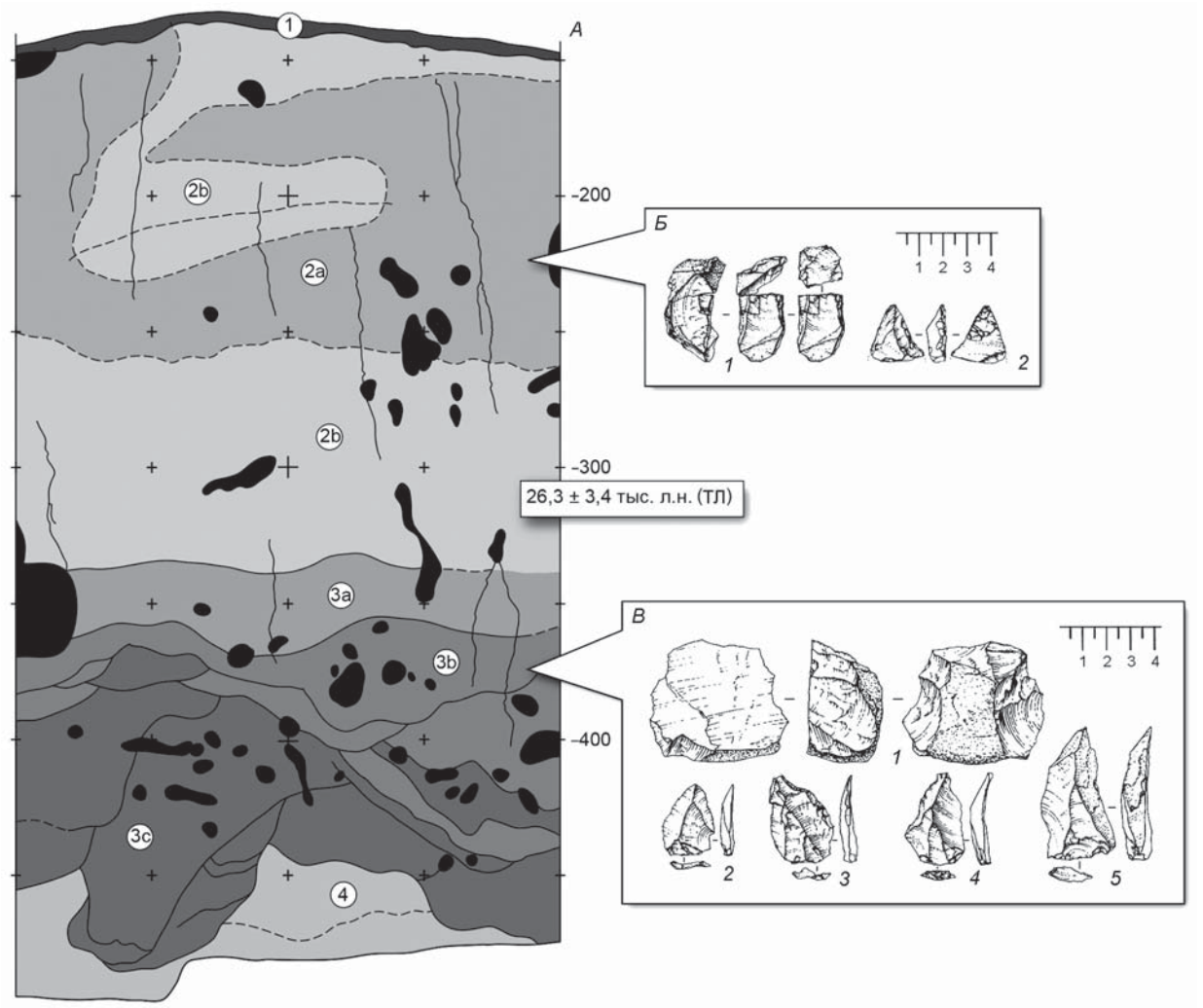
Базальные отложения слоя 4 представляют собой переработанный лессовидный суглинок желтоватого оттенка с массивной структурой. Его формируют мелкие (от 1–2 мм до 10 мм) спрессованные комковатые образования неправильной или округлой формы. Генетически отложения слоя интерпретированы как делювиально-эоловые, их формирование связано с относительно спокойной фазой осадконакопления. В верхней части слоя размер суглинистых образований возрастает (от 10 до 50 мм), что указывает на более активный характер делювиального привноса. Видимая мощность слоя составляет 0,4–0,5 м.

Слой 3 содержит преимущественно темно-коричневый седимент, сложенный отдельными микрообразованиями. Генезис слоя определяется как делювиальный. Визуально отложения представляют собой серию наложенных друг на друга слойков, незначительно отличающихся по типу заполнителя, ряд из которых содержит следы почв, принесенных делювием. Видимо, в разрезе зафиксирована серия наложенных каналов, и поскольку каждый канал размывал разные участки выше по склону, заполнитель слойков разный. Предварительно отложения слоя были разделены на прослои a, b и c, при этом они не обязательно залегают в одной определенной последовательности на всех участках раскопа. Правомерность подобного разграничения подтверждается тем, что каменные артефакты (нижний уровень находок) были зафиксированы только в отложениях прослоя 3b. Предварительно можно заключить, что стоянка, располагавшаяся выше по склону, функционировала несколько раньше, чем формировался этот прослой. Граница слоев 2 и 3 очень нечеткая, возможно видоизменена морозобойными процессами. Истинная мощность (далее – ИМ) слоя составляет 1,50–1,75 м.

Отложения слоя 2 имеют более светлый оттенок и неслоистую однородную структуру, напоминающую лесс. Граница между прослоями 2a и 2b проведена условно, по признаку наличия/отсутствия биотурбации. ТЛ-датирование позволило определить возраст слоя 2b, не потревоженного биотурбацией, в пределах 26 300 ± 3 400 л.н. (UG-7030) [Krajcarz et al., 2016]. В нем был зафиксирован верхний уровень археологических находок. ИМ слоя 2 составляет 2,1–2,3 м.

Слой 1 представляет собой современный почвенный горизонт. Его ИМ всего 0,05–0,07 м.

Как уже отмечалось, на стоянке было выделено два уровня залегания археологического материала. Первый уровень приурочен к зоне биотурбации в верхней части разреза (прослой 2a). К нему относится 23 артефакта, большинство из которых представлены отщепами (18 экз.) Они демонстрируют три основных типа огранки – радиальную, продольную и гладкую. Среди ударных площадок доминируют гладкие, также присутствуют несколько дву- и многогранных, одно изделие имеет фасетированную площадку. В соответствии с технологической классификацией, принятой для памятника Каттасай-1 [Kot et al., 2014], десять отщепов были отнесены к техническим сколам (пере)оформления нуклеусов в рамках плоскостной концепции расщепления камня. Вместе с тем, единственный

Палеолитическая стоянка Каттасай-2.

А – схема стратиграфического разреза.

Б – каменные артефакты из слоя 2а: *1* – подпризматический нуклеус с аппплицированным сколом подновления ударной площадки; *2* – фрагмент бифасиального скребла.

В – каменные артефакты из слоя 3b: *1* – пренуклеус; *2–5* – леваллуазские остроконечники.

одноплощадочный нуклеус в индустрии иллюстрирует технологию объемного расщепления. К нему аплицируется скол подновления площадки (см. *рисунок*, *Б*, *1*).

Орудийный набор включает два экземпляра – фрагмент бифасиального скребла (см. *рисунок*, *Б*, *2*) и фрагмент пластины с мелкой нерегулярной ретушью. Можно констатировать, что только продолжение полевых исследований стоянки позволит дать полноценную культурно-хронологическую характеристику находок уровня 1. Имеющаяся для подстилающего прослоя 2b ТЛ-дата не исключает возможности принадлежности этих материалов верхнему палеолиту.

Второй уровень находок залегает в делювиальной пачке отложений (прослой 3b). Он содержит значительно более представительную коллекцию (146 артефактов). В состав индустрии входят 1 пренуклеус, 14 пластин, 5 пластинок, 69 отщепов, 15 остриев, 20 чешуек, 27 обломков.

Заготовка нуклеуса представляет собой крупную расслоившуюся по длинной оси гальку (см. *рисунок*, *В*, *1*). С поверхности естественной фрагментации на 3/4 периметра изделия проведены отвесные отщеповые снятия, формирующие форму фронта будущего нуклеуса.

В доминирующей категории отщепов из 69 экз. пять демонстрируют леваллуазскую морфологию – сочетание регулярной формы и огранки с тщательной подготовкой ударной площадки. В сумме 33 экз. отщепов были отнесены к разным стадиям подготовки нуклеуса в рамках леваллуазской модели расщепления. Десять экземпляров иллюстрируют стадию первичной декортикации ядрища. Технологическая функция остальных 28 изделий не ясна, главным образом из-за фрагментации изделий.

В категории острий 9 изделий были отнесены к леваллуазским (см. *рисунок*, *В*, *2–5*). Они обладают набором характерных признаков, в числе которых тщательно оформленные площадки типа *chapeau de gendarme* и регулярная, сформированная заранее огранка. Остальные экземпляры острий технологически были определены как сколы формирования рабочей поверхности нуклеуса, опять же в рамках леваллуазской модели расщепления.

Все пластины, кроме одной полуреберчатой, имеют продольную огранку. Площадки пластин не имеют следов подработки – представлены только гладкие и естественные разновидности.

Все пять экземпляров пластинок фрагментированы. Они выделены в отдельную группу на основании пропорций и общей морфологии, но в технологическом контексте данной индустрии они скорее являются случайными.

Орудийный набор нижнего уровня находок насчитывает три экземпляра, Он включает тронкированно-фасетированное изделие на удлиненном отщепе, леваллуазский остроконечник с нерегулярной альтернативной краевой ретушью по краям и небольшой фрагмент ретушированного скола.

Можно заключить, что коллекция каменных изделий из нижнего уровня находок Каттасая-2 гомогенна в технологическом отношении, и в основной своей массе изделия иллюстрируют применение плоскостной схемы расщепления, схожей с той, что использовалась на близлежащей среднепалеолитической стоянке Каттасай-1 [Kot et al., 2014]. В этом контексте принципиально важно подчеркнуть, что слой 3b стоянки Каттасай-2 по положению в разрезе и литологической характеристике соответствует культуро-содержащему слою 4c Каттасая-1. В перспективе это может дать возможность рассматривать две означенные стоянки как синхронно функционирующие (возможно, в рамках системы «стоянка – мастерская – охотничий лагерь»), что позволит подойти к изучению культуры древнейшего населения Западного Тянь-Шаня с новых научно-методических позиций.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Коллектив авторов выражает искреннюю признательность художнику ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной за подготовку иллюстраций каменных артефактов.

Список литературы

Деревянко А.П., Лазарев С.Ю., Павленок К.К., Шнайдер С.В., Шимчак К., Кот М., Раджабов А., Хужиназаров М. Уточнение стратиграфической ситуации на палеолитической стоянке Каттасай (Ташкентская область, Узбекстиан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 32–35.

Деревянко А.П., Павленок К.К., Шнайдер С.В., Кот М., Шимчак К., Крайцарж М., Лазарев С.Ю., Раджабов А., Хужаназаров М. Новый индустриальный вариант среднего палеолита в Западном Тянь-Шане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 53–57.

Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 38 с.

Kot M., Pavlenok K., Radzhabov A., Sneider S., Szymczak K. Katta Sai: a Palaeolithic site in the Tian Shan piedmont, Uzbekistan, Central Asia // Antiquity. – 2014. – URL: http://journal.antiquity.ac.uk/projgall/456.

Krajcarz M., Kot M., Pavlenok K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S., Mroczek P., Radzhabov A., Shnaider S., Szymanek M., Szymczak K. Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages // Quaternary Intern. – 2016. – Vol. 399. – P. 136–150.

References

Derevianko A.P., Lazarev S.Yu., Pavlenok K.K., Shnaider S.V., Shimchak K., Kot M., Radzhabov A., Huzhinazarov M. Utochnenie stratigraficheskoy situatsii na paleoliticheskoy stoyanke Kattasay (Tashkentskaya oblast', Uzbekistan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk. IAET SB RAS Publ., 2014, vol. 20, pp. 32–35 (in Russ.).

Derevianko A.P., Pavlenok K.K., Shnaider S.V., Kot M., Szymczak C., Krajcarz M., Lazarev S.Yu., Radzhabov A., Khuzhanazarov M. Novyi industrial'nyi variant srednego paleolita v Zapadnom Tyan'-Shane. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk. IAET SB RAS Publ., 2015, vol. 21, pp. 53–57 (in Russ.).

Kot M., Pavlenok K., Radzhabov A., Sneider S., Szymczak K. Katta Sai: a Palaeolithic site in the Tian Shan piedmont, Uzbekistan, Central Asia. *Antiquity*, 2014. URL: http://journal.antiquity.ac.uk/projgall/456.

Krajcarz M., Kot M., Pavlenok K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S., Mroczek P., Radzhabov A., Shnaider S., Szymanek M., Szymczak K. Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages. *Quaternary International*, 2016, vol. 399, pp. 136–150.

Krivoshapkin A.I. Obi-rakhmatskii variant perekhoda ot srednego k verkhnemu paleolitu: doct. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2012, 38 p. (in Russ.).

УДК 902.6

А.Г. Рыбалко[1], Т.А. Янина[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Обоснование возраста раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-Залив-4 (Юго-Восточный Дагестан)

В статье представлены предварительные результаты междисциплинарного изучения местонахождения Дарвагчай-Залив-4 (Юго-Восточный Дагестан). В ходе многолетних раскопок культуросодержащие слои памятника были исследованы на площади более 90 м^2, в результате чего получена коллекция каменных артефактов, насчитывающая более 700 экз. Определить возраст культуросодержащих слоев памятника позволяют палеонтологические данные (анализ малакофауны) и палеомагнитные исследования. Данные, полученные методами естественных наук, свидетельствуют, что время формирования культуросодержащих горизонтов соотносится с разными фазами активности Каспийского моря (позднебакинское и постбакинское время) и, согласно принятым стратиграфическим схемам, соответствует интервалу ~0,4–0,3 млн л.н. (МИС 11–9).

Ключевые слова: *Дагестан, каменные индустрии, ранний палеолит, стратиграфия, морские трансгрессии.*

A.G. Rybalko[1], T.A. Yanina[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]M.V. Lomonosov Moscow State University
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Age of the Early Paleolithic Site of Darvagchay-Zaliv-4 (Southeastern Dagestan)

The article presents the preliminary results of interdisciplinary research at the site of Darvagchay-Zaliv-4 in Southeastern Dagestan. During many years of excavations, the cultural layers of the site have been explored in the area of over 90 m^2. Archaeological works yielded a collection of stone artifacts numbering over 700 objects. Paleontological data (analysis of the mollusk faunal remains) and paleomagnetic studies make it possible to establish the age of the cultural layers at the site. The data obtained using the methods of the natural sciences indicates that the time when the cultural layers emerged correlates with various phases of the Caspian Sea and according to the accepted stratigraphic framework, corresponds to the age of ~0.4–0.3 million years BP (MIS stage 11–9).

Keywords: *Dagestan, stone industry, Early Palaeolithic, stratigraphy, marine transgression.*

Местонахождение Дарвагчай-Залив-4 открыто в 2010 г. сотрудниками Кавказского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН в ходе рекогносцировочного обследования правого берега р. Дарвагчай (Дербентский р-н Республики Дагестан). Стоянка расположена на побережье небольшого залива Геджухского водохранилища, на склоне высокого (ок. 20 м) останца третьей древнекаспийской террасы, образованного серией морских осадков, перекрытых сверху рыхлыми отложениями в виде супесей и суглинков. Место расположения памятника соответствует переходу от предгорий (абсолютная высота 120–270 м) к равнинной части (<90 м) Западного Прикаспия. Разведочные исследования, проведенные в 2011 г., позволили получить предварительные сведения о стратиграфии объекта, а также выразительный набор палеолитических изделий, включающий орудия с бифасиальной обработкой (рубила) [Деревянко и др., 2012]. В ходе многолетних стационарных исследований стоянки единым раскопом было вскрыто ~90 м^2 площади культуросодержащих отложений, из которых

(слои 3 и 5) получена коллекция каменных артефактов, насчитывающая более 700 экз. [Рыбалко, 2014].

В процессе раскопок памятника была получена серия разрезов правого берега р. Дарвагчай, которые вместе с обнажениями на прилегающих к раскопу участках явились основой для детальных стратиграфических исследований и установления условий залегания и возраста археологических материалов. Ниже приведено сокращенное описание стратиграфического разреза местонахождения (сверху вниз). В раскопе зафиксированы слои 1–7, на прилегающем участке склона террасы – слои 8–11 (см. *рисунок*).

Слой 1. Серо-коричневый опесчаненый суглинок. Текстура слоя неоднородная. Генезис отложений субаэральный (элювиально-делювиальный). Слой по всей толще содержит многочисленные включения карбонатных солей в виде небольших стяжек, встречается редкий гравий и галька. Мощность – до 1,4 м.

Слой 2. Темно-коричневый тяжелый суглинок, карбонатизированный. Текстура слоя однородная, залегание неслоистое. Генезис субаэральный (преобладание склоновых и эоловых процессов). Мощность – до 1,5 м.

Слой 3. Гравийно-галечные отложения с примесью валунов, глыб и обломков ракушняка (Ø до 0,7 м) различной степени окатанности. В заполнителе дресва, глинистый песок, суглинки. В центре и подошве слоя встречаются линзы серых алевритов с пятнами ожелезнения мощностью до 0,3 м. Гальки и валуны залегают под разным углом, ориентированы в основном по длинной оси вдоль склона в северо-восточном направлении. Сортировка обломков практически отсутствует и наблюдается локально в нижней части слоя. Генезис отложений сложный, ведущую роль, вероятно, играли пролювиально-делювиальные и аллювиальные (горный аллювий) процессы. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность – до 2 м.

Слой 4. Прибрежно-морские пески, светло-серые, в кровле – желтые, косослоистые, разнонаправленные, с раковинным детритом и редким включением грубообломочного материала (гравий, галька, щебень). Мощность – до 0,45 см.

Слой 5. Гравийно-галечные отложения. В заполнителе разнозернистый светло-коричневый песок с включением раковин морских моллюсков разной сохранности. Обломки хорошо окатаны, залегают субгоризонтально. Отложения, по-видимому, сформированы при абразии горного аллювия и последующего его переотложения в прибрежной зоне морского побережья. Контакт с нижележащими отложениями четкий и ясный. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность слоя – до 0,45 м.

Слой 6. Тонкослойчатые серые пески с горизонтальными прослоями детритусового песчаника, включают створки раковин морских моллюсков хорошей сохранности. Для сцементированных прослоев песчаника характерна текстура ряби волнения по оси С – Ю, их мощность изменяется от 0,05 до 0,2 м. Генезис отложений прибрежно-морской. Мощность слоя – до 1,5 м.

Слой 7. Песчаники детритусовые монолитные. Видимая мощность – более 1 м.

Слой 8. Органогенно-обломочный известняк (ракушняк) с включениями гравия и гальки, плотный, монолитный. Отложения не выдержаны по простиранию, представлены лишь частично в виде выступающих на поверхности склона глыб. Видимая мощность – более 1 м.

Слой 9. Пески тонкозернистые, сыпучие, желтосерые. Видимая мощность – до 0,3 м.

Слой 10. Галечно-валунные отложения. Обломки (песчаник) хорошо окатаны частично сцементированы (конгломерат). Видимая мощность слоя – до 0,3 м.

Слой 11. Глинистые светло-серые очень плотные алевриты с тонкими прослоями серого песка. Предположительно, отложения акчагыла. Видимая мощность 0,4 м.

Анализируя полученный разрез местонахождения Дарвагчай-Залив-4, можно выделить три разновозрастные пачки отложений со специфическими чертами седиментогенеза, отделенные друг от друга стратиграфическими перерывами со следами размыва и тектоническими нарушениями. Пачка 1 (слои 1–3) образована преимущественно в субаэральных условиях. Ведущую роль в осадконакоплении играли элювиально-делювиальные и пролювиальные процессы. Вероятное время формирования – постбакинское. Пачка 2 (слои 4–10) сформировалась преимущественно в субаквальных условиях морского побережья. Период образования – вторая половина раннего неоплейстоцена (бакинское время). Пачка 3 (слой 11) – отложения прибрежно-морского генезиса, соответствующие переходной зоне между шельфом и побережьем (акчагыльское время). Данная предполагаемая хронология основана на сравнении полученного разреза с данными по стратиграфии памятника Дарвагчай-1, где относительный возраст культуросодержащих отложений (интервал бакинской трансгрессии Каспийского моря) определяется на основании анализа малакофауны (раковины морских моллюсков) и микрофауны (остракоды, фораминиферы) [Деревянко и др., 2012].

Более точно определить хронологические рамки культуросодержащих слоев памятника Дарвагчай-Залив-4 позволяют палеонтологические данные

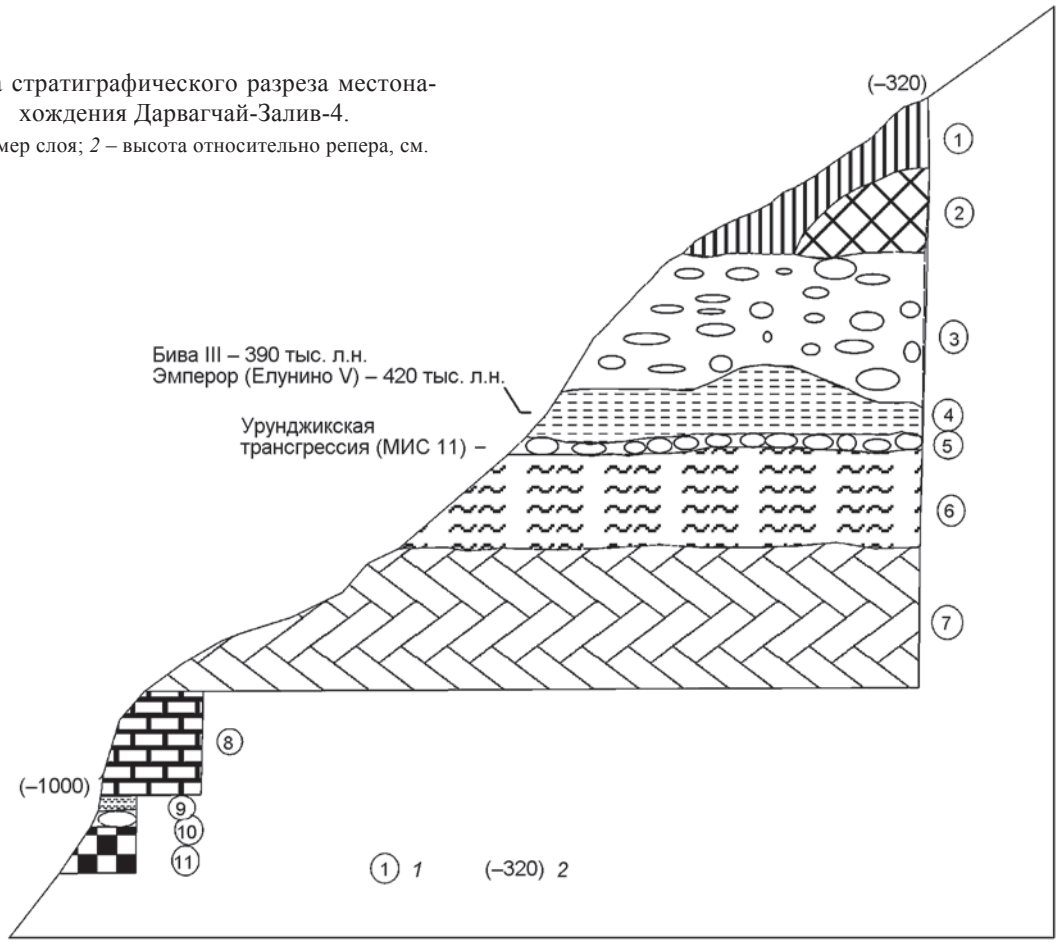

Схема стратиграфического разреза местонахождения Дарвагчай-Залив-4.

1 – номер слоя; *2* – высота относительно репера, см.

(анализ малакофауны). В ходе археологических раскопок из слоя 5 были отобраны все целые (пригодные для определения) раковины моллюсков. В их составе преобладают каспийские кардииды – раковины моллюсков рода *Didacna* Eichw. Род *Didacna*, обладающий высокой скоростью эволюционного развития на видовом и подвидовом уровне, имеет руководящее значение для стратификации морского неоплейстоцена Каспия и палеогеографических реконструкций его бассейнов.

В составе дидакн четко выделяются две группы. Первая из них представлена раковинами, несущими явные следы переотложения (окатанность, потертости, «размытость» ребер). В ней преобладают *Didacna rudis* Nal., встречаются *D.* cf. *parvula* Nal., *D. lindleyi* (Dash.) Fed., *D. golubyatnikovi* Yan. Это представители бакинской (позднебакинской) фауны Каспия, характерным видом которой является *D. rudis*.

Вторая группа содержит раковины хорошей сохранности, с четкими контурами, замочным аппаратом и ярко выраженными, неистертыми ребрами. Этот показатель, а также наличие, наряду с раковинами взрослых особей, экземпляров молодых раковин разного возраста, имеющих хорошую сохранность, свидетельствует о залегании этого малакофаунистического сообщества *in situ*. В его составе преобладают *Didacna eulachia* (Bog.) Fed. и *D. kovalevskii* Bog., единичны *D. pravoslavlevi* Fed. Возраст малакофауны (и включающих ее отложений) – урунджикский, ее характерными видами являются *Didacna eulachia* и *D. kovalevskii*.

Поскольку вопрос о стратиграфическом положении (относительном возрасте) культуросодержащих отложений принципиально важен, следует остановиться на представлениях исследователей неоплейстоцена Каспия по вопросу об урунджикском этапе в развитии региона, ибо он не имеет однозначного решения.

Урунджикский этап в развитии Каспийского бассейна и его побережий установлен П.В. Федоровым [1957] и отнесен к началу хазарской, а затем – к завершающему этапу бакинской трансгрессивной эпохи. Т.А. Яниной было доказано существование самостоятельного урунджикского трансгрессивного этапа на основе критического анализа всех известных местонахождений малакофауны Каспийского региона [Янина, 2008]. К настоящему времени большинством исследователей признаны урунджикский этап развития бассейна

и урунджикский горизонт в стратиграфической схеме каспийского неоплейстоцена. Морской бассейн был изолированным, тепловодным, с повышенной соленостью (по сравнению с современной). Время этого события – начало среднего неоплейстоцена, лихвинское межледниковье (МИС 11).

Помимо этого на памятнике были проведены палеомагнитные исследования. Была отобрана колонка образцов из слоя 2, прослоев глинистых алевритов слоя 3 и слоя 4. В результате в верхней части разреза зафиксирована положительная остаточная намагниченность, а в слое 4 (морские пески) – отрицательная. По заключению автора работ д-ра геол.-минер. наук А.Ю. Казанского, минус разнонаправленный, хаотичный, следовательно, в данном случае это экскурсы. Если исходить из данных по малакофауне (МИС 11), то в данный период попадают два экскурса: Бива III – 390 тыс. л.н. и Эмперор (Елунино V) – 420 тыс. л.н. (см. *рисунок*).

Таким образом, суммарная информация, полученная методами естественных наук, свидетельствует, что раннепалеолитические археологические материалы, зафиксированные в слоях 3 и 5, накапливались в субаэральных и субаквальных условиях морского побережья (пляжная и предфронтальная зоны). Время формирования культуросодержащих слоев соотносится с разными фазами активности Каспийского моря (позднебакинское и постбакинское время) и, согласно принятым стратиграфическим схемам, соответствует интервалу ~0,4–0,3 млн л.н. (МИС 11–9).

Благодарности

Работа выполнена в рамках проектов РГНФ № 15-01-00069-а, 17-01-18012-е.

Список литературы

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Западного Прикаспия (новые данные) // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. – Казань: Отечество, 2014. – Т. I. – С. 128–132.

Федоров П.В. Четвертичные отложения и история развития Каспийского моря. – М.: Наука, 1957. – 305 с.

Янина Т.А. Урунджикский этап в плейстоценовой истории Каспийского региона // Изв. Рос. акад. наук. Сер. географ. – 2008. – № 4. – С. 60–73.

References

Derevianko A.P., Amirkhanov Kh.A., Zenin V.N., Anoikin A.A., Rybalko A.G. Problemy paleolita Dagestana. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 292 p. (in Russ.).

Fedorov P.V. Chetvertichnye otlozheniya i istoriya razvitiya Kaspiiskogo morya. Moscow: Nauka, 1957, 305 p. (in Russ.).

Rybalko A.G. Rannij paleolit Zapadnogo Prikaspija (novye dannye). In *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda*. Kazan: Otechestvo, 2014, vol. I, pp. 128–132 (in Russ.).

Yanina T.A. Urundzhikskii etap v pleistotsenovoi istorii Kaspiiskogo regiona. *Izvestiya RAS. Ser. geograf*. 2008, No. 4, pp. 60–73 (in Russ.).

УДК 902.01

Е.П. Рыбин[1], М.Н. Мещерин[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]ООО «Красноярская Геоархеология»
E-mail: rybep@yandex.ru

Некоторые вопросы хронологии и периодизации палеолита Северного Приангарья (по материалам исследований стоянок Колпаков Ручей и Усть-Кова)

Стоянка Колпаков Ручей находится в Северном Приангарье на III надпойменной террасе р. Ангары. Палеолитический культурный горизонт залегает в субаквально-субаэральной пачке отложений литологического слоя VII. В результате радиоуглеродного датирования по кости получена дата (некалиброванная) 28 420 ± 75 л.н. ($IGAN_{AMS}$-5493). Комплекс характеризуется сочетанием отщепового и параллельного однонаправленного и бипродольного расщепления плоскостных и подпризматических нуклеусов для получения крупных пластин и пластинок. Поверхности большей части артефактов несут следы эоловой корразии. Некоторые артефакты некорродированы, возможно смешение двух компонентов индустрии: первый соответствует среднему верхнему палеолиту с аналогами в раннем комплексе стоянки Усть-Кова, второй относится к индустриям начальной стадии верхнего палеолита Восточной Сибири.

Ключевые слова: *Сибирь, палеолит, хронология, радиоуглеродное датирование, стратиграфия.*

E.P. Rybin[1], M.N. Meshcherin[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]OOO "Krasnoyarskaya Geoarkheologoja"
E-mail: rybep@yandex.ru

Chronology and Periodization of the Paleolithic in the Northern Angara Region (Based on Materials from the Sites of Kolpakov Ruchei and Ust-Kova)

The site of Kolpakov Ruchei is located on the third terrace of the Angara River in Central Siberia. The Paleolithic cultural horizon occurs in the subaquatic-subaerial bench of deposits in lithological layer VII. Radiocarbon dating was carried out for bone sample from layer VII and gave the date of 28,420±75 ($IGAN_{AMS}$-5493) (uncalibrated). The assemblage is characterized by the combination of flake and parallel uni- and bidirectional reduction of flat and subvolumetric cores for producing large blades and bladelets. Most of the artifacts show traces of Aeolian abrasion on their surfaces, although the presence of artifacts without corrosion in the same assemblage suggests the probable mixture of two components of lithic industry. The first component, similar to the early complex from the Ust-Kova site, is associated with the Middle Upper Paleolithic, while the second component represents the industries of the Initial Upper Paleolithic of Eastern Siberia.

Keywords: *Siberia, Paleolithic, radiocarbon dating, chronology, stratigraphy.*

Карта верхнепалеолитических памятников Северного Приангарья существенно обновилась в связи с работами Богучанской экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2007–2012 гг. Обнаруженный в те годы на стоянке Колпаков Ручей палеолитический культурный горизонт содержит образцы каменной индустрии, которая соответствует комплексам, именуемым в Прибайкалье макаровским пластом. Данное обстоятельство имеет важнейшее методологическое значение в понимании культурогенетических процессов и хронологии одного из узловых регионов Северной Азии [Rybin et al., 2016].

В результате раскопок 2010–2011 гг. было установлено, что стоянка Колпаков Ручей связана с террасоувалом, соответствующим III надпойменной террасе (далее в тексте НПТ) р. Ангары с относительной высотой 13–16 м и абсолютной 176–181 м. Палеолитический культурный горизонт ПС-1 залегает в субаквально-субаэральной пачке отложений литологического слоя (далее ЛС) VII, перекрытого толщей перигляциального аллювия ЛС VI, слоя нерасчлененного субаквально-субаэрального парагенеза – ЛС V и покровной толщей, сформированной субаэральными осадками, – ЛС IV-I [Рыбин, Мещерин, 2015]. В результате радиоуглеродного датирования по кости, проведенного в Центре коллективного пользования «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» ИГ РАН, получена дата 28 420 ± 75 л.н. ($IGAN_{AMS}$-5493) (некалиброванное значение).

Культурный горизонт ПС-1 не структурирован [Там же]. Каменные артефакты и кости животных залегают на едином уровне мощностью от 4 до 15 см. В составе сырья для литопроизводства широкий спектр местных и транзитных (галечных) пород. Часть каменных артефактов слабокоррадирована, а также имеет следы дескавамации, часть артефактов не несет следов корразии. Основными характеристиками первичного раскалывания является расщепление «кубовидных», подпризматических, мелких плоскостных, призматических и радиальных нуклеусов. Доля пластинчатых заготовок составляет 13,1 %. Наиболее выразительна группа крупных пластин (максимальная длина достигает 87 мм). В орудийный набор входят крупная пластина с ретушью, боковой и концевые скребки на пластинах, скребла, ретушированные отщепы, резец, долотовидное орудие. Комплекс ПС-1 характеризует наиболее северное проникновение носителей «макаровского пласта» в Байкальской Сибири.

Какова позиция выявленного комплекса Колпакова Ручья среди ближайших синхронных памятников? Близкую геолого-геоморфологическую позицию имеет стоянка Усть-Кова, являющаяся опорным объектом изучения палеолита в Северном Приангарье. Усть-Кова и Колпаков Ручей расположены на левом берегу Ангары на расстоянии не более 60 км друг от друга. Культурные останки на обоих памятниках залегают в теле террасовидной возвышенности, приуроченной к господствующему водоему, имеют одинаковые отметки (в пределах 12–16 м) над меженью. В рамках данной работы нас в наибольшей степени занимает сравнение ПС-1 с «ранним комплексом» Усть-Ковы [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988].

Стратиграфическая позиция «раннего комплекса» связана с солифлюциированной погребенной почвой [Акимова и др., 2014, с. 256–257], отнесена к каргинскому палеопедоседименту, перекрывающему верхи пойменного аллювия II НПТ [Дроздов, Макулов, Чеха, 2015, с. 110–111]. Серия радиоуглеродных дат «раннего комплекса» укладывается в интервал 35–28 тыс. л.н. При анализе геоморфологии Колпакова Ручья данная терраса отнесена к третьей ступени ангарских НПТ. Позиция палеолитического горизонта находок установлена в пачке, которая могла бы синхронизироваться с «подошвой» покровной толщи II НПТ [Равский, 1972, с. 78–84] или же с кровлей аллювия III НПТ [Лаухин, 1967, с. 12]. Литологический слой 3 по номенклатуре исследований Усть-Ковы 2009 г. [Медведев и др., 2015, с. 12] имеет морфологическое сходство с ЛС VI на Колпаковом Ручье. Разница в том, что на Кове эта фация компрессирована и изрядно деформирована криогенезом [Там же, с. 13]. Зато склоновая толща ковинской террасы имеет максимальную мощность. Соответственно результаты криогенной деятельности в покровной толще отобразились наиболее четко. Разнозернистость, линзовидность осадков документируют достаточно интенсивное течение грунтов, особенно в нижних отделах слоя, их периодическое разрушение и перевеивание ветром в кровле [Там же, с. 13–16]. Как вариант – так могла бы выглядеть зона дезинтеграции стратиграфических последовательностей при формировании уступа третьей надпойменной террасы. В случае альтернативного «прочтения» стратиграфической литоморфологии, связанной с перигляциальным аллювием, толща, перекрывающая ПС-1, может быть охарактеризована как «полигенетическая делювиально-суперфляционная», представляющая верхний ярус некой эрозионно-аккумулятивной ангарской террасы [Зольников и др., 2013, с. 44]. Приведенные детали геологической дискуссии важны для генерального понимания палеогеографической обстановки рассматриваемых памятников, но, вероятно, в любом случае, не противоречат нашим представлениям об их относительной синхронности, и тем более никак не сказываются на оценках собственно археологического содержания рассматриваемых феноменов.

В индустрии Усть-Ковы «раннего комплекса» слоя 3 отмечается минерально-петрографическое разнообразие сырья средней и мелкой зернистости. Сырьевую основу составляет использование кремнистого материала, скорее всего, не галечного происхождения. На части артефактов отмечаются следы слабой корразии.

Первичное расщепление представлено сочетанием: 1) бессистемных и ортогональных нуклеусов, изготовленных из галек, которые имеют «кубовидные» или призматические формы с гладкими

широкими ударными площадками; 2) нуклеусами плоскостного радиального расщепления с двугранными и фасетированными площадками и 3) мелкими торцовыми и призматическими нуклеусами для производства пластинок. Продукты расщепления: крупные и средние пластинчатые сколы, неправильно ограненные или уплощенные, асимметричные; крупные отщепы, полученные краевым скалыванием («долечные»), плоские и двугранные пластинчатые отщепы, мелкие пластины и пластинки.

В ретушировании доминирует краевая разнофасеточная, редко дорсальная ретушь. Часто встречается ретушь утилизационная. На отдельных предметах ретушь захватывающая, частично фасиальная. Среди орудий наиболее выразительны скребки концевые и боковые на отщепах, в т.ч. с отвесным оформлением высокого лезвия, долотовидные, нож с ретушированным обушком, оформленным альтернативной ретушью с брюшка, проколки на неспециализированных заготовках, инструменты с выемками, пластинки с притупленными краями. Резцы двугранные или полиэдрические на мелких нуклевидных фрагментах единичны. Выразительны встреченные обломки тонких бифасов – самого выразительного морфотипа раннековинской индустрии. Коллекция представляет собой устойчивую систему сосуществования архаичных форм, типичных верхнепалеолитических изделий и микроинвентаря.

Средние показания радиоуглеродных дат нижнего комплекса Ковы дают более древний возраст, чем пока единственная дата, полученная по кости на Колпаковом Ручье. Стратиграфическая позиция ПС-1, согласно нашим данным, напротив, должна была бы предшествовать ковинским событиям нижнего комплекса. Решение данной проблемы пока ожидает своего часа.

Таким образом, складывается набор обстоятельств, которые позволяют сопоставить во времени ПС-1 и «ранний комплекс» Усть-Ковы. Нами по по-прежнему допускается, что ПС-1 – комплекс крупнопластинчатый, «макаровский» по технолого-морфологическому набору признаков. Однако наличие в ассамбляже изделий без следов коррозии на поверхностях может свидетельствовать о том, что комплекс Колпакова Ручья является «двухкомпонентным», сформировавшимся за счет «проекции» более молодого комплекса на более древнюю поверхность, содержащую ранние стадии верхнего палеолита, предположительно рубежа муруктинско-каргинского времени [Рыбин, Мещерин, 2015]. Ранний комплекс Ковы – бифасиальный, «дюктайский», как заявлялось ранее, с неправильной пластиной средней величины, бессистемным и призматическим расщеплением, также не производит впечатление гомогенной индустрии. Он может быть скоррелирован с наиболее молодым компонентом коллекции ПС-1 стоянки Колпаков Ручей.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Авторы благодарят сотрудников Археологического музея КГПУ им. В.П. Астафьева за возможность ознакомиться с коллекцией Усть-Ковы, а также дирекцию ООО «Красноярская Геоархеология» за финансирование радиоуглеродного анализа в рамках работ аналитического отдела Волочаевской археологической экспедиции.

Список литературы

Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Харевич В.М., Мотузко А.Н. Последние раскопки палеолитической стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2014. – С. 256–264.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 244 с.

Дроздов Н.И., Макулов В.И., Чеха В.П. Палеомерзлотные процессы и явления плейстоцена в бассейне р. Ангары (позднепалеолитическая стоянка Усть-Кова // Евразия в Кайнозое. – 2015. – № 4. – С. 110–114.

Зольников И.Д., Деев Е.В., Цыбанков А.А., Славинский В.С., Постнов А.В., Чупина Д.А. К вопросу о молодости аллювиальных комплексов Ангары по материалам работ в зоне затопления Богучанской ГЭС // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 38–49.

Лаухин С.А. Верхнекайнозойские отложения и палеогеография Северного Приангарья в позднем кайнозое: автореф. дис. … канд. геол.-мин. наук. – М., 1967. – 20 с.

Медведев Г.И., Липнина Е.А., Роговской Е.О., Ощепкова Е.Б., Дроздов Н.И. Усть-Кова – многослойное местонахождение Северного Приангарья. Геоархеологический аспект (по результатам работ 2008 г.) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «Геоархеология. Этнография. Антропология». – 2015. – Т. 12. – С. 3–36.

Равский Э.И. Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене. – М.: Наука, 1972. – 336 с.

Рыбин Е.П., Мещерин М.Н. Стоянка Колпаков Ручей: ранний верхний палеолит в среднем течении реки Ангары (Сибирь, Красноярский край) // КСИА. – 2015. – Вып. 241. – С. 28–42.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Zwyns N. The impact of the LGM on the development of the Upper Paleolithic in Mongolia // Quaternary Intern. – 2016. – Vol. 425. – P. 69–87.

References

Akimova E.V., Kuksa E.N., Stasyuk I.V., Tomilova E.V., Kharevich V.M., Matuzko A.N. Poslednie raskopki paleoliticheskoi stoyanki Ust'-Kova v Severnom Priangar'e. In *Verkhnii paleolit Severnoi Evrazii i Ameriki: pamyatniki, kul'tury, traditsii*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2014, pp. 256–264 (in Russ.).

Drozdov N.I., Makulov V.I., Chekha V.P. Paleomerzlotnye protsessy i yavleniya pleistotsena v basseine r. Angary (pozdnepaleoliticheskaya stoyanka Ust'-Kova. *Evraziya v Kainozoe*, 2015, No. 4, pp. 110–114 (in Russ.).

Laukhin S.A. Verkhnekainozoiskie otlozheniya i paleogeografiya Severnogo Priangar'ya v pozdnem kainozoe: cand. sc. (geology and mineralogy) dissertation abstract. Moscow, 1967, 20 p. (in Russ.).

Medvedev G.I., Lipnina E.A., Rogovskoi E.O., Oshchepkova E.B., Drozdov N.I. Ust'-Kova – mnogosloinoe mestonakhozhdenie Severnogo Priangar'ya. Geoarkheologicheskii aspekt (po rezul'tatam rabot 2008 g.). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Ser.: Geoarkheologiya. Etnografiya. Antropologiya*, 2015, vol. 12, pp. 3–36 (in Russ.).

Ravskii E.I. Osadkonakoplenie i klimaty Vnutrennei Azii v antropogene. Moscow: Nauka, 1972, 336 p. (in Russ.).

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Zwyns N. The impact of the LGM on the development of the Upper Paleolithic in Mongolia. *Quaternary International*, 2016, vol. 425, pp. 69–87.

Rybin E.P., Meshcherin M.N. Stoyanka Kolpakov Ruchei: rannii verkhnii paleolit v srednem techenii reki Angary (Sibir', Krasnoyarskii krai). *Kratkiye soobshceunya Instituta Archeologii,* 2015, iss. 241, pp. 28–42 (in Russ.).

Vasil'evskii R.S., Burilov V.V., Drozdov N.I. Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Priangar'ya. Novosibirsk: Nauka, 1988, 244 p. (in Russ.).

Zol'nikov I.D., Deev E.V., Tsybankov A.A., Slavinskii V.S., Postnov A.V., Chupina D.A. K voprosu o molodosti allyuvial'nykh kompleksov Angray po materialam rabot v zone zatopleniya Boguchanskoi GES. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 4, pp. 38–39 (in Russ.).

УДК 903.2

Е.П. Рыбин[1, 2], А.М. Хаценович[1, 2], Н. Звинс[3], Б. Гунчинсурэн[4], К. Пэйн[5], Ц. Болорбат[4], Д. Одсурен[4], Й. Галфи[6], А.А. Анойкин[1], Г. Маргад-Эрдэнэ[4], Д.В. Марченко[1], Г. Ангарагдулгуун[4], Р.А. Шелепаев[7], А.Ю. Попов[8]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Калифорнийский университет, США
[4]Институт истории и археологии МАН
[5]Кембриджский университет, Великобритания
[6]Белградский университет, Сербия
[7]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
[8]Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
E-mail: rybep@yandex.ru

Новые результаты изучения стоянки Толбор-21 (Северная Монголия)

В результате работ 2017 г. на стоянке Толбор-21 выявлены пять культурных горизонтов – от финала верхнего палеолита до начального верхнего палеолита, распространенный по всей территории стоянки насыщенный культурный горизонт 3b, относящийся к финалу начальной стадии верхнего палеолита и имеющий радиоуглеродный возраст в пределах 37–39 тыс. л.н. Этот культурный горизонт имеет сложную планиграфическую структуру. В седиментах этого подразделения выявлены кострища с частичной каменной обкладкой, каменные конструкции, зоны аккумуляции каменного сырья и фаунистических остатков. Была показана ассоциация маленького каменного ассамбляжа среднего палеолита с почвенным комплексом, залегавшим в основании седиментов стоянки Толбор-21.

Ключевые слова: *верхний палеолит, средний палеолит, Монголия, стратиграфия, каменная технология, планиграфия.*

E.P. Rybin[1, 2], A.M. Khatsenovich[1, 2], N. Zwyns[3], B. Gunchinsuren[4], C. Paine[5], Ts. Bolorbat[4], D. Odsuren[4], J. Galfi[6], A.A. Anoikin[1], G. Margad-Erdene[4], D.V. Marchenko[1], G. Angaragdulguun[4], R.A. Shelepaev[7], A.Yu. Popov[8]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Altai State University
[3]University of California, USA
[4]Institute of History and Archaeology of MAS
[5]University of Cambridge, UK
[6]Belgrade University, Serbia
[7]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
[8]A.A. Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS

New Research Data from the Tolbor-21 Site (Northern Mongolia)

The 2017 excavation season at Tolbor-21 resulted in the division of the cultural sequence of the site into five horizons from the Final to Initial Upper Paleolithic and exploration of a very rich cultural horizon 3b. This horizon extends over the entire excavation area, contains the evidence of the terminal Initial Upper Paleolithic, and is dated by radiocarbon to 37–39 ka. This cultural horizon has a complex planigraphic structure probably resulting from multiple occupational episodes. The deposits of this horizon contained fireplaces with partial placement of stones around, other stone structures, and isolated accumulations of lithic raw materials and faunal remains. The Middle Paleolithic stone assemblage is small; it is associated with soil complex from the base of the stratigraphic sequence at Tolbor-21.

Keywords: *Upper Paleolithic, Middle Paleolithic, Mongolia, stratigraphy, lithic technology, planigraphy*

В ходе раскопок стоянки Толбор-21 в Северной Монголии в 2014–2016 гг. была выявлена культурная последовательность развития комплексов памятника на протяжении всего верхнего и, возможно, среднего палеолита. Культурные остатки раннего верхнего палеолита, и, возможно, начального верхнего палеолита из раскопа стоянки датируются в рамках радиоуглеродных определений между 44 и 39 тыс. л.н. Также в отложениях археологического горизонта 6 был выявлен небольшой комплекс, относящийся к среднему палеолиту и имеющий открытую радиоуглеродную дату более 50 тыс. л.н. В раскопе 2 были выявлены пять культурных горизонтов: от финала верхнего палеолита до начального верхнего палеолита, который здесь ранее не идентифицировался. В горизонте 3b впервые для начального верхнего палеолита долины Толбора были выявлены структурированные кострища. При раскопках разведочной траншеи 1 в слое темно-коричневого суглинка (возможная палеопочва) были обнаружены два артефакта – радиальный нуклеус и отщеп. Глубина залегания артефактов составляет 6 м относительно дневной поверхности и 4,5 м относительно нижнего культурного слоя раскопа. Все известные в долине культурные комплексы ранее относились к различным этапам верхнего палеолита. Исходя из стратиграфического положения данных артефактов, можно предположить, что они относятся к наиболее древней в Северной Монголии культурной страте.

В раскопе 2, расположенном в западной части памятника, был получен наиболее полный и обеспеченный археологическими остатками разрез отложений, включающих три литологических слоя, которые были вскрыты на глубину до 170 см. В них выделено 5 культурных горизонтов (описание дается по восточной стенке раскопа).

Слой 1 (0–10 см). Почва каштанового цвета. Включает в себя культурные остатки горизонта 1.

Слой 2 (10–60 см). Состоит из двух литологических горизонтов – верхний 2A имеет белесый цвет и сцементированную структуру, мощность составляет 10–15 см. В отложениях выявлен культурный горизонт 2A. Нижний горизонт 2B представляет собой светло-желтые лессовидные супеси с включениями слабоокатанного мелкого гравия, мощность составляет ок. 40–45 см. Включает археологический горизонт 2b.

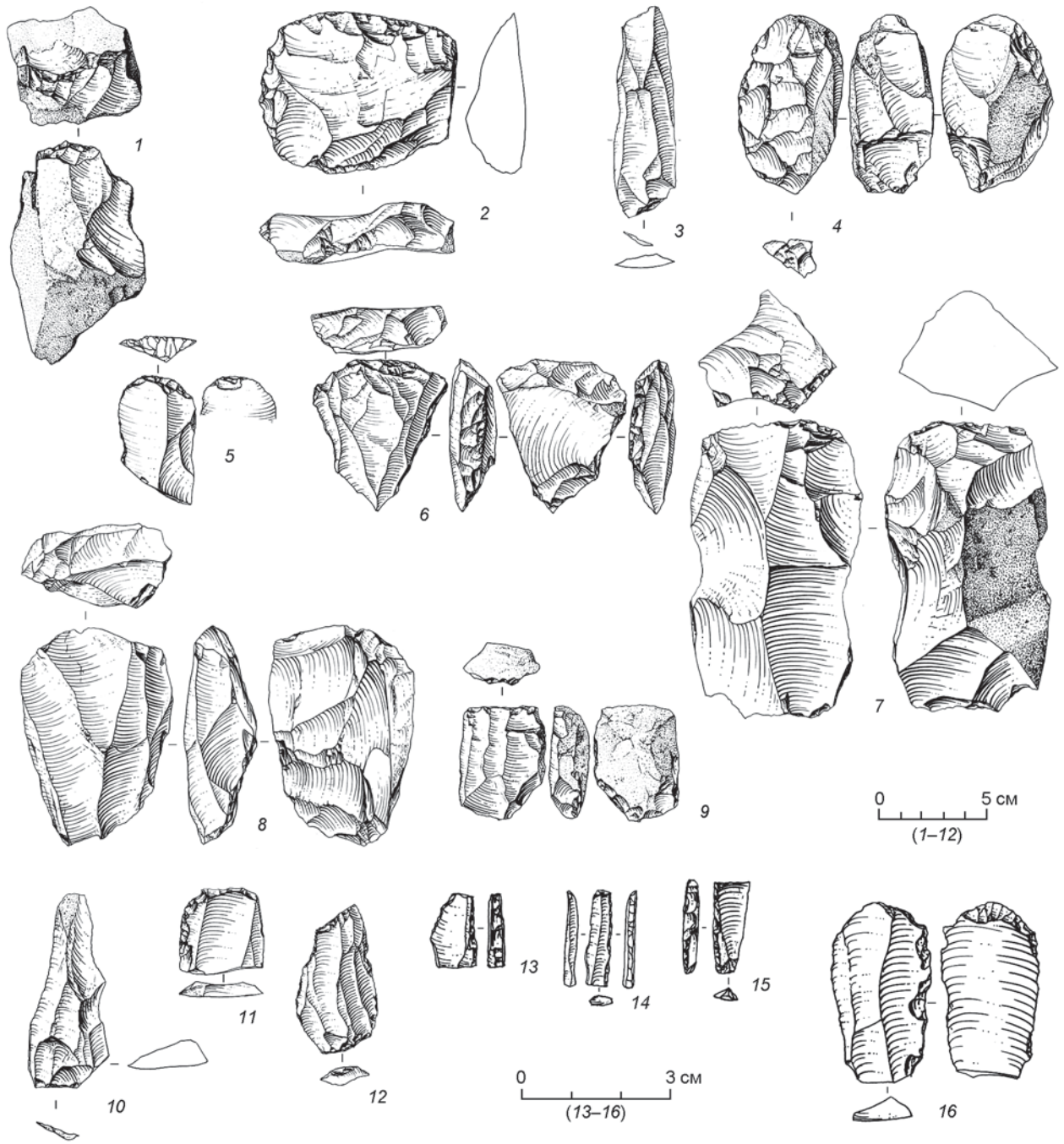
Слой 3 (60–170 см, видимая мощность). Ламинарные иловатые отложения, сформированные прослойками алевритов, суглинков и песков толщиной от 1 до 10 см, с различной долей содержания гравия и щебня. Всего выделено 7 литологических горизонтов (3A–G) в пределах этого слоя. В верхней части слоя располагается горизонт 3C, мощностью 10–25 см, включает в себя артефакты археологического горизонта 3a. Генезис этих отложений связан с медленно проистекавшими склоновыми солифлюкционными процессами. Ниже в литологическом горизонте 3D мощностью 15–20 см залегает археологический горизонт 3b. Формирование этих седиментов происходило в спокойном режиме осадконакопления, основание культурного горизонта маркируется пятнами прокалов. В солифлюцированном литологическом горизонте 3E встречаются немногочисленные артефакты археологического горизонта 3c.

В 2017 г. были продолжены работы на этом раскопе, в результате которых вскрыты седименты, содержащие ассамбляжи раннего верхнего палеолита (культурный горизонт 3a) и начального верхнего палеолита (горизонты 3b и 3c).

Индустрия раннего верхнего палеолита стоянки представлена преимущественно однонаправленными типами ядрищ (см. *рисунок*, *9*), скребками (см. *рисунок*, *11*), скреблами, пластинками с притупленным краем (см. *рисунок*, *14, 15*) и таким своеобразным для начального верхнего палеолита типом орудий, как фрагмент острия с вентральным уплощением поперечного края (см. *рисунок*, *16*). Яркой и очень необычной для археологических комплексов стоянок долины Толбора стала находка в горизонте 3a двух персональных украшений. Первое – это фрагмент округлой подвески из мягкого полупрозрачного поделочного камня темно-красного цвета с элементами пришлифовки поверхности. Второе украшение изготовлено также из камня, имеет белый цвет и двояковыпуклую каплевидную форму с остатками широкого отверстия на более узкой части изделия. Поверхность тщательно шлифована.

Горизонт 3b, залегавший непосредственно под горизонтом раннего верхнего палеолита, имел высокую степень насыщенности археологического материала и костей животных. В комплексе представлены крупные бипродольные пластины и нуклеусы (см. *рисунок*, *7, 12*), , шиповидные орудия, скребла, скребки. В скоплении археологического материала, находившегося западнее двух раскопанных в 2016 г. кострищ, был обнаружен фрагмент круглой подвески из скорлупы яйца страуса с остатками круглого отверстия в центре украшения.

Горизонт 3c начального верхнего палеолита залегал непосредственно под комплексом вышележащего горизонта. Концентрация находок была здесь много меньше, чем в верхнем горизонте, они находились во «взвешенном» состоянии. В индустрии данного горизонта выделяются леваллуазский бипродольный нуклеус для получения острий (см. *рисунок*, *6*) и плоскостной бипродольный нуклеус

Каменные артефакты из раскопов 2–4 стоянки Толбор-21.

для снятия пластин (см. *рисунок*, *8*), что свидетельствует об участии леваллуазских методов редукции в технологическом наборе начального верхнего палеолита, в составе орудий присутствуют характерные для толборских комплексов концевые скребки с рабочим краем, оформленным на проксимальном окончании (см. *рисунок*, *5*).

В продолжение работ 2016 г. в нижней части траншеи 1 был заложен раскоп 3 площадью 6 м^2. В результате подтверждена ассоциация наиболее раннего ассамбляжа стоянки с палеопочвой слоя 13. Вместе с тем, для этого слоя присуще очень малое количество находок: был обнаружен только один слегка патинизированный нуклеус начальной стадии расщепления с подготовленной поперечными сколами ударной площадкой и негативами нескольких параллельных сколов на рабочем фронте (см. *рисунок*, *1*).

Заложенный в 2017 г. в верхней части склона раскоп № 4 площадью 12 м^2 был ориентирован по направлению С – Ю, разрезая склон недавней эрозионной промоины, расположенной на краю

восточной части склона. Максимальная мощность вскрытых отложений составила 140 см. В разрезе отложений представлены следующие основные литологические подразделения: слои 1А и 1В – голоценовые гумусированные отложения (мощность составляет 10–20 см), слои 2 и 3 – светлые плотные лессы с высоким содержания кальция, сформировавшиеся в период МИС 2 (мощность до 40 см); слой 4 – солифлюциированный гумусированный горизонт (мощность 10 см); слои 5–10 представляют собой иловатые супеси (вероятно, переработанный лесс) с различным содержанием гравия (мощность до 90 см).

В слоях 2–3 и 7–8 представлены археологические материалы. Вместе с тем, эти слои, в отличие от остальных частей стоянки, содержат крайне невысокую концентрацию артефактов, не более 50 предметов со всей площади раскопа, относящихся к периоду последнего ледникового максимума и позднее, а также к раннему верхнему палеолиту. Эти комплексы представляют отщеповую индустрию с отдельными элементами мелкопластинчатого производства и не содержат выразительных маркирующих форм, за исключением пластинки с притупленным краем (см. *рисунок*, *13*). Наибольший в археологическом отношении интерес вызывает слой 10, характеризующийся своеобразными планиграфическими характеристиками и насыщенностью находками. Этот слой представляет собой коричневатую иловатую супесь с высоким содержанием гравия (>10 % содержания геологического тела слоя). Верхнюю часть горизонта определяют горизонтально залегающие плитки и валуны местной породы, в восточной части раскопа формирующие каменную выкладку. Мощность слоя достигает 0,5 м, в верхней части отложений представлено переслаивание слойков коричневатых иловатых отложений и более светлой лессовидной супеси. Эти ламинарные отложения характерны для всех раскопов стоянки Толбор-21, их генезис связан со спокойными, низкоэнергетическими процессами склонового генезиса и циклами солифлюкций. Как показывает распределение археологических остатков, эти процессы не сопровождались существенными нарушениями структуры седиментов и сопряжены с культурными слоями финального этапа начального верхнего палеолита, датирующимися хронологическим промежутком ок. 37–39 тыс. радиоуглеродных л.н.

В слое 10 выделяется два культурных горизонта, соответствующих горизонтам 3b и 3c стоянки. Индустрия верхнего горизонта представляет собой индустрию с умеренным, ок. 15–20 % содержанием пластин, подпризматической однонаправленной и бипродольной технологией расщепления (см. *рисунок*, 3, *4*). Вероятно, в силу функциональной специфики участка относительно велика доля массивных, тщательно обработанных скребел и галечных орудий (см. *рисунок*, *2*). В восточной части раскопа фиксируется каменная выкладка, которая представляет собой прямоугольную конструкцию, ориентированную длинной осью протяженностью 2 м по линии З – В, короткой осью протяженностью ок. 1 м по линии С – Ю. Контуры выкладки сформированы двумя рядами наложенных друг на друга каменных плиток и валунов. Середина выкладки содержит существенно меньшее количество камней. Как под камнями, так и над ними фиксируется плотная концентрация каменных артефактов, большое число раздробленных костей. Особенностью данного комплекса является наличие компактно располагающихся нуклеусов, 12 экземпляров которых находились в начальной стадии раскалывания.

Подстилающий этот горизонт 5-сантиметровый прослой не содержал артефактов, под ним фиксируется горизонт начального верхнего палеолита 3c. Артефакты этого комплекса находятся во взвешенном состоянии, не формируя поверхности обитания. Мощность горизонта составляет ок. 20 см. Этот небольшой ассамбляж характеризуется наличием фрагментов крупных пластин, леваллуазскими элементами первичного расщепления.

Результатом работ 2017 г. стало выявление распространяющегося по всей территории стоянки насыщенного культурного горизонта 3b, относящегося к началу финальной стадии верхнего палеолита и имеющего радиоуглеродный возраст в пределах 37–39 тыс. л.н. Этот культурный горизонт имеет сложную планиграфическую структуру, ассоциированную, вероятно, с неоднократными визитами древнего населения на территорию памятника. В седиментах этого подразделения выявлены кострища с частичной каменной обкладкой, каменные конструкции, не связанные с процессами горения, зоны накопления каменного сырья и фаунистических остатков. Подобная структура стоянки ранее не выявлялась в палеолите долины Толбора.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 17-06-00591А.

УДК 903.2

Е.П. Рыбин[1, 2], А.М. Хаценович[1, 2], Б. Гунчинсурэн[3], К. Пэйн[4], Ц. Болорбат[3], Д. Одсурен[3], Н. Звинс[5], Г. Лхундэв[3], Г. Маргад-Эрдэнэ[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Институт истории и археологии МАН
[4]Кембриджский университет, Великобритания
[5]Калифорнийский университет, США
E-mail: rybep@yandex.ru

Хроностратиграфические исследования стоянки Толбор-4 (Северная Монголия)

В 2017 г. были возобновлены исследования опорной стоянки эпохи верхнего палеолита в Северной Монголии – многослойного памятника Толбор-4. Работы имели целью изучение стратиграфии памятника с помощью методов микроморфологии, нового цикла радиоуглеродного и OSL-датирования. Был вскрыт стратиграфический разрез, содержащий шесть литологических подразделений. Пачка слоев 1–4 содержала комплексы поздней стадии верхнего палеолита, в слое 5 были обнаружены индустрии ранней и начальной стадий верхнего палеолита. Из слоя 3 были получены две бусины из скорлупы яйца страуса. Установлено, что слой 4 подвергался интенсивному воздействию солифлюкционных процессов, а слой 5 аккумулировался в значительно более спокойной обстановке.

Ключевые слова: *верхний палеолит, Монголия, стратиграфия, хронология.*

E.P. Rybin[1, 2], A.M. Khatsenovich[1, 2], B. Gunchinsuren[3], C. Paine[4], Ts. Bolorbat[3], D. Odsuren[3], N. Zwyns[5], G. Lkhundev[3], G. Margad-Erdene[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Altai State University
[3]Institute of History and Archaeology MAS
[4]University of Cambridge, UK
[5]University of California, USA
E-mail: rybep@yandex.ru

Chronostratigraphic Research at the Tolbor-4 Site (Northern Mongolia)

The study of the multilayered site of Tolbor-4 in Northern Mongolia was resumed in 2017. The works were aimed at clarifying the stratigraphy of the site using the methods of micromorphology, as well as a new cycle of radiocarbon and OSL-dating. The exposed stratigraphic profile consisted of six lithological layers. One unit comprising layers 1–4 contained the complexes of the Late Upper Paleolithic. Layer 5 revealed the industries of the Initial and Early Upper Paleolithic. Two ostrich (Struthio) eggshell beads were found in layer 3. It was established that layer 4 underwent significant impact of solifluctional processes, and layer 5 was accumulated under much more stable depositional conditions.

Keywords: *Upper Paleolithic, Mongolia, stratigraphy, chronology.*

В результате работ Российско-монгольско-американской совместной археологической экспедиции под руководством акад. А.П. Деревянко в 2002–2007 гг. в долине р. Тулбэрийн-Гол, правого притока р. Селенги, была обнаружена и изучена группа палеолитических местонахождений. Один из памятников, получивший наименование Толбор-4, содержал археологические комплексы, относящихся к различным этапам верхнего палеолита. Культурная последовательность этой стоянки

стала рассматриваться как опорная для верхнего палеолита Северной Монголии [Рыбин, Гладышев, Цыбанков, 2007].

Памятник находится на пологом склоне делювиального шлейфа, огибаемого руч. Их-Булаг, который впадает в р. Их-Тулбэрийн-Гол, в 6 км от впадения последней в р. Селенгу. Высота памятника над уровнем ручья составляет 36 м, над р. Их-Тулбэрийн-Гол – 59 м (расстояние до реки – 540 м), высота над ур. м. – 1 044 м. Общая площадь раскопов составила 69 м^2, а суммарная коллекция каменных артефактов насчитывает более 30 тыс. предметов. В результате работ 2005–2006 гг. в верхней части разреза, содержащей артефакты, была выявлена следующая стратиграфическая последовательность [Деревянко и др., 2006].

1. Современная почва. Легкий гумусированный суглинок темно-коричневого цвета. В нижней части дерна и на контакте с отложениями нижележащего слоя 1 отмечены артефакты.

2. Светло-серый, почти белый, плотный лессовидный суглинок; встречаются редкие примеси в виде мелкого обломочного материала. В этом литологическом подразделении залегали культурные горизонты 1 и 2.

3. Светло-серый плотный лесс, насыщенный обломочным материалом мелких и средних размеров. Степень насыщенности средняя. В этом слое залегали культурные горизонты 3 и 4.

4. Светло-желтый лессовидный суглинок с редкими включениями мелкого обломочного материала. Здесь зафиксированы культурные горизонты 5, 6.

5. Плотный пластичный суглинок красно-коричневого цвета с примесью дресвы. В археологическом отношении стерильный.

В разрезе памятника было выделено шесть археологических горизонтов, залегающих непосредственно друг над другом, без стерильных прослоек. Общая мощность рыхлых отложений составляет более 4 м. Имеется серия радиоуглеродных дат, все определения были сделаны в радиоуглеродной лаборатории Университета Аризоны (г. Тусон, США). Первые три археологических горизонта относятся к финальному верхнему палеолиту, горизонт 3 имеет радиоуглеродную дату 14 547 ± 73 л.н. Археологический горизонт 4 был отнесен к раннему верхнему палеолиту – 26 700 ± 300 л.н. Для горизонта 5, содержащего индустрию начального верхнего палеолита, были получены даты 31 210 ± 410 л.н. и >41 050 л.н. Горизонт 6, относящийся к той же культурной страте, имеет возраст 37 400 ± 2 600 л.н. и 35 230 ± 630 л.н. [Деревянко и др., 2013].

Таким образом, у дат для горизонтов 5 и 6 наблюдается хронологическая инверсия. Кроме того, даты для горизонта 5 имеют хронологический разброс более 10 тыс. лет, при этом наиболее поздняя дата не соответствует облику датируемого археологического материала. То же самое относится и к имеющейся дате для культурного горизонта 4.

При раскопках в 2006 г. было выявлено отличие облика индустрии горизонта 4 по сравнению с результатами исследований предыдущих лет. Обращает на себя внимание тот факт, что в накоплении рыхлых отложений стоянки имел место значительный перерыв, который отмечен между слоями с индустрией раннего верхнего палеолита и горизонтами, включающими индустрию финального палеолита. Исходя из имеющихся дат, этот перерыв приходится на временной интервал от 26 до 14,5 тыс. л.н. и включает в себя начало и максимум наиболее холодного в Северной Азии сартанского оледенения. Так возникла необходимость новых исследований этого важнейшего объекта, направленных на изучение его стратиграфии с помощью метолов микроморфологии, нового цикла радиоуглеродного и OSL-датирования.

В результате работ 2017 г. новым разрезом на Толборе-4 было вскрыто 150 см отложений на площади 4 м^2. По западной стенке была получена следующая стратиграфия (см. *рисунок*).

Слой 1. Комплекс голоценовых почв. Включает в себя следующие подразделения:

1a. Маломощный (ок. 5–10 см) почвенный горизонт А каштанозема;

1b. Угловатый щебень местных пород (содержание в слое >30 %); залегающий в отложениях, аналогичных слою 1c (2–10 см);

1c. Более темный почвенный горизонт А каштанозема (5–15 см);

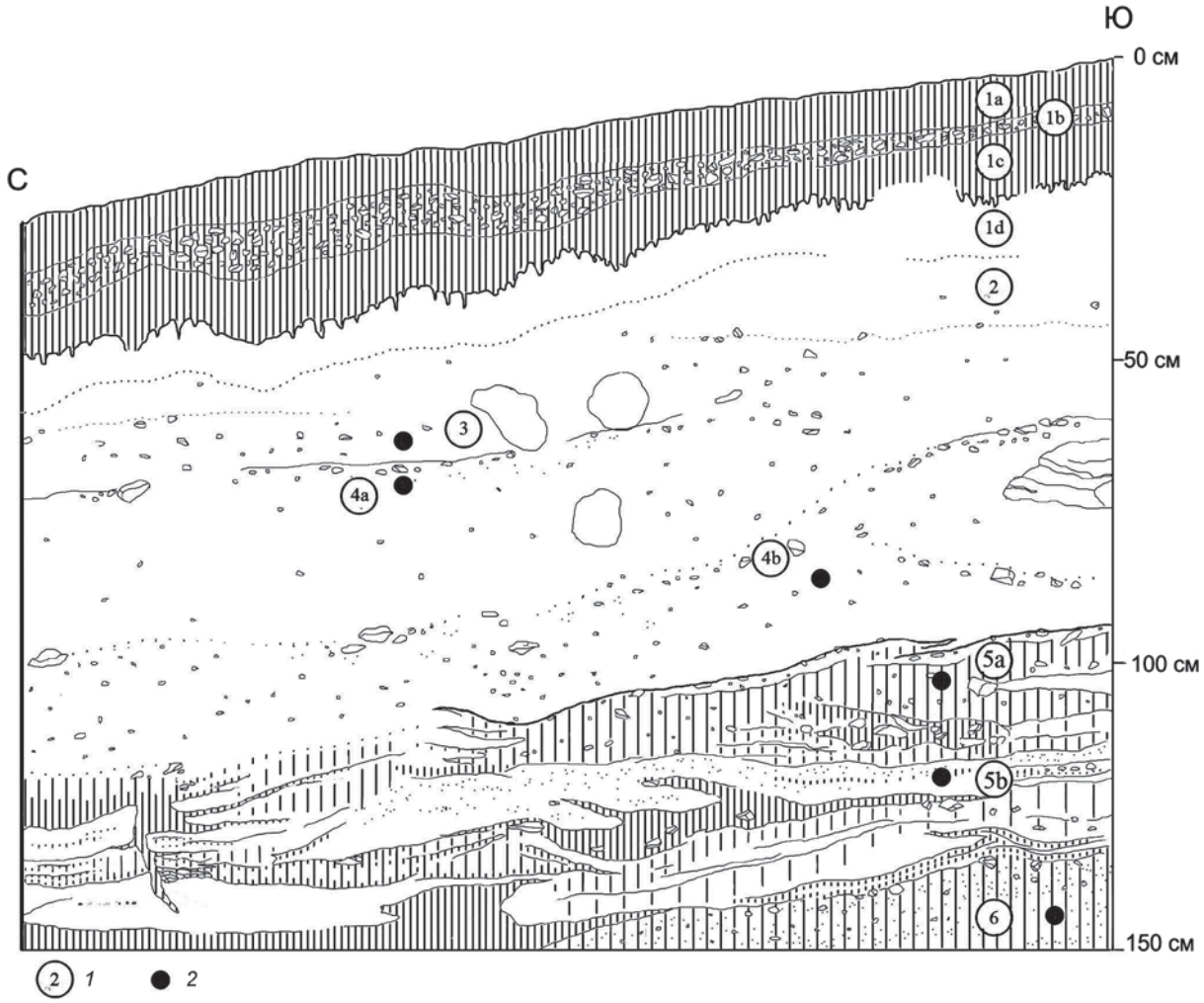
1d. Почвенный горизонт Б, светлый, плотный, твердый, лессовидный, с высоким содержанием карбонатов кальция (ок. 10 см).

Слой 2. Лессы с включением гравия (<5 %), доля которого возрастает вниз по слою (10–20 см).

Слой 3. Рыхлые коричневатые иловатые супеси, возможно переработанные, с легкой степенью гумусации (5–20 см).

Слой 4. Линзы солифлюциированных лессовидных отложений, верхние границы обозначаются прослоями глыбовника и плиток местных пород (до 50 см). Слой включает в себя подразделения 4a и 4b, представляющие собой линзы мягких светло-коричневых лессовидных отложений с включениями гравия (<5 %). Волнистая поверхность этих литологических горизонтов в некоторых местах обозначена скоплениями отдельностей коренных пород.

Слой 5. Плотные белые и коричневые слойки солифлюциированных иловатых отложений с ред-

Стратиграфический разрез 2017 г. по западной стенке раскопа. Стоянка Толбор-4.
1 – номер стратиграфического подразделения; *2* – место отбора образца на OSL-датирование.

кими включениями гравия и желваков. Некоторые слойки этих ламинарных отложений имеют более светлый оттенок, что отражает их насыщенность карбонатом кальция. Общая мощность – до 40 см. Включает в себя два подразделения:

5a. Линзы слегка ламинарных коричневых и светло-коричневых солифлюциированных иловатых супесей с включением гравия и желваков (ок. 5 % состава матрицы материала). Поверхность этих отложений маркируется светло-коричневым прослоем с гравием. Из этого прослоя прослеживается морозобойная трещина;

5b. Линзы ламинарных отложений с чередующимися слойками белесых и коричневатых слоев. Поверхность горизонта отмечается белым прослоем с более крупным, чем в подразделении 5a гравием.

Слой 6. Рыхлые серые солифлюциированные иловатые супеси с включением гравия. Видимая мощность 10 см.

Седименты представлены почвами, лессами, переработанными лессами и ламинарными иловатыми отложениями. Первичные лессы были выявлены только в слое 2, находящемся в верхней части разреза, хотя именно на основе лессов были сформированы голоценовые почвы слоя 1d. Большая часть разреза сформирована солифлюциированными илистыми седиментами с различным содержанием песка и гравия, что показывает сложность формирования осадков слоев 3–6. Как было установлено путем анализа разрезов на других памятниках долины Толбора, ламинарные отложения слоя 5 были сформированы гумусированными иловатыми осадками на основе лессовой матрицы со свидетельствами слабого педогенеза и переработаны в результате склоновых процессов. Вместе с тем эти низкоэнергетические склоновые явления существенно не повлияли на положение артефактов в пределах слоя. Ламинарные отложения впоследствии были подвергнуты солифлюкции, по меньше мере два эпизода которой фиксируются в разрезе (слои 5a и 5b). Ламинарность не была отмечена в вышележащем слое 4,

но наличие волнистых поверхностей в его пределах, рыхлая структура тонкой фракции, несортированность материала указывают на более сильную, чем в слое 5 (с точки зрения смешения слоя), солифлюкцию. Являлись ли слои 4a и 4b наложенными друг на друга солифлюкционными углублениями, основываясь лишь на седиментологии слоев, сказать трудно. Матрица этих слоев схожая, но не идентичная. Первичный лесс слоя 2 постепенно переходит в лессы с содержанием гравия слоя 3. Постепенно увеличивающееся начиная со слоя 3 содержание гравия в седиментах, вероятно, является результатом гравитационного воздействия и может отражать влияние криогенных процессов на расположенные выше по склону выходы коренной породы вместе с меняющейся скоростью аккумуляции тонкой фракции.

Таким образом, отмечается существенное воздействие солифлюкционных процессов на слой 4, где многие артефакты находились в вертикальном состоянии. Значительно меньшее воздействие солифлюкции отразилось на слое 5, где артефакты имели горизонтальное залегание.

Каменные артефакты были обнаружены в литологических подразделениях 1–5. В отложениях слоя 3, соответствующего культурному горизонту 3 прежних лет исследований, были обнаружены две бусины из скорлупы яйца страуса. Все комплексы, находившиеся в слоях 1–4, характеризуются технологией первичного расщепления отщеповой направленности и, очевидно, относятся к поздним этапам верхнего палеолита. В отложениях литологического слоя 5 были обнаружены три горизонта залегания индустрий ранней и начальной стадий верхнего палеолита с типичной для них технологией получения крупных пластин с подпризматических бипродольных нуклеусов.

Проведение OSL-анализа, а также изучение вертикального распределения находок позволят уточнить хронологические характеристики указанных выше индустрий и определить хроностратиграфическую позицию горизонта 4 данного объекта.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 17-06-00591а.

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А. Развитие каменных индустрий верхнего палеолита Северной Монголии (по данным стоянки Толбор) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии: сб. ст. – Новосибирск Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 17–42.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Гунчинсурэн Б., Цыбанков А.А., Олсен Д. Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и -15) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4 (56). – С. 21–37.

Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А. Возникновение и развитие «отщеповых» индустрий ранней поры верхнего палеолита Северной Монголии // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. 2. – С. 137–153.

References

Derevianko A.P., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Tsybankov A.A., Olsen J. Early Upper Paleolithic Stone Tool Technologies of Northern Mongolia: The Case of Tolbor-4 and Tolbor-15. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 41 (4), pp. 21–37.

Derevianko A.P., Zenin A.N., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A. Razvitie kamennyh industrij verhnego paleolita Severnoj Mongolii (po dannym stojanki Tolbor). In *Chelovek i prostranstvo v kul'turah kamennogo veka Evrazii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, pp. 17–42 (in Russ).

Rybin E.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A. Voznikovenie i razvitie «otshepovyh» industrij rannej pory verhnego paleolita Severnoj Mongolii. In *Severnaja Evrazija v antropogene: chelovek, paleotehnologii, geoekologija, etnologija i antropologia*. Irkutsk: Ottisk, 2007, vol. 2, pp. 137–153 (in Russ).

УДК 569:791(571)

Н.В. Сердюк[1], В.С. Зажигин[2], К.А Колобова[3], С.В. Маркин [3]

[1]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
[2]Геологический институт РАН
[3]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: natalyserdyu@yandex.ru

Итоги изучения фауны мелких млекопитающих Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай) в 2016 году

В статье приведены результаты анализа ископаемой фауны мелких млекопитающих, полученной в ходе полевых исследований 2016 г. в Чагырской пещере. Работа является продолжением комплексного изучения этого среднепалеолитического памятника, расположенного в Краснощековском р-не Алтайского края. Состав ископаемой фауны от слоя к слою менялся незначительно. В нем преобладают обитатели открытых биотопов (степей, лугов, каменистых россыпей), а также отмечены виды, не встречающиеся на территории современного Алтая. Наблюдается определенная неоднородность состава голоценовой фауны, которая требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: *Чагырская пещера, Алтайский край, мелкие млекопитающие, палеореконструкции, средний палеолит.*

N.V. Serdyuk[1], V.S. Zazhigin[2], K.A. Kolobova[3], S.V. Markin[3]

[1]A.A. Borissiak Paleontological Institute RAS
[2]Geological Institute RAS
[3]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: natalyserdyu@yandex.ru

Results of the Study of Small Mammals Fauna from Chagyrskaya Cave (Northwestern Altai) in 2016

The article describes the results of analyzing small mammal fossil fauna from Chagyrskaya Cave (Krasnoshchekovo District, Altai Krai), which was obtained during the field season of 2016. The present study is a part of the comprehensive multidisciplinary research of this Middle Paleolithic site. The structure of fossil fauna only slightly changed across the layers, and predominantly contained the inhabitants of open biotopes (steppes, meadows, and rock placers) as well as species which have disappeared from the territory of the present-day Altai. Certain heterogeneity of the Holocene faunal composition has been observed, which requires further research.

Keywords: *Chagyrskaya Cave, Altai Krai, small mammals, reconstructions of paleo-environment, Middle Paleolithic.*

Чагырская пещера, расположенная в среднегорье Северо-Западного Алтая, представляет определенный интерес в связи с изучением миграций древнего человека в Южной Сибири и Азии. Для более ясного понимания условий миграций, характера климата и природной обстановки того времени проводится комплексное исследование археологических памятников с привлечением широкого круга специалистов. Результаты изучения ископаемой фауны мелких млекопитающих положены в основу палеореконструкций окружающей среды в районе Чагырской пещеры.

Чагырская пещера известна орудийными комплексами среднего палеолита и находками остатков гоминидов неандерталоидного типа [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013].

Стратиграфическая колонка Чагырской пещеры насчитывает семь слоев; некоторые из них, согласно литологическим характеристикам, подразделяются на условные субгоризонты. Слои 1–4 относятся к голоценовому этапу осадконакопления, слои 5–7 – к плейстоценовому [Деревянко и др., 2013, с. 4]. В 2016 г. работы проводились в центральной части пещеры [Колобова и др., 2016, с. 90]

на квадратах И-7 и К-7. Были вскрыты слои 1–3, 5, 6А, 6Б, 6В/1, 6В/2. Грунт отбирался послойно, промывался на ситах с диаметром ячеи 1 × 1 мм, просушивался. Костные остатки мелких позвоночных отбирались из промывки, этикетировались. В настоящей работе рассматриваются результаты определений только мелких млекопитающих; остатки рыб, амфибий, рептилий и птиц переданы на исследование специалистам по этим группам.

Костный материал неплохой сохранности, представлен разрозненными зубами, позвонками, длинными костями конечностей, фрагментами черепа, челюстями. Цвет костных остатков от светло-желтого и кремового до светло-коричневого, на некоторых костях и зубах видны коррозийные следы воздействия желудочного сока. Вероятнее всего, аккумуляция этого материала происходила за счет активности хищных птиц. Сохранность голоценового материала лучше, чем плейстоценового.

Всего было определено 3242 костных фрагмента. В зависимости от слоя и общего количества материала, доля неопределимых остатков составляет от 30 до 50 % (табл. 1). Видовая и родовая диагностика млекопитающих традиционно основана на анализе черепных и зубных признаков, но в последнее время также используются данные по костям скелета. В случае с разрозненными и неполными остатками из пещерных отложений эта методика позволяет сократить количество неопределимых фрагментов и установить принадлежность как минимум на уровне рода. Остатки мелких млекопитающих принадлежат представителям различных отрядов, в основной своей массе это грызуны Rodentia; другие отряды (насекомоядные Insectivora, рукокрылые Chiroptera и зайцеобразные Lagomorpha) значительно уступают по количеству.

Видовой состав ископаемой фауны Чагырской пещеры из раскопа 2016 г. оказался вполне ожидаемым (табл. 2).

Остатки рукокрылых представлены примерно поровну краниальными и посткраниальными элементами. Отмечены остатки северного кожанка *Eptesicus nilssonii*, ушана Огнева *Plecotus ognevi*, ночниц *Myotis* sp. Обилием остатков рукокрылых отличаются слои голоцена и плейстоцена (табл. 2). В голоценовых слоях количество рукокрылых колеблется от 7 (слой 1) до 16 % (слой 2). Количество остатков в плейстоценовых слоях не превышает 3 %. Подобное распределение может быть связано как с лучшей сохранностью голоценового материала, так и с биологическими факторами.

Среди насекомоядных Чагырской пещеры наибольшее количество костных остатков принадлежит алтайскому кроту *Asioscalops altaica*. В незначительном количестве отмечены белозубки рода *Crocidura*, единственный неполный череп принадлежит малой белозубке *Crocidura suaveolens*. Почти в каждом слое встречаются бурозубки *Sorex*, до вида определены три нижние челюсти, которые принадлежат обыкновенной (*Sorex araneus*) и малой (*Sorex minutes*) бурозубкам.

Среди зайцеобразных Чагырской пещеры обнаружены фрагменты щечных зубов мелкого зайца *Lepus* sp. (вероятно, толая), части резцов и скелета пищух *Ochotona* sp.

Доминирующими группами среди грызунов являются полевки: серые *Microtus* и скальные *Alticola*. Первые предпочитают луговые стации, вторые – каменистые биотопы. По обилию скальных полевок четко выделяются все подслои слоя 6: количество *Alticola* в них около (или более) 20 %. Значительная доля принадлежит узкочерепной *Stenocranius gregalis*, предпочитающей открытые ландшафты от тундры до альпийских лугов. Велико также количество остатков суслика *Spermophilus* sp., обитателя луговых биотопов, и рыжих полевок *Clethrionomys*.

Единичные находки фрагментов скелета обыкновенной белки *Sciurus vulgaris* и белки летяги *Pteromys volans* сделаны только в слоях 2 и 5, что говорит о слабом лесном покрове в позднем плейстоцене в районе пещеры. Также единственной находкой в 2016 г. стал щечный зуб большого тушканчика *Allactaga major* из слоя 5; в материалах прежних полевых сезонов его находки были постоянны в каждом слое. В слое 3 обнаружен M^3 *Lemmus* sp.; ранее остатки настоящего лемминга были описаны из слоев 6А и 7А–В, которые фиксируют смешанную фауну тундростепей [Деревянко и др., 2013, с. 18], характерную для пиков похолодания. В голоценовом слое присутствие лемминга следует объяснить, вероятно, заносом его из другого слоя.

Таблица 1. **Соотношение определимых и неопределимых остатков мелких млекопитающих из Чагырской пещеры, экз.**

Таксоны	Слои							
	1	2	3	5	6А	6Б	6В/1	6В/2
Определимые	21	305	153	509	88	46	108	3
Неопределимые	47	385	235	926	142	81	165	3
Итого	68	690	388	1435	230	106	273	6

Таблица 2. **Распределение костных остатков мелких млекопитающих из Чагырской пещеры по слоям, экз.**

Таксон	Слои															
	1		2		3		5		6А		6Б		6В/1		6В/2	
	N	%	*N*	%	*N*	%	*N*	%	*N*	%	*N*	%	*N*	%	*N*	%
Chiroptera	3	14,3	81	26,6		16,3	18	3,54	1	1,14	2	4,35	1	0,93		0
Crocidura suaveolens	1	4,76		0		0		0		0		0		0		0
Crocidura sp.		0	1	0,33	1	0,65		0		0		0		0		0
Sorex sp.		0	8	2,62	1	0,65	4	0,79		0		0	1	0,93		0
Asioscalops altaica	1	4,76	9	2,95		0	3	0,59	2	2,27	2	4,35	5	4,63		0
Sciurus vulgaris		0	1	0,33		0		0		0		0		0		0
Pteromys volans		0	11	3,61		0	1	0,2		0		0		0		0
Spermophilus sp.	1	4,76	6	1,97	7	4,58	35	6,88	4	4,55	5	10,9	13	12		0
Sciuridae gen. indet.		0		0		0	3	0,59		0		0		0		0
Marmota sp.	1	4,76		0		0	6	1,18	4	4,55		0	1	0,93	2	66,7
Apodemus sp.		0	1	0,33	4	2,61		0		0		0		0		0
Cricetus cricetus	1	4,76	17	5,57	4	2,61	2	0,39		0		0	1	0,93		0
Cricetulus migratorius		0	1	0,33		0	1	0,2		0		0		0		0
Allocricetulus eversmanni		0		0		0	3	0,59	1	1,14		0		0		0
Ellobius talpinus		0	2	0,66		0	2	0,39	1	1,14		0		0		0
Clethrionomys rufocanus	1	4,76	1	0,33	2	1,31	10	1,96		0		0	2	1,85		0
Clethrionomys rutilus	1	4,76	6	1,97	5	3,27	12	2,36		0		0	3	2,78		0
Alticola strelzowi	1	4,76	53	17,4	35	22,9	123	24,2	34	38,6	17	37	36	33,3		0
Lagurus lagurus	4	19	14	4,59	13	8,5	71	13,9	2	2,27		0	10	9,26		0
Eolagurus luteus		0	2	0,66		0	3	0,59	3	3,41		0	1	0,93		0
Lemmus sp.		0		0	1	0,65		0		0		0		0		0
Stenocranius gregalis		0	25	8,2	27	17,6	104	20,4	20	22,7	8	17,4	16	14,8		0
Microtus oeconomus	1	4,76	13	4,26	10	6,54	23	4,52	2	2,27	1	2,17	2	1,85		0
Microtus arvalis	2	9,52	5	1,64	5	3,27	10	1,96		0		0	1	0,93		0
Microtus agrestis		0	10	3,28		0		0	1	1,14		0		0		0
Arvicola terrestris	2	9,52	23	7,54	9	5,88	16	3,14	2	2,27	4	8,7	5	4,63	1	33,3
Myospalax myospalax	1	4,76	6	1,97	2	1,31	39	7,66	8	9,09	5	10,9	7	6,48		0
Sicista sp.		0	4	1,31		0	2	0,39		0		0	1	0,93		0
Allactaga major		0		0		0	1	0,2		0		0		0		0
Ochotona sp.		0	2	0,66	2	1,31	12	2,36	2	2,27	2	4,35		0		0
Lepus sp.		0	3	0,98		0	5	0,98	1	1,14		0	2	1,85		0
Итого (N)	21		305		153		509		88		46		108		3	

Флуктуации ареалов мелких млекопитающих вызваны колебаниями климата позднего плейстоцена и голоцена. В плейстоценовых отложениях Чагырской пещеры обнаружены виды, не характерные для фауны современных окрестностей пещеры: желтая пеструшка *Eolagurus luteus*, степная пеструшка *Lagurus lagurus*, настоящий лемминг *Lemmus* sp., тушканчик *Allactaga major*, слепушонка *Ellobius*.

Современная фауна Северо-Западного Алтая определяется его уникальным положением: облесенные склоны предгорий граничат одновременно с равнинами северо-западной низменности и степными пространствами Казахстана. Это обусловливает определенную мозаичность фаунистического состава. Тем не менее в современной фауне Северо-Западного Алтая преобладают представители лесного таежного комплекса [Биота…, 2011, с. 141–161; Пожидаева, 2005, с. 50], в то время как ископаемые фауны этого региона (из пещер Страшная, Логово гиены) свидетельствуют о доминировании лесостепного комплекса в плейстоцене.

Современная флора окрестностей Чагырской пещеры представлена настоящими горно-степными дерновинно-злаковыми степями [Rudaya et al., 2017]. Изучение современной фауны мелких млекопитающих в районе пещеры не проводилось, но очевидно, что преобладать будут виды – обитатели отрытых пространств. Ископаемая фауна Чагырской пещеры также красноречиво указывает на преобладание открытых биотопов во времена позднего плейстоцена – степей, пойменных лугов, каменистых участков. Древянисто-кустарничковая растительность, вероятно, не занимала больших площадей. Состав позднеплейстоценовой фауны Чагырской пещеры от слоя к слою не претерпевал

резких изменений, т.е. структура природной среды оставалась стабильной. Отмеченное изменение состава фауны мелких млекопитающих в голоцене требует проведения дополнительных исследований с целью определении синхронности отложения костных остатков, чтобы исключить вероятность их переотложения.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Биота Тигирекского заповедника // Тр. Тигирекского заповедника. – Барнаул, 2011. – Вып. 4. – 235 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Сизикова А.О., Солотчина Э.П., Смолянинова Л.Г., Антипов А.С. Чагырская пещера – стоянка среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 2–27.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 89–103.

Колобова К.А., Маркин С.В., Шнайдер С.В., Алишер-кызы С., Селецкий М.В., Комза К., Зубова А.В., Кишкурно М.С. Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2016 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 89–93.

Пожидаева Л.В. Население мелких млекопитающих некоторых биотопов территории Тигирекского заповедника // Горные экосистемы Южной Сибири: изучение, охрана и рациональное природопользование. – Барнаул, 2005. – С. 48–52. – (Тр. ГПЗ «Тигирекский»; вып. 1).

Rudaya N., Vasiliev S., Viola B., Talamo S., Markin S. Palaeoenvironments during the period of the Neanderthals settlement in Chagyrskaya cave (Altai Mountains, Russia) // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2017. – Vol. 467. – P. 265–276.

References

Biota Tigirekskogo zapovednika. *Trudy Tigirekskogo zapovednika*. Barnaul, 2011, iss. 4, 235 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V., Shunkov M.V. The Sibiryachikha Facies of the Middle Paleolithic of the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2013, vol. 41, pp. 89–103.

Derevianko A.P., Markin S.V., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Sizikova A.O., Solotchina E.P., Smolyaninova L.G., Antipov A.S. Chagyrskaya Cave: A Middle Paleolithic Site in the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 2013, No. 41, pp. 2–27.

Kolobova K.A., Markin S.V., Shnaider S.V., Alisherkyzy S., Seletskii M.V., Komza K., Zubova A.V., Kishkurno M.C. Issledovaniya srednepaleoliticheskikh kompleksov Chagyrskoi peshchery v polevom sezone 2016 goda. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 89–93 (in Russ.).

Pozhidaeva L.V. Naselenie melkikh mlekopitayushchikh nekotorykh biotopov territorii Tigirekskogo zapovednika. In *Gornye ekosistemy Yuzhnoi Sibiri: izuchenie, okhrana i ratsional'noe prirodopol'zovanie*. Barnaul, 2005, pp. 48–52 (Trudy GPZ «Tigirekskii», iss. 1). (in Russ.).

Rudaya N., Vasiliev S., Viola B., Talamo S., Markin S. Palaeoenvironments during the period of the Neanderthals settlement in Chagyrskaya cave (Altai Mountains, Russia). *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 2015, vol. 467, pp. 265–276.

УДК 902/904

Н.В. Сердюк[1], Г.И. Марковский[2], Н.Е. Белоусова[2], А.И. Кривошапкин[2]

[1]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: natalyserdyu@yandex.ru

Новые данные о плейстоценовой фауне мелких млекопитающих Страшной пещеры (Северо-Западный Алтай)

Раскопочные работы в Страшной пещере (Алтайский край, Россия) в 2017 г. дали новый материал по ископаемым мелким млекопитающим. Продолжены исследования плейстоценовых отложений в центральной части пещеры. Анализ остатков мелких млекопитающих базировался на остеологическом материале из слоев 5 и 6. Доминирующими среди грызунов в ископаемой фауне Страшной пещеры являются полевки: скальные Alticola, узкочерепные Stenocranius и серые Microtus. Коллекция остатков дикобраза Hystrix пополнилась за счет новых находок из нижних горизонтов слоя 5. Страшная пещера – одна из трех пещер на Алтае, где были обнаружены остатки этого животного. В прошедшем полевом сезоне впервые в позднеплейстоценовых отложениях Алтая были обнаружены остатки древесной сони Dryomys и мохноногого тушканчика Dipus. Эти находки маркируют периоды распространения в плейстоцене широколиственных лесов и барханных песков соответственно.

Ключевые слова: *Северо-Западный Алтай, поздний плейстоцен, мелкие млекопитающие, сони, тушканчики.*

N.V. Serdyuk[1], G.I. Markovsky[2], N.E. Belousova[2], A.I. Krivoshapkin[2]

[1]A.A. Borissiak Paleontological Institute RAS
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: natalyserdyu@yandex.ru

New Data on the Pleistocene Fauna of Small Mammals from the Strashnaya Cave (Northwestern Altai)

Excavations in Strashnaya Cave (Altai, Russia) in 2017 continued the research of the Pleistocene deposits in the central part of the cave and revealed new materials on fossil small mammals. The analysis of the remains of small mammals was based on the osteological materials from layers 5 and 6. Voles dominated among the rodents in the paleontological fauna of the cave, including mountain vole Alticola, narrow-headed vole Stenocranius, and field vole Microtus. Collection of the remains of the porcupine Hystrix was enriched by new findings from the lower horizons of layer 5. Strashnaya Cave is one of the three caves in Altai, where the remains of the porcupine have been found. The remains of the dormouse Dryomys and hairy-footed jerboa Dipus were found in this field season in the Late Pleistocene deposits of the Altai for the first time. Accordingly, these findings indicate the periods of proliferation of deciduous forests and sand dunes in the Late Pleistocene near Strashnaya Cave.

Keywords: *Northwest Altai, Late Pleistocene, small mammals, dormice, jerboa.*

В полевом сезоне 2017 г. было продолжено комплексное археологическое исследование культурных отложений археологического памятника пещера Страшная, расположенного на территории Краснощековского р-на Алтайского края. Разбор плейстоценовых отложений производился в центральной части пещеры, площадь раскопа составила 4 м^2. В процессе исследований были получены новые материалы по фауне мелких млекопитающих, которые могут внести изменения в представления о палеоклиматических и палеогеографических условиях обитания древнего человека в верхнем плейстоцене.

Анализ фауны мелких млекопитающих базировался на остеологическом материале из слоев 5

(литологические подразделения 5.2–5.4) и 6 (литологические подразделения 6.1 и 6.2). Результаты изучения рыхлых отложений пещеры Страшной, полученные ранее, свидетельствуют о позднеплейстоценовом возрасте этих стратиграфических подразделений [Кривошапкин и др., 2013, с. 94; Serdyuk, Zenin, 2016, p. 165]. Остеологические находки были получены в процессе промывки грунта из непотревоженных слоев в системе сит. К анализу не привлекался материал, стратиграфический контекст которого оставался неясным или неопределимым (пристенные участки, зоны биотурбаций, зоны деформации культурных отложений). Остатки рыб, амфибий, рептилий и птиц были переданы для изучения соответствующим специалистам и в настоящем исследовании не рассматриваются.

Всего было определено ок. 4 тыс. костных элементов, принадлежащих мелким млекопитающим: рукокрылым *Chiroptera*, насекомоядным *Insectivora*, грызунам *Rodentia* и зайцеобразным *Lagomorpha*. Большая часть проанализированного материала диагностируется до вида и рода, лишь незначительное количество костных остатков (ок. 20 %) оказалось неопределимым.

Грызуны представлены наиболее многочисленной группой костных элементов – на их долю приходится более 90 % всех остатков. Рукокрылые, насекомоядные и зайцеобразные занимают по количественному составу второстепенное положение. Среди ископаемых рукокрылых в 2017 г. отмечены ушан Огнева *Plecotus ognevi* и ночницы *Myotis* sp. Насекомоядные в целом малопригодны для палеореконструкций, однако наличие в составе фауны бурозубок *Sorex* может говорить о присутствии увлажненных лесных биотопов [Строганов, 1957, с. 85]. Также в фаунистической коллекции Страшной пещеры отмечен эндемик – алтайский крот *Asioscalops altaica*.

Доминирующими среди грызунов в ископаемой фауне Страшной пещеры являются полевки: скальные *Alticola*, узкочерепные *Stenocranius* и серые *Microtus*. Согласно опубликованным ранее результатам исследований мелких млекопитающих, накопление слоев пятой и шестой стратиграфических генераций относится к разным этапам формирования отложений пещеры [Зенин, Сердюк, 2007, с. 101; Сердюк, Зенин, 2008, с. 103]. В полученной в 2017 г. послойной колонке явной смены одних видов другими не наблюдается, хотя и сохраняются прежде отмеченные тенденции: для прослоев слоя 6 характерна незначительная доля суслика *Spermophilus*, слепушонки *Ellobius*, тушканчиков из группы *Alactagulus-Pygeretmus*, цокора *Myospalax* и пищух *Ochotona*; для подразделений слоя 5 высока доля летучих мышей, скальных полевок и лесных полевок *Clethrionomys*.

Фаунистические материалы слоев 5 и 6 в 2017 г. оказались богаты на экзотические виды. В литологических подразделениях слоя 5 были найдены остатки дикобраза *Hystrix*. Страшная пещера стала третьей по счету на Алтае, где были обнаружены остатки этого животного, до этого они были найдены лишь в пещерах Усть-Канская и Разбойничья [Деревянко и др., 2001; Оводов, 2000]. Прежние находки не были многочисленными – из Разбойничьей описан фрагмент черепа с моляром, из Усть-Канской – отдельный зуб [Kuzmin et al., 2017, p. 118]. В Страшной пещере помимо разрозненных моляров, остающихся после промывки грунта, как на крупных, так и на мелких ситах, описаны еще и фрагменты скелета: лопатка, локтевая, фрагмент бедра и эпистрофея, таранная, пяточная, коленная чашечка. Сравнительный анализ показал, что остатки принадлежат подвиду малайского дикобраза *H. brachyura vinogradovi* [Ibid., p. 119]. Такое обилие находок в отложениях может быть связано или с уникальным захоронением одного животного или с вероятностью обитания в районе пещеры отдельной популяции во времена накопления слоя 5. Современные малайские дикобразы не впадают в зимнюю спячку, соответственно, обитание в районе Страшной пещеры *H. brachyura vinogradovi* в позднем плейстоцене может свидетельствовать об относительно мягких зимах того периода.

Еще один представитель грызунов, не встречавшийся ранее в ископаемых фаунах Алтая, – мохноногий тушканчик *Dipus sagitta*. Зубы данного вида были обнаружены в слое 6.2 в полевом сезоне 2017 г. Остатки грызунов семейства тушканчиковых неоднократно фиксировались в составе смешанных фаун пещер Северо-Западного Алтая. Однако ранее в ископаемом виде встречался другой представитель семейства – земляной заяц *Allactaga major* [Деревянко и др., 2013; Agadzhanyan, Serdyuk, 2005]. Этот грызун населяет степи и лесостепи, может обитать в полупустынях. В отличие от земляного зайца мохноногий тушканчик – представитель пустынных песчаных ландшафтов. Также впервые для территории Северо-Западного Алтая в слоях 5 и 6 Страшной пещеры были обнаружены зубы тушканчиков из группы *Alactagulus-Pygeretmus*, обитателей солончаков и такыров. Ископаемый мохноногий тушканчик и емуранчики дают основание предположить, что в районе Страшной пещеры в плейстоцене могли присутствовать глинистые пустоши, а также барханные и бугристые пески.

В процессе работ 2017 г. впервые для территории Алтая зафиксированы остатки лесной сони

Dryomys cf. *nitedula*. Второй верхний моляр обнаружен в слое 6.1 Страшной пещеры. Лесные сони в палеонтологической летописи встречаются с миоцена [Jaeger, 1977, p. 40] и плиоцена [Громов, Ербаева, 1995, с. 176]. В основном ископаемые остатки известны из Европейской части Евразии. Распространение этих животных приурочено к широколиственным лесам и кустарниковым зарослям. Лесные сони избегают высокоствольных лесов или лесов без подлеска. Присутствие лесных соней в слое 6.1 указывает на наличие широколиственной растительности, требовательной к равномерным осадкам и относительно теплым среднегодовым температурам во времена накопления этих слоев. Анализ же современных палиноспектров в районе Страшной пещеры показал доминирование пыльцы семейства сосновых [Рудая, Кривошапкин, Шалагина, 2016, с. 151].

Подводя итоги полевых исследований 2017 г., можно сказать, что богатый видовой состав ископаемой фауны Страшной пещеры в этом году пополнился двумя новыми видами, ранее неизвестными для территории Алтая: *Dipus sagitta* и *Dryomys* cf. *nitedula*. Формирование осадков слоев 5 и 6, вероятно, связано с интерстадиалом. Алтай, не затронутый серьезным оледенением, оказался своеобразным рефугиумом для разных видов мелких млекопитающих.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Громов И.М., Ербаева М.А. Млекопитающие фауны России и сопредельных территорий (зайцеобразные и грызуны). – СПб.: ЗИН РАН, 1995. – 522 с.

Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Кулик Н.А., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д., Постнов А.В., Сердюк Н.В., Чевалков Л.М. Основные результаты изучения многослойного памятника Усть-Канская пещера // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 109–115.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Сизикова А.О., Солотчина Э.П., Смолянинова Л.Г., Антипов А.С. Чагырская пещера – стоянка среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 2–27.

Зенин А.Н., Сердюк Н.В. Фауна мелких млекопитающих из верхней пачки отложений в пещере Страшная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 100–104.

Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Васильев С.К., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 94–98.

Оводов Н.Д. Ископаемый дикобраз (*Hystrix* sp.) на Алтае // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий. – Красноярск, 2000. – С. 100–102.

Рудая Н.А., Кривошапкин А.И., Шалагина А.В. Итоги палинологического изучения пещеры Страшная (Алтайский край) в 2014–2015 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XII. – С. 148–151.

Сердюк Н.В., Зенин А.Н. Фауна мелких млекопитающих из средней пачки отложений в пещере Страшная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 100–104.

Строганов С.У. Звери Сибири. Насекомоядные. – М.: АН СССР, 1957. – 268 с.

Agadzhanyan A.K., Serdyuk N.V. The history of mammalian communities and paleogeography of the Altai Mountains in the Paleolithic // Paleontological J. – 2005. – Vol. 39, suppl. 6. – P. S645–S821.

Jaeger J.J. Rongeurs (Mammalia, Rodentia) du Miocene de Beni Mellal. *Palaeovertebrata*. – 1977. – Vol. 8. – P. 4–166.

Kuzmin Ya.V., Kosintsev P.A., Vasiliev S.K., Fadeeva T.V., Hodgins G.W.L. The northernmost and latest occurrence of the fossil porcupine (*Hystrix brachyuran vinogradovi* Argyropulo, 1941) in the Altai Mountains in the Late Pleistocene (ca. 32,000–41,000 cal BP) // *Quaternary Sci. Rev*. – 2017. – Vol. 161. – P. 117–122.

Serdyuk N., Zenin A. Small mammals from the Strashnaya cave (Northwest Altai, West Siberia, Russia // *Quaternary Intern*. – 2016. – Vol. 406. – P. 162–168.

References

Agadzhanyan A.K., Serdyuk N.V. The history of mammalian communities and paleogeography of the Altai Mountains in the Paleolithic. *Paleontological Journal*, 2005, vol. 39, suppl. 6. pp. S645–S821.

Derevyanko A.P., Agadzhanyan A.K., Kulik N.A., Martynovich N.V., Ovodov N.D., Postnov A.V., Serdyuk N.V., Chevalkov L.M. Osnovnye rezul'taty izucheniya mnogosloinogo pamyatnika Ust'-Kanskaya peshchera. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, vol. VII, pp. 109–115 (in Russ.).

Derevyanko A.P., Markin S.V., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Sizikova A.O., Solotchina E.P., Smolyaninova L.G., Antipov A.S. Chagyrskaya peshchera – stoyanka srednego paleolita Altaya. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2013, No. 1, pp. 2–27 (in Russ.).

Gromov I.M., Erbaeva M.A. Mlekopitayushchie fauny Rossii i sopredel'nykh territorii (Zaitseobraznye i gryzuny). St. Petersburg: Zoological Institute RAS, 1995, 522 p. (in Russ.).

Jaeger J.J. Rongeurs (Mammalia, Rodentia) du Miocene de Beni Mellal. *Palaeovertebrata,* 1977, vol. 8, pp. 4–166.

Krivoshapkin A.I., Zenin V.N., Vasil'ev S.K., Shalagina A.V. Rezul'taty polevykh issledovanii peshchery Strashnaya v 2013 godu. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 94–98 (in Russ.).

Kuzmin Ya.V., Kosintsev P.A., Vasiliev S.K., Fadeeva T.V., Hodgins G.W.L. The northernmost and latest occurrence of the fossil porcupine (*Hystrix brachyuran vinogradovi* Argyropulo, 1941) in the Altai Mountains in the Late Pleistocene (ca. 32,000–41,000 cal BP). *Quaternary Science Reviews*, 2017, vol. 161, pp. 117–122.

Ovodov N.D. Iskopaemyi dikobraz (*Hystrix* sp.) na Altae. In *Paleogeografiya kamennogo veka. Korrelyatsiya prirodnykh sobytii i arkheologicheskikh kul'tur paleolita Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii*. Krasnoyarsk, 2000, pp. 100–102 (in Russ.).

Rudaya N.A., Krivoshapkin A.I., Shalagina A.V. Itogi palinologicheskogo izucheniya peshchery Strashnaya (Altaiskii krai) v 2014–2015 godakh. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 148–151 (in Russ.).

Serdyuk N.V., Zenin A.N. Fauna melkikh mlekopitayushchikh iz srednei pachki otlozhenii v peshchere Strashnaya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008, vol. XIV, pp. 100–104 (in Russ.).

Serdyuk N., Zenin A. Small mammals from the Strashnaya cave (Northwest Altai, West Siberia, Russia. *Quaternary International*. 2016, vol. 406, pp. 162–168.

Stroganov S.U. Zveri Sibiri. Nasekomoyadnye. Moscow: USSR Acad. of Sci. Publ., 1957, 268 p. (in Russ.).

Zenin A.N., Serdyuk N.V. Fauna melkikh mlekopitayushchikh iz verkhnei pachki otlozhenii v peshchere Strashnaya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, vol. XIII, pp. 100–104 (in Russ.).

УДК 903.01, 902/904

А.Ю. Федорченко[1], М.В. Селецкий[2], М. Боманн[3], К.А. Колобова[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Университет Бордо, Франция
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Экспериментальное исследование технологий среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в 2017 году

В статье представлены предварительные итоги экспериментальных работ, проведенных в рамках междисциплинарного изучения комплексов среднего палеолита Чагырской пещеры в 2017 г. Программа исследования включала эксперименты по моделированию технологий расщепления и производства каменных орудий, изготовлению орудий из кости и их использованию для обработки органических и неорганических материалов, доступных палеолитическим обитателям Чагырской пещеры. Эксперименты по обработке камня ретушерами из трубчатых костей крупных млекопитающих позволили зафиксировать процесс образования следов утилизации и сопоставить полученные результаты с изделиями из археологической коллекции Чагырской пещеры. Эти сведения станут основой для дальнейших экспериментально-трасологических исследований среднепалеолитических комплексов Горного Алтая.

Ключевые слова: *палеолит, Алтай, неандертальцы, экспериментально-трасологический анализ, костяные орудия, костяные ретушеры.*

A.Yu. Fedorchenko[1], M.V. Seletskiy[2], M. Baumann[3], K.A. Kolobova[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]University of Bordeaux, France
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Experimental Study of the Middle Paleolithic Technique from the Chagyrskaya Cave Assemblages in 2017

The article presents first and preliminary results of experimental study conducted as a part of the multidisciplinary exploration of the Middle Paleolithic complexes in Chagyrskaya Cave in 2017. Research program included physical simulation of mineral raw material knapping and stone tools production, as well as experiments on manufacturing bone tools and using the resulting bone replicas for processing organic and non-organic materials available to the inhabitants of Chagyrskaya Cave. The experiments on processing stone tools by retouchers made of long bones of large mammals have made it possible to identify the sequence traces of utilization and compare the results with the tools from the archaeological assemblage of Chagyrskaya Cave. This data forms the basis for the further experimental trace analysis of the Middle Paleolithic complexes from the Altai Mountains.

Keywords: *Middle Paleolithic, Altai Mountains, Neanderthals, experimental trace analysis, bone tools, bone retouchers.*

Экспериментальное моделирование древних технологий играет особую роль в трасологических исследованиях. Постановка модельных экспериментов предполагает максимально достоверное воспроизведение древних процессов и явлений, свидетельства которых обычно доступны исследователям во фрагментированном или видоизмененном состоянии. Предоставляя возможность реконструкции различных сторон утраченного информационного контекста, эксперимент способствует пониманию мышления древнего человека, его когнитивных и технологических навыков [Федорченко, 2013].

Большая часть экспериментов реализуется археологами в полевых условиях – в процессе проведения специализированных экспедиций и школ. Важнейшим условием успешного выполнения экспериментальных программ выступает близость источников каменного сырья и доступность основных ресурсов, востребованных древним человеком в хозяйственной деятельности, – кости, рога, мяса, бивня, дерева. Полученные в поле экспериментальные данные анализируются позже в лабораторных условиях [Гиря, Цыбрий В.В., Цыбрий А.В., 2014, с. 297–298].

В ходе многолетних междисциплинарных исследований Чагырской пещеры создана обширная база источников, на основе которой реконструированы развитие культуры среднепалеолитического человека Горного Алтая и условия среды его обитания [Колобова, Маркин, Шнайдер и др., 2016]. Работы по экспериментально-трасологическому исследованию археологических материалов этого памятника не проводились вплоть до недавнего времени. В результате анализа фаунистической коллекции Чагырской пещеры из раскопок 2011–2016 гг. была выявлена представительная серия орудий из кости, которая насчитывает свыше 600 изделий. Предварительное исследование выборки артефактов из камня и кости продемонстрировало перспективность трасологического изучения археологических коллекций этой стоянки. Петрографические характеристики каменного сырья, отсутствие агрессивного воздействия природной среды и антропогенных факторов на артефакты из органических материалов обеспечили полноту и информативность следов износа и обработки. С целью получения обширной доказательной базы для реализации трасологических исследований среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры осуществлена широкая серия экспериментов.

Основные задачи экспериментальной программы, проведенной в полевом сезоне 2017 г., реализовывались нами в рамках нескольких направлений. Серию из 150 экспериментов составили работы по моделированию основных технологий расщепления каменного сырья и производства орудий, распространенных в комплексах среднего палеолита Чагырской пещеры: получение сколов-заготовок с радиальных и ортогональных плоскостных нуклеусов, изготовление бифасиальных орудий, одинарных продольных и конвергентных скребел, треугольных и листовидных остриев. В качестве материала для изготовления артефактов использовалось минеральное сырье, идентичное таковому на памятнике – гальки роговиков, алевролитов, песчаников, алевролито-песчаников и яшмоидов из русла р. Чарыш, обнаруженные в непосредственной близости от пещеры.

Моделирование технологии производства каменных орудий осуществлялось с применением техники прямого удара каменными и костяными отбойниками. При использовании каменных инструментов получено 45 эталонных реплик; отбойников и ретушеров из кости – 35 эталонов. Результаты экспериментальных работ полностью соответствуют конечным формам артефактов из археологической коллекции памятника. В ходе проведения указанных экспериментов осуществлялся сбор микродебитажа – продуктов ретуширования. Полученная эталонная коллекция будет использована для идентификации основных техник скола, применявшихся среднепалеолитическими обитателями Чагырской пещеры при оформлении основных категорий каменных орудий.

Следующей задачей экспериментальных исследований выступало получение сведений о динамике образования следов износа в процессе использования полученных реплик каменных орудий при обработке разнообразных органических материалов. В процессе моделирования для каждого эксперимента фиксировались тип производственной операции, основные характеристики материала орудия и материала обработки, тип используемого орудия, морфометрические характеристики его рабочего края до начала работы, кинематика инструмента, характер его фиксации при работе, затраченное на проведение операции время. Эксперименты фиксировались на фото- и видеокамеру. После завершения работ составлялось описание следов износа на макро- и микроуровнях.

В рамках данного направления исследований проведено 15 экспериментов. При моделировании производительности реплик каменных орудий осуществлялись операции по резанию и отделению мяса от кости животного, строганию, скоблению, пилению и рубке дерева, сухих и увлажненных костей (рис. 1, *1–3*). Проведенные эксперименты демонстрируют высокую продуктивность использования вариантов одинарных продольных и конвергентных скребел в процессе обработки твердых органических материалов – кости и дерева. Универсальность, легкость в изготовлении, износостойкость рабочего края данных типов изделий делали их инструментами, пригодными для решения очень широкого круга задач. По нашим наблюдениям, наиболее эффективными орудиями для разрезания мяса и отделения его от сухожилий и кости выступали относительно тонкие отщепы с одной или несколькими неретушированными кромками. Типичные для комплекса среднего палеолита Чагырской пещеры бифасиально обработанные орудия демонстрировали свою эффективность в процессе разделки туш животных при условии пе-

Рис. 1. Эксперименты по моделированию производительности каменных и костяных орудий.
1 – отделение мяса от кости; *2* – пиление кости; *3* – строгание дерева; *4* – расщепление кости; *5* – обработка травы.

риодической подправки их рабочих кромок мелкой краевой ретушью.

Отдельный цикл экспериментов был посвящен изучению технологий изготовления неформальных орудий из кости. В ходе экспериментов моделировались операции по изолированию диафизов кости крупных млекопитающих прямым или опосредованным ударом отбойника или рубящего орудия, продольной фрагментации диафизов для получения сколов-основ. Полученные заготовки использовались в качестве инструментов для обработки дерева, камня, кости и травы (рис. 1, *4, 5*; 2). Особый интерес в контексте изучения костяной индустрии памятника имеют наблюдения за процессом формирования следов износа на ретушерах из кости. В качестве заготовок для экспериментальных костяных ретушеров использовались фрагменты диафизов. Рабочие края инструментов располагались в верхней части изделий, на выпуклых участках их внешней стороны. После получаса работы на контактной поверхности костяных ретушеров фиксировались следы шероховатости и визуально определимые короткие линейные зарубки с диагональной и поперечной ориентацией. Использование инструментов в течение одного часа работы приводило к возникновению рядов ступенчатых зарубок, формированию выбоин и локальных зон износа с заглаженными и забитыми краями. С этим этапом утилизации ретушеров связана начальная стадия разрушения верхнего слоя трубчатой кости и постепенного уплощения естественно-выпуклого профиля заготовки.

Дальнейшая работа ретушером в течении двух с половиной часов приводила к появлению единой протяженной зоны износа, сформированной наложением многочисленных ступенчатых зарубок. Отметим, что производительность этих инструментов не снижалась спустя два с половиной часа работы. Использование одного из ретушеров на данной стадии привело к формированию длинной продольной трещины. Вероятно, дальнейшая утилизация ретушеров с подобными трещинами могла вызвать поперечную или диагональную фрагментацию и поломку этих изделий. Сильно изношенные ретушеры со следами подобной фрагментации широко представлены в коллекции Чагырской пеще-

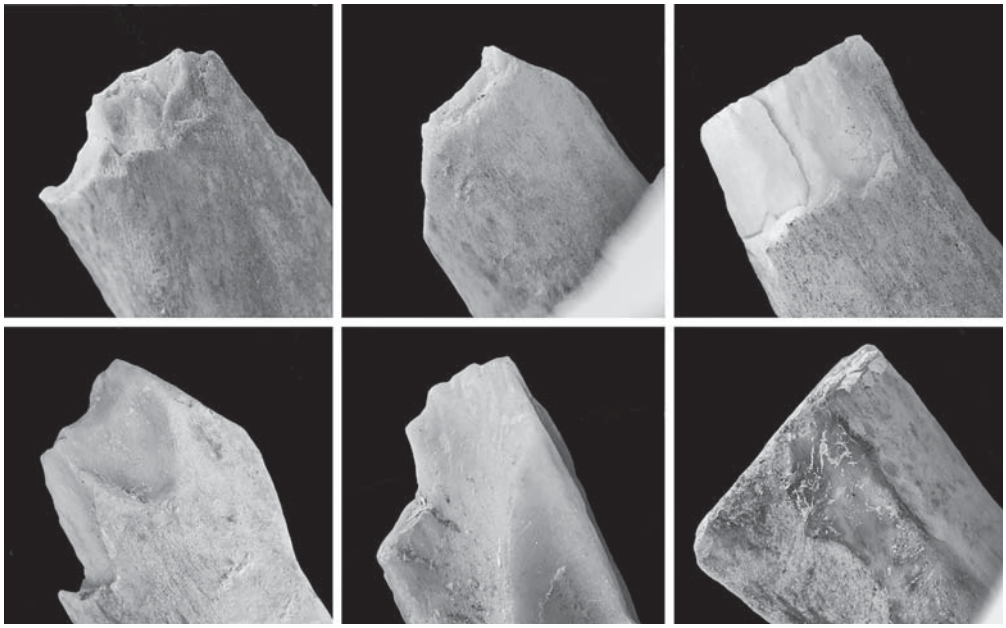

Рис. 2. Экспериментальные эталоны – неформальные орудия из кости.

ры [Колобова, Маркин, Чабай, 2016]. Проведенные эксперименты продемонстрировали исключительно высокую эффективность костяных ретушеров для модификации краев заготовок при изготовлении скребел и остриев. По нашим подсчетам, среднее количество каменных чешуек, производимых в процессе использования костяного ретушера в течение одного часа, составляет порядка 1200 экз.

Сведения, полученные в результате экспериментов, актуализируют необходимость дальнейших технологических и трасологических исследований каменной и костяной индустрии среднепалеолитического комплекса Чагырской пещеры. Результаты проведенных экспериментов позволили проследить основные особенности формообразования макро- и микроследов износа на каменных орудиях из местного сырья. Экспериментальные наблюдения и сравнительный анализ микро- и макропризнаков износа и обработки на эталонах и древних артефактах позволят определить способ изготовления, назначение и варианты использования каменных и костяных орудий из археологической коллекции этого памятника.

Список литературы

Гиря Е.Ю., Цыбрий В.В., Цыбрий А.В. Опыт организации и проведения экспериментально-трасологических школ-семинаров на базе этно-археологического парка // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2014. – № 1. – С. 297–308.

Колобова К.А., Маркин С.В., Чабай В.П. Костяные ретушеры в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 4 (16). – С. 37–42.

Колобова К.А., Маркин С.В., Шнайдер С.В., Алишер-кызы С., Селецкий М.В., Комза К., Зубова А.В., Кишкурно М.С. Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2016 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 89–93.

Федорченко А.Ю. Роль эталонной трасологической коллекции при изучении археологических материалов Северо-Восточной Азии // Чтения памяти акад. К.В. Симакова: мат-лы докл. Всерос. науч. конф. – Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2013. – С. 266–268.

References

Fedorchenko A.Yu. Rol’ etalonnoj trasologicheskoj kollektsii pri izuchenii arkheologicheskikh materialov Severo-Vostochnoi Azii. In *Conference dedicated to the memory of Academian K.V. Simakov: conference proceeding*. Magadan: NESC FEB RAS, 2013, pp. 266–268 (in Russ.).

Girya E.Yu., Tsybriy A.V., Tsybriy V.V. Experience of organizing and conducting experimental-traceological schools-seminars in ethno- archaeological parks. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*, 2014, No. 1, pp. 297–308.

Kolobova K.A., Markin S.V., Chabai V.P. Bone retouchers in the Middle Paleolithic complexes of Chagyrskaya cave. *Theory and practice of archaeological research*, 2016, No. 4 (16), pp. 37–42.

Kolobova K.A., Markin S.V., Shnaider S.V., Alisher-kyzy S., Seletskii M.V., Komza K., Zubova A.V., Kishkurno M.S. The Middle Paleolithic complexes of the Chagyrskaya cave: 2016 Field Results. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 89–93 (in Russ.).

УДК 903.2

И.В. Филатова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: inga-ph@mail.ru

К проблеме финального этапа неолита Нижнего Приамурья (по материалам керамических комплексов)

Впервые представлены результаты физико-химических исследований керамики финального неолита с поселения Богородское-24 (2008 г.). Методами петрографии, рентгенографии и термогравиметрии изучены 10 фрагментов от разных сосудов «постмалогаванского» типа. Выявлены использование различных видов глин для приготовления формовочных масс разной степени отощенности, с добавками минеральных и органических примесей; смешанные – минералогенно-органогенные и минералогенно-шамотно-органогенные – традиции их составления; кратковременный низкотемпературный (600 °С) режим обжига. Сравнительный анализ результатов исследований керамики с поселения Богородское-24 с керамикой финального неолита с о-ва Сучу выявил сходство по технологическим, морфологическим и декоративным признакам. Основной вывод – смешение в керамике поселения Богородское-24 разных гончарных традиций.

Ключевые слова: *Нижнее Приамурье, неолит (финальный этап), керамические комплексы, физико-химические исследования.*

I.V. Filatova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: inga-ph@mail.ru

Towards the Problem of the Final Stage of the Neolithic in the Lower Amur Region (Based on the Pottery Complexes)

The results of physical and chemical study of pottery belonging to the final Neolithic from the Bogorodskoe-24 settlement (2008) are presented for the first time. Ten fragments from different vessels of the "post-Malaya Gavan" type have been examined using petrography, X-ray analysis, and thermogravimetry. Various types of clay for preparing molding masses of different degrees of meagerness by adding mineral and organic components were used. Mixed mineralogical-organogenic and mineralogical-chamotte-organogenic traditions of clay blending, as well as short-term low temperature (600° C) firing mode have been detected. The comparative research of pottery from Bogorodskoe-24 and pottery of the Final Neolithic from the Suchu Island revealed the similarity of technological and morphological features, and ornamental decoration. The main conclusion is the mixture of various pottery traditions in the pottery from Bogorodskoe-24 site.

Keywords: *Lower Amur region, Neolithic, final stage, pottery complexes, physical and chemical study.*

Одним из дискуссионных для неолита Нижнего Приамурья является вопрос о его финальном этапе [Медведев, 2011; Шевкомуд, 2008; Шевкомуд, Кузьмин, 2009]. Последней по времени попыткой представить вариант его решения следует считать публикацию И.Я. Шевкомуда [2015]. Сложившуюся в конце неолита и после ситуацию исследователь обозначил как явно «нестандартную». Рассмотрев ее детально, автор описал один из комплексов этого периода, представленный на памятниках Малая Гавань, Богородское-24, Верхняя Патха-2 (рис. 1), условно назвав его «постмалогаванским». Главным диагностирующим материалом служит керамика (рис. 2, *1*), для которой характерны технологические традиции, связанные с финальным этапом позднего неолита, элементарные формы сосудов, венчики «воротничкового» типа и отсутствие какого-либо орнамента. По датам и стратиграфическому положению комплексы с такой керамикой И.Я. Шевкомуд определяет как примерно одновременные коппинским [2015, с. 157–159].

Датируемое эпохой неолита – палеометалла поселение Богородское-24 расположено на правом берегу р. Амур, на северо-восточной окраине с. Богородское в Ульчском р-не Хабаровского края [Список…]. Местонахождение открыто и обследовано в 2007 г.; по результатам стационарных раскопок 2008 г. опубликован отчет [Uchida et al., 2009]. В марте 2013 г. с разрешения автора раскопок из коллекции были отобраны 10 фрагментов керамики «постмалогаванского» типа для физико-химических исследований. Образцы обследовались в Хабаровском инновационно-аналитическом центре (ХИАЦ) Института тектоники и геофизики ДВО РАН и в Институте материаловедения ХНЦ ДВО РАН (г. Хабаровск) методами петрографического, рентгенофазового и термогравиметрического анализов. Петрографические иссле-

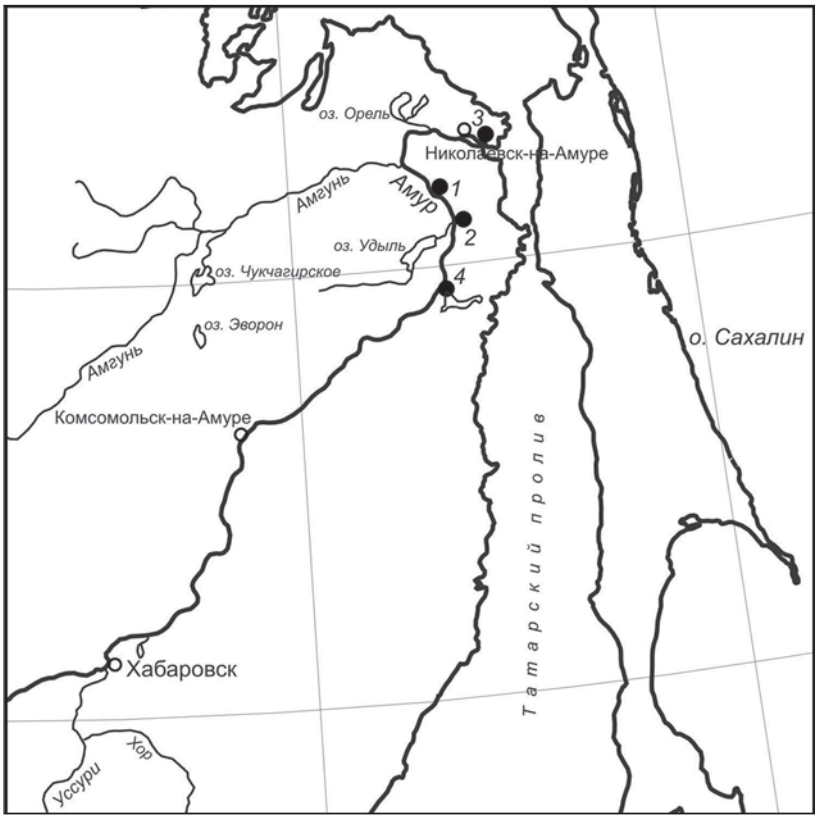

Рис. 1. Археологические памятники с финальнонеолитической керамикой.
1 – Малая Гавань; *2* – Богородское-24; *3* – Верхняя Патха; *4* – Сучу.

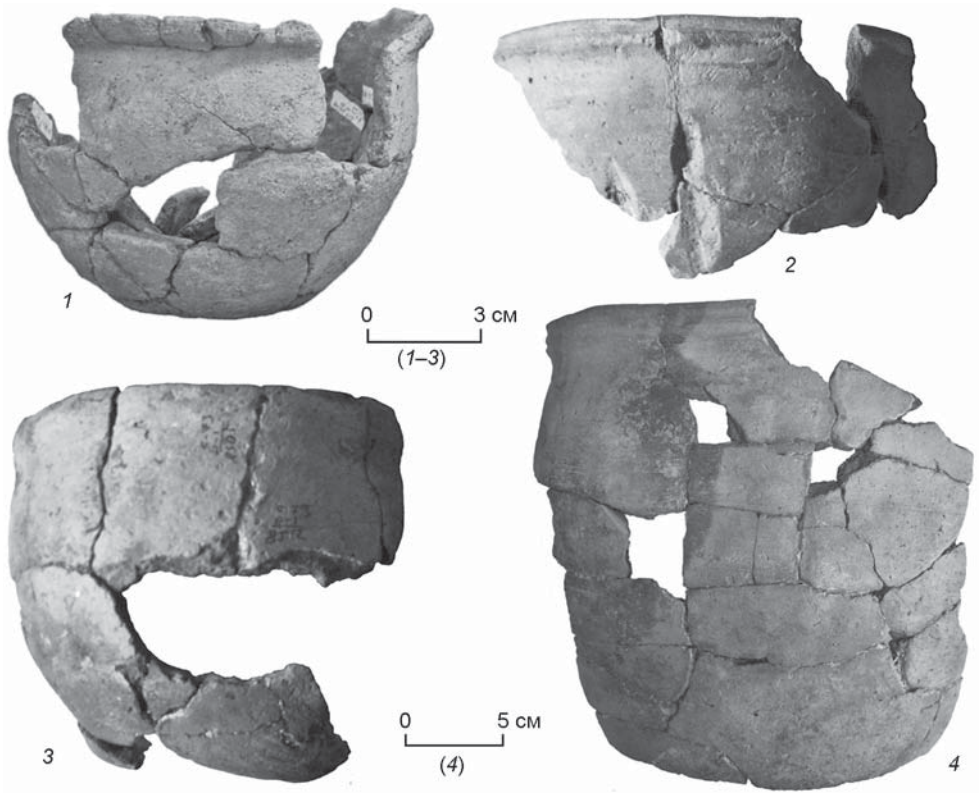

Рис. 2. Финальнонеолитическая керамика.
1 – Богородское-24 (по: [Шевкомуд, 2015, с. 145, рис. 2, *2*]); *2–4* – Сучу.

дования осуществлены на поляризационном оптическом микроскопе ImagerA2m; анализ шлифов выполнен научным сотрудником Института горного дела ДВО РАН Л.И. Щербак. Рентгенофазовый анализ проведен с применением дифрактометра ДРОН-7 старшим научным сотрудником Института материаловедения И.А. Астаповым. Термогравиметрический анализ - на приборе синхронного термического анализа STA449F3 Jupiter старшим научным сотрудником Института материаловедения канд. хим. наук Н.Ф. Карпович. Окончательные результаты исследований получены в январе 2017 г. Таким образом, на сегодняшний день накопился определенный объем данных, позволяющий дополнить информацию по означенной выше проблеме. Цель статьи - кратко представить результаты анализов и определить основные признаки керамики «постмалогаванского» типа.

Исследования показали, что при изготовлении сосудов использовались разные виды глин: псаммито-алевритистые, псаммито-гидрослюдистые, алевритистые гидрослюдистые. Они в основном железистые, бурые, а также разных оттенков – от светло- до темно-бурых. Состав формовочных масс определяется разным соотношением глинистого сырья и минеральной отощающей примеси. Можно говорить о сильно-, средне- и слабоотощенных формовочных массах. Установлено, что в качестве добавок активно использовались пресноводный моллюск (раковины и тело), а также песок, шамот и породные обломки. Основные разновидности минералов – кварц, плагиоклаз и рудный минерал. Шамот обнаружен в четырех образцах. Вероятнее всего, использовались сухие глины трех сортов: гидрослюдистая, каолиновая и каолиносодержащая. По данным рентгенографии, образцы содержат в составе минеральных фаз кварц и полевые шпаты ряда альбит-анортит (плагиоклазы); слюдистые минералы не обнаружены. Включения в основном неправильной формы, хотя встречаются и окатанные. Это показывает, что породные обломки дробились, а сухая глина измельчалась и растиралась. Частицы имеют мелкие (0,1–0,2 мм), средние (0,3–0,5 мм), крупные (0,5–0,7–1,0) и очень крупные (1,0–1,5–2,0–3,0 мм) размеры. Такой разнородный размерный ранг указывает, что включения, скорее всего, не просеивались. В целом, традиции составления формовочных масс можно определить как смешанные - минералогенно-органогенные и минералогенно-шамотно-органогенные. К первой относится один рецепт: глина + песок + породные обломки + органика; ко второй – два: глина + шамот + песок + органика и глина + шамот + песок + породные обломки + органика. Таким образом, всего зафиксировано три рецепта формовочных масс. Обжиг был кратковременным низкотемпературным, в пределах 600 °С. По цвету керамика снаружи в основном светло-коричневая и серо-коричневая, в изломе и изнутри – серо-коричневая, серая и темно-серая. Изделия закрытых, хорошо профилированных форм изготовлены вручную ленточно-кольцевым налепом в программе донно-емкостного начина. Венчики отогнуты наружу; обрез устья приострен или закруглен. Донца плоские. Керамика декорирована только прямым налепным валиком по внешнему бортику венчика, стенки не орнаментированы.

Сравнительный анализ керамики с поселения Богородское-24 материалов с о-ва Сучу (рис. 2, *2–4*) показал как достаточно явные черты сходства, так и отличия керамических комплексов. В числе сходных признаков:

1) использование при изготовлении формовочных масс алевритистых гидрослюдистых глин, разнородных по цвету (от светло-бурой до черной), но достаточно однородных по степени ожелезненности (железистые);

2) использование в основном очень слабо отощенных формовочных масс, единственной минеральной добавкой в которые, по данным петрографии, служил песок;

3) разный размерный ранг частиц главных разновидностей минералов – кварца и плагиоклаза и их в основном неправильная форма;

4) активное использование в качестве органической добавки пресноводного моллюска (раковины и тела);

5) смешанная (минералогенно-органогенная) традиция составления формовочных масс по рецептуре «глина + песок + органика»;

6) ленточно-кольцевой налеп, донный и донно-емкостный начины;

7) закрытые, хорошо профилированные сосуды средних размеров с отогнутыми наружу венчиками и плоскими донцами;

8) обработка поверхностей различными приемами, но в основном затиранием, заглаживанием и покрытием ангобом;

9) декорирование только прямым налепным валиком (монолитным или рассеченным одним-двумя прочерченными желобками) по внешнему бортику венчика и отсутствие орнамента на всех остальных частях сосудов.

Таким образом, выявлено сходство по основным технологическим (тип глин, характер примесей, состав и традиции составления формовочных масс, способ формовки и способы обработки поверхностей), морфологическим (формы сосудов, типы венчиков) и декоративным (оформление внешнего бортика венчика) признакам.

К индивидуальным отличительным признакам керамики с поселения Богородское-24 можно отнести использование различных видов глин для приготовления формовочных масс разной степени отощенности, добавками в которые служили как минеральные (песок, шамот и породные обломки), так и органические (пресноводный моллюск с раковиной) примеси, а также смешанные – минералогенно-органогенные и минералогенно-шамотно-органогенные – традиции их составления. Отличается также и режим обжига. Наличие этих отличительных признаков можно объяснить смешением разных гончарных традиций. На это указывают и несколько видов глин, и формовочные массы разной степени отощенности, и использование в одной рецептуре различных минеральных добавок, и собственно традиция их составления, но самое главное – внешние признаки сходства, т.е. форма и способы оформления частей сосудов, которые являются диагностирующими, а также способы декорирования.

В связи с этим возникает вопрос об источниках этих гончарных традиций. Для его решения, на наш взгляд, необходимо детальное сравнение с другими нижнеамурскими материалами, имеющими сходные внешние признаки, проведение их физико-химических исследований, а также выявление элементов сходства с синхронными материалами сопредельных территорий.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Медведев В.Е. О современных тенденциях в исследовании неолита юга Дальнего Востока России. Нижнее Приамурье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. – Т. 1. – С. 176–179.

Список выявленных объектов археологического наследия, расположенных на территории Хабаровского края, по состоянию на 01 января 2015 года. – URL: http://kultura27.ru/documents/?doc_type=16 (Дата обращения: 16.01.2016).

Шевкомуд И.Я. Коппинская культура и проблема перехода от неолита к палеометаллу в Нижнем Приамурье // Столетие великого АПЭ (К юбилею акад. А.П. Окладникова). – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 157–181.

Шевкомуд И.Я. Неолит – палеометалл в Нижнем Приамурье – концепция палеоэтнокультурного развития // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: Современное состояние и перспективы развития: мат-лы регион. науч. конф. (Владивосток, 18–20 ноября 2013 г.). – Владивосток: Дальнаука, 2015. – С. 140–176.

Шевкомуд И.Я., Кузьмин Я.В. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии: сб. ст. – Хабаровск: Хабар. краевой краевед. музей, 2009. – С. 7–46.

Uchida K., Shewkomud I., Kunikita D., Gorshkov M., Koshitsena S., Bochkaryova E., Matsumoto T., Yamada M., Imai Ch. 2008 nendo Bogorotsukoe 24 isekino Koukogakutyosa // 10th Annual Meeting of the RANA (Research Association of the North Asia). – Tokyo, 2009. – P. 9–12 (in Jap.).

References

Medvedev V.E. O sovremennyh tendencijah v issledovanii neolita juga Dal'nego Vostoka Rossii. Nizhnee Priamur'e. In *Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s''ezda*. St. Petersburg; Moscow; Velikij Novgorod: IHMC RAS, 2011, vol. 1, pp. 176–179 (in Russ.).

Shevkomud I.Ja. Koppinskaja kul'tura i problema perehoda ot neolita k paleometallu v Nizhnem Priamur'e. In *Stoletie velikogo AP (K jubileju akademika A.P. Okladnikova)*. Vladivostok: Dal'nauka, 2008, pp. 157–181 (in Russ.).

Shevkomud I.Ja. Neolit – paleometall v Nizhnem Priamur'e – koncepcija paleojetnokul'turnogo razvitija. In *Pervobytnaja arheologija Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnyh territorij Vostochnoj Azii: Sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija: materialy region. nauch. konf. (Vladivostok, 18–20 nojabrja 2013 g.)*. Vladivostok: Dal'nauka, 2015, pp. 140–176 (in Russ.).

Shevkomud I.Ja., Kuz'min Ja.V. Hronologija kamennogo veka Nizhnego Priamur'ja (Dal'nij Vostok Rossii). In *Kul'turnaja hronologija i drugie problemy v issledovanijah drevnostej vostoka Azii: sb. st.* Habarovsk: Habar. kraevoj kraeved. muzej, 2009, pp. 7–46 (in Russ.).

Spisok vyjavlennyh ob''ektov arheologicheskogo nasledija, raspolozhennyh na territorii Habarovskogo kraja, posostojaniju na 01 janvarja 2015 goda. URL: http://kultura27.ru/documents/?doc_type=16 (in Russ.).

Uchida K., Shewkomud I., Kunikita D., Gorshkov M., Koshitsena S., Bochkaryova E., Matsumoto T., Yamada M., Imai Ch. 2008 nendo Bogorotsukoe 24 isekino Koukogakutyosa. In *10th Annual Meeting of the RANA (Research Association of the North Asia)*. Tokyo, 2009, pp. 9–12 (in Jap.).

УДК 903.2

А.М. Хаценович[1, 2], А.О. Вольвах[3], Е.П. Рыбин[1, 2], Б. Гунчинсурэн[4], Р.А. Шелепаев[3, 5], А.Ю. Попов[5, 6], Ц. Болорбат[4], Д. Одсурэн[4], Н.Е. Вольвах[3], Д.В. Марченко[1, 5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
[4]Институт истории и археологии МАН
[5]Новосибирский государственный университет
[6]Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Хроностратиграфия памятника Харганын-Гол-5 (Северная Монголия)

Многослойный объект Харганын-Гол-5 был обнаружен в долине одноименной реки в Северной Монголии в 2012 г. От места основной концентрации памятников Толборского археологического района его отделяет невысокий хр. Чагтагын-Нуруу, через который проходит перевал, соединяющий долины рек Их-Тулбэрийн-Гол и Харганын-Гол. Стоянка приурочена к делювиальному шлейфу, вытянутому с северо-запада на юго-восток на высоте 1000 м над ур. м. В 2017 г. был проведен отбор образцов для химического, морфоскопического и микроморфологического анализов отложений, а также изучен стратиграфический профиль с целью уточнения границ слоев и однородности некоторых из них. Предварительные данные указывают на отсутствие противоречий между хроностратиграфической схемой памятника и климатической шкалой региона в течение позднего плейстоцена.

Ключевые слова: *палеолит, Монголия, стратиграфия, археологический горизонт, радиоуглеродное датирование.*

A.M. Khatsenovich[1, 2], A.O. Volvakh[3], E.P. Rybin[1, 2], B. Gunchinsuren[4], R.A. Shelepaev[3, 5], A.Yu. Popov[5, 6], Ts. Bolorbat[4], D. Odsuren[4], N.E. Volvakh[3], D.V. Marchenko[1, 5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Altai State University
[3]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
[4]Institute of History and Archaeology MAS
[5]Novosibirsk State University
[6]A.A. Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Chronostratigraphy of the Kharganyn Gol 5 Site (Northern Mongolia)

The multilayered site of Kharganyn Gol 5 was discovered in the valley of the Kharganyn Gol River in Northern Mongolia in 2012. This site is separated from the Tolbor archaeological area with numerous archaeological objects by a low ridge of Chagtagyn-Nuru which has a pass connecting the valleys of the Ikh Tulberiyn Gol and Kharganyn Gol rivers. The site is located on a colluvial slope expanding from northwest to southeast at the height of 1000 m above the sea level. In 2017, samples for chemical and morphoscopic analyses, and micromorphology were taken, and the stratigraphic profile was studied for clarifying the borders of the layers and homogeneity of some of them. Preliminary data indicate that there are no contradictions between the chronostratigraphic sequence of the site and the Pleistocene climatic sequence of the region.

Keywords: *Paleolithic, Mongolia, stratigraphy, archaeological horizon, radiocarbon dating.*

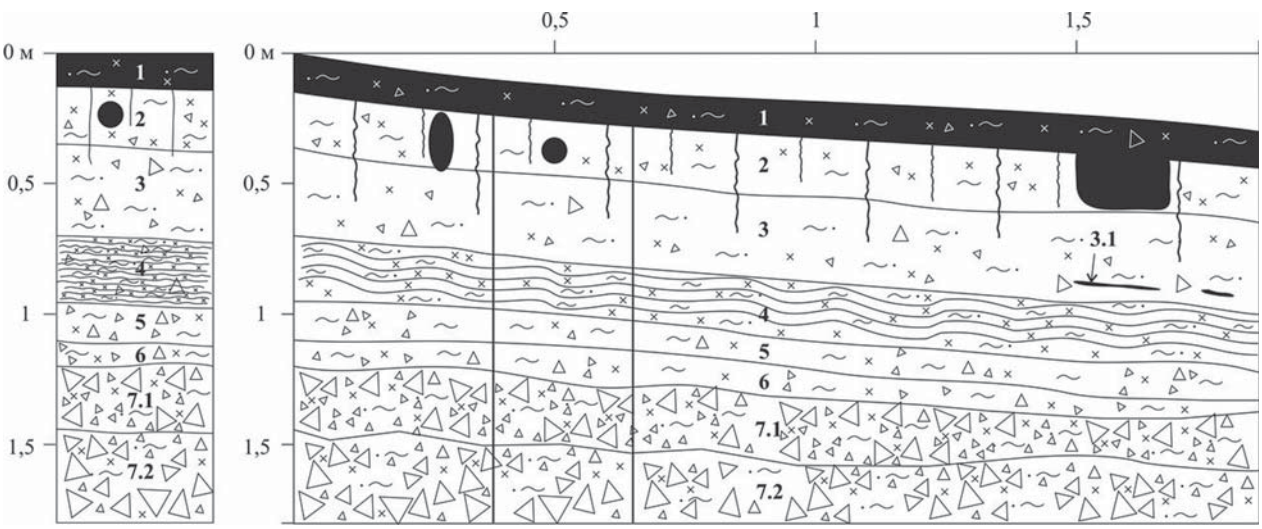
В 2012–2015 гг. на одном из притоков р. Селенги проводились раскопки памятника Харганын-Гол-5, давшего, помимо полной культурной последовательности для подразделов верхнего палеолита, небольшой ассамбляж, датирующийся терминальной фазой среднего палеолита с радиоуглеродным возрастом в интервале >50 – 43 тыс. л.н., первый для территории Северной Монголии. В 2017 г. был вскрыт стратиграфический профиль памятника для отбора образцов с целью проведения химического (рентгенофлуоресцентным методом), гранулометрического анализов, морфоскопии и морфометрии песчаных кварцевых зерен для реконструкции палеоклиматических условий аккумуляции отложений памятника. При отборе образцов была уточнена стратиграфия памятника на основе отложений, зафиксированных на восточной стенке раскопа (см. *рисунок*).

Слой 1 (0–0,15 м) – гумусовый горизонт современной каштановой почвы (МИС 1), представленный супесью коричневой, карбонатной (вскипает при реакции с 10-процентным раствором HCl), слабо уплотнен, пронизан корнями современных растений. Нижняя граница ровная, переход в нижележащий слой четкий по цвету, плотности и смене гранулометрического состава. От границы слоя идут тонкие, шириной 1–3 мм, вертикальные и субвертикальные трещины усыхания, заполненные материалом слоя 1. Редкие включения дресвы и щебня. Слой залегает согласно склону. Мощность 15 см.

Слой 2 (0,15–0,35 м) – карбонатный горизонт современной почвы – лессовидный суглинок, легкий, белесо-серовато-коричневого цвета, более карбонатный, чем слой 1 (более активно вскипает), слабопористый, плотный, пронизан корнями современных растений. Встречается дресва и щебень до 3 см в поперечнике. Отмечены норы землероев диаметром 15 см, заполненные материалом из слоя 1. В верхних 3–5 см слоя наблюдается концентрация мелкой карбонатной белоглазки. Слой без явной текстуры. Верхняя граница разбита субвертикальными тонкими трещинами усыхания шириной до 3 мм, заполненными материалом слоя 1 (по-видимому, современные). Среди клиньев выделяется две генерации: первая имеет глубину проникновения до 0,7 м, трещины расположены на расстоянии 15–20 см друг от друга; клинья второй группы секут слои до глубины 0,4 м и расположены между трещинами первой группы. Нижняя граница ровная, переход четкий по цвету и плотности. Слой имеет покровное залегание. Мощность 20 см.

Слой 3 (0,35–0,70 м) – лессовидный суглинок, легкий, опесчаненный, серовато-коричневый, карбонатный (вскипает, есть редкий псевдомицелий), плотный (менее плотный, чем слой 2), пористый; присутствуют корнеходы; пронизан корнями современной растительности; встречается дресва. Без явной текстуры. Единично присутствуют норы землероев диаметром до 7 см. В нижней части слоя на глубине 0,50–0,55 м справа встречаются красновато-охристые пятна и мелкие угли. Слой пронизан тонкими субвертикальными трещинами усыхания, заполненными супесью слоя 1. Граница слабоволнистая, переход отчетливый по смене текстуры и увеличению количества крупного материала. Слой залегает покровом на нижележащих отложениях. Мощность 25 см. В основании слоя выделен подслой 3.1.

Слой 3.1 (0,60–0,64 м) – гумусированный прослой, представленный фрагментарно в виде отдельных тонких линз мощностью от 1 до 4 см и неболь-

Стратиграфический разрез по восточной стенке раскопа. Харганын-Гол-5.

ших пятен диаметром до 1–2 см по восточной и южной стенкам раскопа, сконцентрированных на одном уровне. Представлен суглинком опесчаненным темно-коричневато-серого цвета, уплотненным, слабопористым, карбонатным. Встречаются мелкие угли и обугленные корнеходы. К прослою приурочены красноватые и оранжевые охристые пятна диаметром до 0,5 см, осколки горных пород. В отдельных местах нижняя граница прослоя имеют красноватую окантовку.

Слой 4 (0,70–0,95 м) представлен чередованием слойков суглинка легкого, опесчаненного, светло-серого с белесым оттенком с более темными слойками суглинка опесчаненного, серовато-коричневого. Светло-серые слойки карбонатные, пористые, уплотненные; есть корнеходы; мощность слойков варьирует от 0,5 до 2,5 см. Серовато-коричневые слойки менее плотные, менее карбонатные, более опесчаненные, пористые, также есть корнеходы. Слойки залегают не горизонтально, имеют волнистую неравномерную текстуру, что может быть связано с облеканием ими крупных обломков. В слое встречаются включения песка, дресвы, мелкого и среднего щебня до 6 см поперечнике, разного петрографического состава. В данном слое их содержание больше, чем в вышележащих слоях. Пронизан корнями современных растений. Граница неровная, волнистая; наклон слоя согласно склону. Переход четкий по смене текстуры и плотности. Мощность слоя 30 см.

Слой 5 (0,95–1,10 м) – суглинок серовато-коричневый, карбонатный, слабо уплотнен (рыхлость за счет большого количества крупного материала), слабопористый. Включает большое количество дресвы и щебня разного петрографического состава, размером до 6 см. Граница неясная, волнистая; уклон по склону к долине; переход слабо заметен по цвету и по плотности. Мощность горизонта не выдержана по разрезу.

Слой 6 (1,1–1,2 м) – суглинок опесчаненный, серовато-коричневый с желтоватым оттенком, уплотнен (менее плотный, чем слой 5), карбонатный, слабопористый, много дресвы и щебня до 7 см. Граница неровная, волнистая; переход отчетливый по гранулометрическому составу. Мощность слоя не выдержана по расчистке.

Слой 7 (1,2–1,7 м) – делювиальный слой, визуально разделенный на две части по размеру обломков и по цвету заполнителя.

Слой 7.1 (1,20–1,45 м) – дресвяно-щебнистые отложения до 8 см в поперечнике, плохосортированные, непромытые; ориентировка большей части уплощенных обломков – ок. 30° к поверхности склона. Заполнитель представлен коричневато-светло-желтой супесью, слабо оглиненной, карбонатной, рыхлой. Слой уплотнен, слоистость неясная. Выделяется несколько отдельных линз с концентрацией более крупного материала. Граница неровная, наклонная; переход по цвету заполнителя и укрупнению обломков.

Слой 7.2 (1,45–1,80 м). Преобладают дресвяно-щебнистые отложения до 8 см в поперечнике, встречаются отдельные отломы размером до 15–17 см. Слоистость неясная, сортировка материала плохая, непромытый. Заполнителем является рыхлая карбонатная желтовато-светло-коричневая супесь.

В разрезе по восточной стенке все слои имеют наклонное залегание к долине, вниз по склону их мощности уменьшаются. В разрезе по южной стенке слои в расчистке лежат субгоризонтально, мощности и основные характеристики состава и строения отложений в целом сохраняются. Для установления генезиса и условий, сопровождавших процесс осадконакопления, послойно отобраны образцы для проведения анализа методом морфоскопии песчаных кварцевых зерен. Согласно предварительному полевому описанию, слои 1–3 имеют эоловое происхождение, что подтверждается их цветом, типом отложений и покровным залеганием. Слои 1 и 2 представляют собой профиль современной голоценовой почвы, сформировавшейся на лессовидном суглинке слоев 2, 3. Наличие системы тонких трещин усыхания свидетельствует об эпизоде аридизации. Слой 4 по морфотипическим признакам выделяется среди остальных слоев, главным образом за счет своей полосчатой текстуры. Различие в цвете слойков данного слоя, по-видимому, связано с разницей в гранулометрическом составе и неодинаковой степенью окарбонатизированности отложений, что может быть связано с большей или меньшей аридностью обстановки формирования. Светло-серые слойки более карбонатные и имеют более легкий механический состав, чем серовато-коричневые. Это может свидетельствовать об их осадконакоплении в более сухих условиях. В данном слое возрастает содержание обломочного материала, что говорит о большем участии склоновых процессов. По предварительным данным, формирование отложений проходило за счет эоловых и делювиальных процессов. Возрастание доли крупного материала в нижележащих слоях 5 и 6 вместе со слабой пористостью самих отложений позволяют предположить, что на их формирование в большей степени влияли делювиальные процессы. Слой 7 представляет как минимум две фазы делювиальных процессов.

Каждый литологический слой соответствует археологическому горизонту. Горизонты 1

и 2 содержат смешанный разновременной материал от раннего верхнего палеолита (долгое время остававшийся экспонированным) до бронзового века. Горизонт 3 представляет финальную стадию верхнего палеолита, датируемую 15 440–15 240 кал. л.н. – временем, совпадающим с холодным событием Хайнрих 1. Свидетельства присутствия человека в это время на других стоянках в бассейне р. Селенги являются косвенными, они обнаружены на памятниках Толбор-4, -15 и -16, в слоях, залегающих выше хронологической отметки в 19–17 тыс. кал. л.н.

Маркеры аридизации в слое 3 памятника Харганын-Гол-5 в виде трещин усыхания были отмечены в предположительно синхронных слоях на вышеуказанных стоянках. В целом, это говорит об активном освоении региона в прохладных аридных условиях в финале верхнего палеолита. Анализ индустрий этого времени указывает на существование единого технокомплекса с развитым микрорасщеплением.

Горизонт 4, для которого нет радиоуглеродных определений, исходя из стратиграфического положения и характеристики каменного инвентаря мог сформироваться в течение последнего максимума оледенения: генезис литологического слоя 4 и его полосчатая (ламинарная) структура могут указывать на значительные климатические флуктуации. Этот своеобразный археологический комплекс содержит геометрические изделия в виде трапеций и мелкопластинчатую индустрию, имеющую типологические связи с комплексами горизонта 3 Толбора-4, горизонта 4 Толбора-16, горизонта 2 Толбора-21, датируемыми интервалом 19–17 тыс. кал. л.н.

Слои 5–7 формировались в условиях делювиальных процессов, что обусловило неясные границы между ними. Даты, полученные для слоя 5, в интервале 35 500–42 000 кал. л.н., вместе с типологической характеристикой ассамбляжа, позволяют отнести комплекс к раннему верхнему палеолиту, вероятно, с компонентом начального верхнего палеолита. На это время приходится период относительно благоприятной климатической обстановки с затяжными теплыми стадиалами. Слои 6 и 7 содержат комплекс среднего палеолита; их даты в интервале >50 – 46 тыс. кал. л.н., указывают на хронологический перерыв с вышележащими слоями в 4 тыс. лет.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 17-06-00591А, 16-05-00371_а.

УДК 902/903.02

Ю.Б. Цетлин,[1] В.Е. Медведев[2]

[1]Институт археологии РАН
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

Новые результаты изучения керамики поселений начального и раннего неолита Казакевичево и Сучу в Приамурье

В статье представлены результаты всестороннего изучения традиций в технологии изготовления, формах, орнаментации и использовании посуды у носителей осиповской и мариинской неолитических культур в российском Приамурье. Осиповская культура является древнейшей неолитической культурой, и ее керамика отражает первые этапы становления гончарного производства в истории человечества. Керамика мариинской культуры характеризует следующий этап развития гончарства и относится к раннему неолиту на этой территории. По совокупности полученных результатов изучения традиций во всех областях древнего гончарства у носителей обеих культур авторы приходят к выводу, во-первых, о том, что эти изделия оставлены разными в этнокультурном плане группами древнего населения, во-вторых – о высоком культурном единстве «мариинцев».

Ключевые слова*: неолит Приамурья, керамика, историко-культурный подход, технико-технологический анализ, формы, орнамент.*

Yu.B. Tsetlin[1], V.E. Medvedev[2]

[1]Institute of Archaeology RAS
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

New Research Results of Pottery from the Kazakevichevo and Suchu Settlements of the Initial and Early Neolithic in Priamurie

The article analyzes traditions and techniques of pottery production, vessel shapes and decoration, as well as pottery use by the carriers of the Osipovka and Mariinskoe Neolithic cultures in the Russian Lower Amur region. The Osipovka culture is one of the earliest in the world, and its pottery reflects the initial stage of pottery production in the human history. Pottery of the Mariinskoe culture belongs to the next stage in ancient pottery production of the Early Neolithic period in that region. Analyzing the total data on ancient pottery traditions among the carriers of both cultures, the authors conclude that these pottery objects were produced by two different cultural groups of ancient population, and emphasize high cultural homogeneity of the Mariinskoe population.

Keywords*: Neolithic of Priamurie, pottery, historical and cultural approach, technical and technological analysis, vessel shapes, decoration.*

В статье вводятся в научный оборот новые исследовательские результаты, полученные при изучении древнейшей и ранненеолитической керамики поселений, расположенных у с. Казакевичево и на о-ве Сучу в Нижнем Приамурье. Материалы из раскопок под руководством А.П. Окладникова в 1959 и 1960 гг. разнокультурного неолитического памятника Казакевичево, находящегося на правом берегу протоки Амурской неподалеку от впадающей в нее р. Уссури [Медведев, Филатова, 2015], относятся к пяти сосудам осиповской культуры (рис. 1, *1*) и к 31 сосуду мариинской культуры (рис. 1, *2–8*), а материалы из раскопок В.Е. Медведева в 1999 г. поселения на о-ве Сучу, расположенном между протокой Мариинской и основным руслом Амура, включают обломки от 35 сосудов мариинской культуры (рис. 2). Бытование осиповской неолитической культуры относится к XII–IX тыс. до н.э., а мариинской – к VIII–VII тыс. до н.э. [Медведев, Филатова, 2014, с. 5].

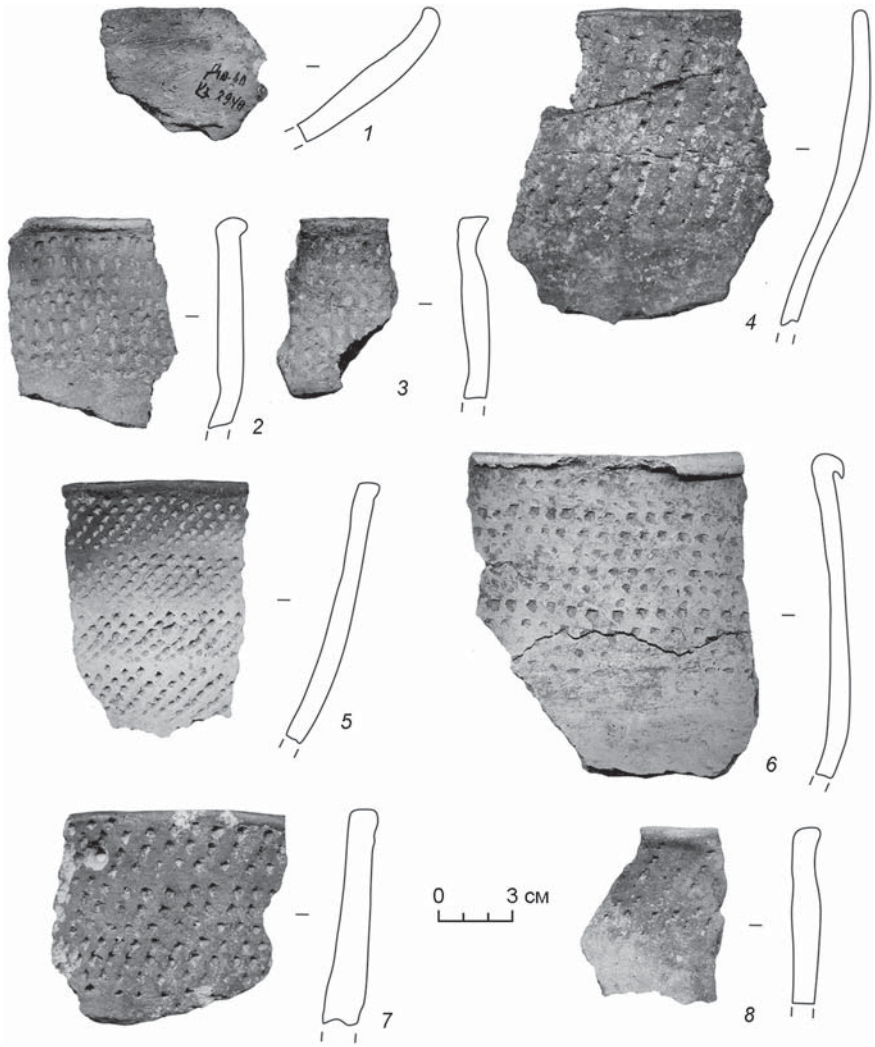

Рис. 1. Осиповская (*1*) и мариинская (*2–8*) керамика поселения Казакевичево.

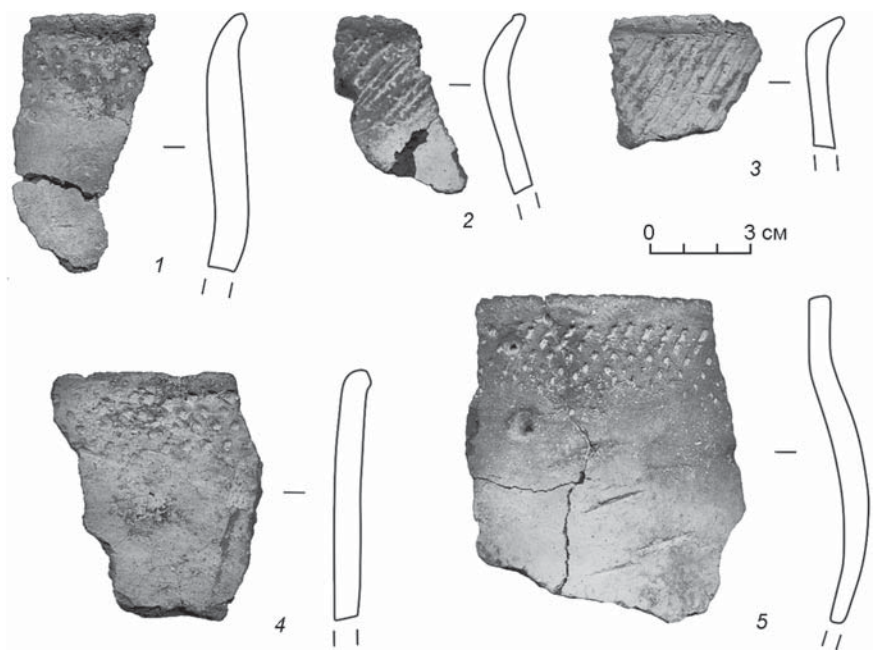

Рис. 2. Мариинская керамика поселения Сучу.

Керамика из раскопок поселения на о-ве Сучу, результаты анализа которой изложены в данной статье, представляет собой дополнительную коллекцию. Ранее керамика мариинской культуры этого памятника уже изучалась в лаборатории Института археологии РАН, и полученные данные были опубликованы в специальной статье [Цетлин, Медведев, 2014].

Всестороннее исследование керамики, хранящейся в Институте археологии и этнографии СО РАН, проводилось с позиций историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, разработанного А.А. Бобринским [1978, 1999] и предполагало, во-первых, выделение конкретных технико-технологических и культурных традиций древних гончаров, во-вторых, использование этих данных для реконструкции истории древнего населения [Цетлин, 2012]. Программа анализа включает четыре направления: 1) технику и технологию изготовления сосудов; 2) орнаментацию посуды; 3) естественную структуру форм сосудов; 4) сферы их использования в быту.

Полнота и надежность полученных данных зависели от сохранности самого керамического материала и от наличия на поверхности и в изломах изделий технологических и иных следов, которые несут информацию о гончарных традициях. Поэтому не для всех обломков керамики удалось получить полный набор данных. Анализ керамики выполнен сотрудниками группы «История керамики» Института археологии РАН. Полученные данные в краткой форме представлены в *таблице*.

Результаты анализа керамики осиповской культуры

Проведенный анализ обломков от пяти сосудов осиповской культуры с поселения Казакевичево позволяет сделать ряд выводов: во-первых, на поселении работало (возможно, в разное время) несколько гончаров, добывавших илистое сырье в разных местах залегания; во-вторых, допустимо предполагать бытование как минимум двух групп носителей разных технико-технологических традиций изготовления сосудов. Об этом свидетельствуют два вида формовочных масс, использование при конструировании посуды форм-основ и форм-емкостей, два разных режима термической обработки сосудов.

В целом, полученные выводы почти полностью соответствуют традициям гончаров осиповской культуры, выявленным по другим памятникам [Медведев, Цетлин, 2013, 2014; Цетлин, Медведев, 2015]. Исключение составляют случаи применения неполного обжига в окислительной среде с медленным остыванием сосуда и наличие налепного валика с насечками на поверхности сосуда. Эти особенности могут косвенно указывать на несколько более развитый характер гончарных традиций, чем у обитателей поселений Госян и Гася, сопоставимый с традициями относительно более позднего поселения Осиповка-1.

Результаты анализа керамики мариинской культуры

Во-первых, обращает на себя внимание достаточно высокое сходство данных по материалам поселений Казакевичево и Сучу, что позволяет рассмотреть их суммарно, отметив только некоторые различия; во-вторых, бросается в глаза значительно большее разнообразие гончарных традиций и их несомненное более высокое развитие по сравнению с осиповским гончарством.

Вся система гончарных традиций носителей мариинской культуры характеризуется значительной однородностью. Это выражается в использовании гончарами в качестве пластичного сырья только природной глины (97–100 %), составлении формовочной массы по рецепту «глина + шамот + органический раствор» (97–100 %), конструирование сосудов лоскутным налепом на форме-основе (77–84 %), декорирование изделий гребенчатым орнаментом и только в верхней части сосуда (89–94 %), единая естественная структура форм сосудов – губа + предплечье + тулово + основание тулова (43–92 %). В последнем случае различие данных по материалам двух поселений связано с тем, что по керамике с о-ва Сучу естественную структуру форм удалось определить не для всех сосудов. Некоторое разнообразие традиций обоих поселений проявляется в способах обработки поверхности изделий, режимах обжига и сферах использования сосудов.

Отмеченные факты позволяют сделать вывод о существовании на поселении группы гончаров – носителей достаточно монолитного «ядра» культурных традиций. Некоторая неоднородность этих традиций связана с какими-то (скорее всего, нерегулярными) контактами с носителями других культурных традиций. Так, на поселении Сучу имеется случай заглаживания поверхности сосудов пучком травы (3 %); реже, чем на Казакевичево, использовалось заглаживание кожей (16 %); больше были распространены статические отпечатки (42 %); значительно чаще применялся длительный низкотемпературный обжиг в восстановительной среде (ок. 40 %); совершенно не отмечены сосуды с субстратной естественной структурой «губа + тулово + основание тулова».

Основные результаты изучения керамики осиповской и мариинской культур Нижнего Приамурья, %

Вид информации	Культура		
	осиповская	мариинская	
	Казакевичево	Казакевичево	Сучу, раскоп IX
Пластичное сырье			
Равнинный ил	60,0		
«Горный» ил	40,0		3,0
Глина		100,0	97,0
Формовочная масса			
С органическим раствором	60,0	3,0	
Без добавок	40,0		
ШЗ + органический раствор		97,0	100,0
Конструирование			
Лоскутный налеп	100,0	84,0	77,0
Форма-основа	80,0	48,0	49,0
Форма-емкость	20,0		
Заглаживание травой	40,0		3,0
Заглаживание кожей	20,0	56,0	16,0
Заглаживание галькой		29,0	6,0
Статические следы	40,0		42,0
Слабая залощенность		15,0	
Режимы обжига			
Длительный, < t каления		23,0	40,0
Длительный восстановительный + короткий окислительный	40,0	48,0	57,0
Окислительный неполный	60,0	29,0	3,0
Орнамент			
Гребенчатый	20,0	94,0	89,0
Ямочный		3,0	
Фигурный		2,0	
Веревочный		1,0	
Гладкий штамп			14,0
Окрашивание		6,0	
Налепной валик с насечками	20,0		
Обваривание	20,0	6,0	
Без орнамента	40,0		
Сфера использования			
Холодная	60,0	32,0	14,0
Горячая	20,0	58,0	66,0
Не явная	20,0	10,0	
*Естественная структура форм сосудов**			
Г + Т + ОТ	20,0	8,0	
Г + ПП + Т + ОТ		92,0	43,0
Г + Щ + ПП + Т + ОТ			9,0
Г + Щ + ПП + Т + ОТ			9,0

Примечание. Отступление от 100 % по отдельным видам информации связано либо с отсутствием данных, либо с наличием на сосуде нескольких орнаментов.

*Г – губа; Т – тулово; ПП – предплечье; Щ – щека; ОТ – основание тулова.

Кроме того, изложенные в данной статье результаты изучения керамики поселения Сучу (раскоп IX) оказались очень близки к тем результатам, которые были получены при технико-технологическом анализе первой части коллекции керамики с данного раскопа [Цетлин, Медведев, 2014].

Подводя итоги, следует еще раз обратить внимание на тот факт, что, судя по изученным как прежде,

так и сейчас керамическим материалам, изготовители керамики осиповской и мариинской культур Приамурья владели разными технико-технологическими и морфологическими традициями производства глиняной посуды. Это определенно свидетельствует, что мы имеем дело с двумя различными в культурном и, скорее всего, этническом плане группами древнего населения, которые если и контактировали между собой, то лишь эпизодически.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 15-06-00246.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Самар. гос. пед. ун-т. 1999. – С. 5–109.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Керамика эпохи неолита Нижнего Приамурья (орнаментальный аспект). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 168 с.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Современный взгляд на неолитические комплексы с поселений у села Казакевичево (по материалам исследований 1959–1960 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 107–111.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б. Технико-технологический анализ древнейшей керамики Приамурья (13–10 тыс. л.н.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 94–107.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б. Новые данные о керамике начального и раннего неолита Нижнего Приамурья // Евразия в кайнозое: мат-лы Всерос. конф. 2–4 декабря 2014 г. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014. – С. 77–83.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.

Цетлин Ю.Б., Медведев В.Е. Керамика мариинской культуры Нижнего Приамурья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4. – С. 43–53.

Цетлин Ю.Б., Медведев В.Е. Гончарство осиповской культуры Приамурья (11–13 тыс. лет назад) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: мат-лы Междунар. симп. 29–31 октября 2013 г. – М.: ИА РАН, 2015. – С. 298–312.

References

Bobrinsky A.A. Goncharstvo Vostochnoj Evropy. Istochniki i metody izucheniya. Moscow: Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.).

Bobrinsky A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva*. Samara: State Ped. Univ., 1999, pp. 5–109 (in Russ.).

Medvedev V.E., Filatova I.V. Keramika epohi neolita Nizhnego Priamur'ja (ornamental'nyj aspekt). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, 168 p. (in Russ.).

Medvedev V.E., Filatova I.V. Sovremennyj vzgljad na neoliticheskie kompleksy s poselenij u sela Kazakevichevo (po materialam issledovanij 1959–1960 godov.). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 107–111 (in Russ.).

Medvedev V.E., Tsetlin Ju.B. Technological analysis of the earliest ceramics from the Amur region (13–10 thousand years BP). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2013, No. 4, pp. 94–107.

Medvedev V.E., Tsetlin Ju.B. Novye dannye o keramike nachal'nogo i rannego neolita Nizhnego Priamur'ja. In *Evrazija v kajnazoe: materialy Vserossijskoj konferencii. 2–4 dekabrja 2014 goda.* Irkutsk: Irkut. State Univ. Press, 2014, pp. 77–83 (in Russ.).

Tsetlin Ju.B. Drevnia keramika. Teoria i metody istoriko-kulturnogo podkhoda. Moscow: Institute of Archeology RAS Publ., 2012, 384 p. (in Russ.).

Tsetlin Ju.B., Medvedev V.E. Ceramics of the Mariinskoye kulture from the Lower Amur. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2014, No. 4, pp. 43–53.

Tsetlin Y.B., Medvedev V.E. Goncharstvo osipovskoj kul'tury Priamur'ja (11–13 tys. let nazad). In *Sovremennye podhody k izucheniju drevnej keramiki v archeologii: Mezhdunarodnyj simpozium. 29–31 oktjabrja 2013*. Moscow: Institute of Archeology RAS Publ., 2015, pp. 298–312 (in Russ).

УДК 903.27

Д. Цэвээндорж[1], В.И. Молодин[2, 3], Д.В. Черемисин[2, 3], К. Кретэн[4], Л.В. Зоткина[2, 3], Б. Натсаг[1], А.Л. Нестеркина[3]

[1]Институт археологии МАН
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
[3]Новосибирский государственный университет
[4]Национальный музей первобытной истории, Франция
E-mail: cheremis@archaeology.nsc.ru

Изучение древнейшего пласта наскальных изображений Монголии в 2017 году: памятники Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур

В статье представлены предварительные результаты работы совместной Российско-монгольско-французской экспедиции в Монгольский Алтай. Целью полевых исследований на границе с плато Укок было получение сравнительных данных о наиболее древних петроглифах на памятниках Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур, опубликованных ранее международным коллективом ученых и отнесенных к каменному веку. В ходе работ, включавших картографирование, копирование и трасологическое изучение петроглифов, были исследованы ранее известные и открыты новые рисунки архаичного облика (фигуры мамонтов, лошадей, быков, баранов). Эти изображения животных, аналогичные петроглифам Калгутинского рудника на Укоке, отличает общность стиля и технологии нанесения на скальные поверхности. По мнению авторов, данный пласт петроглифов является древнейшим на Алтае и относится к концу верхнепалеолитической эпохи.

Ключевые слова: *Монгольский Алтай, древнейшие петроглифы, картографирование, трасология.*

D. Tsehvehehndorzh[1], V.I. Molodin[2, 3], D.V. Cheremisin[2, 3], C. Cretin[4], L.V. Zotkina[2, 3], B. Natsag[1], A.L. Nesterkina[3]

[1]Institute of Archaeology MAS
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[3]Novosibirsk State University
[4]National Center of Prehistory, France
E-mail: cheremis@archaeology.nsc.ru

Study of the Oldest Layer of Rock Paintings of Mongolia in 2017: Locations Tsagaan-Salaa and Baga-Oigur

Preliminary results of the joint Russian-Mongolian-French expedition to the Mongolian Altai are presented in the article. The field research on the border with the Ukok Plateau (Russia) was conducted for obtaining comparative data on the most ancient petroglyphs of Tsagaan-Salaa and Baga-Oigur. The previously known and new petroglyphs of archaic appearance (figures of mammoths, horses, bulls, and rams) were examined using mapping, copying and trace analysis. These images of animals show similar features (common style and technique of representing on rock surfaces) with the petroglyphs of the Kalgutinsky Rudnik on the Ukok Plateau. According to the authors, this layer of petroglyphs is the earliest in the Altai and belongs to the end of the Upper Paleolithic.

Keywords: *Mongolian Altai, earliest petroglyphs, mapping, trace analysis.*

В рамках проекта по изучению наскального искусства Северной Азии на базе Новосибирского государственного университета и Университета Бордо (Франция) была организована совместная Российско-монгольско-французская экспедиция в Монгольский Алтай, в долины, непосредственно граничащие с плато Укок, где в последние годы в рамках работ «зеркальной» лаборатории

Новосибирского государственного университета и совместной российско-французской лаборатории (LIA ARTEMIR) проводились исследования древнейшего пласта наскальных изображений памятника Калгутинский рудник [Черемисин и др., 2014, 2015; Молодин и др., 2016]. Изучение этого памятника, начатое в 90-е гг. прошлого столетия, позволило выделить древнейший пласт петроглифов, отнесенных к верхнепалеолитической эпохе [Молодин, Черемисин, 1999]. Последующие исследования Российско-французской экспедиции открыли новые свидетельства, подтверждающие эту гипотезу [Черемисин и др., 2015; Молодин и др., 2016].

В 2017 г. были проведены совместные исследования на памятниках Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур, первооткрывателем которых является академик МАН Д. Цэвээндорж. В 1990-е гг. на этих объектах работала Российско-монгольско-американская экспедиция, возглавляемая Д. Цэвээндоржем, В.Д. Кубаревым и Э. Якобсон. Результатами явилась серия публикаций (см.: [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 1995]), вышедшая во Франции двухтомная монография, в которой в научный оборот был введен весь пласт открытых петроглифов, а также выполнена комплексная работа по их датированию [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001a, b]. Несмотря на разногласия в хронологической трактовке, авторы единодушно выделили древнейший пласт петроглифов, отнеся его к эпохе камня [Ibid]. Тем не менее в вопросе о палеолитической принадлежности ряда изображений исследователи не пришли к единому мнению.

Целью наших работ было выявление древнейшего пласта наскальных рисунков. Осмотр петроглифов Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура показал наличие серии изображений, не изученных нашими предшественниками. Без сомнения, их еще немало осталось и после нашего достаточно беглого осмотра огромного горного массива, насчитывающего не один десяток квадратных километров. Такое положение дел связано с несовершенством методики работы на подобных грандиозных по площади объектах, когда исследователями «выхватываются» хорошо видимые в этот день и час изображения. Предлагаемые карты-схемы наскальных фигур составляются крайне условно, что затрудняет поиск открытых композиций. В наших работах мы попытались хотя бы частично исправить ситуацию, фиксируя положение рисунков при помощи GPS-навигатора, определяющего точные географические координаты отдельных плоскостей и фигур. Все изученные в 2017 г. наскальные изображения, в т.ч. и ранее неизвестные, были внесены в банк данных с полным описанием как самих фигур, так и контекста, зафиксированы с применением различных приемов фотографии (фотограмметрии, макросъемки); выполнены прорисовки.

Первоначально мы провели обследование участков Бага-Ойгур II и Бага-Ойгур III, где были обнаружены изображения трех мамонтов [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001a]. Опубликованная композиция, где основными персонажами являлись два мамонта [Ibid, p. 907], при тщательном осмотре скалы была дополнена другими, синхронными мамонтам, фигурами. Речь идет о двух изображениях оленей и фигуре животного неопределенного вида, выполненных в калгутинской манере. Особенно сильное впечатление производит выбитая рядом с мамонтами голова быка с направленными вперед рогами и дугообразный знак, смысл которого непонятен*. Обе эти фигуры выбивались, несомненно, каменным орудием и имеют черный блестящий загар. На скале с этими изображениями нами была выявлена еще одна небольшая серия петроглифов. Трасологический анализ показал, что изображения оленей, голова быка и знак выполнены каменным орудием, – следовательно, их палеолитический возраст более чем вероятен.

Более детальная съемка и трасологический анализ были проведены для еще одной открытой ранее фигуры мамонта [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001a, fig. 312; 2001b, pl. 296]. Рядом с этими фигурами в пункте Бага-Ойгур II (на террасе, ее склоне и на скалистом прижиме) были произведены исследования с целью выявления ранее неизвестных изображений, аналогичных калгутинскому пласту, который мы позиционируем как палеолитический. В результате к 13 изображениям (среди них один палимпсест), ранее выявленным и опубликованным коллегами [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001a, b], добавились еще 24 фигуры, среди которых один палимпсест**. По стилистической манере воспроизведения образов животных и архаичным технологическим характеристикам эти петроглифы сопоставимы с древними изображениями Калгутинского рудника.

К данному пласту петроглифов также относятся открытое нами в пункте Бага-Ойгур II, 26 изображение быка, абсолютно реалистичное и архаичное с технологической точки зрения, и фигура горного барана в Бага-Ойгуре II (ВО II), 21, выполненная в характерной для калгутинского пласта манере.

*Фотографию этой композиции см.: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001b, pl. 293].

**В связи стем, что нами была открыта серия новых, ранее неизвестных изображений, мы были вынуждены ввести дополнительную маркировку изображений (сквозными цифрами), сохранив обозначение определенного ранее участка памятника.

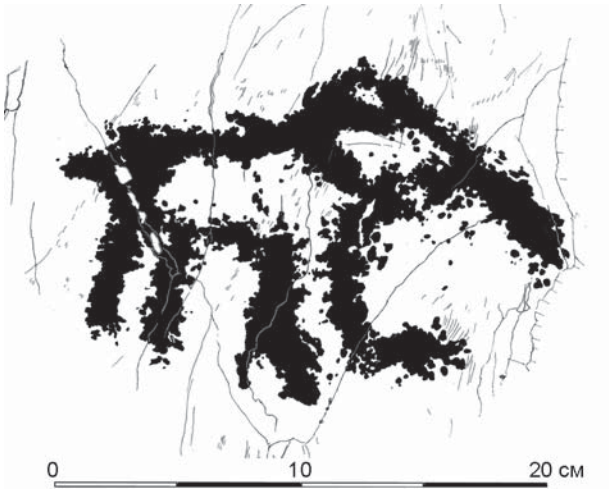

Рис. 1. Фигура «мамонтенка». Бага-Ойгур III.

На этом же камне обнаружено изображение ВО II, 22, определенно напоминающее носорога, похожее на фигуру из Аршан-Хада (Центральная Монголия), которую А.П. Окладников определял как палеолитическую [1983].

В данном скоплении, насчитывающем 25 петроглифов, следует особо отметить два скальных выхода с изображениями лошадей [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001a, fig. 821, 901; 2001b, fig. 378, 289]. Лошади выполнены в характерной калгутинской манере: контурно, прерывистыми линиями; передан редкий сюжет – две лошади изображены в момент спаривания, при этом нижнее животное почти идентично одному из изображений Калгутинского рудника [Молодин, Черемисин, 1999, с. 50, рис. 28].

Среди массива петроглифов, который продолжается далее на восток на той же террасе и обозначен как Бага-Ойгур III (см.: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001b]), мы скопировали известную фигуру мамонта [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001a, fig. 912], уточнив отдельные детали изображения; установили координаты плоскости и провели поиск новых петроглифов калгутинского облика. В результате на этой террасе было обнаружено еще одно изображение маленького мамонта (рис. 1), маркированного нами как ВО III, 25, а также три скопления изображений в калгутинском стиле.

Две плоскости с палимпсестами, маркированные нами как ВО III, 27 и 28, находятся в непосредственной близости друг от друга. Вторая из них представлена в фотоальбоме: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001b, pl. 300]). Особенно интересен первый палимпсест, где на валуне изображены фигуры быков, выполненные в калгутинском стиле, перекрытые более молодыми изображениями.

На следующем сосредоточении близко расположенных валунов с петроглифами, открытом нашей экспедицией (маркировка ВО III, 29–33), представлены изображения лошади, козла (рис. 2*а*), самки марала (?), быка, перекрытого более молодыми петроглифами, и зооморфа, у которого утрачена голова. Техника нанесения, степень сохранности сближает их как с калгутинскими (см.: [Молодин, Черемисин, 1999, рис. 13–17]), так и с уже упомянутыми выше фигурами быков ВО II, 17, 26. Особенно замечательно изображение лошади ВО III, 32 (рис. 2*б*), стилистически аналогичное одному из петроглифов Калгутинского рудника [Молодин, Черемисин, 1999, с. 48, рис. 26].

Еще одно скопление древнейших рисунков обнаружено на трех валунах на той же террасе (ВО III,

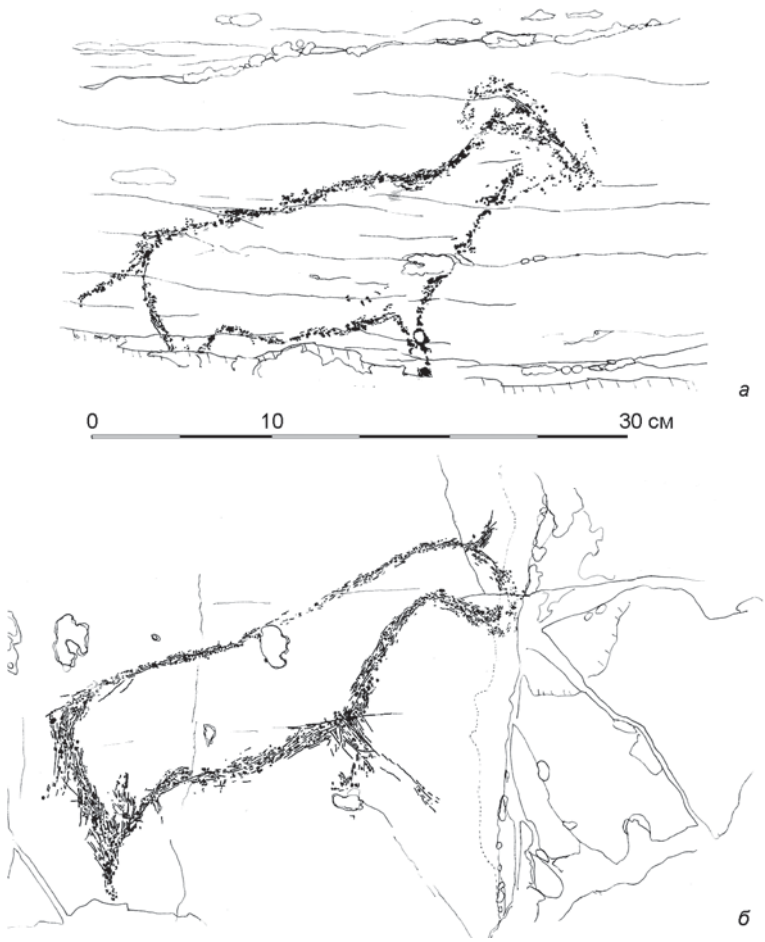

Рис. 2. Фигуры козла (*а*) и лошади (*б*). Бага-Ойгур III.

34–36). На первом валуне (Бага-Ойгур III, 34) в калгутинской манере изображен баран. На втором имеется парциальное изображение головки животного, на третьем – фигура лошади, выполненная с соблюдением всех калгутинских канонов, аналогичная петроглифу Бага-Ойгур III, 32.

Были изучены также некоторые петроглифы Цаган-Салаа, открытые нашими предшественниками. Речь идет еще об одном изображении мамонта [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001a, p. 99, pl. 120] и лошади. Эта фигура, выполненная в калгутинской традиции, выбита на горизонтальной плоскости на господствующей высоте местных гор [Ibid., p. 170, fig. 116]. На памятнике был исследован палимпсест из Цагаан-Салаа IV, зафиксированный в указанных монографиях [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 611, фото 7], где архаичный пласт петроглифов представлен фигурами «калгутинских» лошадей, перекрытых более поздними изображениями. Значимость этого палимпсеста столь велика, что заслуживает специального изучения.

В результате работ экспедиции было открыто и документировано 35 изображений и два палимпсеста раннего калгутинского пласта, относящихся, вероятнее всего, к концу верхнепалеолитической эпохи.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 16-56-16019/17.

Список литературы

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Исследования в Монголии // АО 1994 года. – М.: Наука, 1995. – С. 324–325.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск; Улан-Батор; Юджин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160с.

Молодин В.И., Черемисин Д.В., Кретэн К., Зоткина Л.В., Женест Ж.-М., Мыльников В.П. Исследование петроглифов на плоскогорье Укок в рамках российско-французской экспедиции в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 361–365.

Окладников А.П. Древнейшие петроглифы Аршан-Хада (Монголия, Хентей) // Пластика и рисунки древних культур: Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 27–33.

Черемисин Д.В., Зоткина Л.В., Плиссон Х., Кретан К. Исследование петроглифов Калгутинского рудника в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Том XX. – С. 314–317.

Черемисин Д.В., Зоткина Л.В., Плиссон Х., Кретан К., Женест Ж.-М., Деллануа Ж.-Ж. , Раванель Л., Делин Ф. Исследование петроглифов Российского Алтая в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 441–445.

Jacobson E., Kubarev D.V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa / Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. JAS n° 6: Textes et Figures. – Paris, 2001a. – 481 p.

Jacobson E., Kubarev D.V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa / Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. JAS n° 6: Planches. – Paris, 2001b. – 256 p.

References

Cheremisin D.V., Zotkina L.V., Plisson H., Cretin C. Issledovanie petroglifov Kalgutinskogo rudnika v 2014 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territorie.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 314–317 (in Russ.).

Cheremisin D.V., Zotkina L.V., Plisson H., Cretin C., Geneste J.-M., Dellanoy J.-J., Ravanel L., Deline F. Issledovanie petroglifov Rossiiskogo Altaya v 2015 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 441–445 (in Russ.).

Jacobson E., Kubarev D.V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa / Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. JAS n° 6: Textes et Figures. Paris, 2001a, 481 p.

Jacobson E., Kubarev D.V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa / Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. JAS n° 6: Planches. Paris, 2001b, 256 p.

Kubarev V.D., Tseveendorzh D., Jakobson E. Issledovaniya v Mongolii. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1994*. M.: Nauka, 1995, pp. 324–325 (in Russ.).

Kubarev V.D., Tseveendorzh D., Yakobson E. Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oigura (Mongol'skii Altai). Novosibirsk; Ulan-Bator; Eugene: IAET SB RAS Publ., 2005, 640 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Drevneishie naskal'nye izobrazheniya ploskogor'ya Ukok. Novosibirsk: Nauka, 1999, 160 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V., Cretin K., Zotkina L.V., Geneste J.-M., Myl'nikov V.P. Issledovanie petroglifov na ploskogor'e Ukok v ramkakh rossiisko-frantsuzskoi ekspeditsii v 2016 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 361–365 (in Russ.).

Okladnikov A.P. Drevneishie petroglify Arshan-Khada (Mongoliya, Khentei). In *Plastika i risunki drevnikh kul'tur: Pervobytnoe iskusstvo*. Novosibirsk: Nauka, 1983, pp. 27–33 (in Russ.).

УДК 572, 902.01

А.Н. Чеха, М.С. Кишкурно, О.В. Батанина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Археологическая и антропологическая характеристика материалов из слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей (Северное Приангарье)

Широкомасштабные археологические работы на территории Северного Приангарья, связанные с возобновлением строительства Богучанской ГЭС, позволили накопить значительный объем фактического материала, который требует интерпретации и согласования с культурно-хронологической схемой региона. В 2010–2011 гг. проведены исследования на памятниках в устье р. Кутарей (Устье Реки Кутарей, Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный, Гора Кутарей), в результате которых были выявлены наиболее перспективные участки, получена представительная коллекция артефактов. В данной работе приведен анализ археологического материала из слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей и антропологического материала из погребения, обнаруженного под указанным слоем. Это позволит расширить источниковую базу эпохи неолита – раннего палеометалла региона.

Ключевые слова: *Северное Приангарье, неолит, эпоха палеометалла, компрессионный характер отложений, каменные индустрии, керамический комплекс, краниология, остеология, одонтология.*

A.N. Chekha, M.S. Kishkurno, O.V. Batanina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

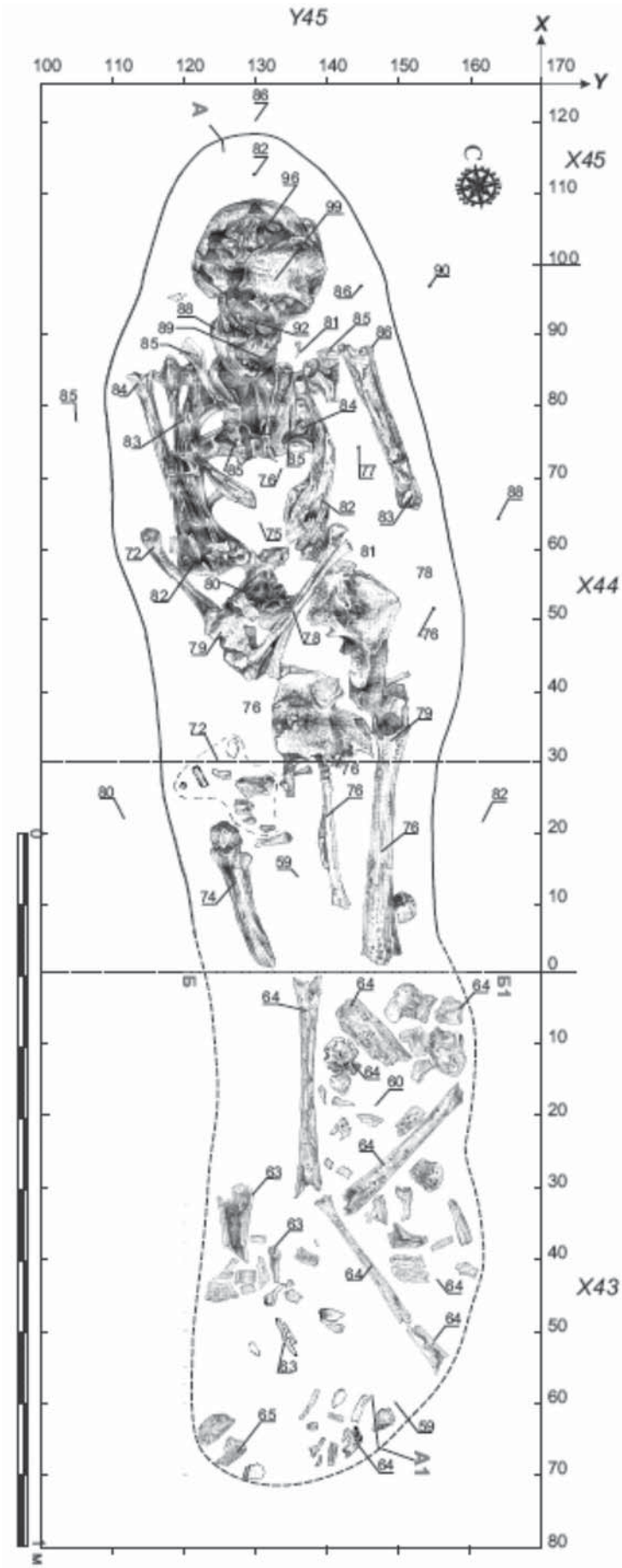
Archaeological and Anthropological Features of Layer 3 at the Site of Ustie Reki Kutarey (Northern Angara Region)

Wide-scale archaeological works in the Northern Angara region, associated with the resumed construction of the Boguchany hydroelectric power station, have made it possible to accumulate large amount of archaeological records which require interpretation and coordination with the cultural and chronological framework of the region. In 2010–2011, research was done at the sites in the mouth of the Kutarey River (Ustie Reki Kutarey, Senkin (Siniy) Kamen, Ruchei Povarnyi, Gora Kutarey), resulting in identification of the most promising areas and in gathering a significant collection of artifacts. This article analyzes archaeological materials from layer 3 of the Ustie Reki Kutarei site and anthropological remains discovered underneath that layer. This makes it possible to significantly extend the source base of the Neolithic and Bronze Age in that region.

Keywords: *Northern Angara region, Neolithic, paleometal, layers of "compressed" nature, stone industries, pottery complexes, craniology, osteology, odontology.*

Стоянка Устье Реки Кутарей располагается на левом берегу р. Ангара в 15 км ниже по течению от с. Кежма, на правом берегу в устье р. Кутарей. Этот регион относится к Северному Приангарью. Это западная часть Средней Сибири (часть Среднесибирского плоскогорья, Енисейского кряжа, Канско-Тасеевской впадины), примыкающая к Западно-Сибирской равнине.

К основным проблемам исследования региона следует отнести преимущественно стояночный характер памятников с отсутствием закрытых комплексов, слабую стратифицированность отложений на краю прибрежных террас, где располагается большинство местонахождений, компрессионный характер отложений (макрослоистость), высокую степень естественных и техногенных нарушений. На памятниках в устье р. Кутарей выделяются обширные участки (до 200 м^2) с четким разделением стратиграфических слоев, что в данной ситуации особенно важно.

Наиболее насыщенным артефактами и перспективным для изучения является слой 3, содержащий изделия из камня и фрагменты керамики. Каменная индустрия слоя насчитывает 25 984 артефактов. В северо-восточной части раскопа обнаружено и исследовано погребение (зафиксировано под стратиграфическим слоем 3) (рис. 1). Умерший был погребен в вытянутом положении, на спине, головой на север. Погребение располагалось параллельно течению р. Ангары. Кости ног и череп обнаружены в потревоженном состоянии, центральная часть сохранилась в непотревоженном виде. В области таза погребенного лежали два камня без признаков обработки. Помимо костей погребение археологических материалов не содержало. Вероятно, погребение было совершено в зимнее время, предварительно грунт был отогрет кострищем, при этом слой приобрел слабый красный оттенок. После совершения погребения яма заполнялась ранее прокаленной супесью, что и маркировало ее границы. Учитывая стратиграфию участка, погребение предположительно можно отнести к культурному горизонту эпохи неолита.

По характеру залегания артефактов в данном слое условно было выделено два горизонта (далее комплексы). Еще на этапе раскопок были отмечены участки концентрации материала, связанного только с неолитической керамикой (комплекс 2), что позже подтвердилось с помощью планиграфического и технико-типологического анализов коллекции.

Выделение комплексов является инструментом, который был сформирован для решения проблемы культурно-хронологической интерпретации материалов литологического слоя в условиях компрессионного залегания культурных отложений на стояночном объекте в Северном Приангарье. Опорными условиями его выделения являются: полевые наблюдения автора раскопок, планиграфическая изоляция керамических материалов. Условия залегания культурных слоев не позволяют строго разграничи-

Рис. 1. План погребения на стоянке Устье Реки Кутарей.

вать комплексы – наличие в статистике противоречивых артефактов может являться следствием нарушения методики раскопок на отдельном участке, техногенного воздействия, действия биоты.

В ситуации компрессионного характера отложений, относительным культурным и хронологическим маркером может служить керамический материал.

В коллекции комплекса 1 (является смешанным) (1 090 фрагментов керамики, 53 фрагмента венчиков) преобладает керамика усть-бельского типа (*убк*) (23 %), текстильная (24 %); керамика посольского типа составляет 1 %, тонковаликовая – 7 %, керамика цэпаньской культуры – 1 %. Комплекс 2 содержал только неолитическую керамику (всего 179 фрагментов, 4 фрагмета венчиков): *убк* – 9 %, посольская – 9 %, текстильная с выраженными отпечатками 48 % (рис. 2, *15–22*) Тонкостенные сосуды с характерным «жемчужным» орнаментом в верхней части венчика, широко распространенные на стоянках Северного Приангарья и относящиеся к эпохе бронзы, в комплексе слоя 3 отсутствуют.

В современном представлении хронометрия и хронология (на основании ^{14}C-датирования без калибровки) керамических комплексов региона выглядит следующим образом: керамика с оттисками плетеной сетки и хайтинского типа – 6 900–4 100 л.н.; усть-бельского типа – 6 600–4 100 л.н.; исаковского типа – 5 200–4 500 л.н.; серовская и позднесеровская керамика – 5 200–4 300 л.н.; ангарский вариант пунктирно-гребенчатой керамики – 5 300–4 500 л.н. [Бердников, 2013]. Близкая усть-бельской керамика аплинского типа предварительно датируется 5 500–4 000 л.н. [Бердников, Лохов, 2013].

Комплекс 1, вероятно, относится к более поздней стадии неолита. В орудийном наборе (220 экз., соотносимые с комплексом керамики неолита), больший удельный вес имеют ретушированные пластинки, наконечники стрел, листовидные и овальные бифасы (наконечники копий или дротиков), а также массивные формы и шлифованные (рубящие орудия, тесла), в то время как в индустрии комплекса 2 последние практически отсутствуют. Стоит отметить объемный многофасеточный резец-дриль (комплекс 1). В сочетании с развитой микропластинчатой технологией, орудия такого типа некоторые авторы относят к мезолитической традиции (рис. 2, *7*) [Томилова, 2014, с. 82] .

В целом, каменный инвентарь слоя 3 (рис. 2, *1–14*) обладает чертами, характерными для неолита – бронзового века региона. Также стоит отметить преобладание карандашевидных и призматических форм для пластинок и микропластин среди нуклеусов. К более поздним возможно отнести лишь небольшое количество орудийных форм, среди которых цапфенный топор с пришлифованным рабочим краем (рис. 2, *12*), наконечник цэпаньского типа, долотовидное орудие, 10 экз. заготовок листовидных бифасов, 3 экз. овальных с прямым насадом наконечников стрел. Установлено, что в слое преобладает неолитическая керамика (на уровне первого горизонта смешана с керамикой эпохи раннего железного века и Средневековья, что можно связать с техногенными нарушениями; на уровне второго условного горизонта керамика полностью неолитическая).

Наиболее близкие аналогии обнаруживаются с материалами стоянки Усть-Кова I (культурный горизонт 1А, 2).

Также был проведен антропологический анализ костных останков, найденных в изучаемом слое. Погребена молодая женщина 20–25 лет. Сохранность костей черепа неудовлетворительная. Присутствует лобная кость, правая и левая теменные кости в виде крупных и мелких фрагментов, отломки чешуи и каменистой части височных костей. Затылочная кость представлена фрагментарно – сохранилась базиллярная часть с затылочным отверстием. Нижняя челюсть присутствует в виде двух фрагментов. Венечный и мыщелковый отростки, подбородочный выступ отсутствуют.

Несмотря на плохую сохранность костной ткани, нам удалось реставрировать частично лицевой отдел и теменно-затылочную часть мозгового отдела, а также сделать несколько измерений [Алексеев, Дебец, 1964; Лебединская, 1998]. На затылочной кости рельеф выйных линий сглажен, наружный бугор очень маленького размера. Теменные бугры выражены очень сильно, отчего форма мозговой коробки приобретает подквадратную форму. Сосцевидные отростки развиты очень сильно (балл 3). Лоб имеет среднюю ширину (92). Лобные бугры выражены слабо. Область глабеллы имеет плавный переход как к назиону, так и к офриону. Надпереносье развито очень слабо. Альвеолярная дуга широкая (63), нёбо – очень узкое (33,2). Орбиты очень широкие (44,7) и невысокие (31,5), по пропорциям – хамеконхные. Глазницы округло-прямоугольной формы. Верхний край глазниц замкнутый. Лицо крайне сильно уплощено на орбитальном уровне (147,7). Глубина клыковой ямки попадает в категорию средних значений (5,3). Нижняя челюсть характеризуется очень большой шириной ветви (37), средней высотой тела (29) и крайне большой толщиной тела (16).

У погребенной присутствуют все зубы. На них отмечено большое количество прижизненных сколов эмали. Изношенность окклюзивной поверхности резцов достаточно сильная (балл 5). На остальных зубах стертость умеренная (баллы 3–2).

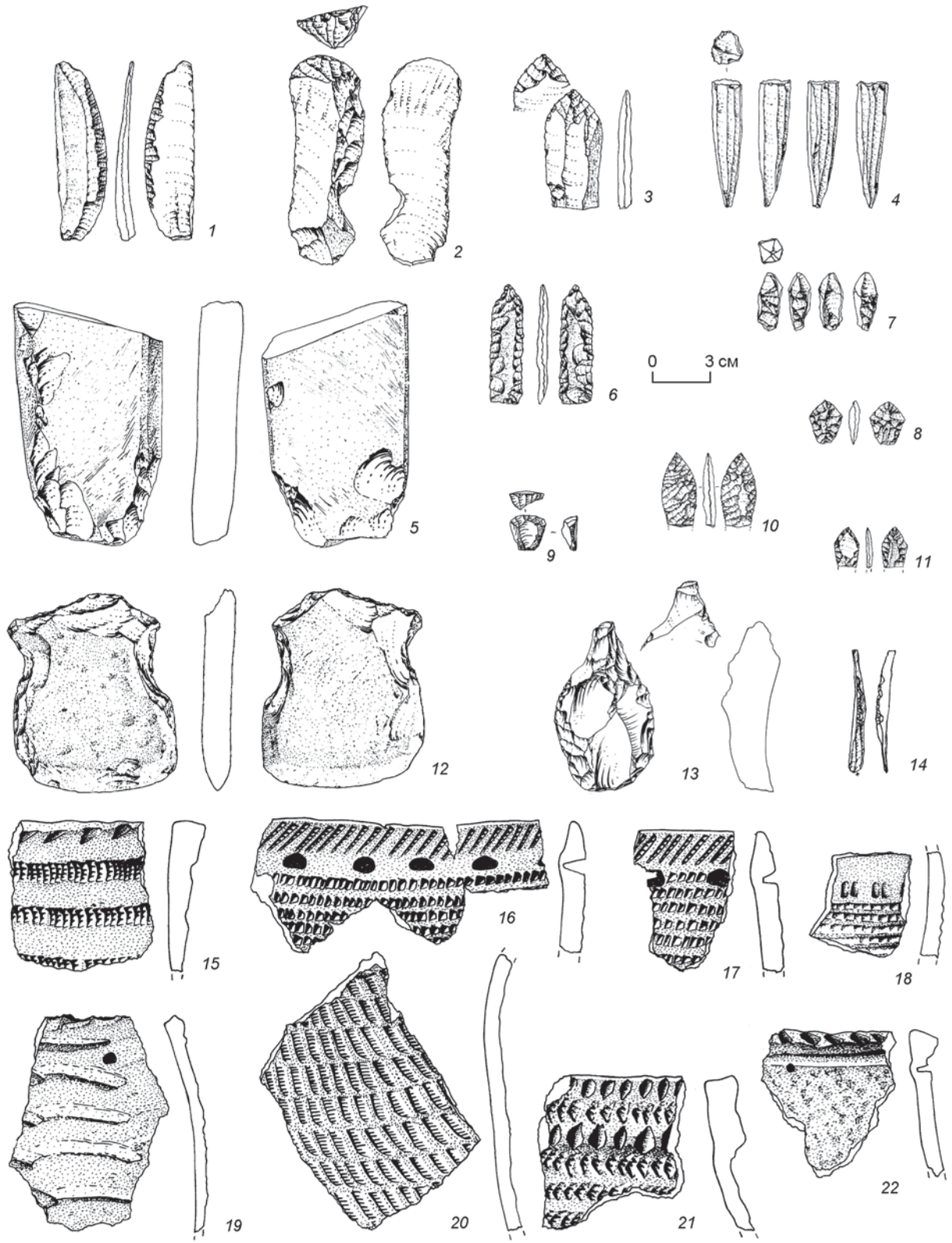

Рис. 2. Материалы из слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей.

1 – нож; *2* – скребок на пластине с выемкой; *3* – остроконечник; *4* – карандашевидный нуклеус; *5* – тесло; *6* – проколка; *7* – многофасеточный резец-дриль; *8*, *10*, *11* – наконечники; *9* – микроскребок; *12* – топор с цапфами; *13* – скребок с носиком; *14* – микропластина; *15* – фрагмент керамики (смешанная группа); *16*, *17*, *20* – керамика усть-бельского типа; *18*, *22* – текстильная; *19* – тонковаликовая керамика; *21* – керамика цэпаньской культуры.

Комплектность посткраниального скелета довольно полная, но большая часть костей представлена фрагментированно. Сохранность позвоночника неудовлетворительная, целые только первый и второй шейные позвонки, присутствуют фрагменты ребер и грудины.

Сохранилась часть диафиза правой плечевой кости, эпифизы отсутствуют. У левой плечевой кости сохранен фрагмент нижнего эпифиза. Состояние костной ткани не позволяет произвести каких-либо измерений. Кроме того, присутствуют фрагменты левой ключицы, лопатки. Лучшая сохранность наблюдается у лучевых костей.

Присутствуют фрагменты левой и правой тазовых костей. Правая и левая бедренные кости сохранились фрагментарно, головки и вертелы разрушены. У левой кости сохранен фрагмент диафиза. Кости голени представлены в виде мелких отломков.

Измерения костей посткраниального скелета удалось произвести только по фрагментам лучевых и бедренных костей [Алексеев, 1966]. По величине наименьшей окружности середины диафиза лучевые кости попадают в средние значения, а по указателю сечения – в очень большие, что говорит об округлой форме сечения диафиза. Бедренные кости также показывают высокие значения индекса пилястрии.

Оценивая рельеф в местах прикрепления мышц и связок [Mariotti, Facchini, Belcastro, 2004; Ражев, 2009], стоит отметить, что наибольшая выраженность характерна для четырехглавой мышцы бедра, осуществляющей разгибание голени и подъем бедра. Рельеф медиальной и задней групп мышц бедра развит значительно слабее. Выраженность рельефа мышц пояса и свободных верхних конечностей практически не проявляется, за исключением разгибателя большого пальца и сгибателя пальцев. Признаков энтесопатии и остеолизиса в местах прикрепления мышц не выявлено. В силу плохой сохранности скелета произвести системное описание двигательной активности данного индивида не представляется возможным.

В дальнейшем детальный анализ одонтологического материала, а также результаты радиоуглеродного датирования позволят более четко интерпретировать данный археологический комплекс.

Список литературы

Алексеев В.П. Остеометрия: методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 250 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 129 с.

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология, 2013. – № 1 (2). – С. 203–229.

Бердников И.М., Лохов Д.Н. Сетчатая керамика аплинского типа // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология, 2013. – № 2 (3). – С. 72–83.

Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). – М.: Старый Сад, 1998. – 125 с.

Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Михлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Харевич В.М., Орешников И.А. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследования 2008–2011 гг. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология, этнология, антропология, 2014. – Т. 8. – С. 82–99.

Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – 490 с.

Mariotti V., Facchini F., Belcastro M.G. Enthesopathies – proposal of a standarlized scoring method and applications // Coll. Anthropol. – 2004. – Vol. 28 (1). 145–159.

References

Alekseev V.P. Osteometriya: metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1966, 250 p. (in Russ.).

Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniometriya: metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1964, 129 p. (in Russ.).

Berdnikov I.M. Klyuchevye aspekty istoriko-kulturnyh processov na yuge Srednej Sibiri v epohu neolita (po materialam keramicheskih kompleksov). *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Ser.: Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya*, 2013, No. 1 (2), pp. 203–229 (in Russ.).

Berdnikov I.M. Lokhov D.N. Setchataya keramika aplinskogo tipa. *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Ser.: Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya*, 2013, No. 2 (3), pp. 72–83 (in Russ.).

Lebedinskaya G.V. Rekonstruktsiya litsa po cherepu (metodicheskoe rukovodstvo). Moscow: Staryi Sad, 1998, 125 p. (in Russ.).

Mariotti V., Facchini F., Belcastro M.G. Enthesopathies – proposal of a standartized scoring method and applications. *Coll. Anthropol.*, 2004, vol. 28 (1), 145–159.

Razhev D.I. Bioantropologiya naseleniya sargatskoi obshchnosti. Ekaterinburg: Ural Branch RAS Publ., 2009, 490 p. (in Russ.).

Tomilova E.A., Stasyuk I.V., Akimova E.V., Kuksa E.I., Mihlaeva Y.M., Gorel'chenkova O.A., Harevich V.M., Oreshnikov I.A. Mnogosloynaya stoyanka Ust'-Kova I v Severnom Priangar'e: itogi issledovania 2008–2011 g. *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Ser.: Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya,* 2014, vol. 8, pp. 82–99 (in Russ.).

УДК 902.01

С.В. Шнайдер[1, 2], А. Абдыканова[3], М. Крайцаж[4], С. Алишер-кызы[2], Е.Д. Никулина[5], В. Тэйлор[6], А.И. Кривошапкин[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Американский университет Центральной Азии, Кыргызстан
[4]Институт геологии, Польша
[5]Иркутский государственный университет
[6]Институт истории человечества Общества Макса Планка, Германия
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Результаты археологических раскопок памятника Обишир-1 в 2017 году

Памятник Обишир-1 был обнаружен в 1965 г. и исследовался в течение трех полевых сезонов археологическим отрядом, возглавляемым У.И. Исламовым. Археологическим раскопкам подверглась площадь в 130 м^2, на различных участках памятника выделялось от 2 до 5 литологических слоев. У.И. Исламов в ходе работ сделал заключение, что археологические материалы на памятнике залегают в состоянии in situ и интерпретировал памятник как мезолитическую стоянку-мастерскую. На настоящий момент пересмотрены стратиграфическое членение и генезис отложений памятника: выделены три этапа седиментации, характеристикой которых является коллювиальный характер накопления. Полученная коллекция каменных артефактов имеет аналоги среди материалов Центрального Тянь-Шаня и Памира, датируемых в пределах 13,8–7 тыс. л.н.

Ключевые слова: *эпипалеолит, западная часть Центральной Азии, микропластинчатое расщепление, микропластина.*

S.V. Shnaider[1, 2], A. Abdykanova[3], M. Krajcarz[4], S. Alisher-kyzy[2], E.D. Nikulina[5], W. Taylor[6], A.I. Krivoshapkin[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]American University of Central Asia, Kyrgyzstan
[4]Institute of Archaeology, Poland
[5]Irkutsk State University
[6]Max Planck Institute for the Science of Human History, Germany
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Results of Archaeological Excavation at Obishir-1 in 2017

The site of Obishir-1 was discovered in 1965, and was studied in three field seasons by the archaeological team headed by U. Islamov. The team excavated the area of 130 m^2 and identified from 2 to 5 stratigraphic layers in different parts of the excavation. Islamov concluded that the archaeological materials of the site ocurred in situ and interpreted the site as as a Mesolithic workshop. Currently, the stratigraphic sequence and origins of the deposits at the site have been reconsidered, and three episodes of colluvial deposition have been identified. The collection of lithic artefacts obtained shows parallels with the dated assemblages from the Central Tian Shan-Pamir region (ca. 13.8–7 ka BP).

Keywords: *Epipaleolithic, western part of Central Asia, microblade knapping, microblade.*

Памятник Обишир-1, обнаруженный экспедицией Института истории и археологии АН УзССР под руководством акад. У.И. Исламова в 1965 г., расположен на юге Кыргызстана в южной части Ферганской долины. Исследование стоянки осуществлялось в течение трех полевых сезонов (1966, 1967 и 1973 гг.). В процессе раскопок был изучен участок общей площадью 130 м^2. Согласно полевым на-

блюдениям У.И. Исламова, в раскопе 1966–1967 гг. присутствует 5 литологических слоев, в восточной стенке раскопа 1973 г. – 2 слоя, в южной – 5. Согласно составленному описанию, верхняя часть отложений (слои 1–2) сложены супесью темно- и светло-серого цвета, а слои 3–5 представлены суглинком, имеющим окрас от желтовато-серого до бурого. Во втором слое были найдены остатки мезолитического времени (первый культурный горизонт), в литологическом слое 3 были также обнаружены находки мезолитического времени (второй культурный горизонт). В восточной части раскопа 1973 г. слои 1–3 не отмечены, при этом второй культурный горизонт залегал на данном участке в литологическом слое 4. В северо-западной части раскопа У.И. Исламов отмечает скопление обломков известняка средних и крупных размеров, которые образуют разорванную цепь округлой формы со скоплением камней в центре. На данном участке отмечалась концентрация каменных и фаунистических находок, кусочков угля и участков с золой. Исследователь интерпретировал это скопление как останки заградительной стены, – древнейшей искусственной жилищной конструкции на территории Центральной Азии. На остальных участках раскопа им отмечены лишь единичные находки костей и угля, разрозненные каменные артефакты, редко составлявшие скопления. Что касается характеристики процессов осадконакопления и сохранности археологических слоев, У.И. Исламов утверждал, что культурные слои инситны, при этом отсутствие, например, органических материалов среди находок объяснял функциональностью стоянки, которая интерпретировалась им как стоянка-мастерская, где «преимущественно изготавливали орудия, а не разделывали туши убитых животных» [Исламов, 1980, с. 21].

При работе с коллекцией исследователь не подразделял ее на культурные горизонты, а описывал в совокупности. Общая численность коллекции составила 2 511 экз. Первичное расщепление характеризовалось утилизацией призматических, конусовидных и клиновидных нуклеусов для получения пластинчатых сколов. Орудийный набор содержал пластинчатые сколы с ретушью, концевые скребки, единичные экземпляры резцов, острий и скребел. На основе технико-типологических сопоставлений с материалами памятников позднего плейстоцена и раннего голоцена региона (стоянки Мачай, Кушилиш, Ошхона и Туткаул) исследователь относил стоянку Обишир-1 к периоду между 11 и 9 тыс. л.н. По мнению исследователя, наряду с комплексами серии стоянок Центральной Ферганы, памятниками Обишир-5 и Таш-Кумыр, индустрии стоянки Обишир-1 относились к выделенной им обиширской культуре. Комплексы Обишира-5 и -1 принадлежат среднему этапу этой культуры [Исламов, 1980].

Междисциплинарные исследования на памятнике Обишир-1 были возобновлены в 2016 г. силами российско-киргизской археологической экспедиции. Целями полевых работ являлись: уточнение стратиграфической ситуации, получение образцов для абсолютного датирования, верификация и уточнение имеющихся палеоэкологических реконструкций на основе новых археологических и естественно-научных данных. В 2016 г. была проведена зачистка восточной стенки раскопа 1973 г. и выявлен наиболее перспективный участок для проведения раскопок. В процессе нового этапа работ была уточнена стратиграфическая ситуация на памятнике, выделено три седиментационных юнита/слоя (рис. 1, *а*). Первый слой (сверху вниз), мощностью 2,5–2,7 м, сложен легким суглинком коллювиального генезиса с многочисленными включениями хаотично ориентированных обломков. Второй слой представлял, по мнению автора раскопок, сочетание множества слойков легких суглинков коллювиального генезиса мощностью 1,5–2,0 м, и содержал большое количество обломков известняка. Третий слой сложен лессовыми отложениями толщиной ок. 0,2 м и содержит многочисленные обломки известняка и кальцита.

В 2017 г. исследовался участок площадью 6 м^2, в ходе проведения раскопок была вскрыта только верхняя часть разреза (рис. 1, *б*). По образцам кости из слоя 1 была получена радиоуглеродная (AMS) датировка – 9 682 ± 509 ^{14}C л.н. (NSKA-1074) (11,950–10,300 кал. л.н.).

Полученная коллекция каменных артефактов насчитывает 302 экз., ее бóльшую часть составляют отходы производства – 182 экз. (60 %).

Нуклевидных изделий в комплексе насчитывается немного (3 экз.), из них только одно является типологически выраженным – подконусовидный нуклеус для пластинок в крайней стадии утилизации (рис. 2, *14*).

Технических сколов – 8 экз., среди них представлены краевые сколы (3 экз.), полутаблетки (2 экз.), сколы подправки фронта расщепления (2 экз.) и скол латеральной подправки. Исходя из данной представленности сколов можно констатировать, что для их производства использовались объемные ядрища.

Отщепы в коллекции немногочисленны (17 экз), в основном имеют угловатую форму, продольную огранку дорсальной поверхности, гладкие и линейные ударные площадки.

Пластинчатых заготовок выделяется 91 экз. (из них пластин – 5 экз., пластинок – 16 экз., микропластин – 70 экз. (рис. 2, *1, 2*).

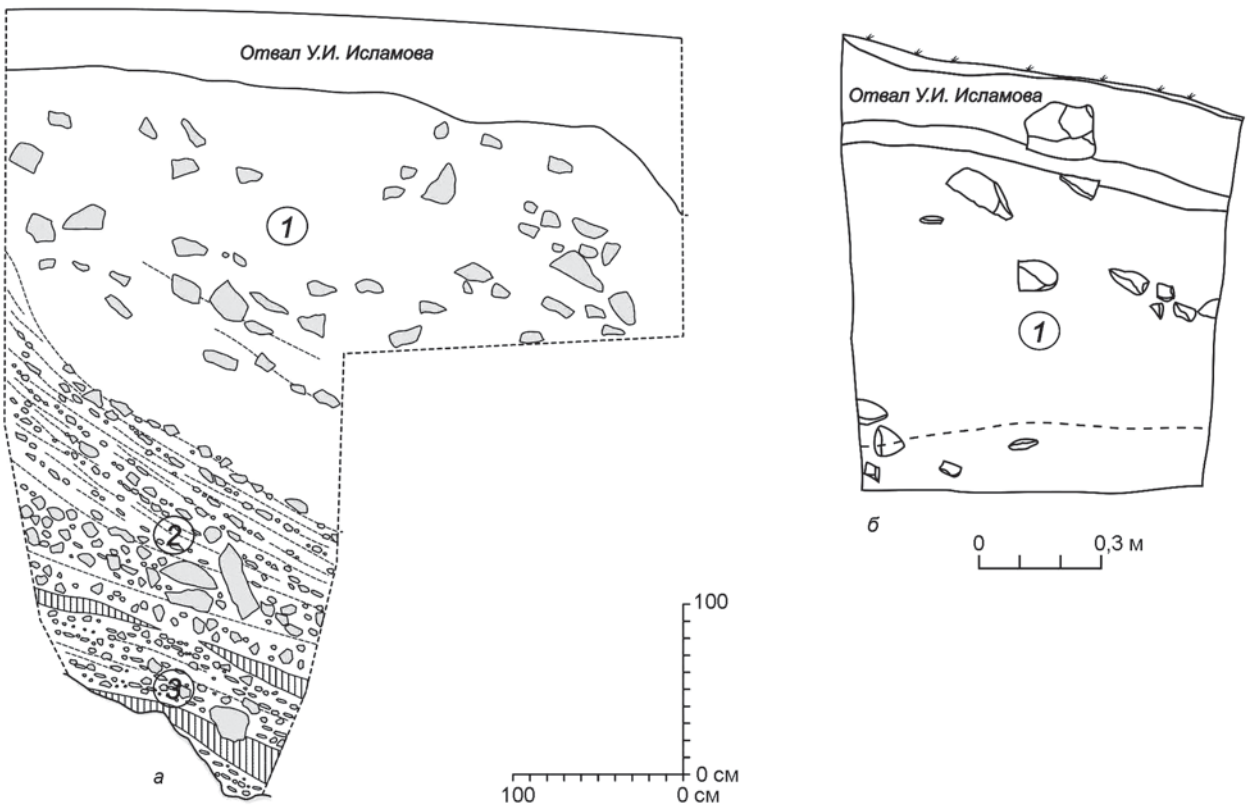

Рис. 1. Стратиграфия памятника Обишир-1.
а – восточная стенка зачистки 2016 г.; *б* – восточная стенка раскопа 2017 г.

Отсутствие стандартизации пластин по метрическим параметрам и их малочисленность позволяют говорить о том, что они скалывались при оформлении нуклеуса для придания ему необходимой формы.

Пластинки и микропластины обладают прямоугольной формой, продольной огранкой дорсальной поверхности, трапециевидным поперечным сечением и прямым латеральным профилем. Проксимальная зона сколов характеризуется точечными и линейными ударными площадками со следами абразивной обработки; в половине случаев отмечается наличие вентрального карниза, в единичных – присутствие изъянца; угол сопряжения ударной площадки и дорсальной поверхности пластинчатых сколов всегда прямой. Рассматриваемый комплекс признаков указывает на их получение посредством техники отжима.

Орудийный набор насчитывает 24 экз. Основную часть коллекции составляют различные типы изделий, выполненных на пластинках и микропластинах: микропластины с вентральной ретушью (3 экз.) (рис. 2, *5, 7*), пластинка с притупленным краем (рис. 2, *3*), пластинка с усеченным краем (рис. 2, *6*), пластинка с альтернативной ретушью (рис. 2, *4*), микропластины с преднамеренной дорсальной ретушью (3 экз.) (рис. 2, *8*) и ретушью утилизации (6 экз.). Кроме того, выделены концевые скребки (2 экз.) (рис. 2, *13*), боковой скребок (рис. 2, *9*), микроскребок (рис. 2, *10*), резец, выемчатое орудие (рис. 2, *12*), пластины (2 экз.) (рис. 2, *11*) и отщеп с ретушью.

В слое было обнаружено большое количество раковин моллюсков и единичные фрагменты костей животных.

В целом, можно заключить, что первичное расщепление изученной коллекции памятника Обишир-1 характеризуется микропластинчатым расщеплением. В орудийном наборе преобладают микропластины с ретушью разного характера (вентральная, дорсальная, альтернативная, утилизации), также представительны концевые скребки.

Ближайшие технико-типологические аналогии обнаруженному комплексу усматриваются в материалах слоя 2–3 памятника Обишир-5, где также представлена микропластинчатая индустрия с преобладанием в орудийном наборе микропластин с ретушью. Данные материалы датируются в пределах 11–8 тыс. л.н. [Шнайдер и др., 2016]. Что касается более широких в географическом плане корреляций, можно упомянуть материалы центрального Тянь-Шаня (памятники Аламышык и Айгыржал-2)

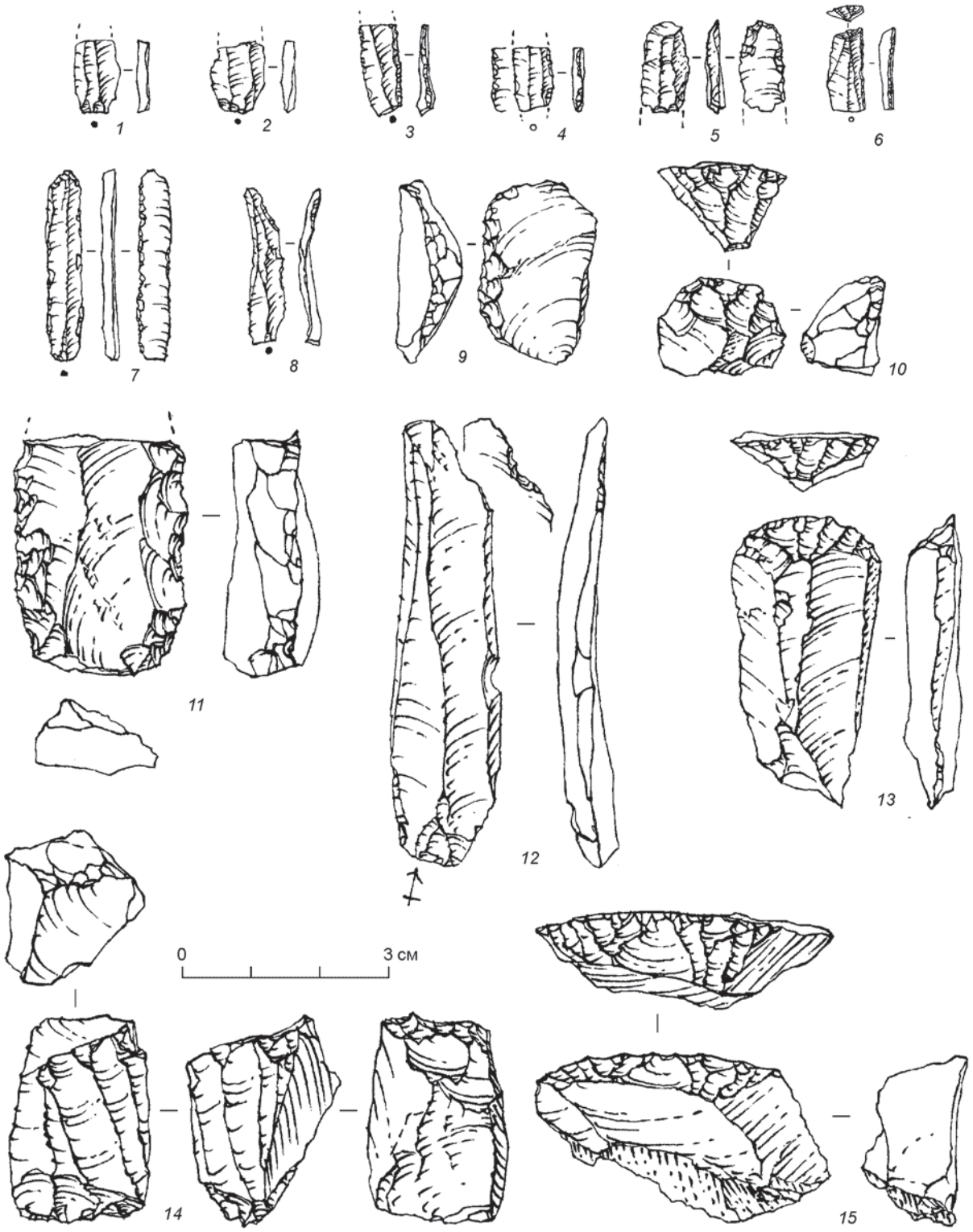

Рис. 2. Каменные артефакты памятника Обишир-1.

и Памира (Ошхона, Истыкская пещера (слои 1–2), которые датируются в пределах 13,8–7 тыс. л.н. [Абдыканова и др., 2015; Shnaider et al., 2017].

В процессе возобновившихся работ на памятнике удалось полностью пересмотреть стратиграфическую ситуацию, было доказано, что литологические слои, вмещающие культурные останки, не залегают *in situ*, а имеют коллювиальный генезис. На данном этапе исследований мы склонны объяснять отсутствие остатков палеофауны на па-

мятнике не функциональными особенностями стоянки, а характером осадконакопления. В результате проведенного исследования удалось уточнить атрибуцию и культурно-хронологическую позицию комплекса. На наш взгляд, этот комплекс следует относить к кругу микролитических индустрий центрального Тянь-Шаня и Памира.

Благодарности

Авторы выражают благодарность В.С. Панову и В.Н. Зенину (Центр коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН) за проведение радиоуглеродного анализа, художникам ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной и О.В. Тупицыной за подготовку иллюстраций, а также младшему научному сотруднику ИАЭТ СО РАН А.Ю. Федорченко за помощь в подготовке публикации. Искренне признательны студентам Баткенского государственного социально-педагогического института – Исамидин кызы Эркинай, Залкару Кудаярову, Арипжан кызы Айжаркын и Азизе Мурадыловой за участие в полевых исследованиях.

Список литературы

Абдыканова А.К., Табалдиев К.Т., Чаргынов Т.Т., Рашит-уулу Н., Алишер-кызы С. Результаты исследований памятника каменного века Аламышык в 2012–2013 гг. // Возвращение к истокам: сб. памяти выдающегося археолога В.А. Ранова. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. – С. 207–214.

Исламов У.И. Обиширская культура. – Ташкент: Фан, 1980. – 147 с.

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Крайцарж М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Романенко М.Е., Алишер-кызы С. Результаты археологических раскопок памятника Обишир-5 в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 194–198.

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisher-kyzy S., Krivoshapkin A.I. New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5 // Antiquity. – 2017. – Vol. 91, iss. 360 (in Press.).

References

Abdykanova A.K., Tabaldiev K.T., Chargynov T.T., Rashit-uulu N., Alisher-kyzy S. Rezul'taty issledovanii pamyatnika kamennogo veka Alamyshyk v 2012–2013 gg. In *Vozvrashchenie k istokam: sbornik pamyati vydayushchegosya arkheologa V.A. Ranova*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, pp. 207–214 (in Russ.).

Islamov U.I. Obishirskaya kul'tura. Tashkent: Phan, 1980, 147 p. (in Russ.).

Shnaider S.V., Abdykanova A., Kraitsarzh M., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Romanenko M.E., Alisher-kyzy S. Rezul'taty polevykh issledovanii pamyatnika Obishir-5 v 2016 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, 2016, vol. XXII, pp. 194–198 (in Russ.).

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisher-kyzy S., Krivoshapkin A.I. New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5. *Antiquity,* 2017, vol. 91, iss. 360 (in Press.).

УДК 902.01

С.В. Шнайдер[1, 2], А. Абдыканова[3], В. Тэйлор[4], К.А. Колобова[1, 2], С. Алишер-кызы[5], А.И. Кривошапкин[1, 2, 5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Американский университет Центральной Азии, Кыргызстан
[4]Институт истории человечества Общества Макса Планка, Германия
[5]Новосибирский государственный университет
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Алайская стоянка – свидетельство самого раннего эпизода присутствия человека в высокогорных районах западной части Центральной Азии

Согласно результатам последних исследований, человек стал расселяться в районах высокогорий в период финального плейстоцена – раннего голоцена. В частности, первые поселения в Андах на высоте ок. 4 000 м над ур. м. датируются ок. 10 тыс. л.н., первые поселения в Тибете – ок. 13 тыс. л.н. На территории западной части Центральной Азии выделяются высокогорные районы – Памир и Алайская долина. В 2017 г. Российско-кыргызской экспедицией изучена Алайская стоянка (высота 2 800 м над ур. м.). Согласно результатам проведенного анализа, индустрия Алайской стоянки относится к кругу позднеплейстоценовых мелкопластинчатых индустрий региона. Это указывает на то, что Алайская стоянка является свидетельством самого раннего эпизода заселения человеком высокогорных ландшафтов в западной части Центральной Азии.

Ключевые слова: *каменный век, высокогорье, западная часть Центральной Азии, Алайская долина, мелкопластинчатая индустрия.*

S.V. Shnaider[1, 2], A. Abdykanova[3], W. Taylor[4], K.A. Kolobova[1, 2], S. Alisher-kyzy[5], A.I. Krivoshapkin[1, 2, 5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Altai State University
[3]American University of Central Asia, Kyrgyzstan
[4]Max Planck Institute for the Science of Human History, Germany
[5]Novosibirsk State University
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

The Alay Site (Kyrgyzstan) as the Evidence of the Earliest Human Presence in the Highlands of Western Central Asia

According to the recent research, humans first started to occupy high mountain regions during the Final Pleistocene–Early Holocene. Thus, some of the earliest high altitude sites (4000 m above sea level) which were found in the Andes date back to ca. 10 ka BP, while the first habitation sites in Tibet are dated to ca. 13 ka BP. Western Central Asia also has several high mountainous regions, including the Pamir Mountains and the Alay Valley. In 2017, the joint Russian-Kyrgyz expedition investigated the Alay site located at 2800 m above sea level. The results suggest that the artifact assemblage from this site belongs to the circle of other Late Pleistocene bladelet industries found in the region. If this is the case, the Alay site represents some of the earliest evidence for human occupation of high-altitude landscapes in the Eurasian continent.

Keywords: *Stone Age, highlands, Western Central Asia, Alay Valley, bladelet industries.*

Освоение высокогорий является одной из наиболее дискутируемых и актуальных тем в современной археологии. Так, на территории современного Тибета популяции людей современного анатомического облика впервые появились ок. 13–15 тыс. л.н. (кал.) [Meyer et al., 2017]. Учитывая физико-географические условия западной части Центральной Азии, а также ее географическую близость Тибетскому нагорью, данное направление исследований в настоящий момент может заполнить территориальную и хронологическую лакуны, а также предоставить новую информацию о путях расселения человека в финальном плейстоцене в обсуждаемых регионах.

На территории западной части Центральной Азии к высокогорным районам относятся Памир (средние высоты – 3 000–4 500 м над ур. м., максимум 7 495 м, Пик Коммунизма) и Алайская долина (высота 2 300–3 500 м над ур. м.), их активное археологическое изучение проводилось в советское время В.А. Рановым, В.А. Жуковым и А.А. Никоновым. На Памире ими был открыт и изучен ряд раннеголоценовых стоянок – Ошхона, Истыкская пещера, маркансуйские стоянки [Ранов, 1988].

В Алайской долине до настоящего момента был известен только один памятник каменного века Алайская стоянка (рис. 1, *1*), которая была обнаружена в 1975 г. А.А. Никоновым. Им в течение нескольких полевых сезонов проводились поверхностные сборы, в результате общая численность каменной коллекции составила 1 740 экз. Исследователями отмечалось, что первичное расщепление индустрии представлено призматическими и торцовыми нуклеусами для пластинчатых сколов. В орудийном наборе доминируют скребки различных модификаций, выемчатые орудия, также выделялись единичные экземпляры проколок и острий со скошенным дистальным окончанием. Аналогии этим комплексам исследователи находили среди раннеголоценовых индустрий Памира (Ошхона и Истыкская пещера) [Ранов, Филимонова, Никонов, 2015].

В 2017 г. совместной российско-кыргызской археологической экспедицией было проведено повторное изучение Алайской стоянки с целью обнаружения новых стратифицированных объектов каменного века, которые могут свидетельствовать об интенсивном заселении высокогорных территорий западной части Центральной Азии в финальном плейстоцене – раннем голоцене*.

Основной целью экспедиции был сбор и изучение новых материалов на уже известной Алайской стоянке. Алайская стоянка находится в западной части долины, на левом берегу р. Кызылсу, напротив пос. Кашка-Суу, высота над ур. м. – 2 800 м. Она связана с обращенным к востоку понижением на уровне террасы высотой 12–15 м, огибающим моренный холмистый рельеф. Культурный слой стоянки, включающий угольки, мелкие фрагменты костей и каменные орудия, был экспонирован в результате преобладания процессов денудации над процессами аккумуляции рыхлых отложений. В ходе исследований было заложено 3 шурфа, к сожалению, выявить погребенный культурный слой не удалось. Нами были произведены поверхностные сборы на площади 5 × 5 м (рис. 1, *2*), в результате которых была получена коллекция каменных артефактов – 244 экз., из них отходы производства (чешуйки, обломки, осколки, мелкие отщепы до 20 мм в наибольшем измерении) составляют 156 экз. (64 %).

Нуклевидных изделий выделено 3 экз., из них два типологически выраженных ядрища – призматические одноплощадочный (рис. 2, *8*) и двухплощадочный (рис. 2, *6*) нуклеусы для пластинок. Изделия характеризуются треугольной в плане и овальной в поперечном сечении формой, гладкие ударные площадки располагаются под слабоскошенным углом к фронту расщепления, дуга скалывания несет следы редукции. Представленные нуклеусы находятся в финальной стадии утилизации. Ядрища были предназначены для получения пластинок со следующими характеристиками: продольная огранка дорсальной поверхности, изогнутый латеральный профиль, редуцированная линейная или точечная ударная площадка.

Технических сколов выделено 11 экз.: краевые сколы (6 экз.), полутаблетки (3 экз.), сколы подправки фронта расщепления (2 экз.) и скол латеральной подправки. Исходя из типологических характеристик набора технических сколов, можно констатировать, что они были получены в процессе утилизации объемных ядрищ.

В индустрии сколов насчитывается 47 экз. отщепов, длина большей части которых от 20 до 30 мм. Среди сохранившихся ударных площадок преобладают гладкие (62 %). Точечные; двугранные прямые и естественные остаточные ударные площадки малочисленны. Огранки дорсальных поверхностей преимущественно параллельные однонаправленные. Наличие кортикальной поверхности на 15 сколах (32 %) указывает на то, что отщепы снимались на ранних этапах расщепления ядрищ. На восьми предметах корка распространяется на 50–100 % площади дорсальной поверхности.

Пластинчатых заготовок было определено 27 экз. (из них пластин – 14 экз., пластинок – 13 экз.).

*О других стоянках см. статью С.В. Шнайдер, А. Абдыкановой, В. Тэйлор, А.И. Кривошапкина «Результаты археологической разведки в Алайской долине (Кыргызстан) в 2017 году» в данном томе.

Рис. 1. Карта расположения Алайской стоянки (*1*) и ее ситуационный план (*2*).

Пластины представлены преимущественно во фрагментированном состоянии. Длина целых сколов в среднем варьирует от 30 до 50 мм (рис. 2, *5*); ширина пластин – от 12 до 23 мм, бóльшая часть – от 13 до 16 мм. Большинство пластинчатых снятий имеют толщину ок. 5 мм. В изучаемом комплексе большая часть пластин имеет прямой латеральный профиль. По форме поперечных сечений примерно одинаковое положение занимают сколы с треугольными и с трапециевидными сечениями. Доминирующее положение среди сколов, сохранивших остаточные ударные площадки, составляют пластины с гладкими площадками, которые подправлялись при помощи приема прямой редукции, отмечается несколько сколов с обратной редукцией. Огранка дорсальных поверхностей сколов демонстрирует преимущественное однонаправленное параллельное снятие пластинчатых заготовок. Часть пластин несет следы кортикальной поверхности, причем на двух изделиях корка распространяется больше чем на 50 % дорсальной поверхности, что говорит о том, что они были получены на начальных этапах расщепления.

Пластинки данной коллекции в большей степени фрагментированы (рис. 2, *1, 2*), выделяется только 4 экз. целых изделий, их длина варьирует от 15 до 21 мм. Ширина большей части заготовок составляет от 6 до 9 мм, а толщина – от 2 до 3 мм. По форме латерального профиля равное значение имеют сколы с прямым и непрямым профилем. Количество изде-

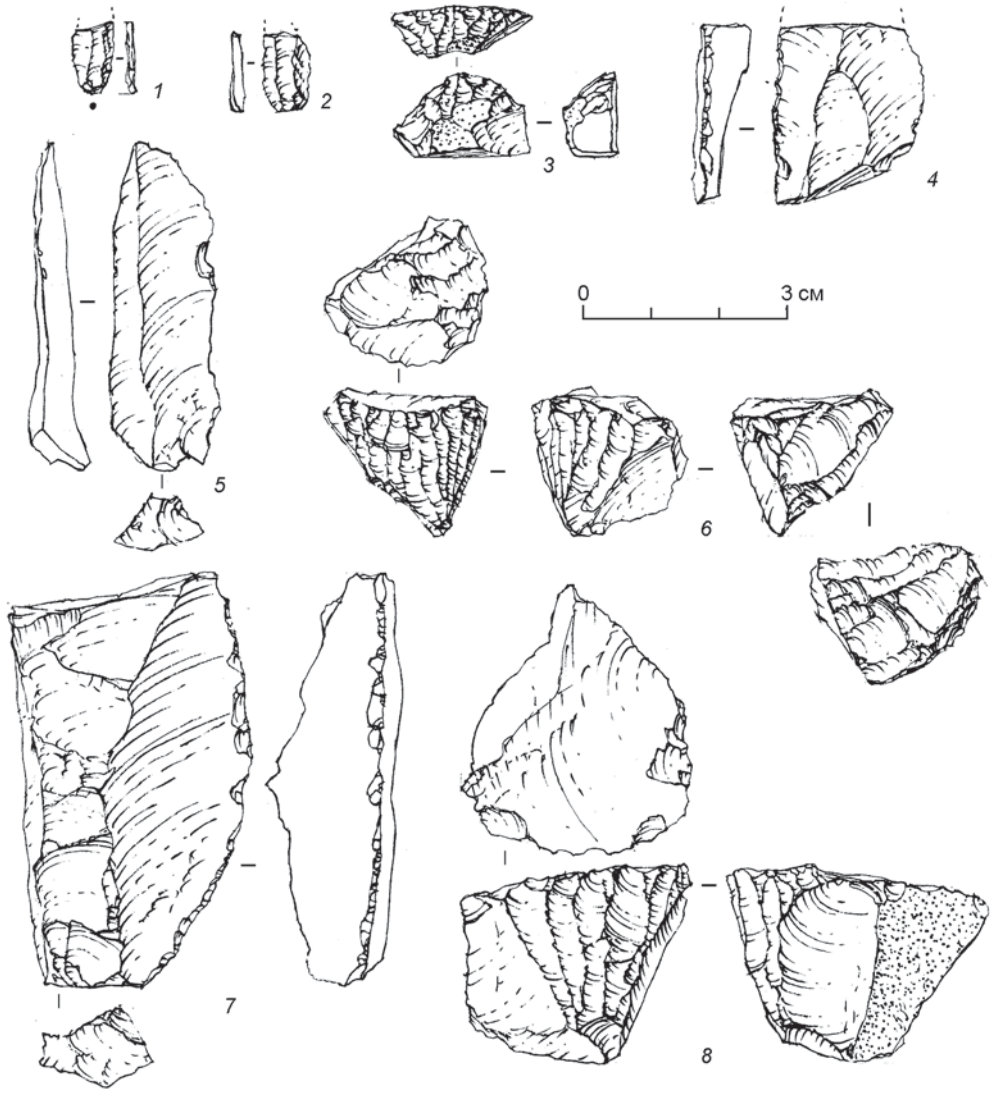

Рис. 2. Каменная индустрия Алайской стоянки.

лий с треугольными и трапециевидными сечениями одинаково; выделяется одно изделие с многогранным сечением. Большая часть сколов имеет гладкие ударные площадки, единичные экземпляры сохранили линейную и точечную площадки. Все остаточные ударные площадки подвергались редукции. Среди огранок дорсальных поверхностей преобладают параллельные однонаправленные.

Орудийный набор представлен 17 экз., из них большую часть составляют выемчатые орудия и концевые скребки (рис. 2, *3*), единичными экземплярами представлены проколки и сколы с притупленным краем. Помимо этого, выделены сколы с дорсальной ретушью (рис. 2, *4*) и ретушью утилизации. Важно отметить, что в качестве заготовок большей части орудий выступили пластины.

По технико-типологическим характеристикам данную индустрию можно охарактеризовать как мелкопластинчатую со значительной ролью пластин, которые выступали в качестве заготовок для выемчатых орудий и скребков. Согласно предварительному анализу проксимальных зон сколов (присутствие вентральных карнизов в сочетании с расплывчатыми ударными бугорками), в индустрии Алайской стоянки применялась техника мягкого отбойника.

На современном этапе исследований уже не актуально сравнивать комплексы исследуемого памятника с раннеголоценовыми объектами на территории Памира. В ходе недавнего изучения были пересмотрены коллекции основных позднеплейстоценовых–раннеголоценовых индустрий Ошхоны и Истыкской пещеры [Шнайдер, 2015]. Было установлено, что в индустрии Ошхоны и в верхних горизонтах Истыкской пещеры отмечается преобладание торцовых и объемных ядрищ, направленных на получение микропластин посредством техники отжима. В орудийном наборе доминируют микропластины с вентральной ретушью и концевые скребки различ-

ных модификаций, также отмечается наличие проколок, остриев с унифасиальной и бифасиальной ретушью, изготовлявшихся на отщепах, и единичных экземпляров пластинок с притупленным краем. Хронологические рамки существования данных комплексов на настоящем этапе определяются в пределах 11–7 тыс. л.н. [Shnaider et al., 2017]. Различия типологических и технологических показателей, проявляемые комплексами Алайской стоянки, Ошхоны и Истыкской пещеры, свидетельствуют о том, что индустрия Алайской стоянки принадлежит иной традиции камнеобработки.

В то же время подъемные материалы Алайской стоянки по своим характеристикам находят аналоги в материалах позднего этапа кульбулакской верхнепалеолитической культуры, в комплексах раннего и среднего этапов туткаульской линии развития и индустриях позднеплейстоценовых комплексов стоянок Ходжа-Гор, Курама и Обишир-5 (слои 4, 5) [Колобова, 2014; Шнайдер, 2015; Алишери, 2017; Shnaider et al., 2017]. Сходство с упомянутыми индустриями подтверждается мелкопластинчатым характером индустрий и применением мягкого отбойника в производстве сколов.

Более детальная культурно-хронологическая атрибуция комплекса Алайской стоянки станет возможной только при продолжении исследований с целью получить многочисленную археологическую коллекцию. Тем не менее уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что данные материалы не находят аналогов в раннеголоценовых комплексах Памира. Сходство с финальнопалеолитическими комплексами региона может указывать на то, что Алайская стоянка является свидетельством самого раннего эпизода заселения человеком высокогорных ландшафтов в западной части Центральной Азии.

Благодарности

Полевые работы выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036), камеральная обработка археологических материалов – в рамках проекта РГНФ № 15-31-01000 и при поддержке гранта Президента РФ МД-2845.2017.6.

Коллектив авторов выражает искреннюю признательность Доолотбаку Кудайбергенову, ученику Кыргызско-турецкого лицея «Сапат» (г. Нарын), за участие в разведке и художнику ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной за подготовку иллюстраций.

Список литературы

Алишери Д. Технико-типологическая характеристика мелкопластинчатых сколов стоянки Ходжа-Гор // Материалы 55-й международной научной студенческой конференции МНСК-2017. – Новосибирск: Издат.-полиграф. центр Новосиб. гос. ун-та, 2017. – С. 7–8.

Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2014. – 38 с.

Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1988. – 52 с.

Ранов В.А., Филимонова Т.Г., Никонов А.А. Алайская стоянка // Возвращение к истокам: сб. памяти выдающегося археолога В.А. Ранова. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. – С. 196–206.

Шнайдер С.В. Туткаульская линия развития в мезолите западной части Центральной Азии: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск. – 2015. – 26 с.

Meyer M.C., Aldenderfer M.S., Wang Z., Hoffmann D.L., Dahl J.A., Degering D., Haas W.R., Schlütz F. Permanent human occupation of the central Tibetan Plateau in the early Holocene // Science. – 2017. – Vol. 355, iss. 6320. – P. 64–67.

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisher-kyzy S., Krivoshapkin A.I. New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5 // Antiquity. – 2017. – Vol. 91, iss. 360 (in press.).

References

Alisheri D. Tekhniko-tipologicheskaya kharakteristika melkoplastinchatykh skolov stoyanki Khodzha-Gor. In *Materialy 55-i mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentcii MNSK-2017*. Novosibirsk: State Univ. Press, 2017. – P. 7–8 (in Russ.).

Kolobova K.A. Verkhnii paleolit Zapadnogo Pamiro-Tyan'-Shanya: doctor sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2014, 38 p. (in Russ.).

Meyer M.C., Aldenderfer M.S., Wang Z., Hoffmann D.L., Dahl J.A., Degering D., Haas W.R., Schlütz F. Permanent human occupation of the central Tibetan Plateau in the early Holocene. *Science*, 2017, vol. 355, iss. 6320, pp. 64–67.

Ranov V.A. Kamennyi vek Yuzhnogo Tadzhikistana i Pamira: doctor sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1988, 52 p. (in Russ.).

Ranov V.A., Filimonova T.G., Nikonov A.A. Alaiskaya stoyanka. In *Vozvrashchenie k istokam: sbornik pamyati vydayushchegosya arkheologa V.A. Ranova*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, pp. 196–206 (in Russ.).

Shnaider S.V. Tutkaul'skaya liniya razvitiya v mezolite zapadnoy chasti Central'noy Azii: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2015, 26 p. (in Russ.).

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisher-kyzy S., Krivoshapkin A.I. New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5. *Antiquity*, 2017, vol 91, iss. 360 (in Press.).

УДК 902.01

С.В. Шнайдер[1, 2, 3], А. Абдыканова[4], В. Тэйлор[5], А.И. Кривошапкин[1, 2, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Алтайский государственный университет
[4]Американский университет Центральной Азии, Кыргызстан
[5]Институт истории человечества Общества Макса Планка, Германия
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Результаты археологической разведки в Алайской долине (Кыргызстан) в 2017 году

Алайская долина в древности и Средневековье являлась одним из стратегически важных участков Шелкового пути, по которому транспортировались многочисленные товары, мигрировали люди и животные. В 2017 г. в западной части долины была проведена археологическая разведка, в результате которой выявлено 15 ранее неизвестных памятников, культурно-хронологически ранжируемых от периода каменного века до эпохи Средневековья. В данной публикации приводится информация о наиболее значимых объектах. Согласно предварительному анализу, обнаруженные стоянки, в т.ч. и относящиеся к каменному веку, имеют аналоги на соседних территориях (Памиро-Алай, Памир и Центральный Тянь-Шань). Это свидетельствует о том, что заселение Алайской долины человеком и использование ее в качестве транзитного коридора имели место и в более древние времена.

Ключевые слова: *каменный век, бронзовый век, железный век, Средневековье, Шелковый путь, Алайская долина.*

S.V. Shnaider[1, 2, 3], A. Abdykanova[4], W. Taylor[5], A.I. Krivoshapkin[1, 2, 3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Altai State University
[4]American University of Central Asia, Kyrgyzstan
[5]Max Planck Institute for the Science of Human History, Germany
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Results of Archaeological Survey in the Alay Valley (Kyrgyzstan), 2017

In the ancient times and in the Middle Ages, the Alay Valley was one of strategic parts on the Silk Road, through which various goods were transported, and people and animals migrated. In 2017, the joint Russian-Kyrgyz expedition identified 15 previously unknown archaeological sites from the Paleolithic to the Middle Ages in the western part of the valley. In this article, we describe some of the key findings from this survey. Based on the preliminary results, the discovered sites, including those belonging to the Stone Age, show similarities with the adjacent regions (Pamir-Alay, Pamir, Xinjiang and Central Tian Shan). This suggests that human habitation in the valley and its use as a transport corridor also took place in the ancient times.

Keywords: *Stone Age, Bronze Age, Iron Age, Middle Age, Silk Road, Alay Valley.*

В I тыс. до н.э. трансевразийская торговая караванная система, известная как Шелковый путь, стала одним из важнейших каналов ранней глобализации и трансконтинентального обмена, связывающих Китай с Центральной Азией и Европой. Исторические документы свидетельствуют о формировании Шелкового пути в эпоху китайской династии Хань. В то же время, недавние ар-

хеологические исследования показали, что маршруты, составляющие Шелковый путь, были сформированы в результате сезонных движений кочевых народов, заселявших регион еще в бронзовом и раннем железном веке [Frachetti et al., 2017]. Конкретные факторы, послужившие первопричиной формирования Шелкового пути в том виде, в котором он функционировал, еще мало изучены, археологических данных по многим районам Центральной Азии недостаточно, чтобы составить о них полное представление.

Таким малоизученным районом является Алайская долина – один из наиболее важных участков Шелкового пути, где осуществлялся обмен товарами, животными и мигрировали группы людей. Проводившиеся ранее на этой территории археологические исследования были ориентированы, преимущественно, на изучение памятников, охватывающих период от бронзового века до Средневековья [Бернштам, 1997; Табалдиев, Бозер, Москалев, 2000].

В августе 2017 г. в западной части Алайской долины – в Чон-Алае (Алайский р-н Ошской обл. Кыргызской Республика) – была проведена археологическая разведка силами российско-кыргызской экспедиции. В ходе работ были осмотрены ущелье Чегиртке (к СВ от с. Кабык), горная гряда Чегиртке, части долин рек Кызыл-Ункур и Алтын-Дара (до первого пограничного с Таджикистаном поста в с. Кары-Шыбак) и долина р. Кёк-Суу (10 км к северу от с. Жаш-Тилек) (рис. 1).

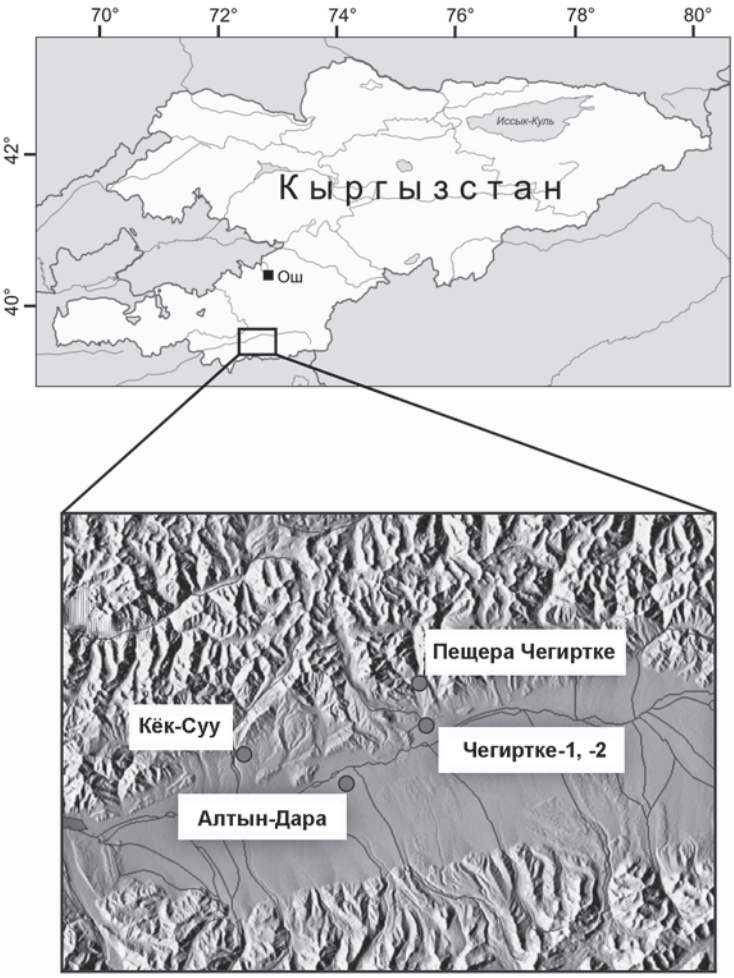

Рис. 1. Карта расположения основных памятников, обнаруженных в ходе археологической разведки в Алайской долине.

Ущелье Чегиртке. В ущелье на правой и левой террасах одноименной реки летом 2016 г. А. Абдыкановой было обнаружено два памятника с экспонированным залеганием каменных артефактов, костей и фрагментов керамики – стоянки Чегиртке-1 и Чегиртке-2 (только фрагменты костей и керамики).

Стоянка Чегиртке-1. В 2017 г. на памятнике были осуществлены подъемные сборы кремневых артефактов, среди которых были определены пластины с ретушью, краевой скол, отщепы и обломки. Согласно предварительному анализу, материал данной стоянки имеет аналогии с комплексами памятников Ферганской долины (Обишир-1 и -5) и Памира (стоянка Ошхона и Истыкская пещера) [Shnaider et al., 2017].

Чуть выше по течению р. Чегиртке было обнаружено жилище эпохи бронзы, представленное круглым сооружением из камней и глины, диаметром 8 м. На поверхности были выявлены фрагменты керамики и остатки доместицированной фауны (лошади, коровы, овцы/козы).

Южная сторона горной гряды ущелья Чегиртке. К 3–4 км к СЗ от с. Кабык была осмотрена южная сторона горной гряды, окаймляющей ущелье Чегиртке. Перед горной грядой параллельно ей проходит невысокая возвышенность с выходами скалистой породы в виде плит. Все археологические объекты были обнаружены между этими ландшафтными формами. В процессе осмотра выявлены остатки жилищных построек эпохи бронзы, курганы (предположительно тюркского времени) и пещера Чегиртке (рис. 2, *1*).

Жилища эпохи бронзы. Первое жилище представлено небольшой ямой подквадратной формы, размерами 2,5 × 2,5 м; стены ямы были дополнительно укреплены камнями. По всей видимости, жилище представляло собой полуземлянку. Второе жилище расположено в 36 м к СВ от описанной полуземлянки и представлено кольцевой выкладкой из камней диаметром 3,5 м.

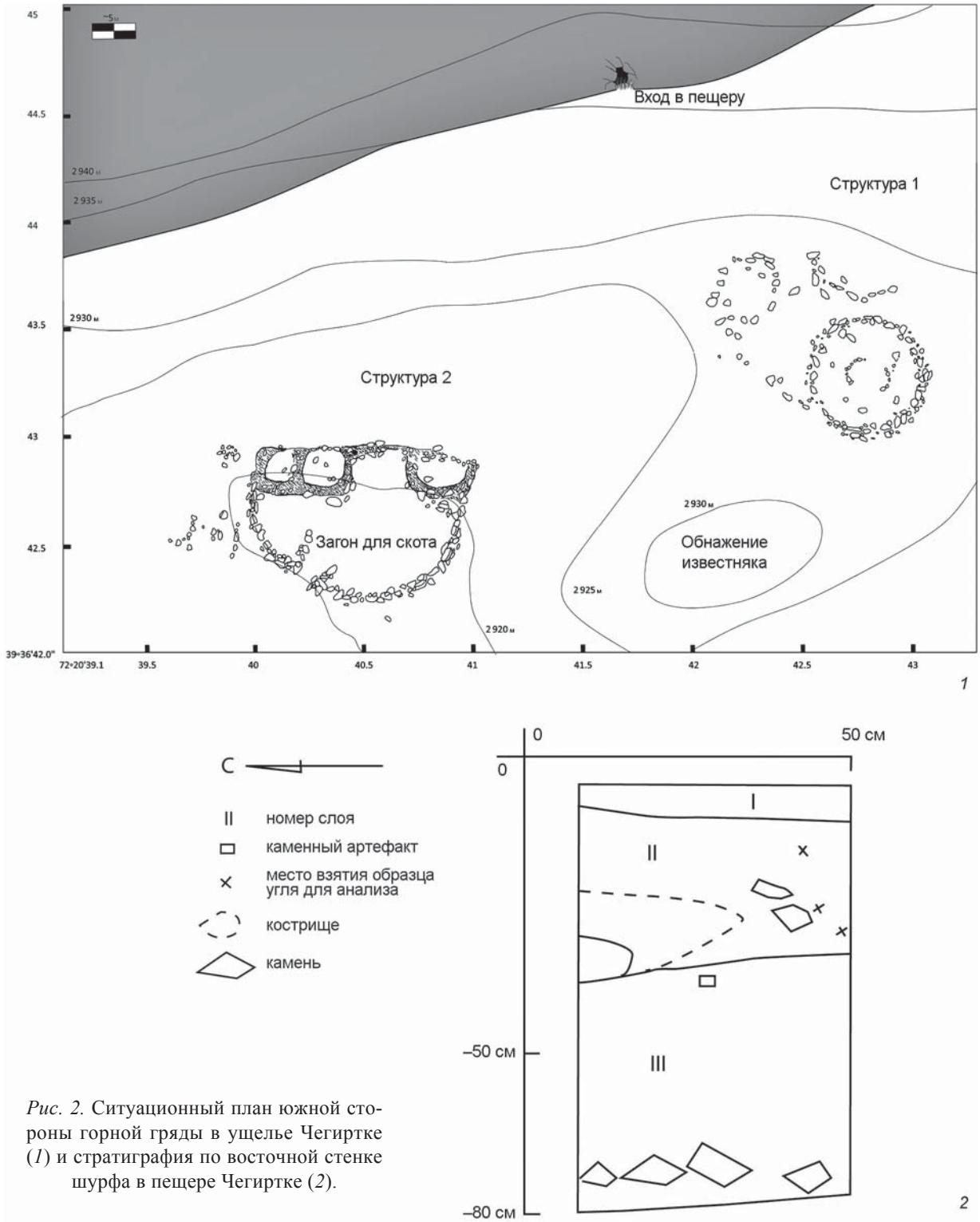

Рис. 2. Ситуационный план южной стороны горной гряды в ущелье Чегиртке (*1*) и стратиграфия по восточной стенке шурфа в пещере Чегиртке (*2*).

Курганы тюркского времени. Курганы тюркского времени имеют округлую форму и кольцевую кладку из каменных плит местного происхождения. Высота насыпи ок. 0,3 м от дневной поверхности. Диаметры курганов 1,4–1,5 м. Курганы одиночные, расстояние между ними по прямой линии составляет 36 м. Судя по совокупности внешних признаков, курганы неграбленные.

Жилищный комплекс эпохи бронзы. Еще один комплекс жилищных построек эпохи бронзы был обнаружен западнее, в 280 м от курганов тюркского времени. Комплекс представляет две структуры в виде сложных каменных выкладок, т.н. ташкороо – каменных дворов. Структуры расположены в 40 м друг от друга. Первая представляет собой полукруг с тремя округлыми выкладками в север-

ной части. В южной части фиксируется вход. Округлые выкладки, скорее всего, являлись жилищами. Остальная часть полукруга с отдельным входом, возможно, служила двором для скота. Вторая структура представлена двумя кольцевыми выкладками диаметром 5 и 4 м соответственно, соединенными между собой каменными выкладками. С восточной стороны зафиксирован небольшой полукруг из камней, возможно, это остатки разрушенной круглой выкладки. В центре большой кольцевой выкладки зафиксирован небольшой круг из камней, который, возможно, является остатками очага.

Пещера Чегиртке. В 30 м к северу от второго жилищного комплекса эпохи бронзы в скальных выходах первой предгорной гряды была обнаружена пещера. Высота входа в настоящее время составляет 1,6 м, ширина – 1,5 м. Вход на 1/3 высоты завален камнями и укрыт зарослями высокой травы. В плане пещера имеет форму неправильного пятиугольника; площадь – ок. 60 м^2, максимальная высота – 3 м. Внутри пещеры в восточной ее части был заложен шурф размером 0,5 × 0,5 м, глубиной 0,8 м. Стратиграфия вскрытых отложений (сверху вниз) следующая (рис. 2, *2*).

Слой I представлен красновато-черной супесью, содержащей угольки. При высыхании супесь приобретает серый цвет. Мощность слоя – 0,05 м.

Слой II представлен красновато-коричневой супесью, содержащей угольки, кости животных (лошади, коровы, овцы/козы) и фрагменты керамики. Мощность слоя – 0,3 м.

Слой III – суглинок коричневого цвета. В слое обнаружены угольки и нуклеус-резец из кремня темно-зеленого цвета. Подошва слоя не достигнута, вскрытая мощность слоя 0,5 м. На уровне 0,6 м от дневной поверхности в слое встречаются обломки известняков небольших размеров.

Слои I и II памятника, судя по обнаруженным в них находкам, могут содержать остатки периода от заселения пещеры в эпоху бронзового века и до Средневековья, в то время как слой III формировался в каменном веке.

Долина реки Кызыл-Ункур. В процессе осмотра правого берега р. Кызыл-Ункур между руслом реки и широкой ложбиной, удаленной от берега на 300–500 м, был обнаружен могильник Кызыл-Ункур, предварительно датируемый ранним железным веком. Могильник представлен восемью курганами различного размера. Два кургана (№ 1 и 2) расположены в ложбине, остальные – на возвышенности в 100 м восточнее. Предварительная датировка курганов может быть сделана лишь приблизительно – период раннего железного века. Почти все курганы имеют округлую форму с панцирной каменисто-земляной насыпью, имеющей высоту 0,5–0,1 м. Диаметр курганов варьируется от 5 до 13 м. Курган № 1 является самым большим и имеет не круглую, а прямоугольную форму, а также дополнительные структуры в виде двух отдельных камней, расположенных в 3–4 м к северу от кургана, и круглых и квадратных оградок, прослеживаемых в непосредственной близости от кургана. Данный курган по форме и размерам имеет прямые аналоги среди курганов известного могильника Кубакы (Киргизия), расположенного на одноименном перевале.

В упомянутой ранее ложбине была найдена мастерская на выходах кремневого сырья, где обнаружены многочисленные пренуклеусы и объемные ядрища для получения пластин, технические сколы и сколы декортикации. Предварительный технико-типологический анализ не исключает верхнепалеолитическую интерпретацию данного технокомплекса. Мастерская занимает практически всю ложбину, площадь которой составляет ок. 2 га. Видимых выходов сырья на поверхность не фиксируется. Однако отдельности сырья (в виде обломков и, реже, отщепов) прослеживаются на территории всей ложбины. Куски кремневой породы были также обнаружены на поверхности курганов № 1 и 2, что позволяет предположить погребенный характер выходов сырья, но с небольшой глубиной залегания.

Долина р. Алтын-Дара. На левом берегу реки, по обе стороны проселочной дороги, идущей к с. Кара-Шыбак, был обнаружен могильник сакского времени, состоящий из восьми курганов. Курганы ориентированы по линии С – Ю, округлой формы, панцирные. Четыре кургана имеют характерные впадины в центре, свидетельствующие об их разграблении в древности, хотя не исключена возможность того, что это следствие естественного обрушения изначальной могильной конструкции. Диаметр курганов варьирует от 5 до 13 м, высота насыпи от 0,4 до 1 м. Помимо сакских курганов были обнаружены две небольшие прямоугольные оградки, одна из которых панцирная с размерами 0,8 × 0,8 м, а вторая – простая, размеры оградки – 1,5 × 1,0 м. Скорее всего, данные оградки относятся к эпохе бронзы.

Долина р. Кёк-Суу. В процессе разведочных работ 2017 г. был осмотрен левый берег реки, примерно на 15 км к северу от ее слияния с р. Кызыл-Суу. Было обнаружено два кургана сакского времени, расположенных близко друг к другу. Оба кургана округлой формы, с панцирной насыпью. Высота одного кургана ок. 1 м, диаметр 8–9 м, второго – 0,4 м, диаметр 4 м. На данном кургане лежал камень, видимо, упавший с примыкающей к долине с востока горной гряды Алайского хребта. На по-

верхности камня с восточной стороны обнаружен петроглиф – изображение горного козла, датируемое периодом бронзы.

По итогам археологической разведки можно прийти к заключению, что территория Алайской долины активно обживалась, начиная с периода каменного века. Основные характеристики выявленных каменных индустрий демонстрируют значительное сходство с технокомплексами поздних стадий каменного века, известных из Ферганской долины, Памира и Тянь-Шаня. Данные аналогии позволяют предположить возможность разнонаправленных миграций древнего населения через Алайскую долину в эпоху каменного века. Материалы более поздних обнаруженных памятников – таш-короо эпохи бронзы, сакские и тюркские курганы – имеют аналоги на севере Киргизии и юге Монголии [Бернштам, 1997; Табалдиев, Бозер, Москалев, 2000]. Полученные в результате разведки данные вносят значительный вклад в историческое и культурное изучение древностей Алайской долины; дальнейшее детальное исследование этого региона позволит ответить на ключевые вопросы древнейшей и древней истории обитателей Центральной Азии.

Благодарности

Полевые работы выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036), камеральная обработка археологических материалов – в рамках проекта РГНФ № 15-31-01000 и при поддержке гранта Президента РФ МД-2845.2017.6.

Авторы искренне признательны ученику Кыргызско-турецкого лицея «Сапат» (г. Нарын) Доолотбаку Кудайбергенову за участие в разведке и художнику ИАЭТ СО РАН О.В. Тупицыной за подготовку иллюстраций.

Список литературы

Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек: Айбек, 1997. – Т. 1. – 560 с.

Табалдиев К.Ш., Бозер Р., Москалев М.И. Археологические исследования в Алайской долине // Ош и Фергана: археология, Новое время, культурогенез, этногенез. – Бишкек, 2000. – Вып. 4. – С. 87–93.

Frachetti M., Evan Smith C., Traub C., Williams T. Nomadic ecology shaped the highland geography of Asia's Silk Roads // Nature. – 2017. – Vol. 543. – P. 193–198.

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisherkyzy S., Krivoshapkin A.I. New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5 // Antiquity. – 2017. – Vol. 91, iss. 360 (in Press.).

References

Bernshtam A.N. Izbrannye trudy po arheologii i istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana. Bishkek: Aibek, 1997, vol. 1, 560 p. (in Russ.).

Frachetti M., Evan Smith C., Traub C., Williams T. Nomadic ecology shaped the highland geography of Asia's Silk Roads. *Nature*, 2017, vol. 543, pp. 193–198.

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisherkyzy S., Krivoshapkin A.I. New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5. *Antiquity*, 2017, vol 91, iss. 360 (in Press.).

Tabaldiev K.Sh., Bozer R., Moskalev M.I. Arheologicheskie issledovanija v Alajskoj doline. In *Osh i Fergana: arheologija, Novoe vremja, kul'turogenez, etnogenez*. Bishkek, 2000, iss. 4, pp. 87–93 (in Russ.).

УДК 903.01

М.В. Шуньков, А.Ю. Федорченко, М.Б. Козликин

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Браслет из бивня ранней стадии верхнего палеолита из Денисовой пещеры

В 2017 г. в слое 11 южной галереи Денисовой пещеры был найден первый на территории Алтая браслет из бивня мамонта. Реконструированы основные этапы изготовления браслета: получение заготовки изделия путем расщепления или раскалывания увлажненного бивня в продольном направлении, формообразующая обработка строганием с использованием каменного инструмента, изгибание увлажненной заготовки для придания нужной формы. Технологический анализ этого украшения позволил существенно дополнить представления о способах обработки бивня мамонта, распространенных на юге Сибири в начале верхнего палеолита. Сопоставление данного браслета из бивня с аналогичными находками на других стоянках позволяет рассматривать его в качестве наиболее раннего изделия такого типа на территории Северной Евразии.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, экспериментально-трасологический анализ, технологический анализ, ранний этап верхнего палеолита, технология обработки бивня, браслеты.*

M.V. Shunkov, A.Yu. Fedorchenko, M.B. Kozlikin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Early Upper Paleolithic Ivory Bracelet from Denisova Cave

In 2017, a bracelet made of mammoth ivory, the first artifact of such kind found in the Altai, was found in layer 11 in the South Chamber of Denisova Cave. Main stages in bracelet manufacturing have been reconstructed, such as blank production based on longitudinal flaking or knapping of moistened ivory; shaving with a stone tool and bending the moistened blank for giving the needed shape to the artifact. Technological analysis of the bracelet substantially complements the knowledge about the techniques of processing mammoth ivory, which were used in Southern Siberia in the Early Upper Paleolithic. The comparison of this adornment with similar finds from other sites makes it possible to consider the bracelet from layer 11 in Denisova Cave as the earliest artifact of that kind in Northern Eurasia.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, experimental use-wear analysis, technological analysis, early Upper Paleolithic, ivory processing technique, bracelets.*

Браслеты из кости и камня – один из наиболее редких типов персональных украшений, известных в палеолите Северной и Центральной Азии. До недавнего времени древнейшей и единственной находкой такого рода на территории Алтая был хлоритолитовый браслет из восточной галереи Денисовой пещеры [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008]. В 2017 г. в ходе изучения плейстоценовых отложений в южной галерее пещеры в пределах слоя 11 найден первый в регионе браслет, изготовленный из бивня мамонта.

Исследование технологии производства браслета осуществлялось на основе экспериментально-трасологического и технологического методов. При анализе следов изготовления и износа использованы микроскопы МБС-10 и Olympus BHM. Фотофиксация следов осуществлялась при помощи зеркальной камеры Canon EOS 7D, объектива EF-S 60 mm f/2.8 Macro USM и штатива с ручной наводкой на резкость.

Браслет сохранился в виде двух фрагментов (рис. 1). Изделие подпрямоугольной в плане формы, с уплощенно-прямоугольным поперечным сечением и изогнутым профилем. Его боковые грани субпараллельны, немного сужаются от центральной части к краям. Максимальная длина браслета по дуге составляет 57,5 мм. Ширина предмета – 23,3 мм в медиальной части и 22,7–21,5 мм по кра-

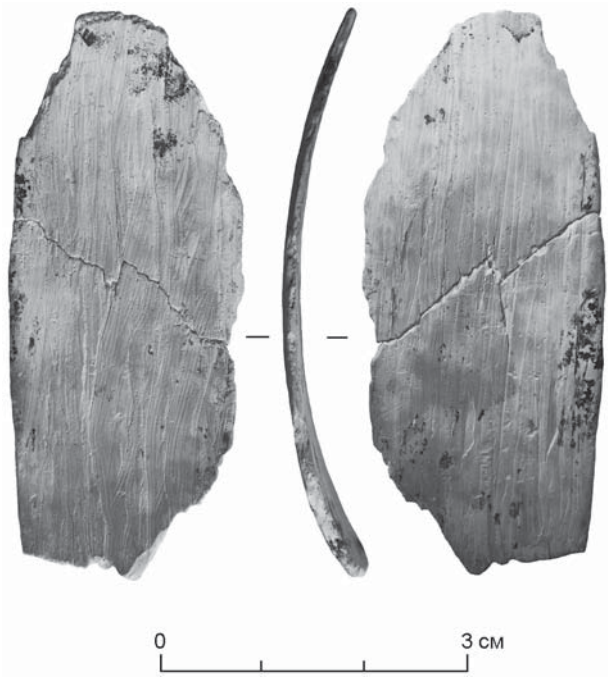

Рис. 1. Браслет из бивня мамонта из слоя 11 южной галереи Денисовой пещеры.

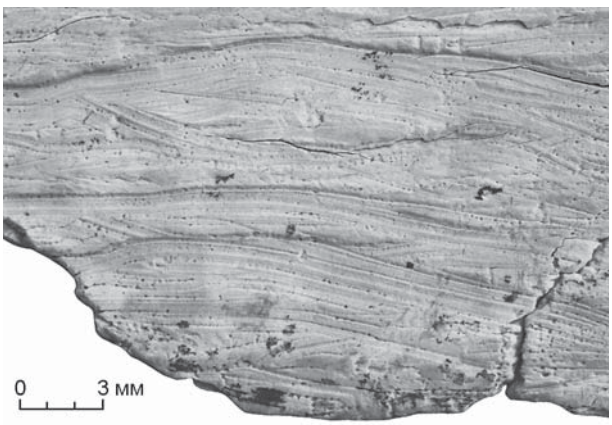

Рис. 2. Следы строгания каменным инструментом на браслете из бивня.

ям. Толщина изделия варьирует от 1,5 мм в медальной части до 1,3 мм по краям. Существующие аналогии со стоянок Русской равнины и Восточной Сибири [Браслеты…, 2011, с. 4] позволяют предположить, что в целом виде это изделие имело два просверленных отверстия на концах для фиксации украшения с помощью ремешка или веревки.

Заготовкой браслета служил удлиненный широкий скол, снятый по длинной оси бивня мамонта. Известно несколько способов получения удлиненных сколов бивня: расслоение сильно увлажненного бивня по конусам роста; ударное расщепление в замороженном состоянии; вырезание заготовок с последующим отделением путем продольного разламывания; раскалывание бивня вдоль продольной оси при помощи острых инструментов [Хлопачев, Гиря, 2010; Питулько, Павлова, Никольский, 2015]. Характерные следы первичной обработки бивня на поверхностях браслета из Денисовой пещеры не сохранились. Морфометрические параметры изделия позволяют предположить, что его основа могла быть получена в результате продольного разламывания или раскалывания увлажненного бивня. Отделению заготовки предшествовало освобождение бивня от цементного слоя.

На следующей стадии производства с помощью строгания были подготовлены лицевые поверхности и боковые края заготовки. При увеличении от ×40 до ×100 на внутренней и внешней сторонах браслета видны удлиненные прерывистые извилистые борозды-линии, параллельные и субпараллельные оси предмета (рис. 2). Боковые грани браслета также обработаны строганием. Этот прием использовался для выравнивания поверхностей изделия и дополнительного уплощения его профиля, для формирования строго заданной морфологии украшения.

Строганная преформа в дальнейшем была изогнута для получения характерной округлой в плане формы браслета. Подготовка очень тонкого профиля заготовки и ее удлиненность способствовали уменьшению вероятности деформации изделия в процессе сгибания. Результаты экспериментальных исследований показали, что одним из обязательных условий успешного сгибания бивневой пластины является предварительное увлажнение и распаривание заготовки. Для дальнейшей стабилизации формы изогнутый браслет прочно фиксировался и просушивался [Хлопачев, Гиря, 2010, с. 73–75]. На заключительной стадии изготовления осуществлялась полировка лицевых сторон и краев браслета с использованием, скорее всего, выделанной кожи.

Трасологический анализ браслета позволил зафиксировать следы износа, связанные с использованием изделия в качестве персонального украшения. При увеличении от ×40 до ×100 на обеих сторонах браслета видны неглубокие разнонаправленные риски и микровыбоины. Тусклая заполировка с «жирным» блеском проникает вглубь борозд от строгания и других неровностей микрорельефа. Такой комплекс следов износа характерен для контакта с относительно мягким материалом – очевидно, с кожей человека.

Браслет из бивня, обнаруженный в южной галерее, существенно дополняет коллекцию неутилитарных предметов из этого материала в комплексе раннего этапа верхнего палеолита Денисовой

пещеры. Наиболее представительная коллекция украшений из бивня (16 экз.) происходит из слоя 11 в центральном зале пещеры – подвески, округлые бусины с отверстием в центре, заготовка для бусин, бляшки с двумя отверстиями, фрагменты диадем с орнаментом, фрагмент кольца. В слоях 11.2 и 11.1 в восточной галерее найдено пять украшений – бляшка овальной формы с тремя отверстиями, фрагмент крупной прямоугольной подвески и три кольца. В слое 11 в южной галерее, помимо браслета, найдена подвеска и фрагмент неопределенного предмета. Из слоя 7 на предвходовой площадке известна бусина с насечками на гранях [Природная среда…, 2003; Деревянко и др., 2014, 2015; Шуньков и др., 2016].

Ранее для украшений из Денисовой пещеры было отмечено использование таких приемов обработки бивня, как получение заготовок путем раскалывания целого бивня в продольном или тангенциальном направлениях, обработка заготовок строганием и шлифовкой, биконическое сверление, орнаментация продавливанием или резанием, полировка [Шуньков и др., 2016]. Технологический анализ браслета из бивня позволил существенно дополнить представления о способах обработки бивня мамонта на ранней стадии верхнего палеолита Алтая. Браслет является первым в регионе достоверным свидетельством увлажнения и последующего сгибания бивня мамонта. Очевидно, что палеолитические обитатели Денисовой пещеры были хорошо знакомы с физическими свойствами бивня и рассматривали этот материал в качестве одного из наиболее удобных для изготовления орудий и украшений.

Браслет из Денисовой пещеры находит аналогии в материалах памятников раннего и среднего этапов верхнего палеолита Северной Евразии. Наиболее представительная коллекция бивневых браслетов обнаружена в погребениях стоянки Сунгирь, для которых получены даты 30 100 ± 400 (OxX-2395-8) и 30 000 ± 550 (OxX-2395-7) л.н. [Синицын, 2016]. Среди материалов этого памятника известно свыше 200 целых и фрагментированных изделий, часть которых с точки зрения технологии изготовления и морфометрических характеристик аналогична браслету из Денисовой пещеры [Браслеты…, 2011]. На территории Сибири многочисленные браслеты известны в коллекциях Янской стоянки (28 500–27 000 л.н.) [Питулько, Павлова, 2014] и стоянки Мальта (21 700–20 700 л.н.) [Cauwe et al., 1996].

Наряду с орнаментированными диадемами, браслеты из камня и кости являлись, по всей видимости, наиболее персональными из всех известных типов древних украшений. Эти изделия принадлежали, скорее всего, конкретным людям, несли важную для их обладателей информацию и, вероятно, могли использоваться повседневно [Питулько, Павлова, 2014, с. 157]. Присутствие браслетов в составе погребальных комплексов, выразительный внешний облик, тщательность изготовления, наличие следов орнамента и преднамеренного окрашивания указывают на высокую значимость этих изделий в культурном контексте верхнего палеолита.

Список литературы

Браслеты из мужского и детского погребений со стоянки Сунгирь. Каталог. – Владимир: Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2011. – 84 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 13–25.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Ульянов В.А., Чеха А.М. Новые данные по верхнему палеолиту из восточной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 50–53.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Чеха А.М. Характер палеолитических комплексов Денисовой пещеры: раскопки в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 71–74.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Искусство Янской стоянки: диадемы и браслеты из бивня мамонта (предварительный анализ коллекции) // Археология Арктики. – Екатеринбург, 2014. – Вып. 2. – С. 141–161.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А. Обработка бивня мамонта в верхнем палеолите Арктической Сибири (по материалам Янской стоянки) // Stratum plus. – 2015. – № 1. – С. 223–283.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Синицын А.А. Ранний верхний палеолит Восточной Европы: украшения и вопросы эстетики // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. – СПб.: Экстрапринт, 2016. – С. 320–337.

Хлопачев Г.А., Гиря Е.Ю. Секреты древних костерезов Восточной Европы и Сибири – приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). – СПб.: Наука, 2010. – 144 с.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Павленок Г.Д. Костяные орудия и украшения раннего верхнего палеолита из Центрального зала Денисовой пещеры: коллекция 2016 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопре-

дельных территории. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 221–224.

Cauwe N., Medvedev G., Lipnina E., Claes K., Coupe D., Modrie S., Muxharramov S., Osadtshy S., Petitt P., Rebrikov P., Rogocskoi E., Sulerjitsky L., Vorobeva G., Xhenzixhenova D. Mal'ta en Sibérie. Présentation du programme de recherche des Musées royaux d'Art et d'Histoire de Bruxelles et de l'Université de l'État à Irkoutsk // Anthropologie et Préhistoire. – 1996. – N 107. – P. 109–130.

References

Braslety iz muzhskogo i detskogo pogrebenii so stoyanki Sungir'. Katalog. Vladimir: Vladimiro-Suzdal'skii muzei-zapovednik Publ., 2011, 84 p. (in Russ.).

Cauwe N., Medvedev G., Lipnina E., Claes K., Coupe D., Modrie S., Muxharramov S., Osadtshy S., Petitt P., Rebrikov P., Rogocskoi E., Sulerjitsky L., Vorobeva G., Xhenzixhenova D. Mal'ta en Sibérie. Présentation du programme de recherche des Musées royaux d'Art et d'Histoire de Bruxelles et de l'Université de l'État à Irkoutsk. *Anthropologie et Préhistoire,* 1996, No. 107, pp. 109–130.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Chekha A.M. Kharakter paleoliticheskikh kompleksov Denisovoi peshchery: raskopki v 2015 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 71–74 (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Ulianov V.A., Chekha A.M. Novye dannye po verkhnemu paleolitu iz vostochnoi galerei Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 50–53 (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Volkov P.V. Paleoliticheskii braslet iz Denisovoi peshchery. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2008, No. 2, pp. 13–25 (in Russ.).

Khlopachev G.A., Girya E.Yu. Sekrety drevnikh kostorezov Vostochnoi Evropy i Sibiri – priemy obrabotki bivnya mamonta i roga severnogo olenya v kamennom veke (po arkheologicheskim i eksperimental'nym dannym). St. Petersburg: Nauka, 2010, 144 p. (in Russ.).

Pitulko V.V., Pavlova E.Yu. Iskusstvo Yanskoi stoyanki: diademy i braslety iz bivnya mamonta (predvaritel'nyi analiz kollektsii). In *Archaeology of the Arctic.* Yekaterinburg, 2014, iss. 2, pp. 141–161 (in Russ.).

Pitulko V.V., Pavlova E.Yu., Nikol'skii P.A. Obrabotka bivnya mamonta v verkhnem paleolite Arkticheskoi Sibiri (po materialam Yanskoi stoyanki). *Stratum plus*. 2015, No. 1, pp. 223–283 (in Russ.).

Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadzhanyan, G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Ul'yanov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoikin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Belousova N.E., Pavlenok G.D. Kostyanye orudiya i ukrasheniya rannego verkhnego paleolita iz Tsentral'nogo zala Denisovoi peshchery: kollektsiya 2016 goda. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 221–224 (in Russ.).

Sinitsyn A.A. Rannii verkhnii paleolit Vostochnoi Evropy: ukrasheniya i voprosy estetiki. In *Verkhnii paleolit: obrazy, simvoly, znaki. Katalog predmetov iskusstva malykh form i unikal'nykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkheologicheskogo sobraniya MAE RAN*. St. Petersburg: Ekstraprint, 2016, pp. 320–337 (in Russ.).

УДК 903.01

М.В. Шуньков, А.Ю. Федорченко, М.Б. Козликин

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Костяные изделия начала верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2017 года)

В 2017 г. в ходе исследования плейстоценовых отложений слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры был найден фрагмент острия из бивня мамонта и 15 украшений из разных материалов. Украшения представлены подвесками из зубов животных, мягкого камня, раковины моллюска и бивня мамонта, бусами-пронизками из кости и орнаментированным предметом из ребра млекопитающего. Технология изготовления украшений включала несколько этапов: подбор сырья, получение заготовки, обработку строганием, скоблением, шлифовкой, пилением, сверлением и полировкой. Некоторые специфические для начала верхнего палеолита приемы (шлифовка, сверление, полировка) применялись в индустрии слоя 11 как при изготовлении предметов из кости и бивня, так и при обработке мягкого камня. Зафиксированы также следы ремонта и переоформления украшений.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, ранний этап верхнего палеолита, костяные орудия, персональные украшения, экспериментально-трасологический анализ, технологический анализ.*

M.V. Shunkov, A.Yu. Fedorchenko, M.B. Kozlikin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: winteralex2008@gmail.com

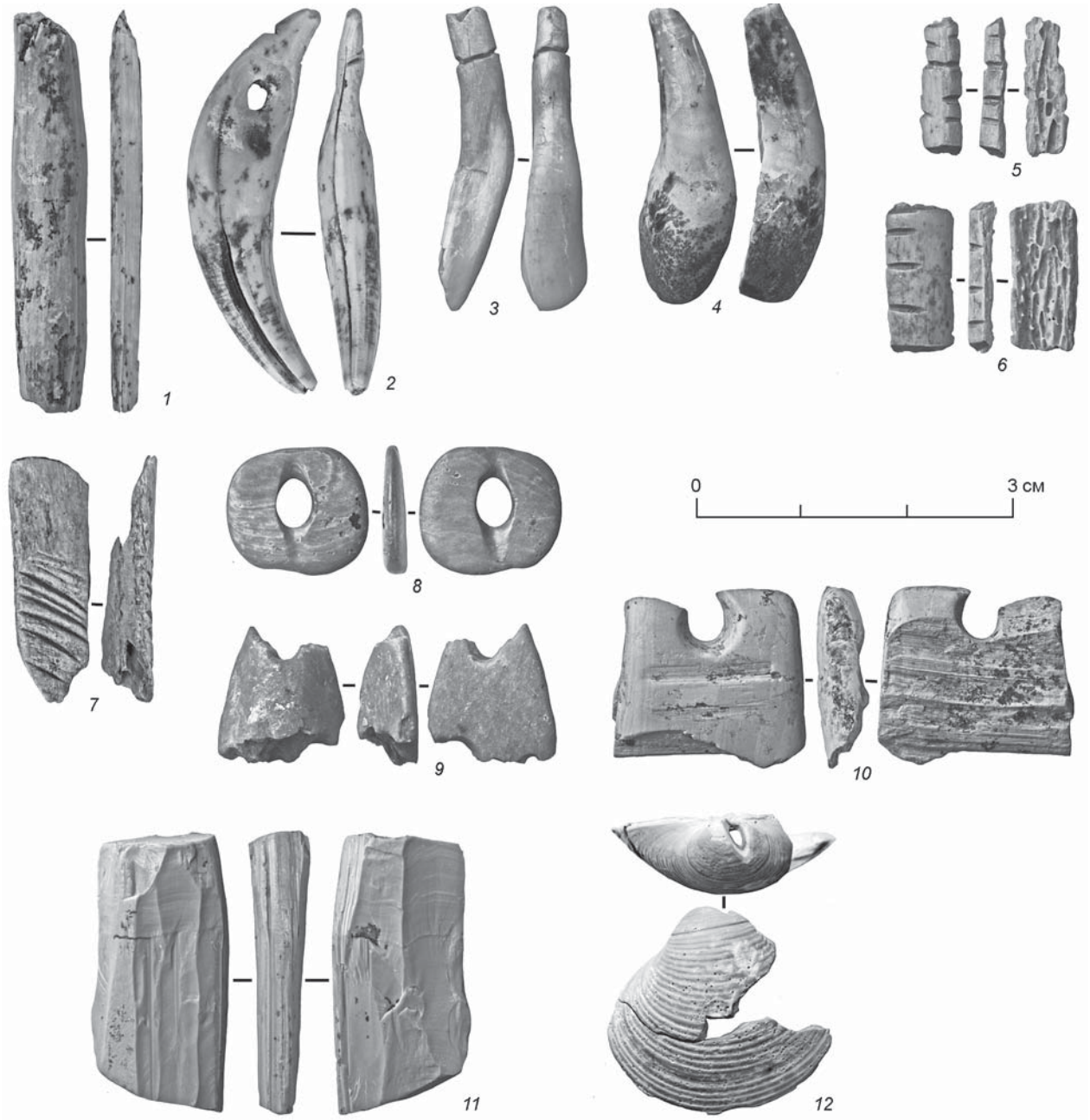
Early Upper Paleolithic Objects of Bone from the South Chamber of Denisova Cave (Collection of 2017)

In 2017, during the study of the Pleistocene deposits from layer 11 in the South Chamber of Denisova Cave, excavations revealed a fragment of mammoth ivory point and 15 adornments made of different materials. The adornments included pendants made of animal teeth, soft stone, mollusk shell, and mammoth ivory, as well as tubular beads of bone and decorated object made from the rib of a mammal. Manufacturing technology for producing the adornments involved several stages, such as selection of raw material, production of the blank, shaving, scraping, grinding, sawing, drilling, and polishing. The analysis of the industry associated with layer 11 indicates that some techniques specific for the Early Upper Paleolithic (grinding, drilling, and polishing) were used both for manufacturing bone and ivory artifacts and processing of soft stone. In addition, the evidence of repairing the adornments and their remodeling has also been found.

Key words: *Altai Mountains, Denisova Cave, Early Upper Paleolithic, bone tools, personal adornments, experimental use-wear analysis, technological analysis*.

В 2017 г. в ходе раскопочных работ в южной галерее Денисовой пещеры, в литологическом слое 11, содержащем материалы ранней стадии верхнего палеолита, было найдено орудие из бивня мамонта и украшения из кости, поделочного камня и раковины моллюска. Основные приемы и способы изготовления этих изделий были реконструированы с помощью технологического и экспериментально-трасологического методов. Палеонтологические определения изделий выполнены д-ром биол. наук, проф. А.К. Агаджаняном (ПИН РАН), петрографические определения – канд. геол.-минер. наук Н.А. Кулик (ИАЭТ СО РАН).

Орудие из бивня мамонта представлено фрагментом острия. Изделие узкой удлиненной формы с округлым поперечным сечением (см. *рисунок*, *1*). Дистальная часть острия обломана, одна из его лицевых сторон повреждена в результате расслоения бивня по конусам роста. Длина орудия – 37,6 мм; ширина – от 6,2 мм в проксимальной части до 7,4 и 6,1 мм в медиальной и дистальной частях соответственно, толщина – 2,3–2,9 мм. Заготовкой

Орудие из бивня (*1*) и персональные украшения (*2–12*) из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.

1 – острие из бивня; *2, 3* – подвески из зубов млекопитающих; *4* – заготовка подвески; *5, 6* – пронизки из трубчатых костей млекопитающих; *7* – изделие из кости с орнаментом; *8* – подвеска из бивня; *9, 10* – подвески из серпентина; *11* – заготовка подвески из серпентина; *12* – подвеска из раковины моллюска.

для изделия служила удлиненная пластина бивня, отделенная в продольном направлении вырезанием с последующим расслоением. Поверхность изделия обработана строганием. В проксимальной части острия также зафиксированы следы слома.

Украшения изготовлены из зубов (4 экз.) и кости (4 экз.) животных, мягких пород камня (3 экз.), бивня мамонта (2 экз.) и раковины моллюска. Для подвесок использованы зубы *Vulpes vulpes* и *Capra sibirica* (см. *рисунок*, *2–4*). Длина подвесок 28,6–36,0 мм, ширина – 6,3–8,6 мм, толщина – 4,8–5,5 мм. В корневой части изделия имеют следы крепления в виде серии коротких кольцевых нарезок, пропиленных каменным инструментом с V-образным лезвием. Длина нарезок составляет 1,8–3,9 мм, ширина – 0,3–1,0 мм. На двух подвесках оси прорезанных каналов не совпадают, на третьем украшении линии образуют относительно ровную окружность. Перед оформлением кольцевых нарезок место их нанесения было подработано по периметру строганием.

В корневой части подвески из зуба *Vulpes vulpes* (см. *рисунок*, *2*) помимо нарезок имеется сквозное отверстие овальной формы, размером 2,6 × 1,8 мм. Перед перфорированием изделие в месте сверления было утончено и уплощено скоблением. Само отверстие сформировано попеременным двусторонним пробиванием с последующей развальцовкой. Все технологические операции могли осуществляться с помощью одного инструмента с относительно острым и узким лезвием, выполнявшего функции ножа, резчика и развертки. Особенности следов износа позволяют предположить, что сначала это украшение подвешивалось через отверстие. Затем, после переоформления, его носили, обвязывая по кольцевым нарезкам.

В коллекцию украшений входят три фрагмента пронизок из трубчатых костей и ребер млекопитающих размера *Ovis ammon* и *Capra sibirica*. Длина фрагментов составляет 13,1–15,1 мм, ширина – 4,1–8,2 мм, толщина – 2,2–3,1 мм. Два фрагмента могут являться частями одного изделия, однако аппликативных связей между ними не прослежено. Оба предмета имеют цилиндрическую форму и овальное поперечное сечение (см. *рисунок*, *5, 6*). Первый этап производства пронизок включал получение заготовки путем глубокого кругового разрезания кости с последующим сломом. Плоскость надреза расположена под углом 45º к поперечной оси изделия. Затем формировалось отверстие путем двустороннего рассверливания и частичного удаления трубчатого вещества кости. На заключительном этапе обработки на поверхность изделия наносился орнамент в виде коротких поперечных незамкнутых пропиленных насечек, сгруппированных в два блока по 3–4 линии. Ширина насечек – 0,1–0,6 мм, глубина – 0,1–0,5 мм, расстояние между ними – 1,6–3,7 мм. При увеличении от ×40 до ×100 на внешней стороне пронизок видны следы износа – матовая заполировка, неглубокие разнонаправленные риски и микровыбоины. На внутренней стороне пронизок следы заполировки и стертости отмечены на выступающих участках микрорельефа.

К числу орнаментированных предметов принадлежит также фрагмент изделия (22,9 × 7,7 × × 4,9 мм) из ребра млекопитающего размера *Ovis ammon* или *Capra sibirica* (см. *рисунок*, *7*). На одной стороне предмета имеется ряд из девяти параллельных насечек, нанесенных орудием с V-образным лезвием и возвратно-поступательной кинематикой. Длина резных линий колеблется от 4,1 до 7,4 мм, глубина – 0,1–0,5 мм, расстояние между ними – 0,3–2,2 мм. В промежутках между некоторыми глубокими насечками отмечены следы пробных надрезов. Все насечки расположены под углом 65º–75º к продольной оси изделия. Других следов обработки на этом изделии не прослежено.

Украшения из бивня мамонта представлены двумя изделиями. Первое – подвеска в виде вытянутого прямоугольника с закругленными углами, с уплощенно-линзовидным сечением, размером 12,0 × 13,3 × 2,3 мм (см. *рисунок*, *8*). Заготовкой изделия служил скол бивня, отделенный в тангенциальном направлении. Овальное в плане и цилиндрическое в профиль отверстие, размером 4,6 × 3,7 мм, немного смещено к одному из краев изделия. Лицевые стороны и края предмета тщательно отшлифованы и заполированы. С двух сторон от отверстия симметрично выструганы треугольные в плане углубления. В результате трасологического исследования изделия отмечены следы износа – заполировка, неглубокие разнонаправленные риски и микровыбоины. Концентрические борозды внутри отверстия практически не сохранились. Контуры треугольных углублений возле отверстия сильно заглажены, внутри углублений зафиксирована заполировка. Такое сочетание следов позволяет интерпретировать это изделие как подвеску, крепившуюся через две относительно тонких нити.

Второе изделие из бивня мамонта представлено фрагментом размером 23,7 × 17,7 × 3,0 мм, подпрямоугольной формы, трапециевидным в поперечном сечении. Лицевые стороны изделия не сохранились после двустороннего расслоения по конусам роста бивня. Заготовкой предмета служил массивный объемный фрагмент бивня, полученный путем поперечного членения. Боковые края изделия, обработанные строганием, шлифовкой, полировкой, скошены на 65º к его продольной оси. Верхняя и нижняя грани предмета представляют поверхность слома бивня. В целом виде это изделие, скорее всего, было схоже с массивной подвеской из бивня, обнаруженной в восточной галерее пещеры [Деревянко и др., 2015, с. 73].

Две готовые подвески и одна заготовка выполнены из серпентина бежево-желтого, коричневого и светло-зеленого цветов. Первая подвеска подпрямоугольной формы (16,6 × 18,0 × 4,0 мм) имеет следы расслоения на одной стороне и фрагментацию в районе сверленого отверстия (см. *рисунок*, *10*). Биконическое отверстие (d = 2,8–4,0 мм) смещено к верхнему краю изделия. Вторая подвеска подтреугольной формы (12,9 × 11,7 × 5,5 мм) имеет односторонне-выпуклый профиль и следы двух поврежденных биконических отверстий (d = 3,2 и 2,5–2,7 мм) в дистальной и проксимальной частях изделия (см. *рисунок*, *9*). На поверхностях каменных украшений, обработанных шлифовкой и полировкой, на микроуровне отмечены следы микро-

повреждений – тонкие разнонаправленные разной глубины линейные следы, выбоины и следы стертости. Концентрические борозды внутри отверстий равномерно стерты. У второй подвески на нижнем крае отмечены следы переоформления – после деформации изделия кромка слома с остатками стенки отверстия была заглажена абразивом. Заготовка подвески подпрямоугольной формы (25,8 × 12,6 × × 5,6 мм), на лицевых сторонах несет негативы узких (2–4 мм) бипродольных снятий (см. *рисунок*, *11*). На выпуклой стороне предмета остался участок естественной поверхности со следами пришлифовки.

Подвеска из раковины пресноводного моллюска *Corbicula tibetesis* (18,8 × 20,0 × 7,2 мм) имеет в основании пропиленное отверстие овальной формы (d = 1,7 мм) с конусовидным профилем (см. *рисунок*, *12*). Длина канала составляет 4,3 мм, ширина – от 2,1 до 0,1–0,2 мм, глубина – 1,5 мм.

Большинство украшений и острие из южной галереи имеют прямые аналоги среди материалов ранней стадии верхнего палеолита из других участков Денисовой пещеры. В слое 11 в центральном зале и в слоях 11.2 и 11.1 в восточной галерее обнаружены струганые острия из кости, украшения из зубов животных с просверленным или с пробитым отверстием, или с креплением в виде кольцевой нарезки, подвески из серпентина, орнаментированные пронизки из трубчатых костей животных, подвески из раковин с пробитым или сверленым отверстием. Результаты трасологического исследования персональных украшений из южной галереи пещеры свидетельствуют об их относительно длительном использовании, а также о случаях переоформления и повторного употребления.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Чеха А.М. Характер палеолитических комплексов Денисовой пещеры: раскопки в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территории. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 71–74.

References

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Chekha A.M. Kharakter paleoliticheskikh kompleksov Denisovoi peshchery: raskopki v 2015 godu. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 71–74 (in Russ.).

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

УДК 572

О.В. Батанина[1], А.В. Зубова[1, 2], М.С. Кишкурно[1], Д.В. Поздняков[1], Т.А. Чикишева[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
E-mail: dimolka@gmail.com

Антропологические материалы эпохи бронзы из могильника Рублево VIII

В статье представлены результаты исследования материалов из погребений эпохи бронзы могильника Рублево VIII в южной Кулунде. По результатам исследования коллекции из андроновских погребений можно заключить, что эта группа принципиально отличается от андроновского населения Западной Сибири, Центрального и Восточного Казахстана. Наиболее близкие морфологические характеристики она обнаруживает с представителями петровской культуры Южного Урала, алакульскими сериями из Западного Казахстана, Волго-Уралья и Южного Урала. Значительно менее репрезентативные материалы эпохи поздней бронзы не демонстрируют преемственности между населением андроновской эпохи и последующими периодами, однако дать более подробную характеристику постандроновской группы не представляется возможным из-за ее малочисленности и неудовлетворительной сохранности.

Ключевые слова: *краниология, остеология, морфологическая характеристика, палеоантропологическая серия, эпоха бронзы, Кулундинская степь.*

O.V. Batanina[1], A.V. Zubova[1, 2], M.S. Kishkurno[1], D.V. Pozdnyakov[1], T.A. Chikisheva[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
E-mail: dimolka@gmail.com

Anthropological Materials of the Bronze Age from the Rublyovo VIII Burial Ground

The article presents the results of research of the materials from the burials of the Bronze Age at the Rublyovo VIII burial ground in southern Kulunda. The results of the study of the collection from the Andronovo burials of that site show that this group was fundamentally different from the Andronovo population of Western Siberia, Central and East Kazakhstan. The morphological features collection has the greatest similarity to the objects of the Petrovo culture of the Southern Urals, Alakul series from West Kazakhstan, the Volga-Ural region, and the Southern Urals. Much less representative materials of the Late Bronze Age do not show continuity between the population of the Andronovo period and subsequent periods. However, it is not yet possible to provide a more detailed description of the post-Andronovo group due to its the small number of burials and their unsatisfactory state of preservation.

Keywords: *craniology, osteology, morphological characteristics, paleoanthropological series, bronze epoch, Kulunda steppe.*

Материалы, представленные в данной статье, происходят из погребений эпохи бронзы могильника Рублево VIII, расположенного в южной Кулунде, на границе Михайловского и Угловского р-нов Алтайского края. На памятнике исследовано более ста погребений, относящихся к эпохе развитой и поздней бронзы [Кирюшин и др., 2004]. К сожалению, из-за особенностей почв, антропологическая коллекция из этого памятника имела очень плохую сохранность, что не позволило полноценно изучить

все имеющиеся в нашем распоряжении скелеты. Это замечание касается как состояния костной ткани, так и комплектности костяков. Поэтому выводы о происхождении и месте данных популяций в кругу населения северной Евразии эпохи бронзы носят предварительный и очень общий характер. Количественно наша выборка такова, что приходится давать характеристику единичным наблюдениям и тем самым возводить индивидуальные особенности в ранг групповых.

Мужская краниологическая серия из погребений андроновской культуры характеризуется очень большими продольным и высотным диаметрами при малой или очень малой ширине мозгового отдела. Лобная кость достаточно наклонная, узкая, умеренно выпуклая в сагиттальной плоскости и резко профилированная на горизонтальном уровне. Соотношения сегментов мозгового отдела черепа характеризуют серию как европеоидную [Беневоленская, 1988, 1991].

Высота лицевого отдела варьирует от малых до больших значений, при этом его широтные параметры тяготеют к средним и малым величинам. По углам горизонтальной профилировки все черепа являются гипопрозопными, а по значениям вертикальной профилировки – мезогнатными с выступающим альвеолярным отделом. Орбиты в большинстве случаев широкие и низкие, хамэконхные по указателю. Грушевидное отверстие средней или малой высоты, как правило узкое, мезоринное по указателю. Строение носовых косточек характеризуется умеренной шириной и большой высотой, при большом угле выступания их над общим профилем лица.

При общем сходстве строения мозговой капсулы, в мужской серии наблюдаются отличия в размерах лицевого отдела. Можно выделить черепа с высоким лицом и узким грушевидным отверстием и индивидов с низким лицом и средним или даже широким носом. При этом других принципиальных отличий между ними не наблюдается.

Сохранность черепов женской части андроновской серии значительно хуже, поэтому мы можем лишь констатировать, что их морфологические особенности повторяют характеристики мужской выборки.

Остеологическая серия, относящаяся к андроновскому времени, представлена 10 индивидами: 4 женского пола, 6 – мужского.

Полная и общая длина плечевых костей мужской серии характеризуется средними величинами. В большинстве случаев длина предплечья относится к величинам выше среднего. Исключение составляют индивиды из погр. 96 и 102. Для первого характерны крайне малые величины полной и физиологической длины предплечья. Индивиду из погр. 102 свойственны очень большие показатели физиологической длины плеча, а также полной и общей длины предплечья. По указателю сечения плечевой кости мужская серия характеризуется средними и высокими значениями. С точки зрения указателя массивности два индивида попадают в высокие значения, а остальные – в средние. Общим для мужской серии являются высокие значения указателя прочности костей предплечья. Указатель поперечного сечения лучевых и локтевых костей значительно варьирует.

Категории длины нижних конечностей могут быть охарактеризованы средними и ниже среднего величинами. Бедренные кости по указателю пилястрии имеют малые значения, указатель платимерии находится на границе малых и средних величин.

Сохранность женской серии не позволяет восстановить длину и пропорции тела. По указателю сечения плечевых костей женская серия может считаться однородной: для всех индивидов характерны высокие значения. Соотношение сагиттального и поперечного диаметров лучевых костей говорит о средних значениях указателя сечения. По указателю, лучевые кости умеренно массивные, параметры же локтевых костей попадают в категорию больших величин.

Сохранность погр. 102 и 109 дает возможность произвести исследование данных посткраниальных скелетов по остеоскопической программе. На правой плечевой кости индивида из погр. 102 контур суставной поверхности лучелоктевого сустава видоизменен и присутствует небольшое костное разрастание. Можно предположить, что движение в данном суставе было затруднено. Подобные изменения присутствуют и на левой кости. На проксимальных суставных поверхностях и местах прикрепления реберно-ключичных связок обеих ключиц наблюдается значительная степень остеолизиса. Данное явление может быть связано с физическими нагрузками на плечевой пояс, предполагающими поднятие тяжелых предметов. Наибольшую выраженность имеют места прикрепления больших грудных мышц, широчайших мышц спины и больших круглых мышц, что говорит о таких движениях, как подъем и опускание руки с отягощением. Рельеф правой и левой костей выражен асимметрично, можно предположить, что более частые силовые и динамические движения осуществлялись в правом плечевом суставе. Значительное видоизменение контуров суставной поверхности характерно также для проксимального и дистального лучелоктевых суставов, а также лучезапястного.

Таблица 1. **Индивидуальные данные измерений черепов из могильника Рублево VIII**

Признак	Погребения андроновской культуры														Неатрибутированные погребения эпохи бронзы			Погребения эпохи поздней бронзы		
	Погр. 29 (муж., 35–40 лет)	Погр. 75 (муж., 35–40 лет)	Погр. 83 (муж., 20–30 лет)	Погр. 96 (муж., 20–25 лет)	Погр. 102 (муж., 35–40 лет)	Погр. 105 (муж., 30–35 лет)	Погр. 109 (муж., 45–50 лет)	Погр. 4 (2006) (муж.,35–40 лет)	Погр. 4 (жен., 30–35 лет)	Погр. 53 (жен., 55–60 лет)	Погр. 62 (жен., 18–20 лет)	Погр. 70 (жен., 18–20 лет)	Погр. 104 (жен., 35–40 лет)	Погр. 109 (жен., 25–30 лет)	Погр. 21 (жен., 45–50 лет)	Погр. 22 (жен., 50–55 лет)	Погр. 43 (жен., 25–30 лет)	Погр. 9 (жен., 20–25 лет)	Погр. 55 (жен., 20–30 лет)	Погр. 16 (жен., 15–17 лет)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
1.Продольный диаметр	–	188	183	–	195	–	195	180	–	–	–	–	180	–	173	178	–	178	–	172
8. Поперечный диаметр	–	–	130	–	–	–	–	135	–	–	–	–	–	–	136	149	–	125	–	130
17. Высотный диаметр от базиона	–	–	–	–	144	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20. Высотный диаметр от порион	–	–	–	–	118	–	116	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
5. Длина основания черепа	–	–	–	–	120	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
9. Наименьшая ширина лба	98	98,2	–	95	–	–	87	88	–	–	–	–	90,5	–	102	–	–	90,5	–	86
10. Наибольшая ширина лба	112	124	–	125	–	–	112	113	–	–	–	–	108	–	–	–	–	107	–	110
11. Ширина основания черепа	–	–	–	–	123	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	133	–	–	–	–
12. Ширина затылка	–	102	–	–	109	–	–	108	–	–	–	–	–	–	–	107	–	–	–	–
29. Лобная хорда	–	105,5	103,3	109	113,5	–	112,5	115,5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	105,3	–	101
30. Теменная хорда	–	115	112,2	–	118	–	117	115	–	–	–	–	–	–	102,5	110	–	–	–	112,5
31. Затылочная хорда	–	103	–	–	98	–	–	98,5	–	–	–	–	–	–	–	85	–	–	–	–
26. Лобная дуга	117	126	114	123	130	130	127	131	110	117	–	114	109,8	–	–	–	120	123	135	114
27. Теменная дуга	115	129	119	132	131	138	130	126	127	118	–	121	114,5	133	113	–	114	–	116	129
28. Затылочная дуга	120	130	–	–	122	–	–	120	119	–	–	113	–	110	–	–	103	–	109	–
25. Сагиттальная дуга	352	385	–	–	383	–	–	377	356	–	–	348	–	–	–	–	337	–	360	–
h. Высота поперечного изгиба лба	27,5	20	–	23	–	–	19,5	–	–	–	–	–	19	–	22	–	19	18,5	–	17
Угол поперечного изгиба лба	121,3	135,6	–	128,3	–	–	131,7	–	–	–	–	–		–	133,3	–	–	135,6	–	136,8
Sub.NB. Высота продольного изгиба лба	–	24,4	21,8	22	24,5	–	23,5	25,5	–	–	–	–	24	–	–	–	–	25	–	22
45. Скуловой диаметр	127	–	–	–	–	–	117	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
40. Длина основания лица	–	–	–	–	118	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
48. Верхняя высота лица	73,5	75	–	74	71	63	64	72	66	–	–	61	65	–	–	–	70	69	–	74
47. Полная высота лица	115	124	–	–	117	107	104	113,3	109	–	–	101,3	–	–	–	–	114	116	–	–
43. Верхняя ширина лица	106	102	–	106	–	–	102,5	–	93	–	–	102	–	–	–	–	–	102	–	106
46. Средняя ширина лица	87	93	–	–	–	–	87,5	–	86,5	–	–	80	–	–	–	–	–	85	–	–
60. Длина альвеолярной дуги	–	–	–	–	55	–	–	–	57	–	–	–	51	–	–	–	–	55	–	–
61. Ширина альвеолярной дуги	–	–	–	–	60	–	–	59	60	–	–	61,4	57	–	–	–	–	56	–	–
62. Длина неба	–	–	–	–	–	51	48	45	–	–	–	–	45	–	–	–	–	–	–	–
63. Ширина неба	–	–	–	–	33,5	–	–	32,3	31,5	–	–	31,7	31,5	–	–	–	–	30,8	–	–
55. Высота носа	51	54,5	–	51	52	44,5	47,4	54	47	–	–	43,8	47	–	–	–	–	52	–	–
54. Ширина носа	22,5	–	–	24	26	22,5	28,7	23	24	–	–	22	21,5	–	–	–	–	24,7	–	–
51. Ширина орбиты от mf.	44,5	42,5	41,5	44 (пр.)	43 (пр.)	42,5	43,2	–	38	–	–	41,4	41	–	–	–	–	40	–	–
52. Высота орбиты	31	32	29	33 (пр.)	32,2 (пр.)	30	32	–	32	–	–	34,3	31	–	–	–	35	33	–	–
77. Назомалярный угол	129,5	139,8	–	131,6	–	–	132,9	–	126,3	–	–		–	–	–	–	–	146,4	–	137,2
Zm. Зигомаксиллярный угол	117,6	128,3	–	–	–	–	118,9	–	112,4	–	–	–	–	–	–	–	–	121,3	–	–
SC. Симотическая ширина	7,3	–	–	–	8,2	8	9,5	–	6,8	–	–	8	9,3	–	–	–	–	6	–	–
SS. Симотическая высота	2,9	–	–	–	5	2,5	4,6	–	3,4	–	–	5	–	–	–	–	–	4	–	–
DC. Дакриальная ширина	24	–	–	–	22,5	21	20,7	–	–	–	–	22	–	–	–	–	–	–	–	–
DS. Дакриальная высота	12,2	–	–	–	15	9	15,5	–	–	–	–	11,3	–	–	–	–	–	–	–	–
32. Угол профиля лба от назиона	–	–	–	–	83	–	77	–	–	–	–	–	83	–	–	–	–	–	–	–
GM\FH	–	–	–	–	75	–	68	–	–	–	–	–	74	–	–	–	–	–	–	–
72. Общий угол профиля лица	–	–	–	–	84	–	83	–	–	–	–	–	79	–	–	–	–	–	–	–
73. Угол профиля средней части лица	–	–	–	–	91	–	87	–	–	–	–	–	83	–	–	–	–	–	–	–
74. Угол альвеолярной части лица	–	–	–	–	67	–	79	–	–	–	–	–	68	–	–	–	–	–	–	–
75 (1). Угол выступания носа	30	–	–	–	25	–	34	–	–	–	–	31	–	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 2. **Индивидуальные данные измерений длинных костей из могильника Рублево VIII**

Признак		Погребения андроновской культуры										Неатрибутированные погребения эпохи бронзы		Погребения эпохи поздней бронзы
		Погр. 4 (2006) (муж., 35–40 лет)	Погр. 29 (муж., 35–40 лет)	Погр. 75 (муж., 30–40 лет)	Погр. 96, ск. 1. (муж., adultus)	Погр. 102 (муж., 30–40 лет)	Погр. 109 (муж., 45–50 лет)	Погр. 4 (жен., 30–35 лет)	Погр. 53, ск.1 (жен., 55–60 лет)	Погр. 62 (жен., 18–20 лет)	Погр. 104 (жен., 35–40 лет)	Погр. 22 (жен., 50–55 лет)	Погр. 43 (жен., 30–35 лет)	Погр. 12 (жен., 50–55 лет)
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Плечевая кость														
1. Наибольшая длина	пр.	327	–	324	307	348	–	–	–	–	291	–	321	–
	лев.	–	–	316	–	348	–	–	–	–	–	–	–	338
2. Общая длина	пр.	318	326	315	303	346	–	283	–	–	–	–	316	–
	лев.	–	–	311	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3. Верхняя эпифизарная ширина	пр.	51	–	53	49	52	–	–	–	–	43	–	44,5	–
	лев.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	53
4. Нижняя эпифизарная щирина	пр.	63	–	71	58	65	–	–	–	–	–	–	54,5	–
	лев.	–	–	–	–	–	61	–	–	–	54	–	–	–
5. Наибольший диаметр середины диафиза	пр.	24	23,5	26,5	22	21,6	–	19	–	19,5	22	22,5	19	–
	лев.	24,5	23	24,5	22	20	23,2	17,5	–	19,5	21,5	22	19	25,4
6. Наименьший диаметр середины диафиза	пр.	16,5	20	20	17	17	–	16	–	15	16,5	–	15	–
	лев.	17	19,5	19	17,5	18,5	19	14,5	–	16	17	18	16	19
7. Наименьшая окружность диафиза	пр.	64	68	72	64	65	–	55	–	55	62	61	55	–
	лев.	63,5	64	68,5	64	63	70	53	–	58	63	60,5	56	73
7а. Окружность середины диафиза	пр.	69	74	–	66	67	–	57	–	60	65	–	–	–
	лев.	70	73	–	66	66	72	55	–	62	65	64	–	77
8. Окружность головки	пр.	–	–	–	142	–	–	–	–	–	139	–	–	–
	лев.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
9. Наибольший диаметр головки	пр.	–	–	–	43	–	–	–	–	–	41	–	–	–
	лев.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
10. Вертикальный диаметр головки	пр.	–	–	–	45	49	–	–	–	–	43	–	–	–
	лев.	–	–	–	–	48,5	–	–	–	–	–	–	–	51
6:5. Указатель сечения	пр.	68,8	85,1	75,5	77,3	78,7	–	84,2	–	76,9	75,0	–	78,9	–
	лев.	69,4	84,8	77,6	79,5	92,5	81,9	82,9	–	82,1	79,1	80	84,2	–
7:1. Указатель массивности	пр.	19,6	–	22,2	20,8	18,7	–	–	–	–	21,3	–	17,1	–
	лев.	–	–	21,7	–	18,1	–	–	–	–	–	–	–	21,6

Продолжение табл. 2

1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Лучевая кость														
1. Наибольшая длина	пр.	–	247	254	217	269	235	216	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	248	–	–	235	–	–	–	–	–	–	–
2. Физиологическая длина	пр.	–	235	241	206	259	–	204	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	234	–	–	222	–	–	–	–	–	–	–
4. Поперечный диаметр диафиза	пр.	19	19,5	18,5	11	11,6	–	16	–	–	17	–	–	–
	лев.	18	–	19,5	11	–	20	–	–	–	15,3	–	–	–
5. Сагиттальный диаметр диафиза	пр.	12	12,5	13,5	17	10	–	11	–	–	11	–	–	–
	лев.	12	–	13,5	18	–	10,6	–	–	–	11	–	–	–
3. Наименьшая окружность диафиза	пр.	47	46	46,5	45	45	–	38,5	–	–	41	–	–	–
	лев.	43	–	45	–	–	47	–	–	–	–	–	–	–
5:4 Указатель сечения	пр.	63,2	64,1	73,0	154,5	86,2	–	68,8	–	–	64,7	–	–	–
	лев.	66,7	–	69,2	163,6	–	53,0	–	–	–	71,9	–	–	–
3:2 Указатель массивности	пр.	–	19,6	19,3	21,8	17,4	–	18,9	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	19,2	–	–	21,2	–	–	–	–	–	–	–
Локтевая кость														
1. Наибольшая длина	пр.	–	274	270	239	289	256	230	–	–	234	–	–	–
	лев.	272	–	–	–	–	254	–	–	–	–	–	–	–
2. Физиологическая длина	пр.	–	235	240	204	275	242	202	–	–	203	–	–	–
	лев.	243	–	238	–	–	241	–	–	–	–	–	–	–
11. Передне-задний диаметр диафиза	пр.	14	21	22	16	14	20	15	–	–	16	16,5	–	–
	лев.	14	–	20	17	16	19,6	–	–	–	15,2	–	11	–
12. Поперечный диаметр	пр.	19	16	17	12,5	15	14,3	11	–	–	12,3	14	–	–
	лев.	19	–	16	13	13	15,7	–	–	–	13	–	14	–
13. Верхний поперечный диаметр	пр.	17	18	23	16	23	28	15	–	–	16	–	–	–
	лев.	17	–	23,5	17	23,3	27	–	–	–	16	–	14	–
14. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	пр.	26	25,5	–	24	25,1	–	23	–	–	23,7	–	–	–
	лев.	24	–	29	23	25	22,3	–	–	–	22,5	–	21	–
3. Наименьшая окружность диафиза	пр.	–	46	45	40	36	40	32	–	–	36	–	–	–
	лев.	38	–	–	41	–	40	–	–	–	–	–	–	–
3:2. Указатель массивности	пр.	–	19,6	18,8	19,6	13,1	16,5	15,8	–	–	17,7	–	–	–
	лев.	15,6	–	–	–	–	16,6	–	–	–	–	–	–	–
11:12. Указатель сечения	пр.	73,7	131,3	129,4	128,0	93,3	139,9	136,4	–	–	130,1	117,9	–	–
	лев.	73,7	–	125,0	130,8	123,1	124,8	–	–	–	116,9	–	78,6	–
13:14. Указатель платолении	пр.	65,4	70,6	–	66,7	91,6	–	65,2	–	–	67,5	–	–	–
	лев.	70,8	–	81,0	73,9	93,2	121,1	–	–	–	71,1	–	66,7	–

Ключица														
1. Наибольшая длина	пр.	–	–	–	–	146	–	139	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	159	–	–	–	138	–	–	–	–	–	–
6. Окружность середины диафиза	пр.	–	–	–	–	40	–	29	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	45	–	40	40	31,5	–	–	–	–	33	–
6:1. Указатель массивности	пр.	–	–	–	–	27,4	–	20,9	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	28,3	–	–	–	22,8	–	–	–	–	–	–
Бедренная кость														
1. Наибольшая длина	пр.	–	–	–	–	–	–	401	–	–	–	–	444	–
	лев.	–	426	452	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2. Длина в естественном положении	пр.	443	–	–	–	–	–	398	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	425	449	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
21. Мыщелковая ширина	пр.	–	–	84	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	86	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	пр.	29,5	33	27	–	–	–	22	24,5	–	–	27	24	–
	лев.	28,5	31,5	27	–	33	28,5	–	22,9	–	30,5	29	26	–
7. Поперечный диаметр середины диафиза	пр.	27	34,5	29	–	32	–	27	23,5	–	–	26	24	–
	лев.	28	35	30	–	32,5	30	–	23,2	–	30,5	27	25	–
9. Верхний поперечный диаметр диафиза	пр.	35	37,5	37	–	37	–	33,5	29	–	–	33	–	–
	лев.	35,5	38	38	–	36,2	30	–	29,2	–	–	32	29	–
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	пр.	25	29	26	–	27	–	22,5	21,2	–	–	24	23	–
	лев.	23,5	31	25	–	–	23	–	21,6	–	–	25	22	–
8. Окружность середины диафиза	пр.	88	104	88,5	–	91	–	77	73	–	–	83	77	–
	лев.	87	103	89	–	93	90	–		–	80	89	80	–
8:2. Указатель массивности	пр.	19,9	–	–	–	–	–	19,3	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	24,2	19,8	–	–	–	–	–	–		–	–	–
6:7. Указатель пилястрии	пр.	109,3	95,7	93,1	–	–	–	81,5	104,3	–		103,8	100	–
	лев.	101,8	90,0	90,0	–	101,5	95,0	–	98,7	–	100	107,4	104	–
10:9. Указатель платимерии	пр.	71,4	77,3	70,3	–	73,0	–	67,2	73,1	–	–	72,7	–	–
	лев.	66,2	81,6	65,8	–	–	76,7	–	74,0	–	–	78,1	75,9	–
Большая берцовая кость														
1. Полная длина	пр.	–	–	360	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	365	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2. Мыщелково-таранная длина	пр.	–	–	343	–	–	–	–	–	–	–	–	338	–
	лев.	–	–	346	–	–	–	–	326	–	–	–	–	–

Окончание табл. 2

1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1a. Наибольшая длина	пр.	–	–	362	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	367	–	–	366	–	–	–	–	–	–	–
3. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	пр.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	–	–	–	68	–	–	–	–	–	–	–
6. Наименьшая ширина нижнего эпифиза	пр.	–	–	50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	53	–	–	47	47	–	–	–	–	–	–	–
8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	пр.	31	35	29,5	–	28	–	24	25,6	–	27,5	28,5	28	–
	лев.	31	33	29,5	–	29	29	–	25,5	–	–	–	27	33,4
8a. Сагиттальный диаметр на уровне for. nutr.	пр.	35,5	39	34	–	–	–	29,5	27,6	–	30,5	31	29	–
	лев.	35	37	36,5	–	36	34	–	27,5	–	–	–	29	39
9. Поперечный диаметр середины диафиза	пр.	21	24	23,5	–	23	–	20	18	–	20,5	20	20	–
	лев.	21	24	22,5	–	22	22	–	18	–	–	–	20	22,3
9a. Поперечный диаметр на уровне for.nutr.	пр.	24	27	28	–	–	–	22	19,5	–	22	23	21	26,4
	лев.	25	27	28,5	–	24	23,6	–	19,5	–	–	–	20	26,6
10. Окружность середины диафиза	пр.	82	93	84	–	85	–	72	69	–	78	80	75	–
	лев.	85	90	82,5	–	86	85	–	69,5	–	–	–	72	90
10b. Наименьшая окружность диафиза	пр.	74	90	75	–	78	–	65	65,5	–	70	72,5	68	–
	лев.	74	86	77	–	78	79	–	64	–	–	–	69	82
9a:8a. Указатель сечения	пр.	67,6	69,2	82,4	–	–	–	74,6	70,7	–	–	74,2	72,4	–
	лев.	71,4	73,0	78,1	–	66,7	69,4	–	70,9	–	–	–	69,0	68,2
10:1. Указатель массивности	пр.	–	–	23,3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	22,6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Интермембральный указатель	пр.	–	–		–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	69,3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Берцово-бедренный указатель	пр.	–	–		–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	81,3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Луче-плечевой указатель	пр.	–	–	78,4	70,7	77,3	–	–	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	78,5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Плече-бедренный указатель	пр.	73,8	–	–	–	–	–	71,1	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	70,4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Луче-берцовый указатель	пр.	–	–	70,6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	лев.	–	–	67,9	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

На костях посткраниального скелета из погр. 109 хорошо выражен рельеф в местах прикрепления больших грудных мышц, широчайших мышц спины и плечевой мышцы, что сходно с развитием рельефа на костях индивида из погр. 102. Мышцы на плечевых костях имели симметричные нагрузки, за исключением дельтовидной мышцы, которая имеет большую выраженность на левой стороне. Мышцы предплечья испытывали значительные нагрузки, наиболее стереотипными были такие движения, как ладонное и тыльное сгибание кисти, ее отведение и приведение, а также пронация и супинация в локтевом суставе.

Материал из погребений эпохи бронзы с неустановленной культурной принадлежностью [Кирюшин и др., 2004] представлен тремя женскими черепами. К сожалению, сохранность их такова, что возможно дать только самую общую их характеристику. В сравнении с черепами из погребений андроновской культуры, их черепная коробка характеризуется более округлыми, мезо-брахикранными пропорциями, с широким, несколько уплощенным лбом. Лицевой отдел высокий, что также отличает его строение от материала предшествующего периода.

Несмотря на столь фрагментарные данные, можно с уверенностью заключить, что представительницы данного культурного феномена не проявляют никакой связи с андроновским населением, сооружавшим погребения на этом же памятнике.

Остеологическая коллекция из данных погребений представлена двумя женскими скелетами плохой сохранности. Плечевая кость индивида из погр. 43 относится по длине и указателю сечения к большим значениям, по указателю массивности – к малым. Указатель платолении локтевой кости свидетельствует о значительной уплощенности на верхнем уровне. Длина бедренной кости попадает в очень большие значения. Указатели пилястрии и платимерии могут быть охарактеризованы переходными от малых к средним величинами.

Материал эпохи поздней бронзы представлен тремя женскими черепами, также очень плохой сохранности. Судя по параметрам, которые удалось измерить, морфология представителей позднебронзового населения характеризовалась долихокранной черепной коробкой с узкой, несколько уплощенной лобной чешуей, умеренно высоким, достаточно широким лицом. Углы горизонтальной профилировки демонстрируют большую уплощенность орбитального уровня по сравнению с андроновским населением, в то время как зигомаксиллярный угол находится в пределах очень малых величин. Строение орбит и грушевидного отверстия также отличается от представителей развитой бронзы – грушевидное отверстие имеет мезоринные, а орбиты мезоконхные пропорции. Носовые косточки в месте их максимального сужения характеризуются средней шириной и большой высотой.

Сравнительный анализ серий андроновского времени и периода поздней бронзы позволяет предположить только то, что для представителей эпохи развитой бронзы характерна большая грацильность скелета, по сравнению с постандроновскими сериями.

Индивидуальные данные измерений черепов и скелетов приведены в таблицах 1 и 2.

Касаясь вопроса происхождения населения, оставившего могильник Рублево VIII, необходимо отметить несколько моментов. Несмотря на фрагментарность данных, полученных при исследовании серии из андроновских погребений, можно уверенно заключить, что эта группа принципиально отличается от основного массива андроновского населения Западной Сибири, Центрального и Восточного Казахстана. Наиболее близкие морфологические характеристики исследованная нами серия обнаруживает со сборной алакульской серией из Западного Казахстана [Алексеев, 1967], алакульцами Волго-Уралья [Хохлов, 2017], представителями петровской и алакульской культур Южного Урала [Китов, 2011].

Значительно менее репрезентативные материалы эпохи поздней бронзы позволяют тем не менее заключить, что генетической преемственности между населением андроновской эпохи и последующими периодами не проявляется, однако дать более подробную характеристику постандроновских серий не представляется возможным из-за их малочисленности и неудовлетворительной сохранности.

Список литературы

Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры // СА. – 1967. – № 1. – С. 22–26.

Беневоленская Ю.Д. Расовая дифференциация на территории Азии (по строению лобного отдела черепа) // Историческая динамика этнической и расовой дифференциации народов Азии. – М.: Наука, 1988. – С. 39–50.

Беневоленская Ю.Д. Признаки черепного свода как маркеры различных уровней дифференциации рас // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. – СПб.: Наука, 1991. – С. 126–152.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 62–85.

Китов Е.П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2011. – 26 с.

Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). – Самара: Изд-во Самар. гос. соц.-пед. ун-та, 2017. – 368 с.

References

Alekseev V.P. Antropologija andronovskoj kul'tury. *Soviet archaeology*. 1967, No. 1, pp. 22–26 (in Russ.).

Benevolenskaja Ju.D. Rasovaja differenciacija na territorii Azii (po stroeniju lobnogo otdela cherepa). In *Istoricheskaja dinamika etnicheskoj i rasovoj differenciacii narodov Azii*. Moscow: Nauka, 1988, pp. 39–50 (in Russ.).

Benevolenskaja Ju.D. Priznaki cherepnogo svoda kak markery razlichnyh urovnej differenciacii ras. In *Novye kollekcii i issledovanija po antropologii i arheologii*. St. Petersburg: Nauka, 1991, pp. 126–152 (in Russ.).

Hohlov A.A. Morfogeneticheskie processy v Volgo-Ural'e v epohu rannego golocena (po kraniologicheskim materialam mezolita – bronzovogo veka). Samara: Samara State Univ. of Soc. Sciences and Education Press, 2017, 368 p. (in Russ.).

Kirjushin Ju.F., Papin D.V., Pozdnjakova O.A., Shamshin A.B. Pogrebal'nyj obrjad drevnego naselenija Kulundinskoj stepi v jepohu bronzy. In *Aridnaja zona juga Zapadnoj Sibiri v jepohu bronzy*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2004, pp. 62–85 (in Russ.).

Kitov E.P. Paleoantropologija naselenija Juzhnogo Urala epohi bronzy: cand. sc. (history) dissertation abstract. Moscow, 2011, 26 p. (in Russ.).

УДК 902.2, 902.6

Е.С. Богданов[1], О.И. Новикова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Исследовательские работы на могильнике Курайка (Горный Алтай) в 2017 году

В 2017 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были возобновлены археологические раскопки на могильнике Курайка (Горный Алтай, Кош-Агачский р-н). Было исследовано 10 погребений гунно-сарматского времени: 8 одиночных и 2 парных. В ходе работ удалось проследить особенности погребального обряда, характерные для кок-пашского типа памятников, выявить новые детали ритуальных действий. Впервые зафиксированы деревянные внутримогильные столбовые конструкции перекрытий, описана технология изготовления лиственничных колод и деревянных рам. Благодаря хорошей сохранности древесины в могилах стало возможным поставить вопрос об использовании имитации лодки в погребальном обряде и выявить аналогии в ритуалах коренных народов Сибири.

Ключевые слова: *гунно-сарматское время, кок-пашский тип памятников, архетипы в погребальном ритуале.*

E.S. Bogdanov[1], O.I. Novikova[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Research Works at the Kuraika Burial Ground (Altai Mountains) in 2017

In 2017, a team of the IAET of SB RAS resumed archaeological excavations at the burial ground of Kuraika (Altai Mountains, Kosh-Agach District). Ten burials of the Hunno-Sarmatian time were investigated including eight single and two double burials. In the course of the work, it was possible to observe all features of the funeral rite typical of the Kok-Pash type and uncover new details of ritual activities. For the first time, wooden intratumulary pillar structures of covering have been found. The technology of manufacturing larch slabs and wooden frames have been described. Due to the good state of wood preservation in the graves, it became possible to pose the question of using the imitation of the boat in the funeral ritual and to find the parallels in the rituals of the indigenous peoples of Siberia.

Keywords: *Hunno-Sarmatian time, Kok-Pash type of monuments, archetypes in funeral ritual.*

В 2017 г. были проведены экспедиционные работы на могильнике Курайка в Кош-Агачском р-не Республики Алтай. Памятник находится под наблюдением археологов с 90-х гг. XX столетия, поскольку в результате водной эрозии терраса с погребальными сооружениями постоянно разрушается. Раскопки на памятнике с перерывами ведутся с 1994 г. [Соёнов, Эбель, 1998; Слюсаренко, Богданов, Соёнов, 2008; Богданов, Слюсаренко, 2007; Соёнов, Константинов, Трифанова, 2016]. К началу полевого сезона 2017 г. на Курайке из 105 зафиксированных объектов был исследован 31.

Могильник Курайка относится к кок-пашскому типу погребальных памятников и датируется в пределах III–V вв. н.э. [Елин, 1990; Соёнов, 2003, с. 29–53]. Несмотря на большой объем данных, полученных при раскопках погребений гунно-сарматского времени в Горном Алтае, существует несколько нерешенных проблем.

Во-первых, не установлены причины большой вариабельности погребального обряда в пределах отдельно взятого могильника кок-пашского типа. Во-вторых, не ясна этническая принадлежность населения, оставившего памятники гунно-сарматского времени. В-третьих, до сих пор продолжаются дискуссии по вопросам хронологии. Основные выводы по датировкам получены на основе очень немногочисленных находок, что делает данный подход уязвимым.

В 2017 г. впервые были проведены работы в центральной и южной частях могильника и раскопаны сооружения, визуально имеющие существенные отличия друг от друга. Всего было исследовано 10 погребений: восемь одиночных и два парных. Под наземной конструкцией № 45 погребения не обнаружено. Под насыпью объекта № 81 оказалось две могильные ямы. Несмотря на большую вариабельность деталей, можно выделить основные признаки погребального обряда, характерные для исследованных объектов.

1. Наземные погребальные сооружения представлены прямоугольными каменными оградами-крепидами из уплощенных валунов (искл. объект № 81, имеющий округлую конструкцию). В одних случаях стены оград были выложены в один слой, в других – в 2–4 яруса. Внутреннее пространство в оградах заполнялось остатками выкида из могильной ямы и мелким камнем, поэтому за исключением единичного случая (объект № 81), наземные конструкции Курайки нельзя называть курганными насыпями.

2. Внутримогильные сооружения представлены либо колодой, либо деревянной рамой. Обязательно наличие обкладок из валунов: либо по всему периметру дна могилы, либо только в головах и ногах погребенного. Впервые были выявлены опорные конструкции из четырех столбов, поддерживающих деревянные перекрытия. Перекрытие могло быть как на уровне древней дневной поверхности, так и непосредственно над деревянной рамой. Деревянные рамы собирались из четырех досок при помощи шиповидного соединения: в длинных боковых досках (северная и южная) вырезались сквозные овальные отверстия, в которые вставлялись шипы коротких торцевых досок. В результате у длинных боковых досок оставались выступающие концы.

Рис. 1. Объект № 66а могильника Курайка. Погребальная колода с деревянной крышкой.

Благодаря хорошей сохранности дерева удалось выявить конструктивные особенности лиственничных колод и технологию их изготовления. Верхняя часть ствола снималась на одну треть и после выборки сердцевины колода имела полукруглую в сечении форму. В момент погребения на плоскую верхнюю поверхность торцов сверху укладывалась крышка из широкой доски, закрепленная четырьмя шплинтами (заостренными палочками, прямоугольными в сечении). При предыдущих раскопках было отмечено, что погребальные колоды всегда были закруглены с обоих торцов, причем один из них (в ногах) часто был заужен. Именно такая колода была обнаружена при раскопках объекта № 23, ее длина составляла 3,1 м. Погребенная женщина 30–35 лет (определение канд. ист. наук Д.В. Позднякова) лежала по центру колоды, деревянное перекрытие отсутствовало. Похожая по конструкции колода находилась в объекте № 66а (детское захоронение). Один конец крышки колоды (в ногах) был заострен, другой – закруглен (рис. 1). Обе колоды внешним видом напоминали лодки.

На первый взгляд, имитация лодки в погребальном обряде для кочевой культуры представляется маловероятной, поскольку подобные обряды захоронения больше характерны для народов, жизнь которых тесно связана с водой, а не со скотоводством. Известно, что у обских угров лодки и колоды использовались в погребальном обряде, начиная с VIII–IX вв. [Семенова, 2007, с. 127; Соколова, 2009, с. 447–448]. Если отправление на лодке душ умерших в страну смерти является своего рода мировоззренческим стереотипом, то использование колоды с данной целью не так прямолинейно. «Колода восходит к дереву, которое само по себе является моделью устройства вселенной. Оно связывает собой миры и является проводником в посмертное существование. Рост дерева по аналогии можно воспринять и как движение лодки по воде. При этом направление задается в нужную сторону. Вместе с уложенным к комлю покойником колода-дерево прорастает вниз, в подземный мир. Здесь важно то обстоятельство, что дерево выступает в качестве обеспечения возрождения. Колода не простое транспортное средство, а залог возрождения, воскрешения. Лодка же остается на уровне “инвентаря” покойного, его транспортного средства» [Семенова, 2007, с. 128].

Некоторые детали в погребальном обряде, выявленные при раскопках на могильнике Курайка, представляются нам архетипическими и находят параллели в культурах, удаленных территориально. Так, у обских угров колоды (лодки) сверху перекрывались уложенными поперек плахами [Там же].

На Кольском Оленеостровском могильнике (середина II тыс. до н.э.) могильные ямы с погребальными лодками укреплялись деревянными конструкциями и перекрывались плахами, придавленными камнями на уровне древней дневной поверхности [Шумкин, Колпаков, Мурашкин, 2006, с. 47]. Случаи заваливания погребальной лодки камнями часты у славяно-балтов и германцев [Петрухин, 1980, с. 90]. Причем, как и в случае с курайскими погребениями, в европейской традиции, в основном, заваливался нос и корма погребальной «ладьи». Представляется, что, исходя из мифологических представлений, окатанные валуны могли быть действующими элементами в погребальном обряде, указывая на тесную связь с рекой. Люди, оставившие могильник Курайка, предпочитали поднимать камни из реки вверх на террасу, хотя удобнее было сносить камни вниз с расположенных поблизости каменоломен.

Не случайным совпадением представляется схожая ориентация у погребенных в Курайке и у коренных народов Сибири. «Ось северо-запад (восход) – юго-восток (заход) на сегодняшний день является определяющей для обских угров и ненцев» [Головнев, 1995, с. 429]. Для могильника Курайка данный элемент обряда (ориентация на северо-запад), при большой вариабельности остальных, является самым устойчивым. Как считает В.И. Семенова, «у обских угров северо-запад совпадает с низом и направлением в сторону мира мертвых» [2007, с. 129]. Поэтому можно говорить как о существовании «вертикальной модели мира», работающей по модели мирового дерева («люди Дерева»), так и «плоской вселенной с мировой рекой и лодкой», определяющей двухчастное деление мира на дневную и ночную стороны. При этом лодка, связанная с плаванием по реке (горизонталь), более архаична, чем колода (вертикаль) [Там же].

3. Еще одной важной деталью погребального обряда могильника Курайка выступают своеобразные вещевые комплексы в сочетании с отсутствием керамической посуды в погребениях. Помимо стандартного набора погребального инвентаря (сердоликовые, стеклянные, пастовые, костяные бусы, бусины-застежки из раковин, раковины каури на поясах) стоит отметить находку каменного алтарика на четырех ножках из женского погребения (объект № 23) (рис. 2). Он стоял в ногах погребенной, у торца колоды, на нем сохранились остатки красного порошка минерального происхождения. По всей видимости, следы именно этой краски были зафиксированы на лицевой части черепа женщины. Это не первый случай обнаружения следов подобного ритуала на Курайке [Слюсаренко, Богданов, Соёнов, 2008, с. 44] и в других памятниках эпохи палеометалла Южной Сибири [Бородовский, 2002, с. 113–118]. Истоки этого ритуала и аналоги самого предмета следует, по всей видимости, искать в сарматском мире. Большинство исследователей, вслед за К.Ф. Смирновым, считают, что сарматские (савроматские) жертвенники (алтарики, столики) «служили для разжигания огня и воскурения ароматических веществ», а также «для растирания веществ, символизирующих жертвенную кровь и огонь» [Смирнов, 1964, с. 167]. Анализ всего массива данных позволяет предположить многофункциональность использования подобных переносных предметов. Часть из них могла использоваться для сока-хаомы [Федоров, 2001, с. 30], для косметических средств [Зуев, 1996, с. 14], для смешивания краски при нанесении татуировки [Васильев, 1998, с. 32–33].

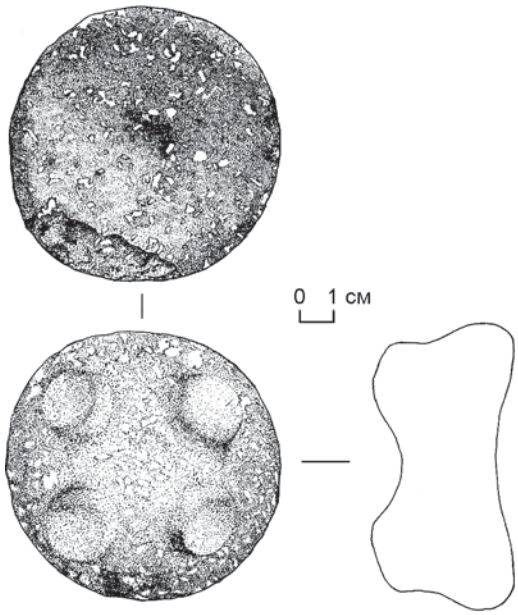

Рис. 2. Объект № 23 могильника Курайка. Каменный алтарик (столик).

Таким образом, в результате раскопок в 2017 г. удалось выявить новые и важные детали в погребальном обряде на могильнике Курайка, отобрать древесину для дендрохронологического анализа, получить представительную серию образцов для генетического анализа и пополнить коллекцию антропологического материала.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю. Амулеты из египетского фаянса с территории Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2007. – № 4. – С. 77–80.

Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. – Новосибирск: [Б. и.], 2002. – 208 с.

Васильев В.Н. К вопросу о сарматских жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфим. археол. вестн. – 1998. – № 1. – С. 25–43.

Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.

Елин В.Н. Кок-пашский тип археологических памятников предтюркского времени в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 119–136.

Зуев В.Ю. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. – С. 54–68.

Петрухин В.Я. Погребальная ладья викингов и «корабль мертвых» у народов Океании и Индонезии // Символика культов и ритуалов у народов зарубежной Азии. – М.: Глав. ред. Вост. лит-ры, 1980. – С. 79–91.

Семенова В.И. Археолого-этнографическое моделирование погребального обряда в структурно-семиотическом контексте // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2007. – № 7. – С. 120–130.

Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соёнов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: Агентство по культ.-истор. наследию Респ. Алтай, 2008. – Вып. 7. – С. 42–57.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.: Наука, 1964. – 380 с.

Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайск. гос. ун-та, 2003. – 160 с.

Соёнов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Аварийные работы на могильнике Курайка (Южный Алтай) в 2015 году // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): мат-лы междунар. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. – С. 82–88.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – № 3. – С. 113–135.

Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI века. – М.: Наука, 2009. – 756 с.

Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «сарматских жертвенников» Южного Приуралья // Уфим. археол. вестн. – 2001. – № 3. – С. 21–49.

Шумкин В.Я., Колпаков Е.М., Мурашкин А.И. Некоторые итоги новых раскопок могильника на большом Оленьем острове Баренцева моря // Зап. ИИМК РАН. – СПб., 2006. – № 1. – С. 42–52.

References

Bogdanov E.S., Slyusarenko I.Yu. Amulety iz egipetskogo fayansa s territorii Gornogo Altaya. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, No. 4, pp. 77–80 (in Russ.).

Borodovskiy A.P. Arkheologicheskiye pamyatniki Iskitimskogo rayona Novosibirskoy oblasti. Novosibirsk, 2002, 208 p. (in Russ.).

Elin V.N. Kok-pashskii tip arkheologicheskikh pamyatnikov predtyurkskogo vremeni v Gornom Altae. In *Problemy izucheniya drevnei i srednevekovoi istorii Gornogo Altaya*. Gorno-Altaisk, 1990, pp. 119–136 (in Russ.).

Fedorov V.K. O funktsional'nom naznachenii tak nazyvayemykh «sarmatskikh zhertvennikov» Yuzhnogo Priural'ya. In *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik*, 2001, No. 3, pp. 21–49 (in Russ.).

Golovnev A.V. Govoryashchiye kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov. Ekaterinburg: Ural Branch RAS Press, 1995, 606 p. (in Russ.).

Petrukhin V.Ya. Pogrebal'naya lad'ya vikingov i «korabl' mertvykh» u narodov Okeanii i Indonezii. In *Simvolika kul'tov i ritualov u narodov zarubezhnoy Azii*. Moskow: Glavnaya redaktsiya Vostochnoy literatury, 1980, pp. 79–91 (in Russ.).

Semenova V.I. Arkheologo-etnograficheskoye modelirovaniye pogrebal'nogo obryada v strukturno-semioticheskom kontekste. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2007, No. 7, pp. 120–130 (in Russ.).

Shumkin V.Ya., Kolpakov E.M., Murashkin A.I. Nekotoryye itogi novykh raskopok mogil'nika na bol'shom Olen'yem ostrove Barentseva morya. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury*. St. Peresburg, 2006, No. 1, pp. 42–52 (in Russ.).

Slyusarenko I.Yu., Bogdanov E.S., Soyonov V.I. Novye materialy gunno-sarmatskoy epokhi iz Gornogo Altaya (mogil'nik Kurayka). In *Izucheniye istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri*. Gorno-Altaysk: Agentstvo po kulturno-istoricheskomu naslediyu Respubliki Altai, 2008, vol. 7, pp. 42–57 (in Russ.).

Smirnov K.F. Savromaty. Rannyaya istoriya i kul'tura sarmatov. Moskow: Nauka Publ., 1964, 380 p. (in Russ.).

Sokolova Z.P. Khanty i mansi: vzglyad iz XXI veka. Moskow: Nauka Publ., 2009, 756 p. (in Russ.).

Soyonov V.I. Arkheologicheskie pamyatniki Gornogo Altaya gunno-sarmatskoi epokhi. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Univ. Press, 2003, 160 p. (in Russ.).

Soyonov V.I., Ebel' A.V. Issledovaniya na mogil'nike Kurayka. In *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii*. Gorno-Altaysk, 1998, No. 3, pp. 113–135 (in Russ.).

Soyonov V.I., Konstantinov N.A., Trifanova S.V. Avariynyye raboty na mogil'nike Kurayka (Yuzhnyy Altay) v 2015 godu. In *Arkheologicheskoye naslediye Sibiri i Tsentral'noy Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniy*a): Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2016, pp. 82–88 (in Russ.).

Vasil'yev V.N. K voprosu o sarmatskikh zhertvennikakh kochevnikov Yuzhnogo Urala. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik*, 1998, No. 1, pp. 25–43 (in Russ.).

Zuyev V.Ya. Nauchnyy mif o «savromatskikh zhritsakh». In *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu*. St. Petersburg: State Hermitage Publ., 1996, pp. 54–68 (in Russ.).

УДК 902/904

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Костяные варганы и их заготовки гунно-сарматского времени на территории Северного Алтая

Древнейшие образцы костяных варганов встречаются на территории Южной Сибири и Центральной Азии начиная с гунно-сарматского времени. Целью исследований являлись поиски варганов и их заготовок среди предметов косторезного производства поселенческих комплексов (городище Черемшанка, поселение Чултуков Лог-9) Северного Алтая начала I тыс. н.э. По данным структурно-морфологического анализа, все варганы гунно-сарматского времени были изготовлены из пластинчатой кости, полученной из ребер крупных копытных животных. С помощью трасологических исследований выявлены основные приемы обработки: строгание, резание, сверление металлическим инструментом (ножом). Вводимые в научный оборот костяные варганы и их заготовки являются древнейшими находками такого типа музыкальных инструментов на территории Алтая.

Ключевые слова: *костяные пластинчатые варганы, гунно-сарматское время, Алтай, косторезное производство.*

A.P. Borodovsky

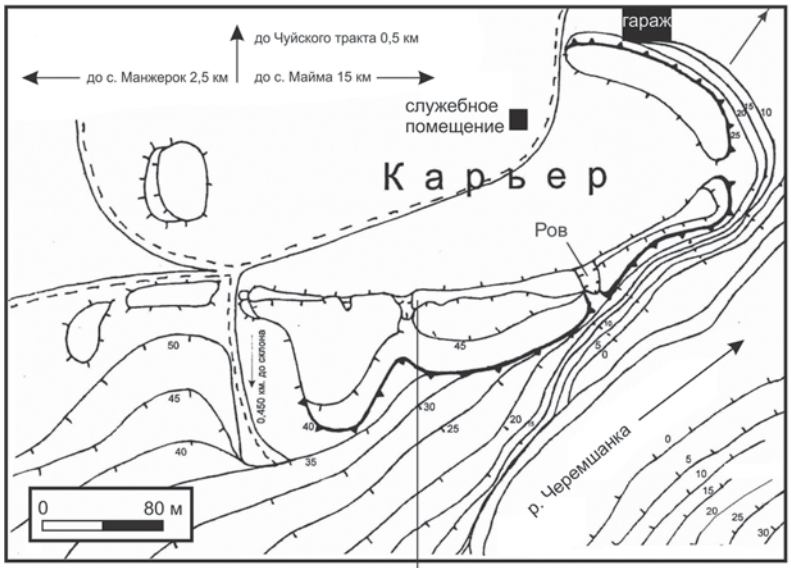
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

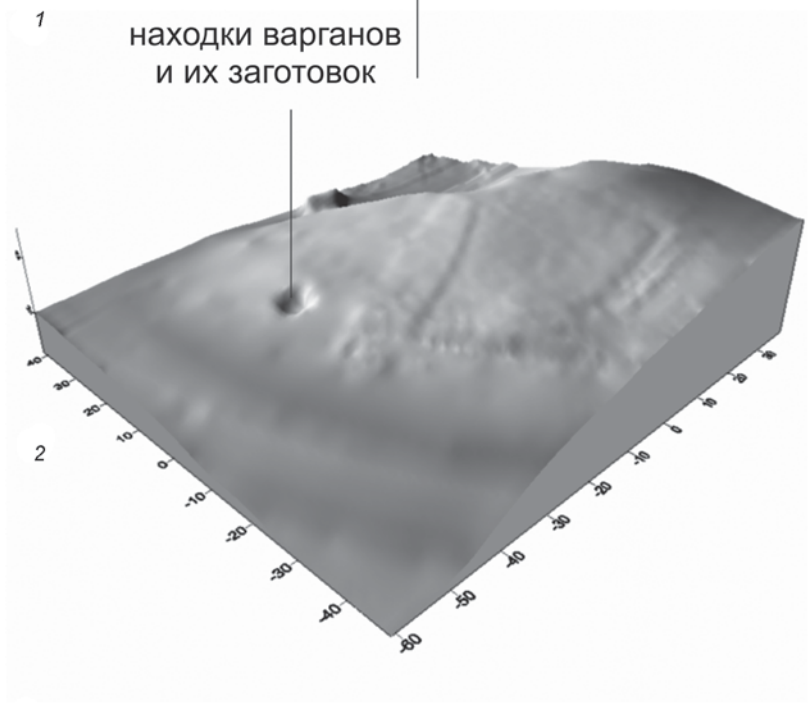
Bone Mouth Harps and Their Blanks of the Hunno-Sarmatian Period from Northern Altai

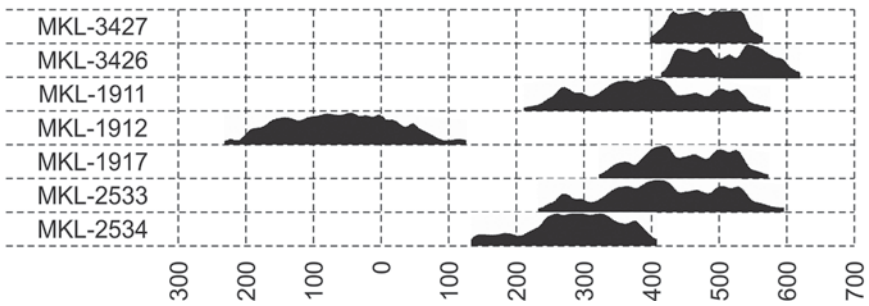
The earliest examples of bone mouth harps started to appear on the territory of Southern Siberia and Central Asia since the Hunno-Sarmatian time. The research was aimed at finding mouth harps and their blanks among other objects of bone carving complex of the Northern Altai settlements (Cheremshanka and Chultukov Log-9) of the early first millennium AD. Structural and morphological analysis of the material used for manufacturing all mouth harps of the Hunno-Sarmatian time were made of lamellar bone from the ribs of large hoofed animals. Trace analysis has revealed the main processing methods: chipping, cutting, and drilling with a metal tool (knife). The bone mouth harps and their blanks described in this article are the earliest findings among this type of musical instruments on the territory of Altai.

Keywords: *lamellar bone mouth harps, Hunno-Sarmatian time, Altai, bone-carving industry.*

Древние музыкальные инструменты являются одной из наиболее интересных и информативных категорий предметов, в которых в полной мере отражаются основные особенности и закономерности развития культуры определенной исторической реальности. В этой связи гунно-сарматское время имеет особое значение, поскольку оно напрямую связано как с началом культурогенеза целого ряда этносов на территории Южной Сибири и Центральной Азии, так и их существенным влиянием на сопредельные и достаточно удаленные регионы Евразии. Северный Алтай, включая горную долину нижней Катуни, занимает особое место в этом контексте, поскольку географически и исторически представляет собой транзитно-буферную зону юга Западной Сибири. Именно здесь, начиная с рубежа эр, локализуется группа населения майминской культурной традиции, имеющая органические связи как с северными (Верхнее Приобье), так и южными (Центральная Азия) территориями. Для майминской культуры Северного Алтая по материалам поселения Чултуков Лог-9, расположенного в непосредственной близости от городища Черемшанка (рис. 1, *1, 2*), получена серия дат (рис. 1, *3*) [Borodovskiy, Oleszczak, 2012; Бородовский, Олещак, 2014]. Общий хронологический «массив»

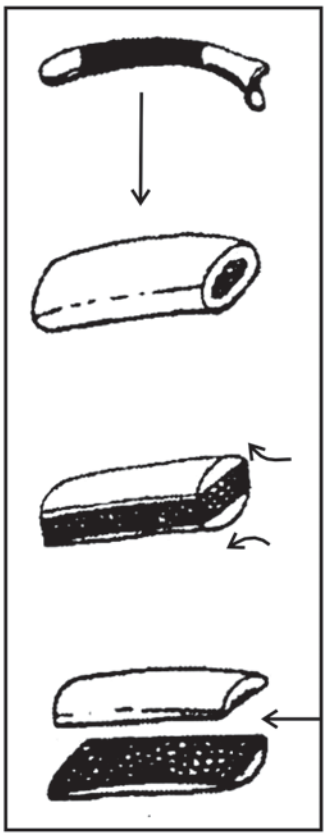

Рис. 1. Костяные варганы гунно-сарматского времени Северного Алтая.

1 – план городища Черемшанка; *2* – объемная планиграфия поселения Чултуков Лог-9; *3* – радиоуглеродные даты поселения Чултуков Лог-9; *4* – реконструкция использования костяного варгана (по материалам раскопок городища Дубровинский Борок-3 в Верхнем Приобье); *5* – фактура губчатого вещества внутренней части ребра; *6* – технология расщепления ребер на пластины для изготовления варганов.

этих датировок после калибровки* укладывается в период с III в. до н.э. по VI в. н.э. Одной из отличительных особенностей предметного комплекса упомянутых археологических памятников (Черемшанка, Чултуков Лог-9) гунно-сарматского времени является наличие достаточного количества артефактов, связанных с интенсивной косторезной обработкой. В прошедшем полевом сезоне было обнаружено несколько костяных варганов и их заготовок.

В частности, на поселении Чултуков Лог-9 (рис. 2, *1–3*) выявлено три костяных заготовки различной степени готовности. Одна из них представлена фрагментом полуфабриката со следами разметки (рис. 2, *3*). Сохранившаяся длина предмета составляет 7,2 см, ширина 1,5 см, сечение 0,1 см.

Другая заготовка сохранилась практически полностью. На одном из ее краев отчетливо видны две зарубки для первоначального отсечения от исходного материала необходимого участка кости для последующей обработки. Длина изделия составляет 12,9 см, ширина 1,5–0,8 см, сечение 0,2–0,3 см (рис. 2, *1*). Предмет имеет естественную изогнутость, при этом компактное костное вещество располагается на вогнутой поверхности, а губчатое (пористое) вещество – на выгнутой наружу.

Еще один полуфабрикат представлен костяной пластиной с более тщательной обработкой краев и намеченными округлыми окончаниями. Длина предмета составляет 12 см, ширина 0,8 см, сечение 0,1–0,2 см (рис. 2, *2*). Изделие имеет естественную изогнутость, которая имеет отличие от описанного выше предмета: компактное костное вещество располагается на выгнутой поверхности, а губчатое вещество – соответственно на вогнутой.

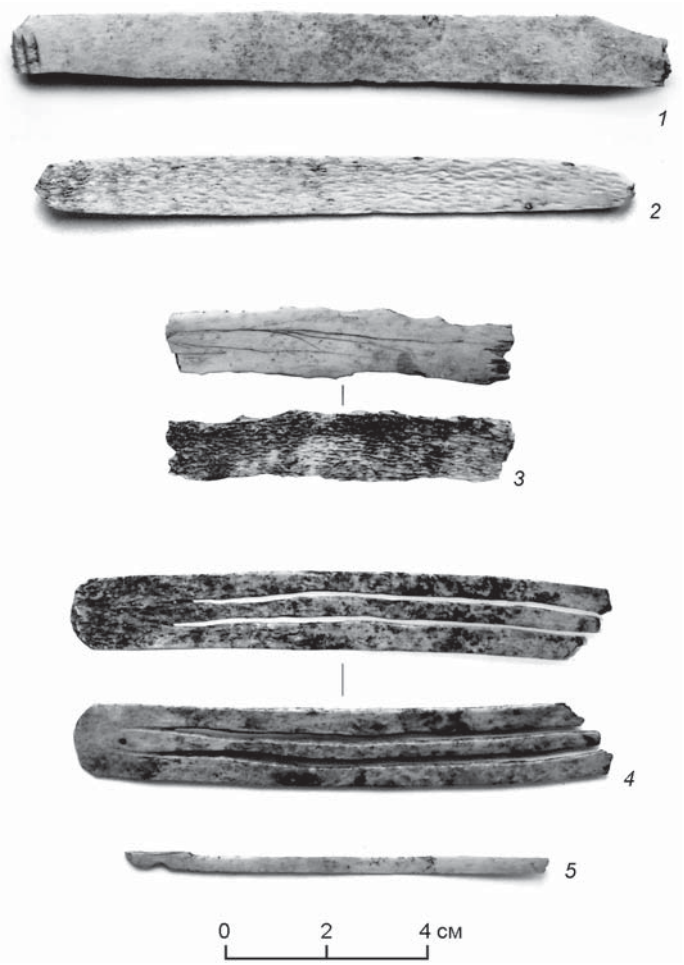

Рис. 2. Костяные варганы и их заготовки из Чултукова Лога-9 и Черемшанки.

1, *2* – заготовки варганов из Чултукова Лога-9; *3* – фрагмент заготовки варгана с разметкой из Чултукова Лога-9; *4*, *5* – варганы с городища Черемшанка.

Два готовых варгана различной степени целостности были обнаружены в ходе археологического мониторинга сохранившихся участков синхронного культурного слоя на городище Черемшанка (см. рис. 1, *1*; 2, *4, 5*).

Один из этих предметов представляет собой практически полностью сохранившееся изделие с незначительным разрушением края, противоположного внутреннему язычку музыкального инструмента и овальному окончанию с отверстием для поводка, необходимого для игры на варгане (см. рис. 1, *4*; 2, *4*). Длина сохранившейся части изделия составляет 11 см, ширина 1,5 см, сечение 0,2 см. Костяная пластина, на которой изготовлен варган, имеет естественную изогнутость, при которой компактное вещество расположено на выгнутой стороне, а губчатое – на вогнутой. Ширина внешней рамки составляет от 0,5 до 0,7 см. Ширина внутреннего язычка – 0,4–0,5 см. Сохранившийся целый край варгана имеет овальные очертания и отверстие диаметром 0,1 см.

Другой варган с городища Черемшанка представлен фрагментом внешней рамки изделия. Длина сохранившейся части варгана составляет 8,5 см, ширина 0,4 см, сечение 0,1–0,2 см (см. рис. 2, *5*). Часть рамки варгана имеет естественную изогнутость первоначальной косторезной заготовки. При этом компактное вещество расположено на вогнутой части, а губчатое – на выгнутой стороне предмета. Сохранившаяся часть окончания варгана представлена овально-округлыми очертаниями с рельефным выступом у внешнего края рамки.

*Калибровка всех радиоуглеродных дат осуществлена при помощи программы OxCal. Использована калибровочная кривая JutCal 13.

По данным структурно-морфологического анализа, все предметы были изготовлены из одинарных пластинчатых заготовок, полученных при расщеплении плоских костей (ребер крупных копытных животных) (см. рис. 1, *5, 6*). Производственный алгоритм такого использования ребер в качестве специализированных косторезных заготовок следующий. Удаляются естественные окончания ребра; остается его средняя часть. Затем участок ребра делится на две пластинчатые заготовки путем срезания компактного вещества на его боковых краях и расщепления по внутреннему губчатому веществу. В результате получаются две одинарные костяные пластины, сохраняющие естественную искривленность. При этом анатомически верхняя пластина имеет внешнюю выгнутость, а нижняя – соответственно внутреннюю выгнутость исходного строения ребра. Судя по такой естественной изогнутости заготовок варганов (Чултуков Лог-9) и их готовых экземпляров (Черемшанка), все эти предметы были изготовлены из одинарной костяной пластины, полученной с внешней и внутренней поверхности ребер. Отличие этих заготовок заключается в особенностях анатомической топографии компактного и губчатого вещества относительно различной направленности естественного изгиба ребер. Поскольку с одной уплощенной стороны компактное костное вещество выгнуто у ребра наружу, а с другой – вовнутрь. Соответственно, после разделения ребра на две одинарные пластинчатые заготовки соотношение расположения компактного и губчатого костного вещества относительно естественной изогнутости позволяет идентифицировать наружную и внутреннюю стороны плоской поверхности ребра как исходной косторезной заготовки.

Такая подчеркнутая избирательность сырья и его определенных участков из плоской кости отличает данные варганы от других костяных варганов хуннского времени из Тувы (Аймырлыг XXXI, мог. 72) [Кочевники…, 2012, с. 130, рис. 338] и Монголии (Морин Толгой, мог. 2) [Treasures…, 2011, p. 271, fig. 401]. Упомянутые предметы, судя по рудиментам естественного строения исходных заготовок, изготавливались из длинных костей, а не из их ребер. Пластинчатый варган с территории Верхнего Приобья (Дубровинский Борок-3) был изготовлен из одинарной роговой пластины [Бородовский, 1995]. На основании этих данных можно говорить об определенном сырьевом своеобразии костяных варганов гунно-сарматского времени Северного Алтая. Все это лишний раз свидетельствует о развитости и мастерстве косторезного производства у носителей майминской культурной традиции в гунно-сарматскую эпоху. Серия заготовок и варганов в различной степени сохранности из поселенческих комплексов (городище Черемшанка и поселение Чултуков Лог-9) горной долины нижней Катуни позволяет достаточно детально представить технологию их изготовления. Внутренние пластины, полученные из ребер копытных, в дальнейшем могли обрабатываться различными способами. Один из них заключался в последовательном обламывании длинных краев заготовки, если она была естественно тонкой (Чултуков Лог-9) (рис. 2, *3*), вплоть до разметки будущего внутреннего подвижного язычка инструмента. Затем следовала окончательная подрезка и выравнивание внешних краев рамки и прорезание внутренних деталей музыкального инструмента (язычка и бокового отверстия для поводка). Другой алгоритм производства был явно связан с обработкой более толстых в сечении пластинчатых заготовок и заключался в тщательном простругивании внешних краев перед разметкой язычка варгана в центральной части костяной пластины (Чултуков Лог-9) (рис. 2, *1, 2*).

Кроме особенностей сырья для изготовления пластинчатых варганов гунно-сарматского времени, предварительно можно говорить и об определенных особенностях их внешнего рельефного оформления. Если на территории Верхнего Приобья (Дубровинский Борок-3) и Северного Алтая (городище Черемшанка) в основном представлены варганы с гладким овальным краем (рис. 2, *4, 5*), то в Туве и Монголии встречаются такие музыкальные инструменты с рельефно-фестончатым оформлением функционально аналогичного края изделия [Кочевники…, 2012, с. 130, рис. 338; Treasures..., 2011, p. 271, fig. 401]. Эти декоративные особенности вполне могли быть связаны с региональной самобытностью традиционных музыкальных инструментов. Наряду с этим подчеркнем, что в гунно-сарматское время на территории Южной Сибири и Центральной Азии сложились уже определенные стандарты размеров пластинчатых варганов из кости. Их длина составляла 10,3–12,5 см, ширина 1,4–1,7 см, сечение 0,1–0,2 см.

Следует подчеркнуть, что факты находок варганов и их заготовок на Черемшанке и Чултуковом Логу-9 являются древнейшими образцами такого типа музыкальных инструментов на Алтае. На основании археологических данных, истоки такой традиции, очевидно, следует возводить к гунно-сарматскому времени, когда в рамках косторезного производства формировалась основная предметная среда центральноазиатского типа.

Список литературы

Бородовский А.П. Изобразительные и вещественные свидетельства древней музыкальной культуры Верхней Оби // Традиции и инновации в истории культуры. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1995. – С. 33–43.

Бородовский А.П., Олещак Л. Естественно-научное датирование археологических памятников эпохи раннего железа в горной долине нижней Катуни // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 131–133.

Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания государственного Эрмитажа. Каталог выставки. – СПб.: Славиа, 2012. – 272 с.

Borodovskiy A.P., Oleszczak L. Intermountain valley of the lower Katun at the hunno-sarmation time // Recherches Archéologiques Nouvelle Serie. – Krakow: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2012. – Vol. 4. – Pp. 97–112.

Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongilia. – Ulaanbaatar, 2011. – 296 p.

References

Borodovskiy A.P. Izobrazitel'nye i veshchestvennye svidetel'stva drevnei muzykal'noi kul'tury Verkhnei Obi. In *Traditsii i innovatsii v istorii kul'tury*. Novosibirsk: Novosib. State Ped. Univ. Press, 1995, pp. 33–43 (in Russ.).

Borodovskiy A.P., Oleszczak L. Intermountain valley of the lower Katun at the hunno-sarmation time In: *Recherches Archéologiques Nouvelle Serie*. Krakow: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2012, vol. 4, pp. 97–112.

Borodovskiy A.P., Oleshchak L. Estestvenno-nauchnoe datirovanie arkheologicheskikh pamyatnikov epokhi rannego zheleza v gornoi doline nizhnei Katuni. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 131–133 (in Russ.).

Kochevniki Evrazii na puti k imperii. Iz sobraniya gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki. St. Petersburg: Slavia, 2012, 272 p. (in Russ.).

Treasures of the xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongilia. Ulaanbaatar, 2011, 296 p.

УДК 903.26

А.В. Варенов[1], Е.А. Гирченко[1, 2]

[1]Новосибирский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: avvarenov@mail.ru

Бронзовые змеи и драконы из второй жертвенной ямы Саньсиндуя

Статья посвящена рассмотрению бронзовых изображений змей, змеевидных существ и драконов из жертвенной ямы JK2 на эпонимном памятнике культуры Саньсиндуй, распространенной в пров. Сычуань КНР в последней трети II тыс. до н.э. Фигуры змей, судя по технологии их монтировки, относятся ко II этапу разработанной нами ранее схемы эволюции бронзолитейного искусства Саньсиндуя. Скульптура, которая изображает человека с птичьими когтями на ногах, держащего двух змеевидных существ, также принадлежит ко II этапу, а плоские фигурки змеевидных существ должны быть более ранними. «Дерево духов» № 1 с драконом представляет III этап эволюции, а деревья № 2 и 3, связанные с драконами типов B и A, – соответственно II и I этапы технологической эволюции. Ажурное основание алтаря с драконами относится ко II этапу, а объемная фигурка дракона с пятнистым телом – к III.

Ключевые слова: *Китай, бронзовый век, Саньсиндуй, жертвенные ямы, змеи, драконы, относительная хронология.*

A.V. Varenov[1], E.A. Girchenko[1, 2]

[1]Novosibirsk State University
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: avvarenov@mail.ru

Bronze Snakes and Dragons from the Second Sacrificial Pit of Sanxingdui

This article presents a review of bronze snakes, snake-like creatures and dragons from the sacrificial pit JK2 of the Sanxingdui Bronze Age culture spread in the Sichuan Province of China in the last centuries of the second millennium B.C. Judging by the technique of their assembling, the snakes belong to the second stage in the evolution of bronze-casting technology in Sanxingdui. The sculpture of a human with bird's claws on his feet, holding two snake-like creatures, also belongs to the second stage. The "tree of spirits" No. 1 with the dragon represents the third stage in the evolution, and trees No. 2 and 3, which are connected with dragons of B and A types, to the second and first stages of the technological evolution respectively. Openwork base of the "altar" with dragons belongs to the second stage, and a round figurine of the dragon with spotted body – to the third stage.

Keywords: *China, Bronze Age, Sanxingdui, sacrificial pits, snakes, dragons, relative chronology.*

Саньсиндуй – своеобразная культура эпохи развитой бронзы, распространенная на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Яркую самобытность ей придает наличие бронзовой скульптуры, найденной в двух жертвенных ямах JK1 и JK2 на эпонимном памятнике. Приоритетное внимание китайские и зарубежные исследователи (включая и авторов данной статьи) уделяли антропоморфным изваяниям – своеобразной «визитной карточке» культуры Саньсиндуй [Сунь Хуа, 2000]. Между тем, зооморфные образы Саньсиндуя оставались как бы «в тени». В более ранней по времени первой жертвенной яме (JK1) встречено всего пять изображений животных: два тигра и три дракона. В отличие от нее, во второй яме (JK2) среди зооморфных образов преобладают птицы и птицеподобные существа. Однако драконы, змеи и змеевидные существа там тоже встречаются в немалом количестве. Именно их рассмотрению и посвящена данная статья.

Предполагается наметить относительную хронологию бронзовых изображений змей и драконов из Саньсиндуя.

Змеи. Изображения змей разломаны на части, изготовленные методом раздельной отливки. В районах стыка деталей оставлены отверстия, которые заливались жидкой бронзой для соединения этих частей [Саньсиндуй..., 1999, с. 325]. Головы с длинными вытянутыми глазами приподняты, под шеей две полукруглые петельки. Туловище покрыто ромбическими меандрами. На головах и на спинном хребте следы крепления прорезных ножевидных «крыльев», хвосты закручены кольцом вперед. *Передние части змей* – 2 экз. Обр. К2(2):11, длина – 29,9 см, ширина – 10,3 см (рис. 1, *1*). Обр. К2(3):87, длина – 54,8 см, ширина – 10 см (рис. 2, *1*). *Средние части змей* – 2 экз. Обр. К2(3):113, длина 34 см, ширина 7,6 см

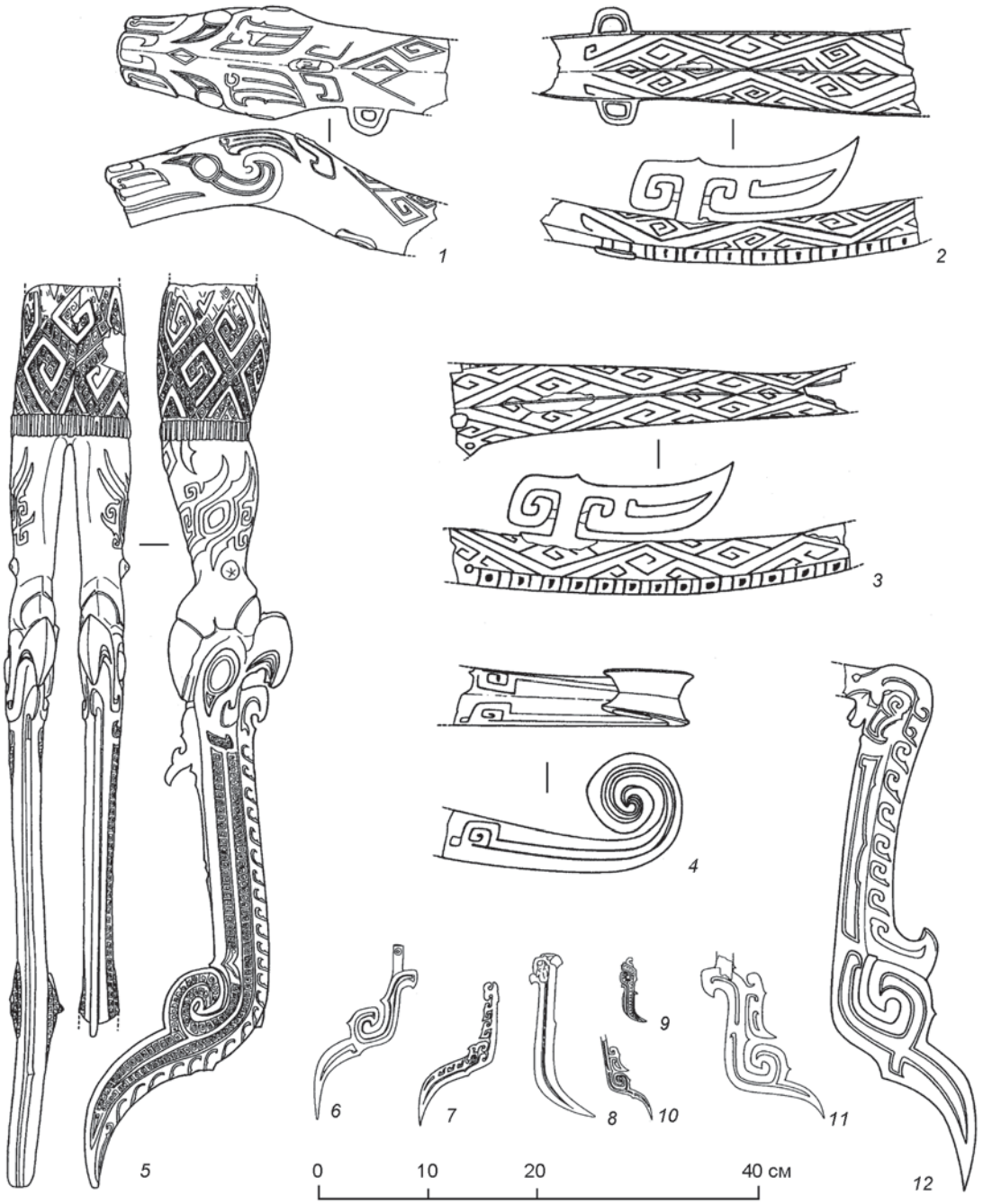

Рис. 1. Изображение бронзовых змей и змеевидных существ из второй жертвенной ямы Саньсиндуя. Масштабирование и компоновка рисунков выполнены А.В. Вареновым по: [Саньсиндуй…, 1999, с. 326–328, 339; рис. 178–179, 182, 186–187].

1 – передняя часть змеи; *2, 3* – средние части змей; *4* – хвост змеи; *5* – скульптура с птичьими когтями на ногах; *6–12* – змеевидные существа.

(см. рис. 1, *2*). Обр. К2(3):56, длина – 35,6 см, ширина – 8,4 см (рис. 1, *3*). *Хвосты змей* – 2 экз. Обр. К2(2):330, длина – 19,6 см, ширина – 5 см (рис. 1, *4*). Обр. К2(2):44, длина – 21,2 см, ширина – 5,4 см (см. рис. 2, *3*). *Отломанные «крылья» змей* – 4 экз. Обр. К2(3):70-10, длина – 20,1 см (рис. 2, *2*).

Змеевидные существа. Лучше всего сохранившиеся экземпляры являются деталями статуи человека с птичьими когтями на ногах – обр. К2(3):327. Острые птичьи когти обеих ног вцепились в головы двух змееподобных существ, которых китайские археологи называют «птицами». Однако птичьи у данных созданий только головы с большими глазами и крючковатыми хищными клювами, непосредственно переходящими в их длинные «змеиные» тела. С боков они украшены двумя рядами мелкого меандра, начинаясь от горла, по брюшку проходит длинный прямой гребень с узором прорезных «перьев», достигающий острого кончика хвоста. Между вертикальным «змеиным» телом и изогнутым хвостом на спине расположен закручивающийся вперед завиток, возможно, «крыло». Высота «птиц-змей» – 51,4 см (см. рис. 1, *5*).

Изображения птиц-змей с S-образными телами, часто с завитком на спине, встречаются и в виде плоских отливок. В китайской публикации они фигурируют как «украшения в виде птиц» типов C, D, E, F и «украшения в виде драконов» типов D и E [Там же, с. 332, 334, 335]. Обр. К2(3):4-2 по размеру почти такой же, как и рассмотренные детали скульптурной композиции, высотой 44,8 см. Присутствует завиток на стыке спины и хвоста, в верхней части есть отверстие для подвешивания или для приливки к основной детали, но голова отчетливо не выражена (рис. 1, *12*).

Остальные изделия подобного рода заметно меньше. Обр. К2(3):4-1 высотой 15 см, шириной 8,4 см и толщиной 0,37 см. На спине у него есть завиток, а на голове – столбик с отверстием для подвешивания или приливки (рис. 1, *6*). Обр. К2(3):24-1 длиной 13,2 см и обр. К2(3):193-11 длиной 7,5 см подобны ему, но выполнены в технике прорезного литья, а на спине, помимо завитка, имеют еще и ножевидное крыло (рис. 1, *10*, *11*). Обр. К2(3):193-25 длиной 13,5 см, обр. К2(3):193-12 длиной 13,9 см и обр. К2(3):193-26 длиной 6 см лишены завитков и крыльев (рис. 1, *7–9*).

Драконы. Лучше всего сохранившееся изображение дракона из ямы JK2 является деталью большого «дерева духов» № 1 – обр. К2(2):94. Конструктивно вся композиция состоит из трех частей: кольцевого основания-опоры, ствола дерева с ветвями и дракона, спускающегося вниз по стволу [Варенов, Гирченко, 2009, с. 247–248]. Дракон и ветви с четырех сторон прилиты к стволу дерева. Хвост дракона обломан, его похожее на крученую веревку тело волнообразно изгибается, соединяясь со стволом дерева в районе груди, живота и хвоста. На стволе между вторым и третьим уровнями ветвей и выше третьего уровня остались точки крепления отломанной части тела дракона, которое тянулось от самого верха дерева. На лбу и на носу дракона – по длинному изогнутому рогу, уши его обломаны, у основания шеи – короткое крыло (см. рис. 2, *7*).

От других бронзовых драконов сохранились только головы, отнесенные китайскими исследователями к плоским «украшениям в виде дракона» типов A, B и C [Саньсиндуй..., 1999, с. 325–326]. *Тип A* – 1 экз. Обр. К2(3):203. Голова дракона задрана вверх, пасть приоткрыта, торчащие сверху и снизу клыки заходят друг за друга, верхняя часть морды загибается назад кольцом, S-образные длинные глаза простираются вплоть до кончика носа, на голове рог и острое ухо, на нижней губе полукруглая кольцевая петелька. Высота – 33 см, ширина – 12 см (рис. 2, *5*). *Тип B* – 1 экз. Обр. К2(3):145. В открытой пасти дракона отлито шесть круглых отверстий, расположенных в два ряда, верхняя часть морды загибается назад кольцом, S-образные длинные глаза тянутся вдоль всего рога, ушная раковина широкая. Высота – 17,5 см, ширина – 7,7 см (рис. 2, *6*).

Тип C – 10 экз. Обр. К2(3):193-15. Пасть дракона открыта, торчащие клыки не сомкнуты, верх морды загибается назад, S-образные длинные глаза тянутся вплоть до кончика носа. Рог дракона тонкий, ухо загнуто назад, тело ниже шеи прорезное. Высота – 5,8 см, ширина – 5,2 см (рис. 2, *4, 11*). Головы драконов типа C, видимо, являются фрагментами ажурных прорезных оснований бронзовых «алтарей» [Чэнь Дэань, Вэй Сюэфэн, Ли Вэйган, 1999, с. 24, цв. вкл.]. Во всяком случае, почти такие же головы у драконов, отлитых на основании алтаря, – обр. К2(2):143-1 (рис. 2, *12*). У них тощие, относительно короткие тела с крыльями в районе лопаток и таза и длинные хвосты (рис. 2, *9*, *10*). Похожие пропорции пятнистого тела и у объемной фигурки дракона – обр. К2(3):193-10. Высота – 4 см, длина – 7,8 см (рис. 2, *8*).

Относительная хронология. Технология монтировки путем заливки металлом заранее оставленных отверстий на стыке деталей у бронзовых змей такая же, как и у «дерева духов» № 2, так что и они должны относиться ко II этапу прослеженной нами ранее эволюции бронзолитейного искусства Саньсиндуя [Варенов, Гирченко, 2015, с. 18–20]. Ко II этапу эволюции принадлежит и держащая змеевидных существ статуя человека с птичьими когтями на ногах. Более простые плоские отливки «птиц-змей» представляют I этап

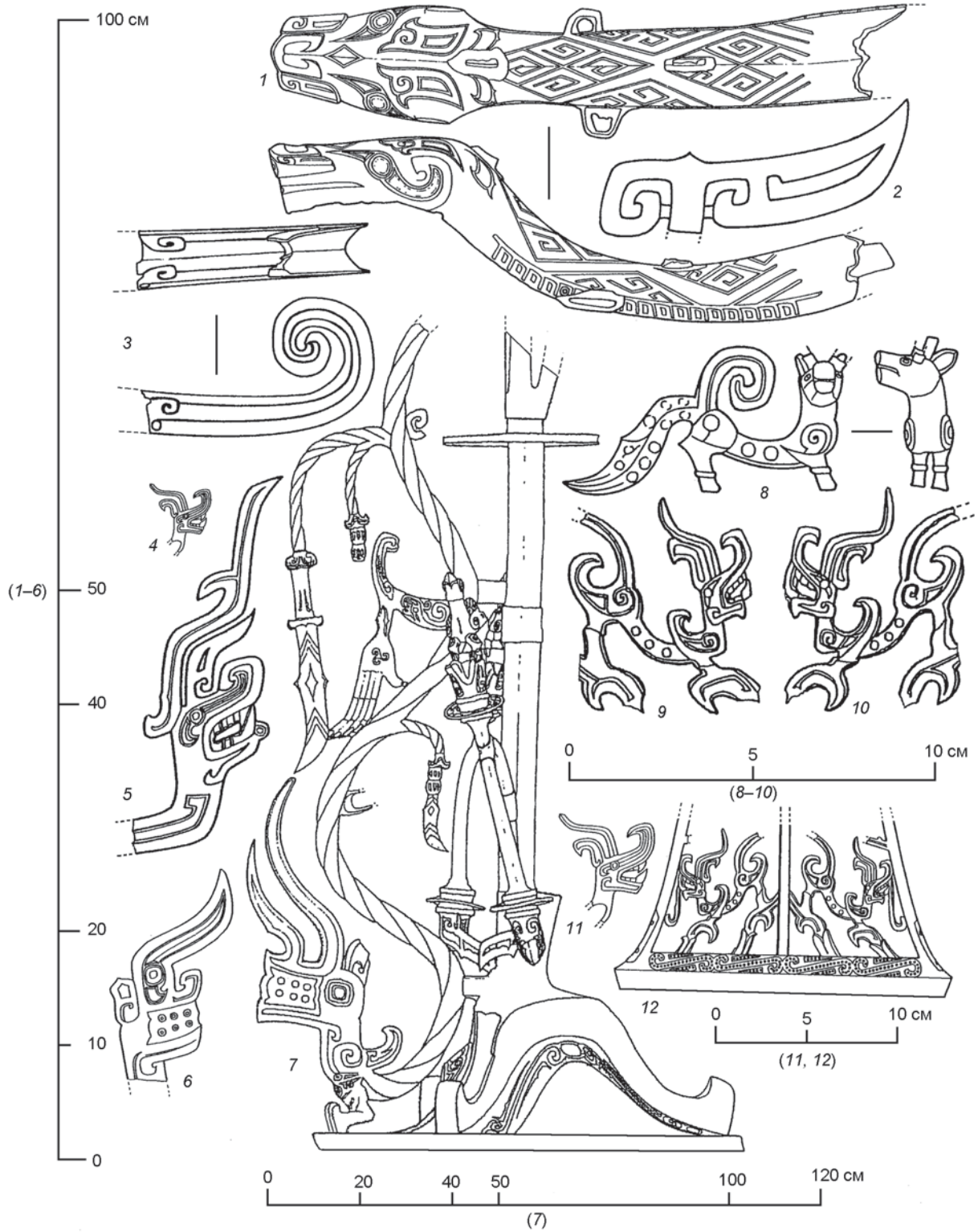

Рис. 2. Изображение бронзовых змей и драконов из второй жертвенной ямы Саньсиндуя. Масштабирование и компоновка рисунков выполнены А.В. Вареновым по: [Саньсиндуй…, 1999, с. 219, 234, 326–328, 344; рис. 120, 131, 178–180, 182, 189].

1 – передняя часть змеи; *2* – «крыло» змеи; *3* – хвост змеи; *4, 11* – голова дракона типа С; *5* – голова дракона типа А; *6* – голова дракона типа В; *7* – основание «дерева духов» № 1 с драконом; *8* – фигурка пятнистого дракона; *9, 10* – драконы с ажурного основания алтаря; *12* – ажурное основание алтаря. Пары рисунков *4* и *11*; *9*/*10* и *12* изображают одни и те же изделия.

эволюции. Дерево духов № 1, по которому спускается дракон с витым телом, относится к III этапу технологической эволюции. Голова дракона типа B, схожая передачей зубов, уха и нижней челюсти с драконом с дерева № 1, должна относиться ко II этапу. Зато ее связывают с головой типа A длинные глаза и загнутый назад нос. Значит, сильно отличающаяся от дракона с дерева голова типа A принадлежит к I этапу. Драконы с головами типов A и B, скорее всего, являлись деталями «деревьев духов» № 3 и 2 соответственно (у основания дерева № 2 сохранился след от приливки к нему какой-то детали). Голова типа C, в силу значительного внешнего сходства (зубастая пасть с торчащими клыками, доходящий до кончика загнутого назад носа длинный глаз), синхронна голове типа A (I этап). Дракончики на ажурном основании «алтаря», у которых не столь длинные глаза не заходят на верхнюю челюсть и нос, представляют дальнейшее развитие головы типа C и относятся ко II этапу. К самому позднему III этапу должна принадлежать объемная фигурка пятнистого дракона.

Список литературы

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Культовые бронзы Саньсиндуя и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 246–251.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые деревья из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2015. – Т. 14; вып. 4: Востоковедение. – С. 13–23.

Саньсиндуй цзисы кэн (Жертвенные ямы Саньсиндуя). – Пекин: Вэньу, 1999. – 628 с. (на кит. яз.).

Сунь Хуа. Сычуань пэньди дэ цинтун шидай (Бронзовый век Сычуаньской котловины). – Пекин: Кэсюэ, 2000. – 397 с. (на кит. яз.).

Чэнь Дэань, Вэй Сюэфэн, Ли Вэйган. Саньсиндуй. Чанцзян шанъю вэньмин чжунсинь таньсо (Саньсиндуй. Исследования центра цивилизации в верхнем течении Янцзы). – Чэнду: Сычуань жэньминь, 1999. – 71 с. (на кит. яз.).

References

Chen Dean, Wei Xuefeng, Li Weigang. Sanxingdui. Changjiang shangyou wenming zhongxin tansuo (Sanxingdui. The investigations of the centre of civilization in the upper reaches of Yangtze river). Chengdu: Sichuan renming Publ., 1999, 71 p. (in Chin.).

Sanxingdui jisikeng (Sacrificial Pits of Sanxingdui). Beijing: Wenwu publ., 1999, 628 p. (in Chin.).

Sun Hua. Sichuan pendi de qingtong shidai (Bronze Age of Sichuan Basin). Beijing: Kexue Publ., 2000, 397 p. (in Chin.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Bronzovye derev'ya iz zhertvennyh yam Sanxingduya. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series: History, Philology. 2015, vol. 14, iss. 4: Oriental Studies, pp. 13−23 (in Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Kultovye bronzy Sanxingduya i puti ih semanticheskoy interpretatsii // *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2009, vol. XV, pp. 246−251 (in Russ.).

УДК 902

Д.П. Волков[1, 2], С.В. Алкин[1], С.П. Нестеров[1]
С.В. Коваленко[2], Дуань Гуанда[3], Ван Лэвэнь[3],
Бао Шугуан[3], Гэ Липин[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области
[3]Институт истории, культуры и туризма Хэйлунцзянского университета, Китай
E-mail: volk-d@yandex.ru

Мониторинг археологических объектов на берегах Амура

В статье представлены результаты российско-китайского обследования некоторых археологических памятников по обоим берегам Амура в пределах Амурской обл. и округа Хэйхэ (КНР), или в Западном Приамурье. С китайской стороны осмотрены 7, с российской – 15 археологических объектов от эпохи палеолита до позднего Средневековья и Нового времени. Установлено, что практически все типы памятников эпохи неолита, раннего железного века и Средневековья имеются на обоих берегах Амура, но городища даурского типа на правом берегу китайским археологам пока не известны. Высказано предположение о концентрации городищ чжурчжэньского времени (или Цзинь) на ограниченном участке Амура между Константиновкой, Сюнькэ и Поярково в качестве оборонительной системы с возможной визуальной передачей информации на расстоянии.

Ключевые слова: *Амурская обл., округ Хэйхэ, археологические памятники, мониторинг, палеолит, неолит, палеометалл, Средневековье.*

D.P. Volkov[1, 2], S.V. Alkin[1], S.P. Nesterov[1],
S.V. Kovalenko[2], Duan Guangda[3], Van Leven[3],
Bao Shuguang[3], Ge Liping[3]

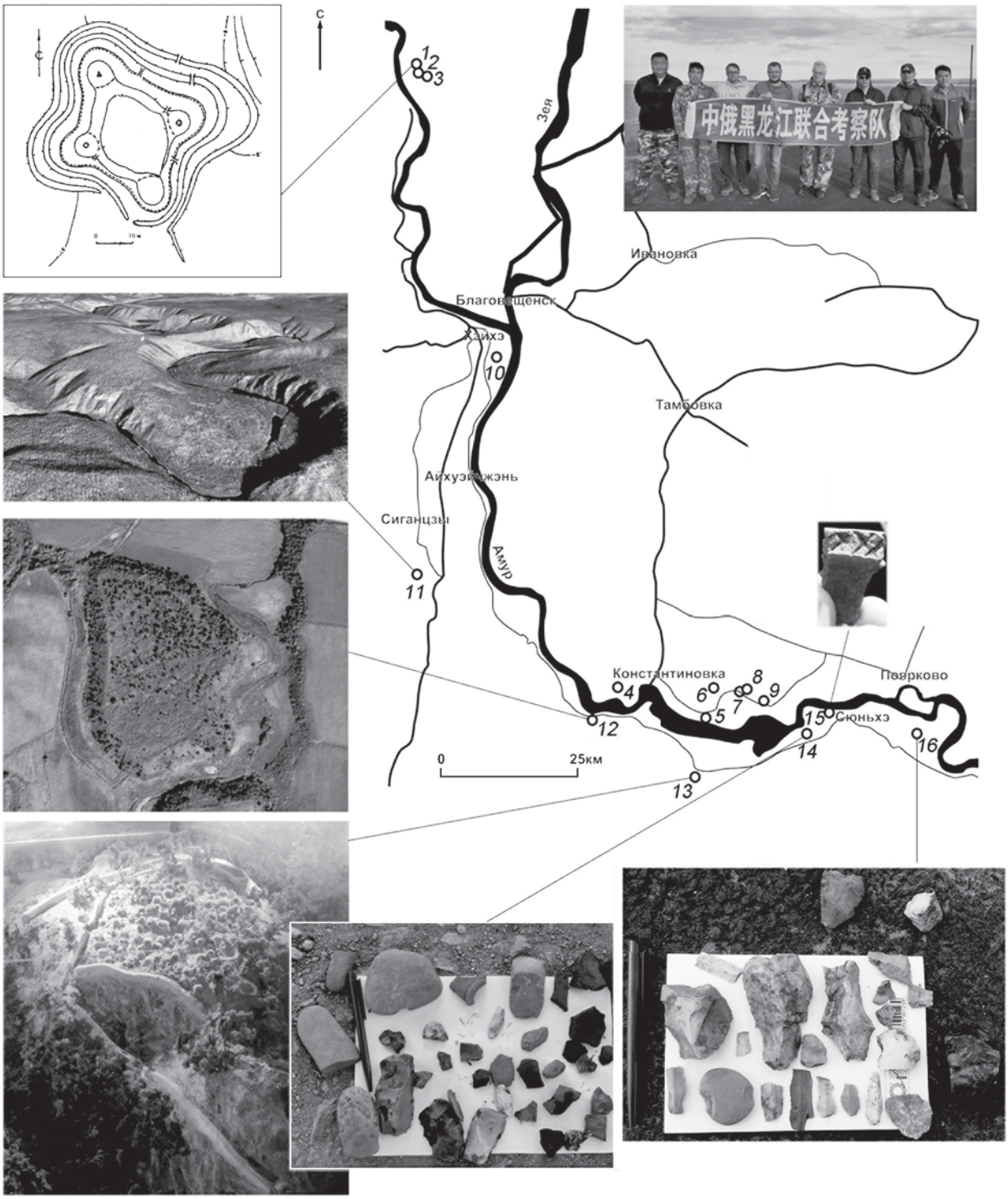
[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Center for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Amur Region
[3]Institute of History, Culture and Tourism, Heilongjiang University, China
E-mail: volk-d@yandex.ru

Monitoring of Archaeological Sites on the Banks of the Amur River

The article presents the results of a Russian-Chinese survey of some archaeological sites on both banks of the Amur River in the Amur Region of Russia and the Heihe District of China, or in the Western Amur region. Seven archaeological sites have been examined on the Chinese side, and fifteen sites from the Paleolithic to the Late Middle Ages and the Modern period have been examined on the Russian side. It has been established that almost all types of Neolithic, Early Iron Age, and Medieval sites can be found on both banks of the Amur River, but the fortified settlements of the Daurian type on the right bank of the Amur are not yet known to the Chinese archaeologists. It was sugested that fortified settlements of the Jurchen (or Jin) period were concentrated on a limited area of the Amur between Konstantinovka, Xunke, and Poyarkovo as a defensive system with the possible remote transmission of visual information.

Keywords: *Amur Region, Heihe District, archaeological sites, monitoring, Paleolithic, Neolithic, Paleometallic, Middle Ages.*

В мае и июле 2017 г. сотрудниками Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, Института истории, культуры и туризма Хэйлунцзянского университета и Института археологии и этнографии СО РАН на территории пров. Хэйлунцзян (КНР) и Амурской обл. в долине р. Амур был проведен мониторинг археологических памятников. Обследованы оба берега Амура на участке ок. 190 км от с. Сергеевка в 60 км северо-восточнее устья р. Зеи (Благовещенск – Хэйхэ) и до устья р. Завитой (Поярково – Сюнькэ) (см. *рисунок*).

Карта археологических памятников, обследованных в ходе совместной российско-китайский экспедиции в 2017 г.

1 – городище Конопляник; *2* – городище и могильник Липовый Бугор; *3* – стоянка Ходулиха; *4* – могильник Октябрьский; *5* – Орловское городище и поселение Орловка-8; *6* – поселение на оз. Белоберезовом; *7* – поселение и стоянка на оз. Осиновом; *8* – стоянка Кукурузное Поле; *9* – поселения Новопетровка I, II, III и Новопетровское городище; *10* – могильник Калуншань; *11* – горное городище Сигоу; *12* – городище Сыфан; *13* – горное городище Хэси (Хэдиинцзы); *14* – местонахождение Лучан; *15* – городище Сишилацзы; *16* – местонахождение Лимин.

На левом берегу Амура обследовано 15 памятников от эпохи палеолита до позднего Средневековья.

Городище Коноплянник (40 × 40 м) расположено на правом берегу р. Гипкос. Оно представляет площадку ромбовидной формы, окруженную двумя рядами параллельных рвов и валов с четырьмя башенными выступами по углам (см. *рисунок, 1*). Памятник отнесен к городищам «даурского типа» и предварительно датирован поздним Средневековьем (XIV–XVII вв.).

Городище Липовый Бугор находится юго-восточнее с. Сергеевка вдоль амурской протоки Глухой, на небольшой возвышенности (35 × 20 м). Вершина мыса оконтурена П-образным валом высотой от 0,5 до 0,7 м и рвом шириной от 2 до 7 м, проходящим с внутренней стороны городища. Городище датировано ранним Средневековьем.

Могильник Липовый Бугор, насчитывающий до 2 тыс. западин, расположен в пойме р. Амур в 55 км выше устья р. Зеи (см. *рисунок*, *2*). В 1996, 1997 гг. раскопано 14 могил. В могилах захоронения совершены по вторичному обряду. Могильник относится к троицкой группе мохэ и датируется VIII–X вв. [Болотин и др., 1997].

Стоянка Ходулиха расположена в 5,5 км от с. Михайловка, на высоте 50 м над уровнем поймы Амура (см. *рисунок*, *3*). В 1999–2001 гг. здесь получена коллекция каменных артефактов позднепалеолитической селемджинской культуры (25–10,5 тыс. л.н.) [История Амурской области..., 2008, с. 19].

Могильник Октябрьский (Красный Бугор) расположен недалеко от с. Октябрьского Константиновского района на возвышенности высотой 11 м (см. *рисунок*, *4*). В 2014 г. здесь раскопано восемь погребений, совершенных по обряду вторичного захоронения. Могильник относится к троицкой группе мохэ и датируется VIII–XI вв. [Волков, 2016].

Орловское городище расположено у с. Орловки в 0,3 км от р. Амур. Оно подквадратной формы, защищено валом шириной от 2 до 7 м, высотой 0,4–0,7 и окружено рвом шириной от 0,5 до 5 м, глубиной 0,3–0,9 м. Вход (4 м) расположен с северо-восточной стороны. На городище имеются округлые западины 3 × 3–5 м, глубиной 0,4–0,5 м. Памятник предварительно датирован XV–XVII вв.

Поселение Орловка-8 расположено в 4,8 км северо-западнее с. Орловка и в 1 км от р. Амур (см. *рисунок*, *5*). На возвышенности имеется 112 западин древних жилищ (4 × 4, 5 × 5, 6 × 5, 6 × 6 м, глубина 0,5–0,8 м). Небольшое количество западин имеют размеры 1,5 × 1,5 и 1,5 × 2 м и глубину 0,4–0,5 м. Поселение предварительно датировано XV–XVII вв.

Поселение на оз. Белоберезовом расположено в 8 км к северу от р. Амур и в 5 км к северо-западу от с. Войково (см. *рисунок*, *6*). На поверхности выявлено 44 западины жилищ. В 2008 г. были исследованы два жилища. Археологический материал относится к найфельдской группе мохэ и радиоуглеродным методом датируется VI–VII вв. н.э. [Волков, 2009].

Стоянка на оз. Осиновом расположена в 2,4 км к северо-западу от с. Войково. В 1962, 1965 гг. здесь было раскопано несколько округлых полуподземных жилищ эпохи позднего неолита. По результатам исследования была выделена осиноозёрская культура (III–II тыс. до н.э.). На площади неолитического поселка раскопаны раннесредневековые ямы и два жилища троицкой группы мохэ [История Амурской области…, 2008, с. 34–36, 98].

Поселение на оз. Осиновом располагается в 480 м северо-западнее неолитической стоянки (см. *рисунок*, *7*). Поселок представлен 21 большой глубокой западиной. В 2009, 2012 гг. было изучено два жилища. Предметный комплекс и ряд радиоуглеродных дат позволили датировать жилища VIII–IX вв. и отнести поселение к троицкой группе мохэ [Деревянко и др., 2010].

Памятник Кукурузное Поле расположен в 4,5 км к северо-западу от с. Новопетровка, на левом берегу р. Дунайки (приток р. Амур). Памятник открыт в 1961 г. А.П. Окладниковым и В.Е. Ларичевым. Исследованиями конца 1990-х гг. установлено, что на северо-западной возвышенной части рёлки располагалось поселение ранненеолитической новопетровской культуры, а на юго-восточной – поздненеолитической осиноозерской культуры (см. *рисунок*, *8*).

Поселения Новопетровка I, II, III находятся на прибровочной части левобережной террасы р. Амур. Здесь в первой половине 1960-х гг. А.П. Окладниковым и А.П. Деревянко исследованы три местонахождения: Новопетровка I (раскопано полностью), Новопетровка II (раскопано полностью) и Новопетровка III (исследовано одно жилище). По результатам раскопок была выделена ранненеолитическая новопетровская культура. Исследования памятников были продолжены в 2002–2004 гг. Хронологический диапазон существования культуры определяется временем между 12 630 и 8 590 л.н. [История Амурской области…, 2008, с. 29–31].

Новопетровское городище расположено на берегу протоки р. Амур у с. Новопетровка (см. *рисунок*, *9*). Периметр его валов и рвов составляет более 2 км. Валы высотой более 3 м, глубина рвов дости-

гает 2 м. Внутри городища расположено большое количество западин от жилищ размерами от 3 × 3 до 4,0 × 4,5 м, глубиной до 0,4 м. Период существования городища можно отнести к развитому Средневековью, вероятно, к XII–XIII вв. [История Амурской области..., 2008, с. 137–138].

По данным «Свода памятников материальной культуры на территории городского округа Хэйхэ», на правом берегу Амура известно ок. 150 археологических памятников от верхнего палеолита до эпохи палеометалла, в т.ч. не менее 10 средневековых городищ [Чжунго вэньу дитуцзи…, 2015]. Совместной экспедицией были осмотрены 7 археологических памятников от неолита до Средневековья.

Могильник Калуншань в виде глубоких западин расположен южнее г. Хэйхэ в 1,7 км от Амура (см. *рисунок*, *10*). В 1980-е гг. было раскопано 19 могил. Памятник датирован временем Ляо–Цзинь (X–XII вв. н.э.).

Горное городище Сигоу находится в 24 км от Амура недалеко от пос. Сиганцзы на мысу с обрывистыми склонами, возвышающемся примерно на 200 м над дном ущелья (см. *рисунок*, *11*). Один высокий каменный вал длиной более 300 м перегораживает мыс с севера. С напольной стороны есть основания двух башен. Городище контролировало один из путей в долину Амура из Манчжурии, возможно, в X–XIII вв.

Горное городище Хэси (Хэдиинцзы) расположено на мысу горной гряды в 5 км к югу от с. Хэси (см. *рисунок*, *13*). Было открыто в 1976 г. Площадь памятника составляет 480 × 120 м. С трех сторон городище имеет естественную защиту в виде крутых склонов. Пологий западный склон укреплен системой оборонительных сооружений из четырех линий рвов и валов, образующих ступенчатый каскад с разницей высот в 3–5 м. Длина валов 167, 123, 261 и 283 м, ширина от 5 до 8 м, высота до 3 м. Валы с двух сторон окружены рвами глубиной до 1,5 м. В трех валах имеется по одному проходу шириной от 4 до 8 м, через внутренний вал их два. На территории городища зафиксировано 209 западин жилищ. Самая крупная (6 × 7 м, глубиной 0,5 м) расположена в самой возвышенной части памятника. Еще четыре (6 × 6 м) – вниз по склону, 29 западин имеют площадь 4 × 4 м. Остальные с меньшими размерами сконцентрированы на периферии. В 1991–1992 гг. исследовано два небольших жилища, где найдены железные наконечники стрел и станковые сосуды. Городище датируют серединой XI в. [Чжан Пэн, Юй Шэн, 1995].

Возможно, городище Хэси связано с крупными горными городищами этого района **Сыфан** (см. *рисунок*, *12*) у с. Янцзян и **Сишилацзи** (уезд Сюнькэ) (см. *рисунок*, *15*), обследованными в ходе работ, а также городищем Синьсин, которые датируются от эпохи Ляо до Цзинь [Хао Сыдэ, Чжан Пэн, 1991].

В ходе экспедиции осмотрены местонахождения **Лучан** и **Лимин** (см. *рисунок*, *14, 16*). Найденные здесь каменные артефакты находят аналоги в новопетровской и осиноозёрской неолитических культурах (кит. ананси) левобережья Амура. Встречены фрагменты керамики урильской и талаканской культур эпохи палеометалла.

В результате российско-китайских археологических работ по обоим берегам Амура был проведен мониторинг 22 объектов: 7 – с китайской стороны и 15 – с российской. Установлено, что практически все типы памятников эпохи неолита, раннего железного века и Средневековья имеются на обоих берегах Амура. Городища даурского типа на правом берегу китайским археологам пока не известны. Отдельный интерес представляет взаимное расположение городищ на берегах Амура как хорошо выстроенная визуальная система, при которой можно было использовать световые и дымовые сигналы для передачи информации на расстоянии. Еще одним результатом является договоренность российских и китайских археологов работать в рамках совместных научных проектов по изучению археологического наследия Западного Приамурья.

Список литературы

Болотин Д.П., Сапунов Б.С., Зайцев Н.Н., Сапунов И.Б. Новый могильник эпохи средневековья в Приамурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 160–163.

Волков Д.П. Строительные традиции найфельдского населения на озере Белоберезовом в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 252–256.

Волков Д.П. Археологические раскопки памятника Октябрьское, грунтовый могильник-1 в Амурской области // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. – Благовещенск: Изд-во Благовещен. гос. пед. ун-та , 2016. – Вып. 6. – С. 29–36.

Деревянко А.П., Ким Ён Вон, Нестеров С.П., Юн Кван Джин, Ли Гю Хун, Хан Джи Сон, Мыльникова Л.Н., Лоскутова Я.Ю., Шеломихин О.А., Пак Джон Сон, Ли Кён Ха. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во Гос. исследоват. Ин-та культ. наследия Республики Кореи, 2010. – Вып. III: Раскопки раннесредневекового поселения Осиновое Озеро в 2009 году. – 318 с.

История Амурской области с древнейших времен до начала XX века. – Благовещенск: Издат. компания «Рио», 2008. – 424 с.

Хао Сыдэ, Чжан Пэн. Древние городища, обнаруженные в районе Хэйхэ провинции Хэйлунцзян // Бэйфан вэньу. – 1991. – № 1. – С. 26–31 (на кит. яз.).

Чжан Пэн, Юй Шэн. Краткое сообщение о третьем обследовании древнего городища Хэси в уезде Сюнькэ провинции Хэйлунцзян // Бэйфан вэньу. – 1995. – № 3. – С. 97–99 (на кит. яз.).

Чжунго вэньу дитуцзи. Хэйлунцзян фэнцэ (Атлас материальной культуры Китая: Провинция Хэйлунцзян). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2015. – 676 с. (на кит. яз.).

References

Bolotin D.P., Sapunov B.S., Zaitsev N.N., Sapunov I.B. Novyj mogil'nik Iepohi srednevekov'ja v Priamur'e. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997, pp. 160–163 (in Russ.).

Derevianko A.P., Kim Yeongwon, Nesterov S.P., Yu Gwangjin, Lee Gyuhun, Han Jiseon, Mylnikova L.N., Loskutova Ja.Ju., Shelomihin O.A., Park Jongseong, Lee Gyeonha. Materialy i issledovanija Rossijsko-Korejskoj arheologicheskoj ekspedicii v Zapadnom Priamur'e. Deajeon: Izdatelstvo Gosudarstvennogo issledovatel'skogo Instituta kul'turnogo nasledija Respubliki Korei, 2010, iss. III: Raskopki rannesrednevekovogo poselenija Osinovoe Ozero v 2009 godu, 318 p. (in Russ.).

Hao Side, Zhang Peng. Drevnie gorodishha, obnaruzhennye v rajone Heihe provincii Heilongjiang. *Beifang wenwu*, 1991, No. 1, pp. 26–31 (in Chin.).

Istorija Amurskoj oblasti s drevnejshih vremen do nachala 20 veka. Blagoveschensk: Izdatelskaya kompania Rio, 2008, 424 p. (in Russ.).

Volkov D.P. Stroitel'nye tradicii najfel'dskogo naselenija na ozere Beloberezovom v Amurskoj oblasti. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, vol. XV, pp. 252–256 (in Russ.).

Volkov D.P. Arheologicheskie raskopki pamjatnika Oktjabr'skoe, gruntovyj mogil'nik-1 v Amurskoj oblasti. *Rossija i Kitaj: istorija i perspektivy sotrudnichestva*. Blagoveschensk: State Ped. Univ. Press, 2016, iss. 6, pp. 29–36 (in Russ.).

Zhang Peng, Yu Sheng. Kratkoe soobshhenie o tret'em obsledovanii drevnego gorodishha Hesi v uezde Xunke provincii Heilongjiang. *Beifang wenwu*, 1995, No. 3, pp. 97–99 (in Chin.).

Zhonggo wenwu dutuji. Heilongjiang fence (Atlas material'noj kul'tury Kitaja: Provincija Heilongjiang). Beijin: Wenwu chubanshe, 2015, 676 p. (in Chin.).

УДК 903.3+697

Ю.Н. Гаркуша, А.В. Новиков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: garkusha@archaeology.nsc.ru

Очажные устройства в жилых постройках городища Усть-Войкарское (по материалам работ 2012–2016 годов)

Приводятся сведения о типах очажных устройств, используемых в жилой застройке XVII – начала XVIII в. городища Усть-Войкарское (Нижнее Приобье). По конструкции очаги делятся на три типа: 1) простые углубленные; 2) в прямоугольных деревянных рамах в несколько венцов; 3) чувалы. Выявлено, что тип 1 применялся в малогабаритных постройках разной конструкции; тип 2 – в крупногабаритных каркасных и срубных домах; чувалы – только в срубах. Установлено, что архаичный облик очагов типа 2 воспроизводился посредством приемов срубного строительства еще в каркасных постройках. Определено, что дома с очагом типа 2 отличались длительной эксплуатацией и являлись одним из значимых организующих элементов в планировочной структуре городища. При этом сохранялось местоположение очага, его габариты и основная конструкция.

Ключевые слова: *север Западной Сибири, городище Усть-Войкарское, XVII–XVIII вв., теплотехнические устройства, традиционное домостроение, каркасно-столбовая постройка, сруб.*

Yu.N. Garkusha, A.V. Novikov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: garkusha@archaeology.nsc.ru

Hearth Structures in the Dwellings of the Ust-Voikarskoe Fortified Settlement (Based on Archeological Research in 2012–2016)

The article describes different types of hearth structures which were uncovered in the dwellings of the 17th–early 18th centuries at the Ust-Voikarskoe fortified settlement (the Lower Ob region). In terms of their construction, these hearths can be divided into three types: 1) simple, deepened into the ground, 2) in the rectangular wooden frames made of several layers of logs, and 3) earthenware chuval. It has been observed that the first type was used in small dwellings of different structure; the second type was used in large post-frame and cribwork buildings, and the third type was used only in cribwork buildings. The archaic form of the second type was reproduced using the methods of cribwork even in post-frame buildings. The dwellings with the hearths of the second type functioned for a long period of time and were one of the significant elements in the spatial arrangement of the Ust-Voikarskoe fortified settlement. For all this period, the location of hearths, their sizes, and general construction remained the same.

Keywords: *Western Siberian North, Ust-Voikarskoe fortified settlement, 17th century, hearths, traditional dwellings, post- frame building, cribwork.*

Изучение очажных устройств (далее ОУ), относящихся к различным периодам и культурным традициям древности, имеет обширную историографию (см.: [Нестерова, 2015, с. 13–38]). Однако получение новых данных позволяет существенно дополнить и уточнить имеющуюся информацию по этой проблематике. В статье рассматриваются материалы, полученные в ходе работ 2012–2016 гг. на городище Усть-Войкарское (Нижнее Приобье).

Архитектура памятника представлена малогабаритными (с длиной стен 2,5–3,0 м) и крупногабаритными (с длиной стен 5–8 м) каркасно-столбовыми и срубными жилищами. По планиграфическим и стратиграфическим наблюдениям, основанным на дендрохронологических датировках ряда по-

строек [Гурская, 2008], время их строительства приходится на XVII – первую половину XVIII в. В каждой постройке находилось по одному ОУ. Они по своим конструктивным особенностям разделяются на три типа.

Тип 1 (рис. 1). ОУ представляют собой округлые в плане углубления, заполненные супесью либо суглинком, диаметром от 0,7 до 1 м; мощность заполнения 0,10–0,15 м. На уровне пола углубления были ограничены однорядной деревянной рамой, соединенной встык и зафиксированной колышками. По периметру заполнения вбиты несколько десятков струганых кольев длиной ок. 0,2–0,3 м. Функциональное назначение такой забутовки не установлено. В одном случае дно очага было выстлано берестой. Такие очаги являлись принадлежностью исключительно малогабаритных строений, как каркасно-столбовых, так и срубных. Все они размещались в центральной части помещения, напротив входа.

Рис. 1. Городище Усть-Войкарское. ОУ типа 1. Фото А.В. Новикова.
1 – расположение очага в структуре жилой постройки № 3; *2* – разрез очага в постройке № 3А.

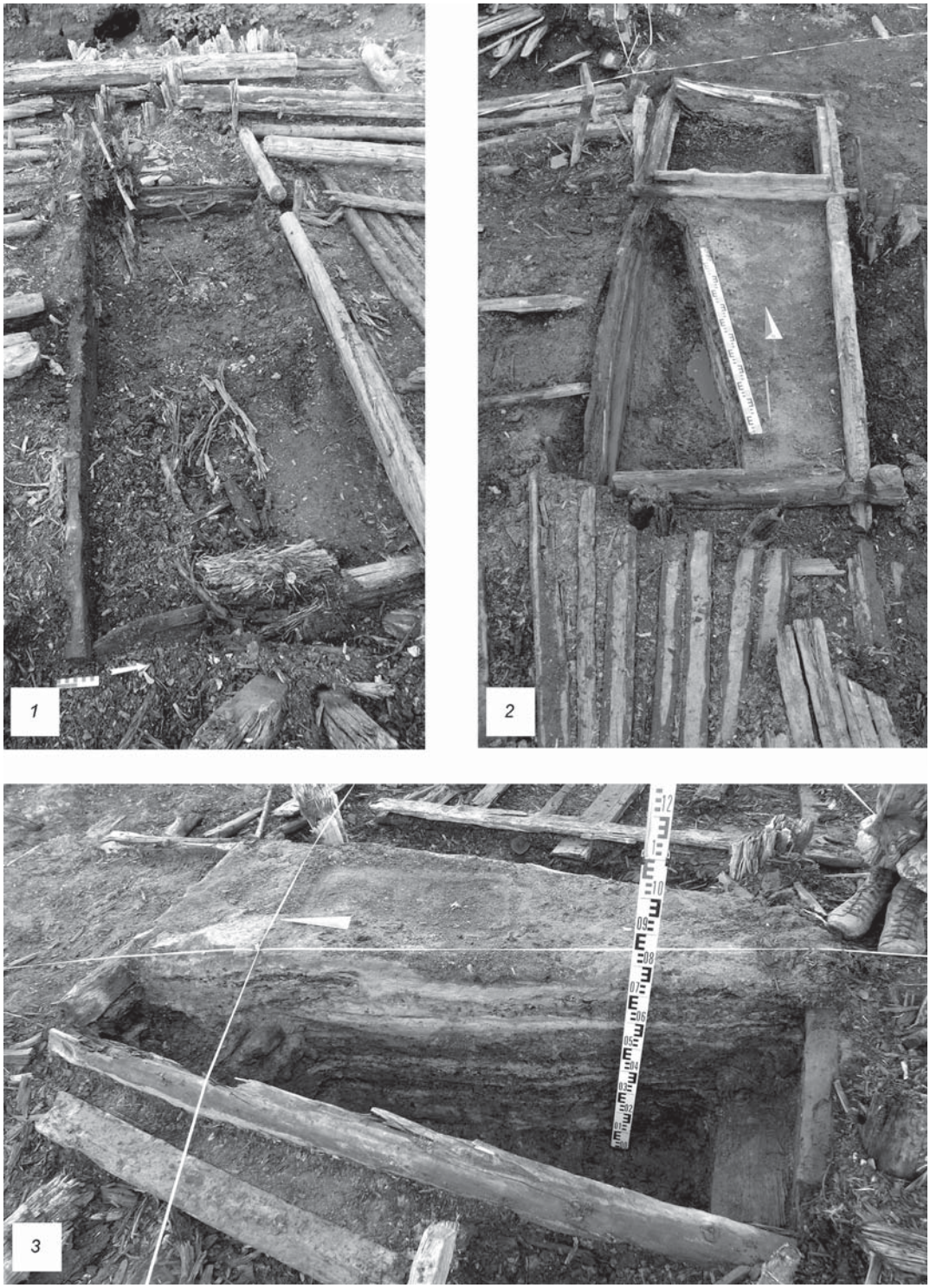

Рис. 2. Городище Усть-Войкарское. ОУ типа 2. Фото Ю.Н. Гаркуши.

1 – очажная конструкция в виде рамы, соединенной в углах встык, в постройке № 11; *2* – очажная конструкция в виде сруба в постройке № 7/1; *3* – разрез кострища в срубной очажной конструкции в постройке № 7/1.

Тип 2. Открытый очаг в длинной прямоугольной раме из двух горизонтальных рядов досок или двухкантного бруса. Использовались и полубревна, в этом случае наружная сторона могла быть неокоренной. Ограждение устанавливалось на поверхность слоя, незначительно возвышаясь над дощатым полом. Конструктивно рамы различались способом углового сопряжения. В одном случае – это соединение встык, при котором стенки фиксировались колами (рис. 2, *1*), в другом – посредством типовых приемов, применяемых при строительстве срубов: «в обло», «в охряпку» (рис. 2, *2*).

При разных способах монтажа, рамы имели сопоставимые габариты и общий принцип организации рабочей площади. Длина ОУ 2,7–3,4 м, а ширина 0,8–1,2 м. Внутри рамы перегородкой ограничено углубленное кострище, заполненное грунтом. Длина кострового участка варьировалась в пределах 1,4–1,9 м. Перегородка устанавливалась либо встык и фиксировалась колышками, либо с использованием соединения «в обло». На свободной площади за костровым участком встречены скопления крупной гальки. Снаружи у деревянных рам следов обмазки не выявлено.

По углам и в месте установки перегородки возвышались остатки столбов диаметром 5–10 см. Они образовывали небольшие группы из 2–4 изделий, вбитых в слой на разную глубину. Вероятно, это остатки стоек надочажной конструкции, служащей для подвешивания котлов над костром и размещения жердей-вешал. Опоры устанавливались по всем углам рамы, либо только по углам костровой зоны. Скопление вертикальных элементов можно объяснить как периодическим ремонтом соответствующих опор конструкции, так и наличием дополнительных распорок для устойчивости конструкции. Концы жердей-вешал обычно закреплялись в стенах лицевого и заднего фасадов [Кардаш, 2013, с. 108].

Этнографические материалы Нижнего Приобья показывают, что очаги этого типа со стороны входа оборудовались деревянной загородкой [Там же, с. 94–95]. В качестве фиксирующих такую загородку стоек могли использоваться вертикальные столбики (по крайней мере, часть из них), плотное скопление остатков которых находилось вплотную к поперечной стене рамы.

Подобные ОУ применялись как в каркасно-столбовых, так и в срубных постройках. Все они располагались в центральной части жилого пространства, напротив входа (на расстоянии ок. 1,6–1,8 м), встык с задней стеной помещения, либо на удалении от нее.

Архитектура и внутренняя планировка каркасных построек, имеющая в своей основе архаичные черты, характерна для средневековых жилищ аборигенов Нижнего Приобья [Кардаш, 2011, с. 19]. Присутствие в них очажных рам, сооруженных с применением технологии срубного строительства, демонстрирует знакомство жителей поселения с новыми плотничными приемами и воспроизводство посредством их отдельных древних элементов жилища. Наличие замкового соединения в ряде случаев было ограничено угловым сопряжением только передней и внутренней стен, а противоположный край конструкции обозначался уложенной внакладку древесиной. Интересной особенностью срубного ограждения является наличие ступенчатого продольного паза, выполненного на верхней кромке длинных стен на участке за кострищем.

Тип 3. ОУ представляет собой пристенный открытый очаг с дымоходом, сформированным на каркасе из тонких, вертикально поставленных жердей, часто неокоренных, обмазанных глиной. Эти ОУ фиксируются в виде относительно высокого куполовидного скопления глиняной обмазки. Установлено, что для каркаса использовали жерди из лиственных пород, помимо хвойных: ивы, березы. На уровне пола отмечены остатки деревянных рам, которые, судя по наблюдениям за действующими современными чувалами, являлись элементом конструкции у данного типа ОУ. Однако в рассматриваемых образцах они скорее обозначали место для его размещения. В основании чувалы имели углубления, заполненные грунтом. Площадь ОУ – от 0,60 × 0,55 до 1,0 × 1,2 м в зависимости от габаритов постройки. С учетом этого высота остатков ОУ варьировалась от 0,4 до 0,9 м.

В целом, чувалы являются преобладающим типом ОУ на поселении, в срубных жилищах XVII в. Чувалы располагались в одном из углов входной стены архитектурных конструкций. Пока можно отметить единственный случай эксплуатации чувала в постройке иного типа (№ 2А). Она реконструируется как слабо углубленное сооружение площадью ок. 4,5 м^2, стены которого крепились в стык и фиксировались вертикальными столбами.

Выявленная архитектурно-планировочная структура поселения показывает, что основным принципом его пространственной организации является длительное освоение площадки, выбранной для строительства жилого дома. Последующая застройка в этом месте реализовывалась с небольшими изменениями от изначально определенных границ, обычно в сторону их уменьшения. Предыдущее сооружение демонтировали до определенного уровня. Функционально оставленные части конструкции не являлись полноценным фундаментом. Эволюция строений происходила, как правило, с сохранением основных принципов внутренней планировки, даже при смене архитектуры жилых домов. Отдельные конструктивные элементы продолжали использоваться и в последующих строениях, нередко сохраняя свое функциональное назначение.

Главные свидетельства преемственности традиций домостроения – неизменное местоположение ТТУ при соблюдении основной их конструкции и габаритов. Наиболее последовательно эти принципы соблюдались в развитии крупногабаритных построек, что позволяет рассматривать последние как одни из ключевых организующих элементов в планировочной структуре поселения, по край-

ней мере, в определенные периоды его истории. Примером является развитие комплекса построек, включающего № 7, 7/1, 7/2: поверх двух последовательно возведенных каркасно-столбовых домов находилось срубное жилище. Принадлежащее ему двухвенцовое ОУ было отделено небольшой прослойкой культурного слоя от расположенного под ней подобного сооружения из девяти венцов. Снаружи конструкция была расчищена до уровня шестого венца, при этом были демонтированы несколько уровней деревянного пола.

Археологические и этнографические примеры устройства ОУ с деревянным ограждением показывают, что такие очаги являлись наземными, либо устраивались на небольших возвышениях [Кардаш, 2011, с. 17; Кардаш, 2013, с. 58, 108; Соколова, 1963, с. 196, 214]. В таком случае, уровень дна очага должен соответствовать уровню строительства самой ранней в этом месте, еще не исследованной постройки. В процессе эксплуатации жилища происходило наращивание ярусов пола и, соответственно, повышение уровня ОУ. Суммарная мощность практически непрерывно накопленных отходов горения составила здесь ок. 1,8 м (рис. 2, *3*). При этом неизменное расположение ОУ и преемственность в его устройстве определяли и устойчивое месторасположение входного проема.

Малогабаритной застройке такая преемственность в организации жилищного пространства была присуща в меньшей степени [Гаркуша, Новиков, 2014]. Пример развития ОУ в этой группе строений представлен комплексом построек № 1, 1А, 6. Здесь в процессе последовательного перехода от каркасно-столбовой конструкции к срубной произошла замена ОУ типа 1 на тип 3. Последние сохранились в виде двух куполовидных скоплений глиняной обмазки, что свидетельствует если не о сохранении раннего чувала, то о его частичном демонтаже.

Анализ ОУ показывает зависимость их типов от архитектуры и габаритов постройки. ОУ типа 1 встречены только в малогабаритных постройках вне зависимости от их конструкции. Тип 2 использовался в крупногабаритных каркасно-столбовых и срубных домах. ОУ типа 3 (чувалы) зафиксированы нами только в срубных домах. ОУ типа 2 были включены в структуру архитектурных объектов, значимых для планировочной организации поселения. Архаичные по своему облику, они демонстрируют преемственность в своем местоположении для построек разной конструкции и воспроизводились с помощью новых технических приемов, что также позволяет отнести их к значимым элементам структуры жилого пространства на поселении.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Некоторые особенности архитектуры и пространственной организации Войкарского городка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 142–145.

Гурская М.А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. – Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. – С. 212–231.

Кардаш О.В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). – Нефтюганск; Екатеринбург: АМБ, 2011. – 60 с.

Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – 380 с.

Нестерова М.С. Очаги в поселенческих комплексах эпохи бронзы и раннего железного века Западной Сибири: дис. канд. ... ист. наук. – Новосибирск, 2015. – Т. 1. – 212 с.

Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // ТИЭ. – Т. 84. – 1963. – С. 180–233.

References

Garkusha Yu.N., Novikov A.V. Nekotorye osobennosti arkhitektury i prostranstvennoi organizatsii Voikarskogo gorodka. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., vol. XX, pp. 142–145 (in Russ.).

Gurskaya M.A. Dendrokhronologicheskaya datirovka arkheologicheskikh obraztsov drevesiny gorodishcha Ust'-Voikarskogo (Severo-Zapadnaya Sibir'). In *Fauna i flora Severnoi Evrazii v pozdnem kainozoe*. Yekaterinburg; Chelyabinsk: Rifei, 2008, pp. 212–231 (in Russ.).

Kardash O.V. Gorodok sikhirtya v Bukhte Nakhodka (pervye rezul'taty issledovaniya). Neftyugansk; Yekaterinburg: AMB, 2011, 60 p. (in Russ.).

Kardash O.V. Poluiskii mysovoi gorodok knyazei Taishinykh. Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan, 2013, 380 p. (in Russ.).

Nesterova M.S. Ochagi v poselencheskikh kompleksakh epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka Zapadnoi Sibiri: cand. sc. (history) dissertation. Novosibirsk, 2015, vol. 1, 212 p. (in Russ.).

Sokolova Z.P. Materialy po zhilishchu, khozyaistvennym i kul'tovym postroikam obskikh ugrov. 1963, pp. 180–233 (Trudy instituta etnografii AN SSSR, vol. 84) (in Russ.).

УДК 903.53

И.С. Гнездилова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: gnezdilova06@mail.ru

Магатама в кофунах древней провинции Ямато (III–VII вв. н.э.)

В статье анализируются находки магатама в погребальных комплексах на территории древней провинции Ямато (центральная часть о-ва Хонсю, Японский архипелаг). Самые ранние находки магатама относятся к периоду дзёмон, но в погребениях бусины в форме запятой впервые встречаются на памятниках середины периода яёй. В период кофун (III–VII вв. н.э.) магатама встречаются на памятниках самого разного типа: в погребальных камерах крупных кофунов, в курганах, сопровождающих крупные кофуны, в рядовых погребениях. В древних письменных источниках магатама упоминается в связи с мифами о богине Аматэрасу. Анализ археологических находок магатама свидетельствует о широком распространении верований, ассоциированных с данным ритуальным предметом, в т.ч. и в социальном плане.

Ключевые слова: *магатама, кудатама, погребальный инвентарь, период кофун, Японский архипелаг.*

I.S. Gnezdilova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: gnezdilova06@mail.ru

Magatama in the Kofun Tombs of the Ancient Province of Yamato (3rd–7th Centuries)

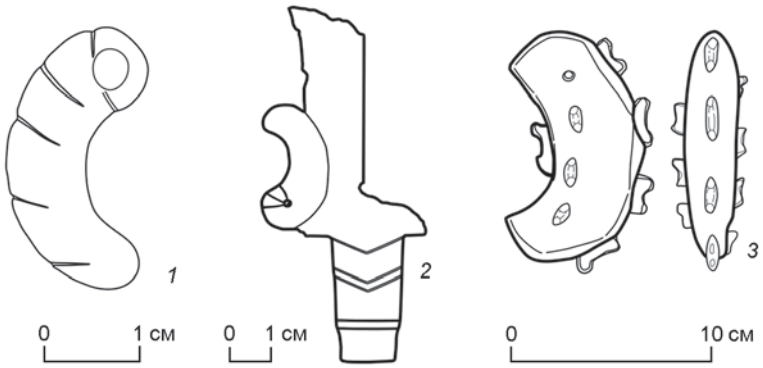
The article analyzes the findings of magatama comma-shaped beads in the funerary complexes on the territory of the ancient province of Yamato (central part of Honshu Island). The earliest examples of magatama belong to the Jomon period, but they started to occur in burials from the middle Yayoi period. In the Kofun period (3rd–7th centuries), magatama beads were placed in burial sites of different types: in the burial chambers of large kofun tombs, in burial mounds accompanying large kofun tombs, or in ordinary burials. In the ancient written sources, magatama are mentioned in the myths about the goddess Amaterasu. The analysis of the archaeological finds of magatama shows a wide spread of ancient beliefs associated with this ritual object among a wide range of people.

Keywords: *magatama comma-shaped beads, kudatama, grave goods, Kofun period, Japanese archipelago.*

В истории Японии не было периода, подобного периоду кофун, когда бы в погребениях был представлен настолько разнообразный и многочисленный погребальный инвентарь. В первую очередь это относится к погребениям в крупных курганах – кофунах; в колодах и саркофагах находят личные украшения: серьги, браслеты, ожерелья и т.д., погребальные камеры кофунов содержат бронзовые зеркала, оружие и доспехи, снаряжение лошади, керамические сосуды, предметы быта, сельскохозяйственные орудия и т.п. В III–VII вв. н.э. получают распространение изделия из бронзы и железа, покрытые золотой фольгой: короны, серьги, кольца, декоративные шпильки для волос, пояса, обувь.

Однако среди множества новых элементов погребального инвентаря, получивших развитие в период кофун, продолжают свою историю, начавшуюся значительно раньше, украшения из камня – *магатама* и ожерелья, сочетающие *кудатама* и *магатама*.

Магатама (яп. 勾玉) – бусина в виде запятой или в форме буквы С длиной 1–6 см и диаметром ок. 1 см (см. *рисунок*). У *магатама* различают утолщенную головку с отверстием, брюшко – внутренняя сторона изгиба и спинку – внешняя сторона. *Кудатама* (яп. 管玉) – цилиндрические бусины размером 3–5 см. Материалом для изготовления *магатама* и *кудатама* в разные периоды служили такие горные породы, как нефрит, яшма, агат, горный хрусталь, а также тальк. Кроме того, использовались стекло, металл, глина [Тэрамура, Мацумото, 2006, с. 5]. На территории Японского архипелага наибо-

Находки *магатама* в погребальных комплексах на территории центральной части о. Хонсю.

1 – магатама, обнаруженная в погребальной камере кофуна Симоикэяма (г. Тэнри, преф. Нара) (илл. по: [Нуномэ, 2006, с. 182]); *2* – посох с *магатама*, кофун Акацутияма (г. Тэнри, преф. Нара) (илл. по: [Сисэки Акацутияма…, 2003, с. 70]); *3 – комотимагатама* с сопровождающего кургана Катонбояма (преф. Осака) (илл. по: [Кирихара, 2006, с. 52]).

лее ранние находки *магатама* встречаются на памятниках периода дзёмон (не в погребениях), это «классический» вариант в форме запятой. В период яёй появляются *магатама,* стилизованные в форме различных животных, перекрученных веревок, но классическая форма продолжает существовать, и в поздний период яёй именно она преобладает. В погребениях *магатама* встречаются начиная со среднего периода яёй.

Территория древней провинции Ямато (современная префектура Нара, центральная часть о. Хонсю) в период кофун – центр формирования протогосударственного образования, и к VIII в. н.э. под властью правителей Ямато были объединены разрозненные общины большей части Японского архипелага. С III в. н.э. именно с территории провинции Ямато начинается распространение традиции квадратно-круглых кофунов и основных элементов погребального обряда, которые затем появляются и в других регионах Японского архипелага. В этом плане данная территория может служить маркёром элементов обряда, в разной степени воспринимаемых на соседних территориях.

Культуру кофун обычно связывают с приходом на территорию равнины Нара переселенцев, которые стали во главе Ямато, но наиболее ранние находки *магатама* и *кудатама* в погребениях встречаются на памятниках периода яёй. Известны находки *кудатама* из яшмы и *магатама* из стекла в нескольких погребениях могильника Кома (г. Хигасиосака, преф. Осака). Погребения в деревянных колодах с небольшим количеством погребального инвентаря датируются поздним яёй [Яёй дзидай…, 2014, с. 54]. Таким образом, верования, ассоциированные с *магатама*, либо входили в пантеон переселенцев, либо достаточно быстро и органично были восприняты ими.

Находка *магатама* в кофуне Симоикэяма (г. Тэнри, преф. Нара) – один из примеров находок в курганах, датируемых ранним периодом кофун. Курган с насыпью квадратно-квадратного типа (одна насыпь квадратной в основании формы, к ней примыкает насыпь в форме квадрата, трапеции либо прямоугольника) длиной 120 м, окружен рвом, в каменной комнате вертикального типа располагалась деревянная колода. Среди украшений обнаружена *магатама* из зеленого нефрита с четырьмя насечками на спинке и со следами окрашивания отверстия киноварью (см. *рисунок, 1*). [Нуномэ, 2006, с. 182].

Во время исследований южной части круглой насыпи кофуна Акацутияма (г. Тэнри, преф. Нара) были обнаружены изготовленные из талька две большие *магатама* и 16 маленьких. Квадратно-круглый кофун Акацутияма (длина насыпи 110 м) датируется концом начального этапа – началом среднего этапа периода кофун, полностью не исследован. Интересной находкой с точки зрения применения *магатама* является фрагмент предмета из талька, считающийся имитацией посоха (см. *рисунок*, *2*). Длина сохранившейся части 8,7 см, на одной из сторон – выступ в форме *магатама* [Сисэки Акацутияма…, 2003, с. 70]. Основание посоха не является, как обычно, круглым, просматривается форма лезвия. Возможно, это имитация небольшого меча или ножа. Из талька изготавливались копии предметов специально для погребений, здесь возможен вариант использования *магатама*, когда бусина подвешивалась к рукояти посоха или меча.

Помимо крупных кофунов, *магатама* встречаются и в небольших курганах. В погребальной камере круглого кофуна Канъяма (г. Яматотакада, преф. Нара, диаметр насыпи 50 м) были обнаружены *магатама* из яшмы и *кудатама*. Датируется кофун началом V в. Изначальное расположение украшений не известно, поскольку курган был разграблен в древности [Канъяма кофун…, 2006, с. 3].

Массовая находка магатама была обнаружена на кург. 438 группы кофунов Косэяма (г. Госэ, преф. Нара). Кофун круглой формы (диаметром 10–14 м) без каменной погребальной камеры содержал две деревянные колоды. В северной части одной из колод обнаружены два бронзовых

зеркала, 60 ед. *магатама* (материал не известен), 30 бусин для счетов, 4 *кудатама* из яшмы. В южной части колоды располагался меч. Датируется погребение началом V в. [Косэяма кофунгун..., 1987, с. 5].

К находкам магатама в рядовых погребениях относятся и находки на кург. 2 группы кофунов из 11 погребений Сасагакумукаияма (пос. Хайбара, преф. Нара). Кофун 2 эллиптической формы с диаметром насыпи 20–25 м. В центральной части – две погребальные камеры. В первой камере (середины – конца V в.) располагались две деревянные колоды, в одной из которых обнаружены *магатама* из горного хрусталя, 20 *кудатама* из яшмы, несколько железных ножей. Во второй колоде *магатама* не обнаружены. Во второй погребальной камере (нач. VI в.) – одна деревянная колода, где обнаружены 25 *кудатама* из яшмы, 56 стеклянных кодама (маленьких шариков), 96 глиняных шариков [Хайбара-тё:..., 1994, с. 14].

К применению *магатама* и *кудатама* в погребальном обряде относятся находки этих предметов в сопровождающих крупные кофуны курганах, используемых исключительно для погребального инвентаря. Кофун Катонбояма – круглый курган, сопровождающий кофун Го:бё:яма (преф. Осака) содержал четыре *комотимагатама* (см. *рисунок*, *3*) и 725 *магатама* [Кирихара, 2006, с. 52]. *Комотимагатама* – разновидность *магатама* с выступами на спинке, брюшке либо насечками в виде кругов, изготавливались из разных каменных пород, но основным материалом служил тальк и змеевик (серпентинит). На памятниках встречаются с середины периода кофун.

Изображение *магатама* встречаются и на антропоморфных ханива. На шее ханива-воина на кофуне Марукояма (п. Корё, уезд Китакацураги, преф. Нара) сделано объемное ожерелье, состоящее из одной *магатама*, двух *кудатама* и круглых бусин. Курган датируется поздним этапом кофуна [Марукояма кофун, 2007, с. 19].

Стоит отметить, что в количественном отношении находки *магатама* в погребениях встречаются реже, чем на стоянках и культовых местах.

Анализ находок *магатама* на погребальных комплексах позволяет делать выводы об использовании ритуального украшения представителями самых разных социальных слоев. Определенного типа погребений, где однозначно присутствуют *магатама*, не выявлено, но находки в сопровождающих курганах и погребальных камерах крупных кофунов более многочисленные и содержат имитации из талька. Появление *комотимагатама* свидетельствует о развитии верований, связанных с этим ритуальным предметом.

Магатама относятся к пласту древних верований, составивших основу синтоизма, в период кофун еще не оформленного в качестве полноценного вероучения. Согласно мифам, собранным в Кодзики, *магатама* имеет непосредственное отношение к богине Аматэрасу. При помощи *магатама*, которые бог Сусаноо попросил у Аматэрасу, он создал пять божеств мужского пола [Кодзики, 1994, с. 53]. Использовалась *магатама* при извлечении Аматэрасу из Скалистого Грота, когда на верхние ветви священного дерева разместили яшмовые *магатама*, кусочки ткани – на нижние ветви и зеркало – на средние [Там же, с. 56]. Еще одно упоминание *магатама* встречается, когда Аматэрасу отправляет своего внука Ниниги для покорения земли и снабжает его магическими предметами: зеркало, меч и *магатама* [Там же, с. 85], которые по сей день являются регалиями императорской власти. По поводу семантики *магатама* нет единого мнения, письменные источники не позволяют сделать однозначного вывода, в этом плане дальнейший анализ археологического материала разных периодов и районов Японского архипелага станет важным информативным дополнением.

Список литературы

Канъяма кофун 4-дзи тё:са (4-е исследования кофуна Канъяма). – Яматотакада: Яматотакада-си кё:ику иинкаи (Комитет по образованию г. Яматотакада), 2006. – 4 с. (на яп. яз.).

Кирихара К. Комотимагатама // Кикан ко:когаку (Квартальная археология). – 2006. – № 94. – С. 52–53 (на яп. яз.).

Кодзики. Записи о деяниях древности. Свиток 1-й. Мифы. (Перевод со старояп. и коммент. Е.М. Пинус). – СПб.: Шар, 1994. – 313 с.

Косэяма кофунгун II (Группа кофунов Косэяма; т. II). – Госэ: Госэ-си кё:ику иинкаи (Комитет по образованию г. Госэ), 1987. – 199 с. (на яп. яз.).

Марукояма кофун. Дай 2-дзи хаккутсу тё:са хо:коку (Кофун Марукояма. Краткий отчет о 2-х исследованиях). – Корё: Корё-тё: кё:ику иинкаи (Комитет по образованию п. Корё), 2007. – 72 с. (на яп. яз.).

Нуномэ Дз. Симоикэяма кофун сюцудо-но кайкокэй магатама ни цуйтэ (О магатама в форме шелковичного червя, найденной на кофуне Симоикэяма) // Ямато-но кофун II (Кофуны Ямато II). – Киото: Дзимбунсёин, 2006. – С. 182–184 (на яп. яз.).

Сисэки Акацутияма кофун. Дай 4-дзи – дай 8-дзи хаккутсу тё:са гайё: хо:кокусё (Исторический памятник Акацутияма кофун. Краткий очерк о 4–8-м исследованиях). – Тэнри: Тэнри-си кё:ику иинкаи (Комитет по образованию г. Тэнри), 2003. – 94 с. (на яп. яз.).

Тэрамура М., Мацумото И. Яёй-кофун дзидайно магатама (Магатама периодов яёй-кофун) // Кикан ко:когаку (Квартальная археология). – 2006. – № 94. – С. 5–6 (на яп. яз).

Хайбара-тё: майдзо: бункадзай хаккутсу тё:са гайё: хо:кокусё (Отчет об археологических исследованиях п. Хайбара). – Хайбара: Хайбара-тё: кё:ику иинкаи (Комитет по образованию п. Хаибара), 1994. – 49 с. (на яп. яз.).

Яёй дзидай-но хака. Сися-но сэкай. Токубэцутэн дзуроку (Погребения периода яёй. Иллюстрированный альбом к выставке). – Касихара: Касихара ко:когаку кэнкю:дзё фудзоку хакубуцукан (Музей Института археологии г. Касихара), 2014. – 88 с. (на яп. яз).

References

Kan”yama kofun 4-dzi chyo:sa. Yamatotakada: Yamatotakada-si kyo:iku iinkai, 2006, 4 p. (in Japan.).

Khaibara-chyo: maidzo: bunkadzai khakkutsu chyo:sa gaiyo: ho:kokusyo. Khaibara: Khaibara-chyo: kyo:iku iinkai, 1994, 49 p. (in Japan.).

Kirihara K. Komochimagatama. *Kikan ko:kogaku,* 2006, No. 94, pp. 52–53 (in Japan.).

Kodziki. Zapisi o deyaniyakh drevnosti. Svitok 1. Mify. (Perevod so staroyaponskogo i kommentarii E.M. Pinus). St. Petersburg: Shar, 1994, 313 p. (in Russ.).

Koseyama kofungun II. Gose: Gose-si kyo:iku iinkai, 1987, 199 p. (in Japan.).

Marukoyama kofun. Dai 2-dzi khakkutsu chyo:sa ho:koku. Kore: Kore-chyo: kyo:iku iinkai, 2007, 72 p. (in Japan.).

Nunome Dz. Simoikeyama kofun syutsudo-no kaikokei magatama ni tsuite. *Yamato-no kofun II.* Kioto: Dzimbunsyoin, 2006, pp. 182–184 (in Japan.).

Siseki Akatsuchiyama kofun. Dai 4-dzi – dai 8-dzi khakkutsu chyo:sa gaiyo: ho:kokusyo. Tenri: Tenri-si kyo:iku iinkai, 2003, 94 p. (in Japan.).

Teramura M., Matsumoto I. Yayoi-kofun dzidai-no magatama. *Kikan ko:kogaku,* 2006, No. 94, pp. 5–6 (in Japan.).

Yayoi dzidai-no khaka. Sisya-no sekai. Tokubetsuten dzuroku. Kasikhara: Kasikhara ko:kogaku kenkyu:dzyo fudzoku khakubutsukan, 2014, 88 p. (in Japan.).

УДК 902/904

С.В. Горохов

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: gorokhov.sv@gmail.com

Путевой дневник С.Л. Владиславича-Рагузинского как источник по локализации на местности Усть-Тартасского форпоста

В статье рассматривается проблема локализации Усть-Тартасского форпоста на местности с привлечением ранее не задействованных письменных источников – путевого дневника посла Российской империи С.Л. Владиславича-Рагузинского, следовавшего через Сибирь в Пекин с посольством в 1725 г. Дан обзор археологической литературы, посвященной Усть-Тартасскому форпосту в части, касающейся его расположения. Установлено, что в литературе присутствует путаница относительно места расположения памятника. В ходе анализа путевого дневника выяснилось, что Усть-Тартасский форпост представлял собой два разнесенных в пространстве на значительное расстояние объекта: небольшую крепость и стан. По описанию установлено, что крепость располагалась на правом берегу р. Тартас у ее впадения в р. Омь. Относительно расположения стана высказано три гипотезы.

Ключевые слова: *Усть-Тартасский форпост, Барабинская степь, Новосибирская обл., С.Л. Владиславич-Рагузинский, посольство в Китай, путевой дневник.*

S.V. Gorokhov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: gorokhov.sv@gmail.com

Traveling Diary of S.L. Vladislavich-Raguzinsky as a Source for Identifying the Location of the Ust-Tartas Outpost

The article discusses the location of the Ust-Tartas outpost using the previously unused written sources, including the traveling diary of S.L. Vladislavich-Raguzinsky, the ambassador of the Russian Empire, who traveled to Beijing via Siberia in 1725. The article summarizes the archeological evidence related to the Ust-Tartas outpost. It is established that different written sources provide contradicting information on the location of the site. The analysis of the traveling diary has shown that the Ust-Tartas outpost was in fact two objects — small fortress and camp — separated by a significant distance. According to the description, the fortress was located on the right bank of the Tartas River where it flows into the Om River. There are three hypotheses concerning the location of the camp.

Keywords: *Ust-Tartas outpost, Baraba steppe, Novosibirsk Region, S.L. Vladislavich-Raguzinsky, embassy to China, traveling diary.*

В 1990 г. вышел сборник архивных материалов, посвященный русско-китайским отношениям в 1725–1727 гг. [Русско-китайские отношения…, 1990]. Наибольший интерес для нас представляет путевой дневник тайного советника С.Л. Владиславича-Рагузинского, который в 1725–1728 гг. предпринял поездку в Пекин с дипломатической миссией. Следуя через Сибирь, он составил описание маршрута и ключевых населенных пунктов на своем пути. В настоящей работе мы ограничимся рассмотрением участка, на котором располагался Усть-Тартасский форпост (УТФ). Целью настоящей работы является уточнение локализации форпоста.

Первое упоминание УТФ как археологического памятника содержится в справочнике «Археологическая карта Новосибирской области»: «… расположен неподалеку от с. Тартас, при впадении р. Тартас в Омь. Открыт в 1976 г. В.И. Соболевым. Рельефных признаков памятник не имеет. Занимает площадь около 2 000 м^2» [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980,

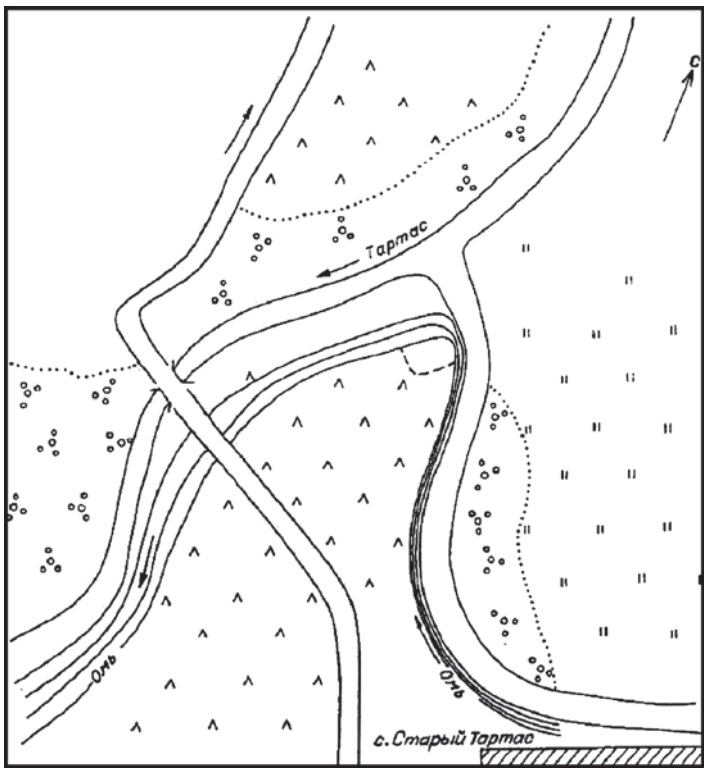

Рис. 1. План-схема расположения Усть-Тартасского форпоста, составленная первооткрывателем памятника В.И. Соболевым [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 31, 32, рис. 19].

с. 31, 32, рис. 19]. В данном описании присутствует ряд неточностей. Под с. Тартас, вероятно, подразумевается с. Старый Тартас. Из описания не ясно, где именно расположен памятник – на правом или левом берегу р. Омь? Если на правом, то на каком берегу р. Тартас? План памятника окончательной ясности не вносит, т.к. условные обозначения, которыми он снабжен, отсутствуют на самом плане (рис. 1). Центральное место на иллюстрации занимает излучина р. Омь напротив впадения р. Тартас. Поскольку на плане отсутствуют другие памятники, то можно предположить, что открытый памятник расположен на площадке, образованной данной излучиной реки. На крайнем северном краю площадки обозначен участок неопределенного размера (план не снабжен масштабом). Сопоставление с современным картографическим материалом позволило определить приблизительную площадь данного участка, которая в целом соответствует площади памятника, указанной в «Археологической карте» (2 000 м^2). Таким образом мы установили вероятное местонахождение памятника. В 1990 г. вышла статья А.В. Новикова*, посвященная гончарному производству УТФ [1990]. В данной работе автор дает описание расположения памятника: «… у с. Старый Тартас, при впадении р. Тартас в р. Омь. <…> Край террасы, на котором расположен форпост, интенсивно разрушается водами р. Тартас. В 1986 г. автором был проведен сбор подъемного материала на памятнике». Из данного описания также не ясно, где именно расположен объект – на р. Тартас или р. Омь?

В 1986 г. А.П. Бородовский осуществил сборы подъемного материала на УТФ. В качестве места сборов он указал автору настоящей статьи на территорию, образованную излучиной Оми напротив впадения в нее р. Тартас.

В 1998 г. вышел справочник по археологическим памятникам Венгеровского р-на, в котором помещен раздел об УТФ, снабженный картой-схемой расположения объекта [Молодин, Новиков, 1998, с. 62]. Карта представляет собой слегка измененный план расположения форпоста, который был опубликован в «Археологической карте Новосибирской области», и также не содержит ясного указания на точное место расположения объекта [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 32]. В описании сказано, что он «расположен при впадении р. Тартас в р. Омь, на окраине с. Старый Тартас. <…> Памятник фиксируется по мощным отложениям культурного слоя в обрыве террасы р. Омь <…>». Из описания следует, что памятник расположен на левом берегу Оми, т.к. именно здесь на высоком и осыпающемся берегу расположено с. Старый Тартас.

В 1989 г. С.В. Колонцов осуществлял сбор подъемного материала на памятнике. В 2001 г. была опубликована статья, посвященная характеристике подъемного материала с УТФ [Колонцов, Воробьев, 2001]. В ней даны следующие сведения о расположении объекта: «… в устье р. Тартас при впадении ее в р. Омь у с. Старый Тартас …». Из данного описания также не ясно, где именно располагался форпост – на правом или левом берегу Оми?

В разные годы на памятнике осуществляли сборы подъемного материала В.И. Соболев, А.В. Новиков, А.П. Бородовский и С.В. Колонцов. Трое исследователей из четырех (кроме А.П. Бородовского) опубликовали результаты своих обследований памятника. Из совокупности приведенных данных следует, что, вероятнее всего, памятник, открытый В.И. Соболевым в 1976 г., располагается на левом берегу Оми на северной оконечности площадки, образованной излучиной Оми напротив устья р. Тартас.

*В сборнике «Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика» в качестве автора статьи указан А.Н. Новиков, что является опечаткой.

С.Л. Владиславич-Рагузинский сообщает следующие сведения об УТФ: «река Тартаса пала в Омь-реку от левой стороны, а в устье рек переехали чрез, и оные остались в левой руке. Шириною Омь сажен 30 и Тартас немногим меньше. <…> От устья рек 3 версты до Станку, где российской караул служивых людей, 50 человек казаков, которые высылаютца из Томского города для охранения татар от Казачьей орды. А вместо крепости на берегу Тартаса-речки рубленой двор низенькой четвероугольной и малые в земле избушки из березового лесу, где казаки ночуют. <…> от Стану, переехавши Омь-реку, которой остался в правой руке, и ехали степью <…> до Омь-реки, которую переехали чрез, 16 верст; и оная осталась в левой руке» [Русско-китайские отношения…, 1990, с. 194]. Из этого сообщения мы узнаем, что посол прибыл на слияние рек Омь и Тартас со стороны правых берегов указанных рек, переправился через Омь (на левый берег), от слияния рек преодолел три версты до стана, где вновь переправился через Омь (на правый берег), по которому следовал 16 верст до следующей переправы. Сообщается, что казаки ночуют в невысоком рубленном дворе на берегу р. Тартас (вероятно, небольшое оборонительное сооружение типа зимовья, обнесенное оградой; в дальнейшем будем называть его небольшой крепостью). Таким образом, мы узнаем, что в районе слияния рек Омь и Тартас в конце первой четверти XVIII в. существовало два русских объекта – станок, где казаки несли службу, и небольшая крепость, где они жили. Крепость располагалась на р. Тартас, вероятно, на правом берегу недалеко от устья, т.к. именно здесь к слиянию двух рек подходила дорога, по которой пересекали Барабу. Стан, где казаки несли службу, располагался, согласно описанию, на левом берегу Оми, в трех верстах от переправы (от устья р. Тартас). В тексте дневника автор делает оговорку: «версты писаны по счету сибирскому, между которыми некоторое число тысячных, а некоторое и пятисот-

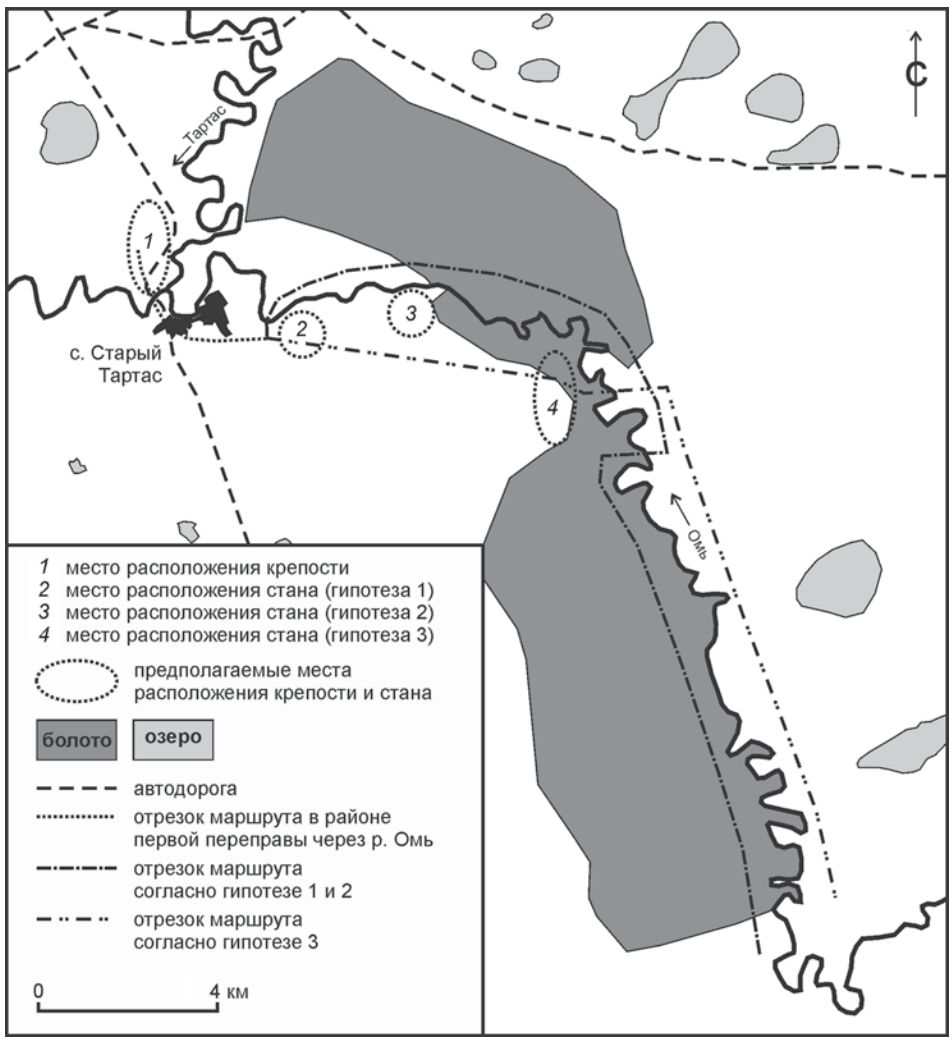

Рис. 2. План-схема расположения Усть-Тартасского форпоста по данным путевого дневника С.Л. Владиславича-Рагузинского.

ных, а сколько которых, о том жители совершенно неизвестны» [Там же, с. 192]. Из этого сообщения мы узнаем, что версты были двух видов – «тысячные» (1 000 сажен, ок. 2,132 км) и «пятисотные» (500 сажен, ок. 1,066 км), а также то, что расстояния записывались со слов местных жителей, т.е. могли быть весьма приблизительными.

Основываясь на путевом дневнике, можно сформулировать три гипотезы о месте расположения стана. Гипотеза 1. Стан располагался примерно в 3 км к востоку от устья р. Тартас на левом берегу р. Омь. Гипотеза 2. Стан располагался примерно в 6 км к востоку от устья р. Тартас на левом берегу р. Омь. Гипотеза 3. Стан располагался примерно в 10 км к востоку от устья р. Тартас на левом берегу р. Омь (рис. 2). Эта гипотеза основана на допущении, что информанты посла неверно указали расстояние (либо посол сам ошибся в оценке протяженности проделанного пути), а также на оценке ландшафта местности. По данным путевого дневника, стан располагался у места переправы через Омь. Если стан, согласно гипотезам 1 и 2, был в 3–6 км к востоку от устья р. Тартас на левом берегу Оми, то при переправе на противоположный берег посол попал бы в весьма протяженное болото. Кроме этого, представляется неразумным делать две переправы через р. Омь на протяжении 3–6 км пути. Лучше было бы сделать одну переправу через р. Тартас. Переправа в этом месте тем более нерациональна, потому что через 16 верст последовала новая переправа через Омь, после чего путь должен следовать по левому берегу через очередное обширное болото. В случае, если стан имел расположение согласно гипотезе 3, то путешественники имели возможность миновать оба обширных болота. Учитывая изложенные аргументы, нам представляется целесообразным археологическое обследование участка местности, прилегающего к месту возможной переправы в 10 км к востоку от устья р. Тартас, с целью выявления археологических остатков стана рубежа первой и второй четверти XVIII в.

Памятник, открытый В.И. Соболевым в 1976 г. и интерпретированный им как УТФ, по своему положению не соответствует ни стану, ни небольшой крепости, которые описаны в путевом дневнике. Вероятно, это самостоятельный объект, сформировавшийся после основания УТФ в 1722 г. Согласно описанию, форпост представлял собой два разнесенных в пространстве объекта (небольшая крепость и стан), расположенных в ключевых пунктах на дороге.

Локализация УТФ была сделана В.И. Соболевым и подтверждена другими исследователями на основании сведений письменных источников о том, что объект находился на устье р. Тартас, и сборов подъемного материала, отнесенного к XVIII в. Однако этого оказалось совершенно недостаточно. Для уверенной интерпретации объекта как оборонительного сооружения необходимо обнаружение комплекса специфических элементов, что, как правило, невозможно без проведения археологических раскопок [Горохов, 2011].

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Горохов С.В. Русский острог в Сибири конца XVI – XVIII в. как археологический памятник // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 7, № 10. – С. 284–291.

Колонцов С.В., Воробьев А.А. Материалы Усть-Тартасского форпоста // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2001. – Т. 3, № 3. – С. 154–158.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-производств. центр по сохранению ист.-культ. наследия, 1998. – 140 с.

Новиков А.В. Гончарное производство Усть-Тартасского форпоста // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. – С. 175–181.

Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. – М.: Наука, Глав. редакция восточ. лит-ры, 1990. – Т. 2: (1725–1727). – 668 с.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 184 с.

References

Gorokhov S.V. Russkii ostrog v Sibiri kontsa XVI – XVIII v. kak arkheologicheskii pamyatnik. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya*, 2011, vol. 7, No. 10, pp. 284–291 (in Russ.).

Kolontsov S.V., Vorob'ev A.A. Materialy Ust'-Tartasskogo forposta. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2001, vol. 3, No. 3, pp. 154–158 (in Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V. Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo raiona Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennyi tsentr po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya, 1998, 140 p. (in Russ.).

Novikov A.V. Goncharnoe proizvodstvo Ust'-Tartasskogo forposta. In *Drevnyaya keramika Sibiri: tipologiya, tekhnologiya, semantika*. Novosibirsk: Nauka, Sib. otdelenie, 1990, pp. 175–181 (in Russ.).

Russko-kitaiskie otnosheniya v XVIII veke. Materialy i dokumenty. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1990, vol. 2 (1725–1727), 668 p. (in Russ.).

Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1980, 184 p. (in Russ.).

УДК 902.2 + 502.8 + 528.4 + 550.838 + 550.389.1

П.Г. Дядьков[1, 4], В.И. Молодин[2, 4], В.А. Сумин[3], О.А. Позднякова[2], Н.Д. Евменов[1], Л.В. Цибизов[1, 4]

[1]Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
[3]НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской обл.
[4]Новосибирский государственный университет
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com

Результаты геофизических и геодезических работ на территории памятника «Усть-Тартасские курганы»

Могильник «Усть-Тартасские курганы» является одним из крупнейших памятников Новосибирской обл. Период его существования исследователи определяют рамками VII в. до н.э. – IX в. н.э. В 2016 г. с помощью метода магнитометрии на территории памятника был обнаружен грунтовый могильник. Раскопки показали, что он относится к эпохе неолита – ранней, развитой бронзы. В 2017 г. участок магнитной съемки был существенно расширен. Выявлены аномалии, связанные с археологическими объектами. Рассматриваются результаты мониторинга современного состояния курганного могильника. На основании сопоставления с планом, выполненным С.М. Чугуновым в конце XIX в., выделены участки, где находятся полностью распаханные курганы. Обосновываются перспективы их поиска методом магнитометрии с возможностью фиксации на плане памятника.

Ключевые слова: *археология, могильник, поселение, курган, магнитометрия, магнитные аномалии, мониторинг археологических памятников.*

P.G. Dyadkov[1, 4], V.I. Molodin[2, 4], V.A. Sumin[3], O.A. Pozdnyakova[2], N.D. Evmenov[1], L.V. Tsibizov[1, 4]

[1]Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[3]Scientific and Production Centre on the Conservation of Historic and Cultural Heritage of the Novosibirsk Region
[4]Novosibirsk State University
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com

Results of Geophysical and Geodesic Works at the Site of Ust-Tartasskie Kurgany

The burial ground of Ust-Tartasskie Kurgany is one of the largest monuments of Novosibirsk Region, which functioned from the 7th century BC to the 9th century AD. In 2016, earthen burial ground was discovered at the site with the help of magnetic survey. Excavations have shown that the burial ground belonged to the Neolithic–Early and Advanced Bronze Age. In 2017, the area of the magnetic survey was significantly expanded, and anomalies associated with archaeological objects were identified. The article discusses the monitoring of the current condition of the group of burial mounds. The areas with completely plowed up burial mounds have been identified by comparing the actual site with the plan made by S. M. Chugunov in the late 19th century. The prospects of finding these burial mounds using the method of magnetic survey with the subsequent mapping on the plan of the burial ground are discussed.

Keywords: *archaeology, burial, settlement, barrow, magnetometry, magnetic anomalies, monitoring of archaeological sites.*

Курганный могильник «Усть-Тартасские курганы» по своей площади является одним из крупнейших археологических памятников на территории Западно-Сибирской равнины. Насыпи расположены вдоль автодороги Омск – Новосибирск (Старый Московский тракт), на протяжении ок. 8 км, между селами Венгерово и Туруновка.

Первые сведения о могильнике встречаются в «Записках…» И.П. Фалька [1824, с. 431–433]. Описание памятника впервые было сделано В.М. Флоринским [1889, с. 46–48]. Собственно название «Усть-Тартасский могильник» появилось после исследований С.М. Чугунова, работавшего на территории современного Венгеровского р-на в конце XIX в. Он составил подробное описание и план памятника, на котором выделил пять участков расположения курганных насыпей. Усть-Тартасский могильник, описанный С.М. Чугуновым, насчитывал 122 кургана различных размеров, расположенных по обе стороны московского тракта, из которых им было фрагментарно исследовано 13 насыпей [Чугунов, 1900]. В дальнейшем, уже во второй половине XX в., могильник вошел в сводку памятников И.А. Талицкой [1953, с. 334], на его территории работали Т.Н. Троицкая, В.А. Борзунов, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, Н.В. Полосьмак и др. исследователи [Троицкая, Автушкова, 2010].

В 1976 г., на основании материалов работ С.М. Чугунова, Т.Н. Троицкой и В.А. Борзунова, под наименованием «Усть-Тартасские курганы» памятник был поставлен на государственную охрану. К этому времени на его территории было зафиксировано 54 кургана. Отмечалось, что большая часть насыпей разрушена в ходе многолетней распашки и строительства автодороги. В культурно-хронологическом диапазоне могильник был датирован эпохой раннего железного века – Средневековьем (VII в. до н.э. – IX в. н.э.).

В 2007 г., при выполнении изыскательских работ на участке могильника, выходящем на надпойменную террасу займища р. Тартас (урочище Таи), О.В. Софейковым было выделено разновременное поселение Карьер Таи-1. Памятник занимает участок бровки надпойменной террасы, протяженностью 810 м. По результатам шурфовки и сборам подъемного материала поселение было датировано широким хронологическим диапазоном: от эпохи ранней бронзы до раннего Средневековья.

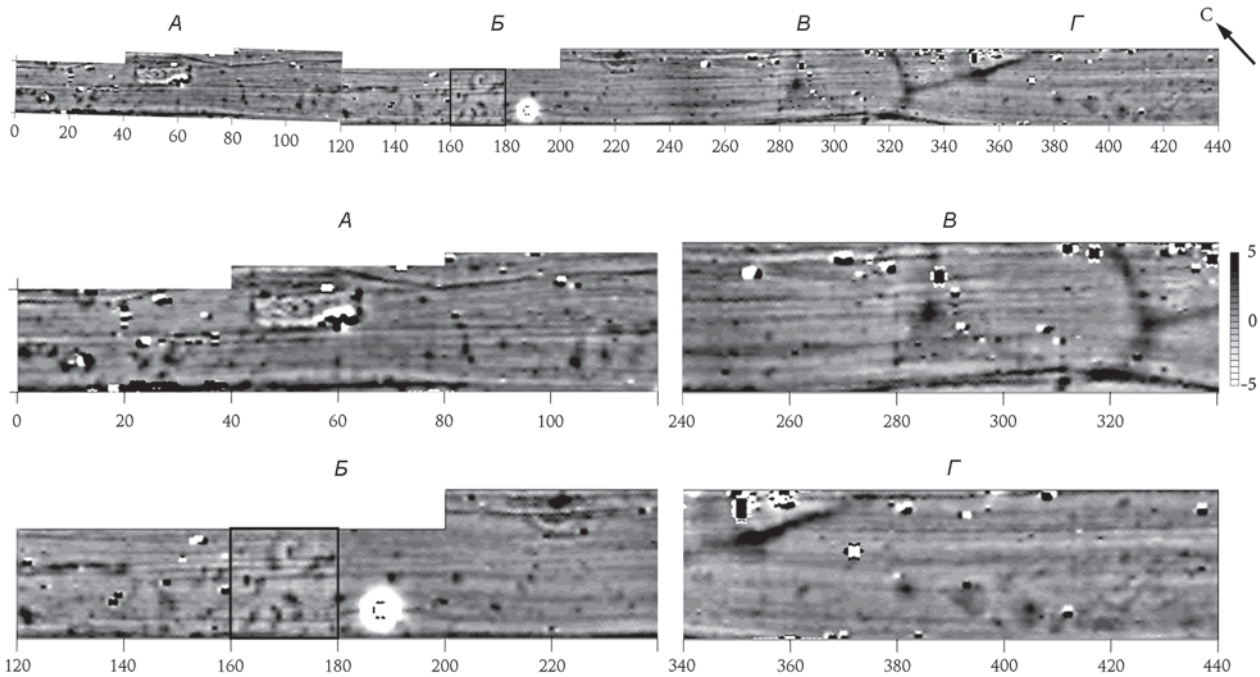
В 2016 г., в рамках совместных российско-германских работ по изучению периферии больших курганов, на северо-западном участке поселения Карьер Таи-1, между двумя насыпями (по С.М. Чугунову курганы № 17, 18, участок № 5) была выполнена магнитная съемка методом горизонтального градиента. Характер и особенности расположения выявленных аномалий позволили предположить наличие здесь грунтового могильника, а также небольшого распаханного кургана [Парцингер и др., 2016].

В 2017 г. на участке магнитной съемки были проведены раскопки, которые полностью подтвердили результаты геофизических исследований. Был обнаружен разновременный грунтовый могильник эпохи неолита – ранней, развитой бронзы, а также стоянка эпохи неолита. Аномалия, которая предварительно интерпретировалась как курган, оказалась погребально-поминальной конструкцией усть-тартасской культуры (см. статью В.И. Молодина, Л.С. Кобелевой и др. в данном сборнике).

Перед проведением раскопок сотрудниками ИАЭТ СО РАН и ИНГГ СО РАН были продолжены магнитометрические исследования с использованием метода вертикального градиента. Задачей геофизических работ было расширение площади съемки в обе стороны вдоль террасы с целью определения границ грунтового могильника, а также поиска других объектов, связанных с поселением Карьер Таи-1 и Усть-Тартасскими курганами. Длина участка вдоль террасы составила 440 м, ширина 20–28 м. Общая площадь магнитной съемки – 11 280 м². Участок 2016 г. был повторно картирован с целью сравнения методов горизонтального и вертикального градиента.

Магнитная съемка проводилась магнитометром-градиентометром G-858G (Geometrics, США). Измерения выполнялись по параллельным профилям, с интервалом 1 м. Расстояние между замерами вдоль профиля составляло ок. 10 см при движении оператора со скоростью 3–4 км/ч. В районе работ была установлена магнитовариационная станция МВ-07М, что позволяло учитывать геомагнитные вариации и получать не только значения вертикального градиента магнитного поля, но и значения аномального магнитного поля на двух уровнях высоты. Аппаратурная точность измерений использованного оборудования не превышала 0,1 нТл. Для корректной интерпретации результатов проводились замеры магнитной восприимчивости почв и подстилающих пород.

На основании полученных данных были построены карты распределения модуля вектора магнитной индукции (см. *рисунок*). Сравнение карт одного и того же участка, полученных методом вертикального и горизонтального градиентов, показало высокую степень совпадения результатов [Парцингер и др., 2016, рис. 1] (см. *рисунок, Б*). Мешающие выделению полезных аномалий факторы связаны со следами распашки (аномалии в виде полос), нарушением грунта техникой (прямоугольная аномалия на участке *А*) и с магнитными помехами, обусловленными засоренностью территории железными предметами. На участке, раскопанном в 2017 г., наблюдается наибольшая концентрация аномалий (см. *рисунок, Б*). К северо-западу от него можно предварительно выделить еще несколько аномалий, которые по размеру и форме сопоставимы с изученными в раскопе объектами. К юго-востоку концентрация таких структур значительно меньше,

Результаты магнитной съемки на территории памятника «Усть-Тартасские курганы» (квадратом обозначен участок, раскопанный в 2017 г.).

особенно на участке *В*, где наблюдается понижение рельефа. На участке *Г* выявлена цепочка аномалий, источниками которых также можно считать погребенные археологические объекты. Для полной интерпретации данных необходимы дополнительные исследования, но уже сейчас проведенные работы подтвердили перспективность дальнейшего археологического изучения этой территории.

Параллельно с геофизическими исследованиями, в рамках работ по определению границ объектов археологического наследия, отрядом НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской обл. на территории памятников был проведен комплекс археологических и геодезических работ. Описано их современное состояние, сохранившийся пообъектный состав могильника, выполнена топографическая съемка и установлены границы территории археологических объектов. При производстве полевых геодезических работ, с целью максимального учета ранее описанной территории курганного поля, использовалась планиграфическая схема Усть-Тартасского могильника, составленная С.М. Чугуновым. Данная схема хорошо ложится на современные карты, а также соотносится с особенностями современного рельефа местности, что дает основания относить к территории могильника участки, на которых внешние признаки курганных насыпей к настоящему времени полностью утрачены.

По состоянию на 2017 г., с учетом данных плана С.М. Чугунова на территории могильника «Усть-Тартасские курганы» можно выделить 10 участков, на которых фиксируются внешние признаки 53 насыпей. 30 курганов в значительной степени задернованы, однако они частично подпахиваются, либо повреждены при строительстве автодороги и лесопосадками. Одна насыпь сильно разрушена песчаным карьером, остальные распахиваются. Часть сохранившихся курганов хорошо идентифицируется с насыпями, отмеченными на плане С.М. Чугунова, их сопоставление позволяет выделить участки, где находятся полностью запаханные курганы. В настоящее время обнаружить их дистанционно, не разрушающим способом можно только с помощью геофизической съемки. Проведенные археолого-геофизические исследования показали, что на данной территории успешно проводить такие работы можно с помощью метода магнитометрии. Обнаруженные таким образом курганы могут быть зафиксированы на современном топографическом плане памятника, на котором уже отражены все участки проведенной магнитной съемки. Наиболее перспективным представляется продолжение геофизических работ вдоль края террасы. Здесь, согласно плану С.М. Чугунова, на третьем и четвертом участках отмечена высокая концентрация курганных насыпей, которые в настоящее время не прослеживаются. Кроме того, велика вероятность обнаружения археологических объектов, связанных с поселенческими комплексами и грунтовыми могильниками. Результаты такой работы, проведенной совместно

со специалистами по охране памятников, дают возможность вернуть утраченные объекты культурного наследия с перспективой их дальнейшего научного исследования.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Парцингер Г., Молодин В.И., Фассбиндер Й., Кобелева Л.С., Гасс А., Хофманн И., Ненахов Д.А. Предварительные результаты исследований периферии больших курганов саргатской культуры в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 401–404.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. – 1953. – № 35. – С. 243–345.

Троицкая Т.Н., Автушкова А.Л. Усть-Тартасский могильник (по материалам раскопок С.М. Чугунова) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2 (13). – С. 51–61.

Фальк И.П. Записки путешествия. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук по предложению ее президента. – СПб., 1824. – Т. VI. – 560 с.

Флоринский В.М. Топографические сведения о курганах Западной Сибири. – Томск: Тип. Михайлова и Макушина, 1889. – 72 с.

Чугунов С.М. Материалы для антропологии Сибири. Курганы Каинского округа Томской губернии // Известия Императорского Томского Университета. – Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1900. – Кн. 16. – С. 1–70.

References

Chugunov S.M. Materialy dlya antropologii Sibiri. Kurgany Kainskogo okruga Tomskoi gubernii. In *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo Universiteta*. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina, 1900, vol. 16, pp. 1–70 (in Russ.).

Falk I.P. Zapiski puteshestviya. Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoi Akademiei nauk po predlozheniyu ee prezidenta. St. Petersburg, 1824, vol. VI, 560 p. (in Russ.).

Florinskii V.M. Topograficheskie svedeniya o kurganakh Zapadnoi Sibiri. Tomsk: Tip. Mikhailova i Makushina, 1889, 72 p. (in Russ.).

Parzinger G., Molodin V.I., Fassbinder I., Kobeleva L.S., Gass A., Hofmann I., Nenakhov D.A. Predvaritel'nye rezul'taty issledovanii periferii bol'shikh kurganov sargatskoi kul'tury v Tsentral'noi Barabe. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 401–404 (in Russ.).

Talitskaya I.A. Materialy k arkheologicheskoi karte Nizhnego i Srednego Priob'ya. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 1953, No. 35, pp. 243–345 (in Russ.).

Troitskaya T.N., Avtushkova A.L. Ust'-Tartasskii mogil'nik (po materialam raskopok S.M. Chugunova). In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2010, No. 2 (13), pp. 51–61 (in Russ.).

УДК 903.7

Н.С. Ефремова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ens77@mail.ru

Культовые объекты Северной Азии: к вопросу о дефинициях

Статья посвящена систематизации терминологии, применяющейся при описании объектов культового характера. Уникальной особенностью рассматриваемой территории является отсутствие архитектурных сооружений, связанных с ритуальной деятельностью в древности. На настоящий момент используемые дефиниции достаточно условны, общепринятых видов сибирских святилищ не выявлено. Сделана попытка детальной дифференциации культовых памятников согласно их функциональной направленности и региональных особенностей. Варианты обрядовой практики древних обществ могли иметь различное оформление места проведения ритуалов, однако сходные составляющие обрядового действа, следы которых имеют место на подобных археологических объектах, позволяют отнести последние к различным категориям культовых памятников – святилищам, ритуальным комплексам, жертвенным местам и пр.

Ключевые слова: *святилище, культовый комплекс, ритуальный объект, жертвенник, духовная культура, идеологические представления, терминология.*

N.S. Efremova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: ens77@mail.ru

Cultic Objects of Northern Asia: Towards the Problem of Definitions

The article discusses the systematization of terminology used for describing the cultic objects. A unique feature of the Northern Asia is the lack of architectural structures associated with ritual activities in the ancient times. The definitions which have been presently used are rather conventional, and there are no generally accepted types of Siberian sanctuaries. The article attempts at differentiating the cultic sites according to their functional purpose and regional features. Different variants of ritual practices of ancient societies could have had different arrangement of the place where the rituals were performed. However, similar components of ritual activities, the traces of which occur at such archaeological sites, make it possible to attribute these sites to various categories of cultic monuments, such as sanctuaries, ritual complexes, sacrificial places, etc.

Keywords: *sanctuary, ceremonial complex, ritual object, altar, spiritual culture, ideological representations, terminology.*

Исследования последних десятилетий существенно пополнили источниковую базу культовых объектов – уникальных археологических памятников, отражающих иррациональные воззрения человека и позволяющих частично реконструировать духовную культуру социума [Мазин, 1994; Тиваненко, 1989, 1994; Святилища..., 2000; Культовые памятники..., 2004; Алтай сакральный..., 2010; Древние и современные..., 2011; Методика исследования..., 2012; и др.]. Неординарное местоположение, существенные отличия от памятников погребального и поселенческого характера, специфический ряд обнаруженных артефактов позволяют объединять объекты такого плана в категорию культовых. По-видимому, все сферы жизнедеятельности древнего общества так или иначе были сакрализованы, каждой из них для отправления обрядовой практики требовались особые условия. Артефакты с ритуальных памятников позволяют говорить о существовании дифференциации культовых мест согласно функциональной направленности последних, в силу чего назрела необходимость более четко обозначить ряд дефиниций, характеризующих принадлежность объекта к той или иной группе культовых памятников. Подобные попытки уже предпринимались для других регио-

нов [Седых, 2000; Шелепова, 2011], однако в Западной Сибири и граничащих с ней территориях такие категории ритуальных объектов, как ***святилище, культовый комплекс, жертвенник, ритуальный комплекс***, часто являются в научной литературе взаимозаменяемыми и употребляются, скорее, как синонимы, хотя и здесь встречаются варианты. Так, согласно А.В. Тиваненко, понятия «***святилище***» и «***культовое место***» отличаются друг от друга как продолжительностью существования (несколько эпох – несколько поколений соответственно), так и количественными показателями (где «святилище» имело общеплеменное или общеродовое значение). Другая категория – «священное место» – характеризуется автором как конкретный географический объект (озеро, гора и т.д.), который может иметь и собственное святилище, и собственное культовое место [1989, с. 5]. Согласно стандартному определению, ***святилище*** – «место совершения религиозных обрядов; обычно считалось местопребыванием божества» [Большая советская энциклопедия, т. 23, с. 95]. На Урале, где данный тип археологических памятников распространен достаточно широко и часто сопряжен с пещерами, понятие «святилище» равнозначно понятию «культовое, жертвенное место» и связывается также с другими неординарными природными объектами – гротами, скалами, устьями рек и даже древними городищами и могильниками, которые могут быть почитаемы [Викторова, Чаиркин, 2000, с. 480]. Еще одно определение культового объекта – ***жертвенник*** – место для жертвоприношения на культовом месте (святилище), может также соответствовать термину «алтарь». В Восточной Сибири мог являться очагом или кострищем. Сюда же можно отнести т.н. жертвенные ямы, встречавшиеся на площади поселений или могильников, которые могли иметь и наземные сооружения – например, навесы [Тиваненко, 1989, с. 6].

На территории лесостепи ***святилище***, как правило, приурочено к неординарному водному или возвышенному объекту (надпойменная терраса реки, берег озера, остров), поскольку скальные выходы здесь единичны или полностью отсутствуют. Поскольку в древности подобные места использовались и для сооружения некрополей, святилище могло соседствовать с подобным памятником либо располагаться на его территории, как это можно наблюдать на могильнике Тартас-1 в Венгеровском р-не Новосибирской обл. (см. статью Н.С. Ефремовой, Л.Н. Мыльниковой, В.И. Молодина, С.К. Васильева, И.А. Дуракова, Д.В. Селина «Ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры: новые концепции интерпретации» в настоящем сборнике). Значительная площадь, занимаемая выявленными здесь ритуальными комплексами, объемные жертвенные ямы, наличие следов жертвоприношений, в т.ч. и человеческих, позволяют предположить существование здесь культового объекта, игравшего важную роль в жизни носителей восточного варианта пахомовской культуры в течение длительного периода, вероятнее всего, родового святилища. Интересно, что обнаруженные на памятнике следы каркасно-столбовых конструкций позволяют рассмотреть точку зрения о возможном существовании на данной территории культовых архитектурных сооружений, выполненных из органических материалов и поэтому недолговечных.

Ключевым в понятии «***культовый комплекс***» представляется термин «комплекс», т.е. совокупность нескольких объектов, связанных с обрядовыми действиями – как в функциональном плане, так и в хронологическом. Культовым комплексом могут являться локализованные на одном и том же месте святилища различных эпох, обнаруживающие сходство в отправлении ритуалов, несмотря на значительные – до столетий – перерывы в функционировании объекта. Ярким образцом подобного культового комплекса является памятник Кучерла-1, расположенный в Горном Алтае [Молодин, Ефремова, 2010]. К категории «культового комплекса» можно отнести также памятник, сочетающий следы отправления нескольких культов – например, погребально-поминальных и производственных.

Поскольку на любом культовом месте предполагается наличие следов жертвоприношения, как правило, фрагментов керамической посуды и костей животных, под определения ***жертвенное место***, ***жертвенник*** могут попасть те сакральные объекты, на которых принесению жертвы отводилась особая, возможно, главная роль. К этой категории, скорее всего, следует отнести т.н. костища, большие, компактно расположенные скопления костей животных, принесенных в жертву, о чем может говорить присутствие очагов и остатков посуды, а также всевозможные сопутствующие артефакты. Так, известное Гляденовское костище в Прикамье интерпретируется авторами и как жертвенник, и как святилище [Мельничук, 2000]. Как вариант, свой жертвенник может быть у культового комплекса – при наличии определенного участка на сакральной территории, где наблюдается большой процент находок, которые могут быть интерпретированы как жертвоприношение.

Еще одно определение – «***ритуальный комплекс***» – подразумевает наличие ряда следов отправления ритуала (от лат. ritus – религиозный обряд), где ритуал – «вид обряда, исторически сложившаяся форма сложного символического поведения, коди-

фицированная система действий», а собственно обряд – «совокупность условных традиционных действий, лишенных непосредственной практической целесообразности, но служащих символом определенных социальных отношений» [Большая советская энциклопедия, т. 22, с. 136; т. 18, с. 231].

Таким образом, перечисленные дефиниции отражают варианты обрядовой деятельности человека на культовых объектах. При этом употребление разных определений для одного сакрального памятника может быть оправдано, если налицо полифункциональность объекта, сочетающего в себе несколько видов культового действа.

Список литературы

Алтай сакральный: культовые и археоастрономические смыслы святилищ: сб-к ст. – Барнаул: Изд-во С.С. Жерносенко, 2010. – 144 с.

Большая советская энциклопедия. – Т. 18. – М.: Сов. энцикл., 1974. – 632 с.; т. 22. – М.: Сов. энцикл., 1975. – 627 с.; т. 23. – М.: Сов. энцикл., 1976. – 640 с.

Викторова В.Д., Чаиркин С.Е. Святилище // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – 637 с.

Древние и современные культовые места Алтая: сб. ст. – Барнаул: Печатная компания АРТИКА, 2011. – 124 с.

Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. – 430 с.

Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 241 с.

Мельничук А.Ф. Гляденовское кострище // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – С. 150.

Методика исследования культовых комплексов: сб. ст. – Барнаул: Пять плюс, 2012. – 144 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с. + 2 вкл.

Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: мат-лы конф. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2000. – 236 с.

Седых В.Н. Святилища, кумиры, храмы… // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: мат-лы конф. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2000. – С. 16–20.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 202 с.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 150 с.

Шелепова Е.В. Теоретические аспекты изучения памятников культовой деятельности Алтая // Древние и современные культовые места Алтая: сб. ст. – Барнаул: Печатная компания АРТИКА, 2011. – С. 100–108.

References

Altai sakral'nyi: kul'tovye i arkheoastronomicheskie smysly svyatilishch: sbornik statei. Barnaul: S.S. Zhernosenko Publ., 2010, 144 p. (in Russ.).

Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. Vol. 18, Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1974, 632 p.; vol. 22, Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1975, 627 p.; vol. 23, Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1976, 640 p. (in Russ.).

Drevnie i sovremennye kul'tovye mesta Altaya: sbornik statei. Barnaul: Pechatnaya kompaniya ARTIKA Publ., 2011, 124 p. (in Russ.).

Kul'tovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala. Ekaterinburg: Ural Branch RAS, 2004, 430 p. (in Russ.).

Mazin A.I. Drevnie svyatilishcha Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994, 241 p. (in Russ.).

Mel'nichuk A.F. Glyadenovskoe kostrishche. In *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya*. Yekaterinburg: Akademkniga Publ., 2000, p. 150 (in Russ.).

Metodika issledovaniya kul'tovykh kompleksov: sbornik statei. Barnaul: Pyat' plyus Publ., 2012, 144 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S. Grot Kuilyu – kul'tovyi kompleks na reke Kucherle (Gornyi Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, 264 p. (in Russ.).

Sedykh V.N. Svyatilishcha, kumiry, khramy… In *Svyatilishcha: arkheologiya rituala i voprosy semantiki*: materialy konferenzii. St. Petersburg: State Univ. Press, 2000, pp. 16–20 (in Russ.).

Shelepova E.V. Teoreticheskie aspekty izucheniya pamyatnikov kul'tovoi deyatel'nosti Altaya. In *Drevnie i sovremennye kul'tovye mesta Altaya*: sbornik statei. Barnaul: Pechatnaya kompaniya ARTIKA Publ., 2011, pp. 100–108 (in Russ.).

Svyatilishcha: arkheologiya rituala i voprosy semantiki: materialy konferenzii. St. Petersburg: State Univ. Press, 2000, 236 p. (in Russ.).

Tivanenko A.V. Drevnie svyatilishcha Vostochnoi Sibiri v epokhu kamnya i bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1989, 202 p. (in Russ.).

Tivanenko A.V. Drevnie svyatilishcha Vostochnoi Sibiri v epokhu rannego srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994, 150 p. (in Russ.).

Viktorova V.D., Chairkin S.E. Svyatilishche. In *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya*. Yekaterinburg: Akademkniga Publ., 2000, p. 480 (in Russ.).

УДК 903.7

Н.С. Ефремова[1], Л.Н. Мыльникова[1, 2], В.И. Молодин[1, 2], С.К. Васильев[1], И.А. Дураков[1, 3], Д.В. Селин[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Новосибирский государственный педагогический университет
E-mail: ens77@mail.ru

Ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры: новые концепции интерпретации

В статье представлены результаты исследования культовых объектов восточного варианта пахомовской культуры, расположенных на площади памятника Тартас-1. Комплекс ям, представлявший собой остатки каркасно-столбовых конструкций и обрядовые сооружения, позволил предположить существование особого вида ритуальной деятельности, связанной с жертвоприношениями: в ряде ям найдены фрагменты керамики, кости животных и даже человека, а также охра в заполнении объектов. Большое значение имеет присутствие здесь объектов, связанных с плавкой бронзы, о чем свидетельствует обнаружение прокаленных ям, содержавших фрагменты криц и технической керамики. Расположение культовых комплексов на периферии единокультурного некрополя позволяет связать данные объекты и с погребально-поминальными ритуалами, а весь комплекс интерпретировать как общинное святилище.

Ключевые слова: *эпоха поздней бронзы, восточный вариант пахомовской культуры, ритуальный комплекс, идеологические представления, жертвоприношение, бронзолитейное производство.*

N.S. Efremova[1], L.N. Mylnikova[1, 2], V.I. Molodin[1, 2], S.K. Vasiljev[1], I.A. Durakov[1, 3], D.V. Selin[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Novosibirsk State Pedagogical University
E-mail: ens77@mail.ru

Ritual Complexes of the Eastern Variant of the Pakhomovo Culture: New Concepts of Interpretation

The article presents the research results of the cultic objects belonging to the eastern variant of the Pakhomovo culture and located at the Tartas-1 burial ground. The set of pits remaining from post-frame structures and cultic structures suggests the existence of a special type of ritual activities associated with sacrifices, among the carriers of the Pakhomovo culture. This is confirmed by the presence of pottery fragments, animal and human bones, and ocher in the filling of several pits. The presence of objects associated with bronze casting was of great importance, which is confirmed by the discovery of large burnt pits containing the fragments of bronze lumps and technical ceramics near the ritual complexes. The location of the cultic complexes on the periphery of the necropolis of the eastern variant of the Pakhomovo culture allows us to connect these objects with funeral rituals, and interpret the whole complex as a communal sanctuary.

Keywords*: Late Bronze Age, Eastern variant of the Pakhomovo culture, ritual complex, ideological ideas, sacrifice, bronze casting.*

Исследование ритуальных комплексов восточного варианта пахомовской культуры, расположенных на площади разновременного памятника Тартас-1 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.), проводится с 2012 г. За это время было выявлено как минимум пять объектов, в т.ч. в виде каркасно-столбовых конструкций, локализованных на периферии разновременных могильников,

в непосредственной близости от единокультурных захоронений. В 2017 г. исследование ритуальных объектов было продолжено. На площади 510 м^2 выявлены как следы каркасно-столбовых сооружений, так и серия крупных ям, представлявших большой интерес в свете проблемы реконструкции древних идеологических воззрений.

Исследованный участок расположен на юго-западной периферии памятника. Всего обнаружено 178 ям, часть из которых содержала находки в виде фрагментов керамики и фрагментированных костей животных. При этом в семи ямах обнаружена только керамика, в 14 – мелкие фрагменты костей животных. Керамика и остеологические остатки содержались в 25 ямах, в двух ямах при этом отмечены еще и кости рыб. В шести ямах зафиксировано присутствие охры. Среди ям на высоте 0,1 м над уровнем материка выявлен объект, представлявший собой пятно серо-черной мешаной плотной супеси диаметром до 1,3 м, содержавший мелкую керамику и кости животных; здесь же обнаружен небольшой фрагмент бронзы. В непосредственной близости от него среди столбовых ям располагался золистый прокал диаметром до 0,7 м. Культурный слой на данном участке был насыщен фрагментами керамики, относящимися к восточному варианту пахомовской культуры, и в меньшей степени костями животных. Отмечено также присутствие охры и известняка.

Три ямы (№ 1361, 1377, 1393) располагались на некотором удалении от края террасы и составляли дугообразный ряд с исследованными в 2016 г. аналогичными ямами № 1184 и 1187 [Молодин и др., 2016, с. 360]. Все ямы ок. 1 м в диаметре, глубиной до 0,7 м, имели прямые стенки и ровное дно. Отличительной особенностью данных сооружений является наличие участка ярко-оранжевого прокаленного суглинка шириной до 0,1 м, расположенного по периметру ям; в одном случае удалось зафиксировать следы глиняной обмазки, а также присутствие в их заполнении угля и конкреций. Среди находок отмечены фрагменты крицы и технической керамики. Все ямы содержали в заполнении фрагменты керамики восточного варианта пахомовской культуры и мелкие кости животных. Наличие на культовом комплексе ряда из пяти идентичных ям, связанных, по-видимому, с плавкой металла, может подтвердить точку зрения об особом отношении к этому виду производства в древности. Расположение подобных объектов на площади некрополя, на возвышенном, удаленном от постоянного пункта обитания коллектива месте, свидетельствует о сакрализации производства бронзы и, возможно, о существовании сопутствовавших этому процессу обрядовых действий, включающих ритуалы жертвоприношения.

Подтверждением данному предположению служит наличие объемной жертвенной ямы (№ 1442), расположенной в непосредственной близости от указанных сооружений (рис. 1). Подчетырехугольная яма размером 2,58 × 1,25 м была ориентирована продольной осью по линии В – З и имела глубину от уровня материка до 0,22 м. Заполнение ямы было насыщено фрагментами керамики и остеологическими остатками. В западной половине ямы зафиксировано большое количество чешуи, костей и челюстей крупных рыб.

Скопление костей животных из ямы насчитывало 438 экз. По определению канд. биол. наук С.К. Васильева, более 94 % из них – мелкорубленные неопределимые обломки: 315 ед. мелкого размерного класса от распавшихся костей и 98 – среднего и крупного. До вида удалось определить 26 костей от пяти видов домашних и диких млекопитающих (кости/минимальное число особей): лошадь – 4/2, корова – 14/2, овца – 2/1, лось – 5/1, медведь – 1/1.

Лошадь представлена нижним отделом плечевой кости, мелким фрагментом таза и двумя изолированными зубами: верхним (M^3) от взрослой особи и молочным зубом из нижней челюсти. Остатки коровы включают три мелких обломка черепа, целую правую ветвь нижней челюсти взрослой особи и два обломка восходящей ветви, три изолированных зуба верхней и нижней челюсти, нижний конец и обломок диафиза плюсневой кости, целую пяточную кость и первую фалангу полувзрослой особи с неприросшим верхним эпифизом. От овцы сохранился нижний эпифиз плюсневой кости и первая фаланга. Лось представлен почти целой лобно-затылочной частью черепа со срезанными по основанию штангами рогов, тремя первыми фалангами (целой, неполной и обломком) и запястной костью. Медведю (некрупной молодой особи) принадлежит пяточная кость без проксимального отдела.

Среди костей рыбы особо следует выделить челюсть крупной щуки, несомненно, отличающуюся от фрагментов мелких особей, видовой состав которых еще предстоит определить.

Керамический комплекс насчитывает 187 фрагментов керамики, в т.ч. и очень мелкой, относящейся к восточному варианту пахомовской культуры (рис. 2, *1–6*). Среди индивидуальных находок – фрагмент оселка и заготовка для костяного наконечника стрелы типа томара (рис. 2, *8, 7*).

Наиболее близким аналогом рассмотренной ямы можно считать культовый объект на поселении Фитце на территории современной Германии. В жертвенной яме, датированной I в. до н.э., среди фрагментов керамики и жерновов был обнаружен череп благородного оленя с рогами. Подчеркивая, что в это время в качестве жертвенных использо-

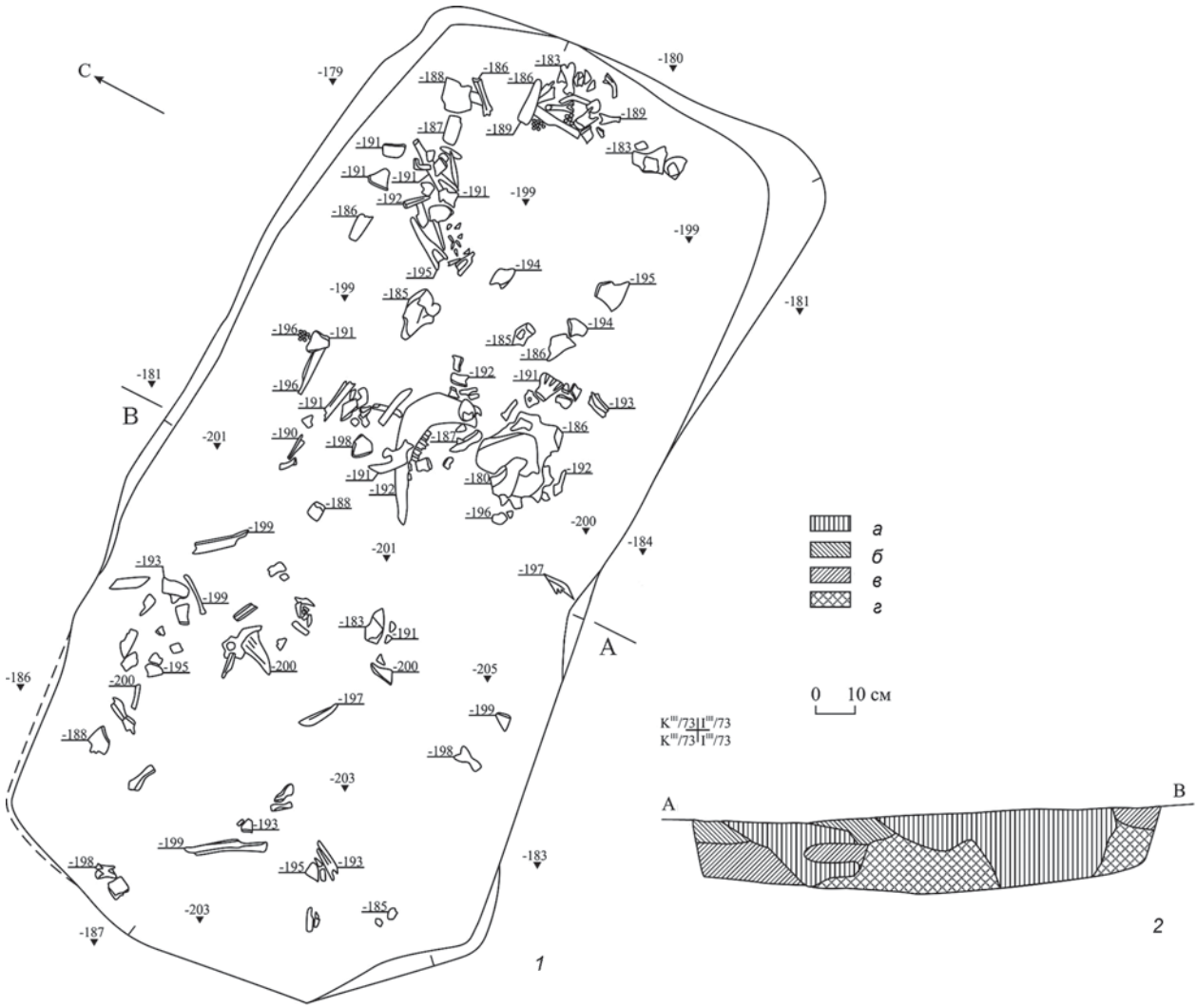

Рис. 1. Яма № 1442. Могильник Тартас-1.

1 – план; *2* – стратиграфический разрез по линии А – В: *а* – темно-серая гомогенная супесь; *б* – желто-серая мешаная супесь; *в* – желтый, с серыми вкраплениями, мешаный материковый суглинок; *г* – желто-серая мешаная супесь с включениями желтого материкового суглинка.

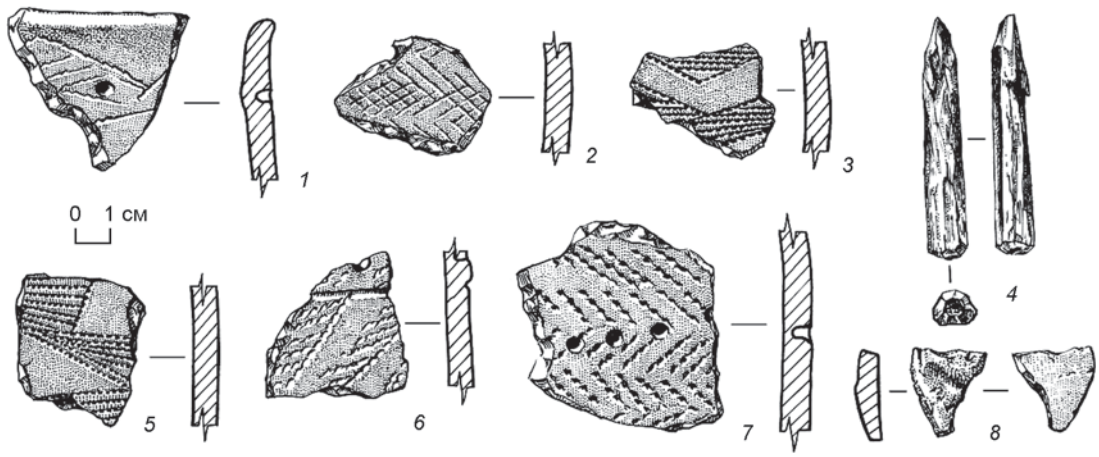

Рис. 2. Находки из ямы № 1442. Могильник Тартас-1.

1–6 – фрагменты керамической посуды восточного варианта пахомовской культуры; *7* – заготовка костяного наконечника стрелы; *8* – фрагмент абразива.

вались исключительно домашние животные, автор связывает данный объект с культом плодородия и, возможно, культом умерших [Schneeweiss, 2013]. Интересно, что ряд находок, обнаруженных в яме № 1442, в целом аналогичны материалам святилища Куйлю, исследованного на территории Горного Алтая и связанного с производственными культами. Материалы святилища включают большое количество фрагментов керамики, костей животных, рогового сырья, а также наконечников стрел и заготовок для них [Молодин, Ефремова, 2010].

Особенности расположения комплексов и специфический набор обнаруженных на них артефактов позволили интерпретировать данные объекты как культовые и связать осуществлявшуюся на них деятельность и с бронзолитейным производством, и с погребально-поминальными обрядами. По данным этнографии, литье металла и изготовление бронзовых изображений могло соотноситься как с идеями плодородия в охотничьем промысле, так и с идеями заботы о здоровье человека [Балакин, 1985, с. 24–25]. Локализация ритуальных комплексов на территории, примыкающей к участку могильника пахомовской культуры (несколько новых погребений исследовано в отчетном году), свидетельствует о возможной взаимосвязи этих объектов. Результатом исследований прошедшего полевого сезона является и выявление двух видов ям – относящихся к каркасно-столбовым конструкциям и обрядовых. Поскольку отправление ритуалов ставило целью обретение поддержки «высших сил», обязательной составляющей культового действа являлось жертвоприношение (в различных вариантах, вплоть до человеческого), что подтверждается наличием остатков керамической посуды, чаще всего разбитой и представленной фрагментарно, а также костей животных, птиц, рыб, по-видимому, являющихся остатками жертвенной пищи – принесенной в жертву либо составлявшей ритуальную трапезу. Учитывая большую массовую долю керамического материала, а также значительное количество жертвенных ям и присутствие охры, можно предположить, что ритуалы, связанные с принесением жертвы, играли важную роль в идеологических представлениях носителей восточного варианта пахомовской культуры.

Возможно, ритуальная деятельность на памятнике была призвана оказывать широкое влияние на жизнь социума; жертвоприношения могли иметь целью обеспечение общего благосостояния коллектива, при этом само культовое место имело статус общинного [Ефремова, 2016].

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 17-11-54601.

Список литературы

Балакин Ю.В. О реконструкции ритуала, связанного с изготовлением бронзовых изображений // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1985. – С. 23–25.

Ефремова Н.С. Культовые комплексы Северной Азии: производственные, поселенческие, погребальные // Урал. истор. вестн. – 2016. – № 4 (53). – С. 25–32.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с.

Молодин В.И., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Селин Д.В. Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXI. – С. 357–360.

Schneeweiss J. Hirschkult bei den Germanen? Die Deponierung von Hirschgewieh und Feuerbock aus Vietze an der Elbe // Landschaft, Besiedlung und Siedlung. Archaeologische Studien im nordeuropaeischen Kontext. – Hamburg, 2013. – P. 177–190.

References

Balakin Yu.V. O rekonstruktsii rituala, svyazannogo s izgotovleniem bronzovykh izobrazhenii. In *Mirovozzrenie narodov Zapadnoi Sibiri po arkheologicheskim i etnograficheskim dannym*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1985, pp. 23–25 (in Russ.).

Efremova N.S. Kul'tovye kompleksy Severnoi Azii: proizvodstvennye, poselencheskie, pogrebal'nye. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2016, No. 4 (53), pp. 25–32 (in Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S. Grot Kuilyu – kul'tovyi kompleks na reke Kucherle (Gornyi Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, 264 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Durakov I.A., Reinhold S., Kobeleva L.S., Nenakhova Yu.N., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Selin D.V. Noveishie arkheologicheskie otkrytiya na pamyatnike Tartas-1. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXI, pp. 357–360 (in Russ.).

Schneeweiss J. Hirschkult bei den Germanen? Die Deponierung von Hirschgewieh und Feuerbock aus Vietze an der Elbe. In *Landschaft, Besiedlung und Siedlung. Archaeologische Studien im nordeuropaeischen Kontext.* Hamburg, 2013, pp. 177–190.

УДК 903.2

Н.С. Ефремова[1], Д.В. Селин[1, 2], В.И. Молодин[1, 2], Л.Н. Мыльникова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: Selin@epage.ru

Керамика ритуального комплекса восточного варианта пахомовской культуры: результаты исследований 2017 года

В статье представлены результаты технико-технологического анализа керамики, обнаруженной на культовых комплексах восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-1. Выделено пять рецептов формовочной массы: глина + шамот + органический раствор; глина + шамот + навоз; глина + шамот + дресва + + органический раствор; глина + дресва; глина + дресва (гранит) + дресва (известняк). По результатам определены три группы керамики. В первую вошла посуда восточного варианта пахомовской культуры; во вторую – керамика, тяготеющая к бегазы-дандыбаевской культуре; третью группу составили изделия, являющиеся продуктом смешения гончарных традиций этих двух культур. В комплексе с керамикой восточного варианта пахомовской культуры обнаружен фрагмент круговой посуды времени Намазга VI. Данная находка указывает на существование у населения Барабинской лесостепи южных связей – с земледельческими племенами Средней Азии.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, эпоха поздней бронзы, восточный вариант пахомовской культуры, бегазы-дандыбаевская культура, круговая керамика, технико-технологический анализ.*

N.S. Efremova[1], D.V. Selin[1, 2], V.I. Molodin[1, 2], L.N. Mylnikova[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: Selin@epage.ru

Ceramics from the Ritual Complex of the Eastern Variant of the Pakhomovo Culture: Results of Research in 2017

The article presents the results of the technical and technological analysis of ceramics found at the cultic complexes of the eastern variant of the Pakhomovo culture at the site of Tartas-1. Five recipes of ceramic raw materials have been distinguished: clay + chamotte + organic solution; clay + chamotte + manure; clay + chamotte + crushed stone + organic solution; clay + crushed stone; глина + crushed stone (granite) + crushed stone (limestone). Three groups of pottery have been identified. The first group includes the dishware of the eastern variant of the Pakhomovo culture; the second group is the pottery similar to the ceramics of the Begazy-Dandybaj culture; the third group includes the dishware which resulted from the mixed pottery traditions of both cultures. In addition, a fragment of the circular ceramics of Namazga VI was found together with the ceramics of the eastern variant of the Pakhomovo culture, which indicates the southern contacts of the Baraba forest-steppe population with the agricultural tribes of Central Asia.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Late Bronze Age, eastern variant of the Pakhomovo culture, Begazy-Dandybaj culture, circular ceramic, technical and technological analysis.*

В 2017 г. были продолжены работы на ритуальном комплексе восточного варианта пахомовской культуры, расположенном в восточной части памятника Тартас-1. В общей сложности в этом году изучено 360 м^2 площади. Получен разнообразный материал, включающий находки фрагментов сосудов, глиняных, бронзовых и костяных изделий, кости животных и рыб. Особый интерес пред-

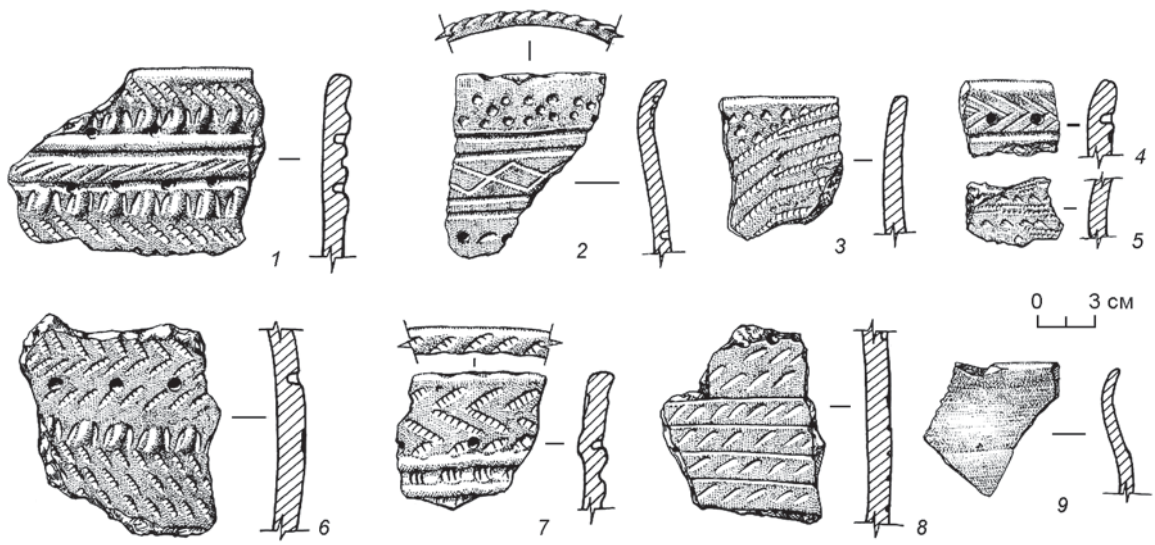
ставляет достаточно многочисленная коллекция керамики. Проведенный ранее технико-технологический анализ посуды из различных объектов ритуального комплекса восточного варианта пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 позволил выявить группу керамики, связанную с бегазы-дандыбаевской культурой Северного и Центрального Казахстана [Селин, 2016]. Следует подчеркнуть, что большая часть анализируемого материала сильно фрагментирована; это не позволяет однозначно определить по внешнему облику инокультурную керамику, однако изучение технологических параметров дает возможность выделить такие изделия из общей коллекции. Исходя из этого, было решено продолжить проведение подобного исследования для коллекции керамики, полученной в рассматриваемом полевом сезоне.

Технико-технологический анализ керамики проводился с использованием бинокулярной микроскопии, с помощью которой изучались поверхность и изломы сосудов с последующим сопоставлением выявленных следов с эталонной базой экспериментальных образцов. Всего при помощи микроскопического анализа изучены фрагменты от 40 сосудов (см. *рисунок*).

Все изделия изготовлены из ожелезненного глинистого сырья. В качестве естественных примесей в исходном сырье отмечен бурый железняк (73 % от общего числа образцов), слюда (5 %), единичная крупная растительность (3 %). Бурый железняк представлен полностью окатанными (90 %) и угловатыми (10 %) фракциями. По размерности они подразделяются на мелкие (50 %), средние (14 %), крупные (3 %). В 23 % случаев выявлена взаимовстречаемость разных по размеру включений бурого железняка. Подобные результаты могут свидетельствовать о наличии традиции предварительной обработки исходного сырья, в ходе которой бурый железняк дробился на более мелкие фракции и принимал окатанную форму. По степени запесоченности глинистое сырье подразделяется на низко- (5 %), средне- (75 %) и сильнозапесоченное (20 %). Подобные данные могут свидетельствовать об использовании однотипного сырья, которое могло добываться из разных залежей, но в пределах одного небольшого района.

В состав формовочной массы входили как органические, так и минеральные добавки. К первым относится обнаруженный в 37 образцах (92 %) органический раствор (возможно, из навоза жвачных животных), о наличии которого свидетельствуют аморфные пустоты со сглаженными стенками, налет черного «глянца» и следы мелкой растительной органики. В одном случае (3 %) в качестве примеси выявлен навоз жвачных животных. В двух образцах (5 %) органические примеси не зафиксированы.

В качестве минеральной примеси в формовочную массу были добавлены шамот и дресва. Шамот обнаружен в 38 образцах (95 %) и является, наряду с органическим раствором, характерной примесью для данной керамики. Определенные различия проявляются в концентрации шамота и способах его калибровки. Так, зафиксированы пропорции сырья и примеси в соотношениях 1 : 4 (8 %), 1 : 5 (18 %), 1 : 6 (38 %), 1 : 7 (28 %), 1 : 8 (8 %). Подобные результаты демонстрируют устойчивую традицию концентрации шамота в соотношении 1 : 5–7 (84 %). По способу калибровки шамот можно разде-

Керамика ритуальных комплексов восточного варианта пахомовской культуры. Тартас-1.
1–8 – фрагменты керамики восточного варианта пахомовской культуры; *9* – фрагмент круговой керамики.

лить на две группы: 1) некалиброванный, диаметром от 0,1 до 3–5 мм – 62 %; 2) калиброванный по верхней границе до 2 мм – 38 %. Помимо этого, в двух образцах зафиксирован шамот в шамоте, что свидетельствует об устойчивости традиции добавления этой минеральной примеси в глинистое сырье.

Второй минеральной примесью в составе формовочной массы является дресва (23 %), в семи случаях встреченная вместе с шамотом и в двух – без него. Она не однородна по своему минеральному составу и представлена в пяти случаях известняком и в четырех – гранитами. Концентрация дресвы в глинистом сырье составляет 1 : 3 (1 обр.), 1 : 6 (3 обр.), 1 : 7 (3 обр.), 1 : 9–10 (3 обр.). По способу калибровки дресва так же делится на две группы: 1) некалиброванная, диаметром от 0,1 до 4 мм (3 ед.); 2) калиброванная по верхней границе до 2 мм (6 ед.). Выделяется образец, где в качестве примеси в формовочную массу добавлена дресва из двух разных минералов – известняка и гранита.

Таким образом, для керамики объектов культового комплекса восточного варианта пахомовской культуры на памятнике Тартас-1, обнаруженной в полевом сезоне 2017 г., определены следующие группы с разными рецептами формовочных масс.

Глина + шамот + органический раствор – 30 сосудов, 74 %.

Глина + шамот + навоз – 1 сосуд, 3 %.

Глина + шамот + дресва + органический раствор – 7 сосудов, 17 %.

3.1) дресва из гранита – 4 образца, 10 %;

3.2) дресва из известняка – 3 образца, 7 %.

Глина + дресва – 1 сосуд, 3 %.

Глина + дресва (гранит) + дресва (известняк) – 1 сосуд, 3 %.

К сожалению, материал сильно фрагментирован, что затрудняет определение типа начина и способов конструирования полого тела. Только для трех образцов удалось зафиксировать, что начин изготовлен по донно-емкостной программе при помощи лоскутного налепа. Два других образца от стенок сосудов изготовлены ленточным способом, возможно по спирали.

Таким образом, по результатам технико-технологического анализа можно выделить несколько групп керамики. К первой относится посуда восточного варианта пахомовской культуры (30 обр., см. *рисунок, 1–8*), характеризующаяся использованием в качестве исходного сырья средне- и высокозапесоченной глины с искусственной примесью в формовочную массу шамота и органического раствора (возможно, из навоза жвачных животных). В целом технологически данная группа полностью совпадает с керамикой собственно пахомовской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье, для которой зафиксированы те же навыки отбора исходного сырья и составления формовочной массы, как, впрочем, морфологические и орнаментальные характеристики [Илюшина, 2015].

Ко второй группе относится керамика, тяготеющая к бегазы-дандыбаевской культуре (2 обр.), для которой характерно использование в качестве исходного сырья низкозапесоченной глины. В качестве добавки в формовочную массу использовалась дресва из гранито-гнейсовых пород и известняка. Подобная рецептура характерна для гончарства бегазы-дандыбаевской культуры, где в качестве искусственных примесей в исходное сырье использовалась дресва из гранита и песчаника, а в качестве органической примеси в некоторых случаях использовался органический раствор [Ломан, 2015, с. 74; Папин и др., 2015, с. 134]. Искусственная примесь известняка также зафиксирована нами при технико-технологическом анализе керамики памятника Дандыбай [Селин, 2016].

Третья группа представлена керамикой со смешанными навыками отбора исходного сырья и составления формовочной массы, сложившаяся в результате взаимодействия населения восточного варианта пахомовской культуры и бегазы-дандыбаевского (7 обр.). Она характеризуется использованием средне- и высокозапесоченной глины с искусственной примесью шамота, дресвы (из гранита и известняка) и органического раствора.

Особо следует выделить фрагмент керамики, изготовленный с применением гончарного круга (см. *рисунок, 9*). Он обнаружен при выборке второго слоя траншеи № 302, где залегал совместно с посудой восточного варианта пахомовской культуры. Круговая керамика характерна для территории Средней Азии в эпоху Намазга VI и встречается вместе с бегазы-дандыбаевской посудой [Виноградова, Кузьмина, 1986; Ломан, 2015]. Севернее круговая керамика массово встречается на памятниках бурлинского типа в Кулундинской степи, также совместно с бегазы-дандыбаевской посудой, и датируется концом XIII – XI–X вв. до н.э. [Удодов, 1994]. Обнаруженный в культовых комплексах конца эпохи бронзы на памятнике Тартас-1 фрагмент круговой керамики к настоящему моменту является самой северной находкой данного типа и еще раз подчеркивает связи носителей восточного варианта пахомовской культуры с земледельческими культурами Средней Азии, что ранее прослежено нами на материалах этого памятника, а также могильника Старый Сад [Молодин, Нескоров, 1992; Молодин, Мыльникова, Селин, 2017].

Таким образом, по результатам экспедиционных работ в 2017 г. в культовом комплексе восточного варианта пахомовской культуры на памятнике Тар-

тас-1 обнаружена коллекция посуды, представленная керамикой, технологически близкой к изделиям пахомовской и бегазы-дандыбаевской культур, а также сосуды, изготовленные по смешанной гончарной технологии. Кроме этого, найденный фрагмент круговой керамики эпохи Намазга VI указывает на существование у населения Барабинской лесостепи южных связей с земледельческими центрами Средней Азии.

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект № 17-11-54601).

Список литературы

Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока – М.: Наука, 1986. – С. 126–152.

Илюшина В.В. Гончарное производство населения пахомовской культуры Нижнего Притоболья // Человек и Север: антропология, археология, экология. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. – С. 143–147.

Ломан В.Г. Привозная керамика на поселении Кент // Самарский научный вестник. – 2015. – № 4. – С. 71–80.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. Бронзовая булавка из погребального комплекса могильника восточного варианта пахомовской культуры Старый Сад // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2017. – Т. 16, № 3: Археология и этнография. – С. 48–54.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения Западно-Сибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения, 1990: мат-лы конф. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 93–96.

Папин Д.В., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево VI // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – № 2 (12). – С. 115–143.

Селин Д.В. Результаты анализа рецептов формовочных масс керамики населения восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 7: Археология и этнография. – С. 60–73.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 21 с.

References

Ilyushina V.V. Goncharnoe proizvodstvo naseleniya pakhomovskoi kul'tury Nizhnego Pritobol'ya. In *Chelovek i Sever: antropologiya, arkheologiya, ekologiya.* Tyumen: IPOS SO RAN Publ., 2015, pp. 143–147 (in Russ.).

Loman V.G. Privoznaya keramika na poselenii Kent. *Samarskii nauchnyi vestnik.* 2015, No. 4, pp. 71–80 (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Selin D.V. Bronzovaya bulavka iz pogrebal'nogo kompleksa mogil'nika vostochnogo varianta pakhomovskoi kul'tury Staryi Sad. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya.* 2017, vol. 16, No. 3: Arkheologiya i etnografiya, pp. 48–54 (in Russ.).

Molodin V.I., Neskorov A.V. O svyazyakh naseleniya Zapadno-Sibirskoi lesostepi i Kazakhstana v epokhu pozdnei bronzy. In *Margulanovskie chteniya,* 1990: materialy konferencii. Moscow, 1992, pt. 1, pp. 93–96 (in Russ.).

Papin D.V., Loman V.G., Stepanova N.F., Fedoruk A.P. Rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramicheskogo kompleksa poseleniya epokhi pozdnei bronzy Rublevo VI. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii.* 2015, No. 2 (12), pp. 115–143 (in Russ.).

Selin D.V. Rezul'taty analiza retseptov formovochnykh mass keramiki naseleniya vostochnogo varianta pakhomovskoi kul'tury pamyatnika Tartas-1 (Barabinskaya lesostep'). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya.* 2016, vol. 15, No. 7: Arkheologiya i etnografiya, pp. 60–73 (in Russ.).

Udodov V.P. Epokha razvitoi i pozdnei bronzy Kulundy: cand. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 1994, 21 p. (in Russ.).

Vinogradova N.M., Kuz'mina E.E. Kontakty stepnykh i zemledel'cheskikh plemen Srednei Azii v epokhu bronzy. In *Vostochnyi Turkestan i Srednyaya Aziya v sisteme kul'tur drevnego i srednevekovogo Vostoka.* Moscow: Nauka, 1986, pp. 126–152 (in Russ.).

УДК 904

Н.Н. Зайцев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: gorashapka@ngs.ru

Гродековское городище в Амурской области

В статье анализируется состояние Гродековского городища по данным топографической съемки. Особое внимание уделено описанию фортификационных сооружений и способу защиты ворот. Отмечаются изменения в облике и состоянии городища, которые происходили как во время его функционирования (перестройки), так и в результате антропогенного воздействия после того, как оно было заброшено. На основании подъемного материала и изучения разреза вала делаются выводы о наличии двух строительных горизонтов и о том, что первоначальное поселение в данном месте возникло в раннем Средневековье (мохэ), затем здесь жили чжурчжэни, позже дючеры. Высказано предположение, что второй строительный горизонт связан с деятельностью маньчжуров, которые в конце XVII в. использовали Гродековское городище (город Айхунь) как плацдарм для противостояния русскому освоению Приамурья.

Ключевые слова: *р. Амур, Гродековское городище, г. Айхунь, мохэ, чжурчжэни, дауры, маньчжуры.*

N.N. Zaitsev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: gorashapka@ngs.ru

The Grodekovo Fortified Settlement in the Amur Region

The article analyzes the state of the Grodekovo fortified settlement according to the topographic survey. Particular attention is paid to the description of fortifications and the method of protecting the gate. The changes in the appearance and state of the settlement, which were tooking place both during its functioning (rebuilding), and the anthropogenic impact after it was abandoned, are described. The surface finds and the profile of the rampart show that there were two building horizon. Originally, the settlement in this place emerged in the Early Middle Ages (Mohe); subsequently it became populated by the Jurchens and later by the Duchers. It is suggested that the second building horizon is associated with the activity of the Manchus who used the Grodekovo fortified settlement (Aihun town) as a foothold for resisting the Russian colonization of the Priamurie in the late 17th century.

Keywords: *Amur River, Grodekovo fortrified settlement, Aihun town, Mohe, Jurchen, Duchers, Manchus.*

Гродековское городище – равнинного типа, расположено на левом берегу р. Амур в 22 км на юго-восток от устья р. Зеи, в 8 км к юго-востоку от с. Гродеково Благовещенского р-на Амурской обл., в 2 км ниже устья р. Манга. Впервые о нем сообщил И.Е. Овсянкин в 1929 г.; как «городище у с. Веселого» его зафиксировал Г.С. Новиков-Даурский [1955, с. 13–14]. Хутор Веселый – поселение, основанное русскими крестьянами в XX столетии. В настоящее время такого населенного пункта не существует. До 1900 г. на месте хутора находилась деревня подданных империи Цин, оставленных по русско-китайскому Айгуньскому договору (1858 г.) на левобережье Амура. Поселение называлось Джо-Айхо (Старый Айгун) [Новиков-Даурский, 1961, с. 40]. Вероятно, населенный пункт получил название от речки, ранее называемой Айгун, сейчас обозначенной на картах как Манга.

При первом знакомстве с крепостью поражает мощь валов и башен, хорошо сохранившихся, что не характерно для сооружений средневекового периода Приамурья. Дело в том, что использовавшийся при строительстве грунт с большим количеством песка в своем составе быстро оплывает, при этом теряется первоначальный вид сооружения. Это же городище, расположенное на берегу р. Амур и пережившее не один десяток сильных наводнений, до нашего времени дошло как мощное оборонительное сооружение (рис. 1). Оно имеет форму сегмента, длинные стороны которого

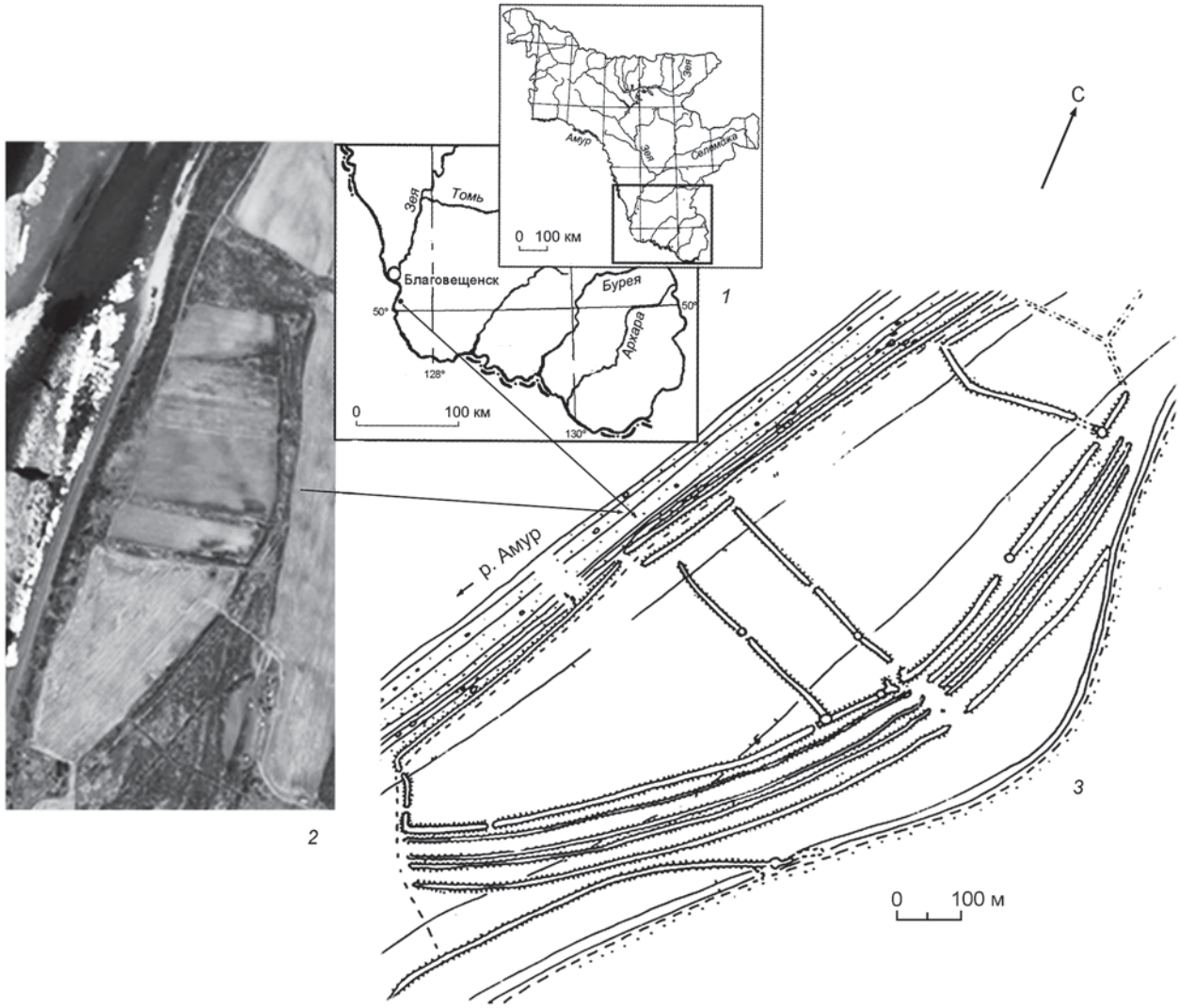

Рис. 1. Гродековское городище на карте Амурской обл. (*1*), вид на городище с юго-запада и сверху (*2*), план городища (*3*).

вытянуты вдоль Амура на 1,0–1,1 км, короткие – 0,2 км. С трех сторон городище защищено валами, высота которых с юго-западной, юго-восточной и северо-восточной сторон достигает 5–6 м от современной дневной поверхности. Ширина валов по верху составляет 1,5–2,0 м, у основания достигает 8–10 м. Высота валов с северо-западной стороны, расположенной вдоль берега р. Амур, несколько ниже – от 1,5 до 2,0 м, шириной в нижней части до 3 м.

Площадь Гродековского городища разделена двумя параллельными валами таких же размеров, как и основные стены, на три неравных участка. Площадь центральной части значительно меньше, чем северо-восточной и юго-западной. Размеры юго-западной части – 430 × 300 м, центральной – 100 × 300 м, северо-восточной – 330 × 300 м.

На юго-восточном дугообразном вале имеются остатки четырех оснований башен, два из которых расположены на месте стыка внутренних валов с данной стеной по периметру городища, одно – в месте смыкания его северо-восточной части с северо-западным валом, и еще одно примерно посередине северо-восточного участка вала городища. Высота оснований башен составляет 7 м. Их площадь по верху – от 12 до 15 м^2.

Входы в каждую из частей крепости находятся с юго-восточной стороны, у фронтальных башен. Ширина ворот составляет 4–6 м. С напольной стороны они прикрыты четырьмя дополнительными валами и четырьмя рвами. Эти валы возвышаются до 0,7 м над современной дневной поверхностью. Их ширина у основания составляет 1,4 м, по гребню – 0,8–1,0 м. Глубина рвов достигает 0,8 м при ширине в верхней части до 2 м. Проход к воротам городища через дополнительные защитные сооружения один, и он прямой. В этом месте дополнительные валы и рвы имеют разрывы. Земля

для возведения данных валов бралась из сооружаемых рвов, в отличие от основных валов, для возведения которых использовался грунт, доставленный со стороны. В северо-западном валу имеется проход к р. Амур, защищенный дополнительным валом длиной ок. 161 м, сооруженным внутри городища. Он располагается параллельно основному валу, имеет такие же размеры, что и последний.

У южного края городища с напольной стороны вдоль юго-восточного вала проходит еще один вал, имеющий форму дуги, отходящей к востоку от дополнительных валов. Назначение его и особенно направление не вполне понятны. По-видимому, он был значительных размеров и имел продолжение как на северо-восток, так и на юго-запад. В этом случае он должен был прикрывать проход к юго-западной части основного вала. В настоящее время этот дугообразный вал сохранился частично. Еще в 1980-е гг. местный житель А.А. Корябин сообщил, что примерно 70–80 м северо-восточной части этого вала были срыты при формировании участка под пашню. При осмотре автором статьи местности около этого вала здесь на пашне была обнаружена светло-коричневая полоса грунта шириной 3–4 м, длиной 50–60 м. Вполне возможно, что в процессе длительной хозяйственной деятельности уничтожена и его юго-западная часть.

Центральная часть городища с юго-западной частью соединена проходом, расположенным примерно в середине перегораживающего вала; эти части защищены башней, находящейся у ворот. Здесь также имеется разрыв, который, однако, сделан уже в наше время для проезда техники к местам сельскохозяйственных работ. С северо-восточной частью городища центральная зона соединена четырьмя разрывами в разделительном валу. По нашему мнению, при сооружении фортификационного сооружения каждая из огороженных частей городища была соединена с другой лишь одним проходом. Эти ворота располагались у башен дугообразного юго-восточного вала. Остальные были проделаны позже.

Северо-западный и юго-восточные валы имеют продолжение за вал, защищающий городище с северо-востока. Мы считаем, что с северо-восточной стороны оно имело продолжение в виде небольшой защищенной площадки, по размерам примерно равной центральной части городища. Возможно, таких площадок было несколько. В пользу этого предположения говорит и нынешний, пока считающийся

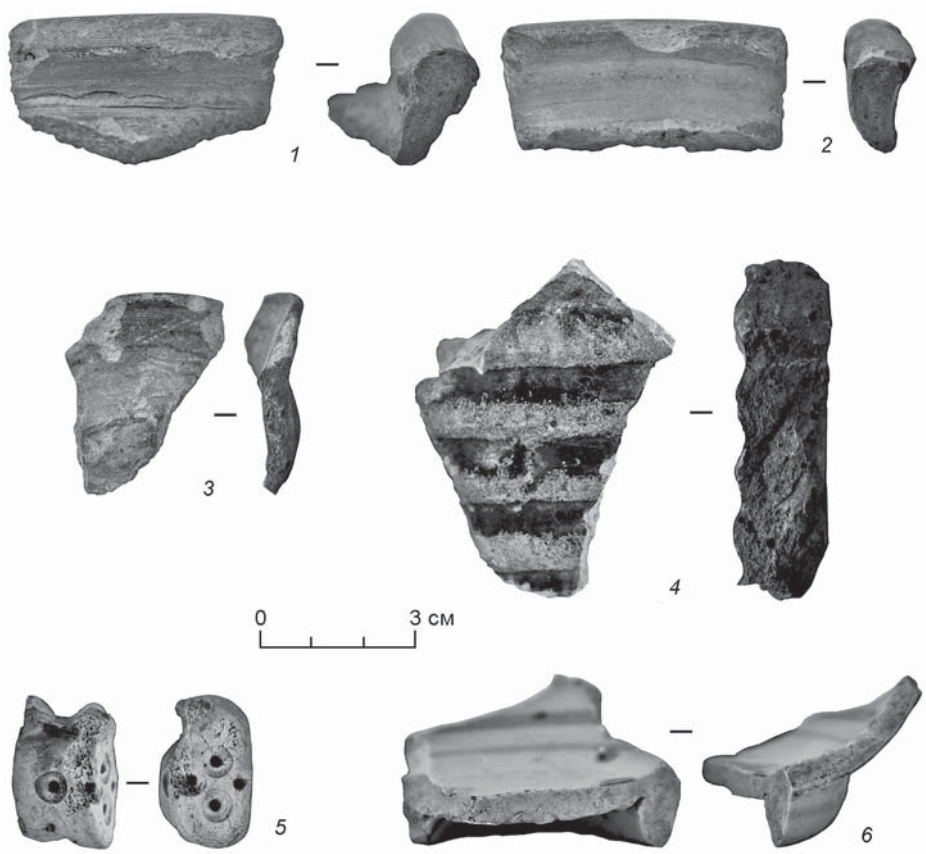

Рис. 2. Подъемный материал из Гродековского городища.

1–3 – фрагменты венчиков чжурчжэньских сосудов; *4* – фрагмент тулова сосуда дючеров (?); *5* – астрагал с орнаментом; *6* – обломок маньчжурской чаши на поддоне.

основным, северо-восточный вал, который не примыкает к основному северо-западному, а поворачивает вдоль него к северо-востоку. К тому же, на свежевспаханном поле видны более светлые полосы грунта шириной от 3 до 8 м, обозначенные на плане городища пунктирными линиями (рис. 1). Возможно, они являются следами валов, уничтоженных в результате хозяйственной деятельности. Если это так, то проход в разрушенную часть городища, располагался у крайней северо-восточной башни. Должен был быть и вал, защищающий городище с северо-востока, примыкающий к северо-западному и юго-восточному основным валам.

Что касается подъемного материала, то к наиболее древним относится лепная керамика и фрагменты станковой керамики, идентичной керамике амурских чжурчжэней (рис. 2). Данный материал датируется рубежом I и II тыс. Культурный слой, содержащий находки, прослежен в разрезе вала, проходящего вдоль р. Амур. Он разделяет два строительных горизонта и зафиксирован по внешней стороне поверхности вала первичной застройки. Сверху культурный слой перекрыт грунтом, насыпанным при перестройке городища, возможно, связанной с деятельностью войск маньчжуров в XVII в.

Точная дата заселения данного участка берега Амура до сих пор не установлена. Временем его освоения, возможно, является рубеж VIII–IX вв. По словам проф. Б.С. Сапунова, под разрушенным валом, расположенным вдоль р. Амур, найдены остатки жилища мохэ. После мохэ на этом месте, судя по венчикам керамики, изготовленной на гончарном круге, обосновались чжурчжэни, а в XIV в. на городище поселились дючеры. В 1652 г. Е.П. Хабаров сообщал воеводе Якутска Д. Францбекову о существовании ниже устья Зеи, в «половине пути на коне», земляного города [Огородников, 1927, с. 19]. Имеются исторические сведения, что в сентябре 1616 г. Нурхаци приказал Дарханю и Шункэло-батуру отправиться на Амур в район г. Айхунь (или Айху Хэйлунцзяна). В результате этого военного похода было завоевано 11 деревень цзими [Мелихов, 1974, с. 117]. Несомненно, остатками этого города и является Гродековское городище. Г.С. Новиков-Даурский предположил, что именно здесь маньчжурами в начале 80-х гг. XVII в. был основан г. Айхунь как опорный пункт для противодействия русским в Приамурье [1961, с. 40]. Однако в 1684 г. указом императора Канси было велено построить совершенно новый г. Айхунь на правом берегу Амура, недалеко от уже известной маньчжурам одноименной крепости, которая в 1682–1683 гг. стала для них плацдармом для нападения на г. Албазин (Якса) [Мелихов, 1974, с. 116]. Новый г. Айхунь, скорее всего, был заложен на месте современного одноименного населенного пункта на правом берегу Амура примерно, в 8 км ниже по течению от крепости Айхунь на левом берегу. Именно здесь 16 мая 1858 г. был заключен Айгуньский договор, установивший границу между Россией и Китаем.

Список литературы

Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). – М.: Наука, 1974. – 249 с.

Новиков-Даурский Г.С. Материалы к археологической карте Амурской области // Зап. Амур. обл. музея краеведения. – Благовещенск, 1955. – Т. 3. – С. 10–46.

Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. – Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1961. – 192 с.

Огородников В.И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. – Владивосток: [Тип. Гос. Дальневост. ун-та], 1927. – 98 с. – (Тр. Гос. Дальневост. ун-та; сер. III; № 4).

References

Melikhov G.V. Man'chzhury na Severo-Vostoke (XVII v.). Moscow: Nauka, 1974, 249 p. (in Russ.).

Novikov-Daursky G.S. Materialy k geograficheskoi karte Amurskoi oblasti. In *Zapiski Amur. obl. muzeya kraevedeniya*. Blagoveshchensk, 1955, pp. 10–46 (in Russ.).

Novikov-Daursky G.S. Istoriko-arkheologicheskie ocherki. Blagoveshchensk: Amur. kn. izd., 1961, 192 p. (in Russ.).

Ogorodnikov V.I. Tuzemnoe i russkoe zemledelie na Amure v XVII v. Vladivostok: [Tip. Gos. Dal'nevost. Univ.], 1927, 98 p. (Trudy Gos. Dal'nevost. Univ.; ser. III; No. 4) (in Russ.).

УДК 572

А.В. Зубова[1, 2], М.С. Кишкурно[2], Д.В. Поздняков[2]

[1]Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: zubova_al@mail.ru

Одонтологическая характеристика андроновского населения степного Алтая по материалам могильника Рублево VIII

В статье представлены результаты одонтологического изучения федоровской серии из грунтового могильника Рублево VIII. Она была обследована по стандартной одонтологической программе, разработанной А.А. Зубовым, и по программе учета маркеров архаики. В целом, несмотря на то, что изучаемое население принадлежит к западному одонтологическому стволу, в мужской серии прослеживается компонент, близкий к южному грацильному одонтологическому типу. В женской серии большинство «восточных» фенов отсутствуют. Результаты межгруппового анализа продемонстрировали изолированность андроновских популяций от местного населения, а также некоторое сходство состава изучаемой популяции с носителями алакульской культуры.

Ключевые слова: *андроновское время, федоровская культура, Рублево VIII, одонтология, маркеры архаики, лесостепной Алтай.*

A.V. Zubova[1, 2], M.S. Kishkurno[2], D.V. Pozdnyakov[2]

[1]Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: zubova_al@mail.ru

Odontological Characteristics of the Forest-Steppe Altai Andronovo Population based on the Materials from the Rublyovo VIII Burial Ground

The article presents the results of the odontological study of the Fedorovo series from the Rublevo VIII burial ground. The series was examined using the standard odontological procedure developed by A.A. Zubov, and the procedure of registering the archaic markers. Despite the fact that the population in question belonged to the western odontological trunk, a component close to the southern gracile odontological type can be observed in the male series. Most of the "eastern" features were absent from the female series. The results of the intergroup analysis have demonstrated the isolation of the Andronovo populations from the local population, as well as some similarity between the composition of the Andronovo population and the carriers of the Alakul culture.

Keywords: *Andronovo period, Fedorovo culture, Rublyovo VIII, odontology, archaic markers, forest-steppe Altai.*

В начале 2000-х гг. в сектор антропологии ИАЭТ СО РАН поступила новая коллекция черепов андроновского времени, полученная при раскопках могильника Рублево VIII в степном Алтае. Это многослойный памятник, в его составе присутствуют комплексы, оставленные представителями андроновской культурно-исторической общности, населением постандроновского периода и раннескифскими группами. По радиоуглеродным датам время функционирования его андроновской части относится к периоду 2141–1451 гг. до н.э. [Папин, 2015]. Памятник принадлежит к федоровской культуре андроновской культурно-исторической общности, хотя в орнаментации керамики, обнаруженной в захоронениях, присутствуют алакульские черты. Авторы раскопок объясняют это ранней хронологической позицией памятника [Гутков, Папин, Федорук, 2014].

Краниологическая характеристика этой коллекции представлена в статье Д.В. Позднякова

с соавторами в этом же сборнике. В данной работе представлены последние результаты ее одонтологического изучения.

Серия из могильника Рублево VIII была обследована по стандартной одонтологической программе [Зубов, 2006] и по программе учета маркеров архаики [Зубова, 2013а]. Полученные частоты признаков были сопоставлены с характеристиками других андроновских серий и более раннего населения Восточной Европы, Урала и Сибири при помощи иерархического кластерного анализа. Всего при обследовании учитывалось более 40 признаков, статистический анализ выполнялся на основании тригонометрически преобразованных частот восьми из них: лопатообразности верхних центральных резцов, бугорка Карабелли на верхних первых молярах, редукции гипоконуса вторых верхних моляров, 6-бугорковых нижних первых моляров, 4-бугорковых нижних первых и вторых моляров, дистального гребня тригонида и коленчатой складки метаконида на нижних первых молярах.

Постоянные зубы сохранились у 7 мужчин, 9 женщин и 19 детей. Суммарно они характеризуются низкими частотами лопатообразности верхних медиальных и латеральных резцов (градации частот см.: [Зубова, 2013б]), в нескольких случаях наклоненных лингвально (см. *таблицу*). У нескольких индивидов были отмечены дополнительные дистальные гребни верхних и нижних клыков. На первых верхних молярах со средней частотой встречается бугорок Карабелли и дополнительные дистальные бугорки, на вторых повышена частота случаев редукции гипоконуса. На нижней челюсти нужно отметить повышенную частоту 6-бугорковых нижних первых моляров и пониженную – 4-бугорковых. Повышена частота Tami. Протостилид в серии не встречается. Ямки протостилида отмечены только у 8 % индивидов. С незначительной частотой отмечены дистальный гребень тригонида, эпикристид, коленчатая складка метаконида.

Архаичный комплекс в андроновской серии на верхнечелюстных зубах включает в себя низкие частоты вестибулярной лопатообразности и умеренные частоты пальцевидных гребней на центральных резцах. На верхних первых молярах зафиксированы низкие частоты цингулюма. На нижнечелюстных резцах не было зафиксировано ни одного признака, маркирующего архаичный комплекс. Премоляры в изучаемой серии имеют умеренные частоты ассиметричного контура

Средние одонтологические характеристики серии из могильника Рублево VIII

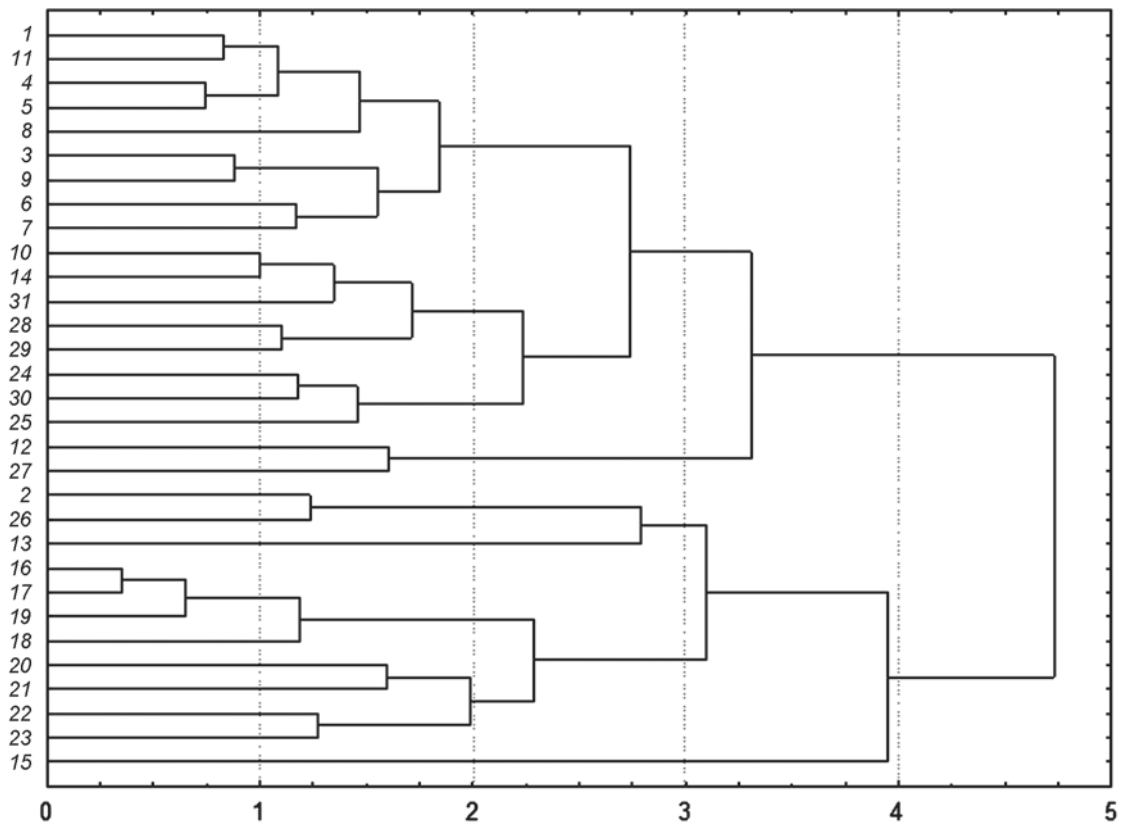
Признак	Правая сторона		Левая сторона		Суммарно		Индивиды	
	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%
Лопатообразность (2+3) I^1	5 (20)	25,0	4 (18)	22,2	9 (38)	23,7	6 (23)	26,1
Лопатообразность (2+3) I^2	0 (14)	0,0	1 (12)	8,3	1 (26)	3,8	1 (16)	6,3
Дополнительный дистальный бугорок M^1	3 (23)	13,0	5 (25)	20,0	8 (48)	16,7	5 (27)	18,5
Бугорок Карабелли (2-5) M^1	5 (23)	21,7	6 (26)	23,1	11 (49)	22,4	6 (28)	21,4
Редукция гипоконуса (4-) M^2	4 (18)	22,2	5 (16)	31,3	9 (34)	26,5	5 (22)	22,7
Редукция гипоконуса (3, 3+) M^2	13 (18)	72,2	10 (16)	62,5	23 (34)	67,6	16 (22)	72,7
6 M_1	4 (25)	16,0	2 (21)	9,5	6 (46)	13,0	4 (27)	14,8
4M_1	2 (25)	8,0	2 (21)	9,5	4 (46)	8,7	2 (27)	7,4
tami M_1	2 (23)	8,7	3 (19)	15,8	5 (42)	11,9	3 (24)	12,5
Дистальный гребень тригонида M_1	1 (23)	4,3	1 (20)	5,0	2 (43)	4,7	1 (25)	4,0
Эпикристид М1	1 (23)	4,3	0 (20)	0,0	1 (43)	2,3	1 (25)	4,0
Коленчатая складка метаконида M_1	2 (21)	9,5	2 (17)	11,8	4 (38)	10,5	2 (22)	9,1
Вестибулярная лопатообразность I^1	1 (17)	5,88	1 (17)	5,88	2 (34)	5,9	1 (20)	5
Лингвальный наклон коронки I^1	4 (12)	33,3	3 (12)	25	7 (24)	29	4 (14)	28,6
Пальцевидные гребни I^1	4 (14)	28,6	6 (16)	37,5	10 (30)	33	6 (18)	33,3
Дополнительный дистальный гребень верхний С	5 (6)	83,3	4 (6)	66,7	9 (12)	75	6 (8)	75
Цингулюм M^1	1 (21)	4,76	2 (24)	8,33	3 (45)	6,7	2 (27)	7,4
Дополнительный дистальный гребень нижний С	2 (10)	20	1 (4)	20	3 (14)	21	2 (10)	20
Дистостилиды P_1	4 (9)	44,4	3 (8)	37,5	7 (17)	41	5 (13)	38,5
fa M_1	1 (12)	8,33	1 (13)	7,69	2 (25)	8	1 (14)	7,14
Цингулюм M_1	1 (19)	5,26	1 (16)	6,25	2 (35)	5,7	1 (22)	4,54

со сдвигом в мезиальном направлении и средние частоты присутствия дистостилидов. Мезиостилиды на премолярах не зафиксированы. Отмечены очень высокие частоты дополнительного дистального гребня на P_1. Мезиальный гребень на премолярах встречен один раз. На нижних молярах отмечены низкие частоты передней ямки, крайне низкие частоты наличия цингулюма, а также умеренные частоты наклона бугорков к центру коронки.

В составе серии наблюдаются некоторые различия между мужчинами и женщинами. При общей принадлежности к западному одонтологическому стволу, у мужчин чаще встречаются 4-бугорковые нижние моляры, бугорок Карабелли, дистальный гребень тригонида и эпикристид (хотя при малой численности наблюдений значения частот могут быть завышены). В таксономическом отношении наблюдаемое у них сочетание признаков близко к южному грацильному одонтологическому типу, о присутствии которого писала С.С. Тур. У женщин из Рублево VIII отсутствует бугорок Карабелли, 4-бугорковые M_1 и большинство фенов «восточного» характера.

Определенные различия прослеживаются также между взрослыми и детьми, погребенными в могильнике. В детской группе повышены частоты лопатообразности, 6-бугорковых нижних первых моляров, Tami и коленчатой складки метаконида, которые во взрослой группе отсутствуют.

От суммарной серии андроновского населения Горного Алтая, характеристики которой были опубликованы С.С. Тур [2009], группа из Рублево VIII отличается более низкой частотой бугорка

Результаты статистического анализа одонтологических серий.

1 – федоровская культура Минусинской котловины (Орак, Соленоозерная, Подкунинский Улус) [Зубова, Чикишева, Поздняков, 2014]; *2* – федоровская культура Минусинской котловины (Сухое Озеро-1) [Рыкушина, 2007]; *3* – алакульская культура Западного Казахстана (Тасты-Бутак); *4* – алакульская культура Южного Урала [Китов, 2011]; *5* – Рублево VIII; *6* – андроновское население Алтая [Тур, 2009]; *7* – алакульская культура Омского Прииртышья (Ермак-4); *8* – алакульская культура Центрального Казахстана [Зубова, 2011]; *9* – федоровская культура Новосибирского Приобья; *10* – федоровская культура Барабинской лесостепи; *11* – федоровская культура Кузнецкой котловины [Зубова, 2014]; *12* – федоровская культура Южного Урала (Хабарное); *13* – синташтинская культура (суммарно); *14* – петровская культура [Китов, 2011]; *15* – каракольская культура; *16* – кротовская культура; *17* – одиновская культура [Чикишева, 2012]; *18* – окуневская культура [Рыкушина, 2007]; *19* – позднекротовская культура [Чикишева, 2012]; *20* – елунинская культура; *21* – окуневская культура (Уйбат-5); *22* – окуневская культура (Верх-Аскиз); *23* – льяловская культура (Сахтыш-2а); *24* – волосовская культура (Сахтыш-2а); *25* – поздневолосовская культура (Сахтыш-2а); *26* – рязанская культура (Фомино); *27* – гребенчато-ямочная общность (Караваиха, Модлон, Погостице) [Зубова, 2016]; *28* – катакомбная культура Калмыкии; *29* – ямная культура Калмыкии; *30* – ямная культура Кривой Луки; *31* – ямная культура Украины [Зубова, 2010].

Карабелли и 4-бугорковых нижних моляров, более высоким уровнем редукции гипоконуса и более частым присутствуем дополнительных шестых бугорков на нижних первых молярах. Кроме того, в серии был встречен один случай присутствия вестибулярной лопатообразности на верхнем центральном резце и цингулюма на нижнем первом моляре. Это может свидетельствовать о начавшемся смешении между андроновскими мигрантами и местным населением.

Тем не менее по результатам статистического анализа серия из Рублево VIII, как и все андроновские группы, не проявляет никакого сходства с автохтонным населением Западной Сибири (см. *рисунок*). Ближайшие параллели ее составу отмечаются у алакульского населения Южного Урала. Суммарная серия на дендрограмме располагается несколько дальше, объединяясь с алакульским населением Омского Прииртышья. Это еще раз подтверждает сделанные ранее выводы о значительной степени изоляции андроновских мигрантов от местного населения и о сходстве компонентного состава федоровских и алакульских групп [Зубова, Чикишева, Поздняков, 2014]. Однако, учитывая наличие алакульских мотивов в орнаментации керамики из погребений могильника Рублево VIII, можно предполагать, что их появление могло быть обусловлено не только культурным влиянием алакульских групп, но и присутствием алакульского компонента в популяциях андроновского населения Степного Алтая.

Список литературы

Гутков А.И., Папин Д.В., Федорук О.А. Культурные особенности андроновской керамики могильника Рублево VIII // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 311–321.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этно-Онлайн, 2006. – 72 с.

Зубова А.В. Население ямной культурно-исторической общности в свете одонтологических данных // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2 (13). – С. 85–95.

Зубова А.В. Одонтологические данные по проблеме происхождения алакульской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 3. – С. 143–153.

Зубова А.В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии // Вестн. антропологии. – 2013а. – № 4. – С. 107–127.

Зубова А.В. Состав носителей ирменской культуры Западной Сибири по одонтологическим материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013б. – № 3. – С. 132–139.

Зубова А.В. Население Западной Сибири во II тыс. до н.э. по антропологическим данным. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 256 с.

Зубова А.В. Состав мезолитического и неолитического населения лесостепной полосы Восточно-Европейской равнины по одонтологическим материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 3. – С. 139–149.

Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропологические аспекты генезиса населения андроновской культурно-исторической общности // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 541–554.

Китов Е.П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2011. – 26 с.

Папин Д.В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестн. Кем. ун-та. – 2015. – № 2 (62). – Т. 6. – С. 135–138.

Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры. – М.: Старый Сад, 2007. – 198 с.

Тур С.С. Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая // Вестн. Алт. гос. ун-та. – 2009. – № 4/2. – С. 228–236.

Чикишева Т.А. Динамика антропологического состава населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

References

Chikisheva T.A. Dinamika antropologicheskogo sostava naseleniya yuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita – rannego zheleza. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 468 p. (in Russ.).

Gutkov A.I., Papin D.V., Fedoruk O.A. Kul'turnye osobennosti andronovskoi keramiki mogil'nika Rublevo VIII. In *The Aryans in the Eurasian Steppes: the Bronze and Early Iron Ages in the Steppes of Eurasia and Contiguous Territories: Elena Kuz'mina Memorial Volume*. Barnaul: Altai State Univ. Publ., 2014, pp. 311–321 (in Russ.).

Kitov E.P. Paleoantropologiya naseleniya Yuzhnogo Urala epokhi bronzy: cand. sc. (history) dissertation abstract. Moscow, 2011, 26 p. (in Russ.).

Papin D.V. Khronologiya pamyatnikov epokhi pozdnei bronzy stepnogo i lesostepnogo Altaya. *Vestnik Kemerovskogo Univ.,* 2015, No. 2 (62), vol. 6, pp. 135–138 (in Russ.).

Rykushina G.V. Paleoantropologiya karasukskoi kul'tury. Moscow: Staryi Sad, 2007, 198 p. (in Russ.).

Tur S.S. Odontologicheskaya kharakteristika naseleniya andronovskoi kul'tury Altaya. *Vestnik Alt. Gos. Univ*., 2009, No. 4/2, pp. 228–236 (in Russ.).

Zubov A.A. Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov. Moscow: Etno-Onlain, 2006, 72 p. (in Russ.).

Zubova A.V. Naselenie yamnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti v svete odontologicheskikh dannykh. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii,* 2010, No. 2 (13), pp. 85–95 (in Russ.).

Zubova A.V. Odontologicheskie dannye po probleme proiskhozhdeniya alakul'skoi kul'tury. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2011, No. 3, pp. 143–153 (in Russ).

Zubova A.V. Predvaritel'nye rezul'taty izucheniya arkhaichnoi sostavlyayushchei odontologicheskikh kompleksov naseleniya Evrazii. *Vestnik antropologii,* 2013a, No. 4, pp. 107–127 (in Russ.).

Zubova A.V. Sostav nositelei irmenskoi kul'tury Zapadnoi Sibiri po odontologicheskim materialam. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2013b, No. 3, pp. 132–139 (in Russ.).

Zubova A.V. Naselenie Zapadnoi Sibiri vo II tys. do n.e. po antropologicheskim dannym. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, 256 p. (in Russ.).

Zubova A.V. Sostav mezoliticheskogo i neoliticheskogo naseleniya lesostepnoi polosy vostochno-evropeiskoi ravniny po odontologicheskim materialam. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, No. 3, pp. 139–149 (in Russ.).

Zubova A.V., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Antropologicheskie aspekty genezisa naseleniya andronovskoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti. In *The Aryans in the Eurasian Steppes: the Bronze and Early Iron Ages in the Steppes of Eurasia and Contiguous Territories: Elena Kuz'mina Memorial Volume*. Barnaul: Altai State Univ. Publ., 2014, pp. 541–554 (in Russ.).

УДК 903.59

О.В. Кардаш[1], З.Г. Гайдакова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии Севера
E-mail: gajdakova@yandex.ru

Бухта Находка-2: первые результаты археологического изучения грунтового могильника VI–XIII веков на полуострове Ямал

До настоящего времени в тундровой зоне Крайнего Севера Западной Сибири грунтовые могильники не были известны. Находки погребений ограничивались одиночными могилами. В ходе разведочных работ в южной части п-ва Ямал в 2012 г. был обнаружен первый средневековый комплекс захоронений. Его частичное стационарное изучение состоялось летом 2016 г. Результаты исследований памятника свидетельствует о существовании на полуострове в Средние века автохтонного населения, практиковавшего погребальный обряд, характерный для населения таежной зоны Сибири, который отличается от ритуала современных тундровых ненцев, практикующих наземные захоронения – хальмеры.

Ключевые слова: *Север Западной Сибири, п-ов Ямал, Карское море, Обская губа, бухта Находка, Средневековье.*

O.V. Kardash[1], Z.G. Gaidakova[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Archaeology of the North
E-mail: gajdakova@yandex.ru

The Bukhta Nakhodka-2 Site: First Results of Archaeological Research at the Ground Burial Site of the 6th–13th Centuries on the Yamal Peninsula

Until the present discovery, ground burial sites were unknown in the tundra zone of the Far North of Western Siberia, and the finds of burials were represented only by single graves. During the field survey on the territory in the southern part of the Yamal Peninsula in 2012, first Medieval burial complex was discovered. Its partial stationary archaeological study was conducted in the summer of 2016. The results of the study revealed the presence of the autochthonous population of the Peninsula in the Middle Ages. This population practiced the funerary ritual typical of the population of the taiga zone of Siberia, which was different from the ritual of the modern tundra Nenets using "halmer" burials on the ground.

Keywords: *North of Western Siberia, Yamal Peninsula, Kara Sea, Ob Bay, Nakhodka Bay, Middle Ages.*

В работе представлены основные результаты археологического исследования грунтового могильника Бухта Находка-2 (рис. 1). Он расположен на западном берегу безымянного озера у бухты Находка в заливе Обская губа (Карское море), в 255 км к северо-востоку от г. Салехарда, в 75 км к северо-востоку от пос. Яр-Сале Ямальского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа. Раскопки были проведены сотрудниками Института археологии Севера и Института археологии и этнографии СО РАН.

Было заложено врсемь рекогносцировочных раскопов в местах обнаружения следов захоронений на участках, поврежденных ветровой эрозией. Общая площадь раскопов составила 168 м^2 [Кардаш, 2017].

В ходе археологических работ 2016 г. изучены 14 захоронений, в которых обнаружены остатки 6 индивидов. Исследованные погребения относятся к двум периодам. В этой связи погребения получили двойную нумерацию.

Рис. 1. Расположение могильника Бухта Находка-2.

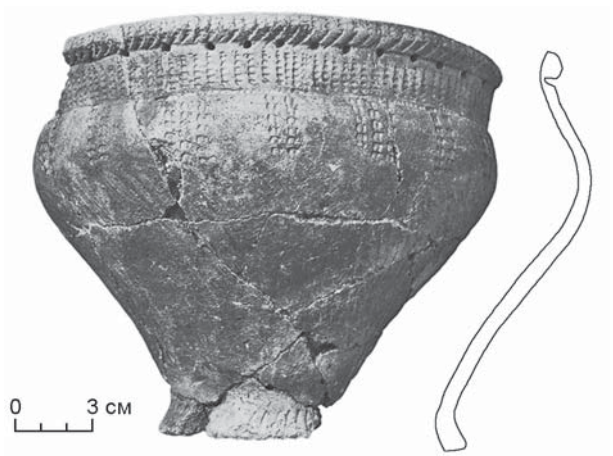

Рис. 2. Керамический сосуд из погр. 1.1. Могильник Бухта Находка-2.

Первая группа представлена комплексами зеленогорской археологической культуры середины VI – середины VII в. [Зыков, 2012, с. 61–68]. Захоронения этого времени промаркированы цифрой 1. В группе четыре погребения, костные останки сохранились только в двух.

В погр. 1.1 зафиксирована анатомически целая верхняя часть скелета, от нижней сохранилась только левая бедренная кость. Останки принадлежат женщине, умершей в возрасте 30–45 лет. Сопроводительный инвентарь представлен керамическим сосудом (рис. 2), двумя бронзовыми височными кольцами, железным ножом и бронзовой бляхой-подвеской с антропоморфным изображением, которая была преднамеренно разбита в древности на три части. Изделие представляет композицию из фронтально стоящей антропоморфной фигуры, фланкированной двумя зооморфными фигурами; по краям изделия фиксируется ложнотекстильный кант.

В погр. 1.2 (рис. 3) были зафиксированы остатки саркофага из досок и бересты. Скелет анатомически целый. Погребенный был уложен на спину, голова повернута вправо, правая рука слегка согнута в локте, а кисть расположена в области таза, левая рука вытянута вдоль тела, ноги согнуты в коленях и повернуты влево. Предварительно установлено, что останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте старше 55 лет. Сопроводительный инвентарь представлен аморфной медной пластиной, лежавшей на лобной кости, и ножом в костяной рукояти.

Два других погребения представлены только сопроводительным инвентарем. В результате ветровой эрозии костные останки были перемещены. Особый интерес представляет чаша из погр. 1.3, изготовленная из оловянистой бронзы, полусферическая, археологически целая (рис. 4). Диаметр 16,4 см, высота 4,9 см. Чаша невысокая, тонкостенная с округлыми бортиками. С внутренней стороны сосуда плоским чеканом выполнен орнамент, состоящий из пяти окружностей и линий-лучей. В центре донной части – точка, от которой отходят 12 линий-лучей. За ними прочерчены три концентрические окружности, которые вписаны в еще одну; пространство между окружностями заштриховано линиями, направленными в центр. За четвертой окружностью, через 6 мм, прочерчена пятая; пространство между ними не орнаментировано. Подобные изделия известны в коллекции могильника Сайгатинский III; атрибутированы как иранские IX–XI вв. [Зыков и др., 1994, с. 155, рис. 302, 303; с. 123, табл. 302, 303].

Рис. 3. Погр. 1.2. Вид с запада. Могильник Бухта Находка-2.

Вторая группа представлена десятью погребениями XII–XIII вв. Костные остатки содержались в четырех из них, два погребения повреждены эрозией, остальные четыре – кенотафы.

В погр. 2.1 (рис. 5) был зафиксирован анатомически целый скелет. Погребенный был уложен на левый бок, с согнутыми и прижатыми к корпусу руками и ногами. Останки принадлежат женщине, умершей в возрасте 20–30 лет. Также были найдены останки младенца, умершего в возрасте 0–0,5 лет. Сопроводительный инвентарь представлен аморфной медной пластиной.

Погр. 2.2 принадлежит женщине, умершей в возрасте 20–45 лет. Трупоположение аналогично погр. 2.1. Сопроводительный инвентарь представлен парой бронзовых височных колец.

Погр. 2.3 представлено только черепом. Особую значимость этому погребению придает обнаруженный медный котел, который и накрывал череп. Котел уцелел частично, стенки деформированы. Размер сохранившейся части изделия 34 × 20 см. Скорее всего, имел прямые стенки и плоское дно. Подобные котлы были повсеместно распространены в Западной Сибири в XII–XIV вв. [Руденко, 2000, с. 111, рис. 12, *20–22*].

Особый интерес представляет погр. 2.4, содержавшее меховой сверток с остатками берестяно-

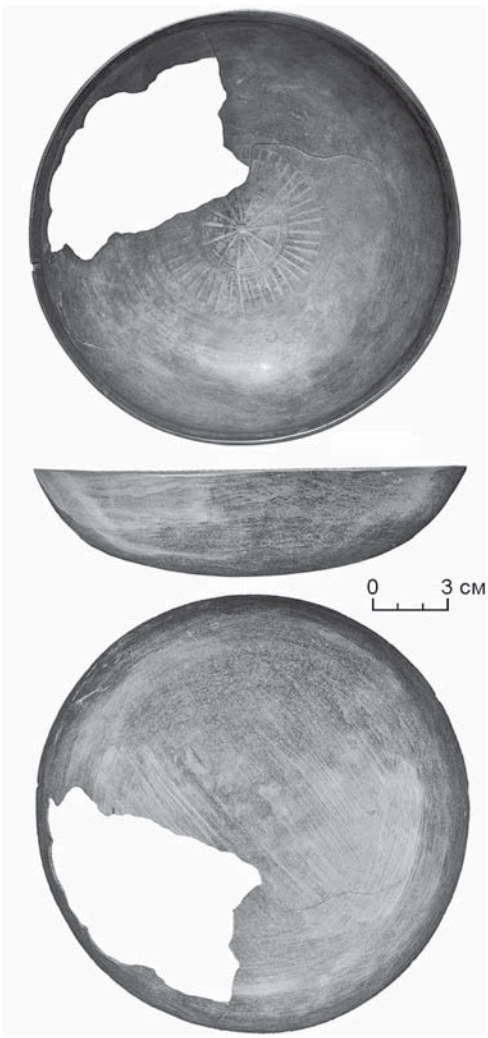

Рис. 4. Чаша из погр. 1.3. Оловянистая бронза. Могильник Бухта Находка-2.

Рис. 5. Погр. 2.1. Вид с юга. Могильник Бухта Находка-2.

го саркофага. Лицо закрывал головной убор ворсом внутрь. Сверток был уложен в деревянную конструкцию, верхняя часть которой сохранилась в виде широкой плахи, остальное – в виде древесного тлена. В меховом свертке обнаружен скелет, кости расположены в анатомическом порядке. Погребенный был уложен на спину, руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. Сопроводительный инвентарь представлен однобусинными височными кольцами, различными подвесками и бляшками, пластиной, фрагментами стенок медного котла, ушком котла и конусом, свернутым из фрагмента стенки котла, который также указывает на особую значимость данного захоронения. Подобные конусы К.А. Руденко называет сосудами-символамии; встречаются они крайне редко, известны в погребениях Кузьминского могильника в Прикамье, датированы концом XI – XII в. [Руденко, 2000, с. 41, 103, рис. 4]. Подобное изделие было обнаружено в могильнике Зеленый Яр и датировано XIII в. [Зеленый яр..., 2005, с. 112].

В двух погребениях был зафиксирован только сопроводительный инвентарь. В результате ветровой эрозии костные останки были перемещены.

В составе могильника XII – XIII вв. было обнаружено четыре кенотафа. Наибольшую научную ценность представляют погребения 2.9а и 2.9б, в которых находились два меховых свертка. Между свертками располагались остатки деревянного перекрытия. Сами свертки были помещены в один берестяной саркофаг подквадратной формы. После извлечения меховых свертков из погребения они были законсервированы и доставлены в лабораторию для дальнейшего изучения. В лаборатории был произведен разбор свертков, в которых были обнаружены остатки сухой спрессованной травы и фрагменты кожи. В свертках и рядом с ними был зафиксирован сопроводительный инвентарь. Так, в погр. 2.9а были обнаружены узкая медная пластина в виде ленты, три фрагмента стенок медных котлов, височное кольцо, полая объемная подвеска с кожаным шнурком, железный нож, изделие неясного назначения, берестяные нашивки. В погр. 2.9б были найдены подпрямоугольная медная пластина, два фрагмента стенок медных котлов, височное кольцо, железный нож, крестовидная бляшка (универсальное нашивное украшение).

В заключение подведем итоги исследований могильника Бухта Находка-2 в 2016 г.

Во-первых, в плане погребальной обрядности отметим наличие в комплексе захоронений XII–XIII вв. индивидов, уложенных на левый бок с согнутыми и прижатыми к корпусу руками и ногами. Скорченные погребения не характерны для данного региона и зафиксированы впервые.

Во-вторых, следует подчеркнуть связь могильника и городища. На севере Западной Сибири все исследованные средневековые грунтовые могильники представляют собой отдельные от поселенческих комплексов объекты. Здесь же можно до-

стоверно связать поселенческий и погребальный комплексы, поскольку захоронения второй группы синхронны городищу Бухта Находка и являются общинным местом погребения его жителей.

В-третьих, большой интерес представляют кенотафы с куклами, которые имитировали погребенных. Изготовление различных кукол (манекенов, человеческих тел) являлось одной из характерных черт погребальных обрядов таштыкской культуры Минусинской котловины и имело соответствующее мировоззренческое обоснование [Вадецкая, 1999, с. 17–23]. В средневековых погребениях Западной Сибири прослеживается влияние минусинского населения таштыкской эпохи. В одно из захоронений могильника Сайгатинский III VIII–IX вв. была помещена кукла в рост человека, «тело» и «руки» которой были сделаны из прутиков, а голова из куска глины. На куклу была одета меховая одежда, на левую «руку» – бронзовый браслет, на «талию» – пояс с пряжкой. Кукла была захоронена на общем кладбище по всем канонам погребального обряда – в могильной яме с берестяной подстилкой, будучи завернутой в бересту и укрытой еще одним куском бересты.

Следует отметить, что на дневной поверхности могильные ямы не фиксировались, а в стратиграфических разрезах прослеживаются довольно мощные эоловые отложения. Это позволило сделать вывод о том, что для погребений могильные ямы не выкапывались, а погребальные сооружения ставились на углубленных участках ветровых эрозий, и с течением времени над ними появлялась насыпь природного происхождения.

Всего в ходе раскопок было найдено 78 отдельных предметов. Помимо археологической коллекции были собраны археозоологическая и антропологическая коллекции, образцы почвы, остатки органических материалов. Коллекции были переданы для проведения анализов естественно-научными методами.

Продолжение исследований могильника Бухта Находка-2 необходимо в связи с продолжающимся процессом разрушения ветровой эрозией и особой ценностью обнаруженных источников.

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербург. востоковедение, 1999. – 440 с. – (Archaeologica Petropolitana; т. VII).

Зеленый яр: археологический комплекс эпохи Средневековья в СеверномПриобье / под ред. Н.В. Федоровой. – Екатеринбург; Салехард: Изд-воУрО РАН, 2005. – 368 с.

Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. – 232 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 158 с.

Кардаш О.В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). – Екатеринбург; Нефтеюганск: АМБ, 2011. – 60 с.

Кардаш О.В. Отчет о НИР «Археологические раскопки выявленного объекта археологического наследия “могильник Бухта Находка-2” в Ямальском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2016 году». – Новосибирск, 2017. – 157 с.

Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XI вв. – Казань: Репер, 2000. – 156 с.

Усолкина М.А. Отчет о НИР «Проведение археологических разведочных работ на побережье бухты Находка». – Нефтеюганск, 2012. – 160 с.

References

Kardash O.V. Gorodok sikhirtya v Bukhte Nakhodka (pervye rezul’taty issledovanii). Yekaterinburg; Nefteyugansk: AMB, 2011, 60 p. (in Russ.).

Kardash O.V. Otchet o NIR: «Arkheologicheskie raskopki vyyavlennogo ob”ekta arkheologicheskogo naslediya “mogil’nik Bukhta Nakhodka-2” v Yamal’skom raione Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga v 2016 godu». Novosibirsk, 2017, 157 p. (in Russ.).

Rudenko K.A. Metallicheskaya posuda Povolzh’ya i Prikam’ya v VIII–XI vv. Kazan’: Reper, 2000, 156 p. (in Russ.).

Usolkina M.A. Otchet o NIR: “Provedenie arkheologicheskikh razvedochnykh rabot na poberezh’e bukhty Nakhodka”. Nefteyugansk, 2012, 160 p. (in Russ.).

Vadetskaya E.B. Tashtykskaya epokha v drevnei istorii Sibiri. St Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999, 440 p. (Archaeologica Petropolitana; vol. VII) (in Russ.).

Zelenyi yar: arkheologicheskii kompleks epokhi srednevekov’ya v Severnom Priob’e / ed. N.V. Fedorova. Yekaterinburg; Salekhard: UrO RAN Publ., 2005, 368 p. (in Russ.).

Zykov A.P. Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob’ya. Srednevekov’e i novoe vremya. Yekaterinburg: Ural’skii rabochii, 2012, 232 p. (in Russ.).

Zykov A.P., Koksharov S.F., Terekhova L.M., Fedorova N.V. Ugorskoe nasledie: drevnosti Zapadnoi Sibiri iz sobranii Ural’skogo universiteta. Yekaterinburg: Vneshtorgizdat, 158 p. (in Russ.).

УДК 903(1-925.34/.35)«637/638»

С.А. Комиссаров[1, 2], Д.П. Шульга[2, 3], Н.А. Сутягина[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
[4]Государственный Эрмитаж
E-mail: sergai@mail.ru

Культура шацзин (Ганьсу, Китай): основные памятники и вопросы хронологии

Представлены основные материалы и обозначены проблемы хронологии культуры раннего железного века шацзин, памятники которой выявлены в центральной части пров. Ганьсу (Китай). Раскопано семь крупных могильников и почти столько же городищ со стенами из трамбованного лесса. На ранних памятниках представлена расписная керамика, связанная с местной традицией эпохи неолита – раннего металла. Но ядро культуры образует инвентарь скифоидного облика. Это позволяет уточнить хронологические рамки: 900–400 гг. до н.э., вероятно, с более поздними конкретными датами. По поводу этнической атрибуции «шацзинцев» есть различные мнения. Их связывают с тохароязычными юэчжами, прототибетскими цянами и жунами и даже ираноязычными усунями. Возможно, культура шацзин была создана в результате взаимодействия указанных (или близких к ним) этнокультурных составляющих.

Ключевые слова: *культура шацзин, расписная керамика, скифоидные культуры, хронологические рамки, этническая атрибуция.*

S.A. Komissarov[1, 2], D.P. Shulga[2, 3], N.A. Sutiagina[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Siberian Institute of Management – RANEPA Branch
[4]The State Hermitage Museum
E-mail: sergai@mail.ru

Shajing Culture (Gansu, China): Main Sites and Problems of Chronology

The article presents main materials and problems of chronology related to the Shajing culture of the Early Iron Age. The sites of this culture have been discovered in the central part of Gansu Province (China). Seven big burial grounds and almost the same amount of fortified settlements (with walls made of compacted loess) have been excavated. Painted pottery, associated with the local tradition of Neolithic–Early Bronze Age, has been found at the early sites, but the Scythian-like artifacts constitute the core of this culture. This makes it possible to clarify the chronological limits of the culture as 900–400 BC, but probably with the later specific dates. Different suggestions have been made concerning the ethnic origins of the "Shajing people," who may have some connections with the Tocharian-speaking Yuezhi, the proto-Tibetean Qiang and Rong, or even with the Iranian Wusuns. The Shajing culture might have emerged from the interaction of all these (or close) ethnic and cultural components.

Keywords: *Shajing culture, painted pottery, Scythian-like culture, chronological limits, ethnic attribution.*

Культура шацзин получила название по эпонимному памятнику в современном уезде Миньцинь (пров. Ганьсу). В отечественной литературе ее кратко представили Н.А. Сутягина [2008а, 2016] и А.В. Варенов [2011]. Начало полевым исследованиям этой культуры положено Ю.Г. Андерсоном, который в 1924 г. близ дер. Шацзин раскопал два могильника. Полученный материал он выделил в особый этап (шацзин) в развитии древних культур на территории Ганьсу, датированный

сначала 2000–1700 гг. до н.э., но затем «омоложенный» до 700–500 гг. до н.э. [Andersson, 1943, p. 9–15]. В качестве особой культуры шацзин выделил в 1948 г. Пэй Вэньчжун, который проводил обследование памятников северо-западных р-нов Китая. Самые значительные раскопки проходили в 1980-х гг., а затем в первое десятилетие XX в. Хотя большая часть полученных материалов так или иначе опубликована в китайской научной литературе, но еще мало освоена за пределами КНР (в т.ч. в нашей стране), а предлагаемые исторические и этнологические интерпретации культуры отличаются изрядным разнообразием. Попытки использовать шацзинские находки для масштабных реконструкций встречаются с немалыми трудностями.

Так, не вполне ясна относительная хронология памятников. В настоящее время изучено семь крупных могильников, рядом с которыми выявлены городища, однако нет уверенности в их синхронном бытовании. Одна из причин – в слабой изученности поселений. Обычно фиксируется контур стен из утрамбованного лесса, ширина у основания до 8 м, сохранившаяся высота до 4 м, с воротами без дополнительных укреплений; отдельные дома – землебитные, однокамерные, округлой формы (рис. 1, слева); хозяйственные ямы. Среди находок преобладают каменные орудия и фрагменты керамики, в т.ч. расписной.

Могильники изучены лучше; самый крупный Сиган (уезд Юнчан, пров. Ганьсу) состоит из 452 могил [Юнчан Сиган..., 2001]. Погребения грунтовые, редко с дромосом, располагались на возвышенностях рядами, чаще всего по линии север – юг. Два основных типа могил – с вертикальными стенками и с подбоями – представлены в сопоставимых количествах. Вход в вертикальные могильные ямы перекрывался жердями горизонтально, с опорой на заплечики, а в подбои – вертикально. Дно ямы с травяной подстилкой и зольной или известковой подсыпкой. Трупоположения ориентированы головой на север или северо-восток, вытянутые на спине, есть скорченные на боку. Изголовье часто засыпали красной краской, там нередко помещали черепа и копыта крупного рогатого скота, лошадей и овец. В могильнике Хамадунь (уезд Юнчан) в рот покойника иногда помещалась бирюзовая бусина;

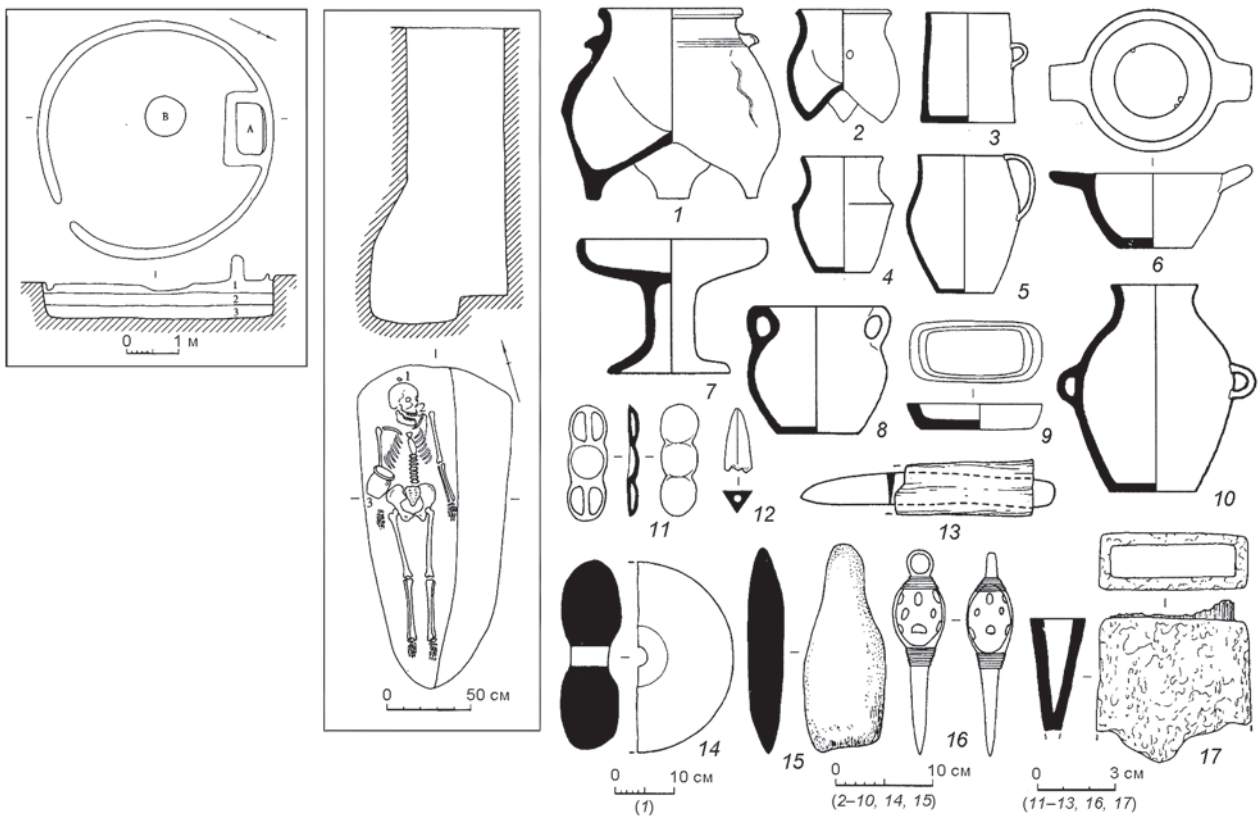

Рис. 1. План и разрез жилища F4 на городище Саньцзяочэн (слева), план и разрез могилы с подбоем M16 на могильнике Хамадунь (в центре) и инвентарь культуры шацзин (справа).

1–4, *6*, *7*, *10* – керамика из Саньцзяочэн; *5*, *8* – керамика из Хамадунь; *9* – деревянная коробка из Хамадунь; *11* – бронзовая подвеска из Хамадунь; *12* – бронзовый наконечник стрел из Саньцзяочэн; *13* – бронзовый нож с костяной рукоятью из Хамадунь; *14* – каменное кольцо из Саньцзяочэн; *15* – каменный топор из Саньцзяочэн; *16* – бронзовое шило с бубенчиком из Саньцзяочэн; *17* – железный заступ из Саньцзяочэн (по: [Чжунго каогусюэ, 2004, с. 512–513]).

глаза могла закрывать кожаная повязка [Пу Чаофу, Пан Юэсянь, 1990; Хань Цзянье, 2008, с. 427].

Инвентарь, найденный в погребениях и на некоторых поселениях, отличается заметным единообразием, что затрудняет выделение хронологически значимых типов. Вся керамика лепная, состоит из горшков и кувшинов, есть кружки, кубки, триподы, вазы (рис. 1, *1–8*, *10*); черепок большей частью красновато-коричневого цвета, много крашеных (в т.ч. в два слоя); встречаются оттиски веревки, расчесы, налепы. Расписные сосуды с линейным и треугольным орнаментом представлены на памятниках в уезде Миньцинь и не встречаются в могильниках в уезде Юнчан. По мнению Ли Шуйчэна [1994], это различие носит не только локальный, но и хронологический характер (памятники с росписью – более поздние). В Хамадунь найдено несколько деревянных блюд (коробок) прямоугольной формы (рис. 1, *9*) и берестяных туесков. Наиболее массовые материалы – предметы

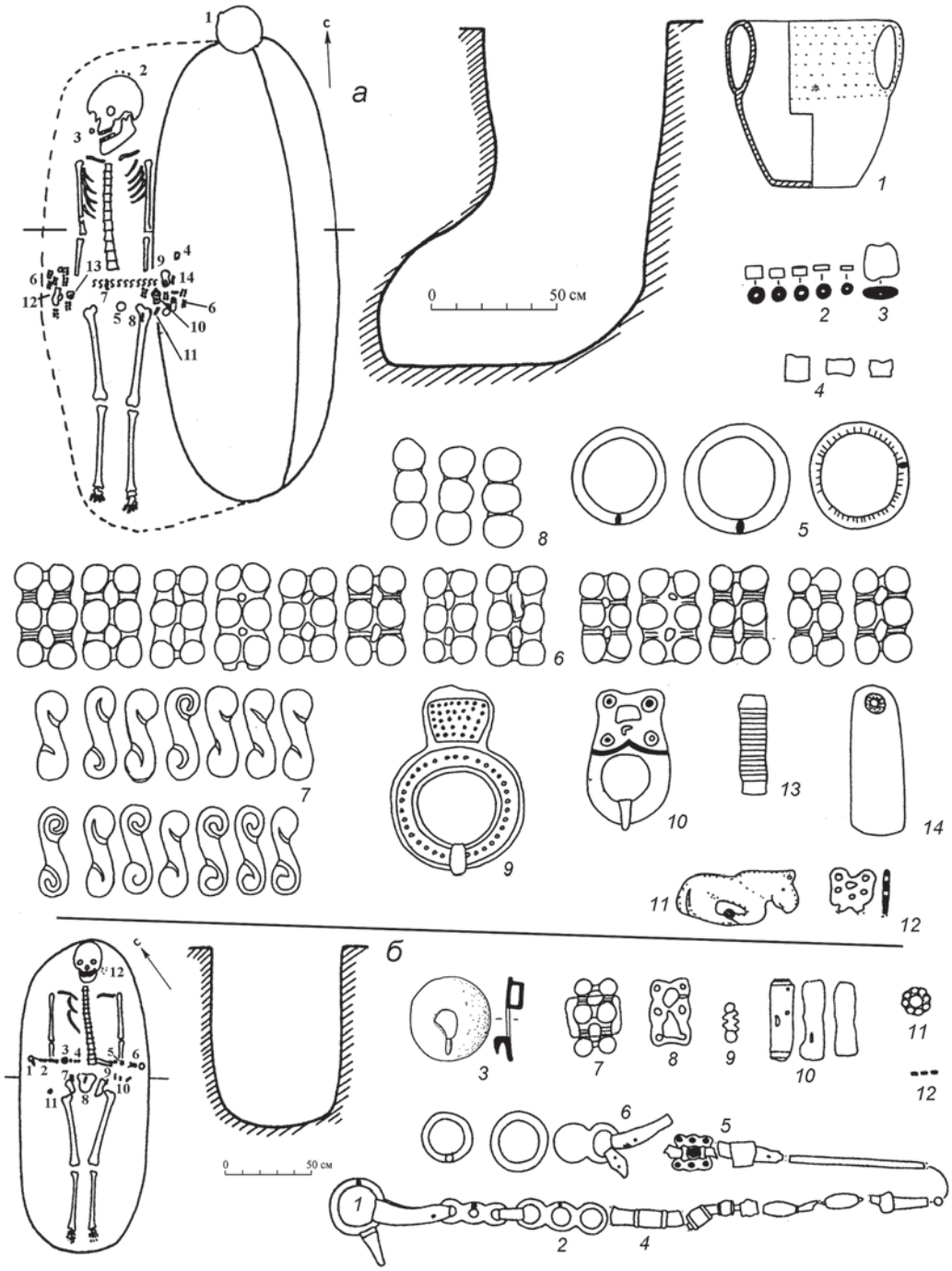

Рис. 2. Планы, разрезы и инвентарь мог. М72 (*а*) и мог. М53 (*б*). Могильник Чайваньган (по: [Юнчан Сиган, 2001, рис. 42, 43]).

поясной гарнитуры, включая целые пояса, бронзовые и костяные пряжки, разнообразные накладки [Сутягина, 2008б]. Из бронзы изготовлялись ножи (рис. 1, *13*), медалевидные зеркала, кинжалы с кольчатым навершием, трехгранные наконечники стрел (рис. 1, *12*), шилья (рис. 1, *16*), кольца, бусы, пронизи, колокольчики, многоярусные (рис. 1, *11*) и ложечковидные подвески, навершия в виде орлов, оленей и др. Железных изделий немного, в их составе ножи, тесла, заступы (рис. 1, *17*) и массивный (12,2 кг) сошник. В могиле М26 в Сиган обнаружен фрагмент золотой шейной гривны, а в могиле М75 в Чайваньган – сережки, свернутые в кольцо из тонкой золотой проволоки. Каменные изделия представлены кольцами (рис. 1, *14*), топорами (рис. 1, *15*), заступами, ножами, боласами, а также жерновами, пестами и ступками. Изредка встречаются фрагменты шерстяных и льняных тканей.

В относимых к шацзин погребальных и поселенческих комплексах не найдено хорошо датируемых китайских изделий, потому хронология базировалась на общем облике культуры, а также на датах по радиоуглероду из Хамадунь, Саньцзяочэн и Сиган: 2950 ± 160, 2850 ± 90, 2730 ± 95, 2680 ± 125, 2570 ± 90, 2540 ± 90, 2675 ± 100, 2600 ± 90, 2700 ± 90; калибровка еще больше увеличивает разброс дат [Ян Бо, 2014, с. 15].

В то же время в инвентаре больших могильников, раскопанных в уезде Юнчан, много аналогий с изделиями скифоидных культур Северного Китая и Центральной Азии. Так, детали поясной фурнитуры из Сиган и Чайваньган (рис. 2) – бабочковидные и 6-секционные бляшки, пряжки с выступающим носиком и др. – в Южной Сибири датируются в рамках конца VI – начала IV в. до н.э. При этом на Верхней Оби аналогичные бляшки бытовали в первой половине этого периода, а пряжки – во второй [Фролов, 2008]. В тот же период они присутствуют в Туве, тогда как в Минусинской котловине и Забайкалье бабочковидные бляшки могли использоваться и в III в. до н.э. Аналогичную ситуацию обнаруживают рифленые трубочки с округлым расширением посередине. В Туве они встречаются в захоронениях V–IV вв. до н.э. [Грач, 1980, рис. 34, *2*, 59, *2*], в Синьцзяне такая трубочка найдена в захоронении на могильнике Чаухугоу-1 с датой не позднее VII в. до н.э. [Шульга, 2014, рис. 4]. Можно предположить, что указанные пряжки и трубочки появились в культуре шацзин раньше, чем в культурах Саяно-Алтайского региона. При этом в Сигане и Чайваньгане они сочетаются с более ранними формами бронзовых ножей (выгнутообушковые с кольчатым навершием, с «хвостатым» лезвием), бытовавшие в Северном Китае (Юйхуанмяо), Синьцзяне и Южной Сибири в (VIII) VII–VI вв. до н.э. Соответственно, даты для культуры шацзин в целом, которые предлагают китайские специалисты, укладываются в промежуток 900–400 гг. до н.э. [Чжунго каогусюэ, 2004, с. 514], вероятно, с более поздними конкретными датами.

Как видим, представление об основных характеристиках культуры шацзин существенно изменилось. Ее рассматривают не только и, главное, не столько как последний этап традиции расписной керамики, которая расцветала в Ганьсу-Цинхайском регионе в период неолита и раннего металла, но в большей степени как один из сегментов скифоидных культур Китая и сопредельных территорий. Представительными памятниками сейчас являются могильники типа Сиган, а не городища (поселения), зачастую плохо раскопанные и датированные. В связи с этим встает вопрос о допустимости отнесения к культуре шацзин части поселенческих комплексов с датой ранее первой половины I тыс. до н.э.

В отношении этнической атрибуции носителей культуры в научной литературе также нет единого мнения. Некоторые исследователи считают, что памятники данной культуры были оставлены тохароязычными юэчжами (жоучжи) или даже ираноязычными усунями, другие же более традиционно связывают ее с прототибетскими цянами и жунами [Ли Шуйчэн, 1994, с. 516; Чжунго каогусюэ, 2004, с. 514]. Нельзя исключить и такой возможности, что в формировании шацзин приняли участие в разной степени все указанные (или близкие к ним) этнокультурные компоненты.

Список литературы

Варенов А.В. Погребальные памятники скифо-сакского времени на южном склоне гор Яньшань, в Нинься и Ганьсу // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 4: Востоковедение. – С. 27–35.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, Глав. ред. вост. лит, 1980. – 256 с.

Ли Шуйчэн. Шацзин вэньхуа яньцзю (Исследование культуры Шацзин) // Госюэ яньцзю. – Пекин, 1994. – Т. 2. – С. 493–523.

Пу Чаофу, **Пан Юэсянь**. Юнчан Саньцзяочэн юй Хамадунь Шацзин вэньхуа ицунь (Памятники культуры Шацзин в Саньцзяочэн и Хамадунь, у. Юнчан) // Каогу сюэбао. – 1990. – № 2. – С. 205–237.

Сутягина Н.А. История изучения памятников культуры Шацзин (провинция Ганьсу, КНР) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2008а. – Вып. 4. – С. 133–137.

Сутягина Н.А. Наборный пояс в культуре Шацзин // Тр. II (XVIII) Всерос. археологич. съезда. – Суздаль: ИА РАН, 2008б. – Т. 2. – С. 76–78.

Сутягина Н.А. Культура Шацзин // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. – М.: Вост. лит., 2016. – Т. 1. – С. 895–897.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). – Барнаул: Азбука, 2008. – 479 с.

Хань Цзянье. Чжунго сибэй дицюй сяньцинь шицидэ цзыжань хуаньцзин юй вэньхуа фачжань (Природная среда и культурное развитие Северо-Западного Китая до эпохи Цинь). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2008. – 484 с.

Чжунго каогусюэ: Лян Чжоу цзюань (Археология Китая: Период обеих династий Чжоу) / гл. ред. Чжан Чаншоу, Инь Вэйчжан. – Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2004. – 6, 19, 32, 563 с. (раздельн. пагинация).

Шульга П.И. Конское снаряжение VIII–V вв. до н.э. в восточной части Евразии // Всадники Великой степи: традиции и новации. – Астана: Изд. группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. – С. 248–263 (Тр. филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, т. 4).

Юнчан Сиган Чайваньган: Шацзин вэньхуа муцзан фацзюэ баогао (Сиган и Чайваньган в уезде Юнчан: отчет о раскопках захоронений культуры Шацзин) / отв. ред. Ма Цян. – Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 2001. – 265 с.

Ян Бо. Шацзин вэньхуа муцзан цзи сянгуань вэньти яньцзю: Шоши сюэвэй луньвэнь (Могильники культуры Шацзин и изучение связанных с ними вопросов): Магистер. дис. / Сев.-Зап. пед. ун-т. – Сиань, 2014. – 3, 70, 10 с. // Портал хранения документов «Даокэ баба». – URL: http://www.doc88.com/p-2069508828225.html (дата обращения: 10.10.2017).

Andersson J.G. Researches into the prehistory of the Chinese // Bull. of the Museum of Far Eastern Antiquities. – 1943. – Vol. 15. – 304 p., 200 pl.

References

Andersson J.G. Researches into the prehistory of the Chinese. *Bull. of the Museum of Far Eastern Antiquities*, 1943, vol. 15, 304 p., 200 pl.

Frolov Ya.V. Funeral ritual of the population of Barnaul Ob region in 6–2 century BC (according the materials of ground burial-yards). Barnaul: Azbuka, 2008, 479 p. (in Russ.).

Grach A.D. Ancient nomads in the centre of Asia. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsia vostochnoy literatury, 1980, 256 p. (in Russ.).

Han Jianye. Zhongguo xibei diqu xianqin shiqide ziran huanjing yu wenhua fazhan (Natural environment and cultural development in North-Western China during pre-Qin epoch). Beijing: Cultural relics Publishing House, 2008, 484 p. (in Chin.).

Li Shuicheng Shajing wenhua yanjiu (The studies of Shajing Culture). In *Studies in Sinology*, Beijing, 1994, vol. 2, pp. 493–523 (in Chin.).

Pu Chaofu, Pang Yuexian. Yongchang Sanjiaocheng yu Hamadun Shajing wenhua yicun (Sites of Shajing culture in Sanjiaocheng and Hamadun, Yongchang County). In *Kaogu xuebao (Scientific reports on Archaeology)*, 1990, No. 2, pp. 205–237 (in Chin.).

Shul'ga P.I. Horse equipment of 8–5 century BC in eastern part of Eurasia. In *The horsemen of the Great Steppe: traditions and innovations*. Astana: FIA in memory of A.Kh. Margulan in Astana, 2014, pp. 248–263 (Proceedings of FIA in memory of A.Kh. Margulan in Astana, vol. 4) (in Russ.).

Sutyagina N.A. History of studies of Shajing Culture's sites (Gansu Province, PRC). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii*. Barnaul, 2008a, iss. 4, pp. 133–137 (in Russ.).

Sutyagina N.A. Plated belt of Shajing Culture. In *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda*. Suzdal': IA RAS, 2008b, vol. 2, pp. 76–78 (in Russ.).

Sutyagina N.A. Shajing culture. In *History of China from Ancient times to the beginning of 21st century*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2016, vol. 1, pp. 895–897 (in Russ.).

Varenov A.V. Burial sites of Scythian-Saca Epoch on the southern slope of Yanshan Mountains in Ningxia and Gansu. In *Vestnik Novosibirsk State University. Ser.: Istoriya, filologiya*, 2011, vol. 10, iss. 4: Oriental Studies, pp. 27–35 (in Russ.).

Yang Bo. Shajing wenhua muzang ji xianguan wenti yanjiu: Shuoshi xuewei lunwen (Shajing Culture's burials and investigations of related problems: Master's diss.). Xian, 2014, 3, 70, 10 p. (separate pagination). In *Daoke baba, the portal of documents' storage*. URL: http://www.doc88.com/p-2069508828225.html (accessed: 10.10.2017) (in Chin.).

Yongchang Xigang. Chaiwangang: Shajing wenhua muzang fajue baogao (Xigang and Chaiwangang in Yongchang County: report on excavations of Shajing culture's burials / ed. Ma Qiang. Lanzhou: Gansu Peoples' Publishing House, 2001, 265 p. (in Chin.).

Zhongguo kaoguxue. Liang Zhou juan (Archaeology of China: Zhou dynasties) / ed. Zhang Changshou, Yin Weizhang. Beijing: Chinese social sciences Publishing House, 2004, 6, 19, 32, 563 p. (separate pagination) (in Chin.).

УДК 902/904

Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: gvkubarev@gmail.com

«Оленный камень» из долины реки Талдура (Юго-Восточный Алтай)

В статье рассматриваются и анализируются петроглифы компактного пункта наскального искусства, найденного в долине р. Талдура, на территории Юго-Восточного Алтая. Он представляет собой огромный валун, покрытый петроглифами. Уникальным изображением на этом валуне является огромная фигура оленя, выполненная в т.н. монголо-забайкальском стиле оленных камней. Приведение аналогий позволяет сделать вывод, что наибольшим количеством и разнообразием сцен с подобным стилизованным оленем отличаются петроглифы Монгольского и юга Российского Алтая. Тот факт, что олени в монголо-забайкальском стиле многократно оказываются вписанными в сцены петроглифов, относящихся к эпохе бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.), позволяет датировать и собственно изображения оленей этим периодом.

Ключевые слова: *петроглифы, изображение оленя, монголо-забайкальский стиль, Юго-Восточный Алтай, Талдура, эпоха бронзы.*

G.V. Kubarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: gvkubarev@gmail.com

"Deer Stone" from the Valley of the Taldura (Southeastern Altai)

The article describes and analyzes the petroglyphs on a compact site of rock art, discovered in the valley of the Taldura River in the Southeastern Altai. This is a huge boulder covered with petroglyphs. A unique image on this boulder is a huge representation of the deer, made in the so-called Mongolian-Transbaikalian style of deer stones. The parallels suggests that the petroglyphs of the Mongolian and Southern Russian Altai are distinguished by the largest number and variety of compositions with similar stylized deer. Since deer in the Mongolian-Transbaikalian style is often a part of compositions with petroglyphs belonging to the Bronze Age (the second half of the 2nd millennium BC), the representations of the deer may be dated to that period.

Keyword: *petroglyphs, deer image, Mongolian-Transbaikalian style, Southeastern Altai, Taldura, Bronze Age.*

Исследование петроглифов Алтая продолжается вот уже второе столетие. Вряд ли нам стоит рассчитывать на обнаружение новых очень крупных местонахождений петроглифов подобных Еланга-шу в Российском или Цагаан-Салаа и Бага-Ойгуру в Монгольском Алтае. Однако почти каждый год совершаются открытия ярких петроглифов либо в составе уже известных местонахождений, либо в новых компактных петроглифических пунктах. Один из таких небольших пунктов с уникальным изображением в долине р. Талдура (Кош-Агачский р-н Республики Алтай) и вводит в научный оборот данная публикация*.

Петроглифы нанесены на огромный мореный валун размерами 5 × 3,5 × 1,8 м, на его пологую поверхность, обращенную к югу (рис. 1). Камень

*Огромный валун с петроглифами в долине р. Талдура обнаружил сотрудник и проводник юрточного кемпинга «Тыдтуярык» А.В. Фролов. Благодарю его за предоставленную возможность осмотреть и обработать указанные петроглифы.

Рис. 1. Общий вид на валун с петроглифами в долине р. Талдура. Российский Алтай.

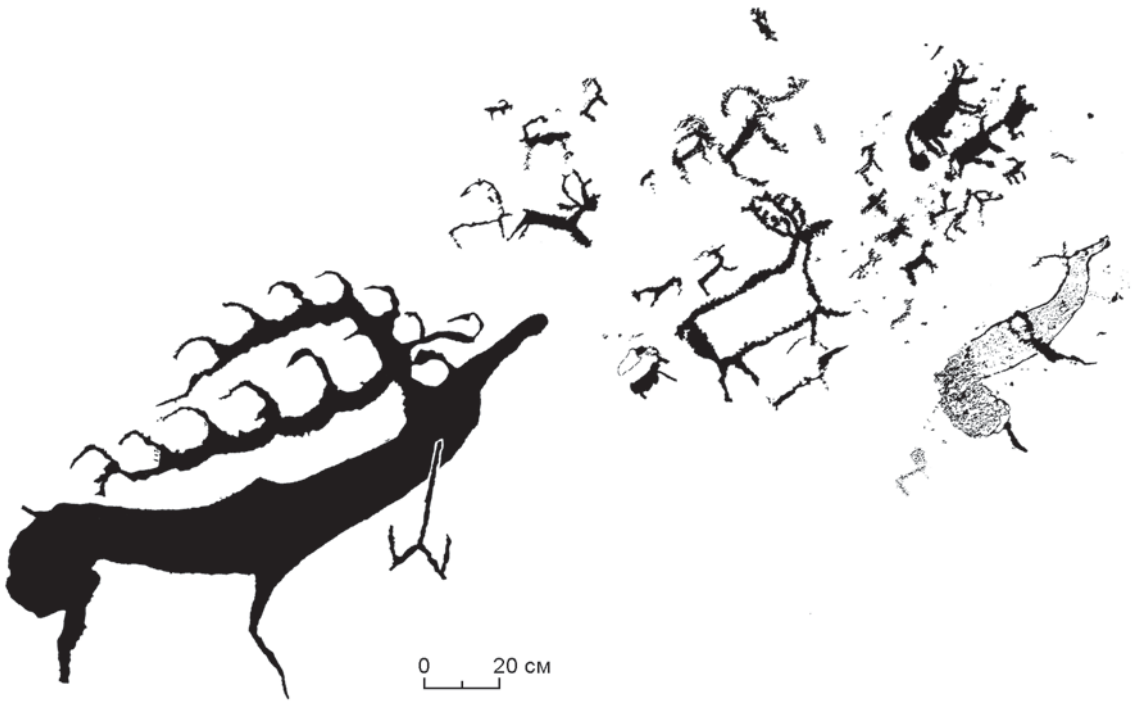

Рис. 2. Прорисовка петроглифов на талдуринском валуне.

находится на правом берегу р. Талдура, на склоне горной гряды, разделяющей долины рек Талдура и Чагана, приблизительно в 2 км от с. Бельтир. Валун расположен на небольшой плоской террасе, с которой открывается широкая панорама на долину р. Талдура и далее р. Чаганузун и Чуйскую степь.

Петроглифическая композиция имеет размеры 310 × 170 см (рис. 2). Она насчитывает по меньшей мере 28 фигур, подавляющее большинство из которых воспроизводит козлов. Почти все фигуры животных изображены идущими вправо. В правой части композиции выбиты две фигуры быков с характерным пушистым хвостом в виде шара. Здесь

же рядом фигура человека с широко расставленными ногами и держащего животное (?), силуэт которого незавершен.

Выбивка изображений сплошная, неглубокая, в некоторых случаях воспроизведен лишь контур животных. Случаев налегания одних изображений на другие практически нет, патинизация большинства из них одинаковая и достаточно сильная. Эти два обстоятельства могут свидетельствовать о практически единовременном их нанесении на валун. Неглубокая выбивка и сильная патинизация делает многие из них слабо различимыми.

Более светлой выбивкой выделяются две фигуры оленей в центральной и верхней частях композиции. Одна из них довольно крупная и представляет собой контур оленя, имеющего древовидные рога и четыре воспроизведенные ноги. Вероятно, эти фигуры были подновлены относительно недавно.

Однако наиболее интересным изображением на талдуринском валуне является огромная фигура оленя, выполненная в т.н. монголо-забайкальском стиле оленных камней. Ее размер в длину составляет около 170 см, что позволяет видеть ее с нескольких десятков метров. Олень имеет «клювовидную» морду, горб, намеченный глаз. Он изображен стоящим, с двумя ветвистыми рогами, тогда как на оленных камнях они чаще воспроизводились лежащими и имеющими один рог. На шею оленя налегает выбитая раннесредневековая тамга, напоминающая перевернутую букву «М» с длинным отростком посередине.

В некотором отдалении справа, на другой грани камня, в таком же стиле выбита фигура оленухи. В отличие от оленя у оленухи выбит лишь контур тела, ноги, лопатка (?), небольшие рога. Изображение, возможно, не завершено.

В непосредственной близости от рассматриваемого валуна была обнаружена лишь небольшая композиция на отдельном камне, включающая изображения нескольких быков эпохи бронзы.

Наибольшего внимания в представленной петроглифической композиции на талдуринском валуне заслуживает огромная фигура оленя, выполненная в монголо-забайкальском стиле оленных камней. Имея длину в 170 см, она является, пожалуй, одним из самых крупных изображений оленей в подобном стиле в наскальном искусстве Алтая и сопредельных территорий. Несомненно, что композиционно и стилистически она связана с фигурой оленухи и они образуют парное изображение.

Воспроизведения оленей в монголо-забайкальском стиле в петроглифах Российского Алтая по количеству, тщательности и зачастую величине исполнения тяготеют именно к его югу, граничащему с Монголией, т.е. тем регионом, где и получили наибольшее распространение оленные камни монголо-забайкальского типа. Действительно, в Центральном Алтае, например, в петроглифах Калбак-Таша, образ такого стилизованного оленя встречается значительно реже и выступает далеко не главным персонажем.

Наиболее близким аналогом талдуринскому оленю является изображение крупных оленя и оленухи в таком же стиле на «алтаре» – центральной наскальной композиции Туру-Алты, в низовьях р. Барбургазы [Кубарев В.Д., 1979, табл. XI]. Центральное место на этой композиции занимает большая фигура оленя (длиной 93 см), выполненная в монголо-забайкальском стиле. Над ним выбита такая же, достаточно большая фигура оленухи. Под оленем и вокруг него воспроизведено по меньшей мере еще 11 более мелких фигур оленей в таком же стиле.

Изображения оленей в подобном стиле известны в петроглифах долины р. Ирбисту, Елангаша, Чагана и других местонахождений петроглифов [Окладников и др., 1979, табл. 72; Черемисин, 1998, рис. 1; 2009, рис. 2].

Крупные изображения таких стилизованных оленей представлены в петроглифических памятниках Монгольского Алтая. Это одиночное изображение оленя (126 см в длину) в Цагаан-Салаа [Кубарев В.Д., 2009, рис. 1292], а также крупный олень (115 см в длину) в Хар-Салаа [Там же, рис. 481, фото 32]. Последний является частью большой композиции охоты на оленей, относящейся к эпохе бронзы.

Особенно следует отметить сцену в долине р. Цагаан-Гол, центральным персонажем которой является крупный олень (ок. 107 см в длину) в монголо-забайкальском стиле, воспроизведенный с четырьмя ногами [Там же, рис. 1165, фото 62]. Он изображен с козлами, собаками и лучником и, что особенно примечательно, так же как в долине р. Талдуры, – на отдельном валуне.

Таким образом, большим количеством и разнообразием сцен, в составе которых участвует подобный стилизованный олень, отличаются петроглифы Монгольского и юга Российского Алтая. Часто он изображен в качестве объекта охоты в сценах с участием пешего или конного лучника и собак: Хар-Салаа III [Там же, рис. 261], Цагаан-Гол [Там же, рис. 1165, фото 62], Елангаш, участок 5 [Окладников и др., 1980, табл. 1, *5*], сценах терзания волками или собаками (Цагаан-Салаа I) [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 2005, рис. 5, 50, 69, 817, 978, 1014], в одной композиции с другими животными и людьми (Хар-Салаа IV, VI, Хар-Чулуу, Цагаан-Салаа I) [Кубарев В.Д., 2009, рис. 402, 673, 685, 1004, 1006 и др.; Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 2005, рис. 596,

948, 1232]. Излюбленными были также парные изображения оленя и оленухи (Хар-Салаа IV, VI) [Кубарев В.Д., 2009, рис. 388, 691 и др.].

Несколько реже встречаются сюжеты вписанных друг в друга оленей, напоминающих композиции на оленных камнях: Хар-Салаа IV [Там же, рис. 397], Хар-Чулуу [Там же, рис. 1149], Цагаан-Гол [Там же, рис. 1148, 1149].

Тот факт, что олени в монголо-забайкальском стиле многократно оказываются вписанными в сцены петроглифов, относящихся к эпохе бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.), по моему мнению, позволяет датировать и собственно изображения оленей этим временем. Это в полной мере относится и к композиции на талдуринском валуне. Любопытно, что один из оленей, выполненный в такой же манере в петроглифах Елангаша, имеет внутри геометрические фигуры (треугольники, квадраты и т.п.) [Окладников и др., 1980, табл. 84, *1*]. Э.А. Новгородова называла подобный стиль в изображении животных «декоративным» и относила такие петроглифы к эпохе развитой бронзы [Новгородова, 1989, с. 169]. Оленные камни первого типа (стелы с оленями монголо-забайкальского стиля) исследовательница датировала второй половиной II тыс. до н.э. и привела убедительные аналогии реалиям, изображенным на этих стелах [Там же, с. 187–193]. В.Д. Кубарев, основываясь на своих наблюдениях, также предложил пересмотреть и удревнить возраст некоторых петроглифов Монгольского Алтая, относимых обычно к раннескифскому периоду, примерно до середины II тыс. до н.э. [2009, с. 32]. Прежде всего, имея в виду изображения оленей в монголо-забайкальском стиле.

Древнего художника привлекли приметность огромного валуна, мимо которого было сложно пройти, а также, вероятно, та панорама на долину реки Талдура, которая открывается с этого места. В наше время рядом с валуном проходит дорога, которая, вполне возможно, была проложена по древней горной тропе. Если это предположение верно, то фигура оленя, кроме определенной знаковости (в качестве изображения жертвенного животного?), могла играть роль ориентира (наряду с самим валуном). Такую же роль в числе прочего выполняли любые вертикально установленные древние стелы и изваяния в центрально-азиатском регионе, включая собственно оленные камни. Нанесенная на валун поверх оленя раннесредневековая тамга также имеет большие размеры и могла играть роль межевого знака и ориентира, видимого издали. Пожалуй, единственная близкая аналогия такой тамге (с добавлением двух точек) известна в раннесредневековых петроглифах Цагаан-Салаа I в Монгольском Алтае [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 2005, рис. 47].

Список литературы

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.

Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). – М.: Наука, 1989. – 384 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). – Новосибирск: Наука, 1979. – 136 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1980. – 140 с.

Черемисин Д.В. Стиль оленных камней в петроглифах Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий: мат-лы Междунар. симпоз. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 609–614.

Черемисин Д.В. Еще раз об интерпретации образа оленя в наскальных изображениях и на каменных изваяниях Южной Сибири и Центральной Азии // Homo Eurasicus у врат искусства: сб. тр. Междунар. конф. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 302–306.

References

Cheremisin D.V. Stil’ olennykh kamnei v petroglifakh Altaya. In *Sibir’ v panorame tysyacheletii: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, vol. 1, pp. 609–614 (in Russ.).

Cheremisin D.V. Eshche raz ob interpretatsii obraza olenya v naskal’nykh izobrazheniyakh i na kamennykh izvayaniyakh Yuzhnoi Sibiri i Tsentral’noi Azii. In *Homo Eurasicus u vrat iskusstva: sbornik trudov mezhdunarodnoi konferentsii*. St. Petersburg: Asterion Publ., 2009, pp. 302–306 (in Russ.).

Kubarev V.D. Drevnie izvayaniya Altaya (olennye kamni). Novosibirsk: Nauka Publ., 1979, 120 p. (in Russ.).

Kubarev V.D. Petroglify Shiveet-Khairkhana (Mongol’skii Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, 420 p. (in Russ.).

Kubarev V.D., Tseveendorj D., Jacobson E. Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oigura (Mongol’skii Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, 640 p. (in Russ.).

Novgorodova E.A. Drevnyaya Mongoliya (nekotorye problemy khronologii i etnokul’turnoi istorii). Moscow: Nauka, 1989, 384 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P., Okladnikova E.A., Zaporozhskaya V.D., Skorynina E.A. Petroglify doliny reki Elangash (yug Gornogo Altaya). Novosibirsk: Nauka, 1979, 136 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P., Okladnikova E.A., Zaporozhskaya V.D., Skorynina E.A. Petroglify Gornogo Altaya. Novosibirsk: Nauka, 1980, 140 p. (in Russ.).

УДК 902.01

Г.И. Марковский[1], Н.Е. Белоусова[1], Н.В. Сердюк[2], С.К. Васильев[1], А.И. Кривошапкин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
E-mail: markovskyyy@gmail.com

Исследование голоценовых отложений пещеры Страшной в 2017 году

В полевом сезоне 2017 г. отрядом ИАЭТ СО РАН продолжены археологические работы в пещере Страшной, расположенной в Северо-Западном Алтае. Произведены раскопки слоев периода голоцена перед входом в галерею в западной части пещеры. В результате рыхлые отложения были исследованы на площади 4 м^2, на глубину до 0,65 м, выявлено 2 литологических подразделения, зафиксировано 3 горизонта распределения археологического материала. Находки из двух верхних горизонтов, представленные неорнаментированными фрагментами керамики, костяными наконечниками стрел и небольшими украшениями из бронзы и камня, предварительно соотнесены с разными периодами Средневековья. Орнаментированные фрагменты керамических сосудов из нижнего горизонта связаны с афанасьевской культурой. Аналоги материалов из голоценовых отложений пещеры Страшной можно найти в коллекциях многих археологических памятников Горного Алтая (Денисова пещера, пещера Окладникова, пещера Каминная).

Ключевые слова: *Северо-Западный Алтай, пещера Страшная, голоцен, Средневековье, эпоха раннего металла, афанасьевская культура.*

G.I. Markovsky[1], N.E. Belousova[1], N.V. Serdyuk[2], S.K. Vasilyev[1], A.I. Krivoshapkin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]A.A. Borissiak Paleontological Institute RAS
E-mail: markovskyyy@gmail.com

Research of the Holocene Deposits in Strashnaya Cave in 2017

In the field season of 2017, the archaeological team of IAET SB RAS continued excavations in the central part of the Strashnaya Cave located in the Northwestern Altai. Two Holocene layers were studied in the western part of the cave at the entrance zone of the gallery. As a result, unconsolidated deposits were excavated on the area of 4 m^2 to the depth of 0. 65 m. Two lithological layers have been identified and three archaeological horizons have been discovered. Findings from two upper horizons (undecorated pottery fragments, bone arrowheads, small bronze and stone adornments) have been tentatively correlated with different periods of the Middle Ages. Decorated pottery fragments from the lower horizon are associated with the Afanasievo culture. The parallels to the findings from Strashnaya Cave can be found in the collections of artifacts from other archaeological sites in the Altai (Denisova, Okladnikova, and Kaminnaya Caves).

Keywords: *Northwestern Altai, Strashnaya Cave, Holocene, Middle Ages, Afanasievo culture.*

Летом 2017 г. отрядом ИАЭТ СО РАН продолжены работы на многослойном археологическом объекте пещера Страшная, расположенном в предгорьях Северо-Западного Алтая. В западной части пещеры, перед входом в галерею, заполненную рыхлыми отложениями, сотрудники отряда производили раскопки слоев периода голоцена.

Как археологический объект пещера Страшная известна с 1966 г. Первые исследования памятника проводились Н.Д. Оводовым в 1969–1970 гг., тогда же было установлено наличие археологического материала в самой верхней пачке рыхлых отложений [Окладников и др., 1973]. В последующие годы разными группами исследователей вскрыва-

лись слои периода голоцена на площади ок. 95 м^2 в пещере и на предвходовой площадке. В ходе работ 2017 г. голоценовые отложения исследованы на площади 4 м^2, на глубину до 0,65 м. Было выявлено 2 литологических слоя и зафиксировано 3 горизонта распределения археологического материала.

Стратиграфическая ситуация на западном участке пещеры Страшной отличается от стратиграфической последовательности голоценовых отложений в центральной части пещеры, подробно описанной предыдущими исследователями [Зенин, Ульянов, 2007]. Стратиграфия культурных отложений на западном участке выглядит следующим образом (рис. 1).

Слой 1, зафиксированный на ранее исследованных участках, в процессе работ 2017 г. не выявлен.

Слой 2 сохранил деление на верхнюю и нижнюю части [Там же], однако мощность отложений увеличилась более чем в 2 раза. При этом части слоя начинают сильно различаться по цвету, механическому составу и включениям.

Верхняя часть – суглинок легкий, буровато-коричневый, слабопластичный, с мелкозернистой структурой, слабоодресвяненный. Текстура тонкослоеватая (слойки мощностью от 3 до 10 мм), протяженностью от 0,05 до 0,25 м. Отмечаются включения щебня до 0,07 м в поперечнике, преимущественно изометричной формы. Мощность верхней части слоя 2 – до 0,16 м.

Нижняя часть – суглинки средние палевых, серых и темно-серых тонов, слабопластичные, мелкозернистые, одресвяненные. Текстура горизонтально-слоистая с включениями субгоризонтально ориентированного разноразмерного щебня и мелких глыб. Обломки преимущественно уплощенные и плитчатые, формируют прерывистые горизонты и скопления. В отложениях нижней части слоя 2 фиксируются два темно-серых углистых прослоя. В подошве первого прослоя обнаружено небольшое кострище. Мощность – 0,42–0,6 м.

Остеологический материал из голоценовых отложений отличается хорошей сохранностью. Среди остатков представителей крупных млекопитающих наиболее многочисленны кости козлов или баранов *Capra Ovis*, а также дикого быка *Bos taurus*, реже встречаются остатки зайца-беляка *Lepus timidus,* собаки *Canis familiaris* и лисы *Vulpes vulpes*.

В коллекции остатков мелких млекопитающих присутствуют не только разрозненные зубы, длинные кости конечностей, но и почти целые черепа и нижние челюсти. В голоценовых отложениях пещеры, по сравнению с плейстоценовыми, отсутствуют остатки сурков, тушканчиков, степных и желтых пеструшек. Имеются находки скальных полевок, цокора, представителей лесной биоты: лесных полевок. В бóльшем количестве, чем в плейстоценовых слоях, присутствуют остатки насекомоядных и летучих мышей (среди которых отмечены северный кожанок *Eptesicus nilssonii*, ушан Огнева *Plecotus ognevi*, ночницы: остроухая – *Myotis blythii*, Брандта – *M. brandtii*, водяная *M. daubentonii*). Среди насекомоядных отмечены бурозубки рода *Sorex* и эндемик – алтайский крот *Asioscslops altaica*. Стоит, однако, отметить, что больший объем материала рукокрылых, насекомоядных и его сохранность может быть связана также и с тафономическими процессами.

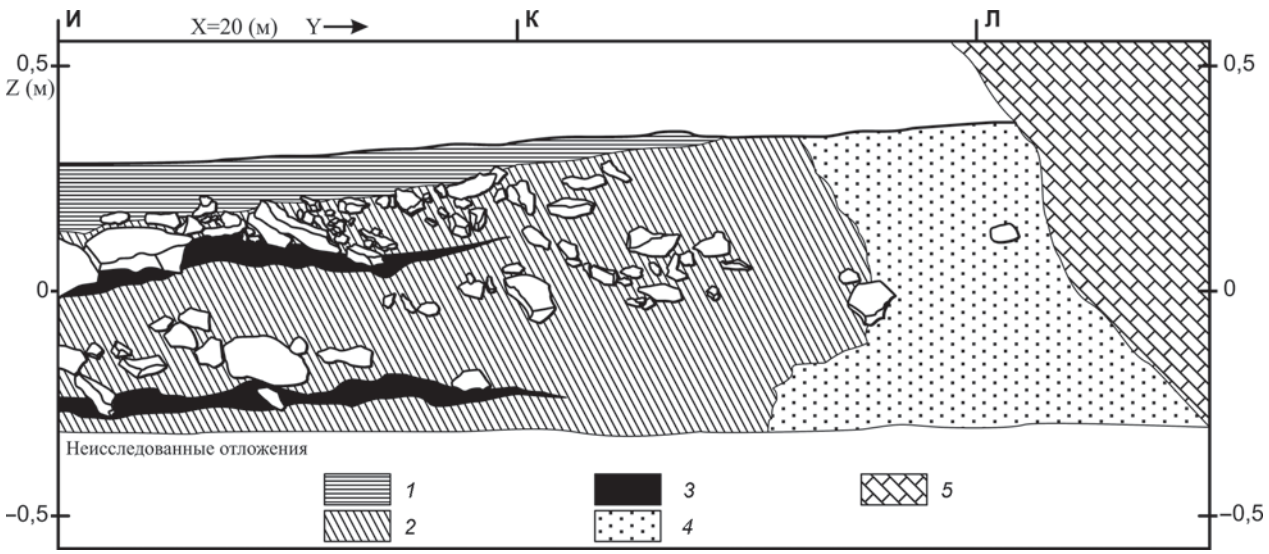

Рис. 1. Стратиграфический разрез голоценовых отложений пещеры Страшной по линии 20, полученный в результате полевых работ 2017 г.

1 – слой 2, верхняя часть; *2* – слой 2, нижняя часть; *3* – углистый прослой; *4* – пристенный участок; *5* – известняк (стены пещеры).

Остеологическая коллекция по мелким млекопитающим, полученная в ходе полевых исследований 2017 г., идентична коллекциям из голоценовых отложений пещеры Страшной предыдущих лет [Зенин, Сердюк, 2007]. Состав фауны в целом указывает на перестройку растительных сообществ, произошедшую на рубеже позднего плейстоцена – голоцена. Доминировавшие ранее открытые пространства (степи, пустыни, полупустыни) постепенно замещаются таежными сообществами, которые в настоящее время играют первостепенную роль в окружающем ландшафте пещеры Страшной.

Археологический материал голоценовых отложений немногочисленен, его пространственное распределение позволяет говорить о трех горизонтах залегания находок:

Горизонт 1 совпадает с верхней частью литологического слоя 2 и представлен отщепами без вторичной обработки (2 экз.) и фрагментами лепных керамических сосудов без орнамента (2 экз.).

Горизонт 2 приурочен к кровле нижней части слоя 2. Здесь были обнаружены черешковые костяные наконечники (3 экз.) (рис. 2, *6–8*), бронзовые выпуклые нашивные бляшки (3 экз.) (рис. 2, *4*), неорнаментированные фрагменты лепных керамических сосудов (4 экз.) (рис. 2, *1*), мелкий фрагмент неопределимого изделия из агата и отщеп без вторичной обработки. В горизонте обнаружены резец и первая фаланга пальца руки человека современного вида (по определению С.К. Васильева). Разрозненные антропологические останки и ранее фиксировались в голоценовых отложениях пещеры Страшной [Кривошапкин и др., 2015]. Также в слое выявлено кострище, располагавшееся на 0,05 м ниже уровня залегания находок. Углистое пятно имело продолговатую неровную форму, мощность до 0,08 м, размеры 0,50 × 0,25 м, длинной осью ориентировано по линии З – В. Кроме остатков углей в границах пятна зафиксированы немногочисленные обгоревшие фрагменты костей крупных млекопитающих. Большое количество обломков известняка в слое на уровне фиксации кострища не дает возможности однозначно говорить о наличии или отсутствии обкладки.

Горизонт 3 зафиксирован в подошве нижней части слоя 2 и представлен отщепами без вторичной обработки (9 экз.), крупными продолговатыми колотыми гальками (3 экз.) и фрагментами сосудов с орнаментом (8 экз.) (рис. 2, *2*, *3, 5*).

Находки из двух верхних горизонтов можно предварительно соотнести с разными периодами Средневековья. Костяные наконечники из коллекции 2017 г. имеют широкие аналогии в средневековых культурах Сибири. Морфологически схожие

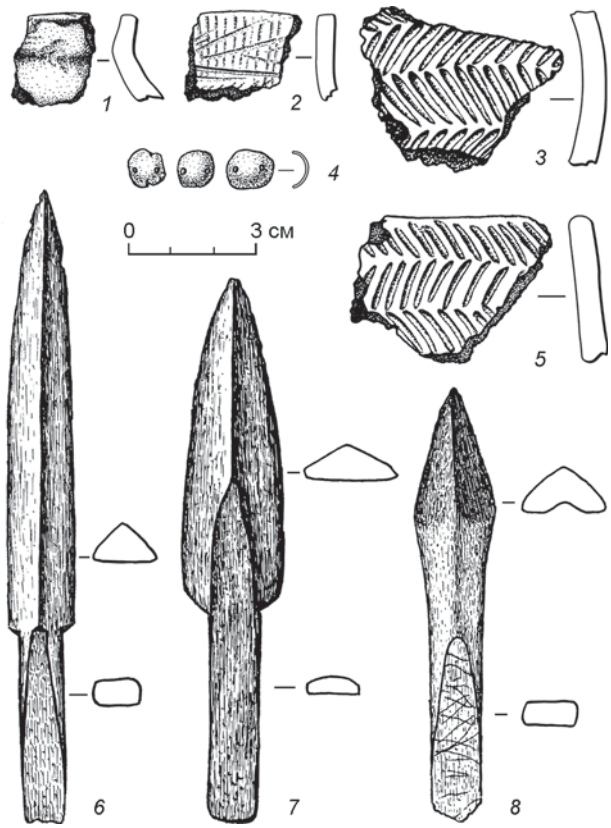

Рис. 2. Находки из голоценовых отложений пещеры Страшной.

1 – фрагмент керамического сосуда без орнамента из горизонта 2; *2, 3, 5* – орнаментированные фрагменты керамических сосудов из горизонта 3; *4* – бронзовые нашивные бляшки из горизонта 2; *6–8* – костяные наконечники из горизонта 2.

наконечники и ранее фиксировались в верхних слоях пещеры Страшной [Окладников и др., 1973], а также в голоценовых отложениях других многослойных памятников Алтая [Деревянко, Молодин, 1994]. Остальные находки из первого и второго археологических горизонтов также не могут обеспечить точной хронологической привязки.

Фрагменты керамических сосудов из третьего горизонта залегания находок орнаментированы горизонтальными рядами разнонаправленных наклонных оттисков (т.н. елочка) (рис. 2, *3, 5*), либо сочетанием горизонтальных рядов вертикальных и наклонных оттисков (рис. 2, *2*). Согласно устному сообщению акад. В.И. Молодина, эти фрагменты керамики следует отнести к афанасьевской культуре эпохи раннего металла. В процессе работ предыдущих лет в пещере Страшной исследователям неоднократно встречались фрагменты сосудов с орнаментом в виде горизонтальной «елочки», характерным для этой культурной традиции [Зенин, 2009; Кривошапкин и др., 2015]. Материалы афанасьевской культуры также обнаружены и в голоценовых отложениях других пещерных стоянок

Алтая: пещеры Денисова [Деревянко, Молодин, 1994], Окладникова и Каминная [Степанова, Поляков, 2010]. Ближайшим к пещере Страшной памятником афанасьевской культуры является курганный могильник Инской Дол, расположенный в 19 км к северу в окрестностях с. Чинета [Дашковский, 2016]. Наряду с Инским Долом пещера Страшная является одним из самых западных памятников афанасьевской культуры. Другая, наиболее близкая группа объектов той же культурной атрибуции, расположена в 42 км к востоку в окрестностях с. Покровка: курганные могильники Покровка-4, -5, -6, Покровский Лог-3, -4, -5, поселение Усть-Черновая [Вадецкая, Полякова, Степанова и др., 2014].

Несмотря на немногочисленность находок, полученных в процессе раскопок голоценовых отложений в 2017 г., общая коллекция артефактов эпохи раннего металла, собранная за годы исследований пещеры Страшной, насчитывает сотни экземпляров: фрагменты керамики, украшения, изделия из кости и камня. Для конкретизации выводов о хронологической и культурной принадлежности данного материала необходим анализ всей коллекции артефактов из голоценовых слоев пещеры Страшной, а также поиск аналогий в материалах синхронных памятников Горного Алтая.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Вадецкая Э.Б., Полякова А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. – Барнаул.: Азбука, 2014. – 380 с.

Дашковский П.К. Курганы эпохи энеолита на могильнике Инской дол (Алтай) // Изв. Алт. гос. ун-та. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. – Т. 92, № 4. – С. 230–237.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. I. – 262 с.

Зенин А.Н. Отчет об археологических исследованиях пещеры Страшная в 2008 году. – Новосибирск, 2009. – 185 с.

Зенин А.Н., Сердюк Н.В. Фауна мелких млекопитающих из верхней пачки отложений в пещере Страшная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 100–104.

Зенин А.Н., Ульянов В.А. Стратиграфические исследования в пещере Страшная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 105–109.

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Шалагина А.В., Рудая Н.А. Характеристика верхней пачки отложений пещеры Страшной по материалам раскопок 2015 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 99–102.

Окладников А.П., Муратов В.М., Оводов Н.Д., Фриденберг Э.О. Пещера Страшная – новый памятник палеолита Алтая // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973. – Ч. 2. – С. 3–54.

Степанова Н.Ф., Поляков А.В. Афанасьевская культура: история изучения и современное состояние // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – Вып. I. – С. 4–16.

References

Dashkovskii P.K. Kurgany epokhi eneolita na mogil'nike Inskoi dol (Altai). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2016, No. 4, vol. 92, pp. 230–237 (in Russ.).

Derevyanko A.P., Molodin V.I. Denisova peshchera. Novosibirsk: Nauka, 1994, pt. I, 262 p. (in Russ.).

Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Shalagina A.V., Rudaya N.A. Kharakteristika verkhnei pachki otlozhenii peshchery Strashnoi po materialam raskopok 2015 goda. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 99–102 (in Russ.).

Okladnikov A.P., Muratov V.M., Ovodov N.D., Fridenberg E.O. Peshhera Strashnaja – novyj pamjatnik paleolita Altaja. In *Materialy po arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka.* Novosibirsk, 1973, pt. 2, pp. 3–54 (in Russ.).

Stepanova N.F., Polyakov A.V. Afanas'evskaya kul'tura: istoriya izucheniya i sovremennoe sostoyanie. In *Afanas'evskii sbornik*. Barnaul: Azbuka, 2010, vol. I, pp. 4–16 (in Russ.).

Vadetskaya E.B., Polyakova A.V., Stepanova N.F. Svod pamyatnikov afanas'evskoi kul'tury. Barnaul: Azbuka, 2014, 380 p. (in Russ.).

Zenin A.N. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh peshchery Strashnaya v 2008 godu. Novosibirsk, 2009, 185 p. (in Russ.).

Zenin A.N., Serdyuk N.V. Fauna melkikh mlekopitayushchikh iz verkhnei pachki otlozhenii v peshchere Strashnaya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, vol. XIII, pp. 100–104 (in Russ.).

Zenin A.N., Ul'janov V.A. Stratigraficheskie issledovanija v peshhere Strashnaja. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, vol. XIII, pp. 105–109 (in Russ.).

УДК 902/904

Ж.В. Марченко, А.Е. Гришин, Л.О. Понедельченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: afrika_77@mail.ru

Погребальные комплексы монгольского времени на памятнике Крохалевка-5 (работы 2014–2017 годов в Новосибирском Приобье)

Приведена характеристика новых материалов эпохи Средневековья могильника Крохалевка-5 (10 погребений). Акцент сделан на материалах почти ненарушенного кург. 75. Благодаря сохранности деревянных и берестяных элементов погребальных сооружений, реконструированы основные этапы и элементы обустройства погребальных камер и представлены разные варианты помещения тела в могилу (в колоде, в берестяном чехле-саване и без специальной емкости). Неординарной и узкодатирующей вещью является женский головной убор – бокка, которая позволяет отнести захоронения к XIII–XIV вв. Погребальная практика, инвентарь (асимметрично-ромбические, плоские, расширенные в верхней части железные наконечники) и в целом состав предметов указывают на параллели с комплексами Верхнего и Среднего Приобья в материалах басандайской и каменушинского этапа сросткинской культур.

Ключевые слова: *монгольское время, курганные захоронения, погребальная практика, Верхнее Приобье, Кудряшовский бор, басандайская и сросткинская культуры.*

Zh.V. Marchenko, A.E. Grishin, L.O. Ponedelchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: afrika_77@mail.ru

Burial Complexes of the Mongolian Period at the Krokhalevka-5 Site (Research of 2014–2017 in the Novosibirsk Ob River Basin)

The article presents new materials from the Medieval site of Krokhalevka-5 (10 burials) with the special focus on almost undisturbed burial mound 75. Thanks to good preservation of wooden and birch bark elements of burial structure, main stages and features of burial chamber and different practices of body placement (in wooden slab, birch bark shroud, or without special burial container) can be reconstructed. The female "bokka" headdress is a distinctive object which makes it possible to date the burials to the 13th–14th centuries. Burial practices, grave goods (flat asymmetric rhombic iron arrowheads expanding in the upper part) and the general set of objects reveals the similarities with the Upper and Middle Ob River complexes of the Basandaika culture and the Kamenushinsky stage of the Srostki cultures (the stage).

Keywords: *Mongolian period, burial mounds, burial practice, Upper Ob River basin, Kudryashovsky pine forest.*

Курганный могильник Крохалевка-5 выявлен В.И. Молодиным и в дальнейшем в разные годы изучался Е.А. Сидоровым, А.В. Новиковым, Т.Н. Троицкой, С.Г. Росляковым, Г.И. Галяминой, Л.Н. Мыльниковой, В.А. Суминым, И.А. Дураковым и Д.Е. Ануфриевым. Основная часть изученных курганов относится к первой половине II тыс. (XIII–XV вв. [Галямина, 1987]). Всего на данный момент в состав памятника включено 107 насыпей [Археологические памятники…, 2013, с. 38–40].

В 2014–2017 гг. отряд ИАЭТ СО РАН продолжил работы на юго-западной периферии памятника, на краю надпойменной террасы. Данный участок находится в современной усадьбе и поэтому часть курганов могла быть снивелирована. К моменту работ сохранились только три кургана со следами проникновения (№ 75–77). Всего за данный период

на площади 860 кв. м было исследовано десять погребений эпохи Средневековья. Пять захоронений (погр. 14, 20, 25–27)* располагались под кург. 75. По одной могиле находилось под насыпями 76 (погр. 8) и 77 (погр. 15). Насыпи не зафиксированы над мог. 17, 18, 45. Четыре захоронения (погр. 8, 15, 17, 18) были практически полностью нарушены в древности. В них сохранились лишь участки ям с фрагментами деревянных и берестяных предметов и некоторые кости скелета. Примечательно, что лаз в кург. 75 проходил через центр насыпи и разрушил только верхнюю часть мог. 25. Остальные захоронения кург. 75 оставались ненарушенными (рис. 1, *1*). Поэтому в статье основной акцент будет сделан на погребальных комплексах именно этой насыпи.

Этот курган был сложен черной гумусированной супесью на насыпи эпохи раннего железа, а яма погр. 25 частично нарушила мог. 31 скифского времени. Остатки земляного сооружения имели округлую форму и размеры 10 × 12 м, высоту – 0,65 м. Под кург. 75 находились захоронения двух взрослых (погр. 25, 27) и трех детей (погр. 14, 20, 26) (рис. 1, *2*)**.

Центральным являлось погр. 25, ориентированное по линии ВЮВ – ЗСЗ. В ряд от него в 1 м к северу располагалась мог. 27, а в 1 м к югу – захоронение 20. Погребение 14, имея такую же ориентацию, находилось уже под полой кургана в 3 м южнее центрального захоронения. Несмотря на то, что в центре кургана находилась мог. 25, стратиграфические данные показывают, что женское погр. 27 сооружено раньше. Иную ориентацию – по линии СВ – ЮЗ – имело захоронение 26, расположенное на восточной периферии кургана. Но стратиграфически установлено, что могила была сооружена до момента формирования средневекового кургана и, следовательно, относится к основному комплексу. Другие средневековые захоронения имеют ориентацию по линии В – З, за исключением погр. 45, которое, как и мог. 26, позиционировано по линии СВ – ЮЗ.

Общим для десяти анализируемых захоронений является следующее. Захоронения индивидуальные. Размеры могилы напрямую зависят от роста погребенного и сооружались с запасом по длине. Глубина ям от современной поверхности – 0,7–1,2 м. У взрослых, а иногда и у детей контур ямы «в ногах» образовывал почти острый угол. Остальные погребения детей имели подпрямоугольную форму со скругленными углами. Во всех случаях при устройстве погребального сооружения использовались деревянные и берестяные конструкции и перекрытия. Однако в их использовании есть различия. При устройстве погребальной камеры для всех комплексов общим был следующий порядок действий. Сначала на дне ямы устанавливались три поперечные плашки или бревна, которые затем покрывались слоем бересты. Затем укладывалось тело (погр. 25, 27), иногда завернутое в подобие берестяного чехла (погр. 14, 15, 18) или помещенное в берестяной короб (погр. 20) или колоду (погр. 6). После, на расстоянии 0,2–0,6 м от дна ямы следовало перекрытие из продольных бревен или поперечных плах. Деревянное перекрытие покрывалось несколькими листами бересты. В итоге под перекрытием оставалось пространство, в которое со временем проседали все перекрывающие слои.

Общей чертой трех захоронений детей (погр. 14, 20, 26) в кург. 75 является поперечное перекрытие из плотно подогнанных друг к другу плах (досок?). В погребениях 25 (муж., 30–35)* и 27 (жен., 35–40) из этого кургана каркас перекрытия образовывали лишь несколько продольных бревен или жердей (4). Только в центральной части погр. 25 были отмечены два поперечных элемента перекрытия.

Интересен факт установки на слое выкида из мог. 27 у изголовной ее части хвойного дерева с раздвоенным стволом** (сохранившийся размер – 1,5 × 0,36 × 0,4 м)***. Данное захоронение женщины, судя по стратиграфии кургана, было первым в курганном комплексе, и установка дерева, вероятно, относится к моменту появления этой могилы. Скорее всего, на завершающем этапе формирования всего комплекса из пяти захоронений этот деревянный знак был завален вдоль захоронения 27 при сооружении земляного кургана. Кроме того, данный деревянный предмет был обожжен со всех сторон. Не исключено, что момент его обожжения относится ко времени сожжения деревянных конструкций в синхронном ритуальном объекте 133****, расположенном в 3,5 м к СВ от погр. 27 [Марченко и др., 2015].

---

*Нумерация погребений, изученных в 2014–2017 гг., сквозная.

**Рисунки выполнены М.Е. Медовиковой, Ю.Н. Гаркушей и д-ром ист. наук А.И. Соловьевым.

*Половозрастные определения сделаны М.С. Кишкурно и канд. ист. наук Д.В. Поздняковым.

**Преднамеренная посадка деревьев с раздвоенным стволом встречается на современных кладбищах коми, символизируя вход в потусторонний мир (см., напр.: [Голубкова, 2009, с. 66]). Хвойные деревья с раздвоенными стволами также встречаются на селькупских кладбищах XVIII в. (набл. Ж.В. Марченко в п. Кикки-Акки, ЯНАО).

***Определение рода древесины и характера ствола дано канд. ист. наук И.Ю. Слюсаренко.

****Здесь об. 133 не рассматривается, хотя очень вероятно его прямое отношение к средневековой насыпи 75 и погребениям в ней.

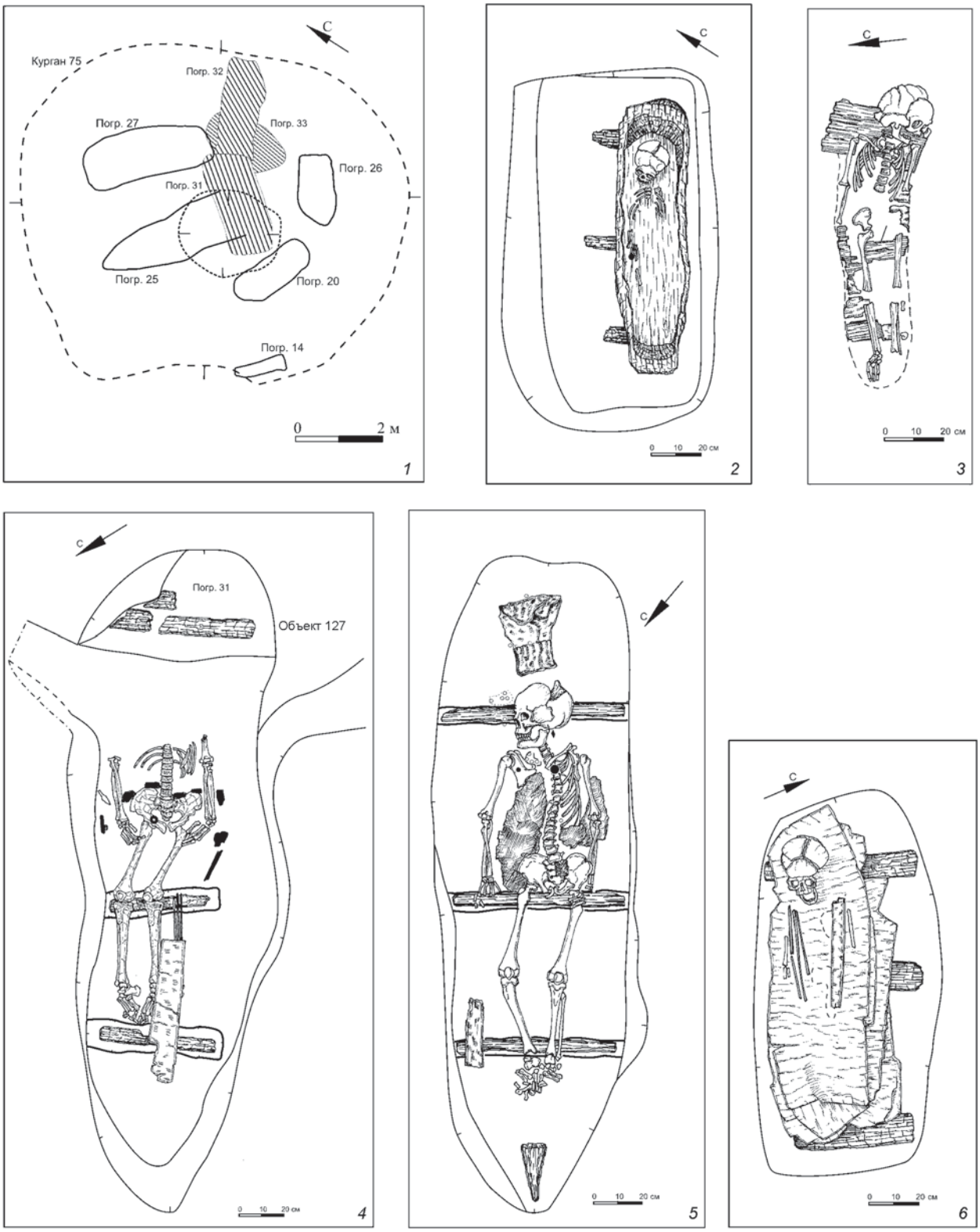

Рис. 1. Могильник Крохалевка-5.

1 – план кург. 75 и расположения могил (захоронения 31–33 относятся к периодам раннего железного века, бронзы и неолита); *2* – погр. 26; *3* – погр. 14; *4* – погр. 25; *5* – погр. 27; *6* – погр. 20.

Все умершие были уложены вытянуто на спину, чаще головой на восток, реже – на СВ (погр. 26, 45) и в одном случае на запад (погр. 20); руки были вытянуты вдоль тела, в одном случае сложены на груди, ноги иногда были чуть согнуты в коленях.

Практически во всех захоронениях элементы берестяного перекрытия имели следы перфорации, «заплаток», отдельных фрагментов-полосок со следами подгиба и прошивки, что указывает на их первоначальное бытовое использование.

Инвентарь более всего представлен в погребениях взрослых, с детьми найдены лишь единичные предметы (рис. 2). В мог. 25 сохранился колчан из дерева и бересты с набором железных

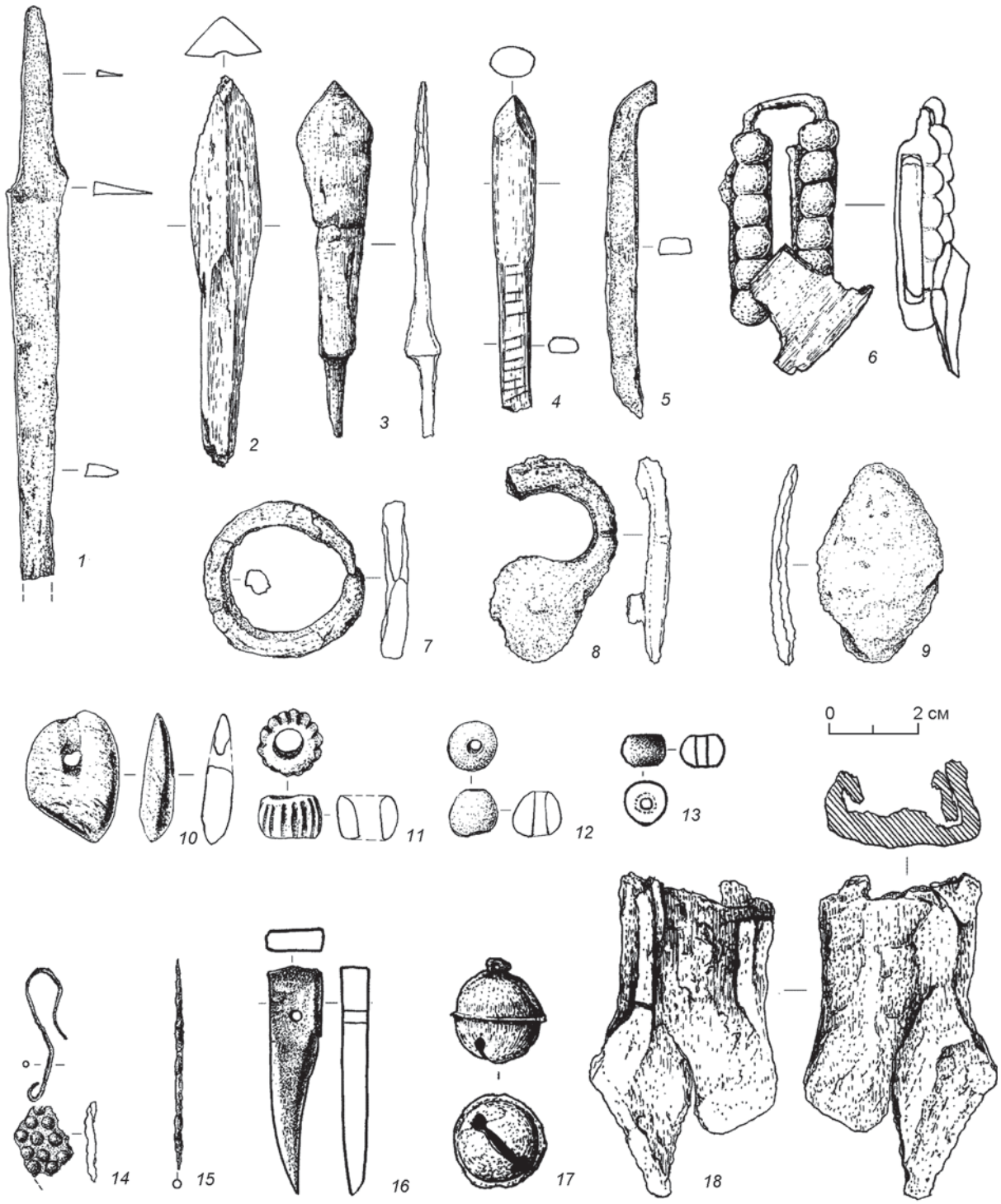

Рис. 2. Инвентарь средневековых захоронений могильника Крохалевка-5.
1–9 – погр. 25; *10–12, 14, 15* – погр. 27; *13* – погр. 14; *16* – погр. 15; *17* – погр. 26; *18* – погр. 45.
1, 3, 5, 7–9, 15, 18 – железо; *2, 4, 16* – кость; *6, 14, 17* – бронза; *10* – камень; *11–13* – стекло.

и костяных стрел. Железные проникатели представлены черешковыми наконечниками с вытянутой ромбовидной формой пера (3) и развильчатым срезнем. У раструба и в средней части колчана находились бронзовые обоймы и накладки (5), декорированные полусферическими элементами. Элементы пояса представлены железными слегка выпуклыми ромбическими накладками (4) и кольцом. Остальные находки – железный нож с черешком и железное кресало.

В захоронении 27 сохранилась берестяная основа женского головного убора – «бокки», украшенная зелено-голубыми, белыми, бежевыми стеклянными и каменными бисеринами и бусинами*. Одна из стеклянных бусин украшена продольными бороздками. Другие предметы погребального инвентаря это – бронзовая серьга ромбической формы с орнаментом в виде рядов полусфер, каменная подвеска, железная игла.

Инвентарь погр. 45 представлен железным предметами: сошником, ножом с черешком, а также скоплением сильно корродированных изделий. Рядом с нижней челюстью находились стеклянные бусины (2) белого цвета. Одна с гладкой, другая – с фигурной поверхностью. В мог. 26 с ребенком находился бронзовый бубенчик с прорезью.

В остальных захоронениях встречены: стеклянная бусина (погр. 14), костяной язычок для пряжки (погр. 15), фрагмент рогового предмета (погр. 17). В погребениях сохранились фрагменты шерстяной и шелковой одежды (погр. 18, 25, 27).

Узкодатирующим предметом является находка женского головного убора – бокки. Она является характерным элементом наряда замужних знатных женщин монгольского времени [Мыськов, 1995]. Кроме того, практически все остальные предметы встречаются среди погребального инвентаря могильников первой половины II тыс. в Верхнем и Среднем Приобье, в материалах т.н. басандайской культуры [Плетнева, 1997, Савинов, Новиков, Росляков, 2008] и в комплексах каменушинского этапа сросткинской культуры (XIII–XIV вв.) Новосибирского Приобья [Адамов, 2000]. Дальнейшее уточнение хронологии средневекового некрополя может быть связано с дендрохронологическим и радиоуглеродным датированием комплексов, которое уже начато, и с новыми находками и наблюдениями.

Список литературы

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2000. – 256 с.

Археологические памятники Коченёвского района Новосибирской области / В.А. Сумин, Е.М. Евтеева, Д.Е. Ануфриев, С.Г. Росляков. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия Новосиб. обл., 2013. – 272 с.

Галямина Г.И. Отчет о работах Коченёвского отряда на памятнике курганный могильник Крохалёвка-5 в Коченёвском районе (1987 г.) // Архив ИА РАН. Д. 12429.

Голубкова О.В. Душа и природа: этнокультурные традиции славян и финно-угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 304 с.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Кишкурно М.С., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новые данные по памятникам Крохалевского археологического микрорайона (Новосибирское Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 297–302.

Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой орды // РА. – 1995. – № 2. – С. 36–43.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 350 с.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура) / – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.

References

Adamov A.A. Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv. Tobolsk; Omsk: Omsk State Univ. Press, 2000, 256 p. (in Russ.).

Arkheologicheskie pamyatniki Kochenevskogo raiona Novosibirskoi oblasti / V.A. Sumin, E.M. Evteeva, D.E. Anufriev, S.G. Roslyakov. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennyi tsentr po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya, 2013, 272 p. (in Russ.).

Galyamina G.I. Otchet o rabotakh Kochenevskogo otryada na pamyatnike kurgannyi mogil'nik Krokhalevka-5 v Kochenevskom raione (1987 g.). Arkhiv IA RAN, D. 12429 (in Russ.).

Golubkova O.V. Dusha i priroda: etnokul'turnye traditsii slavyan i finno-ugrov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, 304 p. (in Russ.).

Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Kishkurno M.S., Galyamina G.I., Nazarova L.V. Novye dannye po pamyatnikam Krokhalevskogo arkheologicheskogo mikroraiona (Novosibirskoe Priob'e). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 297–302 (in Russ.).

Mys'kov E.P. O nekotorykh tipakh golovnykh uborov naseleniya Zolotoi ordy. In *Russian archaeology*,1995, No. 2, pp. 36–43 (in Russ.).

Pletneva L.M. Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arkheologicheskim istochnikam). Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1997, 350 p. (in Russ.).

Savinov D.G., Novikov A.V., Roslyakov S.G. Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandaiskaya kul'tura). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, 424 p. (in Russ.).

*Статья, посвященная бокке, готовится в настоящий момент к изданию.

УДК 902.2

О.А. Митько[1], Ю.С. Худяков[1, 2], С.Г. Скобелев[1, 2], А.И. Поселянин[3, 4], И.С. Половников[1]

[1]Новосибирский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
[3]Хакасский государственный университет
[4]Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
E-mail: omitis@gf.nsu.ru

Начало изучения таштыкского грунтового могильника Тесинский Залив-3 (Богорадский район, Республика Хакасия)

Могильник Тесинский Залив-3 был открыт в 2012 г. Работы на нем не проводились, и за истекшие 5 лет часть могил, расположенных на краю береговой террасы, оказалась разрушенной. В 2017 г. были определены границы памятника, зафиксировано 80 погребальных объектов и каменная стела, на боковой грани которой выбита фигура в виде тамги. Также была проведена магниторазведка. По полученным данным составлена карта с локальными участками аномальных проявлений. На северо-западной окраине могильника было заложено два раскопа. В раскопе II исследована могила 1, на дне которой находился деревянный сруб, ориентированный по линии запад – восток. Погребение оказалось потревоженным, сохранилась лишь часть керамического сосуда на поддоне и три шпильки, вырезанные из рога.

Ключевые слова: *левобережье Енисея, гунно-сарматское время, таштыкская культура, шпильки из рога.*

O.A. Mitko[1], Yu.S. Khudyakov[1, 2], S.G. Skobelev[1, 2], A.I. Poselyanin[3, 4], I.S. Polovnikov[1]

[1]Novosibirsk State University
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[3]Khakass State University
[4]Khakass Research Institute of Language, Literature and History
E-mail: omitis@gf.nsu.ru

Beginning of Research at the Tashtyk Earthen Burial Ground of Tesinsky Zaliv-3 (Bogradsky District, Republic of Khakassia)

The burial ground of Tesinskly Zaliv-3 was discovered in 2012. The research at the site had not been carried for the last five years and some of the graves on the edge of the coastal terrace became destroyed. In 2017, the boundaries of the site were established, and 80 burial objects and a stone stele were found. A tamga-like figure is pecked on the lateral side of the stele. Magnetic survey has been conducted, and a map with local areas of anomalies has been compiled. Two excavation pits were made at the northwestern periphery of the burial ground. Excavation pit II revealed grave 1, at the bottom of which a wooden frame oriented along west–east was found. The burial had been disturbed in the past, and only a part of ceramic vessel and three hairpins carved of horn have been preserved.

Keywords: *left bank of the Yenisei, Hunno-Sarmatian period, Tashtyk culture, hairpins of horn.*

Могильник Тесинский Залив-3 был открыт в 2012 г. археологическим отрядом под руководством с.н.с. Хакасского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры к.и.н. А.И. Готлибом. Работы в Богрaдском р-не проводились по заданию Министерства культуры Республики Хакасия и были связаны с мониторингом состояния объектов археологического насле-

дия, расположенных вдоль берега Красноярского водохранилища. В ходе обследования береговой линии водохранилища было выявлено 12 разновременных археологических памятников и в том числе могильник Тесинский Залив-3.

В июле 2017 г. в соответствии с реализацией программы развития Новосибирского государственного университета на 2016–2018 гг., включающей поддержку научных подразделений, Красноярский археологический отряд лаборатории гуманитарных исследований приступил к исследованию могильника. В работах принимали участие студенты отделения востоковедения Гуманитарного института, проходившие археологическую практику.

Памятник находится на степном участке предгорной террасы залива, образованного в месте впадения р. Тесь в Енисей, в 5,5 км к северу – северо-западу от с. Абакано-Перевоз. Река Тесь относится к степным низкотеррасовым рекам с медленным течением, хорошо разработанной долиной шириной от 2 до 7 км. В засушливые периоды отдельные участки русла пересыхают. При впадении в водохранилище она образует залив, ширина которого в разное время года может изменяться от 100 м до 2–3 км.

В месте дислокации могильника Тесинский Залив-3 высота террасы полого понижается с севера на юг: от 3–4 м в северной части могильника до 0,5 м в южной части. При этом край террасы постоянно осыпается в результате периодического подмыва водами водохранилища. С западной стороны памятник примыкает к трем крупным курганам, относящимся к тагарской культуре. В центральной части в направлении с северо-запада на юго-восток могильник пересекает полотно грунтовой проселочной дороги.

Летом 2017 г. была проведена тахиометрическая съемка и аэросъемка с помощью квадрокоптера, которые показали планиграфические особенности памятника, его положение относительно

Рис. 1. Вид сверху на могильник Тесинский Залив-3.

тагарских курганов, занимающих большую часть территории, прилегающей к заливу. Удалось установить точное количество видимых на поверхности объектов (81 объект), выделить отдельные компактные группы (рис. 1). Грунтовые могилы визуально фиксируются как западины округлой формы, их глубина колеблется от 0,4 м до 1,0 м, диаметр от 1,5 м до 3,0 м.

Помимо этого, на площади 1300 м² была проведена магниторазведка, которую под руководством преподавателей кафедры геофизики выполнили студенты геолого-геофизического факультета Новосибирского государственного университета, проходившие геофизическую практику на учебном полигоне в Ширинском р-не. После обработки данных ими была представлена карта локальных магнитных аномалий. Отмеченные участки аномальных проявлений являются важным дополнением к общей характеристике погребального комплекса и позволили внести коррективы в алгоритм его исследования.

Рис. 2. Изображение тамгообразного знака на стеле.

При определении степени сохранности памятника было отмечено, что ряд могил, расположенных на краю террасы, находятся в аварийном состоянии и в ближайшем будущем могут быть разрушены при осыпании берега. Так, при сравнении с инструментальным планом могильника, составленным в 2012 г., нами не были зарегистрированы две могильные ямы, по-видимому, обрушившиеся. При этом в нескольких местах обнажения террасы отмечены слабые следы тлена, а на галечном слое прибрежной линии зафиксированы фрагменты бревен от срубов обрушившихся погребений. Рядом с одним из них на современной дневной поверхности была обнаружена плечевая кость руки человека и поднято керамическое пряслице.

Каменные могильные конструкции на современной дневной поверхности могильника Тесинский Залив-3 не прослеживаются. Исключение составляет невысокая стела, вкопанная в центральной части памятника. На ее боковой грани, ориентированной на юго-восток, выбито контурное изображение, возможно, тамгообразного знака (рис. 2). Также рядом с западиной одного из самых крупных погребальных объектов отмечены слабо выступающие на современной дневной поверхности обломки трех каменных стел.

В северо-западной части могильника Тесинский Залив-3 было заложено два раскопа, один из которых (6 × 10 м) на месте расположения западины диаметром около 2 м и глубиной 0,4 м (могила 1). В центральной части могильной ямы, непосредственно под дерном, были зафиксированы в непотревоженном состоянии кости ног животного. Заполнение состояло из слоев плотного (смесь земли и щебня) грунта, глины и гумусированных включений. Яма оказалась очень глубокой (более 2,5 м, размеры 3,0 × 2,5 м), что нехарактерно для большинства известных таштыкских захоронений, раскопанных ранее на других памятниках. На дне могильной ямы находился двухвенцовый деревянный сруб со следами берестяного перекрытия, ориентированный по линии запад – восток. Плотный щебенистый грунт заполнения и особенно глубина могильной ямы могли служить гарантией сохранности захоронения от грабителей. Однако в срубе, не имевшем деревянного перекрытия, были обнаружены лишь отдельные части скелета человека: часть черепной коробки, нижняя челюсть, голень и несколько мелких плохо сохранившихся фрагментов ребер. От сопроводительного инвентаря уцелели лишь нижняя часть ке-

рамического сосуда на поддоне и три шпильки, вырезанные из рога. Шпильки близки по размеру (ок. 6 см), круглые в сечении, хорошо заполированы, одна из них с небольшой шляпкой. Подобными шпильками таштыкские женщины удерживали головные уборы и закалывали ими косы в берестяные накосники [Вадецкая, 1999, с. 49–54]. В качестве шпилек их использовали еще на тесинском этапе тагарской культуре. В ряде случаев они фиксируются в детских захоронениях, в погребениях взрослых не только в районе черепа, но и у ног.

Роговые булавки таштыкской культуры чаще всего имеют гвоздевидные или шаровидные верхние окончания. Они характерны для грунтовых могил, в склепах не обнаружено ни одной находки. Однако на могильнике Маркелов Мыс II, где грунтовые могилы отсутствуют, роговая булавка была обнаружена в погребении под каменной выкладкой, относящейся к позднеташтыкскому камешковскому этапу.

Сравнительно-типологический анализ предметов инвентаря позволяет предварительно отнести погребение к женскому захоронению и датировать могильник в широком хронологическом диапазоне I–IV вв. н.э.

Как отмечалось, могильник Тесинский Залив-3 находится в аварийном состоянии, что требует его скорейшего дальнейшего изучения. Необходимо подчеркнуть, что он расположен в прибрежной зоне Енисея, которая отличается от других районов региона очень высокой концентрацией археологических памятников, изучение которых началось более 300 л.н. с деятельности первых академических экспедиций. В долине р. Тесь участниками экспедиции раскапывались курганы, относящиеся к тагарской культуре, были обнаружены и зарисованы петроглифические рисунки, собраны коллекции находок и получены сведения об устройстве погребальных памятниках от бугровщиков из д. Малые Копёны, стоявшей на берегу Енисея в 2 км к северу от могильника Тесинский Залив-3. В 30-х гг. XX в. на расположенном рядом с этой деревней поселении енисейских кыргызов и одном из самых больших их погребальных памятников – Копенском чаатасе, С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой был сделан ряд открытий, включая находку уникальных художественных изделий из драгоценных металлов [Евтюхова, 1948, с. 30–40].

Особенно интенсивное изучение территории Тесинского залива пришлось на время строительства Красноярской ГЭС, когда были развернуты масштабные археологические работы, имевшие аварийно-спасательный характер. В период 1958–1975 гг. Красноярской археологической экспедицией, возглавляемой М.П. Грязновым, были раскопаны сотни разнообразных памятников эпохи бронзы и раннего железного века.

Картирование грунтовых могильников показывает, что могильник Тесинский Залив-3 является одним из звеньев цепочки ярких памятников таштыкской культуры, протянувшихся вдоль левобережья Енисея в пределах Сыдо-Ербинской котловины. В их числе могильник Оглахты, где в начале и середине прошлого века были открыты захоронения мумифицированных тел, и могильник Абакано-Перевоз-1 с погребальными масками и разнообразным сопроводительным инвентарем [Готлиб, 2008].

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 1.4539.2017/8.9).

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 440 с.

Готлиб А.И. Специфические черты погребальной обрядности таштыкского грунтового могильника Абакано-Перевоз // Актуальные проблемы исторического краеведения в Сибири. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2008. – С. 40–45.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: Советская Хакасия, 1948. – 109 с.

References

Gotlib A.I. Spetsificheskiye cherty pogrebal'noy obryadnosti tashtykskogo gruntovogo mogil'nika Abakano-Perevoz. In *Aktual'nye problemy istoricheskogo kraevedeniya v Sibiri.* Abakan: Khakass State Univ. Press, 2008, pp. 40–45 (in Russ).

Vadetskaya E.B. Tashtykskaya epokha v drevney istorii Sibiri. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1999, 440 p. (in Russ).

Yevtyukhova L.A. Arkheologicheskiye pamyatniki yeniseyskikh kyrgyzov (khakasov). Abakan: Sovetskaya Khakasiya, 1948, 109 p. (in Russ).

УДК 902.2

В.И. Молодин[1–3], И.А. Дураков[1, 3], Д.А. Ненахов[1], С. Райнхольд[4], Н.С. Ефремова[1], Д.В. Селин[1, 2], М.С. Нестерова[1], Ю.Н. Ненахова[1, 2], С. Хансен[4], Л.Н. Мыльникова[1, 2], Л.С. Кобелева[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Новосибирский государственный педагогический университет
[4]Германский археологический институт
E-mail: idurakov@yandex.ru

Система организации сакрального пространства в погребальных комплексах андроновского (федоровского) населения Барабинской лесостепи. Памятник Тартас-1

Статья посвящена изучению погребально-поминальных комплексов андроновской (федоровской) культуры на могильнике Тартас-1 (Центральная Бараба). Отмечается ряд специфических черт в погребальной практике оставившего его населения. В северо-западной части памятника выявлен участок, демонстрирующий новые черты организации сакрального пространства. Они заключаются в сооружении системы окружающих могилы, соприкасающихся кольцеобразных ровиков и глубоких вытянутых ям. На сегодняшний день исследовано 20 таких сооружений, содержащих 32 погребения. Все они совершены по классическим андроновским (федоровским) канонам. Вместе с тем в керамике доминирует упрощенная орнаментация. Отмечено наличие северного раннесузгунского орнаментального сюжета, свидетельствующего о неких северо-западных импульсах, интегрированных в андроновский (федоровский) комплекс.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, эпоха бронзы, погребальный обряд, андроновская (федоровская) культура.*

V.I. Molodin[1–3], I.A. Durakov[1, 3], D.A. Nenakhov[1], S. Reinhold[4], N.S. Efremova[1], D.V. Selin[1, 2], M.S. Nesterova[1], Yu.N. Nenakhova[1, 2], S. Hansen[4], L.N. Mylnikova[1, 2], L.S. Kobeleva[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Novosibirsk State Pedagogical University
[4]German Archaeological Institute
E-mail: idurakov@yandex.ru

System of Organizing the Sacred Space in the Burial Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Population in the Baraba Forest-Steppe Region. The Site of Tartas-1

The article focuses on the study of funeral complexes of the Andronovo (Fedorovo) culture of the Tartas-1 multilayer burial ground (the Central Baraba). There is a number of specific features in the funerary practice of Andronovo (Fedorovo) population which left this cemetery. An area demonstrating new features of organizing the sacred space was found in the northwestern part of the burial ground. A system of ring-shaped ditches and deep elongated pits surrounding the graves and adjoining each other was made at the site. Currently, twenty of such structures containing thirty-two burials have been examined. All burials were made according to the typical Andronovo (Fedorovo) canons. At the same time, simplified ornamental decoration was dominant in the ceramics, and only a few elegant pots with meander-like ornamentation have been found. The presence of the northern early Suzgun ornamental motifs have been observed, which may indicate some northwestern (forest-steppe) impacts integrated into Andronovo (Fedorovo) funeral complex.

Keywords: *Western Siberia, Bronze Age, funeral rite, Andronovo (Fedorovo) culture.*

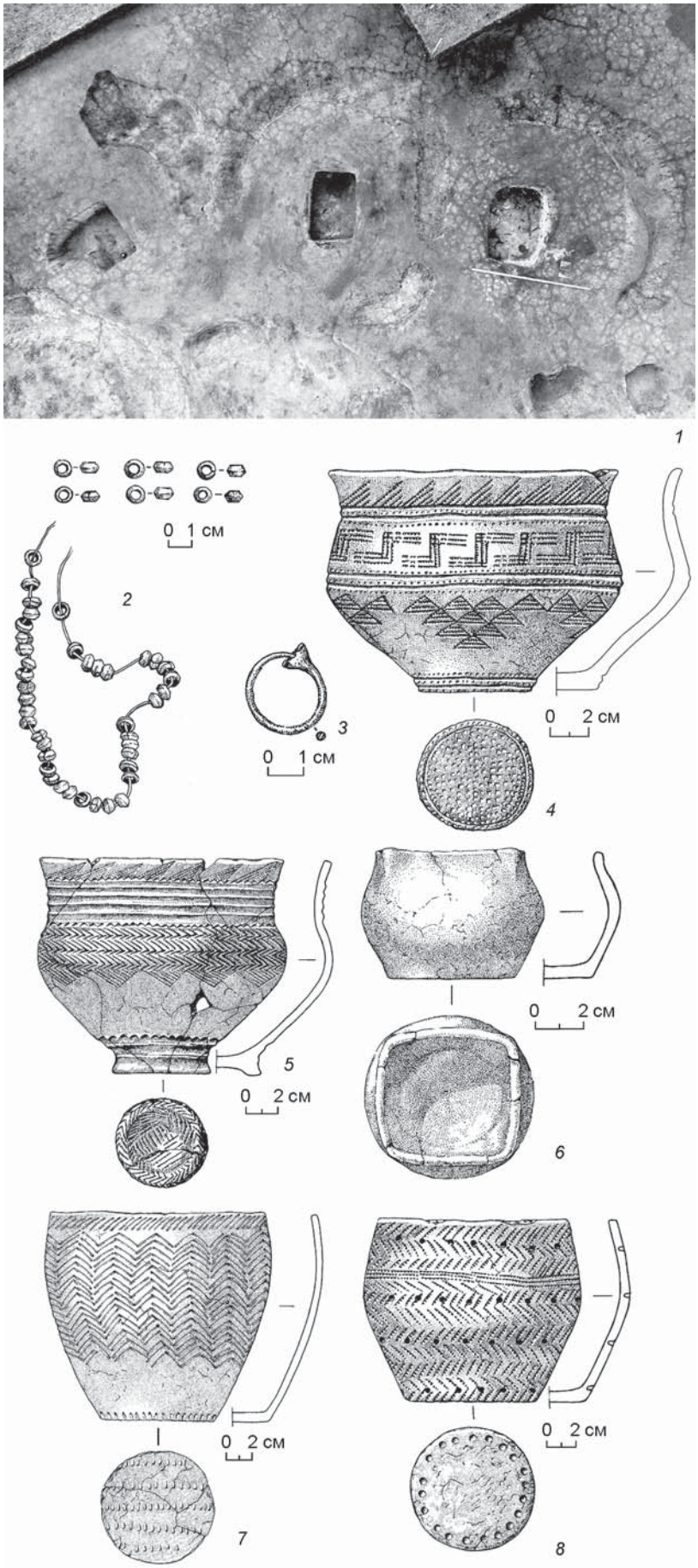
Исследование памятника Тартас-1 продолжается более десяти лет. Практически каждый полевой сезон приносит в распоряжение исследователей принципиально новые, оригинальные источники, углубляющие наши представления о различных сторонах жизнедеятельности носителей той или иной археологической культуры. Так происходит и с андроновской (федоровской) культурой, представители которой оставили на Тартасе-1 значительное количество изученных к настоящему времени захоронений. Уже приходилось отмечать специфические черты в погребальной практике этого населения, свидетельствующие, во-первых, о внутренней хронологии этих захоронений (и, по-видимому, могильников), во-вторых – о разных истоках носителей культуры, нашедшей проявление на Тартасе [Молодин, 2011; Молодин, Ефремова, Кобелева и др., 2013]. Эти причины привели к целой серии новшеств, ранее уже отмеченных авторами статьи при осмыслении полученных источников. К наиболее выразительным новациям, выявленным на памятнике, следует отнести наличие вытянутого положения умерших в могилах с классической андроновской (федоровской) посудой [Молодин, 2011]; наличие в засыпке могил специальных ям, содержащих материалы из зольников, поминальную пищу и даже человеческие останки [Молодин, Мыльникова, Новикова и др., 2009]; расположение могильных ям рядами [Молодин, Дураков, Кобелева и др., 2015]. Немало новаций выявлено и в погребальном инвентаре, в общем-то классическом. Вот лишь некоторые из них: наличие «нестандартной» посуды [Молодин, Мыльникова, Иванова, 2014], роговых ложек с характерной рукоятью (в виде рыбки), роговых блюд, бронзовой орнитоморфной скульптуры [Молодин, Хансен, Дураков и др., 2016]; широкое использование в погребально-поминальных действиях рыбной пищи [Молодин, Дураков, Кобелева и др., 2015].

В последние годы раскопок памятника проявилась новая яркая черта в организации сакрального пространства – о ней и пойдет речь в настоящей работе.

С учетом общей геофизической съемки памятника Тартас-1 можно говорить, что исследуемый участок расположен в его северо-западной части и занимает обширное пространство, примыкающее к краю террасы и уходящее в ее глубину на расстояние не менее 150 м. Специфика организации сакрального пространства заключается в сооружении целой системы кольцеобразных ровиков (см. *рисунок*, *1*) и довольно глубоких ям, включающих один или несколько погребальных комплексов (могильных ям). На сегодняшний день исследовано 20 таких сооружений, содержащих 32 погребения. Пожалуй, главной особенностью выявленного некрополя является довольно частое соприкосновение ровиков, что производит впечатление его постоянного пополнения. В эту же систему гармонично вписаны группы погребений (до пяти погребальных камер), окруженных глубокими ямами, образующими прерывистое овальное кольцо. Возможно, сооружение ровиков имело то же семантическое значение, что и возведение примыкающих друг к другу каменных колец, как это наблюдается у андроновского населения западных от Барабы областей [Молодин, 1985, с. 105]. Такие же строения прослежены у андроновцев (федоровцев) Минусинской котловины [Максименков, 1978, табл. I, *2*; III, *3, 5*; IX; X].

Архитектура кольцевидных ровиков достаточно специфична и нуждается в последующей систематизации. Пока же можно говорить о наличие одного или нескольких проходов в системе с достаточно устойчивыми метрическими параметрами. В одном случае погребальный комплекс (ППК № 23) имел двойное прерывистое кольцо ровиков. В заполнении ровиков и на их дне встречаются фрагменты керамики, раздавленные сосуды, кости животных и рыб. В центре выделенного таким образом сакрального пространства помещали одну или несколько погребальных камер, ориентированных по линиям СВ – ЮЗ. Изредка внутри ограниченной рвами территории встречаются сосуды. Как исключение следует отметить находку не имеющей аналогов бронзовой скульптурки птицы (ворона?) со специальным углублением на спинке, возможно для благовоний [Молодин, Хансен, Дураков и др., 2016, рис. 1, *3*]. Все 32 погребальных комплекса, заключенных в ровики или систему ям, в целом созданы по классическим андроновским (федоровским) канонам, где присутствуют трупосожжение, трупоположение и синкретическая обрядовая практика. Бронзовый инвентарь также характерен для этой культуры и включает височные кольца с коническим приемником, серьги с раструбом, бочонковидные бусины (см. *рисунок*, *2, 3*). Эти украшения исследователи считают специфической особенностью андроновских (федоровских) памятников, своеобразным этническим маркером [Аванесова, 1991, с. 52–53; Демин, Запрудский, Ситников, 2011, с. 48–50].

Вместе с тем следует иметь в виду, что в керамике доминирует упрощенная орнаментация, горизонтальная; встречается и вертикальная, «елочка»; нарядных горшков с меандровидным орнаментом немного (см. *рисунок*, *4, 5, 7*). Особенно важно наличие небольших сосудиков с подквадратной в сечении горловиной, а также трех баночных сосудов, де-

корированных, кроме характерной для андроновской (федоровской) культуры горизонтальной «елочки», цепочками круглых ямочных наколов (см. *рисунок*, *6, 8*). Без сомнения, это северный, вероятно раннесузгунский, орнаментальный сюжет, свидетельствующий о каких-то северо-западных (лесостепных) истоках мигрировавшего в Барабу населения.

Еще одной важной планиграфической особенностью означенного некрополя является то обстоятельство, что в южной части к нему непосредственно примыкают погребальные комплексы пахомовской культуры эпохи поздней бронзы со сходными проявлениями погребальной практики, в частности с конструктивно похожими ровиками. Интересно, что эти сооружения нигде не нарушают андроновские (федоровские) конструкции, хотя вплотную примыкают к последним. Имеющаяся радиоуглеродная дата для пахомовского захоронения № 613 позволяет отнести эти комплексы (точнее, какую-то их часть) к XIV в. до н.э.

Такое положение дел, как и особенности андроновской (федоровской) посуды, позволяет предположить сосуществование (возможно, на рубеже XV–XIV вв. до н.э.) населения андроновской (федоровской) и восточного варианта пахомовской культуры. Эту гипотезу может косвенно подтверждать то обстоятельство, что известные в Барабе монографически изученные андроновские (федоровские) комплексы практически лишены такого проявления погребальной практики, как круглые рови-

Памятник Тартас-1.

1 – ортогональная съемка ППК № 21, 22; *2* – бронзовые бусы (погр. 701); *3* – бронзовая серьга с раструбом (погр. 691); *4* – керамический сосуд № 2 из погр. 639; *5* – керамический сосуд из погр. 680; *6* – керамический сосуд № 3 из погр. 700; *7* – керамический сосуд № 1 из погр. 696; *8* – керамический сосуд из погр. 714.

ки. Так, на полностью исследованном курганном могильнике Старый Тартас-4, изученном сплошной площадью, четырехугольный разомкнутый ровик встречен в одном кургане – самом большом [Молодин, Новиков, Жемеркин, 2002, с. 52–53, рис. 3, *2*]. Еще два кургана с аналогичными ровиками были обнаружены в могильнике Погорелка-2 [Наглер и др., 2012].

Все вышесказанное позволяет оценивать анализируемый комплекс с кольцевыми ровиками как свидетельство особого, вероятно, наиболее позднего появления в Барабе андроновцев, пришедших с западных территорий.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 17-01-18001е.

Список литературы

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.

Демин М.А., Запрудский С.С., Ситников С.М. Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. – Барнаул: Алт. гос. пед. акад., 2011. – 128 с.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 58–69. – (Тр. Сиб. Ассоц. исследователей первобытного искусства; вып. VII).

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Конева Л.А. Рыба в погребальной практике носителей андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 3. – С. 77–90.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ковыршина Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Наглер А., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Вариативность погребального обряда андроновской (федоровской) культуры на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 260–264.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Иванова Д.П. Морфологический анализ сосудов эпохи развитой бронзы (первая половина II тыс. до н.э.) лесостепного Прииртышья (по материалам погребальных комплексов Венгеровского микрорайона) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 2. – С. 44–66.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьёв А.И., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А. Этнокультурные процессы у населения Центральной Барабы в эпоху развитой бронзы (по материалам исследования могильника Тартас-1 в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 337–342.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3. – С. 48–62.

Молодин В.И., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Селин Д.В. Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 357–360.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновские (федоровские) курганы могильника Погорелка-2 в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 249–253.

References

Avanesova N.A. Kul’tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy aziatskoi chasti SSSR (po metallicheskim izdeliyam). Tashkent: Fan, 1991, 200 p. (in Russ.).

Demin M.A., Zaprudskii S.S., Sitnikov S.M. Andronovskie ukrasheniya Gilevskogo arkheologicheskogo mikroraiona. Barnaul: Alt. State Ped. Acad., 2011, 128 p. (in Russ.).

Maksimenkov G.A. Andronovskaya kul’tura na Enisee. Leningrad: Nauka, 1978, 190 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Migratsii nositelei andronovskoi kul’turno-istoricheskoi obshchnosti v Barabinskuyu lesostep’. In *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii. K 70-letiyu D.G. Savinova.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, pp. 58–69 (Trudy Sibirskoi Assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva; iss. VII) (in Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Koneva L.A. Ryba v pogrebal’noi praktike nositelei andronovskoi (fedorovskoi) kul’tury (po materialam mogil’nika Tartas-1, Barabinskaya lesostep’, Zapadnaya Sibir’). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2015, vol. 43, No. 3, pp. 77–90 (in Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Kovyrshina Yu.N., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Nagler A., Myl’nikova L.N., Hansen S. Variativnost’ pogrebal’nogo obryada andronovskoi (fedorovskoi) kul’tury na pamyatnike Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAN Publ., 2013, vol. XIX, pp. 260–264 (in Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Durakov I.A., Reinhold S., Kobeleva L.S., Nenakhova Yu.N., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Selin D.V. Noveishie arkheologicheskie otkrytiya na pamyatnike Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 357–360 (in Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Ivanova D.P. Morfologicheskii analiz sosudov epokhi razvitoi bronzy (pervaya polovina II tys. do n.e.) lesostepnogo Priirtysh'ya (po materialam pogrebal'nykh kompleksov Vengerovskogo mikroraiona). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2014, No. 2, pp. 44–66 (in Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Novikova O.I., Solov'ev A.I., Nagler A., Durakov I.A., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Nenakhov D.A. Etnokul'turnye protsessy u naseleniya tsentral'noi Baraby v epokhu razvitoi bronzy (po materialam issledovaniya mogil'nika Tartas-1 v 2009 godu). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, vol. XV, pp. 337–342 (in Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V., Zhemerikin R.V. Mogil'nik Staryi Tartas-4 (novye materialy po andronovskoi istoriko-kul'turnoi obshchnosti). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2002, No. 3, pp. 48–62 (in Russ.).

Nagler A., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Molodin V.I., Hansen S. Andronovskie (fedorovskie) kurgany mogil'nika Pogorelka-2 v Tsentral'noi Barabe. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 249–253 (in Russ.).

УДК 902.2

В.И. Молодин[1–3], Л.С. Кобелева[1], И.А. Дураков[1, 3], С. Райнхольд[4], Ю.Н. Ненахова[1], К.А. Борзых[1], Е.С. Швецова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Новосибирский государственный педагогический университет
[4]Германский археологический институт
E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Могильник Усть-Тартас-2 – новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы в Барабинской лесостепи

Публикуются первые результаты полевых исследований открытого в 2016 г. разновременного погребального памятника Усть-Тартас-2 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.). В процессе работ полностью подтверждены результаты геофизического мониторинга. Изучено 17 захоронений и 16 ям хозяйственного или ритуального назначения, относящихся к трем разным хронологическим периодам. Наиболее древние захоронения на основе погребального обряда и инвентаря маркируются периодом позднего неолита (V – начало IV тыс. до н.э.). Второй культурный горизонт памятника представлен сложной погребально-поминальной конструкцией усть-тартасской археологической культуры эпохи ранней бронзы (IV тыс. до н.э.), включавшей в себя два захоронения, окруженных разомкнутым рвом. Основной массив исследованных за текущий год погребальных комплексов относится к одиновской культуре эпохи ранней–развитой бронзы (III тыс. до н.э.).

Ключевые слова: *Западная Сибирь, неолит, эпоха бронзы, погребение, усть-тартасская, одиновская культуры.*

V.I. Molodin[1–3], L.S. Kobeleva[1], I.A. Durakov[1, 3], S. Reinhold[4], Yu.N. Nenakhova[1], K.A. Borzykh[1], E.S. Shvetsova[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Novosibirsk State Pedagogical University
[4]German Archaeological Institute
E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Ust-Tartas-2 Burial Ground – New Neolithic, Early and Middle Bronze Age Burial Complex in the Baraba Forest-Steppe Region

The article presents first results of field research at the burial ground of Ust-Tartas-2 (Vengerovo District of Novosibirsk Region), discovered in 2016 and combining the burials of different time. The results of the geophysical monitoring have been fully confirmed during the work. Seventeen burials and sixteen pits of economic or ritual purpose, which belong to three different chronological periods, have been examined. Based on the funeral ritual and inventory, the earliest burials can be dated to the Late Neolithic (5th–early 4th millennium BC). The second cultural horizon is represented by a sophisticated funeral and commemorative structure of the Ust-Tartas archaeological culture (4th millennium BC) which includes two burials circled by a disconnected ditch. The main bulk of the burial complexes which were studied in the current year belongs to the Odinovo culture of the Early–Middle Bronze Age.

Keywords: *Western Siberia, the Neolithic, the Bronze Age, burial, Ust-Tartas culture, Odinovo culture.*

Западносибирский отряд Североазиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН совместно со специалистами Германского археологического института (DAI) в полевом сезоне 2017 г. проводил исследования памятника федерального значения «Усть-Тартасские курганы», расположенного в Венгеровском р-не Новосибирской обл. Памятник широко известен в литературе как Усть-Тартасский могильник саргатской культуры раннего железного века. Впервые некрополь упоминается В.М. Флоринским в 1889 г. [1889, с. 46–48]. На протяжении 1895–1896 гг. памятник исследовался С.М. Чугуновым (см., напр.: [Отчет..., 1898]). Два кургана близ оз. Большой Чуланкуль изучены в 1982 г. Д.Г. Савиновым и Н.В. Полосьмак.

На Усть-Тартасском могильнике был выбран участок протяженностью ок. 3 км вдоль Старого Московского тракта по направлению на г. Новосибирск от р.п. Венгерово, на краю коренной террасы левого берега р. Тартас, образовавшей в этом месте периодически затопляемую пойму, называемую Урочищем Таи. В результате геофизических исследований выявлены аномалии, расположенные рядами и не имеющие рельефных признаков [Парцингер и др., 2016].

С целью проверки данных геофизических исследований в 2017 г. был выбран участок межкурганного пространства площадью 450 м^2, содержащий выявленные объекты.

В результате выяснилось, что могильник саргатской культуры «Усть-тартасские курганы» сооружен на более ранних памятниках – на стоянке эпохи неолита и разновременных грунтовых могильниках эпохи неолита – ранней, развитой бронзы. Было принято решение выделить их как отдельные археологические памятники: стоянка Усть-Тартас-1 и могильник Усть-Тартас-2. Данная публикация содержит первые результаты исследований могильника Усть-Тартас-2.

Исследовано 17 захоронений и 16 ям. На данный момент захоронения могильника можно хронологически разделить на три группы: погребения эпохи неолита, погребения усть-тартасской культуры эпохи ранней бронзы (IV тыс. до н.э.) и погребения одиновской археологической культуры (III тыс. до н.э.).

Наиболее древними неолитическими захоронениями являются три погребения (№ 1, 8, 9). Погребенные в могилах № 1 и № 8 были уложены вытянуто на левом «полубоку», головой на ВСВ в узкие могильные ямы с неровным дном, таким образом, что голова человека была ниже, чем его ноги. В обоих случаях под головой захороненного обнаружен шлифованный каменный топор трапецивидной формы, с хорошо выраженными ребрами (рис. 1, *3, 6*). Положение каменного топора под головой погребенного отмечено на севере Барабинской лесостепи в могильнике Корчуган-1 [Молодин, Новиков, Чикишева, 1999, с. 69, рис. 2] и может быть расценено как традиционная черта погребальной практики.

Керамика в виде нескольких фрагментов от двух сосудов обнаружена в заполнении захоронения № 1, причем один из фрагментов найден рядом с черепом (рис. 1, *12*).

Из других находок необходимо отметить костяной кинжал, заточенный с одной стороны, каменный наконечник стрелы и каменный наконечник дротика (рис. 1, *2, 4, 7*).

Ближайшие аналоги этих материалов известны из могильников Венгерово-2А и Протока, а также на поселении Автодром-2 [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016, с. 39; Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989, с. 20; Бобров, Марочкин, Юракова, 2017, с. 53].

Погр. № 9 оказалось ярусным. В верхнем ярусе в нем найдены разрозненные кости подростка, в нижней – полный скелет ребенка 3–5 лет, лежащего в вытянутом положении на спине головой на ВСВ. Под правой рукой ребенка обнаружен костяной кинжал с отверстием в области рукояти (рис. 1, *1*). В левой кисти зажат наконечник стрелы с биконической головкой (рис. 1, *5*) и ножевидная пластина. Подобные костяные наконечники широко известны в неолитических комплексах Зауралья и Западной Сибири, ближайшие аналоги присутствуют в материалах могильников Сопка-2/1 и Венгерово-2А [Молодин, 2001, с. 21; Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016, с. 41].

Среди костей выявлены костяные каплевидные подвески (рис. 1, *9–11*). Их ближайшие аналоги известны в материалах могильников Венгерово-2А, Протока и Корчуган.

В заполнении погр. № 9 обнаружены многочисленные каменные артефакты (наконечники стрел, орудия, отщепы, сколы). Наибольший интерес представляет шлифованный нож с вогнутым лезвием (рис. 1, *8*). Подобные предметы характерны для памятников эпохи неолита, энеолита Верхнего Приобья, Кузнецко-Салаирской горной области [Марочкин, 2014, с. 18; Кирюшин, 2002, с. 127, 135] и Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 130].

Второй культурный горизонт памятника представлен сложной погребально-поминальной конструкцией усть-тартасской археологической культуры эпохи ранней бронзы. Конструкция содержала два захоронения и ров, состоящий из двух разомкнутых частей.

Достаточно сложно говорить о наличие какого-то надмогильного сооружения надо рвом и по-

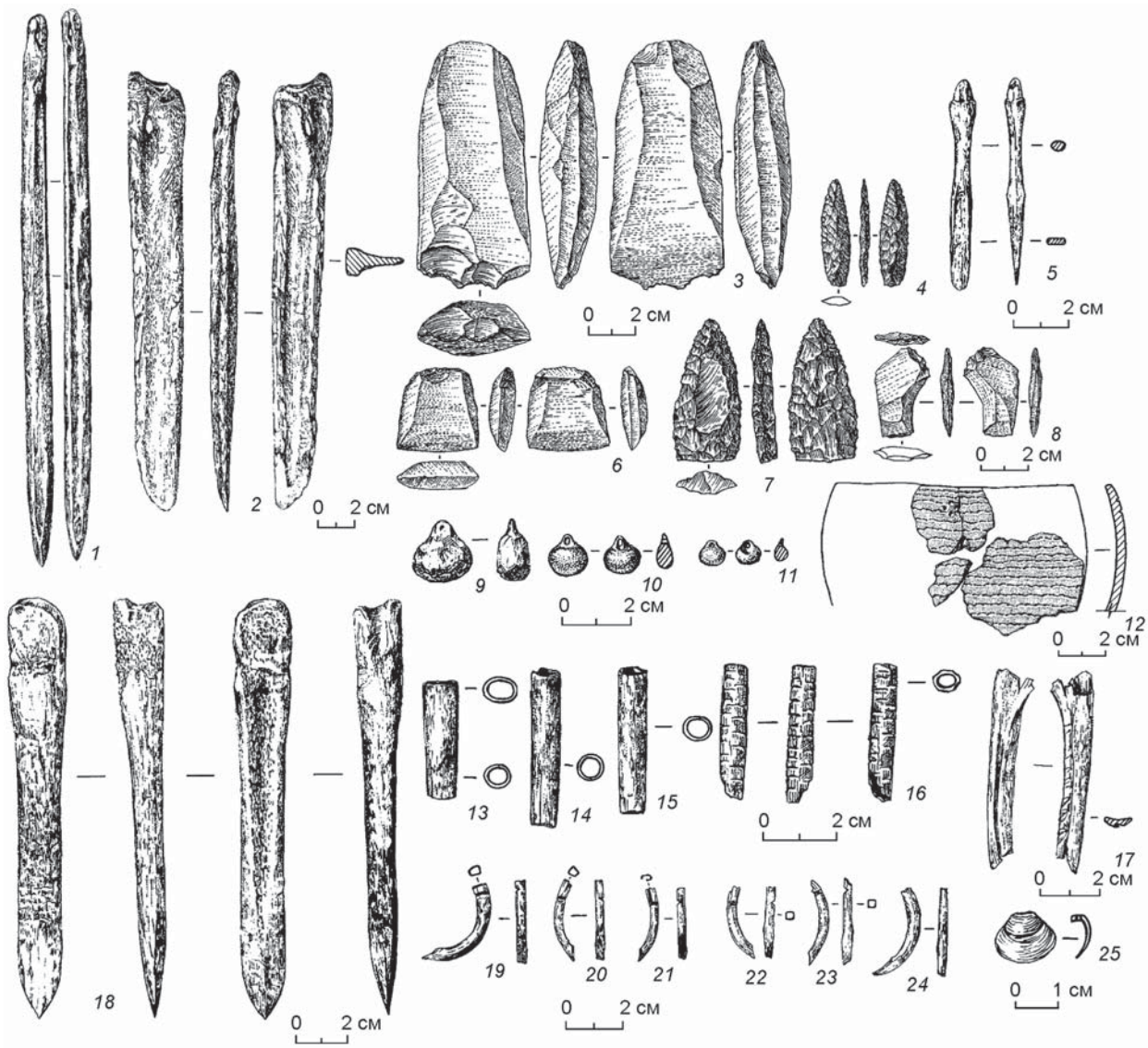

Рис. 1. Артефакты из погребений. Могильник Усть-Тартас-2.
1–12 – эпоха неолита; *13–25* – усть-тартасская археологическая культура.

гребениями, однако не исключено, что оно было, но не сохранилось до настоящего времени.

Погребения усть-тартасской культуры были расположены параллельно друг другу, ориентированы по линии ССВ – ЮЮЗ. В погр. № 17 найдены *in situ* останки трех погребенных. Взрослый мужчина был помещен в могилу в вытянутом положении на спине. Сохранились детали украшения его костюма, найденные вдоль костей ног, на спине и груди. Это речные раковины с отверстиями (рис. 1, *25*), сложенные в розетки-цветки по 4 штуки, а также зубы животного с небольшими пропилами для крепления (рис. 1, *19–24*). Поверх мужчины была положена женщина с отсеченными кистями рук. На груди женщины обнаружено украшение (ожерелье?), составленное из трубочек, выточенных из костей птиц (рис. 1, *13–16*).

Останки третьего умершего представлены черепом женщины в сочленении с несколькими шейными позвонками, положенным между ног у первых двух погребенных. Под черепом обнаружен массивный костяной наконечник копья и слегка приостренный орнаментированный предмет из кости птицы (рис. 1, *17, 18*).

Вторая могила, расположенная рядом, была разграблена, содержала останки трех погребенных, один из которых был положен в могильную яму поперек, в ногах других захороненных. На перемычке между могилами обнаружены останки еще двух взрослых особей. Аналогии данному комплексу можно найти в материалах усть-тартасской культуры могильника Сопка-2/3 [Молодин, 2001, с. 55–58, 106].

Основной массив исследованных за текущей год погребальных комплексов (12 захоронений) отно-

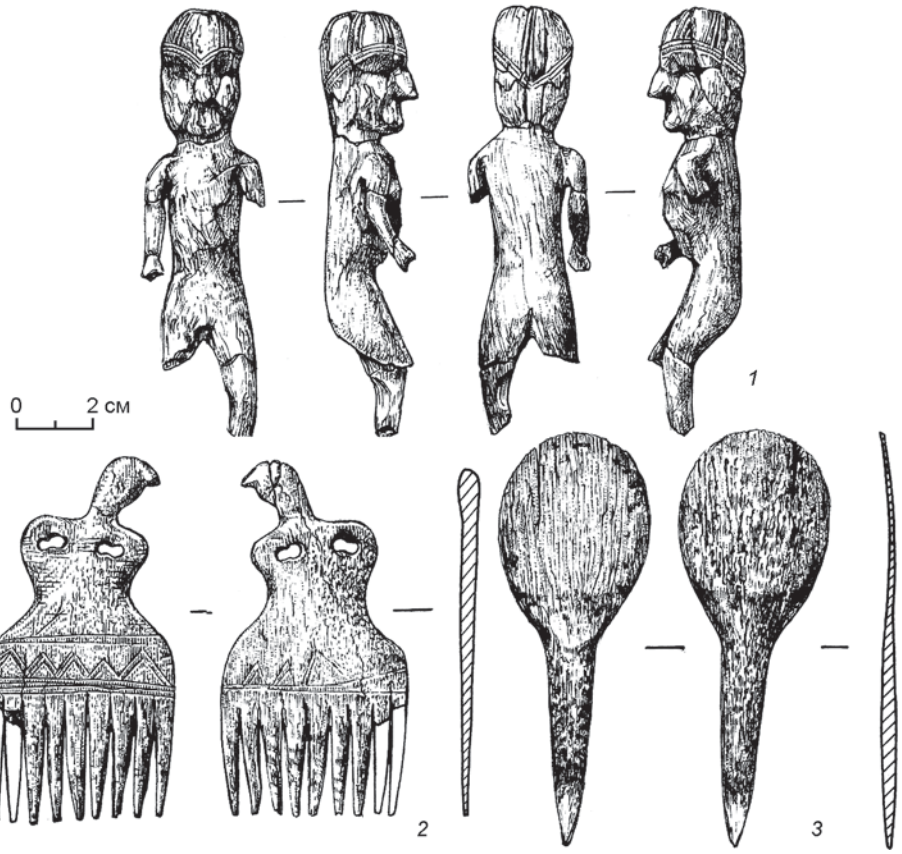

Рис. 2. Артефакты из погребений одиновской археологической культуры. Могильник Усть-Тартас-2.

сится к одиновской культуре эпохи бронзы. Умерших помещали в могилу в вытянутом положении на спине, с приподнятой верхней частью туловища, головой на ССВ. Зафиксированы следы использования в погребальном обряде огня в виде обожжения стенок могильной ямы, а в некоторых случаях и тела умершего. Обнаружены ярусные захоронения.

Практически все погребения были ограблены. Можно выделить погр. № 6. Оно нарушено частично: смещены кости большей части костяка, при этом сохранилась непотревоженной область ног, между которыми обнаружены ложка-проколка и фигурка человека, сделанные из рога (рис. 2, *1, 3*). У правой ноги найден роговой гребень с навершием в виде птицы со слегка приподнятыми крыльями, изображенной в профиль (рис. 2, *2*). С обеих сторон предмета зубцы подчеркнуты резным орнаментом. Прямые аналоги присутствуют в материалах могильника одиновской культуры Сопка-2/4А [Молодин, 2012, с. 139].

Несомненно, выдающейся находкой является объемная скульптура человека из рога. Изображен, скорее всего, мужчина, в положении полусидя. Особо подчеркнута массивная, реалистично переданная голова с крупным носом и бородой. На голове гравировкой обозначен головной убор. Каких-либо следов изображения одежды на туловище не зафиксировано. Иконографически схожие предметы можно найти в материалах памятников на западном краю Восточно-Европейской равнины [Лозе, 1988, с. 85].

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение артынской культуры Автодром-2 – памятник позднего неолита Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 1. – С. 49–61.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Боборыкинская культура. – Екатеринбург: Учебная книга, 2010. – 308 с.

Лозе И.А. Поселения каменного века Лубанской низины: Мезолит, ранний и средний неолит. – Рига: Зинатне, 1988. – 211 с.

Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (исто-

рия изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 2014. – 33 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 2. – 128 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерово-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты междисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 2. – С. 30–46.

Молодин В.И., Новиков А.В., Чикишева Т.А. Неолитический могильник Корчуган на Средней Таре // Проблема неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 66–98.

Отчет С.М. Чугунова о раскопках его, в 1896 году, в Каинском уезде Томской губернии // Отчет имп. археол. комисс. за 1896 год. – СПб.: [Тип. Глав. упр. уделов], 1898. – С. 219–225.

Парцингер Г., Молодин В.И., Фассбиндер Й., Кобелева Л.С., Гасс А., Хофманн И., Ненахов Д.А. Предварительные результаты исследований периферии больших курганов саргатской культуры в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 401–405.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 104 с.

Флоринский В.М. Топографические сведения о курганах Западной Сибири. – Томск: [Тип. Михайлова и Макушина], 1889. – 72 с.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Poselenie artynskoi kul'tury Avtodrom-2 – pamyatnik pozdnego neolita Barabinskoi lesostepi. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 2017, vol. 45, No. 1, pp. 49–61 (in Russ.).

Florinskii V.M. Topograficheskie svedeniya o kurganakh Zapadnoi Sibiri. Tomsk: [Tip. Mikhailova i Makushina], 1889, 72 p. (in Russ.).

Kiryushin Yu.F. Eneolit i rannyaya bronza yuga Zapadnoi Sibiri. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2002, 294 p. (in Russ.).

Kovaleva V.T., Zyryanova S.Yu. Boborykinskaya kul'tura. Ekaterinburg: Uchebnaya kniga, 2010, 308 p. (in Russ.).

Loze I.A. Poseleniya kamennogo veka Lubanskoi niziny: Mezolit, rannii i srednii neolit. Riga: Zinatne, 1988, 211 p. (in Russ.).

Marochkin A.G. Pogrebal'naya praktika naseleniya Verkhnego Priob'ya v periody neolita i eneolita (istoriya izucheniya, strukturnyi analiz i tipologiya, problemy kul'turno-khronologicheskoi interpretatsii): cand. sc. (history) dissertation abstract. Kemerovo, 2014, 33 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi neolita i rannego metalla. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, vol. 2, 128 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. 3, 220 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S. Pogrebal'nye kompleksy epokhi neolita Vengerovo-2A (yug Zapadno-Sibirskoi ravniny): rezul'taty mezhdistsiplinarnykh issledovanii. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2016, Vol. 44, No. 2, pp. 30–46 (in Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V., Chikisheva T.A. Neoliticheskii mogil'nik Korchugan na Srednei Tare. In *Problema neolita – eneolita yuga Zapadnoi Sibiri.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, pp. 66–98 (in Russ.).

Otchet S.M. Chugunova o raskopkakh ego, v 1896 godu, v Kainskom uezde Tomskoi gubernii. In *Otchet imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1896 god*. St. Petersburg: [Tip. Glav. upr. udelov], 1898, pp. 219–225 (in Russ.).

Parzinger G., Molodin V.I., Fassbinder I., Kobeleva L.S., Gass A., Hofmann I., Nenakhov D.A. Predvaritel'nye rezul'taty issledovanii periferii bol'shikh kurganov sargatskoi kul'tury v Tsentral'noi Barabe. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 401–405 (in Russ.).

Polos'mak N.V., Chikisheva T.A., Balueva T.S. Neoliticheskie mogil'niki Severnoi Baraby. Novosibirsk: Nauka, 1989, 104 p. (in Russ.).

УДК 902.2

В.И. Молодин[1, 2], Л.Н. Мыльникова[1], М.С. Нестерова[1], К.А. Борзых[1], Б.С. Борило[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: msnesterova@gmail.com

Венгерово-2: новые данные по кротовской культуре

В статье представлены результаты исследований в 2017 г. центральной части памятника Венгерово-2. Определены конструктивные и планиграфические характеристики котлована жилища № 10. Подтверждены гипотезы о строительстве поселка по заранее намеченному плану и об окружении его забором. На основании стратиграфических данных выявлены особенности функционирования очагов. Сделан вывод о морфологической идентичности одного из теплотехнических устройств поселения Венгерово-2 с очагом одиновской культуры на памятнике Старый Тартас-5. Предложены аналогии археологически целым керамическим сосудам, обнаруженным в жилище № 10. Факт совместного залегания в культурном слое поселения фрагментов керамики одиновской и кротовской культур подтверждает гипотезу о сосуществовании их носителей в пределах второй половины III тыс. до н.э.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, кротовская культура, одиновская культура, керамические комплексы, очаги.*

V.I. Molodin[1, 2], L.N. Mylnikova[1], M.S. Nesterova[1], K.A. Borzykh[1], B.S. Borilo[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]National Research Tomsk State University
E-mail: msnesterova@gmail.com

Vengerovo-2: New Data on the Krotovo Culture

The results of 2017 field research in the central part of Vengerovo-2 site are presented in this article. Structural and planigraphic features of the pit from dwelling No. 10 are identified. The hypotheses about construction of the settlement in accordance with the prearranged plan and surrounding it with the fence, are confirmed. Specific features of hearth functioning are revealed on the basis of the stratigraphic data. It is argued that one of the fire devices from Vengerovo-2 is morphologically identical with a hearth of Odino culture from Stary Tartas-5. The parallels to the archaeologically intact pottery vessels which were found in dwelling No. 10 are shown. The fact of the joint occurrence of pottery fragments belonging to the Odino and Krotovo cultures in the cultural layer of the settlement confirms the hypothesis concerning the coexistence of their carriers in the second half of the third millennium BC.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Krotovo culture, Odino culture, ceramic complexes, hearths.*

В 2017 г. исследования проводились в центральной части поселения Венгерово-2 – базового памятника кротовской культуры. Перед началом работ проведено геофизическое обследование, изучено жилище № 10.

Котлован сооружения, расположенный во втором ряду жилищ, имеет трапециевидную форму, ориентирован по линии СВ – ЮЗ (рис. 1). Стенки практически отвесные, местами пологие, углублены в материк на 0,15–0,20 м. Примерная площадь котлована – 78,5 м^2. Южная стена у́же северной на 1,4 м. Результаты раскопок 2017 г. подтвердили ранее выдвинутое предположение о строительстве поселка по заранее намеченному плану. Установлено, что все жилища узкими стенками выходили на «площадь» – на свободную центральную часть поселка. Противоположные более широкие стены были оконтурены забором.

Ямы от опорных столбов забора были зафиксированы в северо-восточной части раскопа, в 2–2,5 м

от стенки жилища (рис. 1, *4*). Они имели в плане округлую или подквадратную форму, диаметр составлял 0,30–0,45 м, глубина – до 0,5 м. Стены ям наклонные или отвесные, дно – чашевидное или ровное. Ямы располагались на расстоянии 0,6–0,8 м друг от друга. Аналогичные объекты исследованы во всех частях поселка, кроме края террасы, где котлованы уничтожены в результате современной антропогенной деятельности [Молодин и др., 2016]. Таким образом, гипотеза о том, что поселение было окружено забором, получила дополнительное подтверждение. Отметим, что забор, отступая на определенное расстояние от стен жилищ (2–3 м), четко повторял их линию, которая в разных местах из-за различной площади котлованов была неровной. Также на разных участках забора зафиксированы следы ремонта и перестройки.

Конструктивной особенностью жилища № 10 является неравномерное распределение столбовых ям по периметру жилища. Больше всего (9) их у восточной стены. При этом в юго-восточной части сооружения их выявлено 6, и они располагаются в 0,35 м друг от друга (рис. 1) начиная от угла котлована. У западной стенки столбовые ямы расположены в северном углу, в центральной части, но в южном углу отсутствуют.

Еще одна особенность жилища № 10 – наличие трех теплотехнических устройств.

Центральный очаг № 1 – представлял собой вытянутую подпрямоугольную яму со скругленными углами размерами 2,6 × 0,71 м (рис. 1, *2*). Мощность заполнения очага – до 0,37 м. Продольный стратиграфический разрез и погоризонтная выборка заполнения с последующим просеиванием позволили установить особенности функционирования объекта. В верхней части фиксируется линза насыщенной буро-черной углистой супеси с большим количеством кальцинированных костей, связанная с последним активным этапом эксплуатации очага. Основная часть заполнения – плотная серо-золистая супесь с белесым оттенком при высыхании (мощность – до 0,18 м).

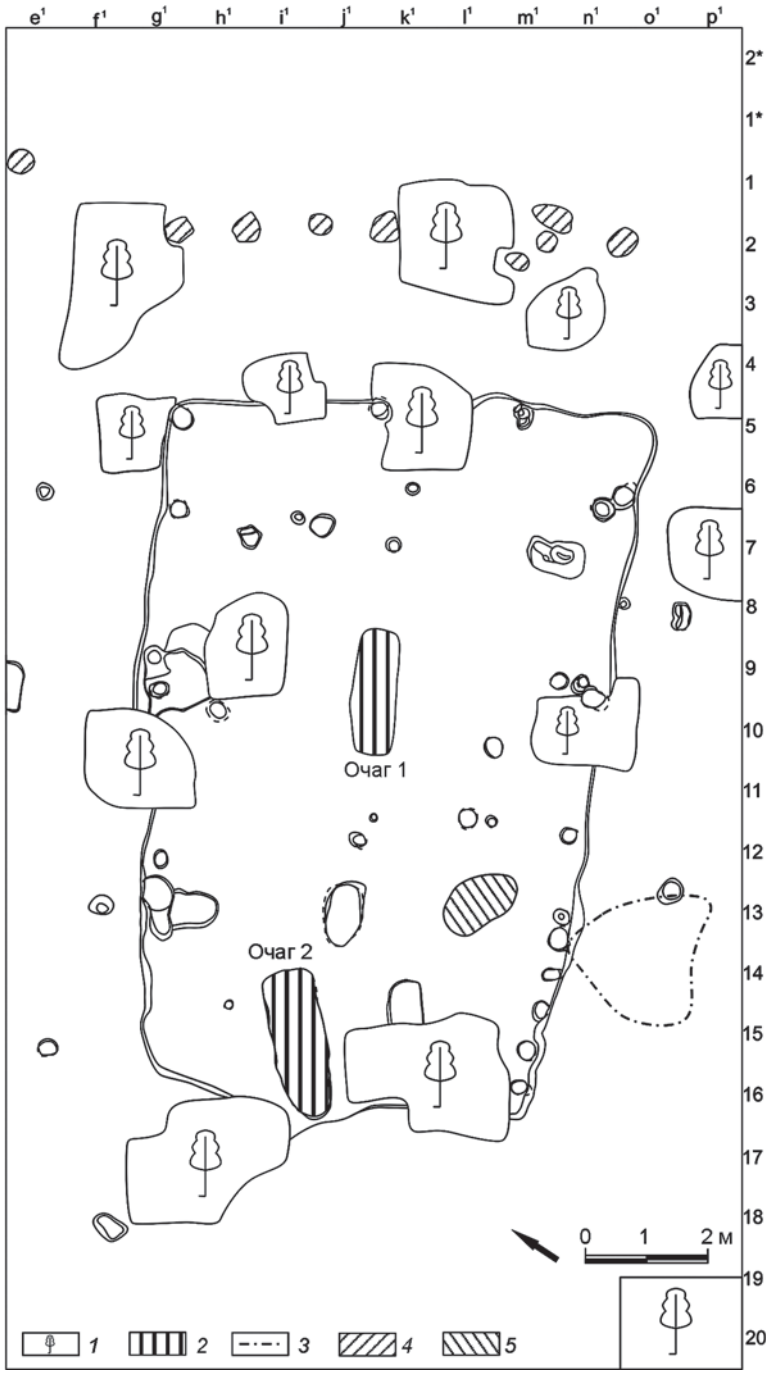

Рис. 1. План раскопа 2017 г. на памятнике Венгерово-2.

1 – нераскопанные участки, занятые деревьями; *2* – очаги; *3* – границы скопления керамики в кв. n^1-p^1/13–15; *4* – теплотехническое сооружение с керамическим экраном; *5* – ямы от опорных столбов забора.

С этим слоем связаны находки (фрагменты керамики, «фишки», керамические лощила, абразивы, шарики, изделия из глины, фрагменты литейной формы). Их расположение позволяет предположить, что очаг регулярно подвергался чистке, заполнение постоянно перемешивалось, а попавшие в очаг предметы сдвигались к стенкам ямы. Слой прокаленной красно-кирпичной супеси мощ-

ностью до 0,08 м с включениями крупных кусков обожженной глины располагался в центральной части очажного устройства. Экспериментальные наблюдения за процессами термического воздействия на аналогичный по составу и свойствам грунт показывают, что именно на данном участке происходило регулярное, максимально интенсивное горение, вследствие чего «материковый» желтый суглинок спекся в красно-бурые комки, т.е. речь не идет о преднамеренной обмазке глиной дна очажной ямы. Для образования прокала такой мощности горение должно было быть не кратковременным, а постоянным, с поддержанием значительной температуры.

Очаг № 2 располагался в юго-западной части жилища и имел другую конструкцию (рис. 1, *2*). Очажная яма имела размеры 2,47 × 0,85 м, глубину от 0,14 м в юго-западной части до 0,27 м у се-

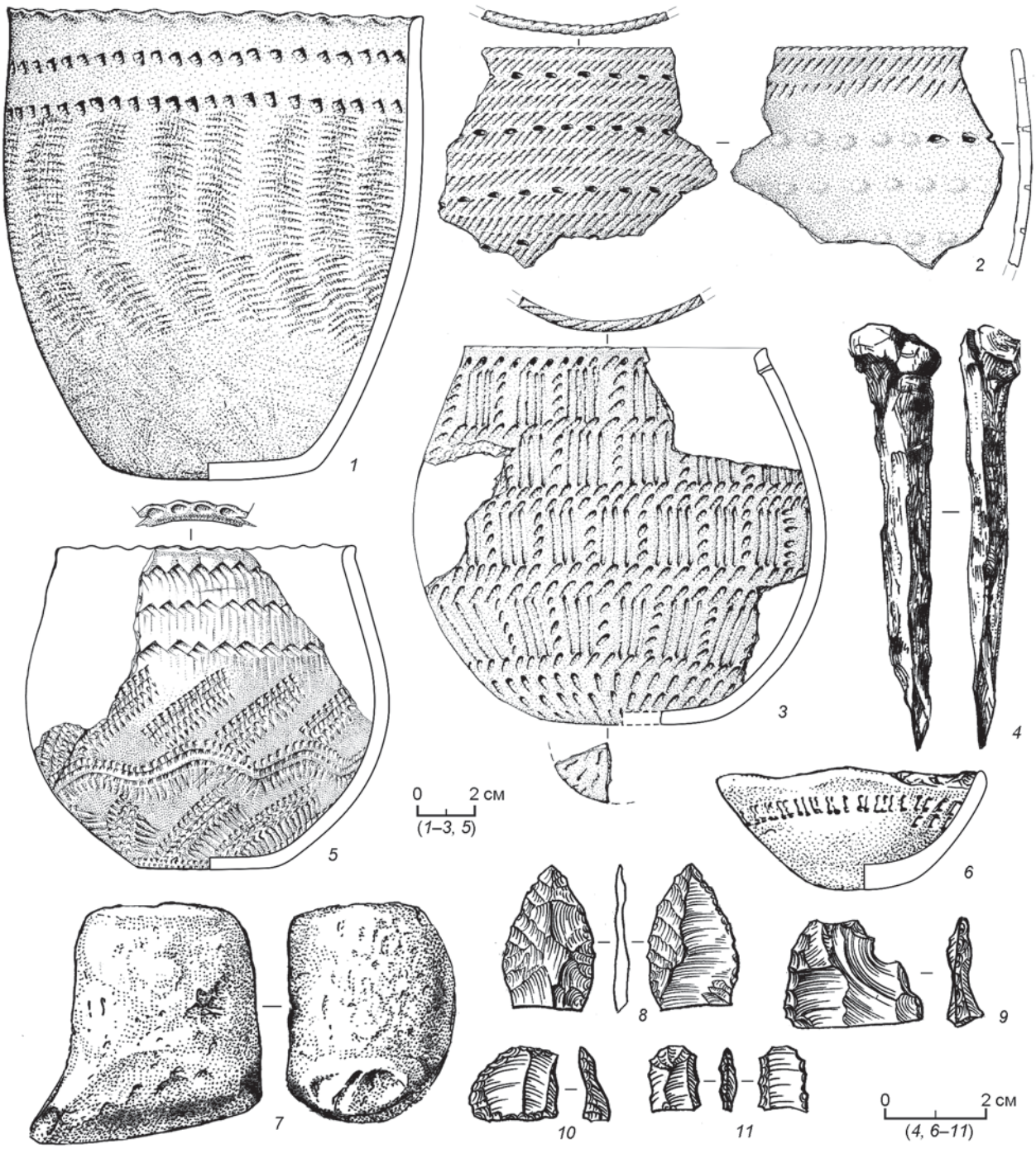

Рис. 2. Находки с поселения Венгерово-2.

1–3, 5, 6 – керамические сосуды и фрагменты; *4* – костяная проколка; *7–11* – орудия из камня.

веро-восточной стенки. Специфика заполнения объекта позволяет сделать следующие заключения: 1) верхняя часть заполнения на всей площади ямы связана с обрушившейся кровлей; 2) максимально интенсивные термические процессы происходили в центральной части объекта; 3) в юго-западной части отсутствуют следы горения, т.е. не вся площадь ямы использовалась для разведения огня; 4) в северо-восточной части объекта фиксируется линза (до 0,23 м) насыщенно-черной углистой супеси с включениями обожженной глины, что свидетельствует о термических процессах без доступа кислорода; 5) возможно, в северо-восточную часть регулярно отгребали оставшиеся продукты горения с центрального участка; 6) в отличие от центрального очага, в качестве топлива использовалась только древесина. Таким образом, данный объект можно интерпретировать как дополнительный очаг для обогрева и освещения помещения.

Еще одно теплотехническое устройство находилось в 1–1,5 м от восточной стенки котлована (рис. 1, *5*). Яма овальной формы, размерами 1,45 × 0,80, глубиной до 0,15 м, ориентирована по линии З – В. С южной стороны зафиксирована «обваловка» из грунта (желтая супесь). Вдоль южной стенки размещались фрагменты керамики, установленные вертикально. Для их закрепления грунт вокруг был утрамбован. Таким образом, сооружение обладало некоторыми признаками очажного устройства: керамический экран не позволял сильно нагреваться стенке котлована и опорным столбам, которые здесь располагались близко друг другу и в большом количестве (рис. 1).

Теплотехническое устройство с экраном из фрагментов керамики исследовано на поселении одиновской культуры Старый Тартас-5, которое расположено в 5 км к западу от Венгерово-2. Очажная яма имела прямоугольную форму. Вдоль северо-западной стенки находились крупные фрагменты стенок одного сосуда, установленные в неглубокую канавку вертикально. Наличие экрана, ассортимент находок и заполнение очага свидетельствуют о его многофункциональности, в т.ч. об использовании в бронзолитейном производстве [Молодин, Нестерова, Мыльникова, 2014, с. 114]. Однако устройство на поселении Венгерово-2 не имело следов регулярного термического воздействия (отсутствуют прокаленный/углистый/золистый слой, следы топлива; заполнение однородно). Данная ситуация может объясняться кратковременным использованием объекта и постоянной чисткой устройства, сооруженного в кротовском жилище по аналогии с очагом одиновской традиции, но с добавлением новых черт (например, «обваловка» грунтом).

Жилище № 10 отличалось от других и сравнительно малым количеством артефактов. Основными находками являлись несколько археологически целых сосудов (рис. 2, *1, 3, 5, 6*), фрагменты керамики, изделия из стенок сосудов, костяная проколка (рис. 2, *4*), каменные орудия (рис. 2, *7–11*) и технические сколы.

Важно отметить, что практически целый сосуд, обнаруженный в яме исследованного жилища (рис. 2, *5*), имеет аналоги в материалах захоронения № 25 (кург. 1, погр. 25) могильника Сопка-2/4Б, В [Молодин, Гришин, 2016, рис. 43, *3*], что еще раз свидетельствует о единокультурности этих памятников. Еще один сосуд, обнаруженный в этом году (рис. 2, *3*), по форме и размерам сопоставим с кротовской погребальной посудой, а композиционное построение орнамента очень близко одному из сосудов могильника Ростовка [Матющенко, Синицына, 1988, рис. 87, *1*].

Особо отметим скопление фрагментов керамики (кв. n^1-$р^1$/13–15) от шести различных сосудов (см. рис. 1, *3*). Реконструирована емкость баночной формы кротовской культуры с типичной орнаментацией (см. рис. 2, *1*). Также в этом объекте зафиксировано совместное залегание фрагментов сосудов кротовской и одиновской культур (см. рис. 2, *2*). Фрагменты одиновской керамики фиксировались и в заполнении котлована жилища № 10.

Исследование погребальных комплексов кротовской и одиновской культур (Сопка-2/4А–2/4В, Тартас-1) позволило сделать вывод о параллельном развитии данных культурных образований, носители которых придерживались разных керамических традиций (отступающе-гребенчатой и гребенчато-ямочной, соответственно) и канонов погребальной практики [Молодин, 2012; Молодин, Гришин, 2016, с. 374]. Полученная серия радиоуглеродных дат также обозначила проблему соотношения одиновской и кротовской культур и их синхронных позиций в пределах второй половины III тыс. до н.э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 152]. Исследования на памятнике Венгерово-2 предоставили археологические свидетельства такого сосуществования.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 17-01-18018е.

Список литературы

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 136 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. – С. 136–167.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С. Особенности структуры поселения кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 339–342.

Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н. Особенности поселения одиновской культуры Старый Тартас-5 в Барабинской лесостепи // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. – С. 110–124.

References

Matyushchenko V.I., Sinitsyna G.V. Mogil'nik u d. Rostovka vblizi Omska. Tomsk: State Univ. Press, 1988, 136 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 3, 220 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V. Radiouglerodnaya khronologiya kul'tur epokhi bronzy Urala i yuga Zapadnoi Sibiri: printsipy i podkhody, dostizheniya i problemy. *Vestnik NSU. Ser.: Istoriya, filologiya*. 2014, vol. 13, iss. 3: Arkheologiya i etnografiya, pp. 136–167 (in Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4, 452 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Efremova N.S. Osobennosti struktury poseleniya krotovskoi kul'tury Vengerovo-2 (Barabinskaya lesostep'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 339–342 (in Russ.).

Molodin V.I., Nesterova M.S., Mylnikova L.N. Osobennosti poseleniya odinovskoi kul'tury Staryi Tartas-5 v Barabinskoi lesostepi. *Vestnik NSU. Ser.: Istoriya, filologiya*. 2014, vol. 13, iss. 3: Arkheologiya i etnografiya, pp. 110–124 (in Russ.).

УДК 903.074

В.П. Мыльников

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Художественная резьба на обугленных деревянных предметах из памятников раннего железного века

Деревянные археологические предметы с художественной резьбой – важный исторический источник по культуре и духовному миру древних людей. Кроме художественной и культурно-исторической ценности, они хранят на своих поверхностях уникальную информацию о технологии деревообработки, в частности о первичных и вторичных операциях по резьбе. Особую ценность в плане извлечения специфической информации имеют предметы, подвергшиеся воздействию огня. Несмотря на проведенные в разное время комплексные исследования, этот многоплановый исторический источник ни разу не изучался на предмет технологии деревообработки. Данные по технологии художественной резьбы, впервые полученные в результате комплексного анализа резных изображений на горелом, обугленном дереве, уникальны.

Ключевые слова: *Сибирь, ранний железный век, таштыкская культура, деревянные предметы, художественная резьба, технологические и конструктивные особенности.*

V.P. Mylnikov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Decorative Carving on Carbonized Wooden Objects from the Early Iron Age Sites

Wooden archaeological objects with decorative carving are a valuable historical source on the culture and inner world of the ancient people. In addition to artistic and cultural value, such objects preserve on their surfaces unique information on the technique of woodworking, including primary and secondary carving procedures. The objects which have been affected by fire have special value for extracting specific information. Despite the comprehensive studies conducted at different time, this rich historical source has never been studied from the perspective of woodworking technology. The data on carving technique, which have been obtained for the first time from a comprehensive analysis of carved representations on burned and carbonized wood, is unique.

Keywords: *Siberia, Early Iron Age, Tashtyk culture, wooden objects, art of carving, technological and design features.*

Изучение древних технологий – одно из важнейших направлений исследований в археологической науке. Древняя деревообработка – составная часть основных отраслей древних технологий. Изучение особенностей изготовления деревянных предметов в раннем железном веке показывает все тонкости этого мастерства, раскрывает секреты деревообработчиков и предоставляет полный объем информации о конкретном артефакте [Мыльников, 2008, 2014].

Разнообразные тончайшие изображения на горелом дереве, выполненные в технике резьбы ножом, представляют изобразительную традицию населения Минусинской котловины на позднем этапе таштыкской культуры в V–VII вв., в период строительства склепов [Панкова, 2011, с. 3]. Несмотря на проведенные в разное время комплексные исследования, этот многоплановый исторический источник ни разу не изучался на предмет технологии деревообработки. Неудовлетворительная сохранность деревянных предметов из-за сильного воздействия огня, в результате которого они потеряли видимые невооруженным глазом следы обработки, не давала повода для этого.

В 2012 г. с любезного согласия хранительницы Государственного Эрмитажа в г. Санкт-

Петербурге канд. ист. наук С.В. Панковой были впервые выполнены специальные исследования серии деревянных планок с резными изображениями из раскопок 1968 г., обнаруженных в сгоревшем склепе № 1 на памятнике Тепсей III таштыкского времени [Грязнов, 1979]. Планки представляли собой побывавшие в огне и обуглившиеся до черноты узкие дощечки, состоящие из многих отдельных фрагментов, соединенных между собой в единое целое при помощи клея и черного тонирующего наполнителя (рис. 1, *1*). Невооруженным глазом даже при хорошем освещении с большим трудом можно было разглядеть, а точнее, угадать отдельные изображения, нанесенные тончайшим лезвием какого-то инструмента. Для получения более или менее ясной картины всех изображений на каждой плоскости был применен комплекс методов: бинокулярная микроскопия, трасология, макросъемка, фотоаналитический метод, сравнительный анализ, эксперимент. Каждый из них дал свои результаты. Наиболее информативными в плане выявления признаков деревообработки в целом и резьбы по дереву в частности оказались специальная макросъемка и фотоаналитический метод, впервые примененный мною в 1994 г. при атрибуции внутреннего сруба из кургана 1 могильника скифского времени Пазырык [Мыльников, 1999, с. 3–4, 29].

Макросъемка в низко направленном (косом) свете заключалась в освещении предмета достаточно ярким контрастным источником света, установленным под очень низким (менее 30°) углом по отношению к снимаемому объекту. Предмет для выявления максимально детализированного рисунка и следов обработки медленно вращался вокруг своей оси, пока не находилось его нужное положение. Фотофиксация производилась установленной на штатив цифровой зеркальной фотокамерой, оснащенной макрообъективом, с разными экспозициями. Контроль осуществлялся по дисплею камеры и в программе Photoshop на мониторе компьютера.

Фотоаналитический метод состоял в визуальном изучении предельно увеличенного участка съемки с целью получения дополнительной (кроме бинокулярной микроскопии) максимальной информации о следах, оставленных обрабатывающим инструментарием, по характеру которых вкупе со сравнительно-типологическим методом и экспериментальными данными можно составить сведения о само́м инструменте и операциях, осуществленных им.

При помощи бинокулярной микроскопии, сравнительно-типологического метода и экспериментальных данных установлено, что следы, оставленные инструментом, имеют вид порезов различной глубины и конфигурации. Сравнительный анализ конфигурации следов на обгоревших планках с оригинальными артефактами хорошей сохранности с четкими следами обработки из синхронных памятников и данные многолетних экспериментальных работ по резьбе по дереву, проведенных нами ранее [Мыльников, 2011, с. 104–114], позволили определить вид инструмента. Это нож с очень тонким и остро отточенным лезвием.

В результате изысканий были выявлены следующие виды резьбы ножом.

Прямолинейная (геометрическая) двугранно-выемчатая осуществлялась в основном двумя прямыми неглубокими линиями-прорезями, которые выполнялись двумя последовательными непрерывными режущими движениями лезвия ножа, направленными под острым углом друг к другу (рис. 1, *2–6*). Первая линия проводилась резчиком по предварительно намеченному острием шила рисунку или на глаз, вторая проводилась рядом так близко, чтобы из прорези вылезала тонкая стружка. В результате чего получившийся плоскорельефный рисунок становился более четким.

Криволинейная двугранно-выемчатая выполнена в той же технике, только дугообразными движениями различного профиля. Она сложнее, красивее и художественнее, чем прямолинейная геометрическая (рис. 2, *1–3*) и требовала от резчика определенной наработки мастерства.

Скобчато-выемчатая исполнена тоже двумя направленными друг к другу движениями лезвия ножа, но уже короткими и под тупым углом друг к другу с большим захватом древесины из выемок (рис. 2, *4*). Рисунок получался более рельефный и приобретал некий объем.

Прорезная (граффити, прочерчивание) осуществлена одним режущим движением лезвия ножа на небольшую глубину, и потому очень тонкие линии на обгорелом дереве трудно различимы без помощи специальных приборов (рис. 2, *5*).

Все найденные при раскопках склепа 1 из памятника таштыкской культуры Тепсей III на Енисее артефакты обожженного дерева в виде планок хранят на своих поверхностях следы резьбы ножом мастерами-резчиками, создавшими уникальные тончайшие изображения. В культурном плане резьба по дереву классифицируется как художественная. Технико-технологические изыскания, направленные на изучение слабо различимых невооруженным глазом изображений на этих черных от воздействия огня и копоти деревянных предметах, оставленных режущими металлическими инструментами, заключались в многоплановом всестороннем их исследовании с применением ряда аналитических методов. Эти изыскания позволили выявить характерные особенности следов обработки и вы-

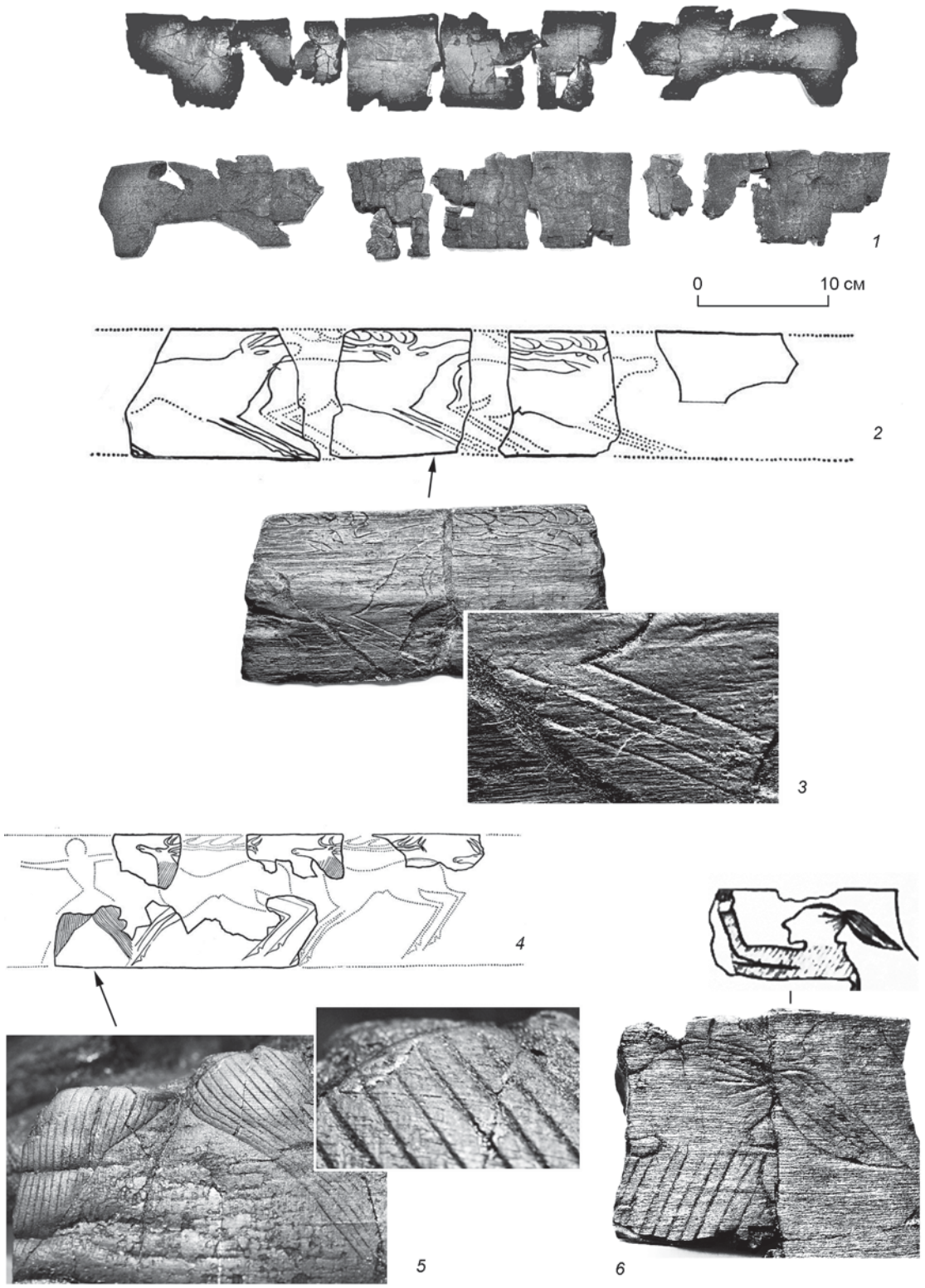

Рис. 1. Деревянные обугленные планки с резьбой с памятника таштыкского времени Тепсей III, склеп 1. Фото В.П. Мыльникова.

1 – планки и фрагменты планок при обычном способе фотофиксации; *2, 3* – планка № 7, прямолинейная (геометрическая) двугранно-выемчатая резьба при специальной макросъемке (прорисовка по: [Грязнов, 1979]); *4, 5* – планка № 1, прямолинейная (геометрическая) двугранно-выемчатая резьба при специальной макросъемке (прорисовка по: [Грязнов, 1979]); *6* – планка № 4, не обнаруженный ранее фрагмент, прямолинейная двугранно-выемчатая резьба в сочетании с криволинейной (прорисовка С.В. Панковой).

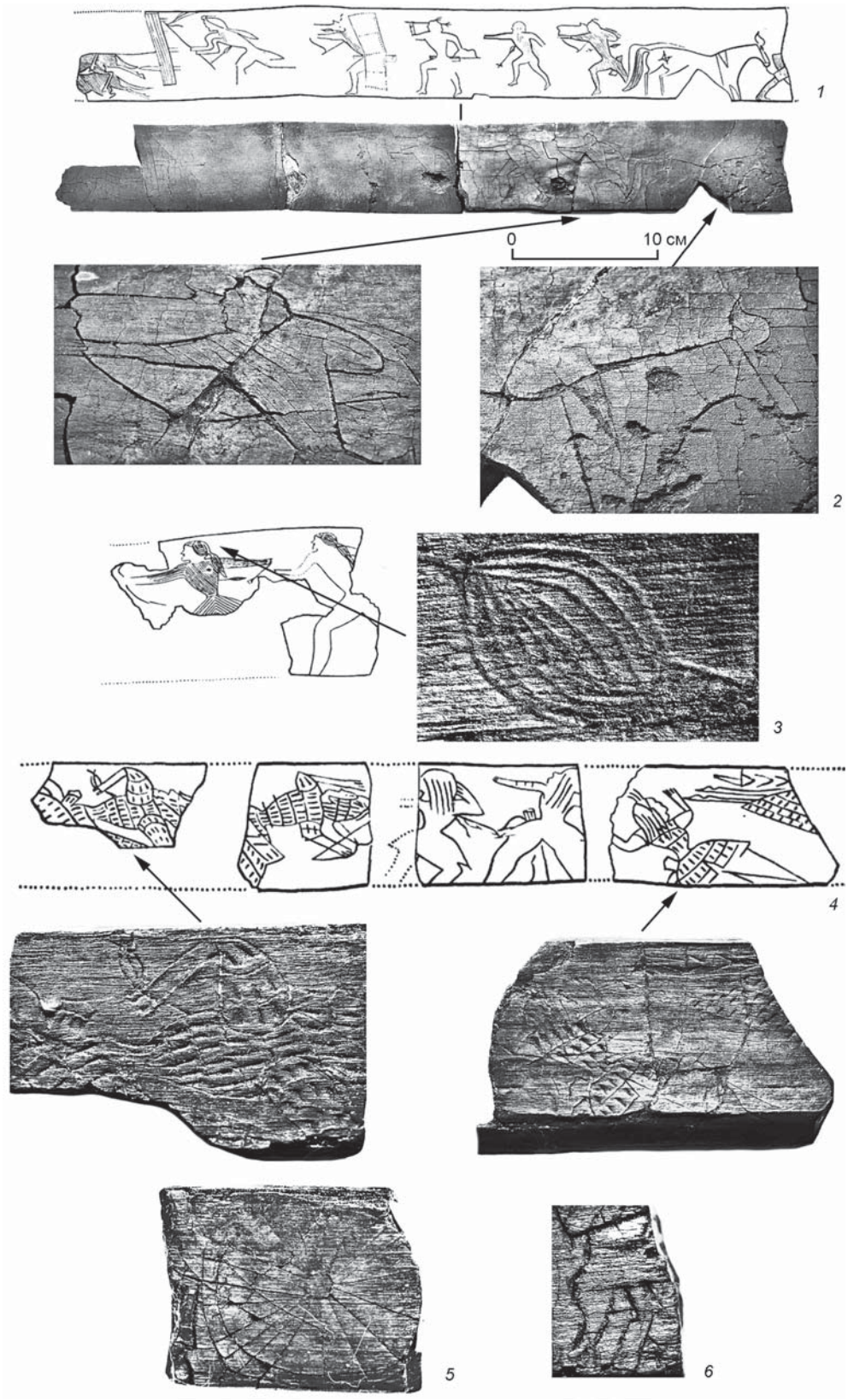

Рис. 2. Деревянные обугленные планки с резьбой с памятника таштыкского времени Тепсей III, склеп 1. Фото В.П. Мыльникова.

1, 2 – планка № 2, криволинейная двугранно-выемчатая резьба (прорисовка по: [Грязнов, 1979]); *3* – планка № 1, криволинейная двугранно-выемчатая резьба (прорисовка по: [Грязнов, 1979]); *4* – планка № 7, скобчато-выемчатая резьба (прорисовка по: [Грязнов, 1979]); *5* – планка не пронумерована, прорезная (граффити, прочерчивание); *6* – не обнаруженное ранее изображение с криволинейной двугранно-выемчатой резьбой.

делить четыре вида резьбы ножом: прямолинейная (геометрическая) двугранно-выемчатая, криволинейная двугранно-выемчатая, скобчато-выемчатая, прорезная (граффити).

В целом можно констатировать, что обугленные деревянные предметы, на поверхности которых невооруженным глазом невозможно выявить характерные особенности следов обработки, после комплексных исследований с применением ряда аналитических методов проясняют общую картину и дают много дополнительной ценной информации. После проведения описанных выше процедур исследователь может зафиксировать даже не выявленные ранее следы обработки и получать вполне читаемые изображения (рис. 2, *5, 6*).

В начале 2016 г., ко мне обратился автор раскопок в 2014 г. сгоревшего склепа из кургана памятника раннего железного века Шестаково-3 П.В. Герман (г. Кемерово) с просьбой провести комплексный анализ коллекций разнообразных по функциональному назначению горелых деревянных артефактов из этого памятника. В ходе изысканий было получено много новой ценной информации не только по резьбе, но и в целом по всему комплексу направлений деревообработки. Эти исследования подтвердили правильность примененной нами ранее методики проведения специальных исследований обугленных деревянных артефактов раннего железного века.

Список литературы

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 89–145.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 220 с.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная и Центральная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН СО РАН, 2008. – 364 с.

Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 188 с.

Мыльников В.П. Изучение археологических деревянных предметов (погребальные памятники Алтая и сопредельных территорий). – М.: ИА РАН, 2014. – 160 с.

Панкова С.В. Таштыкские гравировки (сюжетно-стилистический анализ и историко-культурная интерпретация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Санкт-Петербург, 2011. – 27 с.

References

Gryaznov M.P. Tashtykskaya kultura // Kompleks arheologicheskih pamyatnikov u gory Tepsei na Enisee. Novosibirsk: Nauka, 1979, pp. 89–145 (in Russ.).

Mylnikov V.P. Obrabotka dereva nositelyami pazyrykskoi kultury. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999, 220 p. (in Russ.).

Mylnikov V.P. Derevoobrabotka v epokhu paleometalla (Severnaya i Tsentralnaya Azia). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008, 364 p. (in Russ.).

Mylnikov V.P. Rezba po derevu v skifskoe vremya (Severnaya Aziya). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, 188 p. (in Russ.).

Mylnikov V.P. Izuchenie archeologicheskikh predmetov (pogrebalnie pamyatniki Altaya i sopredelnykh territoriy). Moscow: IA RAS, 2014, 160 p. (in Russ.).

Pankova S.V. Tashtykskie gravirovki (syuzhetno-stilisticheskii analiz i istoriko-kulturnaya interpretatsiya: cand. sc. (history) dissertation abstract. St. Petersburg, 2011, 27 p. (in Russ.).

УДК 903

Ю.Н. Ненахова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Определение «провинций» наскального искусства в трудах академика А.П. Окладникова (к постановке вопроса)

Одной из сторон представления академиком А.П. Окладниковым памятников наскальной изобразительной деятельности в качестве исторического источника стало объединение их в «провинции» наскального искусства. Специализированной работы по данному вопросу у исследователя не было. В данной статье освещена методическая сторона его изысканий и предлагаемые построения относительно двух этапов эпохи камня – палеолита и неолита. Для эпохи палеолита определено два региона. С эпохой неолита ученый связывал процесс сложения «провинций» наскального искусства. В целом можно говорить о трех таких «провинциях» – таежной, дальневосточной/амурской и степной/центральноазиатской. Исследование в этом направлении А.П. Окладниковым не было завершено – остался открытым вопрос понятийного аппарата, четкой внутренней дифференциации и пр. Вместе с тем ученым была определена основная парадигма для дальнейшего развития научных изысканий.

Ключевые слова: *академик А.П. Окладников, исторический источник, Северная Азия, провинции наскального искусства, палеолит, неолит.*

Yu.N. Nenakhova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Definition of "Provinces" of Rock Art in the Works of Academician A.P. Okladnikov (Towards the Problem Setting)

One of the aspects of how Academician A.P. Okladnikov perceived rock art as a historical source was integration of the objects of rock art into "provinces". Although there is no special work of A.P. Okladnikov on this subject, the present article discusses methodological aspects of his studies and his concept of rock art of the Stone Age – the Paleolithic and Neolithic. A.P. Okladnikov identified two regions for the Paleolithic, and associated the process of the emergence of rock art "provinces" with the Neolithic; three of such "provinces" are taiga province, Far Eastern/Amur province, and steppe/Central Asian province. A.P. Oklanikov has not completed his research on the subject, and the problems of the conceptual framework, clear inner differentiation, etc. have remained unresolved. However, he succeeded in defining the main paradigm for further research.

Keywords: *Academician A.P. Okladnikov, historical source, Northern Asia, rock art provinces, Paleolithic, Neolithic.*

Научный интерес академика А.П. Окладникова к иррациональной деятельности древнего человека был весьма разносторонним. Прежде всего, он заключался в систематической публикационной работе по данной проблематике, позволявшей ввести в научный оборот массовый материал по наскальной изобразительной деятельности человека обширной территории Северной и Центральной Азии. Эти работы отвечали четко поставленным целям, заданным самим же ученым.

С точки зрения анализа памятников наскального искусства как полноценного исторического источника, можно сказать, что А.П. Окладников рассматривал их как значимый материал для понимания культурных процессов и конкретных исторических событий, происходивших

на пространствах Северной Азии и соседних регионов. В рамках данного направления научных исследований А.П. Окладников ставит вопрос о выделении «провинций» наскального искусства. Он рассматривался исследователем в контексте обобщающих работ и не носил самостоятельного характера [Окладников, 1969, 1970, 1971, с. 80–82; 1982; и др.]. Различные аспекты научно-исследовательской деятельности ученого относительно памятников первобытного искусства не раз становились объектом детального рассмотрения, обращалось внимание и на выделение им ареалов наскального искусства (А.М. Решетов и Е.А. Окладникова, В.И. Молодин, Р.С. Василевский, А.И. Мартынов и др.).

Предлагаемая статья имеет целью более детально представить сведения, посвященные данной проблематике, рассмотрев методическую основу и полученные А.П. Окладниковым и поддерживающими его концепцию соавторами результаты. При выборке источников мы руководствовались наличием в них наиболее подробного изложения взглядов исследователя, в первую очередь, относительно методики выделения, а во вторую – непосредственной характеристики им этих «провинций» через призму памятников наскального искусства.

В своих исследованиях А.П. Окладников исходил из того, что наскальные изображения являются источником сведений о палеоэкономических и социальных проблемах, а также о духовной культуре, искусстве и мировоззрении, религии и культах древних обитателей Северной Азии и соседних территорий. Они позволяют судить об общем ходе исторического процесса в регионе и выявлять определенные его закономерности.

Методической основой теории о «провинциях» наскального искусства стало рассмотрение ученым этнографических материалов в контексте древней истории. А.П. Окладников писал о двух ярусах этнических признаков в построении модели этноса. Первичная основа им виделась в признаках, составляющих комплекс элементов, образующих структуру определённого этнического целого. Затем выделялись признаки, свойственные не всем представителям данного блока, а отдельным его подразделениям. К ним относятся специфические признаки – элементы культуры «второго порядка». Этот принцип, заложенный этнографами, может быть использован, по мнению исследователя, при реконструкции этнических общностей прошлого, где основное значение будет иметь археологический, вещественный материал [Окладников, 1969, с. 8–13].

В данном контексте «первый ярус», или критерии «первого порядка», – это характерные, но общие признаки для групп древних племен/народностей, во многом зависящие от конкретной географической среды. В этой связи А.П. Окладников акцентировал внимание на существовании больших территориальных групп наскальных изображений. Границы классификационных групп первого порядка, на его взгляд, соответствуют большим ландшафтным областям, а следовательно и хозяйственно-культурным провинциям/типам. Понятно, что в основе концепции лежит материалистический подход на взаимодействие культуры общества с природой и влияние естественно-географических условий на ее формирование и развитие.

А.П. Окладников выделяет три «провинции» наскального изобразительного искусства: 1) таежную, 2) дальневосточную/амурскую, 3) степную/центральноазиатскую. Исследователем приведена их подробная характеристика. За основные показатели/критерии приняты: регион, сюжет, содержание/семантика, датировка и ее обоснование, стиль, связь с другими регионами.

Сложение «провинций» наскального искусства ученый связывает с эпохой неолита. В свою очередь, сами по себе группы петроглифов отражают факт существования в неолите больших этнокультурных групп на территории Северной Азии и соседних регионов. Распространение этих групп петроглифов вкупе с их носителями совпадает с современным расселением ряда культурно-этнических групп Сибири и Центральной Азии. Деление их на отдельные более дробные области/районы, как считает А.П. Окладников, с характерными мелкими особенностями «второго порядка» происходит уже в эпоху металла [Окладников, 1969, с. 5–18].

На основании археологического материала А.П. Окладников говорил о сложении четырех хозяйственно-культурных областей в эпоху неолита от Урала до Дальнего Востока: 1) западно-сибирская (от Урала до Енисея); 2) Прибайкалье или Восточная Сибирь (от Енисея до Байкала), где особо выделяется Якутия и северо-восточная Азия; 3) степи Забайкалья (Онон, Селенга, Шилка), далее на юг до Центральной Азии; 4) лесная зона Забайкалья (Шилка, Яблоновый хребет) [Окладников, 1970, 1982; и др.].

В трудах по петроглифам определение «провинций» наскального искусства имеет вариации, укладывающиеся в уже представленные схемы, за исключением «дальневосточной», не претерпевшей изменений. Так, «таежная» сначала была поделена на две провинции (1972), потом в ней было выделено два «малых района» (1980); «центральноазиатская» также оказалась разделена

на две провинции (1972, 1980). Затем А.П. Окладников обе провинции представил как «ареалы», расширив их территориальные рамки [Окладников, 1971, с. 80–82; Окладников, Мартынов, 1972, с. 5–6; Окладников, 1980, с. 95–98; Окладников и др., 1980, с. 8–9].

А.П. Окладников придерживался концепции о наследовании традиций палеолитической изобразительной деятельности (характер, стиль, духовные представления) и их развитии в неолитическое время, апогеем этого процесса, по мнению исследователя, явился расцвет реалистического стиля. При характеристике наскального искусства эпохи палеолита речь идет о иных территориальных дефинициях. Определено два региона – Центральная и Восточная Европа; территория СССР, акцент на Северную Азию. Исследователь выделяет своеобразные территории, именуя их как «миры первобытного искусства» с условными границами. Конкретно речь идет, например, о «мире первобытного искусства» от Средиземного моря до Байкала. Другая территория это «мир африканского континента», имеющий явное своеобразие и эстетическую силу.

При включении росписей пещеры Хойт-Цэнкер Агуй в центральноазиатский очаг первобытного искусства привлечение археологического материала позволило связать их с культурами каменного века Западной Монголии, Алтая и Сибири, отчасти Средней Азии, представив единым районом палеолитической культуры [Окладников, 1972, с. 7, 50]. В данном контексте отмечена близость по стилю и содержанию изображений пещеры Хойт-Цэнкер Агуй (Западная Монголия), Средней Азии, Памира, Тянь-Шаня и Верхней Лены (Шишкино), что позволило исследователю говорить о наличии культурно-исторической провинции [Там же, с. 54].

А.П. Окладников на основании рассмотрения «провинций» наскального искусства приходит к заключению об исторических процессах, происходивших в регионе в эпоху камня. По его мнению, в эпоху палеолита – этнокультурная интеграция; в эпоху неолита напротив – дифференциация культуры и этноса. Главная причина такого положения вещей, как считал исследователь, становление современных ландшафтных зон взамен былого единообразия, повлекшее, как следствие, разнообразие в развитии экономики, образа жизни и бытового уклада древнего населения Евразии [Окладников, 1969, с. 18–21].

В целом для палеолита понятия разделены на категории: «очаг»/регион/район-«провинция»-«мир». Для периода неолита понятия «область», «провинция», «ареал», «художественный мир», «очаг», «регион» по контексту синонимичны, составная их часть определяется понятиями «локальный вариант», «группа рисунков» или «малый район». Ученым прослеживается два направления формирования «провинций»: относительно всей хронологической шкалы по сюжетно-стилистическому признаку и в рамках конкретного исторического периода на основании более частных критериев. При этом археологические материалы выступают в качестве вспомогательных критериев. Таким образом, каждая из выделенных «провинций», или областей, имеет своеобразный набор образов, художественных стилей, стоящей за ними мифологии, а также отражает своеобразный путь хозяйственно-культурного развития.

Обращает на себя внимание методичность исследователя, целенаправленно отрабатывавшего группы изображений, входивших в ту или иную «провинцию», в отдельно взятых регионах Северной и Центральной Азии. Появление новых данных по памятникам наскального искусства Северной Азии повлекло количественное изменение в выделении «провинций» после наиболее полно отражавшей мнение ученого работы 1969 г.

На сегодняшний день исследования памятников первобытного искусства осуществляются в представленной парадигме. Они носят более точечный характер, в значительной мере дополняя намеченную А.П. Окладниковым концепцию по отдельным ее блокам, при этом уточняется определение понятия «провинция», территориальные рамки и пр. (Е.Г. и М.А. Дэвлет, А.И. Мартынов, В.И. Молодин, О.С. Советова, А.А. Формозов, Я.А. Шер и др.).

Список литературы

Окладников А.П. Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по этнической истории Северной Азии (методология и некоторые общие выводы) // Материалы конференции «Этногенез народов северной Азии». – Новосибирск, 1969. – С. 3–27.

Окладников А.П. Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 172–193.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 335 с.

Окладников А.П. Центральноазиатский очаг первобытного искусства. – Новосибирск: Наука, 1972. – 76 с.

Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. Хобд-сомон (г. Тэбш). – Л.: Наука, 1980. – 271 с.

Окладников А.П. У истоков истории Сибири (археология сегодня) // Изв. СО АН СССР. – 1982. – Вып. 1. – № 1. – С. 82–96.

Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. – М.: Искусство, 1972. – 255 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1980. – 140 с.

References

Okladnikov A.P. Petroglify Sibiri i Dal'nego Vostoka kak istochnik po etnicheskoi istorii Severnoi Azii (metodologiya i nekotorye obshchie vyvody). In *Materialy konferentsii "Etnogenez narodov severnoi Azii"*. Novosibirsk, 1969, pp. 3–27 (in Russ.).

Okladnikov A.P. Neolit Sibiri i Dal'nego Vostoka. In *Kamennyi vek na territorii SSSR*. Moscow: Nauka, 1970, pp. 172–193 (in Russ.).

Okladnikov A.P. Petroglify Nizhnego Amura. Leningrad: Nauka, 1971, 335 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P. Tsentral'noaziatskii ochag pervobytnogo iskusstva. Novosibirsk: Nauka, 1972, 76 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P. Petroglify Tsentral'noi Azii. Khobdsomon (g. Tebsh). Leningrad: Nauka, 1980, 271 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P. U istokov istorii Sibiri (arkheologiya segodnya). *Izvestiya SO AN SSSR,* 1982, iss. 1, No. 1, pp. 82–96 (in Russ.).

Okladnikov A.P., Martynov A.I. Sokrovishcha Tomskikh pisanits. Naskal'nye risunki epokhi neolita i bronzy. Moscow: Iskusstvo, 1972, 255 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P., Okladnikova E.A., Zaporozhskaya V.D., Skorynina E.A. Petroglify Gornogo Altaya. Novosibirsk: Nauka, 1980, 140 p. (in Russ.).

УДК 902/904 736.24

Ю.А. Плотников[1], П.В. Волков[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: volkov100@yandex.ru

Уплощенная галька с изображением антропоморфной личины из Нижнего Приамурья

В статье впервые публикуется коллекция археологических находок из Нижнего Приамурья, в 1980 г. присланных в дар академику А.П. Окладникову краеведом из Николаевска-на-Амуре. Наиболее интересным предметом в коллекции является уплощенная галька с изображением бородатого существа. Для определения подлинности возникла необходимость подвергнуть данное изделие трасологической экспертизе. В результате исследования было установлено, что личина была вырезана одним металлическим инструментом, вероятно, железным ножом, поскольку металлургия бронзы не получила в Приамурье и Приморье широкого распространения. Ближайшие стилистические аналоги обнаруживаются на северном побережье Охотского моря в памятниках токаревской культуры. Наиболее вероятной представляется датировка изделия рубежом эр.

Ключевые слова: *Нижнее Приамурье, антропоморфные изображения, трасологический анализ, токаревская культура, древнекорякская культура.*

Y.A. Plotnikov[1], P.V. Volkov[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: volkov100@yandex.ru

Flattened Pebble with Anthropomorphic Facial Image from the Lower Amur

The article for the first time describes the collection of archaeological findings from the Lower Amur region, which was sent as a gift to A.P. Okladnikov by a local historian from Nikolayevsk-on-Amur in 1980. The most interesting object in the collection is a flattened pebble with the representation of a bearded creature. For establishing the authenticity of the object, the pebble was subjected to trace examination, which revealed that the image was carved with a single metal tool, presumably a knife. Considering that bronze metallurgy was never widely spread in the Amur region and Primorie, it can be safely presumed that the tool was made of iron. The closest stylistic parallels to the representation can be found on the northern coast of the Sea of Okhotsk at the sites of the Tokarevo culture. The object can be most probably dated to the last centuries BC – first centuries AD.

Keywords: *Lower Amur region, anthropomorphic images, use-wear analysis, Tokarevo culture, ancient Koryak culture.*

Небольшая коробочка из-под конфет, аккуратно обклеенная сверху белой писчей бумагой, с надписью красной шариковой ручкой большими печатными буквами «ЦЕННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ» сразу обратила на себя внимание. Внутри – картонный планшет с надписью на обороте «А.П. Окладникову! Поселение Архангельское, конец второго тыс. до н.э. – начало первого тыс. до н.э., Николаевский-на-Амуре р-н /арх. находки – 80 / Яровенко А.Д.». К планшету под пятью номерами аккуратно подшиты тонкими шелковыми нитками семь артефактов: № 2 – три двусторонне ретушированных халцедоновых наконечника стрел, светло-желтых оттенков, полупрозрачных (рис. 1, *2–4*); № 3 – еще один наконечник, из черного кремнистого материала (рис. 1, *5*); № 4 – обломок шлифованного тесла, ближний к лезвию, из того же черного материала (рис. 1, *7*); № 7 – тонкая шлифованная подвеска с двусторонне просверленным отверстием на конце из того же материала (рис. 1, *6*). Наход-

ки, безусловно, интересные, красивые, но на фоне амурского позднего неолита ничем особым не выделяющиеся и имеющие самые широкие аналогии.

Однако предмет под № 1 оказался настоящим произведением искусства (рис. 1, *1*). На овальной гальке вырезана выразительная личина с глубочайшими круглыми глазами под рельефными дуговидными бровями, небольшим ртом, приплюснутым носом, от самых ноздрей заросшая окладистой бородой, моделированной резными линиями. Размеры изделия: длина – 39 мм, ширина – 29 мм, толщина на уровне глаз – 10 мм, на уровне бороды – 14 мм. Тыльная сторона – плоская. Самая тонкая верхняя часть предмета, выше бровей, утрачена; вполне возможно, что здесь было отверстие или желобок для подвешивания.

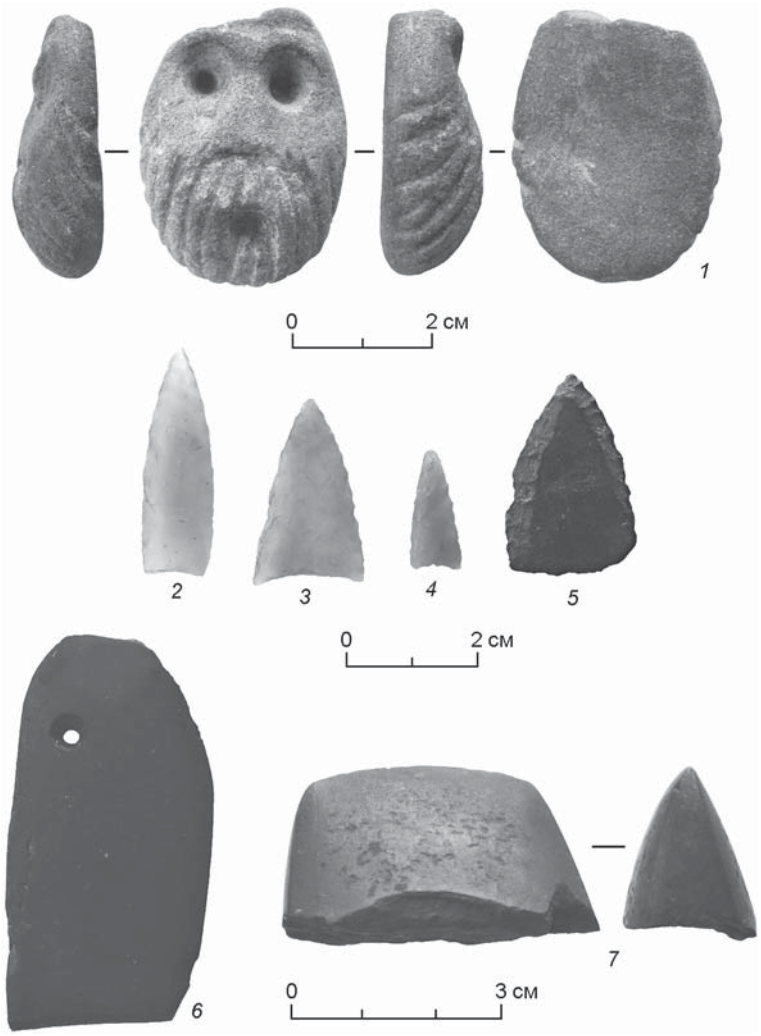

Рис. 1. Коллекция предметов с поселения Архангельское (?):
1 – резное изображение личины на гальке; *2–5* – каменные наконечники стрел; *6* – каменная подвеска с отверстием; *7* – обломок шлифованного каменного тесла.

Кроме археологических находок, в коробочку были вложены три нарративных документа: адресованное А.П. Окладникову письмо А.Д. Яровенко на восьми страницах ученической тетради в клетку, написанное каллиграфическим почерком, но без всякого почтения к грамматике и синтаксису; ответное письмо Алексея Павловича (второй или третий экземпляр машинописного текста, напечатанный на обороте рецензии на «Петроглифы Мугур-Саргола» М.А. Дэвлет, с карандашной подписью академика внизу и карандашной же датой 11.01); два листа из журнала «Природа» (с. 119–120 и задняя обложка) с заметкой А.И. Лебединцева «Антропоморфная подвеска с Охотского побережья» [Лебединцев, 1981]. На стр. 120 сверху карандашная надпись рукой А.К. Конопацкого – «Природа № 3 1981 г.».

Первым побуждением было незамедлительно готовить коллекцию к публикации. Однако уже на начальном этапе работы исследовательский энтузиазм встретился с неким препятствием, а именно с обоснованным сомнением в подлинности самой яркой находки – личины. И связано это затруднение было, в первую очередь, с особенностями личности ее отправителя.

Со слов хорошо знавших Анатолия Яровенко людей (В.Е. Медведева, Ю.С. Худякова, А.К. Конопацкого), предстает портрет человека поистине неординарного – с импульсивным темпераментом, необузданной фантазией и очень умелыми руками. Перечисленные качества позволяли ему, не имея систематического образования, но обладая определенной начитанностью в археологической литературе, непрерывно совершенствоваться в рукоделии по мотивам прочитанного. В связи с этим регулярно появляющиеся на свет уникальные «древности» неоднократно ставили специалистов в весьма щекотливое положение. По-видимому, «посылочка» академику была попыткой извиниться перед ним за один из таких инцидентов – попыткой довольно неуклюжей, если исходить из содержания и довольно дерзкого стиля письма. Но Алексей Павлович очень любил энтузиастов археологии и прощал им многое.

В пользу подлинности находки свидетельствовали вроде бы следующие соображения. По каким образцам могла быть изготовлена такая личина? Ближайший стилистический аналог – подвеска из бухты Токарева (Северное Приохотье) была опубликована А.И. Лебединцевым в уже упомянутом № 3 журна-

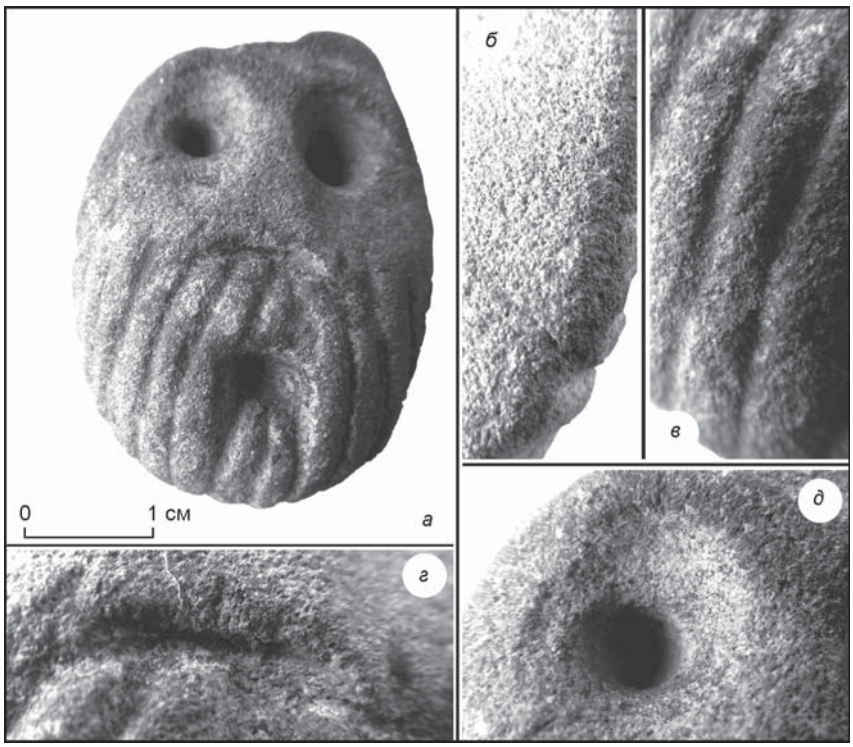

Рис. 2. Лицевая сторона личины (*а*), следы обработки на абразиве (*б*), следы работы ножа в качестве пилы (*в*), резчика (*г*) и сверла (*д*).

ла «Природа» за 1981 г., т.е. не ранее конца марта. Потом она неоднократно переиздавалась [Лебединцев, 1990, рис. 32, *5*; 1996, рис. 1, *2*; 1999, рис. 2, *2*], в т.ч. и на обложке монографии «Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья». Но, насколько можно судить по дате письма А.П. Окладникова (11.01), «посылочка» А.Д. Яровенко пришла не позднее начала января, т.е., скорее всего, предполагалась в качестве новогоднего подарка. Таким образом, токаревская находка послужить образцом не могла, как и территориально близкая подвеска с о. Недоразумения, где изображение человеческого лица процарапано крайне схематично [Васильевский, 1971, табл. VII, 4].

Широко известны эскимосские маски, впервые опубликованные С.В. Ивановым в классическом труде «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири» [Иванов, 1954, с. 433, рис. 15]. Вот как раз они такими образцами послужить могли.

Дополнительные сложности вносит неопределенность места находки. Архангельское – поселок на западной окраине Николаевска-на-Амуре. Однако поселения с таким названием в археологической номенклатуре нет. По крайней мере, в обстоятельной сводке И.Я. Шевкомуда [2004] это наименование отсутствует. Возможно, в специальной литературе памятник фигурирует под другим названием.

Таким образом, возникла настоятельная необходимость для установления подлинности подвергнуть предмет трасологической экспертизе.

Сохранность изучаемого изделия определена как относительно хорошая и достаточная для проведения экспериментально-технологического анализа (рис. 2, *а*). Исследования позволили установить использовавшийся при работе инструментарий и последовательность обработки изделия.

На первом этапе работ овальная заготовка была уплощена с тыльной стороны на неподвижном сравнительно среднезернистом абразиве. Линейные следы воздействия абразива не прослеживаются и были утрачены, вероятно, в процессе «старения» изделия. Хорошо просматривается край обработанной и естественной поверхности камня (рис. 2, *б*). На лицевой стороне изделия выявлены следы воздействия ножа, работавшего в качестве пилы (рис. 2, *в*). Вероятно, что этот же инструмент, но уже в качестве резчика, использовался и при обозначении контура носа личины (рис. 2, *г*). Углубления, обозначившие глаза личины, выполнены с помощью скоростного сверления. Развальцовка бортов отверстий сделана, по-видимому, тем же инструментом, что использовался для проработки ранее упомянутых деталей личины. Типичные «лепестковые» контуры следов с оборотом инструмента вокруг своей оси менее 180° (рис. 2, *е*) прослеживаются вокруг обоих углублений «глаз». Характерна нетипичная направленность рабочего вращения инструмента – против часовой стрелки. В зоне рта личины следы обработки прослеживаются не столь отчетливо, но вероятность использования того же ножа в качестве той же развертки очень велика.

В целом можно уверенно предполагать, что уплощенная на абразиве заготовка обрабатывалась единственным, вероятно, металлическим, инструментом – ножом, работавшим как пила, резчик и развертка. Острота рабочих краев инструмента и его износоустойчивость обеспечили технологически эффективный процесс формирования артефакта. Поверхность изделия имеет признаки естественного старения, по которым допустимо сделать заключение о его подлинности.

Результаты трасологического исследования имеют решающее значение и для установления возраста изделия. Хорошо известно, что в силу ряда объективных причин бронзолитейная металлургия в Приамурье и Приморье не получила широкого распространения [Деревянко, 1969, с. 94–100]. Поэтому металлический нож, послуживший инструментом для изготовления личины, с вероятностью 99 % был железным. Производство железных изделий на Дальнем Востоке начинает развиваться уже в начале I тыс. до н.э. [Окладников, 1963, с. 176], а уже во второй половине тысячелетия железо практически вытеснило все другие материалы для изготовления орудий труда и предметов вооружения [Деревянко, 1976, с. 151].

Стилистические же аналогии, как уже было сказано выше, уводят нас с Нижнего Амура на северное побережье Охотского моря в токаревскую культуру. Ее верхний рубеж определяется появлением древнекорякской культуры в первой половине I тыс. н.э. Самый ранний этап древнекорякской культуры (завьяловский) датируется V–VIII вв. н.э. [Васильевский, 1971, с. 133]. Нижний рубеж токаревской культуры пока не совсем определен. Из основной массы радиоуглеродных датировок выпадает дата 3540 ± 60 на стоянке Токарева. Остальные датировки укладываются в пределах VII в. до н.э. – II в. н.э. [Лебединцев, 1999, с. 46]. Исходя из общих соображений, до появления новых данных наиболее вероятной предварительной датировкой нашей личины будут последние века до н.э. – первые века н.э.

Таким образом, неоднократно отмечаемые ранее связи Нижнего Приамурья с Северным Приохотьем, выразившееся в конструкции жилищ, керамическом производстве, орнаментике, а в позднем периоде в распространении изделий из металла и копировании этих орудий в камне [Васильевский, 1971, с. 190; Лебединцев, 1999, с. 44], по-видимому, находят свое продолжение также в сфере искусства и идеологических представлений.

Список литературы

Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск: Наука, 1971. – 252 с.

Деревянко А.П. Проблема бронзового века на Дальнем Востоке // Изв. СО АН СССР. – 1969. – № 6: Сер. обществ. наук, вып. 2. – С. 94–100.

Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. – М.-Л., 1954. – 839 с. – (ТИЭ, н.с.; т. XXII).

Лебединцев А.И. Антропоморфная подвеска с Охотского побережья // Природа. – 1981. – № 3. – С. 120.

Лебединцев А.И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л.: Наука, 1990. – 265 с.

Лебединцев А.И. Художественные сюжеты и орнаментальные мотивы в искусстве токаревской культуры // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока (по данным Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции). – Магадан, 1996. – С. 140–159.

Лебединцев А.И.Становление и развитие приморского хозяйства в Северном Приохотье и на Камчатке // История, археология и этнография Северо-Востока России. – Магадан, 1999. – С. 42–69.

Окладников А.П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. – М.-Л.: Наука, 1963. – 356 с. – (МИА; № 112).

Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 156 с.

References

Derevianko A.P. Problema bronzovogo veka na Dal'nem Vostoke. In *Izvestiya SB AS USSR*, 1969, No. 6: *Ser. obshchestv. nauk*, iss. 2, pp. 94–100 (in Russ.).

Derevianko A.P. Priamurie (I tysyacheletie do nashei ery). Novosibirsk: Nauka, 1976, 384 p. (in Russ.).

Ivanov S.V. Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX v. Syuzhetnyi risunok i drugie vidy izobrazhenii na ploskosti. In *Trudy Instituta Etnografii, novaya seriya*. Moscow; Leningrad, 1954, vol. XXII, 839 p. (in Russ.).

Lebedintsev A.I. Antropomorfnaya podveska s Okhotskogo poberezh'ya. *Priroda*, 1980, No. 3, p. 120 (in Russ.).

Lebedintsev A.I. Drevnie primorskie kul'tury Severo-Zapadnogo Priokhot'ya. Leningrad: Nauka, 1990, 265 p. (in Russ.).

Lebedintsev A.I. Khudozhestvennye syuzhety i ornamental'nye motivy v iskusstve tokarevskoi kul'tury. In *Arkheologicheskie issledovaniya na Severe Dal'nego Vostoka (po dannym Severo-Vostochno-Aziatskoi kompleksnoi arkheologicheskoi ekspeditsii)*. Magadan, 1996, pp. 140–159 (in Russ.).

Lebedintsev A.I. Stanovlenie i razvitie primorskogo khozyaistva v Severnom Priokhot'e i na Kamchatke. In *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Severo-Vostoka Rossii*. Magadan, 1999, pp. 42–69 (in Russ.).

Okladnikov A.P. Drevnee poselenie na poluostrove Peschanom u Vladivostoka . Moscow; Leningrad: Nauka, 1963, 356 p. (Materialy i issledovaiya po arscheologii SSSR; No. 112) (in Russ.).

Shevkomud I.Ya. Pozdnii neolit Nizhnego Amura. Vladivostok: DVO RAN Publ., 2004, 156 p. (in Russ.).

Vasilievskii R.S. Proiskhozhdenie i drevnyaya kul'tura koryakov. Novosibirsk: Nauka, 1971, 252 p. (in Russ.).

УДК 902.2

С.Г. Скобелев[1, 2], О.А. Митько[2], А.Ю. Тарасов[3], А.И. Поселянин[4, 5], И.С. Половников[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Служба по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края
[4]Хакасский государственный университет
[5]Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
E-mail: sgskobelevs@yandex.ru

Кыргызский могильник Большой Телек в Идринском районе Красноярского края

В августе 2017 г. проводились поиски археологических памятников на правом берегу р. Енисея у с. Большой Телек Идринского р-на Красноярского края. В ходе работ на одной из возвышенностей, к северо-востоку от данного села, были заложены два раскопа. Никаких видимых признаков искусственных сооружений на современной дневной поверхности на площади раскопов отмечено не было. Непосредственно под слоем дерна обнаружены погребения, совершенные по обряду трупосожжения. Их сопровождали многочисленные предметы, относящиеся к вооружению и снаряжению верхового коня. Всего было обнаружено 108 артефактов. Стоит отметить находку железной иглы. Ее длина 4 см, диаметр 1 мм, диаметр круглого отверстия менее 1 мм. Погребальный обряд и сопроводительный инвентарь позволяют в целом отнести оба комплекса к культуре енисейских кыргызов монгольского времени.

Ключевые слова: *правобережье Енисея, позднее Средневековье, енисейские кыргызы, кремация, оружие, снаряжение коня.*

S.G. Skobelev[1, 2], O.A. Mitko[2], A.Yu. Tarasov[3], A.I. Poselyanin[4, 5], I.S. Polovnikov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Service on the State Protection of Objects Cultural Heritage of the Krasnoyarsk Territory
[4]Khakas State University
[5]Khakas Research Institute of Language, Literature and History
E-mail: sgskobelev@yandex.ru

Kyrgyzian Cemetery of Bolshoi Telek in Idrinsky District of the Krasnoyarsk Krai

A reconnaissance of medieval archaeological sites on the right bank of the Yenisei in the vicinity to the village of Bolshoi Telek (Idrinsky District of the Krasnoyarsk Krai) was conducted in August 2017. Two excavation trenches were established on one of the hills northeast from the village. Initially, no visible signs of artificial constructions were noted. Two burials (by the rite of cremation) were discovered beneath the turf layer. The rich grave good kit includes armament pieces and horse trappings (108 artifacts). An iron needle is noteworthy. Its length is 4 cm; diameter 1 mm; round eye diameter is less than 1 mm. The burial rite and grave good kit suggest attribution of both complexes to the culture of the Yenisei Kyrgyzians of the Mongolian period.

Keywords: *right bank of the Yenisei*, L*ate Medieval Period, Yenisei Kyrgyzians, weapon, horse trappings.*

В 2017 г. в Новосибирском государственном университете была принята программа поддержки научных подразделений, что позволило сотрудникам Лаборатории гуманитарных исследований осуществить летом текущего года полевые археологические работы. В августе этого года Красноярским археологическим отрядом с привлечением сотрудников ИАЭТ СО РАН, Хакасского государственного университета и ХакНИИЯЛИ проводился поиск средневековых памятников на правом берегу Енисея, на территории Идринского р-на Красноярского края. Научная литература содержит крайне скудные указания на археологические объекты, открытые в данном районе. Знакомство с опубликованными материалами показало, что в предыдущие годы в Идринском р-не было обнаружено всего несколько средневековых предметов [Кызласов, 1983, с. 76, 77, 79].

Непосредственным поводом для проведения полевых поисковых работ послужила информация, поступившая в Службу по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края, об участившихся случаях археологических находок периода Средневековья, относящихся к оружию и конскому снаряжению. Их находили местные жители, однако сведения о точной локализации мест обнаружения отсутствовали.

По своим природным характеристикам Идринский р-н отличается от степных районов Приенисейского правобережья, расположенных южнее. Он расположен в восточной части Сыдо-Ербинской котловины, которая приходится на лесостепную и подтаежную зоны и имеет сложную орографию. Сыда и ее притоки образуют разветвленную древовидно-перистую систему, водораздельные пространства занимают небольшие сопки и гряды, высота которых составляет от 450 до 500 м и увеличивается в сторону Восточных Саян. По рекомендации Службы государственной охраны памятников в ходе проведения разведочных маршрутов основное внимание было обращено на междуречье рек Сыды и Телека. Большая часть равнинных участков этой территории распахана, уплощенные вершины и южные склоны возвышенностей занимают остепненные луга, северные склоны – лиственнично-березовые околки.

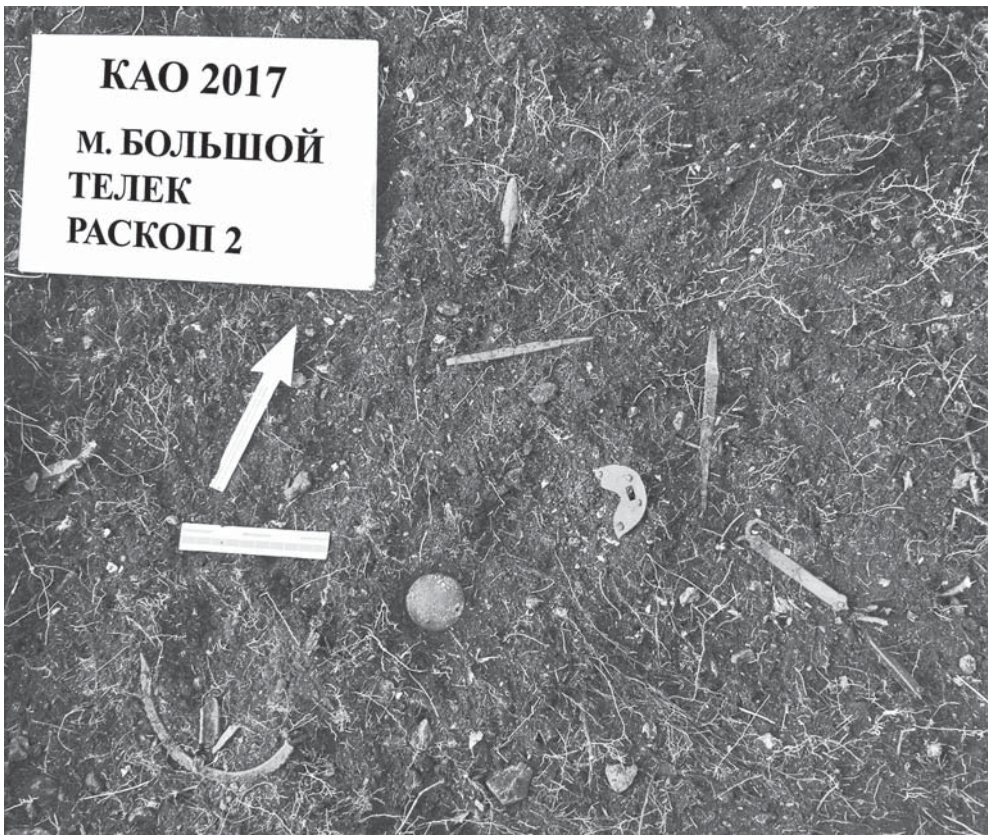
Средневековые погребальные памятники были выявлены на одном из высоких увалов широкого лога Лабадзяк, расположенного в 8 км к северо-востоку от с. Большой Телек. Территория вокруг увала активно распахивалась в течение длительного времени, южные и юго-западные склоны использовались в качестве сенокосных угодий. На период проведения работ площадь увала поросла густой травой.

Никаких видимых признаков искусственных сооружений на современной дневной поверхности выявлено не было. В центральной части юго-восточного склона прослеживалась относительно ровная площадка, с обнажениями коренных пород, образующими две небольшие расположенные параллельно скалистые гряды. На этой площадке были заложены два разведочных раскопа.

Раскоп 1, размеры которого составили 3 × 4 м, охватывал все пространство между каменными грядами. На его площади выявлена следующая стратиграфическая ситуация: почвенно-растительный дерновый слой средней мощностью 5–7 см, сплошь покрытый растительностью; нижняя граница ровная, перекрывающая участки щебнистой почвы буро-коричневого цвета и подстилающие каменные коренные выходы, которые выходят на поверхность щебнистой почвы в виде отдельных плит и камней небольших размеров. Все находки на площади раскопа были сделаны непосредственно под дерном, на уровне границы дернового и щебнистого слоев. В ряде случаев они фиксировались в корневых переплетениях растительности.

Погребение, совершенное по обряду трупосожжения на стороне, представлено очень незначительным количеством кальцинированных костей (11 г), не составлявших компактного скопления. Вместе с ними, преимущественно в южной части раскопа, было обнаружено 20 железных предметов. Это четыре плоских разнотипных наконечника стрел, изогнутая накладка прямоугольной формы с сердцевидными фигурами на концах, кольчатые удила, накладки на ремень различной формы, две небольшие пряжки с овальными рамками, четыре мелких гвоздика с выпуклыми грибовидными шляпками, кресало и игла. Две последние находки стоит отметить особо. Кресало имеет С-видную форму с прямоугольным лезвием, ударная часть покрыта параллельными насечками. В Южной Сибири кресало с подобной технико-типологической особенностью обнаружено впервые. Длина иглы 4 см, диаметр 1 мм, диаметр круглого ушка менее 1 мм. Это уникальное для кузнечного производства того времени стальное изделие.

Раскоп 2 был заложен в 4 м к северу от раскопа 1, его размеры составили 2 × 2 м. На поверхности современной почвы также не прослеживались какие-либо признаки погребального сооружения, стратиграфическая ситуация аналогичная той, что была выявлена на предыдущем объекте. В центральной части раскопа, сразу под дерном, был найден фрагмент верхней челюсти человека и две крупные колотые кости животного. Следы воздействия огня на их поверхности отсутствуют. На одной из костей животного лежали две коррозированные железные

Разнородный сопроводительный инвентарь на площади раскопа 2 могильника Большой Телек.

накладки от поясной гарнитуры. Кальцинированные кости располагались сразу под дерном, фиксировались в корневой системе, но, как и в предыдущем раскопе, костей собрано немного (51 г) и они не составляли компактного скопления. Сопровождавший их железный инвентарь был также рассыпан по всей площади раскопа (см. *рисунок*).

Всего в раскопе 2 было найдено 88 предметов, включая наконечники стрел (плоские и четырехгранные, бронебойные), колчанные крюки, пряжки и поясные украшения, скобовидное кресало, нож, напильник, тесло, пару удил с псалиями, распределители ремней, металлические принадлежности сбруи и седла. Все предметы изготовлены из железа методом кузнечной ковки и несут следы последующего пребывания на погребальном костре. Они имеют многочисленные аналоги среди археологических комплексов енисейских кыргызов XII–XIV вв. [Кызласов, 1983].

Важным обстоятельством стал тот факт, что погребения могильника Большой Телек не имеют курганных насыпей. Собранные с погребального костра кальцинированные кости помещали непосредственно на поверхность земли и эта специфическая особенность погребального обряда встречается в лесостепной и подтаежной зонах Приенисейского края. В частности, подобные бескурганные захоронения были открыты на могильнике Монашка в районе г. Красноярска [Скобелев, Митько, 2007]. Они маркируют северную границу распространения кыргызских погребальных памятников. Оба описанных погребения могильника Большой Телек мы также склонны отнести к культуре енисейских кыргызов, однако присутствие в раскопе 2 вместе с кальцинированными костями фрагмента черепа человека без следов пребывания на погребальном костре не укладывается в привычную картину их погребального обряда.

Согласно историческим сведениям в позднем Средневековье в этом районе проживали кыргызы-тубинцы. Их улус охватывал правобережье Енисея между Западным и Восточным Саяном с центром в долине р. Туба, которую занимал ведущий род. Первые известия о тубинцах сохранились в китайских летописях, в которых сообщалось, что племена «туба» (в форме «дубо») обитали в предгорьях Восточных Саян, восточнее кыргызов. К моменту появления на Енисее русских людей тубинцы в качестве отдельной этнотерриториальной группы, известной как Тубинское княжество, входили в состав государственного образования енисейских кыргызов. По сравнению с другими группами этнический состав Тубинского улуса был наиболее пестрым. В него входили «верховые землицы» тюркоязыч-

ных кыргызов-тубинцев, кетоязычных байкотовцев (по долинам рек Туба и Сыда, на оз. Кызылкульское), самоедоязычных моторов и камасинцев (в верховьях рек Оя, Туба, Убей, Сыда, в долинах рек Ус, Кантегир, Кизир, Казыр, Амыл). Несмотря на этнические различия, все они считались «одни люди и род и племя» с кыргызами. Однако помимо погребений, совершенных по характерному для кыргызов обряду кремации, на территории Тубинского княжества зафиксированы и ингумации, что является отражением его смешанного этнического состава [Митько, 2003]. В XVII в. вокруг р. Тубы, по словам С.В. Бахрушина, «сплетался клубок мелких племен и улусов, значение которых было ничтожно в отдельности, но которые в целом составляли внушительную силу» [Бахрушин, 1955, с. 179]. В настоящее время изученные нами погребения могильника Большой Телек маркируют один из участков восточной границы распространения культуры енисейских кыргызов, демонстрируя ее региональные особенности.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта № 1.4539.2017/8.9 Минобрнауки РФ.

Список литературы

Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Науч. тр. – Т. III.: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. – Ч. 2.: История народов Сибири в XVI–XVII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 176–224.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с.

Митько О.А. К вопросу о выделении археологических памятников позднесредневековых тубинцев // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего Средневековья. – Новосибирск: РТФ, 2003 – С. 213–223.

Скобелев С.Г., Митько О.А. Погребения по обряду трупосожжения на реке Кача под Красноярском и их место в культурной традиции средневекового населения Сибири // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2007. – Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. – С. 212–220.

References

Bakhrushin S.V. Eniseiskie kirgizy v XVII v. In *Nauchnyye trudy, vol. III, Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI–XVII vv., pt. 2, Istoriya narodov Sibiri v XVI–XVII vv.* Moscow: AN SSSR Publ., 1955, pp. 176–224 (in Russ.).

Kyzlasov I.L. Askizskaya kul'tura Yuzhnoi Sibiri. X–XIV vv. Moscow: Nauka, 1983, 128 p. (in Russ.).

Mitko O.A. K voprosu o vydelenii arkheologicheskikh pamyatnikov pozdnesrednevekovykh tubintsev. In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii pozdnego Srednevekov'ya.* Novosibirsk: RTF, 2003, pp. 213–223 (in Russ.).

Skobelev S.G., Mitko O.A. Pogrebeniya po obryadu truposozhzheniya na reke Kacha pod Krasnoyarskom i ikh mesto v kul'turnoi traditsii srednevekovogo naseleniya Sibiri. In *Vestnik NSU. Ser.: Istoriya, filologiya,* 2007, vol. 6, iss. 3: Arkheologiya i etnografiya, pp. 212–220 (in Russ.).

УДК 902.694

И.Ю. Слюсаренко[1, 2], М.А. Сафонова[2], С.Г. Скобелев[1, 2], О.А. Митько[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: slig1963@yandex.ru

Опыт комплексного датирования древесины из погребений таштыкских могильников Маркелов Мыс II и Чегерак

Вопросы хронологии погребений таштыкской культуры Хакасско-Минусинской котловины решаются с применением естественно-научных методов на материалах древесины из грунтового захоронения могильника Чегерак и склепа кург. 8 памятника Маркелов Мыс II. В результате дендрохронологического анализа установлено, что склеп сооружен примерно на 40 лет раньше грунтового погребения. Абсолютные даты памятников определены при помощи радиоуглеродного метода с использованием процедуры wiggle-matching, а также с учетом временной разницы, выявленной при древесно-кольцевом датировании. Получены хронологические интервалы: для склепа кург. 8 могильника Маркелов Мыс II – 233–339 гг. н.э.; для грунтового погребения могильника Чегерак – 270–376 гг. н.э. Данный подход закладывает основу для создания древесно-кольцевой хронологии памятников Хакасско-Минусинской котловины.

Ключевые слова: *Хакасско-Минусинская котловина, таштыкская культура, грунтовые погребения и склепы, дендрохронологический и радиоуглеродный анализ, wiggle-matching.*

I.Y. Slyusarenko[1, 2], M.A. Safonova[2], S.G. Skobelev[1, 2], O.A. Mit'ko[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: slig1963@yandex.ru

Dating of Archaeological Wood from the Tashtyk Tombs at Markelov Mys II and Chegerak Cemeteries

We propose a chronology of the Tashtyk burial complexes from the Khakassia-Minusinsk Hollow based on the tree-ring and radiocarbon analyses of archaeological wood from the Chegerak earthen burial mound and the crypt from mound 8 at the Markelov Mys II cemetery. The dendrochronological analysis has shown that the crypt was constructed 40 years earlier than the earthen mound. The absolute dates of the sites have been generated through carbon–14 wiggle-match dating considering the data of the tree-ring chronology. The Markelov Mys II crypt dates fall in the range of 233–339 AD, the dates of the Chegerak earthen burial mound are in the range of 270–376 AD. The proposed approach provides a basis for developing a tree-ring chronology of archaeological sites in the Khakassia-Minusinsk Hollow.

Keywords: *Khakassia-Minusinsk Hollow, Tashtyk culture, earthen mound, crypt, tree-ring analysis, radiocarbon analysis, wiggle-matching.*

Введение

Несмотря на то, что археологические исследования погребальных комплексов таштыкской культуры Хакасско-Минусинской котловины ведутся с конца XIX в., до сих пор не разрешены вопросы их хронологии и периодизации [Вадецкая, 1999]. Временны́е рамки таштыкской культуры неоднократно пересматривались и уточнялись на протяжении всего XX в. Но и принятые большинством исследователей на настоящий момент датировки – рубеж эр – середина I тыс. н.э. – нельзя считать окончательными [Азбелев, 2012]. Краеугольным пунктом таштыкской проблематики продолжает

оставаться и вопрос установления временны́х соответствий между захоронениями в грунтовых могилах и склепах, непосредственно связанный с определением генезиса и последующих трансформаций культуры. В свете современных тенденций в археологической науке, связанных с широким использованием междисциплинарного подхода, в первую очередь, в области датирования памятников, одним из перспективных путей представляется применение дендрохронологического и радиоуглеродного методов для решения вопросов хронологии.

Материалы и методы

В 1991 и 2003 гг. в Новоселовском р-не Красноярского края сотрудниками Новосибирского государственного университета С.Г. Скобелевым и О.А. Митько проводились исследования могильников Чегерак и Маркелов Мыс II, близко расположенных в пределах Маркеловомысского археологического микрорайона.

Грунтовый могильник Чегерак является одним из самых северных из числа известных памятников таштыкской культуры. К настоящему времени он полностью исследован С.Г. Скобелевым, но материалы не опубликованы. При раскопках могильника сплошной площадью в границах памятника были выявлены бессистемно располагавшиеся грунтовые захоронения, в ряде случаев перекрывавшие друг друга. Одно из погребений в северной части сектора 30 на южном склоне гривы представляло собой могилу подквадратной формы, внутри которой был установлен деревянный сруб в три венца. Нижние венцы сложены из массивных бревен до 35 см в диаметре, бревна верхнего венца имели меньший диаметр – 15–20 см. Сохранившиеся остатки бревен перекрытия были уложены по направлению север – юг. Перекрытие и дно сруба частично покрывались полотнами бересты.

Внутри погребальной камеры фиксировалось пять отдельных кучек кальцинированных костей. Погребальный инвентарь представлен горшком на поддоне в юго-западном углу могилы, рядом с ним располагались фрагменты гипсовой маски, у южной стенки на дне – баранья лопатка. В центральной части захоронения был обнаружен фрагмент бронзовой пряжки.

Могильник Маркелов Мыс II расположен на южном склоне невысокого увала в 0,4 км к югу от горы Маркелов Мыс и в 0,5 км к западу от могильника Чегерак. Центральную часть комплекса занимала цепочка курганов, протянувшаяся по линии север – юг, состоящая из двух таштыкских склепов (кург. 4, 8) и двух скоплений древнетюркских курганов [Митько, 2007, с. 39–42].

Склеп № 8 размером 14,5 × 8,2 м имел подпрямоугольную в плане форму и был ориентирован входом на юго-запад. Стенки склепа сложены из 4–6 слоев плитняка, высота стенок от 0,4 до 0,7 м, ширина – от 1,9 до 4,5 м. Размер погребальной камеры – 4,15 × 4,20 м, глубина – 1,44 м. В центре располагался сожженный сруб из бревен лиственницы в один венец, в котором были найдены 22 погребения, выполненные по обряду трупосожжения на стороне [Там же, с. 45–49]. Погребальный инвентарь представлен железными вотивными предметами, керамическими сосудами различного типа, фрагментами гипсовых масок, бронзовыми пряжками с прямоугольными неподвижными щитками с боковыми насечками; в склепе также зафиксировано наличие астрагалов, костей барана и т.д. [Там же, с. 52–56].

На основании коллекции артефактов и конструктивных особенностей погребальных сооружений авторами раскопок была предложена предварительная датировка объектов: грунтовое захоронение могильника Чегерак (сектор 30, северное погребение) – I–II вв. н.э.; склеп из Маркелова Мыса II (кург. 8) – I–II вв. н.э. [Там же, с. 56–57].

В процессе археологических исследований на обоих памятниках были отобраны образцы древесины из конструкций погребальных срубов с целью проведения последующего естественнонаучного анализа. Древесина имела разную степень сохранности: сухие плотные стволы полного диаметра, бревна со следами горения по внешней окантовке, фрагментарные части отдельных бревен и плах и т.п.

Для решения задач исследования применялись следующие методы и подходы:

– дендрохронологический анализ, основанный на фиксации изменчивости радиального прироста годичных колец деревьев, позволяющий в нашем случае получить относительные древесно-кольцевые шкалы;

– радиоуглеродное датирование, основанное на серии проб, происходящих из одного спила бревна, что позволяет в дальнейшем учитывать известную заранее последовательность датируемых образцов;

– калибровка полученных радиоуглеродных дат с использованием методики wiggle matching, обеспечивающей установление более корректных и узких хронологических интервалов.

Материалом для исследования послужила серия из четырех образцов древесины из грунтового погребения могильника Чегерак (сектор 30, северное погребение, лаб. № 90407–90410) и один образец из склепа кург. 8 памятника Маркелов Мыс II (лаб. № 90404).

Ширина годичных колец в ходе дендрохронологического анализа измерялась на полуавтоматической установке LINTAB-6 (с точностью 0,01 мм). Датирование измеренных серий проведено посредством сочетания графической перекрестной датировки и кросс-корреляционного анализа в специализированной программе для дендрохронологических исследований – TSAP-Win Professional.

Радиоуглеродное датирование образца древесины из склепа кург. 8 могильника Маркелов Мыс II проводилось по фракции целлюлозы, в Лаборатории геологии кайнозоя, палеоклиматологии и минералогических индикаторов климата Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, по бензольно-сцинтилляционному методу. Определение остаточной активности углерода выполнено на ультранизкофоновом жидко-сцинтилляционном спектрометре-радиометре QUANTULUS-1220. Возраст образцов рассчитан от 1950 г. с использованием периода полураспада ^{14}C равного 5570 лет. Для калибровки радиоуглеродных дат и проведения процедуры wiggle-matching применялась программа OxCal version 4.2, использующая калибровочную кривую IntCal13 и работающая с байесовской статистикой.

Результаты и обсуждение

Дендрохронологический анализ показал, что все образцы, за исключением одного (№ 90409), имеют сердцевину, но у всех вследствие поверхностной деградации или обожжения отсутствует слой внешних колец, точное количество которых трудно определить. По этой причине дата памятника устанавливается по наиболее поздним из сохранившихся колец. Длина древесно-кольцевых серий – 112–194 лет.

Измеренные серии прироста были перекрестно датированы между собой. По трем из четырех образцов древесины из грунтового погребения могильника Чегерак (№ 90408–90410) удалось построить обобщенную 203-летнюю относительную («плавающую») древесно-кольцевую хронологию (ДКХ). В свою очередь, перекрестное датирование этой обобщенной ДКХ с единственным древесно-кольцевым рядом из склепа кург. 8 могильника Маркелов Мыс II (№ 90404) показало в рамках относительной шкалы, что последнее сохранившееся кольцо образца из склепа образовалось на 37 лет ранее последнего кольца образца из грунтового по-

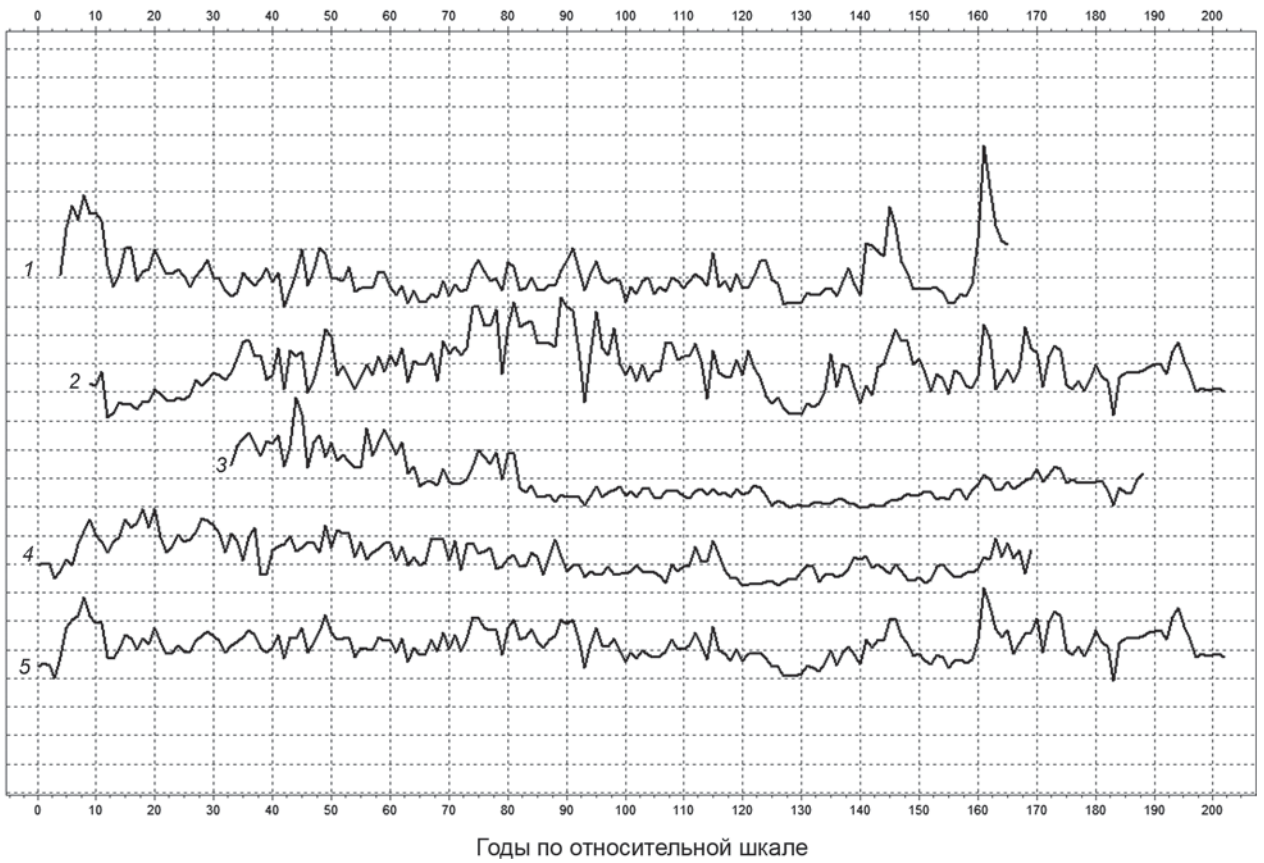

Рис. 1. Перекрестное датирование древесно-кольцевых рядов, полученных по образцам древесины из таштыкских могильников Маркелов Мыс II и Чегерак.

1 – № 90404 (Маркелов Мыс II, кург. 8); *2–4* – № 90408 – 90410 (Чегерак, сектор 30, северное погребение); *5* – обобщенная ДКХ для двух могильников.

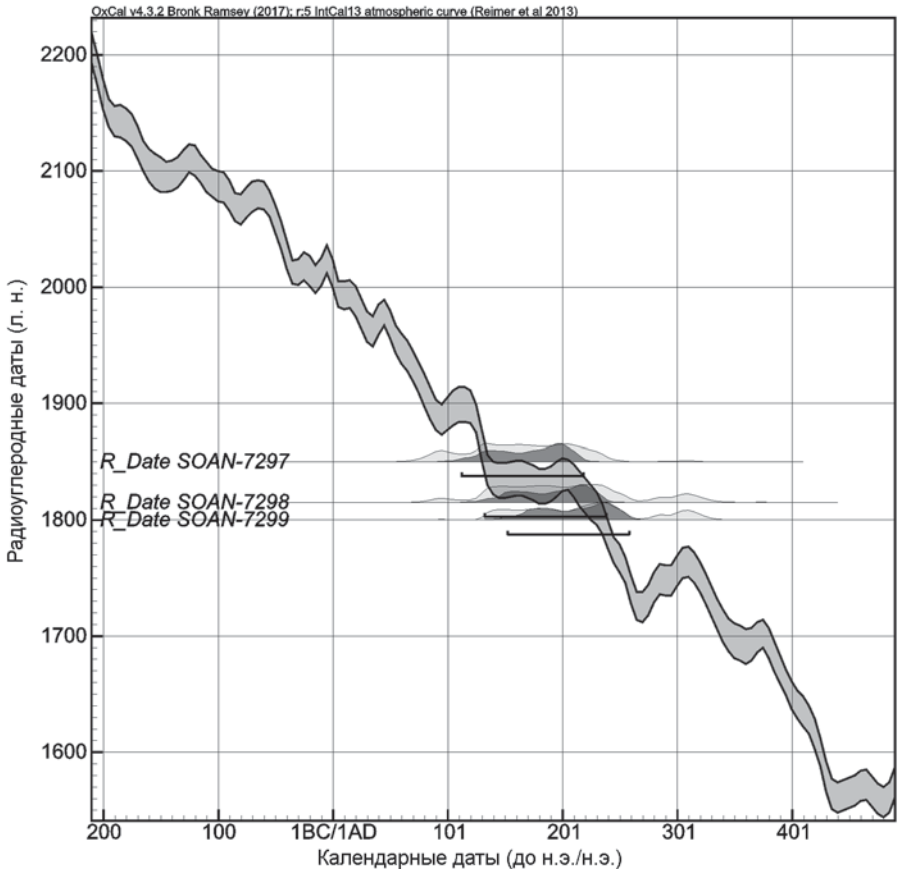

Рис. 2. Положение серии радиоуглеродных дат бревна из склепа № 8 могильника Маркелов Мыс II (дендрообразец № 90404) на калибровочной кривой, установленное в ходе процедуры wiggle matching.

гребения Чегерака (№ 90408) (рис. 1). Учитывая наилучшую сохранность наружных колец именно у этих двух образцов, можно считать установленный интервал около 40 лет вполне достоверным.

Поскольку дендрохронология позволила провести только относительное датирование объектов, вопрос об их абсолютных датах решался при помощи радиоуглеродного метода с использованием процедуры wiggle-matching. Для ^{14}C-датирования была подготовлена серия из трех образцов от спила бревна из стенки погребального сруба. Каждый образец в серии представлял группу из 20 годичных колец. Всего в спиле насчитывается 160 колец; наружная поверхность ствола обожжена, подкоровое кольцо отсутствует.

Результаты, приведенные в таблице и на рис. 2, наглядно демонстрируют высокое согласование дат между собой в серии и с калибровочной кривой, а также преимущества использования процедуры wiggle matching по сравнению с обычной калибровкой радиоуглеродных дат (ср. столбцы «Дата калиброванная» и «Дата wiggle-matching» в таблице).

Результаты радиоуглеродного датирования (с использованием процедуры wiggle-matching) бревна из склепа № 8 могильника Маркелов Мыс II

Лаб. индекс	Дата ^{14}C (BP), л.н.	Дата калиброванная (cal AD), гг. н.э.			Дата wiggle-matching (cal AD), гг. н.э.			Материал пробы: дендрообразец № 90404
		от	до	%	от	до	%	
СОАН-7297	1850 ± 35	78	241	95.4	113	219	95.4	Годичные кольца № 21–40
СОАН-7298	1815 ± 40	86	329	95.4	133	239	95.4	То же № 41–60
СОАН-7299	1800 ± 30	131	326	95.5	153	259	95.4	» № 61–80
Древесно-кольцевой ряд (160 колец)	Дата рассчитана с учетом добавления последних 80 колец				233	339	95.4	Конец древесно-кольцевого ряда – годичное кольцо № 160

Интервал радиоуглеродной даты в случае процедуры wiggle matching существенно сужается в сравнении с обычной калибровкой.

С учетом добавления к последней дате ^{14}C оставшихся 80 более поздних колец (всего в спиле 160 колец) получаем рассчитанный хронологический интервал для последних колец всего дендрообразца, а, следовательно, и самого сооружения – 233–339 гг. н.э. с вероятностью 95.4 % (см. *таблицу*).

Выявленная в результате древесно-кольцевого перекрестного датирования временная разница между склепом № 8 мог. Маркелов Мыс II и грунтовым погребением из сектора 30 мог. Чегерак, позволила также определить календарный возраст последнего – 270–376 гг. н.э. (cal AD), что свидетельствует о несколько более позднем возрасте грунтового захоронения из Чегерака по сравнению со склепом из Маркелова Мыса II.

Заключение

Результаты применения комплексного естественно-научного датирования памятников таштыкской культуры убедительно показывают не только эффективность метода, но и необходимость целенаправленных широкомасштабных сборов археологической древесины, даже не взирая на степень ее сохранности. Наш опыт показывает, что и фрагментированная, и обожженная древесина вполне способна стать источником информации о времени сооружения памятников. Такой подход позволит внести в область датирования таштыкских древностей принципы объективности и проверяемости результатов, а также заложит основу для создания древесно-кольцевой хронологии памятников Хакасско-Минусинской котловины.

Список литературы

Азбелев П.П. Таштыкская хронология: состояние вопроса // Stratum plus. – 2012. – № 4: От Римского Лимеса до Великой Китайской Стены. – С. 257–280.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 440 с.

Митько О.А. Таштыкские памятники могильника Маркелов Мыс II. Материалы к реконструкции сожжения погребальных сооружений (по результатам раскопок склепа № 8) // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. – Новосибирск, 2007. – С. 39–61.

References

Azbelev P.P. Tashtykskaya khronologiya: sostoyanie voprosa. *In Stratum plus,* 2012, No. 4: Ot Rimskogo Limesa do Velikoi Kitaiskoi Steny, pp. 257–280 (in Russ.).

Mit'ko O.A. Tashtykskie pamyatniki mogil'nika Markelov Mys II. Materialy k rekonstruktsii sozhzheniya pogrebal'nykh sooruzhenii (po rezul'tatam raskopok sklepa № 8). In *Tashtykskie pamyatniki Khakassko-Minusinskogo kraya.* Novosibirsk, 2007, pp. 39–41 (in Russ.).

Vadetskaya E.B. Tashtykskaya epokha v drevnei istorii Sibiri. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999, 440 p. (in Russ.).

УДК 903.225

А.И. Соловьев[1, 2], Е.А. Соловьева[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: easolovievy@mail.ru

Асимметричные топоры. Аспекты использования

Статья касается вопросов назначения топоров с асимметричным в сечении лезвием, типологическая и технологическая характеристика которых была дана в предыдущих выпусках ежегодника. Приводятся сведения о вероятностном производственном применении массивных бойков типа 3 и письменные данные XVI в. о боевом использовании топоров в сражениях на лесной территории в качестве метательного оружия и «ударных» средств ближнего боя. Анализируются некоторые сюжеты фольклора населения Западно-Сибирской тайги, касающиеся военного дела и практики осад. Затрагивается аспект, связанный с реализмом эпического описания. Обращается внимание на наличие у рассматриваемых топоров лицевой, парадной стороны, значимой для воинских церемоний.

Ключевые слова: *топор, рабочий инструмент, осада, амбразура, героический эпос, военное дело.*

A.I. Solovyev[1, 2], E.A. Solovyeva[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]National Research Tomsk State University
E-mail: easolovievy@mail.ru

Asymmetric Axes: Aspects of Use

The article discusses the axes with asymmetrical blades whose typological and technological features have been described in the previous volumes of this annual. The article presents the evidence for a possible use of massive axes of type 3 for cutting trees, as well as the data of the written sources of the 16th century on the use of these axes as throwing weapons and close combat striking weapons for warfare in forest lands. Several narratives from the folklore of the population living in Western Siberian taiga concerning warfare and siege practices are analyzed, and the issue of realism in the heroic descriptions is addressed. The presence of the main frontal side in these axes, which was important for military ceremonies, is noted.

Keywords: *axe, working tool, siege, loophole, heroic epic, warfare.*

Определение назначения топоров, когда нет явных подсказок, почти всегда вызывает известные затруднения, особенно для Западной Сибири. Мы уже затрагивали в предыдущих выпусках этот вопрос, касаясь конструкции и типологического членения асимметричных бойков. Возвращаясь к нему, отметим, что по числу операций, совершаемых топорами в работе, и разнообразию наносимых им травм в бою с этим орудием мало что может сравниться. Истекшие годы утвердили представление о топоре, как об инструменте плотника и лесоруба, ведь конструкция его такова, что любым образцом можно выполнять утилитарные задачи. Хотя уже шла речь о чертах, выдающих боевое прошлое асимметричных топоров, есть информация о возможности их использования на лесоповале (тип 3 изделий). Их упирали острым носком в ствол дерева и, нажимая на длинную рукоять, направляли падение лесины. А далее отсекали ими сучья*.

Есть и свидетельства боевого использования топора вместе с огнестрельным оружием. Так, Лука Дзялынский, описывая схватку в лесах 17 августа 1580 г., повествует о том, как бойцы, не успев раздуть фитили, «выскочили с топорами, копьями, саблями, вооружившись... на скорую руку» и как «один татарин кинулся впереди других с саблей..., но случившийся тут пехотинец пустил в него топором и угодил в висок». И пока одни «...стали колотить татар обухами, другие успели уже взяться за ружья. Увидев это, татары отступили, продолжая стре-

*Устное сообщение А.П. Бородовского.

лять...» [1897, с. 28–29]. Как видно, здесь отмечаются и метательные, и ударные свойства этого оружия.

Вместе с тем топор как средство вооруженной борьбы в фольклоре населения Западно-Сибирской тайги встречается не часто. Редко упоминается и меч – орудие, в боевом назначении которого едва ли кто усомнится. Более того, оба эти предмета фигурируют вместе, да еще и в весьма недвусмысленном контексте. По наблюдениям Я.А. Яковлева и А.И. Бобровой, в эпосе фиксируется три формы применения топора «в фортификационных сражениях: нападавшие рубят им деревянные заграждения, обороняющиеся прикрывают бойницы от стрел и перерубают крепеж подвешенных тяжелых бревен для поражения подступивших под стены врагов» [2004, с. 163, 164].

В недавней работе О.М. Рындиной, А.И. Бобровой, Ю.И. Ожередова вообще оспаривается отнесение позднесредневековых топоров к предметам вооружения [2008, с. 168–178]. Им отводится роль предметов хозяйственного плана и, поскольку речь идет о находках из погребальных комплексов, основной акцент делается на магическую, сакральную составляющую вещей в системе традиционного мировоззрения.

Соглашаясь с авторами в том, что героический эпос обских угров и богатырские предания самодийцев «слишком специфический вид источника», обратим внимание на конкретность преданий, их точность, которые проявляются и в сравнениях, связанных с перипетиями воинского быта. Мы не будем повторять сюжеты, рассмотренные С.К. Патрановым, В.Н. Чернецовым, М.Ф. Косаревым и др. Приведем лишь на одну деталь, казалось бы, явно гипертрофированную. От стрельбы из лука у героя «тетивой кожу с пальцев посдирало» и даже «мясо пообдирало, кости показались» [Чернецов, 1935, с. 134–135]. Но вот информация, зафиксированная в наши дни, о боевой практике индейцев Северной Америки. Когда воин после долгого боя «возвращался к своим… Рука, которой он держал лук, была стерта в кровь, а пальцы, натягивавшие тетиву, – содраны до костей» [Стукалин, 2008, с. 517]. Вряд ли стоит комментировать это совпадение. Но вернемся к топорам. В обско-угорском фольклоре популярен критикуемый сюжет о том, как защитники крепости закрывают бойницы топорами и вражеские «стрелы обратно улетают». Ведь действительно, казалось бы, трудно «представить себе более неэффективное поведение бойцов во время штурма и совершенно невозможно объяснить подобную баллистику стрел» [Рындина, Боброва, Ожередов, 2008, с. 167]. Здесь, по мнению исследователей, «нашла выражение не реалия военной тактики, а вера в магически охранительную силу топора, которая превратила его из категории материальной культуры в благонесущий символ» [Там же]. Насчет веры в магически-охранительную силу трудно что-то возразить. Но все остальное не столь однозначно.

Когда речь заходит о трактовке подобных сцен с позиций бытового опыта, неизбежно возникает дилемма: либо бойницы малы, либо топоры огромны. Пока достоверно неизвестно, как выглядели фольклорные палисады и насколько их описание соответствует действительности. Но, судя по археологическим материалам, они, похоже, не сильно расходятся с реалиями других территорий и производят, к примеру, по реконструкции А.П. Зыковым и С.Ф. Кокшаровым укреплений г. Эмдера, не меньшее впечатление, чем деревянные стены Кремля с картин А.М. Васнецова. Для заполнения лакун обратимся к европейским и восточноазиатским фортификационным материалам, сознавая всю условность таких действий. Как известно, бойницы для стрельбы из лука представляли собой узкие щели [Виолле-ле-Дюк, 2007, с. 44]. Поскольку особенности лучного боя не позволяли вести обстрел врага, не давая ему шанс на ответный выстрел, всегда оставалась возможность получить метательный снаряд, роковой для стрелка, у амбразуры. Последний же, чтобы учесть все факторы, необходимые для поражения цели, должен непрерывно за ней следить [Там же, с. 168]. В момент подготовки к выстрелу лучник оказывался напротив щели и был уязвим для любой влетевшей в нее стрелы. В таких случаях защитники прикрывали амбразуры разного рода заслонками, оставляющими небольшие открытые участки, пригодные для наблюдения. Некоторые из них, имеющие иную, подквадратную, более опасную для лучника форму, снабжались даже специальными деревянными ставнями [Там же, с. 116]. Аналогичные устройства нам довелось наблюдать и в древних крепостях Восточной Азии. Для амбразуры щелевого типа такой заслонкой мог быть любой подходящий предмет, которым мог манипулировать другой воин, стоящий рядом. И зачастую заслонкой служило оружие достаточно массивное, чтобы закрыть часть отверстия. Им-то и мог быть топор (например, типа 3). Если задуматься, то плоской стороной таких предметов действительно удобно закрывать небольшие бойницы в стене. При этом рациональной оказывается и сама удлиненная форма его лезвия, которым в ином случае сподручно было сбивать со стен противника. Топоры этого типа предварительно можно охарактеризовать как осадные.

Что касается улетающих обратно стрел, то здесь кроется некая двусмысленность. Зададимся вопросами, как можно описать эффект рикошета, не зная такого термина? И есть ли в обско-угорских диалектах соответствующее понятие? Какое соответствие ему могут найти таежные информаторы – носители

иных языковых традиций? И есть ли в последних смысловая разница между понятиями «улетают» и «отлетают назад»? Не надо углубляться в теорию познания, чтобы понять, что при языковых трудностях смысл явления дается описательно, в пределах своего словарного запаса. Применительно к данному случаю «баллистика» стрелы описана довольно верно, ибо ударившись с силой о твердый железный предмет она в подавляющем большинстве случаев рикошетирует – «отлетает назад» или в сторону, но в любом случае в обратном направлении.

Напомним, что излюбленным оружием ближнего боя индейцев был легендарный томагавк, без которого не проходила ни одна стычка и не мыслился переселенцами ни один «краснокожий». Но те самые знаменитые томагавки на поверку были обычными небольшими топорами, которые поставлялись торговцами в XVIII в. [Стукалин, 2008, с. 305–307]. Справедливости ради отметим, что в арсенале миссурийских племен в большом почете были и большие (длина лезвия 17,5–22,5 см, рукояти – 30–45 см) топоры [Там же]. А теперь представим себе, что эти предметы археологизированы, информация о них складывается из обрывков устной традиции, зафиксированной, когда эпоха великих войн и походов уже канула в лету? К какой категории изделий их можно отнести? Пожалуй, что к импортным вещам преимущественно хозяйственной направленности, вероятно сакрализованным, и с натяжкой связанным с воинской амуницией.

Вопрос о том, кому могли принадлежать рассмотренные ранее изделия, пока остается открытым. Условия случайного обнаружения, увы, не дают подсказок, хотя в ряде случаев они могут быть связаны с русскими острогами и оснащением служилых людей. Однако не исключено использование их и в аборигенной среде. Указы русской администрации о запрещении продажи сибирскому населению оружия, в т.ч. и топоров, ясно указывают на существование подобной практики. Что касается орнаментации, присущей, за редким исключением (топор из окрестностей затопленного с. Ирмень), предметам всей серии, она, с одной стороны, косвенно указывает на военное предназначение изделий, с другой – на существование у них лицевой стороны, обращаемой наружу, например, при линейном построении.

В целом, не преувеличивая военного значения топора, едва ли будет правомерно сводить его использование исключительно к производственным и магическими функциям (которыми, кстати, в мировой эпической традиции обладают все значимые средства вооруженной борьбы). Мы склонны, как и прежде, рассматривать его в качестве универсального предмета, имманентно обладающего всеми вышеперечисленными возможностями, переход к которым осуществлялся ситуативно и спонтанно; предмета, игравшего для военно-потестарных обществ Обь-Иртышского предтаежья роль социального индикатора.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Виолле-ле-Дюк Э.Э. Крепости и осадные орудия. Средства ведения войны в Средние века. – М.: Центрополиграф, 2007. – 255 с.

Дзялынский Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1-го августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.). – М.: Университетская Типография, 1897. – С. 18–68.

Рындина О.М., Боброва А.И., Ожередов Ю.И. Ханты салымского края: культура в археолого-этнорафической ретроспективе. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. – 412 с.

Стукалин Ю.В. Энциклопедия военного искусства индейцев Дикого Запада. – М.: Яуза; Эксмо, 2008. – 688 с.

Чернецов В.Н. Вогульские сказки. – Л.: Гослитиздат, 1935. – 141 с.

Яковлев Я.А., Боброва А.И. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: топор // Ханты-мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 137–174.

References

Chernetsov V.N. Vogul’skie skazki. Leningrad: Goslitizdat, 1935, 141 p. (in Russ.).

Dzyalynskii Luka. Dnevnik osady i vzyatiya Velizha, Velikih Luk i Zavoloch’ya s 1-go avgusta po 25 noyabrya 1580 g., vedennyi Lukoyu Dzyalynskim, starostoyu Koval’skim i Brodnitskim. In *Dnevniki vtorogo pohoda Stefana Batoriya na Rossiyu* (1580 g.). Moscow: Universitetskaya Tipografiya, 1897, pp. 18–68 (in Russ.).

Ryndina O.M., Bobrova A.I., Ozheredov Yu.I. Hanty salymskogo kraya: kul’tura v arheologo-etnograficheskoi retrospektive. Tomsk: State Univ. Press, 2008, 412 p. (in Russ.).

Stukalin Yu.V. Entsiklopediya voennogo iskusstva indeitsev Dikogo Zapada. Moscow: Yauza, Eksmo, 2008, 688 p. (in Russ.).

Violle-le-Duc E. Kreposti i osadnye orudiya. Sredstva vedeniya voiny v Srednie veka. Moscow: Centropoligraf, 2007, 255 p. (in Russ.).

Yakovlev Ya.A., Bobrova A.I. K voprosu o roli i znachenii pogrebal’nogo inventarya pozdnesrednevekovogo naseleniya Priob’ya: topor. In *Hanty-mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*. Tomsk; Hanty-Mansiisk: Tomsk Univ. Press, 2004, iss. 2, pp. 137–174 (in Russ.).

УДК 902.02

И.В. Стасюк[1, 2], В.А. Конохов[3], В.М. Харевич[1], Е.В. Акимова[1, 2], О.А. Горельченкова[2], Е.Н. Кукса[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
[3]Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова
E-mail: mihalich84@mail.ru

Археологические исследования в южных районах Красноярского края

В ходе работ по выявлению памятников финального плейстоцена и раннего голоцена в южных районах Красноярского края обнаружена серия объектов раннего железного века и Средневековья. В Минусинском р-не, в долине р. Ои (окрестности сел Лугавское и Казанцево), выявлены курганные могильники, одиночные курганы, поселение и три стоянки раннего железного века, а также грунтовая могила эпохи Средневековья. Южнее, в Шушенском р-не, в долине р. Шушь – две стоянки раннего железного века, культурный слой одной из которых зафиксирован на территории, прилегающей к курганному могильнику тагарской культуры (VII–II вв. до н.э.).

Ключевые слова: *Енисей, ранний железный век, Средневековье, могильники, курганы.*

I.V. Stasyuk[1, 2], V.A. Konokhov[3], V.M. Kharevich[1], E.V. Akimova[1, 2], O.A. Gorelchenkova[2], E.N. Kuksa[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]V.P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University
[3]N.M. Martyanov Minusinsk Regional Museum for Local Studies
E-mail: mihalich84@mail.ru

Archaeological Studies at the Southern Part of Krasnoyarsk Krai

A number of sites of the Early Iron Age and the Middle Ages have been discovered in the southern part of Krasnoyarsk Krai during the survey works aimed at identifying the sites of the Final Pleistocene and the Early Holocene. A group of burial mounds, individual burial mounds, settlement, and three sites dated to the Early Iron Age, as well as a flat grave dated to the Middle Ages have been found in the valley of the Oi River in Minusinsk District (Lugavskoe and Kazantsevo villages). Two sites of the Early Iron Age have been found in the valley of the Shush River in Sushenskoe District more to the south. The cultural layer of one of these sites was discovered on the territory adjacent to the groups of burial mounds of the Tagar culture (7th–2nd BC).

Keywords: *Yenisei, Early Iron Age, Middle Ages, burial ground, burial mound.*

Основными задачами полевых исследований 2017 г., проведенных совместным отрядом ИАЭТ СО РАН и Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева при деятельном участии Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова, были поиск и исследование финальноплейстоценовых и раннеголоценовых памятников на высоких ярусах долин малых притоков Енисея вне зоны Красноярского водохранилища. В качестве реперных точек предполагалось использовать уже известные памятники – Казанцево-1 на р. Ое, Притубинск-1 на р. Тубе (см. статьи в настоящем сборнике) и Краснотуранск на р. Сыде, уточнение геоморфологической и стратиграфической позиций которых могло бы способствовать открытию новых подобных объектов.

Южно-Минусинская котловина с конца XIX в. является своеобразной «археологической Меккой» для изучения памятников эпохи энеоли-

та–палеометалла [Кызласов, 1986]. Однако находки палеолитического возраста здесь эпизодичны и разрозненны [Савенков, 1896; Абрамова и др., 1991].

В процессе работ обследованы береговые отмели в Сыдинском и Тубинском заливах Красноярского водохранилища, дюнные выдувы, техногенные выемки и эрозионные формы в долинах рек Енисея, Тубы, Ои и Шуши, выполнено более 20 земляных выработок на глубину до 1,5–3 м.

В южной части территории (Шушенский р-н) в серии разрезов зафиксирована сходная стратиграфическая схема – голоценовые слои (нередко с серией голоценовых погребенных почв) залегают непосредственно на русловом аллювии. Маломощные лессовидные плейстоценовые отложения связаны с высокими гипсометрическими уровнями (более 50 м) и перекрывают скальный цоколь. Можно предполагать, что высокие паводки в долинах Ои и Шуши уничтожили более древние отложения, оставив их только в виде плотно задернованных участков на вершинах сильно выступающих скальных массивов. Вывод о неоднократных катастрофических паводках в конце плейстоцена, приведших к формированию «мощной толщи песчаных отложений субаквального характера, в том числе и на высоких гипсометрических уровнях», был обоснован иркутскими геологами [Аржанникова и др., 2014]. В этих условиях поиски палеолитических памятников в Южно-Минусинской впадине, к сожалению, малоперспективны.

Значительная мощность (более 5–6 м) голоценовых дюнных отложений в долине р. Туба, в окрестностях дер. Ильинки, также оставляет шанс обнаружения палеолитических объектов на волю случая. Археологические и палеофаунистические материалы не найдены и в шурфах в среднем течении Тубы (окрестности деревень Пойлово и Ильинка) и Ои. Установлен факт полного уничтожения береговой абразией экспонированного горизонта местонахождения Краснотуранска (р. Сыда). Вместе с тем в Минусинском (нижнее течение р. Ои) и Шушенском р-нах выявлен ряд новых памятников эпохи раннего железного века – Средневековья.

На участке протяженностью 5 км к югу от с. Лугавское (Минусинский р-н) обнаружена серия погребальных памятников: курганные могильники Лугавское-1 и 2, состоящие из трех и пяти земляных задернованных курганов диаметром 12–24 м, высотой 0,2–1,0 м; два одиночных кургана с диаметром насыпей 26 и 13 м, высотой 1,4 и 0,4 м. На поверхности насыпей отмечены каменные плиты могильных оград высотой до 0,5 м и задернованные грабительские западины. По внешним признакам данные курганы и курганные могильники относятся к тагарской культуре раннего железного века (VII–II вв. до н.э.).

В 4,6 км к югу от с. Лугавского, на западном гребне отрога г. Верхний Камень, обращенном в долину р. Енисей, зафиксирована одиночная грунтовая могила эпохи Средневековья в виде каменной наброски 1,2 × 1,5 м, прослеживаемой на уровне дневной поверхности.

На юго-западной залессованной оконечности гривы Ермолаевский хребет, у западной окраины кладбища с. Иджа (Шушенский р-н) на высоте 60–65 м от уреза воды в р. Шушь, выявлен ансамбль памятников Иджа-1, включающий в себя курганный могильник тагарской культуры и поселенческий культурный горизонт.

Могильник состоит из четырех земляных задернованных курганов диаметром 9–18 м, высотой 0,3–0,9 м. На поверхности насыпей зафиксированы задернованные грабительские западения и каменные плиты могильной ограды высотой до 0,4 м.

В шурфе, заложенном на территории, прилегающей к могильнику, на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности, в иллювиальном горизонте современной почвы с включением дресвы и щебня, зафиксирован культурный горизонт.

Археологический материал представлен 37 каменными осколками, одним неорнаментированным фрагментом керамического сосуда, фрагментом железного металлургического шлака. По условиям залегания и составу формовочной массы керамики памятник относится к раннему железному веку.

Стоянка Субботино расположена на террасовидном уступе высотой 7–9 м от уреза воды в протоке Большая Шушь, в 4,4 км к северу от с. Субботино. В шурфе, на глубине 0,6 м под пахотным горизонтом, выявлен культурный слой. В составе коллекции обломок куранта зернотерки и два фрагмента керамических сосудов, один из которых – фрагмент венчика, орнаментирован тремя прочерченными параллельными линиями по верхней части, округлым сквозным отверстием на нижней линии, ниже которой нанесена линия зигзагом. Подобный орнаментальный мотив позволяет отнести стоянку к подгорновскому этапу тагарской культуры. Каменные артефакты представлены двойным скреблом на отщепе, сколом с ретушью и 20 отщепами и обломками.

Стоянка Ямки расположена в 4,6 км к северо-западу от с. Казанцево на террасовидном аккумулятивном уступе по правому борту безымянного лога. В 150 м к юго-востоку, на мысовидном участке, сформированным левым бортом того же лога, расположен средневековый курганный могильник Оя-2, исследованный экспедицией Новосибирского государственного университета под руковод-

ством С.Г. Скобелева в 2002 г. (устное сообщение А.В. Выборнова).

В зачистке эрозионного уступа вскрыта толща песков эолового и делювиального генезиса. Зафиксировано два культуросодержащих горизонта.

В первом культурном горизонте, залегающем на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности, обнаружено три фрагмента керамических сосудов, один из которых орнаментирован двумя параллельными рядами округлых вдавлений, фрагменты колотой гальки и неопределимые обломки трубчатых костей. По облику керамики горизонт датируется эпохой средневековья.

Второй культурный горизонт зафиксирован на глубине 1,75 м в толще лессовидных легких эоловых супесей. Археологический материал представлен фрагментами неорнаментированных керамических сосудов (4 экз.), по составу формовочной массы – тагарского облика.

По правому берегу р. Ои, в окрестностях с. Казанцево, выявлены три новых памятника.

Стоянка Казанцево-3 расположена в 170 м восточнее ранее известного памятника Казанцево-1, на поверхности пологого террасоувала, сформированного дюнными гребнями, на скальном цоколе в 45 м над урезом воды. Культурный слой выявлен на глубине 0,7 м в иллювиальном горизонте современного почвенного комплекса эолового генезиса. В слое зафиксированы единичные фрагменты неорнаментированных керамических сосудов средневекового облика, каменные осколки и обломки.

Стоянка Казанцево-4 расположена на 12–15-метровой террасе р. Ои, в 750 м к северо-востоку от с. Казанцево. В шурфе, на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности, в толще плотных каштановых супесей найдены мелкие фрагменты неорнаментированной керамики тагарского облика, фрагменты неопределимых колотых костей, каменные осколки и обломки.

Поселение Казанцево-5 расположено в 3,35 км к северо-востоку от с. Казанцево, на террасовидном уступе высотой 23–25 м над урезом воды. В современном рельефе выражены две жилищные западины, диаметром 10 × 6 и 6 м, глубиной 0,2 м, расположенные на расстоянии 11 м друг от друга. В зачистке современного оврага археологический материал не зафиксирован. Памятник может быть датирован эпохой раннего железного века (VII в. до н.э. – II в. н.э.).

Проведенные исследования показывают относительную бесперспективность поиска плейстоценовых и раннеголоценовых памятников на территории Южно-Минусинской впадины с использованием критериев, выработанных на Красноярском водохранилище. Безусловно, с учетом факта существования здесь памятников данного возраста, находки эти возможны, но будут либо случайны, либо выявлены в процессе хозяйственного освоения территории. В то же время открытие новых, ранее неизвестных объектов раннего железного века и Средневековья на многократно обследованной территории показывают ее огромный потенциал для дальнейшего изучения эпохи палеометалла Южной Сибири.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-11-24601е(р).

Список литературы

Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. – Л.: Наука, 1991. – 158 с.

Аржанникова А.В., Аржанников С.Г., Акулова В.В., Данилова Ю.В., Данилов Б.С. О происхождении песчаных отложений в Южно-Минусинской котловине // Геология и геофизика. – 2014. – Т. 55, № 10. – С. 1495–1508.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Наука, 1986. – 296 с.

Савенков И.Т. Каменный век в Минусинском крае. – М., 1896. – 87 с.

References

Abramova Z.A., Astakhov S.N., Vasil'ev S.A., Ermolova N.M., Lisitsyn N.F. Paleolit Eniseya. Leningrad: Nauka, 1991, 158 p. (in Russ.).

Arzhannikova A.V., Arzhannikov S.G., Akulova V.V., Danilova Yu.V., Danilov B.S. O proiskhozhdenii peschanykh otlozhenii v Yuzhno-Minusinskoi kotlovine. *Geologiya i geofizika*, 2014, vol. 55, No. 10, pp. 1495–1508 (in Russ.).

Kyzlasov L.R. Drevneishaya Khakasiya. Moskow: Nauka, 1986, 296 p. (in Russ.).

Savenkov I.T. Kamennyi vek v Minusinskom krae. Moskow, 1896, 87 p. (in Russ.).

УДК 903.02

Н.Ф. Степанова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита – раннего железного века)

В статье анализируется исходное сырье для изготовления керамики из разных ландшафтных зон (горной, предгорной, степной и лесостепной Алтая, Тувы, Хакасии и Монголии). В рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского изучалась керамика эпохи неолита – раннего железного века. Исследования показали, что в указанных регионах обычно применялось ожелезненное сырье и иногда неожелезненное. С эпохи неолита выявлено две традиции в использовании сырья, различающегося по пластичности: 1) низко- и среднепластичное; 2) пластичное. В горных районах распространены обе традиции, в степных и лесостепных преобладает применение пластичных глин. Выявлены признаки, отличающие низко- и среднепластичное сырье горных, степных и лесостепных районов. Прослежены различия в выборе сырья гончарами разных археологических культур в горных районах.

Ключевые слова: *исходное сырье, глины, технико-технологический анализ, горный, степной и лесостепной Алтай, керамика.*

N.F. Stepanova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Pottery Raw Materials from the Mountainous and Forest-Steppe Altai and the Adjacent Territories (Based on Pottery Assemblages of the Neolithic–Early Iron Age)

The article analyzes raw materials used in pottery production in different landscape zones (mountains, foothills, steppe, and forest-steppe of the Altai, Tuva, Khakassia, and Mongolia). Pottery of the Neolithic–Early Iron Age has been studied following historical and cultural approach and the methodology of A.A. Bobrinsky. The research has shown that ferruginized raw materials were usually used, and sometimes non-ferruginized raw materials were employed. Two traditions of using raw materials with different plasticity since the Neolithic have been identified: 1) of low and medium plasticity, and 2) of high plasticity. Both traditions were widespread in the mountainous areas, while high plasticity clays prevailed in steppe and forest-steppe areas. The features distinguishing low and medium plasticity raw materials of the mountainous, steppe and forest-steppe areas have been identified. The differences in the choice of raw materials by the potters of different archaeological cultures in mountainous areas are discussed.

Keywords: *raw materials, clays, technical and technological analysis, mountainous, steppe and forest-steppe Altai, pottery.*

Керамика – один из важнейших источников информации о древнем населении, значение которого сложно переоценить. В рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского проводятся исследования керамических комплексов от эпохи неолита до раннего железного века: большемысской, афанасьевской, окуневской, елунинской, андроновской, пазырыкской, староалейской, каменской культур, ирбинского, крохалевского типов и др. (V–IV тыс. до н.э. – V–III вв. до н.э.) с Алтая, Тувы, Хакасии, Монголии [Бобринский, 1978, 1999; Степанова, 2010, 2015; Леонтьева, 2016; Ки-

рюшин, Папин, Федорук, 2015; и др.]. Указанные территории включают горные, предгорные, степные и лесостепные районы. Ареал распространения одних археологических культур локализован в районах с одинаковым ландшафтом, других – охватывает как горные, так и лесостепные районы. Например, памятники большемысской культуры найдены в горной, предгорной и на равнинной территориях Алтая.

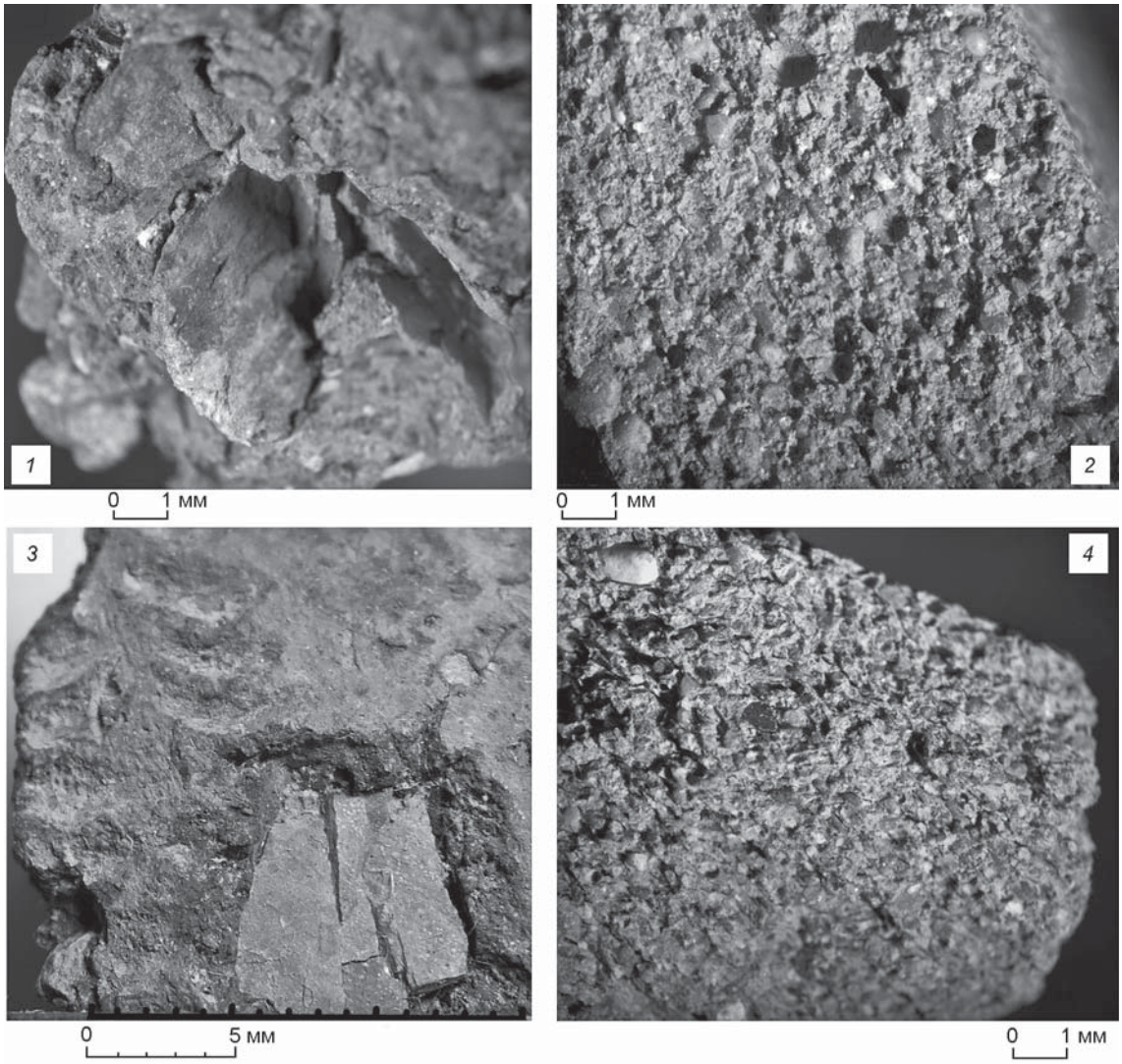
Основная задача данного исследования – изучение исходного сырья для изготовления керамики из разных ландшафтных зон. В рамках этой задачи изучались особенности исходного сырья, выделялись культурные традиции в навыках отбора исходного сырья и выявлялись местные и неместные источники сырья. С помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 изучались свежие изломы и поверхности образцов. Устанавливались степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них грубых примесей, случаи использования одной или двух глин. Для определения степени ожелезненности глин они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850° С. В общей сложности исследовано ок. 3 000 образцов из Алтая, Тувы, Хакасии, Монголии. Для сравнительного анализа привлекались данные технико-технологического анализа керамики из Центрального, Северного и Восточного Казахстана, а также современных глин (см. *рисунок*, *1*, *2*) [Ломан, 1993; Бейсенов, Ломан, 2009; Рахимжанова, Зеленко, 2015; и др.].

В результате технико-технологического анализа выявлены особенности исходного сырья для целого ряда археологических культур и территорий. Полученные данные показывают, что использование исходного сырья обусловлено не только культурными традициями, но и ландшафтными характеристиками. Установлены отличия сырья из горной местности от сырья из степных и лесостепных районов по составу естественных примесей.

Горные районы. Исследована керамика эпохи неолита, бронзы, раннего железного века из Горного Алтая, Хакасии и Монголии. Во всех этих регионах сосуды изготавливались преимущественно из среднеожелезненного сырья. Слабоожелезненное и неожелезненное сырье встречается очень редко. В изготовлении керамики в каждом из перечисленных регионов выявлено две традиции в использовании сырья по его пластичности: 1) низко- и среднепластичное глиноподобное сырье, в котором соотношение глины и естественных минеральных примесей достигало от 1 : 5–6 до 1 : 1; 2) пластичные глины, в которых количество естественных примесей размером частиц от 0,2–0,5 мм и крупнее минимально (не более 3–5 на 1 кв. см). В глиноподобном сырье встречаются обломки различных минералов, в т.ч. кварца, слюды, глинистого характера. Последние внешне напоминают плотные комочки глины. Их отличия от глины нередко выявляются только при механическом воздействии на них, видны в свежих изломах. Как правило, их характеризует повышенная плотность, ненарушенная структура, прослеживаемая в расположении мельчайших частиц. Сырье из разных регионов имеет некоторые особенности, в частности, по составу минералов и размерам частиц. Например, наиболее крупные частицы минералов размерами до 0,1 × 1,0 × 1,5 см и более зафиксированы в сырье из Горного Алтая (см. *рисунок*, *3*).

Предгорные районы. Коллекции из предгорных районов происходят преимущественно из северных и северо-западных предгорий Алтая. Изучена керамика из поселенческих комплексов эпохи неолита, бронзы, раннего железного века. Зафиксировано использование качественно разного сырья: ожелезненного и неожелезненного, но сосуды из последнего встречаются очень редко. Керамика, как правило, изготовлена из пластичного сырья. Из низко- и среднепластичного сырья обнаружено всего несколько изделий. Из естественных примесей обычно фиксируется бурый железняк. Глины, полученные из разных источников, различаются размерами и количеством частиц бурого железняка, концентрацией песка, обычно пылевидного и мелкого (диаметр песчинок редко превышает 1 мм). Известны случаи, когда в сырье с памятников, располагающихся на крупных озерах, присутствовали остатки органики: растений, костей рыб, обломков раковин. Выделяются ирбинские сосуды из поселений на оз. Иткуль, находящихся на периферии предгорной зоны, изготовленные из сырья с примесью мелкого речного песка (диаметр частиц менее 1,0 мм), концентрация которого иногда достигала 1 : 1 и 1 : 2. В северных предгорьях обнаружено четыре сосуда на поселениях эпохи раннего железного века, изготовленные из сырья, характерного для горной местности (аналогичные крупные частицы, в т.ч. глинистых минералов). Отдельные случаи подобного сырья выявлены в андроновской и позднебронзовой керамике.

Степные и лесостепные районы. Изученные коллекции с поселений из Кулунды и Верхнего Приобья датируются периодом от середины III тыс. до н.э. до эпохи раннего железа. Выявлено использование качественно разного сырья: ожелезненного и неожелезненного, но последнее встречается редко и в основном применялось при изготовлении керамики на гончарном круге в эпоху поздней бронзы в качестве второй глины. Из неожелезненного сырья и часть шамота. Ожелезненные

Минеральные примеси в исходном сырье.
1, 3 – из Горного Алтая; *2, 4* – из поймы р. Обь.
1, 2 – экспериментальные образцы; *3, 4* – археологические.

глины подразделяются на высоко-, средне- и слабоожелезненные. Наиболее часто встречаются сосуды из среднеожелезненных глин. В выборе сырья по пластичности выявлены две традиции: 1) пластичное, 2) низко- и среднепластичное (см. *рисунок*). Использование второго типа сырья отмечается редко, обычно в керамике середины III тыс. до н.э. и реже эпохи поздней бронзы и раннего железа. В низко- и среднепластичном сырье зафиксирован мелкий речной песок, концентрация которого колеблется от 1 : 1 до 1 : 4–5. Сырье из степных и лесостепных районов различается по количеству и размерам частиц бурого железняка. В некоторых сосудах бурый железняк не обнаружен, что свидетельствует об источниках сырья без бурого железняка. Сырье для керамики, изготовленной на гончарном круге, чаще всего включало в себя очень мелкий остроугольный кварцевый песок (размер частиц менее 0,5 мм).

Подводя итог, отметим, что для всех районов характерно использование среднеожелезненого сырья и как исключение сильно-, слабо- и неожелезненного. Выделяются коллекции эпохи поздней бронзы из степей Кулунды, где для изготовления керамики на гончарном круге использовали смесь двух глин – ожелезненной и неожелезненной. Пока сложно сказать, почему редко использовалось неожелезненное сырье, хотя выходы его в этих районах известны и доступны. Изучение культурных традиций в выборе сырья по пластичности установило, что для лесостепных, степных и предгорных районов характерно использование пластичных глин, а для горных – как низко- и среднепластичного глиноподобного сырья, так и пластичных глин.

Обе традиции в выборе исходного сырья (глиноподобное сырье и глины) в Горном Алтае известны с эпохи неолита и сохраняются до раннего железного века включительно. В то же время отмечаются различия в выборе сырья гончарами разных археологических культур. Например, афанасьевское население почти не использовало пластичные глины, а в неолите и раннем железном веке успешно применялись оба вида сырья. Анализ полученных данных позволяет предположить, что наличие сосудов в предгорных районах, изготовленных из низко- и среднепластичного сырья, в котором обнаружены минералы, характерные для залежей из горных районов, связано с тем, что сосуды или сырье были принесены из Горного Алтая. В этой связи особое значение имеют находки андроновской керамики с оз. Иткуль, где подобного сырья нет, в то же время в Горном Алтае не известны андроновские памятники. Подобные факты подтверждают наличие миграций и контактов населения. В целом выбор сырья в горной местности мог быть обусловлен как большей доступностью низко- и среднепластичного сырья, так и его свойствами, т.е. не требовалось вводить искусственные минеральные примеси, а сосуды из него вполне соответствовали предъявляемым требованиям. Дальнейшие исследования особенностей исходного сырья перспективны и актуальны при решении вопросов взаимодействия населения в древние эпохи.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы: Інжу-Маржан, 2009. – 264 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А. Технико-технологический анализ керамического комплекса поселений Цыганкова Сопка I, III // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2015. – Т. 2. № 4 (88). – С. 87–91.

Леонтьева Д.С. Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселений): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 2016. – 24 с.

Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тыс. до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993. – 31 с.

Рахимжанова С.Ж., Зеленко М.Г. Новые данные о гончарной технологии ботайской культуры // Новые материалы и методы археологического исследования. – М.: ИА РАН, 2015. – С. 67–68.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М., 2010. – С. 117–125.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самар. науч. вестн. – 2015. – № 4 (13). – С. 90–95.

References

Beisenov A.Z., Loman V.G. Drevnie poseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana. Almaty: Inzhu-Marzhan, 2009, 264 p. (in Russ.).

Bobrinskii A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Moscow: Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.).

Bobrinskii A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva (kollektivnaya monografiya). Samara: State Pedagogical Univ., 1999, pp. 5–109 (in Russ.).

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk O.A. Tekhniko-tekhnologicheskii analiz keramicheskogo kompleksa poselenii Tsygankova Sopka I, III. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universitet*a, 2015, vol. 2, No. 4 (88), pp. 87–91 (in Russ.).

Leont'eva D.S. Keramika andronovskoi kul'tury stepnogo i lesostepnogo Altaya (po materialam poselenii): cand. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 2016, 24 p. (in Russ.).

Loman V.G. Goncharnaya tekhnologiya naseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana vtoroi poloviny II-go tys. do n.e.: cand. sc. (history) dissertation abstract. Moscow, 1993, 31 p. (in Russ.).

Rakhimzhanova S.Zh., Zelenko M.G. Novye dannye o goncharnoi tekhnologii botaiskoi kul'tury. In *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya*. Moscow: IA RAS, 2015, pp. 67–68 (in Russ.).

Stepanova N.F. Osobennosti iskhodnogo syr'ya i formovochnykh mass keramiki epokhi neolita i bronzy Gornogo Altaya i ego severnykh predgorii. In *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya*. Moscow, 2010, pp. 117–125 (in Russ.).

Stepanova N.F. Kul'turnye traditsii v vybore iskhodnogo syr'ya i mineral'nykh primesei pri izgotovlenii keramiki po materialam gornykh, predgornykh, stepnykh i lesostepnykh raionov Altaya. In *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2015, No. 4 (13), pp. 90–95 (in Russ.).

УДК 902.01

Н.Ф. Степанова[1], А.В. Поляков[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт истории материальной культуры РАН
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Афанасьевский и окуневский керамические комплексы с памятников озера Итколь (Республика Хакасия)

В статье проводится сравнительный анализ афанасьевской и окуневской керамики с памятников оз. Итколь. В задачи исследования входило выявление культурных традиций в изготовлении керамики, характерных для обеих культур, и ее орнаментации, сравнение форм сосудов этих культур. В результате исследований установлено, что орнамент на афанасьевских и окуневских сосудах с Итколя различается по способам нанесения, выбору инструментов для украшения сосудов. Совершенно разные культурные традиции зафиксированы и в выборе исходного сырья и подготовки формовочных масс. Афанасьевские гончары добавляли шамот в низко- и среднепластичное сырье, а окуневские – дробленый камень в пластичные глины. В результате исследований признаков смешения традиций и взаимодействия афанасьевского и окуневского населения по материалам керамических комплексов с оз. Итколя не выявлено.

Ключевые слова*: афанасьевская и окуневская культура, орнамент, исходное сырье, формовочные массы, технико-технологический анализ керамики.*

N.F. Stepanova[1], A.V. Polyakov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute for the History of Material Culture RAS
E-mail: nstepanova10@mail.ru

The Afanasievo and Okunevo Ceramic Complexes from the sites at Lake Itkol (Republic of Khakassia)

The article presents a comparative analysis of the Afanasievo and Okunevo ceramics from Lake Itkol. The authors identify cultural traditions in ceramic ware manufacturing, ornamentation and configuration characterizing both cultures. The main distinctions between the Afanasievo and Okunevo ceramics from Lake Itkol are ornamentation technique, working tools, raw material choice and fabric. The Afanasievo potters added grog in low and moderately ductile clays, while the Okunevo paste represented high ductile clay tempered with grit. The analytical results did not show either traces of intermixture of these traditions or interrelations between the Afanasievo and Okunevo populations.

Keywords: *Afanasievo culture, Okunevo culture, ornament, raw materials, fabric, techno- technological analysis of ceramics.*

Проблема относительной хронологии афанасьевской и окуневской культур до сих пор вызывает острые дискуссии. Одна из основных причин – расположение курганов обеих культур в рамках единых могильных полей, где они находятся в непосредственной близости. Более того, известны многочисленные случаи впускных погребений окуневской культуры в афанасьевских могилах. Нет сомнений, что на определенном хронологическом отрезке времени носители этих культур сосуществовали и вступали в контакты, но продолжительность этого периода по данным радиоуглеродного метода была не велика [Поляков, Святко, 2009]. Гипотеза об их продолжительном сосуществовании нуждается в фактах, ее подтверждающих или опровергающих.

В задачи нашего исследования входит выявление традиций в изготовлении керамики и ее орнаментации, характерных для обеих культур, сравнение афанасьевских и окуневских керамических комплексов, найденных на поселение Итколь III и расположенном рядом афанасьевском могильнике Итколь II [Поляков, Степанова, 2009; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014]. На поселении Итколь III

вскрыто 172 м^2, зафиксирован культурный слой мощностью ок. 15 см, содержащий материалы афанасьевской и окуневской культур и отдельные фрагменты керамики более поздних эпох. Разделить афанасьевские и окуневские материалы стратиграфически не удалось, но отметим, что афанасьевская керамика чаще встречается в нижней части культурного слоя, где расположены также очаги афанасьевского типа, выложенные из камней. На могильнике Итколь II раскопано пять афанасьевских курганов, в которых обнаружено девять сосудов.

Исследования керамики проводились в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского [1978, 1999]. Изучалось исходное сырье и подготовка формовочных масс для изготовления керамики, особенности орнаментации и форм сосудов.

Афанасьевские и окуневские сосуды имеют совершенно разные формы и различаются по орнаменту, по этим же показателям отличаются от керамики других культур. Не является исключением и коллекция с оз. Итколь. Для окуневской посуды с Итколя характерна баночная форма, для афанасьевской – яйцевидные сосуды с острым дном, кроме того, найдены шаровидные сосуды с округлым дном и два изделия из могильника имеют плоское дно, в одном случае совсем небольшое (диаметр 3 см). Как обычные сосуды с острым дном, так и редкие с плоским дном, вне всякого сомнения, относятся к афанасьевской культуре.

Композиционное построение узора восстанавливается частично, т.к. от большинства сосудов сохранились отдельные фрагменты, что не позволяет реконструировать хотя бы стенку. На афанасьевских сосудах орнамент составляют горизонтальные ряды с наклоном оттисков преимущественно в одну сторону, реже они составляют «елочку». Выделяются два сосуда: один с комбинированным орнаментом – одна часть сосуда украшена горизонтальными рядами качалки, вторая – разновидностью узора, определяемого как растительный; второй сосуд – корчага, покрытая растительным орнаментом. На венчиках некоторых сосудов и с могильника, и с поселения содержится орнамент в виде сетки, образованной пересекающимися линиями. Зафиксирован и необычный орнамент в виде жемчужин по шейке. На окуневской керамике также отмечаются ряды оттисков с наклоном в одну сторону и образующие «елочку», выполненные разными штампами. На одном из сосудов оттиски расположены в виде вертикальных рядов, составляющих «елочку».

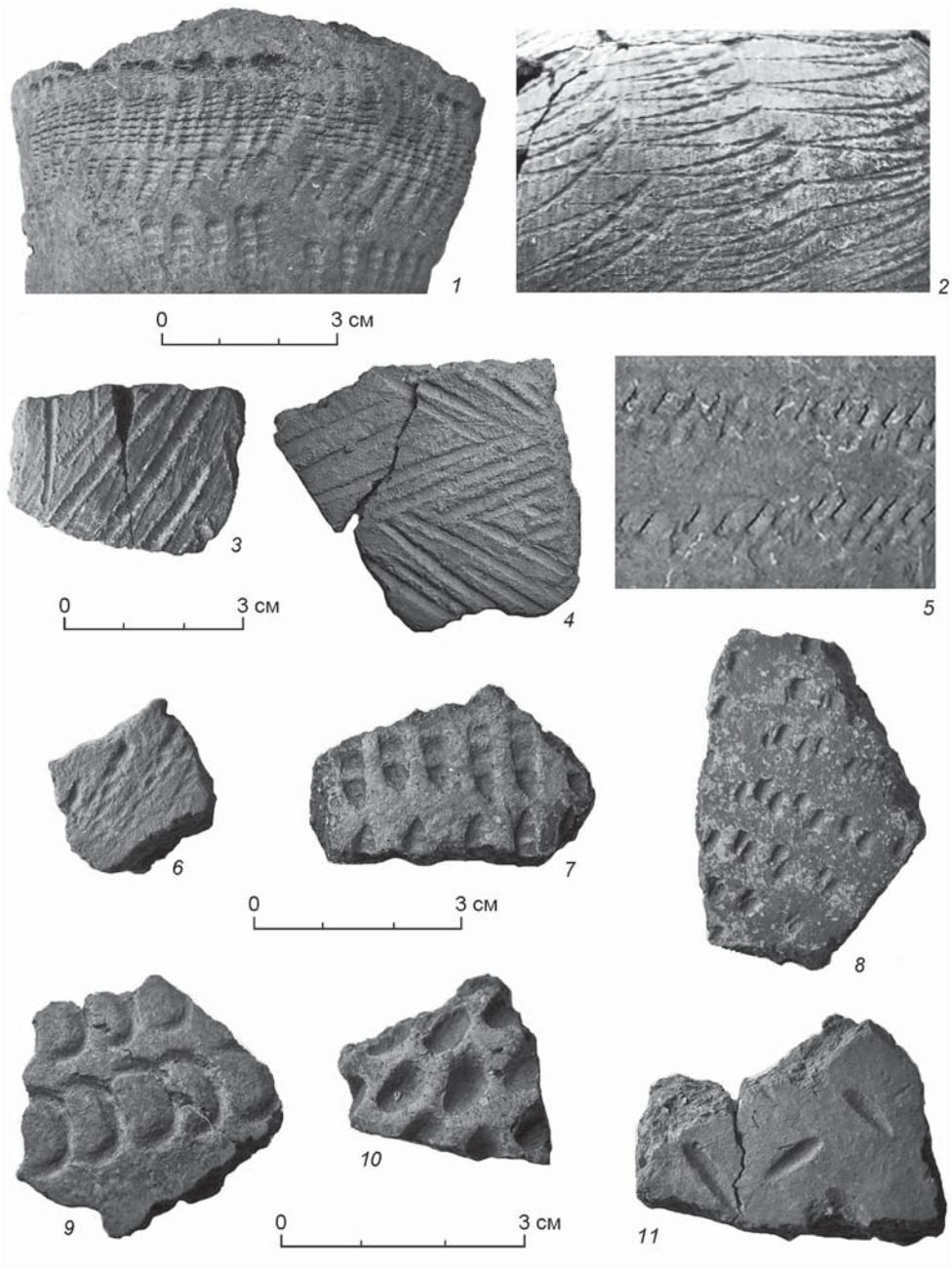
Афанасьевские керамика украшена шаганием с прокатыванием (качалка), накалыванием зубчатыми и протаскиванием незубчатыми предметами (см. *рисунок*, *1–5*). Окуневская – штампованием, шаганием, накалыванием зубчатыми и незубчатыми инструментами (см. *рисунок*, *6–11*).

Наиболее очевидные отличия по орнаменту афанасьевской и окуневской керамики связаны с инструментами, которыми нанесен орнамент. Как афанасьевские, так и окуневские инструменты разнообразны. Для коллекций обеих культур зафиксированы отпечатки зубчатыми и незубчатыми орудиями. Однако инструменты, используемые для орнаментации афанасьевской и окуневской керамики, различаются даже в тех случаях, если речь идет о штампах с зубцами.

Окуневские гребенчатые орнаментиры отличаются от афанасьевских шириной рабочего края и размерами зубцов: они более крупные (до 2 × 3÷4 мм), расстояние между зубцами больше, чем у афанасьевских (от 1 мм до размера зубца, т.е. до 2–3 мм). Как правило, длину гребенчатого штампа, а также количество зубцов определить не удалось. На некоторых фрагментах пропечатался крайний зубец рабочего края, он подтреугольной формы (см. *рисунок*, *1–7*). В одном случае отпечатки могли быть нанесены веревочкой. Отпечатки, оставленные незубчатыми штампами, имеют форму, аналогичную оттискам палочки, лопаточки и трубчатой косточки, диаметр которой 9 мм. Отпечатки этого инструмента в одной части накладываются друг на друга (см. *рисунок*, *9*).

Афанасьевские орнаментиры также подразделяются на зубчатые и незубчатые. Первые имеют длинный рабочий край и реже – короткий. Последним (четкие отпечатки двух зубцов) украшен шаровидный сосуд с острым дном. В ряде случаев удалось установить ширину рабочего края: он очень тонкий, ок. 1 мм, а зубцы округлые диаметром ок. 1 мм (см. *рисунок*, *2*). Однако если орнамент наносился при положении инструмента наклонно к поверхности сосуда, ширину рабочего края определить невозможно. Отметим необычную форму одного из орнаментиров: он изогнут, из-за чего форма отпечатка получилась в виде дуги. Орнаментиры с тонким рабочим краем характерны для афанасьевской культуры [Степанова, 2012].

Проведен технико-технологический анализ 40 фрагментов от 35 разных сосудов. Для сравнения привлекались данные с других афанасьевских и окуневских памятников Енисея. Афанасьевские сосуды с оз. Итколь изготовлены из сильноожелезненного, реже из среднеожелезненного глиноподобного сырья, которое по пластичности подразделяется на низко- и среднепластичное. Размеры частиц естественных примесей достигают 1–3 мм. В сырье иногда встречаются отдельные включения известняка. Не выявлено частиц бурого железняка. Формовочные массы составлены из сырья, в которое добавлен

Фрагменты керамики с оз. Итколь: афанасьевской (*1–5*) и окуневской (*6–11*) культуры.

шамот и органика. Шамот мелкий (до 1 мм), концентрация его незначительна, за исключением двух случаев, где концентрация составляла 1 : 4.

Для изготовления окуневской керамики применяли ожелезненные пластичные глины, в которые добавляли дресву и органику. Концентрация дресвы от 1 : 4 до 1 : 2. Размер частиц от 0,5 мм до 3,0 мм. Из естественных примесей только в двух образцах зафиксирован бурый железняк.

Сравнивая эти две коллекции по исходному сырью и составу формовочных масс, необходимо отметить, что в обоих случаях предпочиталось сильноожелезненное сырье. Обращает на себя внимание отсутствие бурого железняка, он зафиксирован только в двух окуневских сосудах. Видимо, это особенность местных залежей глин. По всем остальным признакам использованное исходное сырье и состав формовочных масс различается, что связано с разными навыками изготовления керамики. Афанасьевские гончары использовали низко- и среднепластичное глиноподобное сырье, в которое из минеральных примесей добавляли шамот, а окуневцы в пластичные глины добавляли дробленый камень (дресву). Необходимо отметить, что прослеживается угасание афанасьевской традиции в применении шамота, т.к. его количество в формовочных массах незначительно и подобное

применение шамота, как правило, не влияло на качество глиняной посуды, но было обусловлено сложившимися ранее традициями [Бобринский, 1978]. Нельзя не подчеркнуть, что отмеченные навыки в выборе исходного сырья и использовании минеральных примесей характерны не только для афанасьевцев Итколя, но и афанасьевцев Горного Алтая [Степанова, 2010, 2015]. С целью проведения сравнительного анализа были исследованы фрагменты от 40 окуневских сосудов с разных памятников (Уйбат-Чарков, Уйбат-3, -5 и др.). Для этих коллекций отмечены те же традиции, что и для окуневской керамики Итколя, т.е. в ожелезненную пластичную глину добавляли дресву и органику. Это подтверждает, что отмеченные навыки изготовления окуневской керамики являются устойчивыми.

Подводя итог, отметим, что между афанасьевской и окуневской керамикой с памятников оз. Итколь наблюдаются отличия как в орнаментации (способы нанесения, инструменты), формах сосудов, так и в отборе исходного сырья, подготовке формовочных масс. Процессов взаимодействия афанасьевского и окуневского населения по материалам керамических комплексов не зафиксировано. Как правило, контакты населения в первую очередь прослеживаются в изменении приспособительных навыков [Бобринский, 1978]. В данном случае выявлены устойчивые традиции в выборе исходного сырья и подготовке формовочных масс для керамики обеих культур, смешения или появления новых навыков не зафиксировано ни у афанасьевского, ни у окуневского населения. В настоящее время преждевременно однозначно связывать с контактами с окуневским населением появление афанасьевских сосудов с плоским дном. Для выяснения причин их появления у афанасьевцев необходимо продолжение исследований.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. – Барнаул: Азбука, 2014. – 380 с.

Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2009. – Вып. 5 – С. 20–56.

Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Исследования памятников афанасьевской культуры на озере Итколь (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 377–381.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 117–125.

Степанова Н.Ф. Первые результаты изучения инструментов для нанесения орнамента по их отпечаткам на афанасьевской керамике (по материалам погребальных комплексов из Горного Алтая) // Игорь Геннадьевич Глушков: сб. науч. ст. – Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2012. – С. 43–50.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самар. науч. вестн. – 2015. – № 4 (13). – С. 90–95.

References

Bobrinskii A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Moscow: Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.).

Bobrinskii A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob”ekt istoriko-kul’turnogo izucheniya. In *Aktual’nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* (kollektivnaya monografiya). Samara: State Ped. Univ. Press, 1999, pp. 5–109 (in Russ.).

Polyakov A.V., Stepanova N.F. Issledovaniya pamyatnikov afanas’evskoi kul’tury na ozere Itkol’ (Respublika Khakasiya). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, vol. XV, pp. 377–381 (in Russ.).

Polyakov A.V., Svyatko S.V. Radiouglerodnoe datirovanie arkheologicheskikh pamyatnikov neolita – nachala zheleznogo veka Srednego Eniseya: obzor rezul’tatov i novye dannye. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. Barnaul, 2009, iss. 5, pp. 20–56 (in Russ.).

Stepanova N.F. Osobennosti iskhodnogo syr’ya i formovochnykh mass keramiki epokhi neolita i bronzy Gornogo Altaya i ego severnykh predgorii. In *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya*. Moscow: IA RAS, 2010, pp. 117–125 (in Russ.).

Stepanova N.F. Pervye rezul’taty izucheniya instrumentov dlya naneseniya ornamenta po ikh otpechatkam na afanas’evskoi keramike (po materialam pogrebal’nykh kompleksov iz Gornogo Altaya). In *Igor’ Gennad’evich Glushkov: sbornik nauchnykh statei*. Khanty-Mansiisk: Pechatnyi mir g. Khanty-Mansiisk, 2012, pp. 43–50 (in Russ.).

Stepanova N.F. Kul’turnye traditsii v vybore iskhodnogo syr’ya i mineral’nykh primesei pri izgotovlenii keramiki po materialam gornykh, predgornykh, stepnykh i lesostepnykh raionov Altaya. In *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2015, No. 4 (13), pp. 90–95 (in Russ.).

Vadetskaya E.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. Svod pamyatnikov afanas’evskoi kul’tury. Barnaul: Azbuka, 2014, 380 p. (in Russ.).

УДК 902/904

А.В. Табарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: olmec@yandex.ru

Традиция погребений в сосудах в островной части Юго-Восточной Азии: происхождение и ареальное подразделение

Традиция погребений в сосудах представляет собой одно из интереснейших явлений в ритуальной практике Восточной и Юго-Восточной Азии, начиная с неолита. Наиболее ранние упоминания и описания отдельных погребений в сосудах относятся к концу XIX – началу XX в., они касаются находок на территории островов Сумба, Сулавеси и Ява. В числе возможных внешних центров зарождения традиции чаще всего фигурирует о-в Тайвань, где погребения в сосудах датируются древнее 3000 л.н. Принципиально общим моментом является то, что в погребениях данной традиции керамический сосуд всегда выступает особым видом погребальной конструкции. На сегодняшний день весь массив погребений в сосудах группируют по 14 «ареалам» или трем «хронологическим горизонтам».

Ключевые слова: *островная часть Юго-Восточной Азии, погребения, сосуды, неолит, палеометалл, традиция.*

A.V. Tabarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: olmec@yandex.ru

Jar-burial Tradition in the Maritime Southeast Asia: Origin and Areal Subdivision

Tradition of Jar-burials is one of the most interesting phenomena in the ritual practice of the ancient cultures in Eastern and Southeastern Asia during the Neolithic Period. The earliest records and descriptions of such burials are dated from the end of 19th – the first half of the 20th century. It concerns the finds from Sumba, Sulawesi and Java Islands (Indonesia). Taiwan is most often referred to as a possible place of origin of this tradition where Jar-burials are dated back to earlier than 3000 BP. The common characteristic feature is that a clay vessel represents a special part of the burial construction of this tradition. Currently, the Jar-burials known so far are classified into 14 "areas" and three "chronological horizons".

Keywords: *Maritime Southeast Asia, burials, jars, the Neolithic, the Paleometal Age, tradition*.

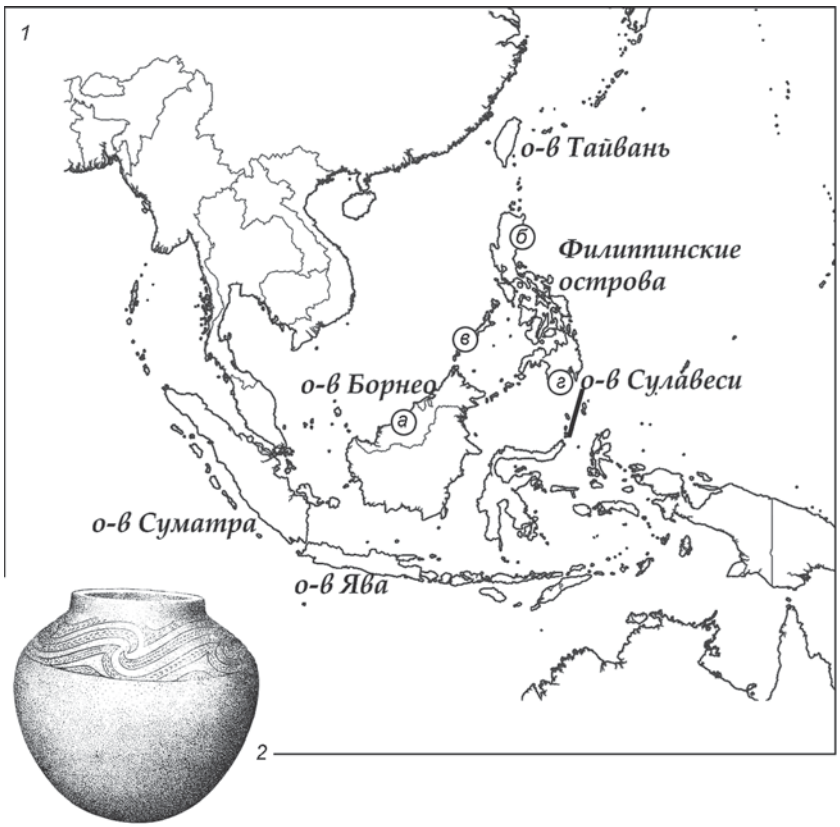
Традиция погребений в сосудах (jar-burials)* представляет собой одно из интереснейших и одновременно сложных для археологической интерпретации явлений в ритуальной практике древних культур Восточной и Юго-Восточной Азии.

В отечественной археологической литературе этот сюжет до настоящего времени рассматривался эскизно, в основном применительно к территориям континентальной части Юго-Восточной Азии, тогда как информации по островной части* практически нет. Это обусловлено целым рядом причин – отсутствием российских экспедиционных проектов и соглашений о совместных археологических исследованиях, недостаточным уровнем контактов, редким присутствием на археологических научных форумах в странах данного региона.

Участие автора настоящей публикации в международных конференциях на Филиппинах и в Индо-

*В англоязычной литературе можно также встретить термины Urn burials и Jar burial containers.

*По общепринятой терминологии – Mainland Southeast Asia (MSEA) и Island Southeast Asia (ISEA).

Карта островной части Юго-Восточной Азии и расположение памятников (*1*): *а* – Ниах, Лобанг Джеранг; *б* – Далан Серкот; *в* – Манунггул А (Табон); *г* – Семинохо; и погребальный сосуд из комплекса Табон (*2*) (по: [Fox, 1970]).

незии в 2016 г., активный диалог с коллегами, накопление массива литературы позволяют перейти к более системному и детальному изучению древних культур островной части Юго-Восточной Азии.

Наиболее ранние упоминания и описания отдельных погребений в сосудах относятся к концу XIX – первой половине XX в., они касаются находок на территории о-вов Сумба, Сулавеси и Ява (Индонезия), а несколько позднее – на о-вах Палаван (Филиппины) и Борнео (Малайзия) [Bintarti, 2000].

В ходе последующих исследований погребения в сосудах были повсеместно зафиксированы по территории островной части Юго-Восточной Азии, проявились их типологическая вариабельность (первичные, вторичные, частичные, кремация), морфологическое разнообразие (сосуды без орнамента, с орнаментом, зооморфные, антропоморфные, с крышкой, без крышки) и разнообразие комплексов (одиночные сосуды, группы сосудов, «поля» сосудов). Примечательно, что погребения в сосудах фиксируются как обособленно, так и вперемешку с погребениями других видов. Принципиально общим моментом является то, что в погребениях данной традиции керамический сосуд всегда выступает не частью сопроводительного инвентаря, а исключительно контейнером для погребения, особым видом погребальной конструкции. К сопроводительному инвентарю относятся артефакты, находящиеся внутри сосуда и вокруг него, – фрагменты декорированной керамики, раковины, бусины, шлифованные топоры и тесла

Библиография публикаций, посвященных тематике погребений в сосудах, весьма обширна. Первые статьи с попытками обобщения данных по погребениям в сосудах, их разновидностям и хронологии принадлежат таким известным археологам, как Г. Бейер, Т. Харриссон, У. Солхейм II и Р. Фокс (см. например: [Fox, 1970; Harrisson, 1974; Solheim, 1970]). Среди наиболее интересных работ последних лет отметим серию статей и монографий П. Беллвуда (см. например: [Bellwood, 1997]), а также статьи Д. Балбека, Л. Ллойд-Смита и Ф. Коул [Bulbeck, 2017; Lloyd-Smith, Cole, 2010].

По мнению П. Беллвуда, речь идет о традиции, зародившейся в неолите (ок. 4 тыс. л.н.)* и получившей наибольшее географическое распространение в период палеометалла (рубеж эр) и вплоть до X–XIV вв. на территории треугольника между Филиппинскими о-вами и о-вами Борнео и Сумба [Bellwood, 1997, p. 296]. В настоящий момент специалисты склонны существенно расширять территорию распространения погребений в сосудах и описывают ее как трапецию с вершиной на Филиппинских о-вах и основанием между о-вом Сумба и Молуккскими о-вами. В числе возможных внешних центров зарождения традиции чаще всего фигурирует о-в Тайвань, где погребения в сосудах датируются древнее 3000 л.н. Тем не менее в последнее время все чаще обсуждается модель о двух неолитических миграциях на территорию островной части Юго-Восточной Азии – со стороны уже упоминавшегося острова Тайвань (красная краше-ная керамика) и со стороны прибрежных районов Индокитая (керамика со шнуровым или веревочным оттиском).

*Здесь и далее даты приводятся в некалиброванном виде. – *А.Т.*

Внутри основной территории распространения наиболее ранние (неолитические) свидетельства традиции зафиксированы на о-ве Борнео (Малайзия) – в пещерном комплексе Ниах (т.н. «Западный грот») с датами 3175 ± 105 л.н. и 2890 ± 29 л.н.*, а также в расположенной неподалеку пещере Лобанг Джераган (3070 ± 410). Есть также достаточно древние даты по погребениям в северной части о-ва Лузон (Филиппины) на памятнике Далан Серкот (3531 ± 34 л.н.) и памятника Манунггул А (комплекс Табон, о-в Палаван) (2841 ± 80 л.н. и 2661 ± 80 л.н.).

В период палеометалла погребальные комплексы приобретают принципиально иные масштабы – так, например, один из наиболее крупных некрополей первых веков нашей эры зафиксирован в пещере Семинохо на юге о-ва Минданао (Филиппины) – более 1 тыс. погребальных сосудов [Bulbeck, 2017, p. 148].

Весь массив погребений в сосудах на сегодняшний день группируют по «ареалам» или по «горизонтам». В первом случае на территории Филиппин, Индонезии и Малайзии (Малайский архипелаг) по особенностям погребальных комплексов (морфология сосудов, их расположение, инвентарь, датировки) выделяются 14 ареалов. Их размеры варьируются от нескольких островков (например, о-ва Батан на севере от Филиппин) или группы памятников (комплекс Ниах на острове Борнео) до обширных территорий (вся внутренняя часть о-ва Борнео, восточная часть о-ва Суматра, о-ва Ява и Бали). В случае с о-вом Сулавеси ситуация еще более сложная – на его территории выделены четыре частично перекрывающих друг друга ареала.

В основу выделения «горизонтов» положен хронологический принцип. Первый – наиболее древний, соотносимый с неолитом, – древнейшие погребения комплекса Ниах на о-ве Борнео, комплекс Манунггул А на о-ве Палаван, Филиппины. Второй – объединяет памятники рубежа эр и первых веков нашей эры и соответствует периоду палеометалла в Юго-Восточной Азии. Третий горизонт связан с поздними (вплоть до XIV в.) проявлениями традиции погребений в сосудах, причем значительную часть погребальных контейнеров составляют импортные изделия, изготовленные за пределами островной части Юго-Восточной Азии.

Исключительно интересными представляются перспективы изучения связей традиции погребений в сосудах в островной части Юго-Восточной Азии и других регионов тихоокеанского бассейна.

С одной стороны, это прибрежная и внутренняя часть Индокитайского полуострова, Китай, Корейский полуостров и Японский архипелаг. В последнем случае практика погребений в сосудах прослеживается как минимум со времени раннего дзё:мона (ок. 7 тыс. л.н.) и наиболее ярко представлена в эпоху яёй (2300–1700 л.н.) [Mizoguchi, 2005]. С другой стороны, это очевидная связь традиции погребений в сосудах с ранней австронезийской миграцией из районов Восточной Азии в Южную Пасифику, маркером которой является керамика лапита. Ярким примером этого является, например, погребальный комплекс Тиоума на о-вах Вануату, датируемый возрастом ок. 3000 л.н. [Valentin et al., 2015].

Благодарности

Автор выражает благодарность своим зарубежным коллегам – д-ру Н. Куэвас (Филиппинский Национальный музей, г. Манила), д-ру Й. Каномата (Университет Тохоку, г. Сендай) и проф. М. Сприггсу (Австралийский Национальный Университет, г. Канберра) за помощь в сборе информации и плодотворную дискуссию по сюжетам настоящей публикации.

Список литературы

Bellwood P. Prehistory of the Indo-Malaysian Archipelago. – 2nd edition. – Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 1997. – 400 p.

Bintarti D.D. More on Urn Burials in Indonesia // Bull. of the Indo-Pacific Prehistory Assoc. – 2000. – Vol. 19. – P. 73–77.

Bulbeck D. Traditions of Jars as Mortuary Containers in the Indo-Malaysian Archipelago // Terra Australis. – 2017. – Vol. 45. – P. 141–164.

Fox R. The Tabon Caves. – Manila: National Museum, 1970. – 197 p. – (Monographs of the National Museum; vol. 1).

Harrisson T. Early "Jar-Burials" in Borneo and Elsewhere // Asian Perspectives. – 1974. – Vol. 27. – P. 141–144.

Lloyd-Smith L., Cole F. The Jar-Burial Tradition in the West Mouth of Niah Cave, Sarawak // 50 Years of Archaeology in Southeast Asia: Essays in Honor of Ian Glover. – Bangkok: River Books, 2010. – P. 114–127.

Mizoguchi K. Genealogy in the Ground: observations of jar-burials of the Yayoi period, Northern Kyushu, Japan // Antiquity. – 2005. – Vol. 79. – P. 316–326.

Solheim W.G. II Prehistoric Archaeology in Eastern Mainland Southeast Asia and the Philippines // Asian Perspectives. – 1970. – Vol. XIII. – P. 47–58.

Valentin F., Choi J.-I., Lin H., Bedford S., Spriggs M. Three-thousand-year-old Jar-Burials at the Teouma Cemetery (Vanuatu): A Southeast Asian–Lapita Connection? // The Lapita Cultural Complex in Time and Space: Expansion Routes, Chronologies and Typologies. – Noumea: Institut d'archeologie de la Nouvelle-Caledonie et du Pacifique, 2015. – P. 81–101.

*Вторичное погребение пяти индивидуумов (двух женщин и трех детей) в сосуде высотой 69,5 см и максимальным диаметром 67 см [Harrisson, 1974, p. 142].

References

Bellwood P. Prehistory of the Indo-Malaysian Archipelago. 2nd edition. Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 1997, 400 p.

Bintarti D.D. More on Urn Burials in Indonesia. In *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association,* 2000, vol.19, pp. 73–77.

Bulbeck D. Traditions of Jars as Mortuary Containers in the Indo-Malaysian Archipelago. In *Terra Australis,* 2017, vol. 45, pp. 141–164.

Fox R. The Tabon Caves. Manila: National Museum, 1970, 197 p. (Monographs of the National Museum; vol. 1).

Harrisson T. Early "Jar-Burials" in Borneo and Elsewhere. In *Asian Perspectives,* 1974, vol. 27, pp. 141–144.

Lloyd-Smith L., Cole F. The Jar-Burial Tradition in the West Mouth of Niah Cave, Sarawak. In *50 Years of Archaeology in Southeast Asia: Essays in Honor of Ian Glover.* Bangkok: River Books, 2010, pp. 114–127.

Mizoguchi K. Genealogy in the Ground: observations of jar-burials of the Yayoi period, Northern Kyushu, Japan. In *Antiquity,* 2005, vol. 79, pp. 316–326.

Solheim W.G. II Prehistoric Archaeology in Eastern Mainland Southeast Asia and the Philippines. In *Asian Perspectives*. 1970, vol. XIII, pp. 47–58.

Valentin F., Choi J.-I., Lin H., Bedford S., Spriggs M. Three-thousand-year-old Jar-Burials at the Teouma Cemetery (Vanuatu): A Southeast Asian–Lapita Connection? In *The Lapita Cultural Complex in Time and Space: Expansion Routes, Chronologies and Typologies*, Noumea: Institut d'archeologie de la Nouvelle-Caledonie et du Pacifique, 2015, pp. 81–101.

УДК 902/904

А.В. Табарев, Д.А. Иванова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: olmec@yandex.ru

Реалии «Огненного кольца»: сейсмический фон культурной динамики на островах Японского архипелага

«Огненным кольцом» называют маргинальные области Пасифики с повышенной сейсмической активностью. В то же время оценка степени влияния сейсмической активности является предметом дискуссии. Для времени палеолит–дзё:мон–яёй существуют только данные естественно-научного цикла, которые не дают ответа на степень его «катастрофичности». В исторические эпохи природные катаклизмы документируются письменными источниками и позволяют получить сведения о числе погибших и масштабах разрушений. Авторы аргументируют точку зрения о том, что природные катаклизмы не являлись определяющим фактором в развитии культур на Японских островах, а археологические материалы, напротив, свидетельствуют о поступательной динамике культурогенеза, росте населения, числа стоянок и поселений.

Ключевые слова: *Японский архипелаг, вулканическая активность, археологические культуры.*

A.V. Tabarev, D.A. Ivanova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: olmec@yandex.ru

The Realities of the “Ring of Fire”: Seismic Background of Cultural Dynamics on the Islands of the Japanese Archipelago

The Ring of Fire is a marginal area with a high seismic activity in the Pacific Ocean. Currently, assessment of the impact of seismic activity has become a topic of discussion. The information based on natural science data available for the Paleolithic – Jōmon-Yayoi Period does not give a clear answer concerning the degree of its catastrophic character. The natural disasters occurring the historical period are documented by written sources and provide the information on the death toll and the degree of damage. The authors argue that natural disasters did not determine development of cultures on the Japanese Islands. On the contrary, archaeological materials strongly indicate the progressive cultural dynamics, stable growth of population, and number of sites and settlements.

Keywords: *Japanese Archipelago, volcanic activity, archaeological cultures.*

«Огненным кольцом» образно называют маргинальные области Пасифики с повышенной сейсмической активностью. В этих областях находятся более 70 % действующих вулканов мира, здесь происходят ок. 90 % всех землетрясений и 80 % наиболее мощных в масштабах всей планеты.

К числу таковых относится и «Великое восточно-японское землетрясение», произошедшее у побережья префектуры Мияги 11 марта 2011 г. Оно сопровождалось толчками силой до 9,1 балла, цунами с волнами до 40 м высотой, техногенной катастрофой (авария на атомной станции Фукусима), многочисленными жертвами (ок. 20 тыс. чел.) и разрушениями.

Анализ этих событий и их последствий нашел свое отражение, в частности, и в дискуссии об особенностях культурной динамики на островах архипелага на фоне драматических природных катаклизмов (землетрясений, извержений вулканов, цунами, наводнений, оползней и т.д.). Часть специалистов полагает, что природный фактор напрямую формировал постоянное стрессовое

состояние населения и его повышенную мобильность, другие высказываются в пользу высокой адаптивной способности обитателей архипелага к реалиям «Огненного кольца» и опосредованном влиянии катастрофических явлений на экономику и культуру.

Оценка степени влияния сейсмической активности на человека является достаточно сложной научной проблемой. Существует даже целое направление «Археология и вулканизм», изучающее данный феномен, проводятся международные симпозиумы, публикуются сборники статей [Living Under the Shadow…, 2007].

В случае с Японским архипелагом мы имеем два блока данных: для ранних периодов (палеолит, дзё:мон, яёй) это исключительно данные естественно-научного цикла (мощность пепловых отложений, следы цунами и оползней в стратиграфических разрезах и т.д.). Они помогают реконструировать картину самого природного катаклизма, но не дают полного ответа о степени его «катастрофичности» для обитателей (число погибших, характер разрушений, уход с данной территории).

Для оценки воздействия извержений на окружающую среду, помимо известной балльной шкалы измерения землетрясений, вулканологами была предложена шкала для измерения силы извержения вулканов – «показатель вулканической эксплозивности» или VEI (Volcanic Explosivity Index). В ее основу положены данные об общем объеме извергнутых продуктов (тефры) и максимальной высоте столба пепла. Сила извержения оценивается по шкале от VEI-0 – для извержений с объемом тефры менее 10 тыс. м³, до VEI-8 – для извержений, выбрасывающих в атмосферу более 1 тыс. км³ тефры и с высотой столба пепла более 25 км. Согласно расчетам, самыми масштабными, с точки зрения нанесенного ущерба окружающей среде, являются извержения в диапазоне VEI-5–VEI-8. Извержения с индексом VEI-4 относятся к категории «крупных», а извержения с меньшим числовым показателем – к «умеренным» или «малым» [Newhall, Self, 1982].

За последние 130 тыс. лет на территории Японского архипелага извержения с показателем VEI-7 происходили один-два раза, а с показателем VEI-6 всего несколько раз. Так, например, среди наиболее активных вулканов в промежутке с 110 по 80 тыс. л.н., с силой VEI-7 отмечаются вулканы Тоя (о. Хоккайдо), Асо и Ата (о. Кюсю). Отложения пирокластических потоков Асо-4 (калиброванные даты 90–85 тыс. л.н.) являются одними из мощнейших слоев в мире, покрывают площадь ок. 30 тыс. км², объем извергнутой тефры составил > 600 км³.

Согласно стратиграфическим наблюдениям, в период перехода от позднего палеолита к изначальному дзё:мону произошло несколько извержений с показателем VEI-5. Это документируется слоями тефры Энива-а (слой En-a, вулкан Энива, о. Хоккайдо, 20–19 тыс. л.н.), Кирисима-Кабояси (Kr-Kb, вулкан Кирисима, юг о. Кюсю, 17–16 тыс. л.н.) и Асама-Еллоу (As-Y, вулкан Асама, центральная часть о. Хонсю, 16,5–15 тыс. л.н.). Эти три слоя являются маркерами изменений, произошедших перед появлением микропластинчатых комплексов. В свою очередь, слой тефры Нантай-Имайти (Nt-I, S, вулкан Нантай, центральная часть о. Хонсю, 15–14 тыс. л.н.) является одним из типичных маркеров периода, связанного с микропластинчатыми комплексами на севере Канто.

Для северной части о. Хонсю важным показателем является слой тефры Товада-Хатинохэ (слой To-H, вулкан Товада, северная часть о. Хонсю), датируемый в интервале 15,5–15 тыс. л.н. Слой To-H располагается между микропластинчатыми комплексами и памятниками изначального периода эпохи дзё:мон. Извержение To-H с индексом VEI-6 сопровождалось мощными пирокластическими потоками объемом ок. 50 км³. Следы извержения и формирование мощного слоя тефры To-H фиксируются на многих памятниках преф. Аомори. Например, на комплексе Тамукай Хиямидзу (г. Хатинохэ) слой To-H достигает 2 м толщины.

Переходным периодом от начального дзё:мона к раннему дзё:мону датируется катастрофическое извержение подводного вулкана Кикай (о-ва Осуми, преф. Кагосима, о. Кюсю) и образование слоя тефры Акахоя (слой K-Ah). Извержение Кикай-Акахоя датируется 7,3 тыс. л.н. (VEI-7, с объемом извергнутой тефры > 150 км³). Площадь распространения вулканического пепла составила более 170 км² и зафиксирована на территории от юго-запада о. Кюсю до северо-востока о. Хонсю. Толщина слоя K-Ah вокруг эпицентра варьируется от 0,4 до 0,6 м (преф. Кагосима), тогда как в других частях острова и на сопредельных территориях – до 0,2 м.

На протяжении эпохи дзё:мон вулканическая активность отмечается на всей территории архипелага. Извержения с показателями VEI-4–VEI-5 известны по данным таких вулканов, как: Тарумаэ (9 тыс. л.н., 2,5 тыс. л.н.); Хоккайдо-Комагатакэ (в интервале 6,8–6,3 тыс. л.н.); Масю (VEI-6 – 7,7–7,6 тыс. л.н.; пять извержений VEI-4–VEI-5 в интервале 5,4–1 тыс. л.н.); Асама (территория преф. Нагано и Гумма) на сегодняшний день известно 10 извержений с показателями VEI-4–VEI-5 в интервале 13,3–1,6 тыс. л.н.; Кирисима

(преф. Кагосима) два извержения с индексом VEI-5 – 7,6–7,1 тыс. л.н. и 4,6 тыс. л.н. и одно с показателем VEI-4 – 6,9–6,8 тыс. л.н.; Икеда (преф. Кагосима) – крупное извержение с показателем VEI-5, 6,4 тыс. л.н.; Асо (преф. Кумамото) – два извержения с показателем VEI-4 в интервале 4–3,6 тыс. л.н. Однако в большинстве случаев вулканическая активность не превышала VEI-3, не представляла катастрофической опасности для обитателей и, судя по археологическим данным, не приводила к масштабным культурным разрывам [Machida, 2002b, p. 65; National Catalogue …, 2013].

Ситуация с оценкой влияния сейсмической активности на культурную динамику принципиально меняется в исторические эпохи (Кофун, Хэйан, Камакура, Муромати, Эдо и Тайсё), которые документируются (начиная с VII–VIII вв. н.э.) письменными источниками и позволяют получить данные о числе погибших, масштабах разрушений и характере последствий. Так, в числе наиболее разрушительных землетрясений последних 700 лет сопровождавшихся извержениями вулканов, цунами и мощными оползнями, следует отметить:

– «Великое извержение годов Бунмэй» 1471–1476 гг. (преф. Кагосима, о. Кюсю) с показателем VEI-5;

– «Великое извержение годов Хоэй» 16 декабря 1707 г. – 1 января 1708 г., самое мощное из извержений вулкана Фудзи с показателем VEI-5, с землетрясением и цунами высотой до 25,7 м. Разрушено ок. 29 тыс. домов, погибло более 5 тыс. человек;

– «Великое извержение годов Анъэй» 1779–1782 гг., извержение вулкана Сакурадзима (преф. Кагосима, о. Кюсю) с показателем VEI-5, во время которого погибло ок. 16 тыс. человек;

– «Землетрясение и цунами Мэйдзи-Санрику» 5 июня 1896 г. с магнитудой более 8 баллов и высотой волн до 38 м, более 22 тыс. погибших и обширные разрушения на территории современных префектур Иватэ, Мияги и Аомори;

– «Великое землетрясение Канто» 1 сентября 1923 г. мощностью до 8,3–7,9 балла, во время которого были практически полностью разрушены города Токио, Йокогама и еще ок. 10 городов, зафиксировано ок. 175 тыс. погибших и более 550 тыс. пропавших без вести. Впервые в своей истории японское правительство обсуждало перенос столицы с островов на континент;

– «Великое землетрясение Хансин-Авадзи» 17 января 1995 г. мощностью до 7,3 балла, повлекшее гибель почти 6,5 тыс. человек, катастрофические разрушения г. Кобэ и его инфраструктуры.

Очевидно, что в исторический период число жертв и масштаб разрушений напрямую зависят не только от силы самого природного явления, но и от возрастающей плотности населения, этажности застройки и сопутствующих техногенных катастроф (пожары на газо- и нефтепроводах, транспортные аварии).

Тем не менее ответ на вопрос о влиянии сейсмической активности на культурную динамику в рамках исторического периода понятен – невзирая на реалии «Огненного кольца», сегодняшняя Япония является одной из самых технологичных стран мира, отличается высоким уровнем жизни, а ее система реагирования (оповещение, грамотность населения, оперативность устранения последствий) на природные катаклизмы – образцовой.

Точка зрения о том, что и для древнего периода природные катаклизмы не являлись определяющим фактором в развитии культур на Японских островах, представляется нам более обоснованной. Несмотря на достаточно мощные пепловые отложения в различных частях архипелага и высокие показатели сейсмической активности, археологические материалы финального палеолита–дзё:мона уверенно свидетельствуют о поступательной динамике культурогенеза, росте населения, числа стоянок и поселений, развитии технологий, промыслов и адаптационных механизмов. Примечательно, что к сходным выводам приходят специалисты, изучающие средиземноморский и центральноамериканский регионы [Grattan, 2006].

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Авторы выражают искреннюю признательность японским коллегам проф. Т. Цуцуми (Музей Дзё:мона Асама, преф. Нагано) и проф. Й. Каномата (Университет Тохоку, преф. Мияги) за помощь в сборе информации и ценные комментарии по сюжетам работы.

Список литературы

Grattan J. Aspects of Armageddon: An exploration of the role of volcanic eruptions in human history and civilization // Quaternary Intern. – 2006. – Vol. 151. – P. 10–18.

Living Under the Shadow: The Cultural Impacts of Volcanic Eruptions. – Walnut Creek: Left Coast Press, 2007. – 320 p.

Machida H. Volcanoes and Tephras in the Japan Area // Global Environmental Research. – 2002a. – Vol. 6. – P. 19–28.

Machida H. Impact of Tephra Forming Eruption on Human Beings and the Environment // Global Environmental Research. – 2002b. – Vol. 6. – P. 61–68.

National Catalogue of the Active Volcanoes in Japan / ed. Japan Meteorological Agency and Volcanological Society of Japan. – 4th Ed. – Tokyo: Japan Meteorological Agency, 2013. – 633 p.

Newhall C.G., Self S. The Volcanic Explosivity Index (VEI): An Estimate of Explosive Magnitude for Historical Volcanism // J. of Geophysical Res.: Ocean. – 1982. – Vol. 87. – P. 1231–1238.

References

Grattan J. Aspects of Armageddon: An exploration of the role of volcanic eruptions in human history and civilization. In *Quaternary International,* 2006, vol. 151, pp. 10–18.

Living Under the Shadow: The Cultural Impacts of Volcanic Eruptions. Walnut Creek: Left Coast Press, 2007, 320 p.

Machida H. Volcanoes and Tephras in the Japan Area. In *Global Environmental Research*, 2002a, vol. 6, pp. 19–28.

Machida H. Impact of Tephra Forming Eruption on Human Beings and the Environment. In *Global Environmental Research*, 2002b, vol. 6, pp. 61–68.

National Catalogue of the Active Volcanoes in Japan. Ed. Japan Meteorological Agency and Volcanological Society of Japan. The 4th Edition. Tokyo: Japan Meteorological Agency, 2013, 633 p.

Newhall C.G., Self S. The Volcanic Explosivity Index (VEI): An Estimate of Explosive Magnitude for Historical Volcanism. In *Journal of Geophysical Research: Ocean*, 1982, vol. 87, pp. 1231–1238.

УДК 902.2:904(571.1)

С.Ф. Татауров[1], М.П. Чёрная[1], С.С. Тихонов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: mariakreml@mail.ru

Некоторые итоги раскопок Тарской крепости (по материалам 2007–2017 годов)

В статье кратко представлены результаты 10-летних раскопок исторической части Тары. В ходе работ выявлены основные характеристики культурного слоя, изучены десятки построек жилого, хозяйственного, оборонительного назначения, а также остатки усадебных комплексов, собрана обширная вещевая коллекция, представленная фрагментами керамической, стеклянной, фарфоровой посуды, орудиями труда, хозяйственно-бытовым инвентарем, атрибутами военного и охотничьего снаряжения, игрушками, украшениями, монетами, образцами обуви, предметами импорта. Комплексный анализ археологического контекста обеспечивает возможность исторической реконструкции социокультурного облика Тары, сыгравшей важную роль в освоении Прииртышья и Западной Сибири в целом. Полученные материалы могут служить основой для подготовки обобщающего исследования, касающегося не только Тары, но и истории русских городов Сибири эпохи колонизации.

Ключевые слова: *Тара, археология, Западная Сибирь, эпоха колонизации.*

S.F. Tataurov[1], M.P. Chernaya[1], S.S. Tikhonov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]National Research Tomsk State University
E-mail: mariakreml@mail.ru

Tentative Results of Exploration of the Tara Fortress (based on materials from 2007–2017)

The paper presents results of the 10-year-long excavations of the historical part of Tara. During the works, the main features of the cultural layer have been established and dozens of buildings for residential, economic, defense purposes, as well as remains of manor complexes have been studied. The authors describe a great amount of fragments of ceramic, glass and porcelain ware, labor tools, accumulated an extensive collection of various goods including household utensils, items of military and hunting equipment, toys, jewelry, coins, shoes, and imported goods. A comprehensive analysis of the archaeological context provides the opportunity for historical reconstructions of the socio-cultural processes in Tara, which played an important role in the development of the Irtysh region and Western Siberia in general. The findings can serve as the basis for a general study of Tara and the history of the Russian towns of Siberia during the colonization period.

Keywords: *Tara, archeology, Western Siberia, colonization period.*

История изучения. Проект по археологическому изучению Тарской крепости был начат по инициативе и под руководством С.Ф. Татаурова в 2007 г. и продолжается по настоящее время. Работы осуществляются совместной экспедицией Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН и Томского государственного университета (с 2010 г.) при участии Омского государственного университета и Тарского филиала Омского государственного педагогического университета, гимназии № 1, школ № 3 и 4 г. Тары.

В 2007 г. был найден фундамент Никольского собора и получены первые сведения о состоянии культурного слоя в районе Тарской крепости, где обнаружены участки культурного слоя XVII–XVIII вв., погребенные под остатками построек XIX в. и строительным мусором 1970–1980 гг.

В 2009–2011 гг. на участке, примыкающем к зданию районной администрации, были исследованы остатки башни, пороховые погреба, дом с двойным полом и фрагмент ограды, часть русского кладбища, сегмент водоотводной системы.

В 2012–2014 гг. основные работы развернулись около здания почтамта – в самом центре исторической части Тары – где изучены остатки усадьбы знатного тарчанина (воеводы?): жилое помещение, мощеный двор, колодец, баня, части ограды с остатками воротных столбов, погреб.

В 2014–2017 гг. на участке вблизи гостиницы «Иртыш» у бывших Тобольских ворот раскопан ряд жилых сооружений, в том числе с глубокими подпольями, самые ранние объекты датируются серединой XVII в.

Общая площадь вскрытого культурного слоя за 10 лет раскопок составила около 1300 м^2. Собрана обширная коллекция бытовых и хозяйственных изделий из металла, дерева, кожи, кости, керамики, стекла, тканей. В музеи Омска и Тары передано свыше 5000 индивидуальных находок – орудия труда, предметы охотничьего и военного снаряжения, монеты, украшения, обувь, атрибуты детских и взрослых игр и др.

Результаты проведенных исследований представлены научной общественности в серии публикаций [Татауров, Чёрная, 2015; Чёрная, Татауров, 2015а, б; Татауров, Тихонов, Чёрная, 2016]. По материалам первых лет раскопок опубликована монография [Тара в XVI–XIX веках…, 2014]. Предметы из кожи, ткани и шерсти были обработаны специалистами [Глушкова и др., 2016; Осипов и др., 2017].

Проблема. Роль исторической Тары как важного опорного пункта в освоении Прииртышья и Западной Сибири в целом делает возможным и необходимым изучение археологической Тары в междисциплинарном ключе. Характер культурных напластований, выявленных в ходе 10-летних исследований в центре и на периферии Тарской крепости, требует комплексного анализа не только собственно археологического материала по традиционным и естественно-научным методикам, но и привлечения письменных, картографических изобразительных источников для интерпретации археологического контекста. Именно комплексный подход обеспечивает возможность исторических реконструкций, адекватных реалиям прошлого, начиная с типологии и датировки артефактов, реконструкции выявленных объектов и заканчивая полноценным восстановлением социокультурного облика города.

Обсуждение. Благоприятные для культурных напластований условия (влажность, большой объем навоза и концентрация мочевины), которые обеспечили мощность – до 4,5 м – слоя и консервацию органических остатков, с одной стороны, и плотность застройки вследствие интенсивного характера городского образа жизни, с другой стороны, обусловили высокий информационный потенциал Тары как археологического памятника. Культурный слой в верхней части (ок. 1 м) содержит находки второй половины XIX – XX в., иногда более ранние в переотложенном состоянии. Основная толща (две нижние трети напластований) сформирована в XVII–XVIII вв. и содержит большое количество изделий и фрагментов из органики – кожи, бересты, ткани, шерсти, войлока, дерева, сосновой коры, а также остатки наземных деревянных конструкций, которые сохранились «до окон» (на высоту 5–6 венцов), впущенные в землю погреба (до 8–12 венцов). Непрерывность отложения напластований обеспечила распределение находок по хронологическим горизонтам, что важно для составления общей хроностратиграфической шкалы памятника. Мощность и содержательность культурного слоя выделяют Тару в ряду русских памятников Западной Сибири эпохи колонизации.

Архитектурные сооружения, изученные в Таре, являются не единичными постройками, а комплексами, такими как, например, усадьба богатого тарчанина или совокупность жилых и хозяйственных построек в районе гостиницы «Иртыш». Кроме изучения архитектурно-композиционных и конструктивных особенностей домостроительства, в Таре получена серия дендрохронологических датировок, обеспеченная великолепной сохранностью древесины. Это позволило получить эталонную шкалу по дендрохронологии Среднего Прииртышья от наших дней до середины XVI в.

Наличие хорошо сохранившихся деревянных объектов, что для Западной Сибири большая редкость, ставит насущную и выполнимую задачу реконструкции и музеефикации археологических комплексов Тары с целью сохранения и пропаганды историко-культурного наследия. Работы в этом направлении ведутся на уровне администрации города и правительства Омской обл. в рамках подготовки к 420-летию Тары.

Для характеристики хозяйственно-бытовой жизни города важен потенциал вещевой коллекции, собранной в ходе раскопок. Находки керамики насчитывают десятки тысяч фрагментов. Типологический анализ позволил выявить ассортимент тарской посуды, представленной горшками, корчагами, крынками, сковородами, мисками и проч. Подобная посуда имела распространение не только в самой Таре, но и в ее округе, что документируют собра-

ния Тарского краеведческого музея, а также школьных музеев в Тарском районе, сформированные в середине – второй половине XX в. Исключение составляет чернолощеная керамика, имитирующая поверхность металлической посуды и маркирующая технологию гончарного производства XVII – первой половиной XVIII в.

Интересны находки предметов из фарфора китайского производства, а также кузнецовский фарфор различных фабрик. К числу посуды отнесем штофы и полуштофы зеленого стекла, обычные для второй половины XVIII – XIX в. Фрагменты стеклянных сосудов иностранного производства, включая посуду, выполненную по венецианским технологиям, свидетельствуют о том, что европейские изделия в числе «русских» товаров попадали в Тару уже в XVII в.

Коллекция кожаной обуви является весьма полной и позволяет изучить процесс ее изготовления. Интересны туфли с золотным шитьем по заднику, с подошвами, на которых мелкими медными гвоздиками по подошвам и каблукам набиты узоры. Многочисленны остатки обуви с крокулем. Находки подковок фиксируют наличие обуви на каблуке, которые были как наборными кожаными, так и деревянными. Обувь представлена жесткими и мягкими формами. Обувь жестких форм: сапоги, женские туфли на среднем и низком каблучке, мужская обувь на низком каблуке, башмаки «военного» образца XVIII в. Мягкая обувь – поршни мужские и женские, сделанные как минимум по двум технологиям, традиции которых сохранялись еще в первой трети XX в.

Образцы тканей позволяют судить о предпочтениях тарчан в выборе материалов для изготовления одежды. Анализ тканей показал, что часть образцов была произведена на территории европейской части страны, часть – местные ткани, изготовленные по нескольким технологиям, и импортные ткани китайского и среднеазиатского производства.

Железные ножи и кожаные ножны к ним тоже относятся к частым находкам. Ножи двух устойчивых форм: 1) с широким лезвием (бытовые?); 2) с прямым узким лезвием (специализированные?, боевые?). Среди других находок из железа назовем подковы и кованые гвозди.

Есть и уникальные находки: глиняный свисток-игрушка в виде птицы, дворянский перстень с гербом на янтарном щитке, кожаный чехол от путевого компаса, ольстра, кожаные перчатки для соколиной охоты с нанесенным на них орнаментом, трубки для курения и т.д.

Заключение. Материалы, найденные в Таре, богаты и разнообразны, и каждая категория предметов может быть основой для подготовки как минимум серии статей. Однако более интересные результаты можно получить либо при специализированном изучении с привлечением смежных материалов, либо при подготовке обобщающих работ по истории сибирских городов.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Глушкова Т.Н., Сенюрина Ю.А., Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Тканые, вязаные и плетеные изделия XVII–XVIII веков из Тарской крепости // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 3. – С. 93–100.

Осипов Д.О., Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Черная М.П. Коллекция кожаных изделий из Тары (по материалам раскопок 2012–2014 годов) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 1. – С. 112–120.

Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша / Д.А. Алисов, Ю.М. Гончаров, А.Р. Ивонин, А.В. Матвеев, С.Ф. Татауров, Ф.С. Татауров, С.С. Тихонов, К.Н. Тихомиров, М.Н. Тихомирова. – Омск: Амфора, 2014. – 332 с.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чёрная М.П. Итоги раскопок исторического центра города Тары в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 432–434.

Татауров С.Ф., Чёрная М.П. Усадьба на территории Тарской крепости: итоги исследований 2011–2014 годов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 292–294.

Татауров С.Ф., Чёрная М.П. Земляная летопись Тары: археологически комментарий к истории города // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – С. 86–91.

Чёрная М.П., Татауров С.Ф. Ограды как элемент планировки и застройки городской усадьбы в историко-археологическом контексте Томска и Тары // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2015а. – С. 127–135.

Чёрная М.П., Татауров С.Ф. Ограждения в бытовом контексте городской усадьбы (по материалам Томска и Тары) // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2015б. – № 6 (38). – С. 100–107.

References

Chernaya M.P., Tataurov S.F. Ogrady kak element planirovki i zastroyki gorodskoy usad'by v istoriko-arheologicheskom kontekste Tomska i Tary. In *Arheologicheskie izyskaniya v Zapadnoy Sibiri i na sopredel'nyh*

territoriyah. Novosibirsk: State Ped. Univ. Press, 2015a, pp. 127–135 (in Russ.).

Chernaya M.P., Tataurov S.F. Ograzhdeniya v bytovom kontekste gorodskoy usad'by (po materialam Tomska i Tary). In *Tomsk State University Journal of History*, 2015b, No. 6 (38), pp. 100–107 (in Russ.).

Glushkova T.N., Senyurina Yu.A., Tataurov S.F., Tikhonov S.S. Tkani, vyazanye i pletenye izdeliya XVII–XVIII vekov iz Tarskoy kreposti. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, No. 3, pp. 93–100 (in Russ.).

Osipov D.O., Tataurov S.F., Tikhonov S.S., Chernaya M.P. Kollektsiya kozhanykh izdeliy iz Tary (po materialam raskopok 2012–2014 godov). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2017, vol. 45, No. 1, pp. 112–120 (in Russ.).

Tara v XVI–XIX vekah – rossiyskaya krepost' na beregu Irtysha / D.A. Alisov, Yu.M. Goncharov, A.R. Ivonin, A.V. Matveev, S.F. Tataurov, F.S. Tataurov, S.S. Tikhonov, K.N. Tihomirov, M.N. Tikhomirova. Omsk: Amfora, 2014, 332 p. (in Russ.).

Tataurov S.F., Chernaya M.P. Usad'ba na territorii Tarskoy kreposti: itogi issledovaniy 2011–2014 godov. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 292–294 (in Russ.).

Tataurov S.F., Chernaya M.P. Zemlyanaya letopis' Tary: arheologicheskii kommentarii k istorii goroda. In *Arheologiya Zapadnoj Sibiri i Altaja: opyt mezhdistsiplinarnyh issledovanii.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2015, pp. 86–91 (in Russ.).

Tataurov S.F., Tikhonov S.S., Chernaya M.P. Itogi raskopok istoricheskogo tsentra goroda Tary v 2016 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 432–434 (in Russ.).

УДК 904

Л.В. Татаурова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: Li-sa65@mail.ru

Новые материалы для реконструкции системы жизнеобеспечения русского сельского населения XVII–XVIII веков

Культура русского сельского населения XVII–XVIII вв. археологическими методами остается пока малоизученной. Поэтому новые материалы, полученные в результате раскопок, дают представительные и разнообразные сведения о различных элементах системы жизнеобеспечения. Полевые исследования памятника Ананьино I в Тарском р-не Омской обл. в 2017 г. позволили по-новому рассмотреть планиграфию одной из усадеб деревни, которая изучалась в 2013–2014 гг., и предположить статус человека, проживавшего в жилище, которое исследовано в раскопе 2017 г. В ходе раскопок зафиксированы уникальные для деревенского комплекса предметы: чернильница, вилка, серебряный перстень, счетный жетон, набор детских игрушек.

Ключевые слова: *археология русских, сельские памятники, система жизнеобеспечения.*

L.V. Tataurova

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS
E-mail: Li-sa65@mail.ru

New Materials for Reconstructions of the Life Support System of the Russian Rural Population in the 17th – 18th centuries

Culture of the Russian rural population of the 17th – 18th centuries still lacks for archaeological studies. Therefore, new materials obtained in the course of excavations, provide representative and diverse information on various features of the life support system. Archaeological research of the Ananyino I site in the Tara district of the Omsk region in 2017 made it possible to reexamine the spatial distribution pattern of one of the countryside farmsteads, which was studied in 2013 and 2014, and identify the status of a person who lived in the house excavated in 2017. During the excavations, such unique objects for the rural complex as an inkwell, a fork, a silver ring, a counting token, and a set of children's toys were found.

Keywords: *Russian archeology, rural sites, life support system.*

Введение. В 2017 г. продолжены исследования поселенческой части русского комплекса Ананьино I в Тарском р-не Омской обл. (открытый лист № 789 от 22 июня 2017 г.).

Деревня Ананьино основана в XVII в., в ней проживало служилое население [Татаурова, Крих, 2015]. В предыдущие годы раскопами изучены пять жилищ, формировавших юго-западный край деревенской улицы [Быков, Татаурова, Светлейший, 2016], выявлены пределы усадеб [Татаурова, 2016]. Раскопки проводились с геодезическим обеспечением фиксации находок и объектов, выполнена геомагнитная съемка в рамках обозначенных границ поселения.

Итоги исследований 2017 г. Целями работ были завершение исследования усадьбы, зафиксированной в 2013–2014 гг., выявление северо-западной границы распространения культурного слоя. Для достижения целей раскоп был прирезан к северо-восточному краю и к северо-западной стенке изученной части поселения. Общая площадь раскрытия составила 284 м^2. В процессе раскопок получена существенная информация по планиграфии деревни. Выяснилось, что изба-связь, изученная в 2013–2014 гг., к которой с северо-востока примыкала деревянная вымостка, была самостоятельной усадьбой и отделена проходом от юго-западной части поселения, к которой относятся четыре жилища, представляющие один комплекс [Татаурова, 2013; Татаурова и др., 2014; Татаурова, 2016]. Раскопками 2017 г. завершено исследование части вымостки из широких досок, протяженность

которой в итоге составила в ширину (СВ – ЮЗ) ок. 8 м. С северо-востока вымостка ограничена бревном, удерживающим доски. В 80 см к северо-востоку от зафиксированного края вымостки был построен заплот из бревен, вставленных в вертикально установленные столбы. Таким образом, между вымосткой и заплотом получился проход, ведущий в усадьбу. С северо-запада к заплоту перпендикулярно примыкало бревно, вероятно, тоже являющееся частью ограды со стороны озера. В бревне прослежены пазы от косяка, что позволяет предположить наличие здесь узкой двери, ок. 50 см, ведущей через небольшое крыльцо к озеру (рис. 1, *1*).

Интересно, что столбы заплота вкопаны в грунт почти на 1,5 м и имеют диаметр 35–40 см. Хорошая сохранность оснований столбов позволяет предположить, что для их изготовления использовали лиственницу. Заплот ограничивал пространство с юго-восточной от дома стороны, которое предназначалось, скорее всего, для содержания животных. Жилище прикрывало загон от господствующих ветров с озера, культурный слой за пределами деревянной вымостки (к юго-востоку от жилища) представлен навозом с небольшим содержанием в нем керамики и единичных находок. Никаких сооружений на этой площади не было, кроме двух столбов в раскопе 2013 г.

В 2 м к северо-востоку от описанной усадьбы в раскоп 2017 г. попала часть нового жилища (рис. 1, *2*). Зафиксирована половина сруба с остатками глинобитной печи. Привлекает внимание сооружение, примыкающее к жилищу с юго-восточной стороны. Оно представляет собой конструкцию из тонких бревен, внутреннее пространство которой разделено на две секции (рис. 1, *2*). На данном этапе исследования связи этой конструкции с жилищем не прослеживается (оба сооружения уходят за пределы раскопа), поэтому можно предположить, что она являлась хозяйственным помещением для содержания скота, прежде всего, лошадей. На это указывает структура заполнения культурного слоя в постройке – это очень плотный влажный навоз на всю глубину разреза (ок. 60 см), в котором также практически отсутствуют находки. Тогда как в расположенном рядом жилище найдена бóльшая часть всех находок, зафиксированных в раскопе.

Инвентарь, полученный в результате изучения описанного жилищного комплекса, многочисленный, многообразный и уникальный для этого памятника. Всего найдено 288 индивидуальных находок. Среди них, преимущественно в квадратах, примыкающих к новому жилищному комплексу, обнаружено 9 монет, начала – середины XVIII в. счетный жетон с изображением Людовика XIV (рис. 2, *8*). Уникальными находками можно назвать глиняные чернильницу (рис. 2, *3*); погремушку (рис. 2, *2*); биконическое орнаментированное изделие, скорее всего, детскую игрушку (рис. 2, *1*), возможно, связанную с пасхальными праздниками. Хотелось бы узнать предназначение шести керамических шариков диаметром 2,5–3,0 см с отверстиями (рис. 2, *4, 5*), ассоциирующихся с бусами или детскими игрушками, а может и с шариками счетов. К ребячьим забавам относится серия мини-

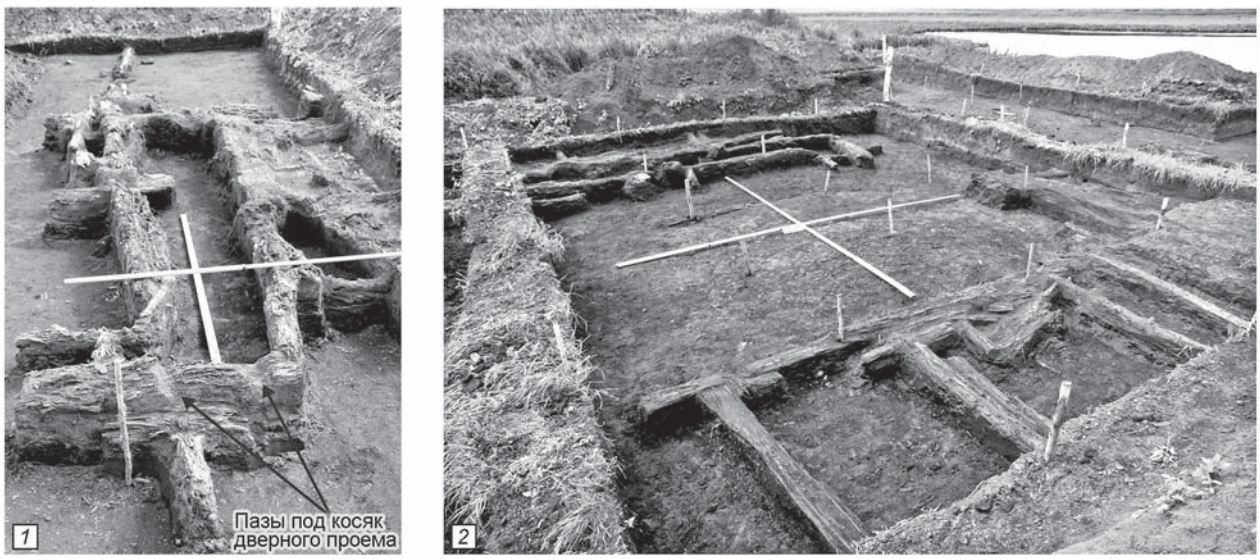

Рис. 1. Поселение Ананьино I.

1 – северо-западная часть заплота, разделявшего усадьбы, с остатками крыльца и бревном с пазами под косяк двери; *2* – часть хозяйственной постройки (конюшни?), примыкающей к жилищу.

атюрных реплик домашней глиняной посуды, найденных в жилище рядом с развалом печи.

Предметами, характеризующими статус владельца усадьбы, являются найденные железная двузубая вилка (рис. 2, *6*) и половинки серебряного перстня с короной на щитке (рис. 2, *7*).

Среди других вещей, зафиксированных в жилище и его пределах, есть три вида железных ножниц, ножи, кресала, чапельник, костяные гребни и расчески, детали кожаной обуви, рыболовные снасти и др. Собрана представительная коллекция фрагментов китайского фарфора и обломков стеклянных штофов. Представительные объемы имеет керамический материал, включающий сосуды домашнего изготовления, черно- и краснолощеную посуду разных типов.

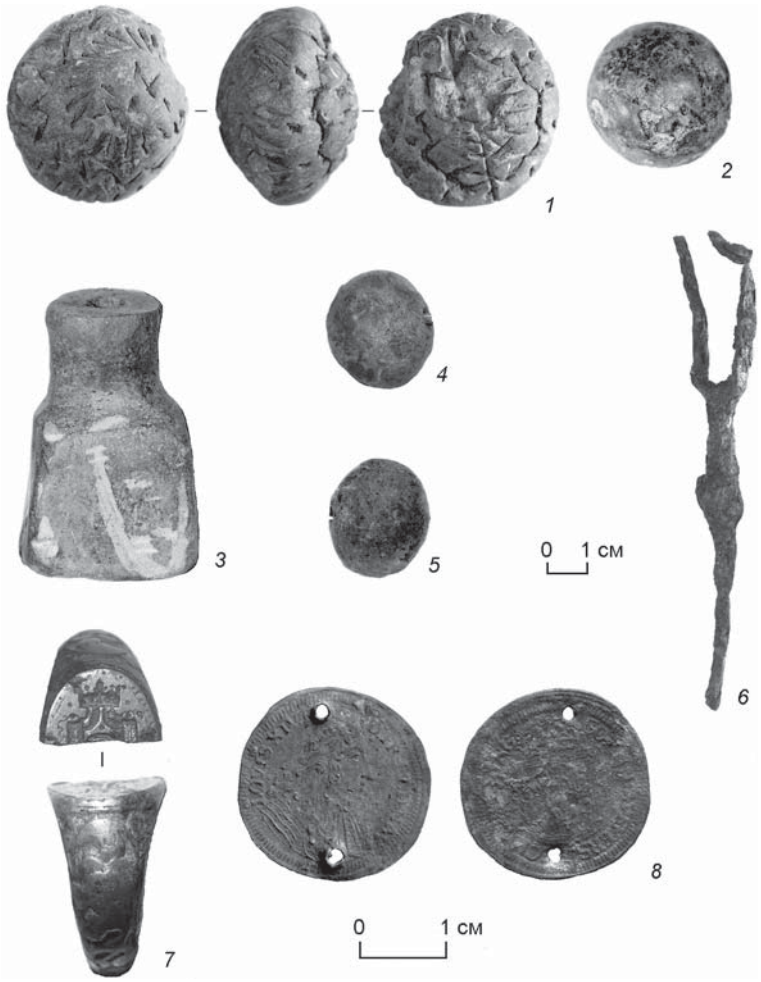

Рис. 2. Предметный комплекс поселения Ананьино I.
1 – изделие из глины с орнаментом; *2* – погремушка; *3* – глиняная чернильница; *4, 5* – глиняные шарики с отверстиями; *6* – железная вилка; *7* – половинка серебряного перстня; *8* – счетный жетон.

Обсуждение результатов. Выявленные в процессе раскопок остатки строений позволяют сделать дополнительные выводы по планиграфии деревни. На основании ранее полученных материалов мы выделили северо-восточный и юго-западный жилищные комплексы [Быков и др., 2016; Татаурова, 2016], полагая, что с избой-связью, относимой к северо-восточному комплексу, также будут сочетаться другие постройки. Оказалось, что она представляет самостоятельный объект, ограниченный с двух сторон проходами и оградами: с юго-западной – частоколом, зафиксированным в раскопе 2013 г., с северо-восточной – заплотом, изученным в раскопе 2017 г. Заплот ограничивал пространство, которое использовалось для содержания скота, на что указывает состав культурного слоя. Внутрь загона вел проход, сделанный в юго-восточной части заплота. Изба-связь имела крытый двор, вымощенный деревянными плахами, который отделял жилище от хозяйственного двора. Вход в усадьбу был со стороны озера, куда выходила фасадная часть жилища, через крыльцо и небольшую дверь у заплота. В границах усадьбы в 2013–2014 гг. с южной стороны дома зафиксированы остатки летней кухни с печью и хозяйственная яма, в которой найдена монета второй половины XVIII в. У юго-западной стены жилища росло дерево. Горница, северо-западная стена которой была фасадной и выходила к озеру, отапливалась печью, в клети, расположенной за холодными сенями, был устроен подпол [Татаурова, 2016]. Такая планиграфия жилища и усадьбы обеспечивала комфортное проживание не только людям, но и домашним животным – дом, крытый двор и заплот прикрывали их от ветров с озера.

Завершение изучения этой усадьбы с северо-запада, со стороны озера, позволило оценить распространение культурного слоя, который по стратиграфическим наблюдениям сходит на нет к краю берега. Жилища располагали в 4–6 м от берега фасадной стороной к озеру, потому что на эту часть приходится наибольшее количество солнечного света.

Новая усадьба, попавшая в раскоп 2017 г., судя по составу инвентаря, могла принадлежать представителю администрации деревни или зажиточному человеку. На это указывают предметы, которые можно считать статусными: серебряный перстень, вилка [Татауров, 2014], обилие фрагментов китайского фарфора [Татауров, 2011]. Кроме того, обнаружены чернильница, достаточно мно-

го монет и счетный жетон. Рядом с домом, предположительно, была конюшня. Усадьба по этим находкам датируется началом, первой половиной XVIII в.

Выводы. Результаты работ 2017 г. позволили по-новому интерпретировать развитие планиграфии деревни и выявить расположение хозяйственного комплекса. Последнее очень важно, так как палеозоологические исследования и архивные материалы показывают наличие развитого животноводства [Татаурова, Крих, 2015; Чернова, 2017]. Обнаружены уникальные для сельского комплекса предметы, более характерные для зажиточного городского населения и представителей администрации (вилка, жетон, перстень). Интересен комплекс предметов, характеризующих мир детства: погремушка, детская посудка. Находка глиняной чернильницы и перочинных ножей [Зиняков, 2017, с. 428] в предыдущих раскопах свидетельствует о наличии грамотных людей среди жителей деревни в XVIII в. Все эти данные существенно дополняют сведения о системе жизнеобеспечения русского сельского населения XVII–XVIII вв.

Список литературы

Быков Л.В., Татаурова Л.В., Светлейший А.З. Трехмерная реконструкция археологических памятников и объектов на основе данных дистанционного зондирования и глобальных навигационных спутниковых систем // Вестн. Ом. гос. аграр. ун-та. – 2016. – № 3 (23). – С. 185–192.

Зиняков Н.М. Черноталлические изделия поселения Ананьино в Тарском Прииртышье: технологическая характеристика // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2017. – С. 427–438.

Татауров Ф.С. Школы, основные центры производства и характер распространения фарфора из археологических памятников Западной Сибири // Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии. – Омск, 2011. – С. 180–189.

Татауров Ф.С. Статусные вещи как основание для сравнения сельского и городского общества Западной Сибири в XVII–XVIII веках // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. – Омск, 2014. – С. 192–197.

Татаурова Л.В. Жилищный комплекс русского поселения XVII–XVIII вв. Ананьино I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2013. – Т. XIX. – С. 336–339.

Татаурова Л.В. Планиграфия и система жизнеобеспечения деревни Ананьино XVII–XIX веков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 435–440.

Татаурова Л.В., Быков Л.В., Макаров А.П., Орлов П.В. Междисциплинарные исследования русского комплекса XVIII века Ананьино I в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2014. – Т. XX. – С. 295–299.

Татаурова Л.В., Крих А.А. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам) // Былые годы. – 2015. – Т. 37, № 3. – С. 479–490.

Чернова И.В. Реконструкция хозяйства населения деревни Ананьино в XVIII–XX веках: опыт междисциплинарного исследования // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2017. – С. 567–570.

References

Bykov L.V., Tataurova L.V., Svetleishii A.Z. Trekhmernaya rekonstruktsiya arkheologicheskikh pamyatnikov i ob»ektov na osnove dannykh distantsionnogo zondirovaniya i global'nykh navigatsionnykh sputnikovykh sistem. In *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2016, No. 3 (23), pp. 185–192 (in Russ.).

Chernova I.V. Rekonstruktsiya khozyaistva naseleniya derevni Anan'ino v XVIII –XX vekakh: opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*, Omsk, 2017, pp. 567–570 (in Russ.).

Tataurov F.S. Shkoly, osnovnye tsentry proizvodstva i kharakter rasprostraneniya farfora iz arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoi Sibiri. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh. Mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii*. Omsk, 2011, pp. 180–189 (in Russ.).

Tataurov F.S. Statusnye veshchi kak osnovanie dlya sravneniya sel'skogo i gorodskogo obshchestva Zapadnoi Sibiri v XVII–XVIII vekakh. In *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya*, Omsk, 2014, pp. 192–197 (in Russ.).

Tataurova L.V. Zhilishchnyi kompleks russkogo poseleniya XVII–XVIII vv. Anan'ino I. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, 2013, vol. XIX, pp. 336–339 (in Russ.).

Tataurova L.V. Planigrafiya i sistema zhizneobespecheniya derevni Anan'ino XVII–XIX vekov. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 435–440 (in Russ.).

Tataurova L.V., Bykov L.V., Makarov A.P., Orlov P.V. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya russkogo kompleksa XVIII veka Anan'ino-I v 2014 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk, 2014, vol. XX, pp. 295–299 (in Russ.).

Tataurova L.V., Krikh A.A. Sistema zhizneobespecheniya sibirskoi derevni Anan'ino v XVII–XVIII vv. (po arkheologicheskim i pis'mennym istochnikam). In *Bylye gody*, 2015, vol. 37, No. 3, pp. 479–490 (in Russ.).

Zinyakov N.M. Chernometallicheskie izdeliya poseleniya Anan'ino v Tarskom Priirtysh'e: tekhnologicheskaya kharakteristika. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh.* Omsk, 2017, pp. 427–438 (in Russ.).

УДК 904

К.Н. Тихомиров

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ktikhomirov@gmail.com

Новые данные о жизнеобеспечении населения южнотаежной зоны Среднего Прииртышья в XVII–XVIII веках

В статье на материалах исследования городища XVII–XVIII вв. Усть-Тамак II, проведенного в 2017 г., рассматривается система жизнеобеспечения предков сибирских татар в указанное время. Проведенные работы выявили два строительных горизонта: первый – эпохи Средневековья, второй – времени проникновения сюда населения из европейской части России. Анализ материалов раскопок 2017 г. и предыдущих лет, а также письменных источников и картографических материалов позволил сделать вывод о том, что данное городище являлось зимним поселением и было частью оригинальной системы жизнеобеспечения населения этих районов, представлявшей собой формирование особого микрорегиона, который был заселен моноэтничным населением. Он включал сезонные поселения, кладбища, пастбища, места ловли рыбы и др. и позволял максимально комфортно жить в данных условиях.

Ключевые слова*: традиционные системы жизнеобеспечения, население южнотаежной зоны, Среднее Прииртышье, XVII–XVIII вв., городище Усть-Тамак II, оборонительная система, археология.*

K.N. Tikhomirov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: ktikhomirov@gmail.com

New Data on the Life Support of the Population of the South Taiga Zone in the Middle Irtysh Basin in the 17th – 18th Centuries

The author analyzes the life support system of the ancestors of Siberian Tatars on the materials from the Ust-Tamak II fortified settlement of the 17th – 18th centuries excavated in 2017. Two construction horizons were identified: the first corresponded to the Middle Ages, the second represented the time of occupation of this territory by migrants from the European part of Russia. Based on analyses of 2017 excavation materials and those of previous years, as well as written sources and cartographic materials, the site was identified as a winter settlement representing a feature of the original life support system of the local population, which implied formation of a special micro-region with a monoethnic population. This system included seasonal settlements, cemeteries, pastures, fishing places, and other objects, which made the living conditions comfortable for the people.

Keywords*: traditional life support systems, population of the southern taiga zone, the Middle Irtysh, 17th – 18th centuries, the Ust-Tamak II fortified settlement, defensive system, archeology.*

На протяжении ряда последних лет был исследован раскопками ряд археологических памятников населения южнотаежной зоны правобережной части Среднего Прииртышья, датирующихся XVII–XVIII вв. Это позволило получить материал о жизнеобеспечении населения в различных микроландшафтах и выявить некоторые особенности приспособления к конкретным условиям. Анализ полученных данных, а также письменных источников и картографических данных выявил определенные закономерности в концентрации комплексов предков современных татар на территориях ряда северных районов Омской обл. в регионах, прилегающих к берегам р. Иртыш. Это позволяет предполагать определенную модель жизнеобеспечения указанного населения [Тихомиров, 2013б]. Она состоит в том, что все поселения образовывали замкнутые этнокультурные микрорегионы, засе-

ленные моноэтничным населением (предками сибирских татар). Эти регионы включали поселения (летние и зимние) и места ведения хозяйства и существовали в течение длительного времени. Они размещались на участках поймы внутри крупных правобережных меандров р. Иртыш, частично занимая и сопредельные территории. Одним из ключевых элементов этих образований являлись зимние поселения, часть из которых были городищами. Изучение одного из таких объектов – городища Усть-Тамак II – было продолжено в 2017 г.

Указанный комплекс исследовался автором в 2006 и 2010 г. [Тихомиров, 2009; Тихомиров, 2013а]. В это время были изучены остатки печи типа чувала (в которой был найден счетный пфенниг Вольфа Лауфера), хозяйственные ямы различного предназначения, собрана большая коллекция костяных орудий и оружия из кости, остатки металлических предметов (железный топор с несомкнутой втулкой, ножи, наконечники стрел, напрясла из кости и камня и др.), стеклянная бусина. Также была получена большая коллекция неорнаментированной керамики, глиняной обмазки, костей животных, птиц, рыбы и др. Коллекцию керамики составляли фрагменты сосудов, аналогичные распространившимся на этих территориях с приходом подданных Московского царства. Лишь два фрагмента сосудов можно отнести к древностям Средневековья (XII–XIII вв., усть-ишимская культура). Эти работы позволили датировать памятник, выяснить его культурную принадлежность и зафиксировать некоторые элементы жизнеобеспечения проживающего на нем населения, однако оставили неисследованными его оборонительные сооружения.

Задачей 2017 г. стало исследование оборонительных сооружений памятника. Раскоп 2017 г. был прирезан к раскопам 2006 и 2010 гг. и включал небольшой участок жилой площадки, часть рва и вала городища. В результате работ была получена небольшая коллекция материалов (неорнаментированная керамика, кости животных, железное кольцо), сосредоточенные на указанной площадке и во рве городища. Особую значимость представляла находка целого керамического сосуда эпохи позднего Средневековья и удлиненно трансформированной крышки черепа человека (часть лобной кости с остатками надбровных дуг и часть теменной кости).

Исследования 2017 г. показали, что оборонительные сооружения городища имеют два строительных горизонта. Нижний из которых, кроме стратиграфических данных, маркируется небольшим целым керамическим сосудом, стоявшим на донышке на пятне прокаленного грунта на внутреннем склоне вала. Горшковидный сосуд с плоским срезом венчика, орнаментированным рядом короткого мелкозубого штампа. Шейка прямая, плечики сильно профилированы. Дно округлое приостренное. Орнаментация сосуда сосредоточена в его верхней трети, на шейке и плечике. Ее составляют горизонтальные ряды наклонного короткого мелкозубого гребенчатого штампа, образующего «елочку». Разделителем этих рядов являлись горизонтальные ряды, выполненные коротким мелкозубым штампом, поставленным параллельно срезу венчика. Ближайшие аналоги такие сосуды находят среди материалов усть-ишимской культуры, распространенной в Среднем Прииртышье в эпоху Средневековья.

Более поздний горизонт отделялся от предыдущего угольной прослойкой. Стратиграфические наблюдения показали, что первоначально на памятнике было два рва и вала, расположенных практически вплотную друг к другу. При подновлении оборонительной линии первая линия обороны была засыпана, второй вал подсыпан, а на его гребне была возведена двойная стена.

Нахождение на первом строительном горизонте сосуда усть-ишимской культуры позволяют утверждать, что изначально городище было построено населением эпохи Средневековья, впоследствии оно было перестроено и использовалось предками сибирских татар в эпоху освоения этих регионов подданными Московского царства. В горизонтах культурного слоя этого периода присутствовала неорнаментированная лепная керамика, подобная той, которая распространялась на этих территориях с конца XVI в. Интересен факт полного отсутствия в этом слое керамического материала более ранних периодов или иной культурной принадлежности. Такую же ситуацию подтверждают и материалы исследований этого памятника в 2006, 2010 гг. [Тихомиров, 2014, с. 195]. В то же время железные и костяные предметы находят наибольшие аналогии в коллекциях, полученных со средневековых памятников местного населения. Это может свидетельствовать о том, что население рассматриваемого городища в этот период утрачивает технологии изготовления традиционной керамики, но продолжает изготавливать костяные и некоторые железные изделия (втульчатый топор), характерные для населения этого региона эпохи Средневековья.

Наличие на памятнике культурного слоя, насыщенного остатками жизнедеятельности (различной органикой, костями животных, глиняной обмазкой, обломками керамических сосудов, железных и костяных изделий и др.), свидетельствует о том, что люди здесь проживали постоянно. Исследованные остатки печки – чувала свидетельствуют о функционировании городища, в т.ч. в холодное время года. Мощная оборонительная линия, состоящая как из земляных (вал и ров), так и, с большой веро-

ятностью, бревенчатых сооружений, говорит о значимости данного комплекса для местного населения.

Обращает на себя внимание расположение городища. Оно находится у нижнего крыла крупного меандра р. Иртыш, на высоком северо-восточном краю останца. Правобережная пойма р. Иртыш, в которой расположен останец, изобилует реками, ручьями, озерами и заболоченными участками. Обильное половодье превращает этот ландшафт в труднопроходимый. А высыхание поймы (болот и ручьев) может происходить до середины августа – начала сентября (как это было в 2016–2017 гг.). В то же время такое расположение городища перекрывает, в случае необходимости, доступ к летним поселениям, пастбищам и местам рыболовного промысла.

Анализ литературы и картографических данных показывает, что в этом районе было расположено несколько поселений предков сибирских татар, со схожими названиями у С.У. Ремезова (Усть-Ошинская и Ошинская) [Ремезов…, 2011, л. 91] и у Г.Ф. Миллера [Сибирь XVIII века…, 1996, с. 89]. Судя по данным этих работ, они располагались внутри меандра на берегах р. Иртыш. Проведенный автором анализ источников и обследование местности позволили предположить, что эта местность была территорией освоения – микрорегионом одной из групп указанного населения, включавшего в себя поселения, кладбища, зимовальные рыбные ямы, пастбища и другие промысловые угодья, а также пути, соединяющие их [Тихомиров, 2013а]. Обращает на себя внимание то, что в этом и соседних микрорегионах зимние поселения (большая часть из которых была городищами) располагалась именно в подобных местах и возможно являлись центрами указанных микрорегионов. То есть расположение исследуемого городища подтверждает закономерность месторасположения зимних поселений в таких микрорегионах. Таким образом, оно являлось частью традиционной системы жизнеобеспечения населения, проявившейся особым способом освоения пространства – адаптацией к местным природным условиям.

Повторяемость микрорегионов в крупных меандрах правого (в основном правого) берега р. Иртыш на территориях Усть-Ишимского, Тевризского, Знаменского и Тарского районов Омской области говорит об устойчивой модели освоения пространства в этих условиях. Более того, автору не известно ни одного поселения предков сибирских татар этого времени, которое существовало бы без такого микрорегиона. Следовательно, такое освоение пространства является характерным для населения южнотаежной зоны Среднего Прииртышья в XVII–XVIII вв.

Такая система жизнеобеспечения, будучи наиболее эффективной при ведении комплексного хозяйства в этих условиях, доживает до наших дней, трансформируясь лишь с распространением в этих регионах автотранспорта.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-0036).

Список литературы

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. – Новосибирск, 1996. – Вып. 6. – 310 с.

Тихомиров К.Н. Раскопки на городище Усть-Тамак II // Археологические микрорайоны Северной Евразии: мат-лы науч. конф. – Омск: Апельсин, 2009. – С. 116–121.

Тихомиров К.Н. Новые памятники коренного населения Среднего Прииртышья XVI–XVIII веков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013а. – Т. XIX. – С. 345–350.

Тихомиров К.Н. Размещение поселений в южнотаежном Прииртышье в первой половине XVIII в. // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – Томск, 2013б. – Вып. 2 (22). – С. 108–111.

Тихомиров К.Н. Город Тара как центр экономического и культурного развития сибирских татар в Тарском Прииртышье // Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу р. Иртыша. – Омск: Амфора, 2014. – С. 187–223.

Ремезов С.У. Хорографическая чертежная книга Семена Ульяновича Ремезова. – Тобольск: Обществ. благотвор. фонд «Возрождение Тобольска», 2011. – 690 с.

References

Remezov S.U. Khorograficheskaya chertezhnaya kniga S.U. Remezova. Tobol'sk: Obschestvennyi blagotvoritelnyi fond Vosrozhdeniye Tobolska, 2011, 629 pp. (in Russ.).

Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera. In *Istoriya Sibiri. Pervoistochniki.* Novosibirsk, 1996, iss. 6, 310 pp. (in Russ.).

Tikhomirov K.N. Raskopki na gorodishche Ust'-Tamak II. In *Arkheologicheskie mikroraiony Severnoi Evrazii*. Omsk: Apel'sin, 2009, pp. 116–121 (in Russ.).

Tikhomirov K.N. Novye pamyatniki korennogo naseleniya Srednego Priirtysh'ya XVI–XVIII vekov. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013a, vol. XIX, pp. 345–350 (in Russ.).

Tikhomirov K.N. Razmeshchenie poselenii v yuzhnotaezhnom Priirtysh'e v pervoi polovine XVIII v. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. Tomsk, 2013b, iss. 2 (22), pp. 108–111 (in Russ.).

Tikhomirov K.N. Gorod Tara kak tsentr ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya sibirskikh tatar v Tarskom Priirtysh'e. In *Tara v XVI–XIX vekakh – rossiiskaya krepost' na beregu r. Irtysha*. Omsk: Amfora, 2014, pp. 187–223 (in Russ.).

УДК 902.24

С.С. Тихонов

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: st-57@mail.ru

Естественные преграды в системе обороны Тарской крепости (предварительные результаты исследований 2013–2017 годов)

Успешной обороне укрепленных объектов способствует несколько факторов. В их число входят оборонительные стены и башни, рвы и валы, рогатки или иные напольные препятствия. Важно также оружие, которое используют обороняющиеся. Эти факторы ученые активно изучают. Меньшее внимание исследователи обращают на природные преграды, затрудняющие подходы к крепости. Воинское же искусство, тактические приемы обороны, схемы атакующих и оборонительных действий археологи чаще всего выносят за скобки. Исследование автором естественных преград, способствующих обороне Тарской крепости, может отчасти заполнить лакуну в этом вопросе. Рассмотрев природно-географическую ситуацию в ее районе, автор приходит к выводу, что две речки, два болота и два оврага являлись серьезными препятствиями при подходе к крепости и во время ее штурма.

Ключевые слова: *Тарская крепость, природные преграды, оборона.*

S.S. Tikhonov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: st-57@mail.ru

Natural Obstacles in the Defensive System of the Tara Fortress (Preliminary Research Results of 2013–2017)

Several factors contribute to the successful defense of fortified objects. These include defensive walls and towers, moats and ramparts, hurdles and other obstacles. The weapons used by defenders are also essential. These factors are in the focus of research. Less attention is paid to natural obstacles hampering approaches to the fortress. Military art, defense tactics, schemes of attacking and defense are often excluded from archeological research. Studies of natural barriers contributing to the Tara fortress defense can partly fill up the gap in this matter. Having considered the natural and geographical situation in the area, the author concludes that two rivers, two marshes, and two ravines were serious obstacles for approaching and military assault of the fortress.

Keywords: *Tara fortress, natural obstacles, defense.*

При изучении литературы об оборонительных сооружениях русских крепостей, городов, острогов Западной Сибири у меня сложилось мнение, что в подавляющем большинстве случаев ученые уделяют внимание именно фортификации и необоснованно мало рассматривают естественные природные препятствия, затрудняющие неприятелю подход к обороняемым объектам и их штурм. В ходе исследований Тарской крепости автором получены некоторые сведения, освещающие этот аспект обороны Тарской крепости [Тихонов, 2015, 2016а, б; 2017].

В результате археологических работ 2007–2017 гг. по изучению Тарской крепости (автор и руководитель проекта – С.Ф. Татауров), построенной в 1594 г. князем Андреем Елецким, ее границы выявлены довольно точно. Территория площадью примерно 400 × 130 м, которую занимала крепость, застроена в наши дни примерно наполовину. Сейчас на ней в центре Тары располагаются гостиница «Иртыш», здания суда, районной администрации, предприятия «Северные сети», почтамта и КДЦ «Север». Свободную от застройки часть крепости занимает пл. Ленина. В раскопах в разных местах крепости сохранился мощный культурный слой, перекрытый строительным мусором 1960–1970-х гг. [Алисов и др., 2014, с. 9–86].

Осматривая местность в районе Тарской крепости, изучая карты XVII – первой половины

XIX в., опрашивая информантов, я пришел к выводу, что можно выделить две группы естественных препятствий, способствующих обороне. Это, во-первых, преграды, которые мешают неприятелю добраться до крепости: леса, болота, реки и т.д. Во-вторых, есть преграды, затрудняющие штурм, такие как крутые склоны берегов рек или оврагов непосредственно близ крепости.

В данном случае не будем говорить об инженерном обеспечении обороны: стенах, башнях, рвах, валах, надолбах, рогатках и т.п., поскольку этот аспект исследователи разрабатывают довольно активно, но, к сожалению, применительно к Таре он изучен неполно, хотя есть и неплохие разработки [Татауров, 2017, с. 75].

На листе 92 «Хорографической книги…» (см. *рисунок*, *1*), составленной между 1696 и 1711 гг. [Ремезов, 2011], можно увидеть, что с двух сторон Тарской крепости текла р. Аркарка (левый приток Иртыша), а с третей находилось болото. Сравнивая рисунок С.У. Ремезова с современными реалиями, можно убедиться, что он абсолютно точен. Так, Аркарка в районе крепости течет по пойме Иртыша в общем направлении юго-восток – северо-запад. Но в 1 км выше крепости, там, где Аркарка выходит в иртышскую пойму, направление ее течения другое: юго-запад – северо-восток. В 600 м выше этого места в Аркарку слева впадала речка (во второй половине XX в. ее называли Овражек), начинавшаяся в болоте (на *рисунке*, *1* – Большое болото; современное название – Водяное болото). Направление ее течения – северо-запад – юго-восток. То есть с трех сторон подход к крепости затрудняли водные преграды, но не только.

С северо-восточной стороны между Аркаркой и Иртышом была пойма шириной до 3 км, которую в весеннее половодье заливала иртышская вода. Через пойму проезжая дорога к Екатерининскому заводу была не всегда (правый берег Иртыша в 8 км выше Тары). В пойме были две речки: Третья и Ржавец с мелкими притоками – и два больших лога – Банный и Собачий, что затрудняло передвижение людей.

С юго-восточной стороны от крепости была опять-таки Аркарка, еще не вышедшая в пойму. Здесь у нее были крутые берега (уклон ок. 60–70°), не способствующие легкой переправе. С этой стороны между Аркаркой и крепостью был овраг длиной ок. 300 м (в районе современной улицы Матросова). С юго-запада текла р. Овражек, через которую можно было перебраться между устьем и Водяным болотом.

Ситуацию можно дополнить по карте, составленной в 1768 г. [Цветкова, 1994, цв. вкл. между с. 168–169]. На ней к северо-западу от крепости показан лес с болотом (см. *рисунок*, *2*). На карте С.У. Ремезова это место показано как вода (см. *рисунок*, *1*). Сейчас здесь располагаются улицы Трудовая и Максима Горького, на которых летом излишне мокро. Кроме того, есть легенда, что купец Иван Нерпин построил на спор трехэтажный каменный дом вблизи от этих улиц, вбив в почву множество свай, что свидетельствует об избыточном увлажнении почвы. Вспомним, что постройка зданий на сваях обычна для городов, стоящих на влажных почвах, например, таких как Венеция, Амстердам, Санкт-Петербург.

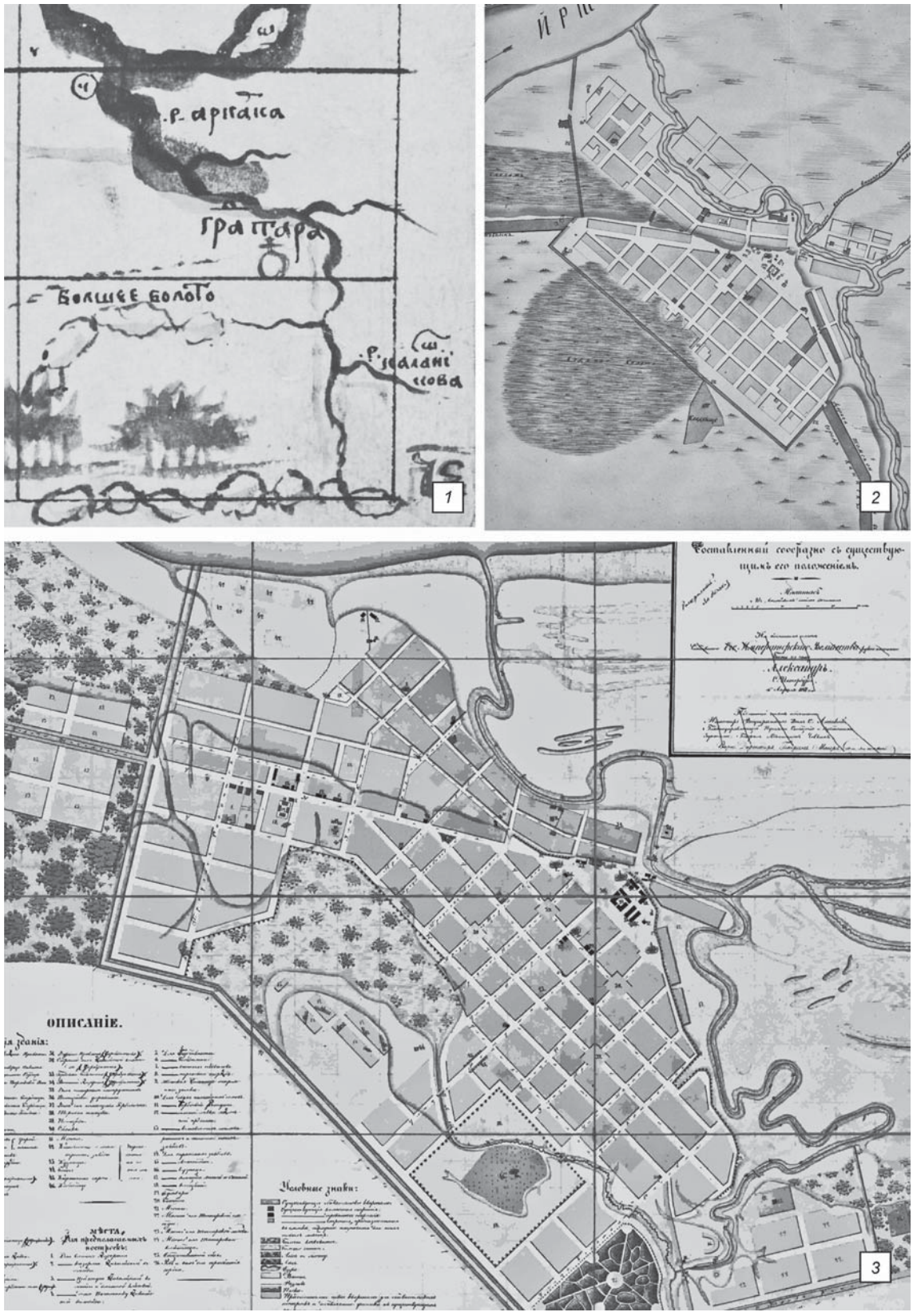
Очевидно, что к крепости подойти было легче с юго-запада, перебравшись через Овражек между его устьем и Водяным болотом, и с северо-запада, пройдя по краю террасы между Водяным болотом и лесом с болотом. Такая ситуация сохраняется минимум до 1861 г. На карте (см. *рисунок*, *3*) видно, что границы Тары этого времени обусловлены теми же естественными преградами, что были при основании крепости. Интересно, что приусадебные участки в этой части Тары (ограничены ул. Кузнецкой) имеют площадь 10 соток. Это своего рода маркер старины. Усадьбам, которые были построены в начале XX в., нарезали участок в 6 соток.

К 1861 г. сохранилась дорога на Екатериновку в пойме, функционировала дорога на Тобольск по краю террасы между двумя болотами (ныне ул. Советская), были две дороги, выходящие к мостикам через Овражек (современные ул. Избышева и 40 лет ВЛКСМ). Далее они сливались и, обходя Тихвинское кладбище, выходили либо к существовавшему когда-то мосту на ул. Радищева, за которым начиналась дорога на Омск, либо к Калашникову мостику (сейчас через это место проходит окружная дорога).

Обращу внимание на топоним Калашников мостик, который назвал мне только один информант, объяснив, что мост носит имя в честь купца, который его построил. Однако на карте 1701 г. (см. *рисунок*, *1*) один из рукавов Аркарки назван речкой Калашникова, и, скорее всего, мост назван по речке.

Теперь о преградах, затруднявших штурм крепости. Во-первых, это склон первой надпойменной террасы левого берега Иртыша, на которой стояла крепость. Его высота над поймой 10–12 м, а уклон ок. 55–60°. Во-вторых, на «Чертеже Земли Тарскаго града» в книге С.У. Ремезова [2003, л. Г] у юго-восточной стены крепости показан буерак. Это может быть только спуск, ведущий от КДЦ «Север» вниз к ул. Омской. Другой овраг проходил с северо-западной стороны крепости (ныне ул. Успенская).

Напрашивается вывод, что князь Елецкий заложил Тарскую крепость на высокой террасе Иртыша, на ее мысовидном выступе, ограниченном с двух

Чертеж и планы Тарской крепости и ее окрестностей.
1 – схема С.У. Ремезова [Ремезов, 2011, л. 92]; *2* – план Тары 1768 г.; *3* – план Тары 1861 г.

сторон оврагами. Доступ к ней затрудняли участки иртышской поймы, речки Аркарка, Овражек и два болота. С напольной юго-западной стороны крепость естественных природных преград не имела. Тем не менее это было укрепленным самой природой местом «…на Таре реке…», где, по мнению князя, было «…пригоже, чтоб город зделать и укрепить» [Наказ князю…, 1999, с. 347].

Казалось бы, что непосредственно к археологии приведенные выше рассуждения не имеют отношения. Однако при изучении памятников русских сибиряков целесообразно применять разные подходы и использовать не только археологические материалы, но и географические, картографические, письменные и т.д., что, бесспорно углубит наши представления о фортификационном искусстве первых русских жителей Западной Сибири.

Список литературы

Алисов Д.А., Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р., Матвеев А.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихонов С.С., Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. – Омск: Амфора, 2014. – 332 с.

Наказ князю Андрею Елецкому с товарищами // Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит. РАН, 1999. – С. 347–353.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году: в 2 т. – М.: Картография, 2003. – Т. 1.

Ремезов С.У. Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. – Тобольск: Обществ. благотворит. фонд «Возрождение Тобольска», 2011. – 690 с.

Татауров С.Ф. Археологические исследования исторического центра г. Тары в 2015 г. // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: археология. – Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т, 2017. – Вып. 11, т. 2. – С. 74–78.

Тихонов С.С. К вопросу о микротопонимике малого сибирского города и глубине исторической памяти его населения (по материалам города Тары, Омская область) // Третьи Ядринцевские чтения. – Омск: ОГИК-Музей, 2015. – С. 409–410.

Тихонов С.С. Исследования микротопографии Тарской крепости и ее окрестностей в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016а. – Т. XXII. – С. 440–442.

Тихонов С.С. Бухарская слобода Тарской крепости: исследования топографии и исторических районов города // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016б. – № 8. – С. 32–38.

Тихонов С.С. Город Тара, его историческая топография и этнографо-археологические исследования // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. – Павлодар; Барнаул, 2017. – Т. 2. – С. 74–80.

Цветкова Г. Город на речке Аркарка // Тарская мозаика. – Омск: Ом. кн. изд-во, 1994. – С. 6–45.

References

Alisov D.A., Goncharov Yu.M., Ivonin A.R., Matveev A.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tikhonov S.S., Tikhomirov K.N., Tikhomirova M.N. Tara v XVI–XIX vekakh – rossiiskaya krepost' na beregu Irtysha. Omsk: Amfora, 2014, 332 p. (in Russ.).

Nakaz knyazyu Andreyu Eletskomu s tovarishchami. In *Miller G.F. Istoriya Sibiri.* Moskow: Vostochnaya literatura RAN, 1999, pp. 347–353 (in Russ.).

Remezov S.U. Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlennaya tobol'skim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 godu: in 2 vol. Moscow: Kartografiya, 2003, vol. 1 (in Russ.).

Remezov S.U. Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri Semena Ul'yanovicha Remezova. Tobol'sk: Obshchestvennyi blagotvoritelnyi fond Vozrozhdenie Tobol'ska, 2011, 690 p. (in Russ.).

Tataurov S.F. Arkheologicheskie issledovaniya istoricheskogo tsentra g. Tary v 2015 g. In *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae 2015 g.: arkheologiya.* Barnaul: Altai State Ped. Univ. Press, 2017, iss. 11. vol. 2, pp. 74–78 (in Russ.).

Tikhonov S.S. K voprosu o mikrotoponimike malogo sibirskogo goroda i glubine istoricheskoi pamyati ego naseleniya (po materialam goroda Tary, Omskaya oblast'). In *Tret'i Yadrintsevskie chteniya*. Omsk: OGIK-Muzei, 2015, pp. 409–410 (in Russ.).

Tikhonov S.S. Issledovaniya mikrotopografii Tarskoi kreposti i ee okrestnostei v 2016 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016a, No. 22, pp. 440–442 (in Russ.).

Tikhonov S.S. Bukharskaya sloboda Tarskoi kreposti: issledovaniya topografii i istoricheskikh raionov goroda. In *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva.* Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2016b, No. 8, pp. 32–38 (in Russ.).

Tikhonov S.S. Gorod Tara, ego istoricheskaya topografiya i etnografo-arkheologicheskie issledovaniya. In *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae.* Pavlodar; Barnaul, 2017, vol. 2, pp. 74–80 (in Russ.).

Tsvetkova G. Gorod na rechke Arkarka. In *Tarskaya mozaika*. Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1994, pp. 6–45 (in Russ.).

УДК 903.2

Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: khudjakov@mail.ru

Коллекция железных наконечников стрел из окрестностей села Новая Сыда в Красноярском крае

В статье анализируется небольшая коллекция железных наконечников стрел, которые в настоящее время хранятся в собрании школьного музея в с. Новая Сыда. Оно расположено при впадении р. Сыды в р. Енисей, в Красноярском крае. В составе этого небольшого собрания археологических находок наряду с различными предметами имеется несколько железных черешковых наконечников стрел, которые различаются между собой по сечению и форме пера. Большая часть находок из состава коллекции относится к группе трехлопастных наконечников. Некоторые трехлопастные стрелы имеют отверстия в лопастях. Только одна стрела из состава данной коллекции имеет плоское сечение. Несмотря на то, что стрелы были обнаружены вне археологических комплексов, они могут быть классифицированы по формальным признакам на группы и типы и сопоставлены с подобными наконечниками из памятников енисейских кыргызов.

Ключевые слова: *железные наконечники стрел, Енисей, Южная Сибирь, Красноярский край, Средние века, коллекция археологических находок.*

Yu.S. Hudiakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk State University
E-mail: khudjakov@mail.ru

Collection of Iron Arrowheads from the Vicinity of the Village of Novaya Syda in Krasnoyarsk Krai

A small collection of iron arrowheads which is currently kept in the school museum in the village of Novaya Syda village is analyzed in this article. The village is located at the confluence of the Syda River and the Yenisei River in Krasnoyarsk Krai. This small collection of archaeological findings includes several tanged iron arrowheads which differ from each other in cross-section and shape of blades. The greater part of the arrowheads from this collection belongs to the group of three-bladed arrowheads. Some of three-bladed arrows have holes in their blades. Only one arrowhead from that collection is flat in cross-section. Despite the fact that the arrowheads were discovered outside of archaeological complexes, they can be divided into the groups and types in accordance with their formal features, and compared with similar arrowheads from the sites of the Yenisei Kyrgyz people.

Keywords: *iron arrowheads, Yenisei River, Southern Siberia, Krasnoyarsk Krai, Middle Ages, collection of archaeological findings.*

В музейных собраниях разных городов на территории Южной Сибири и Центральной Азии сосредоточены коллекции предметов средневековых номадов. Среди них наибольшим представительством оружейных коллекций отличаются Минусинский, Хакасский и Красноярский краеведческие музеи. Многие находки железных наконечников стрел из раскопок курганов культуры енисейских кыргызов VI–XII вв. и музейных коллекций были ранее изучены [Худяков, 1980, с. 79–97]. В дальнейшем были проанализированы стрелы кыргызов монгольского времени [Худяков, 1997, с. 9–13]. Однако помимо наиболее представительных музейных собраний в Хакасии и Красноярском крае имеются небольшие коллекции древнего и средневекового оружия. Одна из та-

ких коллекций хранится в музее средней школы в с. Новая Сыда в Краснотуранском р-не Красноярского края. В составе этой археологической коллекции представлены различные бронзовые изделия древних культур и предметы средневекового вооружения. Большая часть находок была собрана местными жителями на берегу Сыдинского залива. Несколько вещей были обнаружены на горе Унюк. В числе железных предметов вооружения, представленных в этом школьном музее, имеется несколько железных наконечников стрел разных форм. Несмотря на то, что они найдены вне археологических комплексов, по характерным конструктивным особенностям есть возможность отнести эти изделия, в соответствии с разработанной ранее классификацией, к определенным группам и типам стрел и высказать предположения об их хронологии и культурной принадлежности.

Все наконечники из состава рассматриваемой коллекции по материалу, из которого они изготовлены, можно отнести к одному классу – железных, по форме насада они относятся к одному отделу – черешковых. По сечению пера наконечника среди наконечников выделяется две группы. К первой из этих групп относятся стрелы с трехлопастным сечением пера.

Группа I. Трехлопастные наконечники стрел. По форме пера среди них выделяется несколько типов стрел.

Тип 1. Удлиненно-шестиугольные. Представлен в составе изучаемой коллекции одним экземпляром. Длина пера – 7 см, ширина пера – 3,4 см, длина черешка – 6,2 см. Наконечник с остроугольным острием, массивным удлиненно-шестиугольным пером, широкими лопастями, пологими, частично вогнутыми плечиками, упором, удлиненным черешком. В лопастях данного наконечника имеются крупные сердцевидные отверстия, ориентированные остриями вверх. Часть пера повреждена и обломана в месте расширения одного из сердцевидных отверстий (см. *рисунок*, *1*). Близкие по форме наконечники стрел удлиненно-шестиугольной формы с фигурными отверстиями известны в составе предметного комплекса памятников культуры енисейских кыргызов монгольского времени на территории Южной Сибири [Худяков, 1997, с. 9]. Подобные наконечники стрел имелись на вооружении у кыргызских кыштымов в Минусинской котловине в первой половине II тыс. н.э. [Худяков, 1997, с. 30–31]. Схожие наконечники были характерны для кыргызов в IX–XII вв. на территории Тувы [История Тувы, 2001, с. 147].

Тип 2. Ярусные. В составе исследуемой коллекции имеется один экземпляр такого наконечника. Длина пера – 8,3 см, ширина пера – 3,0 см, длина черешка – 3,7 см. Наконечник с остроугольным острием, крупным обособленным бойком удлиненно-ромбической формы, широкими выступающими лопастями, с пологими плечиками, упором и коротким черешком. В лопастях имеются крупные округлые отверстия. Острие и одна из лопастей данного наконечника частично повреждены (см. *рисунок*, *2*).

Подобные наконечники ярусной формы с обособленным бойком и выступающими лопастями были характерны для культуры енисейских кыргызов в Минусинской котловине в VI–VIII вв. н.э. [Худяков, 1980, с. 88, 99].

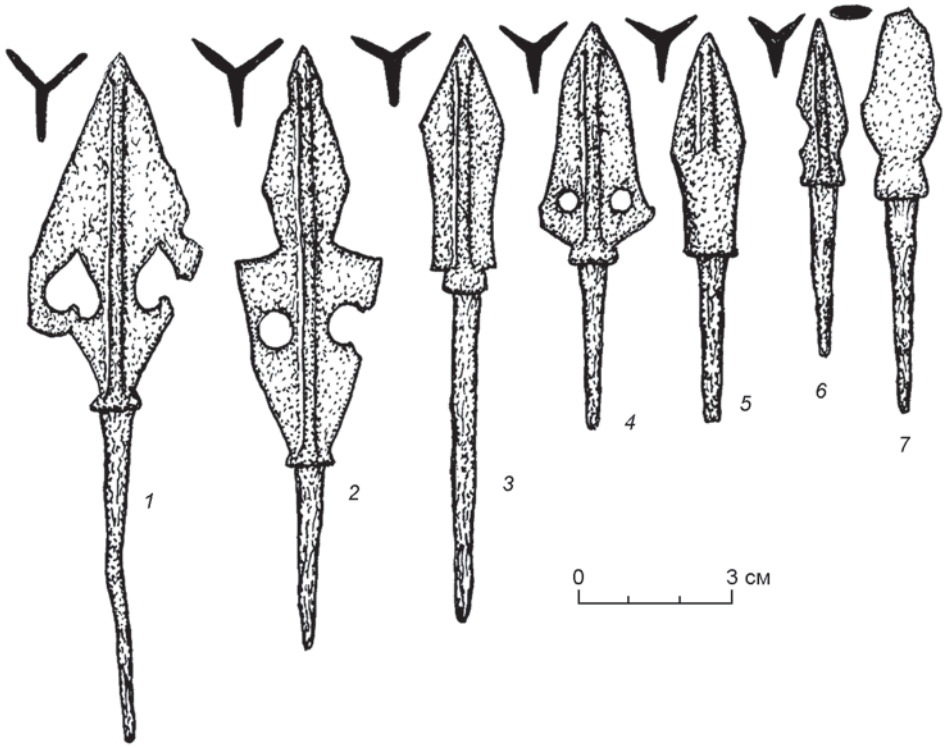
Тип 3. Вытянуто-пятиугольные. В рассматриваемой коллекции представлен один подобный наконечник. Длина пера – 5 см, ширина пера – 1,6 см, длина черешка – 6,5 см. Наконечник с остроугольным острием, вытянуто-пятиугольным пером, прямыми плечиками, выступающим упором, длинным черешком (см. *рисунок*, *3*).

Наконечники подобной формы встречаются в памятниках культуры енисейских кыргызов на территории Минусинской котловины в VI–X вв. На территории Тувы подобные стрелы обнаружены в кыргызских погребальных комплексах IX–X вв. [Там же, с. 79]. Наконечники подобной формы имеются в сопроводительном инвентаре памятников культуры енисейских кыргызов на территории Алтая [Горбунов, 2006, рис. 33, *14*; Дашковский, 2015, рис. 46, *9*].

Тип 4. Овально-крылатые. Представлены в составе исследуемой коллекции в единичном экземпляре. Длина пера – 4,8 см, ширина пера – 2,2 см, длина черешка – 3,2 см. Наконечник с приостренным острием, вытянутым, овально-крылатым пером, выступающими крыльями, покатыми плечиками, упором и коротким черешком. В нижней части лопастей имеются округлые отверстия (см. *рисунок*, *4*).

Трехлопастные наконечники овально-крылатой формы, но других, более крупных, массивных, пропорций, с фигурными отверстиями были на вооружении у енисейских кыргызских воинов в течение монгольской эпохи. Близкие по форме наконечники стрел в эпоху монгольских завоеваний были на вооружении у кыргызских кыштымов [Худяков, 1997, с. 9, 31]. Судя по присутствию наконечника данного типа в составе Сыдинской коллекции, подобными стрелами могло пользоваться население этого района Минусинской котловины в эпоху развитого Средневековья.

Тип 5. Удлиненно-треугольные с выделенной шейкой. В собрании школьного музея с. Новая Сыда представлена одна подобная находка. Дли-

Железные наконечники стрел из школьного музея в с. Новая Сыда.
1 – гр. I, тип 1; *2* – гр. I, тип 2; *3* – гр. I, тип 3; *4* – гр. I, тип 4; *5* – гр. I, тип 5; *6* – гр. I, тип 6; *7* – гр. II, тип 1.

на пера – 4,4 см, ширина пера – 1,4 см, длина черешка – 3,4 см. Наконечник с остроугольным острием, удлиненно-треугольным пером, выделенной цилиндрической шейкой с упором, коротким черешком (см. *рисунок*, *5*). Близких аналогий данному типу наконечников среди железных наконечников стрел в памятниках культуры енисейских кыргызов и кыштымов, относящихся к периодам раннего и развитого Средневековья, не выявлено.

Тип 6. Боеголовковые с трехлопастной шейкой. В составе рассматриваемой коллекции представлен одним экземпляром. Длина пера – 3,4 см, ширина пера – 1,0 см, длина черешка – 3,4 см. Наконечник с остроугольным острием, выделенной удлиненно-ромбической боевой головкой, укороченной трехлопастной шейкой с упором и коротким черешком. Одна из лопастей боевой головки данного наконечника частично обломана (см. *рисунок*, *6*).

Подобных наконечников в енисейских кыргызских и кыштымских археологических комплексах второй половины I – первой половины II тыс. н.э. обнаружить не удалось.

Наличие в составе коллекции железных наконечников из школьного музея с. Новая Сыда двух не выделявшихся ранее форм трехлопастных стрел может быть важным свидетельством того, что типологическое разнообразие наконечников в составе комплекса вооружения енисейских кыргызов было шире, чем это представлялось ранее.

Ко второй группе стрел из Сыдинской коллекции можно отнести наконечники с плоским сечением пера.

Группа II. Плоские наконечники стрел.

В составе этой группы есть только один тип наконечников – стрелы с овально-крылатым пером.

Тип 1. Овально-крылатые. Данный тип стрел в составе Сыдинской коллекции представлен единичной находкой. Длина пера – 3,6 см, ширина пера – 1,6 см, длина черешка – 4,4 см. Наконечник с овальным, частично поврежденным острием, овально-крылатым пером, пологими плечиками, выделенной шейкой с упором и коротким черешком (см. *рисунок*, *7*).

Подобные наконечники стрел, но более крупных размеров были характерны для енисейских кыргызских воинов в эпоху развитого Средневековья [Худяков, 1980, с. 95; табл. 9].

Судя по аналогиям в памятниках Саяно-Алтая, в составе коллекции случайных находок железных стрел, обнаруженных в окрестностях с. Новая Сыда, представлены преимущественно наконечники, характерные для комплекса вооружения культуры енисейских кыргызов раннего и развитого Средневековья. Необходимо отметить, что в составе данного небольшого собрания наконечни-

ков стрел из школьного музея было выявлено два оригинальных наконечника, формы которых ранее среди выделенных типов кыргызских и кыштымских наконечников в классификационных схемах не были представлены. Это свидетельствует о наличии более широкого, чем ранее представлялось, спектра типологического разнообразия стрел, имевшихся на вооружении у кыргызов и кыштымов в Средние века.

В течение эпохи раннего Средневековья енисейские кыргызы смогли образовать свое государство на Среднем Енисее. В период существования своего государства им приходилось противостоять древним тюркам, сейяньтосцам и уйгурам. В результате войны, продолжавшейся в течение IX–X вв. с уйгурами, кыргызы смогли одержать выдающиеся военные победы над своими противниками и выйти на просторы Центральной Азии. В погоне за уйгурами и телесскими племенами они достигли восточного Тянь-Шаня, Монголии и Забайкалья. Однако удержать под своей властью обширные степные районы Внутренней Азии им не удалось. В результате распада Кыргызского каганата некоторая часть енисейских кыргызов осталась на прежних землях своего обитания в пределах Саяно-Алтая, другая часть – на Тянь-Шане. В период развитого Средневековья и образования Монгольской империи енисейские и тянь-шаньские кыргызы оказались во владениях монголов. Рассмотренная коллекция железных наконечников стрел из долины р. Сыды позволила уточнить представления о типологическом разнообразии стрел енисейских кыргызских и кыштымских воинов в конце I – начале II тыс. н.э.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 232 с.

Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – 224 с.

История Тувы. Новосибирск: Наука, 2001. – Т. I. – 367 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 160 с.

References

Dashkovski P.K. Kyrgyzy na Altae v kontekste etnokulturnykh protsessov v Tsentral'noi Azii. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2015, 224 p. (in Russ.).

Gorbunov V.V. Voennoie delo naselenia Altaia in III–XIV A.D. Part II. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2006, 232 p. (in Russ.).

Istoria Tuvi. Novosobirsk: Nauka, 2001, vol. I, 367 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov VI–XII vv. Novosibirsk: Nauka, 1980, 276 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekovya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997, 169 p. (in Russ.).

УДК 903.2.393

Ю.С. Худяков[1, 2], А.Ю. Борисенко[2], К.Ш. Табалдиев[3], О.А. Солтобаев[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
[4]Кыргызский национальный университет
E-mail: khudjakov@mail.ru

Изображение оружия на петроглифическом памятнике Айгыр-Жал в Центральном Тянь-Шане

В статье рассматриваются древние рисунки, нанесенные на поверхности массивных валунов в составе археологического памятника Айгыр-Жал. Этот археологический памятник находится в долине р. Нарын в Центральном Тянь-Шане. Среди рисунков, выбитых на более крупном валуне, имеются изображения горных козлов. Рядом выбиты фигуры с округлыми окончаниями. Скорее всего, это схематические изображения колесниц. В центральной части этого валуна техникой выбивки нанесено изображение меча со слабоизогнутым клинком, вероятно вложенным в ножны, оканчивающиеся полукруглым окончанием. Клинок снабжен перекрестьем полукруглой формы. Рукоять меча слегка отогнута в одну сторону. Она завершается навершием в виде головы животного с вытянутой мордой. Правее меча выбито изображение ограды квадратной формы со скругленными углами, внутри которой показано животное с подогнутыми ногами и изогнутым хвостом. На втором валуне изображены охотник с луком и стрелами в руках, собака и горный козел.

Ключевые слова: *Центральный Тянь-Шань, петроглифический памятник Айгыр-Жал, изображение оружия.*

Yu.S. Hudiakov[1, 2], A.Yu. Borisenko[2], K.Sh. Tabaldiev[3], O.A. Soltobaev[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Kyrgyz-Turkish Manas University
[4]Kyrgyz National University
E-mail: khudkajov@mail.ru

Representation of Weaponry at the Petroglyphic Site of Aigyr-Jal in the Central Tian Shan

The article discusses ancient representations made on the surfaces of massive boulders which are a part of archaeological site of Aigyr-Jal located in the valley of the Naryn River in the Central Tian Shan. The images pecked on a larger boulder include representations of ibexes; figures with rounded endings – most likely, stylized representations of chariots – are depicted next to them. The image of the sword with weakly curved blade which is probably placed in the sheath with semicircular endings, is represented in pecking technique in the central part of this boulder. The sword is equipped with semicircular guard. The handle of the sword is slightly bent to one side, and has a pommel in the form of the animal head with extended muzzle. Representation of the fence of square shape with rounded corners is pecked to the right of the sword. An animal with bent legs and tail is depicted inside the fence. The image of hunter with bow and arrows, dog, and ibex appear on the second boulder.

Keywords: *Central Tian Shan, petroglyphic site of Aigyr-Jal, representations of weaponry.*

Важным источником для изучения истории вооружения древних и средневековых кочевников Тянь-Шаня являются рисунки, нанесенные с применением техники выбивки или резной гравировки, на скальных выходах и крупных камнях. По мнению известного исследователя древних памятников Кыргызстана, много лет изучавшего тянь-шаньские древности, А.Н. Бернштама, разновременные наскальные рисунки встречаются на территории Кыргызстана повсеместно. В начале 1950-х гг. им было выделено несколько этапов в развитии наскального искусства на Тянь-Шане, Алае и Памире [Бернштам, 1952, с. 127–128]. В последующие десятилетия петроглифы Тянь-Шаня были проанализированы в работе Я.А. Шера [1980, с. 90–115]. Наряду с изображениями, выполненными техникой точечной выбивки, среди наскальных рисунков, исследованных в долине р. Талас, им были изучены гравированные изображения животных раннего железного века.

В последние годы в ходе совместных археологических исследований, проводившихся российскими учеными и кыргызскими археологами на территории Кыргызстана, были обследованы петроглифы, представляющие интерес для изучения наскального искусства Тянь-Шаня. В 2014 г. археологами из Кыргызстана и России, среди которых были авторы настоящей статьи, на памятнике Айгыр-Жал, расположенном на высокой террасе правого берега р. Нарын, на окраине города Нарын были обнаружены рисунки на камнях. Археологи работали в зоне строительства университета Центральной Азии. Были обследованы массивные каменные валуны с выбитыми древними рисунками [Худяков и др., 2014, с. 312].

На поверхности первого в числе изученных довольно крупного, массивного валуна обследованы нанесенные на него изображения, площадь которых составляет 1,7 × 1,4 м (см. *рисунок*, *1*). Валун находится в составе археологического комплекса Айгыр-Жал. На внешней поверхности данного валуна техникой точечной выбивки нанесена группа разнообразных рисунков. С левой стороны на площади данного каменного монолита точечной выбивкой были нанесены три профильные фигуры горных козлов. У всех изображенных диких копытных животных выделены крупные дуговидные рога. В отличие от двух других изображений, у одного из этих животных показаны два рога, один над другим. У горных козлов схематично показаны небольшие головы, длинные прямые туловища, короткие передние и задние ноги. У одной из фигур козлов изображен короткий, торчащий кверху хвост. Правее изображений горных козлов, ближе к центру этого валуна, на его поверхности выбито три схематичных геометрических фигуры, которые, вероятнее всего, схематично передают изображения боевых колесниц. Первая из этих колесниц изображена в виде вертикальной оси, в нижней части которой показано довольно крупное, округлое колесо с четырьмя спицами. В верхней части оси данной колесницы изображено дуговидное окончание. Возможно, что таким образом показано не полностью сохранившееся второе колесо колесницы. Правее этого рисунка показана вторая колесница. В ее нижней части обозначено округлое колесо, соединенное с вертикальной осью. В центре, в средней части той же вертикальной оси, изображен кузов ромбической формы. В верхней части данного изображения на частично сохранившейся вертикальной ости – другое дуговидное окончание. Вероятно, подобным образом показано незавершенное второе колесо данной двухколесной повозки. Несколько ниже этого изображения выбита

Рисунки на поверхностях каменных валунов – первого (*1*) и второго (*2*) – на памятнике Айгыр-Жал.

еще одна колесница с несколько выгнутой в левую сторону наклонной осью и двумя округлыми колесами по краям. В центре каждого из них точкой отмечены округлые точки. Видимо, они передают окончания оси колесницы с обеих сторон.

С правой стороны внешней поверхности камня выбита не вполне понятная, довольно необычная фигура. Она имеет почти квадратную форму с закругленными углами, которая может представлять собой или ограду, или некую постройку. В центре этого выбитого ограждения имеется профильное изображение четвероногого животного, у которого воспроизведена длинная, вытянутая морда, выделено горизонтально расположенное туловище, передние и задние ноги и загнутый вниз хвост. Очевидно, изображено животное из породы канисовых, крупная собака. В верхней части у данного изображения имеется небольшой выступ, соединенный изогнутой линией с другой небольшой по размерам фигурой, напоминающей домик со сферической крышей. Трудно сказать, что за сооружение изображено в данной части выбитой композиции. Может быть, таким образом изображена пристройка к основной части сооружения. От этой части изображения показана линия, загнутая в верхней части. В средней части линии воспроизведено расширение округлой формы. Линия соединена с фигурой почти квадратной формы с боковым угловатым выступом, разделенной на две части горизонтальной линией.

В центральной части камня изображен предмет, похожий на длинное клинковое оружие. Можно высказать предположение, что здесь изображен древний меч с длинным, плавно изогнутым клинком, закругленным острием, подобной формы полукруглым перекрестьем и узкой рукоятью, слегка отогнутой в одну сторону. Вполне возможно, что меч изображен вложенным в ножны. Рукоять меча увенчана фигурным навершием в виде головы животного, отогнутой в сторону одного из лезвий. Правее верхней части рукояти изображена небольшая дуговидная линия с округлым окончанием.

Скорее всего, в центральной части композиции на валуне изображен бронзовый двулезвийный меч с выделенным полуовальным перекрестьем и слабо изогнутой рукоятью с зооморфным навершием. Вполне вероятно, что навершие меча снабжалось дополнительным ремешком, увенчанным кисточкой. Рассматриваемый меч имеет определенные конструктивные элементы, сближающие его с бронзовыми мечами, которые были распространены на территории Центрально-Азиатского региона. Они относятся к началу раннего железного века. Подобные мечи имеют остроугольные острия, прямые, двулезвийные клинки с выступающими ребрами по оси клинка, шипастое перекрестье, изогнутую в одну сторону рукоять с навершием в виде головы барана.

Близкие по своим конструктивным особенностям бронзовые мечи были обнаружены среди случайных находок в Монголии и Забайкалье. В памятниках древних кочевников Тянь-Шаня подобное клинковое оружие пока не найдено.

Возможно, отдельные изображения, имеющиеся на обследованном местонахождении, в составе описанного выше петроглифического комплекса Айгыр-Жал относятся к разным хронологическим периодам. Вполне вероятно, схематичные изображения колесниц должны датироваться эпохой поздней бронзы. Однако приведенные рисунки животных, так же как и изображение меча и не вполне понятных построек, могут относиться к более широкому хронологическому периоду, включая эпоху раннего железа.

На поверхности другого, второго каменного валуна, который находится в составе того же местонахождения Айгыр-Жал, на площади – 1,3 × 1,2 м, точечной выбивкой нанесено некоторое количество изображений, включающих рисунок человека и нескольких животных. В центре композиции изображена схематичная фигура стоящего анфас человека, у которого выделена округлая голова, довольно короткая шея, разведенные в стороны руки и прямо стоящие ноги. Изображенный антропоморфный персонаж держит в одной руке сложносоставной лук с настороженной стрелой, у которой выделено выступающее, приостренное острие. Вероятно, в данной части изображения выделен наконечник стрелы. Вторая рука лучника изображена отведенной в сторону и согнутой в локтевом суставе. Она не касается лука и стрелы. У лука не показана натянутая тетива. Рядом, справа от фигуры лучника, в непосредственной близости от него, на поверхности камня имеется профильное изображение горного козла с круто изогнутыми рогами, массивной, вытянутой головой на короткой шее. У данного животного воспроизведено узкое туловище и выделено три ноги, на которых оно стоит. Четвертая нога не изображена. С левой стороны от фигуры лучника, рядом с луком и стрелой изображена дугообразная линия, в значительной степени похожая на рога горного козла. Изображение самого горного козла в данной части композиции отсутствует. Возможно, оно выветрилось от времени или же не было нанесено на эту часть камня. Поблизости от этих предполагаемых рогов, но несколько выше на поверхности каменного валуна выбито профильное изображение четвероногого животного, у которого воспроизведена небольшая голова, узкое туловище, передние и задние ноги, а также хвост (см. *рисунок*, *2*). По-видимому, оно передает фигуру четвероногого животного, скорее

всего, собаки, с помощью которой лучник охотится на горных козлов. Данная композиция может относиться к позднему бронзовому или раннему железному векам. Похожие выбитые изображения людей и животных представлены на многих петроглифических памятниках Центральной Азии.

Рассмотренные выше скопления выбитых рисунков, которые нанесены на поверхности обоих крупных, массивных валунов, обследованных в местности Айгыр-Жал, в долине р. Нарын, могут быть отнесены к культурам древних кочевых племен, населявших горы и долины центральной части Тянь-Шаня в позднем бронзовом и раннем железном веках.

Список литературы

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 346 с. – (МИА; № 26).

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Солтобаев О.А., Орозбекова Ж., Акматов К.Т. Изучение предметов вооружения и изображений оружия из древних и средневековых памятников долины реки Нарын и Иссык-Кульской котловины // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 311–313.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

References

Bernshtam A.N. Istoriko-archeologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tian-Shania i Pamiro-Alaia. Moscow; Leningrad: AS USSSR Publ., 1952, 346 p. (Materialy i issledovania po archeologii SSSR; No. 26) (in Russ.).

Khudyakov Yu.S., Tabaldiev K. Sh., Borisenko A.Yu., Soltobaev O.A., Orozbekova J., Akmatov K.T. Izuchenie predmetov voorujenia i izobrazhenii oruzhia iz drevnikh i srednevekovykh pamiatnikov dolini reki Narin i Issik-Kulskoi kotlovini. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Antnropology of Sibiria and Neighboring Territories*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 311–313 (in Russ.).

Sher Y.A. Petroglify Srednei Tsentral'noi Azii. Moscow: Nauka, 1980, 328 p. (in Russ.).

УДК 903.2.393

Ю.С. Худяков[1, 2], К.Ш. Табалдиев[3], А.Ю. Борисенко[2], О.А. Солтобаев[4], Ж. Орозбекова[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
[4]Кыргызский национальный университет
E-mail: khudjakov@mail.ru

Орнаментированные пластины от седла из памятника Ак-Кыя в Кыргызстане

В статье анализируются костяные пластины, служившие для оформления конского седла, которые были обнаружены в процессе раскопок древнетюркского женского погребения. Это захоронение было исследовано на памятнике Ак-Кыя в долине р. Нарын в Центральном Тянь-Шане. В числе изученных костяных пластин имеются крупные фрагменты, украшенные гравированными изогнутыми линиями с загнутыми выступами и спиральными фигурами, которые украшали передние выступы деревянных полок ленчика. Среди различных пластин есть большие детали, украшенные изогнутыми полосами, спиралевидными фигурами и заштрихованными горизонтальными линиями треугольниками. Вероятно, подобные пластины должны были украшать переднюю луку седла. Несколько пластин украшено витыми полосами и небольшими кружками. Некоторые узкие, прямоугольные пластины никак не украшены.

Ключевые слова: *памятник Ак-Кыя, древние тюрки, седло, костяные орнаментированные пластины.*

Yu.S. Hudiakov[1, 2], K.Sh. Tabaldiev[3], A.Yu. Borisenko[2], O.A. Soltobaev[4], J. Orozbekova[1]

[1]Insitute Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Kirgyz-Turkish Manas University
[4]Kyrgyz National University
E-mail: khudjakov@mail.ru

Decorated Saddle Plates from the Site of Ak-Kyya in Kyrgyzstan

The article analyzes bone plates used for decorating the horse saddle, which were discovered during the excavations of the Old Turkic female grave at the site of Ak-Kyya in the valley of the Naryn River in the Central Tian Shan. These objects include large fragments decorated with engraved curved lines with bent protrusions and spiral elements, which used to be attached to the frontal arch of the saddletree. The plates also include large pieces decorated with lines, spiral shapes, and triangles shaded with horizontal lines, which might have decorated the saddle pommel. Some plates are decorated with twisted bands and small circles, while other narrow rectangular plates are undecorated.

Keywords: *Ak-Kyya, Old Turks, saddle, bone decorated plates.*

В ходе раскопок в долине р. Нарын памятника Ак-Кыя в 2014 г., в которых участвовали археологи ИАЭТ СО РАН и НГУ, было исследовано древнетюркское женское захоронение с конем [Худяков и др., 2014, с. 312].

В этом погребении на скелете лошади были обнаружены остатки деревянного остова седла, украшенного несколькими костяными накладками. Для седел древних тюрок на Тянь-Шане были характерны деревянные передняя и задняя луки и полки ленчика [Табалдиев, 1996, с. 35].

Значительная часть костяных накладок из памятника Ак-Кыя оформлена художественной орнаментацией. Они сохранились фрагментарно.

Среди сохранившихся орнаментированных костяных пластин имеется довольно значительный

по размерам фрагмент с одним скошенным концом и закругленными углами. Один конец пластины обломан. Длина сохранившейся части пластины – 7,5 см, ширина – 5,0 см. На внешней поверхности пластины сохранились некоторые детали гравированной орнаментации. Вдоль скошенного конца пластины нанесена полукруглая фигура с загнутым выступом и вогнутой линией. Со стороны обломанного конца на поверхности пластины нанесены изогнутые линии, заканчивающиеся двумя выступами. Одна из линий закручена в спиральную фигуру (см. *рисунок*, *1*). Можно предположить, что данный фрагмент должен был украшать один из выступов деревянной полки ленчика.

Еще один орнаментированный фрагмент имеет горизонтально срезанный конец и одну плавно вогнутую боковую сторону. Другие концы этой пластины обломаны. Длина пластины – 9,8 см, ширина – 5,0 см. Вдоль вогнутой стороны резной линией выделена довольно узкая, извилистая полоса. Вдоль срезанного горизонтального конца также имеется подобная полоса, которая далее проходит вдоль вогнутой стороны и раздваивается на две части, образуя в этой части орнаментированной поверхности шаровидное окончание. Еще одна шаровидная фигура находится с противоположной стороны от данной полосы, направленной в центральную часть пластины. Между углами, образуемыми изогнутыми полосами и шаровидными окончаниями, выделены небольшие треугольные фигуры, орнаментированные несколькими горизонтальными линиями. В нижней части сохранившегося фрагмента данной пластины выгравирована спиралевидная фигура. В ее верхней части, вдоль горизонтально срезанного конца, имеются два небольших округлых сквозных отверстия. Вероятно, эти отверстия могли быть предназначены для крепления этой пластины к деревянному остову седла (см. *рисунок*, *2*). Вполне возможно, что данный фрагмент должен относиться к покрытию передней поверхности седельной луки.

Еще один фрагмент орнаментированной пластины имеет с одной из сторон пологую, плавно выгнутую сторону. Другие концы пластины обломаны. Длина сохранившейся части пластины – 11,8 см, ширина – 8,0 см. Почти по всей длине вдоль изогнутого конца нанесена узкая длинная полоса. В верхней части пластины вдоль нее выделена еще одна подобная полоса, которая далее направлена вниз, простираясь вплоть до самого обломанного конца пластины. В нижней части данной пластины эта полоса направлена горизонтально. Вдоль этой полосы выделены полукруглые линии, завершающиеся округлыми окончаниями. От округлых окончаний отходят треугольные фигуры, подразделенные на узкие горизонтальные полосы. Еще одна округлая фигура, дополненная такой же треугольной деталью, разделенной на горизонтальные полосы, размещена в нижнем левом углу фрагмента пластины (см. *рисунок*, *4*). Судя по форме сохранившейся части пластины, данный фрагмент относится к оформлению передней луки седла.

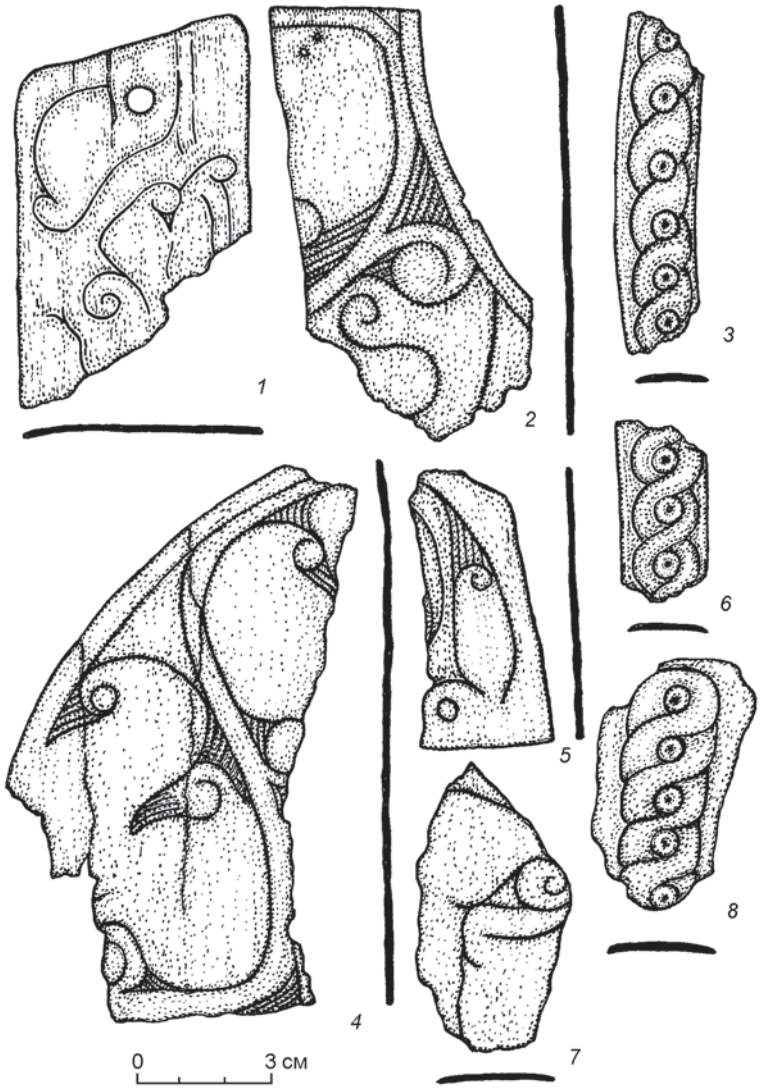
В числе фрагментов пластин с подобной орнаментацией имеется еще один небольшой обломок с горизонтально срезанным верхним окончанием и одной наклонной стороной. Два других конца пластины обломаны. Длина пластины – 6 см, ширина – 3 см. Среди сохранившихся на поверхности этого обломка пластины гравированных изображений имеется одна наклонная линия, к ней примыкает другая линия с загнутым в спираль окончанием, от которой отходит треугольная фигура, разделенная на горизонтальные полосы. Рядом с этим изображением находится двойная дуговидная полоса, соединенная с общим острым окончанием. Ниже выделен небольшой круг, дополненный полукруглой дугой (см. *рисунок*, *5*). Вероятно, данный обломок принадлежит к числу пластин передней луки седла.

Среди подобных обломков имеется еще один фрагмент, на поверхности которого выгравирована спиралевидная фигура с треугольным окончанием и неширокой полосой, который может принадлежать к орнаментированному покрытию деревянного остова седла. Длина обломка – 6,4 см, ширина – 3,3 см (см. *рисунок*, *7*).

В составе костяных деталей остова седла есть несколько узких, удлиненных пластин, украшенных витыми полосами и циркульным орнаментом.

Первая из таких накладок наискось обломана с обоих узких концов удлиненной пластины. Длина сохранившейся части данной накладки – 7,5 см, ширина – 1,7 см. Накладка довольно протяженная, узкая, плавно изогнутая по своей длинной оси. Внешняя поверхность этой накладки орнаментирована неширокой, протяженной линией, составленной из двух перевитых между собой полос, дополненной шестью кружками циркульного орнамента, нанесенными на перевитых полосах (см. *рисунок*, *3*). Вдоль длинной оси накладка имеет плавный изгиб в одну сторону, что может свидетельствовать о ее креплении к передней луке седла.

Другая подобная костяная накладка также обломана с обоих концов. Длина обломка – 3,9 см, ширина – 1,9 см. Орнаментированная поверхность накладки украшена двойной витой полосой, дополненной в определенных местах элементами, представляющими собой три небольших кружка

Костяные орнаментированные пластины от покрытия седла из древнетюркского женского захоронения с памятника Ак-Кыя.

с точкой в центре (см. *рисунок*, *б*). В отличие от предыдущего фрагмента пластины описываемый обломок не имеет заметного изгиба по отношению к длинной оси данной накладки.

Еще один обломок от подобной костяной накладки с аналогичной орнаментацией заметно шире двух предыдущих. Длина фрагмента – 5,4 см, ширина – 3,2 см. Одно из окончаний этой накладки имеет перпендикулярный длинной оси, горизонтальный срез, обломанный с одного из боковых углов. Длинные края с обеих сторон этого фрагмента орнаментированной пластины частично обломанные и достаточно неровные. Нижний конец этой накладки обломан. Орнамент на поверхности пластины состоит из неширокой полосы, оформленной в две линии, оба конца которой по всей длине перевиты между собой. На каждом из подобных витков имеется по небольшому кружку с точкой в центре – элемент циркульного орнамента (см. *рисунок*, *8*).

В числе орнаментированных седельных накладок имеется еще один сравнительно небольшой обломок костяной пластины с нанесенными на его поверхность отдельными элементами орнаментальной перевитой полосы в виде несомкнутого круга, разделенного по диагонали прерывистой линией. Орнаментальная полоса дополнена двумя кружками циркульного орнамента. Среди сохранившихся обломков седельных накладных пластин с нанесенными на их поверхность отдельными рисунками имеется небольшой полуовальный фрагмент с широким обломанным окончанием. На его поверхности нанесена дуговидная линия, которая завершается крюком. Резная косая линия нанесена на поверхность небольшого седельного обломка.

Помимо орнаментированных накладок, в древнетюркском женском погребении с конем на памятнике Ак-Кыя было обнаружено еще несколько прямоугольных фрагментов от длинных, уплощенных, со скошенными боковыми сторонами, в некоторых случаях изогнутых по длинной оси, костяных пластин, лишенных какого-либо орнамента. Вероятнее всего, эти костяные пластины также должны были относиться к оформлению деревянного остова конского седла. Судя по отмеченным конструктивным особенностям данных накладок, такие костяные детали должны были использоваться для оформления торцевых частей передней или задней седельных лук.

В числе неорнаментированных костяных накладок имеется один довольно широкий фрагмент пластины с неровно обломанными концами. Скорее всего, данная пластина должна относиться к покрытию задней луки седла.

Деревянные остовы древнетюркских седел подобной формы были исследованы на памятнике Беш-Таш-Короо в Кочкорской долине. Вполне возможно, что у западных тюрок была определенная традиция украшать женские седла. Ранее в одном из древнетюркских женских захоронений на памятнике Суттуу-Булак была обнаружена передняя лука седла, украшенная барельефной орнаментацией и костяная накладка с геометрическим рисунком [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997].

В реконструированном виде данное седло из древнетюркского женского погребения на памятнике Ак-Кыя можно представить в виде деревянного остова, состоявшего из вертикально установленной передней и наклонно закрепленной задней лук и полок ленчика. Вероятно, могли быть дополнены костяными орнаментированными накладками дуговидная передняя лука и выступающие вперед уплощенные окончания полок ленчика. Прямоугольные неорнаментированные, узкие накладки использовались для крепления торцовых частей передней и задней лук.

Список литературы

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Солтобаев О.А., Орозбекова Ж. Изучение предметов вооружения и изображений оружия из древних и средневековых памятников долины реки Нарын и Иссык-Кульской котловины // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2014. – Т. XX. – С. 311–313.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрок на Тянь-Шане // РА. – 1997. – № 3. – С. 42–47.

References

Khudyakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh., Borisenko A.Yu., Soltobaev O.A., Orozbekova J. Izuchenie predmetov vooruzhenia i izobrazhenii oruzhia iz drevnikh i srednevekovykh phymiatnikov doliny reki Narin i Issik-Kulsky kotlovini. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 311–313 (in Russ.).

Khudyakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh., Soltobaev O.A. Novye nakhodki predmetov izobrazitel'nogo iskusstva drevnikh turok na Tyan-Shane. *Rossiiskaia Arkheologia*, 1997, No. 3, pp. 42–47 (in Russ.).

Tabaldiev K.Sh. Kurgani srednevekovykh kochevykh plemen Tian-Shana. Bishkek: Aibek, 1996, 256 p. (in Russ.).

УДК 703.31.1

Д.В. Черемисин[1, 2], В.В. Казаков[2, 3], К.Б. Жумадилов[2], В.С. Ковалев[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Новосибирский государственный университет экономики и управления
E-mail: topsya@bk.ru

Применение современных информационных технологий в задачах документирования памятников наскального искусства Алтая

В статье представлены результаты исследований петроглифов Юго-Восточного Алтая в 2017 г. Задачи документирования памятников наскального искусства решались на основе применения современных информационных, геоинформационных технологий и методов визуализации и трехмерного моделирования скальных поверхностей с рисунками. Было продолжено картографирование ансамблей петроглифов долины р. Чаган и построение трехмерных моделей рельефа местности. Для аэросъемки местности использовался квадрокоптер. В результате проведенной работы более 200 объектов с фотографиями было заведено в закрытую информационную систему petrogis.mmc.nsu.ru, в т.ч. с помощью мобильного приложения. Было выполнено трехмерное моделирование крупного скального останца с концентрированным скоплением наскальных рисунков эпохи бронзы.

Ключевые слова: *Юго-Восточный Алтай, Соок-Тыт, копирование петроглифов, картографирование, 3D-моделирование рельефа местности, квадрокоптер, базы данных, мобильные приложения, ГИС.*

D.V. Cheremisin[1, 2], V.V. Kazakov[2, 3], K.B. Zhumadilov[2], V.S. Kovalev[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: topsya@bk.ru

Application of Modern Information Technologies for Documenting the Altai Rock Art

The article presents the results of studies of petroglyphs from the southeastern Altai in 2017. The tasks of documenting the monuments of rock art, which occur there on a large territory, were solved using modern information and geoinformation technologies and methods of visualization and three-dimensional modeling of rock surfaces with drawings. Mapping of the petroglyphs of the Chagan Valley and the construction of the three-dimensional models of the terrain were continued. A quadcopter was used for aerial survey. As a result of the works, over 200 objects with photographs were entered into the closed information system petrogis.mmc.nsu.ru; a mobile application was also used for that purpose. A three-dimensional modeling of a large rock outcrop with the concentrated cluster of petroglyphs of the Bronze Age was carried out.

Keywords: *southeastern Altai, Sook-Tyt site, mapping of petroglyphs, cartography, 3D-terrain relief modeling, quadcopter, databases, mobile application, GIS.*

Наскальные рисунки на юго-востоке Российского Алтая изучаются археологами со второй половины прошлого века. Основные местонахождения – комплексы разновременных изображений на скальных выходах, останцах и моренных глыбах расположены в бассейне р. Чуи и ее притоков в отрогах Сайлюгема и Южно-Чуйского хребта [Кубарев, Маточкин, 1992, с. 49–55]. Наиболее крупные скопления, включающие в себя тысячи фигур и композиций, сконцентрированы в до-

линах рек, текущих с ледников Южно-Чуйского хребта. В долине р. Елангаш с 1969 по 1983 г. археологической экспедицией под руководством Е.А. Окладниковой картографированы и скопированы ок. 30 тыс. наскальных фигур начиная с эпохи бронзы (III тыс. до н.э.) до современности [Окладникова, Слободзян, 2009, с. 10].

Часть прорисовок опубликована в серии альбомов, посвященных петроглифам Горного Алтая, с кратким описанием и аналитическими заключениями относительно хронологии и культурной принадлежности. В те же годы Е.А. Окладниковой были проведены разведки в междуречье рек Елангаш, Ак-Кол, Кара-Оюк и Чаган, наиболее интересные материалы публиковались в отдельных статьях. Недавно опубликована коллекция карандашных прорисовок петроглифов этих локусов на кальку [Окладникова, Слободзян, 2012]. Для современных исследователей очевидны недостатки – схематичность копий, выполненных 30–40 лет назад, условность географических привязок, краткость описаний.

Развитие методов исследований памятников наскального искусства, в т.ч. использование цифровой фотографии, навигационных сервисов, современных информационных и геоинформационных технологий, методов моделирования рельефа, позволяет вновь обратиться к ансамблям петроглифов Юго-Восточного Алтая, уточнить полученные ранее выводы, расширить представление о региональных стилях, сюжетах, технике нанесения петроглифов (см.: [Черемисин, 2003; Черемисин, Миклашевич, Бове, 2013; Черемисин и др., 2016; и др.]).

Первичной задачей петроглифоведения в данном направлении видится обширное документирование памятника и его объектов, опирающееся на современные информационные технологии. Так, цифровая фотография может предоставить для изучения фотоснимок высокого разрешения, отображающий скальный рисунок более точно, чем рисунок, выполненный специалистом вручную. Системы навигации GPS/GLONASS и др. позволяют определить географическое местоположение объекта с точностью порядка 10 см – 1 м и таким образом достаточно точно зафиксировать расположение рисунков друг относительно друга и относительно рельефа местности. Современные веб-технологии позволяют публиковать полученные данные в кратчайшие сроки и с минимумом трудозатрат, обеспечивая своевременный доступ исследователей из любой точки мира к собранным в поле данным.

Документирование (получение графических копий, описание) отдельных фрагментов ансамблей наскальных изображений, наиболее интересных с точки зрения стилистических особенностей или содержания, не передает всю полноту сведений об археологическом памятнике. Такой объем данных не обеспечивает полноты первичного документирования и возможности участия в изучении памятника удаленного исследователя. В целях первичного документирования важно представить как можно более полную коллекцию графических копий наскальных рисунков, а также информацию об их географическом местоположении на карте местности в высоком разрешении.

В ходе экспедиционных работ в 2016 г. коллективом исследователей – авторов статьи в пилотном режиме были документированы местоположения ок. 50 локальных скоплений петроглифов с помощью GPS. Впоследствии на основе этих данных и картографического сервиса Google Maps была построена закрытая информационная система petrogis.mmc.nsu.ru (рис. 1, слева). Система позволяет видеть относительное расположение и количество наскальных рисунков. Каждый объект может быть снабжен фотографией и атрибутирован (включены данные о технике нанесения, относительной датировке, принадлежности к той или иной изобразительной традиции, стилю и т.п.). В системе реализован способ фильтрации отображаемых маркеров на карте по любому из этих параметров.

Для оптимизации процессов сбора и занесения в базу данных географических координат объектов и фотографий в 2017 г. авторами статьи было разработано эксклюзивное приложение для мобильных устройств – телефонов, планшетов и т.п. под управлением ОС Android (рис. 1, справа). Для документации наскального рисунка или поверхности с использованием мобильного приложения достаточно сфотографировать мобильным устройством объект, ввести наименование и нажать кнопку «Push». Объект сохранится во внутреннюю базу данных устройства, при этом географические координаты вычисляются автоматически встроенным GPS-модулем регистрирующего устройства.

Приложение работает автономно, без обращения к сети Интернет. При этом при попадании в зону доступа Интернет есть возможность запустить синхронизацию с центральной информационной системой для внесения на сайт собранной информации о наскальных рисунках. В ходе полевых работ использовалось одновременно два устройства с приложениями для документирования местоположения петроглифов и было создано порядка 200 записей в базе данных. Еще ок. 400 записей выполнены традиционным методом снятия геолокационных показаний с навигатора типа Garmin, они будут импортированы в информационную систему отдельным программным скриптом. В дальнейшем

Рис. 1. Веб-интерфейс информационной системы petrogis.mmc.ru (слева) и интерфейс мобильного приложения для быстрого внесения объектов (справа).

планируется полный переход на документирование с помощью мобильного приложения.

Разработанное мобильное приложение выполняет также и другую важную функцию – помогает найти петроглиф на местности по информации из базы данных. На карте отображается маркер текущего местоположения устройства и направление движения. При помощи данной функции нами осуществлялся в т.ч. поиск нужной скальной поверхности в темное время суток с целью проведения 3D-сканирования (использовался сканер на основе структурированного подсвета, который эффективно работает только в темных условиях) [Черемисин и др., 2016].

Атрибутирование петроглифов в информационной системе может производиться уже в лабораторных условиях. Так, каждому изображению, выполненному на низкокачественную камеру мобильного устройства, могут быть сопоставлены изображения с профессионального цифрового фотоаппарата. На основе имеющихся изображений заполняются поля о технике нанесения, относительной датировке, принадлежности к тому или иному стилю и т.п.

Отметим, что исследуемое пространство (долина р. Чаган) до сегодняшнего дня неудовлетворительно представлено в существующих доступных картах и картографических сервисах, поэтому в рамках экспедиции был выполнен ряд мероприятий по картографированию местности. Так, было запланировано построение карты высокого разрешения и трехмерной модели местности с концентрированным скоплением наскальных рисунков протяженностью 800 × 500 м (0,4 км^2). Фото- и видеоданные для построения модели и карты местности собирались с помощью квадрокоптера DJI Phantom 3 Professional. Полученные фото-/видеоматериалы могут быть преобразованы в трехмерную модель местности со скальными поверхностями и петроглифами программой Agisoft PhotoScan (рис. 2, вверху). К настоящему времени была выполнена компиляция трехмерной модели участка карты размером 300 × 400 м.

Другой способ 3D-моделирования участка местности – с помощью наземного фотографирования – был опробован на крупном скальном останце в урочище Узунжол с концентрированным скоплением наскальных рисунков эпохи бронзы (рис. 2, внизу). Многофигурные композиции, воспроизводящие сцены перекочевки с вьючными быками и «грибоголовыми» персонажами, нанесены на вертикальные и горизонтальные поверхности камня. Трехмерное моделирование выполнено методом фотограмметрии на основании ок. 200 фотографий, снятых полнокадровой фотокамерой Nikon D610 с 60-миллиметровым объективом. Отдельно той же фотокамерой были сняты поверхности с петроглифами в высоком разрешении. Черновой, низкополигональный результат моделирования размещен в Интернете по адресу https://3d.nsu.ru/view/203. В течение 2017–2018 гг. планируется апробация на-

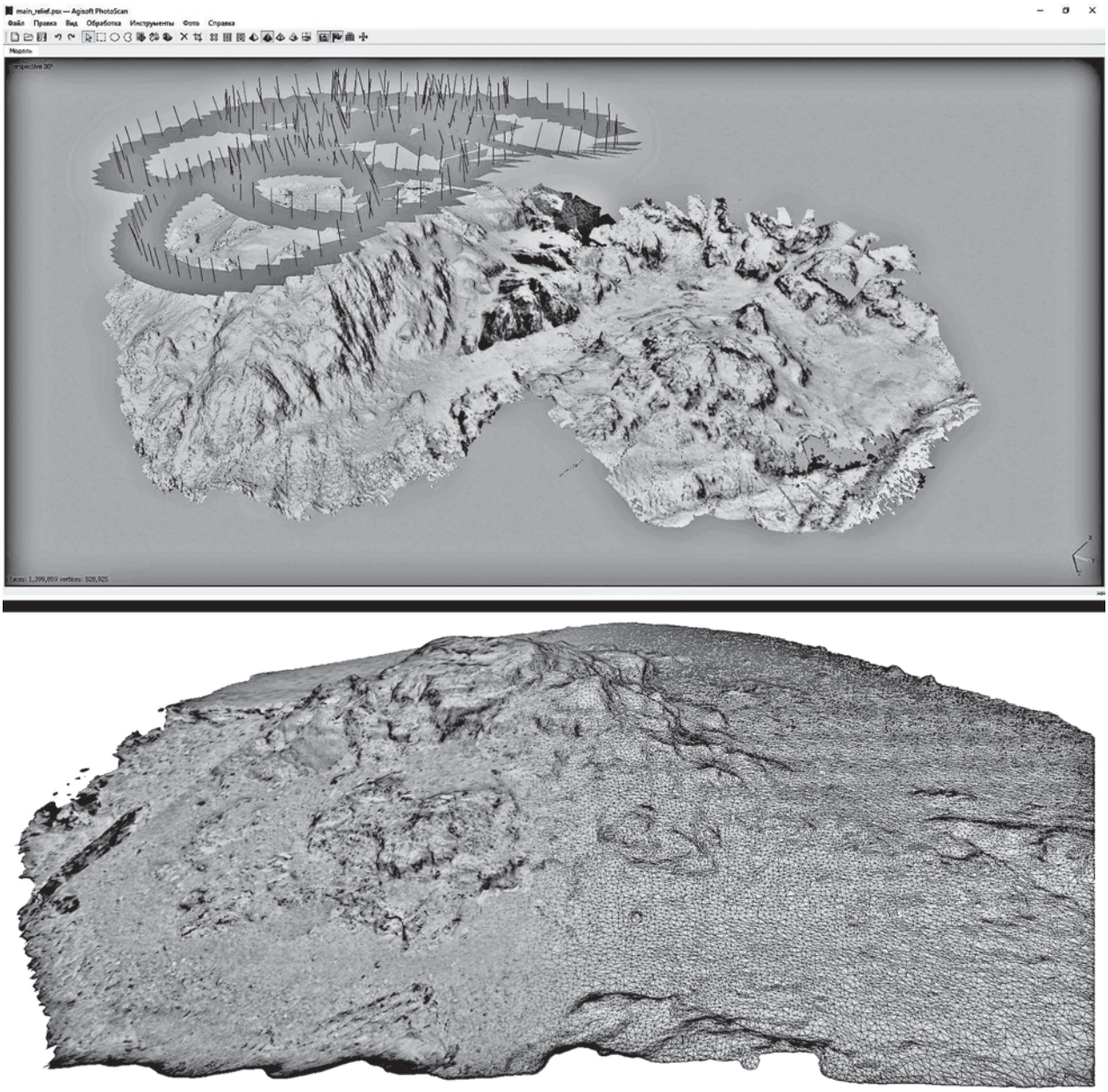

Рис. 2. Моделирование рельефа местности в программе Agisoft PhotoScan (вверху) и трехмерная модель крупного скального останца в урочище Узунжол (внизу).

несения на данную модель текстур с изображением петроглифов в высоком разрешении.

К сожалению, на сегодняшний момент возможности настройки картографических сервисов Google или Yandex позволяют интеграцию только плоских произвольных карт, но не объемных рельефов местности. В то же время такие модели могут представляться независимо от геоинформационных сервисов в специальных трехмерных веб-вьюерах.

Таким образом, в 2017 г. коллективом авторов были опробованы методы документирования петроглифов р. Чаган в информационную систему petrogis.mmc.nsu.ru, в т.ч. с помощью мобильного приложения. В базу данных было занесено ок. 200 объектов с фотографиями. Была проведена аэрофотосъемка с квадрокоптера для выполнения трехмерного моделирования и картографирования местности, а также трехмерное моделирование крупного скального останца с концентрированным скоплением наскальных рисунков эпохи бронзы.

Список литературы

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 124 с.

Окладникова Е.А., Слободзян М.Б. Наскальные рисунки северных склонов Южно-Чуйского хребта (Гор-

ный Алтай) // Свод археологических источников Кунсткамеры. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – Вып. 2. – С. 9–85.

Черемисин Д.В. Наскальная композиция с изображением колесницы и «танцоров» из Чаганки (Кара-Оюка), Алтай // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4. – С. 57–63.

Черемисин Д.В., Казаков В.В., Ковалев В.С., Жумадилов К.Б. 3D-моделирование наскальных рисунков Алтая с помощью трехмерного сканирования и фотограмметрии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 466–469.

Черемисин Д.В., Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Документирование наскальных изображений юго-восточного и центрального Алтая в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 369–373.

References

Cheremisin D.V. Naskal'naya kompozitsiya s izobrazheniem kolesnitsy i "tantsorov" iz Chaganki (Kara-Oyuka), Altai. *Archaeology, Ehnography and Anthropology of Eurasia*. 2003, No. 4, pp. 57–63 (in Russ.).

Cheremisin D.V., Kazakov V.V., Kovalev V.S., Zhumadilov K.B. 3D-modelirovanie naskal'nykh risunkov Altaya s pomoshch'yu trekhmernogo skanirovaniya i fotogrammetrii. In *Problems of Archaeology, Etnography, Anhropology Sibiria and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 466–469 (in Russ.).

Cheremisin D.V., Miklashevich E.A., Bove L.L. Dokumentirovanie naskal'nykh izobrazhenii yugo-vostochnogo i tsentral'nogo Altaya v 2013 godu. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Sibiria and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, pp. 369–373 (in Russ.).

Kubarev V.D., Matochkin E.P. Petroglify Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1992, 124 p. (in Russ.).

Okladnikova E.A., Slobodzyan M.B. Naskal'nye risunki severnykh sklonov Yuzhno-Chuiskogo khrebta (Gornyi Altai). In *Svod arkheologicheskikh istochnikov Kunstkamery*. St. Petersburg: MAE RAS, 2009, iss. 2, pp. 9–85 (in Russ.).

УДК 703.31.1

Д.В. Черемисин[1, 2], В.В. Казаков[2, 3], В.С. Ковалев[2], К.Б. Жумадилов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Новосибирский государственный университет экономики и управления
E-mail: topsya@bk.ru

Трехмерное сканирование наскальных рисунков Алтая в технике гравировки

Среди петроглифов Алтая выделяется большой пласт изображений, выполненных в технике гравировки. В долине р. Чаган они распространены начиная с эпохи бронзы и раннего железного века, характерны для раннего Средневековья и нового времени. Особую ценность представляют высокохудожественные древнетюркские гравюры, в деталях изображающие реалии эпохи. Особенности сканирования гравюр обусловлены малой глубиной и шириной линий, в результате чего традиционные способы копирования, а также методы 3D-моделирования, такие как фотограмметрия и фотостекинг, малоэффективны для получения цельной композиции. В 2017 г. для документирования древних гравюр был применен сканер на основе структурированного подсвета. Было проведено визуальное сравнение результатов 3D-сканирования и фотографирования в высоком разрешении петроглифов, выполненных в различных техниках.

Ключевые слова: *3D-сканирование, 3D-моделирование, петроглифы, структурированный подсвет, гравировки.*

D.V. Cheremisin[1, 2], V.V. Kazakov[2, 3], V.S. Kovalev[2], K.B. Zhumadilov[2]

[1]Institute of Archeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: topsya@bk.ru

3-Dimensional Scanning of Engraved Rock Representations in the Altai

A large number of rock representations made in the engraving technique stand out among various petroglyphs of the Altai. In the valley of the Chagan River, they started to appear since the Bronze Age and the Early Iron Age; they are also typical of the Early Middle Ages and the Modern period. Highly artistic engravings of the ancient Turks, which represent the realia of the time, are of particular value. In 2017, a structured-light scanner was used to document the ancient engravings. Traditional methods of copying, such as 3D-modeling methods, photogrammetry, and photo stacking are ineffective for obtaining the whole compositions of the engravings due to the small depth and width of lines. A visual comparison was made between the results of the three-dimensional scanning and high-resolution photographs of the representations of rock art executed in different techniques.

Keywords: *3D-scanning, 3D-modeling, petroglyphs, structured-light scanning, engravings.*

На протяжении последних лет неуклонно растет интерес к применению трехмерного моделирования в археологических исследованиях. В первую очередь 3D-технологии используются для создания объемных цифровых моделей. Так, во Франции были созданы копии уникальных пещер с рисунками (Ляско, Шове) в формате электронных 3D-моделей, по которым выстроены копии пещер в натуральную величину. Сами пещеры законсервированы для сохранения оригинальных рисунков, а их двойники дали возможность демонстрации шедевров наскального искусства широкому кругу посетителей.

В последние годы отмечается значительный прогресс в объеме оцифрованных музейных фондов. Среди российских виртуальных коллекций в 3D отметим Тульский государственный музей оружия (http://www.museum-arms.ru/), виртуальный музей Ингушетии (http://www.museumri.ru/), археологическое общество Псковской обл. (http://arheologpskov.ru/), Гнёздовский археологический комплекс (http://gnezdovo.com/), музеи Пермского университета (http://dh.psu.ru/), виртуальный музей «Артефакт» Томского государственного университета (http://www.artefact.tsu.ru/virtualmuseum). В совместном проекте ИАЭТ СО РАН и НГУ «3D-галерея НГУ» (http://3d.nsu.ru) трехмерные модели предметов археологических коллекций не только публикуются в Интернете, но и используются в электронных и очных учебных курсах [Казаков, Ковалев, Жумадилов, 2016].

Для исследования петроглифов также применяются 3D-технологии. Существует определенная сложность трехмерного моделирования наскальных рисунков, связанная с выраженным плоским характером объектов, что мешает получить достаточно качественное разрешение по глубине рисунка при его большой площади. В трасологии, где не требуется сканирования всей композиции, а достаточно 3D-модели небольшого фрагмента в сверхвысоком разрешении, данная задача успешно выполняется методом фотограмметрии или фотостекинга [Plisson, Zotkina, 2015]. В общих задачах изучения петроглифов актуально выполнение трехмерного моделирования наскального рисунка целиком.

До бурного развития цифровой фотографии основным способом копирования петроглифов являлась прорисовка фигур на транспарентные материалы стойкими маркерами или получение разного рода эстампажей. Однако при таком способе велика вероятность непроизвольного внесения автором ошибки или искажения. Фотофиксация петроглифов также весьма непростая задача, так как изображения на скалах, как правило, хорошо различимы лишь при определенном освещении. Рельеф – а петроглифы Алтая по большей части выполнены в технике углубленного контррельефа – становится визуально заметным только при выраженном боковом подсвете плоскости. При этом для рассмотрения всех деталей рисунка может понадобиться боковой подсвет плоскости поочередно с разных сторон.

При работе с качественной трехмерной моделью с высоким разрешением исследователь получает возможность изучать рельеф рисунка удаленно без потери информации или внесения субъективности. Для увеличения четкости рисунка на цифровой модели могут использоваться различные программные методики, в т.ч. управление боковым подсветом в виртуальной сцене.

Ранее, в 2015–2016 гг. авторами статьи было опробовано трехмерное сканирование скальных плоскостей с выбитыми рисунками – композиция с изображением колесницы бронзового века, петроглифы в стиле «оленных камней» и др. Для 3D-сканирования использовалась технология структурированного подсвета. Были показаны преимущества этого метода для данной задачи перед фотограмметрией, а также описаны техники постобработки полученных моделей для выделения рисунка [Черемисин и др., 2015].

Таким образом, методика применения сканеров для документирования петроглифов Юго-Восточного Алтая была апробирована, но объектами служили рельефные, достаточно глубоко выбитые на скальных плоскостях фигуры. В 2017 г. методика 3D-сканирования структурированным подсветом была апробирована на более тонких объектах наскального искусства – гравировках. Как правило, они гораздо менее рельефны, врезаны в скалу не глубоко, а прочерченные поверхностными штрихами или процарапанные линии, которыми также выполнялись изображения на скалах, и вовсе нерельефны. При этом встречаются столь тонкие абрисы, что их невозможно скопировать на транспарентные материалы контактным способом, т.к. линия, которую оставляет маркер, шире наскального оригинала. Трудности, связанные с документацией гравировок, хорошо известны специалистам (см.: [Черемисин, 2011, Миклашевич, 2012; и др.]).

Наскальные изображения, выполненные в технике гравировки и прочерчивания, представляют собой большой пласт среди разновременных петроглифов Юго-Восточного Алтая. В долине р. Чаган они встречены среди петроглифов бронзового века, скифской эпохи, раннего Средневековья, нового и новейшего времени [Окладникова, 1988; Черемисин, 2003, 2011; и др.]. Зафиксированы гравированные эскизы, по которым впоследствии выполнялась выбивка, сочетание техники пикетажа и гравировки. Особую ценность представляют гравированные изображения колесниц бронзового времени и высокохудожественные древнетюркские гравюры, в деталях представляющие реалии эпохи. Для нанесения таких гравюр, насколько можно судить по детализированным фигурам древнетюркских воинов, использовались различные инструменты, оставлявшие разные по ширине и глубине линии. Раскрытие, проявление пласта гравированных петроглифов позволяет представить многообразие, техническое совершенство и богатство наскального искусства [Миклашевич, 2012, Панкова, 2012; и др.].

В качестве одного из объектов сканирования выбрана батальная сцена с противостоящими древнетюркскими воинами, которую невозможно скопировать на прозрачные материалы ввиду небольших размеров и тончайших резных линий (фрагмент сцены представлен на рис. 1). Для трехмерного сканирования использовался сканер на основе технологии структурированного подсвета RangeVision. Сканирование проводилось со следующими параметрами: размер зоны сканирования: 66 × 50 × 50 мм, точность 3D-точки (среднеквадратическое отклонение): 0,03 мм, 3D-разрешение: 0,02 мм, рабочее расстояние: 0,27 м; разрешение камер: 5 МП; разрешение проектора: 1280 × 800 p; минимальное время создания одного снимка: 30 сек.

Для нивелирования отрицательного влияния окружающей среды на процесс сканирования использовалась палатка без дна, внутри которой размещался специалист со сканирующим оборудованием над горизонтальной скальной поверхностью с рисунками. Это позволило защитить оборудова-

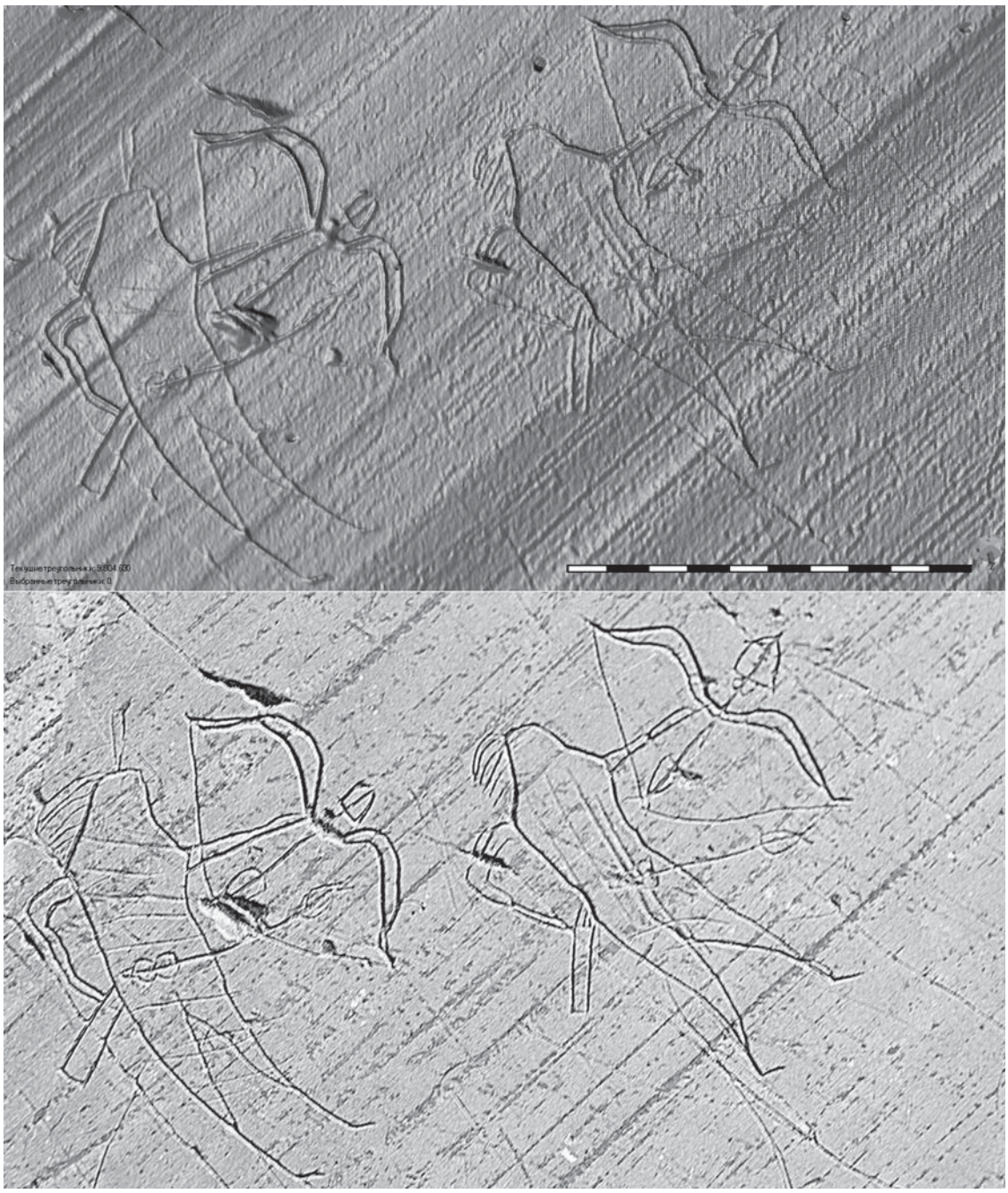

Рис. 1. Фрагмент трехмерной модели древнетюркских гравировок (вверху) и фрагмент фотографии того же участка (внизу).

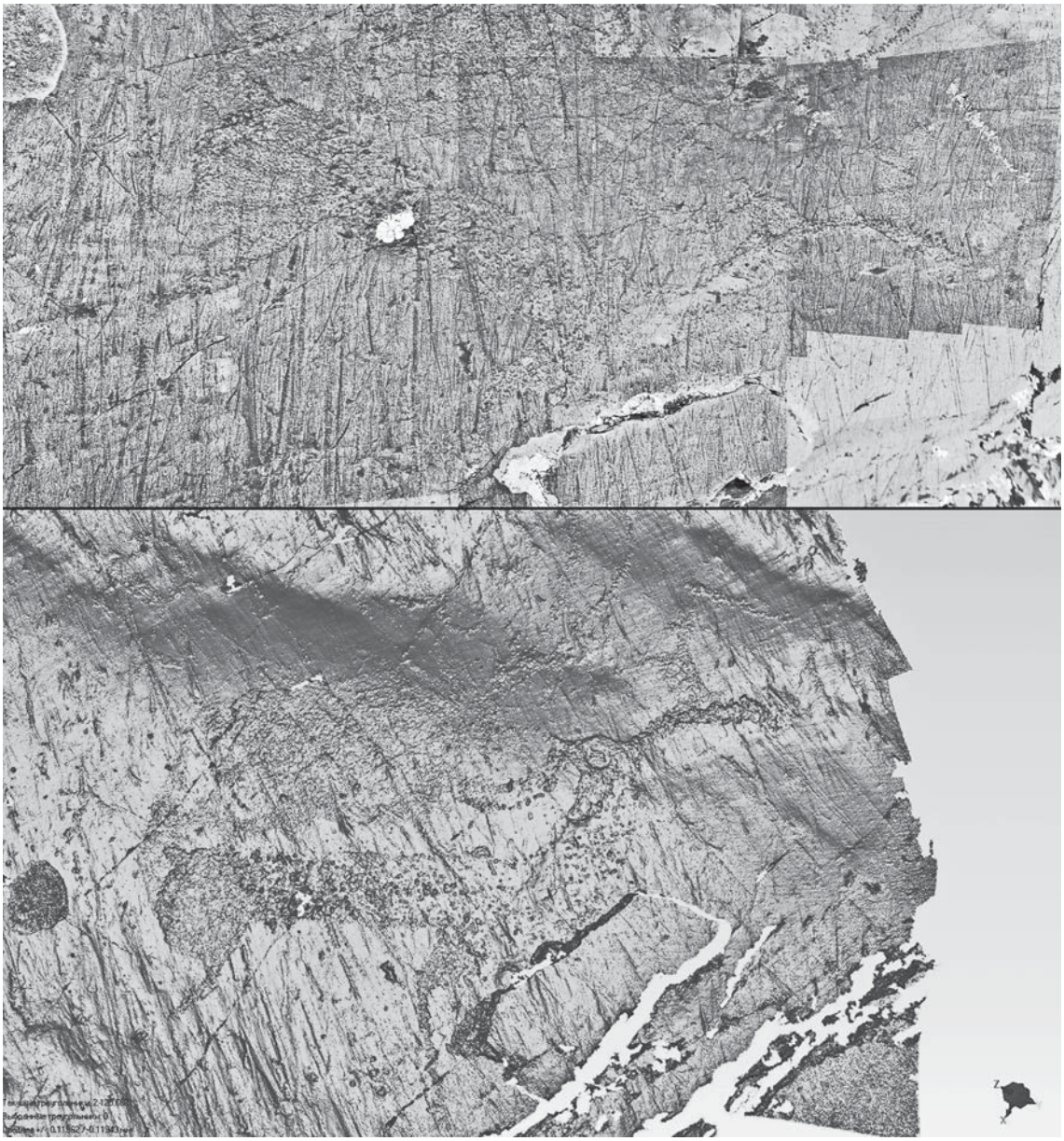

Рис. 2. Фотопанорама выбитой фигуры оленя (вверху) и трехмерная модель того же объекта (внизу).

ние от возможных атмосферных осадков, а также обеспечить защиту от искажений, вносимых порывами ветра (вибрации сканера) и насекомыми, привлекаемыми ярким источником света.

Для полученной модели древнетюркских гравировок с применением инструментов пакета для 3D-моделирования (GeoMagic Studio, инструмент «линейка») были измерены параметры глубины резных линий, которые в разных местах составили лишь 0,02–0,09 мм.

В 2017 г. также продолжались работы по сканированию выбитых рисунков, например, крупной фигуры оленя в стиле оленных камней (рис. 2), нанесенной на горизонтальную поверхность скального выхода.

Сравним полученные 3D-модели с фотографиями по степени различимости рисунка. В случае древнетюркских гравировок – преимущество за фотоснимком по двум основным причинам. Во-первых, данный наскальный рисунок хорошо выделяется цветом на фоне поверхности, что встречается далеко не всегда. Во-вторых, фиксация тонких гравировок находится на пределе разрешающей способности данного сканера.

С выбитой фигурой оленя ситуация противоположная – рисунок на 3D-модели в целом более различим, нежели на фотографии, несмотря на то, что достигается более высокое разрешение фотографии за счет использования панорамной склейки. Видно, что на фотографиях рисунок сли-

вается с фоном, в то время как на 3D-модели можно выделить фигуру рядом техник, таких как боковой подсвет, маска глубины и др.

Таким образом, в 2017 г. применение сканирующего устройства на основе структурированного подсвета было апробировано на гравированных петроглифах. На полученной модели программным методом была измерена глубина резных линий. Было проведено сравнение трехмерных моделей петроглифов в различных техниках с их высококачественными фотоснимками. В результате сравнения было показано, что информативность трехмерных моделей выше, что особенно заметно на рисунках, выполненных в технике контррельефа. Перспективы использования сканера в большей степени связаны с фиксацией и изучением выбитых наскальных изображений, а также тех, в которых техники гравировки и пикетажа сочетаются.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Казаков В.В., Ковалев В.С., Жумадилов К.Б. Трехмерное сканирование музейных экспонатов по технологии структурированного подсвета // Universum Humanitarium. – 2016. – № 2 (3). – С. 58–64.

Миклашевич Е.А. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 157–202.

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 140–158. – (сб. МАЭ, т. XLII).

Панкова С.В. Ошкольская писаница в Хакасии // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 76–96.

Черемисин Д.В. Наскальная композиция с изображением колесницы и «танцоров» из Чаганки (Кара-Оюка), Алтай // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2003. – № 4. – С. 57–63.

Черемисин Д.В. О копировании граффити горного Алтая // Наскальное искусство в современном обществе: мат-лы междунар. науч. конф. 22–26 августа 2011 г. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Т. 2. – С. 175–178.

Черемисин Д.В., Казаков В.В., Ковалев В.С., Жарикова М.В. Опыт трехмерного сканирования наскальных рисунков с помощью технологии структурированного подсвета // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 446–450.

Plisson H., Zotkina L.V. From 2D to 3D at macro and microscopic scale in rock art studies // Digital Application in Archaeology and Cultural Heritage. – 2015. – Vol. 2, iss. 2/3. – P. 102–119.

References

Cheremisin D.V. Naskal'naya kompozitsiya s izobrazheniem kolesnitsy i "tantsorov" iz Chaganki (Kara-Oyuka), Altai. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2003, No. 4, pp. 57–63 (in Russ.).

Cheremisin D.V. O kopirovanii graffiti gornogo Altaya. In *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve*: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 22–26 avgusta 2011 g. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, vol. 2, pp. 175–178 (in Russ.).

Cheremisin D.V., Kazakov V.V., Kovalev V.S., Zharikova M.V. Opyt trekhmernogo skanirovaniya naskal'nykh risunkov s pomoshch'yu tekhnologii strukturirovannogo podsveta. In *Problems of Archeology, ehnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 446–450 (in Russ.).

Kazakov V.V., Kovalev V.S., Zhumadilov K.B. Trekhmernoe skanirovanie muzeinykh eksponatov po tekhnologii strukturirovannogo podsveta. *Universum Humanitarium*, 2016, No. 2 (3), pp. 58–64 (in Russ.).

Miklashevich E.A. Tekhnika gravirovki v naskal'nom iskusstve skifskogo vremeni. In *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoi i Tsentralnoi Azii*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012, pp. 157–202 (in Russ.).

Okladnikova E.A. Graffiti Kara-Oyuka, East Altai. In *Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Siberia*. Leningrad: Nauka, 1988, pp. 140–158 (Sbornik Muzeya Antropologii i Etngrafii, vol. XLII) (in Russ.).

Pankova S.V. Oshkol'skaya pisanitsa v Khakasii. In *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Northern and Central Asia*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012, pp. 76–96 (in Russ.).

Plisson H., Zotkina L.V. From 2D to 3D at macro and microscopic scale in rock art studies. In *Digital Application in Archaeology and Cultural Heritage*, 2015, vol. 2, iss. 2/3, pp. 102–119.

УДК 903.32

М.В. Шуньков[1], М.Б. Козликин[1], В.А. Ульянов[2], А.Ю. Федорченко[1], А.Н. Чеха[1], Е.Н. Бочарова[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
[3]Новосибирский государственный университет
E-mail: kmb777@yandex.ru

Новые результаты исследования голоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры

В 2017 г. были продолжены исследования голоценовой толщи в устьевой зоне южной галереи Денисовой пещеры. В стратиграфическом разрезе этого участка пещеры выделено восемь подразделений – слои 0, 2–8. В пределах слоя 2 были обнаружены археологические материалы раннего железного века, представленные в основном фрагментами керамики, а также единичные находки эпохи Средневековья. Большая часть слоя 3 была уничтожена древней антропогенной ямой, в заполнении которой зафиксированы смешанные археологические комплексы раннего железного и раннего бронзового веков. Слои 4 и 5 содержали преимущественно фрагменты сосудов афанасьевской культуры ранней бронзы. В слоях 6 и 7 были найдены каменные артефакты, переотложенные из нижележащих плейстоценовых отложений в процессе жизнедеятельности землеройных животных. Слои 0 и 8 не содержали находок.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, голоцен, стратиграфия, керамика, бронзовый век, ранний железный век, Средневековье.*

M.V. Shunkov[1], M.B. Kozlikin[1], V.A. Ulianov[2], A.Yu. Fedorchenko[1], A.N. Chekha[1], E.N. Bocharova[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]M.V. Lomonosov Moscow State University
[3]Novosibirsk State University
E-mail: kmb777@yandex.ru

New research results on the holocene sediments from the south chamber of Denisova cave

In 2017, the study of the Holocene strata at the mouth of the South Chamber in Denisova Cave was continued. The stratigraphic profile in this part of the cave has revealed eight units – layers 0, and 2–8. Layer 2 yielded archaeological evidence attributed to the Early Iron Age, mostly including pottery fragments and isolated Medieval finds. The greater part of layer 3 had been destroyed by an ancient pit resulting from anthropogenic activities; the filling of the pit contained mixed archaeological assemblages dating to the Early Iron Age and Early Bronze Age. Layers 4 and 5 mainly contained pottery fragments associated with the Afanasievo culture of the Early Bronze Age. Layers 6 and 7 contained lithic artifacts which appear to have been redeposited from the underlying Pleistocene sediments due to the activities of burrowing animals. Layers 0 and 8 turned out to be sterile.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Holocene, stratigraphy, pottery, Bronze Age, early Iron Age, Middle Ages.*

В полевом сезоне 2017 г. были продолжены комплексные исследования голоценовых отложений в южной галерее (сектор VII) Денисовой пещеры. В устьевой зоне галереи к раскопу 1999 г. [Деревянко, Шуньков и др., 1999; Деревянко, Молодин и др., 1999] была сделана прирезка на площади кв. Е, Ж/3–7. В полученном разрезе выделено восемь стратиграфических подразделений – слои 0, 2–8.

Слой 0. Органический детрит, бесструктурный, пылеватый, черно-серый с коричневым оттенком. Представляет собой механически разрушенный и переотложенный материал подстилающих отложений. Нижняя граница четкая, резкая, проведена по возникновению линзовидных слоистых текстур в подстилающих отложениях. Мощность слоя от 5 до 10 см.

Слой 2. Пачка чередующихся прослоев суглинков легких, пылеватых, темно-серых и светло-серых со слабым палевым оттенком, супесей сажисто-черных, сформированных тонким растительным детритом, и суглинков светло-коричневых, сформированных камбием бересты. Во включениях отмечены фрагменты древесного угля, копролиты мелких травоядных животных. Нижняя граница резкая, четкая, денудационного типа, условно проведена по подошве линзовидного прослоя пылеватого суглинка серого цвета. Мощность слоя 20–25 см.

С поверхности слоя 2 в толщу нижележащего слоя на глубину от 10–15 до 60–80 см была вложена антропогенная яма. Дно ямы выстлано берестой, котлован заполнен гомогенным темно-серым суглинком с включением многочисленных фрагментов берестяного камбия.

Слой 3. Пачка переслаивающихся суглинков легких, пылеватых, серых, светло-серых, палево-серых, с прослоями бересты оранжево-коричневого цвета. Приподошвенную часть слоя маркирует прослой гомогенизированного суглинка легкого, пылеватого, коричнево-серого. Нижняя граница четкая, резкая, денудационного типа, срезает слоистые текстуры подстилающих отложений. Максимальная мощность слоя 80 см.

Слой 4. Суглинки легкие, пылеватые, в верхней части слоя серые и сизовато-серые, реже – палевые и светло-коричневые с прослоями черного тонкого органического детрита. Прикровельная часть подверглась инволюционным деформациям, местами с возникновением диапиров с амплитудой внедрения в вышележащие отложения до 25 см. Во включениях отмечены непрочные копролиты мелких травоядных животных. Нижняя часть слоя представлена суглинками легкими, пылеватыми, белесыми и серыми с палевым и сизым оттенками. Нижняя граница слоя четкая, проведена по кровле черного сажистого прослоя при переходе к подстилающим темноцветным отложениям. Мощность слоя 28–33 см.

Слой 5. Суглинки легкие, серые с сизым оттенком и коричнево-серые, с тонкими многочисленными прослоями, обогащенными тонким черным детритом. Во включениях отмечены многочисленные копролиты мелких травоядных животных. В приподошвенной части слоя прослежен тонкий горизонт вторичной фосфатной цементации. Нижняя граница слоя волнистая, при общем субгоризонтальном характере ее залегания. Мощность слоя 15 см.

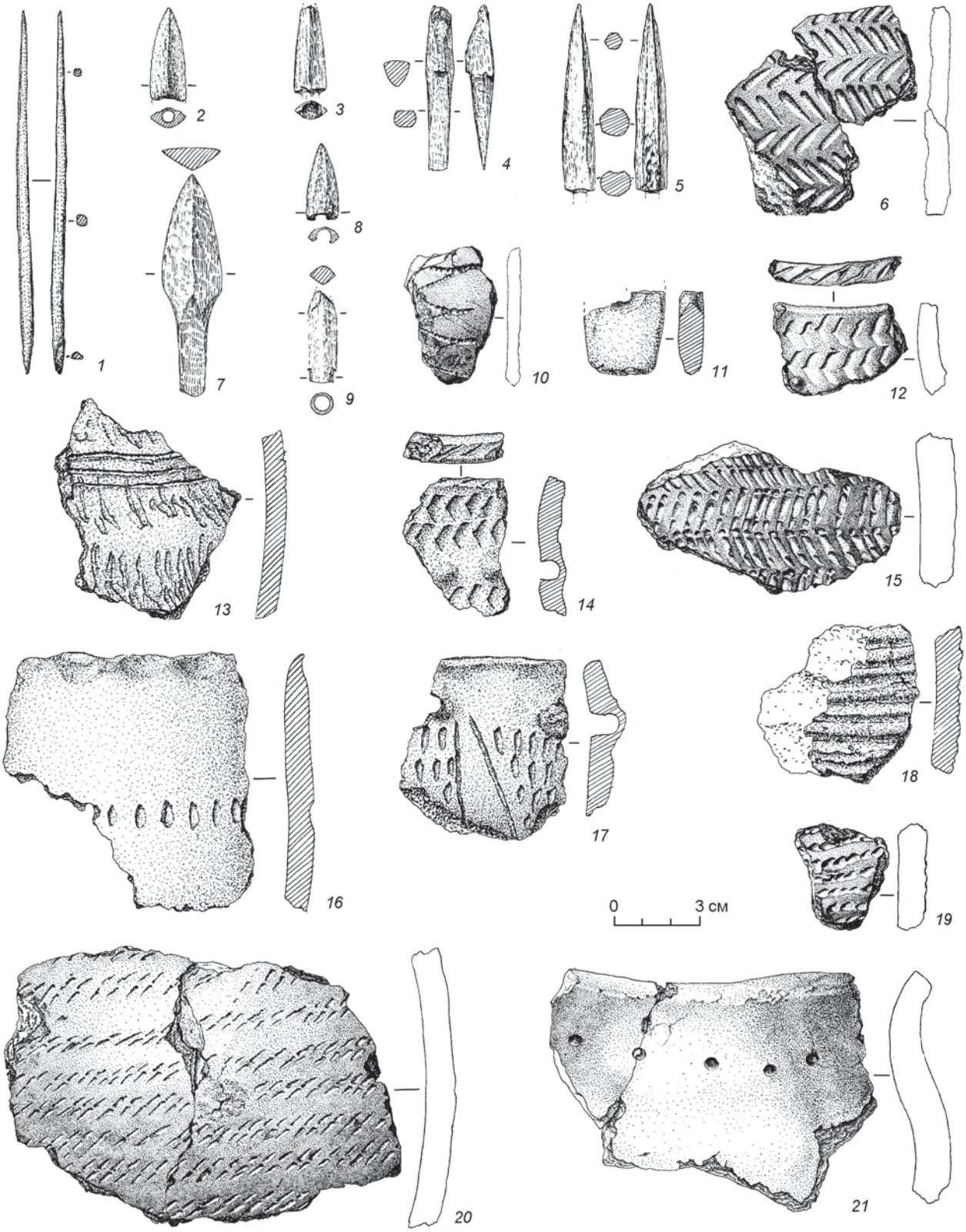
Слой 6. Выделен условно по разрозненным включениям щебня и скоплениям дресвы с частично подвергшимся фосфатизации суглинистым заполнителем в подошве слоя 5.

Слой 7. Линзовато-слоистая пачка суглинков легких, пылеватых, белесых с палевым оттенком. Заполнитель слоя отличается от вышележащих осадков полным отсутствием реакции с HCl. Текстура сильно деформированная, образована норами разных возрастных генераций. Нижняя граница слоя нарушена землероями. Ориентировочная мощность слоя 15–20 см.

Слой 8. Почти полностью уничтожен деятельностью землеройных животных. Выделен по отдельным фрагментам черного прослоя, характерного для верхней части слоя 8, и подстилающей его зоны темно-коричневого прокрашивания в кровле слоя 9. Мощность черного прослоя не превышает 1 см, зоны темно-коричневого прокрашивания – 2–3 см.

В пределах слоя 2 найдено 211 фрагментов керамических сосудов, две гальки, колотая галька и семь каменных обломков. Керамика представлена главным образом мелкими неорнаментированными фрагментами тулова сосудов. Среди орнаментированных образцов – фрагменты венчика с рядом ямок и «жемчужин», а также с рассеченным налепным валиком. Все фрагменты венчиков, в том числе неорнаментированные, имеют округлый срез. Одним фрагментом представлена часть днища и придонной зоны плоскодонного сосуда. Керамика такого типа широко представлена в комплексах из центрального зала пещеры и датируется ранним железным веком [Деревянко, Молодин, 1994]. К эпохе Средневековья относится фрагмент верхней части хорошо профилированного сосуда, орнаментированного рядом ямок (см. *рисунок*, *21*).

Археологические материалы из антропогенного углубления включают 289 фрагментов керамики, три гальки, колотую гальку, шесть отщепов, 15 обломков, шесть фрагментированных костяных наконечников стрел и сланцевый оселок. Керамический комплекс имеет смешанный характер. Основная часть неорнаментированных сосудов с тонкими тщательно заглаженными стенками, а также фрагменты венчиков с округлым срезом и с рядом ямчатых вдавлений относятся к раннему железному веку. К этому же времени относятся, скорее всего, плоский черешок и трехгранный боек костяных наконечников стрел, четырехгранные нако-

Бронзовое шило (*1*), костяные наконечники стрел (*2–5, 7–9*), каменная подвеска (*11*) и фрагменты керамических сосудов (*6, 10, 12–21*) из голоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры (художники Н.В. Вавилина и М.А. Амосова).

нечники со скрытой (см. *рисунок*, *8*) и выступающей (см. *рисунок*, *9*) втулкой, а также трехгранная черешковая форма со сломленным бойком (см. *рисунок*, *4*) и пулевидный наконечник со сломленным черешком (см. *рисунок*, *5*). Однако последний предмет может быть связан и с более ранним периодом эпохи бронзы.

С ранним железным или поздним бронзовым веком связан, возможно, фрагмент сосуда, орнаментированного в верхней части рядом «жемчужин» в сочетании с прочерченными треугольниками, заполненными накольчатыми оттисками (см. *рисунок*, *17*).

Толстостенная керамика с высоким содержанием крупной дресвы, орнаментированная косо поставленным гребенчатым штампом, относится к афанасьевской культуре раннего бронзового века [Там же]. Отдельно следует отметить сланцевый оселок удлиненно-подпрямоугольной формы с тщательно заполированной поверхностью, который может быть датирован в широком хронологическом интервале от раннего бронзового века до Средневековья.

Слой 3 на основной площади раскопа нарушен антропогенным углублением. В сохранившейся части слоя найдено 83 мелких фрагмента керамики, галька, восемь обломков, две плитки сланца, наконечник стрелы, подвеска. Керамика преимущественно гладкостенная. Отдельными фрагментами представлены неорнаментированные венчики раннего железного века и части афанасьевских сосудов с гребенчатым и елочным орнаментом. Четырехгранный костяной наконечник со скрытой втулкой (см. *рисунок*, *2*) датируется ранним железным веком. Фрагмент подвески из мягкого поделочного камня (см. *рисунок*, *11*) может быть датирован в диапазоне от раннего бронзового века до Средневековья.

С отложениями слоя 4 связано наибольшее количество находок – 454 фрагмента керамики, 5 галек, 2 колотые гальки, 11 отщепов, 20 обломков, 19 плиточек сланца, 1 бронзовое шило, 2 костяных наконечника стрел. Основу керамического комплекса составляют фрагменты афанасьевской посуды. Это главным образом мелкие неорнаментированные фрагменты толстостенных сосудов с крупными зернами дресвы в тесте и с поверхностью, заглаженной щепой. Орнаментированная керамика представлена фрагментами тулова с оттисками гладкой качалки, заключенными между прочерченными линиями (см. *рисунок*, *13*); с оттисками отступающей палочки, образующей плотные глубокие горизонтальные линии (см. *рисунок*, *19*); с прочерченными глубокими горизонтальными канавками (см. *рисунок*, *18*); с наклонными оттисками гребенчатого штампа (см. *рисунок*, *20*), однонаправленными или образующими горизонтальную «елочку».

На деформированном участке слоя у скальной стены пещеры зафиксированы фрагменты неорнаментированной тонкостенной керамики с хорошо заглаженной поверхностью и фрагменты венчиков без орнамента с округлым срезом, а также венчик с защипами на срезе и с рядом наколов в верхней части (см. *рисунок*, *16*), возраст которых соответствует, скорее всего, раннему железному веку. На этом же участке найдено бронзовое шило с четырехгранным сечением (см. *рисунок*, *1*), которое может быть датировано афанасьевской эпохой или более поздним временем, а также четырехгранный костяной наконечник со скрытой втулкой (см. *рисунок*, *3*) и трехгранный черешковый наконечник (см. *рисунок*, *7*) скифского времени.

Неоднозначна культурно-хронологическая атрибуция фрагментов сосуда, орнаментированного рядами плотных оттисков уголка лопаточки в сочетании с рядом «жемчужин» (см. *рисунок*, *12, 14*). Эта керамика может быть датирована как поздним этапом бронзового века, так и ранним железным веком.

В слое 5 найдено 29 фрагментов керамики, 2 отщепа, 1 обломок и 4 сланцевые плитки. Керамика афанасьевской культуры, в основном без орнамента. Два фрагмента орнаментированы гладким (см. *рисунок*, *6*) и гребенчатым (см. *рисунок*, *15*) штампами, оттиски которых образуют горизонтальные «елочки».

В пределах слоев 6 и 7 найдены каменные артефакты палеолитического облика – 21 отщеп, 1 пластина и 23 обломка, перемещенные, вероятнее всего, землероями из кровли плейстоценовых отложений.

В слое 8 археологические материалы не обнаружены.

В целом результаты работ 2017 г. позволили получить дополнительную характеристику литолого-стратиграфического строения толщи голоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры, а также заметно увеличить коллекцию археологических материалов в культурно-хронологическом диапазоне от III тыс. до н.э. до раннего Средневековья.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 17-29-04206.

Список литературы

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. 1. – 262 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Шуньков М.В., Анойкин А.А. Археологическое изучение голоценовых слоев Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 348–353.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Анойкин А.А., Ульянов В.А. Изучение голоценовых отложений Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 354–359.

References

Derevianko A.P., Molodin V.I. Denisova peshchera. Novosibirsk: Nauka, 1994, pt. 1, 262 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Molodin V.I., Shunkov M.V., Anoikin A.A. Arkheologicheskoe izuchenie golotsenovykh sloev Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999, vol. 5, pp. 348–353 (in Russ.).

Derevyanko A.P., Shunkov M.V., Agadzhanyan A.K., Anoikin A.A., Ul'yanov V.A. Izuchenie golotsenovykh otlozhenii Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999, vol. 5, pp. 354–359 (in Russ.).

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 398.54

А.А. Бадмаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

О водном мире в представлениях и обрядности кабанских бурят

Представления о водном мире – отдельная область традиционного мировоззрения бурят, на их основе сложилась и поныне функционирует система обрядов. Изучение этих представлений дает возможность углубить знания о духовной составляющей культуры бурят. Исследование опирается на полевые материалы, собранные в 2017 г. в Кабанском р-не Республики Бурятии. Представления о водном мире и связанная с ними обрядность у кабанских бурят имели локальную специфику, сложившуюся вследствие активных контактов между представителями бурятско-предбайкальских, хори-бурятских, эвенкских и монгольских родов в рамках данной этнотерриториальной группы. Другим фактором, повлиявшим на формирование специфики, было развитие у кабанских бурят рыбного промысла на Байкале.

Ключевые слова: *мировоззрение, мифы, обряды, символика, буряты, вода, мифические персонажи, рыба.*

A.A. Badmaev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

The Water World in the Beliefs and Rituals of the Kabansk Buryats

Beliefs concerning the water world constitute a specific realm in the traditional worldview of the Buryats. A related system of rituals has emerged and still operates on the basis of these beliefs. Their study makes it possible to deepen the knowledge about the spirituality in the culture of the Buryats. The research is based on field materials collected in 2017 in Kabansk District of the Republic of Buryatia. Beliefs associated with the water world and corresponding rituals among the Kabansk Buryats have local specificity resulting from the intensive contacts between the Baikal Buryats, Khori-Buryats, as well as the Evenk and Mongolian clans, in this ethnic and territorial group. Another factor which contributed to this process was the development of fishing on Lake Baikal among the Kabansk Buryats.

Keywords: *worldview, myths, rituals, symbols, Buryats, water, mythical characters, fish.*

Процесс адаптации к природной среде сопровождается выработкой определенного представленческого комплекса, в котором находят отражение различные природные явления и объекты. Одной из важных сфер природы, играющей особую роль в жизни людей, является водный мир. Неслучайно, в традиционном мировоззрении любого народа отдельное место занимают представления о воде, божествах и духах вод, об ихтиофауне региона. В соответствии с этими воззрениями формируется культовая обрядность, в которой почитается персонифицированная водная среда. Не является исключением и культура бурят: исследователи выделяют в ней комплекс представлений и обрядовую практику, связанные с водой и обитающей в ней рыбой [Хангалов, 1958; Михайлов, 1987; Галданова, 1987; и др.]. Но, несмотря на проведенные изыскания, все еще остается малоисследованной их локальная специфика.

Настоящая работа посвящена выявлению особенностей в представлениях о водном мире и в соответствующей им обрядности у кабанских бурят. Основой источниковой базы исследования являются полевые материалы 2017 г.

Кабанские, иначе байкало-кударинские, буряты проживают в Кабанском р-не Республики Бурятии, они относятся к бурятам Прибайкалья и как отдельная этнотерриториальная группа сложились в середине XVIII в. Они имеют неоднородный состав и включают в себя представителей бурятско-предбайкальских, хори-бурятских, эвенкских и монгольских родов [Балдаев, 1961, с. 123]. Помимо скотоводства и некоторых других видов хозяйственной деятельности, прежде всего земледелия

и охоты, в их традиционной экономике, как и у других прибайкальских бурят, важную роль играло товарное рыболовство на Байкале. Последнее обстоятельство определило наличие в их культуре устойчивого комплекса представлений о водном мире и обусловленной им обрядности. В религиозной жизни, особенно в 1860-е гг., у них произошли изменения, вызванные их массовым переходом от шаманизма к православию, но этот процесс не затронул глубоких основ шаманской культуры.

Сопоставление полевых материалов, собранных у кабанских бурят, с литературными сведениями по предбайкальским и другим бурятам, позволяют вычленить ряд локальных особенностей, присущих первым.

В бурятско-предбайкальской традиции считалось, что *Уһан хатами* являются владыка вод и его ближайшее окружение, в которое входили, кроме членов семьи, некоторые другие западные небожители, будто бы спустившиеся на морское дно и ставшие водными божествами [Хангалов, 1958, с. 426]. Согласно представлениям кабанских бурят, *Уһан хаты* или *халюуты* (местное произношение слова *хаалингууд* «ханы» [Бурятско-русский словарь, 1973, с. 523]) – это мифические хозяева Байкала и мирового океана; другие персонажи из предбайкальского пантеона ими прочно забыты. Таким образом, у кабанских бурят произошла утрата основного пласта представлений об *Уһан хатах* и иерархии водных существ. В их мировоззрении это проявилось, в частности, в отсутствии единого имени владыки вод: его именуют то *Уһан хат* «Водный правитель», то *Лусад/Лусууд*. Вероятно, такой синкретизм вызван неоднородным составом кабанских бурят. Дело в том, что владыку вод предбайкальские буряты называют *Уһан хат*, а буряты-буддисты – *Лусад*. Буддизм у кабанских бурят не получил никакого распространения, отсюда следует предположить, что он был известен той части предков кабанских бурят, которая мигрировала из Монголии и могла состоять из адептов этого религиозного учения.

Сегодня у кабанских бурят фиксируются относительно цельные образы некоторых духов – хозяев крупных водоемов и рек. Например, в их призывании к мифическому хозяину Байкала говорится следующее:

Морю нашему поклонение,
Моря хозяин Дархан нойон баабай,
Великий дедушка Байкала,
Человек морской глубины
С телом из белого серебра,
С головой из белой горы,
С палкой из белого серебра.
Хозяин моря
Дархан нойон баабай
С девятью умелыми сыновьями.
Девять умелых сыновей
С девятью светлыми речами.
С двумя умелыми дочерями,
Старшая дочь
Ниже Ангары управляет,
Другая умелая дочь
Южнее Ангары в море поставлена
С сиденьем из трех спин,
С тремя ртами бегущими…

(ПМА, 2017)

В приведенном выше призывании его чествуют как *Дархан нойон* «Кузнец господин»; данную номинацию стоит локализовать средой местных потомственных кузнецов. Действительно, в число кабанских бурят входят представители кузнечных родов, в частности Дархан галзуу и *Нохой галзуу* «Бешеная собака». Вероятно, от них и пошло столь специфическое название хозяина вод. Занявшись рыболовством на Байкале, они дали имя своего мифического прародителя и покровителя духу – хозяину озера.

У представителей других племенных и территориальных групп бурят Предбайкалья и Прибайкалья мифическими повелителями Байкала выступали иные персонажи: *Буха-нойон-бабай* (у булагатов), *Аба-хатан* (у ольхонских бурят) и др.

Надо заметить, что в мифах балаганских (предбайкальских) бурят хозяин Байкала имеет девять сыновей, как и в приведенном выше тексте, и единственную дочь Ангару [Хангалов, 1958, с. 318], воплощавшую одноименную реку. Очевидно, у кабанских бурят, заселивших юго-восточное побережье Байкала, эта сюжетная линия получила дальнейшее развитие: теперь дочерями повелителя озера оказываются духи – хозяйки определенных мест на данном водном потоке.

Между тем, по воззрениям кабанских бурят, водные божества являются *хуйтэн бурхад* «богами холода», что говорит о смешении у них прежних представлений о разных группах мифических персонажей. Причем, характеризуя «богов холода» как опасных для людей существ, они в соответствии с духом времени модернизировали взгляды о них: полагали, что при жизни те были защитниками Парижской коммуны, которых после ареста посадили в лодку без продовольствия, весел и парусов и бросили на произвол судьбы в открытом океане (ПМА, 2017).

В обрядности кабанских бурят также отмечаются отличия от основной бурятско-предбайкальской традиции, обусловленной скотоводческо-земледельческим характером традиционной экономики. У них, как и у бурят Предбайкалья, которые были заняты речным и озерным рыболовством, суще-

ствовал промысловый культ. Сроки проведения коллективного жертвоприношения у тех и у других были близки: оно проводилось накануне путины. Правда, данные обряды посвящались разным мифическим персонажам: кабанские буряты, как можно судить по упомянутому выше призыванию, искали покровительство у хозяина Байкала и его детей, а предбайкальские рыбаки – у *Уһан хата*, т.е. владыки земных и небесных вод. Обряд жертвоприношения у кабанских бурят называется *Далайн тайлган* «Жертвоприношение морю», что также свидетельствует о самобытности их обрядности.

Помимо основного обряда, непосредственно перед выходом на Байкал каждая из рыбацких артелей кабанских бурят совершала обряд *сасли* (*сасали*) «окропление» [Бурятско-русский словарь, 1973, с. 386]) молочными продуктами. При этом в ходе жертвоприношения произносилось призывание, содержащее такие строчки:

Хозяйка корабля
Госпожа Эрообли,
Имеющая железную лодку,
Имеющая круглый невод,
Белые как вата паруса,
С лодкой из тяжелого дерева,
Держащая длинное рулевое весло,
Искусно держащая край невода.
Когда в море выхожу, пусть будет безветренно,
Когда в море выхожу, пусть не будет тумана,
Сила (ветра) ослабнет совсем.

(ПМА, 2017)

Здесь объектом почитания является не сам повелитель Байкала, а дух-хозяин Эрообли, во власти которого, как полагали, находятся отдельные природные явления (ветры, туман), наблюдаемые на озере.

В обрядности у части предбайкальских бурят рыба выступала в качестве обязательного атрибута и жертвы. Но в ритуальных актах, совершаемых кабанскими бурятами, в т.ч. на промысле, рыба не жертвовалась водным покровителям. В коллективном жертвоприношении данных бурят, в отличие от Предбайкальских, живым онгоном была не рыба (налим), а заяц; после необходимых обрядовых действий его выпускали на волю. Замена в обряде рыбы зайцем указывает на трансформацию воззрений у рассматриваемых бурят, произошедшую в рамках одной шаманской традиции. В культуре бурят символика обоих животных совпадает в части связи их образов с идеей плодородия. Со временем в жертвоприношении кабанских бурят место живого зайца стало занимать его изображение (*онгон*). Предположительно, это было вызвано упадком у них пушной охоты. В данном тайлгане не использовался, как было принято в предбайкальской традиции, онгон *Уһан хат*, обычно представлявший собой выполненный на скале или на ткани рисунок рыбы, поскольку обряд посвящался не владыке вод, а духу-хозяину Байкала.

Тем не менее с культом *Уһан хата* у кабанских бурят связан ряд родовых обрядов, носивших одно название – *Угаалга* «Омовение»: обряд, проводимый при рождении ребенка; обряд посвящения шамана; кузнечный обряд. Правда, упомянутые выше ритуалы шамана и кузнеца имели еще одну номинацию – *Уһан тарим* «Водный заговор». В целом ни в указанных выше обрядах шамана и кузнеца, ни в обряде детского цикла кабанских бурят не обнаруживается заметной разницы с соответствующей предбайкальской обрядностью.

В заключение укажем, что представления о водном мире и связанная с ними обрядность у кабанских бурят имели локальную специфику, появившуюся вследствие активных контактов между представителями бурятско-предбайкальских, хоринбурятских, эвенкских и монгольских родов в рамках данной этнотерриториальной группы. Другим фактором, повлиявшим на это, было развитие у них рыбного промысла на Байкале.

Список литературы

Балдаев С.П. Избранное. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. – 256 с.

Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов. – М.: Сов. энцикл., 1973. – 804 с.

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – 115 с.

Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. – Новосибирск: Наука, 1987. – 288 с.

Хангалов М.Н. Собр. соч. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 551 с.

References

Baldaev S.P. Izbrannoe. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1961, 256 p. (in Russ.).

Burjatsko-russkij slovar'. Moscow: Sov. entsiklopedija, 1973, 804 p. (in Buryat.; in Russ.).

Galdanova G.R. Dolamaistskie verovanija burjat. Novosibirsk: Nauka, 1987, 115 p. (in Russ.).

Hangalov M.N. Sobranie sochinenij. Ulan-Ude: Burjat. kn. izd-vo, 1958, vol. 1, 551 p. (in Russ.).

Mihajlov T.M. Burjatskij shamanizm: istorija, struktura i social'nye funktsii. Novosibirsk: Nauka, 1987, 288 p. (in Russ.).

УДК 394.91

Н.А. Березиков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: warumbaum@gmail.com

Этнознаковое оформление сообществ эвенков в России XVIII века

Рассматривается символьно-знаковый аспект включения сибирских аборигенов в этнополитическое пространство Российской империи в XVIII в. Этнознаковое оформление сообществ эвенков долины р. Илим (Илимский уезд Иркутской губ.) происходило в процессе административных реформ 1720–1780-х гг. Введение выборной должности «шуленга» активизировало этнознаковое оформление сообществ эвенков в рамках полиэтничного населения Восточной Сибири. Это отразилось на системе коллективного жизнеобеспечения, налогово-фискальной сфере, судебно-правовых практиках, хозяйственной деятельности. В значительной мере эта ситуация способствовала актуализации и сохранению этнокультурной идентичности рассматриваемых сообществ на символьно-знаковом уровне.

Ключевые слова: *Сибирь, XVIII в., служилые люди, казаки, эвенки, тунгусы, знак, символ.*

N.A. Berezikov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: warumbaum@gmail.com

Ethnic and Symbolic Legalization of the Evenk People in Russia in the 18th Century

The article analyzes symbolic and semantic aspects of the inclusion of the indigenous population into the ethnic and political space of the Russian Empire in the 18th century, focusing on ethnic and symbolic processes which occurred in the Evenk communities in the Ilim River basin (Irkutsk Guberniya) during the administrative reforms of the 1720s–1780s. It is argued that the establishment of the "shulenga" elected office enhanced the ethnic and symbolic legalization of the Evenk communities in the context of the multiethnic society of Eastern Siberia, which was reflected in the systems of life support, taxation and finances, as well as judicial and legal practices, and economical activities. This significantly influenced the preservation and development of the Evenk ethic and cultural identity at the symbolic and semantic level.

Keywords: *Siberia, 18th century, service men, Cossacks, Evenk, Tungus, sign, symbol.*

Первые встречи представителей Российского государства с сообществами илимских эвенков (тунгусов) относятся к концу 1620-х гг. [Бродников, 1999, с. 120]. На протяжении столетия взаимоотношения ограничивались формальным принесением присяги (шерть) правящему государю и ежегодными выездами казаков-сборщиков ясака к местам кочевок. Администрация Илимской воеводской канцелярии раз в год снаряжала казаков, назначенных для сбора ясака; обычно по два человека на ясачную волость. Несколько месяцев они проводили в тайге в поисках стойбищ эвенков и возвращались обратно с пушниной и окладными книгами, в которых были записаны места сбора и имена сдавших ясак [Долгих, 1960, с. 279–285]. Символьно-знакового оформления российской власти в регионе помимо этих поездок не существовало, хотя бытовые контакты русского земледельческого населения с эвенками отмечаются начиная с 1630-х гг. [Шерстобоев, 1957, с. 619–620].

Изменения в символьно-знаковом оформлении подданства эвенков произошли с конца 1720-х гг., когда власть предприняла активную попытку вмешательства в хозяйственная жизнь, управление и быт народов Восточной Сибири. На протяжении XVIII в. и вплоть до сибирской административной реформы М.М. Сперанского (1820-е гг.) вовлечение кочевых народов Восточной Сибири во властную символьно-знаковую структуру империи осуществлялось при помощи выборных (назначаемых) сборщиков податей из числа знатных людей местных сообществ [Конев, 2014, с. 92; Авдеева, 2000].

По многовековому обычаю они стали именоваться *шуленгами*. В монгольском языке это слово обозначало правителя рода (племени) и широко использовалось у бурят и эвенков на протяжении нескольких веков до прихода русских в Сибирь [Элерт, 1990, с. 26; Акишин, 2003, с. 76–77; Боронин, 2004, с. 53].

Активное внедрение этой системы в среду илимских эвенков произошло в ходе визита в Сибирь «действительного штатского советника, чрезвычайного посланника и полномочного министра и Иллирийского графа Савы Владиславича Рагузинского» осенью 1727 г. [Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., 2014, с. 34–35]. Для обоснования реформы он воспользовался челобитной «брацких ясачныхъ иноземцов» об обидах со стороны русских сборщиков ясака. Они просили: «Дабы руские служилые люди для собрания ясаку в их улусы не ездили, для того, что их оныя ясатчики раззоряют с требованием подарков, корму и протчего... А они де от себя из всякого роду по три начальника будут посылать повсягодно в городы с ясаком... В малых делах, ссорах и протчем своими начальниками своих улусных людей судить и расправы чинить во всем, кроме криминальных дел».

С.В. Рагузинский подал реляцию в Сенат и в канцелярию Тобольского генерал-губернатора. Уже в марте 1728 г. генерал-губернатор отправляет приказ в Иркутскую провинциальную канцелярию о замене казаков – ясачных сборщиков на выборных шуленг (РГАДА. Ф. 1424. Оп. 1: «Усть-Киренская воеводская канцелярия». Ед. хр. 248. Л. 184–192). В свою очередь, иркутские чиновники распространили этот приказ по подконтрольным уездам. В частности, в Илимский уезд этот приказ дошел 30 мая, а 8 июня из Илимска пошли указы по всем волостям Илимского уезда.

Согласно приказу, шуленги избирались аборигенами и утверждались после этого Илимской воеводской канцелярией. Кроме того, они имели право выбирать себе помощников – сборщиков ясака. В ведении шуленг находился не только сбор ясака, но и разнообразные хозяйственные, административные и судебные дела в ясачной волости. Вот пример такого утверждения тунгусского шеленги: «Указ из илимской земской канцелярии... ясачному тунгусу Проньке Гаврилову... Велено тебе... быть у своей братьи того Брацкого острогу у ясашных тунгусов в десятниках и ведать тебе той волости всех тунгусов во всяких... управлениях и в сборах ясашных» (РГАДА. Ф. 1424. Оп. 1. Ед. хр. 231. Л. 9).

Показателен текст указа-наставления иркутского наместнического правления шуленге Киренской, Хандинской и Усольской волости, «выбранному... родовыми старшинами и ясашными лутчими ж людьми... Никулке Боявичину». В указе выражена надежда, что он возложенный на него чин и должность будет исправлять так, «как принадлежит и пристойно есть доброму и честному человеку и верному ея императорского величества подданному». Шуленге поручалось вести себя «добро порядочно», собирать ясак, «родников своих... держать в добром порядке и призрении», решать мелкие дела по жалобам ясачных и русских: «во воровстве скота, побоях и все протчие, кроме криминальных дел и смертного убивства» – по инструкции графа Савы Владиславича. Если дело маловажное, то «судить каждого роду своему начальнику, а когда больше, то избирать ис трех родов по 2 начальника, всего 6 человек. И в чем вы осудите, на тем и стоять». Важные дела передавать в Киренский нижний земский суд и в Киренскую нижнюю расправу. Затем предписывалось «родников своих тунгусов принуждать, дабы они неленостно упражнялись в звериных промыслах». Шуленге поручалось «стараться... самому завестись по обыкновению руских крестьян домовым строением, которое послужит тебе лутчим убежищем от ненасливой и дождевой погоды – летом, а зимою – от стужи и других изнуряющих беспокойств... Также стараться о заведении пашен на посев всякого рода хлеба... Ленивых наказывать без упущения». Отлучаться для жительства в другие места ясачным «накрепко запрещать». Заканчивался указ предупреждением, что за исправное исполнение дел шуленгу ждет похвала и законное награждение, а за нерадение он подвергнется «необежному наказанию». Подпись: «Правитель наместничества генерал-порутчик и кавалер Михайла Арсеньев» (РГАДА. Ф. 1424. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 148–149). Такой же трафаретный наказ был дан шуленге Нижне-Тунгусской ясачной волости (РГАДА. Ф. 1424. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 152–153).

Однако их власть не была безграничной. Шуленги, находясь на утверждаемой (хотя и выборной) должности, были глубоко инкорпорированы в многовековые местные традиции. Кроме того, простые жители волостей имели право подавать жалобы на них.

В июле 1743 г. выборный ясачный тунгус Верхне-Илимской волости в доносе на шуленгу Божука Черноусова указывает, что Черноусов «по указу и нашему выбору определен к ясашному сбору в шуленги». Он собрал ясак на 1742 г. сполна, но продолжает требовать еще «и берет с нас немалые взятки». Выборный жаловался, что шуленга держит тунгусов «в страдную пору, также и во время ясашного промыслу», пускает за взятки гулящих людей «в ясашные угодья». С 14 человек он взял незаконно пушнины на 32 рубля 30 копеек и две лисицы. Кроме того, ему дано для сбора ясака две лошади; он не удовлетворился этим и взял «кобылу, соболя, лук костеной, еще соболя». С че-

тырех гулящих людей взято им 4 рубля и 150 белок. Воеводская канцелярия дала по этому заявлению справку в Сенат: «Ясаку ничего не было» (РГАДА. Ф. 1424. Оп. 1. Ед. хр. 1084. Л. 7–8).

Сохранившиеся приказы об утверждении шуленг по волостям Илимского воеводства и административная практика дают основания полагать, что в XVIII в. не существовало никаких правил о сроке полномочий шуленги. Очень часто смена этих старшин производилась тогда, когда ясачным становилось невмоготу от поборов и притеснений шуленги. Столкновение личных корыстных побуждений шуленги с интересами рода приводило к конфликту, который разрешался досрочными выборами. Зачастую воеводская канцелярия вовлекалась при этом в общественные дела аборигенов. Иногда создавалась в подобных случаях сложная обстановка и шуленги сменялись несколько раз в год, пока ясачные не находили приемлемой для них кандидатуры.

Смена выборной администрации и в конце XVIII в. проходила в общем нерегулярно. По списку шуленг, старшин и десятских 1788 г. можно установить, что один шуленга служил 5 лет, один старшина 4 года, другой – 2 года, но в Нижне-Илимской волости все старшины сменялись ежегодно. Зато в других волостях Илимского уезда – Киренской, Хандинской и Усольской – даже десятские служили по нескольку лет подряд. Шуленга Киренской, Хандинской и Усольской волости Жерандоев был сменен по жалобе тунгусов (РГАДА. Ф. 1424. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 167, 170).

Таким образом, к началу XIX в. эвенки, кочевавшие в бассейне р. Илим, в рамках этносоциальной и этнокультурной структуры государства имели свою символьно-знаковую систему. Она строилась на институте выборных шуленг. Обладая полнотой власти на местах, они представляли интересы эвенкийских сообществ перед имперской администрацией и различными группами населения. Символы и знаки власти, которыми были наделены шуленги, конституировали сообщества эвенков в полиэтничном пространстве региона. Они были значимыми в плане актуализации и сохранения этнокультурной идентичности рассматриваемых сообществ на символьно-знаковом уровне.

Список литературы

Авдеева О.А. Эволюция судебной системы инородцев Восточной Сибири в XVII – первой половины XIX в. // История государства и права. – 2000. – № 3. – С. 2–7.

Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: Структура и состав государственного аппарата. – М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2003. – 406 с.

Боронин О.В. Двоеданничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX в. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2004. – 216 с.

Бродников А.А. Сбор ясака: зависимость процесса объясачивания от потестарно-политической ситуации в регионе. По материалам Восточной Сибири XVII в. // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск, 1999. – Вып. 1. – С. 119–123.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014. – 303 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 450 с.

Конев А.Ю. Исторический опыт социальной регистрации и классификации ясачного населения Сибири XVII–XVIII вв.: Эволюция форм и методов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – 2014. – № 43. – С. 90–94.

Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. – Иркутск: Кн. изд-во, 1957. – Т. 2: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII в. – 673 с.

Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск: Наука, 1990. – 245 с.

References

Akishin M.O. Rossiiskii absolyutizm i upravlenie Sibiri XVIII veka: struktura i sostav gosudarstvennogo apparata. Moscow; Novosibirsk: Drevlekhranilishche, 2003, 406 p. (in Russ.).

Avdeeva O.A. Evolyutsiya sudebnoi sistemy inorodtsev Vostochnoi Sibiri v XVII–XIX vv. *Istoriya gosudarstva i prava,* 2000, No. 3, pp. 2–7 (in Russ.).

Boronin O.V. Dvoedannichestvo v Sibiri. XVII–XIX vv. Barnaul: Alt. State Univ. Press, 2004, 216 pp. (in Russ.).

Brodnikov A.A. Sbor yasaka: zavisimost' protsessa ob"yasachivaniya ot potestarno-politicheskoi situatsii v regione. Po materialam Vostochnoi Sibiri XVII veka. In *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii.* Novosibirsk, 1999, iss. 1, pp. 119–123 (in Russ.).

Dameshek L.M., Dameshek I.L. Yasak v Sibiri v XVIII–XX vv. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2014, 303 p. (in Russ.).

Dolgikh B.O. Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII century. Moscow: AS USSR Press, 1960, 450 pp. (in Russ.).

Elert A.K. Ekspeditsionnye materialy G.F. Millera kak istochnik po istorii Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1990, 245 pp. (in Russ.).

Konev A.Yu. Istoricheskii opyt sotsial'noi registratsii i klassifikatsii yasachnogo naseleniya Sibiri XVII–XVIII vv.: evolyutsiya form i metodov. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki,* 2014, No. 43, pp. 90–94 (in Russ.).

Sherstoboev V.N. Ilimskaya pashnya. Irkutsk: Kn. izd-vo, 1957. Vol. 2: Pashnya Ilimskogo voevodstva XVII i nachala XVIII veka, 673 p. (in Russ.).

УДК 392

Ф.Ф. Болонев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: bolonev@rambler.ru

Лен и конопля в хозяйстве русских крестьян Сибири XVII – начала XX века

В статье рассмотрены отдельные аспекты выращивания льна и конопли в хозяйствах русских крестьян Сибири в XVII – начале XX в. Выявлена следующая особенность: посевы и получение названных технических культур в Сибири зависели от природно-климатических условий. Лен преимущественно культивировали в Западной Сибири, коноплю – в Восточной. Получению семян и волокон из льна и конопли уделялось большое внимание. Их производство имело двоякую цель: из семян выжимали масло, которое шло в пищу, особенно в периоды многодневных постов, а из волокон конопли вили веревки и получали материал для прядения. Полученные нити использовались в шитье, ткачестве. Лен из-за природно-климатических условий не везде приживался. Крестьяне это учитывали. Они в этих местах выращивали коноплю и получали необходимые семена и сырье, которое использовалось для изготовления одежды из домотканого холста и других хозяйственных нужд. Полученный холст в крестьянском хозяйстве шел на изготовление домотканины. По данным 1811 г. 96,3 % производственного холста в ряде волостей пошло на изготовление одежды, в продажу поступило 3,3 %. Произведенная домотканина шла на нужды своей семьи. Исследователи отмечают искусную работу ткачих Западной Сибири. Так, женщины Мехонской слободы Шадринского уезда ткали чистый и прочный холст, который не уступал фламандскому полотну.

Ключевые слова: *русские крестьяне Сибири, лен, конопля, условия выращивания, ткачество, холст, веревки.*

F.F. Bolonev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: bolonev@rambler.ru

Flax and Hemp in the Economy of the Russian Peasants of Siberia in the 17th–Early 20th Century

The article analyzes some aspects of cultivating flax and hemp by the Russian peasants living in Siberia in the 17th–early 20th century. The following features have been observed: sowing and harvesting of these technical crops in Siberia depended on natural and climatic conditions. Flax was mainly cultivated in Western Siberia, while hemp was preferred in Eastern Siberia. Considerable attention was paid to obtaining seeds and fibers from flax and hemp. Their production had a double purpose. Oil, which was used for food, especially during long fasts, was extracted from seeds. Ropes and material for spinning were produced from the fibers of hemp. The resulting thread was used in sewing and weaving. Due to climatic conditions, flax did not grow in all places, and peasants would take this into account by planting hemp and thus receiving the necessary seeds and raw materials for manufacturing clothing of home-made canvas and for other household needs. According to the data of 1811, 96.3% of industrial canvas in a number of volosts was used for making clothes, and 3.3% was sold. The produced home-woven fabric satisfied the needs of the family. Scholars have noted skilful craftsmanship of weavers from Western Siberia. Thus, women from Mekhonskaya settlement of Shadrinsk Uezd wove such pure and durable canvas which in terms of quality was not inferior to Flemish fabrics.

Keywords: *Russian peasants of Siberia, flax, hemp, growing, weaving, canvas, rope.*

В историко-этнографической литературе о выращивании, обработке и использовании льна и конопли в условиях Сибири имеются весьма противоречивые сведения. Известно только несколько статей, посвященных прядению и ткачеству [Бардина, 1995; Болонев, 1980; Фурсова, 1998; и др.]. Сообщения о льноводчестве и о выращивании конопли разбросаны по разным работам. Льну в Сибири посвящены только две работы.

Основное внимание крестьян в Сибири было уделено выращиванию разного рода хлебов. Но в крестьянском хозяйстве без выращивания льна

и конопли трудно было обзаводиться сырьем для получения пеньки, веревок, холста, тканей. Потребности крестьянского хозяйства в возделывании технических культур (льна и конопли) были большими.

По мере развития русского земледелия в Восточной Сибири в XVII – начале XVIII в. на первое место по распространению среди зерновых культур вышла рожь, а на второе – конопля. По вычислениям В.Н. Шерстобоева, в среднем из каждых 100 дворов все 100 сеяли озимую рожь. Пшеницу сеяли 40 дворов из 100, ярицу только 7 дворов, а коноплю 88 дворов [1949, с. 331–332]. Это свидетельствует о том, что получению семян и волокна из конопли в крестьянском хозяйстве Сибири было уделено большое внимание. «Цель возделывания культуры конопли двоякая: первое – получить семена на масло, второе – получить волокно для веревок и прядения» [Там же, с. 335]. Конопляное масло во время поста широко использовалось в крестьянском и монастырском хозяйствах. Первоначально крестьяне отдавали предпочтение одежде, изготовленной, сотканной из холста самими крестьянами. Покупная одежда фабричного производства входит в обиход в связи с появлением достатка в крестьянской семье.

В описи имущества Троицкого Селенгинского монастыря за 1732 г., наряду с данными о наличии в амбарах монастыря хлебных запасов, сообщается: «...семени конопляного – 2 четверти. В том числе в Хилоцком селе семени конопляного полторы осмины» (ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 10. Л. 19–21).

В 1739 г. в Темлюе было «семени конопляного в приеме 60 пудов, 12 вышло на братию, 30 в посев» (ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 37. Л. 54об–55). В 80–90-е гг. XVIII в. в Макаровской волости Илимского уезда соотношение посевных площадей сельскохозяйственных культур было следующим (в %) [Шорохов,1985, с. 35]:

	1788 г.	1793 г.	1799 г.
Озимая рожь	0,9	18,7	8,4
Ярица	35,0	21,4	28,4
Пшеница	18,3	21,4	16,1
Ячмень	25,9	14,1	27,0
Овес	13,2	19,2	8,3
Конопля	6,7	0,4	10,0

При поселении старообрядцев по Хилку в 1767 г. в целях снабжения их провиантом надлежало запасти «семенного хлеба для 135 семей по 36 пудов, ячменя по 18 пудов, овса тоже по 18 пудов, семени конопляного по 3 пуда» [Гирченко, 1922, с. 5].

Говоря о земледелии у старообрядцев, историк П.А. Словцов писал: «Лучшее хлебопашество тогда начиналось у Заднепрских переселенцев, по гористым откосам, и плуг впервые явился в Сибири в их руках. Они впервые в губернии начали с 1766 г. засевать и конопель»* [1886, с. 202].

В описании Иркутского наместничества за 1792 г., в состав которого входил и Верхнеудинский уезд, находим сообщение о землях Забайкалья: «Материк земли в чистых местах гораздо черен, с песком, и глинист, сеют всякого хлеба и получают в прибыль в семеро, а овес и крупы разные и лен с коноплей – в четверо» [Описание..., 1988, с. 84].

Григорий Шевелев, забайкальский крестьянин, ставил опыты по выращиванию пшеницы-семиколоски и пробовал выращивать лен. «Лен тоже вознаградил меня за труды… Он был вышиною в 1¼ аршина». Обращаясь к редактору «Земледельческого журнала» С.А. Маслову, он просит «прислать ему подробное описание, как с ним обходиться по созрению его» [Шевелев, 1831, с. 609].

В Восточной Сибири крестьяне отдавали предпочтение конопле. Лен из-за климатических условий выращивали не везде или засевали в самом незначительном количестве, ибо он не везде приживался и в основном культивировался крестьянами в Западной Сибири. Так, в отчете Тарбагатайского волостного правления в Западном Забайкалье за 1860 г. сказано: «Обработки льна здесь нет, по случаю песчаного грунта земли» (ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1015. Л. 111). Как видно из архивного документа, одним из неблагоприятных условий для выращивания льна в Тарбагатайской волости была песчаная неплодородная почва – лен любит удобренную плодородную землю. Но зато в названной волости крестьяне выращивали коноплю и получали необходимое сырье для изготовления одежды и обуви. Так, согласно «Ведомости о родившихся продуктах и выделанных товарах Тарбагатайской волости в 1818 году», конопляного семени было получено 1 114 пудов. Продавалось по 5 руб. 50 коп. – 6 руб. «Конопли чесаного 520 пудов, по 30 руб. пуд, нечесаного 280 пудов по 20 руб. пуд, сукна сермяжного (аршин) 56, продавали земледельцы по 2 руб. 40 коп. аршин. Холста тонкого 3800 аршин по 1 рублю аршин, холста портошного 2211 по 10 руб. аршин, шерсти овечьей 1215 пудов по 18 руб. пуд» (ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 19. Л. 131–132).

На десятину высевали 8 пудов конопли. Производство крестьянами пряжи и ткачество холста в Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. хорошо освещены в работах О.Н. Шелегиной [1992, с. 100–116].

Описание всего многотрудного и трудоемкого процесса возделывания льна и конопли в кре-

*Это очень важное свидетельство того, что старообрядцы уже поселились к этому году, стали впервые использовать плуг и засевать коноплю.

стьянском хозяйстве, включающего вспашку земли, посев, бороньбу, выдергивание, мочение, сушку, мятье, трепанье, чесанье, пряденье, ткачество и крашение тканей представлено только в некоторых работах [Фурсова, 1998; Рыженко, 2001].

Хозяйственное освоение обширнейших земель нуждалось в постоянном притоке русского населения, которое необходимо было обеспечить не только продуктами питания, но и изделиями промышленного и домашнего производства. Какое-то количество подобных изделий завозилось в Сибирь из Европейской России, но часто не хватало самых необходимых в сельском хозяйстве предметов. Так, в списке на 1639–1640 гг. из необходимого перечня предметов не зафиксировано веревок (есть лишь веревочки нитяные, нити), лодок, соли, гончарных изделий и пр. [История..., 1968, с. 81].

Отсутствие веревок, недостаток холста способствовали расширению посевов льна и конопли с целью получения сырья и выработки для крестьянского хозяйства пеньки, веревок, тканей. Это хорошо учитывала сибирская воеводская администрация. Тобольский воевода П.И. Годунов в 1668 г. приказал увеличить посевы конопли, чтобы отказаться от покупок веревок в Европейской России. В Ирбитской Слободе в 1676–1677 гг. с крестьян было собрано на паруса 344 аршина холста; годом раньше верхотурские, подгородние, тагильские, невьянские, ницинские арамашевские и ирбитские крестьяне были обязаны поставить 2192 аршина холста [История..., 1968, с. 82]. По всей вероятности, подобные действия администраций разных районов Западной Сибири способствовали увеличению посевов льна, конопли и стимулировали производство холста.

О.Н. Шелегина на основе найденных в архиве материалов приводит очень важные данные по изготовлению домотканины в Тюменском уезде за 1811 и 1817 гг. В то время в названном уезде изготовлению холста придавалось большое внимание. Так, в 1811 г. жителями Антипинской, Антроповской, Еланской и Тавдинской волостей 96,7 % произведенного холста было употреблено на изготовление одежды или оставлено в запас. В продажу поступило только 3,3 %. В 1817 г. урожай льна там был ниже, чем в 1811 г. Это отразилось на производстве холста; 98,8 % ткани осталось в крестьянском хозяйстве. Приведенные данные показывают, что холст в этих местностях изготавливался главным образом для собственных потребностей [Шелегина, 1992, с. 102–103].

Автор отмечает отменно искусную работу ткачих отдельных областей Западной Сибири. Например, сообщает, что «искусным ткачеством славились женщины Мехонской слободы Шадринского уезда. Они ткали «чистый тонкий холст, едва уступающий фламандскому полотну, ничем не хуже фабричного по чистоте работы, но превосходящий последнее своей прочностью» [Там же, с. 103].

В настоящей работе мы вкратце рассмотрели материалы о возделывании льна и конопли в хозяйстве русских крестьян Сибири XVII – начала XX в. Подобные наблюдения и выводы для ряда губерний и областей Сибири в зависимости от климатических и от почвенных условий в целом верны. Лен произрастал и возделывался в основном на юге Западной Сибири. Конопля имела широкое распространение по всей Сибири, в т.ч. и Восточной.

Список литературы

Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – 224 с.

Болонев Ф.Ф. Прядение, ткачество и вязание у семейских Забайкалья (XIX – начало XX в.) // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. – С. 139–163.

Гирченко В.А. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. – Верхнеудинск, 1922. – 20 с.

История Сибири. – Л.: Наука, 1968. – Т. 2. – 538 с.

Описание Иркутского наместничества 1792 г. – Новосибирск: Наука, 1988. – 185 с.

Рыженко П.Ф. Как рождалась рубашка // Этнография Алтая и сопредельных территорий: мат-лы науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 2001. – Вып. 4. – С. 326–328.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – СПб., 1886. – Т. 2. – 202 с.

Фурсова Е.Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 97–128.

Шевелев Г. О хлебопашцах Забайкальских и их хозяйстве // Земледельческий журн. – 1831. – № 4. – С. 603–609.

Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск: ВО «Наука». 1992. – 252 с.

Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. – Иркутск: Обл. гос. изд-во, 1949. – Т. 1. – 596 с.

Шорохов Л.Н. Земледельческая практика и агротехнологические знания экономических крестьян Сибири в 60–80-е гг. XVIII в. // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XVIII в. (Трудовые традиции крестьян). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. – С. 31–40.

References

Bardina P.E. Life of Russian Siberians of Tomsk region. Tomsk: State Univ. Press, 1995, 224 p. (in Russ.).

Bolonev F.F. Spinning, weaving and knitting in the family Transbaikalia (XIX – early XX century). In *Ethnography*

of North Asia. Novosibirsk: Nauka, Sib. Branch, 1980, pp. 139–163 (in Russ.).

Description of the Irkutsk governorate in 1792. Novosibirsk: Nauka, 1988, 185 p. (in Russ.).

Fursova E.F. The traditions of flax processing in the eastern Slavs of the Upper Ob region. In *Russian Siberia: culture, customs, rituals*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1998, pp. 97–128 (in Russ.).

Girchenko V.A. From the history of migration in the Baikal region of the Old Believers-family. Verkhneudinsk, 1922, 20 p. (in Russ.).

History of Siberia. Leningrad: Nauka, 1968, vol. 2, 538 p. (in Russ.).

Ryzhenko P.F. How the shirt was born. In *Ethnography of Altai and adjacent territories: Materials of the scientific-practical conference.* Barnaul: Barnaul Ped. Univ. Press, 2001, iss. 4, pp. 326–328 (in Russ.).

Shelegina O.N. Essays on the material culture of Russian peasants in Western Siberia (XVIII – first half of the XIX century). Novosibirsk: Nauka, 1992, 252 p. (in Russ.).

Sherstoboev V.N. Ilimskaya arable land. Plow of the Ilimsk province in the 17th and early 18th centuries. Irkutsk: Regional State Publ., 1949, vol. 1, 596 p. (in Russ.).

Shevelev G. About the grain-growers of Trans-Baikal and their economy. *Agricultural magazine,* 1831, No. 4, pp. 603–609 (in Russ.).

Shorokhov L.N. Agricultural practice and agro-technological knowledge of the economic peasants of Siberia in the 60's and 80's. XVIII century. In *Agricultural development of Siberia in the late XVII – early XVIII century. (Labor traditions of peasants).* Novosibirsk: Nauka, Sib. Branch, 1985, pp. 31–40 (in Russ.).

Slovtsov P.A. Historical review of Siberia. St. Petersburg, 1886, vol. 2, p. 202 (in Russ.).

УДК 397+398

В.А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: venariy@ngs.ru

Образ утки в традиционном мировоззрении хакасов

В статье впервые на основе полевых и литературных этнографических и фольклорных источников анализируются религиозно-мифологические представления хакасов, связанные с уткой. Хотя в ходе исследования делается вывод об отсутствии в хакасском обществе культа этой птицы, данное обстоятельство отнюдь не исключало сакрального отношения к ней, в частности к такому ее виду, как аат – турпан (огарь). В целом образу утки отводилось важное место в устном народном творчестве народа. Этот представитель пернатых обладал высоким семиотическим статусом. В традиционных воззрениях хакасов были распространены представления об утке как демиурге, священной и справедливой птице, олицетворении крепких семейных уз, а также воплощении женского начала. Все они являются лишь одним из элементов традиционной системы воззрений и взаимодействия человека с природой.

Ключевые слова*: хакасы, традиционное мировоззрение, миф, утка, устное народное творчество.*

V.A. Burnakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: venariy@ngs.ru

Image of the Duck in the Traditional Worldview of the Khakases

Based on field data and literary ethnographic and folklore sources, the article analyzes for the first time religious and mythological beliefs related to the duck among the Khakases. The study concludes that although there was no cult of this bird in the Khakas society, this circumstance did not exclude the sacred attitude towards the duck, in particular, to such type of this bird as aat-turpan (ruddy shelduck). The image of the duck played an important role in the oral folklore of the people. The duck had a high semiotic status. The perception of the duck as a demiurge, sacred and just bird, personification of strong family ties, as well as embodiment of the feminine principle were common in the traditional beliefs of the Khakases. All these notions are one of the elements in the traditional worldview and in the interaction of humans with nature.

Keywords: *Khakas, traditional worldview, myth, duck, oral folklore.*

В культуре хакасов особенное место отводилось образу утки (хак. *ӧртек*). Обозначенная тема привлекала внимание отдельных исследователей [Катанов, 1907; Дыренкова, 1929; и др.]. Несмотря на собранные этими учеными сведения о традиционных воззрениях, связанных с этой птицей, в хакасской этнографии практически не проводился анализ данного образа.

Как известно, утка, наряду с гусем, лебедем и пр. относится к категории водоплавающих птиц. Указанные пернатые – единственные из живых существ, которые имеют возможность свободно, без вреда для собственной жизни перемещаться по земле, воде и воздуху. Из зоологии известно, что для того чтобы поймать свою добычу, утка нередко ныряет на глубину до нескольких десятков метров. При этом она способна находиться под водой одну минуту и более. На глубине она чувствует себя уверенно, легко там передвигается, перебирая крыльями и лапками. Очевидно, что обозначенные зоологические особенности в немалой степени способствовали тому, что в традиционном сознании утка представлялась птицей, сопричастной трем сферам бытия: земле, воде и воздуху. В результате этого и сам ее образ был наделен признаками медиатора. Реликты данных воззрений выявляются в следующей народной загадке: «*Ӧртек суғда, хузуруғы чарда (хамыс, көпчек)*» – ‘Утка в море, хвост на заборе (ковш)’ [Доможаков, 1951, с. 83]. Посреднические функции утки в определенной мере наталкивают на мысль о сближении ее с образом коня – другим распространенным медиатором

в религиозно-мифологической традиции многих народов. Так, в хакасском фольклоре совершенно не случаен сюжет превращения коня (жеребенка) в золотую утку [Катанов, 1887, с. 229].

Сопричастность утки указанным природным объектам, вероятно, способствовала тому, что эта птица выступила в качестве одного из важнейших персонажей в космогонических мифах не только хакасов, но и многих других народов. Космогонический миф хакасов, где главным персонажем была утка, впервые был записан исследователем Н.Ф. Катановым. Ученый в своем повествовании сообщал о том, что в момент первотворения мира присутствовали лишь две утки. Одна из них послала вторую за песком (илом) на дно реки (моря). Доставленный песок толкла колотушкой в течение девяти дней. В результате образовалась земля, выросли большие горы и т.д. В дальнейшем утки метаморфизируются в двух главных персонажей хакасского пантеона – Худая и Эрлик-хана [Катанов, 1907, с. 552].

Вопреки тому, что образу утки отведена ключевая роль в космогонии, какого-либо ярко выраженного культа обозначенной птицы у хакасов все же не выявляется. Ни для одного хакасского рода – *сöök'а* она не является тотемом. В отношении нее и посредством ее не совершали каких-либо целенаправленных ритуалов. Ее образ не обнаруживается и среди культовых изделий – *тöс*, олицетворявших собой различных духов, в т.ч. и покровителей. И в шаманской обрядовой практике утка, в отличие от гуся, также никаким образом себя не проявляет. Вместе с тем отсутствие какого-либо ритуализированного к ней отношения отнюдь не означает, что хакасы относились к рассматриваемой птице индифферентно. Более того, утка, в частности такой ее вид, как турпан – огарь (хак. *аат*), в религиозно-мифологическом сознании хакасов воспринималась в качестве священной птицы – *ызых хус*.

По наблюдениям коренных жителей, турпаны часто совершают длительные путешествия и живут одиночными парами. Такое поведение пернатых существ было запечатлено в устном народном творчестве хакасов. Например, характеризуя дружные и неразлучные семейные пары людей, традиционно используют образы этих птиц: «*Аат ирепчі осхас ынаглар*» – 'Дружные, словно пара турпанов (огарей)' [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 20]. Помимо того, тема «турпаньей верности» находит свое выражение и в т.н. «звериных и птичьих песнях». В них ведется повествование от лица того или иного животного или пернатого. Певцы соответствующей манерой своего исполнения, звуками, мимикой и пр. должны были продемонстрировать слушателям их типичные черты и повадки. Так, в «песне турпана», представляющей собой инсценировку – дуэт парня и девушки, приведены соответствующие строки, убедительно характеризующие благородные качества этих птиц.

Девушка, олицетворяющая самку-турпана, поет: «Суженого моего самца если застрелят и съедят, то я не выйду замуж, пока не пропаду с голода!».

Парень, воплощающий собой самца-турпана, отвечает: «Любимую мою самку если застрелят и съедят, то я не женюсь, пока я не похудею и не полиняю!» [Катанов, 1907, с. 458].

Добавим и то, что непосредственно само мастерство певца в народе нередко сравнивается с образом утки, в частности с ее умением глубоко нырять в воду и высоко взлетать к небесам [Унгвицкая, Майногашева, 1972, с. 240].

В религиозно-мифологических представлениях народа *аат* – турпан, имеет высокий сакральный статус и относится к числу «проклинающих птиц» (хак. *харгысчыл хус*). Ввиду этого в хакасском обществе этот пернатый был строго табуирован для охоты. Нарушения традиции, как полагали, неминуемо приводило к печальным последствиям как для самого виновника, так и для близких ему людей. Подобные представления бытуют среди хакасов и по сей день. В результате полевых исследований удалось записать некоторые сведения об этих воззрениях: *Для каждого хакаса священной птицей являлся аат – турпан. Эту птицу никогда не стреляли. Аат высиживает два яйца. Считается, что если человек их увидит, не говоря о том, чтобы взять, то счастья ему не видать. Если человек убьет аат, то вторая птица его проклянет. Человек всю жизнь будет несчастен* (ПМА, 2000, с. У-Таштып, информант Н.П. Тобурчинов). *Есть птицы, которых хакасы называют аат – турпаны. Они всегда летают парно. И даже дружно живущих супругов называют аат. В этих птиц ни в коем случае нельзя стрелять. Один мужик подстрелил аат. Вскоре у него умерли братья. Жена, чтобы спасти себя и своих детей, ушла от него. В скором времени этот мужчина умер* (ПМА, 2000, с. Аскиз, информант Л.А. Чепчигашева). *Самой священной птицей хакасов является аат – турпан. Если кто-либо из людей ее подстрелит, то вскоре и сам умрет. На весь его род на многие века падет проклятье* (ПМА, 2000, с. Аскиз, информант А.Д. Асочакова (Доброва)). *Аат – это священная птица хакасов. Они всегда летают парами и до смерти друг другу верны. Если кто-то убьет одну из птиц, то и вторая вскоре погибает. Перед смертью она проклянет убийцу и его семью. Среди этих людей обязательно будет смерть* (ПМА, 2000, с. Аскиз, информант Н.Е. Тасбергенова (Тюкпеева)).

В мифологических представлениях хакасов турпаны обладают способностью производить волшеб-

ные яйца, из которых появляются крылатые собаки. Таковыми являются первые снесенные ими яйца. Согласно фольклору наиболее известным из крылатых псов был Хубай Хус, прославившийся своими незаурядными охотничьими способностями. Во время промысла от него не мог уйти ни один зверь, не могла улететь ни одна птица. В финале мифа животное тонет в озере. В традиционном сознании гибель Хубай Хус объяснялась тем, что «водяной дух забирает к себе собаку, т.к. она вышла из принадлежащей ему водной стихии и должна подчиняться своему господину» [Унгвицкая, Майногашева, 1972, с. 172]. Представленные мифологические воззрения нашли свое отражение в поговорке, обычно используемой в ситуации, когда ссорятся близкие люди: «*Аат чіли кін чіспеңер, адай чіли тӱк чіспеңер*» – ‘Не поедайте своих наследников, как турпаны, не грызите свою шерсть, как собаки’ [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 259, 276]. Раскрывая смысл данного выражения, отметим, что хакасы верили в то, что турпаны якобы для того, чтобы не допустить рождение крылатых собак, стали поедать свои первые снесенные яйца, отчего в Хакасии и перевелись эти чудесные животные [Там же].

В хакасском фольклоре утка наделена положительными чертами и представлена как праведная и вместе с тем хитроумная птица. Она своими мудрыми советами спасает от опасностей других, а также воздает по заслугам отрицательным персонажам [Катанов, 1907, с. 392–393; Утка, 1986].

В устном народном творчестве хакасов утка, как правило, воплощает собой женское начало. В молодежных игровых песнях и любовной лирике образы этой птицы и девушки чрезвычайно распространены и тесно взаимосвязаны [Катанов, 1907, с. 396, 397, 425; Хакас чонның тахпахтары, 1980, с. 32, 36].

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что образ утки занимал существенное место в мифологической системе хакасов. Ее образ наделялся широким семантическим полем, включавшим в себя представление о ней как медиаторе, демиурге, священной и справедливой птице, олицетворении крепких семейных уз, а также воплощении женского начала.

Список литературы

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского фольклора. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2008. – 376 с.

Доможаков В.И. Хакасские загадки // Зап. ХакНИИЯЛИ.– Абакан: Хакас. обл. гос. изд-во, 1951. – Вып. 2. – С. 60–84.

Дыренкова Н.П. Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири // Культура и письменность Востока. – Баку: Изд-во Всесоюз. центр. комитета нов. тюркс. алфавита, 1929. – Кн. 4. – С. 119–126.

Катанов Н.Ф. Сказания и легенды минусинских татар // Сиб. сб. – 1887. – Т. XXV. – С. 218–235.

Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). – СПб., 1907. – Т. 9. – 640 с.

Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1972. – 312 с.

Утка // Сказки народов СССР: в 2 т. – М.: Правда, 1986. – Т. 2. – С. 286–287.

Хакас чонның тахпахтары. Хакасские народные тахпахи. – Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. кн. изд-ва, 1980. – 132 с.

Хакасско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

References

Butanaev V.Ya., Butanaeva I.I. Mir khongorskogo (khakasskogo) fol’klora. Abakan: Khakas Univ. Press, 2008, 376 p. (in Russ.).

Domozhakov V.I. Khakasskie zagadki. *Zapiski Khakasskogo nauchno-issledovatel’skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. Abakan: Khakas Regional State Book Publ., 1951, iss. 2, pp. 60–84 (in Russ.).

Dyrenkova N.P. Ptitsa v kosmogonicheskich predstavleniyach turetskich plemen Sibiri. In *Kul’tura i pismennist’ Vostoka*. Baku: Vsesojuzniy tsentral’niy komitet novogo t’urkskogo alfavita Publ., 1929, pp. 119–126 (in Russ.).

Katanov N.F. Skazaniya i legendy minusinskikh tatar. In *Sibirskii sbornik*, 1887, vol. XXV, pp. 218–235 (in Russ.).

Katanov N.F. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyrkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym). St. Petersburg, 1907, vol. 9, 640 p. (in Russ.).

Khakas chonnyn takhpakhtary. Khakasskie narodnye. Abakan: Khakas Office Krasnoyarsk Book Publ., 1980, 132 p. (in Russ.).

Khakassko-russkii slovar’. Novosibirsk: Nauka, 2006, 1114 p. (in Russ.).

Ungvitskaya M.A., Mainogasheva V.E. Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo. Abakan: Khakas Office Krasnoyarsk Book Publ., 1972, 312 p. (in Russ.).

Utka. In *Skazki narodov SSSR*: in 2 vol. Moscow: “Pravda” Publ., 1986, vol. 2, 592 p. (in Russ.).

УДК 398.3

О.В. Голубкова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Культ Святого Николая в народных верованиях ижемских коми: актуализация и стратегии сохранения образа

Статья написана на основе полевых материалов автора, полученных у ижемских коми в Республике Коми и на Сибирском Севере (в ХМАО – Югра, ЯНАО) в 2000-х гг. Святой Николай у северных коми является одним из наиболее популярных святых. С его именем связаны легенды и былички, в которых святой Угодник предстает в образе полифункционального божества, не всегда связанного с православным культом. Народно-христианский образ Чудотворца совместил функции родового духа-покровителя и грозного лесного хозяина, способного управлять стихиями – ветром, огнем и водой. Вероятно, более позднее (чем у русских) принятие христианства стало причиной переноса языческих представлений на святого Николая и особенно яркого их воплощения в нем, обеспечив жизнеспособность его образа в традиционной культуре ижемских коми.

Ключевые слова: *народное христианство, Николай Угодник, Чудотворец, коми-ижемцы, обские коми, родовой покровитель, лесной хозяин, нечистая сила.*

O.V. Golubkova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Cult of Saint Nicholas in the Popular Beliefs of the Izhma Komi: Actualization and Strategies for Image Preservation

The article is based on author's field materials which were obtained from the Izhma Komi in the Komi Republic and in the Siberian North (The Khanty–Mansi Autonomous Okrug and the Yamalo–Nenets Autonomous Okrug) in the 2000s. St. Nicholas is one of the most popular saints among the northern Komi. St. Nicholas appears in many legends and traditions of the Komi as a multifunctional deity, not always associated with the Christian Orthodox cult. Popular Christian image of Nicholas the Wonderworker combined the functions of the family patron spirit and threatening forest master who was able to control the natural elements – wind, fire, and water. Later adoption of Christianity by the Komi compared to the Russians might have resulted in transferring of pagan beliefs to St. Nicholas, who became their particularly vivid embodiment. This ensured the viability of his image in the traditional culture of the Izhma Komi.

Keywords: *popular Christianity, Saint Nicholas, Wonderworker, Komi Izhma, the Ob Komi, patron saint, forest master, devilry.*

Святой Николай (Никола или Микола-угодник, Чудотворец) – один из ключевых образов народного христианства и наиболее почитаемый святой в России. Подробное исследование культа святого Угодника в народно-христианских воззрениях русских, основанное на фольклорном, лингвистическом, этнографическом и иконографическом материалах, включающее реконструкции славянского язычества, было проведено Б.А. Успенским, который доказал, что культ святого Николая вобрал часть функций бога Волоса (Велеса) – противника громовержца, одного из ключевых персонажей исходного (грозового) мифа, связанного с нижним миром, водной стихией, скотом, богатством, плодородием [1892, с. 3–186]. К народам коми культ святого Николая (включающий не только канонический образ, но и народно-христианские, восходящие к язычеству, мотивы) пришел вместе с православием от русских, и также является одним из самых популярных и любимых святых [Мифология..., 1999, с. 236–238].

Согласно полевым материалам (ПМА), записанным у северных коми в Ижемском р-не Республики Коми (с. Ижма, д. Бакур, с. Сизябск), а также в ХМАО – Югра (пос. Березово, с. Саранпауль,

пос. Сосьва) и ЯНАО (с. Мужи, с. Шурышкары, пос. Овгорт), в начале XXI в. культ святого Николая не утратил свой актуальности. К этому святому принято обращаться как к «скорому помощнику» и покровителю дома, семьи, детей, охотников, оленеводов, путешественников. Считается, что он помогает в любых начинаниях и трудах. *Когда я иду на тяжёлую работу, обязательно перекрещусь и попрошу святого Миколая: «Милостливый Микола, помоги мне то сделать». Тогда все получается* (ПМА: Бакур, 2003). *Он всегда помогает. Была в церкви, отстояла службу, ноги заболели, не могу идти. Помолилась святому Угоднику, и он довел меня из церкви домой. Как довел? Да ноги стали легкими, и не заметила, как дошла* (ПМА: там же). Особенным покровительством святого Николая – патрона дорог и путников – пользовались люди, находящиеся в пути. *Отправляясь в дорогу, нужно перекреститься и сказать: «Святой Микула, хорошо меня води». Тогда удачная дорога будет* (ПМА: Ижма, 2003). *Перед дальней дорогой нужно молиться святому Николаю. Он помогает в пути, в тайге не даст заблудиться, к дому выведет* (ПМА: Сосьва, 2011). *Микола Угодник помогает рыбакам, охотникам, оленеводам с оленями, от диких зверей и от всякой нечисти бережет, нечистая сила его боится* (ПМА: Шурышкары, 2011).

Святой Николай, по представлениям ижемских коми, обладает особым статусом защитника детей. *Святой Николай самый добрый, он охраняет. Вот у нас мама в хате оставляла детей маленьких и всегда просила Николая-угодника о защите. И всё благополучно было, ничего не случалось* (ПМА: Сизябск, 2003). *Одна женщина оставила маленьких детей одних дома. Пришла домой, а там пожар был, уже потушен. Дети ей говорят: «Пришёл дяденька с седыми волосами, помахал на огонь и всё потушил». Это был Николай Чудотворец, эта женщина всегда ему молилась, его икона в доме была* (ПМА: Бакур, 2003). *Когда ребенка одного оставляешь, обязательно нужно у него в ногах положить нож или ножницы. Их* (*младенцев.* – О. Г.) *могут подменить лесные люди, это нечистая сила здесь живет. У нас родственница оставила ребеночка и пошла по хозяйству хлопотать, а ничего железного рядом не положила. Вдруг видит, черная тень у дома мелькнула. У нее сердце обмерло, всё бросила и бегом в дом. А там над ребенком незнакомый старик стоит, седой, весь в белом, кроватку качает, а ребенок спит. От старика этого будто свет исходит. Погрозил ей пальцем и исчез. Она узнала, что это сам Микула Чудотворец, в комнате его икона висела. Он из иконы както вышел и защитил ребенка от нечистой силы, не дал им подменить* (ПМА: Овгорт, 2004).

Известны сюжеты, в которых святой Николай спасает тонущих людей. *Муж и жена с маленьким ребенком поплыли в лодке. И у них выпал в воду ребёнок. Жена говорит: «Надо в церковь идти, молиться Николаю Чудотворцу, чтобы ребёнка нашего спас». Повернули обратно к берегу, заходят в церковь, а в церкви их ребёнок сидит* (ПМА: Бакур, 2003). В одной из быличек обских коми рассказывается об оленеводе, который пошел на охоту, провалился под лед и стал тонуть. Вдруг откудато появился седой старик, протянул ему свой посох и вытащил из воды. Охотник, желая потом отблагодарить своего спасителя, спросил у него, где тот живет. Старик ответил, что на земле его можно увидеть только в большой каменной церкви Миколы-угодника в городе Салехарде. Когда охотник появился в церкви, то он узнал спасшего его старика на иконе [Мифология..., 1999, с. 238].

Святой Николай также выступает в роли огнеборца, способного управлять природными стихиями: ветром, грозой. Иконы с изображением Николы Угодника выносили во время пожара, используя их как магическое средство борьбы с огненной стихией. *Святой Микула самый популярный у нас бог. Во всём помогает, спасает людей, от пожара защитник. Когда пожар, вынесут образ Миколы лицом к ветру, ветер тогда повернёт в нужном направлении и огонь затушит. Лицом надо образ повернуть и ветер тогда в другую сторону подует* (ПМА: Бакур, 2003). *Был у нас пожар, дом горел. Вынесли образ святого батюшки Микулы. Ветер в другую сторону повернул и задул огонь* (ПМА: там же). *Больше всего обращаются к святому Миколе. Даже когда гроза, не Илью просят защитить, а Микулу Милостливого. Он от грозы и от огня оберегает. Нужно каждый день молитву читать: «Микула Милостливый, сохрани меня. Аминь»* (ПМА: Ижма, 2003).

Иконы Николая-угодника у народов коми относились к особо чтимым, правда с одной оговоркой, касающейся коми-пермяков: «если на вновь приобретенной иконе обнаруживалась надпись «Николай Чудотворец», она немедленно удалялась из дома, ввиду ассоциаций из-за созвучия слов «чудотворец» и чудь, которым коми-пермяки называли всевозможных духов и нечистую силу вообще» [Мифология..., 1999, с. 238]. У ижемских коми таких ассоциаций не обнаружено, несмотря на то, что сохранились верования о *чудах* – злобных духах нижнего мира [Максимов, 1984, с. 421; Рочев, 1985, с. 7–21; Несанелис, 2006, с. 52; Лимеров, 2009, с. 88–90]. Более того, встретилось высказывание о том, что наименование «Чудотворец» означает присутствие божественного начала, защищающего от нечистой силы. *В доме должны быть*

иконы, без икон нечистая сила проникает. Самые главные святые – боженька Иисус Христос, Дева Мария Богородица и Микола Чудотворец. Чудотворец – это значит, что он чудеса творит, большая сила в нем божественная. Миколу Чудотворца нечистая сила ой как боится, это уже точно проверено (ПМА: Березово, 2006).

У обских коми в с. Мужи была записана легенда, повествующая о святом Николае, который предстает в образе лесного хозяина. *Жила в селе одна богатая женщина. Пришла она к подружке и говорит: «Пошли в лес по ягоды». А у той подружки было пятеро детей, она жила очень бедно, достатка не было. Она и говорит: «Чё в лес-то ходить? Грех это, сегодня ведь праздник». А богатая подружка: «Праздник и праздник. Ягоды собирать ведь не тяжёлая работа». И пошли они в лес. Ягоды собирают, и богатая женщина куда-то потерялась. Бедная подружка бегает, кричит, весь день её искала, нигде нет, пропала подружка. Идёт бедная женщина, плачет. Ягоды, которые собрала, несёт. А тут сидит на пеньке старичок седой, это был Николай Чудотворец. Он показывается только безгрешному человеку, молитвенному. А грешному не покажется. Спрашивает у неё: «Ты где была?» А она: «Да вот, мы с подружкой ходили по ягоды, и она затерялась. Или может, она уже домой пришла?» Он говорит: «Нет, её нету дома. Она в лесу осталась, не придёт. А ты домой идёшь, несёшь своим детям ягоды? Дойдёшь до речки, до Югана, садись и посмотри в свой котелок». Она дошла до речки. Котелок-то у неё завязан был, чтобы ягоды не рассыпались. Она села, развязала, а там не ягоды, а одни только маленькие змейки. Полный-полный котелок. Кипят там, шипят. Она котелок бросила и с пустыми руками домой пришла. Это потому что в праздник по ягоды ходила. Никогда в праздник в лес не ходи, на то есть будний день. Потом люди ходили в лес искать подружку, которая не вернулась. Дошли до того места, где старичок сидел на пеньке, а там женщина каменная стоит с ведёрочком. Как памятник. Окаменела. Бедной-то Николай Чудотворец простил, что в праздник по ягоды ходила, а богатую в камень превратил. Ей-то нужды не было никакой, богатой-то, только прихоть была в праздник в лес идти* (ПМА: 2004). В этой сказке проявляются архаичные, далекие от образа христианского святого, черты хтонического божества, которое может жестоко наказать, напустить змей, превратить человека в камень.

Народно-христианский культ святого Николая был транслирован русскими вместе с православием и, переплетаясь с верованиями коми, обрел некоторые локальные черты, стал неотъемлемой частью традиционной культуры коми. В верованиях ижемских коми Николай-угодник совмещает функции святого, родового покровителя (духа-предка), хранителя дома, защитника детей, спасителя попавших в беду людей и грозного, но справедливого лесного хозяина. Он может управлять стихиями – ветром, огнем и водой, его боится нечистая сила, ему подчиняются животные (дикие звери, змеи), он обладает правом карающего божества, но в то же время считается милостивым и добрым «богом». В культе святого Николая сосредоточены черты домового и лешего, которые в народных верованиях северных коми нередко доминируют над образом христианского святого. Возможно, более позднее (чем у русских) принятие народами коми православия стало причиной переноса языческих представлений на святого Николая и особенно яркого их воплощения в нем, обеспечив жизнеспособность его полифункционального образа в традиционной культуре, что является одним из способов сохранения и актуализации архетипов.

Список литературы

Лимеров П.Ф. Образ чуди в коми фольклоре // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гум. науки. – 2009. – № 1/2 (63). – С. 81–90.

Максимов С.В. Год на Севере. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. – 605 с.

Мифология коми. – М.; Сыктывкар: Изд-во ДИК, 1999. – 480 с. – (Энциклопедия Уральских мифологий; т. I.).

Несанелис Д.А. Традиционные формы символического поведения народов Европейского Севера России. – Архангельск: Поморск. ун-т, 2006. – 153 с.

Рочев Ю.Г. Национальная специфика коми преданий о чуди. – Сыктывкар, 1985. – 28 с. – (Сер. Препринтов «Научные доклады» / Коми фил. АН СССР; вып. 124).

Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 248 с.

References

Limerov P.F. Obraz chudi v komi fol'klore. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki.* 2009, No. 1/2 (63), pp. 81–90 (in Russ.).

Maksimov S.V. God na Severe. Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoye knizhnoye izdatelstvo, 1984, 605 p. (in Russ.).

Mifologiya komi. Moskow; Syktyvkar: DIK Publ., 1999, 480 p. – (Entsiklopediya Ural'skikh mifologii; vol. I) (in Russ.).

Nesanelis D.A. Traditsionnye formy simvolicheskogo povedeniya narodov Evropeiskogo Severa Rossii. Arkhangel'sk: Pomorskii Univ. Press, 2006, 153 p. (in Russ.).

Rochev Yu.G. Natsional'naya spetsifika komi predanii o chudi. Syktyvkar, 1985, 28 p. ("Nauchnye doklady" / Komi filial AN SSSR; iss. 124) (in Russ.).

Uspenskii B.A. Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostei. Moskow: Moskow Univ. Press, 1982, 248 p. (in Russ.).

УДК 130.2; 391/395

М.А. Жигунова[1], Д.Е. Крапчунов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: marizh.omsk@mail.ru

Свадьба русских старожилов Сибири: опыт современной реконструкции

Используя междисциплинарный подход (история, этнография, культурология, фольклористика, социология, музееведение, музыкология), авторы рассматривают современные возможности и трудности возрождения традиционного свадебного обряда русских старожилов Сибири. В статье на основе методов непосредственного и включенного наблюдения, этносоциологических опросов проанализированы различные варианты свадебных реконструкций, выявлены традиционные элементы, которые сегодня воспроизводятся чаще всего. Авторы делают вывод о том, что в наше время отношение к свадебному обряду неоднозначно: есть как сторонники, так и противники проведения свадеб (в т.ч. в русле русских народных традиций). Между тем именно свадебный обряд является наиболее этнически маркированным элементом культуры, что позволяет его участникам сохранять свою традиционную идентичность.

Ключевые слова: *свадебный обряд, русское население Сибири, этнокультурная идентичность, возрождение традиций, история и современность.*

M.A. Zhigunova[1], D.E. Krapchunov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]National Research Tomsk State University
E-mail: marizh.omsk@mail.ru

Wedding of the Russian Old Dwellers in Siberia: Modern Reconstruction

Following a multidisciplinary approach (history, ethnography, cultural studies, folklore studies, museology, music studies), the authors discuss the present-day opportunities and challenges of reviving traditional wedding ritual of the Russian Old Dwellers of Siberia. Based on the methods of direct and participant observation, and ethno-sociological interviews, the authors analyze various variants of wedding reconstruction and identify traditional elements of the wedding which are reproduced most frequently in the modern times. The article concludes that the contemporary attitude to the wedding ceremony is ambiguous: there are both proponents and opponents of conducting weddings (including those following Russian popular traditions). However, exactly the wedding ceremony is the most ethnically marked element of culture, allowing the participants of the ritual to sustain their traditional identity.

Keywords: *wedding ceremony, Russian population of Siberia, ethno-cultural identity, revival of traditions, history and modern time.*

Несмотря на то, что среди семейных обрядов свадебный является наиболее исследованным, его изучение по-прежнему актуально, поскольку сохраняется особая значимость и чрезвычайная вариативность свадебных церемоний. Свадебный обряд в современной жизни выступает одним из ярких способов этнокультурной идентификации. Поэтому изучение свадьбы не только представляет академический интерес, но и имеет первостепенное значение при актуализации и популяризации корневого опыта реконструкции различных составляющих традиционной культуры, сохранении нематериального культурного наследия.

Как многогранное явление традиционной культуры и современного общества свадьба привлекает внимание исследователей различных

специальностей [Захарченко, Мельников, 1983; Карташов, 2013; Русский народный свадебный обряд, 1978; Русский семейно-обрядовый фольклор..., 2002]. Разноплановые аспекты свадебной тематики русских сибиряков представлены в работах Ю.В. Аргудяевой, П.Е. Бардиной, М.А. Жигуновой, А.А. Лебедевой, Т.А. Листовой, В.А. Липинской, А.В. Сафьяновой, Л.А. Явновой и мн. др. Большое внимание исследователи уделяли фиксации, анализу, целостному изучению феномена свадьбы, семантике и динамике его составляющих. Вопрос достоверности воссоздания русского народного свадебного обряда остается малоизученным.

Используя междисциплинарный подход, мы рассматриваем современные возможности и трудности возрождения традиционного свадебного обряда русских старожилов Сибири. Мы анализируем представления о свадьбе, различные варианты свадебных реконструкций, мест их проведения, состав и количество участников, фольклорное сопровождение, выявляем традиционные элементы свадьбы, которые воспроизводятся чаще всего. Работа базируется на экспедиционных материалах, собранных в 1985–2017 гг. Также используется опыт реконструкции, сценической репрезентации и проведения 37 свадебных церемоний с «народной составляющей» в Барнауле и Бийске Алтайского края, Великом Новгороде, Новосибирске, Омске, Большеречье, Больших Уках и Калачинске Омской обл., Сургуте Ханты-Мансийского автономного округа, Прокопьевске Кемеровской обл., Томске. Дополнительными источниками послужили музейные и частные собрания, сведения, полученные в архивах ЗАГС, Сибирского культурного центра, филологических факультетов Омского государственного университета, Омского государственного педагогического университета и Томского государственного университета. Основными методами являлись этносоциологические и экспертные опросы, непосредственное и включенное наблюдение, изучение музейных и архивных фондов, свадебных сценариев и церемоний.

В 1980-х гг. проблема внедрения новой свадебной обрядности находилась в центре внимания официальных органов культуры [Макашина, 1995, с. 155]. В конце 1980-х гг. происходит всплеск этнического и религиозного самосознания, возрастает интерес к проведению свадеб в русле русских народных традиций. Но зачастую эти торжества не имели почти ничего общего с настоящей традицией, поскольку их сценарии буквально придумывались и не учитывали этническую и региональную специфику. Ситуация изменилась в 1990-е гг., когда широкое распространение получило фольклорное движение и повсеместно стали создаваться Центры традиционной русской/славянской культуры. Современное отношение к свадьбам неоднозначно: есть как сторонники, так и противники данного обряда. Около 70 % опрошенной молодежи в возрасте 16–30 лет довольно скептически относятся к традициям. Среди ассоциаций со словом «свадьба» встречаются и негативные («суета», «нервы», «неловкость», «пустая трата денег»).

Научно-исследовательская и творческо-экспериментальная деятельность по изучению региональной традиции требует объединения усилий целого коллектива различных специалистов, а также содействия местных органов власти. В качестве уникального примера можно привести научно-методическое пособие для работников культуры и образования «Русский народный праздник» [2006]. В подготовке этого издания приняли участие этнографы, фольклористы, музыковеды, режиссер досуговых программ и технолог швейного производства. Они представили основные составляющие праздника: обряды и фольклор, традиционную пищу с рецептами, одежду со схемами раскроя, иллюстративный материал.

Существенную помощь в реконструкции свадебных обрядов оказывают музейные учреждения [Жигунова, 2013]. Наиболее аутентичными и зрелищными следует признать свадебные действа, которые проводятся на территории музеев под открытым небом (например, в «Тюльбергском городке» и «Старине Сибирской»). Здесь посетителям предлагают театрализованные экскурсии: «Сибирские свадьбы», «Сватовство», «Девичник», «Выкуп невесты». Последний обряд пользуется особой популярностью: молодожены часто заказывают его в день своей свадьбы (в 2012 г. он проводился 31 раз). В 2007 г. в Историко-культурном центре «Старый Сургут» состоялся Международный семинар-практикум свадебных обрядов, где наряду с обсуждением общетеоретических вопросов проходили мастер-классы по изготовлению свадебной атрибутики. В «Сибирском культурном центре» функционирует мастерская «Этностиль», где воссоздаются традиционные свадебные наряды. Свадьба стала главной темой XIV межрегионального праздника традиционных ремесел «Покровская ярмарка» (Омск, 2017). Здесь были представлены фрагменты традиционного обряда, а также свадебные наряды, песни, игры, блюда, подарки. В фотосалоне можно было сфотографироваться в традиционных свадебных одеждах.

Провести полноценную реконструкцию свадебного обряда невозможно без соответствующего музыкального оформления. Для этого используются как современные, так и традиционные произ-

ведения. Существенную помощь в этом оказывают фольклорные коллективы. Но и в них зачастую возникает проблема найти подходящего гармониста (не все способны чувствовать и не сбивать нужный темп, играть на протяжении длительного времени без перерыва). Следующая проблема – заметное сокращение количества людей, знающих народные песни и танцы и умеющих их исполнять. Зачастую именно участникам фольклорных коллективов поступают заказы на проведение второго дня свадьбы или отдельных обрядов.

Из традиционных элементов свадьбы чаще всего воспроизводятся сватовство, рукобитье, девишник, сборы к венцу, браньё (выкуп), благословение и величание молодых, встреча от венца/регистрации, осыпание хмелем и зерном, окручивание молодой, княжий стол, свадебное ряженье, поцелуйные игры, блины, сор/мусор. В совершении свадебных обрядовых действий принимают участие не только родственники, но и друзья, знакомые, соседи, товарищи по учебе, коллеги по работе, участники фольклорных коллективов, а также все желающие (если показательная свадьба проходит в рамках фольклорного фестиваля/этнофорума). Существенное значение имеют и материальные возможности: одни предпочитают скромное семейное торжество, другие приглашают более сотни гостей на выездную регистрацию в загородный отель.

В современном мире отношение к свадебному обряду неоднозначно, часть современной молодежи довольно скептически относится к традициям и предпочитает совместное проживание без свадьбы и регистрации брака. У многих молодоженов жизнь до брака и после сегодня ничем не отличается. В традиционной свадьбе именно обрядовые действия свидетельствовали об изменении статуса молодых, их переходе в разряд женатых мужчин и замужних женщин. Не случайно еще в прошлом веке встречались случаи, когда молодые сначала играли свадьбу, а потом расписывались. И сегодня встречаются подобные варианты. Кроме того, иногда люди, прожившие вместе по 10–20 лет и имеющие детей, желают «сыграть настоящую свадьбу». Это свидетельствует о том, что именно сам свадебный обряд, а не регистрация в отделе ЗАГС, является главным событием и характерным обрядом перехода, сохраняющим свою значимость в современном обществе (родины–крестины и похороны оказались слишком унифицированы и ассимилированы в глобализированной среде).

Необходимо признать, что возрождение традиционной свадьбы в современности может быть лишь условным. С одной стороны, возможна экспериментальная прикладная реконструкция с целью изучения обряда, с другой – свадьба, а точнее – ее фрагменты, может быть воспроизведена в рамках сценической концертной или туристической деятельности. Между тем, встречаются и варианты полной реконструкции старожильческой свадьбы. Большинство современных свадеб ничем не отличается от других видов праздников: то же место проведения (ресторан, кафе), большое количество гостей, стандартизированное меню, ведущий (тамада), музыкальное сопровождение, типовой культурно-массовый набор развлечений. Поэтому потребность в возрожденных свадебных традициях растет. Именно свадебный обряд является наиболее этнически маркированным элементом культуры, что позволяет его участникам сохранять свою традиционную идентичность. Таким образом, через реконструкцию, разработанную и выполненную профессионалами, возможно не только возрождение русских традиций, но и сохранение, и передача новым поколениям культурного кода русских сибиряков.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Жигунова М.А. Свадебная тематика в современной музейной деятельности Западной Сибири // Роль музеев в формировании и трансляции региональной идентичности. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 90–99.

Захарченко В.Г., Мельников М.Н. Свадьба Обско-Иртышского междуречья. – М.: Сов. композитор, 1983. – 224 с.

Карташов А.А. Историко-этнографический аспект изучения традиционной свадебной культуры // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 2 (48). – С. 150–153.

Макашина Т.С. Русская свадьба: создание современного образа и традиция // Русские народные традиции и современность. – М.: Наука, 1995. – С. 154–174.

Русский народный праздник: научно-методическое пособие для работников культуры и образования / В.Ю. Багринцева, М.А. Жигунова, Т.Н. Золотова, В.В. Конаков, О.Г. Сидорская, Т.М. Репина; отв. ред. М.А. Жигунова, Н.А. Томилов. – Омск: Издат. дом «Наука», 2006. – 284 с.

Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / ред. К.В. Чистов, Т.А. Бернштам. – Л.: Наука, 1978. – 280 с.

Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть / сост. Р.П. Потанина, Н.В. Леонова, Л.Е. Фетисова. – Новосибирск: Наука, 2002. – 551 с.; ил., фото, ноты, компакт-диск. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, т. 22).

References

Kartashov A.A. Istoriko-etnograficheskii aspekt izucheniya traditsionnoi svadebnoi kul'tury. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2013, No. 2 (48), pp. 150–153 (in Russ.).

Makashina T.S. Russkaya svad'ba: sozdanie sovremennogo obraza i traditsiya. In *Russkie narodnye traditsii i sovremennost'*. Moscow: Nauka, 1995, pp. 154–174 (in Russ.).

Russkii narodnyi prazdnik: nauchno-metodicheskoe posobie dlya rabotnikov kul'tury i obrazovaniya / V.Yu. Bagrintseva, M.A. Zhigunova, T.N. Zolotova, V.V. Konakov, O.G. Sidorskaya, T.M. Repina. Omsk: Izdatel'skii dom "Nauka", 2006, 284 pp. (in Russ.).

Russkii narodnyi svadebnyi obryad: issledovaniya i materialy / eds. K.V. Chistov, T.A. Bernshtam. Leningrad: Nauka, 1978, 280 pp. (in Russ.).

Russkii semeino-obryadovyi fol'klor Sibiri i Dal'nego Vostoka: Svadebnaya poeziya. Pokhoronnaya prichet' / eds. R.P. Potanina, N.V. Leonova, L.E. Fetisova. Novosibirsk: Nauka, 2002, 551 p.; il., foto, noty, kompakt-disk (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; vol. 22) (in Russ.).

Zakharchenko V.G., Mel'nikov M.N. Svad'ba Obsko-Irtyshskogo mezhdurech'ya. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1983, 224 pp. (in Russ.).

Zhigunova M.A. Svadebnaya tematika v sovremennoi muzeinoi deyatel'nosti Zapadnoi Sibiri. In *Rol' muzeev v formirovanii i translyatsii regional'noi identichnosti*. Novosibirsk: Parallel', 2013, pp. 90–99 (in Russ.).

УДК 39(=581.19)

С.А. Комиссаров[1], А.А. Фролова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: sergai@mail.ru

Дунгане: этнос внутри этноса

В статье представлены основания для выделения этноса «дунгане» в составе более крупной этноконфессиональной общности «хуйцзу» на территории Китая. Хотя ислам появляется в Поднебесной еще в VII в., но массовое распространение среди собственно китайцев (что и дает начало хуйцзу) он получает на этапе позднего Средневековья. Тогда же в одном из регионов проживания китайцев-мусульман в Ганьсу и Западной Шэньси складывается общность с более тесными внутренними связями. Ее члены говорили на одном языке (диалекте), имели свой фольклор, более строго соблюдали требования шариата в одежде и пище, вместе прошли через суровые политические катаклизмы. Именно за ними следует закрепить этноним «дунгане», о происхождении которого высказываются разные мнения. С ними тесно связаны дунгане, проживающие в настоящее время в государствах Средней Азии.

Ключевые слова: *ислам в Китае, этноконфессиональная общность, дунгане, этноним.*

S.A. Komissarov[1], A.A. Frolova[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: sergai@mail.ru

The Dongan people: An Ethnos Inside the Ethnos

The article presents the reasons for identifying the ethnic group of "Dongans" within the larger ethno-confessional Huizu community on the territory of China. Although the Islam reached the borders of China already in the 7th century, this religion became widespread among the Chinese (in effect triggering the emergence of the Huizu) only in the Late Meddle Ages. At the same period, in one of the regions where the Chinese Muslims were living (Gansu and Western Shaanxi), a community with more close internal connections started to emerge. The members of the community spoke the same language (dialect), had their own folklore, and more strictly followed the requirements of Sharia law in terms of food and clothing; together they passed through severe political upheavals. The ethnic name "Dongan" (whose origins are still under discussion) should be applied to this group, which has close relations with Dungan people currently living in the states of the Middle Asia.

Keywords: *islam in China, ethno-confessional community, Dongans, ethnonym.*

Для обозначения китайских мусульман в научной и общественно-политической литературе (особенно в России) часто используется термин «дунгане», что, на наш взгляд, не вполне корректно. Чтобы лучше понять значение этого этнонима, следует обратиться к истории распространения ислама в Китае, которое привело к образованию большой этноконфессиональной общности хуйцзу.

В становлении этого народа выделяются два периода (см.: [Chang, 1987; Кузнецов, 1996]). Первый соответствует династии Тан (618–907). Предками современных хуйцзу считаются арабы, персы, согдийцы и даже тюрки, а также их дети от браков с китаянками. После того, как халифская армия была в 751 г. остановлена в битве при Таласе (несмотря на выигранное сражение), мусульмане продолжили свое продвижение на восток уже в качестве торговцев и проповедников. В VIII в. арабские и персидские купцы выступали посредниками в морской торговле между Китаем и странами исламского мира. Отправляясь из Персидского залива, они причаливали в китайских портовых городах Гуанчжоу (где была построена первая мечеть), Цюаньчжоу, Янчжоу. Ка-

раваны шли также по Великому шелковому пути в столицу империи г. Чанъань. Чужеземцам разрешалось исповедовать свою религию, их привлекали на государственную службу, командировали к северным границам для защиты государства от внешних вторжений. Вместе с тем они считались «варварами» и не являлись подданными Поднебесной.

Второй период в истории китайских мусульман начинается с правления династии Юань (1271–1368). В эпоху монгольского владычества они несли военную службу и занимали высокие посты в администрации. Изменился социальный статус мусульман, которые стали частью привилегированного сословия – т.н. «людей с цветными глазами» (*сэмужэнь*). Престижная религия постепенно проникала в среду ханьского городского населения. Параллельно осуществлялась колонизация северо-западных районов крестьянами, принявшими ислам. В годы правления династии Цин маньчжурские императоры стали проводить политику дискриминации мусульман, что привело к целой серии вооруженных конфликтов. В результате подавления наиболее крупного восстания 1862–1877 гг. большая группа хуйцзу из провинций Ганьсу и Шэньси бежала на территорию Средней Азии под защиту Российской империи.

После образования КНР в 1949 г. хуйцзу были выделены в самостоятельную нацию. Они обрели автономию как в рамках Нинся-Хуэйского автономного района (где по данным последней переписи 2010 г. проживало чуть меньше 2,2 млн чел. из общего числа почти 10,6 млн китайцев-мусульман), так и в многочисленных административных образованиях уровня округа (2), уезда (11), района (4), волости (143) по всей территории страны – и на севере, и на юге.

Однако по внешнему облику хуйцзу из разных районов Китая заметно отличаются друг от друга. Например, на Севере мусульманки часто носят хиджаб, тогда как на о. Хайнань мусульманские женщины своими пестрыми нарядами, равно как и родом некоторых занятий, больше напоминают цыганок. И такие различия можно перечислять достаточно долго. Поэтому выдающийся российский этнограф А.М. Решетов [1972] считал, что хуйцзу вряд ли можно выделить в особый этнос. По его мнению, только переселенцы в Среднюю Азию в условиях иноязычного тюркского окружения конституировались в нацию под названием «дунгане», которая насчитывает ок. 100 тыс. чел. Основой дунганского языка послужили ганьсуский и отчасти шэньсиский диалекты китайского, однако иероглифику заменило алфавитное письмо, сначала на основе арабской графики, затем латиницы, а с 1953 г. – кириллицы. На дунганском языке создается разнообразная документация и художественная литература, печатается в Бишкеке газета «Хуэймин бо» («Газета народа хуэй»), которая прежде называлась «Шийүэди чи» («Октябрьское знамя»).

Существуют разные точки зрения на происхождение дунган (см.: [Курбанов, 2006]), а также на закрепившийся за ними этноним, который не был самоназванием. Так жители Средней Азии называли переселенцев-мусульман, пришедших с «востока» в 70-е гг. XIX в. («дунфан», восток, в ганьсуском произношении превратился в «дуньгань») [Ху Сяопэн, Ша Юн, 2007]. Однако этнос с названием «тунгане» или «дунгане» зафиксирован в источниках намного раньше. Исследователи связывали его этимологию с тюркским корнем «дун», который, в свою очередь, являлся переводом китайского «хуй» и трактовался как «обратившиеся» (в ислам); другая гипотеза возводила этноним к названию монголо-тибетского государства (и народа) Тогон. Эти гипотезы следует принять во внимание, поскольку они фиксируют участие тюрков и монголов в становлении дунганской этнической общности. Но, пожалуй, наибольшую популярность приобрела в последнее время концепция проф. Хай Фэн [2005], которая связала происхождение этнонима с термином «тунькэнь», означавшим «[военные] поселения на вновь осваиваемых землях». Они активно создавались цинскими правителями на территории Синьцзяна, а в качестве поселенцев в основном рекрутировались китайские крестьяне из северо-западных провинций, давно исповедовавшие ислам. Ряд культурных особенностей, отличающих дунган от окружающих народов, сложился еще на этапе проживания их предков на территории Ганьсу и Западной Шэньси. Поэтому данный этноним следует, на наш взгляд, связывать не только со среднеазиатской общностью, но и с группой ганьсуских и шэньсиских хуйцзу, послуживших основой для формирования дунганской национальности (однако этот этноним не распространяется на хуйцзу в целом).

Материальная и духовная культура дунган в основных чертах воспроизводит исламскую основу и при этом имеет китайскую специфику. Представители этого народа в основном являются суннитами-ханафитами, часть которых (до 20 %) в XIX в. перешли в более радикальный ваххабитский мазхаб [The Hui.., 2016]. Примерно столько же составляют сторонники суфизма – исламского мистицизма, в основном распространенного именно в северо-западных районах [Min Ke-qin, 2014].

Это религиозно-философское учение, представленное братствами Кадирие, Накшбандие, Кубравие, оформилось в Китае на основе взаимодействия ислама с идеями конфуцианства, даосизма, буддизма и традиционных китайских верований.

В дунганских районах обязательно есть мечети, которые служат центрами отправления религиозной деятельности и мусульманского образования. В основу их проектирования часто положен один из принципов традиционной китайской архитектуры «сыхэюань» («двор, закрытый с четырех сторон»). В состав религиозных комплексов включались такие элементы традиционной китайской архитектуры, как мемориальные арки, декоративные башни и беседки. На барельефах и в резьбе встречаются изображения журавля – даосского символа бессмертия; лотоса – символа чистоты и просветления в буддизме, дракона и летучей мыши – китайских символов власти и удачи [Комиссаров, Азаренко, Тимонова, 2011, с. 150–154].

Одежда дунган (особенно мужская) мало отличается от китайской, но преобладают более строгие темные тона. Мужчины носят шапочки в основном белого цвета, который является символом чистоты в исламе. Многие женщины укрываются чадрой. Молодые девушки обычно носят зеленые платки длиной до плеч, дамы в возрасте – белые платки до талии. Женщинам запрещено переодеваться в мужскую одежду, мужчинам – в женскую.

Как и все мусульмане, дунгане употребляют халяльную (чистую) пищу. Предпочитают говядину и баранину, запретным (харам) является мясо лошадей, ослов, мулов, свиней и собак. Запрет на спиртное, как правило, соблюдается довольно строго (в отличие, скажем, от мусульман Дунбэя) [Комиссаров, 1989], вместо вина и пива пьют много чая.

При известном навыке можно отличить дунган от китайцев «на слух», поскольку первые в своей речи чаще прибегают к эризации. Предположительно это связано с тем, что сходный звук имеется в арабском и персидском (а также тюркском) языках, оказавших влияние на формирование местного диалекта. Еще одной особенностью речи дунган является склонность к переднеязычным финалям, которыми они заменяют заднеязычные звуки (например, слог «ин» произносится как «инь», «дун» как «дунь» и т.д.). У дунган обычно два имени: арабское и китайское. В своей речи они часто употребляют арабские и персидские слова, что связано, прежде всего, с религиозной сферой.

Все вышеуказанные признаки, взятые в совокупности, образуют уникальную этническую общность дунган. По своему происхождению она тесно связана с более крупной этнической общностью китайских мусульман (хуйцзу). Возникнув на пересечении двух великих цивилизаций, китайской и исламской, этот этнос наглядно демонстрирует плодотворный и перспективный характер таких контактов.

Список литературы

Комиссаров С.А. Лян Жунгуйди мәмин йүли мянли // Шийүәди чи. – 16.02.1989.

Комиссаров С.А., Азаренко Ю.А., Тимонова Е.В., Хачатурян О.А. Искусство китайской архитектуры. – Новосибирск: РИЦ Новосиб. гос. ун-та, 2011. – 228 с.

Кузнецов В.С. Ислам в политической истории Китая: в 3 ч. – М.: ИДВ РАН, 1996. – Ч. 1 (VIII в. – 60-е гг. XIX в.). – 196 с.

Курбанов Э.К. История дунганского народа на перекрестке Великого шелкового пути (исторические ретроспективы) // Человек. Природа. Общество: Актуальные проблемы: мат-лы 14-й междунар. конф. молодых ученых. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2006. – Ч. 1. – С. 344–347.

Решетов А.М. Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической консолидации // Этническая история народов Азии. – М.: Глав. редакц. вост. лит-ры, 1972. – С. 137–149.

Хай Фэн. «Дунгань» лай цзы «тунькэнь» (Термин «дунгане» происходит от термина «военные поселения») // Сибэй миньцзу яньцзю. – 2005. – Вып. 1. – С. 115–117 (на кит. яз.).

Ху Сяопэн, Ша Юн. «Дунгань» минчэн таньюань (Исследование происхождения этнонима «дунгань») // Миньцзу яньцзю. – 2007. – № 1. – С. 75–81 (на кит. яз.).

Chang Hajji Yusuf. The Hui (Muslims) minority in China: an historical overview // J. of the Inst. of Muslim Minorities Affairs. – 1987. – Vol. 8, iss. 1. – P. 62–78.

Min Ke-qin O. Sufi orders in China // Proc. of the Int. Conf. on Arabic Studies and Islamic Civilization iCasic 2014. – Kuala Lumpur, 2014. – P. 109–120. – URL: http://worldconferences.net/proceedings/icasic2014/toc/papers_icasic2014/I%20135%20OMAR%20MIN%20KE%20QIN_SUFI%20ORDERS%20IN%20CHINA.pdf (дата обращения: 10.10.2017).

The Hui: China's other Muslims // The Economist. – 06.10.2016. – URL: http://www.economist.com/news/china/21708274-choosing-assimilation-chinas-hui-have-become-one-worlds-most-successful-muslim (дата обращения: 10.10.2017).

References

Chang Hajji Yusuf. The Hui (Muslims) minority in China: an historical overview. *Journal of the Institute of Muslim Minorities Affairs*, 1987, vol. 8, iss. 1, pp. 62–78 (in Chin.).

Hai Feng. «Donggan» lai zi «tunken» (The term of «donggan» derived from the term «military settlements») //

Xibei minzu yanju (Studies of North-Western peoples), 2005, iss. 1, pp. 115–117 (in Chin.).

Hu Xiaopeng, **Sha Yong**. «Donggan» mincheng tanyuan (Investigation of the «Donggan» ethnonym's origin) // Minzu yanjiu (Nations' studies), 2007, No. 1, pp. 75–81 (in Chin.).

Komissarov S.A. Lyan Zhunguidi məmin iγli myanli (About some meetings with Chinese Muslims). In *Shiiyədi chi* (October's banner), 16.02.1989 (in Donganian).

Komissarov S.A., **Azarenko Yu.A.**, **Timonova E.V.**, **Khachaturyan O.A.** Iskusstvo kitaiskoi arkhitektury. Novosibirsk: State Univ. Press, 2011, 228 p. (in Russ.).

Kurbanov E.K. Istoriya dunganskogo naroda na perekrestke Velikogo shelkovogo puti (istoricheskie retrospektivy). In *Chelovek. Priroda. Obshchestvo: Aktual'nye problemy: materialy 14 mezhdunarodnoy konferenzii molodykh uchenykh*. St. Petersburg: State Univ. Press, 2006, pt. 1, pp. 344–347 (in Russ.).

Kuznetsov V.S. Islam v politicheskoi istorii Kitaya: in 3 pt. Moscow: IFES RAS Publ., 1996, pt. 1, 196 p. (in Russ.).

Min Ke-qin O. Sufi orders in China. In *Proceeding of the Int. Conf. on Arabic Studies and Islamic Civilization iCasic 2014*. Kuala Lumpur, 2014, pp. 109–120. URL: http://worldconferences.net/proceedings/icasic2014/toc/papers_icasic2014/ I%20135%20OMAR%20MIN%20KE%20QIN_SUFI%20ORDERS%20IN%20CHINA.pdf (accessed: 10.10.2017).

Reshetov A.M. Ob etnicheskom svoeobrazii khuei i urovne ikh etnicheskoi konsolidatsii. In *Etnicheskaya istoriya narodov Azii*. Moscow: Glavnaja redaktsija vostochnoj literatury, 1972, pp. 137–149 (in Russ.).

The Hui: China's other Muslims. *The Economist*, 06.10.2016. URL: http://www.economist.com/news/china/21708274-choosing-assimilation-chinas-hui-have-become-one-worlds-most-successful-muslim (accessed: 10.10.2017).

УДК 314.4 (571.1)

В.В. Лыгденова[1], О.Б. Дашинамжилов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт истории СО РАН
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Продолжительность жизни и причины смерти городского населения Западной Сибири в 1960-е годы

Статья посвящена анализу причин и факторов смертности городского населения Западной Сибири в 1960-е гг. В это время рост средней продолжительности жизни в стране и экономическом районе замедлился, а во второй половине десятилетия даже снизился. В связи с этим данный период представляет особый интерес для историков, этнологов и социологов, занимающихся исследованием динамики численности населения Сибири во второй половине XX в. В современной научной литературе превалирует точка зрения, согласно которой к середине 1960-х гг. в России подошел к концу первый эпидемиологический переход. В статье выявлены особенности его завершения в городских поселениях Западной Сибири с учетом комплекса факторов социального, экономического и культурного плана.

Ключевые слова: *демография населения, смертность, продолжительность жизни, Западная Сибирь, эпидемиологический переход.*

V.V. Lygdenova[1], O.B. Dashinamzhilov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of History SB RAS
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Life Expectancy and Causes of Death among the Urban Population of Western Siberia in the 1960s

The article analyzes the reasons and causes of death among the urban population of Western Siberia in the 1960s. In this period, the growth in average life expectancy in the country and in Western Siberia slowed down, and even decreased in the second half of the decade. Thus, this period is of particular interest for historians, ethnologists, and sociologists studying the dynamics of population size in Siberia in the second half of the 20th century. The prevailing point of view in the current academic literature is that the first epidemiological transition had come to an end by the mid 1960s in Russia. The article identifies the specific features of this process in the urban settlements of Western Siberia taking into consideration its social, economic and cultural aspects.

Keywords: *demography of population, mortality, life expectancy, Western Siberia, epidemiological transition.*

В 1960-е гг. рост средней продолжительности жизни сильно замедлился, а во второй половине десятилетия даже снизился. В этой связи становится актуальной проблема выявления причин и факторов возникновения подобной динамики.

Источниковую базу исследования составили опубликованные и неопубликованные материалы Всесоюзных переписей 1959 и 1970 гг., а также текущего учета населения. Его методологической базой стала теория демографического перехода и ее составная часть – эпидемиологический переход. Суть последнего заключалась в том, что по достижении тем или иным обществом достаточно высокого уровня развития начиналась быстрая, по историческим меркам, смена одной структуры причин смерти другой. Если в структуре «старой» патологии важное место занимали инфекционные и паразитарные болезни, то в структуре «новой» на первое место вышли причины смерти, которые были обусловлены преимущественно не экзогенными, а эндогенными факторами, связанными с естественным старени-

ем человеческого организма, снижением его сопротивляемости неблагоприятным внешним воздействиям [Демографическая модернизация..., 2006, с. 257–258].

В современной демографической литературе превалирует точка зрения, согласно которой к середине 1960-х гг. в России подошел к концу первый эпидемиологический переход. Рассмотрим особенности его завершения в городских поселениях Западной Сибири с учетом комплекса факторов социального, экономического и культурного плана.

На каждом конкретном этапе исторического развития общества факторы смертности менялись. В нашей работе мы четко разграничиваем *причины* смерти и ее *факторы*. Если под причиной смерти подразумевался конкретный факт, приведший к смерти человека, то под фактором – некое явление, которое привело к возникновению этой причины [Урланис, 1978, с. 77].

В 1958–1959 гг. средняя продолжительность жизни в городах Западной Сибири составила 67,79 лет, к 1969–1970 гг. она увеличилась до 68,20 лет (только на 0,6 %) (в РСФСР в 1958–1959 гг. – 67,92 года, в 1969–1970 гг. – 68,97 лет (на 1,5 %)). Сокращение средней продолжительности жизни во второй половине 1960-х гг. не смогло полностью отыграть того повышения, которое произошло в первой половине десятилетия. Это подтверждается статистическими сведениями по республике в целом, где она у городского населения РСФСР в 1964–1965 гг. оказалась выше, чем в 1969–1970 гг. (69,46 лет).

Как показывают наши расчеты, за 1959–1970 гг. смертность в городах Западной Сибири уменьшилась только среди детских, подростковых и молодежных пятилетних когорт, вплоть до 24 лет. В последующих пятилетних группах возрастные коэффициенты только увеличивались, преимущественно у 35–39-летних.

В исследовании воспользуемся показателями смертности по причинам смерти на 100 тыс. чел. Согласно данным западносибирских региональных облстатов (кроме Тюменской обл.), увеличение средней продолжительности жизни в 1960–1965 гг. произошло, прежде всего, за счет снижения смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний, главным образом дизентерии и туберкулеза. Также сократилась смертность от болезней органов пищеварения и дыхания, особенно пневмонии всех форм. Уже тогда стало заметно увеличение смертности от недугов, присущих второму эпидемиологическому переходу, – заболеваний органов кровообращения и новообразований. Повысились показатели смертности от причин, которые были свойственны первому этапу эпидемиологического перехода, – несчастных случаев, отравлений и травм.

Спустя пять лет (к 1970 г.) коэффициенты смертности в расчете на 100 тыс. чел. снизились только от инфекционных и паразитарных болезней, тогда как от остальных причин увеличились. Несколько повысился коэффициент смертности от болезней органов пищеварения. Возросла смертность от несчастных случаев, отравлений и травм, а также от болезней органов дыхания, особенно гриппа, и незначительно – пневмонии. Увеличилась смертность от заболеваний системы кровообращения. Однако нельзя объяснить подобную динамику только старением городского населения [Лыгденова, Дашинамжилов, 2015, с. 38–48].

Сведения за 1970 г. показывают наличие определенной специфики смертности в городских поселениях Западной Сибири. Несмотря на сравнительно молодой возрастной состав населения, в экономическом районе чаще умирали от причин экзогенной природы – инфекций, болезней органов дыхания, несчастных случаев, отравлений и травм. Меньшей была смертность от новообразований и заболеваний системы кровообращения. Все это говорит о том, что эпидемиологический переход в Западной Сибири имел еще более незавершенный характер, в сравнении с РСФСР в целом.

Анализ данных статистики показал, что социально-экономическое положение западносибирских регионов в 1960-е гг. последовательно улучшалось. В этот период продолжало активно развиваться здравоохранение, увеличилось количество лиц с высшим и средним образованием с пониженными коэффициентами смертности. Косвенно благотворное влияние на здоровье населения должно было оказать активное жилищное строительство. Увеличились продажи населению наиболее ценных продуктов питания. Возросли масштабы реализации через государственную и кооперативную торговлю одежды и белья, трикотажных изделий, тканей, обуви [Народное хозяйство..., 1969, с. 338].

Таким образом, смертность за межпереписной период должна была снизиться не только у молодежи, но и у средних и старших возрастных групп. И это снижение действительно произошло, но только у женского населения. Действительно, во многих пятилетних когортах, где у мужчин был отмечен рост смертности (20–49 лет), у женщин наблюдалась противоположная динамика.

Несмотря на благоприятное воздействие ряда факторов, смертность во многих трудоспособных возрастных когортах увеличилась. До некоторой степени рост смертности от несчастных случаев, отравлений и травм можно объяснить тем, что по-

вышение занятости, последовательный рост числа промышленных предприятий в стране, механизация производственных процессов, внедрение технических новшеств увеличили риски получения различного рода телесных повреждений.

Важнейшими, на наш взгляд, факторами роста смертности в трудоспособных возрастах стали алкоголизм и курение. Под негативным воздействием последних увеличилась смертность в мужских пятилетних когортах (после 20 лет) при снижении ее у женщин. Как известно, мужчины значительно больше подвержены вредным для здоровья привычкам. В 1960 г. на душу населения в РСФСР, учитывая лиц мужского и женского пола и все возрастные группы, было реализовано 4,6 л. алкогольной продукции. Через десять лет, в 1970 г., эта цифра увеличилась на 80,0 % – до 8,2 л. [Народное хозяйство..., 1989, с. 94]. Значительный рост продаж винно-водочных изделий, без предоставления конкретных статистических данных, подтверждается сибирскими исследователями [Ефимкин, 1990, с. 141–142].

Информация, опубликованная в статистических справочниках, показывает, что по РСФСР в целом, кроме алкоголя, также повысился уровень продаж табачной продукции (более, чем в три раза за 1960–1970-е гг.). Подобная динамика не могла не отразиться на здоровье населения, в частности на смертности от рака легких (рост за 1959–1970 гг. в РСФСР на 60,6 %).

Ухудшение экологической ситуации также повлияло на рост коэффициентов смертности от отдельных причин. Двукратный рост смертности от болезней органов дыхания в Кузбассе совпадает по времени с началом эксплуатации Западно-Сибирского металлургического комбината. Повысилась она и в Алтайском крае, где активно развивалась химическая промышленность.

Наряду с вышеперечисленными, в Западной Сибири существовали свои, «вторичные» факторы, определившие специфику структуры причин смертности ее городского населения. Суровые климатические условия подразумевали бо́льшую приверженность людей простудным заболеваниям. Сравнительно высокая смертность от инфекционных и паразитарных болезней являлась в т.ч. следствием некоторого отставания в развитии учреждений здравоохранения.

В структуре продаж винно-водочных изделий в восточных районах бо́льшее место занимали крепкие напитки, сильнее оказывавшие негативное воздействие на здоровье человека. Значительное количество смертей от несчастных случаев, отравлений и травм было следствием развития отраслей народного хозяйства, отличающихся высоким травматизмом среди работников. Определенную роль играл уровень образования, который в Западной Сибири был традиционно ниже, чем в РСФСР в целом.

Известным фактором повышения возрастных коэффициентов смертности в трудоспособных когортах стал экономический подъем северных районов Западной Сибири. Меньшая смертность от болезней кровообращения и новообразований являлась следствием, преимущественно, более молодой возрастной структуры городского населения.

Продолжительность жизни в городах РСФСР в 1958–1959 гг. была выше, чем в Западной Сибири на 0,13 года. К 1969–1970 гг. средняя продолжительность жизни по городским поселениям Российской Федерации составила 68,97 лет. В Западной Сибири рост оказался меньше, и разрыв с республикой увеличился с 0,13 до 0,77 года. Региональные различия в уровне смертности в 1958–1959 гг. были невелики и составили 1,11 года. Спустя 11 лет они увеличились из-за особенностей социально-экономического развития западносибирских регионов, достигнув 2,52 лет.

Таким образом, эпидемиологический переход в Западной Сибири имел свои особенности, обусловленные различными факторами. Смертность по причинам смерти имела незавершенную структуру в сравнении с РСФСР в целом. Величина средней продолжительности жизни городских жителей Западной Сибири была ниже, чем в республике. При этом за 11 лет отставание экономического района еще более возросло. Другой особенностью демографического перехода стал рост межрегиональной дифференциации в уровне смертности населения.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Демографическая модернизация России, 1900–2000. – М.: Нов. изд-во, 2006. – 608 с.

Ефимкин М.М. Рабочие Сибири. Конец 50-х – середина 80-х гг. – М.: Наука, 1990. – 222 с.

Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Возрастно-половой состав городского населения Западной Сибири в 1959–1989 гг. // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. – 2015. – № 4. – С. 38–48.

Народное хозяйство РСФСР в 1968 году (Стат. ежегодн.). – М.: Статистика, 1969. – С. 338.

Народное хозяйство РСФСР в 1988 году (Стат. ежегодн.). – М.: Статистика, 1989. – С. 94.

Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. – М.: Статистика, 1978. – 309 с.

References

Demograficheskaja modernizacija Rossii, 1900–2000. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006, 608 p. (in Russ.).

Efimkin M.M. Rabochie Sibiri. Konets 50-h – seredina 80-h gg. Moscow: Nauka, 1990, pp. 141–142 (in Russ.).

Lygdenova V.V., Dashinamzhilov O.B. Vozrastno-polovoj sostav gorodskogo naselenija Zapadnoj Sibiri v 1959–1989 gg. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, No. 4, pp. 38–48 (in Russ.).

Narodnoe hozjajstvo RSFSR v 1988 godu (Statisticheskyi ezhegodnik). Moscow: Statistika, 1989, pp. 94 (in Russ.).

Narodnoe hozjajstvo RSFSR v 1968 godu (Statisti cheskyi ezhegodnik). Moscow: Statistika, 1969, pp. 338 (in Russ.).

Urlanis B.C. Jevoljucija prodolzhitel'nosti zhizni. Moscow: Statistika, 1978, 309 p. (in Russ.).

УДК 339.1 (571.1) 09

А.А. Люцидарская

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: lucid1@yandex.ru

Символы и знаки, отражающие жизнедеятельность служилого населения Сибири XVI – начала XVIII века

Различная символика и знаки помогали первопоселенцам Сибири ориентироваться в окружающем их мире. Архивные источники XVII в. позволяют выявить их, осмыслить и прочитать этот культурно-исторический текст. Существовали знаки отличия по службе, которые включали назначенное государево жалованье и различные прибавки за исполнение тех или иных поручений. Знаками благополучного существования служилого люда являлись условия их быта и активная хозяйственная деятельность, в т.ч. качество жилища и побочные занятия в сфере сельского труда и промыслов.

Ключевые слова: *Сибирь, XVII в., служилые люди, знак, символ.*

A.A. Lutsidarskaya

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: lucid1@yandex.ru

Symbols and Marks Reflecting the Life of the Service Men in Siberia in the 17th–Early 18th Century

Various symbols and signs helped first Russian settlers in Siberia to orientate in the surrounding world. The archival sources of the 17th century make it possible to identify and interpret this cultural and historical text. There were several groups of such symbols. Some were marks of distinction in service, which included assigned allowance from the Tsar and various bonuses for carrying out various assignments. The signs of successful and happy life of the servicemen were the conditions of their everyday and economic life, such as the quality of housing and extraneous activities in agriculture, craftsmanship, and trade.

Keywords: *Siberia, 17th century, servicemen, symbol, sign.*

Знаки и символы окружают людей с древнейших времен до сегодняшних дней. Вся окружающая нас действительность обладает знаковым содержанием и характеризует социокультурную принадлежность человека. Знаковая выразительность среды и бытовых предметов составляют особый язык той или иной культуры. В знаках и символике содержится в материальных формах духовное содержание, а текст на этом языке читается лишь на основе культурно-исторических ассоциаций [Кнабе, 1989, с. 36]. Применительно к эпохе XVII в., времени вхождения Сибири в состав Русского государства, многочисленные знаки в контексте того времени находятся преимущественно в письменных архивных материалах.

Служилое военизированное население Сибири в XVII в. составляло значительную, а в иных городах, расположенных на приграничных территориях, и преобладающую часть населения. Богатейшая база архивных источников XVI – начала XVIII в., значительная часть которых хранится в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), позволяет выявлять и анализировать новые стороны жизнедеятельности этого динамичного слоя населения Сибири. При внимательном анализе источников можно составить представление о реальном уровне жизни и благосостоянии служилого населения Сибири от высших чинов, детей боярских, до рядовых казаков и стрельцов, конных и пеших. Знаки, позволяющие осветить эти вопросы, постоянно фигурировали в документации исследуемого периода.

Достаточно ординарные сведения предоставляют расходные книги, в которых указано жалованье, выдаваемое за службы разным категориям служилого люда. Оно являлось знаком устойчивого поло-

жения в сибирском сообществе. Жалование служилых людей Тобольского гарнизона в 1647–1648 гг. варьировалось от 20 до 4 руб. Похожие данные можно отыскать в расходных книгах Томска начала 30-х гг. XVII в., что свидетельствует об устойчивости размеров денежного довольствия [Никитин, 1988, с. 110–113; Томск, 2005, с. 55–88].

Знаками, отмечающими прилежную добросовестную службу, являлись дополнительные выплаты по различным поводам. Вот один из таких примеров: «...Прибавить томскому конному казаку Степке Замятину к прежнему окладу 2 рубля, ржи 2 чети, овса то ж за мунгальскую службу и за терпенья, что был в плену...» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 659. Л.77). Такая практика поощрения служилого люда существовала в Сибири с первых лет освоения края. Сохранилась грамота 1610 г. В. Шуйского тобольскому воеводе о прибавке хлебного и денежного жалованья за службу верхотурским стрельцам: «...Велели мы за их службы придать нашего жалованья к годовым к прежним их окладам по рублю... по осьмине муки, по пуду без чети соли...» [Верхотурские грамоты, 1982, с. 234].

В XVII в. среди служилого населения существовала практика подачи челобитных на государево имя с просьбами о наградах за службу. Следует иметь в виду, что все челобитные от местных жителей в Москву тщательно просматривались на местах представителями воеводской администрации. Таким образом, без одобрения местной власти ни одна подобная просьба не могла без нарушения порядка достигнуть адресата. Поэтому, как правило, такие просьбы удовлетворялись. Для образца приводим челобитную томского казака В. Терского 1616 г. Казак перечислял свои ратные заслуги и заканчивал челобитную словами «...Пожалуй меня, холопа своего, своим государевым жалованьем за мое службишко... смилуйся, пожалуй!» [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 33–34]. Подобное же обращение к царской власти в 1620 г. поступило от томского казака Я. Захарьева, который писал «...Мои товарищи, твоим государевым жалованьем за ту службу пожалованы, потому что тебе государю за мое службишко обо мне быть челом некому... пожалуй меня холопа своего, за мое службишко и за кровь своим царским жалованьем...» [Там же, с. 36]. Решения властей были в пользу челобитчика.

Челобитные с просьбой повысить жалованье писали и «именитые» служилые люди. Так, в 1647 г. казачий пятидесятник Курбат Иванов просит отметить его пожалованьем царским «за многие службы по приведению в подданство, по сбору ясака с братских людей и тунгусов и за строительство острогов». После челобитной прилагалась «роспись службам». Подобное прошение делалось с согласия местных властей и являлось знаком признания заслуг [Сборник, 1960, с. 82–84].

Документально известно, что «покоритель» Сибири Ермак имел в своем снаряжении 2 царских панциря, судя по всему, полученные как знак особых заслуг [Худяков, 2010; Бобров, 2006]. То, что такие поощрения сохранялись и высоко ценились и в более позднее время убеждает история томского семейства Былиных. Василий Былин был заметной фигурой среди служилых томичей. Наибольшую известность он получил на посольском поприще. Его дипломатические миссии к телеутам и в Джунгарию отражены в источниках XVII в. В 1662 г., будучи в преклонных годах, он совершил поездку в Москву «помолиться московским чудотворцам». В начале XVIII в. внук В. Былина, сын боярский Андрей Былин, затеял дело о возвращении в семью панциря деда, полученного В. Былиным за ратные и иные заслуги [Люцидарская, Гемуев, 2001].

Определенными знаками благосостояния служилых людей на протяжении XVII в. служило наличие угодий, пашенных, сенокосных, рыбных, а также наличие личных мельниц. К мерилам благополучия также следует отнести наличие в хозяйствах городских и сельских дворовых работников, как наемных, так и купленных. В городах, например в Томске, знаком зажиточности семей являлись количество отапливаемых изб во дворах-усадьбах служилого люда. Сохранившиеся «подымные книги» предоставляют такие сведения, в частности, Томская книга 1705 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1435. Л. 374–417об.). Так, у пешего казака В. Капустина имелось 2 теплые избы, а у пятидесятника Дмитрия Бурнашова – 3, что свидетельствовало о жизненном уровне хозяев.

Подобные сведения также дают косвенные представления о количественном составе семей. Благоустройство дворов служилого люда, как и количество дворовых работников, также символизировало степень зажиточности хозяев. В документах Иркутского уезда показательны описания дворов служилого сословия. У иркутского пешего казака В. Зиндинова во дворе имелись лишь изба «черная да клеть» с небольшими пристройками хозяйственного назначения (РГАДА, Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. 2700. Л. 5). У казака того же ранга М. Ипакова в усадьбе находились черная изба с хозяйственными постройками, на задворье располагалась горница белая с предсеньем на подклете, «у нее двери на крюках с нутряным замком в четырех окнах» (Там же. Л. 7 об.). Эти пешие казаки Иркутского региона находились в одинаковом чине, однако различия в обустройстве дворов символизировали степень их достатка.

Знаками деловой предприимчивости служилого люда являлось их активное участие в торговле и иных сферах хозяйственной деятельности. Таможенные документы XVII в. пестрят на своих страницах именами служилых людей различных категорий. Причем одни и те же фамилии повторялись из года в год. Именно таковыми были томские казаки Чускаевы. Пятидесятник конных казаков Родион Чускаев успешно торговал пушниной и хмелем, а также рогатым скотом. Совместно со своими братьями казаками Борисом и Елизаром он платил значительные суммы «с торгов и промыслов». Именно налоговое обложение служило знаком, демонстрирующим экономическую активность жителей сибирских городов, которая отражена в исторических публикациях. Немало казачьего населения занималось рыбным промыслом. Казаки часто использовали свои служебные поездки для приобретения товаров, пользовавшихся рыночным спросом [Каменецкий, 2005, с. 78–79; Люцидарская, 1978].

Знаками отличия, полученными за военную доблесть и дипломатические усилия, служили награды в виде отрезов сукна, в отдельных случаях дорогого, то же можно отнести и к выдачам обуви. По этим, казалось бы несущественным для более поздних эпох указаниям, предстает жизнедеятельность сибирского служилого сословия. Культурно-исторический текст, наполненный знаками, дает возможность отыскивать новые, еще не прочитанные символические отображения далекого времени.

Список литературы

Бобров Л.А. Сибирские панцири русских казаков (к вопросу о влиянии панцирного комплекса сибирских аборигенов на защитное вооружение русских служилых людей второй половины XVI – XVII вв.) // Para Bellum. Воен.-ист. журн. – 2006. – № 26. – С. 77–98.

Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. – Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 1995. – 232 с.

Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в.: сб. документов. – М.: Ин-т истории АН СССР, 1982. – 298 с.

Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в. (опыт жизнедеятельности в условиях фронтира Южной Сибири). – Омск: [Тип. ИП Долгов Р.Н.], 2005. – 340 с.

Кнабе Г.С. Диалектика повседневности // Вопр. философии. – 1989. – № 3. – С. 26–46.

Люцидарская А.А. К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска во второй половине XVII в. // Города Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 65–76.

Люцидарская А.А., Гемуев И.Н. История семьи томичей Былиных // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2001. – Т. VII. – С. 538–541.

Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. – Новосибирск: Наука, 1988. – 255 с.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. / сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – Вып. 1. – 450 с.

Томск в XVII веке: документы и материалы. Приходные и расходные книги Томского города 30-х гг. XVII в. / сост. В.А. Есипова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – 184 с.

Худяков Ю.С. Оружие и экипировка русских казаков в период первого похода в Сибирь (по миниатюрам из Ремезовской летописи) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – Ч. 1. – С. 193–198.

References

Bobrov L.A. Sibirskie pantsiri russkikh kazakov (k voprosu o vliyanii pantsirnogo kompleksa sibirskikh aborigenov na zashchitnoe vooruzhenie russkikh sluzhilykh lyudei vtoroi poloviny XVI–XVII centuries). *Para Bellum. Voenno-istoricheskii zhurnal,* 2006, No. 26, pp. 77–98 (in Russ.).

Butanaev V.Y., Abdykalykov A. Materialy po istorii Khakasii XVII – nachala XVIII centuries. Abakan: Khakas State Univ. Press, 1995, 232 p. (in Russ.).

Kamenetskiy I.P. Russkoe naselenie Kuznetskogo uezda v XVII – nachale XVIII centuries (opyt zhiznedeyatel'nosti v usloviyakh frontira Yuzhnoi Sibiri). Omsk: Tipografiya IP Dolgov Publ., 2005, 340 p. (in Russ.).

Khudyakov Y.S. Oruzhie i ekipirovka russkikh kazakov v period pervogo pokhoda v Sibir' (po miniatyuram iz Remezovskoi letopisi). In *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii: sbornik nauchnykh trudov /* ed. N.A. Tomilov. Kazan: Institut istorii imeni Sh. Mardgani Akademii Nauk Respubliki Tatarstan Publ., 2010, pt. 1, pp. 193–198 (in Russ.).

Knabe G.S. Dialektika povsednevnosti. *Voprosy filosofii,* 1989, No. 3, pp. 26–46 (in Russ.).

Lyutsidarskaya A.A. K voprosu o formirovanii torgovo-promyshlennogo naseleniya Tomska vo vtoroi polovine XVII veka. In *Goroda Sibiri.* Novosibirsk: Nauka, 1978, pp. 65–76 (in Russ.).

Lyutsidarskaya A.A., Gemuev I.N. Istoriya sem'i tomichei Bylinykh. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, vol. VII, pp. 538–541 (in Russ.).

Nikitin N.I. Sluzhilye lyudi v Zapadnoi Sibiri XVII veka. Novosibirsk: Nauka, 1988, 255 p. (in Russ.).

Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII v. / ed. G.N. Rumyantsev, S.B. Okun. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1960, iss. 1, 450 p. (in Russ.).

Tomsk v XVII veke: dokumenty i materialy. Prikhodnye i raskhodnye knigi Tomskogo goroda 30-kh gg. XVII century / ed. V.A. Esipova. Tomsk: State Univ. Press, 2005, 184 p. (in Russ.).

Verkhoturskie gramoty kontsa XVI – nachala XVII veka. Moscow: Institut istorii AN SSSR Publ., 1982, 298 p. (in Russ.).

УДК 39+51-77

А.Ю. Майничева

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: annmaini@gmail.com

Перспективы использования информационных технологий в исторической этнографии на примере изучения русских в Сибири XVII–XVIII веков

Представлен сделанный впервые в отечественной историографии анализ перспектив использования информационных технологий в исторической этнографии. Показано, что источниковая база позволяет формировать базы данных, полезны библиотеки полнотекстовых коллекций исторических источников и исследовательских статей, нужны специализированные прикладные пакеты статистического анализа, понадобится использование методов контент-анализа и пространственного анализа данных, а также виртуальных реконструкций. Имеются возможности для использования математического моделирования этноисторических процессов созданием имитационных, аналитических и статистических моделей. Выявлен высокий потенциал приемов и методов, которые могут вывести этнографическое изучение на новую ступень, соответствующую современному уровню технико-технологического развития.

Ключевые слова: *информационные технологии, историческая этнография, историческая информатика, базы данных, виртуальные реконструкции, моделирование этноисторических процессов.*

A.Y. Mainicheva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: annmaini@gmail.com

Prospects of Using Information Technologies in Historical Ethnography: Case Study of Russians of the 17th–18th Centuries in Siberia

For the first time in Russian historiography, the article discusses the prospective use of information technologies in historical ethnography. It is shown that source base makes it possible to create databases. Libraries of full-text collections of historical sources and research articles, specialized applied packages of statistical analysis, methods of content analysis, spatial data analysis and virtual reconstructions are needed for that purpose. Mathematical modeling of ethno-historical processes can be used for creating simulated, analytical, and statistical models. High capacity of techniques and methods which may bring ethnographic studies to a new level corresponding to the modern technical and technological development is revealed.

Keywords: *information technologies, historical ethnography, historical informatics, databases, virtual reconstructions, modeling of ethno-historical processes.*

Развитие информационных технологий затронуло различные стороны современной науки, включая и гуманитарные дисциплины. В 2017 г. исполняется 25 лет с момента появления исторической информатики в России, что обычно связывается с созданием в 1990-е гг. ассоциации «История и компьютер» (АИК) как ветви международной ассоциации «History and Computing» (АНС). Историческая этнография является гуманитарной дисциплиной, относящейся к историческим наукам, поэтому важно оценить, насколько подходы исторической информатики отвечают потребностям исследователей, работающих в рамках этого направления. Данная статья посвящена анализу перспектив использования информационных технологий в проблемном поле отечественной исторической этнографии, что сделано впервые.

Технологии баз данных в исторических исследованиях тесно связаны с формированием источниковой базы исследований. Принято считать,

что для исторических исследований целесообразно использовать такие виды баз данных, как проблемно-ориентированные, источнико-ориентированные; просопографические, библиометрические. В исторической этнографии русских ждут своего воплощения все перечисленные БД, при этом следует отметить, что перевод архивных документов, фундаментальных трудов Г.Ф. Миллера, С.В. Бахрушина и других исследователей в формат БД и создание информационно-поисковых систем значительно упростили бы работу современных исследователей. В качестве источников в исторической этнографии русских Сибири используются различные виды документов, например, челобитные, ведомости строений, метрики и описания зданий и сооружений, таможенные книги, которые построены по установленному в тот период для каждого вида документов плану, что позволяет создать источнико-ориентированные БД, требующие четкой структуры содержания.

Примыкает к проблемам создания и использования БД и поисковых систем применение методов компьютерного источниковедения в глобальной сети Интернет, среди которых можно назвать ресурсы полнотекстовых коллекций исторических источников, например, разделы «Исторические реликвии» и «Исторические документы» сайта «Города и остроги земли сибирской – книги и публикации» (http://ostrog.ucoz.ru/). Существуют и ресурсы с полнотекстовыми исследовательскими статьями, среди которых нужно назвать как пример удачного воплощения разделы сайтов «Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях» (http://zaimka.ru/) и уже упомянутого ресурса «Города и остроги земли сибирской – книги и публикации». Информацию, размещенную на этих сайтах, вполне можно использовать в исследовательской работе этнографа, поскольку все тексты верифицированы, размещены и указания на публикации в твердой форме. Для обнаружения сравнительного материала для исследований по сибирской архитектуре XVII–XVIII вв. полезна электронная научная библиотека РусАрх (http://cuty.luved.ru), собиратели которой определяют как общедоступное специализированное бессрочное хранилище электронных версий научных статей и монографий по истории древнерусской архитектуры XI–XVII вв., по истории архитектуры стран, оказавших прямое или косвенное влияние на древнерусское зодчество (Византии, государств Западной Европы, Балкан, Закавказья и пр.), по смежным научным дисциплинам (архитектурной археологии, общей истории, градостроительству, реставрации, источниковедению, изобразительному искусству, хронологии и пр.). В работе могут потребоваться и отдельные статьи из ресурсов www.academia.edu и http://books.google.com.

Для анализа данных при их большом количестве обычно применяются методы математической статистики [Бородкин, 1986], для чего должны быть разработаны прикладные пакеты статистического анализа, в исторической этнографии это будет нужно для обработки судных дел, таможенных книг, грамот, отписок, росписей, челобитных, памятей, актов купли-продажи и пр. Не менее важны методы контент-анализа перечисленных и других видов источников, т.е. компьютеризированного качественно-количественного анализа содержания документов с целью выявления или измерения различных фактов и тенденций, отраженных в этих документах.

Историческая этнография русских в Сибири тесно связана с проблемами присоединения и освоения территорий, строительства острогов и городов, поэтому в исследованиях могут быть полезны методы пространственного анализа данных (включая геоинформационные технологии) и виртуальные реконструкции объектов историко-культурного наследия. Геоинформационные технологии активно используются в археологии (см., напр.: [Смекалов, Федоров, 2004]), будут они полезны и в поисках точного размещения храмов, взаиморасположения частей поселения, а также проведения картографического анализа, при котором применяется построение картограмм и картодиаграмм для выявления соотношений явлений культуры, построение интерполяционных поверхностей для выявления ареалов их распространения. Послойная структура карты в ГИС дает возможность сравнения результатов анализа, полученных по разным явлениям, наложением слоев, что позволяет выделить их общие и непересекающиеся зоны распространения. Виртуальные реконструкции поселений, зданий и сооружений придают результатам исследования наглядность и проверяют их достоверность. Пока многие работы по воссозданию облика и конструктивных особенностей зданий выполняются вручную, но компьютерные методы уже используются в ряде случаев. Хорошие результаты дает использование уже существующих специализированных компьютерных программ и технологии информационного моделирования BIM (building informational modeling) (см. напр.: [Mainicheva et al., 2017; Mainicheva, 2015; Майничева, Кулаков, 2015; Майничева, Степанцов, 2015]).

Одной из интересных областей использования в исторической этнографии информационных технологий является математическое моделирование этноисторических процессов. Историческая информатика достигла уже определенных успехов в смеж-

ных областях, касающихся как археологических культур (см. напр.: [Журбин, Иванова, Зубарева, 2012]), так и приближенных к современности периодам и процессов социальной истории (см., напр.: [Жуков, Канищев, Лямин, 2014]), поэтому имеет смысл обратиться к периоду и предмету, характерным для исторической этнографии, занимающейся проблемами русских в Сибири XVII–XVIII вв., поскольку открываются возможности создания имитационных, аналитических и статистических моделей формирования этнических сообществ, развития культуры русских в условиях иноэтничного окружения, моделирования динамики этносоциальных и этнокультурных процессов в условиях сибирского фронтира.

Краткий обзор перспектив использования информационных технологий в исторической этнографии на примере изучения русских в Сибири XVII–XVIII вв. показал высокий потенциал уже существующих приемов и методов, используемых в смежных областях гуманитарного знания, таких как археология и история, которые могут вывести этнографическое изучение на новую ступень, соответствующую современному уровню технико-технологического развития.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. – 188 с.

Журбин И.В., Иванова М.Г., Зубарева О.Т. Имитационная модель формирования и развития археологической культуры. – URL: http://kleio.asu.ru/2012/2/hcsj-22012_64-76.pdf.

Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Моделирование исторической динамики южнорусского фронтира. XVII – первая половина XIX в. (фронтирфрактал) // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». – 2014. – № 42. – С. 77–78.

Майничева А.Ю., Кулаков А.Н. Церковь Владимирской Богоматери в Братске: архитектурные особенности в этнокультурном контексте Сибири XVII–XVIII вв. // Гум. науки в Сибири. – 2015. – Т. 22, № 2. – С. 80–85.

Майничева А.Ю., Степанцов И.С. Реконструкция печи в Спасской церкви из Зашиверска: мировоззренческие аспекты культуры жизнеобеспечения // Баландинские чтения. – 2015. – Т. 10, № 1. – С. 32–40.

Майничева А.Ю. Этноконфессиональные маркеры самоидентификации русских в Сибири в XVII–XVIII веках: церкви с бочечным покрытием // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 3. – С. 100–106.

Майничева А.Ю., Талапов В.В., Чжан Гуаньин. Принципы информационного моделирования недвижимых объектов культурного наследия (на примере деревянных буддийских храмов) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 2. – С. 142–148.

Смекалов С.Л., Федоров Д.Л. Геоинформационные технологии в археологических исследованиях. – СПб.: Балт. техн. гос. ун-т, 2004. – 104 с.

References

Borodkin L.I. Mnogomepnyi statisticheskii analiz v istopicheskikh issledovaniyakh. Moscow: State Univ. Press, 1986, 188 p. (in Russ.).

Mainicheva A.Y. Ethno-confessional markers of Russian identity in the 17th–18th-century Siberia: churches with barrel roofing. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, iss. 3, pp. 100–106.

Mainicheva A.Y., Kulakov A.N. Tserkov' Vladimirskoi Bogomateri v Bratske: arkhitekturnye osobennosti v etnokul'turnom kontekste Sibiri XVII-XVIII vv. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2015, vol. 22, No. 2, pp. 80–85 (in Russ.).

Mainicheva A.Y., Stepantsov I.S. Rekonstruktsiya pechi v Spasskoi tserkvi iz Zashiverska: mirovozzrencheskie aspekty kul'tury zhizneobespecheniya. *Balandinskie chteniya,* 2015, vol. 10, No. 1, pp. 32–40 (in Russ.).

Mainicheva A.Y., Talapov V.V., Zhang Guanying. Principles of the information modeling of cultural heritage objects: the case of wooden Buddhist temples. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2017, vol. 45 (2), pp. 142–148.

Smekalov S.L., Fedorov D.L. Geoinformatsionnye tekhnologii v arkheologicheskikh issledovaniyakh. St. Petersburg: Baltic State Techn. Univ. Press, 2004, 104 p. (in Russ.).

Zhurbin I.V., Ivanova M.G., Zubareva O.T. Imitatsionnaya model' formirovaniya i razvitiya arkheologicheskoi kul'tury. URL: http://kleio.asu.ru/2012/2/hcsj-22012_64-76.pdf. (in Russ.).

Zhukov D.S., Kanishchev V.V., Lyamin S.K. Modelirovanie istoricheskoi dinamiki yuzhnorusskogo frontira. XVII – pervaya polovina XIX vv. (frontirfraktal). *Informatsionnyi byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter",* 2014, No. 42, pp. 77–78 (in Russ.).

УДК 391.2+7.04

М.В. Москвина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: marg.moskvina@gmail.com

Орнамент в оформлении женской этнической одежды алтайцев и хакасов: развитие традиции в современности

Исследования отдельных элементов этнической культуры народов Саяно-Алтая, на примере алтай-кижи и хакасов, по-прежнему сохраняют свою актуальность. Прослеживая изменения орнамента в декоре женской одежды этих народов, мы смогли выявить некоторые оформившиеся в последнее время тенденции. С опорой на работы отечественных исследователей дана характеристика традиционного орнамента изучаемых народов на начало XX в. На основе авторского полевого материала проведен анализ современного развития алтайского и хакасского орнаментов. В алтайском орнаменте изменилась образная составляющая, а в хакасском трансформировались смыслы. В современном народном искусстве народов Саяно-Алтая орнамент в оформлении женской одежды не теряет своей актуальности и продолжает отражать представления людей о культурных ценностях и универсалиях.

Ключевые слова: *народное искусство, орнамент, женская одежда, алтай-кижи, хакасы, развитие традиции, современность, символические смыслы орнамента.*

M.V. Moskvina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: marg.moskvina@gmail.com

Ornamental Decoration in Female Ethnic Clothing of the Altaians and Khakasses: Development of Tradition in Modern Times

The article discusses individual aspects in the ethnic culture of the Sayano-Altai peoples using the example of the Altai Kizhi and Khakasses. Analyzing the changes in ornamental decoration of their female clothing, some recent trends in the transformation of ornamental decoration have been identified. Using the studies of Russian scholars, the traditional ornamentation of these peoples as it used to be in the early 20th century have been described. An analysis of the contemporary development of Altai and Khakass ornamental decoration is carried out on the basis of field materials of the author. The imagery content in the Altai ornamentation and the meanings in the Khakass ornamentation have changed. Ornamentation of female clothing in the contemporary folk art of the Sayano-Altai peoples is not losing its relevance and is continuing to reflect people's ideas concerning cultural values and universal principles.

Keywords: *folk art, ornamental decoration, female clothing, Altai Kizhi, Khakass, development of tradition, contemporary period, symbolic meanings of ornamental decoration.*

Исследования, посвященные этнической культуре, так или иначе, имеют своей целью более глубокое понимание культуры по возможности на всех уровнях, раскрытие механизмов, обеспечивающих ее устойчивое функционирование, равновесие, порядок во всех сферах жизни общества, определяющих его единство и целостность. Этнокультурные традиции в современном российском обществе рассматриваются в контексте накопления, передачи и трансформации историко-культурного опыта.

Материальные предметы входят в сферу культуры жизнеобеспечения человека, защищая его от влияния природной среды и обеспечивая комфортное существование. Благодаря вещи происходит трансляция знания одного пространственно-временного континуума в другой и возникает диалог между различными поколениями и культурами.

Алтайцы (алтай-кижи) и хакасы – коренные народы Сибири, живущие по настоящее время в границах историко-культурной области Саяно-Алтая. Сходные условия физико-географической среды обитания и истории формирования этнокультурного пространства существенно определили развитие этих тюркских этносов, связанных близостью языка, культуры и истории.

Одной из ранних форм народного искусства бесспорно признается орнамент. Его рассматривают как вид художественного творчества, сложную, ритмически организованную структуру из упорядоченного сочетания элементов-мотивов, которая не существует как самостоятельное произведение искусства. Орнамент неотделим от вещи, на которую он нанесен.

В конце XIX – начале XX в. в связи с активным накоплением фактического материала по народному искусству в результате деятельности археологических, этнографических, историко-бытовых и др. научных экспедиций возникает потребность в теоретическом осмыслении данной проблемы. Среди первых отечественных исследователей орнамента называют В.В. Стасова, который отметил, что в народном искусстве отражаются мифологические представления народа, а исторические условия влияют на его образно-сюжетный строй [Гилевич, 2012].

Уже к 1930-е гг. утвердилось мнение, что орнамент можно считать важным атрибутом национальной культуры. Разрабатывались вопросы его генезиса, типологии и распространения. В статус исторического источника орнамент был возведен трудами С.В. Иванова. Он утверждал необходимость комплексного подхода при изучении традиционного орнамента народов Сибири с широким привлечением данных этнографии, антропологии, лингвистики, истории, археологии, фольклористики, религиоведения. В 1963 г. С.В. Иванов опубликовал монографию «Орнамент народов Сибири как исторический источник», где большое внимание уделил типологизации сибирского орнамента [1963]. В 1969 г. в составе «Историко-этнографического атласа Сибири» С.В. Иванов опубликовал раздел, посвященный общей типологии орнамента. В основу описаний им были положены орнаментальные мотивы, символы симметрии и технические приемы; в результате у народов Сибири было выделено 12 орнаментальных комплексов, имеющих различный генезис и локализацию [Орнамент, 1969].

В 1960–1980-е гг. исследователи орнамента начали разрабатывать вопросы, связанные с его символической и семантической нагруженностью, в качестве источников привлекая не только этнографические, но и археологические, летописные и фольклорные материалы. Важнейшими исследователями орнамента в этот период становятся Б.А. Рыбаков, А.К. Амброз, И.Я. Богуславская, Т.М. Разина, М.А. Некрасова, В.А. Фалеева, Г.С. Маслова [Гилевич, 2012]. Развитие изучения орнамента народов Саяно-Алтая связано с работами С.И. Вайнштейна [1972], Л.Р. Кызласова и Г.Г. Король [1990], В.И. Эдокова [1988], И.К. Кидиековой [1997].

По типологии С.В. Иванова у алтай-кижи преобладает *Саяно-Алтайский тип* (II) орнамента. Наиболее часто он встречается на предметах из дерева и в росписи. Это строго геометрический простой прямолинейный орнамент. На кожаных предметах и в вышивке отмечается наличие орнамента *Северо-Сибирского типа* (I), также геометрического, мелкого, силуэтного. *Среднесибирский тип* (III) орнамента – геометрический, криволинейный, простейший по очертаниям – встречается на изделиях из меха, кожи, дерева и кости [Орнамент, 1969, с. 375].

У хакасов преобладает *Южно-Сибирский тип* (X) орнамента – сложно-криволинейный, симметричный, детализированный. Для него характерны сложные композиции, мотивы растительного характера, крестообразные фигуры с роговидными ответвлениями на концах, пальметки, лирообразные фигуры [Там же].

Опираясь на музейные собрания, можно говорить, что орнаментальное оформление традиционной женской одежды алтай-кижи было скромным – это вышитые полосы по краям шуб, платья и чегедека. Основная декоративная роль в алтайском костюме перешла на съемные аксессуары – шапки, накосные и поясные украшения, серьги и перстни. Наиболее ярким примером орнаментального оформления одежды является обережная радужная полоса *«солонызы»* по краю чегедека-безрукавки замужней женщины.

В настоящее время орнаментальный строй одежды алтай-кижи стал значительно более вариативным. Общая тенденция развития орнамента на современной женской алтайской одежде заключается в том, что его образная символика разработана на основе смешения традиций разных народов региона и модификации традиции коренного населения Алтая.

В современном алтайском орнаменте доминируют красные, синие, голубые, коричневые и желто-оранжевые (золотые) оттенки, применяется контраст теплых и холодных цветов, соотношение светлых и темных оттенков одного цвета и использование черного и белого цветов в качестве границы между другими цветами. Эти сочетания применялись и в традиционной одежде алтайцев.

Наиболее декорируемым предметом женской одежды можно назвать чегедек. Из статусного атрибута замужней женщины он стал принадлежностью общего женского костюма. В его оформлении можно выделить несколько тенденций. В рамках первой сохраняется минималистичный декор, образцами для которого служат музейные вещи конца XIX – начала XX в. По-прежнему в оформлении одежды присутствует обшивка края *«солонызы»*. Радуга в мифологии алтайцев ассоциируется с мостом, по которому в мир спускается богиня Умай – покровительница женщин (ПМА. Беседа с мастером Л.И. Кукаковой, Республика Алтай, 2014 г.).

Вторая тенденция апеллирует к своеобразному «общему стилю тюрков евразийских степей». В подобном оформлении популярны криволинейные мотивы, роговидные розетки, бордюры, изображения растущих побегов, взятые из других областей народного искусства алтай-кижи – декора дерева, конской упряжи, войлочных и кожаных вещей. Часто на нижних углах чегедека используют изображения знаков родовой идентичности – это тамги, стилизованные изображения родовых животных или птиц. За тамгой закреплены охранные смыслы, ее наличие воспринимается как родовой оберег.

Третью тенденцию в декорировании одежды определил интерес к археологическому наследию региона, из которого заимствуются изображения животных скифского стиля из Башадарских и Пазырыкских курганов. Для декора применяются как техника вышивки, так и аппликации (ПМА. Материалы этногалереи «Энчи» при Доме Дружбы народов Республики Алтай, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай, 2017 г.).

В декоре женской хакасской одежды традиционно бытовала вышивка разноцветными нитками. Ею оформлялись спинки шуб, края сигедека, концы воротника или верхняя часть рукава и манжеты платья. Также вышивка присутствует на рукавицах, поясных сумочках и кисетах. Часто встречаемыми узорами на женской одежде были: *Ымай хоос* – узор-оберег Умай – в котором при всех вариациях неизменным остается центральный мотив с расходящимися нижними симметричными частями, узор *Древо жизни* (разветвленный в две стороны ствол, завершающийся трехлепестковым элементом) и *От ине хоозы* – узор Богини Огня (пятилистник с «пламенеющими» отростками) [Кидиекова, 1996, с. 67].

Сейчас хакасская вышивка вместе с национальным женским украшением *«пого»* стала одним из важных символов этнической идентичности хакасов. Декор женской одежды практически не изменился, орнаментальные мотивы имеют традиционный строй. Современные мастерицы-вышивальщицы обладают в Хакасии большим авторитетом. Их считают хранительницами народных традиций и обычаев.

Используемые в вышивках цвета каждая мастерица трактует по своему: красный цвет ассоциируется с женским началом, красотой, любовью, кровью и огнем. Белый цвет обозначает мужское начало, все правдивое и хорошее. Желтый и оранжевый цвета – цвета солнца и золота. Синий цвет является символом неба и воды, бесконечной жизни и неизвестного мира. Зеленый – цвет зелени и листьев, обновления жизни. Черный цвет не только цвет ночи, смерти, но и символ мудрости и земли. Орнаментальные мотивы, в интерпретации современных мастериц, несут собственные смыслы: «сердечки» – любовь, «листочки» – жизнь новобрачных, «рога барана» – богатую жизнь (ПМА. Материалы центра культуры и народного творчества им. С.П. Кадышева, г. Абакан, Республика Хакасия, 2015).

Таким образом, в современном народном искусстве алтай-кижи и хакасов орнамент в оформлении женской одежды не теряет своей актуальности. Его знаковая и смысловая функции трансформируются, но продолжают отражать представления людей о культурных ценностях и универсалиях.

Список литературы

Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1972. – 224 с.

Гилевич Е.В. Традиционный орнамент как семиотическая структура: автореф. дис. … канд. культурологии. – М., 2012. – 24 с.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. – М.: Сов. Россия, 1963. – 167 с.

Кидиекова И.К. Орнамент хакасов. – Абакан: [Б. и.], 1996. – Ч. I. – 159 с.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративно-прикладное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука, 1990. – 216 с.

Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.: Наука, 1969. – С. 396–434.

Эдоков В.И. Художественная обработка металла в Горном Алтае // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. науч.-исслед. ин-та истории, языка и лит-ры, 1988. – С. 260–274.

References

Edokov V.I. Hudozhestvennaya obrabotka metalla v Gornom Altae. in *Problemy izuchenija drevnei kul'tury naseleniya Gornogo Altaya.* Gorno-Altaisk: Gorno-Altajsk Nauchno-issledovatrlskiy institut istorii, jazyka i literatury, 1988, pp. 260–274 (in Russ.).

Gilevich E.V. Traditsionnyi ornament kak semioticheskaya struktura: cand. sc. (culturogy) dissertation abstract. Moscow, 2012, 24 p. (in Russ.).

Ivanov S.V. Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1963, 167 p. (in Russ.).

Kidiekova I.K. Ornament hakasov. Abakan: [s. n.], 1996, pt. I, 159 p. (in Russ.).

Kyzlasov L.R., Korol' G.G. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo srednevekovyh hakasov kak istoricheskii istochnik. Moscow: Nauka, 1990, 216 p. (in Russ.).

Ornament. in *Istoriko-jetnograficheskij atlas Sibiri*. Moscow: Nauka, 1969, pp. 396–434 (in Russ.).

Vainshtein S.I. Istoriya narodnogo iskusstva Tuvy. Moscow, Nauka, 1972, 224 p. (in Russ.).

УДК 391.7

И.В. Сальникова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: salnikovair52@gmail.com

Фигура семейного духа-покровителя манси с бронзовой лягушкой

В религиозно-мифологических представлениях обских угров большую роль играла лягушка. В духовной обрядовой практике лягушка представляется как родовой или семейный дух-покровитель. Новые сведения о наличии культа лягушки получены в ходе работы приполярного этнографического отряда. Найдена фигура семейного духа-покровителя, основой которого является средневековая литая бронзовая фигурка лягушки. Фигура духа была сформирована в 30–50-х гг. XX в. Находка свидетельствует о широком распространении и большой древности тотемного культа лягушки.

Ключевые слова: *культ лягушки, дух-покровитель, тотем, манси, обрядовая практика.*

I.V. Salnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: salnikovair52@gmail.com

Figure of a Mansi Family Guardian Spirit with the Bronze Frog

The frog played an important role in the religious and mythological beliefs of the Ob-Ugric people. In ritual practices, frogs are perceived as a tribal or family guardian spirit. New data on the existence of the frog cult have been obtained by the subpolar ethnographic team. A figure of a family guardian spirit, the base of which was a medieval cast bronze figurine of the frog, was discovered. The figure of the spirit was made in the 1930s–1950s. This finding is the evidence of wide circulation and great age of the totemic cult of the frog.

Keywords: *frog cult, guardian spirit, totem, Mansi, ritual practice.*

Большим почитанием у обских угров пользовалась лягушка, которую называли «между кочек живущая женщина». По мнению Е.В. Перевалова, «у обских угров, чье традиционное мировоззрение основывается на близости-родстве с природой, существует особая категория животных – так называемые “священные звери-птицы”, отношение к которым табуировано» [Перевалова, 2010, с. 119]. К таким животным относится и лягушка. Угроведы отмечают архаичность этого образа, у многих родов лягушка считалась главным божеством.

З.П. Соколова отмечает, «что культ лягушки – родоначальницы генеалогической группы нарасмахум (“болотный народ”) – известен у манси Северной Сосьвы (Хангласам-пауль). Здесь лягушку называли Нарас-най (“Болотная Великая женщина”) или Лус-Халь эква (“Между кочками живущая женщина”). Ее имя табуировалось, о ней можно было говорить только иносказательно» [Соколова, 2009, с. 524].

Сведения о широком распространении культа лягушки зафиксированы в исследованиях И.Н. Гемуева и А.В. Бауло [1999, с. 41, 75; Бауло, 2002, с. 32, 44, 61]. Изучая мировоззрение обских угров, в ходе этнографических экспедиций в верхнем течении реки Сосьвы, авторы отметили устойчивость духовной культуры в обожествлении древних образов, в частности образа лягушки. В домашнем святилище «на дне чемодана лежали берестяные фигурки лягушки, завернутые в фольгу» [Гемуев, Бауло, 1999, с. 41]. Среди домашних фетишей хранилась фигурка лягушки (резиновая игрушка, завернутая в платок), считалось, что она приносит удачу в охоте и рыбалке [Гемуев, Бауло, 1999, с. 76]. «По словам нашего информатора Н.А. Пупсикова, самое святое место в бассейне реки Ялбынья – это святилище Лус-хал-эквы – Ля-

Рис. 1. Бронзовая фигура лягушки.

гушки, фигура которой сделана из дерева в рост женщины, на ней надеты платья и халаты большого размера» [Гемуев, Бауло, 1999, с. 75, 76].

Исследователи отмечают связь лягушки с промысловыми обрядами, «зависимость человека от природы, населенной по его представлениям различными духами-покровителями заставляла часто обращаться к ним за помощью. Наиболее часто обращались к лягушке, культ которой был широко распространен по всему Нижнему Приобью и выражался в хранении в "святом сундуке" изображений лягушки или шкурки и "угощение" ее перед началом промысла» [Бауло, 2002, с. 76].

З.П. Соколова, которая обобщила материалы, посвященные культу лягушки у обских угров, делает вывод, что географический ареал бытования традиции почитании лягушки широк. Она считает, что данный культ имеет «фратриальный характер, на стадии культа предков, изображение лягушки играло роль "вместилища души-имени", отсюда и особая ее роль при родах и свадебных обрядах» [Соколова, 2009, с. 526].

Задачей статьи является введение в научный оборот новых свидетельств, дающих основание говорить о глубокой древности культа лягушки.

Подтверждением данного факта является фигура семейного духа-покровителя, основой которого является литая бронзовая фигурка лягушки. Фигура духа была найдена в ходе мониторинга культовых мест Приполярным этнографическим отрядом ИАЭТ СО РАН (руководитель А.В. Бауло) в одном из заброшенных селений Березовского р-на ХМАО – Югры.

Подробнее остановимся на детальном описании фигуры духа. Первичным вложением является фигура лягушки (рис. 1). Она отлита в односторонней форме, внутренняя сторона необработанная. Образ достаточно реалистичен, фигура объемная, туловище вытянуто и опирается на поднятые вверх лапы, голова животного приподнята. Скелет подчеркнут рельефом – ребра косыми линиями, позвоночник обозначен продольным рядом выпуклых прямоугольников, конечности украшены линиями, в нижней части вдоль позвоночника – каплевидные выемки. Голова рептилии ромбовидной формы, глаза выделены ромбами. Фигурка имеет литейный брак – нижняя левая ножка короче правой, обломан хвост, следы неубранной бронзы по абрису головы. Размеры фигуры 6,2 см × 4,3 см. Она относится к достаточно распространенным образцам бронзолитейного производства X–XII вв.

Лягушка была завернута в шелковую, фабричного производства, атласную ленту вишневого цвета. С фигуркой находились серебряные монеты – 10 коп. 1925 г., 15 коп. 1929 г. и никелевая монета 20 коп. 1931 г.; на одном конце ленты завязан узелок с монетой 15 коп. 1951 г. Длина ленты 134 см, ширина 4,6 см.

Фигурка, завернутая в ленту с прикладами из монет, была заложена в отрезок шелковой репсовой ткани. Ткань двухцветная – лицевая сторона имеет ярко-фиолетовую окраску, тыльная – малиновую. Размеры отрезка ткани 70 × 68 см. При этом фигурка лягушки в тканевой обмотке стала обозначать голову духа. На эту импровизированную голову были надеты четыре головных платка из хлопчатобумажной ткани фабричного производства. Первый платок пошит на Сосневской отделочной фабрике, о чем свидетельствует надпись на канве. Сосневская фабрика до 1917 г. значилась как Сосневская мануфактура Товарищества Покровской и входила в состав ситце-платочно-набивной мануфактуры П.Н. Грязнова г. Иваново, она просуществовала до 50-х г. XX в. (http://trojza.blogspot.ru/2012/01/1959-3.html). В углах платков завязаны монеты – 20 коп. 1936 г., 20 коп. 1943 г., 20 коп. 1949 г. Головные платки имеют белый фон, три из них украшены набивным одноцветным орнаментом по краю, самый большой декорирован по краю двухцветным растительным орнаментом. Платки не были в употреблении, хотя на одном из них в углу с узелком с монетой видны следы жертвенной крови. Размеры платков

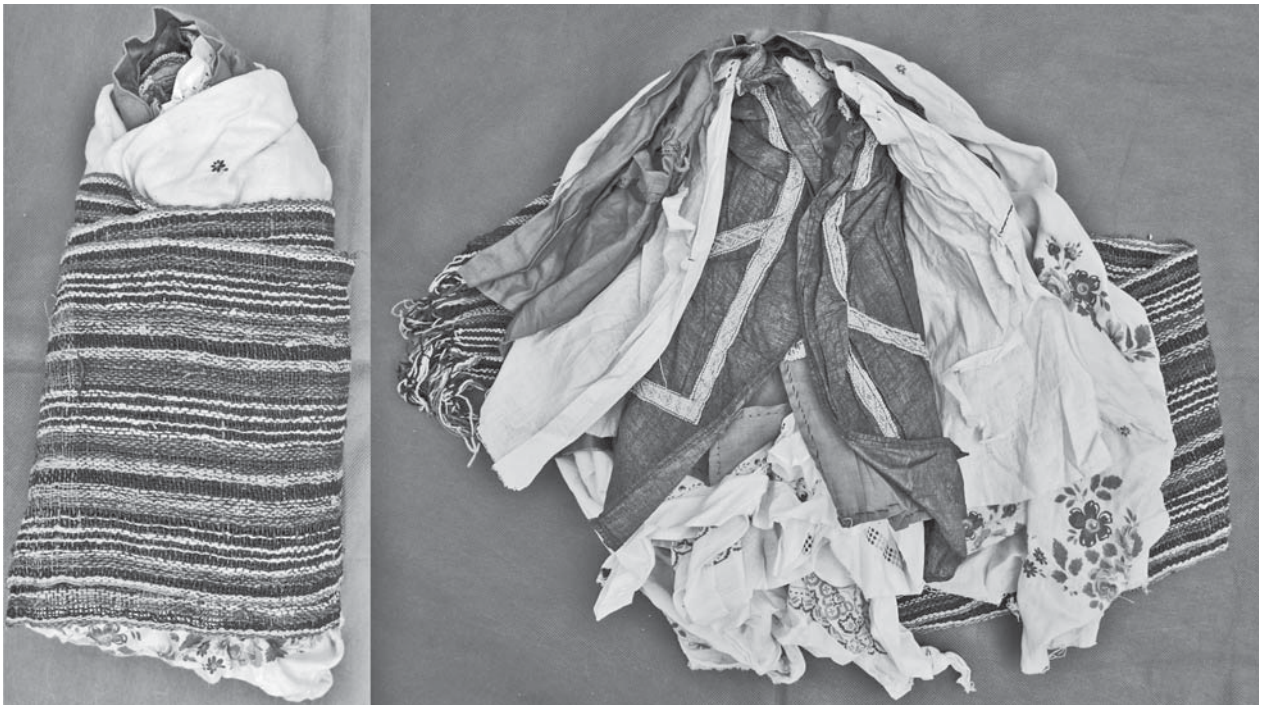

Рис. 2. Фигура духа и его одежда.

62 × 62 см (3 шт.) и 70 × 70 см. Платки формируют голову и тело духа. На эту фигуру надеты четыре халата.

Первый изготовлен из хлопчатобумажной ткани розового цвета, выполнен из двух кусков ткани, рукава цельнокроеные, пояс украшен позументом желтого цвета с золотистой нитью. Сшит халат на руках черными нитками, пройма не зашита. Размеры 33 × 57 см. Второй халат сшит на машинке из хлопчатобумажной ткани фиолетового цвета, рукава втачные, воротник – стойка; воротник, борта и подол украшены позументом, позумент на подоле образует декоративный треугольник, проймы незашитые. Размеры 40 × 44 см. Третий халат изготовлен из хлопчатобумажной ткани белого цвета, сшит вручную черными нитками, рукава цельнокроеные, проймы не зашиты, воротник – стойка, борта имеют завязки. Размеры 36 × 52 см. Последний халат, темно-голубого цвета, изготовлен из хлопчатобумажной ткани, покрой аналогичен белому халату, только завязки пришиты к воротнику-стойке.

Сформированная фигура духа завернута в тонкий шерстяной платок желтого цвета с бордюром из цветочного орнамента и подпоясана широким поясом (рис. 2). Размеры платка 90 × 90 см. Пояс тканный, изготовлен на ткацком стане из ниток растительного происхождения разной толщины и скрутки, переплетение простое полотняное, чередуются красные, белые, коричневые, черные, розовые продольные полосы разной ширины, концы пояса украшены бахромой. Размеры 19,3 × 240 см. Подобные пояса изготавливались коми-зырянами, но использовались и манси.

По монетам и надписи на канве платка можно предположить, что фигура духа формировалась с 1930-х гг., в 1950-х гг. он принял свой окончательный вид и хранился в священном месте как дух-покровитель мансийской семьи.

Остается открытым вопрос о датировке бронзовой отливки фигурки лягушки. Несомненно, что она относится к эпохе Средневековья. Аналогии в традиции декорирования изделия видны в изображении в фигурке животного из сборов М.Л. Истомина. «Вытянутая стилизованная фигура животного вписана в овальную рамку с зауженными концами так, что лапы животного опираются на рамку, хвост – в узкий конец рамки, а голова сливается с противоположным, также узким концом. По рамке изделия и поперек хвоста животного нанесены резкие углубления, вдоль спины зверя выполнены глубокие овалы, от которых отходят штрихи-углубления, имитирующие ребра (?). На плоской, переданной в проекции сверху, голове животного нанесены большие овальные глаза. Размеры 9,3 × 2,2 см» [Бауло, Истомин, Федорова, 2005, с. 132]. И хотя, по мнению авторов, «видовая принадлежность изображения затруднена», на наш взгляд, прослеживается немало общих черт в декорировании изделия: рельефами подчеркнуты ребра амфибии, круглыми углублениями обозначены глаза, отмечен позвоночник.

Использование средневековых бронзовых фигурок животных (медведи, заяц) в обрядовой сфере северных манси описано ранее, бронзовая фигурка лягушки как основа образа семейного божка встречена впервые.

Список литературы

Бауло А.В. Культовая атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 91 с.

Бауло А.В., Истомин М.Л., Федорова Н.В. Новые находки средневековых бронзовых изделий на севере Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 126–135.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси в верховьях Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 239 с.

Перевалова Е.В. Между кочек живущая женщина (культ лягушки у обских угров) // Урал. ист. вестн. – 2010. – № 1 (26). – С. 119–129.

Соколова З.П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. – М.: Наука, 2009. – 756 с.

References

Baulo A.V. Kul'tovaja atributika berezovskih hantov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, 91 p. (in Russ.).

Baulo A.V., Istomin M.L., Fedorova N.V. Novye nahodki srednevekovyh bronzovyh izdelij na severe Zapadnoj Sibiri. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Evrasia,* 2005, No. 4, pp. 126–135 (in Russ.).

Gemuev I.N., Baulo A.V. Svjatilishcha mansi v verhov'jah Severnoj Sos'vy. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1999, 239 p. (in Russ.).

Perevalova E.V. Mezhdu kochek zhivushhaja zhenshhina (kul't ljagushki u obskih ugrov). In *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2010, pp. 119–129 (in Russ.).

Sokolova Z.P. Hanty i mansi. Vzgljad iz XXI veka. Moskow: Nauka, 2009, 756 p. (in Russ.).

УДК 930.85 + 391

Е.Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: mf11@mail.ru

Знаково-символические функции русской традиционной одежды в исследованиях культурологов, искусствоведов, психологов, этнографов

В подходах к проблеме символики традиционного русского костюма среди специалистов разных областей гуманитарного знания наблюдаются как общие тенденции, так и различия, обусловленные спецификой методологической базы и источников. Новизна статьи заключается в том, что автор, анализируя различные подходы ученых к исследованию знаково-символических функций традиционной одежды, пришла к заключению об отсутствии внимания к образно-ассоциативной функции. Для раскрытия образно-ассоциативной функции предлагается анализировать тексты-описания традиционной одежды «из первых рук», т.е. со слов ее непосредственных носителей или их потомков, записи современников и пр.

Ключевые слова: *знаково-символические функции, образно-ассоциативные функции, русская традиционная одежда, Сибирь.*

E.F. Fursova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: mf11@mail.ru

Semantic and Symbolic Functions of Russian Traditional Clothing in the Research of the Cultural Studies Scholars, Art Historians, Psychologists, and Ethnographers

The approaches of scholars from different fields of humanities to the problem of symbolism in Russian traditional clothing show both common trends and differences due to specific aspects of their methodological bases and sources. The novelty of this article is that the author has analyzed different approaches to the study of semantic and symbolic functions of traditional clothing and has come to conclusion about the lack of attention to the image-associative function. For identifying the image-associative function, it is proposed to analyze the "firsthand" texts with descriptions of traditional clothing according to the words of informants or their descendants, records of contemporaries, etc.

Keywords: *semantic and symbolic functions, image-associative function, Russian traditional clothing, Siberia.*

С семиотической точки зрения культура представляет собой язык или совокупность языков, распределенных по своим функциям [Успенский, 1996, с. 4]. С помощью совокупности знаковых систем народ поддерживает и оберегает свои ценности, своеобразие своей культуры и ее связи с окружающим миром.

Одним из первых исследователей, обративших внимание на функции и знаковость народного костюма, был П.Г. Богатырев, выделивший практическую, сословную, национальную, магическую, религиозную (различие вероисповедания), половозрастную, эстетическую, профессиональную, региональную, эротическую и моральную функции [2007, с. 252]. Каждая из этих функций создала в реальном бытовании собственную семиотическую конструкцию.

Культурологи и историки искусства рассматривают символику традиционного костюма в контексте духовного наследия, исторического опыта, творческих исканий смысла жизни, своеобразного обобщения и осмысления повседневной жизни и быта. Е.О. Денисова высказала мнение, что традиционный костюм является выражением духов-

ности русского народа, своего рода универсалией культуры. Меньше всего, в представлении автора, традиция похожа на застывший обряд, «торжество формы, облаченной в архаичные костюмы» [2011, с. 170–171]. В последние годы появились статьи, в которых авторы делают попытку спроецировать знаковую сущность традиционного костюма на современность, повседневный быт, искусство и декоративно-прикладное творчество. По мнению Е.А. Шипиловой, язык культуры в широком смысле представляет собой взаимодополняемую систему вербальных и невербальных способов обмена информацией. Вводя понятие «костюмный код» (калька dresscode), автор подчеркивает, что посредством комбинирования предметов одежды и сочетания их в определенной совокупности можно сделать сообщение, понятное другим носителям конкретной культуры [2015, с. 81].

В рамках искусствоведения традиционный костюм представлен как эстетический художественный феномен, предмет декоративно-прикладного искусства. Художественному образу мира в русских костюмах, принципам орнаментальности, художественно-техническим приемам посвящено немало работ искусствоведов, в которых прослеживаются отношения человека с невидимыми и неведомыми силами, неразрывность с родной землей [Мерцалова, 1975]. Многие авторы видят в костюме художественное воплощение космологических представлений о мире, его сложном трехчастном строении [Камалиева, 2014]. Художественные символы неба и его обитателей, земли и солнца, преисподней, воплотившиеся в символике костюмов и орнаментов, рассматриваются исследователями с учетом сюжетов героических эпосов, хотя далеко не всегда подтверждаются этнографическими материалами. Следует также отметить, что при рассмотрении самобытности и оригинальности русских орнаментов авторы апеллируют к северным или южнорусским традициям, однако практически никогда не привлекают сибирские орнаментальные композиции.

С психологической точки зрения символ неразрывно связан с коллективным бессознательным. По мнению К.Г. Юнга и других сторонников аналитической психологии, символ всегда больше, чем рациональное понятие, потому что уходит корнями в бессознательное [Юнг и др., 1997, с. 91–97]. Психологи обращают особое внимание на значимость коммуникационной составляющей: каждая культура в процессе своего развития создает различные системы символов, призванных выступать своеобразными кодами для ее носителей, и личность, чтобы стать «своим» в культуре, должна освоить эти коды. В реальном общении символ никогда не сводится к одному определенному значению, он всегда веер возможностей и смысловых перспектив. В истории человечества создано огромное количество символов, регулирующих поведение индивидуумов в социуме и помогающих осуществлять их совместную деятельность [Хмиляр, 2014].

Филологи, лингвисты осуществляют реконструкцию слов и значений, видя в этом верный путь к реконструкции славянской культуры во всех ее проявлениях [Трубачев, 2002, с. 12]. Анализируя символику русских названий одежды в этнолингвистическом аспекте, ученые пришли к выводу, что система русских символических названий одежды тесно связана с другими семиотическими системами – системой обрядовых образов, религиозных символов, системой народных примет и др. [Банкова, 2017, с. 13]. Среди анализируемых символов выделяются две противоположные по способу отражения понятий группы: конкретные («шапка»), абстрактные («риза») [Томилина, 2005].

Причастность традиционной одежды разного назначения к процессам этногенеза и этнической истории позволяет этнографам видеть в ней полноценный источник. Функции компонентов костюма в семейных и календарных обрядах, ритуальной практике рассмотрены в монографии Г.С. Масловой [1984]. Включенные в ритуальную практику предметы традиционного костюма проанализированы во многих трудах этнографов на материалах одежды народов Центральной России, Русского Севера, Поволжья, Сибири. Авторы выявляют этнокультурную символику видов одежды, головных уборов, украшений, обуви и пр. на конкретных фактических материалах, как правило, собранных в ходе работ с музейными коллекциями и во время полевых экспедиций, т.е. получают информацию «из первых рук». Ученые пришли к обоснованному заключению, что обрядовые костюмы конца XIX – начала XX в. отражали специфические особенности внешнего вида участников ритуалов, наиболее существенные этапы семейных и календарных обрядов, религиозные воззрения, т.е. были важнейшими культурными символами, «языком знаков».

Поиски культурных доминант традиционной одежды старожилов-сибиряков, включая чалдонов, северно- и южнорусских переселенцев Сибири начала XX в., позволили сделать вывод о трансформациях внешнего вида новоселов не только и не столько в связи с изменившимися природно-климатическими условиями, но и из-за стремления избавиться от культурной идентичности [Фурсова, 2017]. Российские переселенцы сознательно шли на утрату привычных смыслов традиционных

костюмов, конкретных видов одежды, орнаментов, цветовой гаммы, чтобы стать «своими» в сообществе старожилов.

Вместе с тем традиционным костюмам были присущи образность, ассоциативность, в них в полной мере отражался духовный мир крестьян, передавалось чувство гармоничного единения с природой, ощущение родственных связей с ней. В качестве примера можно привести распространенный образ девушки-«павы», о котором нам несколько раз рассказывали информанты преклонного возраста в селах старообрядцев-«поляков» Центрального и Южного Алтая. «Раньше девка идет – бежишь повдоль дороги, смотришь, прошла – еще забегаешь вперед смотреть. Идет как пава – хвост туды-сюды, туды-сюды!» (ПМА, 1978, 1979). «Хвостом» называли в женских сарафанах шлейф на спине, который образовывался за счет того, что кошеные полотна удлинялись и вместе с задним почти касались земли. В подобных рассказах словами мужчины передавалось восприятие девушки или молодой женщины, принятое в сельской местности Сибири периода конца XIX – начала XX в. В образе «павы» сочетались не только статность, красота, но и холодность, неприступность для внешнего наблюдателя, т.е. стандартные представления о красоте. Не случайно отмеченное мужчинами движение хвоста «туды-сюды», видимо, заставляло их сердца стучать быстрее.

Образ «сибирского медведя», который сформировался под влиянием комплекса просторной меховой одежды для зимы, можно считать сибирским брендом. Рассказы о зимнем костюме довольно типичны: «Мужчины носили тулупы с высоким воротником. Рукавички пуховые до локтя. Пимы до колен с вышивкой. Их покупали и носили мужики. Мужики носили чембары широкие-е!» (ПМА, 2017, д. Крутологово Коченевского р-на Новосиб. обл.). Добавим к этому распространенность у русских Сибири медвежьих образов в маскарадных ряжениях на Святках [Фурсова, 1994].

Историографический обзор ряда трудов, посвященных символике традиционной одежды, показал, что из поля зрения ученых выпала образно-ассоциативная функция, в которой отражалось национальное художественное мышление сибиряков, в т.ч. восприятие самих себя. Для раскрытия этой функции необходимо не только исследовать виды одежды, орнаменты, терминологию, крой, технические приемы и пр., но и анализировать тексты-описания традиционной одежды со слов ее непосредственных носителей или их потомков, записи современников и пр.

Список литературы

Банкова Т.Б. Свадебный наряд невесты в аспекте лингвокультурологической интерпретации (на материале говоров Среднего Приобья) // Народный костюм в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – С. 13–15.

Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Народная культура славян. – М.: ОГИ, 2007. – С. 215–275.

Денисова Е.О. Символика традиционного русского костюма как отражение особенностей русской духовности // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2011. – № 2-2. – С. 170–171.

Камалиева А.С. Образ мира в башкирском женском народном костюме // Вестн. ВЭГУ. – 2014. – № 6 (74). – С. 137–143.

Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах. XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1984. – 216 с.

Мерцалова М.Н. Поэзия народного костюма. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 191 с.

Томилина Г.Я. Русская лексика одежды в символическом употреблении // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. – 2005. – № 1. – С. 192–196.

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. – М.: Наука, 2002. – 490 с.

Успенский Б.А. Избранные труды. – Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 608 с.

Фурсова Е.Ф. «Шуликаны» и нечистая сила в селах Западной Сибири // Гум. науки в Сибири. – 1994. – № 3. – С. 68–80.

Фурсова Е.Ф. Символика традиционной одежды как проявление этнокультурных идентичностей «свои/другие» в Сибири // Гум. науки в Сибири. – 2017. – № 2. – С. 63–66.

Хмиляр О.Ф. Символ как психологический код, регулирующий общение личности // Актуальные вопросы современной науки. – 2014. – № 35. – С. 97–106.

Шипилова Е.А. Современный подход к изучению костюма как культурного кода // Аналитика культурологии. – 2015. – № 31. – С. 79–85.

Юнг К.Г., фон Франц М.Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997. – 368 с.

References

Bankova T.B. Svadebnyi naryad nevesty v aspekte lingvokul'turologicheskoi interpretatsii (na materiale govorov Srednego Priob'ya). In *Narodnyi kostyum v Sibiri*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, pp. 13–15 (in Russ.).

Bogatyrev P.G. Funktsii natsional'nogo kostyuma v Moravskoi Slovakii. *Narodnaya kul'tura slavyan*. Moscow: OGI, 2007, pp. 215–275 (in Russ.).

Denisova E.O. Simvolika traditsionnogo russkogo kostyuma kak otrazhenie osobennostei russkoi dukhovnosti. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, No. 2-2, pp. 170–171 (in Russ.).

Fursova E.F. "Shulikany" i nechistaya sila v selakh Zapadnoi Sibiri. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 1994, No. 3, pp. 68–80 (in Russ.).

Fursova E.F. Simvolika traditsionnoi odezhdy kak proyavlenie etnokul'turnykh identichnostei "svoi/drugie" v Sibiri. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2017, No. 2, pp. 63–66 (in Russ.).

Kamalieva A.S. Obraz mira v bashkirskom zhenskom narodnom kostyume. Vestnik Vostochnoi ekonomiko-yuridicheskoi gumanitarnoi akademii, 2014, No. 6 (74), pp. 137–143 (in Russ.).

Khmilyar O.F. Simvol kak psikhologicheskii kod, reguliruyushchii obshchenie lichnosti. *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki*, 2014, No. 35, pp. 97–106 (in Russ.).

Maslova G.S. Narodnaya odezhda v vostochno-slavyanskikh traditsionnykh obychayakh i obryadakh. XIX – nachalo XX v. Moscow: Nauka, 1984, 216 p. (in Russ.).

Mertsalova M.N. Poeziya narodnogo kostyuma. Moscow: Molodaya gvardiya, 1975, 191 p. (in Russ.).

Shipilova E.A. Sovremennyi podkhod k izucheniyu kostyuma kak kul'turnogo koda. *Analitika kul'turologii*, 2015, No. 31, pp. 79–85 (in Russ.).

Tomilina G.Ya. Russkaya leksika odezhdy v simvolicheskom upotreblenii. *Visnik Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu. Filologichni nauki*, 2005, No. 1, pp. 192–196 (in Russ.).

Trubachev O.N. Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya. Moscow: Nauka, 2002, 490 p. (in Russ.).

Uspenskii B.A. Izbrannye trudy. Vol. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. Moscow: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1996, 608 p. (in Russ.).

Yung K.G., fon Frants M.L., Khenderson Dzh.L., Yakobi I., Yaffe A. Chelovek i ego simvoly. Moscow: Serebryanye niti, 1997, 368 p. (in Russ.).

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902.2

Н.В. Басова, А.В. Постнов, А.Л. Нестеркина, В.В. Ахметов, А.А. Морозов

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: bass15@yandex.ru

Результаты охранно-спасательных раскопок на поселении Турист-2 в Новосибирске в 2017 году

В полевой сезон 2017 г. Отделом охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН проведены спасательные археологические раскопки поселения Турист-2 в черте г. Новосибирска, на террасе правого берега р. Обь. На поселении была вскрыта площадь 6 040 м^2, обнаружено два типа археологических комплексов – поселенческий (эпоха неолита, поздний бронзовый век) и погребальный (ранний бронзовый век, Средневековье). Зафиксировано 10 394 артефакта, в числе которых присутствуют целые керамические сосуды и их фрагменты, изделия из камня, бронзы, глины, кости животных. Благодаря охранно-спасательным работам на поселении удалось выявить жилище ирменской археологической культуры и могильник раннего бронзового века с уникальными скульптурными изображениями животных и человека.

Ключевые слова: *Новосибирск, р. Обь, охранно-спасательные археологические раскопки, бронзовый век, ирменская археологическая культура, поселение, могильник.*

N.V. Basova, A.V. Postnov, A.L. Nesterkina, V.V. Akhmetov, A.A. Morozov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: bass15@yandex.ru

Results of Conservation and Rescue Archaeological Excavations at the Site of Turist-2 in Novosibirsk City in 2017

In the field season of 2017, the Department of Conservation and Rescue Archeology at the IAET SB RAS conducted rescue archaeological excavations at the settlement of Tourist-2 located on the terrace of the right bank of the Ob River in the city of Novosibirsk. The area of 6040 m^2 was excavated; two types of archaeological complexes were found – a settlement (the Neolithic and the Late Bronze Age) and a burial ground (the Early Bronze Age and the Middle Ages). Ten thousand three hundred and ninety four artifacts were discovered including intact ceramic vessels and their fragments, articles made of stone, bronze, clay, and animal bones. The rescue operations at the settlement have made it possible to find a dwelling of the Irmen archaeological culture and a burial ground of the Early Bronze Age with the unique sculptural representations of animals and humans.

Keywords: *Novosibirsk, Ob River, conservation and rescue archaeological excavations, Bronze Age, Irmen archaeological culture, settlement, burial ground.*

С июля по конец сентября 2017 г. Отделом охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН проводились археологические раскопки на поселении Турист-2 в черте г. Новосибирска.

Поселение Турист-2, расположенное на возвышении надпойменной террасы правого берега р. Обь, в 200 м на север от нижней изголови о. Высокий, в 1,3 км севернее устья р. Иня (Бугринского моста), открыто Е.А. Сидоровым. Памятник обнаружен по фрагментам керамики, костей человека и животных, каменным орудиям, собранным на картофельных полях в разрытиях. Первые археологические раскопки на памятнике проведены С.Г. Росляковым в мае 1990 г. К моменту исследования территория памятника была завалена грунтом и перерезана траншеей. Незасыпанной оставалась небольшая площадка на юго-западном краю террасы. Здесь С.Г. Росляковым было заложено два

раскопа общей площадью 49 м^2. В раскопе № 2 выявлен участок рва, хозяйственная яма и столбовые ямки, найдены фрагменты керамики эпохи ранней и поздней бронзы, кости животных, отщеп и бараний альчик со следами обработки [Молодин и др., 1993, с. 6–7].

В 2005 г. экспедицией Научно-производственного центра по Новосибирской обл. под руководством С.В. Колонцова на поселении проводились рекогносцировочные археологические работы. Для определения границ поселения была заложена серия разведочных квадратов размерами 2 × 2 м^2, общей площадью 188 м^2. В ходе этих работ обнаружено большое количество археологического материала эпохи неолита (IV–III тыс. до н.э.), ранней и поздней бронзы (XVII–VIII вв. до н.э.) и раннего железного века (III в. до н.э. – III в. н.э.): каменные топоры, дротики, наконечники стрел, отщепы, фрагменты керамических сосудов. Установлено, что на площади 4 500 м^2 в границах археологического объекта сохранился культурный слой [Колонцов, 2005].

В 2017 г. отрядом под руководством канд. ист. наук Н.В. Басовой на поселении Турист-2 проведены масштабные охранно-спасательные археологические раскопки. В ходе работ выяснилось, что местами археологический материал и культурный слой выходят за установленные в 2012 г. границы памятника. В связи с определенной федеральным законодательством необходимостью полного изучения культурного слоя ОАН, планируемая для раскопок площадь была значительно увеличена по отношению к определенной ранее территории поселения. В результате на памятнике была изучена единым раскопом площадь 6 040 м^2 (см. *рисунок*, *1*), получена представительная коллекция археологического материала, включающая 10 394 предмета.

С точки зрения стратиграфии памятник оказался очень сложным, поскольку на протяжении длительного времени его территория подвергалась постоянным техногенным вмешательствам. Интенсивная антропогенная деятельность последних столетий негативно сказалась на сохранности культурных слоев в северной, центрально-восточной и западной частях памятника. В XX в. в границах поселения находилось картофельное поле, затем с его поверхности брали грунт для озеленения города, а на место выборки грунта закапывали строительный мусор. На этой же площадке регулярно велись работы по добыче песка со дна р. Оби. Большое количество этого песка в обратном потоке воды выбрасывалось на берег. Кроме того, в 2017 г. совместные работы с геологами показали, что отложения, содержащие поселенческий культурный слой ирменского времени и могильник, оказались смыты на 1,5 м вниз до места выхода коренных пород, на запад, ближе к р. Обь. Это событие, как предполагается, было связано с мощным землетрясением. Территорию памятника захлестнуло волной-цунамитом, которая поднялась из реки после сильного подземного толчка. Здесь, на юго-западной периферии ОАН, были заложены дополнительные раскопы глубиной более 2 м, которые позволили зафиксировать вышеописанное событие и многочисленные археологические артефакты, в т.ч. замечательное бронзовое шило в костяной оправе, фрагменты керамики и предметы из камня.

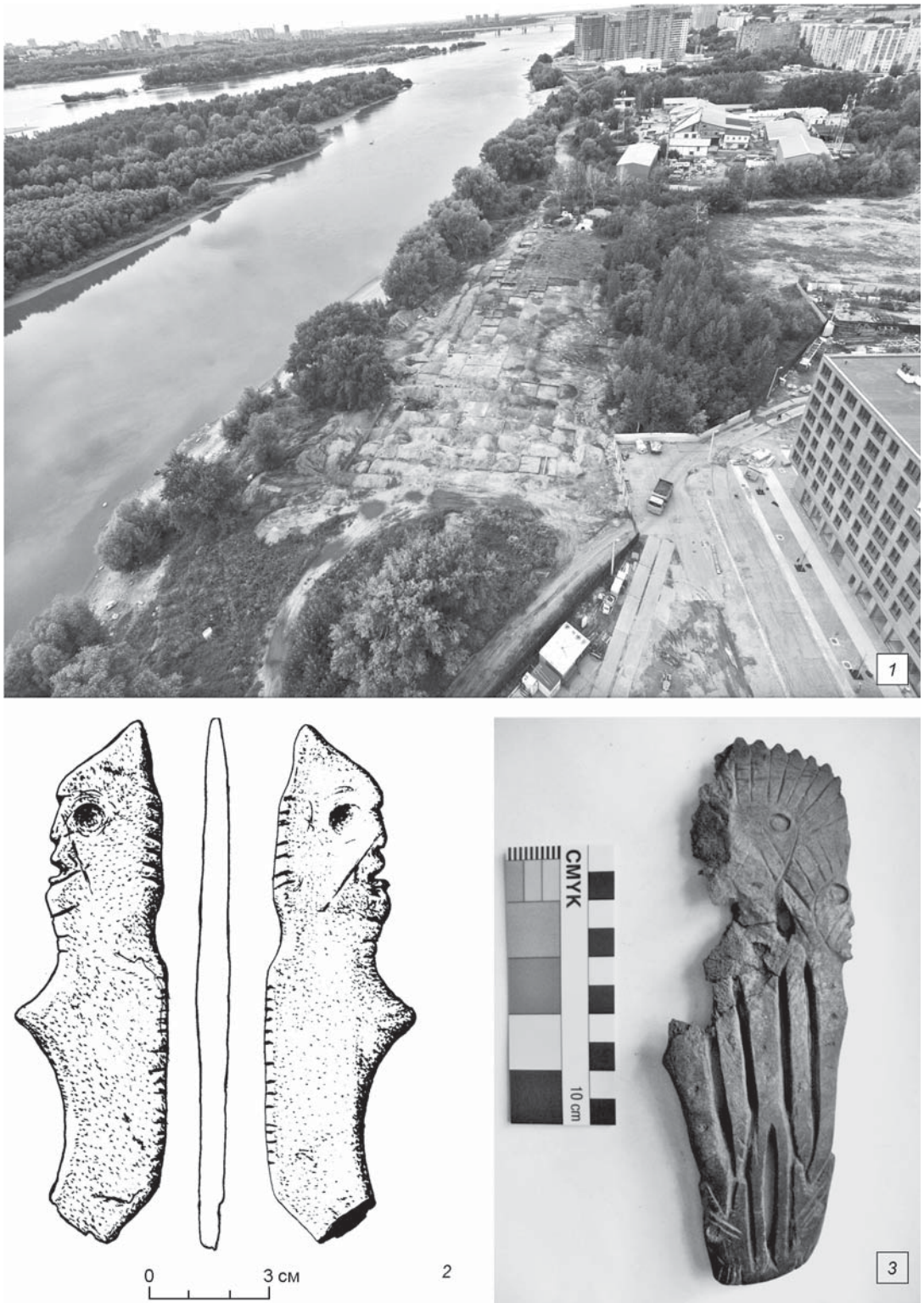
Охранно-спасательные полевые работы 2017 г. выявили на площади памятника различные виды археологических объектов: поселенческий комплекс и могильник.

К поселенческому комплексу относится обнаруженное в юго-западной части памятника жилище ирменской археологической культуры, а также совокупность хозяйственных ям и культурный слой неолитического времени.

Неолитический комплекс локализовался в северной части памятника. В культурном слое обнаружены каменные артефакты, в числе которых тесла, скребла, скребки, резцы, долотовидные орудия, грузила.

Котлован ирменского жилища № 1 имеет правильную подчетырехугольную в плане форму, углублен в материк на 0,3–0,4 м. Его площадь составляет 168 м^2. Пол жилища относительно ровный, с небольшим понижением на запад. Ямы для опорных столбов расположены вдоль внутренней кромки камеры, по периметру, а также в центральной части жилища. Их вертикальные разрезы свидетельствуют о прямостенной конструкции жилища. В центральной части постройки выявлена хозяйственная яма 1,0 × 0,9 м, глубиной 0,83 м, заполненная костями животных и фрагментами керамики. Вероятно, жилище было полуземным. Очажного устройства не обнаружено, поэтому можно предположить, что жилище являлось сезонным и было рассчитано на благоприятный период года.

На площади памятника обнаружен могильник, содержащий 22 погребения. Двадцать одно погребение относится к эпохе раннего бронзового века. Они содержат захоронения в углубленных в материк грунтовых ямах по обряду трупоположения. Погребенные лежали на спине в вытянутой позе. Только часть погребений содержала керамический материал. Найденная керамика представлена плоскодонными керамическими сосудами баночной формы с текстильным орнаментом или с горизонтальными оттисками шагающей гребенки. Одно захоронение содержало останки, кремированные на стороне, и датируется эпохой Средневековья.

Выявленный объект археологического наследия – поселение Турист-2.

1 – местоположение памятника, вид на раскоп с юга; *2* – антропоморфная фигура из песчаника, погр. № 5 могильника; *3* – антропоморфная трехчастная личина из органического материала, погр. № 1 могильника.

Полученная в ходе раскопок 2017 г. коллекция археологических материалов включает фрагменты керамических сосудов, археологически целые горшки, глиняные пряслица, изделия из камня (орудия, заготовки, осколки и т.д.), манупорты, кости животных и изделия из кости, бронзовые предметы. Уникальные находки – предметы искусства – получены при раскопках могильника раннего бронзового

века. Это антропоморфные пряжки, накладки, нашивки, выполненные из капа березы, бивня мамонта и песчаника, а также прекрасные зооморфные изображения лося из сланца и хищной птицы из кости (см. *рисунок*, *2*). Иконографическое сходство наблюдается между обнаруженной в одном из погребений антропоморфной трехчастной личиной (один лик утрачен) (см. *рисунок*, *3*) и изображениями на стелах окуневской и каракольской археологических культур, где на головах также представлены похожие на перья многолучевые головные уборы [Кубарев, 2009, с. 38]. В целом система изображений на предметах, найденных в могильнике, сродни изделиям, выполненным самусьскими и окуневскими мастерами [Косарев, 2008, рис. 14, *4*; 26, *4*: 65; Молодин, Глушков, 1989]. Этот аспект позволяет отнести могильник на поселении Турист-2 к кругу ярких археологических культур раннего бронзового века. Он отличается выразительным набором предметов мобильного искусства, на сегодняшний день не имеющим полных аналогов среди одновременных культур на сопредельных территориях.

В настоящей статье представлены некоторые предварительные итоги охранно-спасательных археологических раскопок на поселении Турист-2. Дальнейшее более глубокое изучение полученных в ходе этих работ материалов поможет решить многие актуальные проблемы исследований эпохи бронзы Новосибирского Приобья.

Список литературы

Колонцов С.В. Отчет об рекогносцировочных археологических работах на территории археологического объекта поселение Турист-2, на участке отвода земель для строительства III микрорайона жилого района «Береговой» по ул. Большевистской в Октябрьском районе г. Новосибирска в Новосибирской области в 2005 году // Архив ИА РАН. Архив НПЦ. – 2005 г.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: по Сибирским археолого-этнографическим материалам. – М.: ИЦ «Слава!», Форт-профи. – 2008. – 416 с.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2009. – 264 с.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.

Молодин В.И., Новиков А.В., Росляков С.Г., Новикова О.И., Колонцов С.В. Археологические памятники города Новосибирска // Материалы «Свода памятников истории и культуры России». – Новосибирск: ВО «Наука», Сиб. издат. фирма. – 1993. – Вып. № 1. – 33 с.

References

Kolontsov S.V. Otchet ob rekognostsirovochnykh arkheologicheskikh rabotakh na territorii arkheologicheskogo ob»ekta poselenie Turist-2, na uchastke otvoda zemel' dlya stroitel'stva III mikroraiona zhilogo raiona *"*Beregovoi*"* po ul. Bol'shevistskoi v Oktyabr'skom raione, g. Novosibirska v Novosibirskoi oblasti v 2005 godu . Arkhiv IA RAS. Arkhiv NPTs, 2005 g. (in Russ.).

Kosarev M.F. Osnovy yazycheskogo miroponimaniya: po Sibirskim arkheologo-etnograficheskim materialam. Moscow: "Slava!", Fort-profi, 2008, 416 p. (in Russ.).

Kubarev V.D. Pamyatniki karakol'skoi kul'tury Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, 264 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Glushkov I.G. Samus'skaya kul'tura v Verkhnem Priob'e. Novosibirsk: Nauka, 1989, 168 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V., Roslyakov S.G., Novikova O.I., Kolontsov S.V. Arkheologicheskie pamyatniki goroda Novosibirska. In *Materialy "Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury Rossii"*. Novosibirsk: VO "Nauka". Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1993, iss. 1, 33 p. (in Russ.).

УДК 902.3

А.В. Кениг[1, 2], Е.А. Зайцева[2], В.М. Костомаров[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Сургутский государственный университет
[3]Институт проблем освоения Севера СО РАН
E-mail: akenig@bk.ru

Предварительные результаты геофизических исследований территории могильника Горноправдинский в 2017 году

В 2017 г. проведены геомагнитные исследования на разрушающемся могильнике Горноправдинский. Могильник является старым кладбищем с. Филинского, которое в конце XIX в. являлось административным центром Денщиковской волости Тобольского округа. Определить границы памятника в настоящее время не представляется возможным. Каких-либо ландшафтных признаков могильника на поверхности не фиксируется. На территории памятника располагается жилая застройка современного поселка. Предварительные геофизические исследования проведены с целью определения наличия захоронений. Съемка проводилась при помощи комплекса малоглубинной электроразведки ЭМС-49. Анализ данных электромагнитной съемки позволил определить целесообразность применения комплекса в предварительных работах на памятниках подобного типа. Можно говорить о положительных результатах использования геофизических приборов для определения границ данного памятника.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, археология, раскопки, могильник Горноправдинский, погребальный обряд, электромагнитная съемка.*

A.V. Kenig[1, 2], E.A. Zaitseva[2], V.M. Kostomarov[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Surgut State University
[3]Institute of the Problems of Northern Development
E-mail: akenig@bk.ru

Preliminary Results of the 2017 Geophysical Survey at the Gornopravdinsky Burial Ground

In 2017, geomagnetic research was done at the degrading Gornopravdinsky burial ground. This burial is an old cemetery of the Filinskoe village which was the administrative center of the Denshchikovskaya Volost of Tobolsk District in the late 19th century. Currently it is not possible to establish the boundaries of the site, and any landscape traces of the burial ground are absent from the surface. Residential development of the present-day village is currently located on the territory of the burial ground. Preliminary geophysical study was aimed at determining the existence of graves. The survey was conducted using an EMC-49 short-range electrical unit. The analysis of the data of electromagnetic survey has determined the feasibility of using the unit for preliminary work at the sites of this type. It is possible to speak about the positive results of using geophysical instruments for establishing the boundaries of that site.

Keywords: *Western Siberia, Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra, archaeology, excavations, Gornopravdinsky burial ground, burial rite, electromagnetic survey.*

В полевом сезоне 2017 г. были продолжены противоаварийные археологические работы на могильнике Горноправдинский, расположенном в нижнем течении р. Иртыш, на высоком правом коренном берегу, в урочище Филинская гора. В административном отношении это территория поселка Горноправдинск Ханты-Мансийского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Согласно историческим данным, в конце XIX в. эта территория входила в состав Денщиковской волости Тобольского округа с административным центром – с. Филинское [Конев, 2000,

с. 261]. Упоминания о Филинском погосте содержатся в материалах Г.Ф. Миллера за 1740 г.: «Филинский погост, на восточном берегу, в 10 верстах от дер. Пузиной. Имеет построенную для остяков церковь Вознесения Господня и 14 ямщицких дворов» [Миллер, 1996, с. 268].

Результаты дендрохронологических исследований показали, что захоронения на могильнике Горноправдинский существенно старше времени основания п. Горноправдинский (1964 г.) и относятся ко времени существования с. Филинское в период XVIII–XIX вв. [Баринов и др., 2016, с. 92].

Памятник был выявлен в 2005 г., когда в результате обрушения коренного берега р. Иртыш обнажились несколько захоронений в деревянных колодах [Зайцева, Кениг, 2007; Зайцева, 2009].

Уникальность данного памятника заключается в сохранности многих предметов из органических материалов, таких как деревянные колоды, дощатые гробы, кожаная обувь, а также изделия из ткани, что обычно характерно для памятников с мерзлотным культурным слоем.

Определить границы памятника в настоящее время не представляется возможным. Каких-либо ландшафтных признаков могильника на поверхности не фиксируется. Более того, на территории памятника располагается жилая застройка поселка Горноправдинск. И, несмотря на то, что берег Иртыша активно обрушается, подходя вплотную к домам, местные жители не спешат их покидать. По рассказам старожилов, еще в 1970–1980-е гг. по берегу, который к настоящему времени уже обвалился, проходили две улицы и стояли два ряда домов. О том, что берег активно разрушался еще в период функционирования кладбища (вторая половина XIX в.), мы узнали из чертежного плана «распланирования» села Филинского, датированного 1878 г. В нем есть указание на необходимость переноса сельского кладбища в связи с активным осыпанием берега р. Иртыш [ГАТО в г. Тобольске. Ф. 154, оп. 21]. Исходя из этого, можно предположить, что большая часть могильника уже утрачена, и мы имеем дело с его периферией. Интересно еще и то, что жители домов, которые стоят на месте бывшего кладбища, ничего не знали о его существовании. Лишь в ходе обустройства территории вокруг построенных домов (рытье котлованов под санитарные узлы или подвалов для хранения овощей) жители обнаруживали захоронения в деревянных колодах.

С целью определения наличия захоронений в грунте и возможности установить границы их распространения, в июне 2017 г. авторами настоящей статьи была предпринята первая попытка применения методов геофизических исследований при помощи прибора электромагнитного сканирования. Исходя из предыдущего опыта использования данного метода, было сделано несколько наблюдений, касающихся памятников и площадей обследования в разных географических зонах. Так, исследования, проводимые в степных участках Курганской обл. на памятниках алакульской культуры показали, что те объекты, которые читаются визуально, на самом деле не являются точным отображением оплыва почвенного слоя края сооружений, а площадка сооружений гораздо больше. Исследование типичных памятников лесостепной полосы показало, что при осуществлении данного сканирования имеются проблемы с выбором площадки для наиболее полного сканирования (залесенность, неоднозначный рельеф), а также отмечены нечеткие контуры выявленных аномалий грунта на памятниках с супесчаным материком, что подтверждено работами на памятниках Андреевской озерной системы, Приисетья и Притоболья. Опыт работы на археологических памятниках городской среды показал, что если есть достаточное количество мусора, коммуникаций и прочих инженерных или техногенных сооружений, то характеристики культурного слоя в полной мере представить невозможно, так как все коммуникации оставляют либо негативные аномалии, либо нивелируют значения сопротивления или токопроводимости слоев из-за мощного увеличения показателей металла, содержащегося в этих объектах. Поэтому съемка достаточно застроенного объекта, расположенного на глине и не обладающего особым рельефным признаками, представляет собой не только практический, но и методический интерес.

Исследования включали в себя несколько перспективных участков берега р. Иртыш. Снятые участки имели разную конфигурацию и преследовали различные цели. Так, изучение периферийных площадок было направлено на уточнение границ распространения могильника, возможное обнаружение новых погребений. Центральные площадки и профили, напротив, рассматривались с целью актуализации данных, планируемых для раскопок в текущем полевом сезоне.

Съемка проводилась попикетажно, с частотой 1 м, в замкнутом прямоугольном периметре при помощи комплекса малоглубинной электроразведки ЭМС-49 и подвергалась дальнейшей обработке и интерпретации в построении карт удельной электрической проводимости и сопротивления в программах ISystem и Surfer 7.

Наибольший интерес представили результаты съемки 3 и 4 участка. Здесь, практически на каждой частоте фиксировались аномалии размерами от 0,7 × 1 м до 1,2 × 2 м. В поле съемки участка № 3,

размерами 4 × 13 м, отмечена одна крупная аномалия. На участке съемки № 4 были отмечены несколько неявных нарушений почвенного слоя. Все они были расположены перпендикулярно берегу. Как правило, частоты верхнего спектра имеют множество разнородных аномалий, а связывается это с высокой засоренностью участка, т.к. до настоящего времени он являлся периферией сельского поселения и попадает в зону хозяйственной деятельности жителей поселка.

При интерпретации полученных данных можно отметить, что с большой степенью вероятности они соотносятся с основной категорией исследуемых объектов на данном могильнике. Аномалии могут представлять собой нарушения почвы на всей глубине сканирования. Они, как правило, подовальной формы и в них встречается пропускающий электромагнитные волны материал (дерево, органика).

Таким образом, анализируя данные электромагнитной съемки и определяя их место в предварительных работах на памятниках подобного типа, можно прийти к положительному заключению об использовании геофизических методов и приборов подобного типа. Дальнейшие исследования могут позволить установить площадь распространения погребений, а, следовательно, границу и площадь памятника. А это, в свою очередь, позволит определить места наивысшей концентрации захоронений и закладки на них раскопов. Что же касается общего вывода по применимости данного метода, основываясь на практических действиях, можно констатировать, что наиболее эффективно использование данного прибора на суглинистых и глинистых почвах, на памятниках с наиболее открытой поверхностью. При этом можно отметить, что метод одинаково эффективен как в исследовании культурного слоя поселенческих памятников, так и для исследования и выявления погребальных памятников, не выраженных в рельефе.

Список литературы

Баринов В.В., Жарников З.Ю., Зайцева Е.А., Кениг А.В., Мыглан В.С., Сидорова М.О. Дендрохронологическое датирование памятников истории и культуры п. Горноправдинск // Вестник угроведения. – 2016. – № 2 (25). – С. 85–97.

ГАТО в г. Тобольске. Ф.154. Оп. 21. Д. 963. План распланирования села Филинского Денщиковской волости 1878 г. з-р Мокринский.

Зайцева Е.А. Противоаварийные археологические раскопки на могильнике Горноправдинский в полевом сезоне 2008 г. (предварительные результаты) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2009. – Вып. 7. – С. 302–307.

Зайцева Е.А., Кениг А.В. Археологическая разведка в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2005 году // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – Вып. 4. – С. 167–177.

Конев А.Ю. Филинская волость // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. – Ханты-Мансийск, 2000. – Т. 3. – С. 261.

Миллер Г.Ф. Путешествие от Березова вверх по рекам Оби и Иртышу до Тобольска. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 268 с.

References

Barinov V.V., Zharnikov Z.Ju., Zajceva E.A., Kenig A.V., Myglan V.S., Sidorova M.O. Dendrohronologicheskoe datirovanie pamjatnikov istorii i kul'tury p. Gornopravdinsk. In *Vestnik ugrovedenija,* 2016, No. 2 (25), pp. 85–97 (in Russ.).

GATO v g. Tobol'ske. F.154. Op. 21. D. 963. Plan rasplanirovanija sela Filinskogo Denshhikovskoj volosti 1878 g. z-r Mokrinskij (in Russ.).

Konev A.Ju. Filinskaja volost'. In *Jugorija: Enciklopedija Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga.* Hanty-Mansijsk, 2000, vol. 3, p. 261 (in Russ.).

Miller G.F. Puteshestvie ot Berezova vverh po rekam Obi i Irtyshu do Tobol'ska. 1740 g. In *Sibir' XVIII veka v putevyh opisanijah G.F. Millera*. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1996, 268 p. (in Russ.).

Zajceva E.A. Protivoavarijnye arheologicheskie raskopki na mogil'nike Gornopravdinskij v polevom sezone 2008 g. (predvaritel'nye rezul'taty). In *Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo*. Yekaterinburg; Hanty-Mansijsk, 2009, iss. 7, pp. 302–307 (in Russ.).

Zajceva E.A., Kenig A.V. Arheologicheskaja razvedka v Hanty-Mansijskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugry v 2005 godu. In *Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo.* Yekaterinburg; Hanty-Mansijsk: Tomsk State Univ. Press, 2007, iss. 4, pp. 167–177 (in Russ.).

УДК 902/904

Г.В. Кубарев[1], И.В. Рукавишникова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии РАН
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Исследование кургана Узловое Северное (Республика Крым)

В статье рассматриваются результаты аварийных раскопок кургана Узловое Северное, проведенных в 2017 г. Крымским отрядом ИАЭТ СО РАН на территории Республики Крым. Исследованный курган расположен в восточной части Крымского полуострова, в окрестностях г. Феодосии, и входил в зону строительства автомобильной трассы «Таврида». В кургане было исследовано 38 объектов, большинство из которых являлись погребениями. Наиболее многочисленная группа погребений относится к эпохе ранней бронзы (III – середина II тыс. до н.э.). В скифо-сарматское время и в эпоху Средневековья курган также использовался для совершения в нем впускных погребений. Новые археологические материалы, полученные в ходе исследования кургана, должны представлять интерес для специалистов по археологии и истории Крымского полуострова.

Ключевые слова: *Крымский полуостров, курган, эпоха бронзы, ямная и катакомбная культурно-историческая общность, скифское время, половцы.*

G.V. Kubarev[1], I.V. Rukavishnikova[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Archaeology RAS
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Exploration of the Uzlovoe Severnoe Burial Mound (Republic of Crimea)

The article presents the results of the rescue excavations of the Uzlovoe Severnoe burial mound, which were carried out by the Crimean Group of the IAET SB RAS in the Republic of Crimea in 2017. This burial mound is located in the eastern part of the Crimean peninsula in the vicinity of Feodosia city and is a part of the construction site of the Taurida Highway. Thirty eight objects, mostly burials, were studied in the burial mound. The most numerous group of burials belongs to the Early Bronze Age (third–mid second millennium BC). In the Scytho-Sarmatian period and in the Middle Ages, the burial mound was also used for secondary burials. New archaeological materials received during the excavation of the burial mound, should be of interest to the specialists in history and archaeology of the Crimean peninsula.

Keywords: *Crimean peninsula, burial mound, Bronze Age, pit and catacomb cultural-historical community, Scythian period, Cumans.*

Курган Узловое Северное расположен в восточной части Крымского полуострова, на берегу Феодосийского залива, примерно в 9 км от города Феодосии. Курган находится в 1 км к северо-востоку от с. Узлового, в 3,5 км к юго-востоку от с. Владиславовка и приблизительно в 300 м от полотна железной дороги Джанкой – Керчь – ответвления на Феодосию.

Предположительно, впервые курган Узловое Северное был выявлен в ходе разведок Феодосийского краеведческого музея при проведении паспортизации археологических памятников в 1976 г. археологом Е.В. Катюшиным. Судя по схематическому плану группы из 4 курганов, курган Узловое Северное был зафиксирован как курган № 3. Он был предварительно отнесен исследователем к энеолиту – ранней бронзе.

Повторно курган был зафиксирован в октябре 2016 г. археологическим отрядом И.В. Рукавишниковой в ходе охранных разведочных работ по проекту «Строительство и реконструкция автомобильной дороги Керчь – Феодосия – Белогорск – Симферополь – Бахчисарай – Севастополь». В 2017 г. Крымский отряд ИАЭТ СО РАН под ру-

ководством держателя открытого листа И.В. Рукавишниковой провел спасательные археологические раскопки кургана Узловое Северное, который входил в зону строительства автомобильной трассы «Таврида».

Насыпь кургана Узловое Северное имела диаметр около 57 м, при высоте в 1,5–1,7 м (рис. 1). Площадь памятника определена в 3362 м^2. Курган округлой формы представлял собой ярко выраженный земляной холм. Поверхность насыпи без видимых повреждений, задернована полевым разнотравьем, а ее полы многие годы распахивались. В центре кургана зафиксированы остатки основания триангуляционного знака.

На кургане Узловое Северное исследовано 38 объектов, подавляющее большинство которых, наряду с зольным пятном-прокалом (объект № 1), ямами, не содержащими погребений и находок (объекты № 23, 31, 34, 35, 37), разрозненными костями животных (объекты № 3, 19), представляют собой погребения людей. В их число входит 30 объектов (№ 2, 4–18, 20–22, 24–30, 32, 33, 36, 38). Время создания кургана, судя по различным вариациям захоронений людей в скорченных позах, с охрой и сосудами, а также наличию кремневых орудий в объекте № 3, относится к эпохе ранней бронзы. Они концентрируются в центральной части кургана. На его периферии исследованы более поздние, впускные погребения скифской эпохи и Средневековья. Приведем описание наиболее ярких исследованных объектов кургана, характеризующих различные исторические периоды.

Объект № 16 находился в юго-западном секторе насыпи кургана, ближе к его центру. На уровне древней поверхности было зафиксировано деревянное перекрытие ямы прямоугольной формы, имевшее следы обжига и обмазки (?) (рис. 2, *1*). Его размеры: 220–230 × 165–177 см. Длинной осью оно было ориентировано по линии ЗЗС – ВВЮ. Оно сохранилось лишь по контуру могильной ямы, однако первоначально видимо перекрывало всю ее площадь. Деревянные плахи укладывались поперек длинной оси ямы. Сохранившаяся часть деревянной рамы имеет 30–35 см в ширину. Подтверждением тому, что деревянная конструкция перекрывала яму, являются зафиксированные в различных ее местах и на разных уровнях фрагменты деревянных плах. Их диаметр составлял 13–17 см. Некоторые из них имели следы обработки и пазы для вставки поперечных плах.

В прямоугольной яме размерами 173 × 113 см на глубине 97–100 см зачищен костяк человека, головой ориентированный на ВВЮ (см. рис. 2, *1*). Он был уложен на спине, вполоборота налево, с согнутыми в коленях ногами. Кости правой руки налегали на кости таза и на кисть левой руки, голова развернута налево, т.е. на юг. Под костяком прослежено мощное пятно охры. Слева от головы погребенного обнаружен каменный терочник.

Объект № 8 находился в северо-восточном секторе насыпи кургана (рис. 2, *2*). Зачищено погребение человека, уложенного вытянуто на спине, головой на восток. Руки вытянуты вдоль тела. Над костяком мужчины были зафиксированы остат-

Рис. 1. Общий вид на курган Узловое Северное. Вид с запада.

Рис. 2. Вид на погребения различных исторических эпох, исследованные на кургане Узловое Северное.
1 – погребение ямной культуры с деревянным перекрытием на уровне древней поверхности (объект № 16); *2* – впускное погребение половца (объект № 8).

ки деревянной рамы размерами 160 × 66 см. Видимо, первоначально она состояла из тонких деревянных плашек, окаймляющих погребение.

Поверх левой руки погребенного и вдоль его левого бока была уложена железная сабля с перекрестием, в остатках ножен. Общая длина сабли вместе с рукоятью составляет 110 см. Зафиксировано крепление для ее подвешивания, навершие рукояти из бронзы, а также наконечник на нижнюю часть ножен.

Близ левой ключицы погребенного найдена небольшая бронзовая подвеска. В районе кисти правой руки мужчины зачищены фрагменты железных крючков и заклепок от колчана. Под плечевой костью правой руки обнаружен плоский и широкий железный наконечник стрелы. По-видимому, первоначально вдоль правого бока погребенного был уложен берестяной колчан: зафиксированы фрагменты бересты, а также роговые накладки, орнаментированные циркульным орнаментом. В головной части погребения, над правым плечом, найдена тонкая изогнутая бронзовая полоса и фрагмент керамики. Под погребенным прослежены остатки подстилки из органического материала коричневого цвета.

Объект № 30 находился в юго-восточном секторе насыпи кургана, на его периферии. Погребение мужчины было совершено в узкой могильной яме размерами 176 × 22–53 см. На глубине 8–17 см зачищен костяк мужчины, лежавшего вытянуто на спине, головой на запад. Руки погребенного вытянуты вдоль тела.

Слева, вдоль большой берцовой кости, зафиксирован железный нож. Поверх предплечья левой руки погребенного была уложена нога барана с реберной частью в качестве заупокойной пищи. Справа от черепа зачищен железный наконечник копья или дротика и пучок из 29 мелких бронзовых наконечников стрел – втульчатых, с остатками деревянных древок внутри. Голова мужчины была развернута лицевым отделом на север.

Культурно-хронологическую принадлежность большей части из 38 исследованных объектов кургана «Узловое Северное» можно определить с достаточной степенью уверенности. Больше половины из них (21 объект) следует отнести к эпохе ранней бронзы (III – середина II тыс. до н.э.). Наиболее вероятно, что они были оставлены носителями ямной и катакомбной историко-культурных общностей. По-видимому, курган был возведен представителями ямной культурно-исторической общности, ее приазовско-крымской группы [Чмихов, Черняков, 1988, с. 76; Археология..., 1985, с. 343–348]. В пользу этого могут свидетельствовать особенности погребального обряда (грунтовые ямы, наличие деревянного или каменного перекрытия на уровне древней поверхности, обилие охры, положение некоторых костяков на спине с поджатыми ногами и др.) целой группы погребений, расположенных в центральной части кургана. Любопытной деталью погребального обряда выступает наличие пятна охры в изголовье погребенных – справа или слева от черепа. Основными погребениями кургана можно считать те из них, которые совершены в его центре и ямы которых перекрыты деревянными плахами или каменными плитами, остальные следует рассматривать как впускные [Археология..., 1985, с. 349].

К более позднему периоду (рубеж III и II тыс. – середина II тыс. до н.э.) и к катакомбным памятникам следует отнести объект № 10 исследованного кургана. Это погребение совершено в катакомбе, вход в которую был перекрыт камнями.

Положение костяков этой самой многочисленной группы объектов довольно разнообразное как по ориентации (головой на запад, восток, юг, ССЗ и др.), так и позе (на спине с поджатыми ногами, скорченно на правом или левом боку, скорченно в позе «адорации» и др.). Не исключено, что такое многообразие в ориентировке и позах погребенных этой ранней группы объектов может свидетельствовать о длительном использовании кургана представителями разных культур эпохи энеолита и ранней бронзы, выделяемых в Крыму. Подобное явление было очень распространенным как в Крыму, так и в целом в восточно-европейском регионе (см., например: [Дашевская, 1969]).

Еще одно погребение (объект № 30) надежно датируется скифским периодом, благодаря находке в нем бронзовых втульчатых наконечников стрел. По-видимому, эти наконечники стрел, как и само погребение, датируются концом VI – первой половиной V в. до н.э. [Археология..., 1986, с. 135–136]. Соответствует скифской эпохе и ориентация погребенного мужчины – головой на запад. Как известно, в курганах Крыма рядовые скифы лежали головой преимущественно на запад, а могильные ямы имели вид простых ям [Там же, с. 71, 89].

Еще 8 безынвентарных погребений (объекты № 4, 5, 7, 9, 11, 20, 32, 33) можно предположительно и очень широко отнести к скифо-сарматскому периоду – VI в. до н.э. – II в. н.э. Погребенные в них люди уложены вытянуто на спине, головой преимущественно на запад. В этот период грунтовые могилы принадлежали бедным слоям населения [Там же, с. 256].

Погребение девочки-подростка (объект № 13), судя по инвентарю, вероятно, относится к эпохе раннего Средневековья (VI–X вв. н.э.). Впускное погребение мужчины (объект № 8), благодаря нахождению в нем сабли и плоского наконечника стрелы, с уверенностью можно датировать второй половиной XI – XIII в. и отнести к половецкой культуре.

В ходе работ нами были взяты самые различные образцы (антропологические, почвоведческие, образцы дерева, радиоуглеродные образцы и др.), что позволит в будущем провести всестороннее исследование полученных материалов при помощи естественно-научных методов и, возможно, в т.ч. уточнить дату сооружения тех или иных объектов. Новые археологические материалы, полученные в ходе исследования кургана Узловое Северное, должны представлять интерес для специалистов при дальнейшем изучении как эпохи бронзы, так и последующих исторических эпох на Крымском полуострове.

Список литературы

Археология Украинской ССР / С.С. Березанская, В.А. Круц, Д.Я. Телегин и др. – Киев: Наук. думка, 1985. – Т. 1: Первобытная археология. – 567 с.

Археология Украинской ССР / С.Д. Крыжицкий, А.С. Русяева, Е.В. Черненко и др. – Киев: Наук. дум-

ка, 1986. – Т. 2: Скифо-сарматская и античная археология. – 592 с.

Дашевская О.Д. Курган эпохи бронзы у с. Поповка близ Евпатории // КСИА. – М.: Наука, 1969. – Вып. 115: Археологические памятники эпохи бронзы на территории СССР. – С. 62–69.

Чмихов М.О., Черняков І.Т. Хронологія археологічних пам'яток епохи міді-бронзи на території України. – Київ: УМК ВО, 1988. – 180 с.

References

Berezanskaya S.S., Kruts V.A., Telegin D.Ya. et al. Arkheologiya Ukrainskoi SSR. Vol. 1: Pervobytnaya arkheologiya. Kiev: Naukova dumka Publ., 1985. – 567 p. (in Russ.).

Chmikhov M.O., Chernyakov I.T. Khronologiya arkheologichnikh pam'yatok epokhi midi-bronzi na teritorii Ukraini. Kiiv: UMK VO Publ., 1988, 180 p. (in Ukrainian).

Dashevskaya O.D. Kurgan epokhi bronzy u sela Popovka bliz Evpatorii. In *Brief reports of the Institute of Archeology*. Moscow: Nauka Publ., 1969, iss. 115: Arkheologicheskie pamyatniki epokhi bronzy na territorii SSSR, pp. 62–69 (in Russ.).

Kryzhitskii S.D., Rusyaeva A.S., Chernenko E.V. etc. Arkheologiya Ukrainskoi SSR. Vol. 2: Skifo-sarmatskaya i antichnaya arkheologiya. Kiev: Naukova dumka Publ., 1986, 592 p. (in Russ.).

УДК 902.2, 903.5

В.И. Молодин[1, 2], Д.А. Ненахов[1], Ю.Н. Ненахова[1], Л.Н. Мыльникова[1, 2], Л.С. Кобелева[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Аварийные раскопки одиночного элитного кургана саргатской культуры Государево Озеро-1 в Барабинской лесостепи

В 2017 г. были проведены аварийные раскопки одиночного кургана Государево Озеро-1, расположенного в Венгеровском р-не Новосибирской обл. По итогам охранно-спасательных работ публикуются предварительные данные. На раскопе 30 × 30 м были выявлены ров, 10 погребений, ритуальные и современные ямы. В погребениях обнаружен стандартный набор инвентаря саргатской культуры: керамические ручной лепки сосуды и пряслице, бусы, бисер, наконечники стрел, фрагменты изделий из железа и кости. Датирующий предмет представлен бронзовой поясной пряжкой. Судя по особенности конструкции кургана, стандартизации керамического комплекса и аналогиям, курган можно отнести к памятникам саргатской культуры и датировать V–IV – III вв. до н.э.

Ключевые слова: *ранний железный век, саргатская культура, Барабинская лесостепь, погребение.*

V.I. Molodin[1, 2], D.A. Nenakhov[1], Yu.N. Nenakhova[1], L.N. Mylnikova[1, 2], L.S. Kobeleva[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Rescue Archaeological Excavation of a Solitary Elite Burial Mound of the Sargat Culture at the Site of Gosudarevo Ozero-1 (The Baraba Forest-Steppe)

In 2017, the rescue excavation of a solitary burial mound of Gosudarevo Ozero-1 in Vengerovo District of Novosibirsk Region was conducted. The article describes the preliminary results of the excavation. Ten burials, ritual and modern pits, and a ditch were found in the area of 30 x 30 m. The burials contained the standard tool set of the Sargat culture, including hand-molded pottery vessels, spindle whorl, necklaces, beads, arrowheads, and fragments of iron and bone objects. The dating object was a bronze belt buckle. Judging by the specific structural features of the burial mound, standardized pottery complex and the parallels, the burial mound can be attributed to the Sargat culture and dated to the 5th-4th–3rd centuries BC.

Keywords: *Early Iron Age, Sargat culture, Baraba forest-steppe, burial.*

В 2015 г. в Венгеровском р-не Новосибирской обл. на высокой террасе Государева Озера (6,5 км к югу от с. Венгерово) обнаружен одиночный курган, находящийся в аварийном состоянии. По своим параметрам курган относился к разряду элитных. Большая серия таких курганов и даже могильников сконцентрирована в районе современного поселка Венгерово [Молодин, Новиков, 1988]. Насыпь кургана ранее имела правильные округлые очертания, высота достигала 1,60 м. Центральная часть насыпи была разрушена траншеей площадью более 80 м^2, изъятый грунт был рассыпан по поверхности насыпи, тем самым изменилась конфигурация кургана [Молодин, Ненахов, Селин, 2016].

Согласно договору с НПЦ Новосибирской обл. в 2016 г. были осуществлены подготовительные работы, а в 2017 г. – аварийные раскопки памятника.

На первом этапе была расчищена площадь и проведены геофизические исследования. Последние показали наличие под насыпью разомкнутого рва и серии более мелких аномалий.

Из-за нарушения значительной части наземного сооружения было принято решение исследовать курган при помощи техники с оставлением контрольной бровки шириной 1,7 м. Все работы по снятию земляного сооружения с применением техники проводились под контролем специалиста-археолога. По обе стороны бровки была разрезана насыпь кургана. Зафиксирована стратиграфическая ситуация, после чего исследована и сама бровка. Скрепером выполнена «черновая» подчистка раскопа площадью 50 × 50 м с целью проверки данных геофизического мониторинга. Финальную зачистку площадью 30 × 30 м, в которую был вписан исследуемый объект, как и зачистку контрольной бровки, проводили вручную.

Стратиграфия кургана представлена несколькими слоями. Верхний слой – 0,3–0,4 м – рыхлая мешаная темно-серая почва – выкид из траншеи, которая разрушила центральную часть кургана. Под ней располагался слой темно-серой мешаной супеси мощностью до 1,3 м, из которой была сложена земляная конструкция кургана. Под ней по всей площади залегал темный, однородный, плотный суглинок (погребенная почва) мощностью 0,10–0,15 м. Материк – плотный желтый суглинок.

На уровне материка были зафиксированы, а затем исследованы следующие объекты: ров, 15 ям (ритуальные и современные), 10 погребений (рис. 1).

Ров имел в плане форму разомкнутого кольца диаметром ок. 16 м (см. рис. 1). Перемычки

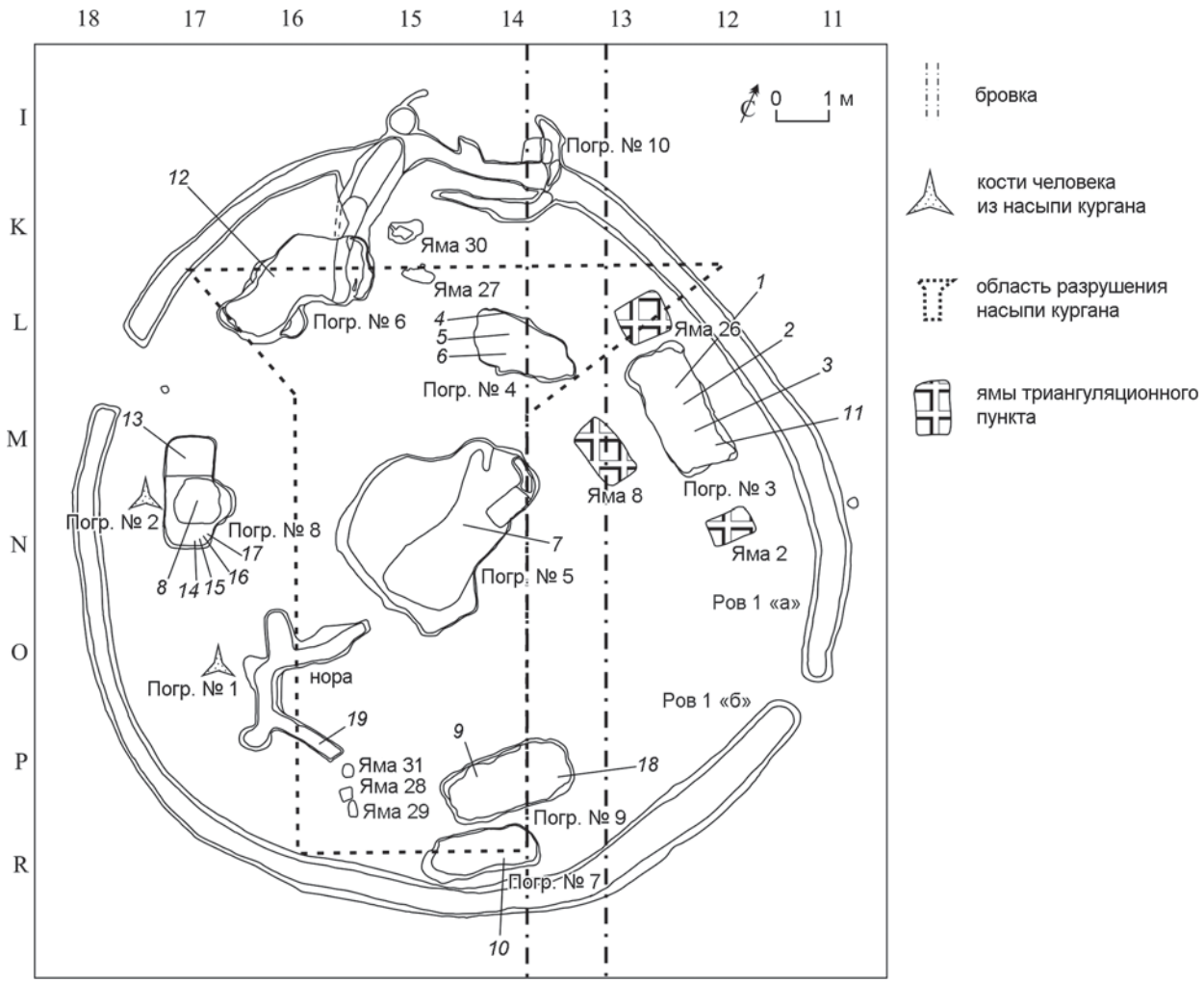

Рис. 1. План одиночного кургана Государево Озеро-1.

1 – пастовые бусы; *2* – бронзовая штампованная бляшка; *3* – изделие из кости; *4* – бронзовая поясная «бантовидная» бляшка; *5* – наконечник стрелы; *6* – распределитель для ремешка; *7* – пастовая бусина; *8* – биметаллическая пластина; *9* – наконечники стрел; *10* – пряслице; *11–18* – керамические сосуды; *19* – фрагмент керамики.

располагались в западной и восточной частях рва: западная шириной 1,1 м, восточная – 0,4 м. Дно рва чашевидное, стенки наклонные, глубина 0,19–0,45 м, ширина его – 0,5–0,9 м. Анализ стратиграфии позволяет предположить, что ров продолжительное время стоял открытым и засыпан был вследствие оползания насыпи кургана. Находок во рву не обнаружено.

На территории сакрального пространства, оконтуренного рвом, выявлено 6 могил, кольцом охватывающих центральное погребение, ориентированное по линии СВ – ЮЗ, ориентация остальных шести могильных ям обусловлена тем, к какой части рва оно тяготеет (рис. 1).

Все погребения, кроме двух (№ 6 и 7), были нарушены. Погребальные камеры обладали схожими характеристиками: имели прямоугольную форму со слегка закругленными углами, прямые и отвесные стенки, ровное дно. Размеры камер составляли 2,05–2,4 × 0,81–1,18 м, глубина от уровня материка 0,3–1,1 м.

Во всех погребениях обнаружены неполные костяки взрослых индивидов. В процессе выборки заполнения в могилах фиксировались следы огня и фрагменты деревянных перекрытий, что характерно для погребального обряда саргатской культуры [Матвеева, 1993, 1994; Полосьмак, 1987].

Погр. № 6 (кв. K-L / 15-17) (рис. 1) на уровне материка читалось в виде пятна Г-образной формы, ориентированного по длинной оси по линии СВ – ЮЗ. После выборки заполнения по нижнему контуру могильной ямы удалось установить размеры погребальной камеры: 2,3 × 0,85 м, глубина до 1,1 м от уровня материка, ориентирована по линии С – Ю. Судя по стратиграфии, погребение было потревожено не менее двух раз, и оба раза – в СВ части. Первое проникновение, по-видимому, связано с деятельностью соплеменников в древности, второе – с деятельностью барсука или лисы.

В центральной и СВ части могилы на разной глубине обнаружены кости взрослого индивида: череп, нижняя челюсть, лопатки, длинные кости рук, ребра. В ЮЗ части погребения сохранилась непотревоженная область. На дне *in situ* лежали длинные кости ног, что дает основание предположить, что покойный располагался вытянуто на спине, головой на север. Около правой берцовой кости стоял керамический сосуд (рис. 2, *1*).

Погр. № 7 (кв. P / 15) (см. рис. 1) на уровне материка читалось как пятно прямоугольной формы, ориентированное длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Размер могильной ямы составил 2,40 × 1,15 м, глубина – 0,3 м от уровня материка. Заполнение представлено мешаной серой и серо-желтой супесью. Стенки и дно ровные.

Перекрытие состояло из деревянных плах хвойной породы (?), уложенных по длинной оси на поперечные перекладины.

В погребении находился скелет взрослой особи. Отсутствуют мелкие кости кистей и стоп, а также берцовые кости левой ноги, что связано с деятельностью грызунов. Покойный был положен на спину, головой на СВ, руки вытянуты вдоль тела.

В СВ части, слева от черепа, найден классический сосуд саргатской культуры (см. рис. 2, *2*).

В ЮЗ части могильной ямы у правой ноги зафиксировано три костяных наконечника стрелы (см. рис. 1; 2, *4–6*). Все наконечники имеют черешковый насад, ярко выраженные плечики, в сечении трехгранны. Такие наконечники стрел в раннем железном веке на территории Сибири получили широкое распространение. По мнению Л.Н. Коряковой, время их бытования можно обозначить как IV в. до н.э. – V в. н.э. [1988, с. 64].

В каждом погребении обнаружены предметы материальной культуры. Внушительна коллекция бус из стеклянной пасты (более 40 шт.). Бусы и бисер затемненные, непрозрачные, из голубой, зеленой, светло-серой стеклянной массы, округлой и цилиндрической формы (рис. 2, *7–11*). Массовое появление этого материала в Западной Сибири относят к IV–III вв. до н.э. [Там же, с. 80].

Изделия из бронзы представлены двумя предметами: это бронзовая штампованная нашивная бляшка выпуклой, сферической формы, 0,5 см в диаметре, с двумя отверстиями по краям (рис. 2, *12*). Подобные изделия известны на памятниках раннего железного века, например, в материалах большереченской [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 164], саргатской и тагарской культур [Корякова, 1988, с. 73].

Второе изделие – поясная бляшка с петлей. Перед нами двухстороннее стилизованное изображение голов грифонов – типичное для широкого круга культур эпохи раннего железа Евразии [Гревцов, 1996]. Размер бляшки: 5,1 × 3,0 см, высота петельки 0,4 см (рис. 2, *13*). Изделие имеет множество аналогий. Можно привести серию таких предметов по Приобью – Самусь II [Плетнева, 2012, с. 98]; Березовка-1 [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 89]; Алтайский край [Фролов, 2013, с. 56], Ангара [Дроздов, Гревцов, Заика, 2011, с. 83] и пр. Т.Н. Троицкая и А.П. Бородовский бляшку из Березовки-1 датируют VI–V – IV вв. до н.э. [1994]. По мнению Л.Н. Коряковой, такие изделия появляются не раньше V в. до н.э. [1988, с. 74]. Уместно отметить значительное количество таких бляшек с разной степенью стилизации головы грифона на памятниках Нижнего Приангарья, что исследователи однозначно связывают с южными центрами – тагарской

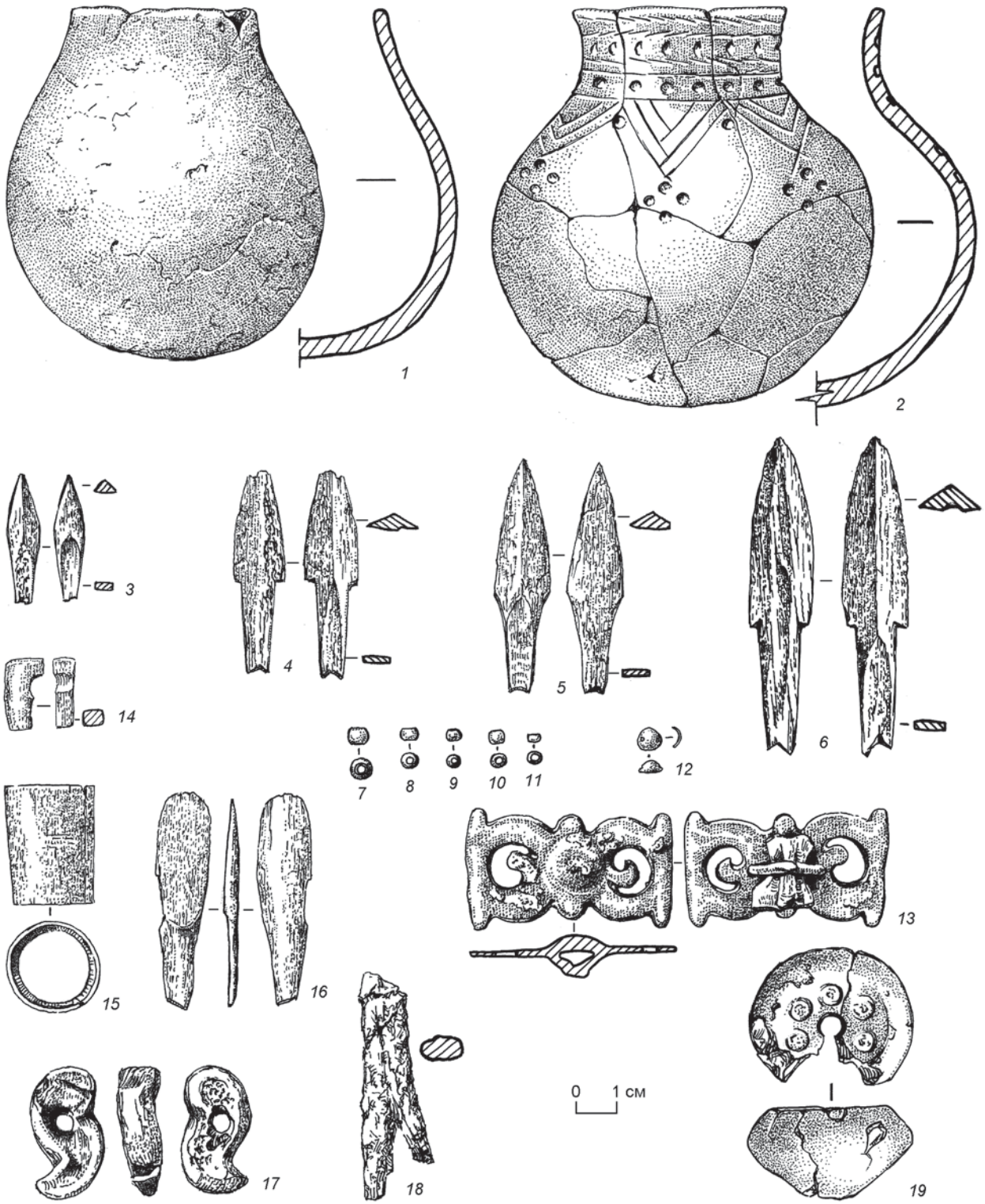

Рис. 2. Находки из одиночного кургана Государево Озеро-1.
1 – погр. № 6; *2, 4–6* – погр. № 7; *3, 13–15, 17* – погр. № 4; *7–12, 16, 18* – погр. № 3; *19* – погр. № 9.
1, 2, 19 – керамика; *3–6, 14–17* – кость; *7–13* – бронза; *18* – железо.

культурой [Заика, 1999; Дроздов, Гревцов, Заика, 2011, с. 83].

Изделия из кости представлены распределителем для ремешков (рис. 2, *14*), накосником (?) (рис. 2, *15*), накладкой (рис. 2, *16*), подработанным альчиком (рис. 2, *17*).

Практически во всех погребениях зафиксированы сильно разрушенные изделия из железа.

Из распознаваемых предметов отметим фрагмент железного крючка от колчана (рис. 2, *18*) и «кинжал-акинак». Предмет был обнаружен в нарушенном погр. № 4 после снятия костяка, имел плохую сохранность, однако читались основные контуры эфеса и часть клинка.

В погр. № 9 найдено керамическое пряслице (рис. 2, *19*) – предмет, также характерный для саргатских комплексов.

В насыпи кургана и в погребениях обнаружено 9 археологически целых сосудов и 5 фрагментов керамики. Сосуды горшковидной и баночной формы, круглодонные и плоскодонные, с отогнутыми и прямыми венчиками. Большинство из них орнаментировано по венчику, шейке и плечикам. Орнамент представлен рядами вдавлений округлой и треугольной палочки, прочерченными линиями в виде свисающих треугольников, т.е. мотивами, характерными для украшения посуды саргатской культуры.

Одиночный курган Государево Озеро-1 можно датировать V–IV – III вв. до н.э.

Список литературы

Гревцов Ю.А. К проблеме интерпретации образа грифона и его подражаний // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1996. – Вып. 1. – С. 116–120.

Дроздов Н.И., Гревцов Ю.А., Заика А.Л. Усть-Тасеевский культовый комплекс на Нижней Ангаре // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 77–85. – (Тр. САИПИ, вып. VII).

Заика А.Л. Результаты исследований культовых памятников Нижней Ангары // Молодая археология и этнология Сибири: мат-лы XXXIX РАЭСК. – 1999. – Ч. 2. – С. 11–16.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 240 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 151 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Селин Д.В. Мониторинг археологических объектов в Венгеровском районе Новосибирской области (близ села Старый Тартас) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 348–352.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области // Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России». – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 1988. – Вып 3. – 140 с.

Плетнева Л.М. Предметы скифо-сибирского звериного стиля из Томского Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. – 190 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Фролов Я.В. Место комплексов раннего железного века Рублевского археологического микрорайона в кругу памятников раннескифского и скифского времени Кулунды // Древности Сибири и Центральной Азии: сб. науч. тр. / ред. В.И. Соёнов. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайск. гос. ун-та, 2013. – № 5 (17). – С. 45–58.

References

Drozdov N.I., Grevtsov Yu.A., Zaika A.L. Ust'-Taseevskii kul'tovyi kompleks na Nizhnei Angare. In *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii*. *K 70-letiyu D.G. Savinova.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, pp. 77–85 (Trudy Sibirskoi Assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva; iss. VII) (in Russ.).

Frolov Ya.V. Mesto kompleksov rannego zheleznogo veka Rublevskogo arkheologicheskogo mikroraiona v krugu pamyatnikov ranneskifskogo i skifskogo vremeni Kulundy. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii: sbornik nauchnykh trudov* / ed. V.I. Soenov. Gorno-Altaisk: State Univ. Press, 2013, No. 5 (17), pp. 45–58 (in Russ.).

Grevtsov Yu.A. K probleme interpretatsii obraza grifona i ego podrazhanii. In *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri*. Krasnoyarsk: State Univ. Press, 1996, iss.1, pp. 116–120 (in Russ.).

Koryakova L.N. Rannii zheleznyi vek Zaural'ya i Zapadnoi Sibiri (sargatskaya kul'tura). Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1988, 240 p. (in Russ.).

Matveeva N.P. Rannii zheleznyi vek Priishim'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994, 151 p. (in Russ.).

Matveeva N.P. Sargatskaya kul'tura na srednem Tobole. Novosibirsk: Nauka, 1993, 175 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Nenakhov D.A., Selin D.V. Monitoring arkheologicheskikh ob"ektov v Vengerovskom raione Novosibirskoi oblasti (bliz sela Staryi Tartas). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 348–352 (in Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V. Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo raiona Novosibirskoi oblasti. *Mat-ly «Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii»*. Novosibirsk NPTs po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya, 1988, iss. 3, 140 p. (in Russ.).

Pletneva L.M. Predmety skifo-sibirskogo zverinogo stilya iz Tomskogo Priob'ya. Tomsk: State Ped. Univ. Press, 2012, 190 p. (in Russ.).

Polos'mak N.V. Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987, 143 p. (in Russ.).

Troitskaya T.N., Borodovskii A.P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994, 184 p. (in Russ.).

Zaika A.L. Rezul'taty issledovanii kul'tovykh pamyatnikov Nizhnei Angary. In *Molodaya arkheologiya i etnologiya Sibiri: materialy XXXIX RAESK*, 1999, pt. 2, pp. 11–16 (in Russ.).

УДК 903.5; 904

П.И. Шульга[1], И.В. Рукавишникова[2], А.А. Присекайло[1], В.А. Чертыков[1], Ж. Орозбекова[1], А.В. Выборнов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии РАН
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Археологические раскопки в предгорьях Крыма (предварительное сообщение)

В 2017 г. археологический отряд ИАЭТ СО РАН принял участие в спасательных археологических раскопках в предгорьях Крыма по строящейся автодороге «Таврида» на отрезке Симферополь – Феодосия. В полевой сезон полностью исследованы 8 курганов на 7 памятниках и 32 погребения на грунтовом могильнике Орта-Эгет. Большая часть курганов располагается на небольших естественных возвышенностях, хорошо выраженные насыпи отсутствуют, в них встречаются разновременные захоронения, совершавшиеся с эпохи бронзы до позднего Средневековья. Большая часть захоронений не была потревожена грабителями и хозяйственными работами, что позволило получить относительно полную информацию о погребальном обряде и инвентаре на указанных памятниках.

Ключевые слова: *Крымский полуостров, эпоха бронзы, скифское время, эпоха Средневековья, археологические раскопки, курган, склеп-катакомба.*

P.I. Shulga[1], I.V. Rukavishnikova[2], A.A. Prisekailo[1], V.A. Chertykov[1], Zh. Orozbekova[1], A.V. Vybornov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[1]Institute of Archaeology RAS
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Archaeological Excavations in the Foothills of Crimea (Preliminary Note)

In 2017, the archaeological team of IAET SB RAS participated in rescue excavations in the foothills of Crimea on the section of Simferopol–Feodosia of the Tavrida Highway which is currently under construction. During the field season, eight burial mounds on the territory of seven sites, and 32 burials on the Orta-Eget subsoil burial ground were completely explored. The greater part of the burial mounds was located on small natural hills; well-marked mounds were absent, and burial mounds contained asynchronous burials from the Bronze Age to the Late Middle Ages. Most of the burials were not disturbed by robbers and economic activities, which made it possible to obtain relatively full information about the funeral rite and inventory from these sites.

Keywords: *Crimean peninsula, Bronze Age, Scythian period, Middle Ages, archaeological excavations, burial mound, burial vault–catacombs.*

В 2017 г. Крымским отрядом ИАЭТ СО РАН по трассе строящейся автодороги Керчь – Симферополь полностью исследовано 8 курганов на 7 памятниках и 32 погребения на грунтовом могильнике Орта-Эгет. Помимо этого, к моменту сдачи статьи в редакцию в окрестностях г. Симферополя ведутся раскопки кургана Дмитрово-2, в центральной части которого выявлен крупный каменный склеп (рис. 1). Особенностью основной части полностью исследованных курганов является их расположение на небольших естественных возвышенностях, а также наличие в них разновременных захоронений, совершавшихся с эпохи бронзы до позднего Средневековья как на периферии, так и в центре изначальной насыпи. По центру некоторых курганов образовались своеобразные «слое-

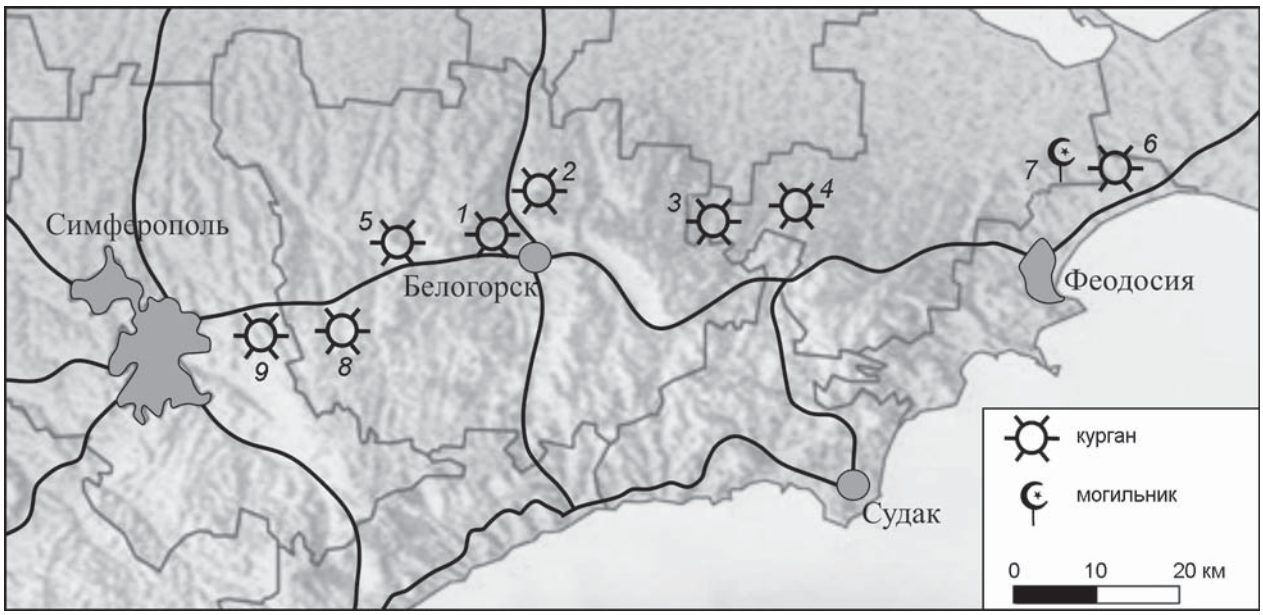

Рис. 1. Карта расположения археологических объектов, раскопанных отрядом ИАЭТ СО РАН в 2017 г.
1 – Сары-Су-1; *2* – Белая Скала-1; *3* – Добролюбовка-1; *4* – курган у с. Льговское («Группа из 2-х курганов», курган № 1); *5* – Холодная Гора-1; *6* – Узловое Северное; *7* – Орта-Эгет; *8* – Крымская Роза-2; *9* – Дмитрово-2.

ные пироги» с последовательным перекрыванием предыдущих конструкций. В некоторых случаях можно предполагать бережное отношение к уже существовавшим погребениям. Показателен курган Крымская Роза-2, где центральное захоронение ямной культуры не было разрушено ни подведенными под него двумя скифскими склепами, ни впущенным сверху половецким погребением с конем.

Ниже представлен обзор наиболее ярких археологических материалов, полученных в ходе раскопок, по хронологическим эпохам (материалы кургана Узловое Северное опубликованы в отдельной статье настоящего сборника).

Эпоха ранней и средней бронзы. В пяти курганах основными наиболее ранними являлись погребения эпохи бронзы. Три из них могут быть отнесены к ямной культуре, а два – к памятникам кеми-обинского типа (Белая Скала-1) III – первой половины II тыс. до н.э. Как бы ни решался вопрос о хронологии и культурном соотношении памятников ямной культуры и кеми-обинских захоронений, но на указанных могильниках они существенно различались. «Ямники» в Добролюбовке-1, под Льговским и в Крымской Розе-2 погребались в неглубоких ямах скорченно на левом боку головой на восток. На дне могил присутствовала охра. Зафиксированы перекрытия из дерева. Из инвентаря под Льговским найдены характерная роговая «молоточковидная заколка» у пояса, бронзовое шило с деревянной ручкой в головах, а под отдельной выкладкой – керамический лепной сосуд с налепами. В Крымской Розе-2 в головах умершего находился каменный черешковый наконечник дротика и створка речной раковины с насечками.

Кеми-обинский могильник в Белой Скале-1 включал два кургана, представлявших собой рядом расположенные естественные скальные возвышенности, на вершинах которых были вырублены могилы глубиной ок. 1,5 м. В обеих могилах обнаружены каменные ящики (подквадратный и прямоугольный в плане), промазанные глиной и перекрытые плитами (рис. 2). На плитах обоих ящиков изнутри зафиксированы росписи красной охрой, наиболее заметные в кург. 1, где они представлены косыми линиями, нанесенными на фоне, покрытом черной краской. Ящики были полностью очищены грабителями от содержимого, но в заполнении одной могилы обнаружены кости не менее трех человек. Судя по малой длине ящиков, умершие укладывались в скорченном положении. Ящики ориентировались длинной осью по линии юго-восток – северо-запад.

Захоронения скифской культуры Крыма представлены на пяти из восьми памятников: шестью склепами, семью подбойными могилами в Сары-Су-1 и Холодной Горе-1, а также несколькими одиночными захоронениями в простых ямах.

Обработка материалов еще не закончена, но предварительно склепы можно отнести к трем известным разновидностям.

Первая представлена двумя грунтовыми катакомбами из Крымской Розы-2 с расположенными в одну линию (с востока на запад) входной ямой и погребальной камерой. Свод погребальных ка-

Рис. 2. Каменный ящик кеми-обинского типа с плитой перекрытия. Белая Скала-1.

мер находился примерно на 1,5 м ниже уровня современной поверхности. Закрывавшие лазы входные плиты были отодвинуты или отброшены в древности. Склеп № 7 неоднократно посещался через входную яму злоумышленниками (?), похитившими весь инвентарь и разбросавшими кости нескольких людей. Последний еще не разложившийся погребенный был вытащен во входную яму склепа и оставлен в положении сидящего, свесившего ноги в погребальную камеру. Рядом лежал обломок бронзовой обоймы (?), предположительно, от украшения его одежды или снаряжения. Соседний склеп № 97, по-видимому, также посещался в древности для сбора вещей, но кости не менее семи умерших при этом не перемещались. Взрослые и дети в склепе ориентировались по-разному: взрослые – головами на запад и восток, а дети – на север. Судя по немногочисленному инвентарю, фрагменту амфоры и конструкции склепа, захоронения относятся к позднескифскому периоду. Похожая грунтовая катакомба с аналогичной ориентацией находилась у центра кургана в Добролюбовке-1. Интересно, что ее погребальная камера также частично уходила под основное захоронение ямной культуры. Начинавшийся с востока дромос был заложен камнями и залит глиной. Закрывавший лаз камень находился на месте, но камера оказалась пустой. Лишь у кромки южной стенки сохранилось несколько фаланг и пяточных костей ноги человека.

Вторая разновидность представлена склепом из Сары-Су-1 – основным погребением по центру кургана. Склеп состоял из широтно ориентированной погребальной камеры глубиной ок. 1,5 м, перекрытой цельной плитой, к которой с восточной стороны примыкал заложенный камнями дромос. Стенки камеры устроены с отрицательным углом. Сверху и с боков плита-перекрытие заливалась жидкой глиной. Находившийся с востока вход в камеру был закрыт тремя сланцевыми плитами, также залитыми глиной. На дне камеры расчищено захоронение мужчины, уложенного на спину вытянуто, головой на юго-запад. Рядом лежали железные наконечник и вток копья, по которым восстанавливается его длина (ок. 180 см). В придонной части могилы найдено 10 бронзовых втульчатых наконечников стрел. На правой руке умершего находился железный браслет. В ногах обнаружены ребра и кости ноги лошади, а также целая гераклейская амфора с клеймом (рис. 3). В западном углу могилы были компактно и в определенном порядке сложены кости второго мужчины. Предварительно захоронение датируется IV – началом III в. до н.э. Интересно, что вокруг склепа было расположено шесть подбойных одиночных погребений с западной ориентацией. Среди них имеется захоронение мужчины с бронзовыми наконечниками стрел и женщин с пряслицами и лепными сосудами. Там же в западной части кургана зафиксированы погребения

Рис. 3. Амфора в ногах воина. Сары-Су-1, склеп № 7.

младенцев, а также следы тризны с фрагментами битых амфор. Такое необычное сочетание различных типов скифских захоронений в одном кургане в Крыму авторам не известно.

К третьей разновидности предварительно отнесены существенно различающиеся между собой каменные склепы из Холодной Горы-1 и Дмитрово-2. На последнем раскопки еще ведутся, и видны лишь общие конструктивные особенности. Погребальная камера склепа из Дмитрово-2 внешними размерами ок. 4,0 × 3,5 м возвышается над уровнем материка. Дромос размерами около 3,4 × 2,7 м расположен в меридиональном направлении и примыкает к камере с севера. В ее основании находятся крупные вертикально поставленные плиты, выше которых видна кладка из блоков известняка.

Склеп из Холодной Горы-1 отличается по многим параметрам. Он сооружен по центру возвышенности в вырубленной в скале подквадратной яме глубиной ок. 1,5 м. Погребальная камера склепа внешними размерами 3 × 3 м, первоначальной высотой ок. 2 м, сложена из плитняка, частично связанного раствором на основе глины. Вход в склеп находился с востока. Изнутри достаточно широкий проем оконтуривался двумя крупными плитами высотой 1,7 и 1,9 м (рис. 4). Очевидно, в древности перекрытие склепа и вертикально поставленные плиты входа почти выходили на уровень поверхности. Склеп был частично разрушен траншеей (предположительно во время Великой Отечественной войны), но в придонной части у центра сохранились непотревоженными лепная курильница с лежащими рядом двумя наконечниками железных копий (рис. 5), а также скоплением астрагалов мелкого рогатого скота с бусинами, бисером и золотой подвеской серьги. Помимо этого, в склепе найдены: бронзовый браслет, железный портупейный крючок, железная язычковая поясная пряжка, роговой костылек-подвеска с изображением головки дельфина и иные изделия. Инвентарь может быть датирован в рамках III в. до н.э. В 5–7 м с севера и востока склеп окружался каменно-земляным валом, на поверхности которого содержалось большое количество обломков амфор, в т.ч. изготовленных в Гераклеее и Херсонесе в IV–III вв. до н.э. К западу и северу от склепа зафиксировано две могилы скифского времени: мужчины без инвентаря и девочки-подростка в подбое с бусами и браслетом на правой руке.

Эпоха Средневековья. Наиболее представительные материалы по Средневековью обнаружены при раскопках двух половецких погребений в кур-

Рис. 4. Холодная Гора-1, склеп. Вид от входа (с востока).

Рис. 5. Керамическая лепная курильница. Холодная Гора-1, склеп.

ганах Добролюбовка-1 и Крымская Роза-2. В обоих случаях в неглубокой могиле, устроенной у центра кургана на уровне материка, погребались воин и конь. При воинах найдены сабля, роговые концевые накладки на лук, наконечники стрел, а также железные поясные и бронзовые обувные застежки. С лошадьми обнаружены железные удила, стремя, различные железные пряжки.

Помимо описанных комплексов, на грунтовом могильнике Орта-Эгет близ Феодосии и в рамках раскопа у кургана Крымская Роза-2 исследовано ок. 130 одиночных захоронений, совершенных по мусульманскому обряду, предположительно, в XV–XVII вв. Умерших погребали в неглубоких узких ямах на спине, вытянуто, головой в западный сектор. При этом лицо, как правило, обращалось на юго-восток. Отмечены деревянные перекрытия могил, а в Орта-Эгете зафиксированы захоронения в гробах из досок, скрепленных железными гвоздями. Инвентарь в погребениях отсутствовал.

Проведенные Крымским отрядом ИАЭТ СО РАН исследования существенно дополняют базу источников по истории населения предгорий Крыма с эпохи ранней бронзы до развитого Средневековья. Обнаружены материалы, способствующие решению ряда актуальных проблем по археологии Крыма. Особый интерес представляет разнообразие скифских погребальных конструкций, исследованных между селами Дмитрово и Добролюбовка на участке протяженностью всего ок. 40 км. В их число входят коллективные погребения в склепах, материалы которых впервые были обобщены Т.Н. Троицкой 66 лет тому назад [Троицкая, 1951; Кропотов, 2015; и др.]. В этом отношении работы Крымского отряда ИАЭТ СО РАН в 2017 г. могут рассматриваться как своего рода продолжение деятельности этого замечательного человека и исследователя, внесшего значительный вклад и в археологию Сибири.

Список литературы

Кропотов В.В. Курганы с «коллективными погребениями» в исследованиях Татьяны Николаевны Троицкой // История и археология Крыма. – 2015. – Вып. II. – С. 50–53.

Троицкая Т.Н. Скифские курганы в Крыму // Изв. Крымского отд. Географического общества СССР. – Симферополь, 1951. – Вып. 1. – С. 85–112.

References

Kropotov V.V. Kurgany s «kollektivnymi pogrebeniyami» v issledovaniyakh Tat'yany Nikolaevny Troitskoi. *Istoriya i arkheologiya Kryma,* 2015, iss. II, pp. 50–53 (in Russ.).

Troitskaya T.N. Skifskie kurgany v Krymu. In *Izvestiya Krymskogo otdela Geographicheskogo obshestva SSSR*. Simferopol, 1951, iss. 1, pp. 85–112 (in Russ.).

ЭТНОГРАФИЯ
(дополнение)

УДК 39(633)

О.В. Мальцева

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: olymals@gmail.com

Приамурье: практика землеотвода в рамках аграрной колонизации края во второй половине XIX – начале XX века

Работа, построенная на архивных источниках, нацелена показать специфику практики землеотвода в Приамурье в контексте аграрной колонизации края во второй половине XIX – начале XX в. Предполагалось, что в новой местности казаки и крестьяне станут проводниками европейского опыта землепользования, базирующегося на переложной системе земледелия, но естественно-географический фактор обусловил разработку новой стратегии ее хозяйственного освоения. В южных лесостепных районах переселенцы получали большие земельные наделы, на которых выращивали не только злаковые культуры, но и заимствованные от корейцев и китайцев овощные. В северных районах, покрытых лесом, и в предгорьях Сихотэ-Алиня в связи с нехваткой земли крестьяне вынуждены были перейти к огородничеству и использовать новые технологии для повышения урожайности на своих участках.

Ключевые слова: *Приамурье, старожилы, новоселы, землеотвод, надел, левобережье, китайцы, злаковые, овощные культуры.*

O.V. Maltseva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: olymals@gmail.com

Practice of Land Allocation as a Part of the Regional Agrarian Colonization in the Second Half of the 19th – Early 20th Century in the Amur Region

Based on the archival sources, this article intends to show the specific nature of the practice of land allocation in the Amur region in the framework of the regional agrarian colonization in the second half of the 19th–early 20th century. It was thought that in the new region, Cossacks and peasants would become the agents of the European agrarian tradition of land use based on shifting cultivation. However, natural and geographical factor led to a new strategy of economic development. In southern forest-steppe areas, settlers would receive large land plots where they would cultivate both cereals and vegetable crops borrowed from the Chinese and Koreans. Due to the lack of lands in the northern areas covered with forest and in the foothills of the Sikhote Alin Mountains, peasants were forced to turn to horticulture and use new technologies for increasing the productivity of their fields.

Keywords: *Amur region, Old Timers, new settlers, land allocation, land plot, left bank of the Amur, Chinese, cereals, vegetables.*

С присоединением левобережной части Приамурья к Российскому государству, согласно Айгунскому (1858 г.) и Пекинскому (1860 г.) договорам, перед царским правительством встала дилемма выбора путей развития новоприобретенного края: использовать старые проверенные методы управления в его освоении или выработать новую стратегию. Главная работа сводилась к организации заселения долины реки, представлявшей малонаселенную местность. При этом необходимо было учитывать ряд факторов природно-климатического, внешнеполитического характера и степень сложности строительства дорожной инфраструктуры для связи с центральными районами России. Предполагалось, что основной контингент «засельщиков» будет состоять из крестьянства и казачества, для которых обустройство на новом месте позволит решить их проблему безземелья и обеспечения продовольствием.

К.И. Максимович в ходе исследования долины Амура, проведенного в 1861–1862 гг., пытался выявить ее сельскохозяйственный потенциал. Выполненное им условное районирование указывало, что предпочтительней для аграрной колонизации покрытая лиственным лесом «южная полоса» Приамурья, занимающая пространство от р. Хунгари до Уссури. По его наблюдениям, на этом участке берега представляют равнину и горные хребты изредка подступают к самому берегу, «огромного роста травы свидетельствуют о чрезвычайно плодородной почве и благоприятном климате» [Максимович, 1861–1862, л. 2 об.]. Он привел ряд условий, необходимых для организации земледельческих поселений, выраженных в наличии ровного участка для разбивки пашни, луга для выпаса скота, строевого леса для постройки дома, что соответствовало критериям единоличного хозяйства, построенного на европейских традициях хлебопашества [Там же, л. 7]. Если «инородцы» предпочитали осваивать отвесные, крутые берега, поскольку рядом располагались изобиловавшие рыбой глубоководные места, то в новой картине расселения жилая зона смещалась на левый пологий берег, т.к. правый берег, переходящий в предгорья Сихотэ-Алиня, каменистый и не совсем подходил для земледелия [Там же, л. 7 об.].

Уже в 1858 г. администрация Восточно-Сибирского генерал-губернаторства предприняла первые шаги по включению левобережной части Приамурья в земледельческую зону, куда и отправлена была первая партия «приселенцев» из Забайкальского казачьего войска с опытом пашенных работ [По колонизации…, 1869, л. 35]. Из доклада казачьего сотника Шереметьева видно, что первоначальный план отвода земли под пашню на левом берегу Амура не оправдал себя. Прибывшие осенью 1861 г. и весной 1862 г. вынуждены разрабатывать земли на высоких местах, не подвергавшихся затоплению, а старые оставить. Из-за покрытия возвышенностей деревьями и мелким кустарником, «прежде чем приступить пахать на лошадях, требовались личные человеческие силы. В 1863 г. повторилось затопление лугов и постоянный дождь во время жатвы, сгноил большей частью хлеб» [Там же, 17 л.].

Для привлечения крестьянства на нераспаханные земли необходимо было дать им гарантии свободного владения ими. Согласно разработанным правилам для «вольных засельщиков», каждый переселенец по прибытии на место получал не только скот, но и земледельческие орудия, строительные материалы, продовольствие на 1,5 года; каждой семье предоставлялся свободный выбор места для поселения с отводом им земли до 100 десятин. В то же время указывалось, что приобретшие землю облагаются поземельным сбором, а не выполнившие кроме поземельного налога должны уплачивать и оброчную подать [Особое совещание…, 1883, л. 53 об. – 54].

После 1901 г. стодесятинный отвод земли местная администрация признала ошибочным решением из-за массовых случаев использования казаками-общинниками, как раз получившими огромные земельные владения, китайского труда [О ходе работ…, 1910–1912, л. 182; Материалы…, 1913, л. 77 об.; О выработке мер…, 1909–1916 гг., л. 7]. Перед правительством стояла сложная задача в виде разработки протекционистских мер для защиты отечественного сельхозпроизводителя. В зону землеотвода попали приграничные с Китаем районы с лесостепными ландшафтами, обширными лугами, где распространение сельскохозяйственных практик «южного соседа» приобрело устойчивую форму. Применявшиеся китайскими аграриями способы выращивания овощей на небольших участках земли являлись высокопродуктивными, давали хороший урожай. Конкуренцию европейскому землепашцу, ориентированному на злаковые культуры, китайцы составили и благодаря высокой специализации труда: их работающее население делилось на земледельцев, «лесовиков» (выращивающих и собирающих древесные грибы), звероловов, занимающихся женьшеневым промыслом, «капустников» (промышляющих морской капустой и трепангами), золотоискателей [Особое совещание…, 1883, л. 123 об.]. Чтобы воспрепятствовать самовольной передаче части пахотных угодий китайским арендаторам правительство решило сократить семейный надел до 10 десятин. Эта мера, реализованная

в 1910–1911 гг., была продиктована также истощением колонизационного фонда, в распоряжении которого оставались малоплодородные пространства приустьевой части Амура, «заросшие лесом, удаленные от городов, торговых центров, путей сообщения» [Материалы…, 1913, л. 74 об.].

Переселенческое Управление констатировало, что новоселам (прибывшим после 1901 г.) предоставляют земли худшего качества. Основная масса их направлялась в горные и прибрежные, промысловые районы [Там же, л. 75]. В более выгодном положении по условиям отвода земли оказались старожилы – «стодесятинники», наличие больших наделов в благоприятных для земледелия районах обусловило увеличение зажиточных семей в их составе. К 1910–1911 гг. их насчитывалось 124 тыс. человек, тогда как в «новосельческих» поселениях достигало 150–160 тыс. человек [Там же]. В условиях ограничений пахотных угодий отношения между новоселами, а также новоселов со старожилами регулировались правом первого захвата, проистекавшим из переложной системы земледелия. При таком способе часть надела оставалась под паром или являлась залежью. Новопоселенцы буквально состязались в захвате лучших клочков земли с расчетом на то, что участки с большей площадью впоследствии будут использоваться под пашню или сенокос. Подобные заимки, представлявшие куски нетронутой природы, находились среди распаханных наделов, они и стали важным источником благосостояния семей. В целом в Приамурье захват земель по отдельным районам распространялся неравномерно, что объяснялось строением рельефа. Там, где были луга, практиковалось перепродажа земли новым соседям за плату 300–400 руб. В горных, лесных районах многолошадные семьи с общественного надела вырубали лес и вывозили его на рынок. Позже из-за нависшей угрозы сокращения лесов правительство решило в старожильческих селениях уменьшить лесные наделы до несколько десятин с дальнейшим запретом рубки леса, которую контролировал лесной надзор [О выработке мер…, 1909–1916, л. 38 об.]. В промысловом районе главной статьей дохода в крестьянском бюджете стал рыбный промысел [Материалы…, 1913, л. 75–77].

В распределении выходцев из разных губерний России по районам края оформились их хозяйственные предпочтения. К примеру, белорусов притягивали лесные районы, и они успешно справлялись с корчевкой леса. Рыбным промыслом предпочитали заниматься воронежцы, тамбовцы и астраханцы [Там же, л. 75 об.].

Так, в 1910–1913 гг. Переселенческое Управление отчитывалось: «…в Удском и восточной части Хабаровского уезда развито рыболовство; по мере движения вверх по реке, рыбный промысел уступает место лесному, наиболее выраженному в окрестности г. Хабаровска и нижнем течении р. Уссури» [Там же, л. 62 об.].

В низовьях Амура местная администрация в своих записях подчеркивала нежелание переселенцев заниматься землепашеством. Короткое лето и ранние заморозки сокращали период, необходимый для созревания злаковых, что и стало причиной перехода крестьян и казаков на рыбную ловлю и заготовку дров [О выработке мер…, 1909–1916, л. 20, 31]. На небольших земельных наделах площадью от 1,5 до 10 десятин крестьяне преимущественно выращивали кормовые растения – овес, ячмень; огородные растения занимали 1/3 площадь от всего посева; пшеница и гречиха – 20 % посевной площади [Там же, л. 65]. Крестьяне мало были знакомы с бахчевыми и рядом огородных культур, которые успешно выращивали китайцы и корейцы [Материалы…, 1913, л. 85]. Однако возросшее количество рабочих, трудившихся на Амгунских золотых приисках, рыбозаготовительных и лесных компаниях требовало все больше продовольствия. В природно-климатических условиях, ограничивающих земледелие, единственным способом поднять урожайность наделов стало применение различных технологий. В некоторых хозяйствах появились зерноочистительные машины для очистки посевных семян; участковые агрономы в беседах знакомили население с техникой полеводства, культурой различных растений, рекомендовали орудия для более совершенной обработки земли. Закладывались опытные поля, производились показательные посевы, изучались почвы. Использование новых методов растениеводства позволило новоселам получать урожай в объеме выше, чем у старожилов [Там же, л. 79].

В начале XX в. нижнеамурские аграрии, используя интенсивные формы земледелия, смогли на некоторое время повысить продуктивность своих участков не только благодаря внедрению новых технологий, но и благодаря заимствованию традиций огородничества от корейцев и китайцев, что стало одной из форм адаптации западного сельскохозяйственного опыта к дальневосточным климатическим условиям.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта РФФИ № 15-01-00453.

Список литературы

Максимович К.И. Рукописи трудов. Сведения об Амурском крае, 1861–1862. – 18 л. // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 82. Оп. 1. Д. 21.

Материалы по Дальнему Востоку, 1913. – 406 л. // Санкт-Петербургское отделение РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 562.

О выработке мер борьбы с желтой расой и доставке русских на Дальний Восток, 1909–1916. – 376 л. // Санкт-Петербургское отделение РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 13.

О ходе работ командированной по величайшему повелению Амурской экспедиции, 1910–1912. – 189 л. // Санкт-Петербургское отделение РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 28.

Особое совещание по Амурским делам, 1883. – 226 л. // Санкт-Петербургское отделение РГИА. Ф. 1221. Оп.1. Д.1.

По колонизации края, 1869. – 168 л. // Санкт-Петербургское отделение РГИА. Ф. 1315. Оп. 1. Д. 5

References

Maksimovich K.I. Rukopisi trudov. Svedenija ob Amurskom krae, 1861–1862, 18 p. In *St. Petersburg branch archive RAS.* F. 82. Op. 1. D. 21 (in Russ.).

Materialy po Dal'nemu Vostoku, 1913, 406 p. In *St. Petersburg branch of RSHA.* F. 391. Op. 5. D. 562 (in Russ.).

O khode rabot komandirovannoj po velichajshemu poveleniju Amurskoj jekspedicii, 1910–1912, 189 p. In *St. Petersburg branch of the RSHA*. F. 394. Op. 1. D. 28 (in Russ.).

O vyrabotke mer bor'by s zheltoj rasoj i dostavke russkih na Dal'nij Vostok, 1909–1916, 376 p. In *St. Petersburg branch of RSHA*. F. 394. Op. 1. D. 13 (in Russ.).

Osoboe soveshhanie po Amurskim delam, 1883, 226 p. In *St. Petersburg branch of the RSHA*. F. 1221. Op. 1. D.1 (in Russ.).

Po kolonizacii kraja, 1869, 168 p. In *St. Petersburg branch of the RSHA*. F. 1315. Op. 1. D. 5 (in Russ.).

УДК 314.4+393

В.В. Николаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Самосохранительное поведение коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX–XX века)

В статье рассматриваются этнические особенности самосохранительного поведения у кумандинцев, тубаларов и челканцев. Источниковую базу исследования составляют полевые и архивные материалы. В отличие от современности в традиционном обществе здоровье человека обеспечивалось четким соблюдением традиционных норм и зависело от благосклонности духов. Обычаи и обряды имели во многом иррациональный характер. Распространение санитарно-гигиенических знаний, начавшееся с контактов с переселенцами и миссионерами, формирование сети медицинских учреждений в регионе в 1920–1940-е гг. и укрепление доверия к медицинским работникам привели к постепенной трансформации самосохранительного поведения.

Ключевые слова: *коренное население, Алтай, самосохранительное поведение.*

V.V. Nikolaev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Self-Preserving Behavior of the Indigenous Population from the Foothills of the Northern Altai (19th–20th Century)

The article examines ethnic features of self-preserving behavior among the Kumandins, Tubalars, and Chelkans. The study is based on field and archival materials. As opposed to modernity, human health in traditional societies was ensured by strict observance of traditional norms and depended on the benevolence of the spirits. Customs and rituals were largely irrational. Self-preserving behavior became transformed as a result of the spread of sanitary and hygienic knowledge, which started from the contacts with settlers and missionaries, organization of a network of medical institutions in the region in the 1920s–1940s, and building people's trust in health workers.

Keywords: *indigenous population, Altai, self-preserving behavior.*

Самосохранительное поведение, как и любое другое поведение, обусловлено этническими традициями. Под самосохранительным поведением понимается система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья и продление жизни и обусловленных существующими традициями.

В данной публикации будет рассмотрено влияние этнического фактора на здоровьесберегающее поведение коренного населения предгорий Северного Алтая (кумандинцев, тубаларов и челканцев). Источниковой базой для данной статьи стали полевые сведения, полученные автором в ходе этнографической поездки в 2008 г. и историко-этнографических экспедиций АлтГУ (МАЭ АлтГУ) в 2001–2004 гг. в с. Красногорское и с. Солтон Алтайского края и с. Турочак Республики Алтай, а также материалы Государственного архива Алтайского края.

В традиционной культуре самосохранительное поведение во многом регулировалось устоявшимися нормами, обычаями и обрядами, имеющими

рациональный и иррациональный характер. Значительное влияние оказывала предопределенность жизни этнофора, отражавшаяся на его здоровьесберегающих действиях.

Так, уже при рождении повитуха по пуповине определяла, как долго будет жить новорожденный. Считалось, что малое количество крови указывает на недолгую жизнь. Обращались также к предсказателям (*курумчи*), гадавшим по руке (ПМА, 2008, с. Красногорское). По литературным свидетельствам будущее ребенка определял Кудай Ульгень еще при зачатии (*чаянында чаяпсан намыны киженг* – ‘на роду написано, кому сколько жить’). Судьбу (*irq*, *ульга*) новорожденного предсказывали в ходе камлания. Сообщались срок его жизни и те моменты, когда ему будет грозить смерть (*бом*, *пом* – букв.: скала, утес). Их (*бом*, *пом*) могло быть до девяти, но этих опасностей можно было избежать [Потапов, 1991, с. 149; Славнин, 1990, с. 134; Хильден, 2000, с. 90].

Автохтоны верили, что смерть наступала по решению божества подземного мира Эрлика. Душа доставлялась в преисподнюю, где над ней творился суд. Во избежание опасности Эрлику приносились жертвы [Потапов, 1991, с. 31, 54, 257; Сатлаев, 1974, с. 150–151, 163; Славнин, 1990, с. 134–135]; (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 6. Оп. 2. К. 24. Л. 2).

По традиционным представлениям, человек заболевал из-за кражи его души злым духом или в случае, если душа оказывалась «заблудшей» и в человека вселялся нечистый дух. Для излечения требовалось возвратить душу, что мог осуществить только шаман (ПМА, 2008, с. Красногорское, Турачак).

Причиной смерти считались и действия враждебно настроенных к человеку духов, объединявшихся общим названием *кара төс*; среди них можно выделить *алвун*/*албан*, опасного для охотника; *кормес*, угрожавшего путнику у заброшенных жилищ; *суыны*/*суу иези*, забиравшего человека на дно водоема. Нарушение правил поведения наказывалось болезнью глаз, насылавшейся духом *төбөне*, или болезнью груди и спины, исходящей от *чажылдай-аза* [Бельгибаев, 2005, с. 42–44; Сатлаев, 1974, с. 151].

Согласно сведениям Ф.А. Сатлаева [1974, с. 151], у кумандинцев существовали нечистые духи *кӱдербе-аза* и *кӱдертгиш-аза*, способные «зарыться» в ограде дома, что приводило к смерти членов семьи, а затем и рода в целом. Скорее всего, с этим представлением связана традиция, бытовавшая в прошлом, покидать жилище после захоронения своего родственника [Гельмерсен, 1840, с. 258]. У тубаларов подобные действия объяснялись тем, что нельзя было оскорблять место погребения (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 9, 11. К. 19).

Различные ограничения сопровождали совершение всех обрядов погребально-поминального цикла, обеспечивая локализацию несчастья (возможной эпидемии) в рамках отдельной семьи и сохранение общины. В то же время санитарно-гигиенические практики коренного населения оставались на низком уровне. Нарастание эпидемиологической угрозы было сопряжено с увеличением плотности (в том числе за счет переселенцев из Европейской части России) и миграционной активности населения.

Обычно члены семьи, в которой умирал домочадец, были ограничены в свободе передвижения по деревне, с наступлением сумерек не выходили на улицу. Соседи при встрече их сторонились, не приходили в гости (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 10. К. 22. Л. 6–7; Оп. 1. К. 22. Л. 3; К. 26. Л. 4). На похоронах запрещалось присутствовать женщинам (особенно беременным) и детям (ПМА, 2008, села Красногорское, Турачак).

На поведение человека значительное влияние оказывали старшие родственники и социум в целом, что во многом снижало распространенность социальных болезней. Один из организаторов миссионерского дела на Алтае В.И. Вербицкий [1993, с. 101] отмечал, что среди коренного населения предгорий Северного Алтая было распространено курение табака и пьянство; что они были нечистоплотны, склонны к отчаянию и самоубийству. Но эти описания не вполне соответствовали реальности. Распространенность суицидов среди аборигенного населения предгорий Северного Алтая была явно преувеличена. Метрические книги (с 1880-х по 1910-е гг.) практически не содержат сведений подобного рода. Нами обнаружено лишь по одному «застрелившемуся» и «удавившемуся». Традиционная культура жизнеобеспечения формировала установки на сохранение жизни и психологическое здоровье. В одном из документов Русского географического общества за 1910 г. отмечалось, что среди автохтонного населения нет «сумасшедших, юродивых, порченных и кликуш» (ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 17 об.).

Процесс алкоголизации аборигенов также спорен. Из отчетов Алтайской духовной миссии может сложиться представление о большой распространенности пьянства среди аборигенного населения. Однако необходимо учитывать, что миссионеры посещали инородческие аилы редко (в среднем раз в год) и задерживались в них на пару дней.

Традиционно автохтоны потребляли слабоалкогольные напитки в праздники, во время встреч с родственниками, при проведении обрядов, и это регулировалось старшим поколением (ПМА,

2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак). П.В. Бутягин в своем исследовании [1905, с. 1283–1291] обосновал относительную безвредность для организма человека араки, которой «для опьянения необходимо выпить до 4 бутылок». Злоупотребляли алкоголем преимущественно представители маргинальной части коренного населения.

Жители первых миссионерских поселений, крестившиеся из-за бедности или вследствие изгнания из общины и проч., в наибольшей степени были подвержены негативному воздействию «новой жизни», хотя их интеграция в русскую крестьянскую культуру сопровождалась множеством положительных заимствований, в том числе в области демографического поведения. В числе прочего стоит отметить распространение миссионерами санитарно-гигиенических знаний и оспопрививание.

В тоже время даже среди новокрещенов сохранялось влияние шаманов и народных знахарей, выступавших хранителями традиций народной медицины. За десятилетия деятельности миссии их количество, видимо, существенно не сократилось. Миссионер Созопского отделения, состоявшего из 26 населенных пунктов, в 1907 г. отмечал, что на подотчетной ему территории проживало 11 камов (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 120. Л. 6).

Медицинская помощь со стороны миссионеров была эпизодической, она оказывалась лишь во время ежегодного объезда населенных пунктов для исполнения треб паствы. На территории Горного Алтая и его предгорий имелись только больницы в г. Бийске и с. Улала. Крещеные и язычники обращались в миссию за лекарствами, везли детей для оспопрививания (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 75. Л. 2 об.). Сотрудники миссии снабжали население гомеопатическими средствами, лекарственными растениями, распространяли медицинские и санитарно-гигиенические знания (ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 17 об.).

В 1920–1940-е гг. происходят заметные изменения, нивелировавшие иррациональные представления о болезни и смерти и способствовавшие распространению в последующие десятилетия практик здоровьесбережения. Реальностью аборигенных поселений Северного Алтая стали общественные и индивидуальные бани, больницы и фельдшерские пункты (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак). Получили распространение предметы личной гигиены. Например, у челканцев, кумандинцев и тубаларов появились ванночки (*тозьяк*) для купания детей, на которые переносились иррациональные запреты: класть в ванночку какие-либо вещи, иначе ребенок мог заболеть, воду после купания новорожденного выливали за ограду (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 1. К. 21. Л. 1–2). И все же рациональные знания постепенно вытесняли иррациональные традиции, чему способствовало расширение сети медицинских учреждений в регионе.

Как в прошлом, так и в настоящее время человек ориентирован на сохранение собственной жизни и здоровья. Если сейчас самосохранительное поведение включает в себя спорт, медицинскую диагностику и воздержание от вредных привычек конкретным человеком, то в рамках традиционного общества требовалось четкое соблюдение обычаев и обрядов, от чего зависело не только здоровье индивида, но и благополучие общины в целом. Ритуалы были наполнены в большей степени иррациональной составляющей, нивелирование которой началось с распространением санитарно-гигиенических знаний и укреплением доверия к медицинским работникам. Рационализация и модернизация жизненных стандартов автохтонного населения оборачивалась трансформацией демографического поведения.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Бельгибаев Е.А. Традиционные религиозно-мифологические представления северных алтайцев об окружающем мире // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур. – Барнаул: АзБука, 2005. – С. 39–46.

Бутягин П.В. Арака – национальный напиток некоторых сибирских инородцев // Вестн. гигиены. – 1905. – С. 1283–1291.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. – 268 с.

Гельмерсен Г. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. – СПб., 1840. – Ч. 1, кн. 1/2. – С. 40–61, 238–261, 420–446.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. – 319 с.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1974. – 199 с.

Славнин В.Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1990. – С. 132–146.

Хильден К. О шаманизме на Алтае, в частности среди татар-лебединцев // Челканцы в исследованиях и ма-

териалах XX века (Алтаистические исследования). – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2000. – Т. 3. – С. 74–113.

References

Bel'gibaev E.A. Traditsionnye religiozno-mifologicheskie predstavleniya severnykh altaitsev ob okruzhayushchem mire. In *Sibir', Tsentral'naya Aziya i Dal'nii Vostok: vzaimodeistvie narodov i kul'tur*. Barnaul: AzBuka, 2005, pp. 39–46 (in Russ.).

Butyagin P.V. Araka – natsional'nyi napitok nekotorykh sibirskikh inorodtsev. *Vestnik gigieny,* 1905, pp. 1283–1291 (in Russ.).

Gel'mersen G. Teletskoe ozero i teleuty Vostochnogo Altaya. *Gornyi zhurnal*. St. Petersburg, 1840, pt. 1, vol. 1–2, pp. 40–61, 238–261, 420–446 (in Russ.).

Khil'den K. O shamanizme na Altae, v chastnosti sredi tatar-lebedintsev. In *Chelkantsy v issledovaniyakh i materialakh XX veka (Altaisticheskie issledovaniya)*. Moscow: IAE RAS Publ., 2000, vol. 3, pp. 74–113 (in Russ.).

Potapov L.P. Altaiskii shamanizm. Leningrad: Nauka, Leningr. otd-nie, 1991, 319 p. (in Russ.).

Satlaev F.A. Kumandintsy (Istoriko-etnograficheskii ocherk XIX – pervoi chetverti XX v.). Gorno-Altaisk: Altaiskoye knizhnoye izdatelstvo, 1974, 199 p. (in Russ.).

Slavnin V.D. Pogrebal'nyi obryad kumandintsev. In *Obryady narodov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: State Univ. Press, 1990, pp. 132–146 (in Russ.).

Verbitskii V.I. Altaiskie inorodtsy. Gorno-Altaisk: Ak-Chechek, 1993, 268 p. (in Russ.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РУз	– Академия наук Республики Узбекистан
АН СССР	– Академия наук СССР
АО	– Археологические открытия
ВАОН	– Вьетнамская академия общественных наук
ВЭГУ	– Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, г. Уфа
ВСЕГЕИ	– Всероссийский научно-исследовательский геологический институт
ГАРБ	– Государственный архив Республики Бурятии
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение РАН
ЗИН РАН	– Зоологический институт РАН
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ РАН	– Институт географии РАН
ИГЕМ РАН	– Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН
ИГИ АН РС(Я)	– Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия)
ИДВ РАН	– Институт Дальнего Востока РАН
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН
ИНГГ СО РАН	– Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
ИПОС СО РАН	– Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭА РАН	– Институт этнологии и антропологии РАН
КГПУ им. В.П. Астафьева	– Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАН	– Монгольская академия наук
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ	– Новосибирский государственный университет
ОАК	– Отчет Археологической комиссии
ОАН	– объект археологического наследия
ПАН	– Польская академия наук
ПИН РАН	– Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
РАН	– Российская академия наук
РАСК	– Региональная археологическая студенческая конференция
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов

РГИА – Российский государственный исторический архив
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СВНЦ ДВО РАН – Северо-Восточный научный центр ДВО РАН
СО РАН – Сибирское отделение РАН
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
ХНЦ ДВО РАН – Хабаровский научный центр ДВО РАН
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Агаджанян А.К., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Новые данные по мелким позвоночным из восточной галереи Денисовой пещеры 7

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Горельченкова О.А. Позднепалеолитическая стоянка Притубинск I – новый памятник кокоревской культуры Средней Сибири 11

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Харевич В.М. Раннеголоценовые памятники Южно-Минусинской котловины 15

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Харевич В.М., Шалагина А.В., Павленок Г.Д., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Чеха А.М., Искаков Г.Т., Васильев С.К. Исследование индустрий начальных этапов верхнего палеолита на стоянке Ушбулак-1 (Восточный Казахстан) в 2017 году 19

Ахметов В.В., Алкин С.В. Археологическая разведка в Сретенском районе Забайкальского края в 2014 году 26

Базалийский В.И., Горюнова О.И. Керамика из исаковских погребений (поздний неолит) могильника Усть-Ида I в Прибайкалье 30

Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю., Анойкин А.А. Новые археологические исследования палеолитической стоянки Кара-Бом (Горный Алтай) 34

Бердников И.И., Бердникова Н.Е. Геоархеологическая специфика раннеголоценовых комплексов Южного Приангарья 39

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Жилище эпохи неолита на поселении Старый Московский Тракт-5: результаты работ 2017 года 45

Боманн М., Козликин М.Б., Плиссон Х., Шуньков М.В. Слабомодифицированные костяные орудия раннего верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры 50

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И. Новые сборы остатков плейстоценовой мегафауны на вторичных местонахождениях Верхнего Приобья в 2017 году 55

Васильев С.К., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Остатки мегафауны из восточной галереи Денисовой пещеры и вопросы реконструкции природной среды Северо-Западного Алтая в плейстоцене 60

Волков П.В., Митько О.А. Результаты трасологического анализа каменных накладок на деревянное огневое сверло 65

Гирченко Е.А. Древняя гидрография района среднего течения Янцзы и ее влияние на неолитические культуры региона 68

Гладышев С.А. Свидетельства применения техники микрорасщепления в комплексах раннего верхнего палеолита многослойных стратифицированных стоянок Гобийского Алтая 72

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Радиоуглеродные даты комплексов раннего голоцена Приольхонья (озеро Байкал) 75

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Хак Шу, Кандыба А.В., Чеха А.М., Цыбанков А.А., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Новые данные в изучении раннего палеолита с бифасиальной индустрией Вьетнама. Раскопки стоянки Роктынг-7 в 2017 году 79

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Хак Шу, Кандыба А.В., Чеха А.М., Цыбанков А.А., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Раскопки стоянки раннего палеолита с бифасиальной индустрией Роктынг-4 во Вьетнаме в 2017 году 84

Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования раннепалеолитических комплексов на территории Дагестана в 2017 году 89

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Харевич В.М., Козликин М.Б., Марковский Г.И., Шалагина А.В., Павленок Г.Д., Гладышев С.А., Чеха А.М., Искаков Г.Т. Археологические работы в Шиликтинской долине на востоке Казахстана в 2017 году 93

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Анойкин А.А., Павленок К.К., Козликин М.Б., Ульянов В.И., Меденица И. Новые данные по каменной индустрии скального навеса Малишина Стена в Черногории (по результатам работ в 2017 году) 98

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Шалагина А.В. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса в южной галерее Денисовой пещеры 103

Дроздов Д.Н., Дроздов Н.И., Макулов В.И., Ван Вэй, Гао Лэй, Цюань Цянькунь. Исследования в Куртакском геоархеологическом районе. Местонахождение Каменный Лог 108

Дроздов Н.И., Макулов В.И., Дроздов Д.Н., Сюй Цзинь, Цюань Цянькунь. Археологические исследования на юге Республики Хакасии 111

Дроздов Н.И., Макулов В.И., Леонтьев В.П., Дроздов Д.Н., Цюань Цянькунь, Цоу Хоуси, Ван Вэй, Дай Юйбяо, Гао Лэй, Сюй Цзинь, Чжан Чжэньшань. Исследования палеолитических местонахождений Маткечик на юге Хакасии 114

Зольников И.Д., Постнов А.В., Рыбалко А.Г. Палеолитические изыскания на нижней Оби в 2017 году 117

Зоткина Л.В., Благун Ю.Ю., Амосова М.В. Результаты полевых исследований памятников наскального искусства на юге Красноярского края в 2017 году 120

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Каменная индустрия среднего палеолита местонахождения Дарвагчай-Залив-4 (Юго-Восточный Дагестан): новые данные 125

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Бойнихинский тип керамики: проблемы хронологии и периодизации 128

Колобова К.А., Слюсаренко И.Ю., Крайцаж М.Т., Егоров Д., Маркин С.В., Шнайдер С.В., Селецкий М. Первое кострище неандертальцев, обнаруженное на территории Горного Алтая в Чагырской пещере 132

Колобова К.А., Шнайдер С.В., Крайцаж М.Т., Боманн М., Маркин С.В., Алишер-кызы С., Селецкий М.В., Завгородняя Д.А., Аладжем Э., Федорченко А.Ю. Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в 2017 году 136

Кривошапкин А.И., Виола Б., Чаргынов Т., Крайцаж М., Колобова К.А., Шнайдер С.В. Исследования палеолитических комплексов пещеры Сельунгур в 2017 году 141

Кулик Н.А., Лбова Л.В., Барков А.В. Сырьевые стратегии верхнепалеолитического населения Малой Сыи 146

Лбова Л.В., Волков П.В., Ковалев В.С., Барков А.В., Круадье Э. Технологические особенности обработки каменного сырья для производства предметов персональной орнаментации в комплексе Малой Сыи 150

Марковский Г.И., Белоусова Н.Е., Кривошапкин А.И., Сердюк Н.В., Васильев С.К., Кулик Н.А. Результаты исследований отложений среднего палеолита пещеры Страшной в 2017 году 154

Мартынович Н.В., Васильев С.К. Плейстоценовые птицы из восточной галереи Денисовой пещеры (Северо-Западный Алтай) 159

Медведев В.Е., Филатова И.В. Результаты рентгенофазового анализа образцов глин и суглинков с археологических памятников юго-запада Нижнего Приамурья 163

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б. Происхождение гончарства и этнокультурные процессы в неолите Приамурья 167

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация 172

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Предварительные результаты раскопок многослойного поселения Шракшура III на западном побережье озера Байкал 178

Павленок Г.Д., Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Шалагина А.В., Харевич В.М., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Чеха А.М., Искаков Г.Т., Васильев С.К. Исследование индустрий рубежа плейстоцена и голоцена на стоянке Ушбулак-1 в 2017 году 182

Павленок К.К., Кот М., Павленок Г.Д., Шнайдер С.В., Шимчак К., Крайцаж М.Т., Крайцаж М., Лазарев С.Ю., Когай С.А., Хужиназаров М., Смирнов Б.М. Палеолитическая стоянка Каттасай-2 на западных отрогах Тянь-Шаня: первые результаты исследований 186

Рыбалко А.Г., Янина Т.А. Обоснование возраста раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-Залив-4 (Юго-Восточный Дагестан) 190

Рыбин Е.П., Мещерин М.Н. Некоторые вопросы хронологии и периодизации палеолита Северного Приангарья (по материалам исследований стоянок Колпаков Ручей и Усть-Кова) 194

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Звинс Н., Гунчинсурэн Б., Пэйн К., Болорбат Ц., Одсурен Д., Галфи Й., Анойкин А.А., Маргад-Эрдэнэ Г., Марченко Д.В., Ангарагдулгуун Г., Шелепаев Р.А., Попов А.Ю. Новые результаты изучения стоянки Толбор-21 (Северная Монголия) 198

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Гунчинсурэн Б., Пэйн К., Болорбат Ц., Одсурен Д., Звинс Н., Лхундэв Г., Маргад-Эрдэнэ Г. Хроностратиграфические исследования стоянки Толбор-4 (Северная Монголия) 202

Сердюк Н.В., Зажигин В.С., Колобова К.А., Маркин С.В. Итоги изучения фауны мелких млекопитающих Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай) в 2016 году 206

Сердюк Н.В., Марковский Г.И., Белоусова Н.Е., Кривошапкин А.И. Новые данные о плейстоценовой фауне мелких млекопитающих Страшной пещеры (Северо-Западный Алтай) 210

Федорченко А.Ю., Селецкий М.В., Боманн М., Колобова К.А. Экспериментальное исследование технологий среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в 2017 году 214

Филатова И.В. К проблеме финального этапа неолита Нижнего Приамурья (по материалам керамических комплексов) 218

Хаценович А.М., Вольвах А.О., Рыбин Е.П., Гунчинсурэн Б., Шелепаев Р.А., Попов А.Ю., Болорбат Ц., Одсурэн Д., Вольвах Н.Е., Марченко Д.В. Хроностратиграфия памятника Харганын-Гол-5 (Северная Монголия) 222

Цетлин Ю.Б., Медведев В.Е. Новые результаты изучения керамики поселений начального и раннего неолита Казакевичево и Сучу в Приамурье 226

Цэвээндорж Д., Молодин В.И., Черемисин Д.В., Кретэн К., Зоткина Л.В., Натсаг Б., Нестеркина А.Л. Изучение древнейшего пласта наскальных изображений Монголии в 2017 году: памятники Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур 231

Чеха А.Н., Кишкурно М.С., Батанина О.В. Археологическая и антропологическая характеристика материалов из слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей (Северное Приангарье) 235

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Крайцаж М., Алишер-кызы С., Никулина Е.Д., Тэйлор В., Кривошапкин А.И. Результаты археологических раскопок памятника Обишир-1 в 2017 году 240

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Тэйлор В., Колобова К.А., Алишер-кызы С., Кривошапкин А.И. Алайская стоянка – свидетельство самого раннего эпизода присутствия человека в высокогорных районах западной части Центральной Азии 245

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Тэйлор В., Кривошапкин А.И. Результаты археологической разведки в Алайской долине (Кыргызстан) в 2017 году 250

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Браслет из бивня ранней стадии верхнего палеолита из Денисовой пещеры 255

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные изделия начала верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2017 года) 259

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Батанина О.В., Зубова А.В., Кишкурно М.С., Поздняков Д.В., Чикишева Т.А. Антропологические материалы эпохи бронзы из могильника Рублево VIII 265

Богданов Е.С., Новикова О.И. Исследовательские работы на могильнике Курайка (Горный Алтай) в 2017 году 275

Бородовский А.П. Костяные варганы и их заготовки гунно-сарматского времени на территории Северного Алтая 279

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые змеи и драконы из второй жертвенной ямы Саньсиндуя 284

Волков Д.П., Алкин С.В., Нестеров С.П., Коваленко С.В., Дуань Гуанда, Ван Лэвэнь, Бао Шугуан, Гэ Липин. Мониторинг археологических объектов на берегах Амура 289

Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Очажные устройства в жилых постройках городища Усть-Войкарское (по материалам работ 2012–2016 годов) 294

Гнездилова И.С. Магатама в кофунах древней провинции Ямато (III–VII вв. н.э.) 299

Горохов С.В. Путевой дневник С.Л. Владиславича-Рагузинского как источник по локализации на местности Усть-Тартасского форпоста 303

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Сумин В.А., Позднякова О.А., Евменов Н.Д., Цибизов Л.В. Результаты геофизических и геодезических работ на территории памятника «Усть-Тартасские курганы» 307

Ефремова Н.С. Культовые объекты Северной Азии: к вопросу о дефинициях 311

Ефремова Н.С., Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Васильев С.К., Дураков И.А., Селин Д.В. Ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры: новые концепции интерпретации 314

Ефремова Н.С., Селин Д.В., Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Керамика ритуального комплекса восточного варианта пахомовской культуры: результаты исследований 2017 года 318

Зайцев Н.Н. Гродековское городище в Амурской области 322

Зубова А.В., Кишкурно М.С., Поздняков Д.В. Одонтологическая характеристика андроновского населения степного Алтая по материалам могильника Рублево VIII 326

Кардаш О.В., Гайдакова З.Г. Бухта Находка-2: первые результаты археологического изучения грунтового могильника VI–XIII веков на полуострове Ямал 331

Комиссаров С.А., Шульга Д.П., Сутягина Н.А. Культура шацзин (Ганьсу, Китай): основные памятники и вопросы хронологии 336

Кубарев Г.В. «Оленный камень» из долины реки Талдура (Юго-Восточный Алтай) 341

Марковский Г.И., Белоусова Н.Е., Сердюк Н.В., Васильев С.К., Кривошапкин А.И. Исследование голоценовых отложений пещеры Страшной в 2017 году 345

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Понедельченко Л.О. Погребальные комплексы монгольского времени на памятнике Крохалевка-5 (работы 2014–2017 годов в Новосибирском Приобье) 349

Митько О.А., Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Поселянин А.И., Половников И.С. Начало изучения таштыкского грунтового могильника Тесинский Залив-3 (Богорадский район, Республика Хакасия) 354

Молодин В.И., Дураков И.А., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Селин Д.В., Нестерова М.С., Ненахова Ю.Н., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С. Система организации сакрального пространства в погребальных комплексах андроновского (федоровского) населения Барабинской лесостепи. Памятник Тартас-1 358

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Борзых К.А., Швецова Е.С. Могильник Усть-Тартас-2 – новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы в Барабинской лесостепи 363

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Борило Б.С. Венгерово-2: новые данные по кротовской культуре 368

Мыльников В.П. Художественная резьба на обугленных деревянных предметах из памятников раннего железного века 373

Ненахова Ю.Н. Определение «провинций» наскального искусства в трудах академика А.П. Окладникова (к постановке вопроса) 378

Плотников Ю.А., Волков П.В. Уплощенная галька с изображением антропоморфной личины из Нижнего Приамурья 382

Скобелев С.Г., Митько О.А., Тарасов А.Ю., Поселянин А.И., Половников И.С. Кыргызский могильник Большой Телек в Идринском районе Красноярского края 386

Слюсаренко И.Ю., Сафонова М.А., Скобелев С.Г., Митько О.А. Опыт комплексного датирования древесины из погребений таштыкских могильников Маркелов Мыс II и Чегерак 390

Соловьев А.И., Соловьева Е.А. Асимметричные топоры. Аспекты использования 395

Стасюк И.В., Конохов В.А., Харевич В.М., Акимова Е.В., Горельченкова О.А., Кукса Е.Н. Археологические исследования в южных районах Красноярского края 398

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита – раннего железного века) 401

Степанова Н.Ф., Поляков А.В. Афанасьевский и окуневский керамические комплексы с памятников озера Итколь (Республика Хакасия) 405

Табарев А.В. Традиция погребений в сосудах в островной части Юго-Восточной Азии: происхождение и ареальное подразделение 409

Табарев А.В., Иванова Д.А. Реалии «Огненного кольца»: сейсмический фон культурной динамики на островах Японского архипелага 413

Татауров С.Ф., Чёрная М.П., Тихонов С.С. Некоторые итоги раскопок Тарской крепости (по материалам 2007–2017 годов) 417

Татаурова Л.В. Новые материалы для реконструкции системы жизнеобеспечения русского сельского населения XVII–XVIII веков 421

Тихомиров К.Н. Новые данные о жизнеобеспечении населения южнотаежной зоны Среднего Прииртышья в XVII–XVIII веках 425

Тихонов С.С. Естественные преграды в системе обороны Тарской крепости (предварительные результаты исследований 2013–2017 годов) 428

Худяков Ю.С. Коллекция железных наконечников стрел из окрестностей села Новая Сыда в Красноярском крае 432

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Изображение оружия на петроглифическом памятнике Айгыр-Жал в Центральном Тянь-Шане 436

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Солтобаев О.А., Орозбекова Ж. Орнаментированные пластины от седла из памятника Ак-Кыя в Кыргызстане 440

Черемисин Д.В., Казаков В.В., Жумадилов К.Б., Ковалев В.С. Применение современных информационных технологий в задачах документирования памятников наскального искусства Алтая 444

Черемисин Д.В., Казаков В.В., Ковалев В.С., Жумадилов К.Б. Трехмерное сканирование наскальных рисунков Алтая в технике гравировки 449

Шуньков М.В., Козликин М.Б., Ульянов В.А., Федорченко А.Ю., Чеха А.Н., Бочарова Е.Н. Новые результаты исследования голоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры ... 454

ЭТНОГРАФИЯ

Бадмаев А.А. О водном мире в представлениях и обрядности кабанских бурят 461

Березиков Н.А. Этнознаковое оформление сообществ эвенков в России XVIII века 464

Болонев Ф.Ф. Лен и конопля в хозяйстве русских крестьян Сибири XVII – начала XX века 467

Бурнаков В.А. Образ утки в традиционном мировоззрении хакасов 471

Голубкова О.В. Культ Святого Николая в народных верованиях ижемских коми: актуализация и стратегии сохранения образа 474

Жигунова М.А., Крапчунов Д.Е. Свадьба русских старожилов Сибири: опыт современной реконструкции 477

Комиссаров С.А., Фролова А.А. Дунгане: этнос внутри этноса 481

Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Продолжительность жизни и причины смерти городского населения Западной Сибири в 1960-е годы 485

Люцидарская А.А. Символы и знаки, отражающие жизнедеятельность служилого населения Сибири XVI – начала XVIII века 489

Майничева А.Ю. Перспективы использования информационных технологий в исторической этнографии на примере изучения русских в Сибири XVII–XVIII веков 492

Москвина М.В. Орнамент в оформлении женской этнической одежды алтайцев и хакасов: развитие традиции в современности 495

Сальникова И.В. Фигура семейного духа-покровителя манси с бронзовой лягушкой 499

Фурсова Е.Ф. Знаково-символические функции русской традиционной одежды в исследованиях культурологов, искусствоведов, психологов, этнографов 503

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Басова Н.В., Постнов А.В., Нестеркина А.Л., Ахметов В.В., Морозов А.А. Результаты охранно-спасательных раскопок на поселении Турист-2 в Новосибирске в 2017 году 509

Кениг А.В., Зайцева Е.А., Костомаров В.М. Предварительные результаты геофизических исследований территории могильника Горноправдинский в 2017 году 513

Кубарев Г.В., Рукавишникова И.В. Исследование кургана Узловое Северное (Республика Крым) 516

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Ненахова Ю.Н., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С. Аварийные раскопки одиночного элитного кургана саргатской культуры Государево Озеро-1 в Барабинской лесостепи 521

Шульга П.И., Рукавишникова И.В., Присекайло А.А., Чертыков В.А., Орозбекова Ж., Выборнов А.В. Археологические раскопки в предгорьях Крыма (предварительное сообщение) ... 526

ЭТНОГРАФИЯ (ДОПОЛНЕНИЕ)

Мальцева О.В. Приамурье: практика землеотвода в рамках аграрной колонизации края во второй половине XIX – начале XX века 532

Николаев В.В. Самосохранительное поведение коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX–XX века) 536

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 540

CONTENTS

ARCHAEOLOGY OF THE STONE AGE. PALEOECOLOGY

Agadjanian A.K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. New Data on Small Vertebrates from the East Chamber of Denisova Cave 7

Akimova E.V., Stasyuk I.V., Gorelchenkova O.A. Pritubinsk I: Recently Discovered Late Paleolithic Site of the Kokorevo Culture in the Middle Siberia 11

Akimova E.V., Stasiuk I.V., Harevich V.M. Early Holocene Sites of the South-Minusinsk Depression 15

Anoykin A.A., Taimagambetov Zh.K., Ulianov V.A., Kharevich V.M., Shalagina A.V., Pavlenok G.D., Markovsky G.I., Gladyshev S.A., Chekha A.M., Iskakov G.T., Vasiliev S.K. Research of the Initial Upper Paleolithic Industry at the Ushbulak-1 Site (Eastern Kazakhstan) in 2017 19

Akhmetov V.V., Alkin S.V. Archaeological Survey in the Sretensky District of the Transbaikal Region in 2014 26

Bazaliysky V.I., Goryunova O.I. Pottery from the Isakovo Burials (The Late Neolithic) at the Ust-Ida I Burial Ground of the Baikal Region 30

Belousova N.E., Rybin E.P., Fedorchenko A.Yu., Anoykin A.A. New Archaeological Research at the Kara-Bom Palaeolithic Site (The Altai Mountains) 34

Berdnikov I.M., Berdnikova N.E. Geoarchaeological Features of the Early Holocene Complexes in the Southern Angara Region 39

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Neolithic Dwelling from the Settlement of Stary Moskovsky Trakt-5: Results of 2017 45

Baumann M., Kozlikin M.B., Plisson H., Shunkov M.V. Early Upper Paleolithic Unshaped Bone Tools from the Southern Chamber of Denisova Cave 50

Vasiliev S.K., Serednyov M.A., Milutin K.I. New Gathering of the Pleistocene Megafauna Remains at the Alluvial Locations of the Upper Ob Region in 2017 55

Vasiliev S.K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Megafaunal Remains from the Eastern Chamber of Denisova Cave and Problems of Reconstructing the Pleistocene Environments in the Northwestern Altai 60

Volkov P.V., Mitko O.A. Results of Traceological Analysis of the Stone Drilling Devices for a Fire Extraction 65

Girchenko E.A. Ancient Hydrography of the Middle Yangtze River and Its Influence on the Neolithic Cultures of the Region 68

Gladyshev S.A. Evidence of Micropercussion Technique in the Complexes of the Early Upper Paleolithic at the Multilayered Stratified Sites in the Gobi Altai 72

Goriunova O.I., Novikov A.G. Radiocarbon Dates of the Early Holocene Complexes in the Olkhon Region (Lake Baikal) 75

Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Nguyen Ziang Hai, Nguyen Gia Doi, Nguyen Khak Su, Kandyba A.V., Chekha A.M., Tsybankov A.A., Nguyen Anh Tuan, Phang Thanh Toan. New Data on the Investigations of the Early Paleolithic of Vietnam. Excavations of Rock Tung-7 Site in 2017 79

Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Nguyen Ziang Hai, Nguyen Gia Doi, Nguyen Khak Su, Kandyba A.V., Chekha A.M., Tsybankov A.A., Nguyen Anh Tuan, Phang Thanh Toan. Excavations of the Early Paleolithic Site Rock Tung-4, Vietnam, in 2017 84

Derevianko A.P., Rybalko A.G., Kandyba A.V. Research of the Early Paleolithic Complexes on the Territory of Dagestan in 2017 89

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Ulianov V.A., Kharevich V.M., Kozlikin M.B., Markovskii G.I., Shalagina A.V., Pavlenok G.D. , Gladyshev S.A., Chekha A.M., Iskakov G.T. The 2017 Archaeological Study in the Shilikty Valley in the East Kazakhstan Region 93

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bulatovich L., Anoikin A.A., Pavlenok K.K., Kozlikin M.B., Ulianov V.A., Medenica I. Recent Data on the Lithic Industry from the Rock Shelter of Mališina Stijena in Montenegro (Based on the Results from the 2017 Study) 98

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Shalagina A.V. New Research Findings of the Upper Paleolithic Assemblage from the South Chamber of Denisova Cave 103

Drozdov D.N., Drozdov N.I., Makulov V.I., Wang Wei, Gao Lei, Quan Qiankun. Research in the Kurtak Geo-Archaeological District in 2017. Kamenny Log Locality 108

Drozdov N.I., Makulov V.I., Drozdov D.N., Xu Jin, Quan Qiankun. Archaeological Research in the South of Khakassia 111

Drozdov N.I., Makulov V.I., Leontiew V.P., Drozdov D.N., Quan Qiankun, Zou Houxi, Wang Wei, Dai Yubiao, Gao Lei, Xu Jin, Zhang Zhenshan. Research at the Matkechik Paleolithic Site in the South of Khakassia 114

Zolnikov I.D., Postnov A.V., Rybalko A.G. Paleolithic Investigation of the Lower Ob River 117

Zotkina L.V., Blagun Y.Y., Amosova M.V. The Results of Field Works on Rock Art Sites in the South of Krasnoyarsk region in 2017 120

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Middle Paleolithic Stone Industry from the Darvagchai-Zaliv-4 Site (South Eastern Dagestan): the New Data 125

Kiryushin Yu.F., Kiryushin K.Yu. The Boinikha Type of Pottery: Problems of Chronology and Periodization 128

Kolobova K.A., Slusarenko I.Yu., Krajcarz M.T., Egorov D., Markin S.V., Shnaider S.V., Seletskii M.V. Discovery of the First Neanderthals' Fireplace in Chagyrskaya Cave in the Altai Mountains 132

Kolobova K.A., Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Baumann M., Markin S.V., Alisher-kyzy S., Seletskiy M.V., Zavgorodnyaya D.A., Aladjem E., Fedorchenko A.Yu. Research of the Middle Paleolithic Complexes from Chagyrskaya Cave in 2017 136

Krivoshapkin A.I., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M., Kolobova K.A., Shnaider S.V. Research of Paleolithic Complexes in Sel-Ungur Cave in 2017 141

Kulik N.A., Lbova L.V., Barkov A.V. Raw Material Strategies of the Upper Paleolithic Population from Malya Syya 146

Lbova L.V., Volkov P.V., Kovalev V.S., Barkov A.V., Croidieu E. Technological Features of Processing Stone Raw Materials for the Production of Artifacts of Personal Adornment at the Malaya Syya Site 150

Markovsky G.I., Belousova N.E., Krivoshapkin A.I., Serdyuk N.V., Vasilyev S.K., Kulik N.A. Results of Research of the Middle Paleolithic Deposits in the Strashnaya Cave in 2017 154

Martynovich N.V., Vasiliev S.K. Pleistocene Birds from the East Gallery of Denisova Cave (Northwestern Altai) 159

Medvedev V.E., Filatova I.V. The Results of X-Ray Phase Analysis of Clay and Loam Samples from the Archaeological Sites of the Southwest of the Lower Amur Region 163

Medvedev V.E., Tsetlin Yu.B. Origins of Pottery Production and Ethno-Cultural Processes in the Neolithic of the Amur Region 167

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Mylnikova L.N. Ust-Tartas-1 Early Neolithic Site and Its Cultural and Chronological Interpretation 172

Novikov A.G., Goryunova O.I. Preliminary Excavation Results at the Multilayered Settlement of Shrakshura III on the Western Coast of Lake Baikal 178

Pavlenok G.D., Anoykin A.A., Taimagambetov Zh.K., Ulianov V.A., Shalagina A.V., Kharevich V.M., Markovsky G.I., Gladyshev S.A., Chekha A.M., Iskakov G.T., Vasiliev S.K. The 2017 Study of the Pleistocene–Holocene Transitional Stone Tool Industries from the Ushbulak-1 Site 182

Pavlenok K.K., Kot M., Pavlenok G.D., Shnaider S.V., Szymczak K., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Lazarev S.Yu., Kogai S.A., Khuzhinazarov M., Smirnov B.M. First Research Results at the Paleolithic Site of Kattasay-2 in the Western Tian Shan 186

Rybalko A.G., Yanina T.A. Age of the Early Paleolithic Site of Darvagchay-Zaliv-4 (Southeastern Dagestan) 190

Rybin E.P., Meshcherin M.N. Chronology and Periodization of the Paleolithic in the Northern Angara Region (Based on Materials from the Sites of Kolpakov Ruchei and Ust-Kova) 194

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Zwyns N., Gunchinsuren B., Paine C., Bolorbat Ts., Odsuren D., Galfi J., Anoikin A.A., Margad-Erdene G., Marchenko D.V., Angaragdulguun G., Shelepaev R.A., Popov A.Yu. New Research Data from the Tolbor-21 Site (Northern Mongolia) 198

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Paine C., Bolorbat Ts., Odsuren D., Zwyns N., Lkhundev G., Margad-Erdene G. Chronostratigraphic Research at the Tolbor-4 Site (Northern Mongolia) 202

Serdyuk N.V., Zazhigin V.S., Kolobova K.A., Markin S.V. Results of the Study of Small Mammals Fauna from Chagyrskaya Cave (Northwestern Altai) in 2016 206

Serdyuk N.V., Markovsky G.I., Belousova N.E., Krivoshapkin A.I. New Data on the Pleistocene Fauna of Small Mammals from the Strashnaya Cave (Northwestern Altai) 210

Fedorchenko A.Yu., Seletskiy M.V., Baumann M., Kolobova K.A. Experimental Study of the Middle Paleolithic Technique from the Chagyrskaya Cave Assemblages in 2017 214

Filatova I.V. Towards the Problem of the Final Stage of the Neolithic in the Lower Amur Region (Based on the Pottery Complexes) 218

Khatsenovich A.M., Volvakh A.O., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Shelepaev R.A., Popov A.Yu., Bolorbat Ts., Odsuren D., Volvakh N.E., Marchenko D.V. Chronostratigraphy of the Kharganyn Gol 5 Site (Northern Mongolia) 222

Tsetlin Yu.B., Medvedev V.E. New Research Results of Pottery from the Kazakevichevo and Suchu Settlements of the Initial and Early Neolithic in Priamurie 226

Tsehvehehndorzh D., Molodin V.I., Cheremisin D.V., Cretin C., Zotkina L.V., Natsag B., Nesterkina A.L. Study of the Oldest Layer of Rock Paintings of Mongolia in 2017: Locations Tsagaan-Salaa and Baga-Oigur 231

Chekha A.N., Kishkurno M.S., Batanina O.V. Archaeological and Anthropological Features of Layer 3 at the Site of Ustie Reki Kutarey (Northern Angara Region) 235

Shnaider S.V., Abdykanova A., Krajcarz M., Alisher-kyzy S., Nikulina E.D., Taylor W., Krivoshapkin A.I. Results of Archaeological Excavation at Obishir-1 in 2017 240

Shnaider S.V., Abdykanova A., Taylor W., Kolobova K.A., Alisher-kyzy S., Krivoshapkin A.I. The Alay Site (Kyrgyzstan) as the Evidence of the Earliest Human Presence in the Highlands of Western Central Asia 245

Shnaider S.V., Abdykanova A., Taylor W., Krivoshapkin A.I. Results of Archaeological Survey in the Alay Valley (Kyrgyzstan), 2017 250

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Early Upper Paleolithic Ivory Bracelet from Denisova Cave 255

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Early Upper Paleolithic Objects of Bone from the South Chamber of Denisova Cave (Collection of 2017) 259

ARCHAEOLOGY OF THE PALEOMETAL AND MIDDLE AGES

Batanina O.V., Zubova A.V., Kishkurno M.S., Pozdnyakov D.V., Chikisheva T.A. Anthropological Materials of the Bronze Age from the Rublyovo VIII Burial Ground 265

Bogdanov E.S., Novikova O.I. Research Works at the Kuraika Burial Ground (Altai Mountains) in 2017 275

Borodovsky A.P. Bone Mouth Harps and Their Blanks of the Hunno-Sarmatian Period from Northern Altai 279

Varenov A.V., Girchenko E.A. Bronze Snakes and Dragons from the Second Sacrificial Pit of Sanxingdui 284

Volkov D.P., Alkin S.V., Nesterov S.P., Kovalenko S.V., Duan Guangda, Van Leven, Bao Shuguang, Ge Liping. Monitoring of Archaeological Sites on the Banks of the Amur River 289

Garkusha Yu.N., Novikov A.V. Hearth Structures in the Dwellings of the Ust-Voikarskoe Fortified Settlement (Based on Archeological Research in 2012–2016) 294

Gnezdilova I.S. Magatama in the Kofun Tombs of the Ancient Province of Yamato (3rd–7th Centuries) 299

Gorokhov S.V. Traveling Diary of S.L. Vladislavich-Raguzinsky as a Source for Identifying the Location of the Ust-Tartas Outpost 303

Dyadkov P.G., Molodin V.I., Sumin V.A., Pozdnyakova O.A., Evmenov N.D., Tsibizov L.V. Results of Geophysical and Geodesic Works at the Site of Ust-Tartasskie Kurgany 307

Efremova N.S. Cultic Objects of Northern Asia: Towards the Problem of Definitions 311

Efremova N.S., Mylnikova L.N., Molodin V.I., Vasiljev S.K., Durakov I.A., Selin D.V. Ritual Complexes of the Eastern Variant of the Pakhomovo Culture: New Concepts of Interpretation 314

Efremova N.S., Selin D.V., Molodin V.I., Mylnikova L.N. Ceramics from the Ritual Complex of the Eastern Variant of the Pakhomovo Culture: Results of Research in 2017 318

Zaitsev N.N. The Grodekovo Fortified Settlement in the Amur Region 322

Zubova A.V., Kishkurno M.S., Pozdnyakov D.V. Odontological Characteristics of the Forest-Steppe Altai Andronovo Population based on the Materials from the Rublyovo VIII Burial Ground 326

Kardash O.V., Gaidakova Z.G. The Bukhta Nakhodka-2 Site: First Results of Archaeological Research at the Ground Burial Site of the 6th–13th Centuries on the Yamal Peninsula 331

Komissarov S.A., Shulga D.P., Sutiagina N.A. Shajing Culture (Gansu, China): Main Sites and Problems of Chronology 336

Kubarev G.V. *"*Deer Stone*"* from the Valley of the Taldura (Southeastern Altai) 341

Markovsky G.I., Belousova N.E., Serdyuk N.V., Vasilyev S.K., Krivoshapkin A.I. Research of the Holocene Deposits in Strashnaya Cave in 2017 345

Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Ponedelchenko L.O. Burial Complexes of the Mongolian Period at the Krokhalevka-5 Site (Research of 2014–2017 in the Novosibirsk Ob River Basin) 349

Mitko O.A., Khudyakov Yu.S., Skobelev S.G., Poselyanin A.I., Polovnikov I.S. Beginning of Research at the Tashtyk Earthen Burial Ground of Tesinsky Zaliv-3 (Bogradsky District, Republic of Khakassia) 354

Molodin V.I., Durakov I.A., Nenakhov D.A., Reinhold S., Efremova N.S., Selin D.V., Nesterova M.S., Nenakhova Yu.N., Hansen S., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S. System of Organizing the Sacred Space in the Burial Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Population in the Baraba Forest-Steppe Region. The Site of Tartas-1 358

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Borzykh K.A., Shvetsova E.S. Ust-Tartas-2 Burial Ground – New Neolithic, Early and Middle Bronze Age Burial Complex in the Baraba Forest-Steppe Region 363

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Borzykh K.A., Borilo B.S. Vengerovo-2: New Data on the Krotovo Culture 368

Mylnikov V.P. Decorative Carving on Carbonized Wooden Objects from the Early Iron Age Sites 373

Nenakhova Yu.N. Definition of "Provinces" of Rock Art in the Works of Academician A.P. Okladnikov (Towards the Problem Setting) 378

Plotnikov Y.A., Volkov P.V. Flattened Pebble with Anthropomorphic Facial Image from the Lower Amur 382

Skobelev S.G., Mitko O.A., Tarasov A.Yu., Poselyanin A.I., Polovnikov I.S. Kyrgyzian Cemetery of Bolshoi Telek in Idrinsky District of the Krasnoyarsk Krai 386

Slyusarenko I.Y., Safonova M.A., Skobelev S.G., Mit'ko O.A. Dating of Archaeological Wood from the Tashtyk Tombs at Markelov Mys II and Chegerak Cemeteries 390

Solovyev A.I., Solovyeva E.A. Asymmetric Axes: Aspects of Use 395

Stasyuk I.V., Konokhov V.A., Kharevich V.M., Akimova E.V., Gorelchenkova O.A., Kuksa E.N. Archaeological Studies at the Southern Part of Krasnoyarsk Krai 398

Stepanova N.F. Pottery Raw Materials from the Mountainous and Forest-Steppe Altai and the Adjacent Territories (Based on Pottery Assemblages of the Neolithic–Early Iron Age) 401

Stepanova N.F., Polyakov A.V. The Afanasievo and Okunevo Ceramic Complexes from the sites at Lake Itkol (Republic of Khakassia) 405

Tabarev A.V. Jar-burial Tradition in the Maritime Southeast Asia: Origin and Areal Subdivision 409

Tabarev A.V., Ivanova D.A. The Realities of the "Ring of Fire": Seismic Background of Cultural Dynamics on the Islands of the Japanese Archipelago 413

Tataurov S.F., Chernaya M.P., Tikhonov S.S. Tentative Results of Exploration of the Tara Fortress (based on materials from 2007–2017) 417

Tataurova L.V. New Materials for Reconstructions of the Life Support System of the Russian Rural Population in the 17th – 18th centuries 421

Tikhomirov K.N. New Data on the Life Support of the Population of the South Taiga Zone in the Middle Irtysh Basin in the 17th – 18th Centuries 425

Tikhonov S.S. Natural Obstacles in the Defensive System of the Tara Fortress (Preliminary Research Results of 2013–2017) 428

Hudiakov Yu.S. Collection of Iron Arrowheads from the Vicinity of the Village of Novaya Syda in Krasnoyarsk Krai 432

Hudiakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Tabaldiev K.Sh., Soltobaev O.A. Representation of Weaponry at the Petroglyphic Site of Aigyr-Jal in the Central Tian Shan 436

Hudiakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh., Borisenko A.Yu., Soltobaev O.A., Orozbekova J. Decorated Saddle Plates from the Site of Ak-Kyya in Kyrgyzstan 440

Cheremisin D.V., Kazakov V.V., Zhumadilov K.B., Kovalev V.S. Application of Modern Information Technologies for Documenting the Altai Rock Art 444

Cheremisin D.V., Kazakov V.V., Kovalev V.S., Zhumadilov K.B. 3-Dimensional Scanning of Engraved Rock Representations in the Altai 449

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Ulianov V.A., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.N., Bocharova E.N. New research results on the holocene sediments from the south chamber of Denisova cave 454

ETHNOGRAPHY

Badmaev A.A. The Water World in the Beliefs and Rituals of the Kabansk Buryats 461

Berezikov N.A. Ethnic and Symbolic Legalization of the Evenk People in Russia in the 18th Century 464

Bolonev F.F. Flax and Hemp in the Economy of the Russian Peasants of Siberia in the 17th–Early 20th Century 467

Burnakov V.A. Image of the Duck in the Traditional Worldview of the Khakases 471

Golubkova O.V. Cult of Saint Nicholas in the Popular Beliefs of the Izhma Komi: Actualization and Strategies for Image Preservation 474

Zhigunova M.A., Krapchunov D.E. Wedding of the Russian Old Dwellers in Siberia: Modern Reconstruction 477

Komissarov S.A., Frolova A.A. The Dongan people: An Ethnos Inside the Ethnos 481

Lygdenova V.V., Dashinamzhilov O.B. Life Expectancy and Causes of Death among the Urban Population of Western Siberia in the 1960s 485

Lutsidarskaya A.A. Symbols and Marks Reflecting the Life of the Service Men in Siberia in the 17th–Early 18th Century 489

Mainicheva A.Y. Prospects of Using Information Technologies in Historical Ethnography: Case Study of Russians of the 17th–18th Centuries in Siberia 492

Moskvina M.V. Ornamental Decoration in Female Ethnic Clothing of the Altaians and Khakasses: Development of Tradition in Modern Times 495

Salnikova I.V. Figure of a Mansi Family Guardian Spirit with the Bronze Frog 499

Fursova E.F. Semantic and Symbolic Functions of Russian Traditional Clothing in the Research of the Cultural Studies Scholars, Art Historians, Psychologists, and Ethnographers 503

RESCUE ARCHAEOLOGY

Basova N.V., Postnov A.V., Nesterkina A.L., Akhmetov V.V., Morozov A.A. Results of Conservation and Rescue Archaeological Excavations at the Site of Turist-2 in Novosibirsk City in 2017 509

Kenig A.V., Zaitseva E.A., Kostomarov V.M. Preliminary Results of the 2017 Geophysical Survey at the Gornopravdinsky Burial Ground 513

Kubarev G.V., Rukavishnikova I.V. Exploration of the Uzlovoe Severnoe Burial Mound (Republic of Crimea) 516

Molodin V.I., Nenakhov D.A., Nenakhova Yu.N., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S. Rescue Archaeological Excavation of a Solitary Elite Burial Mound of the Sargat Culture at the Site of Gosudarevo Ozero-1 (The Baraba Forest-Steppe) 521

Shulga P.I., Rukavishnikova I.V., Prisekailo A.A., Chertykov V.A., Orozbekova Zh., Vybornov A.V. Archaeological Excavations in the Foothills of Crimea (Preliminary Note) 526

ETHNOGRAPHY (SUPPLEMENT)

Maltseva O.V. Practice of Land Allocation as a Part of the Regional Agrarian Colonization in the Second Half of the 19th – Early 20th Century in the Amur Region 532

Nikolaev V.V. Self-Preserving Behavior of the Indigenous Population from the Foothills of the Northern Altai (19th–20th Century)..... 536

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Том XXIII
(2017)

Корректоры *Е.В. Кузьминых, Д.В. Снытникова, А.В. Коненко, О.А. Зикирина*
Технический редактор *И.П. Гемуева*
Дизайнер *А.А. Фурсенко*

Подписано в печать 22.12.2017 г. Формат 60×84/8.
Усл.-печ. л. 64,6. Уч.-изд. л. 55,5. Тираж 300 экз. Заказ № 430.

Издательство ИАЭТ СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090, Новосибирск
http://www.archaeology.nsc.ru